

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТ

Андрэ
НОРТОН,

Мэрион Зиммер Брэдли, Джулиан Мэй

Черный Кровавый
ТРИЛЛИУМ

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТ

Андрэ
НОРТОН
Маршон Зиммер
БРЭДЛИ
Джулиан
МЭЙ

Чорны Кровяны
ТРИЛЛИУМ

*Андрэ Нортон
Мэрион Зиммер Брэдли
Джулиан Мэй*

ЧЕРНЫЙ ТРИЛЛИУМ

Джулиан Мэй

КРОВАВЫЙ ТРИЛЛИУМ

*Андрэ Нортон
ЗОЛОТОЙ ТРИЛЛИУМ
Мэрион Зиммер Брэдли
ЛЕДИ ТРИЛЛИУМА
Джулиан Мэй
НЕБЕСНЫЙ ТРИЛЛИУМ*

Андрэ
НОРТОН

Мэрион Зиммер

БРЭДЛИ

Джулиан

МЭЙ

Черный Кровавый
ТРИЛЛИУМ

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ВАЛЕРИ СГД»
2002

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)
Н 82

Andre NORTON, Marion BRADLEY, Julian MAY
BLACK TRILLIUM

Copyright © 1990 by Andre Norton,
Marion Bradley, Julian May

Julian MAY
BLOOD TRILLIUM

Copyright © 1992 by Starikon Productions, Inc.

Серийное оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Н 82 **Нортон А., Брэдли М. З., Мэй Дж.**
Черный Триллиум. Кровавый Триллиум: Фантастические романы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, СПб.: Валери СПД, 2002. — 1056 с. (Серия «Шедевры фантастики»).

ISBN 5-699-01081-5

Страшное злодеяние совершено в Мире Трех Лун. Подстрекаемый злым магом Орогастусом, король Лаборнока Волтрик нападает на соседнее государство Рувенду и убивает его короля и королеву. Три волшебных талисмана — единственное, что может помочь трем оставшимся сиротам — сестрам-принцессам в борьбе с кознями сил Тьмы.

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)

ISBN 5-699-01081-5

© М. Ишков, Е. Чупрова. Перевод. 2002
© ООО «Издательство «Эксмо». Издание на русском языке. Оформление. 2002

Священный Черный Триллиум — тонкий стебелек, корешок, нежные листья и над ними — раскрывшийся бутон. Расправленные, словно пальмовые ветви, три махровых, угольно-черных лепестка...

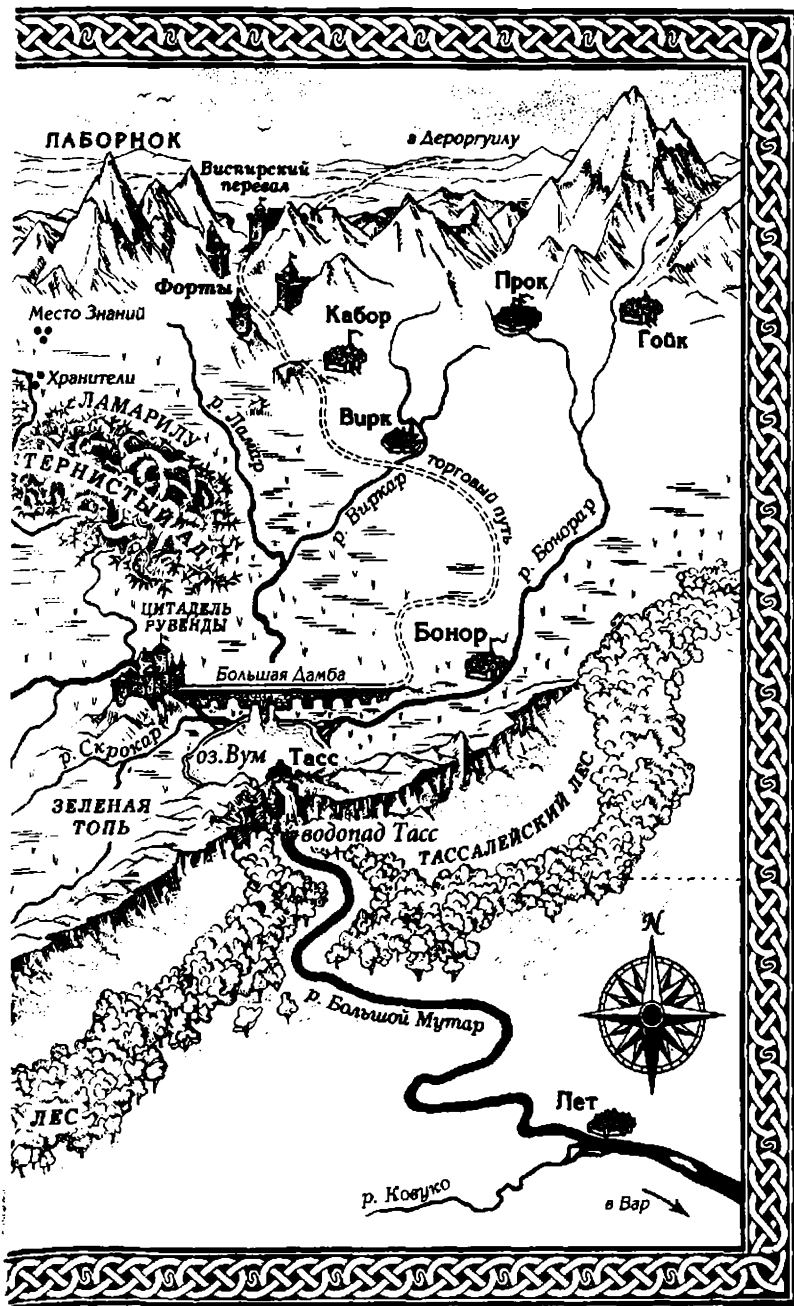
Волшебница осторожно отделила бутон, бросила его в отвар из трав, а стебель спрятала в складках платья. Король по знаку волшебницы подошел к жене, приподнял ее и поддерживал, пока она не выпила содержимое кубка. После этого королева пронзительно вскрикнула. В этом крике не было боли, только удивление и радость.

— Началось! — едва слышно вымолвила она.

... Через несколько минут одна за другой на свет появились три девочки.

Первую назвали Харамис — в этом имени как бы прозвучало приветствие входящему в мир новому человеку; вторая принцесса была названа Кадией; последняя — Анигелью.

Предисловие

Этот роман был задуман и создан при очень необычных обстоятельствах. В 1989 году немецкому литературному агенту и преподавателю Уве Люзерке пришла в голову отличная мысль: что, если трем ведущим писательницам в жанре фэнтези объединиться и написать роман? Это была бы история трех принцесс, лишенных своих королевств и вынужденных предпринимать героические усилия и прибегать к магическим силам, чтобы преодолеть удары судьбы. Каждая из трех писательниц должна была написать историю своей принцессы, но все три книги должны составлять единую эпопею.

По различным причинам идея Люзерке так и не воплотилась в жизнь. Профессиональные писатели обычно не любят прислушиваться к идеям посторонних. Писатели ощущают настолько глубокую связь с собственными созданиями, что очень неохотно прислушиваются к любителям, которые могут не понимать всей тяжести труда по созданию романа, пользующегося спросом на рынке. Однако у Люзерке было одно ценное преимущество: он давно дружил с американской писательницей Андре Нортона, живущей во Флориде и широко известной своими научно-фантастическими романами и произведениями в жанре фэнтези, в основном написанными для юных читателей.

Он предложил Нортон идею о трех принцессах, и той подобный замысел показался достойным внимания. Тог-

да она связалась со своей подругой, известной писательницей Мэрион Зиммер Брэдли, книга которой «Туманы Авалона» стала мировым бестселлером. Брэдли идея понравилась, и она согласилась принять в ней участие. В поисках третьего, и последнего, участника Люзерке написал Энн Маккэффри, ирландской писательнице, работающей в жанре фэнтези, но она отклонила его предложение. Не потеряв присутствия духа, Люзерке написал Джулиан Мэй, писательнице с мировым именем, живущей в штате Вашингтон на Тихоокеанском побережье Соединенных Штатов.

Она приняла это письмо за розыгрыш!

Письмо пролежало на столе Мэй без ответа несколько недель, до тех пор, пока однажды поздно ночью ей не позвонили из Германии. Уве Люзерке сообщил, что предложение вполне серьезно и что Нортон и Брэдли действительно согласились принять участие в таком проекте. Он снова предложил ей стать третьим участником эпопеи.

Все еще сомневаясь, Мэй запросила подтверждение от Рассела Галена, нью-йоркского агента Брэдли. И когда он сообщил ей, что американские издатели были бы очень заинтересованы в истории трех принцесс, Мэй, которая к тому же много лет работала профессиональным редактором, серьезно задумалась над этой идеей. Сюжет романа в письме Люзерке был изложен недостаточно ясно, хотя замысел, несомненно, заслуживал внимания. Агент предложил Мэй придумать собственный сюжет и послать его Нортон и Брэдли, чтобы они дали замечания и выставили необходимые требования. Она так и поступила, послав копию и агенту Расселу Галену.

Галену понравился новый сюжет, который Мэй назвала «Черный Триллиум». Привлек он и крупное нью-йоркское издательство «Бэнтам Букс», которое через два дня решило купить права на роман, предложив значительный аванс.

Джулиан Мэй была растеряна и удивлена столь стремительным развитием событий — ведь две другие писательницы еще не успели ознакомиться с ее сюжетом. Но

Мэрион Зиммер Брэдли и Андрэ Нортон на удивление спокойно отнеслись к идее нового «Черного Триллиума». Они согласились с новым сюжетом, уже одобренным издателями, так же, впрочем, как и Уве Люзерке, который был настолько счастлив потенциальной реализацией его идеи, что уже не задумывался, будет ли использован его собственный сюжет.

Три писательницы решили собраться в доме Андрэ Нортон возле города Орландо, штат Флорида, чтобы обдумать будущую книгу и, что самое важное, решить, кому о какой принцессе писать.

В новом сюжете Мэй каждая из трех еще не имеющих имен принцесс представляла собой ясно выраженный оригинальный характер. Первая была интеллектуалкой, мистиком, полным сомнений. Вторая — женщиной действия, отважной, но с очень вспыльчивым характером. А третья принцесса оказалась мягкосердечной, умной, хранительницей домашнего очага и очень застенчивой, привыкшей зависеть от решений своих сестер.

Во Флориде Нортон, Брэдли и Мэй встретились впервые. Все трое — очень сильные личности, не увлекающиеся произведениями друг друга, но готовые объединиться ради многообещающего проекта. По настоянию Мэй каждая из них выбрала себе персонаж, который ее больше всего привлекал. Брэдли предпочла принцессу-интеллектуалку и назвала ее Харамис; Нортон выбрала принцессу-амазонку, назвав ее Кадия; Мэй же досталась Анигель, принцесса, которая попадает в своих магических поисках в самые крупные неприятности.

Прежде чем приступать к книге, нужно было создать особый мир. И вот, собравшись за круглым столом в солнечной комнате Андрэ Нортон, три писательницы создали карту фантастической страны, составили список персонажей (волшебник Орогастус был придуман Люзерке, хотя его характер претерпел существенные изменения в новом сюжете), а также план, включающий животных, растения, блюда, костюмы, социальные и политические проблемы и еще тысячу разных деталей, необходимых читателю, чтобы ясно представить себе воображаемый мир.

Была разработана детальная конструкция книги, глава за главой. При этом каждая писательница работала только над главами, описывающими приключения именно ее персонажа. Джулиан Мэй согласилась написать главы-«мостики», посвященные другим персонажам, и именно ей пришлось сглаживать различия в стилях так, чтобы законченный роман имел собственный неповторимый голос.

«Черный Триллиум» рождался в муках. Мэрион Зиммер Брэдли плохо себя чувствовала. У Джулиан Мэй накопилось много другой работы. А Андрэ Нортон в 76 лет пришлось изучать компьютер после целой библиотеки романов, написанных на машинке. (Ведь для писателей, живущих в разных уголках Америки, единственным средством для совместной работы является компьютер.) Разумеется; были разногласия, обиды по поводу отклоненных гениальных идей и даже ссоры. Одно время даже казалось, что роман вообще никогда не будет написан, — но агент Рассел Гален и героический редактор «Бэнтам Букс» Бетси Митчелл в конце концов сумели разрешить все проблемы. Роман был закончен, опубликован, имел шумный успех, и Американская ассоциация библиотек (American Library Association) даже включила его в список 200 «выдающихся» книг года.

Сотрудничество оказалось настолько болезненным, что вопрос о дальнейшей совместной работе отпал сам собой. Но писательницы согласились работать над романами о трех принцессах самостоятельно, и каждая из них выполнила обещание — Мэй написала две собственные книги, а Брэдли и Нортон по одной.

Некоторые критики заметили, что каждая из трех авторов «Черного Триллиума» выбрала принцессу, которая ближе всего подходит ей по характеру. Мэй считает, что подобное замечание поверхностно и в большой степени ошибочно. По ее мнению, писательницы выбрали те персонажи, писать о которых доставило им наибольшее удовольствие. Ее собственные романы, написанные в продолжение «Черного Триллиума» — «Кровавый Триллиум» и «Небесный Триллиум», — рассказывают о приключени-

ях всех трех принцесс, каждая из которых сохраняет те черты характера, которыми она обладала в «Черном Триллиуме». Ни одна из трех не является собственно «ее». Читатели могут составить свое мнение об этой дискуссии, сравнив общую книгу и продолжения, написанные Мэй, с продолжениями Нортон («Золотой Триллиум») и Брэдли («Леди Триллиума»).

Подобные споры имеют чисто академический интерес. Что является действительно важным — способна ли эта книга захватить читателя, увлечь его в фантастический мир, в котором три молодые женщины вынуждены противостоять смертельным опасностям и ежеминутно преодолевать собственные слабости и предубеждения.

•

*Андрэ Нортон
Мэрион Зиммер Брэдли
Джулиан Мэй*

ЧЕРНЫЙ ТРИЛИУМ

•

*Уве Люзерке — человеку,
заронившему идею этой книги*

Пролог

Из летописи Ламтиара, последнего великого историка Полуострова

Спустя семь столетий после того, как народ рувендиан переселился в Гиблые Топи — на огромную болотистую низину, расположенную на южной оконечности Полуострова, — наступили гиблые времена. Легенда и исторические хроники слились воедино в описании великого перелома, изменившего лицо нашего мира.

Сначала культурные народы — особенно мы, лаборнокцы, — смотрели на утопающее в грязи королевство Рувенда как на досадную, пусть и безвредную помеху. Что-то вроде медвежьего угла в краю энергичных, достигших высокого уровня развития людей. Сказать по правде, Рувенду и королевством никто не считал — за столько лет ее правители так и не смогли железной рукой усмирить племена аборигенов, населявших пограничные районы. Более того, короли Рувенды проявляли непонятную покладистость и позволяли диким племенам так называемых оддлингов упорствовать в буйстве и отрицании государственной власти. Те преспокойно творили разбой и беспорядки в областях, принадлежавших короне, нарушая естественные права королевского дома.

Даже самые мирные из оддлингов — низкорослые ниссомы — были отъявленными негодяями. Что уж говорить об их ближайших родственниках — надменных уйзгу! Это

были даже не люди, а полуобезьяны, самой судьбой предназначенные служить высшей расе, давать клятву верности сюзерену — королю Рувенды... Каким же образом они строили свои отношения с короной и купцами-рувендианами? На равных! Более того, некоторые роды ниссо-мов даже имели доступ в Цитадель, столицу Рувенды, а кое-кто из этих неуклюжих созданий был допущен до высших административных и придворных должностей.

Два других племени оддлингов — горцы виспи и обитающие на юге, во влажных джунглях, полувивилизованные вайвило — тоже не очень-то любезно относились к людям, однако от торговли с рувендианами не отказывались. Кроме того, эту обширную низину за Охоганскими горами населяли глismaки, чьи первобытные логовища соседствовали с селениями вайвило. Люди с ними встречались редко. И слава небесам! Это были злобные, жестокие дикари, время от времени устраивавшие набеги на своих соседей и родственников — оддлингов. Подобные кровопускания ввергали их в безумную радость... Последними в списке самых известных племен, живших в тех краях, можно упомянуть отвратительных скритеков. Их еще называли «топителями». Вот уж были чудовища — двуногие водяные ящеры! Жили они повсюду, однако наиболее плотно заселяли северную часть равнины, если считать от Цитадели — столицы рувендиан. Эта область называлась Тернистый Ад.

Все это дьявольское отродье, хоронящееся в Глухих Топях, устраивало засады на торговые караваны. Дикари совершали набеги на поместья и усадьбы переселенцев и либо сразу топили свои жертвы, либо сначала подвергали несчастных зверским пыткам, а потом уже швыряли в трясину. Конец у тех, кто попал в лапы аборигенов, был один — смерть. Менялись государи в Глухих Топях, однако ни один из них даже не пытался освободить землю от этой нечисти.

Много разговоров ходило о причинах подобной терпимости, но большинство сходилось в том, что за семь веков зловонные испарения, гниль, промозглая сырость вконец обессилили тела и души рувендиан. Короли их,

по общему мнению, отличавшиеся редкостной бесхарактерностью и преступной беззаботностью, понятия не имели, что такое крепкая дисциплина, верность долгу и умение властвовать. Особенно терпимым к своеволию местных племен был образованный, но до крайности упрямый и надменный Крейн III. Его близорукая политика в отношении подвластных ему туземцев неизбежно ускорила ход событий и привела всех здравомыслящих людей к единственно возможному выводу: так дальше продолжаться не может. Пришло время перейти к более прогрессивным и цивилизованным методам государственного управления. Иначе неизбежны хаос и многие беды — от них в былую пору изнемогал и наш великий королевский дом лаборнокцев.

К сожалению, вскрыть созревший нарыв оказалось не так-то просто. Слишком важна была для Лаборнока торговля с беспомощными, не приспособленными к жизни рувендианами. Когда-то покрытые зарослями и обильные дичью, наши просторы теперь заметно обезлесели. Куда ни бросишь взгляд, всюду фермы, поля, луговины, а без хорошей строевой древесины как поддерживать в приличном состоянии флот? А без него ни о какой заморской торговле и речи быть не может! Этой торговлей кормились многие жители нашей страны, ею богатело государство... Кроме того, лес требовался для постройки домов, изготовления мебели, ценными породами украшали здания в Дероргуиле, нашей столице.

Или вот еще причуда природы. Обращенные в нашу сторону склоны Охоганских гор, к несчастью, очень бедны полезными ископаемыми, в то время как противоположные, обрывающиеся в сторону болотистой низины, исключительно богаты золотом и платиной, а особенно россыпями драгоценных камней. Проливные дожди, стремительные горные реки вымывали ценные минералы и сносили их к подножию гор. Оддлинти-виспи собирали разноцветные камни, намывали на мелководье драгоценные металлы и использовали их в меновой торговле с уйзгу; те, в свою очередь, продавали их ниссомам, а уж потом они попадали в руки рувендиан. Кроме того, або-

ригены снабжали общий рынок ценнейшими лекарственными травами и специями — мечтой всех кулинаров. Далее, здесь били зверя и выделывали замечательные меха и шкуры... И вот еще одна важная статья — редчайшие древние вещицы, которые находили в руинах городов исчезнувшего народа, или Исчезнувших. Эти таинственные развалины были упрятаны в самых гибельных местах зловонной низины.

Даже в лучшие времена торговля между Лаборноком и Рувендой была делом рискованным, иной раз смертельно опасным. У скольких наших королей при виде дерзкого высокомерия соседей от ярости начинали подрагивать кончики усов! Сколько раз наши августейшие повелители требовали от своих полководцев представить продуманные планы сокрушения королевства рувендиан. К сожалению, долгие годы задача казалась невыполнимой... Как можно захватить страну, в которую ведет только один путь — труднейшая и узкая дорога через Виспирский перевал, к тому же охраняемая удачно размещенными рувендийскими крепостями. Из тех же блаженной памяти монархов Лаборнока, кто отважился совершить военную вылазку в Глухие Топи, ни один не вернулся живым.

Воины, которым повезло добраться до родной земли, выпучив глаза, рассказывали байки о дьявольских, леденящих кровь болотах, о могучих ураганах, из которых, казалось, какие-то чудовища вглядывались в чужаков, о внезапно налетавших снежных бурях в горах, о безостановочных ливнях на болотах, о стремительных обвалах, молниеносно распространяющихся болезнях, косивших всех подряд. Рассказывали и о других бедствиях, которые наперебой сыпались на перепутанных солдат, так что казалось, сама природа всеми силами противится захватчикам. Если передовые форты, охранявшие перевал, могли быть взяты штурмом, то впереди армию ждали куда более опасные испытания.

Байки байками, но каждый торговец, отважившийся отправиться в страну болот, знал, что многое из поведенного — правда.

Знал и помалкивал... Все они, смелые и посвященные в тайну люди, добровольно объединились в могущественную гильдию купцов — владельцев караванов, в которой по наследству передавалось и право на личную неприкосновенность в стране рувендиан, и полноправное участие в выборах главы сообщества. Только этим гражданам нашего королевства был ведом путь к сердцу Рувенды, и данное обстоятельство на протяжении веков особенно бесило наших храбрых генералов — ведь у них самих не было не только хорошей и точной карты, но и мало-мальски сносного словесного описания дороги, ведущей к Цитадели. И ничто не могло изменить положение! Даже караванщики, не входившие в гильдию, на допросах молчали, словно воды в рот набрали, — колдовская сила напрочь запечатывала им уста.

Гильдия, получив монопольные права на торговлю с Рувендой, богатели год от года, ее политическая мощь неимоверно возрастала, однако пришел день, когда великий маг, которого звали Орогастус (настоящего его имени никто не знал), прибегнув к волшебной силе, выведal сокровенную тайну Рувенды.

Торговый караван, обычно возглавляемый четырьмя купцами, как правило, был невелик и состоял из двух десятков вместительных повозок и пятидесяти человек. Добравшись до подножия Охоганских гор, предводитель каравана сообщал командиру передовой крепости пароль, и экспедиция начинала взбираться на перевал. Дорога была очень опасна — никаких указателей, предупреждений, после обвалов и опытные проводники порой не узнавали прежних мест... Между горами и Цитаделью было около двухсот лиг, и участки с твердой, надежной почвой попадались только местами. Самая обширная осушенная область страны, лежавшая к востоку от главного торгового тракта, называлась Дайлекс. Перегороженная плотинами, дамбами, насыпями, она была испещрена квадратиками полей, пятнами лугов, укрепленными городами. В Вирке, главном городе провинции, драгоценные камни, купленные у ниссомов, подвергались первоначальной

обработке. Вирк являлся вторым по значимости торговым центром Рувенды. Хозяйственным же сердцем страны рувендиан была их столица, которую испокон века называли Цитаделью.

По прибытии в столицу караванщики сразу вносили в королевскую казну установленную пошлину. При отъезде они снова платили налог, причем никогда не было заранее известно, сколько на этот раз возьмут местные власти. Это своеволие служило одним из главных пунктов разногласий между двумя королевствами. После уплаты дани купцы получали право свободной торговли не только на главном рынке столицы, но и по всей стране. Здесь они обменивали свои товары на драгоценные камни, металлы, строевой лес. Последним торговали купцы из племени вайвило. Потом караванщики в поисках редких древних вещей отправлялись еще дальше, на сотню лиг к востоку — сначала на плоскодонках, плотам или ладьях добирались по почти неподвижной реке Нижний Мутар до слияния ее с Виспаром. Здесь лежали развалины древней Тревисты. На многочисленных островах в окрестностях знаменитого города в сухие сезоны устраивались скаточные по разнообразию и количеству товаров ярмарки. Когда же с Южного моря налетали муссоны и на землю проливались дожди, добраться сюда было невозможно.

Только оддлинги в эту пору спокойно бродили по болотам, только они знали местные дороги и способы, с помощью которых их можно было одолеть.

Руины Тревисты до сих пор остаются величайшей загадкой всего нашего Полуострова. Город возник в невообразимой древности и был необычайно красив и обширен — об этом можно судить даже по развалинам. Лабиринт каналов, обрушившихся мостов (кое-где, правда, они сохранились), завораживающие воображение руины некогда прекрасных зданий, изобилие благоухающих цветов... Даже беглый осмотр Тревисты свидетельствовал, что древние строители владели такими машинами, таким искусством, какие не снились самым культурным народам Полуострова.

Историки утверждают, что тысячи лет назад большая часть Рувенды представляла собой обширное, подобное морю озеро, питаемое таявшими ледниками на склонах Охоганских гор. То тут то там из воды поднимались острова, которые в настоящее время превратились в более или менее сухие возвышенности. Теперь почти на каждом из них можно обнаружить руины древних городов. Сколько их, не могут сказать даже оддлинги; единственное, о чем они могут поведать, — это о каком-то легендарном исчезнувшем народе. Время напрочь поглотило его — когда предки рувендиан переселились на болота, развалины существовали уже в нынешнем виде. Сама Цитадель, уникальное явление (крепость, сооруженная на сохранившейся гигантской скале-останце, представляет собой хитроумно спроектированное скопище неодолимых стен, бастионов, башен, ворот, связанных крытыми переходами с главной башней), тоже явилась к нам из неразличимого прошлого. К приходу рувендиан все здесь сохранилось в целости и сохранности, следовало лишь кое-что подправить, надстроить, подремонтировать, обновить. Они так и поступили, и вот уже семь веков эта крепость считается образцом инженерного искусства. Говорят, что там в достопамятные времена сидели правители, владевшие всем Полуостровом.

Свидетельства минувших дней, руины порождали удивительные загадки. Из непроходимых джунглей, заповедных уголков своей утопающей в грязи страны оддлинги иногда привозили захватывающие воображение находки: предметы искусства, оружие, таинственные, невеликие по размерам механизмы. Они необыкновенно дорого ценились не только коллекционерами из Лаборнока, но и в дальних, заморских землях. За этими редкостями охотились особо, они составляли главный приз в торговле с Рувендой. Торговля эта стала чахнуть после того, как на трон вступил наследный принц Лаборнока Волтрик. Именно с его воцарением началась все убыстряющая ход цепь событий, приблизившая нас к долгожданной цели — захвату Рувенды.

Волтрику пришлось долго ждать своего часа, пока его дядя, король Спорикар, не процарствовал предназначенную ему судьбой сотню лет. Наследный принц не желал терять времени даром и, повзрослев, занялся добыванием короны в чужих краях. Он много путешествовал по белу свету и из одной такой поездки на север, за пределы земли Рэкам, вернулся с человеком, который, в конце концов, помог ему добиться заветной цели — покорить Рувенду. Этого человека было принято называть Орогастусом...

В свои тридцать восемь лет Волтрик представлял собой рослого чернобородого детину, не лишенного известного изящества и некоторой привлекательности. Он умел стелить мягко, однако те, кто знал его поближе, никогда не доверяли ласковым речам нового короля — характер у него был схож с неожиданно-негаданно налетевшей грозой. Первая его жена, прекраснейшая принцесса Джениль, родила ему единственного сына Антара. Вторая жена Шонда погибла при невыясненных обстоятельствах во время охоты. К несчастью, за десять лет, прошедших со дня свадьбы, она так ни разу и не забеременела... Разгульную принцессу Нейрис, третью жену Волтрика, вместе с ее любовником, с которым она пыталась бежать от мужа, посадили в большой мешок, набитый колючей шерстью, и сожгли заживо.

Маг Орогастус стал главным советником короля. Со временем его начали страшиться не только придворные, но и все лаборнокцы. Поговаривали о том, что он сумел подчинить себе душу короля... По сути дела, именно он правил страной... Он запретил Волтрику жениться в четвертый раз, приказал жить только ради исполнения самого заветного своего желания — победы над рувендианами. Если же король ослушается великого мага, пророчил Орогастус, не видать ему соседнего королевства, как своих ушей.

Орогастус не был лишен благоразумия. Он ни в коем случае не желал торопить события и семнадцать лет с трудом удерживал нетерпеливого Волтрика, тогда еще на-

следного принца, от безрассудных действий. До самой кончины короля Спорикара...

Поселился колдун на недоступной вершине горы Бром, которая возвышалась над Охоганским хребтом. Там-то он и творил свои магические действия. По распоряжению короля Волтрика, редкостные и необычные вещи Исчезнувших теперь доставлялись волшебнику. Ходили слухи, что в этих вещах заключена необычайная сила, и тому, кто овладеет ею, будут подвластны все силы природы. Орогастус нашел себе помощников — троих пользующихся дурной славой людишек, которые вскоре стали называться его Голосами. Они полностью подчинили свои души волшебнику, служили его посланцами, и честные граждане боялись их не меньше, чем самого хозяина.

На противоположных склонах увенчанных снегами Охоганских гор — там, где река Нотар поворачивала на восток и, вырвавшись из скальных теснин, разливалась по холмистой равнине широким потоком, — стояла усадьба еще одной не чуждой оккультных наук особы. Звали ее Великая Волшебница Бина, кое-кто именовал ее Белой Дамой. Бессчетное количество лет прожила она в развалинах Нота, древнего города, построенного Исчезнувшими. Она являлась живой легендой народов, проживавших на болотах, хотя редко кто мог похвастать встречей с ней. Белая Дама как бы взяла на себя роль хранительницы этой земли, к ней обращались в часы испытаний, в ней, как утверждали, заключалась мудрость и память земли рувендиан. Только оддлинги и члены королевской семьи знали правду — ни стихийные бедствия, ни непроходимые топи, ни грозные крепости, ни хорошо обученная армия не помогли бы остановить захватчиков. Одно великое искусство Белой Дамы сдерживало устремления хищных соседей. Однако годы, десятилетия, столетия брали свое — впрочем, так бывает со всяким, кто подвержен течению времени... К моменту воцарения Крейна III защитные чары Бины, сетью накрывшие Рувенду, одряхлели, истончились, в то время как могущество внушающего ужас Орогастуса все возрастало и возрастало...

Долгие годы бесплодия, измучившие королеву Каланту, супругу августейшего Крейна, сменились ожиданием праздника, потом, во время родов, — тревогой и, наконец, страхом за жизнь матери и долгожданного первенца. Каланте становилось все хуже и хуже... Сам король, опустившись на колени у ложа жены, молил небеса о помощи. Потом, повинувшись бессознательному порыву, он воззвал к тем могучим силам, о которых не вспоминал с детских лет...

В ночном мраке, прикрывшем великие топи, — жутковатом, недвижимом, — мелькнула черная тень. Огромная птица — крылья ее могли полностью накрыть крышу главной башни Цитадели — опустилась у королевского дворца. Стража оцепенела: ведь это же легендарный гигантский орел — ламмергейер, живущий в недоступных ущельях Охоганских гор. Со спины гигантской птицы спустилась женщина... Стража готова была рухнуть на колени, но ужас с такой силой сковал их члены, что никто из воинов даже не шелохнулся. Никто и не подумал встать на пути непрошеной гостьи. Да и кто бы мог остановить саму Великую Волшебницу Бину? Слуги в коридорах встречали старую женщину поклонами, завороченно смотрели на ее наряд. Платье на ней то отливало серебром, то светилось блеклой небесной лазурью, то на глазах белело. Бина скорым шагом вошла в зал и приблизилась к ложу, где мучилась несчастная женщина.

Все, кто стоял у постели королевы, отшатнулись — потом, когда замешательство сменилось ликующими восторженными возгласами, придворные вновь прихлынули к ложу. Казалось, Великая Волшебница опоздала — смерть, жаждавшая погубить и будущую мать, и неродившееся дитя, явилась первой. Русые волосы Каланты, разметавшиеся по подушкам, к удивлению присутствующих, темнели на глазах. Королева, по-видимому, в последний раз пожала руку любимого супруга...

Бина провозгласила:

— Успокойтесь! Все будет хорошо... Каланта, дочь моя, взгляни на меня.

Глаза королевы распахнулись шире, впитывая жизнь. Стоны ее прекратились. Бедный Крейн не хотел выпустить руку жены из своей, но, повинувшись взгляду Белой Дамы, исполненный надежды, отошел к стене. Вслед за ним вновь отпрянули придворные, слуги...

Камеристка королевы — ниссомка по имени Имму — стояла у изножия постели с кубком, наполненным отваром целебных трав. До последнего момента ей никак не удавалось дать Каланте пригубить его. Бина поманила к себе маленькую женщину, та, робея, засемила к волшебнице. Белая Дама взяла кубок, подняла его повыше...

Изумленные, восторженно-недоуменные вскрики раздались в зале... В левой руке Бины оказался священный Черный Триллиум — тонкий стебелек, корешок, нежные листья и над ними — раскрывшийся бутон. Расправленные, словно пальмовые ветви, три махровых, угольно-черных лепестка. Это была величайшая редкость — даже прижившиеся при дворце одлинги не могли сказать, где теперь произрастает это чудесное растение. Его изображение являлось символом королевского дома Рувенды, в сокровищнице монарха как величайшую ценность хранили кусочки смолы медового цвета, размерами не более булавочной головки. Смола эта была добыта из сказочного растения...

Все присутствующие, не отрывая глаз, следили за черным цветком — в руке волшебницы он чем-то напоминал маленькую пальму с аспидными, изящно вырезанными краями лепестков, чуть-чуть опустивших свои острия... Бина поставила кубок на столик у изголовья, осторожно отделила бутон и бросила его в отвар из трав, а стебель спрятала в складках платья. Потом немного подождала, пока лепестки не растворятся в напитке, и вручила кубок Имму.

Король по знаку Бины поспешил подойти, приподнял жену, усадил ее на постели и поддерживал, пока она, с трудом сделав первый глоток, не выпила содержимое кубка из рук Имму. Затем он вновь опустил Каланту на подушки. Тут же королева громко, пронзительно вскрикну-

ла. В этом крике не было боли, только удивление и радость... Имму обрадованно взглянула на короля — лицо ее просветлело.

— Началось! — едва слышно вымолвила она.

...Через несколько минут одна за другой на свет появились три девочки. Это было истинное чудо — о тройне никто из присутствующих в зале людей слыхом не слыхивал. Не было в истории Рувенды, да и всего Полуострова, такого случая...

Младенцы вскрикнули — все разом. Казалось бы, совсем малышки, но голоса у них уже были разные. И формами, и цветом кожи они заметно отличались друг от друга. Пока каждую из принцесс заворачивали в приготовленные пеленки, Белая Дама дала им имена и повесила на грудь каждому младенцу маленькие, странной формы золотые медальоны, внутри которых находились кусочки чудесной смолы, добытой из Черного Триллиума.

Первую девочку назвали Харамис — в этом имени как бы прозвучало приветствие входящему в мир новому человечку; вторая принцесса была названа Кадией; самая беленькая, последняя, была поименована Анигелью.

Затем Бина взглянула на короля и королеву — те во все глаза, так до конца и не оправившись от изумления, смотрели на нее. Белая Дама торжественно, накрепко впечатывая свои слова в сознание всех внимавших ей, произнесла:

— Годы бегут. Где были горы, там теперь равнина; что было дорого сердцу, обратилось в прах; тайное становится явным. Так было — так будет. День сменяется ночью, но верьте — впереди нас ждет рассвет. Все наладится... Мои дни клонятся к закату, и все же, пока землю для меня не объял мрак, я должна вернуть к жизни наш священный Триллиум... Вот они, ваши наследницы, Крейн и Каланта. Их ждет незавидная судьба, на их долю выпадет много испытаний, но пока еще есть время...

Прежде чем король и королева опомнились, прежде чем успели попросить Белую Даму объяснить смысл ее пророчества, Бина, неслышно ступая, тихо вышла из за-

ла. Малютки сразу заплакали, а королева и все другие женщины захлопотали вокруг них. Король Крейн, стряхнув оцепенение, вышел на балкон и объявил страже и придворным радостную весть, осыпав их золотыми монетами...

Можно было начинать праздник...

Тем временем, не снимая ладанок со смолой священного черного цветка на золотых цепочках, новорожденных запеленали и уложили в кроватки.

Девочки заснули.

Шли годы, и пришел срок, когда слова Великой Волшебницы обрели смысл. Три принцессы выросли, стали крепкими красивыми девушками — их пока еще баловало время... До того самого дня, когда служанки, а затем и родители не рассказали об их чудесном рождении, о том, что случилось у постели королевы... Сначала сестры отнеслись к этой истории как к увлекательной сказке, особенно позабавило их обещание невзгод и тяжких испытаний. С чего бы? В стране царили мир и спокойствие, во дворце один праздник сменялся другим, да и вообще молодым людям более свойственно жить сегодняшним днем, чем задумываться о делах давно минувших...

Принцесса Харамис была любимицей отца. С детских лет она страстно стремилась к знаниям, перечитала все книги, что хранились в королевской библиотеке, все летописи и сказания, занесенные на свитки из тончайшей кожи. Всякого, с кем знакомилась, она донимала расспросами. Это было так необычно для королевской дочери! Она любила поэзию, музыку, и особенную радость ей доставляли звуки флейты и изготовленной из дерева ладу арфы. Много времени она проводила в обществе знаменитого певца, музыканта и рассказчика Узуна. Тот был из племени ниссомов. В один миг он был способен развеять тяжелые думы — стоило ему спеть веселую песню или рассказать забавную историю, как печальное лицо юной принцессы тут же светлело. Мог он помочь и мудрым советом...

Уже в раннем детстве стало ясно, что удел средней сестры Кадии — любовь к живым существам. Птицы, звери, особенно диковинные создания, обитающие в глухих заповедных уголках, в бездонных топях, отвечали ей тем же. Радостью для нее была жизнь под открытым небом рядом со своим наставником, одлингом Джеганом, главным распорядителем королевской охоты, старшим егерем всех промысловых угодий. Вместе с ним Кадия облазила все дебри и укромные уголки рувендийских болот...

Принцесса Анигель, изящная, скромная до застенчивости девушка, обладала добрым сердцем. Странствие любого живого существа находило сочувствие в ее душе. Помогая другим, она не жалела себя, может, поэтому ее мать Каланта и полюбила младшую дочь особенно. Анигель обожала всякие домашние хлопоты, церемонии, с удовольствием исполняла роль наследной принцессы, к чему не имели склонности ни старшая, ни средняя сестра. Ее ближайшей подругой стала та самая Имму, бывшая камеристка ее матери и нянька Анигели. Теперь маленькая женщина-ниссомка заведовала всем аптечным хозяйством в Цитадели. Кроме того, она составляла рецепты духов, прекрасно пекла, изготавливала вкуснейшие сладости и варила превосходное пиво.

К тому времени, когда принцесс уже можно было выдавать замуж, королевство рувендиан превратилось — благодаря доходам от торговли с Лаборноком — в процветающее государство. В ту пору вдовый наследный принц Волтрик по совету мага Орогастуса попросил руки Харамис, старшей дочери короля Крейна III, являвшейся официальной наследницей престола. Получив отказ, Волтрик пришел в ярость. Крейн III рассудил так — раз небо не дало ему наследника мужского пола, то лучшим выходом из создавшегося положения будет, если его старшая дочь выйдет замуж за среднего сына короля Фьоделона, владевшего страной Вар. Принца звали Фьомакай, вместе с Харамис он должен был стать соправителем Рувенды. На ближайшем Празднике Трех Лун было решено объявить о помолвке.

Народ варониан проживал на плодородной равнине в устье великой реки Мутар, которая простиралась за южной границей Тассалейского леса. Связи Вара с Рувендой были очень слабы, чего нельзя сказать о Лаборноке. Вар и Лаборнок активно торговали между собой по морю. Брак с принцем Вара открывал перед рувендийским королем широкие перспективы — если обуздать диких глисмаков и проложить торговый путь вниз по Мутару, то товары из Рувенды могли достичь заморских стран, минуя порты Лаборнока. Их надменный правитель сразу бы почувствовал, что значит лишиться торговых связей с Рувендой.

В это время скоропостижно скончался дряхлый Спорикар, и Волтрик был коронован на престол Лаборнока. По требованию Орогастуса, тут же назначенного первым министром двора, Волтрик в спешном порядке вызвал наследного принца Антара и главнокомандующего армией генерала Хэмила. Приказ был кратким — готовиться к скорому выступлению против Рувенды.

Глава 1

Мгновением позже, когда со стороны передового форта, взятого противником, на каменную стену вновь обрушился яркий шаровой разряд, по окрестностям раскатился гулкий, протяжный грохот. Ослепительное иссиня-белое пламя, слизнувшее часть стены, заставило собравшихся на среднем балконе центральной башни членов королевской семьи, придворных, охрану короля прикрыть глаза.

Король Крейн едва слышно застонал, потом с горечью вымолвил:

— Сбывается пророчество Белой Дамы. Пришли гиблые времена! Колдун Орогастус мановением руки творит молнию из чистого неба. От таких ударов рушатся стены...

Тем временем в образовавшийся пролом ворвались конные рыцари, ведомые генералом Хэмилом; за ними хлынула лаборнокская пехота. После удара шаровой молнии воины, защищавшие крепость на этом участке, полегли, как болотная трава во время урагана. Минута, другая — и еще один разряд потряс осажденную крепость. Затем еще один... Стена оказалась пробитой в четырех местах. Орды захватчиков ворвались внутрь Цитадели.

— Все, конец, — слабым голосом сказал король. — Если мощи Орогастуса оказалось достаточно, чтобы справиться с нашей древней и, как мы считали, неприступной стеной, что может помешать им ворваться в центральную башню? Надо смотреть правде в глаза... — Он повернулся к охранявшим его и королевскую семью рыцарям. — Вы,

лорд Сотолейн, принесите мои доспехи. А вам, лорд Манопаро, я вручаю жизнь и честь нашей королевы и моих дочерей. Позаботьтесь о них. Спуститесь в подвалы башни и спасайтесь там... Защищайте их до последней капли крови. Всем остальным приготовиться к бою — я сам поведу вас.

Королева Каланта согласно кивнула, принцесса Анигель не смогла сдержать слез. Впрочем, как и остальные придворные дамы. Принцесса Харамис стояла, как каменная, на лбу прорезались складки, в глазах видна отчаянная работа мысли. Лицо ее стало бледнее белоснежного платья и плаща, в которые она была одета. Принцесса Кадия, как всегда облаченная в грубый мужской охотничий костюм, выхватила кинжал и, взмахнув им, воскликнула:

— Государь! Дорогой отец! Позволь мне сражаться рядом с тобой. Неужели в такую минуту я должна спасаться бегством вместе с этими хнычущими созданиями?! Неужели должна трусливо ждать своей участи и мне не будет позволено отомстить негодьям?!

Королева Каланта открыла рот от изумления, принцесса Анигель и фрейлины удивленно глянули на Кадью — даже плач прекратился, только принцесса Харамис оставалась все так же спокойна. Легкая холодная улыбка появилась у нее на губах.

— Мне кажется, сестра, — заметила старшая королевская дочь, — ты выбрала не самый удачный способ выказать свою доблесть. Это тебе не робкие рафины, спасающиеся бегством при одном только слухе, что ты идешь на охоту. Враги смелы, хорошо вооружены, на их стороне колдун с черным сердцем.

— Оддлинги утверждают, — возразила Кадия, — что, по пророчеству женщина из королевского дома Рувенды убьет злого короля, и тогда могущество Лаборнока рухнет.

— Ты считаешь, что вполне подходишь на роль спасительницы? — горько засмеялась Харамис, и слезы неожиданно хлынули из ее глаз. Куда только подевалось ледяное спокойствие! — Оставь эти глупости! Они нам сейчас ни к чему...

Королева Каланта гордо вскинула голову. Она, как и Анигель, была одета в обыденный, принятый для дневных занятий наряд — атласное платье с кружевной отделкой на лифе и рукавах. Платье Анигели отливало нежным розовым цветом, в то время как облачение королевы поражало густо-малиновой, кровавого оттенка расцветкой.

— Мое сердце, — сказала королева, — переполнено печалью и страхом за вас, однако долг свой я выполню до конца. Кадия, не стоит слишком доверять пророчеству одлингов. Наши союзники, ниссоны, бросили нас и спрятались в Гиблых Топях. — Каланта неожиданно закашлялась, так как густые клубы дыма достигли балкона.

Внизу, во внутреннем дворе, полыхали деревянные постройки. К тому же враги участили удары молниями.

— Тогда я стану вашей защитницей! — воскликнула Кадия. — Если это пророчество известно королю Волтрику, он никого из нас не оставит в живых. Свою-то жизнь я задешево не отдам! Я присоединюсь к войскам лорда Манопаро, и если мне суждено погибнуть, я достойно встречу смерть.

— О, Кадия, разве так можно! — вновь зарыдала Анигель. — Наш удел — затаиться и верить, что Белая Дама спасет нас. Мы должны молить ее об этом.

— Белая Дама не более чем миф. Детская сказка, — ответила сестра. — Мы сами должны позаботиться о себе.

— Нет, это не сказка... — тихо прошептала Анигель. Ее голоса никто не услышал.

Сражение неподалеку разгорелось с новой силой, в его шуме, лязге, грохоте потонули все посторонние звуки.

— Возможно, и не сказка, — заключила Харамис, обращаясь, по-видимому, к самой себе, — только, кажется, Бина отреклась от нашей несчастной родины. Храни она нас, как бы лаборнокцы смогли одолеть горный перевал, пройти болотами и безнаказанно штурмовать Цитадель?..

— Помолчи, дочь! — прервал Харамис король. — У нас нет времени. Враг в любой момент может атаковать башню. Вам еще надо успеть укрыться...

Он попросил всех оставить балкон. Королевская семья, придворные, лорды и рыцари из поклявшейся в верности охраны прошли в большой зал, расположенный на женской половине башни. Это помещение со сводчатыми потолками было украшено яркими шелковыми занавесями и гобеленами. Теперь здесь царил разгром — повсюду валялись опрокинутые позолоченные кресла, шелковые полотнища были сорваны, клочья тканей картин свисали со стен.

Король уже здесь, в зале, обратился к средней дочери. Голос его был суров.

— Кадия, ты, случаем, не заболела? Не пристало моей дочери смущать мать и сестер дурацкими выходками, тем более в такой час. Мало ли что болтают одлинги! Стал бы король Волтрик просить руки Харамис, если бы он верил этим наивным сказкам насчет мстящих воительниц. Мой долг велит мне как главе государства защитить страну или погибнуть. От тебя же требуется, чтобы ты осталась в живых и позаботилась о матери и сестрах. Будь уверена, твоя доля куда легче, чем судьба Харамис, которой в конце концов, видимо, придется уступить домогательствам Волтрика.

После этих слов придворные дамы все как одна вновь разразились слезами. Даже рыцари не выдержали, слышались их крики: «Нет! Не бывать этому!» Тут еще пришло известие, что враг продолжает обстреливать осажденных молниями и уже очень много раненых и убитых.

— Тихо! — воскликнул король. — Я требую тишины!

Его никто не послушал. Вот когда сказались пороки его мягкой, безвольной политики. Он никогда не стремился править железной рукой и, будучи по характеру терпимым человеком, являлся для своих подданных более отцом и добрым советчиком, чем олицетворением силы.

Четыреста лет прошло с той поры, когда попытавшийся вторгнуться в пределы Рувенды король Лаборнока Прибиник Дерзкий был разбит наголову, и все эти годы в стране болот торжествовали мир и спокойствие. Люди забыли о ссорах, раздорах, убийствах — разве что какой-нибудь

отщепенец отваживался на воровство. Случалось, в той или иной области появлялся жаждущий крови маньяк. Бывало, скритеки совершали грабительские набеги; тогда созывали рыцарей, и те разгоняли толпы отвратительных дикарей. Потом об этих подвигах местные барды слагали песни. За время долгого бездействия совсем зачахло военное умение, а рыцари утратили представление не только о стратегии, но и о тактике. Каждый привык действовать в одиночку...

Любому дозволялось делать все, что ему заблагорассудится, — короли Рувенды вмешивались только тогда, когда своеволие подданных переходило известные границы, но такие случаи были очень редки. Плати положенные налоги и живи сам по себе, при этом вполне можешь надеяться на королевскую милость и защиту. Согласно обычаю, в Рувенде никогда не было регулярной армии. Присягнувшие на верность королю лендлорды со своими дружинами составляли небольшое войско, являвшееся вооруженной опорой трона; гарнизоны горных крепостей были сменными, воины набирались из полноправных граждан области Дайлекс, которые были освобождены от налогов. Местная аристократия придерживалась примерно такого же порядка при управлении вотчинами и дарованными поместьями. Они следовали примеру короля. В стране процветал всякий, кто желал трудиться, бедность доставалась в удел одним лежебокам.

Маленькая, схоронившаяся за горным хребтом, окруженная непроходимыми топиями Рувенда казалась олицетворением рая на земле... До той поры, пока маг и кудесник Орогастус не раскрыл с помощью колдовских ухищрений тайну горного Виспирского прохода и не определил маршрут, по которому армия короля Волтрика должна была преодолеть болота и добраться до самых стен Цитадели, никому не удавалось покорить Рувенду.

Всего за десять дней войска лаборнокиев маршем преодолели это расстояние. Ничто не могло остановить их — ни вызванные заклинаниями бури, ни духи, поселившиеся в бездонных топиях, ни какие-либо другие напасти, со-

крушившие армию Прибиника Дерзкого. Более того, пронесся слух, что дикие скритеки вступили в союз с захватчиками. Осененные и защищаемые несправедливой силой Орогастуса, войска Волтрика по камешку разнесли пограничные горные крепости рувендиан, разграбили Дай-лекс — жители этих мест были вынуждены спасаться бегством в отдаленные восточные области. Безо всяких помех неприятельские орды достигли стен Цитадели, и эти древние сооружения тоже оказались не в состоянии сдержать воинственных лаборнокцев.

С часу на час Цитадель должна была пасть...

Еще один громовой раскат раздался в осажденной крепости — ярчайшая вспышка ослепила членов королевской семьи и придворных. Толстенные, казавшиеся непробиваемыми, стены башни содрогнулись — это древнее защитное сооружение теперь уподобилось ветхой глинобитной лачуге, сотрясаемой шквалами зимней бури.

На мгновение в недрах главной башни наступила зловещая тишина. Снаружи тоже все стихло... Затем снизу донесся победный рев, вырвавшийся из десятков тысяч глоток. Оказалось, что бронированные ворота, прикрывавшие вход в башню, сметены ударом молнии, и нападавшие устремились вовнутрь.

Лорд Сотолейн наконец доставил королевские доспехи и помог Крейну подготовиться к бою. Король взял в руки тяжелый меч, принадлежавший его великому предку Караборло, отличавшемуся необыкновенной храбростью и мудростью. Однако ни легендарные доспехи из сверкающих стальных пластин, украшенных сапфирами, ни знаменитый королевский шлем, на котором был вычеканен герб их рода — гигантский ламмергейер, — не могли придать королю Крейну геройский вид. Он не мог изменить себе — средних лет человеку с мягким, покладистым характером и доброй душой...

Когда последняя застежка на шлеме была зашелкнута, он обратился к своей семье со словами прощания:

— Мне бы быть ученым, а не воином, тем не менее я с легким сердцем принимаю уготованную мне участь. Дол-

гие столетия — может быть, слишком долгие! — на нашей любезной родине царил мир. Мы находились под защитой — по крайней мере, нас убедили в этом — могущественной Великой Волшебницы Бины. Той, которую называют Белой Дамой... А также Повелительницей Цветов, Хранительницей Черного Триллиума, Хозяйкой Болот... Многие из нас присутствовали при ее последнем посещении нашего двора. Все слышали ее пророческие слова о том, что в конце концов добро победит, но до той поры, предрекла она, много невзгод и испытаний выпадет на долю моих дочерей. Мы тогда не поняли смысла ее слов, даже я не придавал значения предостережениям... Теперь все мы должны помочь принцессам. Харамис, Кадия и Анигель — последняя надежда для нашей многострадальной родины... Хотя я не особенно верю в подобный исход...

Он обнял королеву — рука в броне осторожно легла на ее плечи, поцеловал, прижал к сердцу... Затем подошел к Харамис, на щеках которой еще не высохли слезы, к присмившей Кадии, золотоволосой заплаканной Анигели. Потом, попрощавшись с присутствующими, взял торжественную клятву с почтенного лорда Манопаро, что тот позаботится о принцессах. Лорд и четыре его рыцаря в знак верности ударили себя кулаками в панцири. Наконец король удалился. Впереди шел высокородный паж Барнепо, почти совсем еще мальчик. Он нес королевский щит. За королем последовали рыцари охраны. Наступил час исполнить свой долг.

Миновал полдень, пожары в Цитадели начали угасать, и едкий запах гари смешался с запахами болот. Гигантский скалистый холм, на котором возвышалась Цитадель, казался исполинским кораблем, отправившимся в плавание по заросшим, залитым водою и густым туманом пространствам.

Лаборнокские рыцари во главе с генералом Хэмилом, сломив сопротивление последнего отряда осажденных, вошли в тронный зал. Они вели плененного короля Рувенды и оставшихся в живых преданных ему воинов. Пленников выстроили перед королем Волтриком, занявшим

трон, наследным принцем Антаром и магом Орогастусом. Рувендийские рыцари были в кандалах... На стенах зала были развешаны знамена королевства Лаборнок — алого цвета полотнища с изображением трех скрещенных золотых мечей. Пора было начинать церемонию приема капитуляции.

Крейн был очень бледен — силы покидали его. Кровь сочилась из ужасных ран на правой руке и в паху. Два лаборнококских воина поддерживали Крейна даже в тот момент, когда по приказу короля Волтрика его подвели к трону и поставили на колени.

Один из охранявших плененного монарха рыцарей держал знаменитый, но теперь изрядно помятый лазурного цвета щит с гербом, изображавшим Черный Триллиум; в руках у другого был сломанный меч Крейна. Сам Хэмил держал королевский шлем дома Рувенды, сделанный в форме короны из платины, украшенный сапфирами и янтарем, — держал высоко, так, чтобы все могли видеть добытый в бою трофей. Позади Крейна, схваченный железной рукой лорда Осоркона, первого помощника Хэмила, дрожал целый и невредимый паж Барнепо. Осоркон — гигантского роста рыцарь в черных, сплошь залитых кровью доспехах — наводил на отрока дикий ужас.

Волтрик обратился к Крейну:

— Вот мы и встретились, мой дорогой брат...

Король Лаборнока ласково улыбался, глядя на побежденного монарха из недр чудовищной разверстой пасти, словно бы принадлежавшей хищному доисторическому динозавру. Украшенное страшными клыками забрало королевского шлема было поднято. Доспехи Волтрика, покрытые гравировкой и позолотой, ярко поблескивали в свете факелов. Сам он, развалясь, сидел на троне рувендийских королей, закинув ногу на ногу.

— Теперь, надеюсь, ты покоришься? — после долгой паузы спросил Волтрик.

— У меня выбор невелик, — охрипшим слабым голосом ответил Крейн.

— Полная капитуляция! Никаких условий! — потребовал Волтрик и ткнул побежденного короля в лицо его

же короной.— Знай, что только при этом условии ты сохранишь жизнь захваченным в плен воинам и всему населению Цитадели.

— Я согласен... если ты сохранишь жизнь моей королеве и дочерям.

— Об этом,— холодным голосом вестника смерти ответил Орогастус,— не может быть и речи! Они должны умереть, так же как и ты. Одно из главных условий капитуляции — открыть место в этом огромном разрушенном крольчатнике, где они скрываются.

— Никогда,— ответил Крейн.

Наследный принц Антар шагнул вперед и обратился к венценосному родителю:

— Государь, неужели мы будем воевать с беззащитными женщинами?

— Они должны умереть,— чуть повысил голос Орогастус.

Король Волтрик кивнул в знак согласия.

— И все из-за глупейшего пророчества оддлингов? — удивился Крейн.— Но это же совершеннейшая чепуха! Бабы сказки! Всего несколько месяцев назад вы сватались к моей старшей дочери Харамис.

— Но вы же презрели союз с Лаборноком и надменно отвергли наше предложение!

— Вежливость никогда не принадлежала к числу качеств, которыми отличались грязные рувендиане! — вставил генерал Хэмил и ухмыльнулся.— Теперь пришла пора им самим отведать плоды с дерева зла, которыми они так заботливо потчевали нас.

Собравшаяся в тронном зале лаборнокская знать и простые воины одобрительно зашумели. Король Волтрик поднял руку.

— Я полностью доверяю могущественному Орогастусу, недаром я поручил ему самый важный пост первого министра королевства Лаборнок и пожаловал звание придворного мага. Именно он, мудрый и непогрешимый, заранее предупредил меня о той опасности, которая таится в женщинах королевского дома Рувенды. Поэтому твоя

жена и дочери, дорогой брат, должны исчезнуть с лица земли. Впрочем, ты тоже... Но если ты честно и искренне примешь наши предложения и вручишь женщин своего рода в мои руки, обещаю — смерть их, как и твоя, будет легкой и безболезненной. Один удар мечом — и все кончено! Также в этом случае я пощажу всех твоих людей. Всех, кто присягнет на верность Лаборноку...

Крейн вскинул голову — подбородок его был разбит ударом короны, из рваной раны сочилась кровь.

— Этого не будет никогда, — тихо, но решительно ответил он. — Я не допущу, чтобы мои жена и дочери попали в твои руки.

Волтрик поднял повыше корону рувендийских королей, одним движением могучих, закованных в железные перчатки рук скрутил ее в нечто бесформенное, потом швырнул этот кусок золота к ногам поверженного монарха.

— Ты знаешь, что ждет тебя и твою семью, если ты откажешься выдать их добровольно? Ты знаешь, что случится с твоими рыцарями? Взгляни: вот они стоят, закованные в цепи... Это твой выбор?

Король Крейн ничего не ответил.

Волтрик нахмурился, его лицо в обрамлении клыков чудовищного зверя потемнело от ярости. Пальцы забарабанили по позолоченным подлокотникам трона.

Бывший властелин Рувенды по-прежнему упорно молчал.

Волтрик скомандовал:

— Позвать конюхов!

Один из офицеров лаборнокской армии бросился исполнять приказание.

В толпе пленных послышался тревожный шепот, легкое позвякивание цепей. Паж Барнепо совсем побелел от страха.

— Ха-ха! — засмеялся Хэмил. — Я гляжу, этот юнец догадывается, какой конец уготован тем, кто посмел пренебречь Лаборноком. Вы только посмотрите на его чистенькие доспехи — совсем сробел малый. Да ты, я вижу,

трусишка... Тогда тебе весьма полезно первым отведа-
ть то угощение, которое приготовил для непокорных его ве-
личество.

— Нет! — закричал Барнепо. — Нет!.. Господь и вы,
Владыки воздуха, будьте милосердны ко мне!

Он забился в истерике, и лорд Осоркон, чтобы успо-
коить его, ударил рувендианина кулаком в лицо. Кулак
был величиной с детскую голову... Слезы неудержимым
потоком хлынули из глаз пленного юноши. Он не мог
сдержать рыданий...

Тем временем капитан вернулся с четырьмя конюхами,
которые вели в поводьях четырех боевых скакунов-анти-
лоп. Называли их фрониалами... Все они были оседланы,
покрыты попонами. Вид их был ужасен. Глаза налились
кровью, скакуны храпели, становились на дыбы, со зво-
ном били подкованными раздвоенными копытами по мра-
морному полу.

— Нет! — во весь голос закричал Барнепо.

— Да, — спокойно ответил король Волтрик. Его взгляд
встретился со взглядом Крейна. — Посмотри, дорогой брат,
какая судьба ждет тебя и твоих вассалов. — Потом он об-
ратился к капитану: — Привяжите этого труса за руки и
за ноги к передним лукам седел. Потом сами знаете, что
делать...

Барнепо издал крик ужаса и скорчился в сильных ла-
пах лорда Осоркона. Тем временем пленные рыцари осы-
пали проклятиями Волтрика и его свиту. Замолчали они
только тогда, когда к горлу каждого был приставлен кин-
жал.

Король Крейн подал голос:

— Освободи паренька, Волтрик. Давай-ка я первым
отведаю твое угощение.

— Мы освободим твоего паренька и обещаем, что и
ты умрешь легкой смертью, если откроешь место, где скры-
ваются твои жена и дочери.

— Нет!

— Государь? — генерал Хэмил вопросительно глянул
на Волтрика.

Тот медленно поднялся. Его багрово-фиолетовый плащ складками скользнул вниз, ткань затрепетала, из-под нее блеснули позолотой боевые доспехи.

— Крейн, бывший король Рувенды, ты сам выбрал свою участь! Привяжите его к зверям.

— Государь! Государь! — заплакал паж. — Пусть они начнут с меня. Простите мою слабость. Забудьте...

— Я прощаю тебя, Барни, — ответил король.

Слуги схватили Крейна, содрали с него доспехи и положили на мраморный пол посредине тронного зала. Когда они стали привязывать его руки и ноги к седлам, раны открылись, и скоро под ним натекла целая лужа крови. Король держался мужественно, лицо его было спокойно. Антилопы, почувствовав запах крови, совсем разъярились — каждую из них теперь удерживали три человека. Когда все было готово, капитан обратил свой взор на Волтрика, ожидая дальнейших распоряжений.

Орогастус что-то шепнул королю. Тот кивнул в ответ и затем жестом приказал лорду Осоркону подвести поближе своего пленника.

— Парень, — волшебник вперил в пажа пронзительный взгляд, — в твоих руках спасение твоего господина. Разве подобает ему уходить из жизни таким позорным образом? Подумай, ты можешь спасти не только собственную шкуру, но и всех твоих товарищей...

Барнепо удивился:

— Кто? Я?

— Да, — так же бесстрастно проговорил Орогастус.

В отличие от всех остальных лаборнокцев, колдун был совсем не вооружен. Он был одет в белую, свободно ниспадающую одежду, на плечах лежал черный плащ. Тяжелая цепь из платины свисала на грудь — на ней поблескивал массивный медальон, на котором была выгравирована звезда со множеством лучей. Орогастус откинул капюшон — лицо его было на удивление миловидно и свежо. Ни единой морщинки... Странной казалась лишь седая грива длинных волос, ниспадавшая на плечи.

— Внимательно выслушай меня, паренек. Сделай так, как я скажу, и, может, ты еще успеешь спасти жизни сво-

ей королевы и принцесс. Признаюсь, храбрость и самообладание короля Крейна произвели на меня глубокое впечатление. Я полагаю, что теперь тем более важно, чтобы мой господин поскорее женился на принцессе Харамис. Пора кончать эту войну, единственный выход из сложившегося положения — это их брак. Тогда их наследники смогут полноправно владеть нашими странами.

Юноша задумался.

— Разве я не прав? — по-доброму глянув на пажа, спросил Орогастус.

— Так-то оно так... — Слабая надежда засветилась на лице Барнепо.

— Так, так... — подтвердил Орогастус. — А для того, чтобы принцесса Харамис не таила зла, я посоветовал его величеству пощадить женщин из рода Рувенда. Единственное, что от тебя требуется, это сообщить, где они скрываются. Тогда все разрешится наилучшим образом.

Барнепо посмотрел на волшебника, потом перевел взгляд на короля Волтрика. Видно было, что он испытывает сомнения.

— А меня вы пощадите? — наконец спросил он.

— Клянусь короной. — Волтрик коснулся венца, укрепленного на его боевом шлеме. — Но если ты будешь тянуть время... Посмотри, мои люди уже едва сдерживают фрониалов.

— А наш король?

— Он должен умереть, — ответил Орогастус. — Этого требует наш закон. Но в этом случае его смерть будет легкой и почетной. Он погибнет, как воин...

Слезы продолжали катиться по щекам юноши.

— Вы поклялись честью, ваше величество... — прошептал он.

— А я клянусь Владыками воздуха, — добавил Орогастус.

Барнепо глубоко вздохнул:

— Они... они укрылись в тайном убежище в подземелье главной башни. Проникнуть туда можно через скрытый проход, он начинается наверху и ведет на хоры двор-

цовой часовни. Там есть дверь. Она откроется, если нажать на овальную выпуклость с изображением Триллиума, выступающую из стены. Лорд Манопаро и четверо рыцарей охраняют их.

— Отлично! Теперь они погибнут! — Глаза колдуна ярко сверкнули.

И король, и генерал Хэмил эхом повторили:

— Отлично!

— Ваше величество, вы поклялись! — Губы юноши задрожали, лицо его страшно побледнело. — И вы, Орогастус! Владыками воздуха, их священными именами...

— Подобные клятвы существуют для тех, — ответил маг, — кто верит в подобную ерунду.

— Я поклялся, что пощажу твою поганую жизнь, — засмеялся Волтрик. — И сдержу слово. Ты останешься жить и все оставшиеся дни будешь спокойно и весело заниматься золотарным промыслом.

Он похлопал рукой, закованной в железную перчатку, предателя по плечу — тот не выдержал, рухнул на пол.

— Государь, прикажите, — обратился к Волтрику генерал Хэмил. — Я возьму людей и доставлю сюда эту сукку с ее чертовым отродьем.

— Не-ет... Я и мой сын возглавим поиск, а ты займись этими рувендийскими мерзавцами... В первую очередь Крейном. Он нам больше не нужен.

Кивнув принцу Антару, Волтрик спустился с возвышения, на котором стоял трон, и, собрав два десятка рыцарей, двинулся к лестнице, ведущей на верхние галереи башни.

Хэмил, упершись кулаками в бока, оглядел тронный зал, где по периметру были выстроены пленные рыцари, охраняемые лаборнокцами. В центре по-прежнему лежал король Крейн.

— Что за скукотища заниматься этим отребьем, — заметил генерал, обращаясь к лорду Осоркону. — От этого только устаешь — и никакого удовольствия! — Затем он продолжил: — Развлечись, что ли? Ну-ка, — приказал он конюхам, — дайте этим зверям хорошенького кнута!

Возглас ужаса прокатился по высокому огромному залу. Барнепо воспользовался замешательством, напрягся — трусость была забыта. Он незамеченным скользнул в тень, осторожно, за спинами пленных, прокрался в угол, где была прорезана потайная дверь, ведущая на лестницу, по которой можно было куда быстрее спуститься в убежище. Он спешил предупредить королеву и ее дочерей.

Глава 2

Барнепо так быстро мчался по ступеням, что у него перехватило дыхание. В левом боку отчаянно ныла ножевая рана, голова раскалывалась от боли после удара, нанесенного Волтриком. Все двоилось перед глазами... Уже на лестнице, слабо освещенной несколькими лампадками, он услышал, как далеко наверху раздалось кланье обуви в железо ног. Потом послышался скрип открываемой двери, показался слабый свет, и чей-то радостный голос воскликнул: «Парнишка не соврал!»

Охваченный паникой, паж бросился вниз, споткнулся, упал и здорово ударился головой. Свет померк перед глазами, и силы оставили Барнепо — казалось, ему никогда не избавиться от клейма предателя, от позора и унижений. Еще мгновение, другое — и враги найдут его... А потом королеву и принцесс... Страстная мольба вырвалась из его груди:

— Белая Дама! Не оставляй меня в беде! Спаси и сохрани! Не ради моей постылой жизни, но ради ее величества и дочерей-принцесс.

Сладостный ароматный воздух наполнил грудь, взгляд просветлел, стихла боль в голове, тело вновь обрело былую гибкость. Не вставая, на четвереньках, подобно многоногому ворраму, он промчался по последним ступенькам и наконец выбрался на хоры подземной часовни. Балкон нависал над мрачным, скудно освещенным помещением. Все здесь было из камня — выстроенные в ряд лавки, перила. На стене — точно посередине балкона — изображение печати королевского дома Рувенды. Знаменитый Черный Триллиум на покрытом лазоревой эмалью

поле. В центре цветка выпукло посвечивал золотой набалдашник.

Барни изо всех сил, обеими руками нажал на него — каменная плита бесшумно отъехала внутрь, обнажая узкий лаз, куда с трудом мог протиснуться человек. Он едва протиснулся в щель и тут же лицом к лицу встретился с лордом Манопаро, бросившимся навстречу с обнаженным мечом. Два других рыцаря, Корбан и Ведерал, выглянули из-за угла и встали за его спиной.

— Подождите! Это я! — Барнепо вытянул руки.

— Клянусь Цветком! Да это молодой паж! — удивился Манопаро и сунул меч в ножны. — Как ты здесь оказался?

— Быстро! Не теряйте времени! Закройте дверь и сломайте механизм, иначе враги вот-вот ворвутся сюда. Скорее...

Изрыгнув проклятия, Корбан и Ведерал закрыли дверь, несколькими ударами рукояток мечей сорвали каменную крышку, под которой находился деревянный механизм. Они начали ломать его, но успели выбить только одну шестеренку, когда с противоположной стороны на дверь посыпались тяжелые удары. Потом неожиданно все стихло...

— Что, за тараном побежали? — спросил Ведерал.

— Похоже, за колдуном, — покачал головой Манопаро. — Ну-ка, быстро в убежище.

Они спустились в маленькую тесную клетушку, приспособленную для длительной осады. Ее дверь была сделана из толстых досок крепкой, как сталь, древесины гонды. Скреплены они были железными полосами. Запиралась дверь на три крепких засова из тимбрового дерева. На стенах висели древние гобелены, пол был застелен ковром, тут же лежали тюфяки для сна. Окон в комнате, разумеется, не было. Посреди убежища стоял стол, рядом — стулья, на которых сидела королева, принцессы и охранявший их рыцарь, лорд Джаминдо. Маленькая жаровня располагалась в углу, тут же стояли ящики со съестными припасами, сосуды с вином и водой. Горящие свечи давали достаточно света.

Лорд Манопаро подошел к ее величеству. Королева была бледна и спокойна... Ее высокую прическу венчала корона, украшенная изумрудами и рубинами, в центре ее сиял вставленный в янтарь огромный бриллиант. Сам янтарь редчайшего черного цвета был вырезан в форме Триллиума.

— Моя королева, к сожалению, враги обнаружили наше убежище, — Манопаро указал на замершего в поклоне пажа. — Барни предупредил нас, мы успели задержать неприятеля. Однако опасность не миновала. Я считаю, что они послали за колдуном, и тот с помощью черной магии рано или поздно откроет дверь. Тогда нам конец...

Принцесса Анигель издала душераздирающий крик и, не поддержки ее сестры, рухнула бы на пол. Харамис обняла сестру. Королева между тем принялась расспрашивать пажа:

— Что с моим супругом?

Барнепо рухнул на колени, слезы потекли по его щекам.

— Говори правду.

— О, моя госпожа, король мертв! Наша Рувенда осиротела.

Глухо застонали собравшиеся в каморке рыцари, вскрикнули королевские дети. Королева Каланта склонила голову и едва слышно спросила:

— Как он погиб?

— Великий Бог и вы, Владыки воздуха, будьте свидетелями — это случилось по моей вине! — Паж долго всячески поносил себя, пока лорд Джаминдо не положил ему руку на плечо.

— Хватит. О чем тут говорить? Тебе еще пятнадцати не исполнилось... Тебя никто не обвиняет. Расскажи, как все случилось.

Барнепо поведал им все, что видел. Без утайки... Когда он упомянул о страшных оседланных зверях, принцесса Анигель упала в обморок. Харамис и Кадия почти в один голос воскликнули:

— Они заплатят за это!

Королева по-прежнему сидела неподвижно, вперив взгляд в дверь. Потом она ласково потрепала волосы юного паж, уткнувшего заплаканное лицо в ее колени.

Неожиданно до них долетел грохот взрыва — кто-то пытался с хоров пробить каменную стену. Рыцари тут же выхватили мечи и выстроились у двери — последней преграды. Королева порывисто поднялась.

— Дочери! — торжественно вымолвила она. — Женщины королевского дома Рувенды! — Глаза ее заблестели. — Слышите? Вот, оказывается, что страшит Волтрика. Мы! Это не выдумки глупых одлингов, раз сам главный колдун Лаборнока подтвердил значение пророчества.

Она посмотрела на принцесс. Анигель уже успела прийти в себя, теперь три пары девичьих глаз мужественно встретили испытующий взор матери.

— Королевский дом Лаборнока рухнет усилиями женщины, принадлежащей к семье венценосных рувендиан. *Вы должны жить* и доказать, что предсказание было истинно. В том ваш долг!

Удары топоров и дубин начали сотрясать тяжелую дверь, ведущую в их последнее убежище, — видно, маг Орогастус не решился применить в таком узком проходе свои грохочущие молнии.

Теперь королева действовала решительно и быстро. Без лишней суеты, сохраняя полное самообладание, она сдернула один из висящих на стене гобеленов. Подобные изделия, изготовленные в древности, еще можно было встретить в Цитадели. Вещи оказались долговечнее хозяев — тот легендарный народ стигнул задолго до того, как восемь веков назад сюда явились рувендиане. Удивительно, висящий на стене гобелен был сер, рисунок на нем было почти невозможно разобрать, но стоило сорвать древнюю ткань, всколыхнуть ее, придать движение — и вытканная картина ожила. Налилась глубоким синим цветом... На ее поверхности зашевелились смутные тени, неясные образы.

Оживший рисунок произвел ошеломляющее впечатление на присутствующих: казалось, люди, изображенные на гобелене, манят их к себе. На мгновение рыцари,

королева и принцессы как бы забыли о рвущихся в тесную каморку врагах...

Каланта пришла в себя первой и решительно шагнула вперед. Чудесный ковер скрывал небольшой чуланчик, где было устроено хранилище всякой хозяйственной утвари, а также висели крючки для развешивания одежды. Королева распахнула ведущую туда дверь и приказала:

— Дочери, сюда!

Харамис, обняв ослабевшую Анигель, сразу направилась к спасительному чуланчику. Однако внутри и двоим было очень тесно, и Кадия, обнажив кинжал, решительно заявила:

— Ничего не получится. Я останусь с тобой, мама.

— Влезай! — потребовала королева.

Голос ее поразил дочерей больше, чем властное лицо. Кадия безропотно повиновалась и втиснулась между сестрами. Но, как ни пыталась королева с помощью одного из рыцарей прикрыть дверцу до конца, ничего не выходило: все равно оставалась щель с палец толщиной.

— Вот еще что, — напоследок вымолвила королева и, сняв с головы корону, протянула дочерям.

Королевский венец приняла Харамис.

— Теперь, мои любимые, молитесь и надейтесь на Бога. Может, он позволит нам встретиться в более счастливом из миров.

Древний гобелен окончательно рухнул со стены, дверь не закрывалась — на что можно было надеяться? Тем не менее Харамис начала страстно шептать молитвы. Через образовавшуюся щель принцессы могли видеть все, что произошло дальше.

Удары боевых топоров уже заметно расщепили доски из гонды. Дверь, скрепленная металлическими полосами, еще держалась, однако с каждым новым ударом лезвия все дальше проникали внутрь. Еще немного, и последняя преграда рухнула.

Принц Антар в покрытых голубой финифтью доспехах первым ворвался в каморку, и тут же страшный двуручный меч лорда Манопаро взметнулся над его головой. Принц едва успел отбить удар. Другие рыцари-лаборнок-

цы схватились с тремя рувендианами... Король Волтрик и Орогастус остались в коридоре. Королева Каланта отошла подальше от того места, где прятались дочери, и встала у очага.

Лорд Манопаро нанес еще один удар по крылатому шлему принца. Антар тем не менее устоял на ногах — странно, но его лицо выражало не злобу, а только печаль и боль... Однако сражался он отважно, и скоро лорд Манопаро понял, что ему не устоять против более молодого противника. Он ринулся в решительную атаку. Принц отступил чуть назад, насколько позволяла каморка, сделал ложный выпад. Старый рувендианин попался на удочку, и в следующее мгновение принц страшным ударом разрубил Манопаро надвое.

Скоро и Корбан с Ведералом были смертельно ранены и разоружены, только лорд Джаминдо еще сражался, пока лаборнокские рыцари не сокрушили и его.

Потом — о, ужас! Они безжалостно добили раненых...

Принцесса Кадия в своем укрытии тихо шептала проклятья. Тело ее напряглось, она сжала рукоятку кинжала и уже совсем было собралась выскочить и попытаться отомстить убийцам, но тут Харамис шепнула ей:

— Уймись! Ради Цветка, успокойся! Ты погубишь всех нас.

Анигель тем временем достала из-за корсажа цепочку с амулетом и прижала его к губам.

— Давайте обратимся с мольбами к Белой Даме, хранительнице и заступнице, — едва слышно вымолвила она.

— Чтобы эти негодяи не нашли нас, — продолжила Харамис и в свою очередь достала свой медальон.

Дрожа от охватившей ее ярости, Кадия все-таки почувствовала, что ее рука оставила кинжал и словно сама по себе — то ли по примеру сестер, то ли подчиняясь чьему-то могучему велению, — достала собственный талисман.

— Я молю вас, Владыки воздуха, — почти беззвучно, стиснув зубы, заговорила она, — чтобы мне была доверена честь заплатить сполна и Волтрику, и Антару, и гене-

ралу Хэмилу, и этому злодею колдуну. Пусть будет пролита их черная кровь...

— Молю также, чтобы мы не потеряли самообладания,— шептала Харамис,— чтобы безрассудство нашей сестры не навлекло на нас гибель. И перестань ты наконец дрожать, Ани, иначе мы вывалимся под ноги Волтрику...

— Тише, тише! Они услышат! — пролепетала Анигель.

В этот момент дикий хохот и выкрики обезумевших от крови воинов стихли. Раздался голос короля Волтрика.

Кадия притихла. Гнев еще бушевал в душе, но угли ярости уже гасли, покрывались золой, прятались под пеплом, чтобы когда-нибудь в нужный час разгореться с новой силой.

— Посмотрите,— едва слышно вымолвила Анигель.— Мама!

Король обратился к Каланте с вопросом, где прячутся принцессы. Теперь в убежище стало тесно и душно. Во время боя несколько свечей упали на тюфяки, и те начали тлеть, испуская дым. Король снял шлем. По его свирепым взглядам, по исказившемуся от злобы лицу было ясно, что Каланта молчала.

Она держалась прямо — голова высоко вскинута, рядом у ее ног на коленях стоял взъерошенный Барнепо.

— Орогастус, заставь ее! — приказал король.— Или воспользуйся своей силой и разыщи этих королевских сушек.

— Государь, я не могу сломить ее волю,— ответил маг.— Ее теперь ничем не испугаешь... И магический взгляд мой здесь бессилен, как и в тронном зале. Это древнее сооружение насквозь пропитано враждебными мне чарами. В Цитадели мой ясновидящий взор бессилен. У меня есть магический аппарат, с помощью которого мы бы без труда обнаружили их, но дело в том, что это устройство — громоздкое и тяжелое. Я никак не могу доставить его сюда из моего замка на горе Бром.

— Тогда мы должны использовать другие средства, чтобы развязать благородной даме язык! — Король выхватил меч и, приблизившись, взял Каланту за правую руку.

— Будешь молчать, шлюха королевская? — зловеще спросил он. — Если не заговоришь здесь же, сию же минуту, то лишишься правой руки. Если и после этого станешь молчать, у тебя не будет и левой. Потом я займусь твоими ногами... Одним словом, твои конечности будут все уменьшаться и уменьшаться, пока ты не заговоришь. Пусть никто не сомневается, что лаборнокцы сумеют расчитаться за нанесенное оскорбление!

— Государь! — подал голос Антар. На его лице застыл ужас. — Она все же королева, а подобное наказание уместно разве что для восставших рабов.

— Молчать!!! — заорал Волтрик.

Неодобрительный шепот, пробежавший среди лаборнокских рыцарей, сразу стих.

— Будешь говорить? — повысил голос Волтрик.

Все произошло так быстро, что ни рыцари, ни принц Антар не успели перехватить пажу Барнепо, который кинулся к королю и зубами вцепился в его левую руку. В незащищенное место, чуть повыше кисти...

Волтрик взвыл от боли и отскочил назад, волоча за собой юношу. Тот повис на нем... Король в бешенстве рубил его мечом, и один из таких размашистых ударов угодил в горло Каланте. Она безмолвно опустилась на пол — кровь ручьем хлынула из раны. Лаборнокцы закричали и принялись добивать юношу. Вся каморка — стены, стол, стулья, gobелены, жаровня — была забрызгана кровью. Когда мертвый Барнепо упал на пол, на лице его застыла улыбка. Она привела Волтрика в совершенную ярость, и он отрубил пажу голову.

Потом Волтрик дал волю гневу — он ругался так грязно, что даже перепачканные в крови грубые рыцари смущались. Еще бы! Королева Каланта была мертва, принцессы — не найдены.

— Что теперь будем делать? — спросил принц Антар.

Как всегда спокойный и уравновешенный, Орогастус подал голос:

— Они не могли уйти далеко. Вообще-то дочери должны были находиться с матерью. Если бы не этот ублю-

док...— Он пнул ногой тело несчастного Барнепо.— Как ему удалось уйти из-под надзора Хэмила? Значит, он знал более короткий путь сюда. Что ж, теперь, не теряя ни минуты, мы должны тщательно обыскать всю башню.

Волтрик кивнул. Он успокоился, но вид у него был угрюмый.

— Орогастус прав. Ты, Милотин,— обратился он к одному из рыцарей,— возьми своих ребят и немедленно приступай к обыску в часовне. Осмотрите и прилегающие к ней помещения. Кого искать — вы знаете. Как — тоже... Обращайте особое внимание на этот чертов цветок с золотым кружком — здесь несомненно есть еще тайные ходы. После того как осмотрите часовню, поднимайтесь наверх. Везде выставить посты. Антар и Орогастус, следуйте за мной. Мы соберем наших парней и перевернем здесь все вверх дном — от чердака до подвалов.

Затем король принялся злом поминать душу бедного Барнепо: рука у Волтрика не на шутку разболелась. Орогастус осмотрел рану и, нахмурившись, предупредил — нездоровые зубы могут вызвать заражение крови. Надо принять все меры предосторожности.

— Чтоб ты сгнил заживо,— прошептала Кадия.— Чтобы отравленная кровь поразила тебя прямо в сердце!

— И пусть Владыки воздуха возьмут душу Барни в райские сферы,— вздохнула Харамис.— Если бы не он, Волтрик долго мучил бы нашу мамочку. И нас бы обнаружили...

Король, наследный принц и придворный маг удалились. После быстрого осмотра короткого коридора, ведущего в чуланчик, Милотин и его люди тоже покинули помещение. С балкона, где обычно располагался хор, еще некоторое время доносились шорохи, звяканье металла, тяжелые шаги, грохот опрокидываемых каменных сидений... Наконец все стихло — воины, по-видимому, вышли на лестницу, ведущую в верхние этажи башни.

Кадия шепнула сестрам:

— По-моему, нам можно выйти.

Они так и поступили — тихо, стараясь ничего не за-
деть, тщательно выбирая, куда ступить, обходя лужу ма-
теринской крови. Каланта лежала среди груды мертвых
тел, но сестры сначала побоялись даже подойти к ней.
Полная безысходность их положения теперь воочию от-
крылась перед ними — их словно ледяной водой окати-
ли. Даже слезы пропали. Анигель схватила старшую се-
стру за руку и до крови прикусила нижнюю губу, чтобы
только не потерять сознание. Нервы нервами, но теперь,
когда очевидный ужас происшедшего разрушил всякую
надежду на чудо, когда стала окончательно ясна перспек-
тива их скорого пленения и позорной смерти, когда на-
деяться можно было только на самих себя, — она сумела
взять себя в руки. Тоненькая струйка крови побежала по
ее маленькому изящному подбородку.

Кадия, более решительная и немного успокоившаяся,
шагнула к матери.

— Мама ушла от нас с миром, — взглядевшись в милые
черты, сказала она. — Глаза закрыты, на лице печаль...

Она подняла валявшийся в углу черный плащ и при-
крыла им тело, однако Харамис рассерженно прошептала:

— Сними немедленно! Еще не хватало, чтобы кто-ни-
будь из солдат вернулся и обнаружил, что здесь кто-то
побывал. Дай сюда плащ!

Кадия вздохнула, сняла траурное покрывало и протя-
нула его сестре.

— Ты из нас, Харамис, самая разумная...

Старшая сестра завернула в плащ корону и сказала:

— Я всегда буду хранить ее, хотя вряд ли мне когда-
нибудь доведется надеть этот венец.

Анигель неожиданно вскрикнула и прикрыла рот ла-
дошкой, потом взглядом указала на угол каморки. Наваленные там тюфяки вдруг пришли в движение.

— Отойдите! — приказала Кадия.

Она выхватила кинжал и смело шагнула вперед. Один
за другим она раскидала мешки, пока не обнажился край
древнего гобелена. Вдруг его вздуло потоком воздуха, при-
летевшего изнутри. Он затрепетал, подобно парусу.

— Клянусь Цветком, — выдохнула Харамис. — Там — ход. Ну-ка, Кадия, сорви ковер.

— Ой, не надо, — затрепетала Анигель, — а вдруг это враги.

— Враги, конечно, враги. Кто же еще может быть! — Чей-то ворчливый голос донесся из-за ковра. — Давайте-ка пошевеливайтесь, любезные девицы, они могут вернуться сюда в любую минуту.

Принцессы замерли, потом Кадия торопливо откинула ковер, и перед изумленными девушками предстал полукруглый лаз. На фоне глубокой черноты они увидели женскую фигуру, одетую во фланелевое платье, укутанную в зеленую вязаную шаль и к тому же подпоясанную кожаным передником. Широкое лицо отливало неестественной желтизной, выразительные, золотистого цвета большие глаза располагались сразу над тонкими узкими прорезями ноздрей. Остроконечные ушки были украшены серебряными серьгами с камнями в тон платью. Ручки были покрыты пятнами и морщинами, как это часто бывает у старух.

— Имму! — воскликнула Анигель с облегчением и радостью. — Дорогая Имму! Это ты? Ты пришла спасти нас? Мы думали, ты тоже ударилась в бега, как все остальные оддлинги.

— Ударилась в бега? Что за вздор! — Имму выбралась в каморку, выпрямилась, принялась, вздрогнула и быстро указала на лаз в нору. — Ну-ка, быстро марш туда, а я пока соображу, как бы нам замаскировать вход после того, как мы исчезнем отсюда.

Харамис и Анигель подобрали юбки и протиснулись в лаз, за ними Кадия. Через несколько секунд из темноты донесся радостный вопль старшей сестры:

— Узун? — И следом: — И ты, Джеган?

Два маленьких человечка стояли у поворота коридора, пробитого в каменной толще. В руках они держали фонари, в которых ярко сияли зеленоватые болотные светлячки. Оба они были ниссоны, как и Имму. Джеган был во всем кожаном, как и подобает охотнику, даже на голове красовалась кожаная шапка. Его наряд был очень

похож на тот, что носила средняя королевская дочь. А вот Узун был, как всегда, в роскошном темно-бордовом вельветовом камзоле. На его парчовый, расшитый золотом берет налипли клочья паутины, затянувшей все углы в тайном проходе.

Кадия растроганно обняла своего наставника:

— Вы все-таки не бросили нас, Джеган!

— Мы же не лишились разума, как рувендиане, и спрятались, чтобы спокойно переждать напасть. Только вы глупы настолько, чтобы вставать на пути у торжествующей Силы. Вас всех словно лунный свет загипнотизировал...

— Честь и достоинство требовали от нас защищать Цитадель, — горячо возразила Кадия.

— Прекрасно. Теперь взгляни, что она дала вам, ваша честь, — заметил Узун. — Если бы и вы покинули столицу и схоронились в непроходимых топях, было бы хуже? Вон наши люди уже добрались до Тревисты...

— А что дальше? — потребовала объяснений Кадия.

— Дальше... — Знаменитый охотник пожал узкими плечами, его остроугольные ушки чуть шевельнулись. — Вы могли бы жить среди нас.

— Но наш дом здесь, — возразила Анигель.

— А теперь их, — ответила Имму. Она наконец закончила маскировать вход в подземный туннель и быстро спустилась вниз, взяв свой фонарь. — Теперь они желают только одного — найти и убить вас. Впрочем, и нас тоже. Если схватят, не пощадят...

— Вы явились сюда, чтобы спасти нас? — спросила Анигель. Она по-прежнему держала в руках драгоценный медальон. — Белая Дама ответила на наши молитвы.

— Ответила, ответила... — заворчал Узун. — Может, и ответила. — Он вычертил рукой в воздухе магический знак и согнулся в поклоне. — Вы же знаете, дорогие принцессы, что я совсем не силен в магии. Арфой я владею куда лучше. Или, скажем, флейтой... Но вчера я попробовал погадать на воде — мне хотелось прозреть свою судьбу и судьбу моих товарищей. С кем нам быть теперь: со сво-

им народом или с людьми, которым мы служили долгие годы? И Великая Волшебница ответила...

Харамис удивленно воскликнула:

— Великая Волшебница? Это же и есть Белая Дама!

— Дама, все-то им дамы... — недовольно буркнула Имму. — Тише, дети. Дайте договорить Узуну.

Харамис покорно склонила голову:

— Прошу простить, друг Узун.

— Настоящее имя Белой Дамы — Бина. Она самая могущественная чародейка на всем нашем Полуострове.

— Или была ею, — мрачно добавил Джеган. — Она умирает. Возраст у нее уже такой... — Он ловко прищелкнул двумя пальцами. — Она слабеет и уже не может достойно противостоять козням этого ужасного Орогастуса.

— Она приказала доставить вас к ней, в Нот, — продолжил Узун.

— Но зачем? — с некоторым раздражением спросила Кадия. — Если она так слаба, чем она может нам помочь? Разве сейчас подходящее время для визитов?

— Не лучше было бы отправиться в Тревисту? — сказала Харамис. — Там мы могли бы дожждаться сезона дождей. Они нагрянут через несколько недель. А позже постараемся тайно добраться до побережья. С каким-нибудь торговым караваном... Король Вара Фьюделон, уверена, предоставит нам убежище.

— Я так не думаю, — возразил Узун. — Раз волшебница приказала доставить вас к себе, значит, мы вас должны доставить. Давным-давно она повелела нам троим отправиться в Цитадель и служить при дворе до того рокового дня, который, возможно, решит судьбу всех народов, поселившихся в стране болот.

— И этот день настал! — вставила Имму. — Или можете считать меня самкой болотного луня!

Она настороженно поджала толстые губы — ее длинные остренькие ушки зашевелились, задвигались.

— Эти ушли из часовни, — она понизила голос до шепота, — но другие снуют по всей главной башне. Здесь даже подручные колдуна — знаете, их называют Голосами.

Они-то и соблазнили скритеков пойти к ним в союзники. Самое время убираться отсюда подальше...

— Харамис, старшая дочь короля Крейна, ты пойдешь со мной, — торжественно сказал Узун. — Джеган и Имму, вы поведете своих воспитанниц другими путями. Такова воля Великой Волшебницы.

Харамис на мгновение опешила, потом гневно взглянула на музыканта. Расстаться с сестрами? Ни за что! Однако ей хватило сообразительности не впадать в гнев — она судорожно схватила амулет, который был с нею со дня рождения.

— Я не могу их оставить! Я — старшая, я — наследница трона и отвечаю за них! Если потребуют обстоятельства, только я имею право принимать решение, — спокойно заявила она.

— Сестра, поступай, как тебе сказано, — возразила Анигель. — Доверься Белой Даме.

— Мне это не нравится, — сказала Кадия. — Если мы будем вместе, я всегда смогу защитить вас. Я, не задумываясь, отдам свою жизнь...

— Жизнь, жизнь... Вам бы только жизнь отдать! — рассердилась Имму. — Ну почему, Кадия, у тебя постоянно страсти берут верх над разумом? И почему Харамис должна принимать решение? Анигель далеко не так разумна, как вы двое, и то она смогла рассудить здраво. Скажи им, Узун! Скажи, что просила передать им волшебница.

— Я предпочитаю воздержаться. — Музыкант глуповато улыбнулся. — Зачем их пугать?.. Бина просила их прийти к ней, потому что они еще совсем не готовы исполнить свой долг. Они даже не понимают, о чем идет речь. — Узун помолчал, потом продолжал: — Вас трое — три лепестка животворящего Цветка. Именно вам предстоит очистить эту землю от поработителей, но это случится только в том случае, если вы кое-чему научитесь. Об этом Великая Волшебница и хотела поговорить с вами.

Анигель взяла сестер за руки:

— Хари... Кади... пожалуйста!

Кадия помолчала, потом кивнула. Харамис тоже согласилась:

— Хорошо.

— Клянусь Цветком, у нас совсем не осталось времени! — воскликнула Имму. — Итак, ты, Харамис, должна идти вместе с Узун. Со мной и Джеганом отправятся Кадия и Анигель.

Тут же женщина схватила Анигель за руку и потащила вниз по узкому туннелю, за ней последовали егерь и Кадия.

— Значит, теперь мы с тобой связаны одной веревочкой, — грустно пошутила Харамис, обращаясь к Узуну. — Верный друг, надеюсь, Белая Дама лучше, чем ты, разбирается в магии?

— Прежде всего, — ответил Узун, — я доверяю ей. И тебе тоже советую. Она повелела нам подняться на самый верх главной башни.

Ужас охватил Харамис, кровь бросилась в лицо.

— Мы должны подняться на верхнюю смотровую площадку? Но нас там сразу отыщут. О, почему я не послушала Кадии!

— Прошу, — настойчиво потянул ее за руку Узун. — Ваши сестры уйдут через подземелье.

Он зашагал вверх по лестнице, и Харамис ничего не оставалось, как последовать за ним.

Глава 3

Кадия, Анигель и двое одлингов пробирались узким темным коридором, блуждающим в толще земли под Цитаделью. Одну за другой они проходили потайные двери — механизмы их были покрыты пылью веков, стены из необработанного камня густо затянуты паутиной. Вверх — вниз, вверх — вниз... Скоро девушки потеряли представление о том, куда вел этот упрятанный в толще земли лаз. Наконец они вступили в длинный коридор с ровным полом — сюда через небольшие отверстия в стенах сочился тусклый свет из какого-то подземного помещения. Джеган первым заглянул в одно из отверстий и тут же отпря-

нул. Потом, немного успокоившись, он подозвал Имму. Та долго смотрела в тайный глазок, потом ее сменила Кадия и сразу начала бить маленькими кулачками по стене. Слезы полились у нее из глаз.

Они решили не показывать Анигели картину, открывшуюся в освещенном факелами подвале, однако юная принцесса не стронулась с места, пока Джеган не отступил в сторону. К удивлению Кадии, Джегана и Имму, девушка спокойно перенесла вид изуродованных останков сохранивших верность королю рыцарей. Она даже не вскрикнула — просто закрыла глаза и судорожно вцепилась в священный амулет.

Потом, словно очнувшись, она спросила Имму:

— Ты много пожила, много видела. Скажи, зачем лаборнокцы сделали это? Ведь наш отец и его рыцари уже были в их руках...

— Таким, как ты, дитя, понять это трудно. Ты росла в любви и заботе, душа у тебя нежная... Ты даже не подзреваешь, что на земле есть люди, для которых власть — превыше всего. И жестокость является, по их мнению, самым убедительным доказательством силы. Поэтому они упиваются ею. Мелкие душонки, они страшатся самих себя. Такие люди не могут обходиться без того, чтобы ежедневно, ежечасно не утверждать свое превосходство. Они не могут ничего создать и годны только для разрушения. Единственное, на что они способны, — это причинять боль другим. Их бесит сознание собственной ничтожности, и в припадке гордыни они дерзко бросают вызов Творцу и начинают мучить и убивать. Подобные людишки не знают, что такое любовь, и отдаются ненависти, потому что только злоба и отчаяние способны хоть чем-то наполнить их души. У них нет совести, они не ведают, что такое жалость, и считают, что им все дозволено. Они становятся ненасытно жестоки, потому что злоба и ненависть — это скудная пища для души. Добрым людям следует научиться осторожности в общении с подобными молодчиками, которые не в состоянии понять, что такое любовь. Они считают ее проявлением слабости. Особенно трудно придется тебе, принцесса, ведь до сего дня те-

бе не приходилось сталкиваться с такими негодьями. Тебе следует вести себя с ними твердо, неуступчиво, иначе...

— Боюсь, что я не смогу, — вздрогнув, ответила Анигель. — Даже после того, что я видела здесь. Это выше моих сил...

— Забудь об этом, Ани, миленькая. — Кадия обняла сестру, прижала к груди ее голову. — Уж я позабочусь, чтобы эти звери получили то, чего они заслуживают.

Джеган настойчиво потянул сестер за рукава, они поспешили дальше. Но через полчаса оказались в глухом тупике. Туннель заканчивался стеной, сложенной из обычного кирпича.

Анигель едва не лишилась чувств от досады, однако Имму успокоила девушку. Джеган подошел вплотную к кладке, поднял руку и неожиданно вычертил указательным пальцем в воздухе странную магическую фигуру. И в следующее мгновение стена дрогнула. В середине ее наметилась щель, едва заметная в тусклом свете фонарей. Зато нос сразу уловил знакомые хмельные запахи. Девушки повеселели — теперь они знали, куда привел их подземный ход. Они поспешили вслед за Джеганом и оказались в просторном подвале, заполненном рядами бочек и огромными медными чанами с суслом, возле которых были устроены деревянные подмости... Сколько раз они бывали здесь — в королевской пивоварне, которой заведовала тетушка Имму. Теперь здесь было пусто, тихо, но по-прежнему вкусно и опьяняюще-хлебно пахло.

Теперь их вела Имму. Они вошли в зернохранилище, где им пришлось перетаскать гору мешков, чтобы освободить подход к сбитой из горбылей двери в дальнем углу склада. Джеган подступил к ней с кочергой, петли отчаянно закрипели... За дверью обнаружилась лестница, вырубленная в сплошной скале. Здесь было сыро, тяжелые грузные капли равномерно падали с потолка. Мокрые стены тускло поблескивали в зеленом свете, излучаемом свернувшимися в фонарях светляками.

— Эта лестница, — сказал Джеган, — ведет в самые древние подземелья крепости. Там еще ни разу не побывал ни

один рувендианин. Все это: подземную тюрьму, потайные темницы с люками, вырубленные в скале цистерны для воды, дренажную систему — построили Исчезнувшие.

Спускаясь по лестницам, шагая по гулким переходам, девушки обратили внимание на гигантские паутины, сплетенные лигнитами — безвредными для человека многоногими существами, питавшимися насекомыми. Веками неисчислимые поколения пауков сплетали эти сети. Продолжая путь по подземелью, беглецы достигли длинного коридора, который вел вниз. Паучьи сети, развешанные на верхних ярусах, не шли ни в какое сравнение с теми, что открылись им на нижних этажах, а лигниты, встретившиеся вначале, казались милыми букашками по сравнению со своими собратьями, заселившими подвалы крепости. Некоторые из этих зверюг превосходили размерами плоды дерева ладу... Джегану и Кадии пришлось обнажить оружие, чтобы прокладывать путь среди плотных, широких, как простыни, паутин. Анигель отпрянула назад, когда Имму ударом ноги сбросила одного из лигнитов, пытавшегося укусить непрошенных гостей.

Миновав скопище многоногих мохнатых насекомых, принцессы и оддлинги спустились еще ниже. В лицо им ударил запах застоявшейся воды. Они добрались до проржавевших металлических ворот, створки которых были наполовину открыты. За ними в глубине смутно вырисовывались еще одни ворота, распахнутые настежь. Беглецы ступили в широкий, с низкими сводчатыми потолками, зал. На его стенах были укреплены держатели для факелов и крючья, на которых висели связки ключей, разъеденных ржавчиной до такой степени, что стоило Кадии прикоснуться к одному из них, как тот рассыпался в прах. В центре зала располагался бассейн с черной маслянистой водой, выступившей из каменных берегов и разлившейся по полу. Оддлинги и принцессы поспешили покинуть это место и свернули в коридор — в конце его тлело сумрачное пятно. Чем ближе они подходили, тем ярче становился прямоугольник света. Еще шаг — и они выбрались на волю.

Девушки невольно замерли — перед ними открылось подобие тюремного двора. По бокам теснились и высились забранные железными решетками камеры. Там, в густых сумерках, при виде людей сразу начали разбегаться бесформенные мелкие посверкивающие твари, оставляя за собой искорки-следы.

— Светляки болотные,— пояснил Джеган.— Такие же обитают в самых отдаленных уголках на болотах.

— Ах! — вскрикнула Анигель и указала на одну из клеток, в которой была выломана дверь.

Внутри лежал скелет, ржавой цепью прикованный за ногу к стене. Его глаза фосфоресцировали — видно, светлячки устроили в его черепе свое логово.

— Что за отвратительное место! — Анигель никак не могла успокоиться.— Посмотрите, что там, в углу? Это же орудия пыток! Совсем заржавели. Да они тут повсюду разбросаны. Ой, а это что ползет? Ой, оно мне в туфлю заползло!

Она потрясла ногой, чтобы вытряхнуть существо, но тщетно. Девушку передернуло от отвращения, и она громко разрыдалась. Дрожь сотрясала ее хрупкое тело — она столько навидалась за день, столько натерпелась, что теперь не могла совладать с собой.

Имму бросилась к ней с кинжалом в руке — видно, ножны таились у нее под передником,— осторожно лезвием выковырнула крупного слизняка и отшвырнула его далеко в сторону. Потом сняла косынку и вытерла грязное, заплаканное лицо принцессы, погладила ее по голове, пробормотала что-то успокаивающее.

— Далеко нам еще идти? — спросила Кадия у Джегана.— Обувь моей сестры мало подходит для долгих переходов. Для дворцовых покоев она — как раз, а тут... Впрочем, наряд тоже. Она до смерти застудится в этом вонючем болоте.

— Скоро согреется,— покровительственно ответил егерь.— Там, куда мы направляемся, ее ждет сухая одежда. Но прежде нам еще всем придется искупаться. Стоп! Что это? Лай?!

Все замерли. Джеган сдернул с головы кожаную шапку. Его лицо напряглось, превратилось в маску, глаза засверкали янтарным блеском, широкие губы слегка раздвинулись, обнажая зубы.

Девушки ничего не слышали, кроме перелива капли, однако Джеган сильно встревожился.

— Нас преследуют! Лунь болотный их побери! Они уже в пивоварне. Скорее!

Он стремительно бросился в дальний угол тюремного двора — здесь начиналась еще одна лестница. Рядом со ступеньками были сколочены перила как раз под рост оддлингов, тем не менее это помогало при спуске по осклизлым камням и принцессам. Девушки так спешили, что не замечали, как следы, оставляемые ими, сразу начинали светиться, и лишь со временем сияние угасало.

Фонари оддлингов давали теперь так мало света, что различить что-либо впереди было невозможно. Скоро они добрались до новой, на этот раз естественной пещеры и побрели по колено в жидкой грязи. В подземной полости были собраны странные, совсем проржавевшие машины, в грязи валялись какие-то трубы чуть пошире стволов старых могучих деревьев, служившие убежищем для мириад светящихся червячков. Под потолком носились страшные невидимые летучие существа — возможно, ночные каролеры. От одного их присутствия становилось неприятно, а уж когда они касались волос и при этом мерзко вскрикивали, мороз пробежал по коже. Наконец Джеган привел беглецов в центр пещеры, где возвышалась круглая, выложенная плитами площадка. В середине ее открылась черная дыра диаметром около двух элсов. Перешагнуть через нее не удалось бы и самому высокому человеку. Теперь со стороны лестницы, ведущей в пещеру, отчетливо доносились крики и лязг доспехов. Анигель застонала... Джеган внимательно взгляделся в пропитанное мраком отверстие, потом схватил камень, бросил его вниз... Прошло несколько секунд, и далекий всплеск показал, что камень упал в воду.

— Отлично! — Джеган поднял вверх палец. — Я боялся, что колодец совсем пересох, сейчас ведь сухой сезон.

Итак, наше спасение в наших руках. — Он обратился к Кадии. — Прыгай, мой храбрый друг! Эта цистерна — самая древняя в Цитадели. Она построена еще до того, как крепость приняла нынешний вид. По специальному каналу емкость питается водой, поступающей сюда из Мутара. Мы сейчас находимся к северу от Цитадели. Великая Волшебница приказала моему брату Рапахуну пригнать к устью канала лодку. Так что, давай, прыгай!

— Сюда? — недоверчиво спросила Кадия.

Джеган покачал головой, подвесил фонарь к поясу — сырость совсем не была светлячку помехой, и он по-прежнему безмятежно посверкивал...

— Ладно, я прыгну первым и буду встречать вас внизу...

— Я не умею плавать, — всхлипнула Анигель.

— Зато остальные умеют, солнышко мое, — сказала Имму. — Мы тебя поддержим, подхватим...

Шум погони все приближался.

— Поторапливайтесь, — сказал Джеган. — Ну, я пошел!..

Он ступил на край колодца и мгновенно исчез из вида. Через некоторое время до женщин долетел глухой всплеск, потом голос:

— Прыгайте, прыгайте, все в порядке...

Кадия глубоко вздохнула и быстро зашептала:

— Владыки воздуха, наделите меня храбростью, поддержите, не дайте погибнуть... — С этими словами, крепко схватившись за свой амулет, она прыгнула в колодец.

«Белая Дама, помоги, помоги, помоги, помоги...»

Перед самым приводнением Кадии вдруг почудилось, что какая-то сила упруго остановила ее полет, и она мягко вошла в холодную затхлую воду, точно ступила в ванну. Она вынырнула и вдохнула, а охотник уже буксировал ее к мокрой, поросшей зеленоватыми водорослями стене.

— Быстро взбирайся на ступеньку, — скомандовал он. — Видишь ее? Возьми фонарь...

— Послушай, Джеган... Или мне показалось... В колодце меня что-то подхватило... Ты знаешь, я словно оперлась о воздух и опустилась мягко-мягко.

— Что ты мелешь! — взорвался всегда вежливый и почтительный охотник.

— Нет, правда, — уверяла Кадия, — я схватила медальон, взмолилась — и вот это случилось! Мне Владыки воздуха помогли...

— Боже мой, тебе просто померещилось!

— Я же говорю — я не падала, а летела и опустилась так мягко. Ты же слышал.

Джеган поставил фонарь на край ступеньки в стене. Тусклое сияние легло на колеблющуюся воду, в этом свете принцесса разглядела плавающего рядом оддлинга. Странные все же они существа. Чужие!

— Пророчества, магия... — недовольно забормотал Джеган. — Время ли сейчас для них? Магия может подождать, пока мы не выберемся отсюда.

Затем он отплыл в сторону и крикнул, призывая Ангиль прыгать.

Принцесса судорожно схватила Имму за руку. Они вместе встали на самый край провала.

— Прыгайте! — донесся снизу требовательный голос. — Не бойтесь!

Следом снизу долетел голос Кадии:

— Ани, не медли. Крепко ухватись за амулет и попроси Владык воздуха, чтобы они поддержали тебя. Так и будет! Наш Триллиум обладает волшебной силой, обопрись на нее.

— О чем это она? — встревожилась Имму и, склонившись над колодцем, воскликнула: — Принцесса Кадия, что там у вас происходит?

— Это случилось! Случилось! Милая Имму, мы даже не подозревали об этом. Прыгай, Ани. Доверься Белой Даме...

Зубы у Ангели отчетливо застучали, она обеими руками схватила амулет и вдруг задрожала так, что Имму испугалась — не потеряла ли девушка сознание?

— Я не могу. Боюсь...— с трудом прошептала Анигель.— Что, если волшебная сила мне не поможет?

Тусклые отблески света заплесали в той стороне, где располагался туннель, ведущий в подземный зал. Дробью рассыпался металлический звон, сияющими всполохами брызнули во все стороны светлячки. Отчетливо долетел чей-то возглас:

— Принц Антар, здесь проход... Вот они, светящиеся следы. Сюда, все сюда!

— Ты должна собраться. Смелее! — умоляла Имму.— Ани, они уже близко. Я здесь, рядом с тобой, дай мне руку, другой крепче зажми амулет. Ну же!

Девушку внезапно повело в сторону, она отступила от края колодца.

— Нет! Нет!

Из глубины донесся голос Джегана:

— Чего вы ждете? Глупые женщины! Скорее... Рыцари не отважатся прыгать сюда, доспехи тут же утянут их на дно. Давайте же!

— Принцесса совсем перетрусилась, а я не могу оставить ее! — отчаянно выкрикнула Имму.

— Тогда столкни ее, неразумная ты баба! — заорал Джеган.

Имму удобнее перехватила фонарь, потянула принцессу, но девушка уже совсем потеряла голову. В выкатившихся глазах не было и капли здравого смысла, рот перекосило. Подрагивающие губы говорили о том, что сегодняшние испытания вконец доконали Анигель. Она отпрянула от колодца так, что ее платье в руке Имму затрещало. Имму бросилась за нею, схватила за руку и снова потащила к мрачному отверстому зеву. Но видеть его, а тем более прыгать туда, уже было выше сил принцессы. Она начала отчаянно сопротивляться. Обе женщины даже не заметили, как в пылу борьбы оступились и упали с возвышения в жидкую, отвратительно пахнущую грязь. Они принялись барахтаться, пытаясь выбраться на сухое место.

В этом вонючем месиве и обнаружил их принц Антар со своими воинами.

Анигель и Имму схватили, поставили на ноги. Женщины наконец-то пришли в себя и теперь стояли, опустив головы. Почти дюжина крепких, бородатых, одетых в броню мужчин окружила их. Несколько человек держали дымящиеся факелы — колеблющийся свет придавал ухмыляющимся лицам зверское, глумливое выражение. Только принц Антар, казалось, был совершенно спокоен. В глазах его стояла странная отрешенность, словно за всем происходящим он следил как бы со стороны, словно не он недавно разрубил надвое лорда Манопаро, а кто-то другой.

Имму показала ему необыкновенно длинный, извивающийся язык. Один из рыцарей тут же шагнул вперед, выхватил меч... Его остановил окрик принца:

— Подожди, Ринутар!

Воин, что-то недовольно пробормотав, отступил, вложил меч в ножны.

Принц осторожно взял за руку испачканную с ног до головы Анигель, взглянул ей в лицо. Она как будто ничего не соображала — взгляд был пуст и холоден, — но тем не менее сразу обтерла лицо рукавом платья.

— Принцесса, остальные прыгнули в этот колодец? — Принц указал на черное пятно в центре площадки.

Анигель ответила сразу:

— Да. Они успели... Теперь можете убить нас, но помните, что моя сестра Кадия овладела великой магической силой. Наступит день, когда вы все поплатитесь жизнями за то, что совершили сегодня.

Собравшиеся рыцари на мгновение затихли, потом обрушили на Анигель град вопросов, но девушка больше не вымолвила ни слова. Ринутар опять выхватил меч.

— Подожди! — уже раздраженным голосом остановил его принц. — Их надо хорошенько допросить. Мы должны наверняка знать, что это за магическая или какая-нибудь другая сила, которая может помешать нам овладеть Рувендой до конца.

— Тогда позвольте мне хотя бы заняться этой грязной аборигенкой, — энергично заявил Ринутар, снова вкладыва-

вая меч в ножны. — Я тут поразвлекусь с ней, и она сразу все выложит.

— О нет! Пожалуйста! — вырвалось у Анигели, и она без чувств рухнула в грязь.

Принц Антар взял ее на руки, поднял — она была необыкновенно легка, — глянул в лицо и невольно затаил дыхание. Ему никогда не доводилось встречать более красивую женщину. Ее лик не могли испортить ни грязь, ни мокрые, слипшиеся в сосульки волосы. Он перевел дух и неожиданно подумал, как вовремя она лишилась сознания... Теперь не надо делать вид, будто не замечаешь, как твои солдаты насилуют Уродину, не надо будет останавливать их, чтобы они не трогали эту прекрасную женщину, чья голова покорно прильнула к его панцирю. Все, что угодно... Только без меня... Он был взволнован, но разгоравшийся в душе огонек не лишил его разума. Антар хмуро, с угрозой оглядел рыцарей — те невольно выпрямились под его взглядом — и сказал:

— Здесь нам делать нечего. Ясно, те двое ускользнули от нас, преследовать их мы не в состоянии. Этих двух заключенных доставить целыми и невредимыми. Мой отец разберется с ними...

Рыцари охотно исполнили его повеление — никому не хотелось прыгать в жуткий колодец. К тому же все эти подземелья, тайные ходы произвели на них угнетающее впечатление. Антар приказал своему маршалу Ованону связать ведьму-аборигенку и донести до королевских покоев. Тот весело исполнил приказание и, довольный, перекинув Имму через плечо, зашагал вслед за принцем.

Глава 4

Харамис изо всех сил старалась поспеть за придворным музыкантом. Она никогда не подозревала, что способна на такую прыть. То ли отчаяние прибавило ей мужества, то ли, наоборот, она окончательно утратила его.

Они мчались вверх по каким-то упрятанным в стенах башни лестницам, скрытым переходам, пыльным, узким... Продирались сквозь вековые паутины лигнитов — Узун

на ходу уверял ее, что нога человека не ступала по этим коридорам с той поры, как первые рувендиане много веков назад появились здесь. Наконец они добрались до подножия нескончаемой каменной винтовой лестницы, уводящей к самому верху башни, которую, как пояснил музыкант, надстроили уже предки принцессы. Откуда-то снизу до беглецов донеслись выкрики. Неужели враги уже проникли в тайный ход?

Харамис и Узун одолели несколько этажей и неожиданно попали в королевскую библиотеку, где принцесса провела столько приятных и полезных часов. В нескольких залах, уместившихся в теле башни, было пусто, однако Харамис с негодованием заметила, что новые хозяева успели побывать здесь. Бесценные тома, древние рукописи кое-где были сброшены с полок и валялись на полу. Хотя, в-общем-то, большой погром пока обошел хранилище книг стороной.

«Несомненно, Орогастус отдал приказ сохранить все это богатство,— на бегу подумала принцесса.— Я бы на его месте так и поступила».

Странно, но в ту минуту она невольно с уважением подумала о ненавистном маге. Ведь этот человек сумел приручить молнию! Он оказался достаточно прозорливым, чтобы определить безопасный путь через Гиблые Топи. Ясновидящий? Тогда как он овладел этим даром? Если бы не Орогастус, лаборнокцы никогда бы не смогли покорить Рувенду. Харамис с детства испытывала преклонение перед знающими людьми, пусть даже их могущество в конце концов обернулось против нее и ее родины. Орогастус был ей интересен, и, спасаясь от преследователей, в сущности, от слуг этого кудесника, она тем не менее постоянно думала о нем.

Что это за человек? Да и человек ли он вообще?

Харамис и Узун добрались до пятнадцатого яруса. Кованные стальные двери во внутренние помещения были распахнуты. Здесь хранились сокровища короны. Принцесса вздрогнула, услышав долетевший оттуда шум — неужели здесь их ждет засада? Однако на лестнице было пусто: видно, охрану поставили внутри сокровищницы. Они

без помех пробежали мимо распахнутых дверей, поднялись выше, проследовали мимо опустошенных комнат, где короли Рувенды держали коллекции обработанных и необработанных камней, а также запас только что отчеканенных монет. Еще выше, на семнадцатом ярусе, располагалось хорошо защищенное помещение, где изготавливали ювелирные изделия.

До крыши оставалось два яруса — сначала обширная караульная, а выше что-то вроде комнаты отдыха для стражи и мастеров-ювелиров.

Здесь Узун сделал короткую передышку. Он отер взмокший от пота лоб, перевел дыхание. Харамис последовала его примеру.

Друзьями Харамис и Узун стали с раннего детства принцессы. В ту пору придворный музыкант был уже в годах... Девочке было интересно с ним, она до конца доверяла ему, несмотря на то что он был не совсем человеком. Ниссомы — впрочем, как и все местные аборигены — по внешнему виду очень напоминали людей, однако кровь у них была куда темнее. Но главное, их тело лишь отчасти походило на человеческое, и сердце у них билось в правой половине груди. Все одлинги уверяли, что обладают способностью общаться между собой мысленно. Кроме того, болотные жители утверждали, что небесные силы наградили их даром предвидеть будущее. Большинство людей-рувендиан не признавали за ними подобных достоинств: как же, подчиненное сословие, дикие, необразованные варвары — и ясновидение! Да вдобавок телепатия! Не может этого быть! Не убеждали людей и редкие, но неопровержимые примеры чудесных способностей. Мало ли какая случайность!.. Когда не хочешь поверить в очевидное, всегда можно найти множество отговорок. В детстве, например, Харамис верила, что ниссомы являются чем-то вроде домашних животных. Все они были в полной власти короля, однако отец был добрым и понимал, что маленький народ свободен от рождения, обладает душой и языком и с ним нужно вести себя, как с обычными людьми...

Отдохнув, беглецы продолжили восхождение. Достигнув последнего витка лестницы, Узун подал знак рукой,

чтобы Харамис задержалась: он хотел проверить, что там впереди. Девушка встревожилась. Что же будет, когда они достигнут верхней смотровой площадки? Выше-то ничего нет, разве лишь зубчатый парапет, огораживающий площадку...

Где там можно укрыться? Харамис зябко передернула плечами — ей стало холодно. Ветер посвистывал в узких бойницах и задувал огоньки в настенных лампадах.

Принцесса очень испугалась, когда вынырнувший из-за колонны Узун бесшумно поманил ее, прижав к губам длинный палец. В глазах его, огромных, желтых, застыла тревога. Когда принцесса приблизилась, он шепнул ей на ухо:

— В караульном помещении только один стражник. Но, вне всякого сомнения, другие в любую минуту могут подняться снизу.

— Я так и знала,— так же тихо ответила принцесса.— Мы попали в ловушку, вражеские солдаты и сверху, и снизу. План твоей разлюбезной Белой Дамы полностью провалился.

— Тише, тише,— взмолился оддлинг.— Кажется, я нашел выход, только, ради Бога, собери в кулак всю свою волю. Можешь ли ты подвязать повыше свое платье?

Она кивнула, отпустила подол, который придерживала, когда поднималась по ступенькам, положила на пол завернутую в плащ корону. Затем подтянула наверх юбку, пока край подола не достиг колен, спрятала в образовавшуюся складку королевскую корону и затянула пояс. Концы плаща пропустила под мышками и завязала на груди.

— Так сойдет?

Оддлинг кивнул, потом сказал:

— Слушай внимательно. На смотровую площадку ведет приставная лестница. Расположена она в нескольких шагах от последней ступеньки. Столько же примерно и до двери в караулку. Часовой ранен в ногу, поэтому быстро двигаться он не сможет, однако меч у него в полном порядке. Он, вероятно, очень устал. После боя, грабе-

жей... Они все наладились вина, как дьяволы, так что хватка у него уже не та.

— И после насилий над женщинами в крепости,— добавила Харамис.— Теперь и меня ожидает та же участь. А потом они перережут мне горло, тело выбросят в помойную яму...

Узун укоризненно глянул на нее:

— Принцесса, они приблизятся к тебе только через мой труп. Доверься Белой Даме и выслушай мой план. Я тебя очень прошу — сосредоточься...

Харамис нервно теребила в пальцах священный амулет, представлявший собой овальный, тщательно отполированный кусочек янтаря, внутри которого мерцал распутившийся бутон маленького Черного Триллиума.

«Я не сомневаюсь в твоей преданности,— подумала она,— но фраза “через мой труп” звучит несколько легкомысленно. Вряд ли ты окажешься серьезной преградой для этих извергов...»

Не желая расстраивать друга, она изобразила на лице полную сосредоточенность и сказала:

— Я слушаю.

— Я притворюсь сумасшедшим и влечу в комнату, где находится часовая. Будто совсем свихнулся и ничего не соображаю... Начну кривляться, чудить...

— Если ты напуган так же, как я, то сыграть эту роль тебе не составит труда.

— Значит, начну дурачиться, бормотать какую-нибудь бессмыслицу, выкатывать глаза. Ну, ты знаешь...

Она действительно была знакома с этим удивительным фокусом, проделывать который могли оддлинги. В пору детства взрослые ниссоны и даже сам Узун не раз развлекали ее подобной шуткой. Глаза у этих полулюдей обладали способностью выпрыгивать из глазниц и вытягиваться обратно, при этом лица оддлингов приобретали просто уморительное выражение. Однако подобное упражнение считалось неприличным, и взрослые оддлинги старались не демонстрировать его. Каково теперь благородному, утонченному Узуну пользоваться балаганными приемами!

— Тем временем,— продолжил придворный музыкант,— тебе следует быстро взобраться по приставной лестнице наверх и открыть верхний люк. Я тут же последую за тобой, вдвоем мы вытащим наверх лестницу и захлопнем крышку.

— А затем? Даже если солдаты не смогут сразу добраться до нас, если допустить, что их ужасный колдун не сможет применить свои молнии, что мы будем там делать? Долгой осады нам не выдержать... Конечно, можно принять героическую смерть от голода и жажды, но какая от этого будет польза Рувенде?

— Я не знаю, что случится «затем»! — рассердился Узун.— Я исполняю повеление Белой Дамы, и только. Принцесса, может, ты оставишь свои бесконечные вопросы? В любую минуту снизу может подняться смена. Давай-ка исполним то, что нам предписано, дальше будет видно.

Не дожидаясь ответа, он принял вид совершенного дурака, пару раз вытянул и втянул глаза — они трепетали на тоненьких жилочках, потом запрыгал по ступенькам и скрылся в караульном помещении.

Харамис услышала, как там что-то загремело, потом грозно закричал охранявший выход рыцарь. Наконец до нее донесся визг выдвигаемого из ножен меча. Однако, по-видимому, Узун так ловко изображал помешанного, что после некоторого промежутка в башне раздался громкий неудержимый хохот. Принцесса решила, что пробил ее час, и, тихо переступая со ступеньки на ступеньку, двинулась вверх. Она увидела распахнутую в караулку дверь, уморительно прыгающего, выкатывающего глаза музыканта, лаборнокского рыцаря, которого просто скрутило от смеха. Дождавшись, пока он повернулся спиной к двери, Харамис бросилась вперед и ловко, как кошка, вскарабкалась по приставной лестнице, напряглась, откинула вверх шитую из крепких деревянных брусков крышку и выскочила наружу.

— Узун! — закричала она, встав на колени.— Давай! Скорее! — И обеими руками вцепилась в последнюю перекладину.

Оддлинг только и ждал ее сигнала. Он тут же метнулся к лестнице и начал быстро взбираться наверх. Спустя мгновение обманутый часовой взревел так, что его, видно, услышали в самом низу башни. Он еще успел выкрикнуть: «Тревога!» — и, выхватив меч, бросился за Узун. С размаху, пытаясь достать его ноги, ударил мечом, но не дотянулся, только разрубил нижнюю ступеньку лестницы. Харамис схватила Узуну за руки и помогла ему вылезти на площадку. Вдвоем, напрягая все силы, они начали втаскивать наверх приставную лестницу. Этого охромевший пьяный рыцарь никак не ожидал и, вместо того чтобы схватиться хотя бы за нижние перекладины, продолжал бестолково пытаться достать беглецов мечом.

Наконец, не сумев сохранить равновесие, он рухнул на ступеньки винтовой лестницы. Раздался оглушительный грохот, в ответ снизу донеслись встревоженные возгласы. Узун, не теряя времени, захлопнул крышку люка, придавил ее лестницей и перевел дух.

На смотровой площадке сильно сквозило, с болот тянуло запахом гнили и влаги. Густой туман клубами затягивал окрестности, наползал на нижний пояс укреплений Цитадели. На шесте развевался кроваво-красный флаг Лаборнока. Прямо внизу, в крепости, еще полыхали пожары. Свет их скрадывал надвигающийся туман.

Уже заметно стемнело, и частые крупные звезды выступили на чистом, густо-синем небосводе. На западе вставали Три Луны. Вскоре должно было произойти их слияние в одной точке небесной сферы. Случится это через четыре недели.

Страх, все это время терзавший принцессу, теперь сменился приступом ярости и возмущения. Сколько пришлось приложить усилий, чтобы в конце концов оказаться в этой подоблачной ловушке! Долго ли притащить снизу еще одну лестницу и разнести деревянную крышку боевыми топорами? Что тогда? Мысль о том, что ее коснутся лапы этих убийц, привела ее в совершенное негодование. Нет уж, живой она им не дастся, лучше головой вниз!

Тяжелые рубящие удары потрясли крышку, и через несколько минут от нее остались только щепки. Следом трое вооруженных людей взобрались на смотровую площадку. Один из них заулюлюкал.

Харамис, сжимая амулет, залезла в промежуток между зубцами парапета. Узун прикрыл ее.

— Владыки воздуха, спасите нас!

Тут в отчаянии вскрикнул Узун:

— Белая Дама, где же ты? Мы нуждаемся в помощи!

Трое солдат медленно, с радостными ухмыляющимися лицами приближались к ним. В этот момент сильный порыв ветра ударил по башне откуда-то сверху. Звезды поблекли, и какое-то огромное, распростершее крылья чудовище спустилось с небес. Потом еще одно... Они подали голос, подобный реву гигантских медных труб.

Одна из гигантских птиц направилась к солдатам.

— Ламмергейеры! — воскликнул один из них. Голос его сорвался. — Берегись! — просипел он.

Но было поздно. Могучее крыло смахнуло солдат к самому люку. Их крики слились в один протяжный вой, который внезапно и резко оборвался. Грохот упавшей лестницы, вопли раненых солдат из провала...

Позже оставшиеся в живых воины доложили королю Волтрику и придворному магу о том, что им довелось увидеть. Два огромных летающих чудовища, покрытые белыми и черными перьями, сели на верхушку башни. Когти их выбивали искры из каменных плит, глаза и клювы поблескивали в слабом лунном свете. Принцесса Харамис оседлала одну из птиц, этот негодяй оддлинг — другую... Чудища взмахнули крылами, легко взлетели и умчались в северо-западном направлении. Куда-то в сторону Охоганских гор...

Глава 5

Постыдное, по мнению Кадии, бегство, брошенная сестра — все это словно подлило масла в огонь. Принцесса не могла сдержать ярость, рвавшуюся из груди, однако путь, выбранный Джеганом, не позволял ни на секунду

расслабиться. Кадия, проклиная все на свете, с трудом ползла по узкому скользкому выступу. С той поры, как рувендиане овладели Цитаделью, прошло много веков, и за это время они построили новую накопительную и дренажную системы. Прежние обветшали... Джеган повесил фонарь на шею и пробирался первым. Время от времени он останавливался, поджидал спутницу, подсвечивал ей дорогу. Местами выступ был завален кучами болотной травы, местами кладка совсем обрушилась, и им приходилось погружаться в воду и обходить препятствие. Кожаные брюки на коленях успели протереться, на ногах появились ссадины. Наконец Кадия, ругавшаяся такими словами, каких Джеган никак не ожидал от нее услышать, спросила:

— Долго еще до реки?

— Нет. Если бы не ночь, мы бы уже могли различить свет впереди. Не могла же вся эта растительность вырасти в полной темноте. Вообще-то говоря, лучшего местечка для разведения градолисков и водяных червей и не придумать.

Кадия вытерла ладони, выплюнула набившуюся в рот тину и снова выругалась:

— Может, эта мерзкая сточная труба никогда не кончится? Того и гляди, гадюка вопьется в горло!

— Не болтай, королевская дочь, сохраняй дыхание. Береги силы. Верь, что в нужный момент добрые духи помогут нам...

— Если я сама не побеспокоюсь о себе, никакие духи мне не помогут! — горячо возразила принцесса.

Джеган взял ее за руку, потянул за собой, как много раз случалось в прежние годы, когда они бродили по болотам и он учил ее охотиться. Кадия несколько успокоилась.

Еще долго они, взъерошенные, мокрые, постоянно скользя и падая в колыхающуюся, поросшую ряской жижу, пробирались по полупересохшему туннелю, пока, наконец, не уперлись в железную решетку, прутья которой за долгие годы ржавчина истончила до нитей. За ней в сумерках открывалась чистая водная гладь, далее — черная

полоса заречных кустов, выше — усыпанное звездами небо. Джеган замер у решетки, потом приложил палец к губам, призывая Кадю соблюдать тишину.

Решетки он даже касаться не стал — подобрался к левому краю туннеля. Здесь каменная кладка обвалилась, и зияла огромная дыра. Оддинг аккуратно и ловко для своих лет выбрался наружу. Поманил принцессу — та, не поднимая шума, последовала за ним.

Теперь они двигались в мелкой, кое-где поросшей тростником воде. Джеган высоко держал голову, настороженно поводил длинными остроконечными ушами — так он всегда вел себя, когда подбирался к дичи или зверю.

— Лаборноксы, — шепнул он, — невдалеке выставили сторожевой пост. Вон там, на реке... Решили взять под контроль торговый путь.

Кадия вытянула шею и вгляделась в темноту. Наверху, в крепости, еще полыхали пожары. С той стороны доносились дикие крики, истошные женские вопли. Захватчики, по-видимому, продолжали вершить свое черное дело — между зубцами крепостных стен были выдвинуты бревна, на них качались тела повешенных. Время от времени с дьявольскими напутствиями сверху сбрасывали живых людей. Кадия напрягла все силы, стараясь не думать о том, что происходило в Цитадели.

— Придет час, — исступленно шептала она, — и я заткну ваши пасти!

Принцесса судорожно, не в силах сдержаться, потянулась к поясу, где висел кинжал, и рука неожиданно коснулась медальона, который вывалился наружу через прореху в одежде.

Если силы, заключенной в этом священном предмете, хватило, чтобы поддержать ее в воздухе, то сейчас, решила Кадия, пробил срок, и добрые боги должны явить свое могущество. Она сжала амулет так, как схватила бы рукоятку меча перед решающим ударом, и взмолилась. Воли и силы просила она. Пусть наступит Божий суд...

— Владыки воздуха, молю вас. Наделите меня несокрушимой мощью, укрепите дух. Пусть те, кто сеет смерть,

будут сами преданы смерти. Возьмите с них дань кровью, дозвоьте мне отомстить им за все! — Кадия вытянула руку со снятым с шеи амулетом в сторону охваченной пожарами крепости.

Вопли пытаемых да рев какого-то жаждущего победителя, потребовавшего еще одну флягу вина, были ей ответом.

Кадия так сжала губы, что они побелели.

— Не помогает! — с горечью вымолвила она и попыталась разжать пальцы.

Не тут-то было! Видно, с такой страстью взывала она к небесам, такую боль испытала при виде мук и страданий побежденных, что теперь пальцы не подчинялись ей. Она ничего не могла поделать с ними.

— Это и не должно помочь, — тихо отозвался из темноты Джеган.

— Я же вложила в мольбу всю душу, всю страсть! Я пожелала так сильно, как и тогда, в колодце. — Она один за другим разжимала пальцы. — Или заклинание сработало? Оно поможет нам добраться до Белой Дамы?

Джеган по-доброму, кротко смотрел на нее...

— Попроси еще, — предложил он.

Вновь Кадия сжала медальон.

— Заклинаю всей данной тебе силой, о священный Триллиум! Доставь нас к той, кто вручил тебя мне, — к Великой Волшебнице Бине!

Ночь на глазах сгущалась.

— Прошу, если ты заключаешь в себе какую-либо силу! Взываю к тебе, бесценный дар!

Никакого ответа.

— Ясно, — повесила голову Кадия. — Глупо мечтать о несбыточном. Значит, я лишилась той замечательной способности. Или сама обманывалась...

— Я в этом не очень-то разбираюсь, так что не жди от меня объяснений. Мне кажется, я был не прав, когда не поверил в то, что ты сказала мне насчет прыжка.

Девушка повесила медальон на шею, тот закачался на золотой цепочке.

— Потусторонние силы, Джеган, кажется, оставили нас в покое и больше не способствуют нам. Тем лучше, теперь во время перехода через Гиблые Топи нам следует надеяться только на самих себя.

Кадия много путешествовала по болотам, но каждый раз передвигалась по давным-давно проложенным и хорошо освоенным оддлингами маршрутам. А ведь существовали и другие — тайные! — тропы, которые ревниво оберегались кланами аборигенов. Девушка погрузилась в угрюмо спросила:

— Теперь-то нас не будут преследовать?

Наполовину скрытый зарослями оддлинг обернулся и так же угрюмо ответил:

— Маг лаборнокцев вызвал скритеков. А также заручился поддержкой Пелана...

Джеган вскинул руку, призывая ее не повышать голоса.

Пелан, рувендианин, являлся одним из самых знаменитых проводников купеческих караванов. Следопыт по призыванию, это был, по всем отзывам, благородный человек, верный своему слову — невозможно было поверить, что он стал изменником... С другой стороны, кто бы еще вчера мог поверить, что принцесса из королевского дома рувендиан будет так вот брести по грязи, отчаянно пытаясь спасти свою шкуру?..

— Волтрик умеет находить нужных людей, — спокойно проговорил Джеган. — Или сломить тех, кто ему нужен...

Он медленно шел от одного выступающего из воды камня к другому, пока наконец не поднял со дна конец веревки. Он потянул за нее, заметно напрягаясь. Веревка уходила в густые камыши.

— Король Лаборнока обладает самым верным ключиком, способным отомкнуть любое сердце, — продолжил Джеган. — Этот ключик — богатство. Он сам трудился, не покладая рук, и других не щадил. Вспомни, его люди перерыли все горы в поисках драгоценных металлов, вырубили последние леса у себя на равнине, облазили все бо-

лота, разыскивая чудные, непонятные вещишки, оставшиеся от древних. Такие парни, как Пелан, и насобирали ему сокровища. Он накопил огромные богатства! Со всех промыслов, от торговли, от всех ремесленников ему шла доля. Теперь он может пожаловать кое-какие крохи тем, кто верно служит ему, и теперь эти крохи могут сделать человека очень богатым. Острый Глаз! — Джеган обратился к принцессе по прозвищу, которым Кадия страшно гордилась: она получила его в знак уважения от болотных людей. — Острый Глаз, у нас впереди долгий путь.

Она не расслышала последние слова охотника — слишком ошеломляющей была мысль о предательстве Пелана. Как же так? Она была знакома с ним, и этот веселый, любезный человек как-то даже сопровождал ее в походе, который принцесса предприняла, чтобы осмотреть скрытые в болотах руины.

— Думаешь, Джеган, ему хорошо заплатили? Или перепугали до смерти? У Пелана много родни, а мы с тобой убедились, на что способен этот убийца в королевской мантии. Страх, возможно, более сильное средство, чем магия или богатство. Разве не страх сломил Анигель?

— Не суди сгоряча, королевская дочь. Твоя сестра сдавалась не по своей воле. От страха люди, случается, с ума сходят — что же их винить в этом?..

— Все равно, слабость есть слабость, — невнятно, словно разговаривая сама с собой, заметила Кадия.

— И ты можешь поддаться слабости, и от страха ты не заговорена. Не суди да не судима будешь! Золотые слова...

Между тем Джеган все тянул и тянул веревку, пока мышцы не раздвинуло большое серое пятно, постепенно очертившееся в крепкую широкую лодку. Потянувшись к ней и схватив плоскодонку за борт, принцесса заглянула внутрь и нашла там прочный шест, пару весел, какие-то мешки — все было крепко увязано, прикрыто от воды.

— Поблагодари моего брата, — шепнул Джеган. — Видишь, он точно выполнил все указания Бины. Теперь у нас есть и средство передвижения, и еда, и сухая одежда.

В лодке и четверем пассажирам было бы просторно, и Кадия с острой болью вспомнила, что ни Анигель, ни Имму в далекий путь с ними уже не отправятся. Возможно, никогда и никуда уже не отправятся... Худо, ой как худо, если их не убили сразу!.. Губы у Кадии задрожали, она, проклиная все на свете, вытерла набежавшие слезы. Вспомнила и о Харамис. Что с нею? Сегодня она, Кадия, эсиротела... А теперь она совсем одна, и ей предстоит в одиночку сражаться с ненавистными врагами!

Трудное дело...

Они влезли в лодку. Джеган установил за кормой рулевое весло. Кадия села за него. Суденышко двинулось в путь. Река в этой излучине огибала крепость с северо-востока. На мгновение ключья надвигающегося тумана разошлись, и перед ними, при лунном свете, во всем своем мрачном величии предстала гигантская скала, на которой возвышалась крепость. Чуть выше смутного контура главной башни горела крупная звезда, рядом еще одна, помельче...

Жуткое это было зрелище — от родных стен теперь веяло страшной угрозой, смертью... Вновь вспомнились сестры. Живы ли они?

Кадия обхватила голову руками, словно это могло помочь оборвать поток ужасных дум, мерзких картин, которые сами по себе, вызывая дрожь, проплывали перед ее взором. Ей нельзя — до срока — даже мыслить об этом! Она не имеет права!

Куда они плывут? Зачем? Есть столько способов отмстить. Можно, например, подстеречь Волтрика и подстрелить его из лука. Наказать за все... Харамис, Анигель, где вы? Живы ли?

Принцесса все время отрешенно молчала и, когда Джеган ласково и ободряюще заговорил, даже вздрогнула.

— Не бреди душу, — сказал он. — У твоих сестер свои дороги. Сейчас мы должны думать только о том, как побыстрее добраться до цели.

Неужели он угадал ее мысли? Неужели это не сказки и одлинги действительно способны читать их на расстоянии?

— Куда мы направляемся?

— Ты сама должна ответить на этот вопрос, Острый Глаз.

— Как? — Кадия отвела взгляд от Джегана, в последний раз, прощаясь, посмотрела на Цитадель.

Огни в крепости, факелы на стенах постепенно гасли. Но вдруг нечто привлекло внимание принцессы — вода за бортом была необычно теплой. Сколько Кадия помнила себя, никогда во время сухого сезона не случалось такой жары. Она глянула на воду, потом невольно осмотрела свои местами разорванную одежду. В прорехе на груди что-то тускло посвечивало. Она не поверила глазам, сунула руку за корсаж.

Медальон!

Кадия торопливо вытащила его. Казалось, маленькая звездочка зажглась на ее грязной ладошке. С талисмана не спеша срывались искры и уносились в темное, прикрытое белесой пленкой тумана небо. Словно необычная свеча горела на руке у Кадии... Девушка затаила дыхание — амулет ожил. Пробудилась чудесная сила. К сожалению, она не была подвластна ее воле, принцесса уже убедилась в этом. Стальной клинок в руке — куда более надежное оружие. Не так ли?

«Вспомни кудесника, советника Волтрика, — сказала она себе, — ему-то потусторонние силы действительно подчиняются. Разве его могущество не доказывает, что сила заклинаний — это не игрушка! Вспомни хотя бы свое собственное появление на свет — эту историю о чудесном посещении дворца Великой Волшебницей Биной, о ее таинственной помощи при родах, о драгоценных подарках, которые она вручила новорожденным».

Возможно, Кадия еще обретет чудесную силу. Когда совсем одряхлеет, когда морщинами покроется лицо, а спина согнется... Одним словом, когда превратится в настоящую ведьму. Кому тогда будет нужно ее колдовское искусство?

Джеган принялся грести резко, быстро, не производя при этом никакого шума. Плоскодонка двигалась в подернутой ключьями тумана ночи... Неожиданно Кадия ед-

ва слышно вскрикнула — светящееся облачко, горевшее над амулетом, сжалось в подобие стрелки компаса.

— Джеган, Джеган, — торопливо зашептала принцесса, — смотри, медальон указывает направление.

— Что? — Охотник, по-видимому, совсем устал, однако сил пересечь поближе к принцессе у него хватило.

Он заякорил лодку, выбросив в воду камень, обвязанный веревкой.

— Смотри, эта светящаяся стрелка указывает нам путь. Мы должны следовать в этом направлении, чтобы добраться до жилища Белой Дамы. Точно на север... Это просто замечательно! Ты ведь тоже там никогда не бывал, ведь правда? Никогда не охотился? Это же страна уйзгу, это же Золотые Топи.

— Не охотился, — подтвердил Джеган.

Потом он развязал упакованные братом мешки, вытащил оттуда туники, кожаные штаны, рубашки, сшитые из камышового волокна. Это были любимые наряды ниссо-мов. А также плащи с капюшонами, сшитыми из шкур федоков, которые легко можно было подогнать по фигуре; деревянные сандалии и прочные бахилы. В других мешках лежали пробковые сосуды. Джеган откупорил один из них, и удивительно приятный запах поплыл во влажном воздухе, мешаясь с затхлым духом болот.

— Попозже, — сказал Джеган, — мы займемся своей одеждой. Тебе придется постирать и починить ее, чтобы была смена. Пока же переоденься в чистое.

Девушка скинула рваный кожаный костюм и принялась щедро растирать тело жидкостью из протянутого ей охотником сосуда. Даже волосы смазала... Это был особый настой из лечебных трав — без него человеку, попавшему на болота, жизнь показалась бы пыткой. Насекомых-кровососов здесь было хоть отбавляй.

Джеган снял с пояса трубку диаметром не шире, чем у тростинки, приложил ее к губам и легонько дунул. Звук был тонок, тих, однообразен, однако окружающее их пространство тут же отозвалось.

Никакой переход по топям нельзя было совершать в предательской мертвой тишине, которая наступает сразу,

как только чужак вторгается в их пределы. Живность на болотах должна успокоиться, зажужжать, запищать, затренькать, иначе путешественник или охотник станет видимым и слышимым на многие мили окрест. Стоило Джегану подуть в свою дудочку, и настороженное тревожное безмолвие тут же растаяло. Темнота, казалось, ожила... Даже робкий болгар, которого Кадии однажды довелось встретить на охоте, осмелел и поднялся к поверхности. Издали донеслось его громкое чмокание.

Беглецы не спеша, стараясь держаться поодаль от обжитого южного берега, поднимались вверх по Мутару. Особую бдительность и осторожность Джеган проявил, когда они достигли причалов, построенных возле главного рувендийского торжища, что располагалось у восточной оконечности скалы. Далее река отворачивала от осушенной, раскинувшейся на юге земли и вступала в Черные Топи. Этот глухой лесистый район, занимавший несколько сотен квадратных лиг, тянулся до самых развалин Тревиcты. Здесь, в тени высоких войнов, всегда было сумрачно, солнечные лучи едва пробивались в глухие дебри, посему этот мрачный край и получил такое зловещее прозвище.

На этом участке главное русло великой реки дробилось на множество протоков, рукавов, глубоких стариц. Течение здесь было едва заметно; сотни низких болотистых островков, грязевых затонов, обширных зарослей камыша преграждали путь воде, так что человеку, незнакомому с этой местностью, ничего не стоило заблудиться здесь даже днем. Когда же на Черные Топи опускался ночной мрак и окрестности затягивало туманом, эти края ничего, кроме ужаса, не вызывали. Между тем Джеган не испытывал никакого беспокойства — греб и греб без устали.

Кадия, съевшись, пристроилась на носу лодки, время от времени посасывала клубень адопа и, когда он совсем размягчался, не спеша раскусывала его. В припасенной братом охотника еде это было самое главное блюдо. Ничего, что во рту горчило, — для всех путешествующих оддлингов клубни адопа являлись основной частью по-

ходного рациона. Время близилось к полуночи, но спать не хотелось — долгожданное успокоение странно подействовало на принцессу. Ей живо припомнилось первое посещение Черных Топей.

Она отправилась сюда с Джеганом, которого буквально изводила настойчивыми просьбами взять ее с собой на охоту. Отец, Крейн III, неохотно согласился отпустить дочь на день... В путь они отправились ранним утром. Все, что ей тогда довелось увидеть, приводило Кадью в трепетный восторг. Странные растения, чудные животные, сумеречные влажные леса — все это было так непохоже на каменные глыбы Цитадели. Поездка запомнилась принцессе на всю жизнь, тот день изменил ее судьбу. Ночью, вернувшись в родной дом, она поклялась, что изучит болота до самых заповедных уголков. Запах дикой жизни, манящая свобода джунглей, залитые водой пространства безмерно притягивали ее...

В местах, куда они направлялись этой ночью, бывать ей еще не доводилось. В той стороне лежала страна дружественно настроенных к рувендианам ниссомов, пугливых уйзгу, а еще дальше начинались владения отвратительных скритеков.

Скритеки... Каждый их набег был подобен ночному кошмару. Они были двуноги, однако их черепа и крепкие, коренастые тела ничем не напоминали человеческие. Кожа у них была толстой, в грубых складках, и местами покрыта чешуей. Плоские головы скритеков имели огромную пасть, из которой торчали зеленые клыки, острые, как кинжалы, созданные природой единственно для того, чтобы рвать добычу и вцепляться в горло врагам. Глаза у них были ярко-оранжевые, навывкате, располагались высоко, почти у самой макушки, причем были устроены так, что могли смотреть в разные стороны. Тела скритеков имели зелено-голубые оттенки, что позволяло им прекрасно маскироваться в болотной воде и тине при охоте, по макушку погрузившись в воду, выставив на поверхность одни глаза. Жертв своих они часто затаскивали в воду, поэтому их и называли «топителями».

Все сведения об этом таинственном племени поступали от купцов и охотников. Рассказы были ужасны. Области скритеков примыкали к территориям, где обитали мирные одлинги, те тоже иногда делились знаниями об этом ужасном народе. Это были дерзкие, наглые существа, вооруженные копьями и ножами, хотя главным оружием им служили клыки и когти на трехпалых лапах. По болотам они ходили бесшумно; правда, их всегда выдавала сильнейшая вонь, к которой примешивался запах мускуса. Частенько их встречали на едва выступающих из воды островах, где они собирали особые травы, чтобы сваренным из них настоем отбить едкий запах.

Вступивших в их земли они атаквали стремительно, без предупреждения. При виде крови скритеки сразу впадали в бешенство, их не останавливали ни слезы, ни мольбы о пощаде. Пленных перед смертью они изощренно пытали...

— Ты сказал, Пелан и скритеки?..— Кадия обхватила руками плечи. Становилось прохладно.— Как же удалось найти на них управу? Чья воля смогла подчинить их?

— Орогастуса,— ответил Джеган.— Он все время держится в тени, однако мне думается, что он вертит королем Волтриком, как хочет. Не буду говорить о его искусстве колдуна, но должен заметить, что он мастер по части всяческих уловок и хитростей. Он не из тех, кто будет честно и до конца следовать по пути, указанному судьбой. Он даже высшие заповеди способен переиначить! Знаешь, королевская дочь, на свете есть много людей, которым без меры отпущено и талантов, и сил, и страсти, однако они не могут воспользоваться этими дарами. Их то и дело влекут ложные пути. Но, кроме них, существуют люди с извращенными мозгами, целью которых изначально является зло. Именно оно влечет их познать тайное, овладеть потусторонними силами... Эта мощь не похожа на искусство владения мечом, копьем, стрелами — нет, это знание дает власть над другими людьми, над их мыслями и волей. Это самое страшное оружие. До нас, людей, живущих на болотах, дошло много слухов о деяниях Орогасту-

са. Конечно, добрая доля их — глупые байки, но кое-что, чему я, например, верю, просто внушает ужас. Возможно, скритеки почуяли, что сила, которая подвластна королевскому колдуну, сродни их взглядам на мир. Есть и другое мнение — скритеки не являются слепыми исполнителями его воли, между ними заключен договор. Это вполне вероятно, если вспомнить древний закон: враг моего врага — мой друг. И чтобы одолеть своих врагов, скритеки какую-то часть пути готовы пройти с Орогастусом рука об руку.

— Это правда — скритеков не надо понуждать к войне. Они в любую минуту готовы напасть на соседей. Джеган, великий охотник, долгие годы ты был моим наставником, и вот получается, что еще немало наук я должна освоить с твоей помощью. Я иногда чувствую себя настоящим ребенком, особенно теперь, когда мы попали в такую передрагу. Твой народ дал мне прозвище Острый Глаз, или Дальновидица, — да, кое-что я способна различить издали, но в других областях я совершенно слепа.

— Поначалу каждый из нас слеп, — быстро ответил Джеган.

Он внимательно вглядывался в темные массы приближающихся островов. Угольной чернотой они выделялись на фоне сумеречно освещающей, местами занавешенной блеклыми полосами тумана ночи. Небо очистилось, и звездный венец обнял аспидные, зловещие, выступающие из воды горбатые холмы. Рассвет уже был близок.

— Скрытая опасность грозит не только телу, — наконец вымолвил охотник, — прежде всего она ослабляет дух.

— Не понимаю.

— Вдумайся, королевская дочь, в то, что я скажу. Даже те, кого ты любишь и кому полностью доверяешь, случается, могут попытаться использовать тебя в качестве орудия. Вот как я, например, использую весло.

— Меня использовать? — удивилась Кадия. — Пусть только попробуют! Они тотчас отведают моего кинжала!

— Жизнь — это борьба. — В голосе одлинга послышалась добрая усмешка. — Девочка моя, ты способна за сотню шагов различить любого зверька, притаившегося

в кроне деревьев, однако при этом не вглядываешься в суть.ловишь только поверхностное, очевидное... Чтобы смотреть вглубь, надо прежде всего познать саму себя. Это не такое простое дело, как кажется. Может, самое трудное на свете.

— А что же самое простое?

— Давать советы другим...— ответил Джеган и, оглядев сереющий восточный край неба, добавил: — День приближается... Нам надо позаботиться о спокойной стоянке. Давай-ка проверим, что там, в той стороне.

Он подгреб к неприметному, уже хорошо просматривающемуся в предрассветных сумерках островку. Причалив, некоторое время сидел неподвижно, внимательно вслушивался в привычные тихие шорохи, плеск воды, потом приказал Кадии оставаться на месте и, взяв с собой несколько дротиков, выбрался на берег. Кадия едва могла усидеть на месте. Вопросы вертелись у нее на языке.

Наконец, заметив приглашающий жест Джегана, она тоже выбралась на берег.

— Значит, тебе поручено заняться моим обучением? — спросила она. В ее голосе послышались настойчивые, даже требовательные нотки.

— Нет, не мне,— мимоходом ответил Джеган.

— Этим должна будет заняться Бина?

— И не она.— Охотник совсем погрустнел.— Как ты не можешь понять! Только ты сама в состоянии обучить себя! — Он глубоко вздохнул, потом успокоился.— Твой опыт, твоё стремление к знанию, жажда выжить хотя бы... Каждый из нас познает мир сам, и только тогда, когда этому приходит срок. Тебе можно помочь, даже обязательно нужно помочь, но научить не дано никому, кроме тебя самой.— Он взял веревку и потянул лодку на берег.— Удобное местечко,— заметил он.— Здесь вполне можно переждать до темноты. Можно даже развести костерок, сварим что-нибудь горяченькое. Все лучше, чем всухомятку жевать клубни адопа.

— Мы продолжим путь ночью? — Принцессу неудержимо потянуло в сон.

— Пока не минуем Тревисту, так будет безопасней. Враги наверняка установили там свой пост. Как раз, я думаю, в месте впадения Виспара. Если королю Волтрику хватит разума, он прежде всего завяжет дружеские отношения с ниссомами. Большинству нашего народа, Острый Глаз, в общем-то наплевать на то, что он пролил вашу кровь. Мы не люди, и то, что случилось между вами, не очень-то волнует оддлингов. Одни люди ушли, другие пришли — всего-то! Боюсь, мои соотечественники поймут разницу, когда будет слишком поздно.

— Мы можем предупредить их. — Кадия энергично взбивала себе ложе из вороха сухой травы. — Может, еще кто-то из Цитадели спасся и плывет вниз по реке. Их рассказ будет очень впечатляющ для всех окрестных племен.

— Острый Глаз, мы должны следовать тайком. Никто не должен видеть нас — тем более плывущими по реке... У нас очень мало времени, скоро придут зимние дожди, тогда всяким путешествиям конец.

Джеган вытащил из лодки оставшуюся связку боевых дротиков, тщательно осмотрел каждое острие. Удовлетворившись осмотром, он немного успокоился. Только теперь до Кадии дошло, что он совершенно выбился из сил. Его темное лицо, покрытое защитным кремом против мошкары, совсем осунулось. В золотистых яблоках глаз частой сеточкой выступили набухшие сосуды. Однако голос его был по-прежнему бодр и спокоен.

— Нам еще надо пробраться на север, к самому подножию Охоганских гор. Около сотни лиг... И каких! Сразу за Тревистой начинаются земли скритеков, потом Золотые Топи. Даже самые опытные охотники-ниссомы там бывали очень редко. — Джеган ладонью разровнял землю и принялся чертить. — Смотри, вот эта точка — место, где мы сейчас с тобой находимся. А вот здесь, — он провел почти прямую линию, — разрушенный город Нот, куда нам с тобою надо попасть. Видишь, почти прямо на север.

Кадия много слышала о чудесах северной страны. В тех болотах было много останков древних городов, и, что уди-

вительно, по рассказам выходило, что встречались и такие большие, как Цитадель. Почти совсем не тронутые временем... Слухи о подобных городах ходили самые необыкновенные. Там, как перешептывались люди и одлинги, хранились неисчислимые сокровища. Время от времени древние украшения и странные магические предметы из тех мест появлялись на ярмарках, устраиваемых в окрестностях развалин Тревисты. Большинство из них доставлялись тихими молчаливыми уйзгу, ближайшими родственниками ниссомов.

Пару раз на памяти Кадии сами рувендиане снаряжали экспедиции на север и запад Гиблых Топей. Цель у них была одна — отыскать затерянные в дебрях и болотах, построенные на выступающих из воды островках древние города, покопаться в их руинах. Оба раза экспедиции бесследно исчезали, а от тех, кому удавалось добраться до населенных мест, толку было мало: все они возвращались, тронувшись рассудком... Правда, кое-кто в минуты просветления начинал рассказывать о необыкновенном, таинственном городе — болтали, что размерами он превосходит Тревисту, но, в отличие от нее, сохранился полностью.

Стены его оказались неприступны для обыкновенных людей. И это всего лишь одно из чудес, которыми так богат север. Возможно, в том заколдованном месте обитали духи, и, чтобы одолеть стены, надо снять древнее заклятье? Единственным человеком, кто мог поведать о тех чудесах, была Великая Волшебница Бина. Поговаривали, что она сама принадлежала к тому древнему народу, чьи города возвышались на скалистых островах с незапамятных времен, когда на месте болот разгуливали волны обширного, подобного морю, озера. По крайней мере, в летописях рувендиан утверждалось, что Белая Дама существовала извечно. Если это был не один человек, значит, кто-то таинственным образом постоянно наследовал этот титул.

Джеган неожиданно скрылся из виду и скоро вернулся. За это время Кадия успела набрать ему сухой травы на постель. На острие дротика у него покачивалась тушка перлига. Охотник быстро ободрал тушку, нарезал мя-

со кусками, насадил на палочки и принялся жарить на маленьком костерке, который в мгновение ока развела Кадия.

От запаха пищи у принцессы засосало под ложечкой. Она уже совсем клевала носом, но аромат жареного мяса вывел ее из дремы. Как бы совместить все сразу — еду, сон, отдых? Как бы забыть о событиях вчерашнего дня?..

Глава 6

Еще до того как лаборнокцы, захватившие их в плен, добрались до подвала пивоварни, Анигель пришла в себя. Здесь, в сухом теплом помещении, вражеские рыцари сделали привал. Все они после штурма Цитадели и долгого преследования беглецов валились с ног от усталости. Сэр Ринутар предложил принцу Антару немного передохнуть, подкрепиться, отведать рувендийского пива, которое хранилось здесь же, в бочонках. Да и в чанах было полно вкуснейшего сусла.

— Должен признаться, Рин, — обратился к нему Ованон, — эта оддлингская карга оказалась куда тяжелее, чем можно было подумать. Тшедушная такая, а весит! У меня всю спину ломит. — Он бросил Имму на кучу пустых мешков, сложенных в углу.

Женщина застонала, однако глаза ее были плотно прикрыты веками — два выпирающих яблочка на плоском загорелом лице с длинными ушами.

Принц Антар предупредил их:

— Вы тут особенно не разлеживайтесь. Король и придворный маг ждут нас не дождутся. Если задержимся, всем нам придется испытать на себе их гнев. Этих беглянок следует допросить, и как можно скорее. Если кто из вас не в меру налакается этой бурды, пеняйте на себя.

Он осторожно уложил на пол принцессу Анигель, заботливо расправил ее волосы, потом присоединился к своим подчиненным. Ему тут же вручили бочонок пива. Принц ударом бронированного кулака выбил днище и, подняв бочонок над головой, жадно припал к краю губами. Струйки пива полились на пол.

— Эти ничтожные рувендиане научились варить отличное пиво. Трудно назвать его бурдой. Смотрите, как пенится,— заявил Ринутар, вытирая мокрые усы.— Куда лучше нашего.— Он вновь припал к бочонку и не ото-рвался, пока не осушил его до дна.

— Что тут удивительного? — тихо пробормотала Имму.— Мы варим его вот уже восемь веков, а в Лаборноке до сих пор не имеют понятия, что такое настоящее пиво.

— Действительно, замечательное,— согласился другой рыцарь, Пенатат.— Почему мы не можем делать такое же в Дероргуиле?

— Наши пивовары все время жалуются на злых духов, на неумных в мерзких пакостях ведьм,— ответил Ованон.— Мол, те придают суслу какой-то стойкий неприятный привкус. Я слышал, перед самым нашим походом в Дероргуиле сожгли одну такую ведьму. Ее схватили возле пивоварни — значит, занималась колдовством. Только мне не верится. Что женщины понимают в этом на-питке?

— Уж побольше вашего! — откликнулась Имму. Она лежала на животе, однако на этот раз воины услышали ее.

— Вот тебе и карга, сдерите с меня шкуру заживо! — засмеялся Ованон.— Этот старый мешок дерьма заговорил. Тоже лезет в знатоки...

— Врежь ей хорошенько! — посоветовал Ринутар.

Принцесса Ангилья заворочалась, попыталась освободить связанные, как и у Имму, руки.

— Не смей прикасаться к ней, головорезы! — закричала она.— Пиво им, видите ли, понравилось! Как вы думаете, кто сварил этот напиток? Сказали бы спасибо этой женщине — это ее работа. Она была главным пивоваром в Цитадели.

— Врет она все,— проворчал Ринутар.— Что эта старушонка может понимать в тайнах приготовления напитка богов!

— Уж побольше всех вас,— отозвалась Имму и перевернулась на спину. Голос ее был спокоен.— Только недоумки могут считать, что сусло способно прокиснуть из-

за происков каких-то колдуний. Котлы и всю остальную посуду надо лучше мыть. Выскабливать так, чтобы и следа прежней закваски не осталось.

— Ты говоришь правду? — заинтересовался Антар. — Возможно, тебе сохранят жизнь, если ты научишь наших мастеров варить такой замечательный напиток.

— Отличная идея! — воскликнул Ованон, но другие рыцари не поддержали его.

Тут же возник спор, что важнее: честь Лаборнока или вкусное пиво? При этом воины не забывали вышибать днища у бочонков.

Неожиданно послышался топот множества ног, лязг доспехов, короткие команды, и через некоторое время в пивоварню ввалилась толпа вооруженных солдат во главе с генералом Хэмилом. Все они тоже выглядели крайне усталыми. Рыцари принца Антара встретили подмогу радостными выкриками и беззлобными шуточками.

Хэмил доложил принцу о прибытии вверенной ему команды и поздравил с успехом операции — захватом важной государственной преступницы, принцессы Анигели.

— Э-э, бросьте, генерал, эти церемонии, — поморщился Антар.

Хэмил тут же повел себя вольнее. Отведя принца в сторону, он, понизив голос, сообщил:

— Плохие новости, ваше высочество.

Анигель и Имму, сидевшие поблизости, сразу прислушались.

Генерал кратко известил наследного принца, что воины Милотина, обыскивавшие верхние этажи главной башни, случайно наткнулись на принцессу Харамис и сопровождавшего ее оддлинга. Милотин загнал их на смотровую площадку, откуда вроде бы и деваться им было некуда. Принцесса уже совсем была готова броситься вниз — все меньше хлопот! Милотин приблизился к ней, а та, как безумная, вцепилась в свой медальон и давай голосить: «Владыки воздуха, спасите, помогите!..»

— В ее положении, — сухо заметил принц Антар, — я бы тоже так поступил.

— Но тут случилось невероятное,— многозначительно продолжил Хэмил.— Два огромных орла-ламмергейера сели на площадку и унесли их на своих спинах!..

Пораженный Антар спросил:

— Милотин видел этих чудовищ собственными глазами?

— Да. И не он один. Я сообщил эту новость королевскому магу — тот пришел в дикую ярость. Я его таким никогда не видел... Милотин и его люди по приказу короля приговорены к смерти.

Принц удивленно прошептал:

— Безумие... Милотин — отличный служака. Разве он мог ожидать, что произойдет такое? Это все работа Орогастуса. Боюсь, мне тоже не сносить головы, ведь одну из этих беглянок я упустил.— И он рассказал Хэмилу, как было дело, а в конце добавил, что, по утверждению Анигели, ее сестра обладает несокрушимой магической силой.

Хэмил решительно направился к двум пленницам, склонился над ними. Огромная, неохватная фигура в черных доспехах привела Анигель в ужас. На голове воина возвышался рогатый шлем, верхняя часть которого изображала человеческий череп.

— Принцесса Анигель,— заорал Хэмил,— это правда, что ваша сестра владеет магической силой?!

Перепуганная до смерти девушка задрожала, слезы потоком хлынули из ее глаз. Имму сердито окоротила вояку:

— Не ори, грубиян. Не знаю, откуда на верхушке башни взялись орлы, только никакой магией здесь и не пахнет. Все вы, лаборнокцы, свихнулись на чарах и волшебстве. Ведьмы вам пиво портят... Сами подумайте, принцессы — тройняшки! Значит, если две из них владеют магической силой, то и третья сестра ею не обделена. Что же она этим не воспользовалась, когда вы ее схватили?

Генерал и принц переглянулись.

— У этой болотной старухи голова варит,— сказал Антар.— Давай-ка лучше доставим их к Орогастусу, пусть он сам разбирается.

Принц тут же хлопнул в ладоши и зычно приказал:

— Кончай привал! Все, ребята, сворачиваемся. Пора в путь, нас ждут в тронном зале.

Имму льстивым голосом обратилась к принцу:

— Повелитель, имейте хотя бы каплю сострадания к обреченной девушке. Прежде чем тащить ее, развязали бы, дали возможность привести себя в порядок. Хотя бы вон за той кучей мешков... Она у нас скромница, сама попросить не смеет...

Анигель от смущения опустила голову, и все равно было видно, как запылали ее щеки. Хэмил загоготал, отпустил пару грубых солдатских шуток. Принц же молча встал на колени и распутал веревки на руках и ногах принцессы. Анигель тихо поблагодарила принца и попросила оказать еще одну любезность — пусть заодно освободят от пут ее служанку, чтобы та помогла ей.

— Ладно,— согласился Антар,— только быстро.

Потом он лично осмотрел угол, разбросал мешки кончиком меча и, не обнаружив ничего подозрительного, разрешил женщинам пройти туда.

— Есть еще одно неприятное известие,— тихо сказал Хэмил, когда принц подошел к нему.— После того как этот мерзавец паж укусил короля, рука у его величества сильно воспалилась. У него сильный жар, оба королевских врача, а также личный лекарь Орогастуса Зеленый Голос уговаривают его лечь в постель. Ему нужно попить лекарства — дело пахнет заражением крови.

— А что, сам придворный волшебник ничем не может помочь?

— Очевидно, нет, хотя он и произнес какие-то заклинания над снадобьем. Он согласился с диагнозом своего помощника и предложил поставить пиявки. Так что, если мы не найдем остальных принцесс, король будет еще больше раздражен.

— Люди с ног валятся. Им надо несколько дней отдохнуть, потом можно будет начать тщательные поиски. За это время следует внимательно изучить все обстоятельства, поискать новые свидетельства, и в первую очередь —

расспросить оддлингов. Эти точно должны знать, в каком направлении скрылись принцессы.

Хэмил кивнул и сказал:

— Все оддлинги покинули Цитадель, но мы можем быстро добраться до Тревисты. Надо использовать перебежчика Пелана, который проводил торговые караваны по реке. Он, говорят, здесь самый лучший лоцман. И среди наших караванщиков, членов гильдии купцов, есть верные короне люди, которые могут посоветовать, как надавить на это лягушачье племя. Может, заплатить им, чтобы они помогли отыскать беглянок?

— Это хорошая мысль, — согласился принц. — Я обязательно поговорю с отцом и попрошу, чтобы все было исполнено. Возможно, я, ты и этот Пелан завтра же отплывем в Тревисту с небольшим отрядом, пока остальные будут отдыхать. Думаю, мы сумеем надежно перекрыть реку.

— Замечательное предложение, ваше высочество!

Антар неожиданно нахмурился и бросил взгляд в угол:

— Где женщины?

Хэмил тут же, громыхая доспехами, направился в ту сторону. Он начал ногами расшвыривать мешки, потом оглушительно заорал:

— Их нет! Клянусь священными чашами Зото, они исчезли! Но куда?..

Он принялся выкрикивать команды, и воины тут же забегали, принялись обыскивать каждый закуток обширного подвала. Никто не мог взять в толк, как пленницам удалось улизнуть.

В разгар этой суматохи принц Антар обратил внимание на Ринутара, на круглом глуповатом лице которого отражалась крайняя степень озабоченности. Громко топая, он шагал по подмостьям вокруг огромного медного чана с забродившим суслом. Пена там вздымалась выше краев и сползала по бокам. В служебном рвении Ринутар внимательно изучал содержимое чана и вдруг, по-видимому, поскользнувшись, нелепо взмахнул руками и рухнул в чан. Оттуда плеснула высокая волна пахучей хмельной жидкости.

На мгновение все опешили, потом, когда на поверхности показалась мокрая голова рыцаря, со слипшимися волосами и клочьями пены на них, — неудержимый хохот потряс стены. Кто-то бросился вылавливать незадачливого Ринутара, а тот, бледный от гнева, выкарабкавшись на помост, заревел:

— Кто посмел толкнуть меня?!

— Пить надо меньше! — ответил раздосадованный принц. — Никто тебя не толкал. Повело в сторону, вот ты и свалился.

— Никак нет, — решительно возразил Ринутар. — Меня толкнули... Я еще голос слышал: «Напейся вволю!»

Большинство солдат встретили его заявление насмешливыми ухмылками, только Хэмил всерьез отнесся к словам Ринутара. Генерала словно озарило, брови у него поползли вверх, он изо всех сил заорал — так, что доспехи зазвенели:

— Тише!.. — Потом подумал и добавил уже спокойней: — Всем заткнуться!

Воины прикусили языки. В наступившей тишине все ясно различили короткий перестук легких ножек — кто-то невидимый промчался по подмостьям, потом послышался короткий шлепок, еще один, и опять пробежка по направлению к лестнице, спускающейся вниз, в разливочную, где хранился запас бочонков и бутылей.

— Ага! — воскликнул Хэмил. — Магия!.. Что я говорил!? Они стали невидимы. А ну-ка, все за мной, только на цыпочках, черт вас поберет. И слушайте, слушайте...

Анигель, вцепившись в амулет, быстро спустилась по лестнице вслед за Имму. Уже внизу, в разливочной, она на бегу выдохнула на ухо подруге:

— Все. Теперь найдут. У нас подошвы мокрые...

— Давай сюда. — Имму потянула принцессу за рукав в узкий проход, устроенный между уложенными в штабели бочонками с одной стороны и бутылками с другой. В конце тупика размещался механический подъемник, с помощью которого в кухню на третьем этаже доставляли наполненные емкости.

Принцесса бросилась к нему, а Имму на мгновение задержалась в начале прохода и, как только первый рыцарь на цыпочках сошел с лестницы, резким движением выдернула удерживающую бочонки слегу. Те начали рушиться на пол. Изумленные рыцари столпились у неожиданной баррикады. В этот момент в дальнем конце помещения мелькнули взлетающие к потолку две смутно различимые женские фигуры.

— Я так молилась, чтобы все получилось удачно, — сказала Анигель. — И все равно, даже сейчас не могу прийти в себя от страха.

Женщины, прижавшись друг к другу, сидели в пустой караульной будке, пристроенной к зданию, где размещалась стража Цитадели и находился механизм управления подвесными мостами, ведущими в крепость.

— Ну, теперь ты не сомневаешься? — спросила Имму. — Теперь убедились? Слышала, что этот громила рассказал о Харамис? Ей ведь тоже амулет помог. Он откликнулся на твои мольбы и сделал нас невидимыми... Теперь бы только выбраться из крепости.

Анигель в изнеможении откинулась к стене.

— Имму, я больше не могу. Я чувствую себя совершенно разбитой.

— Ладно, у нас есть несколько минуток, погоня отстала...

Лаборноукцы действительно считали, что принцесса и ее спутница все еще прячутся в подвалах главной башни. Генерал Хэмил выставил посты у всех дверей, однако Имму, знаящая в крепости все входы-выходы, сумела проскользнуть мимо часовых и выбраться во двор. Здесь они опять стали невидимыми, осторожно, держась друг за друга, пересекли мощенную булыжником площадь и добрались до ворот.

Мимо их будки время от времени пробежали солдаты, заглядывали внутрь и, грохоча оружием, уносились прочь. Чувствовалось, что Хэмил всех поставил на ноги. Скоро у ворот вообще никого не осталось, однако изнемогавшая от усталости Анигель так и не рискнула закрыть гла-

за и соснуть хотя бы несколько минут. Вдруг во сне эта таинственная сила, позволившая им стать невидимыми, покинет их?

— Я все еще поверить не могу — неужели нас никто не замечает? У края колодца я тоже держала в руках медальон, однако в тот раз ничего не произошло. Почему же теперь он помог нам?

— В подземном хранилище ты была сама не своя. Со всем голову потеряла от страха. Надежду потеряла... А в пивоварне уже действовала более разумно. Вспомни, как я тебе советовала — не замыкайся на одной какой-то страсти, попробуй овладеть своими чувствами, совместить их, наложить одно на другое, сознательно управлять ими. Только тогда можно вообразить себя невидимкой.

— Это правда, я очень рассердилась на себя, — подтвердила Анигель, — нельзя же быть такой трусихой. Ведь это из-за меня нас схватили... А потом, когда ты предложила этим злодеям развязать нас, я совсем пришла в себя.

Имму хихикнула:

— И слава Богу! Слава стыду и гневу — наконец-то они прочистили твои мозги. Надеюсь, теперь ты поняла, что сдаться легче всего, но это не выход из положения. Это дорога в никуда, к бесконечным страданиям и унижениям. Гнев, на мой взгляд, куда как более полезная страсть, чем страх. Тебе еще предстоит научиться владеть им, это ведь тоже не так просто — гневаться. В нашем теперешнем положении одними кротостью и смирением не обойдешься. От них теперь мало пользы.

— А волшебные чары?

— Ты не понимаешь, — ответила Имму. — Каждая ситуация вызывает свои особые переживания. Испытывая их, ты надеешься как-то исправить положение, в которое попала, или наоборот — продлить его. Для этого ты используешь волю, намечаешь, как поступить... Если, конечно, все это для тебя жизненно важно... Если ты овладела навыками, управляешь собой правильно, тогда и магия может включиться. Она способна помочь тебе, если ты, конечно, знаешь, как это делается.

Принцесса надолго задумалась, потом спросила:

— Что, у оддлингов все так и происходит? Это общее правило?

— Правило-то общее, только у каждого это происходит по-разному. Все не так просто. Иногда работает, иногда нет. Случается, что не имеют никакого значения ни сила страсти, ни желание добиться поставленной цели. Кажется, все сделал, а ничего не выходит. А иногда только подумаешь, и вот оно — получается!.. Возьмем твоих бедных родителей. Им никто не оказал поддержки, никто не попытался вызвать потусторонние силы.

— Это ужасно! Но какой смысл в том, что король и королева погибли, страна разорена и захвачена, а мне и моим сестрам теперь начали покровительствовать духи? Вот и наш священный Триллиум... Как же мне и моим сестрам правильно пережить эту беду? Какие чувства мы теперь должны испытывать?

— Успокойся, девочка, успокойся. Магия — это тайна, великая тайна, сходная разве что с загадкой жизни. Ее можно применить и для добра, и для зла, и нам не всегда дано понять, что есть что.

Ангиль кивнула:

— Надеюсь, Великая Волшебница объяснит, в чем разница.

Неожиданно она клонула носом, ее голова опустилась, глаза сами по себе закрылись. Принцесса размеренно засопела, но при этом по-прежнему крепко сжимала в руках овальный медальон с заключенным внутри черным цветком.

Они проспали не более получаса, когда трубный глас боевых фанфар разбудил лаборнокских солдат, отдохнувших в здании. Те сразу забегали, выстроились во дворе.

Между тем приближался рассвет. С восточной стороны обозначились крепостные башни. Имму через широкую щель не до конца прикрытой двери наблюдала за тем, что происходит во внутреннем дворе крепости. В свете наступающего дня теперь рядом с караульной будкой стали видны выстроенные в ряд повозки. Вновь запели фанфары... Из широкой двери главной башни в сопровождении

свиты вышел офицер и направился к строю солдат. Сержант отдал рапорт, после чего офицер зачитал приказ, отныне под страхом смерти запрещавший всякие грабежи и насилия. Возгласы разочарования раздались в строю, сержант прикрикнул, и солдаты замерли. Офицер разрешил разойтись.

Лаборнокцы разбрелись по внутреннему двору крепости, многие тут же начали оправляться.

— Не гляди, не гляди, принцесса, — зататорила Имму. — Ну что за мужланы, лунь их раздери! Вот уж деревня неотесанная!

— Имму, я вовсе не обращаю на это внимания. Меня беспокоит другое: что нам дальше делать? Как попасть к Бине?

— За все отвечал Джеган. Его брат должен был подогнать к выходу из туннеля и спрятать в условленном месте лодку. К несчастью, мы разлучились с ними — они, должно быть, уже далеко-далеко.

Солдаты между тем позавтракали всухомятку и в большинстве своем отправились досыпать.

Имму сидела, сдвинув брови, задумавшись.

— Нам надо придумать, как бы добраться до Тревисты, в тех местах у меня много родни. Они помогут нам связаться с уйзгу, чьи земли лежат к северу от владений ниссомов.

— Но до Тревисты так далеко, к тому же путь, как я слышала, лежит через Гиблые Топи...

— В том-то и незадача... Нам бы только встретить уйзгу, они бы нашли способ передать весточку о нас Белой Даме.

Неожиданно вновь запели фанфары, и опять забегали солдаты. Сержант, ругаясь на чем свет стоит, подровнял строй и отдал честь вышедшему из главной башни тому же офицеру.

Тот торопливо зачитал боевой приказ:

— Рота сопровождения должна выступить через час. Направление — рувендийское торжище, цель — причалы. Там отряд погрузится на суда и отправится вверх по Мутару до города Тревиста. Список необходимых припасов

у меня. Значит, так, — объяснял он, расхаживая перед строем, — съестное, снаряжение и фураж для фрониалов. Все подготовить по списку. Выполняйте!

Сержант отдал честь. Офицер скрылся в главной башне, интендантская команда принялась за работу.

Имму радостно и тихо рассмеялась:

— Одной головной болью меньше. Эти нахалы сами доставят нас в Тревисту. Они ничего не заподозрят. Ты очень голодна, моя девочка?

— Да, и очень устала.

— Ты не сможешь поддерживать невидимость, пока будешь спать, но, я думаю, нам удастся найти укромное местечко в этих повозках.

Выслушав Имму, девушка радостно обняла свою спутницу, потом крепко сжала в руке медальон, прикрыла глаза.

Женщины, вновь ставшие невидимыми, осторожно выбрались из караулки и направились к повозкам.

Глава 7

Все дальше и дальше на север уносили гигантские ламмергейеры принцессу Харамис и ее спутника. Летели они высоко над бесконечной пушистой гладью тумана, покрывшего землю.

Когда наконец испуганное сердечко принцессы успокоилось, когда она более или менее освоилась на спине чудовишной птицы, когда поверила, что это не сон, а чудесное спасение, — пришла пора задуматься над своим положением. Она избежала неминуемой смерти, что само по себе следовало признать огромной удачей. Являлось ли ее спасение делом рук таинственной Бины? Значит ли это, что у Белой Дамы есть и другие чудеса в запасе? Тогда почему она не сумела отвратить от Рувенды злые чары Орогастуса и погубить вторгшихся в мирную страну завоевателей?

Огромные крылья взмахивали редко и сильно. Воздух посвистывал в ушах. Покрытая белым оперением спина была широка и мягка, как пушистое одеяло. Харамис так

глубоко зарылась в ямку, образовавшуюся позади черной перой могучей шеи, что ей, в общем-то, и не требовалось держаться за длинный шелковистый хохол, свисавший с затылка невиданной птицы. После часа полета девушка заметила, что ламмергейер время от времени поглядывает на нее, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону и кося огромными глазами.

Не зная, как поступить, растерянная принцесса пробормотала:

— Я бы хотела выразить вам глубокую признательность за наше спасение.

Девушке показалось, что птица поняла ее и важно кивнула в ответ. Или померещилось? После этого ламмергейер больше не поворачивал голову. Харамис иногда взмахами руки приветствовала Узуна, но подать голос не решалась — птицы летели слишком далеко друг от друга.

Ночь была светлая, ярко сияли звезды, внизу по-прежнему простиралась безмолвная, жемчужно-серебристая равнина. Харамис увлеклась поиском знакомых созвездий, четко вырисовывающихся на бархатисто-черном небосводе. Вон Натянутый Лук, а там сияет Небесный Кувшин, возле него созвездия Ладу, Великий Червь, а вот и Северная Корона...

Боже мой, корона!..

Здесь она, здесь... В перевязанном через плечо плаще, на котором остались капли крови матери. Харамис топорливо развязала узел, достала венец королевы с крупной янтарной вставкой, внутри которой посвечивал бездонной чернотой трехлепестковый цветок.

«Все-таки Волтрик не добрался до тебя, — с мрачной усмешкой подумала девушка, — и никогда не доберется, пока я жива. Он погубил родителей, но я-то жива, значит, и Рувенда не погибла. — Харамис усилием воли остановила навернувшиеся на глаза слезы. — Теперь я — королева Рувенды, теперь мне предстоит защищать страну и людей. И дети мои, когда меня не станет, продолжат мое дело. — У нее перехватило горло. — Я всегда знала, что придет день, и меня увенчают этой короной, но и подумать не могла, что это случится так скоро. При таких об-

стоятельствах... Надеюсь, Белая Дама поможет мне, я сейчас так нуждаюсь в поддержке, откуда бы она ни исходила».

Действительно ли в ее медальоне и в том цветке, что в королевской короне, таится великая сила, или ее спасение, прилет этих прекрасных царственных птиц — только случайное совпадение? А что, если попробовать?

Харамис вытащила амулет, крепко сжала его в руке и мысленно приказала: «Немедленно перенеси меня в обитель Белой Дамы!»

Ничего не изменилось — ламмергейеры, как и прежде, продолжали размеренно взмахивать крыльями.

Тогда она попыталась добиться чего-нибудь попросе и попросила: «Пусть передо мной явится хотя бы кусочек еды, или я умру от голода».

Опять все впустую. Ее желудок отозвался долгим неприятным нытьем.

Где же магическая сила? Почему ничего не выходит?.. Глубокое уныние овладело принцессой. О короне размечталась! Где оно, королевство?! Где он, супруг, дети, которые радовали бы материнское сердце?.. Где он, храбрый витязь, который сумел бы защитить ее от всех бед? Остается представить, как она победительницей въезжает в главные ворота Цитадели... Трубят фанфары, бьют барабаны... Глупо! Глупо и пошло... Она всегда ненавидела помпезные торжества, лицемерные любезности, нескончаемые церемонии, которые, в общем-то, и составляли смысл жизни придворных. А долгие заседания отца по самым пустяковым вопросам, бесконечное переливание из пустого в порожнее? Много ли радости доставляли ей многочасовые официальные обеды, устраиваемые ее матерью? А еще утомительные приемы и невыносимая, глупейшая болтовня придворных дам. Если говорить откровенно, то даже ее мать, умнейшую и добродетельную женщину, куда больше занимало сочинение дрянных поэм, разбор их несуществующих достоинств, чем заботы о будущем королевства. Все время царствующие родители Харамис бежали от ответственности, от раздумий о судьбах страны;

все время пытались переложить свои обязанности на плечи недоброжелательных и ленивых помощников. При дворе невозможно было проявить инициативу — отец и мать чужались энергичных людей.

«Ты же всегда испытывала отвращение к подобному образу жизни, — сказала себе Харамис. — Ты с тоской ждала, когда тебя выдадут замуж, натянут корону и впрягут в этот размеренный, неспешный церемониальный круг... Теперь, конечно, от этого не уйти, свой долг придется исполнить, но как все нескладно получается! Разгром государства, поиск выхода из тупика, подготовка сопротивления... Справлюсь ли я?»

Принцесса зарылась глубже в теплую, мягкую пуховую выемку на шее птицы. Вслушалась в песнь ветра и незаметно смежила очи. Потом встрепенулась, положила на прежнее место корону, завязала узел — не дай Бог потерять ее в полете! Великая Волшебница, по-видимому, знает, как поступать дальше. Все у нее предусмотрено, обо всем она позаботилась...

Харамис вновь закрыла глаза, но теперь сон не шел к ней. Кто она, эта таинственная женщина? По крайней мере, теперь ясно, что она существует на самом деле. Все говорит об этом — разве эти птицы не явь? И вот что интересно: почему Белая Дама при их рождении предрекла, что в конце концов все *окончится хорошо*?

Мысли тянулись медленно, кружили вокруг одной неразрешимой задачи: как спасти Рувенду или, вернее, то, что осталось от нее? Дурацкие фантазии! Разве ей, семнадцатилетней девушке, совладать с полчищами прекрасно обученных, узнавших вкус победы солдат? Да, она, несомненно, умна, начитанна, но какой из нее, если говорить откровенно, полководец? Даже если Бина и рассчитывает на нее как на исполнительницу воли судьбы, то когда это случится? К тому времени она совсем одряхлеет...

«Все-таки мне не следует терять бдительность, — подумала Харамис. — Кто, кроме меня самой, может защитить меня? Кто знает, какие безумные планы строит эта старуха в своем уединении? Что она потребует от меня? Но я не марионетка, я способна сама принимать реше-

ния. Теперь я — властвующая королева, ответственность легла на мои плечи. Окружающие могут советовать, но решать буду я! У меня нет иного выбора, я не имею права бездумно следовать за чужой волей. Пусть даже то будет зов Триллиума...»

Когда она проснулась, уже светало. Два огромных ламмергейера по-прежнему летели на север. Охоганский хребет, закрывавший полнеба, теперь предстал перед Харамис во всей своей красе: неприступные гранитные пики, отвесные стены и по всем расщелинам — могучие ледники. Снеговая линия располагалась здесь довольно высоко, и все же казалось, что все вокруг искрится и алеет при свете утренней зари, лишь в тени снежные поля приобретали свой естественный голубоватый цвет. Сердце принцессы забилося от предвкушения чуда, следом нахлынула тревога — неужели остаток жизни ей придется провести здесь, среди вечных снегов?

В горах тоже обитали племена оддлингов. Харамис знала, что их звали виспи, но рувендиане никогда не встречались с этим народом. Дальше к востоку, где горный хребет рассекало глубокое ущелье, пробитое в скалах бурным Виспаром, издавна размещались сторожевые заставы. Служившие на них воины рассказывали, что неувлимые виспи появлялись на поверхности земли только в светлые лунные ночи и только для того, чтобы отметить праздник свежеснежавшего снега. Все истории, связанные с горными оддлингами, поражали воображение свойственной этим дикарям — действительной или выдуманной? — жестокостью. Их называли демонами мороза и тумана, якобы любящими во время снежных бурь подглядывать за несчастными путниками. Горе тому, кому доведется испытать на себе их злобный взгляд, — тогда спасения не жди! На фоне этих жутких рассказов как-то особенно странно выглядели деловые связи, оживленная торговля, которую рувендиане вели с этими племенами через посредничество уйзгу. Товары у виспи были отменного качества — драгоценные камни, слитки благородных метал-

лов. Глядя на эти прекрасные изделия, разложенные на прилавках купцов-ниссомов, перекупивших их у уйзгу, трудно было поверить в злые чары горного народа, тем более что в обмен виспи с великой охотой брали съестные припасы, шерстяные ткани, домашних животных — даже таких, как фронялы и волумниалы. И все же ничего вразумительного об этом племени никто поведать не мог — разве что те несчастные солдаты лаборнокской армии, которая, если верить древним преданиям, пыталась овладеть Рувендой несколько веков назад. Но кто их, сгинувших в ущельях, замерзших в снегах, мог услышать?

Солнце теперь слепяще отражалось в окнах открытой воды на болоте, в мелких речушках, густо избороздивших расстилавшуюся внизу равнину, называемую Золотыми Топями. Кое-где сверху просматривались наезженные пути, проложенные по болотам, — это, по-видимому, были главные торговые артерии, по которым уйзгу добирались до подножия Охоганских гор. Затем, после нескольких часов полета — все это время они следовали вдоль какой-то широкой реки, — земля приобрела заметный бурый налет, обсохла, и сплошь потянулись пологие холмы, леса с незнакомыми принцессе деревьями. В седловинах и распадках скапливалась вода, и эти частые озерца и густо заросшие травой болотца отражали и дробили солнечные лучи, так что равнина внизу казалась усыпанной драгоценными камнями.

Между тем ламмергейеры изменили направление полета и широкими кругами начали снижаться.

Невдалеке от полноводной речной протоки отчетливо рисовались развалины, плотно прикрытые кронами деревьев. Остатки стен, арок, обвалившихся куполов были увиты ползучими растениями. От руин веяло тайной, печалью... Харамис, в отличие от Кадии, никогда не испытывала азарта первооткрывателя, и посещение подобных романтических уголков у нее ничего, кроме неприятного ожидания беды, не вызывало. Ее внимание привлекали всякие загадочные механизмы, непонятные предметы, которые находили среди заброшенных древних строений. У нее было несколько подобных игрушек — маленький ящичек, сам по

себе наигрывавший несколько приятных мелодий (его для этого просто следовало положить набок), некое пишущее приспособление, в котором, казалось, никогда не иссякали чернила; таинственный браслет, необыкновенно тяжелый, изготовленный из неизвестного белого вещества. Не дерево, не кость, не камень... Исчезнувшие несомненно владели какой-то загадочной силой, но секрет управления ею был давным-давно утерян. Разве лишь Великая Волшебница обладала по крайней мере частью утраченных знаний, что она и доказала в день рождения принцесс.

Харамис схватила амулет, подняла голову:

— Великий Бог и вы, Владыки воздуха, помогите мне не впасть в заблуждение, оберегите от обмана. Лучше погибнуть, чем поддаться чужой воле, утратить ясность разума. И умереть я не имею права... О Боже и вы, Владыки воздуха, не оставьте меня в трудную минуту!

Птицы уже не взмахивали крыльями, а медленно парили, снижаясь, держа курс на каменную башню, стены которой были сплошь покрыты выюном. Наконец они мягко приземлились на просторном, пестром от цветов лужке. Неподалеку начинался ведущий к башне подъемный мост. Во рву, наполненном водой, плавали ярко-голубые кувшинки; приятный аромат ощущался в воздухе.

Харамис соскользнула с оперенной спины и, оказавшись прямо перед птицей, присела в реверансе.

— Я выражаю вам глубокую признательность, покоритель неба, за то, что вы доставили меня и моего слугу в это замечательное место. Путешествие было удивительно захватывающим.

Оба ламмергейера разом издали громкие крики, взмахнули крыльями и, поднявшись в воздух, скрылись за деревьями.

Узун подошел к принцессе. Вид у него был комический — свой роскошный берет он потерял в полете, волосы были растрепаны, знаменитый вельветовый сюртук порван и помечен пятнами грязи. Тем не менее глаза Узун сияли.

— Мы все-таки добрались! — воскликнул он. — Позволь, я провожу тебя. Ламмергейеры уже известили о нашем прибытии.

Они не спеша пересекли благоухающую лужайку, направляясь к подъемному мостку.

Все здесь дышало красотой. Разрушенный город, казалось, изначально был построен так, чтобы оставить место и зеленому царству: даже на мостике росли цветы. В этом кажущемся бездумным буйстве природы, в остатках творений, созданных людьми, угадывался тонкий расчет, безукоризненный вкус, способный насытить душу человека тем, без чего он не может жить. Распахнутые, подернутые легкой дымкой дали, размеченные стволами одиноко растущих деревьев; редкий светлый лесок поодаль; пойменные луга; излучина реки, и рядом — питающие память и думы развалины, чье безнадежное запустение было скрашено пологом одолевших камни плюща и мха, изобилием цветов — самых простеньких, полевых, — создающих ту необходимую пестроту, без которой устают глаза, а в мысли проникает отчаяние. Но и в пестроте была соблюдена мера — никакую линию, никакой пейзаж здесь нельзя было назвать центральными, ни с какой точки невозможно разом охватить окрестности. Если здесь что и отсутствовало, так это чрезмерность... Все естественно чередовалось, согласовывалось, посвечивало и позванивало в стройном тихом хоре.

У ворот башни их никто не встретил, никто не пожелал здоровья. Нигде не было примет человеческого жилья. Узун тем не менее уверенно шагал вперед, и Харамис, поспешая за ним, не уставала удивляться. Взгляд девушки без конца натывался на резные рухнувшие карнизы, персты мраморных колонн, остатки стен, украшенных искусными барельефами; удивительной красоты мозаичный пол то тут то там выглядывал из-под густой травы. Они миновали полуразрушенный фонтан, обвалившуюся гигантскую арку, опоры которой были увиты диким виноградом... Башня, возле которой приземлились птицы, осталась далеко позади. Наконец Узун свернул в корот-

кий тупичок и остановился у двери из полированного черного дерева, выглядевшей, в отличие от остального, совсем новой, с хорошо смазанными петлями, блестящими металлическими накладками и щеколдой из золота. В центре створа располагался резной медальон, снабженный платиновыми вставками. Собственно, это было изображение Черного Триллиума.

— Здесь она и живет, Великая Волшебница Бина, — подал голос Узун. — Войти сюда имеешь право только ты. — С этими словами он поклонился принцессе и сделал шаг назад.

Харамис колебалась.

— Но... ты должен сопровождать меня.

— Нет, моя принцесса, я подожду тебя у порога.

Девушка наконец решилась:

— Хорошо, будь что будет.

Она собралась с силами, робко позвонила в золотой колокольчик, и дверь сразу же мягко и бесшумно отворилась. Принцесса шагнула через порог.

В комнате отсутствовали окна, было сумрачно и жарко. Помещение оказалось заставленным мебелью, контуры предметов расплывались в полумраке. Массивный буфет, стенные шкафы и книжные полки, столы, забитые непонятными приспособлениями, обитые цветным войлоком табуретки и лавки. У противоположной стены — огромная кровать под темно-вишневым балдахином. В стенной нише устроен очаг, там пляшут робкие язычки пламени, перед очагом — украшенный резьбой столик. На нем столовый прибор для одного человека... Посуда из хрусталя, ложка, вилка и нож поблескивают позолотой. Еда в тарелках источает пар и необыкновенно вкусный аромат. Здесь же на столике стоят графин с вином и лампа — опаловое стекло нежно просвечивает. По обе стороны располагаются два кресла с резными подлокотниками. На столике рядом с графином — кованая прямоугольная скатулка из тусклого драгоценного металла (платина, решила Харамис), чуть помятая и потускневшая от времени.

— Приветствую тебя, дитя, — неожиданно раздался мягкий и звучный голос. — Я так долго ждала тебя.

Харамис удивленно посмотрела по сторонам и только теперь заметила на кровати смутно белеющую фигуру. Девушка присела в глубоком реверансе.

— Подойди, помоги мне подняться. Я посижу с тобой, пока ты будешь есть.

Харамис набралась храбрости и спросила:

— Вы — Великая Волшебница Бина?

— Да. Не бойся... Я — та самая старуха, что стояла у постели твоей матери и помогла принять у нее роды. Это я вызвала тебя сюда. Как я ждала тебя и твоих сестер! Слава Всевышнему, что хотя бы ты прибыла в Нот.

— Что с моими сестрами? Кадия, Анигель... Они живы?

— Да. Не беспокойся о них. Каждая из твоих сестер должна одолеть свой путь, как то было предназначено и тебе. Подойди, помоги мне...

Харамис не могла сдвинуться с места. Ее неожиданно охватил необоримый ужас. На лбу выступили капельки пота. Ею овладела глубокая, не допускающая иных толкований уверенность, что, сделав этот шаг, она, желая того или нет, вступает в неизвестное. С этого легкого незначительного движения для нее начнется новая жизнь, длительное, опасное путешествие. Куда, зачем — она не могла объяснить. Просто начнется — и все!

Она внимательно вгляделась в лицо волшебницы. Его обрамляли густые, чуть выющиеся седые волосы. Женщина, не дождавшись помощи от Харамис, улыбнулась, с трудом села и жестом подозвала девушку. Принцесса наконец шагнула вперед. Белая Дама улыбнулась еще раз. Кожа на ее лице была без единой морщинки, только темные глубоко сидящие глаза выдавали срок, который провела эта женщина на брэнной земле. Он был неисчислимым... Взгляд этих глаз заворожил Харамис, и она, позабыв обо всем на свете, пошла ему навстречу. Не владея собой, она развязала узел на своем плече, достала корону и, уже держа ее в руках, приблизилась к постели. Тут страх неожиданно оставил ее, она вновь почувствовала себя свободной, и

женщина на кровати стала казаться ей всего лишь дряхлой старушкой, нуждающейся в опеке. Харамис помогла ей накинуть халат.

— Пожалуйста, дитя, садись и поешь. Ты, должно быть, страшно голодна.

— А мой товарищ, музыкант Узун?

— О нем позаботится мой слуга Даматоль.

Едва сев за стол, Харамис почувствовала зверский аппетит. Суп, приправленный душистыми острыми пряностями, жареная дичь, запеченные с сыром клубни адапа, салат, пирог с начинкой из слив и еще каких-то незнакомых фруктов... По мнению Харамис, после такого угощения пирог — это было уже слишком.

Она налила немного вина, попробовала. Бина улыбнулась; и девушка, совсем освоившись, тоже засмеялась:

— Я даже руки забыла помыть. Прошу простить меня за недостаток хороших манер, госпожа Бина. И потом, я ела так быстро... Обещаю, что исправлюсь...

— Здесь, на севере, — ответила волшебница, — никто не обращает внимания на такие пустяки.

Она взмахнула рукой, и грязная посуда исчезла со стола. Остались только графин с вином, кубок и шкатулка.

— Вы удивительная волшебница, — прошептала пораженная Харамис.

— Это так несложно, — с некоторой долей кокетства ответила Белая Дама. — Для этого не нужно особого умения. К сожалению, на более серьезные вещи, — она погрустнела, — моих сил уже не хватает.

— Но раз вы послали ламмергейеров, чтобы спасти меня и Узуну, значит, вы знали о том, что должно случиться?

— Покорители неба — свободные существа, — ответила волшебница. — Это правда, я просила их оказать мне услугу. Что касается твоего вопроса, могу ответить — да, я ведала о том, что должно произойти. Я все знала... Если бы ты только догадывалась, как я страдала от собственного бессилия.

Харамис изо всех сил старалась не выдать своих чувств.

— Ваше искусство оказалось недостаточным, чтобы противостоять чарам этого разбойника Орогастуса и короля Волтрика?

— Выходит, так. Я хочу сразу предупредить тебя, дитя, что нельзя недооценивать Орогастуса. Он далеко не тот шарлатан, который на базаре предсказывает будущее. Орогастус обладает основательными познаниями в магии. Он способен не только вызвать бурю, но и владеет тайнами других ужасных волшебств. Самое страшное, что он действует самым верным способом — повсюду, где только можно, отыскивает источники энергии и пытается сразу овладеть ими, чтобы черпать оттуда беспредельную мощь. Именно в этом отношении он превзошел меня, а также в ясновидении, для которого он использует волшебное ледяное зеркало, упрятанное в глубоком подземелье в его логове на горе Бром.

— Значит, вы не в состоянии помочь мне освободить рувендиан?

— Я этого не сказала. Но возрождение Рувенды возможно только при благоприятном решении триединой задачи, а для этого необходимо объединить усилия всех трех лепестков Черного Триллиума, и не как попало, а в строгом соответствии с предсказанным решением.

— Вы имеете в виду меня и моих сестер? — недоверчиво спросила Харамис. — Я, откровенно говоря, не верила, что в возрождении родины нам могут помочь древние легенды. Если это всерьез, то, боюсь, меня ждет большое разочарование. Когда погибла мама, мне пришлось силой удерживать Кадия, чтобы она не бросилась на врагов. Ангель же умеет только слезы лить.

— Тем не менее я вижу, что именно вы — все вместе! — назначены судьбой для свершения этого чуда. Если кто-то из вас погибнет, то все рухнет.

— Это же несправедливо! — воскликнула Харамис.

— Возможно, — мягко ответила Белая Дама. — Но так оно и есть.

Харамис с досадой коснулась пальцами своего медальона:

— Я считала, что этот знак, подаренный вами в день нашего рождения, обладает магической силой. Я решила подвергнуть его испытанию, но у меня ничего не вышло.

— Триллиум способен помочь только в момент смертельной опасности. К тому же его возможности ограничены.

— Эти талисманы должны сыграть какую-нибудь роль в решении задачи, которая поставлена перед нами?

— Я не знаю. Тебе придется раскрыть и этот секрет. Тебе многому еще придется научиться, познать то, что хранится в твоей душе, овладеть своими чувствами, побороть слабость и отчаяние, чтобы оказаться способной испытать судьбу. Одним словом, научиться правильно *перезживать*... Вот что я знаю совершенно точно: когда закончится этап обучения, тебе будет дано знамение. У тебя появится новый талисман — Трехкрылый Диск. Тогда ты поймешь, что пора. Придет час сражения за Рувенду, за твою собственную душу...

— А мои сестры?

— Каждая из них должна будет исполнить то, что предначертано судьбой. Если все будет хорошо, они тоже получат знамения и обретут чудесные талисманы. Три лепестка священного Триллиума должны слиться воедино — тогда наступит великий час. Соотношение добра и зла в мире будет восстановлено!

— Вот значит как... — Харамис даже обмякла в кресле. — Можно сразу приступить к обучению? Я готова, только... Я бы не хотела показаться невежливой, но мне трудно поверить, что это все всерьез. Я даже — прошу простить меня! — не очень верю, что вы существуете на самом деле.

— Веришь ты или нет, не имеет никакого значения. Сейчас ты находишься под воздействием страха и печали. Ты скоро успокоишься, восстановишь душевное равновесие, станешь храброй и сильной. Тогда и поймешь, что я не более чем песчинка в игре, которую ведут судьба и время. Тебе придется довериться самой себе и Богу, который любит нас и заботится обо всех.

Харамис иронически усмехнулась:

— Я нуждаюсь в более действенной заботе и помощи.

— Тебе должны помочь народы, издавна проживающие в Гиблых Топях. Все, кто обитает в горах, в болотах, в лесах... Все, кто, как и рувендиане, почитают Черный Триллиум.

— И Узун пойдет со мной? Он ведь уже немолод...

— Он пройдет с тобой часть пути в том долгом странствии, которое тебе предстоит совершить. Такова его доля — по мере сил помогать тебе. Но главный вызов судьбы тебе придется встретить в одиночку...

Харамис задумчиво глядела на утасающий огонь в очаге и по-прежнему касалась пальцами амулета.

— Можете вы разъяснить мне смысл этой тяжелой духовной работы?

— Нет. Наступит день, и ты сама все узнаешь.

Харамис невольно повысила голос:

— Можете вы помочь мне чем-то более существенным, чем еда и добрые советы?

— Да, это я могу...

Волшебница подошла к столу, села напротив девушки, открыла шкатулку и опустила туда обе руки. Затем, не вынимая рук, встала и каким-то неуловимым движением достала из шкатулки достаточно высокое зеленое растение, непонятно как умещавшееся в шкатулке. Это был живой Триллиум, ростом под стать Харамис. Корни его были обнажены, широкие листья глянцевито поблескивали, увесистые стручки полны семян. И самое удивительное — рядом со стручками стебель был усыпан распутившимися цветками, каждый величиной с детскую ладошку.

Харамис вскрикнула от изумления:

— Какая прелесть! А он живой? Он такой же, как и тот, что залит янтарем?

— Это последний живой Триллиум, известный в мире.

— И с помощью этого цветка мы сможем сокрушить короля Волтрика и Орогастуса? Я верю, Бина! — Харамис вскочила, подбежала поближе, принялась рассматривать

удивительное растение, чьи цветки были одного цвета с ее волосами.

Волшебница протянула руку и что-то сняла с тыльной стороны одного из листьев, потом вдавила это «что-то» в ладонь Харамис. Затем ловко спрятала высокое растение в маленькую платиновую шкатулку, закрыла крышку.

Харамис недоуменно моргнула:

— Это... все?

Волшебница взяла ее за руку и повела к двери:

— То, что я вручила, поможет тебе, Харамис, на долгом и трудном пути. Королевская корона останется у меня — я сохраню ее. Никакой враг не прикоснется к ней. Помни только, что тебе противостоит Орогастус, а не король Волтрик. Он живет по законам магии, которые гласят, что каждое оккультное действие, каждое использование чар имеют следствием бессилие, на некоторое время неизбежно поражающее волшебника. Если ты сможешь определить его уязвимое место и скрыть свое, ты одержишь победу. Больше мне пока сказать нечего... Когда ты дойдешь до цели и станешь обладательницей Трехкрылого Диска, вернешься сюда, в Нот.

— Что представляет собой Трехкрылый Диск? — озабоченно спросила Харамис.

— Ты его сразу узнаешь, как только найдешь... — успокоила Бина. — А теперь в дорогу!

Неожиданно Харамис обнаружила, что стоит на лужайке перед увитой плющом башней. Рядом — Узун, одетый в новое походное платье. Принцесса с изумлением оглядела себя и обнаружила, что ее прежняя грязная одежда исчезла. Теперь на ней был костюм из тонкой белой шерсти федока-альбиноса, поверх которого на груди висел священный амулет. На ногах — такие же белые, удобные и мягкие башмаки. На траве лежали два вещевых мешка и два посоха с железными набалдашниками.

— Я готов, принцесса, — сказал Узун. Он улыбнулся ей, его круглые щеки порозовели. — Белая Дама подарила мне новую флейту, вырезанную из фицпла, так что теперь мы не заскучем в пути.

— Но куда мы направимся? — спросила Харамис и взмахнула рукой.

Тут она вспомнила о вещице, которую подарила ей Бина. Девушка разжала пальцы — на ладони лежал стручок Черного Триллиума. Сухой, лоснящийся... Она невольно сжала его покрепче, и стручок лопнул. На ладонь выкатилась горсть крылатых семян. Опять же неосознанно Харамис подкинула одно семечко. К ее удивлению, вместо того чтобы полететь по ветру, семя целенаправленно поплыло на север, к вздымающимся в той стороне горам. Принцесса растерянно оглянулась — только теперь она заметила узкую тропку, ведущую в том же направлении.

— Ну,— вздохнула она,— пора в дорогу. Вот у нас и проводник теперь есть. Лучше не придумаешь. Что ж, пошли...

Глава 8

В полдень впередсмотрящий на флагманском судне неожиданно истошно закричал:

— Тревиса! Впереди Тревиса!

Лоцман Пелан, попечению которого была вверена на-спех собранная флотилия лаборнокцев, поднял маленький золотой рожок. Звонкие звуки полетели над широко разлившимся Мутаром. Гребцы на всех четырнадцати ладьях подняли длинные весла, с судов в мутную воду упали якоря. Грохот цепей, всплески, крики...

Пелан подал еще один сигнал и приказал объявить от-дых.

В ответ со всех судов донеслась ругань воинов. Несмотря на то что весь поход вверх по реке занял небывало короткое время, генерал Хэмил уловил что-то новенькое в проклятиях, что посыпались на голову проводника.

Вглядываясь в окружающую местность, Пелан рассказывал по палубе. Флагманское судно единственное из всех было свободно от повозок и тягловых животных, только на корме были привязаны боевые скакуны, неизвестно для чего понадобившиеся завоевателям в бескрай-

них болотах, лежащих вокруг Тревисты. Здесь же был уложен фураж, хранились запасы пищи для людей, а в кожаных чехлах и ножнах — оружие. Тут же на корме размещалась банда из двух десятков головорезов, называемых солдатами и слугами, которые всю дорогу резались в карты, храпели, отпускали непристойные шуточки в адрес гребцов.

Пелан на мгновение скрылся в маленькой рубке, устроенной на середине судна, — там у него была отдельная каюта, из которой его на время похода выселили Орогастус и двое приближенных колдуна. Снова появившись на палубе, лоцман приказал маркитанту выдать гребцам и воинской команде по порции вина. Потом он постарался незаметно проскользнуть мимо кучки младших командиров. Те со злыми недовольными лицами смотрели на него, глядя рувендианина, смеявшего остановить флотилию и лишить их дуновений прохладного ветерка. Теперь жарься на солнце! Пелан, не замечая этих взглядов, поспешил на переднюю палубу. Здесь был растянут защищающий от палящих лучей тент, под которым расселись самые высокопоставленные пассажиры — принц Антар со свитой, генерал Хэмил с группой высших армейских офицеров, которые сопровождали его в разведывательной экспедиции, а также хозяин караванов, важный сановник в торговой гильдии Лаборнока купец Эдзар, только что назначенный послом, представляющим корону на переговорах с племенами оддлингов.

Большинство молодых рыцарей разместились у бортов, обозревая окрестности и нетерпеливо ожидая появления легендарных развалин. В обычной одежде, без нарядных боевых доспехов, они больше напоминали оборванцев, чем знатных господ. Их блузы, выгоревшие на солнце, с белыми пятнами от пота, и поношенные клетчатые штаны были бы уместны для каких-нибудь жалких бродяг. Старшие офицеры мало чем отличались от более молодых соратников — разве что одежда у них была почище. Только дородный Эдзар выделялся роскошным нарядом. Доверенное лицо короля, один из немногих купцов, вхожих

во дворец, он был облачен в расшитый золотом зеленый плащ, обычный для членов гильдии. Из-под плаща выглядывала тончайшая золотисто-оранжевая рубаша. Ансамбль довершала шикарная широкополая шляпа, украшенная букетом живых цветов.

— Эй ты, почему мы остановились? — грубо окликнул лощмана генерал Хэмил. — Если это Тревиста, то вперед. Тебе было сказано, что мы должны добраться до нее как можно быстрее.

Флотилия тем временем покачивалась на якорях. Мутар в этом месте разливался так широко, что от одного берега до другого было не менее лиги.

Пелан поклонился рассерженному главнокомандующему:

— Согласно торговому договору, генерал, на этом месте мы должны ждать прибытия лощмана-ниссома, который должен сопровождать нас до Тревисты.

— Что?! — воскликнул Хэмил. — Какой, черт тебя побери, договор! Мы что, корабейники какие-нибудь? Со всем рехнулся! Заруби себе на носу, мы — хозяева! Полновластные владельцы этих земель. Немедленно поднять якоря!

— Генерал, это не совсем мудрое решение. Если сейчас мы нарушим договор, то за последствия я не отвечаю.

Лицо рувендианина, загорелое, морщинистое, напоминающее истертую кожу старой куртки, в которую он был одет, напряглось. Он провел ладонями по покрытым седоватой щетиной скулам — чувствовалось, что Пелан удерживается от дерзости. Наконец он взял себя в руки и почтительно добавил:

— Этих одлингов здесь тьма-тьмушая. Мне просто страшно подумать о том, что случится, если мы нарушим договор.

— Ты, недоносок! Тебе уже объяснили, что Рувенда в наших руках, и мы будем делать здесь все, что нам угодно... — Хэмил еще какое-то мгновение сдерживал гнев, потом неожиданно заорал: — Немедленно отдай команду на отплытие или я прочищу тебе мозги!

Пелан проигнорировал угрозу и, повернувшись к купцу, который угощал генерала и офицеров рассказами о таинственных, оставленных древним народом городах, попросил:

— Господин Эдзар, хоть вы скажите ему. Он, кажется, не совсем понимает, что говорит...

Пелан не успел закончить, как генерал Хэмил вскочил, схватил его за волосы и выхватил меч.

— Отставить! Генерал, я сказал — отставить! — закричал принц Антар, пытавшийся справиться с глубоким унынием и печалью, охватившими его, и по этой причине почти все три последних дня проведенный без сна в кресле на верхней палубе.

Он пробился через толпу с радостью ожидавших пролития крови рыцарей и встал напротив громадного Хэмила. Выругавшись, генерал отпустил лощмана. Тот сразу юркнул за спину принца.

— Позвольте объяснить вам, генерал, — сказал Эдзар, — что Пелан заботится исключительно об интересах Лаборнока.

— Если бы он не заботился, — огрызнулся Хэмил, — то давно бы очутился на дне Мутара с камнем на шее.

Рыцари расхохотались, а принц невозмутимо заметил:

— Продолжайте, Эдзар.

— Вон там лежит Тревиста. — Купец пальцем указал прямо по курсу корабля.

Вдали, за излучиной, раскинулась холмистая равнина, иссеченная зелеными и густо-пурпурными тенями. Горизонт подрагивал от колыханий расплавленного воздуха, и в этом мареве холмы, река, противоположный низкий берег казались подвижными, плавающими в полуденном нестерпимом зное массами.

— Город был построен на островах в месте слияния Виспара и Мутара, — разъяснил Эдзар. — Тревиста далеко не похожа на то, что мы, лаборнокцы, и сами рувендиане обычно считают городом. Так называемая местная ярмарка тоже не совсем то, что мы понимаем под торгом. Никто не может сказать, где она откроется в следующем году. Ярмарка как бы кочует по древнему городу, пере-

бирается с острова на остров, причем место всегда предлагают ниссомы, и вряд ли кто догадается, что взбредет им в голову на этот раз. Даже самые опытные проводники, как наш уважаемый Пелан, и те не знают, пока туземцы не приведут их к выбранному месту.

Осоркон, гигантского роста рыцарь, правая рука Хэмила, хмыкнул:

— Ярмарка рядом, и вы не можете отыскать ее?

— Тревишта расположена не на одном острове. — Эдзар обвел рукой горизонт. — Она здесь повсюду.

Все замолчали. Наступила тишина.

— Этот город, точнее, то, что от него осталось, является вершиной искусства древних зодчих. По сравнению с воплощенным на этой болотистой низине замыслом, Цитадель — не более чем худо-бедно обработанная скала. Естественное убежище, в котором сгинувший народ переживал удары судьбы. Вглядитесь, господа, на каждом из этих островов — а их сотни! — можно найти остатки некогда прекрасных зданий. Все кварталы-острова были связаны сетью судоходных каналов, по которым могли пройти самые громоздкие и тяжелые суда. Здесь была построена система шлюзов, поражающие своими размерами мосты, разрушенные теперь верфи, на которых, судя по фундаментам, могли закладываться корабли любой вместимости, любого предназначения. А развалины древних аркад! Стоит только бросить беглый взгляд на то, что сохранилось, и невольно начинаешь представлять воочию жилые дома, которые были возведены здесь. Я уж не говорю о дворцах и общественных зданиях! Теперь все поглотили джунгли... В некоторые зловещие места не отваживаются ступить даже ниссомы.

— Какие районы древнего города в настоящее время заселены аборигенами? — спросил принц.

— Этого никто не может сказать наверняка, ваше высочество. Дикие одлинги не очень-то стремятся к общению с людьми. Если не сказать больше... Разве что ниссомы отчасти проявляют лояльность... В каком-то смысле они нас даже презирают. Мы, купцы, приезжаем на ярмарку, где имеем дело с отдельными, зачастую хорошо

знакомыми туземцами. Те предлагают товары, которые, по их мнению, могут нас заинтересовать. — Стараясь не смотреть на Хэмила, Эдзар добавил: — Если наш караван вступит в пределы Тревисты без соблюдения общепринятых правил, некоего обряда-разрешения — заметьте, я не сказал «без предупреждения», потому что местные жители всегда бывают заранее извещены о нашем прибытии, — может случиться, что никто из ниссомов даже на глаза нам не покажется. Что касается вопроса о захвате древнего города, то, мне представляется, это пустая трата времени. Вся ценность этого места именно в ярмарке, в возможности обмениваться товарами. Поэтому мы просто вынуждены выказать по отношению к оддлингам добрую волю.

— Хорошо сказано, господин Эдзар. — Принц бросил многозначительный взгляд на генерала Хэмила. — Если мы завоем их доверие, если докажем, что готовы продолжать отношения на прежних условиях, словно бы ничего не произошло, вы считаете, они станут сотрудничать?

— Можно надеяться на это, ваше высочество.

— Мы, черт побери, должны оставить в Тревисте гарнизон, — заявил Хэмил. — Это приказ короля Волтрика. И пусть эти болотные лягушки только попробуют сговориться с беглянками-принцессами!

— Дело ясное, — тихо, не обращая внимания на распетушившегося генерала, заметил принц. — Этим ниссомам принцессы, конечно, куда ближе, чем мы. Те пока олицетворяют для них королевскую власть. Значит, найти их тайное убежище мы можем только с помощью хитроумной уловки, но никак не демонстрацией силы. Например, купить эти сведения. — Лицо принца внезапно изменило выражение. — Все ясно? — Он в упор посмотрел на генерала Хэмила.

Тот невольно вытянулся:

— Так точно! — и, замешкавшись немного, прибавил: — Ваше высочество...

Сверху донесся крик впередсмотрящего:

— Ялик из Тревисты!

Рыцари бросились к борту. Странной формы маленькая лодчонка приближалась к флагманскому кораблю. Двигалась она без помощи весел или паруса, и все равно — скорость у нее была куда выше, чем можно было вообразить. На ялике находился только один пассажир — он стоял на цветах, которыми была завалена палуба. От носа до кормы лодку украшали гирлянды.

— Как же она движется? — удивленно спросил Ованон.

Пелан вышел из-за спины принца и, держась подальше от генерала Хэмила, объяснил:

— Лодку тащат два риморика. Это существа, живущие в воде. Они чем-то напоминают больших перлигов. К несчастью, люди никак не могут их приручить. Даже среди ниссомов умельцы, способные совладать с ними, встречаются нечасто. Это искусство они переняли от своих сородичей уйзгу. Те тоже регулярно приезжают в Тревисту — кто посмелее... Они привозят товары, выменянные в самых северных областях Гиблых Топей.

Принц обнял купца за плечи и отвел его в сторону.

— Послушайте, — сказал он, — что вы имели в виду, говоря, что одлинги уже предупреждены о нашем появлении? Вы намекаете, что они способны передвигаться с большей скоростью, чем мы? Ведь мы в два раза быстрее, чем купеческие караваны, добрались от Цитадели до Тревисты.

Купец пожал плечами:

— Они умеют передавать известия на большие расстояния, используя при этом какую-то особую бессловесную связь. Примерно так, как королевский маг Орогастус общается со своими Голосами.

В этот момент дверь, ведущая в рубку, распахнулась. Высокий, в черно-белых одеждах маг вышел на палубу. Капюшон, наброшенный на голову, закрывал верхнюю часть его лица. За Орогастусом следовали две другие, такие же таинственные, фигуры — одна была в голубых, другая — в красных одеяниях.

— Все верно, — подал голос колдун. — Эти экзотические существа используют самые примитивные методы

телепатии. Они даже обладают зачатками ясновидения и дальновидения. Хотя в этих способностях они находятся на гораздо более низком уровне, чем я.

Принц тут же отослал купца и, когда тот удалился, холодно заметил:

— Вы, господин первый министр, никогда раньше не рассказывали мне об этом.

— Не было необходимости. Эти способности во время вторжения не понадобились. Мы же никогда не имели намерения воевать с аборигенами. С другой стороны... нам просто необходимо научиться использовать этих дикарей. С помощью кнута ли, пряника ли...

— Значит, у вас есть план, как нам заключить выгодный союз с этими племенами? Так же, как и со скритиками? Мой отец упомянул об этом во время штурма Цитадели.

Принц всегда держался с магом строго официально, беседовать старался только по государственным вопросам. Со своей стороны и Орогастус не слишком доверял наследнику, проводя четкую грань между ним и его отцом. Это раздражало Антара — ему уже стукнуло двадцать шесть, но ни разу ни венценосный отец, ни этот пришлый колдун не делились с ним своими планами.

— Придет время, и мы заключим договоры с некоторыми из этих племен. — Орогастус взмахнул рукой и, указывая окрест себя, добавил: — Но не с этими жалкими ниссомами. Они годны только для сбора лекарственных трав, специй и других болотных даров. Оддлинги интересуют нас как поставщики ценных вещей и механизмов, найденных в Треviste и других разрушенных городах. Следует учесть, что среди всех других диких народов ниссомы теснее всего были связаны с династией рувендийских королей, так что вряд ли можно надеяться на их верность нам. Сомневаюсь, чтобы они стали в дальнейшем напрягать силы, дабы помочь Лаборноку. Однако мы любым способом должны подружиться с племенами, живущими в отдаленных частях Гиблых Топей, где, как мне известно, спрятаны совершенно сверхъестественные по своей эффективности машины древних. С их помощью лабор-

нокцы, надеюсь, закрепят свое господство над всем Полуостровом, а потом подчинят себе и весь остальной известный мир.

Принц почувствовал, как его сердце сжалось от страха. Вот почему Волтрик, вопреки советам лаборноцких старейшин, назначил этого выскочку главным министром двора! Но может быть, этот план — лишь уловка, чтобы привлечь внимание короля? Или Орогастус действительно верит в то, что говорит?

Антар недоверчиво спросил:

— Вы это всерьез? Насчет всего мира? Неудивительно, что вы так настаивали на войне с Рувендой. Для меня, признаюсь откровенно, ваши мысли — тоже откровение. Какие же у вас имеются основания полагать, что эта цель достижима?

— В свое время мы обсудим этот вопрос, ваше высочество. Вы настаиваете, чтобы я посвятил вас в тайны государственной политики, которая находится в ведении самого короля. Сами понимаете, я не вправе вводить вас в детали без соответствующей санкции.

Помощник мага, одетый в темно-красный наряд, приблизился и что-то шепнул на ухо Орогастусу. Тот согласно кивнул.

— Красный Голос напомнил мне, — продолжал колдун, — что я должен сообщить вам: здоровье короля ухудшилось. Зеленый Голос часто связывается со мной и передает последние сведения. Его величество сильно страдает от жара. Раненая рука причиняет ему жестокие боли. Я приказал Зеленому Голосу использовать наиболее сильное средство, имеющееся в нашем распоряжении, — Золотые пилюли. Если они помогут, то в течение ближайших двух-трех дней должно наступить облегчение.

Принц нахмурился:

— А если это средство не поможет?

— Это лекарство досталось нам от Исчезнувших. Его запас крайне невелик и используется только в экстренных случаях. Я надеялся, что мы справимся с воспалительным процессом обычными методами. Раз королю не

полегчало, значит, мы вынуждены применить интенсивную терапию.

— Это определенно принесет результат?

Маг замялся:

— Ничего определенного сказать нельзя. До сих пор я только пять раз использовал это средство — трижды на себе, однажды помог Синему Голосу, и еще раз — королеве Шонде, второй жене вашего отца. Помните, она тогда укололась шипом. К сожалению — я не могу скрывать этого от вас, — рана короля весьма опасна.

Антар помрачнел, задумался.

— Я постоянно молюсь о том, чтобы отец выздоровел, — сказал он наконец. — Вам бы тоже стоило обратиться к своим богам с просьбой о его спасении. Если Волтрик умрет, горе лаборнокцев будет безгранично. Мало того что рухнут самые продуманные и далекие планы... Боюсь, начнутся поиски виновных в его смерти... — Принц резко повернулся и отошел.

Красный Голос шепнул хозяину на ухо:

— Этот молодец будет куда менее сговорчив, чем его отец, всемогущий...

Долговязый Синий, стоявший справа, подхватил:

— Мы с большим удовольствием усмирим его строптивый дух.

— Нет, — резко, но тихо возразил маг. — Еще не время. Но я ценю ваше усердие. Когда настанет нужный момент, вы вцепитесь в него, как свирепые псы. Ну, и награда вам, в случае успеха, будет королевская...

Глава 9

Местный лоцман на украшенном цветами и гирляндами ялике, не спеша, с достоинством плывшем вверх по реке, наконец привел флотилию лаборнокцев к ближайшему острову. Все решили, что именно здесь на этот раз состоится ярмарка. Корабли украсились флагами Лаборнока, на мачтах затрепетали многоцветные вымпелы. Самый широкий стяг развевался на носу флагмана. Повозки на судах тоже были подготовлены к спуску на твердую

землю, все они были увешаны нарядными щитами и плащами рыцарей. Их шествие — так было задумано принцем Антаром — должно до глубины души поразить наивных дикарей.

— Жаль, что на этот раз мы не сможем побывать на внутренних островах, — сказал Эдзар. — Там, ваше высочество, вы могли бы полюбоваться на здешние мосты — вернее, на то, что от них осталось, — и на руины астрономической обсерватории. Сохранилось, конечно, немного, но даже осмотр фундаментов и остовов их таинственных машин производит неизгладимое впечатление. Какая сила когда-то приводила их в действие? Какие звезды изучали они в древнем небе? Где все это? Время безжалостно, мой принц. Впрочем, и на том острове, к которому нас подводят, мы найдем пищу для размышлений. Во-первых, нас ждет встреча с живущей в здешних местах провидицей Фролоту и ее окружением.

— Кто она такая? — спросил Антар. — Вы встречались с ней раньше?

Принц, его свита и старшие офицеры уже были в своих парадных доспехах. На голубоватом шлеме Антара, украшенном крылышками, была прикреплена маленькая корона.

— Эту провидицу, ваше высочество, нельзя считать королевой этих мест в том смысле, в каком мы понимаем королевскую власть, — ответил купец. — Но она по праву представляет от имени своего народа, является неким связующим звеном между чужестранцами и ниссомами. Конечно, она относится к числу тех, кто управляет местным населением и, по крайней мере, пользуется очень большим авторитетом. Ее совершенно невозможно обмануть. Говорят, она способна читать чужие мысли...

— Это правда? — встрепнулся Орогастус, до той поры с неподвижной, чуть презрительной гримасой наблюдавший за приближающейся стеной джунглей.

Эдзар нервно прочистил горло:

— Ничего определенного сказать не могу, господин министр. Мой опыт общения с этой дамой подсказыва-

ет, что она, безусловно, обладает сверхъестественной прорицательностью, но читать мысли... Я не знаю, как выразиться точнее.

— Вы хотите сказать, что эта провидица способна отличить человека, говорящего правду, от лжеца? — сказал принц.

— В общем-то, да. И это создает определенные... э-э... трудности во время деловых переговоров. Это особенно касается розыска принцесс. Мы должны быть очень тактичны...

— К дьяволу ваш такт! — не выдержал генерал Хэмил.— Если одлинги попытаются ставить нам палки в колеса, мы возьмем заложников и надавим на них. А эту вещательницу от имени так называемого народа поручим заботам нашего Осоркона. Он знаменит своей обходительностью. И еще кое-чем... Может, ей даже понравится...

Первый помощник Хэмила, огромного роста рыцарь в доспехах, украшенных чернью, захохотал:

— Уж я-то своим правом воспользуюсь, уж у меня-то она повернется...

Эдзар пожал плечами:

— Если вы схватите провидицу Фролоту, ниссомы просто назначат другую такую же прорицательницу. И вполне вероятно, что все это многочисленное племя растает в болотах, как при полуденном солнце тает туман. На этом всякие контакты с аборигенами будут прерваны, и никому из нас нельзя будет даже сунуться в топи. Верная гибель...

Все засмеялись, а Эдзар невозмутимо продолжал:

— Я все время пытаюсь объяснить вам, генерал, что нам жизненно важно установить нормальные отношения с ниссомами.

Хэмил тут же обратился к королевскому магу:

— Тогда вы должны проявить все ваше искусство, чтобы прижать хвосты этим болотным гаденышам.

— Мы работаем в этом направлении, — коротко ответил Орогастус.

— До того момента, пока меня не снимут с должности командующего экспедицией, — заявил принц Антар, —

только я обладаю властными полномочиями в полном объеме. Только я могу вести переговоры с провидицей Фролоту. Вторжение в Рувенду было предпринято с единственно важной государственной целью — устранить всякие помехи в торговле с Гиблыми Топями и обеспечить бесперебойное снабжение Лаборнока минералами и строевым лесом. Я уже говорил отцу, что нашей торговле не должно быть нанесено никакого ущерба. Вот это для нас самое важное, а не таинственные древние безделушки, которых так жаждет министр, или маниакальное стремление отыскать трех несчастных девиц. Итак, вы намерены исполнять мои приказания, господин министр?

— Безусловно, ваше высочество, — улыбнулся Орогастус.

— А вы, генерал?

Генерал Хэмил, едва сдерживая раздражение, метнул взгляд в одну сторону, в другую. Рыцари из свиты Антара теснее сплотились за спиной принца; те, кто стоял у перил, как бы подошли невзначай поближе. Наступила тишина.

Генерал хмыкнул:

— Я — солдат и всегда подчиняюсь приказу. Да, мой король действительно назначил вас, принц Антар, командовать походом, поэтому я беспрекословно буду выполнять ваши распоряжения. Пока король Волтрик не отменит приказ...

— Вот и хорошо, — сказал Антар.

Лицо его смягчилось. Рыцари, почувствовав, что напряжение спало, гурьбой бросились к перилам, стараясь не упустить момент, когда на реке откроются руины Тревисты.

Между тем ялик с лоцманом-ниссомом достиг прибрежных зарослей и, не сбавляя хода, нырнул в открывшийся прямой, как стрела, канал. Флотилия двинулась следом. По обеим сторонам прохода тесно росли удивительные, неизвестные лаборнокцам деревья с кронами, на несколько сотен элсов вознесенными вверх, где их длинные гибкие ветви, сплетаясь, образовывали высокий,

прозрачный для солнечных лучей полог. Изумрудные отражения колыхались на темной воде, из которой вставали меньшие, в десятки элсов, деревца, тянущиеся со дна множеством тонких изогнутых стволов, окружающих основной, толстый, родительский. Чаша по берегам была такая, что воины-чужестранцы дивились — как можно одолеть эти дебри? Им казалось, что путь до Цитадели являлся пределом возможного для людей, что болота, через которые они проложили путь, будут последним испытанием в этой дикой и загадочной стране.

Шум и возгласы на кораблях стихли. Сплошная стена джунглей, встающих прямо из мелководья, на первый взгляд не вызывала страха — все вокруг было усыпано цветами, странными растениями с багрово-зелеными листьями величиной с дверь. Каждая жилочка на этих чуть шевелящихся опахалах была помечена пунктиром золотистых колючек. На все это растительное изобилие была наброшена густая, непролазная сеть лиан, помеченных мириадами цветков — пурпурных, снежно-белых, розовых, шафранных с примесью голубизны... Лианы вплетались в каждую щелочку между стволами, и все равно, к удивлению людей, в глубине этого непреодолимого, буйно цветущего скопища растений было неожиданно светло. Взгляд почти свободно проникал на несколько десятков элсов вглубь. В воздухе плыли необыкновенно сладкие, тустые благоухания, в них местами вплетался запах гнили.

В силах ли человеческих одолеть это зеленое царство? Мыслима ли подобная задача для обыкновенных людей? Тогда зачем оружие, зачем боевые фронилы, которых они везли с собой?

В мертвой тишине последний корабль флотилии вошел в протоку, и в этот момент лоцман-ниссом издал пронзительный, далеко разлетевшийся по джунглям, смиривший птичье пение и стрекот насекомых, вопль. Потом он замер, и наступила тишина, в которой отчетливо и мирно раздавались равномерные шлепки весел о воду. Ялик свернул направо, за ним последовал флагманский ко-

рабль — здесь открылся еще более широкий канал, и Эдзар, не удержавшись, схватил принца за железо налокотника и указал на берег.

В первые мгновения Антар и прилипшие к перилам лаборнокцы ничего нового не заметили, но спустя несколько минут, когда их глаза пригляделись к глубинам чаши, по берегам начали просматриваться развалины строений. Нечто монументальное, геометрически правильное, неохватное начало проступать по обеим сторонам канала. Некогда здесь стояли дворцы, по сравнению с которыми самые роскошные здания Дероргуилы казались крестьянскими хижинами. Они высились тесно, в ряд, и поражали воображение даже в таком полуразвалившемся состоянии. Кое-где сохранились стены, арки, дававшие представление о целом облике здания от фундамента до крыши. Рыцари и солдаты таращили глаза на диковинные сооружения, располагавшиеся по берегам широкого, элсов в пятьсот, канала.

Остатки древних строений высились на островах повсюду, местами джунгли даже уступали камню, тогда перед зрителями открывались плоскости и линии, карнизы и капители, покрытые замысловатой резьбой. Фасады многих сооружений были орнаментированы яркой, под стать местным цветам, мозаикой. Изящные порталы, аркады, открытые галереи, эспланады проплывали перед глазами. Каждый сохранившийся фрагмент ограды представлял собой законченное произведение искусства. Повсюду возвышались остатки колонн — обломанные пальцы, упершиеся в зеленый полог. Любую из них можно было рассматривать часами — каждая бородка каннелюры, каждая причудливая волюта были само совершенство. Кое-где на пьедесталах еще возвышались остатки статуй и больших величественных урн. Живописные развалины дружески сплетались с деревьями и лианами, невозмутимо обвившими каменные творения. Особенно впечатляющ этот симбиоз был на редких широких площадях, где растительность пробивалась в строгом порядке между уложенными на землю плитами.

И вот что было удивительно — чем дальше корабли заплывали в эти глухие места, тем очевиднее становилось, что джунглям так и не удалось окончательно поглотить город. Тревишта, казалось, еще жила — появление на ее улицах Исчезнувших не было бы чудом. Древний город излучал своеобразную силу, поражал замысловатой неистребимой красотой, тем самым как бы утверждая способность человеческих творений противостоять напору времени.

Ялик свернул в один из боковых каналов, и почти сразу изменился характер растительности. Быстро исчезли гиганты деревья, вслед за ними развалины дворцов уступили место более приземленным и простым постройкам, участилась сеть улиц и переулков, и вот перед глазами прищельцев открылась широкая площадь, полностью очищенная от диких растений. В центре ее бил фонтан. Это было удивительно... Из воды наверх вела необычайно широкая мраморная лестница. На площади стояла группа ниссомов. Было их около двух десятков. Все остальное пространство было пусто.

— Где же ваша знаменитая ярмарка? — насмешливо спросил генерал Хэмил. — Клянусь внутренностями святого Зото, эти одлинги просто дали деру!

Купец вздрогнул и, понизив голос, прошептал:

— Потихше, генерал. Провидица Фролоту и сопровождающие ее ниссомы могут принять ваши слова за оскорбление.

— Ну-ка, проверь их, маг. — Генерал никак не мог успокоиться. — Может, эти маленькие склизкие болотные твари устроили засаду?

— Заткнись ты, болван! — прошипел колдун и тут же что-то коротко приказал своим слугам.

Красный и Синий Голоса вышли вперед, опустили на колени лицами к площади. Принц Антар и генерал Хэмил уже видели, как великий маг использует своих помощников для проникновения ясновидящим взором в скрытое окружающее пространство, однако для остальных рыцарей и офицеров эта сцена была внове. И для Эдзара тоже.

Орогастус встал между и чуть сзади Голосов, протянул руки над их головами, бесцеремонно сдернул с помощников капюшоны. Ладони колдуна слегка касались их коротко стриженных голов.

Орогастус тоже обнажил голову, и его седина ярко блеснула на тропическом солнце. Он закрыл глаза. Те, кто стоял поближе, с ужасом заметили, что глаза покорных Голосов как бы внезапно исчезли, остались только черные провалы глазниц. Толпа рыцарей отшатнулась, наступила полная тишина. Все замерли, напуганные изменившимся внешним видом Орогастуса. Веки его на мгновение сомкнулись, потом он широко раскрыл глаза, и две маленькие звездочки вспыхнули в зрачках. Он поднял руки и начал медленно поворачиваться, очевидно, изучая ясновидящим взглядом прилегающую к площади местность на обеих сторонах канала.

Совершив полный оборот, он застыл в первоначальном положении, закрыл глаза. Двое стоявших на коленях слуг вздрогнули, по их телам пробежали судороги. Они застонали — глаза их вдруг явились на прежних местах. Те же самые, человеческие...

— Здесь поблизости около четырех сотен ниссомов. Прячутся в зданиях на том берегу, — тихо сказал Орогастус. — Следят за нами, враждебных намерений не имеют. Впрочем, страха тоже... Советую высадиться на берег и встретиться с провидицей. Опасности нет.

Он осторожно наклонился, взял своих помощников за носы и потянул вверх. Голоса безропотно встали на ноги. На их лицах застыли бессмысленные гримасы, рты были открыты, взгляды пусты...

Принц Антар объяснил рыцарям:

— Эти люди сейчас заколдованы. Ничего, отдохнут, придут в себя... Приготовиться к высадке! Ради неба, ни на мгновение не теряйте осторожность, оружия не оставлять. Запомните, первое впечатление решает все. Эти болотные существа должны прежде всего почувствовать, с кем имеют дело. Никакой расхлябанности, полное внимание, держать строй. Вы — непобедимая армия Лаборнока!

Тем временем ялик уже причалил к лестнице; ширины причала, к которому она примыкала, хватило, чтобы вместить все четырнадцать ладей. По-видимому, раньше причалов здесь было больше, теперь они были залиты водой, уровень которой за несколько веков значительно поднялся. У подножия лестницы сохранились каменные тумбы, к которым подоспевшие на помощь ниссомы начали привязывать брошенные концы. Пелан отдал команду сушить весла, и суда начали подтягиваться к ступеням.

Первым со стягом в руке на берег сошел могучий Осоркон. Следом посол его величества повелителя Лаборнока и Рувенды короля Волтрика, член гильдии владельцев караванов Эдзар. Далее генерал Хэмил с четырьмя офицерами. Все они встали по обеим сторонам трапа... Наконец, под пение фанфар и бой барабанов, в сопровождении двадцати рыцарей в парадных доспехах на берег сошел принц и наследник трона Антар. На всех остальных судах солдаты были выстроены вдоль бортов — во главе каждого отряда стояли командиры.

— Самые горячие приветствия народу и земле ниссомов. Слава знаменитому городу Тревисте! — произнес Эдзар на языке, который был понятен всем народам Полуострова. Потом он провозгласил хвалы и поздравления на языке ниссомов. — Великий Лаборнок, который всегда с почтением и дружелюбием относился к славному народу ниссомов и был желанным и постоянным гостем на здешних ежегодных ярмарках, заявляет, что отныне он не допустит никаких посредников в торговле между нашими народами. Государство презренных рувендиан пало — теперь мы можем свободно и непосредственно обмениваться товарами, что будет служить дальнейшему сближению и дружбе между нашими народами. Много обид и оскорблений пришлось пережить лаборнокам от королев Рувенды. Терпение нашего повелителя было неистощимо. Его кротость слишком долго хранила мир... Но всему есть предел! И вот наступил час расплаты! Доблестные войска Лаборнока с честью пронесли свое знамя в великом походе, который три дня назад закончился полным разгромом противника. Три дня назад рувендиане сдались на

милость его величества, лучезарного короля Волтрика. Теперь все здоровые силы народа рувендиан с радостью готовы влиться в великое содружество, честь возглавить которое Всемогущий предоставил Лаборноку. С этой целью два государства объединяются в единое и неделимое королевство под эгидой его величества победоносного короля Волтрика. Все торговые обязательства прежних правителей по отношению к народу ниссомов будут соблюдаться... — Эдзар сделал паузу — видимо, сам догадался, что хватил через край. Утешил он себя тем, что, во-первых, при знакомстве можно и наобещать лишку, а во-вторых, принц Антар явно на его стороне. Купец откашлялся и продолжал: — Торговые караваны, как и раньше, будут посещать Треvistу — это событие ниссомы могут отпраздновать вместе с лаборнокцами, ведь отмена несправедливых и тяжелых поборов, которые рувендиане наложили на оба наших народа, будет способствовать нашему обоюдному процветанию. Пусть мир и взаимовыгодная торговля восторжествуют среди всех людей доброй воли!

Эдзар вытянул вперед обе руки ладонями вверх. На кораблях торжественно запели фанфары. Встречавшие гостей ниссомы только хлопали веками, прикрывавшими большие, желтые, слегка выпученные глаза, и ничего не отвечали. Посол прочистил горло и закончил:

— Его сияющее величество король Волтрик соизволил прислать к вам своего горячо любимого сына и наследника, светлейшего принца Антара. Спустя некоторое время его высочество будет готов обсудить с полномочными представителями народа ниссомов все стороны дальнейшего сотрудничества. Мы надеемся, что отношения между нами станут еще более дружественными и тесными, чем были раньше... Наступил момент для вручения верительных грамот от его величества короля Волтрика уважаемой провидице Фролоту из Треvistы. Почетную церемонию проведет его высочество принц и наследник трона Антар.

Эдзар отступил в сторону и застыл в глубоком поклоне перед принцем. Тот вышел вперед. Некоторое время тесно сплотившаяся группа ниссомов оставалась на ме-

сте, затем одна из женщин отделилась от соплеменников и медленно начала спускаться навстречу Антару. Ее парадное одеяние, напоминавшее восточный халат с непомерно длинными полами, сотканный из сухих трав, было богато украшено голубыми, под стать небу, цветами. Особенно воротник и манжеты. В руке женщина держала зеленую тростинку, которой бесцеремонно ткнула в несколько смутившегося принца.

— Антар из Лаборнока, — сказала она на чистом лаборнокском языке. Ее голос был певуч и доносился как будто не изо рта. — Перед вами Фролоту, избранная нашим народом провидицей. В обычаях племени ниссомов быть откровенными, поэтому я имею честь обратиться к вам безо всякого плетения словес, свидетелями которого мы сейчас были. Мы внимательно выслушали речь вашего посланника, члена гильдии уважаемых нами владельцев караванов, при этом мы внимательно прочитали и его мысли, отделив правду от лжи. Теперь я прошу вашего соизволения задать вам несколько вопросов.

Не дожидаясь ответа, зеленая тростинка указала на ту часть груди принца, где билось сердце. Антар почувствовал, как обильный пот увлажнил его тело под искусно декорированными доспехами.

— Вы можете задавать вопросы, — неожиданным для себя самого баском ответил принц.

— Желают ли лаборнокцы причинить вред народу ниссомов?

— Я торжественно заявляю, что мы не причиним вам вреда. У нас нет и не было злых намерений.

— Обязуются ли ваши торговцы покупать наши товары по тем ценам, которые установятся на рынке?

— Я торжественно заявляю, что так и будет.

— Что еще, кроме взаимовыгодной торговли, интересует вас в Тревисте?

— Мы... мы бы хотели основать здесь небольшое поселение для того, чтобы исследовать внутренние области Гиблых Топей.

— Вы намереваетесь поставить здесь гарнизон?

— Да. Это распоряжение моего царствующего отца. Отряду будет поставлена задача вылавливать беглецов-рувендиан, которые сохранили враждебность к нашему государству и могут помешать налаживанию добрососедских отношений между нами.

Глаза провидицы изменились — глубокая печаль отразилась в них, однако голос был по-прежнему тверд, и тростинка, направленная в грудь принца, даже не дрогнула.

— Те, кого вы называете врагами, долгие годы были нашими друзьями. Вы покорили их с помощью черной магии и огромного превосходства в военной силе. Вы жестоко расправились с королем и королевой Рувенды и их приближенными, со всей аристократией, испокон веков проживающей в нашей стране. Вся их вина заключалась в том, что они защищали свои дома, свое добро, своих жен и детей, отцов и матерей. В настоящее время вы прикладываете отчаянные усилия по розыску трех лепестков священного Триллиума, трех принцесс из дома Рувенды, которых тоже намерены предать смерти.

— Именно так, — неожиданно легко согласился принц. — Но это наши внутренние дела, они не имеют никакого отношения к народу ниссомов. Мы не просим вашей помощи для розыска принцесс. Если вы будете препятствовать нам, то испытаете на себе гнев Лаборнока. Если же сохраните нейтралитет, я уверяю вас, что никто из лаборнокцев не нанесет вам вреда или обиды. Мы будем платить за размещенный здесь гарнизон, за обеспечение его довольствием. Мы приложим все силы, чтобы как можно быстрее восстановить торговлю.

Провидица нарисовала в воздухе какой-то магический знак, потом замерла и через несколько минут сказала:

— Антар из Лаборнока, ты сказал правду. Ниссомы, проживающие в Треviste, согласны открыть ярмарку и торговать с вашими купцами на прежних условиях. Ярмарка откроется в новом месте, точное расположение вам будет указано.

— Я рад и выражаю благодарность провидице Фрологу, — ответил принц.

— Мы разрешаем вам разместить ваших людей на этой площади, которая называется Лузагира. Вы можете воспользоваться этими зданиями. Здесь тоже будет устроен небольшой рынок, возле фонтана, где вы сможете приобрести провизию и другие товары по договорным ценам.

— И за это выражаю благодарность,— заявил Антар.

Маленькая женщина обвела рукой прилегающие к площади развалины, где мог быть размещен гарнизон, и объявила свои условия. Солдатам разрешалось свободно плавать на лодках по каналам Тревисты, однако высаживаться на берег можно было только по приглашению местных жителей. Остров, расположенный на противоположной от Лузагиры стороне, где жило много ниссомских семей, объявлялся полностью закрытым для посещения. Этот запрет сохранялся до той поры, пока сама провидица не отменит его. Аборигены, в свою очередь, должны иметь свободный доступ на площадь Лузагиру весь световой день. Лаборнокцы получали право не впускать их в свои жилища.

— Все эти пункты нас устраивают,— заявил принц Антар.— Теперь, пока не село солнце, мы просим разрешения высадиться на берег и разбить временный лагерь.

— Фролоту согласна,— ответила провидица, но, указав на три фигуры на флагманском корабле, стоявшие у борта в длинных разноцветных одеяниях с капюшонами, вдруг добавила: — Пусть высаживаются все, кроме *этих*.

Антар и его свита невольно обернулись и посмотрели на Орогастуса и его слуг. Маг издала слегка поклонился провидице.

— Они должны завтра же оставить Тревисту. Им навсегда запрещено появляться здесь. Как, впрочем, и другим лицам, которым, по мнению народа ниссомов, здесь делать нечего.

Слезы обильным потоком потекли по лицу этой женщины, однако она по-прежнему была спокойна и невозмутима. Зрелище было жуткое, и Антар, несколько растерявшись, вновь глянул в сторону корабля. Над водой уже начал сгущаться туман. Надвигались сумерки.

— Я согласен, провидица Фролоту. Что-нибудь еще?

Зеленая тростинка опустилась. И словно рухнула невидимая стена откровенной враждебности, возведенная усилиями украшенной цветами провидицы. Теперь перед принцем стояла обычная туземная женщина маленького роста. Неожиданно она шагнула вперед.

— Принц, кажется, мы обо всем договорились. У нас сейчас траур, и на душах тяжесть. Тем не менее наши люди доставят солдатам свежие фрукты и мясо. Это наш дар, как, впрочем, и разрешение использовать строения. Возможно, нам еще придется встретиться на Празднике Трех Лун... если Владыки воздуха позволят нам дожить до этого дня.

Она повернулась и направилась по лестнице вверх. Плечи ее поникли, даже издали Антар услышал, с каким трудом дышит туземная женщина. Словно после очень долгого бега... Когда она добралась до группы своих соплеменников, они окружили ее, все вместе пересекли площадь и скрылись в перекрытом прекрасно сохранившейся аркой проходе. Арка соединяла два полуразвалившихся здания.

На землю опускались сумерки...

Спустя несколько часов, когда лаборноксы уже разбили лагерь на берегу — поставили палатки, разложили костры, — принц Антар вышел из шатра, решив прогуляться по набережной. Хотелось побыть одному...

Шум и веселье солдат остались за спиной, а здесь неистово трудились в зарослях цикады, и где-то вдаль надрывала горло болотная птица. Влажный воздух был неподвижен и тепел. Через затуманившуюся гладь канала смутно просматривались огоньки на противоположной стороне — там располагалось селение одлингов. Слабый зеленоватый свет сочился из окна каюты, которую занимал Орогастус, оттуда доносились голоса. Принц поморщился и быстро отошел подальше. Так он добрался до последнего корабля флотилии. На борту, у самых сходней, стоял часовой. В ногах у него светился фонарь.

Назвав себя, принц поднялся на борт и спросил:

— Все тихо?

— Так точно, ваше высочество! — Солдат кивнул в сторону помигивающих огоньков на противоположной стороне канала. — Только эти покоя не знают, бродят туда-сюда с факелами... Еще по каналу проплыли несколько огромных тварей со светящимися глазами. Что-то поймали и сразу принялись жрать... А так все тихо.

Антар пересек палубу, облокотился на перила и посмотрел на другой берег.

— Что ты думаешь насчет этих оддлингов? — не поворачивая головы, спросил он. — Они кто — сообразительные животные, как их именуют в наших летописях, или почти люди?

Солдат откашлялся, потом сплюнул за борт.

— Когда на них смотришь издали, точно — самые что ни на есть звери. А вот та, которая разговаривала с вами, может, и нет. Уж больно хитрая бестия...

— Правильно, — согласился принц и рассмеялся.

— К тому же я никогда не слышал, чтобы какая-нибудь скотина была способна оплакивать друзей.

Антар промолчал, потом, подумав немного, осведомился:

— Тебя куда назначили?

— В Цитадель, ваше высочество. Завтра утром поплывем с колдуном.

— Ты рад?

Солдат задумался, потом ответил:

— Я был бы еще больше рад, если бы прямо отсюда наострить лыжи в Дероргуилу. Я привык жить на твердой земле, а не шнырять по этим чертовым болотам, ваше высочество. Эти дьявольские развалины вокруг нагоняют такую тоску... У меня при виде этого кладбища просто мурашки бегут по телу.

— У меня тоже, — тихо ответил принц.

Расслышал ли солдат его последние слова или нет, неизвестно, но разговор увял. Принц прошел на корму, здесь еще стояли несколько фургонов. Их, по-видимому, тоже готовили к отправке в Цитадель. Для остающегося на Лузагире гарнизона такого большого количества по-

возок не требовалось. Куда здесь, в царстве топей и джунглей, на них поедешь? Разве что по площади кататься...

Принц легонько ударил носком сапога по деревянной толстой спице, затем протянул руку, чтобы выдернуть из щели закрытого откидного заднего борта застрявший там клочок материи. Ткань странно поблескивала в тусклом свете фонаря. Антар взял клочок в руки, помял немного, недоуменно скривил губы — откуда здесь может взяться дорогой шелк да еще такого редкого, бледно-розового цвета? Он присмотрелся — в сознании мелькнула мысль, что ему уже приходилось касаться подобной ткани. Совсем недавно... Он трогал ее... Но где, когда?

Это *она*! Точно, это *она*... Это ее платье...

Здесь! Не может быть! Как это могло случиться? Принцесса Анигель сумела тайно присоединиться к флотилии? Все это время следовала с ними до Тревисты? С теми, кто отчаянно пытается отыскать ее и лишить жизни?..

Бред!

Как она могла избежать ясновидящего взгляда Орогастуса?

Неужели магия колдуна не всесильна? Неужели эта хрупкая девица способна противостоять его мощи? Она что, невидима? Как ей удалось забраться сюда, спрятаться во время разгрузки? Здесь же царил столпотворение! А потом, вечером? Тут без конца сновали плоскодонки ниссомов, доставлявшие лаборнокцам фрукты, мясо и пиво...

Значит, она все-таки добралась до Тревисты и теперь разгуливает на свободе, златовласая робкая красавица. Взглянуть бы на нее еще раз, но уже во время парадного приема или на званом вечере... Так вот где судьбе было угодно спрятать смертельную угрозу их династии! Теперь она, несомненно, там, среди любезных ее сердцу одлингов. Поминки, наверное, справляет... О небо, подскажи, как быть?

Антар выпрямился и даже покачнулся от внезапно налетевшей сладкой, томительной волны воспоминаний. У него задрожали руки, словно вновь ощутив невесомую тяжесть девичьего тела... Что с ним? Принц аккуратн

сложил клочок ткани, сунул его в потайной кармашек на поясе, пожелал часовому спокойной ночи и направился в свой шатер. В каюте мага все еще совершалось молитвенное песнопение — зеленоватый свет, колеблясь в такт мелодии, слабым отсветом ложился на ступени. Принц отошел подальше от флагманского корабля, вытащил кушочек шелка, подобрал камень, завернул его в материю, завязал концы и, размахнувшись, зашвырнул на середину канала.

Теперь можно и поспать...

Глава 10

Кадия проснулась в холодном поту. Вскочила — травинки посыпались с ее волос и одежды... Сердце отчаянно колотилось, словно ей пришлось спастись бегством и она мчалась так, что дух захватило. В следующее мгновение ее кольнуло предчувствие — неспроста все это. Не зря она так всполошилась... Ей стало страшно, неудобно. Девушка огляделась. Казалось, за каждым кустом таилась опасность. Сначала Кадия даже понять не могла, где же она очутилась. От протоки и разлившейся по берегу острова грязи тянуло теплом, пятна солнечного света рябили на черной воде. Все было с виду тихо, спокойно... Тут ее осенило — ну конечно, ведь во сне она почувствовала, что на нее кто-то смотрит. Или что-то... Оно и сейчас не сводит с нее глаз.

Нет, это не было существом, притаившимся неподалеку. Ощущение такое, словно она находится в поле зрения некоего огромного ледяного испытующего ока. Ее точно булавкой прикололи и рассматривают, а она не может ни пошевелиться, ни защититься. Сбравшись с силами, наперекор чужой, сковывающей ее воле, она страстно, едва шевеля губами, зашептала:

— Джеган, Джеган...

Только на третий раз язык подчинился ей.

Тут же зашевелилась соседняя куча травы. Оддинг зарылся так глубоко, что, когда его голова в обрамлении

сухих травинок и веточек явилась на белый свет, казалось, что он по шею закопан в землю.

Узкие щелочки глаз настороженно взглянули на спутницу, потом из травы совершенно бесшумно высунулась рука с блеснувшим в ней длинным ножом.

Кадия, презирая саму себя за сковавший душу и мысли припадок страха, едва слышно, но вполне отчетливо прошептала:

— Кто-то следит за нами...

Джеган мгновенно оказался на ногах. Его ноздри затрепетали так же, как и во время охоты. Медленно, вынюхивая запахи, долетающие с разных сторон, он повернул голову сначала налево, потом направо. Принцесса невольно начала подражать ему. Не зря же ее называли Острый Глаз — любую самую крошечную пичужку она способна различить за целую лигу. Однако ничего подозрительного Кадия не заметила. Может, это был действительно не подкрадывающийся враг, а некое потустороннее всевидящее око, с огромного расстояния наблюдающее за ними.

Магия? Но чья? Кто может следить за нею?

— Здесь никого нет, — тихо, растягивая слова, сказал Джеган и вопросительно посмотрел на Кадия.

Принцесса инстинктивно сжала в руке амулет. Он был холоден. Янтарь затуманился и превратился в непрозрачный, тускло посвечивающий камень. Она показала амулет Джегану и испуганно спросила:

— Он умер? Умер?

Оддинг удивленно присвистнул, потом что-то молча показал на пальцах. Принцесса поняла и сразу спрятала медальон на место. Джеган присел на корточки.

— Ты все фантазируешь, королевская дочь? — спросил охотник, и его голос был так же странен, как и помутневший талисман. — Хвала Владыкам воздуха, что подобные бредовые идеи приходят к тебе, когда мы находимся в полной безопасности. Подумай сама — ну кто из наших врагов отважится плутать в самом сердце болот? Я, по крайней мере, таких смельчаков не знаю.

Он зевнул.

Пристыженная Кадия готовилась уже дать достойную отповедь своему наставнику, как вдруг тот пошевелил пальцами. Этот знак ей был прекрасно известен — во время охоты Джеган часто пользовался языком жестов. Движение означало: тревога, тревога, тревога! Полная готовность! Боевая тревога!

Кадия мгновенно собралась и ленивым, развязно-беспечным тоном проговорила:

— Навяло что-то... Страхи какие-то непонятные... — Она с трудом сдерживала дрожь в голосе.

— Ты, королевская дочь, здесь в полной безопасности. Лучше отдыхай, тебе надо беречь силы.

Девушка покорно прильнула к куче травы, ее руки еще сжимали амулет. Все чувства были обострены до предела — она в любое мгновение готова была отпрыгнуть в сторону, выхватить кинжал. При этом Кадия не сводила глаз с Джегана. Вокруг на болотах торжествовала жизнь. Что-то где-то поскрипывало, попискивало, чавкало, птицы деловито тренькали в кустах, в воде поминутно плескала рыба. Солнце неспешно вершило свой ход по небу. Мир и покой, казалось, навечно поселились в этих местах. Девушка на секунду усомнилась — не свихнулась ли она со страху? Следящее невидимое око, скрытый жест Джегана, назойливое чувство тревоги...

Она вдруг вновь почувствовала на себе тот же странный испытующий взгляд. Амулет обдал ладонь жаром. Теперь она словно сжимала в кулачке раскаленный уголек. Кадия осторожно и незаметно скосила глаза — талисман опять стал прозрачным, ясно проступил в глубине янтаря священный цветок. Медальон как бы проснулся, однако свет, родившийся внутри него, дробился на искорки.

Принцесса, почти не разжимая губ, тихо произнесла:

— Джеган, у меня больше нет ощущения, что за нами наблюдают. Взгляни. — Она показала ему амулет.

Охотник также чуть слышно ответил:

— Острый Глаз, я до сих пор не могу понять, что случилось. — Он поднялся и указал на медальон. — Теперь,

правда, совершенно ясно — нам надо немедленно, не дожидаясь ночи, уходить отсюда.

— Это скритеки? — Принцесса взглянула на узкую полосу воды, открывающуюся с того места, где они устроили привал. Она сунула медальон за пазуху и вытащила кинжал.

Джеган отрицательно покачал головой:

— Скритеков я бы сразу учуял. Нет, это что-то другое. Можно только гадать...

Кадия впервые видела своего наставника таким растерянным.

— У Орогастуса есть собственные соглядатаи. — Джеган принялся уничтожать следы кострища. — Их называют Голосами. Они полностью покорны ему, у них нет ни собственной воли, ни личных желаний. Это как бы его орудия. Вполне возможно, что с помощью магии он послал одного из Голосов обследовать болота.

— И тот наткнулся на меня?... Чем же занимаются эти Голоса, Джеган? Как им удастся так замаскироваться, что даже ты, охотник, знающий эти места, ничего не заметил?

— Помнишь, на последней ярмарке в Тревисте была женщина по имени Устрель? Каждый мог подойти к ней и задать любой вопрос...

Разумеется, Кадия очень хорошо запомнила эту старуху-уйзгу, которая была так дряхла, что двое помощников водили ее под руки. Устрель сидела на корточках, перед нею лежал широкий, с закрученными краями, лист дрого. Ведунья лила на него воду, а потом гоняла капли от одного края до другого. Рядом со старухой сидела другая женщина, которая внимательно прислушивалась к неясному тихому бормотанию прорицательницы.

— Ты говорил, что она способна по движению капель предвидеть будущее, — сказала Кадия, — но это была всего лишь базарная гадалка. То, с чем нам пришлось столкнуться, ей не под силу.

— Не совсем так, Острый Глаз. Каждый из нас сам по себе. Каждый наособицу... Мы отличаемся не только телами, но и строем мыслей. Его очень трудно понять дру-

гому. Разве ты точная копия своих сестер? Я, например, охочусь на зверей, при случае обучаю этому других. Это мое призвание, мой дар. Я никогда не займусь резьбой по дереву, сбором лекарственных трав. Никогда не буду раскапывать развалины. Здесь нужны другие способности. Так же обстоит дело и с умением воспринимать мир. Существуют люди и оддлинги, которые способны видеть очень далеко. Они могут проникать взором сквозь расстояние, ночную мглу и туман. Даже сквозь время... Устрель не всегда удавалось ясновидение, она часто ошибалась. Но случалось, на нее нисходила благодать, и она начинала вещать такое, что все только диву давались. В такие дни все, что бы она ни сказала, оказывалось правдой. Орогастус — один из самых великих магов. Вряд ли среди нас найдется кто-нибудь, кто мог бы с ним сравниться. Вот он и подобрал себе помощников, обладающих схожими способностями, хорошенько обучил их, и его мощь необычайно возросла. Ему теперь доступно такое...

— Значит, они преследовали нас? И сейчас преследуют? Как же нам бороться с ними? Что мы можем противопоставить? Умение различать следы, искусство выживания на болотах?

Принцесса почувствовала отчаяние. Меч против меча — это она могла принять. Даже звериной жестокости захватчиков можно было что-то противопоставить. Но как сражаться с невидимыми, тайными силами?

— Ты опять не совсем права. На всякий яд есть противоядие. Дело это непростое, ему надо учиться. Предположим, что Орогастус пустил по нашему следу одного из Голосов. Значит, чем больше расстояние между нами, тем труднее ему будет обнаружить нас.

Кадия поразила другая мысль. Что за чудеса происходят с заветным талисманом? Неужели он почувствовал враждебный взгляд?

— Это все из-за колдовства. — Она достала медальон и внимательно оглядела его. — Их чары вызвали ответные чары, так? Теперь медальон снова обрел свою чудесную силу?

— Священный Триллиум не может увянуть просто так. Я не думаю, что случившееся было вызвано исключительно вторжением чужой воли. Возможно, твой амулет таким образом защищал самого себя. Это дар Света, подарок самой Великой Волшебницы. Он предназначен помогать тебе в трудную минуту. И все равно нам надо как можно скорее покинуть это место и напрямик следовать в Треvistу. Ни Пелан, ни скритеки — даже если их натравили на нас — не знают окрестности древнего Города лучше меня. Они ходили только по хорошо известным маршрутам.

Кадия успела несколько раз побывать в Тревисте и гордилась тем, что накрепко запомнила дорогу туда, однако путь, которым Джеган гнал лодку на север, ничего, кроме удивления, у нее не вызывал.

День клонился к вечеру. Они обогнули один из небольших островков, на котором высилась полуразрушенная стена. Среди развалин Кадия заметила трех больших темных птиц, их головы и шеи были голы, только красноватые хохолки торчали на затылках. Это были стервятники, пожиратели падали. Растительность в этих местах напоминала ту, что встречалась возле Цитадели: заросли тростника, густая высокая трава, мясистые, усыпанные цветами лианы, растущие прямо из воды деревья. Кое-где попадались гигантские алые кувшинки с распустившимися соцветиями, которые питались насекомыми.

Амулет весь день искрил, волны света перекатывались по замурованным лепесткам. Принцесса решила, что все это происходит потому, что они двигаются к Тревисте окольными дорогами: цветок словно бы тревожился за них. Беглецы не позволяли себе до самой ночи сделать остановку — перекусывали всухомятку, на ходу, воду пили из баклажек, которые были уложены на дно лодки. Чем ближе становилась ночь, тем чаще попадались острова, окантованные поверху зазубринами древних развалин. Все вокруг пестрело и переливалось, пятна света играли на поверхности воды...

На рассвете, в тусклых сумерках, они вновь отправились в путь. Лодка двигалась по широкому каналу — Джеган гнал ее прямо на стену джунглей, замыкавших протоку. Сердце у Кадии замерло. Как же они протиснутся сквозь эту преграду? В этот момент в зеленой чаще открылась узкая, незаметная даже вблизи щель. Джеган продолжал уверенно и мощно грести, и вот заросли расступились. Они выплыли в обширную, более напоминающую озеро, заводь. Королевский охотник, прижимаясь к деревьям, начал выгребать к противоположному краю заводи, где сплошняком стоял тростник. Ноги у принцессы окончательно затекли — сказала двухдневная гонка, — начало ломить спину. Она не выдержала и шепнула Джегану: «Не пора ли сделать короткую остановку?» Тот согласно кивнул и указал на выступающие над зарослями камыша странные каменные столбы. Приглядевшись, Кадия догадалась, что это остатки колонн. По правую руку от нее проплывали выпирающие из воды воздушные корни деревьев — кривые, мокрые, покрытые зеленоватой слизью.

Неожиданно Джеган встревожился. Он подал знак девушке, и та сразу сползла на дно лодки. Охотник не мешкая загнал плоскодонку в тростник и некоторое время сидел, прислушиваясь. Кадия снизу следила за ним. Что его так напугало?

Плоскодонка, прошуршав по тростнику, уперлась в берег, замерла. Джеган ловко выбрался на твердую землю, помог принцессе — та наконец-то с трудом размяла затекшие ноги. Потом Джеган загнал лодку поглубже в заросли, вытащил два дорожных мешка.

Охотник с ножом в руке двинулся первым. Он старался не касаться растений, Кадия следовала его примеру. Они выбрались на более высокое место, здесь тростник рос реже. На них сразу налетело облако кровососущих насекомых. Вдруг королевский егерь резко пригнулся. Между ним и Кадией возникло нечто толстое, округлое, похожее на высунувшееся из зарослей шупальце или лиану, только без листьев и цветков... На боку ползучего чудовища открылось отверстие, напоминающее рану, а может,

отверстый алчный рот с яркими алыми губами. Оттуда капало что-то омерзительно-желтое, зловонное. Болотная липучка! Страшное, смертельно опасное создание!.. Кадия отпрыгнула в сторону, чтобы на нее не попал отвратительный ядовитый сок. Липучка тут же втянула щупальце обратно.

Они быстро добрались до развалин, когда-то представлявших собой высокие пропилеи, по кругу огибавшие вымошенную каменными плитами площадь. Мраморные колонны в разной степени разрушения как бы охраняли это место. Но что такое? Принцесса вскрикнула от неожиданности — посреди площади дымились остатки большого костра. Легкий ветерок доносил отсюда запах гари и ни с чем не сравнимый дух горящей человеческой плоти. Озираясь, егерь и принцесса приблизились к костровищу. Посреди головешек был воткнут обуглившийся толстый кол, под ним валялись череп и почерневшие кости.

— Джеган!

Охотник предостерегающе поднял руку и оглядел окрестности. Кадия тем временем неотрывно смотрела на человеческие останки. Ясно, что жертва погибла совсем недавно. Некоторые кости были перебиты: вероятно, человека сначала жестоко пытали.

— Скритеки! — тихо произнес охотник.

Над болотами уже разливалась душная жара, хотя солнце едва встало над лесом, но после этого слова у принцессы мороз пробежал по коже.

— Это предупреждение нам! — Джеган осторожно, опасаясь подвоха, обошел пепелище. — Но почему именно здесь?

— Ты же уверял, что это не владения скритеков. — Кадия оглянулась. — Почему они появились так близко от Тревисты? Или это племя, — она глубоко вздохнула, — встало на Тропу войны?

Казалось, Джеган не слышал обращенного к нему вопроса. Неожиданно он бросился в сторону и подобрал свисающую с ветки тесемку, которую обычно используют, чтобы туго стянуть штанины у лодыжек. Взяв бечев-

ку за оба конца, охотник резко дернул. Раздался слабый хлопок.

— Уйзгу! — выговорил Джеган, потом откинул голову назад и издал трехкратный вопль, каким обычно покрытые роговой броней хорики извещают своих собратьев о том, что собираются устроить лежку. Егерь подождал немного, затем вскрикнул еще раз, только тоньше и пронзительней. Такой сигнал Кадии раньше слышать не приходилось.

Охотник присел в ожидании ответа, уши его вытянулись. Наконец издалека долетел ответный зов хорика, и потом из кустов, тесно обступивших площадь и разрушенные пропилены, вышел оддлинг. Его наряд не имел ничего общего с одеждой ниссомов. На нем была золотистая юбка с нашитыми перьями и цветами, на поясе — нож в красных кожаных ножнах. Выше пояса незнакомец был обнажен, в правой руке он держал духовую трубку. Вокруг его выступающих глаз были нарисованы бурые кольца, которые делали их еще больше. На поросшей рыжеватым мехом груди — три намалеванные концентрические окружности с точкой в центре.

Он боязливо взглянул на Кадия и остановился. Потом, обращаясь к Джегану, заговорил. У незнакомца был сильный акцент, так что принцесса, владевшая единым языком общения и знавшая кое-какие фразы из наречия ниссомов, с трудом понимала его.

— Пришли... поставили кол... убили Анвис... Убили! — На этом слове оддлинг вскинул руку с зажатой боевой трубкой и ожесточенно потряс ею в воздухе. — Эти, чужие... — Тут он разразился потоком слов, из которых Кадия ничего не поняла, уж очень быстро и горячо он говорил.

Когда уйзгу закончил, грудь его вздымалась так, словно он пробежал много лиг. Из уголков широкого толстого рта потекли струйки слюны.

Джеган обернулся к Кадии:

— Этого уйзгу зовут Юсос. Он говорит, что вчера здесь побывали скритеки. Они захватили женщину, его сестру,

и притащили сюда. Потом поставили колья, утверждая, что именно здесь теперь проходит граница между ними и уйзгу. Чтобы закрепить новый раздел, пролили кровь.

Джеган повернулся к оддлингу и что-то спросил у него. Тот очень коротко ответил.

— Они подались в сторону Тревисты, — объяснил охотник. — Я рассказал Юосу о наших несчастьях. Он и члены его клана собираются отправиться вслед за бандитами. Они уже оповестили все соседние племена.

— Но... — Кадия не успела моргнуть, как незнакомец исчез из виду. Она даже примолкла от удивления, потом продолжила: — Может, нам не стоит присоединяться к ним? Что, если скритеки пойдут по их следу?

Королевский егерь хмыкнул:

— Уйзгу отправляются в дорогу... тем более в поход... только со своими сородичами. Так было и так будет. Мы, ниссомы, находимся с ними в родстве. — Он задумчиво покачал головой. — Правда, в очень дальнем... Мы никогда не воевали между собой. Даже в те незапамятные времена, когда здесь правили Исчезнувшие. Мы — ниссомы, они — уйзгу, так повелось от наших предков. Так что меня Юос, если я буду очень просить, еще может взять с собой, но нас двоих — никогда!

— Вы никогда не враждовали? — В голосе Кадии слышалось недоверие. — А вот мы, люди... У нас никогда не было дружбы с лаборнокцами, мы им никогда не доверяли, а ведь у нас одна кровь. Рувенда была связана дружественными договорами с людьми, живущими на юге. Там отец хотел найти супруга для Харамис. Я вот о чем подумала: не потому ли между нами не было вражды, что мы расселились так далеко друг от друга?

— Дочь короля, у нас одна кровь, у вас — другая. Мы, ниссомы, даже в те давние времена — по крайней мере, так утверждают наши легенды — были союзниками и помощниками Исчезнувших. До сей поры мы верой и правдой служили твоему отцу. Между нами был заключен договор, но нашей истинной властительницей является Белая Дама. Уйзгу — другое дело. Они всегда опасались вас, лю-

дей, и только потому, что мы общались с вами, некоторые из них, наиболее смелые, решались показаться вам на глаза. Торговля — выгодная штука, без нее в болотах пропадешь...

— Ну, теперь-то им не удастся отсидеться в джунглях, лаборнокцы им покажут. Эти — не то что мы! Король Волтрик обязательно попытается согнуть в бараний рог всех жителей Гиблых Топей. Рано или поздно он поступит с вами так же, как поступил с нами. Есть ли на болотах такие укромные уголки, где бы даже скритеки не могли их учуять?

Джеган пожал плечами:

— Острый Глаз, задумайся вот над чем: любой, кто предложит уйзгу союз, должен сначала доказать свою силу. Его мощь должна быть равной мощи Исчезнувших... Ладно, у нас своих забот хватает. В первую очередь надо поискать место для отдыха.

Они двинулись вдоль берега и скоро вышли к хорошо замаскированной бухточке, со всех сторон огороженной тростником и зарослями колючих кустов. Джеган предложил разделить обязанности и спать по очереди. Сторож должен надежно укрыться и внимательно следить за окрестностями. Первой вызвалась дежурить Кадия. Джеган быстро перегнал лодку в тихую заводь и тут же свернулся калачиком в гуще листьев. Кадия нашла удобную ложбинку и залегла в ней. Конечно, ей явно недоставало навыков и опыта следопыта, которыми в избытке обладали многие одлинги. Она, например, плохо различала запахи, многие шумы и голоса болот были ей неизвестны... Но, по крайней мере, главные опасности, подстерегающие человека в этих местах, ей были знакомы.

Несколько раз она вставала, обходила кусты, внимательно прислушивалась. Страшно чесалась голова, длинные волосы спутались, свалялись в какую-то не поддающуюся гребню паклю. Ох уж эта красота!.. Как смажешь кожу на голове через такое обилие волос? То ли дело практически лысые ниссомы или уйзгу, у которых такой редкий волосяной покров...

При втором обходе у корней одного из деревьев принцесса заметила ярко-зеленое пятно. Вот это удача! Мгновение — и высокий мясистый стебель был у нее в руке. Она разрезала растение на пять частей: две себе, три — Джегану. Хватит жевать сухие клубни. Эта травка — другое дело! Сочная и очень вкусная! От этой травы и в Цитадели не отказывались. Ее даже пытались разводить, но ничего не получалось.

Пожевав, утолив жажду, принцесса задумалась о встрече с недавним мужчиной-уйзгу. Кадия никогда до этого случая не видала их в походном наряде. Собственно, а кого из уйзгу ей доводилось встречать? Старую колдунью Устрель. Да, был еще один — он приносил в Тревисту дикие вещи, найденные в развалинах древних городов. Менял их у ниссомов — только с ними имел дело — и никогда не произносил ни звука. До сегодняшнего утра Кадия совершенно не понимала всю сложность взаимоотношений проживающих на болотах племен. А ведь каждому племени здесь отводилась своя роль, каждое занимало собственное место в этом великом единении жизни. Здесь все и всегда находилось в равновесии. Сохранится ли это равновесие теперь?..

Вот, скажем, Исчезнувшие. Сколько раз их поминали добрым и недобрым словом. Сколько легенд ходило о таинственных чужаках... Они появились здесь — так, по крайней мере, утверждают ученые люди — в ту пору, когда на месте Гиблых Топей простиралось безбрежное водное пространство. На нем пестрела россыпь островов... И почти на каждом из них теперь находят развалины древних городов.

Все здравомыслящие люди сходились на том, что сгинувший народ обладал необыкновенной мощью. Какой же именно? Кадия проглотила последний ароматный кусочек стебля. Магия — вот чудо из чудес! Вот сила, побеждающая другую силу. Действительно ли Великая Волшебница из числа тех, кто когда-то правил здесь? Неужели она прожила так долго, и все, что случилось с этой землей, происходило у нее на глазах? А кто такой Орогастус?

В первый раз Кадия задумалась о том, какой непонятный, огромный, бурный мир окружает ее. За горами лежала равнина, которую заселили лаборноксы, — она тянулась до самого моря. На юге раскинулся покрытый густыми лесами Вар. Было еще несколько стран — там, на севере, — о которых ей рассказывали учителя.

Но вот эти, Исчезнувшие?.. По собственной ли воле они покинули Рувенду? Может, решили поселиться в каком-нибудь другом месте? Поговаривали, что Орогастус пришел из заморских стран. Мол, его привез с собой Волтрик, объездивший полсвета в ожидании короны.

Исчезнувшие!.. Ничего от них не осталось... Только легенды, но, если судить по оставшимся крохам сведений, которые принцесса слышала от людей и от оддлингов, можно предположить, что по природе своей они являлись слугами Зла. Иначе как Бина могла бы добиться повиновения и от рувендиан, и от оддлингов!

Кадии припомнился донимавший ее вчера враждебный, безликий взгляд. Джеган сказал, что это один из Голосов, посланных Орогастусом. Может ли он служить волшебнику в качестве колдовского ока? Теперь вот скритеки осмелели, начали появляться там, где их никто не ждал. Более того, стали утверждать свои права с помощью вот таких кольев.

Сколько их было? Ясно, что орудовал не одиночка. Что же это за народ, если даже такой знаток топей, как Джеган, ничего определенного о них не ведает? Известно только, что это злобное племя обитает к северу от селений ниссомов и уйзгу. На памяти принцессы скритеки три раза безуспешно пытались вторгнуться в южные края, и всякий раз их отбрасывали в зловонные, жуткие болота.

Ниссомы были прекрасными стрелками из лука и метателями дротиков, уйзгу в совершенстве владели боевыми духовыми трубками. Ну и, конечно, рыцарские отряды рувендиан... Вот почему эти народы с такой легкостью отражали натиск дикой орды. Еще вопрос — сколько раз ее отец заводил разговор о все возрастающей напряженности в отношениях с Лаборноком? Не было дня, чтобы

он недобрым словом не помянул строившего козни Орогастуса. Почему же за все это время он палец о палец не ударил для организации надежной обороны? Слова, слова, слова... Море слов... Вот печальный итог. Прежде подобные мысли никогда не приходили ей в голову.

Она вспомнила, как на одном из совещаний, где обсуждался план отражения очередной агрессии скритиков, ее отец заметил, что объединенных сил рувендиан, ниссомов и уйзгу достаточно для разгрома любого захватчика. Почему же, когда лаборнокцы вступили в пределы страны, рувендиане остались в одиночестве?

Не пересмотрят ли теперь оддлинги свое отношение к происходящим событиям, когда лаборнокцы и скритики начали действовать заодно?

Глава 11

Семена Черного Триллиума все дальше и дальше вводили Харамис и Узуна. Скоро они добрались до холмистой равнины, раскинувшейся у подножия Охоганских гор. Здесь на долгих ровных склонах, на речных террасах тоже попадались болота. Семена не спешили — летели так, чтобы путешественники могли поспеть за ними. Если люди замедляли шаг или в изнеможении валялись на землю, чудесные поводыри поджидали их. Они покачивались в воздухе, если не было ветра, или ложились в траву до того самого момента, пока люди не были готовы снова пуститься в путь. Так же случалось, когда Харамис и Узун останавливались на ночь. Причем семена опускались на землю в самом удобном для ночевки месте.

«А не проще ли предположить, — размышляла принцесса, — что семена просто выбирают укромные уголки, где можно нырнуть на землю, проникнуть в глубь ее, чтобы спустя какое-то время прорасти? Если я останусь в живых, обязательно вернусь сюда и поищу. Может, действительно росточки проклюнутся. Расположены они будут на расстоянии дневного перехода друг от друга. То-то будет чудесно...»

Однако даром тратить время семена не позволяли, и после двух дней трудного пути Харамис почти возненавидела этих летающих мучителей. С раздражением вспоминала она свой восторг первых часов пути. Прежние пытливые мысли теперь бесили ее. Какая разница, что представляют собой эти семена — зародыши будущих сказочных цветков или непонятные существа? Теперь раздумывать было некогда, да и сил не оставалось. Семена все плыли и плыли, звали за собой. Приходилось следовать за ними.

Как-то раз, на второй день путешествия, Харамис решила настоять на своем. Путь их тогда лежал через обширную поляну, сплошь усыпанную громадными, сочными, сладчайшими ягодами. Узун сказал, что их называют морошкой. Этой самой морошки на болоте было видимо-невидимо, и принцесса, не обращая внимания на призывные покачивания семечка, присела и принялась лакомиться, не в силах оторваться: таких вкусных ягод она никогда не пробовала. Семя Триллиума подлетело к самому ее лицу, когда же принцесса отвернулась, оно легло на землю и упрямо отказывалось следовать дальше. Харамис даже попыталась согреть его своим дыханием...

Тогда она решила выпустить второе семя. Оно рванулось вперед и полетело с такой скоростью, что принцесса быстро запыхалась, догоняя его. Что уж говорить о старом Узуне?.. Тот скоро запросил пощады. Он не жаловался, но Харамис почувствовала стыд — ведь именно из-за нее старику пришлось так напрягаться.

Она вытащила медальон и попросила прощения:

— Я очень гадкая! Я больше никогда не буду такой строптивой. Пожалей хотя бы бедного Узунa. Лети по-медленнее. Пожалуйста!

Семечко послушалось.

Однако принцесса чувствовала обиду. Разве Великая Волшебница не могла подобрать более легкий путь? Что она, Харамис, — ребенок, бессловесное животное? Путешествия особ королевской крови — ей из сказок и легенд это было доподлинно известно — должны проходить в торжественной, праздничной, а главное, неспешной об-

становке. А ей предложили гнаться, как угорелой, за странным летучим созданием. Вверх, вниз, по острым камням, по болотам, с мокрыми ногами, постоянно отмахиваясь от комаров, питаюсь неизвестно чем! Что почтенная Белая Дама насовала ей в дорожный мешок? Ни вкуса, ни вида...

К тому же еды было не так много.

На пятый день, когда они достигли широкой реки и Узун решил, что это, должно быть, верховья Виспара, принцессе неожиданно пришло в голову, что если они и дальше будут так поглощать пищу, то скоро останутся совсем без провизии. Местность между тем явно не изобиловала дичью или съедобными растениями. Узун тоже, по-видимому, испытывал растерянность, ведь никому из ниссомов и даже уйзгу не удавалось забираться так далеко на север. Эти области лежали уже за пределами Гиблых Топей. Считалось, что здесь проживали виспи, но до сих пор они не встретили ни одного аборигена.

В полдень семья, которое вело их на этот раз, неожиданно нырнуло в чахлую сухую траву, как бы подсказывая, что путешественники могут устроить небольшой привал. Принцесса присела на выпирающий обломок скалы, бросила взгляд на стремительный поток. Узун развел костер, принялся готовить варево — эту обязанность он добровольно и молча принял на себя. Когда же принцесса предложила помощь, он ответил, что рад служить ей так же, как в Цитадели.

— Узун! — позвала девушка.

Тот сразу поспешил к ней.

— Как ты считаешь, Узун, здесь есть рыба?

— Обязательно, принцесса. По крайней мере, гарсу здесь точно водится, а может, еще какие-нибудь виды. Только я не знаю, как они называются.

— Знаешь, я нашла в своем мешке леску и три крючка. Не мог бы ты наладить удочку и наловить рыбки на ужин? Что-то мы слишком быстро поглощаем припасы. Боюсь, как бы мы не остались без провизии в этих забытых Богом местах.

Узун помрачнел.

— Рыбалка займет не менее часа, если не больше. Кто же займется обедом, будет присматривать за костром? — Он был озадачен. — К тому же я никогда в жизни не брал в руки удочку. Боюсь, у меня ничего не выйдет.

Харамис рассмеялась:

— Что здесь сложного! Маленькие ребятки в Цитадели ведрами таскали рыбу. У меня есть замечательная идея! Я пойду на рыбалку, а ты собери ягод, надергай пучков дикого салата, его тут много. Если же повезет и найдешь грибы, тогда мы устроим настоящий пир.

Узун, как всегда, повиновался. Сначала он набрал хвоста для костра, потом отправился на поиски съестного.

«Рыбалка — дело нехитрое, — рассуждала Харамис. — Что здесь трудного? Прежде всего следует выбрать прут для удилища, потом привязать леску, приладить крючок, насадить на него наживу... Но где же ее взять? И какую надо?»

Побродив по берегу, она нашла подходящий, по ее мнению, длинный гибкий прут. Потом, кое-как приладив леску, а к леске крючок (при этом она пару раз больно укололась), принцесса нашла гнилой ствол дерева, перевернула его. В жирной, черной земле копошились красные черви. Какие противные! Харамис решила было позвать на помощь Узуну, но музыкант был далеко. Тогда она сама, кривясь от брезгливости, дрожащими пальчиками взяла одного извивающегося червяка и после долгих безуспешных попыток наконец наколола его на крючок. Потом тщательно оттерла руки и, подобрав подходящее место — здесь поток, вдаваясь в берег, несколько стопорил свой бег, — забросила удочку.

Леска с наживкой сразу поплыла по течению, ее начало утягивать к скалам. Харамис вытащила крючок.

«Прекрасно! — подумала она. — И что здесь сложного? Так, не хватает грузила и поплавка. Сейчас наладим...»

Она тут же положила удочку на сухую землю, привязала повыше крючка небольшой камень, а еще выше — толстую щепку. Оглядев свою работу, удовлетворенно хмыкнула и забросила удочку. Крючок погрузился в воду, леска натянулась. Теперь надо запастись терпением...

«Я обязана добиться успеха.— Эта неожиданная, решительная, как приказ, мысль явилась к ней, следом потянулись другие думы.— Я такая бессердечная... Сколько можно ездить на бедном Узуне, мы же не на пикнике в окрестностях Цитадели! Надо совесть иметь! И припасы следует экономить. Кто, кроме Владык воздуха, знает, сколько нам еще придется идти? Куда эти семена заведут нас?»

Харамис отвела глаза от поплавок и посмотрела вдоль берега, где петляла едва заметная тропка, уводящая взгляд еще дальше на север. В горы!

Охоганский хребет...

Он возвышался за темной волнистой линией холмов исполинской снежной короной. Земля таинственных виспи. Неужели там спрятан заветный талисман? Если да, то как двое неумех — Харамис и Узун — сумеют отыскать его среди сияющих белизной пиков? Что они скажут Бине по возвращении в Нот?

Белая Дама... Она совсем больна, смерть уже подкрадывается к ней. Не выжила ли она из ума?

Все, на что они с Узунуном способны, это следовать за семенем. Что же в нем такого волшебного? Такое слабое, бурое... Разве что неистребимая верность однажды выбранному направлению?

«Это она заколдовала их,— решила Харамис.— Она все знает — где мы сейчас находимся и куда следует идти. Она же и семечком управляет — издали, посредством магии».

— Принцесса! — донеслось до нее.— Я набрал и ягод, и травы, и даже грибов. На вид они такие вкусные...

Харамис замерла. Погруженная в свои мысли, она даже не слышала, как Узун подошел к ней. В этот миг леска натянулась, удилище едва не вырвалось из рук. Принцесса судорожно вцепилась в него, и тут же какая-то могучая сила чуть не сбила ее с ног.

— Узун, помоги! Рыба!

Что-то огромное, блестящее и зеленоватое выпрыгнуло из воды и с шумным плеском рухнуло обратно в реку. Оддинг бросился к девушке на помощь. Вдвоем им ед-

ва удалось справиться с добычей: рыба билась и металась с такой силой, что им даже приходила мысль — пусть себе плывет, куда хочет!

— Ну уж нет! — неожиданно завопила вошедшая в азарт принцесса. — Я свой обед так просто не вылушу.

Прошло с десятков минут, рыбина начала уставать. Наконец им удалось вытащить ее на берег.

Это был замечательный гарсу величиной с ногу принцессы.

— Может, тебе и крючок не нужен, — переведя дух, улыбнулся Узун. — Стоило упомянуть об обеде, и вот, пожалуйста, обед перед тобой.

— Это совпадение, — засмеялась Харамис. — Мне отвратительна сама мысль о том, что нам на обед попало разумное существо, способное понимать человеческую речь. Или, что еще хуже, — заколдованный принц.

— Как поется в старых балладах? Маловероятно. Перед нами вполне обыкновенный гарсу и, должно быть, очень вкусный. Еще и на завтра останется. Ну и принцесса у меня! Просто золото!

Они оба рассмеялись. Харамис посмотрела на добычу, и ее радость внезапно улетучилась.

— Узун, тебе когда-нибудь приходилось заниматься рыбой? Ты умеешь ее готовить?

Музыкант отрицательно покачал головой.

— Ладно! — воскликнула принцесса. — Лиха беда начало! Я сама займусь ею. Мы овладеем кулинарным искусством методом проб и ошибок.

Узун поднял руку:

— Да будет так. Молись, принцесса, о ниспослании на тебя божественного кулинарного озарения!..

Глава 12

Удивительный сон приснился принцессе Анители — ей привиделось бедствие, доселе неслыханное: наступил сезон дождей, а дожди не начинались...

Два раза в год со стороны Южного моря на Полуостров накатывались бури, сменявшиеся редкими дождями и мо-

росью. Редко когда в эту пору сквозь завесу туч проглядывало солнышко, потом опять начинало грохотать, сверкали молнии, и ливни обрушивались на земли Зиноры, Вара и Рувенды, на Лаборнок и Рэктам, на острова Энджи. Ныне — во сне — сушь затянулась на долгие месяцы, и багровое око днями висело в безоблачном небе, а горячий ветер дул не переставая. Порывы его, обжигающие, несущие гибель всему живому, отличались невероятной силой. Все страны Полуострова оказались на грани гибели, но труднее всего пришлось Рувенде, не имеющей выхода к морю.

Из окна своей спальни в Цитадели Анигель оцепенело наблюдала, как могучий Мутар превращается в хилый ручеек, едва способный пробить себе дорогу на юг. То же самое творилось и с Викаром, Скрокаром и Бонораром. Обмелевшие реки уже не могли питать озеро Вум, поверхность которого на глазах съеживалась, берега сохли, так что теперь не было никакой возможности сплавлять строевой лес из Тассалейских чаш. Замерли лесопилки на берегах Мутара, гибли посевы на полях Дайлекса, и голодные толпы звероподобных скритеков, бродивших по стране, нападали на селения и грабили людей и одлингов.

Венценосные родители Анигели, король Крейн и королева Каланта, в сопровождении правителей всех пяти туземных народов, населявших Рувенду, явились к дочери и умоляли ее вызвать дождь. Что могла ответить им несчастная девушка? Только признаться в том, что она не владеет тайным знанием и не в ее силах сотворить грозные, обильные влагой тучи.

В том же сне ее навестила сестра Кадия, поведавшая Анигели, что засуха высушила болота, что пожухли цветущие ранее леса и травы и теперь в джунглях не встретишь ни цветка, ни сочного плода. Гибнут грибы, которыми славились дебри Рувенды, лишайники и мхи ссохлись и сморщились, деревья сбрасывают листву.

— Молись! — потребовала Кадия.

И Анигель упала на колени, простерла вверх руки, взывая к Владыкам воздуха. Потом она судорожно вцепилась

в священный амулет, подвешенный на груди, и обратилась к Триединому Богу. Молчание небес да посвист жгучего ветра, обдувавшего Цитадель, были ей ответом... Разгневанная Кадия оставила сестру.

Следом в спальне оказалась старшая сестра, принцесса Харамис. Лицо ее было печально, она объявила, что гибнут животные; берега рек, ранее непроходимые топи теперь завалены трупами погибших существ. Подходит очередь людей, скоро вымрет весь Полуостров. Харамис указала рукой на север, где обитали Белая Дама и Черный Колдун. Только им по силам выжить в эти жуткие дни. Анигель, попросила она, надо вызвать дождь, мы уже заждались...

— Но я не могу! — простонала Анигель. Этот вскрик вырвался из самой глубины души. — Я столько раз пыталась, но у меня ничего не получается. Мое сердце обливается кровью, я не шажу себя — но я не умею!..

Все они: правители стран, расположенных на Полуострове, их супруги, король Крейн и королева Каланта, храбрая Кадия, мудрая Харамис — смотрели на нее с презрением и жалостью. Затем они удалились, и Анигель осталась одна в запертой спальне. Принцесса принялась колотить в закрытую дверь, плакала и звала на помощь, но никто не отозвался. Потом она вновь выглянула в окно и увидела стену огня, протянувшуюся вдоль горизонта. Языки пламени вздымались выше самых высоких башен Цитадели. Нестерпимый рев оглушил ее, рыдающую и бессильно опустившуюся на пол...

— Проснись! Не кричи, сердечко мое, все хорошо! Боже Триединый, только не кричи...

Лепестки огня обернулись извивающимися, в угольных прожилках, отвратительными болотными лилиями — страшными хищными цветами. Их толстые склизкие стебли принялись опутывать Анигель, прижимать к холодным, влажным, покрытым устрашающей резьбой камням, из которых были сложены стены темницы. Потом, уже сквозь пелену ужаса, мелькнуло лицо Имму, вот оно про-

яснилось, резко обозначились его черты. В глазах женщины застыл страх.

— Это только сон, только сон,— нараспев приговаривала старая туземка.

Анигель неожиданно вывалилась из гамака, и падение окончательно разбудило ее. Имму обхватила голову принцессы, положила на колени, начала гладить по волосам. Подолом она вытерла лицо девушки — та с готовностью высморкалась, удивленно огляделась. Жуткие сновидения растаяли, ее лица касаются теплые мягкие ладони Имму. Та рядом, что-то шепчет на ухо.

— Нет никакой опасности, нет, нет, нет... Не бойся, мы у друзей в Тревиате.

Принцесса попыталась что-то сказать — не получилось. Она откашлялась и необычно низким, хрипловатым голосом наконец выговорила:

— Я должна рассказать тебе свой сон. Просто *обязана* рассказать...

Имму, деловито затягивая шнурки на лифе розового платья принцессы, хмуро проворчала:

— Сначала поешь. Что значит «нет аппетита»? Надо набраться сил перед дальней дорогой. Потом уж и сон послушаем... Да только что я в снах понимаю? Девочка моя, ты все расскажешь моей лучшей подруге. Если кто и способен проникнуть в его тайный смысл, то только она.

Имму скрылась за занавесом из длинных пушистых нитей лишайника, совершенно скрывавшим дверной проем. Анигель перевела дыхание, достала амулет и, схватив его обеими руками, приказала самой себе успокоиться. Потом огляделась... Ее убежище представляло собой полуразрушенную комнату, стены которой были сложены из ровно отесанных камней. Потолок отсутствовал, и через скопище переплетенных ветвей и лиан, сквозь листву огромных деревьев мелкими голубыми монетами проглядывало чистое небо. Из стен торчали крючья, к которым были прицеплены два гамака; каменная кладка за ними была сплошь покрыта прекрасными, величиной с кулачок, шафранными лилиями. Цветы действительно питались насекомыми. Вот почему, догадалась Анигель, тут так спо-

койно: не слышно жужжания летающих кровососов. Именно здесь она, впервые за несколько дней, провалилась в такой глубокий сон. Может, поэтому ей и привиделся весь этот кошмар?

В предыдущую ночь они с Имму такого страху натерпелись! Благодаря священному Триллиуму женщины оставались невидимыми. Однако неслышимыми им стать не удалось, и, затаившись в армейском фургоне, они боялись пошевелиться. Сколько раз сердце Анигели сжималось от страха, когда какой-нибудь неотесанный солдат совал руку в повозку, доверху набитую сеном... Из своего тайника они выбрались, когда последний воин сошел на берег. Окутанные волшебной, скрывающей их от вражеских глаз пеленой, они проскользнули по трапу на ступени, служившие причалом, и бегом бросились вдоль канала подалее от этой орды. Уже в скоплении лиан у самой воды Анигель сбросила невидимость, а Имму послала мысленный сигнал на ту сторону — зов о помощи и спасении...

Через некоторое время рой мелких суденышек, принадлежащих ниссомам, усеял поверхность канала. Согласно договоренности между принцем Антаром и провидицей Фролоту, аборигены принялись доставлять провизию в лагерь лаборнокцев. На одной из лодок через канал переправились родственники Имму, ее двоюродные братья Ситтун и Трезилун. Они легко разыскали беглянок и не без хвастовства заверили, что теперь-то тем уже незачем становиться невидимыми. Тревога прокралась в сердце Анигели, и, когда они в густых вечерних сумерках переправлялись через речной рукав, принцесса невольно пыталась опустить голову пониже и все твердила, обращаясь к Триллиуму: «Сделай нас невидимыми, обрати в бесплотные тени...»

Но все оставалось по-прежнему: и Анигель, и ее наставница продолжали быть хорошо различимыми, смертельно уставшими и перепуганными женщинами. Значит, смекнула принцесса, сила священного цветка способна проявить себя лишь в минуты крайней опасности. Тайственный янтарь вовсе не собирался потакать ее страхам, тем более причудам. Не для удобства или развлечений он

был подарен Белой Дамой сестрам. Выходит, не стоит ждать от него поддержки, если ты струсила, потеряла голову от отчаяния: Черный Триллиум помогает только храбрым. Таким, как Кадия, бесстрашно прыгнувшая в колодец.

«И я тоже стану такой», — поклялась девушка.

— Ну, теперь бояться нечего, — объявил Трезилун, помогая принцессе выбраться из лодки.

Только теперь Анигель смогла рассмотреть суденышко, доставившее их на другой берег канала, в селение оддлингов. Было оно невелико — всего около семи элсов, с загнутыми вверх носом и кормой, на которых были подвешены фонари со светлячками. Планшир был богато украшен гирляндами цветов. Благоухающие живые ожерелья были надеты и на шеи обоих братьев. И в волосах между стоящими торчком ушами тоже были приколоты цветы.

Тревога ушла, как только Анигель ступила на твердую землю. Настроение улучшилось. Неужели Орогастус и двое его подручных так и не смогли отыскать ее всевидящим взором? Ведь они же плыли на переднем корабле — Анигель видела их собственными глазами. Сквозь дырочку в ткани, накрывавшей фургон...

Слава Триединому! И вам, Владыки воздуха, слава! Анигель почувствовала себя уверенней. Они двинулись между сумрачных развалин, по улице, мощенной плотно уложенными плитами. Проход лишь местами был свободен и скорее напоминал петляющую тропинку, проложенную в буйном скопище всевозможных трав, лиан, стеблей, побегов, которые находились в странном безмолвном движении. На глазах закрывались бутоны, сворачивались стебли — отходили ко сну? Мимо них, обгоняя или двигаясь навстречу, шли оддлинги... Вернее, сновали, отметила про себя Анигель. Все они были с фонариками и, казалось, вовсе не замечали гостей. Никто не окликнул их, не перекинулся с ними ни единым словом. Это было тем более удивительно, что они шли в компании Ситтуна и Трезилуна...

Между тем на небе появились Три Луны и залили окрестности серебряным, чуть мерцающим светом. Развалины древнего города как бы шагнули вперед, выплыли из тьмы. Анигель даже замерла на месте, однако Имму решительно потянула ее за собой. Но как можно было идти дальше, не полюбовавшись дивным видом, открывшимся перед изумленной девушкой! Вот огромная, полностью сохранившаяся мраморная колонна, от базы до капители густо увитая диким виноградом. Соцветия на лианах, бутоны на кустах продолжали складывать лепестки, но другие... Анигель открыла рот от изумления — другие начали распускаться!.. Матово посверкивал на изломе мрамор. Остатки колонн, куски роствов, обломки портиков и пропиленов выглядели из зарослей. Прекрасно сохранившиеся участки стен домов в лунном свете отливали глянцем. Вокруг благоухало море цветов, и все попадавшиеся на пути одлинги тоже были украшены цветочными гирляндами.

Ситтун и Трезилун провели своих спутниц в каменное жилище с верандой, обращенной в сторону канала. В доме было темно, но Имму не обратила на это никакого внимания: ночью она видела так же, как и днем. Тем не менее она взяла у Ситтуна фонарь для принцессы, сказав, что так девушке будет легче освоиться в незнакомом месте. Они прошли в спальню. Имму подвесила два гамака, сплетенных из лиан, и помогла принцессе устроиться на ночлег.

...За занавеской из лишайников послышался шорох. Анигель вскочила со своего места и вскрикнула. Следом раздался добродушный женский голос:

— Не бойся, только теперь начинаются настоящие приключения.

Нити колыхнулись, и в комнату вошла незнакомая женщина-аборигенка, выглядевшая куда старше Имму. Ее свободное зеленое платье, сотканное из трав, было отделано белыми цветами, каждый величиной с блюдце. Голову тоже украшали цветы, и только на шее вместо гирлянды висела тяжелая платиновая цепь, в середине кото-

рой поместилось нечто, напоминающее увеличительное стекло в искусной резной оправе.

Незнакомка подняла его, взглянула на Анигель. Принцесса удивленно уставилась на огромный желтый глаз, обрисовавшийся в таинственном камне.

— Значит, ты и есть та девушка, которая видит необычайные сны?

Голос показался Анигели очень знакомым. Она слышала его вчера, когда флот лаборнокцев причалил к ступеням, ведущим на площадь Лузагира.

— А вы провидица Фролоту? — воскликнула она. — Я бы не узнала вас, если бы не голос и не платье.

— Для людей, — кротко ответила женщина, — мы стараемся одеваться так, как им привычней.

— Прошу прощения, если я чем-то обидела вас, провидица. Благодарю за предоставленное убежище.

— Но, как мне рассказали, тебе не удалось спокойно поспать?

— Да, мне привиделось что-то ужасное. Такого я никогда не видела. Может, вы разъясните мне, в чем смысл этого сна?

Фролоту улыбнулась, обнажив два клыка на нижней челюсти:

— Посмотрим... Давай-ка пройдем на веранду, там Имму приготовила завтрак.

Анигель смутилась:

— Спасибо, но я не так уж голодна. Боюсь, если мы выйдем на веранду, нас можно будет различить с той стороны канала. Что, если маг Орогастус или его слуги заметят меня?

— Нет, этот дом находится в самой глубине острова, — ответила провидица. — Здесь ты в полной безопасности. Пока... Пойдем, ты поешь и заодно расскажешь мне свой сон.

Когда принцесса увидела угощение, приготовленное Имму и разложенное в настоящих тарелках на покрытом скатертью каменном столе, она разрыдалась. После всех страданий, ужасов, разорванного на части отца, непри-

стойных шуток и наглых взглядов, которыми ее окидывали рыцари-лаборноксы, после еды всухомятку, запас которой хранился в дорожной суме Имму, — увидеть роскошно убранный стол, золотую посуду, горячие блюда, закуски было выше ее сил. К тому же она была уверена, что в Тревиسته ее ждут те же сухие корни, пучки травы, какие-нибудь болотные слизи...

— Имму! Это же *настоящая еда!*

Все было как в старые добрые времена в Цитадели: горячий рисовый пудинг, политый разбавленным водой медом, творожный омлет с грибами, бульон со специями, сок из плодов ладу, чай-дарси... И всего было так много! Принцесса, не в силах совладать с собой, набросилась на еду. Имму добродушно проворчала:

— Настоящая еда, скажите на милость! Глупая, испорченная девчонка... А какой же еще она может быть! Неужели ты считаешь, что ниссомы только и делают, что грызут корни, питаются дрянными ягодами и пьют болотную воду?!

Анигель смутилась:

— Признаться, я никогда не интересовалась, чем питаются вольные ниссомы. Имму, прости! Мне надо быть более внимательной. Как Кадия...

— Ничего, моя девочка. — Провидица вновь поглядела на нее сквозь магическое стекло и улыбнулась. — И Имму, и я знаем, что в твоем сердце никогда не приживется злоба, разве что ты скажешь что-нибудь невпопад по молодости лет. Или проглядишь опасность по той же причине...

— Но где вы достаете *эти* блюда? — спросила Анигель.

— Какая любопытная, — усмехнулась Имму. — Если уж тебе так хочется знать, то из запасов этих лаборнокских разбойников. Я же знаю, как ты страдаешь без вашей обычной пищи, вот и попросила Ситтуна и Трезилуна поискать у них в кладовой что-нибудь более подходящее для принцессы, чем сухой паек. Но учти — это в последний раз, и ты должна уговорить свой желудок, чтобы он боль-

ше не томился воспоминаниями о королевских трапезах. В пути нам придется питаться, чем Бог пошлет.

— Я выдержу! — пылко заверила принцесса и глотнула чаю. — Я буду очень стараться. Скажите лучше: вы что, действительно нашли способ, как нам добраться до города Белой Дамы?

— Благодарю Фролоту, — ответила Имму. — У нее есть друзья среди уйзгу, они согласились отвезти нас на лодке.

Принцесса вскочила со своего места, припала к ногам провидицы Фролоту и поцеловала ее сморщенные, сухие когтистые лапки. Сначала одну, потом другую.

— Спасибо вам! Спасибо от всего сердца. Если мне выпадет случай, я постараюсь отблагодарить вас не только словами.

Старая женщина даже вскрикнула от удивления.

— Дитя мое, лучшей наградой для меня будет, если ты исполнишь свое предназначение.

— Вы... Вы что-то знаете об этом?!

— Я, присутствующая здесь Фролоту, ведаю о пророчестве, касающемся трех лепестков животворящего Триллиума. Только чудо может спасти Гиблые Топи от смертельной опасности. Я знаю о твоём предназначении...

Анигель смутилась:

— Ах, это вовсе не радует меня. Я такая трусиха — куда мне до моих сестер! Одна из них смела до безумия, другая полна мудрости. А тут еще этот сон, он как бы предупреждение мне...

Фролоту рассмеялась:

— Не сомневаюсь, так оно и есть. Ну хорошо, допивай чай и расскажи нам, что же тебе приснилось.

Наконец Анигель поставила чашку и принялась во всех подробностях рассказывать о бедствии, которое ей привиделось. Слушали ее внимательно, правда, провидица время от времени небрежно подносила к глазам таинственное стекло. Анигель робела спросить, что это за устройство и почему Фролоту не использует волшебную тростинку, которую во время разговора с принцем Антаром она направляла ему прямо в сердце.

И тут провидица удивила Анигель:

— Я объясню тебе, в чем тут смысл... Это магическое стекло называется «линза», им пользовались еще Исчезнувшие. С ее помощью можно прочесть мысли другого человека. Но это стекло способно научить того, кто им пользуется, обходиться без подобного устройства. Если бы черный чародей вчера заметил линзу, он бы приложил все силы, чтобы овладеть ею, и даже принц Антар не смог бы ему помешать. Вот почему нам пришлось использовать тростинку, которая никакой ценности для людей не представляет.

— Почему же вы сегодня пользуетесь линзой? — спросила Анигель.

— Дело в том, дитя мое, что вчерашние переговоры отняли столько сил у старейшин, что сегодня все мы нуждаемся в отдыхе и помощи. Дождемся ли ее от... Хорошо, закончи свой рассказ.

Окончание сна провидица выслушала с закрытыми глазами, ее толстые губы шевелились.

Анигель умолкла. Испытанный ночью ужас вновь охватил ее.

Стояло позднее утро, день выдался солнечный, ясный, вокруг на все голоса заливались птицы, попискивали и потрескивали насекомые, крупные рыбы время от времени выпрыгивали из воды и вновь шумно шлепались в темную, едва движущуюся, нагоняемую легким ветерком зыбь.

— Вы можете объяснить мой сон?

Фролоту неожиданно открыла глаза:

— Конечно! Здесь нет ничего загадочного. Любой провидец в подобном случае, чтобы избавиться от последних сомнений, потребовал бы, чтобы ты сама попыталась истолковать свой сон. Правда, кое-кто отделался бы от тебя туманными фразами, которые, как бы он объяснил тебе, в нужную минуту станут ясными, как утро. Я не буду играть в прятки — слишком трудные испытания ждут тебя. Будет куда лучше, если я открою правду. Твой сон означает, что в душе ты — страшная трусиха, и тебе очень хочется увильнуть от исполнения долга.

— Я же говорила! — воскликнула Анигель.

— Не спеши. Выслушай меня. Обычно сны навевают-ся Владыками воздуха, но твои видения очень необычны. Часто они рождаются в глубине — точнее, в самых недоступных тайниках — души, и то, что довелось тебе узреть, свидетельствует, что часть твоих мыслей — та, что спрятана за семью замками, наиважнейшее ядрышко тебя самой, тот уголок сознания, где в запечатанном виде хранится образ Бога, — полна тревоги и отчаяния. Эти чувства и беспокоят тебя, и одновременно понуждают к действию. С их помощью ты сможешь преодолеть и неверие в свои силы, и робость.

— Но как тревога и отчаяние могут помочь? Чем?

— Тебе будет указано, — мягко ответила Фролоту. — В свое время... Ты уже в пути. Уверяю тебя, самое главное сейчас — не останавливаться. День за днем, не медля и без суеты... Все вперед и вперед...

— Так просто? — удивилась девушка.

Фролоту и Имму долго смеялись. Сначала Анигель даже рассердилась на них, ибо не видела ничего забавного в том, что сказала. Но потом, не выдержав, тоже прис-нула.

— С помощью добрых друзей и своего преданного и чистого сердца ты избежишь многих смертельных опасностей. — Фролоту внезапно посерьезнела. — Теперь ты ясно представляешь, что ждет тебя. Поэтому шагай решительно, невзирая ни на какие страхи и сомнения. Преодолей себя — в этом никто не может помочь тебе.

Принцесса опустила голову:

— Я... я попытаюсь.

— Прекрасно. — Фролоту встала. — Судно уйзгу будет здесь сегодня вечером, и уже этой ночью ты отправишься на север. Если все пойдет хорошо, ты доберешься до Нота через четыре дня.

Мысль о предстоящем путешествии захватила Анигель. Она вздохнула и, словно обращаясь к самой себе, задумчиво произнесла:

— Значит, напоследок надо выплакаться хорошенько, погоревать, пожалеть себя. В пути мне уже нельзя лить

слезы, пугаться, да и времени на это не будет. Наверное, этот сон являлся напутствием. Наяву я должна вести себя достойно. Итак, в дорогу!

— Все верно, моя девочка! — возликовала Имму.

Фролоту тоже одобрительно кивнула:

— Не забывай, что в тайниках твоей души таятся могучие силы, они помогут тебе. Чем отважнее ты будешь бороться с навеваемыми дремой кошмарами, тем легче этим силам будет проявиться.

Анигель вдруг вздрогнула и схватила Имму за руку:

— Но ведь ты тоже будешь со мной? Ты не бросишь меня? Если я останусь одна...

— Я люблю тебя и буду служить до конца моих дней. — Имму чмокнула воспитанницу в щеку. — Конечно, я отправлюсь с тобой в Нот и буду сопровождать, куда бы ни послала тебя Белая Дама. Но все равно придет срок, когда ты, моя красавица, должна будешь рассчитывать только на себя. Это трудное, но достижимое искусство, и я помогу тебе овладеть им.

Анигель уткнулась в плечо своей няни:

— Пусть разлука никогда не ляжет между нами. Никогда!

Глава 13

Во сне Кадия раздражил запах жареной рыбы, и она проснулась с острым ощущением голода. К ее удивлению, Джеган отважился развести небольшой костер и сноровисто румянил бока насаженным на палочки тушкам гарсу. Он ловко переворачивал их, сберегая каждую каплю вкуснейшего янтарного сока, которым сочились рыбы; самая большая была величиной с его ладонь.

Глядя на эту картину, Кадия невольно проглотила слюну, потом, не вставая, подползла к воде, поймала несколько плавающих листьев и потерла ими лицо и руки. Ей припомнился ухоженный пруд, располагавшийся на западе Цитадели, где она с сестрами купалась и училась плавать. Вода там всегда была теплая-теплая... Чистая-чи-

стая... Дно, выложенное яркими плитками, просвечивало сквозь толщу жидкости, похожей на огромный переливающийся всеми цветами радуги кристалл...

Когда поверхность протоки, где умывалась Кадия, успокоилась, принцесса взгляделась в свое отражение. Ее кожаный костюм был порван, сквозь дыры светилось голое тело, а длинные гладкие волосы были собраны в пучок на затылке и заколоты неровно обломанной тростинкой.

Кадия вздохнула, встала и, пригнувшись, вернулась к костру. Джеган тут же протянул ей самую поджаренную рыбку. Принцесса ела ее руками, такую горячую, такую пряную и вкусную!

Джеган молчал, терпеливо поджидая, когда его спутница поест, и потом, когда они уничтожали следы своего пребывания на острове, грузились в лодку, долго выбирались из зарослей на открытую воду, тоже не проронил ни слова. Кадия настояла на том, чтобы он позволил ей сесть на весла, и охотник безропотно перебрался к носу, взяв в руки длинный шест.

Кадии было не в новинку ходить на веслах, однако тревожнения последних дней быстро сказались. Тем не менее принцесса не подавала виду, что гребет из последних сил.

Время от времени они отдыхали и менялись местами. Однажды сделали остановку, чтобы добыть корень гигантской лилии орис. Бутон еще только набухал, чтобы через несколько дней распуститься огромными белыми лепестками. Наступала лучшая пора для сбора корней. В полдень они пообедали оставшимися зажаренными гарсу.

Так они плыли до вечера. Когда Кадия окончательно выбилась из сил, Джеган вновь пересел на весла. Принцесса, отдышавшись, тихо спросила:

— Куда мы теперь направляемся?

— В самую сердцевину Золотых Топей, — шепотом ответил охотник. — Прежде всего нам надо добраться до Бу-рены.

— Там обитает твое племя?

— Да. Сам я из дальнего клана. Мы живем в таких местах, куда и Исчезнувшие с трудом могли добраться. К сожалению, я давно не имел вестей с родины и не знаю, все ли там спокойно. Так что, возможно, нам придется рассчитывать только на самих себя.

— Там тоже живут уйзгу?

— Некоторые их племена. Беда в том, что в наших топях встречаются такие места, где живут людоеды. О них ходит много разных легенд, но есть ли в этих рассказах правда, никто не знает. В любом случае на пути в Нот нам не миновать Золотых Топей. Тем более что у нас нет времени на то, чтобы выбрать менее опасный, окольный маршрут: преследователи идут по пятам.

— Ты когда-нибудь бывал в Ноте, Джеган?

— Однажды. Ты еще была ребенком. Белая Дама собрала самых искусных охотников, ну и меня позвали... Вот были денечки! Великая Волшебница разрешила нам вволю поохотиться на болотах. После мне было приказано задержаться. Тогда-то я и получил приказ отправиться к твоему отцу, где меня назначили главным егерем. Не сразу, конечно, ведь прежний распорядитель королевской охоты был еще жив... Потом, наконец, пришел мой час. дождался я и того дня, когда ты пришла ко мне и потребовала поймать самого большого воррама, помнишь? Так сбылось предсказание Бины, что твоим воспитанием я буду заниматься до той поры, пока не наступит нужда во всех этих навыках. Видишь, вот и твой час пробил. Так уж устроена жизнь: выполнил предназначение — и на покой. Или в могилу...

— А теперь она призывает нас, чтобы научить пользоваться оружием, оставшимся от Исчезнувших? — прошептала Кадия. Глаза ее были широко раскрыты. — Или открыть какую-то тайну?..

— Точно, — кивнул Джеган.

— Что же это может быть? — заерзала Кадия. — Может, она пошлет нас в самые непроходимые места? Неужели в болотах еще можно найти что-то необыкновенное после того, как сотни следопытов исходили Гиблые Топи вдоль и поперек?

Несколько мгновений Джеган молчал. Когда же заговорил, голос его звучал необычно глухо:

— Нам ли судить, что найдено, а что еще спрятано в неизведанных частях болот? Такие уголки здесь есть, будь уверена, но дело, значит, не в этом. У Исчезнувших были такие секреты, которые мы даже не можем себе вообразить. Все мы, и я в том числе, проходили мимо них и ничего не видели. Знала бы ты, сколько подобных странных вещей собрано в Ноте. Мне ведомо, что некоторые из этих чудесных предметов очень опасны и способны уничтожить войско, так что ни пешему, ни конному невозможно войти в Нот вопреки воле Белой Дамы.

Охотник опять замолчал, и Кадия поняла, что больше он ничего не скажет. Лицо Джегана — с остроконечными ушами, толстогубое, с приплюснутым носом — стало чуть раздосадованным, словно он корил себя за излишнюю откровенность.

— На кого она похожа? — тем не менее продолжала допытываться принцесса. — Я знаю, что Белая Дама очень сильна в магии, но чем она отличается от других людей? Ведь она человек, правда, Джеган? Вот все говорят, что Орогастус способен принять любой облик или вообще стать невидимым. Так утверждают... У страха всегда глаза велики, я знаю. Но если он действительно могущественнее любого другого человека, то какова же Великая Волшебница Бина?

— Прежде всего она — Белая Дама, страж Рувенды. Ей ведомы и жизнь, и смерть, но она существует как бы помимо них. С того самого дня, как первый ниссом увидел ее, облик Белой Дамы не изменился. Она не убивает и не дает начало новой жизни, а как бы ведает соотношением между гибелью и рождением, следит за сохранением равновесия, действуя через посредство всех нас — людей, ниссомов, уйзгу, виспи. Много веков она — неизвестно почему — берегла Рувенду от вторжений. Теперь чаши весов качнулись. Зло разбухло, расползлось, надо восстановить равновесие. В этом и есть твое предназначение, королевская дочь. А Белая Дама... — Джеган помедлил немного, потом, внезапно покраснев, что было удивительно при его

морщинистой светло-шоколадной коже, добавил: — Я так считаю, она в ладах со временем, а может, и есть само время...

Кадия от неожиданности едва не выпустила шест из рук:

— Значит, таково мое предназначение?

— Да, Острый Глаз,— кивнул Джеган.— Для этого ты и рождена. Время движется, но как? Вперед ли, назад, по кругу или топчется на месте? Быстро ли, медленно? Не знаю. Мне ведомо только, что могут наступить времена, когда и камень зацветет, а цветок окаменеет. Белой Даме открыто будущее, это я могу сказать точно, и когда она видит, что вдали начинают собираться тучи, ее долг — подготовиться к приходу несущей гибель грозы. Задолго до твоего рождения кое-кого из ниссомов, а также из уйзгу, позвали в Нот. Нам объявили, что Тьма густеет, и Белая Дама, стоявшая ранее между Тьмой и Светом, на этот раз не способна одолеть стену Ночи. Однако ей ведомо, что время не замрет. Великая мельница будет перемалывать годы, месяцы, дни, и недалек тот час, когда явятся те, кто восстановят справедливость. Весы, взвешивающие тяжесть смерти и радость жизни, вернутся в исходное время.

Кадия насупилась.

— Но почему Белая Дама не объявила об этом *нам*? — воскликнула она.

— Мой народ хранит старые песни. Как они родились на свет, никому не известно, но вся история ниссомов изложена в них, и она гораздо длиннее, чем у рувендиан. Так вот, такого, что случилось ныне, даже ниссомы не помнят. Никогда не бывало, чтобы Белой Даме пришлось противостоять той силе, которую она сама взрастила, которой доверилась до конца. Ты не понимаешь, что он, видимо, набрался такой мощи, о которой она и подумать не могла... Ты желаешь пролить кровь Волтрика, отомстить за своих родителей? Но возможно, это лишь пустяк в сравнении с тем, что тебе предстоит исполнить. И mesti придет свой срок, но она свершится сама собой, как бы... мимолетно...

— Я ничего не понимаю в магии, — пробормотала Кадия.

— Взгляни на те тростники, — Джеган кивнул в сторону зарослей. — Один стебелек ты можешь сломать безо всяких усилий. Сложи три тростинки, и ты уже получишь связку, которую не так-то легко уничтожить...

— Харамис, Анигель и я... мы должны быть в связке? Свиться в одну веревочку?.. — Кадия засмеялась. — Боюсь, ты здорово промахнешься, если решишь поймать добычу в силок, сплетенный из такой веревочки.

Магия! Она же ничего не понимает в ней. А ее сестра Анигель? Куда ей до великого и ужасающего искусства творить чудеса! Нет, для мести колдовство не годится, твердо решила Кадия. Если уж ей доведется повстречаться с Волтриком, то она избрет своим оружием добрый меч. И ей вовсе не нужно колдовское ремесло, чтобы добиться того, о чем она мечтает!

Долгой ночью, которая застигла их в пути, принцесса то и дело возвращалась мыслями к этому разговору. Дважды они делали привал, молча жевали в крошечной тьме сушеные корни адопа. Когда становилось прохладно, она обнимала себя за плечи — ей и в голову не приходило пожаловаться Джегану. Тот постоянно был начеку, и ноздри его все время раздувались, а уши топорщились. Его нельзя было отвлекать, тем более скулить, искать сочувствия. За весь ночной переход они и парой слов не перебросились, понимая друг друга без звука.

Где-то за полночь в джунглях раздался истошный, ввергающий в дрожь крик. Кадия от неожиданности вцепилась в край лодки, замерла — ничего подобного ей раньше на болотах слышать не приходилось. Джеган тут же загнал лодку под широкий лист какого-то водяного растения, полностью прикрывший их. Тусклое лунное сияние разливалось по поверхности протоки, и в этом мерцающем робком свете рядом, в нескольких десятках элсов, проплыло что-то крылатое, черное... Крылья, наверное, померещились, решила Кадия и затаила дыхание. Существо, мирно похрюкивающее, копошащееся в прибрежной грязи, было раза в два больше их лодки. Нет, крылья

ей не привиделись... Еще девушка успела заметить острый, загнутый книзу клюв. В следующее мгновение тварь взмахнула крыльями и, взлетев, затмила одну из лун. Духераздирающий вопль донесся с высоты, и вновь на черные воды пало ровное серебристое сияние.

Джеган сидел неподвижно и чего-то ждал. Затем он тихо протяжно свистнул и коснулся плеча Кадии.

— Вур! Он вылетел на охоту.— Голос Джегана дрогнул. Видно, и ему было не по себе.

— Вур? — шепотом переспросила девушка.

— Да. Непонятно, как это чудище могло очутиться здесь. Он никогда не покидает самых заповедных, нехоженных мест...— Охотник как бы разговаривал сам с собой.— Что привело его сюда? В мире творится что-то страшное...

Наконец они тронулись в путь, стараясь быть еще осторожнее, еще более чутко вслушиваясь в окружающие джунгли. Кадия боялась пошевелиться, всем существом впитывая даже самый слабый шум, робкое свечение Трех Лун, тончайший аромат гнили и влаги. Каждое дуновение ветерка могло принести знак беды. Издалека, с севера, донесся еще один жуткий вскрик, потом опять все замерло.

Последнюю остановку они сделали перед самым восходом солнца. Сначала Кадия, чье зрение и слух были обострены до предела, различила впереди полосу земли. Джеган греб в ту сторону — наверное, там располагался остров. А на нем могут быть древние руины... От одной этой мысли принцессу передернуло: слишком памятной была дневная высадка, костровище с обугленными человеческими костями.

Что приготовила им судьба на этот раз? Кадия осторожно взглянула на Джегана — охотник настойчиво греб к земле. Он указал на какие-то темные пятна на воде:

— Сакбри. А это их гнездовье... Если они спокойны, значит, все в порядке.

У принцессы даже слюнки потекли, когда она вспомнила вкус этих птиц.

— Сакбри...— мечтательно прошептала она.

— Ни в коем случае. — Джеган отрицательно покачал головой. — Не хватает еще оставить следы. Но там, где водятся сакбри, должны водиться и рафины....

Упоминание о рафинах вызвало у девушки новый прилив слюны, хотя, по мнению Кадии, рафин находился с сакбри в таком же соотношении, как горбушка черствого хлеба с праздничным пирогом.

Они высадились на остров и действительно обнаружили развалины. Пока Кадия расчищала место, Джеган взял духовую трубку и скрылся из глаз. Тем временем принцесса сложила из камней подобие очага, постаравшись, чтобы огня не было видно со стороны, потом села и стала ждать.

На болотах густо пахло — благоухание цветов мешалось с тонкими струйками гнили и сырости, в них влиялись отчетливо резкие запахи животных. Предутренний ветерок приносил все новые и новые ароматы, словно поигрывал ими... Кадия с интересом и затаенной тревогой впитывала их. Конечно, она не обладает чутьем Джегана и других охотников-ниссомов, но когда-то надо учиться, решила девушка.

Так же настороженно внимала она робким, редким, едва слышимым и тут же гаснущим звукам: шелест травы, плеск и журчание воды, шепот тростника, жужжание и гнусавое гудение просыпающихся жуков, писк мелких кровососов... Прерывисто, пробуя голос, запели птицы, издалека донесся торопливый топот, потом долетело бульканье, и шумная волна растревожила камыши. Язык звуков был более понятен, чем таинственная речь запахов, и все равно многого Кадия не знала. Подобное неведение может дорого обойтись, вздохнула принцесса.

Стоило в просветах между деревьями вспыхнуть первым лучам восходившего солнца, как она схватила амулет и вгляделась в него. Черный бутон был прочно запечатан в густо-медовый янтарь, и в тот момент, когда солнечный свет упал на священный талисман, лепестки заискрились. Это было настоящее чудо. Самый черный цветок на свете неожиданно ожил — вот он, символ королевского дома рувендиан, хотя почему и кто избрал его, кто первым

создал герб, никто не знал. Даже самые древние легенды обходили эту тайну молчанием.

Послышался резкий посвист. Кадия насторожилась, отпустила амулет и выхватила нож, с горечью подумав, что так и не научилась стрелять из духовой трубки — самого распространенного на болотах и опасного оружия. Девушка подобрала с земли длинный, с обломанным концом, корень и напряглась, готовая в любой момент отпрыгнуть в сторону.

Неожиданно и совершенно беззвучно из ближайших кустов вынырнул Джеган. В одной руке он держал духовую трубку. В другой — двух рафинов, из их открытых ртов еще капала вода. При этом смотрел он не на Кадию, а куда-то назад, через плечо. Принцесса сосчитала до десяти — Джеган стоял в прежней позе. Затем напряжение, которое чувствовалось в развороте плеч, чуть согнутых ногах, в полной готовности немедленно применить оружие, немного ослабло. Охотник осторожно обвел взглядом оставленное за спиной пространство, после чего наконец направился к Кадии, взглядом указывая ей, чтобы она немедленно спряталась за камнями. Добравшись до приготовленного для костра места, он небрежно опустил рафинов на землю, а сам вдруг выкатил глазные яблоки на целую пядь, так что они плавно всплыли над головой, осмотрели местность и тут же спрятались в глазницах.

Кадия замерла, готовая к бою. Джеган припал на колени и снял со своего пояса какой-то бесформенный предмет, завернутый в широкий лист. Он быстро развернул его, и принцесса отпрянула: отвратительное зловоние ударило в нос. Справившись с приступом тошноты, Кадия пристально вгляделась в находку. Она напоминала желтовато-зеленый ком застывшего желе.

— Икра скритеков, — сказал Джеган, положил ком на землю и обтер руку о траву.

Кадия открыла рот от изумления.

В мире действительно творилось что-то невероятное. Взять хотя бы скритеков. То, что они вбили пограничный кол так далеко на юге, уже было за гранью понимания. К тому же они, оказывается, размножаются с помощью

икринок. И теперь заражают ею все обитаемые земли в Гиблых Топях! Этого не может быть!

— Я нашел место, где вур терзал добычу, — продолжил Джеган. — Вот это, — он указал на икру, — лежало на останках, оно питается тухлятиной.

— Значит, это вур разносит подобную пакость? Как же далеко он может залететь?

— С полным грузом икры? Да не так уж и далеко, если считать от мест их постоянного обитания.

Кадия задумалась.

— Значит, они движутся на юг? — предположила она.

Джеган промолчал, опять завернул в лист свою находку и, стараясь не прикасаться к ней, отошел в сторону. Там он палкой выкопал яму, бросил туда икру, засыпал землей и хорошенько утоптал, а сверху придавил камнем.

Покончив с этим делом, он угрюмо произнес:

— По Гиблым Топям можно ходить куда угодно, здесь дорог не счесть. Но это не значит, что можно соваться, куда тебя не просят. Здесь есть такие бездонные трясины, которые вмиг проглотят любого, кто посмеет ступить туда. Туда лучше не попадать. Такие дела... — Охотник поежил.

Они поели, и Кадия первой заступила на пост. Джеган лег отдохнуть. Она заметила, что чем дальше, тем труднее приходилось охотнику. Ей тоже... Посидев немного за камнями, она почувствовала, как ее неумолимо затягивает дрема. Она заставила себя поразмыслить над бесспорным фактом — скритеки расширяют территорию своего расселения. Что бы это могло значить? Какая угроза таится в этой экспансии? Вопрос был серьезный. Кадия невольно зевнула и в следующее мгновение провалилась в глубокий сон. Словно кто-то одурманил ее...

Очнулась она далеко за полдень. Джеган тряс ее за плечо. Кадия открыла глаза и, вспомнив, что заснула на посту, была готова от стыда сквозь землю провалиться. Одлинг добродушно махнул рукой, как бы извиняя ее. Оказывается, он успел еще раз сходить на охоту. Кадия едва не захлопала в ладоши — ее ждали не только сладкие корешки милий, но и жареные сакбри.

Путешественники не спеша полакомились изысканным блюдом, уничтожили все следы своего пребывания и ближе к вечеру отправились в путь.

На этот раз им не довелось встретить вура. Ночь — впервые за время их путешествия — прошла спокойно, и уже к утру они добрались до зарослей невиданного Кадией до сих пор тростника. В первых лучах солнца мириады тростинок заискрились подобно россыпям золотистых бриллиантов. Повсюду были видны гирлянды крупных, полновесных густо-желтых метелок. Когда они начали раскрываться, глаза заболели от нестерпимого блеска.

Теперь было понятно, почему эти болота называют Золотыми.

С рассветом, когда наступило время отдыха, поиска убежища для восстановления сил, Джеган повел себя странно — вдруг коротко и резко ответил на крик совы. Следом в стене играющего отблесками камыша открылась узкая длинная песчаная банка, а за ней — устье какой-то мелкой речушки, впадающей в это малоподвижное, поросшее растительностью болотистое пространство. Туда Джеган и направил лодку.

Стоило только им войти в протоку, как стена камыша неожиданно сомкнулась. Принцесса удивленно завертела головой — действительно, даже намек не было, что в зарослях есть проход. Речушка начала расширяться, на обоих возвышенных берегах ее появились одлинги. Судя по нарядам, это были ниссомы, но, когда туземцы окликнули Джегана и заговорили с ним, оказалось, что девушке этот язык незнаком. Лишь отдельные слова она смогла разобрать в репликах, которыми обменивались охотник и его сородичи. Джеган тем временем подгрел к левому берегу, один из туземцев ступил в воду и схватился за протянутый Кадией шест. Потом он легко поволок лодчонку за собой, пока протока не расширилась и перед глазами Кадии не открылось широкое, свободное от растительности озеро, над поверхностью которого возвышались дома.

Это была Бурена — первая настоящая деревня ниссомов, в которую удалось попасть принцессе. Те одлинги,

с которыми она встречалась в Тревисте, заселили руины погибшего давным-давно города, но родина их располагалась в глубине болот, вот в таких селениях. Дома аборигенов были построены на сваях и занимали почти всю территорию мелководного озера. Основанием каждого дома служила прочная, воздвигнутая из толстых бревен платформа. Возле нее покачивались лодки, в точности похожие на ту, на которой они приплыли в Бурену. Бревенчатые стены были покрыты вьющимися лозами, корни которых находились в глиняных горшках. Полностью закрытые зеленью жилища напоминали цветущие холмы. Упругие вьющиеся стебли были усыпаны толстыми, грузными стручками. Эти плоды были известны Кадии, из них готовили ароматный хмельной напиток.

По озеру плавали большие плоты, на которых паслись домашние животные, принадлежащие ниссомам, — воты и кубары, куда более крупные, чем их дикие сородичи.

Наконец, лодку подтащили к одной из платформ. Крыша построенного на ней дома была покрыта широкими листьями адопа и каких-то других растений. На всех других платформах толпились люди, там же, куда должны были взойти путешественники, их ждали четверо старейшин, из них двое — женщины. Лица их были разрисованы, свободные одежды из трав украшены цепочками мелких разноцветных раковин и нашитыми драгоценными камешками.

К удивлению Кадии, первой к ним шагнула одна из женщин, и именно к ней обратился Джеган. Говорил он медленно, торжественно, почти выпевая произносимые звуки, так что принцесса могла разобрать каждое слово.

— Приветствую тебя, Первая в Доме. Будет ли позволено нам, не имеющим имен, восславить землю и воду, а тебе, благородная Первая, пожелать славы и доброй жизни?

Ему никто не ответил — старейшины лишь наклонили головы. Точно так же, удивленно отметила Кадия, в официальных случаях приветствовала гостей ее мать, королева Каланта. Что ж, ей тоже надо соблюсти приличия и королевское достоинство. Как должна вести себя в по-

добных обстоятельствах хорошо воспитанная девица из царствующей семьи? Принцесса встала в лодке и, склонив голову, присела. Ее стараний никто как бы не заметил. Старейшина обратилась к Джегану:

— Присутствующие здесь готовы предложить тебе, охотник, кров и пищу.

Джеган продолжил:

— Благородная Первая, позволь представить тебе королевскую дочь, спасающуюся из захваченного великого каменного Дома. С горечью сообщаю вам, что на нашу землю и воду пришло Зло. Королевская дочь получила вызов от Той, что живет в Ноте, где должен состояться большой совет.

Тот же самый оддлинг, который принял у Кадии шест, теперь подал ей руку и помог подняться на помост. Оказавшись лицом к лицу с Первой в Доме, девушка поняла, что делать реверансы в рваном кожаном костюме нелепо. Тогда Кадия решила приветствовать здешнюю правительницу так же, как женщины-ниссомки здоровались друг с другом в Тревисте. Она сложила руки, плотно прижав одну ладонь к другой, и, поклонившись — не очень низко, как равная равной,— сказала:

— Я, Кадия, дочь короля Крейна, славлю землю и воду, а всем присутствующим желаю мира и доброй жизни.

Сказала и замерла — так ли она поступила? Не дай Бог обидеть кого-нибудь из сородичей Джегана. К ее облегчению, Первая ответила знакомым жестом — она протянула ей руку ладонью вверх. Кадия тут же положила на нее свою руку, ладонью вниз.

— Отдохни, королевская дочь,— сказала Первая и улыбнулась неподражаемой улыбкой ниссомов: толстые губы широко раздвинулись, обнажив острые клыки. Потом быстро продолжила: — Истинно сказано, что смерть затопила землю и воду. Мы восхваляем тех, кто не имеет имен, за то, что ты пришла спасти и уберечь нас. Те, кто встал из пучины, бродят по нашей родине. Не меньше... — Она помедлила, словно не решаясь говорить дальше, потом все-таки закончила: — ...Зла несут рожденные

Мраком. Им теперь нет числа. Но мы всегда останемся свободными, королевская дочь. Позволь нам дать тебе временный приют.

Дома одлингов, на первый взгляд, вряд ли располагали теми удобствами, к которым принцесса привыкла во дворце, и все-таки оказалось, что местным жителям кое-что известно о комфорте.

Внутреннее пространство общинного дома было разделено коридором, куда выходили многочисленные двери. У Кадии мелькнула мысль, что каждая дверь ведет в помещения, где живет отдельная семья или какая-то другая общность — то ли по возрасту, то ли по полу. Это предположение сразу отпало, когда Кадия обнаружила, что в доме вообще нет мужчин: в распахнутых дверных проемах стояли лишь женщины, поодиночке или группами. Все они кланялись гостье, когда та проходила мимо. Наконец, ее довели до последней двери, и Кадия переступила порог обширного зала, уставленного прекрасной мебелью. На стенах даже висели какие-то изображения.

В первый раз за эти дни она обнаружила покрытую резьбой каменную ванну (по-видимому, ее нашли в развалинах какого-нибудь древнего города), доверху наполненную чистой горячей водой. По поверхности густо плавали лепестки каких-то лиловых и фиолетовых цветов. Безусловно, лепестки были куплены на ярмарке в Треви-сте — кроме того, что они благоухали, это было настоящее чудесное мыло. Стоило потереть их между ладоней, как они сразу начинали пениться.

Первая в Доме села на скамеечку у стены, рядом с шестью другими женщинами-ниссомками. Их присутствие совершенно не стеснило Кадия — да и кто мог после такого похода устоять перед огромной ванной с ароматной водой! Она погрузилась с головой, вынырнула и разнеженно замерла.

Вымытую Кадия молоденькие ниссомки обрядили в очень мягкое свободное платье, сделанное из трав. Тело не могло надыхаться... Затем принцессу усадили на стул, и совсем юная, но уже замужняя туземка принесла под-

нос, на котором стояли маленькие скорлупки-чашечки с какой-то пахучей жидкостью. Женщина обнесла всех присутствующих в зале, и каждая взяла по скорлупке. Затем Первая в Доме подошла к принцессе и капнула ей на голову жидкость из своей чашечки. За ней тот же обряд выполнили остальные.

Кадия, не выносившая долгих и утомительных церемоний и позволявшая себе во дворце убежать задолго до их окончания, теперь сидела, не смея шевельнуться. Не дай Бог чем-нибудь обидеть родственницу Джегана!..

Первая в Доме отпила из своей чашки и тут же выплюнула. Принцесса быстро повторила ее движения, потом они обменялись скорлупками, и, вслед за ниссомками, принцесса осушила свою чашку. Теплая расслабляющая волна побежала по телу...

— Прочь, Зло! — нарушила тишину хозяйка. — Прочь, кровопийцы, разгуливающие вокруг! Прочь другие, кто не из нашей земли, кто смущает мысли. — Она сделала паузу, словно подыскивая слово, потом продолжила: — Мы получили известие с низовьев реки. Наши люди вернулись из Тревисты. Это место теперь охраняется торговцами смертью. Многие из наших людей погибли по пути домой. Мы послали весточку Той, что владеет Нотом, но пока не получили ответа...

— Первая в Доме! — Кадия, сидя на стуле, поклонилась. — Те, кто захватил Тревисту, совсем не знают болот. Правда, среди них есть некто, обладающий тайным всеведением. Он отдает приказы, а один из его слуг бродит вместе со скритеками. Но все равно я не верю, что солдаты, выросшие на равнинах Лаборнока, способны сражаться в болотах. Ваши люди, чьей родиной являются Гиблые Топи, могут восстать и освободить часть нашей земли.

Первая печально покачала головой:

— Королевская дочь, не в наших обычаях сражаться с теми, кто пришел на нашу землю. Сами мы будем обороняться, но другим смерть не несем.

Кадия прикусила язык. Опять она поспешила, и Первая в Доме ясно дала ей это понять. И дело здесь не в

обычаях, что, конечно, тоже само по себе очень важно, а в том, что вторжения, которое готовилось несколько десятков лет, не отразить. Старая женщина права. Сколько раз Кадью подводила ее нетерпеливая, пылкая натура, пора бы остепениться...

Она сжала в ладонях амулет.

— Та, кто владеет Нотом, — сказала принцесса, — вызвала меня. Долгие годы она была защитницей нашей земли. Возможно, она и даст ответ.

Первая в Доме одобрительно кивнула:

— Правильно, королевская дочь. Она — самая великая среди живущих, она обладает тайным знанием, она сильна и могущественна. Мы поможем тебе добраться в Нот.

Глава 14

Узун заиграл на флейте знакомую мелодию «Прекрасен на закате наш прудик, полный роз» — старинную балладу о рыбаке, разлученном с родным домом, с теми, кого он любил. Харамис очень любила эту печальную, чуть однообразную, но такую трогательную песню, и когда последний серебряный звук флейты замер среди диких, укутанных снегом скал, принцесса сказала:

— Замечательно. Трудно удержаться от слез...

— Если желаешь, могу сыграть еще что-нибудь, — вежливо предложил Узун, — но, к сожалению, мои пальцы совсем замерзли, и хорошо уже не получится.

Музыкант плотнее укутался в подбитую мехом накидку и протянул ноги в сырых ботинках поближе к огню. Тьма сгушалась, поднимался ветер, бил в лицо острыми колючими снежинками.

— Ничего, Узун. Если бы ты играл дольше, я бы не справилась с тоской. Рыбак жил надеждой на возвращение на родину, к семье, а мне куда идти? Родного дома нет, близкие люди погублены...

— А твои сестры, принцесса?

Харамис долго смотрела вдоль открытого каменистого склона — вдали, в сумерках, терялось русло Виспара,

берегом которого они шли столько дней, забираясь все выше и выше в Охоганские горы. По другую руку в закатном свете еще золотился пик Ротоло, остроугольной головой своей он раздвинул легкие облачка, не спеша относимые ветром к западу, к Лаборноку.

— Я постоянно молю Триединого Бога сохранить жизнь Кадии и Анигели. Но ты же знаешь, как безрассудна Кадия. Что касается Анигели, я была бы очень удивлена, если бы узнала, что она погибла в бою. — Харамис уронила слезинку. — Бедные глупышки!.. — после некоторой паузы добавила она. — Надеюсь, мы вскоре встретимся с ними — там, на небесах! — если эти семена будут и дальше увлекать нас в горы. Вокруг пустыня! Дров нет, ягод, съедобных корешков нет, речки, где можно было бы поймать рыбу, тоже. Кстати, ты заметил — у воды какой-то странный привкус. Ты не знаешь, в чем дело?

— Это вкус камней, принцесса, — ответил музыкант. — В любом случае, если бы вода была отравлена...

— Нас давным-давно не было бы на белом свете, — подхватила Харамис. — Все равно, не нравится мне это. И за тебя я беспокоюсь, у тебя всегда были слабые легкие, а тут такой холод.

— Я чувствую себя прекрасно! — возразил Узун. — Единственное, в чем я нуждаюсь, так это в капельке тепла и в сухой обуви.

— Но стоит нам продолжить путь, и сухая обувь тут же промокнет. Посмотри, тут повсюду снег. У меня кровь теплее, чем у тебя, Узун, так что мне легче. Ты же ниссом, рожден в жарком климате. Я смотрю, у тебя все больше и больше вваливаются щеки, и цвет лица какой-то землистый. Тебе все труднее идти.

— Я стараюсь поспеть за тобой, — глухо ответил музыкант.

— Хорошо, я буду идти не так быстро, хотя, если станет холоднее, это вряд ли поможет. Надо что-то придумать.

Харамис вскочила, сняла меховые варежки, принялась стаскивать ботинки с Узуна.

— Давай, давай... На ногах они никогда не высохнут.

— Нет, нет! Это я должен служить тебе, принцесса! Что же это творится!

— Помолчи! — приказала Харамис.

Наконец ей удалось стянуть с музыканта обувь. Она нечаянно коснулась его когтистых лапок: они были совсем ледяные. Харамис натянула на них свои варежки, а кожаные ботинки пристроила так, чтобы огонь не касался их, и через несколько минут от них повалил пар. Потом она напоила музыканта горячим чаем.

Старый оддлинг с благодарностью посмотрел на нее.

— Так много лучше... — прошептал он. — Но ведь ты сама замерзнешь.

Харамис приложила палец к его губам, заставила при-молкнуть.

— Послушай меня. Вот что я надумала: ты должен живым вернуться в Нот, а поэтому будешь сопровождать меня до тех пор, пока хватит сил. Потом ты вернешься, а я продолжу путь.

— Нет! И думать не хочу об этом!.. — От негодования Узун выплюнул чай.

— Не торопись, послушай, что я скажу. Мы достигли той части хребта, где никто не живет, разве что загадочные Глаза Урагана, навлекающие на путников снежные бураны. Только эти таинственные существа способны здесь выжить. Еда у нас почти кончается, пополнить запас нигде. Скоро исчезнут и карликовые деревца, так что мы останемся без топлива. Если мне уготовано такое испытание, как объявила Белая Дама, если таков мой жребий, то можно предположить, что Владыки воздуха каким-то образом помогут мне. Или кто-нибудь другой вызволит меня из беды. Какой смысл Великой Волшебнице посылать меня на верную гибель? Но это касается только меня, а тебе надо будет вернуться. Дальше я должна идти одна — так сказала Белая Дама. Разве тебе не было указано, чтобы ты во всем мне повиновался?

Узун молча кивнул, утирая слезы со щек.

— Если ты повернешь назад немедленно, то через полдня сможешь добраться до снеговой линии, а еще через день выйдешь к Виспару. Там уже можно поймать гарсу,

полакомиться ягодами. И ночи там теплые... Потом ты встретишь уйзгу, и они захватят тебя с собой, в Тревисту, где живут твои родичи.

— Но как же я оставлю тебя, принцесса? Да, я не только жалкий музыкантишка, но и никудышный путешественник... Но одна ты здесь совсем пропадешь.

— Не беспокойся за меня. Того, что хранится в моем заплечном мешке, мне достаточно. А воды здесь сколько угодно. Я очень легкая, и мне совсем нетрудно скакать по скалам. Семена отыщут мне уютное местечко для ночлега. А выше вообще все будет завалено снегом. Если я до той поры не отыщу то, что следует...— Она пожала плечами.— Может, какой-нибудь Глаз Урагана сжалится над мной и перенесет в сказочную зеленую долину, где, как рассказывают, живут виспи. Там всегда лето, из-под камней бьют горячие источники, луга полны цветов, и никакой враг не в силах добраться до них...

Наступила тишина, потом Узун глухо произнес:

— По правде говоря, я надеялся, что семена и ведут нас в такую райскую обитель.

— Что ты знаешь о виспи?

— Они никогда не спускаются с гор. Торгуют драгоценными металлами и камнями — обмениваются с уйзгу, а те перепродают ниссомам. Наши купцы везут все на ярмарку в Тревисту или в Дайлекс. Там тоже проходят ярмарки. В обмен виспи берут домашних животных, особенно волумниалов, тогаров и панчаков, у которых очень густая шерсть. Виспи любят соль, всевозможные сладости и прежде всего хмельной мед — это основной товар уйзгу.

— На кого они похожи?

— Только не на ниссомов.

Харамис вздохнула:

— Пока мы доберемся до них, ты совсем замерзнешь.

Узун словно не услышал и продолжал:

— Уйзгу рассказывают, что они выше людей, но более худощавы. Они принадлежат к Народу, так как до рождения носят своих детей в чреве. Не так как эти омерзительные скритеки, которые мечут икру. Насчет Глаз

Урагана ничего сказать не могу. Когда-то, как рассказывают легенды, они спасли нашу землю от вторжения. Говорят, что владеют ими виспи, а те, в свою очередь, поклоняются Белой Даме.

Харамис заметила:

— Кое-кто из солдат гарнизонов горных крепостей сообщал, что виспи устраивают праздник в честь свежеевшего снега. Это просто необыкновенное зрелище, утверждали они.

— Вообще, по всему выходит, что виспи — древнейшие из Народа. Правда, точно никто не знает. Наши сказители рассказывают, что живут виспи в отрезанных от мира долинах на склонах Ротоло, Джидриса и Брома. Еще говорят, что в землях виспи есть множество пещер, забитых льдом, где при оттаивании горцы находят драгоценные камни, золотые и платиновые самородки. Обильные потоки бегут по склонам и питают влагой их пастбища. Кое-кто утверждает, что некоторые пещеры в древности были вырублены Исчезнувшими. Там виспи и находят — правда, очень редко — эти чудесные вещицы, которые потом сбывают уйзгу.

— Удивительно! — прошептала Харамис. — Мы так мало знаем, а наша земля полна тайн. — Она пошевелила уголья в костре железным набалдашником посоха, с которым отправилась в дорогу.

Несколько минут путника молчали, следя, как искры улетают в чистое, холодное небо, как ярко алеют головешки... Неожиданно принцесса спросила:

— Узун, ты умеешь гадать?

— Насчет ваших сестер?

— Нет, насчет виспи.

— Могу попытаться. Если они настоящий Народ, у них должны быть ауры. Как у всех местных племен.

Принцесса молча кивнула на кувшин с остывшим чаем, где на самом доньшке оставалась темная пахучая жидкость. Узун вылил остаток в чашку и принялся быстро раскручивать ее. Темная жидкость пришла в движение, и скоро в центре образовалась маленькая впадина — подобие водоворота, в который начало затягивать чаинки. Узун

замер, глаза у него словно остекленели, он уставился на поверхность бегущей по кругу жидкости, заглядывая в самое сердце водоворота. Вдруг морщины у него на лбу задвигались, брови изумленно поползли вверх.

Харамис терпеливо ждала. Нежнейший розовый покров, накиннутый на пик Ротоло и на его меньших собратьев — последний привет уходящего солнца, — сменился жемчужно-серебристым одеянием. Небо еще освещивало бирюзой и кадмием — весь день безоблачное, в вечерних сумерках оно родило несколько длинных слоистых облачков, наплывавших на хребет с юга. «Плохая примета», — подумала Харамис, сердце заныло от предчувствия беды. Следом нагрянут снеговые тучи. А если метель? Она зябко передернула плечами. Смерти она не боялась, в последние дни после гибели родителей и особенно во время этого путешествия по безлюдной местности она разобралась в своей душе и нашла там удивительную стойкость, веру и покорность. Жизнь открылась ей как великий переход от радости к печали, от горя к веселью, от рождения к смерти, и единственное, что прочно и неотвязно крепило ее с этим миром, — страстное желание исполнить долг. Эта страсть теперь составляла исход и итог ее размышлений. Неведомая и добрая — очень добрая, верила она, — сила понуждала ее продолжать переход. В общем-то, это было радостное, волнующее ощущение, только очень хотелось ясности, ответов на все вопросы...

— Мовис, — неожиданно пробормотал Узун.

— Что? — Харамис схватила его за плечо. — Что ты там видишь?

— Мовис, — повторил он. Его золотистые глаза невольно расширились, чуть-чуть выкатились из орбит и теперь подрагивали. — Так называется их столица. Она лежит выше нас и дальше к западу.

— Ты ее ясно видишь? — поинтересовалась Харамис. — Как далеко отсюда?

— Не могу сказать, знаю только, что в той стороне. — И музыкант неловко махнул рукой на закат. — Это еще что, — снова возбужденно заговорил он. — Я догадался, что виспи способны так укрыть свой город, что никакой

следопыт не сможет его найти. Они спросили, кто мы, я назвал твое имя, и тогда они распахнули передо мной вид на Мовис и сообщили, что ждут тебя.

Сердце Харамис гулко застучало в груди. Она сунула руку под меховую накидку, в разрез туники, схватила священный амулет... Боже! Оно существует, это место! Они идут в верном направлении. Значит, умирающая волшебница находится в здравом рассудке. Неужели надежды сбудутся?

Она долго сидела молча, ждала, пока успокоится сердце, восстановится дыхание — с детства она не любила принимать решения в возбужденном состоянии: в этом, рассуждала она, есть что-то недостойное членов королевской семьи. Как бы то ни было, но они являются помазанниками Божьими, на них лежит огромная ответственность, а поэтому не пристало суетиться, лукавить, нарушать данное слово.

— Узун! — наконец сказала она. — Ты мне очень помог. Твое гадание дало надежду. Я верю тебе, Узун... Знаешь, иной раз меня охватывала жуть: что, если Белая Дама не более чем выжившая из ума больная ведьма, пославшая нас на верную смерть?

— До Мовиса не так близко, — ответил музыкант. — Еще много дней пути. Нелегкого пути...

— К этому я и клоню. Семена священного Цветка доведут меня. Теперь я ничего не боюсь и уверена, что виспи, живущие там, помогут мне в поисках Трехкрылого Диска.

— Мне показалось, что они очень добры, — подтвердил Узун. Он подтянул ноги к груди. — Теперь, может, все наладится.

Он зевнул и тут же, испугавшись, попросил у принцессы прощения.

Харамис рассмеялась:

— Ты прав. Я верю, что худшее позади. Вот почему приказываю тебе вернуться. Мне еще очень хочется послушать твои песни, мне слишком дорог мой маленький великий музыкант, чьи песни греют людям сердца. Я серьезно, Узун. Ты — великий музыкант, поэтому я должна о

тебе позаботиться. Мне бы очень хотелось, чтобы ты написал балладу о нашем путешествии и спел ее, когда я стану королевой Рувенды.

— Хорошо. — Узун посмотрел на принцессу. — Я вернусь. Без меня ты сможешь шагать куда быстрее. Я оставляю тебя с надеждой в сердце. Надеюсь, Белая Дама не забыла распорядиться, чтобы висли помогли тебе. Я отправлюсь на юг. Снова и снова буду пытаться разглядеть твой образ в магическом кристалле, которым — я глубоко в это верую — может быть что угодно: поверхность лужицы, чайники в чашке, туманная дымка... Лишь бы одно сердце тянулось к другому.

— Конечно, ты очень постарайся, — горячо поддержала его Харамис. Она пощупала его ботинки и носки — они почти высохли. — Когда остановишься на ночлег, — наставительно продолжила принцесса, — сунь ботинки с носками в спальный мешок, так они быстрее высохнут. Ничего зазорного в этом нет, — уверила она старого музыканта.

Она помогла Узуну расстелить мешок, и тот свернулся в мешке, прижавшись спиной к скале. Ботинки засушил поглубже, носки положил под голову... Потом легла и Харамис.

Ночь явилась быстро, обшарила нагромождение камней, залила их чернотой, покрыла мглой дали, задернула утасающий полог неба, на котором сразу выступили звезды. Они засияли дружно, звучно, словно запели...

Или, может, запела душа Харамис? Девушка бросила взгляд на своего спутника — тот сладко посапывал, легкий парок вырывался из его широких, приплюснутых ноздрей. Харамис глубоко вздохнула, перевернулась на бок, подперла голову рукой. Рядом на земле что-то блеснуло. Принцесса насторожилась. Отражение одинокой звезды горело в маленькой лужице — вот еще один «магический кристалл»... Что, если попробовать?

Она сосредоточилась и подумала:

«Собственно, то, что сотворил Узун, — это магия или ментальное искусство, которым пользуются оддлинги для

дальней мысленной связи. Что, если попытаться вызвать сестер... Вполне может быть, что их уже нет в живых, однако что-то подсказывает мне, что с ними все в порядке. Но даже если мне не удастся увидеть их через такую даль, это ни о чем не говорит. Вполне вероятно, что сама Бина поставила вокруг нас барьер, чтобы Орогастус не смог найти нас и убить. Но может, мне, чья судьба прочно связана с их судьбами, этот барьер не помеха? А вдруг это повредит им?»

Она встала на колени и осторожно, чтобы не спугнуть робкий отблеск звезды, принялась взывать в пространство. Ночь замерла, притаились выступившие из мгlistой черноты камни. Девушка представила образ Кадии и страстно, сконцентрировав мысли, бросила безмолвный клич:

«Кадия... Кадия... Ты жива? Позволь мне увидеть твое лицо...»

И вдруг на мгновение мелькнула на поверхности лужицы улыбка. В нос ударил запах ароматного мыла, стали видны плавающие в ванне темные сестрины волосы... И вновь пахло сладчайшим благовонием...

Потом все исчезло.

Харамис села, прислонилась спиной к шершавой мшистой стене. Неужели это случилось? Она же ясно видела... Это была Кадия, ее улыбка, ее волосы... Она купается в ванне? Как странно! Этого быть не может! Но она же видела... Нет, спать, спать, спать! А этот опыт мы запомним.

Глава 15

Принцесса Анигель проснулась от невозможности вздохнуть. Вся в холодном поту, она схватила свой амулет, и янтарная капелька с включенным внутрь цветком обожгла руку... Опять тот же сон! Засуха, стена огня, плач и скрежет зубов... Опять мольбы о спасении, бессилие и ужас, от которого заныло сердце. Чертов сон! Это просто *глупо* постоянно переживать один и тот же кошмар! Она же теперь знает, что означает это видение. Ей все подро-

но объяснили, она поняла и пообещала быть храброй, разве не так? Тогда почему этот сон преследует ее? Это нечестно!

Между тем суденышко уйзгу стремительно несло вперед, вода торопливо плескала за бортом. Вот бы взглянуть на этих животных, которые тащат лодку. Или, может, это рыбы? Анигель вздохнула.

Суденышко заострено с обоих концов и могло плыть как вперед, так и назад. Длинной оно не превосходило лодки ниссомов и напоминало обычные плоскодонки, только было сделано не из ствола дерева коло, а связано из пучков тростника, стянутого так плотно, что внутрь не попадало ни капли воды. Кроме того, изнутри судно уйзгу было отделано какой-то необыкновенно твердой пленкой.

Все-таки риморики были, по-видимому, животными, так как время от времени на поверхности воды мелькали их покрытые мехом спины. У этих зверей ростом с человека были обтекаемые рыла, большие черные глаза и перепончатые лапы, снабженные ужасными когтями. Шкуры пегие, цвета бутылочного стекла. Высовывая голову из воды, риморики фыркали и издавали тонкий свист. Анигель решила подружиться с ними, но они зарычали и обнажили клыки. Эти существа были впряжены в суденышко посредством двойной сбруи, и двое уйзгу — их звали Лебб и Тиребб — управляли ими с помощью длинных кожаных поводьев. Останавливались каждые шесть часов, когда добирались до следующей деревни уйзгу, где меняли животных.

Вокруг расстилалась странная, блистающая земля — Золотые Топи. Третий день плыли в этом слепящем, удушяющем мареве. Все вокруг, казалось, вымерло от нестерпимой жары — всего несколько раз в этом непуганом девственном краю по берегам протоков промелькнули дикие животные. Но зато птиц здесь было в изобилии. Стаями пронеслись они над головами путешественников, причем у некоторых особей размах крыльев был более элса.

И рыбы!.. По утрам вода пенилась от бесчисленных плавников, круги нескончаемо плыли по мутной желто-

вато-серой реке. Анигель могла поклясться, что слышала чавканье пожиравших золотистый тростник крупных бочкообразных тварей.

Путешественники вышли в плавание перед рассветом, и сначала плоскодонка двигалась извилистым узким каналом, проложенным через совершенно непроходимые джунгли к северу от Тревисты. Это было искусственное сооружение, и петляло оно так, что очень скоро Анигель потеряла всякое представление о том, куда они плывут. На второй день видимое пространство вокруг расширилось, лес поредел, заросли камыша по окраинам мелководных застойных озер сменились какой-то неизвестной принцессе низкой и колючей травой. К середине дня вплыли в степь, ровную, высохшую от зноя, с редкими светлыми рошицами.

Время от времени они останавливались возле достаточно высоко приподнятых над водой маленьких островков. Богатство цветов и разнообразие плодов в этих райских уголках было невообразимое — уже издали острова угадывались радужными шапками на фоне выжженной степи. На этих островках обычно селились уйзгу. Деревни их были очень маленькие — всего несколько домов. Народ здесь жил очень робкий — местные жители даже Анигели пугались; дети прятались за женщинами, только любопытные глазенки посверкивали из-под тростниковых навесов. Уйзгу кормились рыбой, пили священный напиток, который назывался митон. Как он готовится, принцесса так и не узнала — Имму не стала ничего объяснять; более того, она запретила девушке даже пробовать его. В отличие от ниссомов, уйзгу не пользовались огнем. Жили они в тростниковых хижинах, на сваях, что защищало их от сезонных наводнений. Были уйзгу куда меньше своих ближайших родственников ниссомов, разгуливали почти голые, не считая коротких юбочек, сплетенных из травы, и многочисленных золотых украшений — цепочек, нагрудников, налокотников, браслетов, серег и колец в носках (правда, не у всех — как сообразила Анигель, подобные украшения считались высшей наградой). Золото местные жители выменивали у горцев виспи. Вокруг глаз

у всех взрослых уйзгу были нарисованы три цветных круга, у мужчин на груди — те же самые знаки, но с точкой в центре. Тела их были покрыты короткой шерстью и смазаны каким-то маслом, издающим резкий мускусный запах. Анигель вначале не обратила на это внимания, но, когда ей были представлены владельцы лодки Лебб и Тиребб и пришлось обменяться с ними рукопожатиями, девушке с трудом удалось скрыть отвращение, вызванное прикосновением к их осклизлым мокрым ладоням. Теперь ей стало понятно, почему рувендиане называли уйзгу скользкими дьяволами! Кормчие и Имму с трудом понимали друг друга, но, в общем-то, им и не о чем было говорить. Уйзгу досконально знали маршрут, они обещали провидице как можно быстрее доставить в Нот принцессу и ее воспитательницу, и никаких вопросов у них не возникало.

Особенно поразили и восхитили Анигель местные ночи. После первого дня путешествия она долго не могла заснуть, и на ее глазах, с уходом света, вдруг начало разыгрываться удивительное и волнующее представление.

Прежде всего, с наступлением сумерек по воде и над стеной тростника пополз туман. Он густел на глазах, последние солнечные лучи, играя, неумовимо меняли его окраску. С погружением во тьму туман стал редеть, обращаться в дымку, подернувшую огромный опрокинутый купол неба, и в этой дымке проснувшиеся звезды казались вдвое крупнее и наряднее, чем обычно. Светились они ровно, томительно и странно, меняя цвет. Анигель затаила дыхание... Зрелище дополнялось не менее восхитительными звуками. Здесь не было тех завываний и рыков, которые до смерти пугали принцессу на Нижнем Мутаре, в Треviste. Ничто не нарушало чарующего неумолкающего многоголосия ночи. Дробями, словно отбиваемыми на звонких барабанах, лопались в болотах пузыри, в их раскатистый перестук вплеталось шуршание лодки, бортами касающейся пучков травы и камыша. Первую партию в хоре вели ночные птицы и ветер, с легким посвистом разгонявший туман и шевеливший заросли. Если прибавить гу-

стой настой благоуханий попеременно с запахом гнили, струйки пахучего мускуса, исходившие от Лебба и Тиребба, крепкий болотный дух, то картина сушеного обретала стройность и законченность.

Скоро Анигель от обилия впечатлений потянуло в дрему. Глаза слипались. Не спать, не спать, упорно твердила она себе.

Но долго ли могло продлиться сопротивление?

...И вот вновь перед глазами ее спальня, вид из окна на погибающую от нестерпимого зноя землю, надвигающаяся стена огня. Судорожно дернувшись, девушка проснулась, огляделась — вокруг все та же ночь, только ясные звезды, уменьшившись в размерах, поменялись местами, и на западе в золотистом сиянии нежились Три Луны.

Снова приказав себе не спать, Анигель тут же заснула, на этот раз безо всяких видений, задышала ровно, глубоко.

Проснулась она с рассветом, отдохнувшая, посвежевшая. Лодка стояла на якоре. Три маленьких разрисованных личика выглядывали из-за борта. Нелепые существа смотрели на принцессу со смешанным чувством восхищения и ужаса. Они были очень похожи на ниссомов, но их стоячие остренькие ушки с кисточками наверху были куда больше, да и зубы тоже. На щеках и дальше, за ушами, по всей голове — серебристый мех, вокруг любопытных глазок — цветные круги. Существа не могли скрыть изумления — неужели у «людей» такие большие самки? Тогда каковы же сами «люди»?

Принцесса вскрикнула от удивления, и мордочки тут же скрылись за бортом.

— Ох, простите! — спохватилась Анигель. — Не бойтесь, маленькие уйзгу. Я знаю, что кажусь вам огромным страшилищем, но я не причиню вам вреда.

Сначала из-за тростникового борта показались кисточки, потом сами ушки, лобик и, наконец, глазки. Следом над бортом выплыли два других личика. Ростом они, по видимому, были не выше человеческого младенца. Детишки обменялись между собой репликами — видно, подели-

лись соображениями насчет происхождения невиданного монстра, которого они застали спящим в лодке.

— Вот и хорошо, — согласилась с их скороговоркой принцесса, радуясь, что они не испугались ее голоса.

Потом она машинально сделала то, о чем спустя тысячи лет рассказывали в своих песнях многие поколения уйзгу — протянула в их сторону священный медальон с запечатанным в янтаре Черным Триллиумом.

Трое малышей радостно вскрикнули и обнажили в улыбках нижние клыки. Зубы у них, надо сказать, были впечатляющими. Затем они перепрыгнули через борт и бросились к госте, собираясь тащить ее на берег прямо в спальном мешке.

Анигель рассмеялась:

— Нет, нет. Пожалуйста, подождите на берегу, пока я оденусь. Потом вы проводите меня в деревню. Наверное, Имму, Лебб и Тиребб уже там, договариваются насчет свежих римориков, а мне дали возможность поспать.

Она выбралась из мешка, надела платье, подаренное ей Фролоту. То розовое, в котором она бежала из дворца, совсем порвалось, и провидица снабдила ее туземным нарядом. Платье было ей коротковато, зато куда более удобно — с рукавами фонариками и легким капюшоном, защищающим от жгучего солнца. Сменили ей и дворцовые, совсем развалившиеся туфельки. Теперь у нее на ногах красовались сандалии на толстой коже с ремешками, обвязанными вокруг икр. Кроме того, ей подарили кожаный пояс со множеством вшитых карманчиков — и на лицевой стороне, и потайных, — куда она положила носовой платок, гребенку и всякие прочие вещи. На небольшом колечке к поясу был подвешен нож в ножнах.

Один из уйзгу неожиданно перескочил через борт и тут же выпрыгнул обратно. В руке у него был большой, пряно пахнувший белый цветок, лепестки его казались навошенными. Он протянул цветок Анигели, та от всего сердца поблагодарила и, укоротив стебель, приладила к своим волосам. Потом вся компания спустилась на берег и вереницей двинулась по узкой тропке.

Деревня располагалась совсем близко. В ней было всего пять домов, стоящих на сваях. Каждый имел два этажа — верхний, хорошо проветриваемый через многочисленные проемы в тростниковых стенах, и нижний, где располагались кухня и зал, куда собирались для бесед члены семейства.

Имму, Лебб и Тиребб завтракали из общего горшка. Старейшина приветствовал Анигель доброй улыбкой и короткой, но непонятной речью, и тоже пригласил присесть в общий круг. Ей предложили куски сырой рыбы, приготовленной в кислом соусе. Рыба была совершенно белая, кусочки походили на хлопья, а по вкусу она, как ни странно, напоминала отварную... Съела Анигель также несколько ломтиков дыни, горсть орехов, от предложенного напитка митон, следуя молчаливому предупреждению Имму, вежливо отказалась.

— Местные люди утверждают, что отсюда до Нота всего несколько часов пути, — объяснила Имму принцессе. — Затопленная часть Золотых Топей, где можно пользоваться римориками, скоро кончится. Дальше — сплошь сушь и мелководье. Нам придется на веслах идти к убежищу Белой Дамы. Уйзгу обычно не отваживаются без приглашения приближаться к развалинам Нота, но я объяснила им, кто ты и почему тебя ждет Великая Волшебница.

Старейшина заметно выделялся среди остальных восьми мужчин-уйзгу. На шее он носил массивный золотой воротник, на руках — браслеты. Коротенькая юбка была украшена поблескивающими рыбьими чешуйками. Вокруг глаз — белые круги. Когда Анигель поела, старейшина неожиданно наклонился к ней. Девушка страшно напряглась, стараясь не отшатнуться, когда уйзгу подцепил когтем ее медальон и показал его сородичам. При этом он что-то торжественно проговорил.

Его соплеменники робко вскрикнули — вероятно, трое детишек сообщили старшим о невиданном чуде: великанше, хранящей на груди священный цветок.

— Те уйзгу, которые живут в западной части болот, поддерживают тесный мысленный контакт со своими дру-

зьями, — понизив голос, сказала Имму. — Старейшина сказал, что ты — не единственный лепесток магического Триллиума, направляющийся в Нот. Твоя сестра Кадия счастливо избежала многочисленных опасностей, подстергавших ее, и вместе со своим проводником — должно быть, это Джеган — добралась до деревни ниссомов возле слияния Нотара и Верхнего Мутара.

— Замечательно! — воскликнула Анигель. — Мы можем подождать их в Ноте.

Имму пожала плечами:

— Это уж как решит Белая Дама.

Старейшина снова подал голос. Он указал на север и нахмурился, потом быстро залопотал, вытирая ладони о голову, что у всех оддлингов служило знаком крайнего неодобрения.

— Клянусь Цветком! — прошептала пораженная Имму. — Он сказал, что *третий* лепесток неделю назад вышел из Нота и направился на север в Охоганские горы. Он говорит, что этот человек, наверное, потерял разум — туда нельзя ходить. Виспи не позволяют... Всякому, кто переступит снеговую линию, грозит смерть.

— Он, конечно, говорит о Харамис. Скажи ему, она бы никогда не отправилась в горы, если бы ее не послала Белая Дама. Но зачем?

— Помолчи, — предупредила Имму. — Больше ни слова!

Она обратилась к старейшине — видно, благодарила его за гостеприимство, — потом заговорила с Леббом и Тиреббом, сказав, что пора трогаться в путь.

Старейшина проводил гостей. У самой лодки он повел головой в сторону сбежавшихся сородичей, и миниатюрная женщина, семена, подбежала к принцессе и протянула ей уложенную в сетку бутылку из тыквы.

— Это что, митон? — шепотом спросила девушка у Имму.

— Да, и на этот раз тебе нужно с благодарностью принять его. Это очень ценный дар — они редко преподносят его чужим. Людям же — никогда! Благодарим Владык воздуха, что они не потребовали от тебя отведать его...

Анигель сделала книксен, про себя потешаясь над своим видом — кургузое платьице, грязные спутанные волосы, — и произнесла звучную ответную речь по всем правилам придворного этикета. Казалось, туземцы все поняли. Какая-то сморщенная старушка заспешила в лодку, когда гости уже расселись по местам. Она потрепала Анигель по плечу и, улыбаясь, указала на бутылку.

— Митон! Митон ка пору ти!..

Более молодые родственницы быстро вывели ее из лодки, и Лебб натянул вожжи. Лодка отплыла от причала, а старуха все не унималась:

— Митон ка пору ти...

— Что она говорит? — махая провожающим рукой, спросила Анигель.

— Она говорит, что митон дает силу и храбрость. Вот почему они называют его священным напитком.

— Разве? — заинтересовалась принцесса. — Весьма полезная штука. Как раз в этом я нуждаюсь больше всего.

Имму как бы не услышала ее замечания и сказала:

— У римориков и уйзгу давным-давно установился какой-то странный союз. Они как бы взаимно дополняют друг друга, и более того — с нежностью заботятся одни о других. Риморики храбры и сильны, а уйзгу щедры, зато умны. Их союз скрепляется с помощью митона, они его пьют вместе... В нем смешана кровь обоих народов.

Принцесса застыла, потом машинально схватила за амулет.

— Не знаю, — продолжила Имму, — придает этот напиток мужество или нет. Мой народ не одобряет подобный обычай. Те из нас, кто попробовал митон — и среди ниссомов есть водители римориков, — женятся только на подобных себе и держатся они отдельно. Определенно, здесь действует какое-то колдовство. Ты поступишь разумно, если передашь этот дар Белой Даме или, по крайней мере, посоветуешься с ней.

— Да-да, конечно, — залепетала пораженная девушка.

Она долго сидела молча, рассматривая тыквенную бутылку с таинственным напитком, потом следила за бере-

гом, где далеко на горизонте, в дрожащем мареве, стали ясны снежные вершины Охоганских гор.

Спустя час она неожиданно обернулась к Имму и улыбнулась:

— Только Владыкам воздуха известно, способен ли митон укрепить дух того, кто его отведает. Всякое может быть... Но, посидев с этой тыквой на коленях, я как-то перестала бояться встречи с Великой Волшебницей. Вот это удивительно...

Руины Нота, на первый взгляд более обширные, чем развалины Тревисты, производили куда менее сильное впечатление. Лодка уйзгу проплыла узким каналом, по берегам которого высились полуразрушенные здания, и оказалась в мелкой широкой лагуне, сплошь покрытой источающими крепкий аромат гигантскими желтыми лилиями. Здесь путешественники причалили к прекрасно сохранившемуся небольшому причалу. Склон, сбегавший к воде, порос коротко подстриженной травой, вдоль лестницы с широкими ступенями были разбиты клумбы, где были высажены хорошо ухоженные цветы. По обе стороны от лестницы буйствовали джунгли. Длинношее домашние тогары паслись на лужках. На вершине холма, куда выводили ступени, стоял нарядный беленый домик. Ничего подобного Анигель ранее не видела. Крыша была похожа на огромную копну сена, из-под нее выглядывали снежной белизны стены и подпирающие крышу столбы темного дерева. Из кирпичной трубы струился легкий дымок. Окна были ромбовидные, на подоконниках — ящики с цветами, по бокам — ставни. Дверь состояла из двух половинок — верхней и нижней, которая была закрыта. У порога — плетеная скамейка, на которой спал маленький домашний зверек, полосатый и пушистый; тут же стояла корзина с пряжей, а рядом — прялка. Все вокруг дышало покоем... Анигели так понравилось это местечко, что ее настороженность растаяла.

Имму между тем принялась расспрашивать Лебба и Тиребба, но те, указав на домик, торопливо сгрузили ве-

щи пассажиров, наскоро откланялись и свистом приказали риморикам отплывать.

— Ну и ну! — изумилась Имму и спросила принцессу: — Что ты думаешь по этому поводу?

Но уйзгу теперь не интересовали Анигель. Она заторопила наставницу:

— Шагай быстрее! Ты не поверишь, но я не чувствую никакого страха.

— Опять шагай! — заворчала Имму, но послушно засеменила за принцессой, торопливо перебирая короткими ногами.

Поднявшись по лестнице, женщины скоро вступили в небольшой ухоженный садик. Рядом с плитами, которыми были выложены ступени, росли невысокие деревца, усыпанные круглыми оранжевыми плодами. Посажены они были по окружности, в центре которой возвышалось невиданное растение. Взглянув на него, Анигель обмерла от изумления.

Это был Черный Триллиум высотой около двух элсов. Огромные, с ладонь, цветы украшали стебель.

Имму тут же рухнула на колени и разрыдалась:

— Боже, неужели мы добрались до цели? Владыки воздуха, хвала вам!

Принцесса последовала ее примеру и грациозно опустилась на колени. И тут случилось чудо. Впереди, рядом с Черным Триллиумом, возникла туманная фигура.

— Госпожа? — спросила Имму. Голос ее дрожал.

Фигура медленно повернулась, лучи заходящего солнца осветили лицо — все в морщинах, измученное, скорбное, и только голубые глаза сияли. Женщина была в свободном платье из беленой холстины и серебристой вуали, наброшенной на прямые, совершенно седые волосы. Одна рука ее была протянута вперед — сухая, с проступающими жилами, чуть подрагивающая. На безымянном пальце — платиновое, с филигранью, кольцо, в большом янтарном кабашоне был запечатан Черный Триллиум.

— Я — Великая Волшебница Бина, — сказала старая женщина. — Добро пожаловать!

Анигель тут же вскочила на ноги, Имму же даже шевельнуться не могла. Грудь принцессы что-то обожгло, и она вытащила свой амулет: он пульсировал — свет то усиливался, то ослабевал в такт с биением ее сердца.

Старая женщина улыбнулась и жестом поманила Анигель за собой. Шла она медленно, с трудом переставляла ноги, опираясь на палочку из серебристого металла. Анигель покорно двинулась вслед за ней. «Кому могло прийти в голову, что Белая Дама внушает страх», — промелькнуло в голове у девушки.

— Ты, должно быть, очень удивилась? — засмеявшись, спросила Бина. — Правильно, меня не надо бояться, милое дитя. Я твоя крестная, ты вполне можешь доверять мне.

— Я доверяю! — горячо воскликнула Анигель.

Великая Волшебница задержалась у священного растения.

— Это последний живой цветок на нашей земле. Как ни странно, но и он гибнет... Как и я.

Анигель вскрикнула, но старая женщина приложила палец к ее губам:

— Здесь, если позволит Господь наш, вырастет другой цветок. Ты догадываешься, почему я упоминаю об этом?

— Да, — кивнула девушка, — но я так слаба и боюсь, что не смогу одолеть такую ношу, а тогда ваш план...

— Успокойся, — поморщилась Бина. — Такие рассуждения действительно не доведут до добра. Смотри смелее, добавь капельку любви, твой дух должен быть ясен и безмятежен, тогда ты сможешь ступить на путь добра, а значит, побороться за правду. Взгляни, как сдержанны и бесстрастны эти цветы, питающиеся тем, что уловят их листья, что добудут корни. Взгляни, как они покорно и радостно следуют за солнцем. Потом они дадут семена, их посеет ветер, а это растение умрет. Так же безмятежно, невозможно...

Анигель, зажмурившись, покачала головой:

— Простите, госпожа... Я немного туповата... Значит, мой удел — погибнуть за родину?

— Не знаю, — ответила волшебница. — Знаю только, что тебе предстоит совершить нечто очень важное, и тогда ты познаешь самое себя. Тебе тоже будет знамение — талисман укажет, когда начнется решающее сражение за Рувенду и за твою собственную душу. Впрочем, борьба началась... Твоя сестра Харамис уже в пути. Твоя сестра Кадия скоро прибудет сюда. Каждому лепестку будет назначено испытание по мере сил его, и когда минет срок — лепестки встретятся, сольются в едином животворящем Триллиуме. Что грядет далее, мне неизвестно.

Анигель побледнела, но стояла твердо, силу ей давал амулет, зажатый в руке.

— Этот дар, что был вручен мне при рождении, — он поведет меня?

— Случится и это. — Бина сорвала широкий лист Триллиума и показала принцессе. — Взгляни, этот лист служит как бы условной картой Рувенды. Здесь, на кончике, Нот, вот эта извивающаяся золотистая жилка — водный путь, по которому тебе придется пройти, чтобы овладеть своим магическим талисманом. Сначала по Нотару, потом по Верхнему Мутару, затем по Нижнему...

Анигель жадно разглядывала листок священного цветка.

— Но этот водный путь бежит дальше и переходит в черенок. Ой, вот петля, где Мутар огибает Цитадель, а вот и озеро Вум — из него вытекает Великий Мутар, который течет по землям вайвило и диких глисмаков. — Она удивленно посмотрела на волшебницу. — Я должна попасть туда? В Тассалейский лес?

— Выходит, так, — кивнула Белая Дама. — Я сама не знала, что расскажет нам лист. — Она покачала головой. — Какой долгий путь! Моя маленькая, самая любимая... Что поделать!.. Хорошо, что тебе хотя бы придется спускаться вниз по течению.

— И что же я там должна совершить?..

— Тебе откроется. — Лицо старой женщины подернулось гримасой боли.

Имму, которая успела встать с колен, оказалась совсем рядом. Заметив, что Белой Даме не по себе, она броси-

лась вперед, схватила ее под руку. Анигель поспешила с другой стороны. Они помогли волшебнице добраться до домика, усадили в огромное мягкое кресло. Имму принесла воду в чашке.

— Не стоит так беспокоиться, мои дорогие, — сказала старая женщина. — Я пока не умираю. Моя работа еще не выполнена до конца. Просто я очень, очень устала.

Поколебавшись, Анигель решительно отстегнула от пояса сухую тыкву с митоном:

— Вот это подарили мне уйзгу. Они утверждали, что митон придает силу и смелость.

— Это твой подарок. Береги его пуще глаза, но используй, только когда положение станет безвыходным.

— А как это определить?

Бина ничего не ответила. Она закрыла глаза, задышала громче, ровнее. Анигель растерянно глянула на нее, потом на Имму, потом вновь на волшебницу и наконец решилась.

— Может, вы подскажете, где мне искать мой талисман? — робея, спросила она.

— А-а... В конце черенка. — Голос Великой Волшебницы был едва слышен.

— Но вы не сказали, что это такое...

Бина безмолвно глянула на нее.

— Ну пожалуйста!.. — Анигель заплакала. — Скажите, что я должна искать?

— Не что, а кого, — едва слышно откликнулась Белая Дама.

— Кого же?

— Трехглавое Чудовище, — прошептала Бина и погрузилась в сон.

Глава 16

У порога королевской опочивальни Зеленый Голос на мгновение замешкался, с жалкой, извиняющейся гримасой на лице расстегнул висевший на поясе мешочек и достал оттуда четыре маски, сделанные таким образом, чтобы закрывать нижнюю часть лица, — две зеленые, разных

оттенков, голубую — для себя, черную с серебряной отделкой — для своего хозяина.

— Прежде чем войти к его величеству, нам придется воспользоваться вот этим. — Он раздал маски и добавил: — Гниение никак не удастся остановить, там, — он указал на дверь, — просто невозможно находиться. Дух стоит такой, что крепкого мужчину может стошнить, а кто послабее — просто падает в обморок. Эти маски изнутри выложены ароматическими травами и смогут примерно на полчаса защитить от зловония. Повелитель, вам хватит времени? — обратился он к Орогастусу.

Маг кивнул. Глаза у него посуровели, и если он и опасался исхода предстоящего разговора, никто из Голосов не уловил колебания или страха в его тоне. Ментальный барьер, который поставил Орогастус, был прочен как никогда.

Результаты применения магической золотой пилюли оказались плачевными. Королевский лекарь — пьяный, рыдающий, трясущийся от страха — с трудом смог вымолвить, что спасения нет. То есть спасение было, но он не только что выговорить — подумать об этом он не смел. Зеленый Голос, не теряя ни минуты, телепатически переслал сообщение Орогастусу, возвращавшемуся из Тревисты. Тот немедленно приказал дать гребцам плетей, и уже через пять часов корабль достиг Цитадели. Допрос лекаря продолжался недолго — тот подтвердил диагноз, опять же ни словом не обмолвившись о единственной возможности. Впрочем, всем и так все было ясно...

— Открой дверь, — приказал Орогастус.

Зеленый Голос с поклоном повиновался.

Опочивальня раньше принадлежала королю Крейну. Ее поспешно переоборудовали, сменили мебель, стены обили малиновым, любимым лаборноками шелком. Здесь царила темнота. В камине, встроенном в торцевую стену, тускло тлели раскаленные уголья; на столе, где стоял медный таз, были разложены перевязочные материалы и какие-то инструменты и снадобья. Тускло светила одна-единственная свеча. Огромная кровать стояла на возвы-

шении, вокруг нее со всех четырех сторон едва угадывались во мраке пустые кресла.

Колдун тихо приказал Зеленому Голосу:

— Принеси два канделябра со стола и зажги свечи. Потом освободи стол и передвинь его поближе к кровати — с той стороны, где находится больная рука его величества. Синий Голос, приготовь магический прибор. Кажется, мы успели в последнюю минуту.

Неясная фигура зашевелилась под простынями, потом раздался громовой голос:

— Кто здесь? Это опять ты, чертов лекаришка? Снова пришел мучить меня? Вон!.. Я хочу спокойно умереть.

— Здесь я, ваше величество, — ответил Орогастус. — И вы не умрете. — Он осторожно приподнял левую руку короля, отчего тот сразу заорал во весь голос:

— Сукин сын! Оставь меня в покое!.. Твоя дурацкая пилюля помогла, но ненадолго. Целый день боли не было, а потом опять началось. Ах, Зото, будь милостив ко мне! Это их работа, этих колдуний! Принцессы! Это их месть... Боже, за что я так страдаю!

— Он бредит, — сказал Орогастус.

Он вынул из складок своего плаща маленькую коробочку из малахита и открыл ее — там лежало шесть золотых шариков. Колдун взял один, бросил его в кубок, закрыл и убрал коробочку. Потом налил в кубок воды, тихо приговаривая что-то. Когда золотая пилюля растворилась, он протянул кубок королю. Волтрик выпил содержимое и с глухим стоном откинулся на подушки.

Узким острым ножом Орогастус разрезал повязки, которыми была обмотана раненая рука, затем поместил ее на придвинутый стол и принялся внимательно изучать. Сильный жар исходил от зараженной плоти, рука покраснела до середины предплечья, а раздувшиеся пальцы были покрыты синюшным налетом. Невзирая на маски, присутствующие ощутили страшное зловоние. Маг отдал кое-какие распоряжения. Голоса сразу засуетились — Синий и Зеленый раскрыли кожаную сумку и, достав что-то, поставили на стол. Орогастус шагнул поближе к изголовью кровати.

— Что вы делаете? — закричал король, пытаясь подняться с подушек. — Оставьте в покое мою руку, вы, черви навозные! Изменники! Я все о вас знаю, все! Вы посланы этими рувендийскими сучками, чтобы прикончить меня.

— Смотри мне прямо в глаза, — негромко приказал Орогастус. — Смотри, и тебе станет легче.

Колдун обеими руками сжал голову короля и повернул ее таким образом, чтобы их взгляды встретились. Волтрик застонал, потом без чувств опустился на подушки.

Орогастус вернулся к столу и взял в руки необычный предмет. Он напоминал собой куб, правда, на одной из сторон выпячивалась выпуклость, похожая на звериную морду. На верхней грани располагались в несколько рядов черные и красные шишечки, возле которых были нанесены магические знаки, а чуть повыше находился помещенный в рамку маленький серый прямоутольник, более похожий на затянутое бельмом око. Колдун нажал пальцем на одну из шишечек, потом на другую, и око неожиданно ожило — оно загорелось тусклым голубоватым светом, и тут же на нем возникли странные волнистые иероглифы. Пораженные Голоса отпрянули от прибора. Красным светом вспыхнула одна из шишечек, золотистым — другая...

— Держите руку в неподвижном состоянии, — распорядился Орогастус. — Пойте гимн об исцелении, но на машину не смотрите. Это устройство Исчезнувших может лишить зрения человека, который будет смотреть на ее работу незащищенными глазами.

Колдун придвинул куб к локтю раненой руки, а три Голоса заунывно запели в унисон. Потом Орогастус вытаскивал какие-то странные темные стеклышки, скрепленные одно с другим серебряной дужкой, и натянул их на нос. Наконец он надавил пальцем на самую большую шишечку. Дрожащий бело-голубой луч не толще шерстяной нитки вырвался из ноздри выдавленной на кубе морды. Маг передвинул устройство так, чтобы луч коснулся руки. Слепая световая игла уперлась в столешницу, по-

слышался характерный треск горящего дерева, пошел дым, затем луч коснулся больной руки чуть пониже локтя. По коже внезапно побежал дымящийся угольный след, щель начала расширяться... Голоса прекратили пение, замерев от страха...

— Вот и все,— объявил Орогастус и нажал на шишечку.

Луч погас. Колдун снял стеклышки и поднес обрубок руки к глазам. Внимательно изучил... Удовлетворенно хмыкнул.

— Отлично. Гниение еще не захватило всю руку. Плоть под кожей пока здорова.

Он еще раз нажал какую-то шишечку, и прямоугольное око погасло, опять затянулось пленкой.

— Синий Голос, заверни отрезанную конечность и сожги ее. Смотри, не прикасайся голыми руками к ране... Потом упакуй прибор и хорошенько протри рану самым крепким бренди. Вытирай также лоб и виски короля. Необходимо сменить белье и одежду его величества. Зеленый Голос, прокали на огне новую повязку и затем перебинтуй рану королю. Смотри, не прикасайся к зараженным местам! Позже я дам тебе и этому кретину лекарю соответствующие указания, которые необходимо скрупулезно выполнять.

— Повелитель, пиявки следует заменить? — Зеленый Голос был немного удивлен безразличием Орогастуса к самому чудодейственному средству, которое он знал.

— Прежде сменить одежду и белье, дурак! Не спускать с короля глаз.

Пока Голоса занимались Волтриком, Орогастус подошел к окну, раздвинул тяжелые темно-вишневые шторы и распахнул створки. В спальне сразу стало светло, повеяло свежим ветром. Через несколько минут, когда отрезанная конечность сгорела в камине и вонь почти улетучилась, Орогастус снял маску. Он был бледен, губы крепко сжаты. Маг приблизился и в упор посмотрел на короля:

— Волтрик, ты меня слышишь?

Король шепнул:

— Слышу...

— Ты был на пороге смерти, мой господин. Я спас тебя, когда все другие уже отчаялись. Ты будешь жить. Правда, придется еще немного помучиться, но через несколько недель ты станешь таким же сильным, как и прежде. Я, Орогастус, клятвенно заверяю тебя.

— Благодарю.— Волтрик помедлил, потом спросил: — Ты отрезал мне руку?

— Да, государь.

Король долго смотрел на него.

— Значит, так тому и быть. В конце концов, это не та рука, в которой держат меч. Благодарю тебя, Зото неистовый, и тебя, мой первый министр.

Стон вырвался у него, когда Голоса принялись менять на нем длинную ночную рубашку. Потом они надели новые наволочки, постелили свежие простыни и вновь пербинтовали культю. Когда все было закончено, король слабым голосом приказал:

— Отошли своих слуг. Я хочу поговорить с тобой о государственных делах.

Маг обратился к Голосам:

— В течение часа я покину Цитадель и отправлюсь на гору Бром. Проследите, чтобы отряд сопровождения состоял из отборных рыцарей и чтобы им были выданы свежие и самые сильные фрониалы.

— Будет исполнено, повелитель.— Голоса с поклоном попятились к двери.

— Ты уезжаешь? — удивился король.

— Мои слуги проследят за вами. Мне крайне необходимо вернуться в Лаборнок для того, чтобы пообщаться с ледяным зеркалом. Только с его помощью я смогу выведать, что замышляют враги.

Взгляд короля затуманился.

— Как раз на эту тему я и хотел поговорить с тобой. Что там слышно насчет этих трех грязных девок?

— Ничего. Предводительница туземцев в Тревисте отказалась сотрудничать с нами в розыске. Если бы мы по-

пытались угрожать, оддлинги разорвали бы с нами торговые отношения.

Король выругался:

— Нам в любом случае необходимо отыскать принцесс.

— Мои слуги и я прилагаем все силы, используя как армию, так и магию, чтобы обследовать не только город, заселенный оддлингами, но и самые отдаленные части Рувенды. Пока наши попытки не увенчались успехом. Чье-то враждебное вмешательство ослабляет мою проникающую способность. Как известно, принцессы хранят у себя три священных амулета — это обычные медальоны из темного, но прозрачного янтаря, внутри которых запечатаны бутоны Черного Триллиума. Скорее всего, помехи создают именно эти амулеты. Цветок этот имеет прямое отношение к Бине — помните, я вам рассказывал? Эта дама является хранительницей Рувенды и, вероятно, через амулеты снабжает своих подопечных мощным зарядом ментальной энергии.

— Твое зеркало способно разорвать эту связь?

— Вне всякого сомнения. Это устройство было изготовлено Исчезнувшими. В мире пока нет преграды, способной противостоять его проникающей силе. Оно способно пронизать ясновидящим взглядом расстояние в пять тысяч лиг, то есть ему доступна вся западная граница континента, даже те области, где живут покрытые перьями варвары. Не беспокойтесь, мой король, я отыщу принцесс, где бы они ни скрывались.

— Хорошо, ты выследишь этих дьяволиц. Что потом? Они опять растворятся в проклятых джунглях, пока ты вернешься в Рувенду и отдашь необходимые приказания.

Орогастус рассмеялся:

— Это уже по моей части. Как только я определю их местонахождение, я тут же свяжусь со своими Голосами, которые будут находиться здесь, в Цитадели. Мы сразу направим хорошо вооруженные отряды, и кто-то из Голосов будет сопровождать их. Я буду постоянно передавать сообщения и наводить наших людей, пока мы не захватим их.

— Хорошо.— Король помолчал, потом спросил: — Эти девицы на самом деле заговорили мою рану, чтобы погубить меня?

— Такие случаи известны, но на этот раз, полагаю, все развивалось естественным путем. Заражение есть заражение... Но теперь вы быстро поправитесь. Несчастье в другом — то, что причиняет вам столько неудобств, не может быть вылечено с помощью какого-то снадобья. Есть только один выход — дальнейшая решительная интервенция.

Король закрыл глаза. Задумчивая улыбка появилась на его лице.

— Да, ты появился вовремя. Мой дорогой сынок Антар, должно быть, теперь локти кусает от досады, корона-то была совсем близко...

Маг сухо ответил:

— Его высочество принц Антар очень хорошо проявил себя в походе на Тревисту. Он неустанно молил небеса о вашем выздоровлении.

— Хм! Твой Зеленый Голос передал мне изображение его разговора с этой провидицей. Антар уступил ей по всем статьям, растаял, как свадебный торт под дождем.— Король резко вскинул брови.— Как ты считаешь, чародей, мой сын хранит верность короне?

— Скоро мы найдем ответ на этот вопрос. Пусть он возглавит один из поисковых отрядов, которые мы пошлем по следам принцесс.

Глава 17

Харамис проснулась от слепящих солнечных лучей, покалывавших веки, и от дурного предчувствия. Вокруг царила тишина. Это смущало... До сих пор Узун всегда поднимался первым, хлопотал по хозяйству, так что ее всегда будило легкое шарканье, звяканье котелка и кружек, треск горящих поленьев. Теперь, уже ясным днем, до нее доносились только посвист ветра и пение редких птиц, но никаких признаков присутствия Узуна. Если бы он проспал, она бы наверняка услышала его храп.

Принцесса резко перевернулась на другой бок — вот его спальный мешок, музыкант еще в нем. Харамис вскочила, сразу отметив, что температура сегодня куда ниже, чем вчера. Вот что значит чистое ночное небо! Бросила взгляд на занавешенное вдали облаками небо — не дай Бог, грянет буря!

Ползком приблизившись к Узуну, она начала развязывать шнурки его капюшона, чтобы освободить лицо. Оно было умиротворенным и бесчувственным. У Харамис сжалось сердце. Старый музыкант выглядел, как покойник.

— Владыки воздуха! — взмолилась принцесса. — Мне бы следовало еще вчера отослать его! Или даже раньше... — Она затрясла маленького оддлинга за плечи. — Ну, миленький Узун, проснись. Только не умирай! Ну, пожалуйста!

Его тело было мягким, податливым, свободно подчинялось любому движению, и где-то в глубине сознания у Харамис мелькнула мысль, что после смерти члены твердеют и уже не могут сгибаться и разгибаться так, как у Узунa. Возможно, музыкант еще жив?

Она прилетела возле него, приложила ладонь ко рту. Казалось, прошла вечность, прежде чем она кожей почувствовала его дыхание — едва осязаемое дуновение холодного воздуха, потом нестерпимо долгая задержка и, наконец, новый выдох. Он, без сомнения, был жив, но следовало как можно скорее переместить его в более теплое место.

Принцесса укрыла его своим спальным мешком, быстро сунула рюкзак под скалу и воткнула рядом посох с металлическим набалдашником. Потом взглянула на облака. Она могла поклясться, что сегодня снегопада не будет, поэтому, вернувшись сюда вечером, она сможет отыскать свое снаряжение. Кто может пожить у нее припасами? Звери здесь не водятся...

Харамис накинула на плечи лямки рюкзака Узунa, подтащила оддлинга прямо в спальном мешке — благо, ее друг был легкий — к длинному снеговому языку, спускавшемуся по склону, и поволокла спальник вниз. Дви-

гаться таким образом оказалось гораздо удобнее, чем тащиться вверх. К полудню она добралась до места предыдущей ночевки.

О, ту ночь они провели просто замечательно — в глубокой нише, образовавшейся под двумя сцепившимися скалами-останцами. Здесь было сухо, совершенно безветренно, и задняя, сглаженная временем стена на ощупь казалась теплой. Харамис прислонила Узуна к каменной твердыне, а сама занялась костром. Угли и головешки с позавчерашнего вечера так и валялись у входа в этот живописный естественный грот. В тот день подготовкой к ночлегу занимался Узун — он искал дрова, готовил ужин, но все это происходило на глазах у принцессы, так что ей не составило труда отыскать карликовые деревца, стайками прятавшиеся среди утрюмых скал.

Вернувшись с дровами к стоянке, она вновь проверила, как чувствует себя ее товарищ. Узун все еще был без сознания, однако дыхание его участилось, стало вполне ощутимым. Это был добрый знак. Харамис развела костер у входа в грот, набрала в котелок воды из ближайшего голосистого ручейка, вскипятила ее и заварила чай. Почувствовав душистый аромат горячего настоя из трав, Харамис едва справилась с голодными спазмами. Ей ни в коем случае нельзя было поддаваться хвори, и она тут же закусила тем, что было уложено в рюкзаке Узуна. Запила чаем...

«Он отправится вниз, на равнину, — подумала она. — К реке... Еды ему много не потребуется... Скоро он доберется до тех мест, где пищи достаточно».

Тем временем чуть поостыл чай, налитый в кружку Узуна. Принцесса положила его голову повыше и осторожно влила немного жидкости в чуть приоткрытый с помощью ножа рот.

После первых капель Узун по-прежнему оставался неподвижен — даже его нижние длинные клыки выглядели жалко, беспомощно. Потом он чуть заметно вздрогнул и новую порцию чая уже проглотил сам, потом почмокал толстыми губами и внятно прошептал:

— Слишком устал...

— Да, мы очень устали,— согласилась принцесса.

Напоив его чаем, Харамис прислонилась спиной к стене. Неожиданно рядом на шершавом камне заиграли солнечные лучи. От костра веяло согревающим, уютным, чуть припахивающим дымком теплом. Она невольно смежилась веки...

— Принцесса! — тихо позвал ее кто-то.

Харамис открыла глаза. Узун осмысленно смотрел на нее, потом перевел взгляд в сторону, оглядел стены; повернув голову, он удивленно взглянул на огонь:

— Что мы здесь делаем? Неужели сюда завело нас семечко? Где мы? Что случилось?

Харамис встряхнула головой, чтобы прийти в себя. Она никогда до этого не спала днем — разве что когда бывала больна — и чувствовала себя какой-то оглушенной.

— Ох, чайку бы сейчас,— прошептала она.— Как чаю хочется...

Она потянулась к своей чашке, выпила чай и только теперь смогла подняться на ноги.

Узун, извиваясь подобно червяку, выполз из спального мешка, легко встал, быстро сбежал за водой и вновь поставил на огонь котелок.

Удивлению Харамис не было предела. Вот это да! Час назад он погибал от переохлаждения, но стоило ему согреться, и он как ни в чем не бывало скачет по горам. Теперь нет никаких сомнений: музыкант сможет в одиночку вернуться назад.

Он угостил ее горячим напитком. Харамис медленно, маленькими глотками выпила его, после чего почувствовала себя намного лучше.

— Узун,— обратилась она к музыканту.— Знаешь, что мне пришло в голову, пока я тащила тебя вниз в спальном мешке? Не слишком ли много времени мы провели в библиотеке и в музыкальной комнате? Мы с тобой вели себя, как два самодовольных, уверенных в своем превосходстве идиота. Эдакие избранные, возвышенные натуры... Белая Дама предупреждала меня, что я должна буду

расстаться с тобой еще до того, как достигну цели. Но она никак не могла предположить, что мы окажемся такими беспомощными и, скажем прямо, наивными людишками, которые способны сами шагнуть в пасть смерти.

Оддлинг внимательно посмотрел на нее:

— Я, кажется, узнаю это место. Мы здесь ночевали два дня назад.

— Да,— кивнула Харамис.— Этим утром я проснулась и обнаружила, что жизнь в тебе едва теплится. Признаюсь, сначала я подумала, что ты умер. Ты едва дышал, а тело твое было таким же холодным, как и воздух. Тогда я укутала тебя в оба наших мешка и спустилась к месту предыдущей стоянки. Я надеялась, что ты выдержишь. Хвала Триединому, все обошлось. Теперь у тебя все в порядке, правда?

Узун кивнул:

— Я чувствую себя вполне сносно. Только чуть-чуть бьет озноб, а так ничего серьезного. Я вполне готов продолжить путь.

— Вот и хорошо,— сказала Харамис.— Теперь, когда мы выбрались из полосы снегов, тебе будет легче отправиться назад. Я же продолжу восхождение.— Она достала из его рюкзака рыболовную снасть.— Ты пока отдохни, а я отправлюсь на рыбалку, может, удастся поймать что-нибудь на ужин.

— Нет, принцесса,— возразил Узун.— Ты и так потеряла со мной два дня. Пора выпускать семечко — и в дорогу!

— Двух дней, мой друг, все равно не вернешь, даже если я отправлюсь немедленно. Снегопада я сегодня не ожидаю и спокойно вернусь в наш вчерашний лагерь по своим следам — мне даже семечко тратить не придется. Так что обо мне не беспокойся, я немного отдохну и отправлюсь в путь. Слава Триединому, ты остался жив.

— Ты считаешь, мне очень радостно покидать тебя в такую минуту? — Узун выглядел очень расстроенным.

— Конечно, ничего хорошего в этом нет. Но, мой милый Узун, не напоминает ли тебе нынешняя ситуация сю-

жеты древних героических баллад? Помнишь, как мы волновались, слушая их, как сильно начинало биться сердце, какие возвышенные мысли теснились в голове? Вспомни, разве главным в них была героическая смерть, разве не чувство исполненного долга вызывало наше восхищение? Если мы отнеслись бы к древним стихам более разумно, более вдумчиво, то не наделали бы столько нелепых ошибок. Я бы не гнала тебя бездумно на верную гибель, ты бы вовремя напомнил мне, что сил больше нет. Разве этому учили нас предки, закрепляя свой опыт в звучных строфах? Какая польза Рувенде, замерзни ты в этих безлюдных местах? Какая польза, если бы ты умер у меня на руках и я бы от горя и отчаяния потеряла голову? То, что у нас есть цель, что мы не принадлежим себе, вовсе не значит, что мы непременно должны погибнуть. Победить — да, мы обязаны, но нестись сломя голову, не замечая ничего вокруг, не имеем права. Вот к какому выводу я пришла: потеря двух дней — ничто по сравнению с твоей или моей жизнью. Более того, с этой минуты не семена священного цветка будут командовать нами, а я ими. — Она задумчиво оглядела окрестности, а потом продолжила: — Может... Может, королева и должна в критических случаях жертвовать жизнью своих подданных. То есть имеет на это право... Но, клянусь Владыками воздуха, если мне когда выпадет такая доля, то для подобного решения будут весьма веские причины.

— Выходит, — с болью произнес Узун, — ты лишаешь меня права пожертвовать жизнью ради тебя?

— Не совсем так, — ответила Харамис. — Кто может запретить человеку распорядиться своей жизнью? Но речь идет об исполнении долга, а риск, сопутствующий ему, — дело второстепенное. Вот в каком смысле я говорю о своих правах. В настоящую минуту я не считаю, что наступила необходимость пожертвовать твоей жизнью ради достижения цели. Кроме того, если ты сейчас отдашь Богу душу, где я найду другого музыканта, когда верну себе трон? Кто будет учить моих детей играть на флейте?

Узун улыбнулся:

— Ну и мечтательница же ты, принцесса. Хитрая мечтательница... Итак, я возвращаюсь на родину и жду твоего вызова — подвиги ли совершать, учить ли детей музыке, мне все равно.

— Вот и прекрасно. А я скоро отправлюсь в путь. Ты пока поспи, мой друг.

Музыкант охотно кивнул в ответ и полез в спальный мешок.

— Я тоже немного отдохну, — добавила Харамис.

— Принцесса, просыпайся! — Узун решительно тряс ее за плечо. — Надвигается снегопад, надо немедленно отправляться в дорогу.

Харамис открыла глаза. Небо совсем затянули низкие лохматые тучи. Снегопада можно было ждать с минуты на минуту.

— Принцесса, где твой мешок? — Узун по-прежнему тряс ее за плечо.

— Я оставила его на нашей вчерашней стоянке. Надеюсь вернуться и отыскать его... Значит, надо спешить. Ты тоже не медли. По снегу ты далеко не уйдешь.

— Верно, — согласился музыкант и сунул в руки принцессе ломоть хлеба и чашку горячего чая. — Подкрепись на дорожку. Пусть помогут тебе Владыки воздуха.

— Тебе тоже, друг... — Она крепко обняла его на прощание, затем начала взбираться по тропинке.

«Только бы не пошел снег», — подумала она.

Вверх Харамис теперь поднималась довольно быстро — дорога была ей известна. Помогла и погода. Снег, мелкий, редкий, пошел, когда она одолела половину пути, так что, добравшись к вечеру до места прежней стоянки, девушка легко отыскала свой рюкзак — его всего на пять дюймов покрыл снег. Принцесса откопала его, немного поела и легла спать.

Снег повалил гуще — перед глазами замелькала серая пелена. Уже устроившись в мешке, она почувствовала, как сильно устала. Никогда до этого дня она не оставалась одна. Совсем одна... До вторжения рядом всегда бы-

ли родители, сестры, Узун, слуги и другие обитатели Цитадели. Последнее время этот круг ограничивался музыкантом, исключая те несколько часов, что она провела в обществе Великой Волшебницы. И что интересно: все эти годы она мечтала об уединении, о тихом, укромном уголке... Тишина, уютный домик, и пусть большими хлопьями падает снег, это вызывает в душе светлую грусть...

Она невольно рассмеялась — с домиком придется по-временить, а снега и тишины здесь сколько угодно. Однако ничего, кроме тревоги, страха и — в глубине души призналась она сама себе — отчаяния, эти приметы романтического одиночества не вызывали. Ей теперь досталось созерцание. Можешь задумываться о смысле жизни, философствовать сколько душе угодно, решать важные проблемы — что это изменит? Куда больше вопросов оставалось без ответа. Почему Узун не признался, что больше не в силах продолжать путь? Почему Бина столь легкомысленно отнеслась к его физическому состоянию, посылая его в такое трудное и опасное путешествие? Почему не предупредила ее, Харамис, о необходимости отправить музыканта назад?

Конечно, ей, Харамис, тоже пришлось нелегко, но она все-таки помоложе.

«Я — королева Рувенды, — с горечью подумала она. — На мне лежит огромная ответственность, поэтому мне нужен мудрый совет. Нужен рядом человек, который способен разбираться в людях. Он должен подсказывать, кому я могу доверять, кому нет. Вот, например, Узун. Оказывается, он способен промолчать, даже когда речь идет о жизни и смерти. Кому нужна его смерть? Впрочем, Кадия тоже такая — всегда берет на себя больше, чем следует, а если и понимает, чтохватила лишку, никогда не уступит без спора. Что касается Белой Дамы, то с нею совсем непонятно — неужели гибель Узуна входила в ее планы? Или она просто не обращает внимания на подобные мелочи?»

Даже любимые родители — в конце концов Харамис пришла к подобному неутешительному выводу — едва ли были мудрыми правителями, людьми, сведущими в ми-

ровой дипломатии. Все, что творилось в Лаборноке, — подготовка к вторжению, невиданный шовинистический угар, козни колдуна на горе Бром, — было хорошо известно при рувендийском дворе, но никаких мер не было принято. Даже если Харамис не хотела выходить замуж за Волтрика, ее отец мог бы начать переговоры по этому вопросу, хотя бы высказать озабоченность по поводу огромной разницы в возрасте. Можно было предложить кандидатуру сына Волтрика... Как его, кстати, зовут? Антар. Если же они хотели породниться с Варом — славная, между прочим, идея, — то рядом была Кадия... Хотя, конечно, ее сестру трудно представить чьей-либо женой. Такому мужчине не позавидуешь. Вот Анигель — невеста лучше не придумаешь. Ее за кого угодно можно отдать.

«Если я легко пришла к таким выводам, почему же родители не сообразили? — подумала Харамис. — Почему всецело доверились Белой Даме?.. Очевидно, — вздохнула она, — очень важно верно оценивать способности того или иного человека. Впрочем, и намерения тоже... Иначе помощь, принятая бездумно, может столько бед натворить...»

Но кто ей поможет сейчас? С этой мыслью принцесса погрузилась в сон.

Глава 18

Услышав о том, какого рода талисман ей предстоит отыскать, Анигель едва не лишилась чувств. Трехглавое Чудовище! Подумать только! Подобная перспектива могла бы устроить кого угодно, даже отважную Кадью или разумную, уверенную в себе Харамис. Разве не смешно, что именно ей назначено найти и покорить этого монстра? Это невозможно!

Она так и заявила Имму — вся в слезах, сотрясаясь от рыданий (Великая Волшебница между тем сладко похрапывала в кресле), однако ее спутница трезво рассудила:

— Ну что ты заладила? Подумаешь, чудовище! Не всякое же страшилище похоже на скритеков. Не у всех же такие кровожадные глаза, огромные клыки и когти! Это

название еще ни о чем не говорит. Пока ты его своими глазами не увидишь, и печалиться не о чем. Вот встретишь, тогда другое дело.

Эта речь немного успокоила Анигель. Пора было приниматься за дело. Пока хозяйка мирно почивала, они привели в порядок дом, потом, заглянув в набитую припасами кладовую, набрали продуктов и приготовили замечательный обед. Насытившись, устроились у горящего камина отдохнуть и сами не заметили, как заснули.

Утром Великая Волшебница исчезла.

Все вокруг оставалось прежним. Анигель и Имму проснулись почти одновременно и в первые мгновения, спростоня, удивленно таращили глаза на окружающее. Все тот же ухоженный дворик, ровно подстриженная трава, Черный Триллиум в окружении низкорослых фруктовых деревьев... Та же лестница с тщательно выметенными плитами, широкими ступенями, а внизу маленький причал, где они вчера ступили на землю.

Они обнаружили, что лежат не у камина, а в своих походных спальных мешках, прикрытые огромными листьями брудока — дерева, которое одлинги называют «другом путешественников». В дороге оно может укрыть человека своими широкими мясистыми листьями, накормить сладкими плодами. Если бы не развалины Нота, проглядывающие в прогалах, можно было подумать, что какая-то неведомая сила перенесла их в самую чашу.

Анигель невольно вскрикнула, на мгновение ей показалось, что вчерашняя встреча с Белой Дамой — только сон, но затем, откинув со спальника зеленое покрывало, она обнаружила у изголовья лист волшебного цветка, на котором был изображен маршрут ее будущего путешествия. Имму тоже его заметила.

— Смотри, смотри! Белая Дама оставила нам подарок.

Анигель проворно выползла из мешка и добралась до берега лагуны. Там, среди зарослей тростника и чашечек золотых лилий, покачивалась на мелкой ряби небольшая устойчивая лодка. Она совсем не походила ни на суденышки уйзгу из пучков камыша, ни на объемистые по-

судины ниссомов, выдолбленные из стволов гигантского дерева коло, каких немало крутилось возле Цитадели.

Еще одна необычная деталь привлекла внимание женщин: кроме обычных весел, которые были уложены на дне лодки, на носу возвышалось какое-то странное приспособление, через которое были пропущены постромки. Кожаные вожжи с одной стороны были привязаны к передней банке, с другой — через два кольца, укрепленные на самом форштевне, убегали в мутную воду.

— Тебе не кажется...— начала Анигель, разглядывая лодку, и тут же отчаянно вскрикнула.

Совсем рядом с берегом из воды высунулись две уса-тые, большеглазые, с огромными клыками морды. Они враждебно зашипели.

— Риморики! — воскликнула Имму.— О, Господи!

— Но... где же уйзгу? — Принцесса с недоумением взглянула на воспитательницу.

— Кажется, Белая Дама решила, что мы вполне годимся для роли кормчих.

Анигель прикрыла ладонью рот:

— Ты считаешь, справимся?

— Нет, принцесса Анигель, — торжественно объявила Имму.— Эти звери работают не за страх, а за совесть, и только с теми, с кем подружились. А подружиться они могут лишь с теми, кто отведал священный напиток митон.

Анигель вздрогнула, потом, спустившись к самой кромке воды, обратилась к риморикам:

— Белая Дама прислала вас, чтобы помочь нам?

В ответ оба зверя злобно зашипели, потом принялись нетерпеливо нырять и бить когтистыми лапами по воде.

Анигель закрыла глаза:

— Имму, а можно не пить этот митон?

— Нет, дитя мое, — мягко ответила женщина.— Тебе его подарили уйзгу... Теперь ты знаешь, с какой целью.

Имму оставила девушку наедине со своими думами, а сама поднялась в домик, собрала вещи, запас продуктов. Вернувшись, она уложила все в лодку, потом, вздохнув, достала тыквенный сосуд и протянула его принцессе.

Анигель взяла его, руки у нее дрожали. Страшно побледнев, она откупорила бутылочку и подняла так, что риморики могли видеть ее.

— Мне надо выпить, правда? — спросила она зверей.

Те замерли, прекратили шипеть — только их носы и большущие черные глаза виднелись на поверхности.

Одной рукой Анигель сжала свой амулет, другой поднесла бутылочку к губам. Глотнула...

Взгляни-ка, брат, как человеческая женщина боится нас.

Еще больше она боится митона и все-таки выпила. Человек! Ты нас слышишь? Хочешь быть нашим другом?

— Да, — прошептала Анигель.

Тогда смочи два пальца в напиток, приблизь их к воде и соверши с нами священный обряд.

Принцесса подоткнула подол платья, ступила в воду, прошла несколько шагов, пока вода не покрыла ее колени, потом обмакнула два пальца в митон и протянула руку над самой поверхностью.

Два огромных пятнистых, темно-зеленых зверя подплыли к ней, открыли пасти и высунули длинные языки, концы которых представляли острые твердые наконечники, с легкостью, должно быть, пронзавшие рыб. Казалось, Анигель наблюдала за собой со стороны, хотя и являлась главным действующим лицом в этом удивительном спектакле. Стоило ей смазать языки этих водяных существ волшебным зельем, как, к ее удивлению, их морды уже не показались ей такими враждебными. Да, ничего страшного в них не было!..

Принцесса медленно закрыла бутылку и подвесила ее к поясу, где уже был прикреплен лист чудесного цветка. Когда она выпрямилась, у нее закружилась голова. Все вокруг как бы ожило, пришло в движение, затрепетало. Краски окружающего стали ярче, открыли внутреннюю сущность предметов — она проникла взором в самую гущу зарослей тростника. Казалось, все преграды сняты: глядя на воду, она могла наблюдать, что творится на дне; всматриваясь в деревья, видела тайное движение соков в стволах. Сознание наполнилось запахами, о которых она прежде и не слыхивала, звуками, о существовании кото-

рых и не подозревала. От прихлынувших ощущений страшно разболелась голова. Тут же она почувствовала, что стала прозрачной для окружающих, а мысли ее как бы обрели плоть...

Митон изменил тебя? Митон может сначала напугать тебя, обременить множеством незнакомых, тягостных впечатлений, но это пройдет. Скоро ты почувствуешь себя храброй и сильной. Как мы...

— Да... Мне уже лучше.

Вот и хорошо. Это значит, что мы можем и с людьми подружиться. Ты дашь нам капельку своего разума, а мы поделимся с тобой отвагой и силой.

— Вы назвали меня разумной. Я никогда прежде не думала так о себе. Но я постараюсь быть такой, если вы поделитесь со мной храбростью. Без нее мне никогда не овладеть предназначенным для меня талисманом.

Белая Дама приказала нам помогать тебе. Мы исполним все, что в наших силах.

— У вас есть имена?

Ты их не сможешь выговорить. Называй нас друзьями.

— Что... Что нам теперь следует делать?

— Делать, делать, делать!..

Анигель изумленно глянула на римориков — те, казалось, лукаво усмехались, — потом сообразила, что это голос Имму, которая продолжала ворчать:

— И они называют тебя разумным существом... Шутят, наверное... Тассалейский лес в трех сотнях лиг отсюда, когда-то мы доберемся туда. Пора в дорогу, глупая девчонка! Садись в лодку, бери вожжи — и вперед.

Казалось, риморики прекрасно знают маршрут — после того как они вместе с Анигелью изучили волшебную карту, им не надо было указывать направление или подгонять. Со всей возможной скоростью они мчали лодку вниз по Нотару — не таясь, по самой стремнине. В этих краях пока о лаборнокцах не слыхали. На всем протяжении реки нигде не было ни следа, ни слуха о пребывании Кадии, риморики тоже ничего не знали о ней. Когда суденышко добралось до места, где Нотар впадал в куда бо-

лее широкий Верхний Мутар, Анигель предупредила зверей, чтобы теперь они держались поближе к берегу и соблюдали осторожность. Предостережение было кстати — на пути до Тревисты им встретилось шесть лаборнокских патрульных лодок, обшаривающих окрестности. Враги их не заметили, хотя один из баркасов прошел всего в двух десятках элсов от них.

На ночевку они останавливались в самом безопасном месте — здесь риморикам не надо было подсказывать. На мелководе Анигель выпрягала животных, и до берега добирались на веслах. Риморики тем временем ловили рыбу и прочую речную живность. Имму, когда случалась возможность, разводила огонь и готовила горячую пищу. Утром, прежде чем запрячь зверей, Анигель плотала митон и давала лизать его риморикам.

На четвертое утро принцесса неожиданно проснулась в глубокой безмолвной тьме перед рассветом. Был тот редкий час, когда ночные животные уже затихли, а дневные еще не проснулись. Плотный туман прикрыл их островок в окрестностях Тревисты, где они разбили лагерь. В тишине звучно падали капли воды с перевернутой лодки, служившей им убежищем.

Последние ночи ей ничего не снилось. Анигель лежала и вслушивалась в капель и мягкое посапывание Имму. В руке девушка сжимала амулет. Удивительно, страшная засуха и испепеляющий все живое огонь больше не досаждали ей по ночам. С того самого дня, когда они уснули на полу в домишке, где жила Великая Волшебница, а утром обнаружили себя на берегу лагуны, в джунглях. Странно, что Анигель не заметила этого прежде.

«Неужели я насовсем излечилась от трусости?» — подумала она.

Нет, этого не может быть. Себя-то не обманешь, она до сих пор живет со страхом в душе — боится, что может попасть в руки лаборнокцев, а это неизбежная гибель; боится пропасть в Тассалейском лесу; боится туземцев, обитающих там... Но больше всего ее страшило это неведомое Трехглавое Чудовище.

Но если ночные кошмары больше не мучают ее, это что-нибудь да значит. Что же именно? Она подумывала спросить об этом Имму, но та так сладко спала, что было жалко будить ее.

И Анигель незаметно вновь погрузилась в сон.

На Нижнем Мутаре движение судов было очень оживленным. Вверх и вниз направлялись корабли с войсками и припасами. Казалось, лаборнокцы привели в движение весь попавший в их руки рувендийский флот, но ради чего, Анигель и Имму так и не могли догадаться. Однажды им едва удалось избежать столкновения с вражеской ладьей. Анигель тогда судорожно вцепилась в амулет и взмолилась, чтобы сила, заключенная в Триллиуме, сделала их невидимыми, однако на этот раз ничего не получилось. Женщины едва не ударились в панику, но риморики резко изменили курс и успели укрыть лодку в ветвях плывущего вниз по течению вырванного с корнем дерева. Лаборнокские солдаты так ничего и не смогли разглядеть против солнца.

У Тревисты, где сливались оба Мутара, они повернули и двинулись в сторону Цитадели. Здесь, посоветовавшись с римориками, они выбирали самые глухие протоки, чтобы держаться как можно дальше от основного фарватера. Им, если честно сказать, поразительно везло, и было в подобной удаче что-то неестественное. Может, сверхъестественное? К тому времени риморики заметно подустали — ведь их же ни разу не сменили, как это делали уйзгу. И все равно животные еще были способны поддерживать высокую скорость. Защитниками они тоже оказались неплохими, даже огромные хищные рыбы, живущие в омутах, в Черных Топях, не посмели напасть на утлую лодчонку.

Первая серьезная беда случилась в нескольких лигах от Цитадели, днем, когда они остановились на отдых. Это опасное место было решено преодолеть ночью, под покровом тумана, который обычно сгушался на реке ближе к рассвету. К своему ужасу, Анигель обнаружила, что митона в тыквенной бутылке осталось на самом доньшке.

Каким-то образом выскочила пробка, и драгоценный напиток почти весь вылился.

— Какой ужас! — воскликнула принцесса. — Надо же такому случиться! И где? Вблизи Цитадели... Где лабронксы рыщут по всем закоулкам. Без митона риморики вмиг потеряют силы. Вспомни, что случилось, когда я забыла дать им волшебный напиток. Помнишь, как они оскалили зубы и зашипели? Что же делать? Без римориков мы никогда не доберемся до Тассалейского леса.

— Что теперь горевать! Придется самим изготовить митон.

— Но как? — раздраженно спросила Анигель, и, когда до нее дошло, что имела в виду Имму, глаза принцессы расширились. — Но это невозможно! — простонала она. — Ни я, ни тем более они не способны сотворить его.

— Я могу взять у вас кровь, — невозмутимо заявила Имму. — Это, в общем-то, даже не больно — так, легкий укол. Но ты должна посоветоваться со своими друзьями. Видала, какие у них клыки — они одним махом разорвут меня на части, подступись я к ним с ножом.

После некоторого колебания принцесса решила поговорить с римориками. Имму тем временем отправилась побродить по острову и скоро вернулась с охапкой каких-то листьев. Она выдавила из них сок, затем осторожно вскрыла вену у запястья Анигели. Принцесса не издала ни звука. Потом Имму начала капать лиственный сок на рану, где тот смешивался с кровью, на глазах разжигался и стекал в свернутый особым образом листок, сорванный с дерева дрого.

Когда тыквенная бутылочка оказалась наполненной, Имму промыла рану чистой водой и, намазав порез жеваными лепестками каких-то голубеньких цветов, забинтовала запястье.

— Готово! Теперь нужна кровь римориков, но как ты их уговоришь, я себе представить не могу.

— Я спрошу, — робко ответила Анигель.

Животные ответили:

Подготовь лист дрого.

Принцесса исполнила их указание, потом перебралась на корму лодки, нос которой был вытащен на берег. Один из римориков подплыл к самому борту и, чуть завалившись на бок, выставил передний плавник. Из него капала кровь — густая, темно-вишневого цвета — видно, звери цапнули по очереди друг друга. Анигель подставила лист и набрала столько крови, сколько, по мнению Имму, было нужно. Затем к корме подплыл второй риморик, а первый принялся рыскать по протоке. Скоро он вернулся — в зубах у него был вырванный с корнем стебель с красными мелкими цветами.

Выдави из клубеньков сок и смешай с нашей кровью. Когда жидкость немного постоит, смешай все вместе. Болотный народец обычно процеживает сок, но можно обойтись и без этого.

— Спасибо, друзья, — поблагодарила Анигель.

Когда все было готово, у нее будто гора упала с плеч. Принцесса первой попробовала сладко-соленый дурманящий напиток, но теперь она уже не испытывала никаких болезненных ощущений, и то обострение чувств, которое случалось с ней всякий раз, когда она пригубливала священное зелье, уже казалось не только вполне обычным делом, но даже в чем-то и приятным. Без этой процедуры она уже чувствовала сонливость, какую-то досаду.

Много позже, когда путешественницы оставили далеко позади скалу, на которой возвышалась Цитадель, на самой границе Зеленых Топей, Анигель решила добиться, наконец, от Имму ответа на давно мучивший ее вопрос. Воспитательница утверждала, что тот, кто отведал этого приворотного зелья, становится не тем, кем был раньше. Как бы меняет душу... Имму успокоила принцессу:

— Успокойся, ты все та же самая, какая родилась и какую я люблю. Что в тебе может измениться? Разве что повзрослела, поумнела и теперь не такая сладкоежка и неженка. Привыкла спать на чем угодно. Ага, вот еще что — ты теперь матерый речной волк и запросто обращаешься

с тягловыми животными. Посчитают ли твои соплеменники, что ты уже не прежняя Анигель, этого я не знаю.

Принцесса сказала:

— С тех пор как мы оставили Нот, меня больше не преследуют ночные кошмары. Как ты считаешь, Имму, это говорит о том, что я стала совсем храбрая?

— Кто тебя знает... — проворчала Имму.

Впервые за долгое путешествие той ночью на землю и воду не лег туман. В тот момент они проплывали мимо густо поросшего лесом островка, расположенного к северу от Великого тракта. В небе ласково сияли Три Луны.

— Взглянула бы на себя со стороны, принцесса, как лихо ты управляешься с этими клыкастыми зверями. Просто заправский шкипер... Или опытный наездник, умиряющий волумниала. Да, сколько минуло с тех пор, когда ты танцевала на балах!.. Вечность!

— И все равно, Имму, я до сих пор испытываю чувство страха.

— Конечно, а кто его не испытывает? Я сама трясусь, как листок в сезон дождей. Если ты не будешь придерживать своих дружков, мы, того и гляди, врежемся в какой-нибудь топляк. Потом только птички будут распевать над нашими белыми косточками.

Анигель чуть натянула ослабшие вожжи, потом извиняющимся тоном сказала:

— Они же отлично видят в темноте. Впереди пока все спокойно. Я... я чувствую это.

— Дай-то Бог!

— Как ты считаешь, мои сестры уже отыскиали свои талисманы?

— Кто может знать...

— Все-таки Белая Дама — странная женщина. Зачем надо было разлучать нас? Мы всю жизнь были рядом. Нам было бы куда легче, если бы мы вдвоем отправились на поиски этих таинственных предметов. Трехглавое Чудовище! Что бы это такое могло быть?

— Зачем тебе кто-то еще, когда у тебя есть верные слуги? — Имму положила голову на банку, ее острые ушки повисли, в голосе послышалась усталость.

Верные слуги, усмехнулась девушка. Конечно, местные жители здорово помогли ей, но что бы она делала без Имму? Шагу бы не смогла ступить... А ведь Анигель ни разу не подумала о том, как трудно приходится Имму, ведь та далеко не молода. Вон задремала, ушки болтаются, как лопухи... Все заботы, всю черновую работу ее старая нянька берет на себя. Анигели давно следовало бы подумать об этом и не докучать Имму своими жалобами... Что это риморики расшалились — ну-ка, пригните головы, смирите норы. Интересно, что там в потемках блеснуло? Может, подплыть поближе? Нет, ничего опасного — просто рыба выпрыгнула из воды. Анигель обратилась к животным:

Ну-ка, подыщите место, где можно отдохнуть в безопасности.

Риморики ответили в один голос:

Хорошо, друг.

Лодка замедлила ход, пошла зигзагом ближе к берегу. Они пристали в маленькой бухточке. Анигель развернула спальные мешки, взяла Имму на руки и перенесла на берег. Уложила спать. Та что-то недовольно забормотала во сне.

— Спи, — приказала ей принцесса. — Сейчас самое время вздремнуть.

Глава 19

Их принимали как почетных гостей, но это было все, и Кадия с горечью сознавала: это все, чего она могла добиться. На второй день после их появления в деревне ниссомов принцесса сделала еще одну попытку — последнюю! — договориться с оддлингами о помощи в борьбе с захватчиками. Прежде всего подобный союз нужен им самим, уверяла она, того и гляди лаборнокцы войдут в глубь Гиблых Топей.

Они беседовали в парадном зале, там, где был совершен обряд омовения. Сначала речь шла о всяких пустяках — о видах на сезон дождей, о количестве дичи и ры-

бы, удачливости охотников, о способах хранения пищевых продуктов. Потом Кадия решила, что наступил подходящий момент, и, сдерживая нетерпение, обратилась к Первой в Доме.

— Госпожа, — она старалась говорить спокойно, неторопливо, — позвольте обратить ваше внимание, что все эти хозяйственные заботы, как бы важны они ни были, могут оказаться бесполезными, если враги организуют военные экспедиции по Верхнему и Нижнему Мутару, а также проникнут другими речными путями в самое сердце нашей страны. У них нет ничего общего с рувендианами. Я бы хотела поведать, как они поступили с пленными.

Принцесса, не в силах справиться с нахлынувшей яростью, сцепила руки и обстоятельно повела старейшинам, как поступили лаборнокцы с ее родителями и цветом рувендийского рыцарства.

— Они никого не пощадили, — глухо сказала она, — а ведь мы одной крови, одного племени. Мы честно сражались... На что может рассчитывать Народ, если они вас за людей не считают? Не надо тешить себя понапрасну — если враги доберутся до вашей деревни, они здесь камня на камне не оставят. Пока болота надежно прикрывают все подходы к селениям ниссомов в Золотых Топях, но ведь это только вопрос времени. Всякие природные трудности, в конце концов, преодолимы, тем более что у захватчиков имеются такие средства разрушения, придуманные их колдуном, против которых не сможет устоять и сама Белая Дама. Марш лаборнокцев по Рувенде вполне подтверждает мою мысль. Так что нам нет смысла возлагать какие-то особые надежды на магию и сверхъестественные силы. Только меч против меча, копьё против копья — вот единственный способ сохранить вашу независимость и жизни. Но об этом следует позаботиться задолго до того, как прозвучит рог, возвещающий о начале сражения. На нашей стороне прекрасное знание местности. Это — наша земля, и в этом наше преимущество! Но оно может растаять, как дым, если мы проявим нерешительность, потеряем время. Враги вошли в союз со скритеками — по-видимо-

му, они одного поля ягоды. Этот союз — смертельная угроза для всего Народа. Я бы не хотела сейчас развивать эту тему, но, надеюсь, всем ясно, к чему может привести такой союз... Вот что я хочу сказать напоследок: если ваши обычаи запрещают вам вмешиваться в чужие дела, то подумайте хотя бы о собственном выживании. Закрывать глаза на существующую опасность — плохая политика.

Первая в Доме долго хранила молчание, и в эти минуты в сердце Кадии вспыхнула надежда. Возможно, ей удалось в чем-то убедить собеседницу. Действительно, оставленный в Тревиسته гарнизон, явное оживление скрипков таили смертельную угрозу для всех оддлингов, и если сейчас не подняться, не взять в руки оружие, потом может оказаться поздно. В первые месяцы после вторжения у всех народов, населявших Рувенду, еще был шанс одержать победу...

Наконец Первая ответила, и голос ее, звучащий сухо, бесстрастно, убил всякую надежду.

— Королевская дочь, это верно, что ваши люди и наш народ проживали бок о бок в течение многих лет. Проживали мирно, я бы сказала, дружно... Между нами никогда не случались подобные ужасные сцены, о которых ты нам поведала. Понятно и похвально, что ты ищешь поддержку везде, где только можно, чтобы отомстить своим врагам. Действительно, мы были друзьями, но ты ошибаешься, если считаешь, что мы являлись вассалами королей Рувенды. Куда более древние узы связывают нас с Белой Дамой, что обитает в Ноте. Мы служим ей уже которое столетие. Вполне возможно, что у нее есть план действий... Хочу заверить, что мы разделяем твои опасения и принимаем кое-какие меры предосторожности. Еще до того, как ваше племя рувендиан пришло в Гиблые Топи, здесь разразилась такая война...

Она замолчала, взгляд ее словно остекленел — Первая в Доме долго смотрела куда-то за спину Кадии. Что она там увидела? Принцессу даже чуть передернуло — ей стало стыдно за свою горячность, глупость. Она по существу ничего не знала. Оказывается, здесь когда-то тоже шла

война. Кто и с кем сражался? Может, в этом сокрыта тайна Исчезнувших?

— Какая тогда замечательная жизнь была здесь! Стоит только послушать наши легенды... Как ты считаешь, каким образом наша страна докатилась до того состояния, в котором пребывает ныне? Мы разобщены, распались на отдельные племена, путешествовать по нашим дорогам — все равно что играть со смертью, а во многие области Гиблых Топей вообще хода нет. Та война была не нами развязана, мы ее дети, и когда те, кто сражался, сгинули, мы обнаружили, что находимся в странном мире. Нам пришлось потратить много усилий, чтобы сделать его пригодным для жизни. Потом ниссоны дали клятву, что больше никогда не будут участвовать в истреблении народов. Пусть это свершается без нас. Мы обязаны жизнями Белой Даме из Нота, с ее помощью нам удалось восстановить мир. Если на нас нападут, мы будем защищаться, но первыми никогда не поднимем оружие. Отправляйся в Нот, королевская дочь, там ты найдешь ответы на свои вопросы.

С этим Кадия волей-неволей вынуждена была согласиться.

Отдохнув, принцесса и охотник вновь отправились в путь, и чем дальше они забирались в болота, тем удивительней и опаснее становилась окружающая местность. Скоро на глазах изменились растения, позеленела и начала покрываться странными пузырями вода. Повсюду еще виднелись заросли тростника, чьи метелки по-прежнему ослепительно блистали на солнце. Уже на другой день в топях начали попадаться небольшие острова — холмы, поросшие лесом, которые выступали из гнилой, обильно рожающей пену воды.

Проплывая мимо островов, Кадия не могла скрыть своего удивления — подобных деревьев она никогда не видывала. Да и ползучие растения, которых здесь было видимо-невидимо, поражали своим необычным видом. Стебли у них были по большей части золотисто-белые, по всей длине располагались отвратительные ярко-алые узкие щели, напоминающие незаживающие раны. Из них

постоянно что-то капало. Зловоние вокруг стояло невыносимое...

Короткий посвист Джегана насторожил девушку. Она едва успела вцепиться в оба борта, как охотник могучим гребком резко бросил лодку в сторону. Потом в другую... После он быстро погнал плоскодонку подальше от вставшего по правую руку островка. Там творилось что-то невероятное... С ближайших к воде деревьев начала густо осыпаться листва. Джеган бросил весло, схватил короткое копье, которым обзавелся в деревне, и принялся вращать его над головой. Опадающие листья плавно снижались, но благодаря предусмотрительности Джегана, отогнавшего лодку, только один широкий, с бахромой по краям, листок спикировал на Кадю, но и его охотник ловко отбил копьем.

Принцесса во все глаза следила за упавшим в воду существом. Бахромчатая шерстка оказалась подобием ножек, быстро-быстро задвигавшихся в воде и погнавших эту мерзкую тварь к ближайшей суше, где она начала ловко взбираться по стволу, потом по ветке, где и замерла, изображая из себя невинный листок.

— Снафы, — объяснил Джеган. — Здесь их много. Лапки у них вроде коготков — если вцепятся, не отдерешь, да еще и яд впрыснут.

Кадия невольно порадовалась, что, добравшись до ролной деревни, Джеган решил теперь плыть в светлое время суток. Объяснил он свое решение тем, что они настолько удалились от проторенных путей и тропок, связывавших различные части Гиблых Топей, что можно не опасаться засады. А вот к подобным нападениям, какое только что совершили снафы, следовало быть готовым каждую минуту.

По-прежнему дорогу им указывал амулет — тусклая искорка, горевшая на одном из лепестков. Кроме того, Джеган ориентировался по солнцу, по растениям, так что лодку они гнали вперед изо всех сил — Джеган в основном на веслах, а принцесса помогала ему шестом.

Теперь она постоянно вспоминала сестер. Неужели они стали жертвами этого негодяя Волтрика? Но что-то

внутри подсказывало, что Харамис и Анигель живы. Меньше тревоги вызывали воспоминания о Харамис. То, что она спаслась, в общем-то, не вызывало сомнения. Ее старшая сестра не из тех, кто не может постоять за себя. Но если Харамис жива, если добралась до Великой Волшебницы, значит, она уже вступила на путь борьбы. Именно эта неизвестность, незнание планов Харамис удручали Кадью больше всего. Вот с Анигелю дело обстояло похуже. Схватили ее тогда у колодца или нет? Сжимая амулет со священным цветком, Кадия не раз задавала этот вопрос — обращалась к Триллиуму, к небу, к хлюпающей под ударами весел воде, к джунглям, к птицам и рыбам, даже к звездам. Ожидая ответа, она ощущала томительную сладость в душе — это был верный знак, что Анигель жива. В противном случае ей было бы дано знамение. Обязательно... Она так и объясняла на привалах Джегану. Тот обычно помалкивал, случалось, кивал или пожимал плечами, вздымая реденькие брови, отчего его мордочка с приплюснутым носом и остренькими ушами принимала такое комическое выражение, что Кадия с трудом удерживалась от смеха. В разуме, в опыте, в мудрости, наконец, ему не откажешь, но вид у него в минуты размышлений был очень потешный. С Кадией он соглашался в главном — случись что с Анигелю или Харамис, это стало бы известно. О происшедшем долго бы судачили и ниссомы, и уйзгу, и вайвило... Кое-что бы долетело и до Кадии с Джеганом... Лаборнокцы не упустили бы возможности объявить, что наследницы трона преданы смерти. Это бы значило для всех племен Народа, что возврата к прошлому не будет...

О-о, это была очень тонкая политика! У Кадии руки чесались от желания вступить в борьбу. Только безо всяких магических ухищрений... Но чем дальше, тем яснее она начинала осознавать, что присутствие во вражеском стане Орогастуса неодолимо переводило будущий театр военных действий в какие-то заоблачные, таинственные дали, и, не разобравшись что к чему в тех оккультных пространствах, смешно было начинать войну.

Это была грустная мысль, но отбросить ее было невозможно...

К вечеру небо затянуло тучами, и в ранних сумерках Джеган повернул лодку к зарослям тростника. Золотистый свет, рождаемый местной растительностью, угасал на глазах.

В нише, образованной двумя стенами тростника, Джеган бросил якорь. Они всухомятку поели, потом охотник коротко распорядился:

— Спи!

Легко сказать — спи! Но как уснуть в этой проклятой, полной опасностей темноте? Мрак сгустился до такой степени, что в нем расплывалась фигура Джегана, сидевшего на корме. Принцесса долго ворочалась, бормотала, поминала болота недобрым словом, потом неожиданно легко, свернувшись клубочком, провалилась в дрему. Ее посетил сон — даже скорее видение...

Все было, как наяву: она подходит к какому-то городу (не Тревисте), прекрасно сохранившемуся, без примет одряхления или развалин. Тем не менее он казался вымершим. На стенах — никаких следов караула, часовых; никто не входит и не выходит из распахнутых ворот. Они появились внезапно — мостик, опущенный через ров, две металлические огромные створки; в глубине такие же ворота, тоже открытые. Ее как бы приглашали войти... Манили... Или заманивали?..

Это все, что она могла вспомнить поутру. Недосказанность отозвалась сильной головной болью — безусловно, ей еще что-то явилось. Она никак не могла вспомнить, вошла ли она в мертвый город или нет.

Как к этому видению следовало относиться? Это был Нот?.. К ее разочарованию, древний город, куда они прибыли к вечеру следующего дня, ничем не напоминал явившийся во сне. Во-первых, здесь кругом лежали развалины, заросшие буйной выющейся растительностью, а над ними возвышалась полностью сохранившаяся, словно высеченная из скального монолита — никаких следов кладки, — башня.

Джеган подогнал лодку к облицованному камнем берегу.

— Вот мы и добрались,— глухо, торжественно объявил он.— Это — Нот. Дальше мне хода нет, ты пойдешь одна. Я подожду здесь.

Выложенная плитами дорожка была не шире корпуса их лодки. Кадия вздохнула, решительно шагнула на плиты, махнула рукой Джегану и зашагала в сторону башни. Чем ближе она подходила, тем большее удивление охватывало ее — башня при приближении, казалось, росла, и, когда принцесса приблизилась к распахнутой двери, сооружение вершиной своей коснулось облаков.

За порогом в светлых сумерках вырисовывалась маленькая уютная прихожая, так не соответствовавшая монументальной, вызывающей трепет башне. Девушка почувствовала себя, как в детстве, когда, робея и стараясь не выказать своих чувств, заходила в чужой дом. Но теперь-то она не девочка, одернула себя принцесса, и нечего робеть и удивляться, что в такой огромной башне такая маленькая уютная прихожая. Еще не хватало, чтобы она выдала свои мысли...

— *Добро пожаловать, Кадия.*

Принцесса вздрогнула. Она ясно услышала приветствие, но откуда оно исходило? Ясно, что не из прихожей. Может, из открывавшейся за ней комнаты? Кадия взялась за рукоять кинжала, другой рукой вцепилась в амулет, который вдруг заметно потеплел и запульсировал вжатой ладони в такт с биением сердца. Принцесса отважилась пройти дальше.

Посреди комнаты стояло массивное деревянное кресло с высокой спинкой — такими обычно пользовались ее родители во время официальных церемоний. В нем сидела Белая Дама, а может, какая-то другая женщина. Кто мог сказать? Ее длинные пальцы разглаживали на коленях подол черного, как смоль, платья. Вглядевшись, Кадия обнаружила, что по самому краю наряда, по широким обшлагам бегут какие-то странные, похожие на руны, серебряные значки. Форму их уловить было невозмож-

но — они как бы подернулись зыбью, какая появляется на поверхности водоема, если бросать туда камни.

Судя по росту, эта женщина была не из оддлингов — стоит ей встать, и она окажется куда выше принцессы. По лицу ее нельзя было сказать, молода она или стара. Вот глаза у нее удивительные — в них как бы одновременно читалась непреклонная воля и бесконечная усталость.

— Кадия! — подала голос женщина. Звучал он бесстрастно, в нем не было ни тепла, ни отчуждения.

Гнев, охвативший принцессу в прихожей, теперь буквально душил ее. Ох, как много ей хотелось выговорить этой хранительнице родной земли! Почему ее магическая сила оказалась бесполезной? Почему она не сумела отразить нападение на горные крепости, охранявшие проход в Рувенду? Где ее ужасные снежные бури? Зачем она не укрыла Цитадель плотным слоем тумана, почему не ослепила врагов? Как же случилось, что гордая, всемогущая, таинственная Белая Дама оказалась не в состоянии пресечь козни Орогастуса? Когда пришел решающий час, она спасовала. Сколько боли, ярости, отчаяния Кадия готова была выплеснуть в лицо седовласой, поджавшей губы женщине, но вместо этого она изящно присела, склонила головку:

— Госпожа...

Да, подумала Кадия, с такой ментальной хваткой не поборешься. К чему упреки, обвинения? Жаль тратить на них драгоценное время... Она взглянула в лицо Белой Даме — та величаво кивнула.

— Правильно, все в конце концов вернется на круги своя. Стоит ли, крестница, теперь заниматься сведением счетов, когда впереди нас ждут другие дела?

Она произнесла эти фразы тем же бесцветным голосом. Руки ее по-прежнему разглаживали материю на коленях.

— Пришло время действовать и тем самым изменить поступь истории. Что значит человеческий год в судьбе гор? Миг! Что значит день в судьбе навозной мухи? Жизнь! Все мы: растения, птицы, насекомые, камни, мужчины и

женщины — бредем к своему концу. Что значит — конец? Одни доказывают — все течет, все изменяется; другие — ничто не меняется в подлунном мире. Кто прав? Те из нас, кому приоткрыта завеса над будущим, спокойны. Они знают ответ. Да, эта земля находится под моей опекой.

В первый раз она отвела глаза от Кадии и посмотрела куда-то в сторону. Что она там увидела, девушка не разобрала, только внезапно легкий румянец окрасил щеки Белой Дамы.

— Да,— продолжала она,— я несу ответственность за все, что принадлежит Свету. Когда-то здесь обильно разливались воды, а острова, брошенные на озерную гладь, казались прекрасным ожерельем. Тогда здесь жили те, другие... Исчезнувшие...— Она сцепила руки — видно, ей тоже было трудно справиться с волнением.— Они вызвали меня, их мольбами мне на плечи взвалили эту неподъемную ношу. Я трудилась, не покладая рук. Всему приходит конец, моим трудам тоже. Все течет, и ничего не меняется... Те времена горя и печали миновали. Пришла новая пора, явились те, бороться с которыми ты призывала оддлингов. Но как? Задумайся, пока я хранительница земли. Ты — последний добравшийся до меня лепесток. Я изучила ваши мысли и сердца. Я направила твоих сестер по пути к Свету. Мой час еще не пробил...

— Путь к Свету — это хорошо,— не выдержала Кадия.— Но как насчет Волтрика? Из всех разновидностей скритеков этот — наихудший. Вот к чему следовало приложить вашу мощь.

— Существует куда более опасное порождение надвигающегося Мрака,— ответила волшебница.— Вот о чем надо помнить, вот откуда исходит смертельная опасность. Оглядишься, задумайся!.. Среди захватчиков есть некто, изучивший древнейшее искусство, и теперь пришел его час. Прозрев будущее, я сделала все, что смогла. Это немного, но в этом надежда. Ты и твои сестры — дар бесценный, таинственный. Только вы способны заставить его истечь до конца и измениться. Но только в том случае, если принесете жертву времени.

— Какую жертву? — спросила Кадия. — Чью жизнь?

— Не жизнь, а время. Единственная приемлемая жертва, которую должно принести времени, — это время. Два лепестка в пути — они идут к Свету, ищут свои символы. Теперь твой черед. Обладайте ими и в нужный момент примените...

— Символы? Это что-то магическое? Волшебный талисман? Но у нас уже есть, и если история не лжет, то вы и подарили их. — Кадия вытащила янтарную капельку с впечатанным внутри Триллиумом и показала Бине.

— Нет, этот медальон должен был привести тебя сюда. И он привел. Теперь ты должна проявить себя, найти в себе силы и мудрость овладеть тем, что неизмеримо увеличивает твою мощь. Ты всегда предпочитала булаг — это быстро и надежно. Но кратчайший путь к победе редко бывает успешным. Есть и другие возможности выиграть битву.

Волшебница поднялась — высокая, прямая. Прошла по комнате — в ее движениях не было и намек на дряхлость. Она выступала величаво, как бы подчеркивая принадлежность к сонму легендарных героев, коим вменили в обязанность хранить землю и воду и кто при любых обстоятельствах исполнит долг.

К своему удивлению, Кадия обнаружила, что следует за Белой Дамой и ступает так же прямо, так же высоко поднимая голову.

Они миновали прихожую и вышли из башни. Здесь Белая Дама, чуть нагнувшись, расправила платье, серебряные значки замелькали перед глазами девушки; когда же волшебница выпрямилась, в руке у нее оказалось невиданное растение. Как оно очутилось у Бины, Кадия не могла сказать. Высотой в несколько элсов, усыпанное листьями и черными цветками, оно буквально приворожило Кадью.

— Вот что теперь будет указывать тебе дорогу. Отправляйся в путь и разыщи Трехвекий Горящий Глаз.

Белая Дама, тремя пальцами державшая священный цветок за стебель почти у самого корня, неожиданно метнула его, словно дротик. Кадия неотрывно следила за полетом цветка и невольно вздрогнула, когда стебель, по-

добно стреле, пронзил воду возле самой лодки, где лежал Джеган. Казалось, тот сладко спит и не видит, что творится вокруг.

Только теперь до принцессы дошло, что, вероятно, и она тоже спит — пребывает в такой сладкой философской дреме. Как иначе объяснить то, что с ней случилось? И это замысловатое задание... Что бы мог значить Трехвекий Горящий Глаз?

Кадия оглянулась — рядом никого не было. Точно, сплю, решила она, однако что-то подсказало ей, что не следует спешить с выводами. Девушка усмехнулась — как раз то, что сейчас случилось с ней, и есть самая очевидная реальность. Правда, особого рода...

Да, в этой реальности все было не так, как в той обычной, растительной жизни, которой она жила столько лет. В этом мире, где борьба требует иного умения, другого опыта, волшебницы появляются и исчезают, руководствуясь своими никому не ведомыми побуждениями. Здесь изменчивыми оказываются размеры башни, здесь за уютной прихожей скрывается логово колдуньи. И сама она теперь обретается неизвестно где — хоть всю башню обыщи, никаких следов не найдешь!

Нехотя, досадуя на себя, принцесса села в лодку. Джеган уже потягивался, однако Кадия не обратила на него никакого внимания. Она смотрела в воду, туда, куда погрузился стебель священного цветка. Там в глубине изумрудно светилось что-то бесформенное. Приглядевшись, Кадия поняла, что сияние исходит от тонкого волоса или прутика. Когда она тронула его шестом, светящийся жезл двинулся, как бы указывая, куда следует плыть.

Глава 20

После полудня небо над вершинами Охоганских гор начало затягиваться тучами. Надвинули сверкающие белые шапки Бром и Джидрис, размазанной курчавой полосой облака достигли горы Ротоло. Орогастус готов был поклясться, что к ночи с юга натянет хмарь и разразится

снежная буря, одна из многих в череде зимних муссонов, сезон которых должен был начаться через две недели.

Великий маг утомился до такой степени, что уже сил не было понукать двух уставших, обремененных поклажей фрониалов. Восемь дней он находился в пути — с того момента, как караван вышел из стен рувендийской Цитадели, колдун не слезал со скакуна. Уже в Лаборноке он оставил вооруженную охрану и в одиночку отправился в свой замок на одном из отрогов горы Бром.

Заметно похолодало, пронизывающий ледяной ветер, ревавший в узком ущелье, горстями швырял в лицо режущую ледяную крупу. Орогастус кутался в подбитый мехом шерстяной, наглухо застегнутый плащ, однако это не спасало. В седле он держался усилием воли — подгоняя шпорами своего рогатого самца, колдун мысленно подбадривал несущих груз фрониалов.

Вперед! Вперед! Туда, где вас ждет теплое стойло и вкусное сено. Смотрите, смотрите — вот они, перед вашими глазами... Ясли, лохань с пойлом, ключевая вода... Смелее вперед! Скоро, за тем поворотом, откроется вид на родной дом. Поспешайте!

Все три фрониала подняли головы и, словно замороженные, уставившись в пространство, принялись веселее перебирать копытами. Позолоченные кончики их кривых, как сабли, рогов блеснули в лучах скупого горного солнца. Тропа начала круто забирать вправо, ветер усилился. Скорей за поворот — может, там удастся укрыться от начинающейся бури.

Сверкающая громадная башня из белого камня с черными карнизом и наличниками на редких стрельчатых окнах показалась вдаль сразу, как только колдун и вьючные животные обогнули острый скальный выступ. Тут ветер стих. Пологая, подпертая грузными отрогами вершина горы Бром была покрыта тучами. Башня невдалеке казалась длинным перстом, указывающим на приближающуюся бурю. Теперь животных не надо было подгонять, они сразу перешли на мелкую семенящую рысь, потом на легкий галоп. Маг вздохнул с облегчением и едва успел остановить

своего рогатого скакуна на самом краю узкой расщелины, отрезающей дорогу от расположенной на другом краю пропасти башни. Сзади похрапывали и глубоко вздыхали выючные фрониалы.

Орогастус не спеша слез на землю, подошел поближе к краю расщелины, невольно глянул под ноги — отвесные стены обрывались вниз примерно на лигу. Ширина пропасти не превышала пятидесяти элсов. На дне ревел бурливый поток. Глубина провала была такова, что грохот скатывающейся вниз воды долетал наверх едва слышимым гулом. Место для убежища выбрано удачно, невольно отметил про себя маг, башня совершенно неприступна.

Между тем небо совсем затянуло тучами.

Великий маг вытащил из прикрепленного к поясу кожаного кошелька серебряную трубочку и подул в нее. Высокий пронзительный переливчатый свист смешался с завываниями ветра. Тут же зажегся свет в нижнем окне, золотистой расширяющейся полосой обозначились ворота. Створки их разошлись, и оттуда, скрипя, сам по себе начал выдвигаться узкий мост.

Орогастус надвинул на глаза уставшим животным кожаные накладки и, когда мост достиг противоположного края ущелья, укрепил его в специальном гнезде и по очереди начал переводить фрониалов во внутреннюю часть башни.

Поднялся ветер, порывы его стали нестерпимы. Фрониал под седлом дрожал так, что Орогастусу пришлось несколько минут успокаивать его, прежде чем он рискнул провести скакуна по мосту. Перила на нем были низкие, так что стоило оступиться, и тут же животное или человек полетели бы в пропасть. Закончив переправу, он расседлал фрониалов, снял с их глаз накладки и повел по коридору в конюшню. Животные радостно повизгивали и пританцовывали на ходу.

Помещение для фрониалов было высечено прямо в скале, однако здесь было на удивление сухо и тепло. Стойла были удобны и снабжены всем необходимым. Единственный светильник, подвешенный к потолку, освещал

помещение. Сиял он ровно, мягко, безо всяких следов открытого огня.

Орогастус добродушно покрикивал на фрониалов, что-то ворчал про себя. На душе полегчало — он, по правде говоря, не верил, что доберется сюда до начала бури. Метель в горах — страшное испытание. Он отходил медленно, по-нуждал себя не расслабляться, пока не закончит со всеми хозяйственными заботами, не расседлат и не развьючит спасших его от беды фрониалов — они заслужили и полные бадьи теплого вкусного пойла, и сена, и чистой ключевой воды. Вообще-то все работы в замке выполняли его слуги, но они остались в Рувенде, в Цитадели, где ухаживали за королем Волтриком и ждали приказа мага. Самому Орогастусу хлопоты по хозяйству были не в новинку — слуги у него появились только десять лет назад, а до того он так и жил в полном одиночестве в этой берлоге, построенной по приказу короля Волтрика лучшими каменщиками Лаборнока.

Закончив с фрониами, колдун по винтовой каменной лестнице поднялся в средние этажи башни, где располагались его личные апартаменты. Здесь, в своей спальне, он, не раздеваясь, сел на кровать и перевел дух.

Наконец-то он дома!

Неужели завершились эти самые жуткие, самые хлопотные в его жизни десять недель?! Неужели та цель, к которой он стремился долгие годы — их количество намного превышало самый фантастический, доступный человеческому разуму срок, — осуществилась! Теперь можно отдышаться, осмыслить сделанное. Победа досталась на удивление легко, он бы никогда не поверил, что марш по Рувенде окажется легкой прогулкой. Волшебник еще раз перебрал в памяти события последних двух с лишним месяцев. Смерть старого короля, коронация Волтрика, усиленная подготовка, сам поход, штурм Цитадели — и Рувенда у его ног. Да-да, у его ног! Что бы ни болтали льстивые языки насчет великого полководца Волтрика, это была его, Орогастуса, победа. Правда, захват Гиблых Топей — это только первый шаг, начало осуществления его великого предназначения. И этот шаг сделан! При-

чем в полном соответствии с его тщательно разработанным планом. Только две вещи не укладывались в ясную и стройную схему: ранение Волтрика и бегство принцесс. Что поделать — всего не предусмотреть! И если здоровье короля резко пошло на поправку — колдун постоянно во время возвращения в Лаборнок держал связь с Голосами, — то неудача с поимкой принцесс могла привести к самым непредсказуемым последствиям. С этим нельзя было медлить — прочь слабость, желание поспать, поесть! Теперь каждая минута дорога. Чем дольше длилась эпопея поисков злосчастных девиц, тем яснее становилось Орогастусу, что древнее предсказание, намекавшее на роковую роль, которую в судьбе династии королей из дома Лаборнока сыграет Черный Триллиум, чьим воплощением служили эти три — будь они неладны! — сестры, имело под собой почву. Слишком везло этим принцессам, слишком могучие силы оказались вовлеченными в их спасение, чтобы продолжать обманывать себя неясностью старинной записи о гибели и возрождении лаборнокской династии. Его лично касалась та часть пророчества, которая относилась к падению королевского дома. Рухнуть династия может только с Орогастусом — это ясно, и дальнейшее возрождение состоится уже без него.

Нет, с принцессами надо кончать как можно быстрее.

Он вернулся в гостиную, сбросил на пол плащ, задержался на мгновение, чтобы с помощью заклинания развести огонь в камине, где уже были приготовлены дрова, потом снова прошел в спальню. Скинул дорожный костюм, облачился в черное, с вышитыми серебряной нитью узорами, одеяние, надел краги из раскрашенной серебристой краской кожи. Мелькнула мысль — к чему такая спешка, может, стоит принять ванну? Но он тут же отбросил ее. Протер влажной губкой грязные щеки и лоб, обратившись к духам Тьмы, попросил у них милости, извинился за такую скорую подготовку... Потом накинул на свою одежду, напоминавшую монашескую рясу с капюшоном, сплетенную из тончайшей серебряной проволоки сеть — она была настолько холодна, что, прикоснувшись к ней открытыми участками кожи, Орогастус вздрогнул.

По телу пробежал озноб, и, может, поэтому он забыл произнести сопутствующие подобному случаю молитвы. Завершил наряд странного вида шлем, на котором то и дело вспыхивали огоньки. Эти блуждающие по угольно-черной поверхности металла звездочки производили удивительное, завораживающее действие на окружающих. Орогастус надевал этот шлем во время самых торжественных церемоний.

Волшебник взглянул на ритуальные сандалии, потом махнул рукой и прямо в дорожных сапогах, надвинув на лицо полумаску-забрало, направился по туннелю в глубь горы, в Пещеру Черного Льда.

Здесь было очень холодно — дыхание паром отделялось от губ. Такие же тусклые лампы, что и у входа в башню, освещали проход. Орогастус шагал и взывал к духам Тьмы о помощи. Только бы ледяное зеркало ответило ему, откликнулось на его просьбу. Уж кто-кто, а он хорошо знал, как капризны бывают магические предметы, принадлежавшие Исчезнувшим. Даже при соблюдении ритуала, при мощном и вдохновенном призыве они вполне могли отказаться отвечать на вопросы. Только не сегодня! Пожалуйста, не сегодня!.. У него осталось так мало сил. Он ослаб, замерз, он голоден... Его не хватит на вторую попытку!

Орогастус приблизился к массивной заиндевевшей двери, собрался с духом и произнес первое заклинание. Следом послышались слова молитвы, обращенной к духам Тьмы, потом к Исчезнувшим, чей покой он собирался потревожить. Пусть Силы Тьмы смиряют их, заставят открыть тайну. Наконец он распахнул дверь.

В Пещере Черного Льда все было по-прежнему. В точно таком же виде он нашел ее, когда прибыл в Лаборнок с принцем Волтриком и первый раз ступил под эти мрачные каменные своды (значительно позже он распорядился возвести на поверхности скалы башню и оградить это удивительное чудо). Обширная пещера была вырублена в граните, испещренном прожилками кварца. На стенах тут и там тускло отсвечивали наплывы черного льда. Пол покрывали плиты, напоминающие застывшую воду,— ско-

рее всего, это был какой-то неизвестный вид обсидиана; из того же самого материала были изготовлены двери, прикрывавшие входы в боковые клетки. Именно там Орогастус обнаружил удивительные творения Исчезнувших. Эта находка перевернула всю его жизнь, вознесла к вершинам искусства магии, первые уроки которого он получил у волшебника Бондануса. С той поры, как Орогастус ступил под своды этой пещеры и начался его взлет, он совершенно овладел душой и помыслами наследника лаборнокского престола принца Волтрика. К сожалению, только малая часть дверей, снабженных колдовскими запорами, поддалась ему — многие камеры надежно хранили свои секреты.

Орогастус вышел на середину пещеры, поднял руки и громко провозгласил:

— О, духи Тьмы! Опять я обращаюсь к вам с мольбой. Доверьте мне тайны настоящего и грядущего и не причините вреда!

Он шагнул к каменной двери, с трудом открыл ее и вошел в помещение, где хранилось волшебное зеркало. Тесная клетушка, вырубленная в толще скалы, имела всего несколько шагов в длину, но куда больше в ширину. Противоположная входу стена была неровна, покрыта каменными наплывами, занавешена густым слоем инея. Дрожа от холода и нетерпения — Орогастус знал: если зеркало откажется говорить, заставить его невозможно, и все предприятие, скорее всего, будет обречено на провал, — волшебник сделал шаг вперед и, вновь вздев руки в серебристых крагах к смутно угадываемому потолку, воскликнул:

— О могучее зеркало, рожденное чудесным льдом! Всевидящее Око Исчезнувших! Пробудись и ответь!

Он замер...

Сначала сероватая, свободная от инея поверхность стены в центре, отражавшая его фигуру, оставалась неподвижной. Орогастус терпеливо вглядывался в отражение человека в серебристо-черном одеянии, шлеме, по которому сполохами пробегали мерцающие жемчужно-палевые огоньки; верхняя часть лица была прикрыта черной

полумаской, и в прорезях возбужденно поблескивали глаза.

Наступил решающий миг.

Если он выговорил что-то не так, если само зеркало не пожелает отвечать, обращаться к нему в ближайшие два дня бесполезно. Мысленно Орогастус вновь воззвал к духам Тьмы, потом, собравшись с силами, равнодушно сказал:

— Три объекта. Определить их положение на карте на сегодняшний день.

Неожиданно в центре стены заплесали желтоватые огоньки, свились в спирали, потом вращающееся свечение затянуло в окружность диаметром в несколько элсов, расположенную посередине стены. Через несколько мгновений на этом месте возникла ровная светящаяся поверхность, на которой прорезались какие-то знаки. Послышался сухой, похожий на старческий, голос:

— Запрос принят. Назовите имена объектов.

— Принцесса Анигель из королевского дома Рувенды. Принцесса Кадия из королевского дома Рувенды. Принцесса Харамис из королевского дома Рувенды. — Выговорив имена, Орогастус дал мысленные портреты каждой принцессы.

— В розыске, — откликнулось зеркало. — Сканирование началось.

Орогастус с облегчением перевел дух. Заработало! Спустя несколько минут зеркало прежним дребезжащим голосом доложило:

— Объект первый: принцесса Анигель. Местоположение: Са, четырнадцать, два; Ло, семьдесят один, десять по сетке координат Ома.

Тут же на экране вспыхнула карта Рувенды, где мигающим огоньком было отмечено среднее течение Мутара, немного ниже Цитадели, всего в нескольких лигах от озера Вум.

Орогастус едва сдержал возглас удивления — принцесса в двух шагах! Однако следует потерпеть — нельзя небрежным словом, неуместным криком нарушить работу зеркала, для которого каждое слово — команда! Если за-

прос будет неясным, оно может отключиться. Такое с ним уже бывало. Маг весь обратился в зрение. Карта немного помигала, и на экране возник портрет принцессы — цветной, объемный. Она вроде бы живьем оказалась заключенной в толщу льда. И не она одна! Маленькая лодка мчалась по широкому речному рукаву, Анигель стояла на носу и держала в руках какие-то поводья. Ремни убегали в воду... Позади принцессы сидела пожилая туземка. Вот она взглянула через плечо на закатное солнце и отчетливо произнесла: «Пора подумать о ночлеге. Посмотри, вон там вполне подходящая бухта. Хорошо укрытая, и рыбы здесь для римориков вдосталь».

Затем картинка исчезла.

— Объект второй: принцесса Кадия из королевского дома Рувенды. — На этот раз голос прозвучал куда мягче, в нем словно прорезались теплые нотки. — Местоположение: Мо, двадцать девять, четыре; Ви, девяносто пять, пять по сетке координат Ома.

Следом на экране проступила яркая цветная карта с ожившими текущими реками, буйным зеленым разливом джунглей. Орогастус едва рот не открыл от изумления. Принцесса находилась на границе так называемого Тернистого Ада — области, где кишмя кишело скритеками. Чудеса, да и только, что ей там могло понадобиться? Как она вообще туда попала?

На изображении, сменившем карту, принцесса стояла на коленях и изо всех сил дула на горку сухой травы и коры. Оттуда шел дымок, но языков пламени не было видно. В глубине картины был виден абориген, склонившийся над лодкой.

Принцесса подняла голову и обратилась к нему:

— Ничего не получается. Теперь ты, Джеган, попробуй.

Свет на мгновение погас, вновь раздался прежний, чуть надтреснутый голос:

— Объект третий: принцесса Харамис из королевского дома Рувенды. Местоположение: Ра, сорок два, три; Но, шестнадцать, восемь по сетке координат Ома.

Теперь на экране высветилось что-то, по мнению Орогастуса, совсем несуразное: дикая горная страна, гигантский обрывистый склон Ротоло, второй по высоте вершины Охоганских гор, со скатов которой берет начало река Виспар. Где-то в нескольких лигах от селения таинственных, нелюдимых виспи появилась мерцающая точка, указывающая местоположение принцессы.

Маг затаил дыхание — перед ним возникло изображение чего-то темного, жуткого, подкрашенного переливчатым пурпуром. Приглядевшись, Орогастус понял, что это внутренность пещеры, образовавшейся в толще ледника. В глубине обнаружилось смутное пятно, подобное тени, постепенно обретающей черты человеческой фигуры. Существо приблизилось, теперь Орогастус смог различить лицо молоденькой девушки, печальное и отрешенное. Она разговаривала сама с собой, и эта речь была похожа на бред.

— Последнюю ночь мне не пережить. Они приходят отсюда, они ждут меня — Глаза Урагана. Вот и семян больше не осталось — последнее привело меня сюда. Это конец. У меня нет больше пищи, а снег так глубок, что мне никогда не выбраться отсюда. Может, виспи сжалятся надо мной и придут на помощь? Интересно, где здесь мог быть спрятан Трехкрылый Диск?

Изображение растаяло.

Затем раздались обычные, завершающие сеанс ясновидения слова. Голос звучал отчетливо, надтреснуто, спотыкаясь почти на каждом слове.

— Силы Бахкапа истошились. Необходима подзарядка.

Тут же зеркало окончательно погасло, и покрытая изморозью стена возродилась в первозданном виде.

— Хвала вам, Силы Тьмы — Айзи Лайн, Интернул Батари и Бахкап! — провозгласил Орогастус и отвесил стене поясной поклон. — И всей Темной Троице, соизволившей помочь мне! Пусть она всегда здоровствует... Навсегда, навсегда, навсегда!.. Так тому и быть!..

Затем он, отступая назад, покинул помещение и осторожно прикрыл за собой дверь из вымерзшего обсидиана. Потом поднялся в башню...

Много позже, после ванны и сытного обеда, Орогастус отправился в свой кабинет, устроился возле камина, налил бокал изготовленного из ароматных дынь бренди и раскрыл древнюю «Книгу предсказаний Полуострова». За стенами, в зубцах верхней площадки башни, завывал ветер.

Трехкрылый Диск!.. Что бы это могло значить?

Что-то смутно шевелилось в его памяти.

Там были еще Трехглавое Чудовище и... да-да, Трехвекий Горящий Глаз.

Так, вот они, слова древних. Правда, что-либо понять в них почти невозможно, однако общий смысл свидетельства исчезнувших мудрецов гласил, что этим трем магическим предметам предопределено слиться воедино. В тот момент должно произойти какое-то необычное природное явление.

Остается предположить, что и другие принцессы тоже ищут свои талисманы, размышлял Орогастус, грея ноги у огня и потягивая сладкое бренди. Что же случится, когда они овладеют этими предметами? Неужели их силы возрастут настолько, что они будут в состоянии победить лаборнокцев?

Он оцепенело глядел на пляшущие в очаге язычки пламени. Само собой, от Кадии и Анигели надо избавиться в любом случае, но что касается Харамис... Здесь следует крепко поразмыслить...

Маг выпрямился в кресле, закрыл глаза, прижал пальцы к вискам.

— Голоса! — мысленно вызвал он. — Слушайте меня!

— Хозяин, — раздалось в сознании, — все в порядке?

— Да. Приготовьтесь к приему. Вот настоящее местоположение принцессы Анигели... Приняли координаты? Отлично... Теперь принцесса Кадия... Есть?

— Да, хозяин. Теперь принцесса Харамис.

— Я сам разыщу ее. Теперь слушайте приказ. Генералу Хэмилу немедленно выступить в поход, направление — территория, называемая Тернистым Адом. Красному Голосу сопровождать армию и каждый день связываться со мной, пока Кадия не будет схвачена.

— Повинуюсь,— откликнулся Красный Голос.

— Розыски Анигели поручить принцу Антару и его гвардейской когорте рыцарей. С ними отправится Синий Голос.

— Принц и часть его отряда четыре дня назад вернулись из Тревисты,— доложил Синий Голос.— Кто бы мог подумать, что принцесса прячется совсем близко? Схватить ее не составит труда.

— Нет и не может быть ничего легкого в деле, которым занимается сама Великая Волшебница Бина,— резко оборвал его Орогастус.— Постоянно берите в расчет, что этих девиц защищает невидимая сила, чары этой колдуньи. И учтите, если им удастся отыскать магические талисманы, называемые Трехвеким Горящим Глазом и Трехглавым Чудовищем, их силы неизмеримо возрастут. Приказ выполнить любой ценой — принцессы должны быть схвачены и убиты, а магические талисманы вы доставите мне.

— Понятно,— единодушно отозвались Голоса.

— Теперь я должен поговорить с Синим Голосом,— заявил маг,— это касается принца Антара.

— Хозяин, я, кажется, догадываюсь, о чем пойдет речь.— Синий Голос позволил себе мысленно хихикнуть.— Будет печально, если принц Антар после исполнения приказа вдруг погибнет...

— Все должно быть проделано чисто,— предостерег Орогастус.— Никакого намека на твою причастность.

В разговор вступил Зеленый Голос:

— Хозяин, мне предстоит заняться принцессой Харамис?

— Нет, ты останешься при Волтрике — следи, чтобы с ним ничего не случилось. Связывайся со мной постоянно.

— Но как же Харамис?..

— Я сам займусь ею...

Этим утром Харамис подбросила вверх последнее семя Черного Триллиума...

Когда принцесса проснулась, солнце уже взошло, и розовато-жемчужный туман клубился по склонам Ротоло. Открыв глаза, девушка обнаружила, что плащ на меху, которым она сверху укрыла спальный мешок, покрыт плотной коркой свежавывавшего, уже начавшего подтаивать снега. Плащ насквозь промок и потяжелел так, что его нельзя было надевать. Принцесса вырезала из водонепроницаемого мешка подобие накидки с капюшоном, попила холодной воды и выпустила последнее семечко.

Оно вяло взлетело в воздух, робко тронулось с места, поджидая Харамис, которая, с трудом переставляя ноги, пошла вслед за ним. Через несколько шагов принцесса погрузилась в туман, и теперь семя мелькало перед самыми ее глазами. Идти было трудно, ощущалась нехватка воздуха, но девушка не обращала на это внимания. Сегоднешний день был решающим — еды не осталось, и вернуться отсюда уже не удастся.

Она медленно брела, спотыкаясь и падая. Туман проникал под одежду, ботинки хлюпали в жидкой кашнице снега. Скоро вырезанная из спального мешка накидка так намокла, что принцесса, направляемая волшебным семечком, после очередного падения сбросила ее.

Только одно семечко, последнее, маячило перед глазами. Ее надежда на спасение... Вперед, только вперед, повторяла про себя принцесса. Велик тот замысел, ради которого приходится жертвовать жизнью... Все будет искуплено! И безбедное детство, и питающаяся отвлеченными идеями юность... Эта дорога не наказание, она — искупление. Лети, семечко, лети...

Харамис взбиралась все выше и выше. К ее удивлению, воздух становился теплее. Это было непонятно. Вон вершина Ротоло... Рукой подать... Если взобраться на соседний скалистый гребень, то по нему можно добраться до самого верха пика. Но зачем штурмовать гребень? Семечко ведет ее по дну пологого, по-видимому, выглажен-

ного ледником ущелья. Где же ледник? Растаял? Почему так тепло, хотя вокруг лежит снег? Местами он доходит до колен, иногда почти сходит на нет, но везде белый покров насквозь пропитан водой.

Она шла уже три, четыре часа... Кругом все тот же мокрый снег да скалы. И туман... Но что это? Она только сейчас заметила, что жемчужный цвет его изменился. Теперь облака вокруг приобрели какой-то сероватый, мышинный оттенок... Впрочем, какое ей дело до этой клочковатой, выползающей почти из каждой расщелины массы, когда едва хватает сил переставлять ноги и сосет под ложечкой. Голод изводил ее...

Потом пошел снег.

Принцесса замерла, не сообразив в первые минуты, что случилось. Это же не снег! Это же семена Черного Триллиума. Крылатые семечки густо сыпались с небес. Какое же ее? Вот это? Или то?.. Нет...

Туман совсем истончился, и удивительный снег повалил еще гуще. Сквозь опускавшиеся на камни крылатые хлопья Харамис открылось великое царство гор. Она уже оказалась на такой высоте, когда большинство ближних и дальних вершин были у нее под ногами. Принцесса долго, до рези в глазах, изучала открывшуюся перспективу. Что еще оставалось делать? Семечко, подаренное ей Великой Волшебницей, было утеряно, точнее, растворилось в массе своих братьев, обильно сыпавшихся из ясного голубого неба. И тут в ее сердце родилась великая радость — может, это конец пути? Может, она добралась до цели? Но где же заветный талисман? За каким гребнем, за каким нагромождением скал? Куда теперь шагнуть, в какую сторону протянуть руку?

От хоровода падающих семян рябило в глазах, и принцесса несколько раз попыталась разогнать их, но тщетно... Теперь радость в сердце смешалась с отчаянием — цель в двух шагах, но ее невозможно разглядеть. Отчаяние начало пересиливать, веки — слипаться. Может, в этом и заключена цель, великий умысел Белой Дамы — завести ее повыше и погрузить в сон. В вечный сон! В не-

ведомом, диком месте, под одеялом из волшебных семян... Вот и ноги начали зябнуть. Спать, пора спать...

«Может, стоит взобраться на гребень хребта,— подумала она.— Всего-то шагов двадцать. Оттуда я в последний раз окину взором свое королевство. Мне будет приятно».

Удар ветра едва не опрокинул принцессу. Словно ее решение пробудило в прозрачной, до сих пор обволакивающей ее голубоватой стихии разъяренного зверя... Словно она что-то стронула в гармонии мира, безмолвно предписывающей свернуться калачиком возле скалы и забыться. Ветер выл подобно сотне кровожадных хищников, почуявших добычу. Он бросался на Харамис с разных сторон, пытался сбить с ног, затянуть пеленой глаза, однако принцесса упрямо, шаг за шагом, двигалась вперед. А в голове у нее роились отчаянные мысли.

«Отец! Мать! Скоро я буду с вами!.. Теперь я знаю все, я познала самое себя. Теперь я знаю, что жизнь есть сон, а сон реален. Я верила, что Великой Волшебнице открыта книга судеб... Теперь я знаю, что это не так. Теперь мне многое открылось...»

Ветер...

Снег...

Холод...

Ее тело еще передвигалось, ноги сами несли вперед ее сведенный голодной судорогой живот, ослабевшие и висящие, как плети, руки, голову, внутри которой бился родничок сознания... Харамис зубами стащила с пальцев обрывки перчаток и выбросила их, потом сунула руки под мышки, схватила амулет. Обратилась к нему с мольбой. К нему, единственному, кто оставался верен ей, кто не бросит в последнюю минуту, будет охранять ее замерзшее тело — возможно, сделает его невидимым...

«Только бы добраться до гребня...»

Еще пять шагов, короткая передышка. Она восстановила дыхание...

«Боже! Помоги тому, кто безмерно верит в тебя...»

Еще шаг.

Ветер...

Снег...

Холод...

«Зацепиться бы рукой за тот камень. Только одной, левой рукой — нельзя выпускать священный амулет...»

Харамис подтянулась и взошла на гребень.

Стоило ей ступить на пологую, усыпанную щебнем, помеченную там и тут пятнами снега узкую седловину, как ветер стих, будто его и не было. Харамис невольно оглянулась — позади по-прежнему бушевала снежная буря. Она перевела взгляд на открывавшийся впереди вид — частая гребенка скалистых пиков, убегавшая к западу, просторный купол неба, без единой тучки, бездонный провал под ногами, словно залитый голубоватой жидкостью, сквозь которую нельзя проникнуть вглубь.

— Ну, я и забралась!.. — вслух выговорила Харамис и, почувствовав головокружение, покачнулась.

Ее вдруг повлекло к кромке откоса, и она едва удержалась, чтобы не шагнуть в пропасть. Благодаря священному амулету, решила принцесса.

Вдруг она замерла — справа от нее появился бешено вращающийся снеговой смерч. На солнце его бока сверкали мириадами алмазных искр.

Харамис невольно опустилась на колени, беспомощно посмотрела по сторонам. Неожиданно вихрь начал раздуваться; расти и скоро превратился в высоченный, извивающийся, блистающий столб, откуда глянули Ледяные Очи. Зеленоватые, рассматривающие ее. Изучающие...

— Я ищу Трехкрылый Диск, — прошептала принцесса.

— Мы его стража. Нас послали, чтобы встретить тебя.

— Благодарю, — с достоинством ответила Харамис.

Она поднялась с колен, выпрямилась, вскинула голову. Мгновением позже смерч налетел на нее, и она погрузилась в непроглядную черную мглу.

Некоторое время Харамис не могла понять, что с ней творится — она медленно вращалась в каких-то непроглядных сумерках, обжигающей серой мути. Тело разламывалось от боли. Потом внезапно наступило облегчение.

Вращение продолжалось, и теперь внутри этого нелепого пространства ожили Глаза. Они кружились рядом с ней, настороженные, пытливые... Случалось, в каком-то из них мелькали искорки гнева, другие были более доброжелательны. Неожиданно в сером тумане стали очерчиваться фигуры. Вначале вокруг Глаз намечался абрис головы, потом появлялись линии тела. Так рождались странные, очень высокие и грациозные существа, облаченные в голубые одеяния. Собственно, их свободные платья были как бы сшиты из цветов и усыпаны множеством сверкающих бриллиантов. Эти существа сообщали, что надо сделать, и Харамис покорно исполняла все их указания.

Она спросила:

— Кто вы?

Они ответили:

Мы те, кто является хранителями Скипетра Исчезнувших.

Харамис спросила:

— Что такое Скипетр? И не является ли он тем талисманом, который я ищу?

Они ответили:

И да, и нет. В темные столетия Триединый Талисман был разделен и каждая часть его спрятана, чтобы это чудо не попало в лапы Зла.

Считая, что она все еще спит, Харамис прямо спросила Глаза Урагана, не они ли стражи, охраняющие Трехкрылый Диск.

Да, мы стережем одну из частей Триединого в ледяной пещере. Два других магических талисмана укрыты по приказанию Великой Волшебницы, чтобы сохранить их до того момента, когда ее оставят силы и Скипетр будет призван восстановить великое равновесие в природе.

— Значит, мои сестры сейчас ищут остальные части Триединого?

Да. Имей в виду, что тем же самым занимается порождение одного из тех столетий, когда на землю пала Тьма. Недавно сын Зла бросил на тебя взгляд, теперь он надеется, что ты отыщешь свой талисман и...

Харамис обнаружила, что одна из пар наблюдающих за ней Глаз изменила цвет с зеленовато-холодного на ослепительно белый; следом в сереющей мгле проступило прекрасное мужское лицо. Ей улыбались. Принцесса удивленно спросила:

— Это сын Зла?

И услышала в ответ:

Да!

Во сне это красивейшее исчадье Зла приблизилось к ней, и принцесса одарила его улыбкой. Он промолвил:

— Я совсем не тот, кем эти существа называли меня. Не верь им. Этим созданиям доступна для понимания только крохотная доля сущего. Не выноси приговор, пока мы не встретимся. Тогда ты сама решишь, что есть Зло и что Добро.

Харамис проснулась. Она лежала на узкой мягкой кровати, со всех сторон накрытой пологом. Удивительно, но ей было тепло и приятно... Только через несколько мгновений, после того как она открыла глаза, принцесса догадалась, что жар идет от матраца, на котором она спала.

Тут же раздался тихий, но веселый голос:

Отопительная система находится под полом и в твоём ложе. По трубкам сюда поступает кипящая вода из горячих источников. Так мы обогреваем свои жилища.

Полог сам по себе раздвинулся, и Харамис увидела перед собой странную туземную женщину. Ее лицо было гораздо уже, чем у ниссомов, а рот и нос больше походили на человеческие. Глаза у нее были огромные и скорее зеленоватые, чем золотистые, как у всех остальных оддлингов. Пожалуй, только остроконечные ушки, прикрытые гривой прекрасных, платинового цвета волос, явно указывали на ее принадлежность к Народу. Да еще руки, трехпалые, с крючковатыми ногтями. Правда, коготки были очень маленькие, ровно остриженные, и на них был наложен слой краски.

Она улыбнулась, и Харамис решила, что ее клыки мало напоминают те, что так привычны у оддлингов. Неожиданно принцесса вспомнила, что, когда женщина объ-

ясняла ей происхождение тепла, губы ее не двигались. И слова опять зазвучали в ее сознании:

Конечно, ведь ты же не понимаешь наш язык, так что нам приходится использовать мысленную речь. Меня зовут Магира, я приветствую тебя, принцесса Харамис, наследница королевского дома Рувенды, дочь Священного Триллиума. Вставай же, позволь мне помочь тебе облачиться в подobaющие твоему сану одеяния. Твой походный костюм совершенно истрепался. Наши старейшины хотели бы встретиться с тобой, прежде чем ты продолжишь свой путь.

— Но как же ты понимаешь меня? — удивилась принцесса.

Она еще не совсем проснулась, сказывалась долгая трудная дорога. Девушка оглядела высокую светлую комнату, бросила взгляд на Магиру. Своим ощущениям она не совсем доверяла — может, это опять сон? И эта аборигенка ей привиделась... Что значит ее фраза: «Прежде, чем ты продолжишь свой путь»? Выходит, она еще не добралась до цели... Этого только не хватало. Харамис стало не по себе.

Когда ты произносишь слова, получается, что ты как бы озвучиваешь свои мысли, принцесса. Для нас, виспи, нет никаких трудностей в общении с людьми... Как тебе нравится это платье? Мне кажется, оно вполне подойдет: и сидит ладно, и придает чуточку торжественный вид. Черный мех, которым оно отделано, хорошо сочетается с твоими локонами.

— Спасибо. Платье действительно чудесное.

Харамис позволила Магире облачить себя. Платье было чуть приталено, с длинной плиссированной юбкой, светло-голубое. Материя чем-то напоминала вельвет, только рубчики были мельче. На шее, руках и по подолу были нашиты серебряные полосы с сапфирами и лунными камнями. Серебром сияли и кожаные туфельки. Пояс — тоже серебряный, толщиной в два пальца — точно охватил ее талию; к нему был прикреплен украшенный драгоценными камнями кошелек. Женщина-виспи рас-

чесала волосы принцессе, заплела их в две косы и связала голубой лентой.

У нас, висти, горячая кровь. Струится по жилам она так быстро, что мы обходимся легкими одеждами даже в нашем суровом краю. Возьми этот плащ и перчатки и следуй за мной в городской зал Мовиса. Это недалеко...

Харамис послушно натянула перчатки — они тоже были вышиты бисером из драгоценных камней, подождала, пока Магира наденет роскошный, обшитый черно-белым мехом плащ, накинёт капюшон. Они вышли из спальни и стали спускаться по широкой лестнице, которая шла вдоль стены, где были прорезаны напоминающие бойницы окна. Магира с торжественным видом распахнула дверь:

Добро пожаловать в Мовис!

Харамис вышла на крыльцо и со ступенек портика оглядела город, о котором было сложено столько легенд.

Воздух здесь, в отличие от горных долин, где он был голубовато-водянистый, отливал золотом. На мгновение поразившись своему открытию, принцесса тут же догадалась, что наступило время заката. Дома, выстроившиеся вдоль улиц, скорее следовало назвать дворцами. Были они многоэтажными, и в архитектуре каждого чувствовался свой оригинальный замысел. Чем дальше от центральной площади, тем ниже становились дома. Еще девушку поразило обилие колонн, пропиленов, обелисков и, конечно, декоративных вазонов, вырезанных из мрамора и отполированных до зеркального блеска. Мовис поражал простором — хотя каждый клочок каменистой почвы был использован и ухожен, у Харамис не создавалось ощущения тесноты, настолько продуманно были спланированы площади, улицы и сами здания.

Столбы пара поднимались над городом — легкие облачка клубились не только над крышами, но вырывались из решеток, часто встречавшихся на покрытых плитами улицах, и из непонятных ящиков, попадавших на глаза в каждом дворе, обычно у самых дверей. Это придавало постройкам какой-то причудливый, колеблющийся вид — казалось, еще немного, и дворцы всплывут вверх

и, выстроившись клином или каре, потянутся в синеющую даль. И это было бы не слишком удивительно, ибо, сколько Харамис ни оглядывалась, нигде не было видно ни единого жителя. Что там жителя — ни одного домашнего животного!

Слоистые облака, позолоченные снизу лучами заходящего солнца, протянулись к вершине Ротоло — именно туда утягивало водяные пары, ровными столбами встававшие над долиной. Ближайшие склоны были изумрудными, повыше желтели террасы, а еще выше по распадкам можно было заметить снеговые поля. С востока неумолимо наползала высоченная стена ледника. Там же были заметны поблескивающие на солнце рукава гигантского водопада. Магира сказала:

Все жители готовятся к встрече с вами, принцесса. Они ждут вашего прибытия. Мы устроим большой пир.

— Звучит очень заманчиво, — откликнулась Харамис, стараясь поспеть за длинноногой, быстро ступающей женщиной.

Теперь они буквально мчались под горку по узкой извилистой улице. Плащ Магиры развевался и хлопал на ходу. Принцесса, услышав о намечающемся угощении, едва могла справиться со спазмами в желудке.

— Я так проголодалась, — робко сказала она. — Возможно, горный воздух пробуждает аппетит.

Ты спала пять дней, принцесса.

— Боже мой! — только и смогла выговорить Харамис.

За это время наши целители подлечили твои руки и ноги. Наверное, ты ощущала что-то во сне.

— Да, но мне мерещилось и кое-что другое...

Магира словно споткнулась, замедлила шаг. Тревожно взглянула на принцессу — зрачки у виспи были чистейшего изумрудного цвета. В ее мысленной речи прозвучала откровенная озабоченность:

Мы ведаем, что сын Зла разговаривал с тобой. Он обладает магическим зеркалом, которое может показать все, что существует на свете, — любой предмет, любое существо. Зеркало это укрыто в глубокой пещере в недрах горы

Бром. Единственное, что тебя пока спасает,— это твой амулет...

— Выходит, он может являться ко мне во сне?

Да, зная, что ты здесь. Но если ты проснешься, его чары прекратятся. Пока ты бодрствуешь, он не в состоянии связаться с тобой.

Любопытство оказалось сильнее страха, и в дальнейшем Харамис решила обстоятельнее поговорить об Орогастусе. Что-то в пристальном интересе, которое маг выказывал по отношению к ней, было не так... Вслух же она сказала:

— Каким образом ваш народ выживает в этой долине?

Мы выращиваем такие же сельскохозяйственные культуры, что и на равнине,— правда, только те, что не требуют много света. У нас есть домашние животные — в горах мы разводим тогаров и панчаков, а на пастбищах — волумниалов и особую породу фрониалов. В сухой сезон они находятся на выпасах, в дождливый, когда начинаются обильные снегопады, мы их укрываем в теплых пещерах.

— Так вы этих животных вымениваете у уйзгу?

Да, они плохо плодятся в горах.

— Вы ведь еще торгуете драгоценными камнями и металлами. И больше ничем?

Этого вполне достаточно, принцесса, чтобы всему маленькому народу и людям хватало на такие украшения, которые ты видишь на своем платье и перчатках. В прежние годы наши купцы ходили с караванами до самого Тассалейского леса, уйзгу служили нам проводниками и посредниками. С тех пор как в Гиблые Топи пришли рувендиане, спрос изменился и обмен резко сузился — товары, которые мы поставляли, стали в больших количествах производить в ремесленных мастерских.

— Почему вы запретили чужакам появляться в ваших владениях?

Магира пожала плечами.

Долин, где бьют горячие источники, очень мало, и расположены они далеко друг от друга. В наших краях очень важно сохранять равновесие между природой и человеком. Мы — первый народ, который был создан для жизни в этих

нелегких условиях. Когда-то на всем Полуострове климат был куда суровее, чем теперь. Мы расселились повсюду. Когда же потеплело, виспи начали отступать в горы. Нас осталось очень мало, хотя достижений своей культуры мы не утратили. Постепенно, с ходом времени, подчиняясь внешнему воздействию, отдельные наши племена стали видоизменяться. Очень сильно на этот процесс повлияли своеволие и распущенность, возобладавшие в тех кланах. Они начали спариваться с ужасными тварями, населяющими Гиблые Топи. Но наши горы — это наши горы, мы будем защищать их до последней капли крови, до последнего виси. У нас есть чем обуздать любого захватчика. Хотя бы Глаза Урагана. Пока мы принадлежим к роду священного Триллиума и поклоняемся Белой Даме, мы будем защищать Виспирский проход между Рувендой и Лаборноком.

Харамис застыла на месте.

— Тогда как же, — воскликнула она, — король Волтрик сумел прорваться в Рувенду?

Увы!.. Белая Дамы не подняла вовремя тревогу, и когда стражи-виспи обрушились на врага, их сила была усмирена колдовской мощью сына Зла. Ведь наши снежные смерчи — это всего-навсего иллюзия. Он приказал лаборнокским солдатам не обращать внимания на внешние эффекты и поражать их создателей, которые — увы! — тоже созданы из плоти и крови. Захватчики погубили более трехсот наших соплеменников, что жили в селениях, расположенных вблизи прохода.

— Простите, — покраснела Харамис, — я не знала. До нас, в Цитадель, дошло очень мало сведений о том, как лаборнокцы преодолели Охоганские горы, как они овладели Дайлексом, как миновали все опасные места, где были расположены наши засады и укрепленные пункты. Все произошло внезапно, никто не успел опомниться...

Наступили сумерки, и на фоне темнеющего горного склона вдали ярко засветились стрельчатые высокие окна в величественном здании. Оттуда доносилась музыка...

Магира распахнула дверь и пропустила принцессу вперед. Харамис сразу попала в шумную нарядную толпу.

Виспи здесь было несколько сотен, кое-кто сидел за просторными круглыми столами, многие танцевали в центре зала.

В дальнем от входа конце находилось возвышение, на котором вокруг стола сидели старейшины в роскошных одеждах. За их спинами на стене висело знамя, и на нём — бриллиантовый Триллиум. Женщины-виспи были наряжены так же, как и Магира, — в цветастые платья, правда, приглушенных тонов. Мужчины — по большей части в голубоватых коротких туниках и того же цвета штанах, заправленных в высокие, до колен, белые сапоги. Их пояса тоже были усыпаны самоцветами.

Как только гостя вошла в зал, все радостно закричали. Магира провела Харамис к возвышению. В первые мгновения принцесса едва не потеряла сознание от обилия света, шумных возгласов и приветственных криков, мысленных призывов и вопросов. Магира поддержала ее под локоть.

Прекратите!

Сознание Харамис больше не могло сопротивляться...

И вдруг наступила тишина.

Облегченно вздохнув, принцесса сделала книксен.

— Благодарю, — сказала она. — Я высоко ценю ваше гостеприимство, но боюсь, что ваша манера общения слишком непривычна для меня.

Мужчина почтенного вида — зрачки его глаз были затянуты пеленой — поднялся со своего места. Принцесса догадалась, что он слеп, но видит ее.

Дорогая принцесса, прости нас. Мы нечаянно напугали тебя. Наша радость, связанная с твоим появлением в городе, безгранична. Я приветствую тебя от имени всех виспи! Меня зовут Каримполь, я являюсь главным ясновидцем Мовиса. Мы давно ждем тебя. Нам было известно, что крылатые семена священного цветка должны были привести тебя в наш город... если, конечно, у тебя хватило бы сил добраться до нашей долины. Все это время, как ты оставила Нот, мы приглядывали за тобой. Мы видели, как ты боролась с отчаянием, как старалась преодолеть себя. Когда

ты, принцесса Харамис, пересекла снеговую линию, нам казалось, что силы оставили тебя. Наблюдая за тобой, мы были поражены мощью твоего разума, но с горечью должен признаться: многие из нас поддались лукавой мудрости древних, утверждавших, что мысль убивает действие, и в тот момент, когда крайне необходимо проявить волю и настойчивость, выдающийся интеллект способен погрузиться в сомнения. Ум теряет веру в необходимость и важность цели, обессиливает тело думами о смерти. Все виси рады, что ты нашла в себе силы преодолеть самый трудный момент испытания. Ты все преодолела, ты готова была пожертвовать жизнью, только бы исполнить завет. Великое благо для всего Народа, что выбор судьбы пал на тебя. Мы молились за тебя, молилась Белая Дама. Ты сумела в одиночку достичь границ наших земель, а подобное испытание не под силу даже здоровому и храброму мужчине. Когда ты переступила рубеж, мы позволили тебе прийти к нам.

На Харамис волнами накатывались одобрительные мысленные восклицания. Ей желали добра, здоровья, долгих лет жизни, успехов в достижении цели. Прихлынувшие чужие мысли сплетались в возбуждающий, радующий сердце венок. Принцесса подняла голову и едва слышно спросила:

— Вам... Вам было запрещено помочь мне раньше?

Да! Ради тебя самой!.. Когда ты отправилась в дорогу, ты не знала, что главным условием достижения цели было преодоление всех трудностей, подстерегавших тебя в пути. Никто из нас, включая Белую Даму, не имел права нарушить предсказание, иначе все муки оказались бы напрасны.

— И теперь... Теперь я завершила круг? Трехкрылый Диск у вас? Вы вручите его мне?

На завтрашнее утро у нас назначен урок. Мы решили обучить тебя вождению гигантских птиц, которых мы называем ламмергейерами. Твой талисман укрыт за много лиг отсюда, в ледяной пещере на горе Джидрис. Птицы доставят тебя к пещере. Мне неизвестно, когда и чем завершатся твои поиски. Мне не дано это провидеть... Само по себе обладание Трехкрылым Диском ничего не значит. На владение

же им должно быть дано разрешение высших сил. Как это произойдет, нам неизвестно.

— Мне было предписано Великой Волшебницей вернуться к ней, в Нот, как только талисман окажется у меня в руках. Она сказала, что его необходимо соединить с теми волшебными предметами, которые должны добыть мои сестры, причем нам необходимо иметь все составляющие Триединого, иначе все труды окажутся напрасными. Следует ли мне после обретения своей части помочь Кадии и Анигели?

Харамис, лепесток священного Триллиума, мы не знаем. Думаю, ты должна решить этот вопрос самостоятельно.

— Я — старшая сестра и несу ответственность за Анигель и Кадью. К тому же у маленьких народцев, населяющих болота, существует поверье, что женщина из королевского дома Рувенды свергнет ненавистное иго. По всей видимости, эта женщина — я! Корона Рувенды была вручена мне — значит, высшими силами мне вменено в обязанность освободить нашу истерзанную землю.

Гигантская птица отнесет тебя, куда пожелаешь. Мы не имеем возможности теперь, когда ты достигла наших пределов, давать тебе советы, а тем более приказывать. Мы можем только поддержать тебя, отпраздновать твое прибытие и ускорить отлет. Теперь прошу тебя, займи место за нашим столом. За эти пять дней у тебя во рту снежинки не было. Мы приготовили для тебя самые вкусные блюда. Прошу, отведай нашего хлеба.

— Благодарю, — церемонно ответила Харамис, — для меня большая честь разделить с вами трапезу.

Ясновидец уларил в ладоши.

Принесите угощения и сласти, медовые фрукты и подогретое вино! Пусть громче играет музыка — танцуйте и веселитесь. Сегодня праздник осуществленного желания, мир теперь намного ближе к восстановлению равновесия... Возблагодарим Белую Даму, Владык воздуха и Триединого Бога!

Радостные возгласы раздались в городском зале, боковые двери распахнулись, и под высокие своды зала

вступили повара и слуги, несущие золотые и серебряные подносы с диковинными блюдами и узкогорлые высокие кувшины с напитками. Музыканты грянули бравурный марш, и все присутствующие поспешили занять места за круглыми столами.

Принцесса сняла перчатки, скинула плащ и села на стул с высокой спинкой, указанный ей ясновидцем Карримполем. Рядом устроилась Магира. Харамис на мгновение почувствовала легкое головокружение от обилия пищи и даже прикрыла глаза, как вдруг ощутила, что обрела способность проникать взором через стены. За пределами зала она ясно различила редкие звезды, лениво поблескивающие в поздних сумерках. Там, где тучи закрыли небо, шел обильный снегопад. Хлопья густо сыпались из поднебесья, достигали слоев теплого воздуха, укрывшего долину Мовис, быстро таяли и обрушивались на землю обильным дождем. Сначала капли перестукивали редко, потом убыстрили бег и, наконец, гулко ударили в крыши и захлопнутые ставни окон. Неожиданно ей послышался голос человека, звавшего ее из неведомой дали...

Харамис очнулась, огляделась — вокруг светили те же факелы, играла музыка, сияли радостные лица. И голос, окликнувший ее, исчез. Кто-то из виспи предложил ей отведать чудесного вина из старых подвалов. Принцесса кивком выразила согласие и, когда ей наполнили бокал, до дна осушила его. Потом улыбнулась...

Глава 22

Внезапный обрыв телепатической связи скорее позабавил Орогастуса, чем рассердил.

— Повеселись со своими виспи, Харамис. Попрыгай, потанцуй, — задумчиво проговорил он. — Я буду вновь и вновь вызывать тебя. Наступит срок, когда ты вынуждена будешь ответить.

Великий маг расположился в своей библиотеке. Он решил досконально изучить все сведения о Триедином Скипетре. По-прежнему за окном-бойницей бушевала буря, выл ветер, метель заносила дороги.

На столе лежала раскрытая толстая «Книга предсказаний» — основной источник по истории магических ритуалов, свершений и предсказаний Полуострова. Орогастус тщательно изучал ее. В одном месте он нашел упоминание о Триедином, в другом — скупой намек на то, что придет день, и он сольется воедино. Тогда произойдут удивительные события. В другом пророчестве (он специально познакомил с ним короля Волтрика) утверждалось, что Три Лепестка Животворящего Триллиума являются силой, которая погубит лаборнокский трон. Но в книге ничего не говорилось о связи между принцессами и магическими талисманами. Наконец волшебник отложил древний фолиант и решил покопаться в своей коллекции всевозможных свидетельств, заклинаний, магических формул.

В книгах, которые ему удалось раздобыть в Лаборноке, не оказалось ничего интересного, также никчемными были свидетельства былого, занесенные в тома, которые были доставлены из Вара и Рэктама. Тогда он обратился к самому древнему фолианту — «Энциклопедии Сил Тьмы», которую привез с собой из своего прежнего убежища в Тузамене. Его словно озарило — конечно, именно в этой книге упоминалось о чем-то подобном. Он лихорадочно принялся листать страницы. Вот она, глава «Триединый Талисман»! Но что это? Всего несколько слов...

«Устройство великой потенциальной мощи, предположительно доверенное виспи исчезнувшим народом для хранения до наступления рокового дня».

Замечательно! Но что это устройство должно совершить?

Орогастус не спеша обошел библиотеку, постоял у каждого стеллажа — вчитывался в названия книг, прикидывал, потом принялся просматривать тома, не имеющие отношения к магии. Так он добрался до плохо сохранившегося тоненького трактата, добытого в островном княжестве Энджи. Наконец-то повезло! Он прочитал примечание: «Великий Триединый Скипетр Власти, принадлежащий расе виспи. Наиболее древняя из святынь, которую этот народ должен сберечь, пока не наступит день...»

Опять какой-то день! Что за день? В чем его «роковое» значение? Что же с помощью этого скипетра можно совершить? Одно стало совершенно ясно — появление этого объекта предопределено Исчезнувшими, так что это событие непременно случится — по крайней мере, так утверждают источники. И эта штука должна потрясти основы мироздания.

— Недурно...— пробормотал Орогастус. Он немного поразмышлял, потом заговорил сам с собой: — Итак, что же мы имеем? Три волшебных предмета и трех девиц, разыскивающих их.

Он встал, заложил руки за спину и прошелся по библиотеке. Потом постоял у окна, наблюдая, как бесится за окном снежная буря. Совсем не по времени, подумал маг. Еще десять дней до наступления сезона дождей, а непогода разыгралась не на шутку. Может, это опять происки этих смутьянов виспи, закадычных дружков небезызвестной Бины, все время сующей палки в колеса. Эта дамочка, как утверждают старики-сказители, вполне способна заклинаниями вызвать подобную бурю. Конечно, выжившим из ума старцам верить не следует, но и напрочь отбрасывать старинные легенды тоже глупо. Не на пустом же месте они возникли.

Этот небывалый буран лишь подчеркивает важность его розысков. Принцессы должны быть схвачены как можно быстрее. Следует заманить их в ловушку, а это возможно осуществить только отсюда, с горы Бром, и только до наступления зимних бурь. Когда на Рувенду обрушатся муссоны, будет не до принцесс. Искать их в этом крошечном болотном аду станет бесполезно.

— Три волшебных талисмана, сложенные определенным образом, оказываются Скипетром Власти... Доверены они виспи... Теперь части разъединены и спрятаны в разных концах Рувенды. Если так называемые Лепестки Священного Триллиума найдут свои талисманы и соединят их, тогда в их руках окажется таинственный Триединый...

Загадка казалась неразрешимой, и это было неприятно. Орогастус не выносил ощущения бессилия, не давав-

шего покоя ни днем, ни ночью. Когда-то его мучило честолюбие, и после долгих усилий он нашел верный путь удовлетворить свою жажду власти. Теперь вновь перед ним возникло непонятное и оттого непреодолимое препятствие. Ясно, что речь идет вовсе не о судьбе лаборнокской династии. Бог с ним, с Волтриком! Это такая мелочь! Дело касалось его, Орогастуса, судьбы! Его планов и замыслов. Неужели бессонные ночи на протяжении сотен лет, неустанные бдения над книгами, все тяготы и лишения окажутся напрасными?

Спокойно! Нельзя терять голову. Не спеши — сядь к огоньку, обогрей ноги, протяни к пламени руки, впитай силу адского жара. Расслабься! Разве все так уж плохо? Вовсе нет. Просто жизнь состоит не из одних удач. А что, если позволить принцессам отыскать назначенные талисманы? Ведь по отдельности эти предметы не представляют опасности. Или представляют? Вряд ли... Об этом упоминалось бы даже в тех кратких свидетельствах, которые он изучил. Итак, принцессы находят талисманы, но пока они врозь, и им нужно время, чтобы встретиться. Вот этот промежуток и есть самый подходящий момент для их захвата.

— Эх, сведений маловато! — в сердцах воскликнул он. — Что можно придумать на основании таких куцых обрывков?

Конечно, обладание Триединым Скипетром — сладкая мечта. Но не за облаком ли он тянется?

Орогастус поворочался в кресле, выпрямился — его седые волосы маслянисто поблескивали в зыбком свете. Он положил руки на подлокотники, закрыл глаза, произнес заклинание. Когда он поднял веки, перед глазами его слуг в далекой Рувенде вспыхнули яркие звезды.

Первым на связь он вызвал Зеленый Голос, который оставался в Цитадели. Колдун приказал ему немедленно просмотреть книги в королевской библиотеке и выписать все, что касается Животворящего Триллиума, Триединого Скипетра Власти и его составных частей.

— По-видимому, они хранятся у виспи. К этому делу следует привлечь всех мало-мальски грамотных лабор-

нокцев. Невзирая на звания и титулы... Отличившиеся будут представлены к награде. Возьми с них страшную клятву, что все найденные сведения должны храниться в тайне и сообщаться только тебе. За нарушение клятвы — смерть! Ни один рувендианин не должен в этом участвовать. Все ясно?

— Ясно, хозяин. Будет исполнено.

— Что там с королем? Как его здоровье?

— Его величество пошел на поправку, — ответил Зеленый Голос. — Слава Богу, что вам удалось добраться до замка и отыскать этих девок. Его величество поздравляет вас и выражает свое одобрение. Он приказывает не спускать с принцесс глаз. Волтрик приказал поднести себя к окну, из которого он лично дал наставления обоим поисковым отрядам. На следующий день король отведал мясную пищу.

— Отлично! Теперь доложи насчет общей политической обстановки. Как идет усмирение непокорных?

— В Цитадели и ее окрестностях все тихо. Большинство жителей столицы, не принимавших участия в битве, присягнули на верность Лаборноку, хотя и неохотно. Организованного сопротивления не замечено. Аристократы из южных частей королевства попрятались в болотах и никакой опасности не представляют. В сохранившихся поселениях в области Дайлекс поставлены гарнизоны, исключая самые дальние районы Прок и Гойк. Урожай собран в обычном размере. К концу сезона дождей кое-где возможен голод, однако нашей армии запасов безусловно хватит.

— Хорошо. Как насчет торговли?

— Ярмарка в Тревисте открылась. Торгуют в основном целебными травами, настоями, бальзамами, специями, красками. Хозяева караванов ждут следующего сезона, сейчас осталось мало времени. Склад строевого леса остановлен до окончания сезона дождей. Город Тасс, где самые обширные склады, избежал погрома. Местные ремесленники сдались на условии сохранения собственно-

сти и возможности продолжать работу. Там поистине необъятные запасы деловой древесины. Все это будет вывезено по окончании дождей.

— Отлично. Я тобой доволен, мой Голос. В течение ближайших двух дней я снова свяжусь с тобой.

— Желаю вам удачи, повелитель.

Мысленный образ Зеленого Голоса растаял. Теперь Орогастус направил ясновидящий взор на запад. Здесь он отыскал флотилию генерала Хэмила, движущуюся в сторону Тревисты. Он не стал связываться с Красным Голосом — пока экспедиция не достигнет Тернистого Ада, говорить не о чем. Ему следует хорошенько изучить этот затерянный мир и наметить план поимки принцессы.

Синий Голос доложил хозяину, что первый день поисков принцессы Анигели не принес успеха. Никаких следов! В этом не было ничего удивительного для Орогастуса — в книгах он нашел указание на необычный способ передвижения, которым она пользовалась. Ясно, что подобную каверзу могла подстроить только Великая Волшебница. С подобной тягловой силой, какую представляли риморики, Анигель всегда будет иметь преимущество перед любым высланным на розыск отрядом. В настоящее время принц Антар отставал от нее на два дня. Единственным выходом было предугадать, куда она направляется, и выставить на ее пути засады.

Поразмыслив, волшебник решил обратиться со своими сомнениями к ледяному зеркалу. Он отправился в подземелье...

— О, могучее зеркало, рожденное чудесным льдом! О, творение Исчезнувших, ответь мне!

Округлое пятно не спеша начало расширяться из центра. Наконец бездонная сереющая муть засветилась, раздался тот же надтреснутый голос. Что-то невнятно прошептал...

Проклятье! Орогастус едва сдержал возмущенный крик.

Опять невразумительное бормотанье, потом на ровно сияющем экране где-то сбоку вспыхнула яркая точка и сразу погасла. Словно задули горевшую свечу.

Тысячу раз проклятье! Свет помигал и погас — вновь перед магом была заиндеветая гранитная стена. Холод пробрал Орогастуса до костей, в ушах звенело от гулкой, скрывающей опасность тишины. Возможно, зеркалу следовало дать отдохнуть подольше, нельзя так часто обращаться к нему. Выходит, на этот раз он остался без под-сказки? Нет, сведения хотя бы об одном объекте он должен получить. Пусть скажет, где искать Анигель, все равно две другие принцессы вне пределов его досягаемости.

— Чудо, рожденное льдом! — Орогастус, вскинув руки, воззвал к зеркалу. — Пусть Силы Тьмы возродят твою мощь. Только один объект интересует меня.

Вновь та же самая игра света, но на этот раз все закончилось появлением вращающейся многоцветной спирали. Зеркало ожило. Следом раздался невнятный, но все же различимый голос:

— Запрос... принят. Имя?

— Принцесса Анигель из королевского дома Рувенды.

Орогастус мысленно представил образ девушки и переревел дыхание.

— В розыске... Сканирование... началось...

Спустя несколько секунд на стене возникла карта, немного смазанная, однако пока вполне различимая. Анигель находилась на озере Вум, ближе к западному берегу Зеленых Топей. По всей вероятности, путь ее лежал к городу Тассу, к великому Мутарскому порогу. Больше ей вроде бы некуда направляться. Что за сумасбродство? Выходит, она сама идет в руки?

— Принцесса Анигель из королевского дома Рувенды. Местоположение: Са, пятьдесят один, два; Ла, двадцать два, четыре по сетке Ома.

Затем появилась картинка — очень тусклая, почти серая.

Лодка, влекомая римориками, по-прежнему мчалась на юг. Путь принцессы лежал сквозь затопленные, поросшие тростником лагуны на западной стороне озера. Плыли они под прикрытием могучих деревьев, с ветвей которых на женщин падали маленькие, размером с монетку, кровососы.

— Если ты считаешь этих пьющих кровь тварей ягодами,— сказала маленькая туземка, обращаясь к принцессе,— то ошибаешься. Это только цветочки. Ягодки будут в Тассалейском лесу.

— Ага! — воскликнул Орогастус.— Теперь-то вы попались!

Ледяное зеркало немедленно поправило его:

— Неверная команда. Срочно проверьте вашу программу. Ухожу на подзарядку.

Изображение тут же погасло.

Волшебник не мог скрыть радости. Теперь у него был кончик нити, которая рано или поздно приведет его к принцессе. Когда он вышел в главный зал ледяной пещеры, голос его звучал торжественно и чуточку весело. С той же едва заметной игривостью он возблагодарил духов Тьмы.

Глава 23

Светящийся в воде жезл недолго вел Кадию и Джегана по спокойному широкому Нотару — скоро алеющая тростинка свернула в безымянный приток и решительно двинулась вверх по течению. Когда стало окончательно ясно, куда им придется направиться, даже у Джегана задрожали руки. Он поверить не мог — они уже находились у границ Тернистого Ада, обиталища скритеков, самого страшного уголка на всех Гиблых Топях, а подаренный Белой Дамой проводник и не думал сворачивать в сторону.

Да, волшебная тростинка не очень-то подгоняла их, давала время поразмыслить, подготовиться. Вообще этот магический предмет вел себя, как отметила Кадия, очень деликатно. Словно ему было дано понять, что выбранный маршрут далеко не из легких... Куда там, не из легких! Это было смертельно опасное путешествие. Но делать было нечего. Джеган поворчал-поворчал и, припомнив все свои уловки, принялся маскировать лодку, готовить Кадию и

себя. Прежде всего следовало убить всякий человеческий запах. С этой целью он заготовил баклажку сока какого-то растения, обильно натерся им сам и заставил тщательно намазаться принцессу.

Затем охотник взялся за лодку. Не прошло и часа, как утлое суденышко превратилось в островок, сплошь заросший тростником.

Хорошенько подготовившись, обговорив все возможные варианты поведения в непредвиденных обстоятельствах, ранним утром они отправились в путь.

Уже в первый день путешественники дважды столкнулись со скритеками. В первый раз, заметив сигнал опасности, Кадия бросилась на дно лодки, рядом пристроился Джеган.

Когда группа скритеков оказалась совсем близко, принцесса невольно зажала рот ладонью — от них шла невыносимая вонь. Ее чуть не вырвало. Все рассказы, которых ей пришлось слышать, не шли ни в какое сравнение с тем, что она увидела воочию. Скритики оказались на редкость омерзительными созданиями.

Встреченный ими отряд, по-видимому, вышел на охоту. Туземцы разделились на две группы — первая, где по большей части находились молодые особи, заняла позицию на выступавших из воды громадных мшистых камнях; другая, громко шлепая и тыча в жидкую болотистую муть тупыми концами необработанных копий и дубинок, погнала в их сторону всю живность, которая попала в облаву. Когда скритики замкнули круг, рыбы сразу забились в воде, птицы попытались улететь, но на них набросили сети. Шум стоял невыносимый, но то, что случилось потом, совершенно потрясло Кадия.

Скритики не стали пересчитывать добычу, собирать ее, а тут же, разрывая на части, принялись засовывать живых существ в пасти, украшенные рядами острых клыков.

Кадия едва сдержала приступ рвоты, однако взгляда не отвела. Она должна наблюдать за врагами, знать их обычаи, привычки — этому ее учил Джеган, а он был неплохой учитель, раз ее голова пока цела.

Как только скритеки исчезли, в воде вновь засветился их путеводитель. Где же он прятался все это время? Кадия вздохнула — одни загадки, а сколько их еще встретится в пути... Выходит, эта волшебная вещичка способна отключаться? Чего только не бывает на свете!

Между тем, пристроившись на корме, Джеган, беззвучно шевеля веслом, вел лодку на закат.

Вторую партию скритеков они встретили ближе к вечеру. Эти вели себя немного странно — не шумели, не рвали добычу на части. Впечатление было такое, что скритеки шли по следу. И среди них был пленный! Кадия чуть слышно охнула, Джеган тут же резко ткнул ее в затылок.

Ее первое впечатление оказалось ошибочным. Человек, шедший со скритеками, вовсе не походил на пленника. Голова его была прикрыта капюшоном, плащ перепоясан в талии, на поясе — меч, в правой руке — короткое, искусно сделанное копьё. Дважды он что-то невнятно бросил идущим рядом скритекам — звуки были гортанные, на первый взгляд нечленораздельные. Затем ему пришлось поспорить с аборигенами — один из них, по виду более пожилой, чем другие, указал направление, в котором следовало двигаться, человек же, опять странно завершав, ткнул пальцем в другую сторону.

И его послушались! Не бросились на него, не растерзали, не пустили в ход свои кривые дротики. Послушались!.. Сердце принцессы сжалось. За всю историю Полуострова ни в одной из легенд, ни в одном предании уйзгу и ниссомов не было даже намек на то, что скритеки способны общаться с другими расами. Теперь эта страшная тайна раскрыта — Джеган и Кадия воочию убедились в том, что Волтрик или Орогастус сумели склонить к сотрудничеству этих злобных, выводящихся из икринок тварей.

Тем не менее слухи о скритеках как о самых изощренных, коварных и безжалостных убийцах имели под собой твердую почву. Надо быть очень храбрым человеком, чтобы вот так разгуливать в компании с этими изуверами. Пусть даже у незнакомца были на то серьезные причи-

ны. Поведение незнакомца подсказывало, что власть над скритеками он приобрел не силой и не вдохновенное слово смирило злобный нрав обитателей Тернистого Ада. Здесь был использован какой-то другой прием — возможно, магическое заклинание... Выходит, этот незнакомец — один из Голосов. Кадия бросило в дрожь, она невольно ухватила за амулет. Янтарная капля была холодна как лед. Триллиум словно помертвел, ни искорки, ни огонька не рождалось в глубине амулета. Неужели злые чары погубили и его?

Кого разыскивала в этих диких местах банда скритеков, было ясно. Кадия не знала, где в настоящую минуту находятся Анигель и Харамис, но она-то была здесь, и эти негодяи, ведомые слугой колдуна, отыскивали именно ее. Но каким образом отряд скритеков во главе с Голосом узнал, что она находится в Тернистом Аду? И почему скритеки, располагаясь в такой близи, не могут завершить дело коротким броском на беззащитную кучу желтеющей травы? Ответ на первый вопрос напрашивался сам собой: Орогастус имеет возможность откуда-то издали следить за ее перемещениями. Ответ на второй предполагал, что колдун находится далеко и не имеет возможности ежеминутно связываться со своим помощником.

Да, магию, оказывается, не так-то легко обмануть!

Девушка невольно взглянула за борт, в промежуток между пучками травы. Жезл спокойно висел в воде, но не светился. Тогда Кадия извлекла свой амулет, сняла его и вытянула руку — так, чтобы он повис точно над волшебной палочкой. В то же мгновение амулет потеплел, в глубине янтаря побежали огоньки.

Таинственный враг, ведущий по ее следу кровожадных скритеков, погруженный в воду жезл, оживший Триллиум — все это взволновало принцессу. Какая же она невежда! Словно вылупившийся из яйца цыпленок. Нет, магия — великая сила!

Неожиданно их проводник встрепенулся, заметно налился алым свечением и тронулся с места. Первоначально он указывал на противоположный берег, по которому

спешила погоня, теперь курс изменился. Ни слова не говоря, Джеган привстал, переполз на корму и, работая веслом слева направо, двинулся вслед за тростинкой.

Они держались в тени берега. Течение здесь почти не ощущалось, и медленное перемещение кучи травы не могло вызвать подозрения. Подобных островков здесь, в застойной воде, было множество. И все-таки и Джеган, и Кадия были начеку. Охотник часто делал короткие остановки, вслушивался, нюхал воздух. Все было спокойно — только жужжание насекомых да неутомимый стрекот цикад доносились до них. Вот и рыбы начали всплывать на поверхность, зафыркали мелкие водяные крысы. Вокруг шла обычная вечерняя жизнь — еще немного, и сядет солнце, болота на мгновение замрут, а потом зазвучит ночная песня, последние аккорды которой затихнут только к рассвету.

Погоня скрылась вдаль, и все равно Джеган не рискнул выбраться на открытое пространство, к тому же и их проводник все время указывал на берег — точнее, на встававший из воды длинный вал травы. Приблизившись, Кадия решила, что это остров. На нем, казалось, даже деревья растут. Нет, они уже давно не росли... Мертвые голые стволы были плотно укутаны сетями каких-то переплетенных, неприятных на вид лиан. В гнездах, образованных их побегами, вольно расположились отвратительные, склизкие, ядовито-желтые, с красными прожилками, наросты.

Джеган указал на них девушке:

— Взгляни и запомни — это самые страшные местные губители живого. Они растут только на этой отравленной почве. Ни в коем случае нельзя их касаться. Это очень опасно.

Наступила полная тишина. Кадия со страхом вглядывалась в землю, которая не желала или не могла дать приют ни одному полезному растению, ни единой здоровой твари, а лишь самым ядовитым и смертоносным.

Но жезл по-прежнему указывал на этот адский остров. Неужели здесь им придется сойти на берег?

Мерзкое гнилостное зловоние разливалось вокруг. Среди мертвых деревьев чуть качнулись лианы, и в прогале появился скритек.

С первого взгляда было видно, что он не охотится, не выслеживает добычу — лицо его было перекошено гримасой отчаяния. Он едва тащился, пошатываясь, хватаясь за ветки и стволы, обливаясь потом. Его тело раздулось, чешуя местами была содрана, а возле живота белело что-то непонятное. Скритек рухнул на колени, потом зацепился когтистыми лапами за нависающий над головой сук и попытался встать. Сук с треском обломился. Оступившая от боли и страшного напряжения человеческая тварь — именно человеческая, глядя на его лицо, на жестикуляцию, на его страдания, подумала Кадия и пожалела его — вновь попыталась подняться на ноги. Скритеку это удалось, и, все так же шаря вокруг себя в поисках опоры, он кое-как сделал два шага и вышел на открытое место.

Девушка едва не вскрикнула от ужаса. Огромный живот скритека, раздутый до невероятных размеров, голый, напрочь лишенный чешуи, ходил ходуном: он то раздувался, то опадал, и где-то под ним, на уровне паха, извивались белые омерзительные черви величиной с ладонь взрослого человека. Кадия насчитала их с десятков, потом сбилась. Выползая из живота несчастного скритека, черви падали на землю и тут же принимали странную позу — сначала горбились, потом поднимали одну половину тела, опираясь на другую, и так застывали на несколько мгновений.

Джеган, лежавший рядом с девушкой, передернулся.

— Ларвае.— Голос охотника ослабел до шепота.— Они пожирают его изнутри. Там и выводятся, в животе.

Два или три червя, по-видимому, отстояв на хвосте положенный после рождения срок, горбясь и подтягивая туловище, поползли к воде. Голов в полном смысле этого слова у них не было — просто впереди был заметен небольшой нарост. Кадия с ужасом обнаружила, что направляются эти исчадия прямо к лодке.

Джеган молниеносным движением схватил духовую трубку, на мгновение раздул щеки, и первая стрела со свистом пронзила ближайшего червяка, следом на земле затрепыхался другой.

Наступила пауза. Скритек затих, опершись лапами о ствол погибшего дерева, живот у него перестал ходить ходуном. Воспользовавшись этой минутой, Джеган быстро подтащил к себе вещевой мешок, выхватил оттуда сложенную много раз ткань, развернул. Какая-то полупрозрачная вуаль... Охотник быстро отмотал необходимое количество, отрезал, сунул Кадии, жестом указывая, чтобы она обмотала ее вокруг головы. Девушка тут же исполнила его приказание. В мгновение ока Джеган тоже покрыл свою голову странной вуалью, наскоро проверил, как Кадия затянула узел, и мгновенно занял боевую позицию.

Между тем черви продолжали сыпаться из брюха скритека. Принимали охотничью стойку, потом, горбясь и подтягивая хвосты, устремлялись к воде.

На этот раз Джеган выстрелил не в ближайшего к ним, уже почти добравшегося до воды червя, а в отвратительные наросты, что густо цвели в переплетении лиан. Первый же плод, в который попала выпущенная охотником стрела, оглушительно взорвался. Вокруг него быстро распространилось густое облако зеленовато-золотистого тумана. Стоило одному из отростков коснуться соседнего нароста, как тот тоже лопнул. За ним следующий. И еще один... Треск побежал по сухим недвижимым джунглям, словно неведомая сила принялась крушить все подряд в этом мертвом лесу.

Джеган тем временем, схватив оба весла, торопливо погнал лодку прочь от островка, и чем дальше он удалялся, тем яснее становилось Кадии, что берег, возле которого они прятались от скритеков, — вовсе не остров. Это край страшной неведомой земли. Той, что называлась Тернистым Адом. От одного этого названия кровь застыла в жилах.

Кадия привстала — в прогалах между маскирующим лодку тростником было видно, что туман на берегу уже осел. На том месте, где были черви, по земле растекалась

желеобразная масса. Принцесса осторожно опустила руку за борт, схватила волшебную тростинку. Стебель священного цветка затрепетал в ее руке. Она невольно разжала пальцы, и жезл полплыл по воздуху, развернулся и указал на берег, за которым лежал Тернистый Ад. Кадия попыталась вновь поймать его, однако чудесный проводник увернулся и решительно вернулся в прежнее положение. Девушка взглянула на Джегана. Тот пожал плечами:

— Что тут поделаешь, Острый Глаз. Значит, нет у нас выбора. Придется отправляться в преисподнюю.

Возмущению Кадии не было предела. Как отважиться ступить на эту землю после того, что ей довелось увидеть? Принцессе много пришлось испытать за эти дни, но все трудности не могли сравниться с тем, что ждало их в Тернистом Аду. И кому это нужно, чтобы она сложила косточки в этом жутком месте? Другого исхода быть не может. Никто никогда не заглядывал в эти кишашие опасностями дебри, те же, кто все-таки рискнул сунуться сюда, живыми не возвращались. Земля скритеков была запрещенным для посещений местом. Не было ни одной легенды, ни одного предания, в которых эту область не называли бы сердшевиной Зла. Здесь копились темные силы...

Да, у них не было выбора, разве что вернуться назад. Но это исключалось — лучше погибнуть в Тернистом Аду! Она обязана до конца пройти по пути, указанному Великой Волшебницей. Принцесса, поколебавшись, ступила на краешек преисподней — вышла на берег невдалеке от того места, где несколько минут назад кишели белые черви. Жиха уже впиталась в сухую почву. Волшебная тростинка решительно двинулась вперед — правда, при этом стебель Триллиума благоразумно облетел скопление ядовитых шаров, развешанных на лианах. Движение затрудняли валявшиеся тут и там гниющие древесные стволы, глубокие лужи...

Джеган между тем замаскировал в прибрежных кустах лодку и присоединился к Кадии. Протянул ей вещевой мешок, помог надеть на спину, расправил лямки.

— Что там впереди? — с некоторым вызовом в голосе спросила Кадия.

Бывший королевский егерь неопределенно покачал головой:

— Кто знает! Если судьба нам улыбнется, мы сможем добраться до селений уйзгу. Вот так, королевская дочь...

Кадия обошла место, над которым висел желтый шар, стараясь не смотреть на белеющие рядом кости, и двинулась дальше.

— Судьба? — усмехнулась она. — Неужели все эти дни она будет улыбаться, глядя на нас?

Земля эта пугала с первых же шагов. Тяжело было сознавать, что все здесь источает смертельную угрозу. Кадия почувствовала, как трепещет каждая ее жилка — этот страх был необозрим, естествен, животворящ. С ним надо справиться, сжиться — это было единственным спасением. Как тогда говорил Джеган? Следует научиться верно чувствовать. Что ж, последуем его совету...

Тут же принцессе выпало и первое испытание. Дорогу преградил широкий ров, до середины заполненный зловонной водой. В одном месте упавший ствол образовал подобие моста, по которому можно было перебраться на другой берег. Уж не ловушка ли это?

Что ж, приступаем к воспитанию чувств, приказала сама себе Кадия. Сначала осмотрись, попробуй опору ногой. Так, первый шаг... Отлично! Еще шажок... Спокойней, осталось совсем немного. Ни в коем случае с бревна не прыгать. Проверь почву под ногой. Хорошо, можешь ступить на землю...

Следом шустро перебрался Джеган, обогнал девушку и двинулся вслед за тростинкой. Через некоторое время он неожиданно остановился, поднял левую руку и, обернувшись, тихо сказал:

— Здесь заночуем.

Кадия хотела возразить, что у нее вполне хватит сил пройти еще немного, но передумала. Джегану виднее...

Место, куда привел их волшебный жезл, располагалось на небольшом возвышении. Здесь не было ни мерт-

вых деревьев, ни ядовитых шаров. Все вокруг покрывала жесткая трава с острыми, как лезвия, краями.

С первого взгляда Кадии стало ясно, что сила разума, а не природа создала этот пологий холм. Конечно, ей приходилось видеть не так уж много древних развалин, но здесь ошибиться было невозможно. Для проверки она выдернула несколько пучков травы, разгребла землю и увидела под ней гладкую каменную поверхность.

— Что это? — спросила она у Джегана.

Вполне возможно, тростинка неспроста привела их сюда. Для чего бы могло предназначаться это сооружение?

Джеган поспешно оттащил девушку от оголенного камня:

— Это оставлено Исчезнувшими.

При этом он почему-то ткнул пальцем вверх и внимательно осмотрел тростинку, искрящуюся теперь черным пламенем.

Пламя несколько раз то удлинялось, то укорачивалось, словно указывая направление, потом запульсировало...

Джеган и Кадия переглянулись. Девушка осторожно двинулась вверх по покатому склону и вдруг замерла. Прямо под ногами открылось нечто, подобное гигантской чаше. Внутренняя поверхность ее тоже поросла жесткой травой. Охотник и принцесса осторожно спустились на дно, здесь Кадия неожиданно рассмеялась.

— Эта земля таит много сюрпризов. Возможно, судьба еще раз улыбнулась нам, я это чувствую. — Она раскинула руки и глубоко вдохнула. — Обрати внимание, какой здесь свежий воздух, и никакой гадостью не пахнет. Джеган, на сердце стало легче...

Странное место, отметил про себя Джеган. Действительно, легко дышится. Может, все и обойдется?

Глава 24

Отряд принца Антара, отправленный на поиски Ангели, состоял из двадцати рыцарей и шестидесяти солдат. К ним присоединился также небезызвестный Синий Го-

лос, который должен был указать местонахождение принцессы. Именно он постоянно держал связь со своим хозяином, магом Орогастусом. Лаборнокицы выступили из Цитадели на трех больших кораблях, на которые, кроме боеприпасов и провианта, было погружено большое количество мелких плоскодонок. Боевые фрониалы были оставлены в столице, несмотря на возмущенное ворчание лорда Карона и его друзей, хотя никто из рыцарей не мог вразумительно объяснить, где на просторах Гиблых Топей им придется сражаться верхом. Каждое судно имело три состава гребцов для увеличения скорости движения флотилии, и большие корабли буквально летели по тихим водам Нижнего Мутара и озера Вум.

После того как Орогастус во второй раз обратился к ледяному зеркалу, в состав экспедиции был включен Эдзар, имевший опыт общения с племенами вайвило, поставщиками строевого леса из Тассалейских чаш. Используя Синий Голос, волшебник связался с ним и изложил свой план поимки принцессы Анигели. Эдзар полностью согласился с магом — план был хорош во всех отношениях.

Флотилия быстро приближалась к городу Тассу, единственному на озере Вум. Собственно, городом его трудно было назвать — скорее, заброшенной деревушкой. На небольшом острове располагалось скопище доков, пристаней, складов, здесь же теснились скверные лачуги. Вокруг, насколько хватало глаз, поверхность озера была перегорожена бонами, внутри которых, в запанях, формировались плоты. Во время сезона дождей, когда ветры дули преимущественно в одном направлении, плоты под парусами перегоняли к северной части озера. Более ценные породы проходили в Тассе первоначальную обработку, потом пиломатериалы грузили на торговые суда и везли на склады, откуда их сухопутным путем по Великому торговому тракту отправляли в Лаборнок, который являлся главным покупателем древесины.

Свободные от караулов рыцари собирались на передней палубе флагманского корабля. Всех одолевала скука,

вот они и приходили послушать Эдзара. Не все же время пить и глазеть на джунгли!.. Руки у воинов чесались, пора было начинать охоту.

Первая попытка организовать поиски принцессы, которую они предприняли в окрестностях Цитадели, недалеко от Большой дамбы, едва не стоила жизни нескольким служакам. Рыцари и большинство солдат никогда раньше не управляли лодками, и никто из них не умел плавать. Экипаж каждой плоскодонки состоял из командира, трех вооруженных солдат и трех гребцов. Когда лодки были спущены на воду, началась неразбериха. Суденышки сталкивались, таранили друг друга, солдаты и рыцари то и дело падали в воду... Хорошо еще, что глубина в этом месте была по пояс. Рутань стояла такая, что никто не слышал криков команды, отдаваемой капитанами.

Результаты учения до глубины души потрясли не только принца Антара, но и весь отряд. Ясно, что отправлять по протокам необученных людей значило сорвать выполнение приказа. Тогда шкипер тактично предложил принцу не сажать столько людей в одну лодку. Лучше отобрать самых опытных гребцов и объявить награду для тех, кто первым заметит принцессу. Так и поступили. Дело сразу пошло на лад, однако первые дни поисков не принесли успеха. А принц Антар и так сомневался в успехе предприятия.

Когда флотилия приблизилась к указанному Орогастусом району, Антар сделался мрачным и раздражительным. Грубоватый лорд Ринутар поделился со своими приближенными догадкой, что, по-видимому, его высочество не очень-то рад порученному заданию. Эти разговоры дошли до ушей лорда Пенапата, который напроочь исключил такую возможность и пригрозил, что если Ринутар не придержит язык, то вполне может лишиться головы.

Ссора была предотвращена вмешательством самого принца, который с помощью своего маршала, лорда Ованона, восстановил порядок. После чего принц простоял несколько часов в одиночестве на носу корабля. Побеспокоить его никто не решился.

Когда корабль подошел к причалу, принц Антар вызвал Эдзара, распорядившись, чтобы тот захватил карты окрестностей озера Вум. Совещание они устроили тут же, на верхней палубе. Эдзар еще раз изложил план использования всех имеющихся в наличии сил. Было условлено, что каждый член отряда должен назубок знать порученное ему задание. Нельзя допускать никакой сумятицы, тем более разрывов в сети, когда лодки отправятся на охоту. На совещание Эдзар явился все в том же золотистого цвета плаще, однако оранжевую рубаху сменил на ярко-пурпурную. И шляпа, украшенная плодами и листьями, на нем была другая, с еще более широкими полями.

— Как вы сами видите, господа, — обратился торговец к присутствующим, — в озеро Вум впадают три реки, в том числе и Нижний Мутар. Вытекает же только одна — Великий Мутар, который пересекает Тассалейский лес. Одним словом, это единственный коридор, по которому можно попасть в расположенные на юге дебри. Если великий маг Орогастус правильно истолковал предоставленные ему данные и принцесса Анигель действительно направляется в эти края, — Эдзар очертил пальцем на карте зеленый разлив Тассалейского леса, — она в любом случае должна выйти к истоку Великого Мутара.

Теперь его палец указал на южное побережье озера.

Долговязый утрюмый Синий Голос, всю дорогу просидевший в своей каюте, ибо не выносил дневного света, обиженно заявил:

— Дорогой Эдзар, ледяное зеркало, принадлежащее моему всемогущему господину, не только дает изображение, но и позволяет слышать голоса. Сеансы длятся недолго, тем не менее мой господин ясно слышал, как служанка принцессы Анигели напомнила ей о тех трудностях, которые сопряжены с путешествием в Тассалейский лес.

Принц Антар хмуро взглянул на карту:

— Если мы упустим их здесь, у порогов, нам придется гнаться за ними по Великому Мутару. Через две недели начнется сезон дождей. Что тогда мы будем делать на

большой реке? Как переберемся через пороги на наших кораблях?

Эдзар, кашлянув, предложил:

— Мы могли бы спустить по слипам, по которым пропускают плоты, свои плоскодонки и продолжить преследование. Однако у вайвило есть свои очень быстроходные суденышки — они их швартуют ниже порогов. В обычных условиях люди не имеют права появляться ниже порогов. Но если у нас появится необходимость преследовать процессу в нижнем течении Мутара, мы можем... попытаться убедить вайвило... э-э... помочь нам.

Лорд Ринутар хихикнул:

— Как они смогут отказать таким парням, как мы?

Он выхватил меч и поднес лезвие к самому носу Эдзара. Тот отшатнулся, а довольный рыцарь убрал меч в ножны.

Синий Голос тихо произнес:

— Меня уполномочили продемонстрировать кое-что из искусства магии. Чтобы туземцы стали более сговорчивы и согласились помогать нам. Если мы используем методы господина Ринутара и дополним их моим, считая, мы без особых хлопот добьемся желанного сотрудничества... Конечно, в том случае, если отличный план, разработанный господином Эдзаром, не сработает здесь, возле порогов.

Лорд Ованон, ближайший друг и помощник принца Антара — молодой человек с приятным, умным выражением глаз, — неожиданно поднял указательный палец:

— Прислушайтесь, господа! Слышите грохот? Уж не пороги ли это?

— Вы правы, лорд, — ответил купец. — Это, вообще-то говоря, удивительное зрелище. Местный водопад совершенно непроходим ни для какого судна. Представьте себе ступень в шестьдесят элсов высоты, перегородившую все русло, и всю ту массу воды, которая рушится с этого каменного уступа. Только сплавщики вайвило рискуют пускать через Мутарский порог бревна самотеком. Эти забавные, на наш человеческий взгляд, существа выбирают самое большое, прямо-таки исполинских размеров

бревен, садятся на него и направляют в самую стремнину, а потом, распевая свои варварские гимны, ныряют вниз.

— И, без сомнения, тех несчастных людей, которых захватят, они пускают тем же славным путем, чтобы их души поскорее отлетели к небесам,— добавил лорд Карон.

Рыцари невесело рассмеялись.

— Нет, нет, господа,— запротестовал Эдзар.— При всем их диковинном виде эти вайвило... достаточно цивилизованны. Вот их ближайшие родственники глисмаки, которые живут дальше к югу, действительно дики и необузданны. Настоящие людоеды!

— Клянусь камнями Зото! — воскликнул один из рыцарей.— Неужели нам придется сражаться с людоедами?

— Будешь охранять наши плащи, Столофат,— издевательски засмеялся Ринутар,— когда мы вступим в бой с этими дикарями. Я смотрю, у тебя уже поджилки трясутся!

— Хватит вам! — оборвал перепалку принц Антар.— Вот что, Эдзар, изложи-ка еще раз предложенный план.— Потом он обратился к собравшимся: — А вы внимательно слушайте и запоминайте.

Эдзар, довольный и важный, ладонями расправил разложенную карту и пригласил всех подойти поближе.

— Взгляните, господа. Город Тасс расположен на острове у восточного берега озера. Вот этот канал, выводящий к порогам, напроць забит бревнами. Здесь, на западе, тоже расположено несколько крупных запаней, они все группируются возле торчащих из воды скал, которые называются Зубы Минджуно. Уже между этими островками становится заметно течение, которое выносит плоты к каскаду. Теперь смотрите сюда — западный берег озера представляет собой череду скалистых шхер, совершенно непроходимых, здесь и высадиться нельзя. Значит, остается только лесистый восточный берег... Но здесь кругом дороги, наземные и подводные сооружения и люди, а также направляющие для бревен, боны, вдоль них настилы — одним словом, все, что необходимо для фор-

мирования плотов и подтягивания их к большому слипу... Для сведения: слип — это такой длинный, широкий, с бортами желоб, по которому вода, а следовательно, и строевой лес скатываются в Мутар. Итак, вот здесь — единственный проход, через который можно добраться до слипа. Засады выставляем на всех участках — от Тас-са до самого слипа. Теперь зададимся вопросом: что мы знаем о противнике? Ну, об этой принцессе Анигели и ее служанке? Немного, но достаточно, чтобы понять — они способны на любую хитрость. Вспомним хотя бы поход в Тревисту... Следовательно, мы должны предусмотреть ряд дополнительных мер, чтобы не пропустить государственных преступников. Благо, опытных и храбрых людей у нас хватает...

— Короче, — прервал его тираду принц Антар. — Говорите по существу.

— Да, конечно, ваша светлость, — опомнился купец. — Итак, наша задача — перекрыть весь исток Великого Мутара, расставить корабли и лодки так, чтобы держать под обстрелом всю прилегающую акваторию. Следует также перерезать прилегающие к берегу лесные дороги. — Он обвел рукой открывавшуюся по левому борту местность.

Сразу от причалов начинались запани с проложенными по воде пешеходными настилами; ближе к берегу, на сваях, стояли длинные склады, на берегу — штабеля приготовленных для скатки бревен, чуть дальше — груженные лесом большие фуры с необычно большими колесами. Все было брошено, стояло без движения. Нигде не видно ни души.

— Война, — вздохнул Эдзар. — Кто попрятался, кто убежал в джунгли. Сколько богатства пропадает... Рувендиане-рабочие так и не приступили к своим обязанностям. Лорд Зонтил, доверенное лицо генерала Хэмила, поручил солдатам вверенного ему гарнизона навести здесь порядок. Он считает, что к концу сезона дождей положение исправится. Все сплоченные связки бревен в нужный момент будут переправлены к северному побережью озера, и к началу нового сухого сезона вся промышленность в этом краю заработает, как прежде.

— Не забивай наши мозги своей меркантильной чепухой, купец! — Лорд Ринутар ткнул пальцем в карту. — Ты даешь гарантии, что эта девка не ускользнет от нас, что другого пути в Тассалейский лес не существует?

Эдзар с достоинством ответил:

— Другого пути нет. По границе рувендийского плоскогорья проходит неодолимый откос — собственно, водопад и является его частью. При этом учтите, что придется идти нехожеными джунглями... Кому это под силу?.. В незапамятные времена одлинги проложили сухопутную тропу к востоку, от водопада, но с тех пор много воды утекло — никто не знает, где она проходит... Вот этот слип и лесопилка внизу, уже на Великом Мутаре, были построены первыми рувендианами, пришедшими сюда. Они использовали кое-какие сохранившиеся от Исчезнувших сооружения. Так что другого пути нет.

Все три корабля лаборнокской флотилии пришвартовались у главного причала города, как гордо именовалась на карте эта деревушка — Тасс. Бросалось в глаза запустение на складах, возле штабелей, на запанях. Всюду были видны солдаты, и только несколько рувендиан с угрюмыми выражениями на лицах по цепочке втягивали сходни на палубы прибывших судов. Почетный караул был выстроен у самого причала. Рыцари в богато украшенных доспехах стояли впереди. Все с нетерпением ждали, когда же его высочество соизволит сойти на берег.

Однако принц Антар совсем не спешил принять доклад. Его, кажется, совсем не занимала торжественная церемония встречи — он по-прежнему, не отрывая взгляда от карты, давал указания.

— Итак, мы должны развернуть наши силы следующим образом. Прежде всего делим весь личный состав на три части. Ованон возглавит первый отряд, Додабилик — второй, Ринутар — третий. В ваши обязанности входит перекрыть сухопутные пути от сплавного слипа до того места, где обрывается древняя тропа, и водный маршрут — от прибрежных запаней до Зубов Минджуну.

— Разве вы не будете непосредственно руководить операцией, ваше высочество? — осведомился Ринутар без скрытого ехидства.

— Нет, — спокойно ответил Антар. — Я и Синий Голос будем координировать действия всех отрядов. Мы должны до конца использовать наше преимущество в определении их точного местонахождения. Кроме того, Синий Голос имеет возможность связываться с вами на расстоянии телепатически. Пенапат тоже останется с нами — его нога еще не зажила после купания в реке. Он возглавит группу посыльных и сигнальщиков, которые будут передавать мои приказы. Мы должны быть абсолютно уверены, что принцесса Анигель не проскочит через наши сети во второй раз.

На третий день путешествия по озеру Анигель и Имму нашли убежище под нависшими над водой ветвями раскидистого плакучего дерева, корни которого накрепко вцепились в расщелину на скалистом западном берегу Вума. Тут они и устроили короткий привал. Издали отчетливо доносился похожий на раскаты грома рев Мутарского водопада. Из укрытия отлично просматривались выступающие из воды скалы, которые Имму назвала Зубами Минджуно. Далее был виден остров, на котором располагался Тасс.

Анигель задумчиво вглядывалась в сверкающую на солнце, густую, парящую пелерину, висевшую над порогом. Трудная задача стояла перед ней. Как объяснила няня, если держаться севернее Зубов, то можно спокойно добраться до бонов, а там и до огромного лотка, по которому в Великий Мутар спускали бревна и плоты. С юга эти скалы огибать опасно — вполне можно угодить в течение, которое неминуемо увлечет лодку в бездну. Так или иначе, миновать это место было нельзя.

Имму, разложившая на банке скудный завтрак, между тем все говорила:

— Нечего голову ломать. Как ни крути, а выбор не богат. Ну-ка, садись, перекуси... — Руки ее проворно ре-

зали хлеб, ломали корешки, делали бутерброды.— Дождемся ночи, затем доберемся до восточного берега и обогнем справа эти дьявольские Зубы. По восточному краю проходит лесовозная дорога, до нее не больше полулиги. Там отыщем пешеходную тропу, ведущую к старой рувендийской лесопилке по ту сторону порога. Стащим какую-нибудь лодчонку — и были таковы.

— А как же риморики? — спросила Анигель.

— А что риморики? Не вечно же держать их в узде! Они не домашние животные. Придется их отпустить, пусть возвращаются в родные края. Ты думаешь, что навечно их запрягла?

Анигель покачала головой:

— Совсем я так не думаю...

Имму хлопнула ее по плечу:

— Не беспокойся о них. Мы же с тобой соорудим плот и поплывем. Если доберемся до Тассалейского леса, нам уже никакие лаборнокцы будут не страшны. Кто нас там разыщет? Тем более, если удача нам улыбнется и мы наткнемся на вайвило. Черный Триллиум и для них цветок священный. Как и для уйзгу...

Анигель с сомнением посмотрела на разложенные на ломтиках хлеба корешки, потом понаблюдала за Имму, которая с видимым удовольствием поедала их.

— Ешь, не стесняйся,— скороговоркой вдохновила воспитательница.— Вкусно — слов нет! Так и такот во рту.

Анигель с прежним сомнением на лице положила кусочек сухого корешка в рот и пожевала. До того, чтобы таять во рту, этой пище было далеко. Но делать было нечего, и принцесса взяла еще один кусочек.

— Ты действительно веришь, что эти вайвило дружелюбно встретят нас? Я слышала, что они недолюбливают людей и, так же как уйзгу, прячутся от нас.

— Конечно, они не относятся к тем, кого можно пригласить на бал в Цитадель,— кивнула Имму.— Наши старики ниссомы поговаривают, что невеста сколько лет назад скритеки утащили наших женщин и заставили их вступить в брак с ними. И вот от этого союза якобы и

произошли вайвило и их куда более дикие соседи глисмаки.

— На кого же они похожи? — спросила Анигель.

— Я их никогда не видела, не доводилось, — опять затараторила Имму, — но, как утверждают, это что-то среднее между скритеками и ниссомами или уйзгу.

— Вот это да! — воскликнула принцесса.

— В любом случае, — добавила Имму, — вайвило тоже почитают Белую Даму и Священный Цветок, и можно надеяться, что встретят нас приветливо.

— А эти глисмаки? Они тоже не любят людей?

— Какое там — не любят! Они точь-в-точь, как скритеки. Глисмаки ненавидят всех, кроме себя. Молись своему амулету, чтобы нам не довелось...

— Смотри, смотри! — вскрикнула Анигель. — Целая флотилия лодок выплыла из-за острова. Боже, на передней — флаг Лаборнока!

Имму приставила ладонь ко лбу и вгляделась.

— Ты уверена? — засомневалась она.

— Конечно. Митон усиливает все ощущения. — Ужас отразился на лице принцессы. — Это отряд, который ищет нас. Смотри, они направляются к нашему берегу.

— Клянусь Цветком! — воскликнула Имму. — Этак они обнаружат нас! Пора убираться отсюда.

— Я не имею права попасть к ним в руки! Неужели нет другого пути?

Имму быстро задышала, задвигала ушками:

— Откуда ему взяться? Есть только этот путь.

Внезапно лицо ее застыло — было видно, как какая-то подспудная мысль пробивает себе дорогу. Потом золотистые глаза Имму расширились, когтистой лапкой она схватила девушку за плечо.

— Я не знаю, но они, — она ткнула кривым пальцем в воду, — могут знать!

— Риморики! — прошептала Анигель.

— Да! Спроси у них!

Принцесса перегнулась через борт, подергала за вожжи. Кожаные ремни почти вертикально уходили в воду — видно, животные, спасаясь от жары, паслись у самого дна.

Прошло несколько мгновений. Неожиданно из воды, отфыркиваясь и пуская пузыри, показалась усатая морда. Рядом другая...

Друзья! Я должна порасспросить вас о чем-то очень важном.

Риморики обнажили свои ужасные клыки. Раньше Анигель без содрогания видеть их не могла, но теперь она знала, что звери улыбаются.

Человек, ты наш друг. Спрашивай.

Вы знаете, где мы находимся?

Конечно. На краю большой грохочущей воды. У тебя есть еще вопросы?

Этот путь ведет в Великий Мутар?

Да. Это дорога от широкой ровной воды к потоку, который вливается в море. Туда ведет несколько путей...

— Имму! — позвала Анигель. — Я точно не поняла, но они говорят, что есть какой-то другой проход в Великий Мутар.

— Спроси, они могут указать его?

Можете вы указать нам другой путь?

Если вы пожелаете.

Желаем, желаем. Скверные люди на лодках, огибающих острова, стремятся сюда. Способны ли вы чем-нибудь помочь нам, чтобы они нас не схватили?

Конечно. Мы отправимся прямо сейчас. Но перед этим должны отведать митон.

— Они согласны! — радостно воскликнула Анигель. — Это замечательно!

Имму взглянула на нее. Боже, старая няня помнила то время — совсем недавно! — когда Анигель была наивной, нежной, хрупкой девчушкой, в глазах которой сменялись попеременно страх и любопытство. Кожа ее была нежнее крыла ночной бабочки, волосы — золотисты и послушны гребешку. Теперь перед ней стояла совсем другая девица, под стать своей средней сестричке. Спутанные волосы напоминали клок соломы, кожа загорела и обветрилась, в глазах застыли решимость и ожидание.

Анигель сняла с пояса тыквенную бутылочку. Глотнула первая, затем угостила римориков.

— Мы готовы. Займи свое место, Имму.

Она разобрала вожжи, встала поудобнее и мысленно приказала:

Друзья, вперед!

Два могучих зверя тут же нырнули, развернулись в глубине, и длинная узкая лодка, внезапно сорвавшись с места, выскочила из-под нависших ветвей и помчалась по открытой воде. Крутые волны побежали по обе стороны от кормы. Риморики взяли курс, проходящий южнее Зубов Минджуну. Более того, к изумлению Анигели, лодка понеслась прямо к водопаду...

Опершись о каменный парапет, принц Антар наблюдал, как рыцари и солдаты сгружали и ставили на воду плоскодонки. Гребцы тут же отгоняли их в сторону, чтобы освободить место для следующей. Стояли они — принц и сопровождавшие его Синий Голос и лорд Пенапат — на крыше маяка, самого высокого здания в Тассе, расположенного на восточной оконечности острова.

Жара — даже здесь, на высоте, у воды — стояла удушающая, поэтому принц и благородный рыцарь были одеты в легкие туники, перепоясанные в талии, на ногах — высокие ботинки со шнуровкой. Не в пример им, Синий Голос по-прежнему кутался в свой черный плащ. Даже капюшон не скинул. С помощью ясновидения он следил за разгрузкой.

— Я бы не смог здесь жить, — сказал Пенапат.

— Почему бы и нет, Пени? — Антар внимательно разглядывал крыши домов.

Только кое-где над трубами вился дымок. Лорд Зонтил объяснил, что на время сезона дождей население, кроме немногочисленных рабочих, обслуживающих склады и запани, покидает Тасс. Война лишь ускорила отъезд.

— Здесь слишком шумно, — ответил Пенапат. — От этого водопада... у меня от него зубы ноют.

— Зубы?!

— Разве вы ничего не ощущаете? Какой-то ритмичный гул... Словно скалы гудят. Пошупайте парапет, почувствуете, как он дрожит?

Антар расхохотался, затем вдруг неожиданно смолк, перегнулся через каменные перила и уставился вдаль.

— Боже мой! — воскликнул он. — Пени, взгляни туда. Скорее! Ты ничего не замечаешь?

— Какая-то лодчонка, — растягивая слова, произнес рыцарь. — Она, должно быть, выскочила из-за тех скал. Купец предупреждал, что там сильное течение. Если в него попадешь, то может утanutь в бездну.

— Голос! — неожиданно заорал принц. — Иди сюда! Быстрее!!

Синий Голос поднялся с очевидной неохотой, только чтобы соблюсти приличия. Он приблизился к принцу Антару, который лихорадочно принялся тыкать в сторону Зубов Минджуно.

— Видишь лодку? Постарайся рассмотреть, кто в ней. Синий Голос поджал губы:

— Ваше высочество, вы оторвали меня от телепатического сеанса. Так поступать нельзя, это очень опасно...

Антар нетерпеливо схватил помощника колдуна за плечо и потряс так, что тот сразу пришел в себя.

— Кто в лодке? Ты, червь ползучий! Ну-ка, быстро посмотри.

Глазницы долговязого Голоса неожиданно почернели — глаза как бы растворились в глубокой, заполнившей впадины тьме. Его тонкие губы задрожали.

— Господин! Я... я... не могу сказать, кто находится в лодке...

— Это Анигель! — закричал принц. — Это принцесса!

Двигавшаяся со все более увеличивающейся скоростью лодчонка теперь была хорошо различима на искрящейся поверхности озера. В ней находились два человека, один — на носу, другой — на корме. Легкий ветерок отогнал белесое облако, висевшее над водопадом, и теперь вся картина была отчетливо видна с крыши маяка: почти прямой гребень, с вершины которого воды озера рушились вниз, оттянувшееся к югу облако водяных паров, далее извилистая полоса обрывистого скального берега, над ним буйно зеленеющий полог джунглей. Выше — прозрачный купол неба...

Антар остолбенел от неожиданности: набравшая ход лодка скользнула к двум выступающим из воды камням. На мгновение она как бы воспарила в воздух, затем suddenly резко нырнуло вниз и скрылось из виду.

Глава 25

Взлетев с высокой крыши городского зала, огромный ламмергейер кругами начал подниматься все выше и выше. Полет был бесшумен, птица редко взмахивала крыльями, и спустя час самые высокие пики Охоганского хребта обозначились внизу частыми холмиками. Перемещались они так медленно, что Харамис, в первые минуты и часы с интересом вглядывавшаяся в проскальзывающие внизу пейзажи, скоро стала зевать. Ее неодолимо потянуло в сон, тем более что и воздуха на такой высоте не хватало. Почему бы действительно не поспать, решила она, полет предстоит долгий, вон пик Ротоло еще виден, а желанная цель, гора Джидрис, вершина которой напоминала полуразрушенную башню, ни чуточки не придвинулась. Уютная ямка на спине у волшебной птицы, полная мягкого и теплого пуха, так и манила к себе.

Харамис, позевывая, укуталась в длиннополый меховой плащ и зарылась поглубже в пух.

Проснувшись она в поздних сумерках. Землю еще было видно отчетливо, даже вершину Джидриса, но выше, в зените, от горизонта до горизонта уже царилась ночь... Стада звезд разбрелись по небесным пастбищам, еще немного, и Три Луны — три легендарных пастуха появятся в вышине.

Было хорошо, радостно на душе. Пусть этот полет продлится подольше... Кстати, Харамис только теперь обратила внимание — орел, кажется, снижается? А что, если спросить его об этом? Ну-ка, вспомни, чему тебя учила Магира. Прежде всего необходимо мысленно, во всех подробностях, вообразить голову чудесной птицы: два хохолка — на голове черный, маленький, а под клювом целая борода, лохматая и белая. Вот она, голова, во всех подробностях... Теперь можно телепатически окликнуть орла.

Хилуро!

Слушаю, Харамис.

Его ответ раздался в той части сознания, которая спала до того часа, пока Магира специальными упражнениями не разбудила его. Сначала принцессе казалось странным, как можно разговаривать без слов. Что за причуда такая! Тем более что ее первые попытки мысленно общаться на расстоянии ни к чему не привели. Только после многих безуспешных тренировок, почти случайно, ей удалось вызвать Магиру. С того момента дело пошло на лад. Харамис с детства отличалась необыкновенной разумностью и практичностью, она сразу оценила выгоды подобного способа общения и занималась настойчиво, целеустремленно. Сам процесс, если перевести его на уровень бессознательного, оказался очень прост, все получалось автоматически. Любой мог очень просто активизировать этот участок сознания, сделать его «открытым», особенно с помощью человека, к которому он испытывал доверие. После того как принцесса удовлетворительно овладела ментальной речью, Магира познакомила ее с ламмергейером, который на этом этапе путешествия должен был стать не только ее носильщиком, но и товарищем.

Это удивительное существо сразу поразило принцессу. В первый раз, во время бегства из Цитадели, Харамис была настолько напугана, что ей было не до изучения таинственной птицы. Теперь же она не хотела упустить момент. По просьбе Харамис Хилуро расправил крылья, и принцесса даже ойкнула: размах их был под стать городской площади. Своими когтями ламмергейер мог без особого труда схватить взрослого мужчину в полном вооружении. При всех его устрашающих пропорциях, при наличии таких когтей и не менее впечатляющего клюва, Хилуро оказался очень любезным собеседником.

Магира, поглаживая низко склоненную голову гигантской птицы, сказала:

Я открою тебе самую великую тайну нашего горного народа. Ты уже знаешь, что мы были сотворены, чтобы заселить бесплодные скалистые края, со всех сторон окружен-

ные льдами и снегами. Так же получилось и с этими созданиями. Тебе уже известно, что наш народ был первым, когда Исчезнувшие изготовили из той первичной материи, чья отвратительная плоть лежит в основе нашего мира. Запасы ее неисчислимы... Место, уготованное нам для поселения, очень быстро покрывалось льдом, и, чтобы дать нам время приспособиться и выжить, Исчезнувшие решили побыстрее перебросить нас в эти горы. Поэтому из какой-то более древней породы совсем небольших птиц были изготовлены эти гиганты. Таким образом, мы рождены в одно и то же время. Наши города расположены очень далеко друг от друга, так что без помощи ламмергейеров мы бы потеряли всякую связь с сородичами.

...Огромная птица тем временем легко совершила посадку. Густо падал снег, и Харамис было трудно понять, где они находятся. Склон был ровен и чуть покат. Хилуро вразвалочку подошел к выступающей из сумерек ледяной глыбе, клонул ее. Глыба раскололась, и в трещине открылся темный глаз.

— Здесь спрятан Трехкрылый Диск? — спросила Харамис.

Нет. Здесь мы переночуем. Надо отдохнуть, подкрепиться... Пока я буду охотиться, полезай в эту пещеру, здесь ты будешь в безопасности. Я скоро вернусь.

Харамис кивнула, помахала ламмергейеру рукой и вытащила священный амулет. Он тут же вспыхнул в ее руке, словно фонарик. Девушка поднесла его к пробитому отверстию, заглянула внутрь, помедлила немного и вошла в пещеру. Сзади послышался хлопок. Это взлетела ввысь огромная птица.

Пещера представляла собой высокий сводчатый зал, сотворенный природой в толще гранитной скалы. На полу валялись большие, с острыми режущими кромками, камни. К удивлению Харамис, здесь было сухо, хотя время от времени ветер задувал сюда снежинки и осколки льда. В свете волшебного амулета на изломистых гранях посверкивали кварцевые жилы, щедро попадались целые друзы и ячейки, где искрились скопления каких-то драгоценных камней. Кое-где жилы отливали светло-янтар-

ным цветом. Принцесса догадалась, что здесь укрыто богатое месторождение золота.

Харамис отложила в сторону спальный мешок, принялась осматривать пещеру и сразу едва не наступила на массивный золотой самородок.

Но самое интересное открытие она сделала в дальней от входа части пещеры. Внутри угловатой ниши что-то угольно блеснуло. Харамис затаила дыхание, подняла талисман повыше и обнаружила на странно ровной, чуть наклоненной вправо стене непонятное образование. Что-то похожее на наледь, широкую, гладкую, аспидно-черную... Такого льда она никогда не видела. Поверхность его была чиста до такой степени, что принцесса совершенно отчетливо увидела себя, свой пылающий амулет. Как в зеркале...

Зеркало из черного льда?

Не может быть.

Неужели это то самое магическое устройство Орогастуса, о котором ходило столько слухов? С помощью которого он творит чудеса?

Этот вопрос она задала своему отражению — высокой молодой женщине. Лицо ее было бледно, черные волосы струились до плеч.

«Да, я очень красива», — подумала Харамис.

Она отпустила амулет, и янтарная капля повисла у нее на груди. Свет его отражался в ледяном зеркале каким-то необычным образом — он исходил откуда-то из глубины пространства и неумолимо привораживал взгляд. С силой этой нельзя было справиться — как бы девушка ни отворачивалась, ее неотвратимо тянуло взглянуть на блестящий огонек.

Чем дольше она всматривалась в это светлое пятнышко, тем отчетливее осознала, что фигура молодой женщины начала загадочно изменяться: лицо теряло схожие черты, на их месте проявлялось что-то чуждое, непонятное. Странно, это «что-то» обретало форму мужчины, одетого в какую-то странную, свободную одежду. На голове у него сверкал причудливой формы шлем. Он протянул руку, улыбнулся и мысленно пригласил Харамис следо-

вать за ним, обещая познакомить со своей тайной, поделиться колдовским искусством, магическим знанием...

Харамис!

Орогастус, прошептала принцесса.

Да, это был он, великий маг и кудесник... Как ему удалось добраться до нее через толщу черного льда?

Харамис!

В ментальном призыве слышалась мольба...

Харамис!

На этот раз сигнал был лишен всякой человеческой интонации.

Харамис, немедленно возвращайся!

В зеркале вновь возникло ее собственное лицо. Дрожа от страха, она повернулась и, не разбирая дороги, прыгая по камням, бросилась к выходу, откуда ее звал вернувшийся Хилуро. Его зов, могучий, настойчивый, подавил все другие мысли...

Глава 26

Джеган даже попыток не делал развести огонь — стоял, опустив руки, словно напрочь забыл о своей спутнице, словно его впервые поразила мысль — зачем ему-то надо было забираться в такие жуткие дебри? Что он здесь ищет? Смерть? С королевской дочерью все понятно — она исполняет свой долг, и ей ни за что не сбросить эту ношу с плеч, но он-то зачем мучается? Ради чего хлопочет?..

Принцесса с тревогой взглянула на его задумчивое, слегка ошарашенное лицо. Таким она его никогда раньше не видела. Она уже совсем было собралась спросить, в чем дело, как вдруг охотник быстро повернулся и, цепляясь когтистыми лапками за сухой дерн, начал взбираться к краю гигантской каменной чаши. Вопрос застрял у Кадии в гортани — она мгновенно приняла боевую стойку, намереваясь прикрыть спину Джегана. Пригибаясь, весь обратившись в слух, ниссом бесшумно пошел по окружности, всматриваясь, внюхиваясь в долетающие запахи:

Быстро и сноровисто обежав круг, он спустился назад на дно.

— Что случилось? — спросила, наконец, Кадия.

— Острый Глаз, в этих местах все для нас в новинку — значит, все таит опасность. Это необычная земля, ни я, ни ты здесь никогда не бывали. А теперь я вижу, что опасностей тут куда больше, чем я мог предположить.

Джеган вытащил охотничий нож, который был длиннее боевого кинжала — единственного оружия Кадии, и которым он владел так, что его и с мечом трудно было одолеть.

— Тебя что-то напугало? — настаивала принцесса.

— Не знаю, — ответил охотник и сунул нож в подвешенные к поясу ножны. Потом досадливо поморщился, словно только что допустил нелепую, непростительную оплошность.

Не обращая больше внимания на принцессу, Джеган схватил свой вещевой мешок, развязал кожаный шнурок и принялся торопливо копать внутри. Вытащил свертки с едой, несколько сухих булочек, испеченных из муки, которую мололи из корней лилий, две сырые маленькие рыбки... Кадия пожалела, что они не стали разводить огонь, однако задать вопрос не решилась. Хотя ночи в этих краях были влажными, сегодня она даже дрожи не чувствовала. По всей видимости, каменная чаша на самом деле долго сохраняла дневное тепло.

Кадия чувствовала, как против воли расслабляется. Мысль о том, что ни на мгновение нельзя терять бдительность, что ларvae и прочая пакость того и гляди полезут через край этого странного сооружения, не покидала ее, однако с течением времени становилась все менее навязчивой. По телу, словно тепло, разливалось благостное ощущение безопасности — она испытала его сразу, как только переступила черту, отделявшую это уютное местечко от страшных джунглей. С каждой минутой ей было все труднее совладать с наваливающейся дремой и слабостью.

Спит она или бодрствует? Кадия теперь не решилась бы дать однозначный ответ на этот вопрос.

«Глупости все это, — в раздражении подумала она, — мнительность, и все тут. Как же без отдыха — так мы совсем выбьемся из сил. Взгляни — ночь тиха, редкие ключья белесого тумана не спеша проплывают над головой. Все спокойно...»

Вдруг Кадия неожиданно для самой себя прилегла, свернувшись калачиком. Волшебный жезл в ее руке тоже не знал покоя — слегка подрагивал и время от времени тыкался концом в землю. Другой конец, на котором появлялось сияние, указывающее им направление пути, теперь совсем погас. Через несколько мгновений Кадия поняла, что она ошиблась, решив, будто место здесь мирное, безопасное. Принцесса первой заметила, что мрак, спустившийся на джунгли, как-то странно отсвечивает. Если не вглядываться в густую угольную мглу, а сосредоточить взгляд, например, на тростинке или опустить голову вниз, то где-то на периферии зрения можно уловить слабое быстрое мерцание. Стоило вскинуть голову, взглянуть прямо перед собой, и это ощущение пропадало. Только краем глаза выхватывались неясные, тускло светящиеся тени, которые окружили их на дне таинственной каменной чаши.

Ошибиться было невозможно — Кадия, уже стоя на ногах, несколько раз проделала тот же опыт. Более того, переливающиеся предметы теперь въявь предстали перед глазами. Напоминали они свитые из посверкивающих жгутов колонны, находившиеся в непрерывном движении, — словно хоровод водили вокруг попавших в ловушку людей. Подобная мысль мелькнула у принцессы, но не напугала ее. Она была уверена, что это не ловушка... Скорее, грустная встреча привидений, светящихся духов. Или представление, в течение тысячелетия свершающееся здесь, в глухом, страшном месте, но всегда без зрителей. Они оказались первыми, и, будто в согласии с ходом ее размышлений, уже вполне оформившиеся светоносные колонны начали расплываться, образуя слой разноцветного, слабо флуоресцирующего тумана.

Принцесса невольно вскрикнула, Джеган тут же, словно подддерживая, схватил ее за плечо. Потом хватка вне-

запно ослабла — охотник в свою очередь как-то неестественно хрюкнул, застыл на месте. Туман оформился в видение какого-то необычного древнего города. Того самого, который Кадия видела во сне. Те же стены, та же тишина, только на этот раз в ней чувствовалась некая обреченность и мольба о пришествии. То же безплодье... Кадия боялась вздохнуть — не смела потревожить печаль, которая, по-видимому, висела над этим мертвым городом уже много тысяч лет. Ей вдруг стало ясно, что это и есть цель их похода; в пределах этих могучих, возведенных в незапамятные времена стен находится то, за чем послала ее Великая Волшебница Бина, и древним постройкам уже невозможно дожидаться прихода человека, которому суждено вырвать у них тайну и дать, наконец, отдых духам и камням. Позволить им, сохранившим легендарный талисман, уйти в небытие, обернуться развалинами.

Видение, волшебный мираж рождали музыку — напевную, необычную, совсем не похожую на те звенящие ноты, которые рувендийские барды извлекали из своих арф. Это было пение голосисто-тревожное, торжественное, исполняемое под сурдинку. Долетела до девушки и одлинга и невероятная смесь благоуханий. Всем одарило их видение, только вот дорогу к забытому городу не указало, но на этот случай у них был волшебный жезл, который резко затрепетал в руке Кадии. Принцесса невольно выпустила его — тростинка взлетела вверх, пронзила таявший на глазах цветастый полог тумана и замерла над выступом. В серебристом полумраке ясно и зовуще засиял ее указывающий конец.

Путешественники сразу засуетились, бросились собирать вещи, даже не подумав о еде. Джеган, запихивая свертки, булочки, рыбешек в мешок, осмелился подать голос.

— Мы идем, идем... — сказал он тростинке.

Кадия и охотник принялись карабкаться вверх по вогнутому склону. Достигнув края чаши, они, не раздумывая, нырнули в на удивление светлую ночную мглу, которая опустилась на джунгли. По сравнению с мраком, царившим в каменной чаше, здесь, казалось, еще стыли

сумерки. Только чернели стволы изуродованных местной почвой деревьев, а вот мертвенно-бледные жгуты лиан и жуткие ядовито-желтые наросты были видны отчетливо.

Петляя и обходя эти, грозящие смертельной опасностью, шары, Джеган и Кадия направились в глубь дремучего леса.

Вскоре они вступили на открытое, густо заполненное желтовато-серой пеной пространство. Место было безлесное, ровное, как стол, на поверхности выделялись непонятные, чуть склонённые к югу холмики, напоминавшие башни. Казалось, теперь идти будет полетче, однако Кадия уже привыкла, что в Тернистом Аду не следует верить первым впечатлениям. Они могли жестоко обмануть. Один-единственный неверный шаг, благодушие, расчет на «авось» наказывались здесь смертью.

Сделав несколько шагов по пенящейся зыби, Джеган торопливо скинул рюкзак и достал оттуда нечто, напоминающее четыре столовых овальных блюда. Отстегнул застежки, снял чехол с одного из них, и в то же мгновение эта странная оладья начала разбухать, утолщаться, края ее во влажном пахучем ночном воздухе стали загибаться внутрь... Ну и ну — это же «скользяшки», по крайней мере так их называл Джеган. Кадии уже приходилось пользоваться ими, правда, всего несколько раз и только в присутствии охотника. Она взяла два листа, которые протянул ей Джеган, устроилась на выходе скальной породы и надела их на ноги. Губки «скользяшек» мигом прихватили края ее сандалий, для большей надежности Кадия обмотала ремешками икры почти до колен.

«Скользяшки» утолщались сами по себе — наконец, их рост остановился. Кадия осторожно встала на ноги, потопталась, чтобы проверить, как эти приспособления для ходьбы по болоту сидят на ногах, сделала несколько шагов. Потом осторожно двинулась вслед за Джеганом. Живые подошвы пружинисто отзывались на каждый шаг, при этом чуть проскальзывали и покачивались. Но это только с непривычки. Принцесса быстро наловчилась ступать более мелкими и как бы шаркающими шагами. Те-

перь, когда можно было не бояться, что предательская почва уйдет из-под ног, охотник и Кадия пошли быстрее. По-прежнему у них на пути попадались буторчатые, склоненные к югу холмики, торчащие из болота, словно дявольские пальцы, но были ли они опасны и в какой мере, Джеган ни словом не обмолвился. По-видимому, сам не знал.

Принцесса обернулась назад. Туман напелзал так быстро, что ей только на миг удалось уловить неяркое свечение в том месте, где лежала каменная чаша. Еще бросились в глаза свитые из слабо светящихся полос колонны. Принцесса перевела взгляд вперед по ходу движения и, к своему удивлению, заметила в той стороне тоже нечто поблескивающее, вытянутое, переливающееся в темноте мертвенно-бледным, голубоватым светом. Эти светящиеся образования как бы шествовали с запада на восток, пересекая путь, которым следовали девушка и оддлинг. Это было тревожащее обстоятельство, страх начал заползать в сердце, и Кадия, почти вплотную приблизившись к Джегану, теперь ступала след в след с ним.

Так они шли несколько минут, и страх неожиданно растаял. Мысли просветлели, стало легче дышать, двигаться, оглядываться по сторонам.

Вообще это была чудная земля. Кроме всех пакостей, которые Тернистый Ад готовил непрошеным гостям, здешняя местность странным образом действовала на психику. Она как бы вламывалась в самые потаенные уголки сознания, то навлекая на чужака припадки жуткого страха, то вызывая неприятно бурные, разухабистые, безалаберные мысли, то — вот как сейчас — награждая умиротворяющим покоем, то пробуждая неумное рвение, страстное желание достичь цели. Какая субстанция в этом проклятом Богом краю была наделена телепатической силой, принцесса не могла понять, но это было. Тернистый Ад как бы играл в кошки-мышки со своими жертвами. А может?..

Тут впереди опять что-то засветилось. Что-то неподвижное...

Кадия вновь погрузилась в размышления. Пусть даже ее уверенность навевается чарами местных болот, но, приобшившись к этой тайне, она, возможно, найдет кончик нити, которая выведет ее к цели. Что, если ментальные, проникающие в душу человека эмоции — свидетельство приближающейся опасности, нечто вроде предупреждения? Может быть, окружающая местность — воздух, почва, растительность — излучает телепатические волны, к которым просто надо внимательно прислушиваться?

Вновь впереди блеснуло что-то странное. Нет сомнения — это реальный предмет. Скорее, фигура... Человеческая фигура!.. Определенно не чудище...

Статуя!!!

Они приблизились, обошли изваяние вокруг. Нет, это не оддинг... Пропорции тела вполне человеческие. Изображен был мужчина. Воин... Он был обнажен, только на голове — искусно сделанный шлем, а на груди — крест-накрест ремешки, нечто вроде портупей. Они закреплялись на широком поясе, расположенном на талии и покрытом чем-то, похожим на рыбы чешуйки. Материал, из которого была вырезана статуя, напоминал кость. Поверхность отполирована до блеска, чешуйки на поясе металлические, по всей видимости, из какого-то благородного металла, и покрыты золотистой, голубой, палевой — от светлой до самой темной — эмалью.

Кадия на мгновение замерла, завороженная предметом, который воин сжимал в вытянутых вперед руках.

Это была голова. Не оддинга, не скритека... Человека! Несмотря на шишковатый череп и полное отсутствие волос — это была голова человека!

Принцесса столько всего навидалась за эти дни, что глупо было пугаться холодного неподвижного изображения, тем не менее мороз пробежал у нее по коже. Она отошла чуть в сторону, желая взглянуть на лицо воина, сжимавшего в вытянутых руках такой странный предмет. Неужели отрезанная голова даже в такой седой древности вызывала у людей те же чувства, которые испытывали лаборнокцы в тронном зале Цитадели во время расправы над пленными?

К ее удивлению, воин смотрел вдаль спокойно и безмятежно, словно в руках у него был бездушный кусок камня, некий указатель направления. Может, так и есть, и эта статуя — всего лишь дорожный знак или сигнал, предупреждающий об опасности. Вероятно, скульптура поставлена здесь в честь какой-то победы, однако чем больше принцесса вглядывалась в черты лица, тем яснее становилось ей, что это изображение является символом правосудия, примером кары за зло, которое не имеет срока давности.

Странно, но глаза статуи не казались пустыми или безжизненными. В глазницы были вставлены полированные кусочки черного камня с сердцевинкой — зрачком? — из золота.

— Это — синдона, — шепнул Джеган и отошел чуть в сторону. — Указывает, где начинается Запретный путь!

В голосе оддлинга слышался благоговейный трепет, смешанный со страхом.

Кадия глаз не могла оторвать от скульптуры.

— Кто-кто? — спросила она.

Джеган не ответил — наклонился и соскреб налипший на камень ком грязи.

— Страж был поставлен не так давно, — задумчиво сказал он. — И уж конечно, не скритеками. У них руки не из того места растут... Тогда кем?

— Пожалуйста, объясни, кто это? — Кадия повысила голос.

Джеган моргнул.

— Страж из числа тех, кто когда-то владел землей и водой. Исчезнувший народ... — Он неожиданно схватил Кадия за руку. — Смотри!

Кусочек грязи попал на волшебный жезл. Конеч, указывающий направление, запылал тихим алым пламенем. Словно свеча во мраке. Но самым удивительным было то, что чудесная тростинка изменила курс и теперь была направлена в ту же сторону, куда смотрела отрубленная голова. Джеган пребывал в полной растерянности — там, куда им теперь предлагалось идти, пузырилась желтоватая отвратительная пена.

Неужели тростинка ведет их на верную гибель? Охотник подошел ближе к широкой пенистой мрази и ткнул в нее тупым концом дротика. Раздался глухой стук — наконечник погрузился на два пальца и уперся во что-то твердое. Кадия с любопытством наблюдала за охотником. Джеган прошелся вдоль края лежащей пластом пены, и везде дротик наткался на каменное основание.

Между тем корешок священного цветка лихорадочно сновал вперед и назад. Он рвался в дорогу, подлетал то к Джегану, то к Кадии, понуждая их двинуться с места. Магия! Вот она, в действии... У принцессы мелькнула мысль, что этот удивительный мир, называемый Тернистым Адом, живет по каким-то своим, непознанным законам. Здесь не стоило доверять ощущениям, хотя, конечно, острый глаз, тонкий слух и обоняние были очень нужны. однако главное, на что следовало полагаться в этих чудных краях, — интуиция, бессознательное влечение. Может, следует просто отдаться потоку рождающихся образов и двигаться дальше как бы на ощупь, встушиваясь в самое себя, корректируя внутренние решения чувственными ощущениями. Только чем они могут помочь здесь, в Тернистом Аду, где глаза предостерегают от попытки приблизиться к ядовитой на вид пене, а тупой концы дротика подсказывает, что под тонким слоем этой пакости лежит мощенная плитами мостовая. Кадия подошла ближе, веточкой разгребла пену и убедилась — точно, под ней самые что ни на есть каменные плиты. Принцесса вопросительно глянула на Джегана. Тот осторожно шагнул прямо в желтоватую отвратительную грязь. Следом за ним ступила и Кадия. Листы, привязанные к сандалиям, теперь сомкнулись краями и полностью закрыли ступню сверху.

Так и есть — они осторожно двигались по какой-то древней мостовой. Редкие клочья тумана висели над землей, но и их постепенно легким ветерком уносило прочь. Скоро пена стала прерываться открытыми участками, где буйствовала местная растительность: стебли в основном с длинными колючками, листья — с острыми, режущими краями.

Теперь Кадия держала тростинку в руке — она сама подплыла к ней — и по интенсивности свечения определяла верное направление.

Они шли долго, пока девушка, не в силах совладать с усталостью, не рухнула на колени. Джеган бросился к ней с тыквенной бутылочкой. Он напоил ее водой, затем поднял и довел до густых зарослей, где она опустилась на землю и тут же заснула...

Солнечный лучик, упавший на веко, разбудил ее. Принцесса открыла глаза, глянула в широкое небо, распахнутое над головой. Сначала Кадия решила, что эта картина — продолжение сна, в котором она видела себя в Ноте, в гигантской башне, где жила Белая Дама. Ей тоже нашлась там спальня...

Принцесса подняла голову — странная, неожиданная перспектива открылась ее взору. Это был не Нот, но и, конечно, не Тернистый Ад! Повсюду редко, в одиночку, стояли деревья — не те черные с искореженными стволами и сучьями, а самые что ни на есть настоящие, с густой, тенистой кроной. Ветви отливали бронзой, синеватые листья шевелил приятный легкий ветерок.

Рядом никого не было, хотя мешок Джегана лежал возле ног. Маленькая птичка каблабат, покачиваясь на согнувшейся ветке, клевала перезрелые ягоды ежевики. Она не обращала никакого внимания на Кадия, пока та не встала. Девушка зевнула, потянулась. Здесь же на кусте лежала волшебная тростинка.

— На-на-на... — донеслось откуда-то.

Этот клич уже был знаком принцессе. Ниссомы вообще-то были молчаливы, тем более на охоте, однако случалось, они давали волю чувствам. Джеган кружил вокруг соседнего широко разросшегося куста ежевики, держа в руке какой-то незнакомый, с румяными боками плод.

Кадия, глянув на него, невольно проглотила слюну, потом обратилась к охотнику:

— Где мы?

В ответ он пожал плечами и принялся очищать плод. Кадия открыла рот от удивления — этого быть не могло. Великий знаток всех заповедных уголков на болотах не

знал, где они находятся!? Джеган откусил кусочек и зажмурился от удовольствия.

— Мы находимся там, где я никогда не бывал, Острый Глаз. Мне известно только, что у нас под ногами, под слоем земли,— камень, ровный и цельный,— он притопнул ногой.— Вот куда завела нас эта штука,— Джеган кивнул в сторону волшебной тростинки.

Он неторопливо счистил ножом оставшуюся кожуру, потом присел и отвалил в сторону кусок дерна. Под ним обнажилась темная плотная ровная поверхность. Охотник постучал по ней — послышался глухой каменный звук.

— А где синдона? Объясни подробнее, что это такое.

Джеган отвел глаза в сторону, потом вновь уставился на выкопанную ямку.

Ответил он не скоро, делая большие промежутки между словами.

— Синдона — это одна из тех, кто охранял Исчезнувших. Когда-то они владычествовали здесь. В ту пору Рувенда представляла собой огромное озеро, по которому были разбросаны острова. Мы... мы были созданы теми людьми — так утверждают древние свитки. Мы, оддлинги,— плод их мысли, результат долгой работы... Потом проснулась Тьма, на землю и воду пришла смерть. Исчезнувшие, прежде чем уйти, создали и освободили оддлингов. Правда, они взяли с нас клятву...— Джеган теперь пристально изучал свой нож, вертя его.— Синдоны были оставлены, чтобы надзирать за наследством Исчезнувших. У них было много такого, что они не могли ни взять с собой, ни разрушить. Подобные штуки были собраны в определенных местах, которые и охраняли синдоны... Королевская дочь, мы поклялись служить твоему отцу до самой его смерти. Теперь я вроде бы свободен... Однако есть еще кое-какие обязательства... Перед другими... И от их выполнения никак не отвертеться. Так уж получилось, Острый Глаз, что я был вынужден нарушить этот обет. Я ступил на Запретный путь. Прошлой ночью я послал Тревожный запрос... Никакого ответа! Мы пересекли кордон, отделяющий запретное для нашей расы место. Мне

ни в коем случае нельзя было делать этого... Вот эта штука, — он указал кончиком ножа на волшебную тростинку, — и ты можете следовать этим путем. Я — нет! Я думал, мы обогнем Тернистый Ад и выйдем к уйзгу, а вместо этого забрели вон куда! Теперь любой может выдать меня начальнику стражи Ламарилу, а с ним никто не отваживается спорить. Даже скритеки... И никакого ответа на мой запрос. Ни на первый, ни на второй, — он опять поиграл оголенной, блистающей на солнце сталью. — Я видел ночью огонь.

Кадия перепугалась:

— Когда я спала?

Впервые Джеган чуть улыбнулся:

— Острый Глаз, ты спала остаток ночи, потом весь день, потом еще ночь. Сегодня второй день.

Кадия нахмурилась:

— Ты обязан был разбудить меня!

— Вовсе нет. Кто знает, что ждет тебя впереди. Может, нам угрожают такие опасности, о которых мы и не подозреваем. Любой охотник лучше встретится с бандой скритеков, чем вступит на Запретный путь.

— Этот огонь, что ты видел...

Джеган опять помрачнел:

— Огонь, который разводят ниссомы, — такой маленький-маленький, а тот, что я видел, — большой-большой. Чтобы наплатить его дровами, требуется множество рук.

— Может быть, это люди Волтрика?

— Если так, то, значит, эта штука, — он опять ткнул в волшебный жезл, — ведет нас прямо к ним в лапы.

Кадия, рассердившись, уже готова была сломать предательскую тростинку, но вовремя сдержала себя — сейчас не время совершать безрассудные поступки. Глупо надеяться, что ей позволят исправить совершенную ошибку. Да и зачем Великой Волшебнице Бине заманивать ее в ловушку?

Джеган взглянул на принцессу, потом потянулся и взял свой мешок. Достал оттуда браслет из красноватого камня. Кадия всего два раза видела, как охотник надевал его

на руку, на предплечье. Один раз — когда он впервые был представлен ее отцу.

Теперь он начал оглаживать полированную поверхность. Словно поигрывал этим браслетом... Потом попытался надеть его. Ничего не получилось — мешал локоть. Охотник побледнел, лицо у него вытянулось...

Неожиданно амулет хрустнул, Джеган собрал куски и вдруг резко зашвырнул их в кусты. Стон вырвался из его уст. Потом он завыл — Кадии уже доводилось слышать этот вой, когда хоронили его родственника. Ниссомы спустили его в реку, и покойника понесло прямо на стену камыша.

— Джеган? — Она шагнула к нему.

Девушка никогда не видела его в таком состоянии. Лицо его ничего не выражало — разве что ледяное презрение.

— Джеган мертв, — ответил он тихим, словно не ему принадлежащим голосом. — Перед тобой тот, кто больше не имеет имени. Я — клятвопреступник, один из тех, кто утратил искусство, кто не обладает речью и больше никогда не сможет говорить. Мы нарушили запрет... Та, которая владеет Нотом, вправе вырвать наши жизни...

— Как это понимать? — возмутилась Кадия. — Ведь ее же собственный проводник привел нас сюда!

Даже сейчас он не смел обвинять Великую Волшебницу! Все, что она ни делала, было справедливо! Всему надо безропотно покоряться! Неожиданно грудь обжег внезапно раскалившийся амулет. Опять какая-то магия?! Нет, с нее хватит — она больше никогда не будет иметь дела ни с каким колдовством!

Принцесса оступилась и, чтобы сохранить равновесие, взмахнула руками. То, что случилось с Джеганом — и, выходит, с ней, — потрясло девушку. В душе ее родился крик. Кадия набрала полные легкие воздуха и вдруг почувствовала, что не может не то что издать вопль — даже пискнуть. Страх — ошеломляющий, внезапный — охватил ее. Принцесса вздрогнула и так и не смогла унять дрожь. Впечатление было такое, что со всех сторон на нее готовятся напасть невидимые враги. Ее по-прежнему колотило,

но теперь уже от гнева. Это было слишком. С ней творилось что-то невероятное. Творилось помимо ее воли... Кадия выхватила кинжал и, вертясь на месте, наставила его на воображаемых противников.

Джеган между тем мягко опустился на колени, потом свернулся клубочком на покрытой сухим дерном древней дороге. Дышал он часто, тяжело, руки судорожно хватались за грудь.

— Джеган! — Кадия бросилась к нему.

Рот охотника приоткрылся — тонкая струйка слюны текла между нижних клыков.

— Джеган! — еще раз позвала Кадия.

— Назад! — голос его звучал глухо. Казалось, он выдохнул, а не выговорил это слово.

Неожиданно охотник опрокинулся на спину, руки его забегали по сухой траве — он как бы цеплялся за былинки. Цеплялся за жизнь...

Кадия просунула ему лезвие между зубов, попыталась разжать тиски челюстей, а когда ничего не получилось, начала трясти за плечи. Потом — откуда только силы взялись! — стащила его с древней дороги, перетянула через длинный мелкий ров к могучим деревьям.

Волшебная тростинка, как бы поджидая ее, покачивалась и вертелась в воздухе. Словно эта палка что-то понимает! Кадия теперь не испытывала никакого страха — душа будто опустела. Она вытащила амулет. Капелька янтаря переливалась всеми цветами радуги. Менялась окраска сполохов, но в этом мельтешении, в игре света Кадия не уловила предупреждения о надвигающейся опасности. Со всем наоборот! Черный Триллиум словно подбадривал ее, понуждая к действию...

Подул ветер, погнал вдоль древней дороги клубы пыли. Джеган неожиданно сел, поднял голову. Дышал он тяжело, с присвистом.

— Черта! — ни с того ни с сего вымолвил он.

Кадия недоуменно глянула на него, потом проследила за его взглядом. Охотник смотрел на свой походный мешок, который остался лежать на сухом дерне, покры-

вавшем широкую, прямую, как стрела, просеку, проложенную в диком лесу.

Да, мешок — это важно, там полно всяких необходимых вещей. Кадия скинула рюкзак, висевший у нее за спиной, выпрямилась, оглянулась по сторонам. Очень ей не хотелось выходить на открытое место. Было страшно... однако делать нечего. Левой рукой она вцепилась в амulet и, пригибаясь, одолела ров, выбралась на просеку. В то же мгновение волшебная тростинка отчаянно заплесала в воздухе, попыталась было броситься вперед, но Кадия не обратила на нее никакого внимания. Страх на какое-то мгновение оставил ее — принцесса схватила мешок и бросилась назад, к спасительным деревьям.

Итак, ей удалось еще раз одолеть страх. Джеган за одежду притянул ее к себе, но тут силы оставили его, и он снова опрокинулся навзничь.

— Что, что, Джеганчик? — Кадия наклонилась к нему.

Охотник, опираясь на нее, поднялся и теперь стоял покачиваясь.

— Я... не могу идти... — он еле одолевал слова. Каждый звук давался ему с большим трудом. — Ты... не можешь вернуться. Это и есть Запретный путь!..

Страх родил в Кадии неукротимую волю. И злобу!.. На всех и вся! За разгром Цитадели, за гибель родителей, за крушение надежд, за участь изгоя на собственной родине, за необходимость оставить Джегана. Самое дорогое существо, которое столько лет было рядом с ней! За то, что ей придется поступить таким образом; за то, что она, в конце концов, уйдет, а он останется здесь, беспомощный, умирающий, потерявший имя. Самое дорогое, что есть у человека! Мягкая почва колебалась под ногами, из мха выдавилась вода.

Голова Джегана опустилась на грудь. Он едва держался на ногах, его заметно покачивало, и, если бы не помощь спутницы, он давно рухнул бы на мшистую подстилку.

— Острый Глаз... — с болью выговорил он. — Острый Глаз... Мне нельзя... Только тебе открыт путь... Клянусь, если... мне... как-нибудь удастся найти выход... Хоть как-

то справиться... с собой, я нагоню тебя. Я... буду очень стараться. А теперь ступай...

— Я... — ее губы внезапно оледенели, Кадия не могла и трех слов выговорить. — Джеган... я позабочусь... — наконец, сумела вымолвить она.

Охотник в ответ с трудом поднял правую руку — этим жестом ниссомы благословляют тех, кто уходит на охоту. Потом указал в сторону скрытой под дерном дороги. Кадия догадалась, что он хочет дать ей направление — в какую сторону двигаться. Тут к ним подлетел волшебный жезл, настойчиво замаячил перед глазами — вперед, вперед!

Джеган еще раз безмолвно указал ей, чтобы она взяла и его рюкзак, — Кадия отрицательно замотала головой, потом подчинилась. Не убирая кинжал в ножны, опустив голову, обняла охотника и с трудом одолела первый шаг. Второй дался легче — вот она уже перебралась через ров. Тростинка, приплясывая, заспешила вдоль дороги. Ветер ударил Кадии в лицо, запорошил пылью глаза, принес отвратительный смрад, словно где-то жгли что-то живое. И точно, пахло паленым мясом — ни скритеки, ни болота подобного зловония не издают.

Она зашагала за тростинкой, по пути раза два обернулась, но Джегана уже не было видно. Не удержавшись и взглянув в третий раз, Кадия заметила на обочине, у подножия могучего дерева, странный блеск. Она осторожно приблизилась и подняла со мха искусно сделанную стрелу — не дротик! Древко и оперение — цвета запекшейся крови. Такие стрелы она уже встречала — да-да, даже помогала собирать... При штурме Цитадели! Ими обстреливали осажденных лаборнокцы... Но как это оружие попало сюда? И почему лежит так аккуратно, ровно? Словно указывает направление...

В следующее мгновение она отшвырнула стрелу. Может, ей как раз надо двигаться в противоположную сторону? Может, здесь опять использована черная магия?.. Иначе как объяснить, что захватчики смогли преодолеть барьер, который оказался гибельным для Джегана? Ее вел амулет, а что же такое волшебное было у солдат Хэмила?

Разве что обгаренная кровью невинных жертв сталь!.. Может, эта стрела сотворена руками самого Орогастуса?

Она принялась изучать место находки. Совсем рядом со стрелой Кадия обнаружила след сапога, отчетливо выделявшийся на влажной земле. Еще дальше — ее чуть не вырвало — валялся труп скритека, погибшего ужасной смертью. Его словно со всего размаха ударили о твердую землю или камни — тело представляло собой один сплошной кровоподтек.

Кадия осторожно осмотрелась, потом, напряженно вглядываясь и вслушиваясь, готовая в любое мгновение лицом к лицу встретить опасность, двинулась в глубь леса. Зловоние усилилось. Она бросила взгляд направо и увидела привязанного к дереву оддлинга. Вернее, раздувшийся труп. По татуировке и нарисованным кругам, по шерстке принцесса сразу определила, что это уйзгу. Перед смертью его жестоко пытали.

Амулет, который она по-прежнему сжимала в руке, вдруг ожег ее ледяным холодом.

Чуть дальше открылось место, где совсем недавно происходило какое-то побоище. Кусты и нижние ветви деревьев были переломаны, посреди истоптанной поляны — большое кострище, откуда несло таким смрадом — хоть нос затыкай. Рядом на кучах вывернутого из земли торфа валялся еще один оддлинг. На него невозможно было смотреть! Кадия невольно вскрикнула — сломанная рука покойника неожиданно поднялась, сохранившийся глаз осмысленно глянул на девушку. Другой был выбит, глазница полна крови.

Мурашки пробежали у нее по телу.

«Кто же все это сотворил?» — спросила она себя, потом решила помочь раненому. Но как, чем?

Рука вновь двинулась. Раненый был не в состоянии говорить и пытался объяснить жестами. Он с трудом указал на свой нож, болтавшийся на поясе.

Кадия едва справилась с собой — еще чуть-чуть, и она сбежала бы из этого жуткого места. Тем более теперь, когда поняла, о чем умолял умирающий. Принцесса всегда испытывала особое благоговение перед хорошим оружи-

ем, неплохо обращалась с мечом. Когда же Джеган научил ее некоторым приемам владения длинными ножами, которые были неотъемлемой частью снаряжения ниссомов, она навсегда отдала предпочтение доброму кинжалу. Но никогда еще ее рука не поднималась на человека. Теперь, по-видимому, этого не избежать.

...Еще один выворачивающий душу всхлип, слабое движение руки.

Принцесса сжала губы, выхватила кинжал, взялась обеими руками за рукоять. Ей припомнились слова Джебана, которые он произносил, когда приходилось добивать раненых животных.

— Ступай с миром! — выговорила она и с размаху всадила кинжал в сердце несчастного оддлинга. Потом ударила еще раз и еще...

А потом вскочила и, пошатываясь, поспешила уйти отсюда. Долго еще Кадию преследовало ощущение сопротивления плоти, ее содрогание, когда лезвие погрузилось в тело живого существа. Принцесса обтерла кинжал о траву и принялась засовывать в ножны. Долго не могла попасть, тихонько скулила и торопливо выговаривала слова молитвы, которую читали защитники Цитадели, когда лаборнокцы пошли на решительный штурм. Потом, чтобы успокоиться, занялась мешком Джебана — переложила часть вещей в свой.

Волшебная тростинка опять замельтешила перед глазами, понуждая ее поспешать. Дальше Кадия двигалась по опушке леса — она так и не решилась вновь выйти на дорогу.

Между тем над болотом начал сгушаться туман, пополз ключьями по кустам, стал забивать прогалы. Тростинка безостановочно летела вперед, принцесса едва успевала за ней. Сорвавшийся с ветки лист коснулся ее плеча, как будто это было одно из тех жутких существ, которые Джеган назвал ларvae. Неожиданно волшебный жезл метнулся влево и указал на два огромных дерева, явно выделявшихся среди окружавшей поросли высотой и пышной кроной.

В это время до нее долетел тонкий пронзительный свист. Инстинктивно Кадия отпрыгнула в сторону — впереди послышался треск ломаемых кустов, потом вновь тот же свист, и нечто спиральное, напоминающее густой, вращающийся столб дыма, показалось в той стороне. Принцесса бросилась на землю и, отчаянно работая руками и ногами, постаралась заполнить подальше в заросли ежевики. Она не обращала внимания на впивающиеся в тело колючки. Еще один натужный пугающий свист подстегнул ее — в стороне кто-то отчаянно вскрикнул. Кадия, как безумная, ломая ветки, метнулась вперед. Чувство, что ее сейчас схватят — навалятся, скрутят руки за спиной, — было настолько отчетливо, что она совсем по-звериному рыкнула и вдруг ощутила, что не может двинуться. Кусты плотно обхватили ее со всех сторон. В лицо пыхнуло противным маслянистым дымком — она зашлась в кашле.

Может, этот кашель и спас ее — кусты неожиданно поддались, она тут же устремилась вперед, вниз, не замечая, что чем глубже она погружалась в спасительную пустоту, тем меньше света оставалось вокруг нее. Только полностью утонув в непроглядной, пахнувшей землей, сыростью, гнилью темноте, принцесса осознала, что очутилась в подземной норе. Уж не ловушка ли это? Мысль мелькнула и растаяла, придавленная надеждой на спасение, — то, что преследовало ее на поверхности, в ежевичных кустах, было куда ужаснее. Тем более что сзади вновь донесся тот же жуткий пронзительный свист.

Девушка не могла отделаться от ощущения, что кто-то или что-то вот-вот схватит ее за пятки — выковырнет из норы, как гурман вытаскивает на свет Божий мягкую плоть сакбри. Ну же, еще немного — поднявшись на колени, она отчаянно заработала руками и ногами.

Внезапно Кадия погрузилась по локти в воду, и вместе с водой впереди возник свет. Вода была чистая, холодная, совсем не похожая на ржавую муть, разлитую по местным болотам. А потом Кадия выпала из норы в пустоту — словно в реку угодила; несколько мгновений пролежала на дне не шевелясь, с закрытыми глазами. Потом

робко приподнялась, высунула голову на поверхность, осмотрелась. И вспомнила, что во время бегства потеряла дорожный мешок Джегана. Однако возвращаться ни сил, ни желания не было. Здесь бы спрятаться!

Куда же она попала? Надо же, и волшебная тростинка здесь, висит в воздухе над самой водой — значит, никуда ты, милая, не исчезла? И то хорошо... Куда же нас с тобой занесло?

Принцесса оказалась на дне обширного, до пояса наполненного водой бассейна. Нигде никаких признаков разрушений, никаких рухнувших камней. Стены бассейна сделаны из какого-то голубоватого металла и выглядят как новенькие. Пол украшен искусно выложенной мозаикой. Ни песка, ни грязи, ни осыпавшейся штукатурки, ни буйно разросшейся травы...

У противоположного края бассейна начиналась лестница — ступеньки поднимались прямо из воды. На выходе по обе стороны стояли скульптуры. Некоторые напоминали существа, обитающие на болотах, — она их сразу узнала; другие отличались гротесковым искажением пропорций, что придавало им некую шемящую привлекательность.

Девушка направилась к лестнице, влезла на первую ступеньку. Только теперь она заметила, что в помещении необыкновенно тихо. Не слышно никаких свистов, воплей... Никто, кроме нее, не тревожил поверхность чистой холодной — питьевой? — воды.

Кадия, стоя на нижней ступени, принялась внимательно осматривать лестницу. Вероятно, ей придется подняться по ней — другого пути отсюда не было. Сооружение это явно искусственное и, самое главное, в приличном состоянии. Правда, воздух здесь благоухал, как в хорошо ухоженном саду. По бокам — статуи, служащие колоннами, именно их Джеган именовал синдонами. Пространство над поверхностью воды освещалось рассеянным солнечным светом. Редкие блики играли в глазах синдон, сделанных из драгоценных камней, а также на полированных золотых шлемах. Не все статуи изображали мужчин, но все были одеты одинаково. Их искусно вырезан-

ные лица производили жуткое впечатление. Синдоны были как живые... Кадия не удивилась бы, если бы кто-то из этих каменных истуканов вдруг пошевелился, более того — сошел со своего пьедестала. Хотя вот этого не надо, решила девушка. Кто знает, чем грозит подобная встреча? Может, ей просто укажут на дверь — то есть на ту нору, через которую она попала сюда.

В любом случае необходимо привести себя в порядок. Кадия стряхнула с изодранной куртки налипшую мокрую грязь, постаралась прикрыть прорехи. Хотя что тут прикрывать — снять бы эти лохмотья да выбросить... Тогда в чем ходить? А передвигаться здесь придется много — она попала в некий таинственный город, о котором распространяли столько слухов... По-видимому, она оказалась первым человеком, который попал сюда.

Девушка медленно, не ослабляя внимания, обошла одну из статуй. Изображенное существо ростом было выше нее — возможно, такими же были представители народа, изготовившего эти скульптуры. Оказавшись лицом к лицу с воином, чье лицо находилось в тени забрала, поднятого на лоб, принцесса спросила:

— *Кто ты?*

Ее возглас прозвучал слишком резко, требовательно. И что могла ответить ей каменная фигура? Воин по-прежнему молча, безжизненно смотрел на Кадью.

Вновь наступила тишина, но теперь в ней ощущался неосознанный укор, как бы предупреждение, что не стоит шуметь в этом мавзолее, где почивают безмолвие и красота. Давным-давно занавес смерти был накинута на эти изваяния. Бессмысленно добиваться от них ответа.

Стройный хрустальный звон колокольчика послышался в зале — что-то подобное Кадии доводилось слышать в Тревиште. Девушка вздрогнула, замерла... Опять все тихо... Ее приглашают продолжить путь?

Она робко огляделась. Ведущая к бассейну лестница окончилась, и прямо с узкой площадки начиналась другая, более широкая. Правда, здесь уже не было скульптур... Лестница вела вниз, в недра земли, где, очевидно, никто из рожденных в Мире Трех Лун не бывал. Что там

могло скрываться? Кадия различила богатую растительность — большинство растений цвели и плодоносили не по сезону. Какие фрукты предстали ее взгляду — у принцессы сразу потекли слюнки... Какие цветы благоухали в этом удивительном подземном саду... Почему подземном? Высоко над ним распахнулось ясное небо, в нем весело сияло солнце...

Все здесь казалось таким удивительным, таким невероятным, что Кадия никак не могла заставить себя спуститься вниз. Тут только она обратила внимание, что рядом на верхней ступеньке лежит волшебная тростинка. И цвет у нее стал какой-то непривычный — теперь волшебный жезл казался выточенным из цельного куска изумруда.

Кадия закрыла глаза, потом открыла, потом вновь сомкнула веки и, когда распахнула их, обнаружила, что теперь она здесь не одна.

Существо, которое поднималось к ней снизу, было точь-в-точь как те изваяния, что обрамляли находившуюся сзади лестницу. Только вместо шлема и кожаной португени на нем было надето легкое платье, шуршащее на ходу.

Оно — женщина?! Кадия от неожиданности слова не могла вымолвить. Одно было ясно: кем бы ни было это существо, оно было не менее знатно, чем сама Великая Волшебница. Принцесса опустилась на колени.

— Дочь Триединого, скажи, почему ваши люди совершили столько грехов? Чаши мировых весов вышли из равновесия. Как случилось, что смерть и муки добрались даже сюда — в последнюю обитель?

Кадия догадалась, что эта женщина не ее обвиняет — она ищет истину и потому ждет ответа.

— Прежде всего, — ответила девушка, и голос ее прозвучал подобно карканью паршивой птицы, питающейся падалью. Принцесса прочистила горло, собрала с духом и решительно сказала: — Я дочь короля Крейна. Эти, из Лаборнока, под предводительством Волтрика, — имя его вновь вызвало в ней прилив ярости, — используя свое пре-

восходство в силах, а также таланты зловещего мага, разбили нашу армию и взяли штурмом Цитадель. Меня спас главный распорядитель королевской охоты Джеган. Вывел из крепости... Вместе с ним я добралась до Той, что владеет Нотом, и мне был вручен этот талисман.— Она подняла волшебную тростинку и протянула ее хозяйке удивительного сада.— Также на меня была возложена обязанность отправиться в дальний путь и отыскать магический предмет. Древнее предсказание гласит, что только с помощью женщин нашего королевского рода может быть восстановлен мировой порядок. Я мало смыслю в магии и пытаюсь делать только то, что мне по силам. Нас — трое, хотя я не знаю, живы ли мои сестры... Вот этот предмет привел меня сюда.

— Та, что владеет Нотом...— задумчиво повторила женщина.— Уж очень долго она ждала. Можно было раньше послать сюда вестника... Но раз уж это случилось, значит, тьма действительно одолела землю и воду. Согласно изначальному устройству, мир должен выглядеть следующим образом.— Странная женщина вытянула правую руку вперед, горизонтально; левую подняла строго вертикально.— Распространение тьмы переворачивает всю конструкцию, лишает ее устойчивости. Однажды так уже случилось — тогда и произошла великая битва. И воды стали землей... Вражья мощь рухнула, и было восстановлено равновесие. Тогда были даны клятвы...

Кадия вспомнила о Джегане и отважилась прервать беседу:

— Если клятвы не были нарушены, как сказал Джеган, значит, Силы Тьмы нашли способ обойти запрет. Как же это могло случиться?

— Королевская дочь, однажды в неприступной каменной стене появилась малюсенькая трещинка, потом она расширялась, расширялась, и наступил момент, когда неодолимая преграда рассыпалась в прах. Ничто не вечно под Тремя Лунами! Этот маг, о котором ты упоминала, достиг больших высот, он очень много знает. Он обеспечил определенную защиту своим сторонникам, которые сумели подобрать ключи к навечно, казалось, захлопну-

тым воротам. Королевская дочь, — хозяйка дворца неожиданно обратилась к волшебному жезлу, который Кадия по-прежнему держала в руке, — ты наконец-то добралась до цели. Если Та, что владеет Нотом, выбрала тебя, значит, твой долг — вступить в битву. Начнешь ли ты сражение в одиночку или в союзе с сестрами — это зависит исключительно от тебя. От твоих поступков...

— Здесь что, тоже небезопасно?

— От Зла, которое явилось в мир, нигде нельзя укрыться, но я еще не вступила в сражение с вражьей силой. — Неожиданно женщина подняла голову, словно до нее долетел какой-то тревожный звук. — Слышишь? Они не так сильны, как вообразили. Путь, которым ты пробралась сюда, теперь закрыт для них, вот они и мечутся туда-сюда вместе со скритеками. Слепые дураки!.. Старинная ограда еще ох как прочна! Сквозь такой заслон ничто не проскользнет...

— Что же они ищут?

— То, что считают сокровищами, — золото, камни, чудесные предметы. Но подобная жадность не свойственна их хозяину. Он алчет другого, его подручным не понять его. К тому же они сильно устали... Так что еще немного, и они вернутся к нему с тем, что им удалось схватить.

— Тогда что же следует искать мне? — воскликнула Кадия.

Она выронила волшебный жезл, и он упал у ее ног. Лег недвижимо, сияние его почти совсем ослабло.

— Взгляни в самое себя, королевская дочь. Распахни свое сердце и свой разум.

— Мне трудно, — слабо возразила Кадия. — Кто я? Бродяга, живущая воспоминаниями и жаждой мести... Я не владею колдовством, у меня нет армии. У меня даже мечта хорошего нет...

— За этим дело не станет, королевская дочь. Но прежде познай самое себя.

И — хозяйка исчезла!

Кадия словно куда-то провалилась. На мгновение закрыла глаза, а когда открыла, той уже не было, только

тростинка лежала рядом. Принцесса почувствовала смертельную усталость.

Магия! Опять эта магия!.. От отчаяния девушка замолотила кулаками по гладким каменным плитам, на которых лежала. Била, пока боль не притушила гнев.

Взгляни в свою душу! Познай самое себя!.. Более глупое занятие придумать невозможно. Ну, взглянула — и что же там увидела? Гнев, хлещущий наружу. Ярость, с которой не совладать. Кадия взяла волшебный жезл и попыталась переломить его. Зачем он привел ее сюда? Чтобы заняться разглядыванием своей рожицы в зеркале? Чепуха! Гляди-ка, не поддается. Спротивляется...

«Одна из трех...» — откуда-то из глубины души всплыла эта фраза.

Принцесса подняла голову — может, ее кто-то позвал? Может, ожили синдоны, застывшие в камне на лестнице? Нет, вокруг все тихо, внизу по-прежнему благоухает чудесный сад. Один вид прекрасных, усыпанных цветами растений лечил душу, навевал спокойную рассудительность. От нее что-то требовалось — она ощутила странный зов, неясный, осмысленный и неодолимый. Взгляни в самое себя, сразу найдешь ответ. Кадия так и поступила. Прошло несколько мгновений, и она совершенно успокоилась. Встала, погладила волшебную тростинку, взялась за нее поудобнее и изо всех сил метнула в глубь сада.

Уже в полете тростинка перевернулась и ровно воткнулась в землю. Принцесса сошла на три ступеньки вниз — теперь ей было все видно. Гнев и ярость сменились верой — раз эта тростинка привела ее сюда, значит, она же поможет ей проникнуть в тайну. Однако Кадия не решалась коснуться наливающегося зеленью стебелька. Прямо на глазах тростинка начала расти, давать побеги, вот она уже сравнялась с Кадией ростом, еще два маленьких побега появились на верхушке и тут же развернулись в листики. Стал утолщаться и стебель... Наконец, наверху начало созреть соцветие, состоящее из трех яйцевидных бутонов.

Кадия сидела, боясь шелохнуться. Только бы не спугнуть это чудо. Прошло еще несколько мгновений, и на каждом бутоне, обернутом в плотную черную кожуру, наметились щели. Вот они раздвинулись...

На Кадию смотрели три глаза!..

Один из них был золотисто-зеленый — как у одлингов. Другой — карий; принцессе не надо было смотреться в зеркало, чтобы догадаться, что он был точным подобием ее глаз. Третий — голубовато-серебряный, в необыкновенно большом зрачке которого вспыхивали золотистые искорки.

Собственный амулет Кадии жарко запылал на груди. Прежде чем она сумела вытащить его, янтарная капля затрепетала, словно живое существо. Внезапно золотая цепочка лопнула, и священный амулет, взлетев в воздух, неожиданно очутился в том месте, где все три ока срастались, прирос там и замер.

Кадия спустилась по лестнице до последней ступени. Все три глаза как открылись, так и закрылись — неожиданно и одновременно. Девушка взялась за стебель удивительного цветка и с непоколебимой уверенностью, что так и надо поступить, попыталась оторвать верхнюю часть. Растение не поддалось, и тогда принцесса вырвала его из земли.

Удивительно, но то, что теперь она держала в руке, мало напоминало цветок. Особенно корешок, загнутый, отливающий тусклой металлической голубизной... На глазах тростинка, посаженная в землю, превращалась в чуть изогнутый меч! Рукоятка с ячейками для пальцев пришла точно по руке, словно оружие было выковано специально для Кадии — принцессы из королевского дома Рувенды.

Кадия подняла меч — на резном эфесе располагались три закрытых глаза.

— Вот он, Трехвекий Горящий Глаз,— прошептала принцесса. Сердце у нее замерло, потом маленький комочек плоти в груди затрепетал, напился мужеством и решимостью, и Кадия уже во всю мощь своего голоса,

словно объявляя об этом всем врагам в мире, воскликнула: — Вот он, Трехвекий Горящий Глаз!..

Наконец-то у нее в руках оказался загадочный древний талисман, который она так долго искала.

Глава 27

Анигель не сразу догадалась, что риморики больше не слушаются поводьев. Когда же увидела, куда они тянут лодку, задрожала от страха.

— Что вы делаете? — закричала она. — Туда нельзя, мы все погибнем!

Между тем животные решительно мчались по направлению к водопаду. Они все увеличивали и увеличивали скорость — лодка теперь летела, едва касаясь воды. Принцесса едва сохраняла равновесие и, не в силах схватиться руками за борта, крепко вцепилась в поводья. Она поверить не могла, что риморики, с которыми она так сдружилась за время путешествия, которые оказались такими разумными и добрыми существами, вдруг обезумели и, не сознавая, что делают, решили по прямой одолеть Мутарский порог.

Плотная водяная завеса и — прямо под ней — грохочущий скат воды неумолимо приближались. У Анигели перехватило дыхание, и она безмолвно, расширенными от ужаса глазами следила, как надвигалась на нее внезапно обеззвучившаяся пропасть. От страха она никак не могла сформулировать мысленную команду — потребовать, чтобы риморики отвернули в сторону... Не было ни секунды, чтобы перехватить поводья и схватиться за амулет... Поводья натянулись так, что она того и гляди выпустит их из рук. Собственно, ее тело оказалось теперь механизмом, через которое тяга, развиваемая животными, передавалась лодке. Инстинктивно принцесса уперлась ногами в брус, образующий форштевень. Риморики еще поддали — Анигель вскрикнула. Того и гляди, руки вырвут!.. В тот момент она даже об Имму не вспомнила — решила, что пришла ее последняя минута.

Неожиданно в сознание вновь ворвался оглушающий рев водопада. Мелкая водяная пыль начала оседать на волосах, и в солнечном свете на голове заискрились капельки влаги. Вид гигантской толщи скатывающейся в бездну воды едва не лишил девушку чувств. Перед глазами замелькала сначала глубокая колеблющаяся чернота, потом она рывками начала осветляться — от густо-синего до светло-голубого, затем мгновение лодка мчалась по бирюзе, которую сменил травянисто-зеленый тон и, наконец, залил сверкающий белый свет. Край обрыва был уже совсем близко — Анигель, ойкнув, выпустила поводья, присела, вцепилась в борта лодки. Что еще накрепко отпечаталось в памяти в тот последний миг, так это два темно-зеленых веретенообразных тела, мелькнувшие в радужных отблесках, пронзившие густую водяную завесу и тут же скрывшиеся из виду.

В эту же водяную завесу врзался и нос лодки. На мгновение — принцесса невольно глянула вниз — под ним закружили исполинские струи воды. В их круговерти мелькнуло что-то аспидно-черное — не риморики ли? Не может быть!.. Анигель ощутила томительную, невообразимую легкость во всем теле, она словно взлетела в воздух и теперь медленно парила над бездонной синью. Краем глаза выхватила небольшие домики на левом берегу, в окнах которых отражалось небо, прямо открылось широкое русло великой реки, а на самом краю могучего разлива, в той стороне, куда стремилось солнце, куда были направлены перья облаков, — Тассалейский лес.

Она даже не заметила, как приводнилась лодка, — плеснуло в лицо холодной чистой водой, Имму что-то вскрикнула сзади, да риморики, высунув довольные морды, словно крякнули:

Прибыли!

Лодка покачалась поплававком и двинулась вперед. Перед глазами принцессы поплыли радужные круги. Она встала, с трудом поднесла руку ко лбу и тут же без чувств рухнула на дно лодки.

Принцессе Анигели снился сон. Мать ее, королева Каланта, прогуливалась в каком-то незнакомом месте — по-видимому, это был лес, но деревья все высохли, трава пожухла. На королеве было платье, в котором она присутствовала на коронации, на голове — корона... Анигель тащилась за ней. Она сильно отстала и изо всех сил пыталась догнать маму, кричала, просила подождать, но Каланта вроде бы и не слышала ее. Принцессе ничего другого не оставалось, как поторопиться, и Анигель старалась, перешла на бег. Ее сердечко рвалось из груди, ноги уже не слушались — все было напрасно. Еще немного, и она рухнет на землю, заплачет от отчаяния, а мать тем временем совсем скроется из виду. Во сне Анигель не поддавалась слабости и продолжила путь.

Затем случилось чудо: королева остановилась, повернулась и улыбнулась дочери. Анигель напрягла последние силы — наконец мама заключила ее в свои объятия.

— Дорогая доченька, самая моя младшенькая, — сказала Каланта. — Я думала, ты никогда не нагонишь меня. Тебе известно, что сестры идут своими путями. Как только мы тебя принарядим, все у нас будет хорошо.

Потом королева подвела дочь к ближайшему ручью, открыла вельветовую черную сумку, достала кусок пахучего мыла и костяной гребешок.

— Сейчас мы тебя умоем, — сказала Каланта, — расчесем, нарядим в богатые одежды, чтобы твои подданные узнали тебя.

Она принялась тереть ей лицо мочалкой — такой грубой и жесткой, что принцесса невольно вскрикнула...

И проснулась.

Она лежала на мягкой подстилке из увядшей травы на берегу Мутара. Какой-то зверек с сероватым, желто-полосатым мехом, узкой мордочкой и умненькими черными глазками лизал ей щеку. Язычок был тонкий, длинный, шершавый... Анигель вскрикнула от удивления — зверек тоже пискнул и юркнул под землю. Норка находилась у виска принцессы. Рядом в кустарнике, покачиваясь на длинной гибкой ветке, во весь голос заливалась маленькая беленькая птичка. Песня ее напоминала отда-

ленные раскаты грома, в которые вплетались изящные переливчатые трели. Слушать ее было так занимательно, что Анигель на несколько мгновений замерла — в хрипловатом пении нет-нет да прорезывались высокие, странно синкопированные рулады. В нескольких элсах от процессы текла река. Вода спокойно разливалась по бесчисленным протокам, омывала густо заросшие острова.

Боже мой, жива!

Эта мысль рождалась медленно, для уверенности Анигель подвигала руками и ногами, пошевелила каждым пальчиком, даже носом посопела.

Здорова и невредима!..

Она села. Оглядела себя. Платье было изорвано в клочья, из-под них проглядывало нижнее белье. И сандалии тоже не выдержали. Ремешки лопнули, подметки едва держались на ногах. Поясной ремень был на месте, и — слава Богу! — амулет чуть заметно теплился на груди. И кошелек сохранился... И тыквенная бутылочка... Кожа покрыта грязью — все уже запеклось, по-видимому, она не один час пролежала на берегу. На голове колтун!.. Самое удивительное, она совершенно не помнит, как очутилась здесь.

Осторожно пробираясь между выброшенных на берег гниющих бревен, принцесса двинулась вниз по реке. Вся прибрежная полоса была забита сплавляемым лесом, и когда Анигель взобралась на одну из таких куч и глянула назад, перед ней открылась картина, которую совсем недавно ей довелось видеть с высоты птичьего полета. По всему горизонту к северу тянулся высоченный, покрытый редкой шерсткой джунглей уступ, словно в том месте лес вставал на дыбы. Делила этот вал тонкая серебристая полоска водопада. До него было около лиги. Тот глубокий, наполненный синью исполинский омут отсюда не был виден, так же как и строения на левом берегу, которые ей удалось разглядеть за секунды полета. Глазам открывались широкая мелкая река, стремящаяся к югу по многочисленным рукавам, да буйство джунглей, овладевших каждым островком, каждым элсом берега. Яркая зеленовато-голубая листва совсем не походила на ту, к ко-

торой она привыкла на Гиблых Топях: бирюзовые листочки были вырезаны иначе, чем в родной Рувенде. Здесь и деревья были другие, и воздух, пропитанный непривычным смолистым духом и странными запахами незнакомых цветов.

Анигель спустилась к воде и замерла — та же радостная мысль родилась в сознании.

«Я жива! — Принцесса в восторге вскинула к небу руки. — Жива-а-а!»

Мгновенно следом она почувствовала укор. Ты жива, а Имму? Где она? Где верные риморики? Девушка беспокойно глянула вверх по течению, потом вниз... Из живности ей на глаза попались только ярко-красные птицы на длинных, голенастых ногах, разгуливающие по мелководью и время от времени погружающие в мутную воду крючковатые клювы.

«Итак, что мы имеем? — уже спокойно и трезво подумала Анигель. — Я сохранила жизнь, но осталась одна. И где — в Тассалейской чаше. Что же теперь делать?»

Может, позвать? Подать голос? А вдруг лаборноксы осмелели настолько, что рискнули последовать за ней? Ага, только закричи, сразу выскочат из кустов, навалятся, начнут руки крутить. Впереди этот, его светлость. Бандит, а не светлость! Хотя производит впечатление благородного человека.

Так что же делать? Куда идти? Здесь такие дебри — никаких тропок! Только вот эта узкая полоса, заваленная бревнами. Стоит только отойти от берега, и можно сразу заблудиться.

Неужели Имму и риморики погибли?

Эта мысль буквально сразила Анигель. Она припомнила последние минуты, когда Имму хлопотливо раскладывала корешки на доске, готовила бутерброды. Она привязала их дорожные мешки к банке... Она никогда раньше так не делала... Она что, знала, куда риморики потащат лодку?

— Она навсегда останется в моей памяти, — прошептала Анигель. — Я всегда буду вспоминать ее с любовью.

Имму верила, что я выживу, ведь после того, как я попробовала митон, у меня сразу прибавилось и сил, и храбрости... Но про себя-то она все знала. Чувствовала, что ей не выбраться из бездны?

Ох, Имму, Имму! Верная подруга!

Только не распускать нюни. Имму бы это не одобрила... Ангели еще предстоит одолеть долгий путь. Что, если отведать митон и попытаться мысленно вызвать римориков?

Принцесса нашла затененное место, откупорила бутылочку, поднесла к губам, немного глотнула. Закрыла глаза и мысленно сказала:

Друзья!

Поблизости послышался всплеск.

Принцесса открыла глаза и увидела в воде две зеленоватые клыкастые морды. Те сразу начали выпрыгивать и кувыркаться на стремнине, потом бросились к ней и, добравшись до мели, вновь высунули морды и преданно уставились на девушку.

Друг-человек, мы искали твою спутницу, принадлежащую к маленькому народу.

— Имму? Вы нашли ее?

Нет. Мы обыскили все окрестности, но вода, стремящаяся к морю, так обильна, здесь столько проток, что все не обыщешь. Может, ее тело покоится где-нибудь на мелководье...

Ангель воскликнула:

— Ее тело?! Вы считаете, она погибла в водопаде?

Мы ее искали и не нашли. У нас больше нет времени. Твои человеческие враги собираются спуститься по великому жемлобу. Они схватят тебя, если мы немедленно не покинем эти места.

Ангели сразу стало ясно, что имели в виду риморики. Конечно, лаборноксы воспользуются сплавным слипом и спустят свои суденышки в Великий Мутар. На мгновение она решила пренебречь опасностью и настоять, чтобы звери продолжили поиски Имму, но тут в сознании возник ее образ — женщина-оддинг укоризненно покачала го-

ловой и погрозила ей когтистым пальчиком. Анигель вздохнула. Воспитательница — даже если она и погибла в этих водах — все равно продолжала заботиться о ней. Жесты ее были понятны — вперед, только вперед! Навстречу новым испытаниям! Имму храбро встретила смерть. И Анигель, вдохновленная ее примером, должна быть во всем самостоятельной. Так что теперь не до слез...

— Вы нашли лодку? — спросила она римориков.

Суденышко разлетелось вдребезги. Мы нашли дорожный мешок Имму, а твой не нашли. Мы воспользуемся одной из лодок, принадлежащих речному народу. Они спрятали их ниже по течению.

Звери побарахтались в грязи и, работая плавниками, выбрались наконец на середину протоки, на глубину. Потом они медленно поплыли по течению.

Делать было нечего — Анигель по берегу двинулась вслед за ними. Местами ей приходилось огибать завалы по воде — тогда ноги погружались в теплый обильный ил. Грязь тут же начинала засасывать, и девушка торопливо выбегала на прибрежную полосу.

На странное, достаточно вместительное суденышко она набрела скоро — на него ей указали риморики. Найденная лодка была раза в два длиннее, но значительно уже, чем прежняя. Каркас собран из какого-то белого, напоминающего кость материала, соединения накрепко стянуты скрученными сухожилиями. Корпус напоминал полупрозрачное стекло и был сшит из кусков, причем Анигель обратила внимание на замечательно выполненные стежки. Кроме того, швы были обмазаны какой-то смолой, так что внутрь совсем не просачивалась вода. Анигель стащила лодку в реку, отметив, какая она легкая. На дне лежал мешок Имму. Больше там ничего не было.

Удивленная, девушка обратилась к риморикам:

— Но здесь нет поводьев. И на вас нет сбруи. Как же теперь управлять лодкой?

Обе морды высунулись поодаль, ослабились:

Для этого суденышка ничего такого не нужно. Оно легко, как сухое зернышко. Мы будем плыть каждый со своей

стороны, подталкивать его, а ты только командуй, когда надо поворачивать.

Принцесса влезла в лодку, устроилась на сиденье. Вытащила из кожаного напоясного мешка лист Священного Триллиума. Тут только она заметила, что верхняя часть удивительной карты, где был отмечен уже пройденный путь, начала вянуть и съеживаться. Ниже располагалось большое коричневое пятно, изображавшее озеро Вум, далее золотистая прожилка извивалась почти до самого черенка. Расстояние это соответствовало длине мизинца принцессы.

— Выходит, мы одолели только половину пути, — обращаясь к животным, сказала она. — Теперь — никуда не сворачивая, чем быстрее, тем лучше, вниз по Великому Мутару. Никаких хитростей — чем быстрее, тем лучше, иначе нам не оторваться от вражеских солдат.

Ты хочешь, чтобы мы доставили тебя к лесным людям, которые живут на реке?

— Зачем? — Анигель засомневалась. — Я никогда не думала об этом. Возможно, так даже лучше. Должно быть, вы имеете в виду вайвило? Вы знаете, где расположены их деревни?

Ниже по течению есть большая деревня, мы доставим тебя туда.

— Отлично!

Рыча и повизгивая, риморики принялись носами подталкивать лодку, стараясь вывести ее на глубину. Грязная жижа вокруг их плавников и хвостов прямо-таки забурлила. Лодка частыми рывками двинулась вперед, выбралась на середину протоки. Здесь риморики поплыли свободнее, уже погрузившись с головой. Вот, наконец, и главное русло. Без всякого усилия звери погнали лодку к фарватеру. Вода на глазах темнела, становилась бурой. Скоро влево и вправо раскинулась беспокойная водная ширь.

Солнце перевалило за полдень. Анигель развязала кожаный заплечный мешок Имму, вытащила оттуда спальник и промокшую насквозь одежду и разложила на борту лодки сохнуть. Потом прикинула — ростом она будет

повыше Имму, однако ее худоба позволит использовать одежду наставницы. В мешке обнаружилась широкополая, сплетенная из травы легкая шляпа, кожаная, почти невесомая накидка от дождя, запасная пара сандалий на ремешках. Съестные припасы слиплись в один мокрый ком, и принцесса принялась осторожно его разбирать: корешки, размокший хлеб, пропитавшиеся влагой сушеные фрукты, орехи. Собственно, вся эта пища служила дополнением к тому, что риморики отлавливали в реке и чем делились с людьми. Вспомнив наставления ниссомов, Анигель дала себе слово, что будет очень осторожна с незнакомыми плодами. Уж слишком много аппетитных на первый взгляд фруктов оказывалось пропитано ядом. Хвала Владыкам воздуха и предусмотрительности ее наставницы, которая не позволяла воспитаннице проводить время зря и учила ее всяким кулинарным премудростям: заставила освоить и жарку рыбы на вертелах — вот они, в низу мешка, и приготовление вкуснейшей ухи в котелке.

Итак, что у нее имеется в наличии? Анигель мысленно провела инвентаризацию. Кроме всех причиндалов, оставшихся от Имму, есть еще нож, расческа, платок — который, кстати, тоже надо постирать, — маленькая чашка и кусочек мыла.

Невелико богатство, но сейчас для королевской дочери эти простые вещицы были дороже всех сокровищ мира. Не так уж плохо, решила Анигель и легла на дно лодки. Главное, она в пути, рядом верные звери, и есть запас митона. Чего еще желать? Разве только прикрыть лицо шляпой, а то солнце слепит...

Друзья, ничего, если я немного посплю?

Хорошая идея, подруга. Тебе следует набраться сил.

Боже, в первый раз за все время путешествия из Нота она освободилась от этих надоевших до отвращения поводьев. Хоть несколько часов, но она побудет в безопасности и на свободе, как вольная птица. А вот Имму! Что с ней? Пропала без вести, ни слуху ни духу! К удивлению, боли не было, горе как бы отдалилось, погрузилось в прошлое, в память... Сами собой закрылись глаза...

Она проснулась на закате. Риморики подогнали лодку к тенистому островку с высокой мягкой травой и чистейшим белым песком на берегу. Вечер выдался теплый, тем не менее островок время от времени продувало крепким прохладным ветерком, разгонявшим надоедливых насекомых.

По обе стороны расстилалась великая река. Берега таили в дымке — так, что-то блекло-розовое на горизонте. Солнце клонилось к воде — видно, устало за день, тоже хотело умыться, поспать.

Рядом в воде крутились риморики. Принцесса поблагодарила их, и те сразу умчались на охоту. Анигель обошла остров, нашла дерево брудок, набрала сладких плодов, плотно поужинала и легла спать.

Сны в ту ночь не донимали ее.

Целый день флотилия лодок под руководством принца Антара обыскивала протоки Великого Мутара. Все было напрасно — тела принцессы Анигели и ее спутницы найдены не были. Обломки их суденышка обнаружили возле заброшенной лесопилки, и все рыцари единодушно решили, что выжить в той круговерти, которая кипела у подножия Мутарского порога, невозможно. Их мнение, правда, ничего не значило. Решение о том, стоило ли продолжать поиски, мог принять только сам великий маг Орогастус, да и то после разговора с волшебным зеркалом. Еще утром, сразу после рокового прыжка этой девицы, Синий Голос связался со своим хозяином. Теперь все ждали ответа. Тем не менее Антар не хотел тратить времени даром.

Лагерь лаборнокцы разбили на крутом берегу возле огромного омута — здесь было повыше и посуше. Все они — рыцари, солдаты и те из гребцов, кого перевели на лодки, — напряженно ждали приказа. Виду, правда, никто не подавал, приказания исполнялись быстро и точно, однако мысль о том, что им придется в преддверии сезона дождей отправляться вниз по Мутару, всех удручала. Вечером, собираясь у походных костров, они втягивали головы в плечи, как только из раскинувшегося за

спиной леса раздавалось жуткое уханье ночных филинов и рык ужасных хищников. Хор этот звучал непрерывно. Если эта дрянная девчонка окажется жива и им прикажут продолжать погоню, что, кроме собственной гибели, смогут отыскать они в этих заповедных дебрях? Если ей удалось одолеть водопад, то нечего и думать о скором возвращении в Цитадель и более-менее удобной зимовке. Главное, безопасной, чего не скажешь об этих походных лагерях. И что это за талисман такой, ради которого государственный министр готов отправить на смерть лучших рыцарей?

К разочарованию лаборнокцев, ниже водопада им удалось отыскать только три лодки вайвило. Аборигенов тоже след простыл, так что ни средств передвижения, ни проводников. Мастер Эдзар тем временем высказывал большие сомнения, позволят ли туземцы войти чужакам в их единственное поселение Лет, лежащее ниже по течению.

Этой ночью принц Антар уединился в своей палатке. Когда друзья, и прежде всего лорд Ованон, предложили ему вместе скоротать вечерок, он отказался. Он не мог скрыть горя, когда на его глазах принцесса Анигель погрузилась в пучину, а болтливый сэр Пенапат, оказавшийся тут как тут, пустил по лагерю слух, что его светлость даже побледнели, когда эта сучка нырнула в водопад...

На следующее утро Синий Голос был потревожен теплепатическим вызовом своего хозяина и о чем-то мысленно долго беседовал с Орогастусом. В это время принц Антар, как обычно бодрый и подтянутый, вышел из палатки и в компании сэра Ованона отправился осмотреть гигантский слип и прочие устройства и механизмы, обеспечивающие сплав леса вниз по Великому Мутару.

— Все это сделано настолько искусно, — заметил принц при осмотре желоба для спуска плотов, — что на сердце становится грустно, когда видишь запустение.

Собственно, слип был предназначен как для спуска, так и для подъема бревен. Для этого требовалось загрузить большую платформу. С помощью противовесов и си-

стемы шестеренок и канатов, которые приводились в действие животными, можно было без особых усилий втянуть на верхнюю кромку немалый вес.

— Эти рувендиане явно не дураки,— заметил лорд Ованон.— У нас, правда, в доках Дероргуилы, тоже есть подобные машины, только они куда меньше.

— Меньше, больше...— тихо сказал Антар.— Дело в том, что с их помощью нельзя спустить вниз большие корабли. Только эти жалкие лодчонки... Но на них никак не увезти все необходимое для такого большого отряда, как наш, если нам все-таки придется идти вниз по Мутару.

— Это точно,— согласился Ованон.— Мы тут застрянем надолго.

— Об этом я и приказал Синему Голосу сообщить Орогастусу. У меня нет никакого желания вести людей в Тассалейские чащи на верную гибель. Да еще за какой-то непонятной штуковиной! Я больше не хочу исполнять дикие, безумные приказы и губить людей. Вот почему я очень нуждаюсь в поддержке товарищей, когда дело дойдет до критической черты и я откажусь следовать дальше.

— Об этом даже не стоит говорить, принц. На нашу поддержку вы всегда можете рассчитывать.

Антар задумчиво глядел вдаль, лицо его было утрумо. Он долго молчал, прежде чем высказал свои заветные мысли.

— Боюсь, что с помощью этой экспедиции колдун решил убить сразу двух зайцев. Прежде всего использовать неудачу, чтобы опорочить меня в глазах моего венценосного отца. Коварный колдун знал, что мне не по нраву организованная им охота на беззащитных женщин. Да тут еще на маяке вчера я не смог справиться с нервами...

Лорд Ованон тактично промолчал.

Антар взглянул на друга, на лице его было страдание.

— Что делать! Я влюбился в нее, как мальчишка, Ованон.

— Я — за, мой принц! И лучшие люди в армии вовсе не осуждают вас за это. Мало ли что с кем может случиться! Но вы четко и добросовестно исполняли все приказы

короля Волтрика. Никто не посмеет сказать, что вы пренебрегли своим долгом.

— Орогастус еще как посмеет,— с горечью возразил Антар.— Он ненавидит меня и давно строит козни. Уверяет отца, что я еще слишком молод, чтобы разобраться в большой политике и в управлении государством. Этот чертов пришелец... чудовищно жесток. И то, как мы поступили с пленными рувендианами,— его рук дело! Он досконально изучил характер моего отца и теперь вертит им, как хочет. Главным образом использует страх.

Ованон почтительно молчал.

— Отец раньше не был таким жестоким,— продолжал принц.— Когда я был совсем маленьким и еще была жива моя приемная мать Шонда, он был любящим мужем и отцом. Этаким весельчак, добрая душа... После знакомства с Орогастусом он резко переменялся. Отец слишком долго ждал, пока взойдет на престол, к тому же несчастная Шонда оказалась бесплодной. Орогастус — не знаю, как ему это удалось,— развил в отце самые низменные страсти, раздул амбиции. Это он подал мысль казнить Шонду.

Ованон тихо сказал:

— Об этом все знают, ваша светлость. Ваш отец не допускает никакой критики в адрес Орогастуса. К тому же он — король!

— Да,— кивнул Антар.— Но когда я вспоминаю ту ужасную сцену — как он сорвал корону с головы умирающего короля Спорикара,— выражение его лица, жестокость, которую он проявил во время вторжения в Рувенду, у меня появляется жуткая мысль — а не довел ли его Орогастус до безумия? Конечно, чтобы утверждать нечто подобное, нужно иметь серьезные основания...

Лицо Ованона помрачнело.

— Вы не один пребываете в сомнениях. Многие разумные люди в армии считают, что вторжение в Рувенду было серьезной ошибкой. Я лично думаю, что дела вскоре пойдут куда хуже, чем мы рассчитывали...

Он замолчал, заметив бегущего к ним лорда Ринутара. Тот еще издали начал кричать:

— Ваша светлость! Поразительные новости! Лорд Орогастус определили, что принцесса Анигель жива. Она спускается вниз по Великому Мутару. Вам приказано преследовать ее. Отряд сократить, взять только сопровождающих вас рыцарей. Каждому иметь слугу. Тут, правда, есть одна заковыка — великий маг приказал ни в коем случае не трогать принцессу, пока она не найдет свой талисман. Только потом ее нужно захватить и предать смерти.

Антар вздрогнул, вцепился в плечо Ованона.

— Она жива? — прошептал он.

— Живее быть не может. Так сказала ледяное зеркало. — Ринутар ухмыльнулся. — Я так и знал, — добавил он, — что вы обрадуетесь.

Глава 28

Ламмергейер мысленно окликнул Харамис:

Подлетаем. Там, внизу, пещера, которую ты ищешь.

К утру буря утихла. Принцесса выглянула из образовавшегося на спине птицы гнездышка, в котором провела ночь, и тут же прикрыла глаза затянутой в перчатку рукой. Сверкающий на солнце свежевывавший снег ослепил ее. Несколько минут она сидела, уткнувшись лицом в птичий пух, потом, привыкнув, сквозь прищуренные веки глянула на ослепительный пик Джидрис, а затем по сторонам.

Хилуро по спирали снижался все ниже и ниже, направляясь к гигантскому снеговому цирку, из которого вытекала исполинская река льда. Обрушиваясь почти с отвесной кручи, она растекалась огромным потоком по широкой ложбине и разделенными трещинами языками стремилась к подножию, в Рувендийскую впадину. Края трещин отливали темно-голубым цветом, поверхность ледника была испещрена длинными извилистыми линиями морен — где-то там, в среднем течении, неожиданно сверкнул золотой проблеск.

Когда птица спустилась пониже, Харамис различила на краю ледника вздымающийся в небеса тонкий каменный обелиск молочного цвета, отливавший в солнечных

лучах золотом. С более близкого расстояния стало ясно, что эта каменная игла высотой примерно в восемьдесят элсов, а шириной около пяти представляла собой останиец кварцевой жилы с включениями драгоценных металлов. За долгие века ледник гладко обтесал бока скалы — создавалось впечатление, что из толщи льда торчит перст, пытающийся сдержать наступление ледовой реки. Где-то на середине башни показалось отверстие, под которым балкончиком располагался скалистый выступ.

Птица сказала:

Придется высаживаться на ходу. Смотри, будь осторожна. Ступенька слишком узка для меня.

Ламмергейер, спускаясь, кругами облетал белую башню. Устье пещеры было раза в два выше Харамис, но казалось значительно меньше из-за выступающих по краям граней и огромных сосулек, напоминавших блестящие зубья. Почти все было покрыто коркой льда.

Харамис сжала в руке амулет, безмолвно обратилась к Владыкам воздуха и Триединому и крепко обняла птицу за шею. Сцепила пальцы. Со страхом оторвала ноги и повисла над бездной. Исполинский орел, подлетев ко входу в пещеру, часто замахал огромными крыльями — Харамис подхватил поток воздуха, она разжала руки и опустилась на узкий выступ. Принцесса не удержалась и рухнула на колени. Сильный порыв ветра ударил ей в лицо, она невольно закрыла глаза, а когда открыла, птица была уже далеко — кружилась над ледником.

Вокруг Харамис огромными плитами и валунами лежали натеки и наплывы чистейшего голубовато-белого льда. Рядом находился вход в обрамленный золотыми жилами грот. Все вокруг сверкало и искрилось в лучах солнца. Девушка на мгновение снова прикрывала глаза рукой, потом убрала ладонь. Тут только она ощутила, как подрагивает каменная игла под напором ледяного потока. Тихий шелест, скрежет, какие-то таинственные, напоминающие гулкое перешептывание звуки окружали ее.

В тени было холодно, а открытые участки буквально сжигали обильные солнечные лучи. Блики двоились, пре-

ломлялись, радужные искры сияли вокруг. Вдруг перешептывание и скрежет начали стихать, и на их слабеющем фоне зазвучала сначала одна долгая нота, потом другая. Казалось, пел сам воздух, а кварцевая скала отзывалась протяжными, словно болезненные вздохи, аккордами. Много тысяч лет ледник точил скальный останец, чтобы довести его до формы узкой иглы, и все это время натужную нескончаемую поступь ледника сопровождала эта мелодия. Теперь башня из цельного кварца выглядела удивительно хрупкой, доживающей последние столетия. А может, годы? Да что годы! А если месяцы, дни, часы?

Чрево пещеры казалось пепельно-черным — там словно притаилось что-то жуткое. Харамис заставила себя подняться. Оглядевшись, она наконец шагнула внутрь. Стены были сплошь покрыты натеками черного льда. Внимание принцессы привлекло слабое сияние, рождающееся где-то в глубине задней стены. Не спуская с него глаз, она двинулась в ту сторону. В этот момент Харамис обнаружила, что ее священный амулет внезапно потеплел. Словно услышал долгожданный призыв... Между тем мерцание теперь ясно обозначилось в глыбе черного льда, лежавшей у наклонной, замыкавшей пещеру стены. С каждым шагом необычное свечение усиливалось, все сильнее разогревался талисман на груди. Смущение охватило Харамис — если предназначенный ей талисман упрятан во льду, как же она доберется до него?

Она приблизилась к глыбе — амулет уже жег ей грудь. Принцесса, не снимая перчаток, вытащила его. Священный Цветок в глубине янтарной капельки пылал так, словно был сотворен из огня. Придерживая за цепочку, она поднесла его к глазам. К ее удивлению, амулет стремительно рванулся к глыбе черного льда. Девушка едва успела сжать пальцы.

В ответ внутри полупрозрачного ледяного обломка что-то ослепляюще вспыхнуло. Харамис невольно отшатнулась и только спустя несколько мгновений смогла различить крупное золотое пятно, окруженное чем-то, напоминающим корону, слепяще-голубым...

Амулет, подрагивая и натянув цепочку, неодолимо потащил ее к этому на глазах родившемуся свету. Он пылал с такой жаркой яростью, что принцесса невольно загорела лицо рукой. Другая рука вытянулась во всю длину. На мгновение журчание воды отвлекло ее внимание — она чуть раздвинула пальцы. Ледяная глыба таяла на глазах, по поверхности бежали ручьи. Ее амулет начал растапливать лед?!

Неожиданно раздался звучный треск, потом звон, словно какой-то металлический предмет упал на каменный пол. В то же мгновение жар, исходящий амулетом, резко ослаб, амулет начал быстро остывать. Харамис, полуослепшая, напуганная, быстро наклонилась и принялась шарить в луже растаявшей воды, чтобы успеть схватить то, что вывалилось из глыбы льда. Вода быстро замерзала, но вот пальцы принцессы наткнулись на нечто округлое, гладкое на ощупь. Она схватила находку и поднесла к глазам. Терпеливо, не двигаясь с места, подождала, пока к ней вернется зрение. Сердце подсказывало, что теперь можно не торопиться, более того, душа ее неожиданно наполнилась великой терпимостью и жадой добра. Это было странное ощущение, как будто в ней начали просыпаться живущие подспудно силы. На мгновение ей открылось устройство мира, ее место в мироздании. Она убедилась, что теперь знает все, обрела мощь, которая способна все преодолеть, всем управлять... Харамис на мгновение познала самое себя.

Но только на мгновение! Очень скоро это чувство растаяло.

После взлета души к божественным высотам принцесса обнаружила, что стоит в полутемной пещере, где-то не вдалеке брезжит забранный решеткой из сосулк вход. Она ощутила, что вновь стала прежней Харамис — во всем, до самой последней клеточки. Обычной! И в то же время другой, потому что теперь она знала, кем является на самом деле. Знала, что этого можно добиться, знала как. Больше того — она поняла, что ей, принцессе из королевского дома Рувенды, не избежать этого. Вдруг она почувствовала: первый этап ее путешествия закончился, но оно

продолжается. Это было удивительное ощущение. В руках она держала изготовленный из серебристого металла скипетр длиной в половину ее предплечья. С одной стороны в жезл было вделано маленькое колечко для цепочки, с другой — петля или, скорее, кольцо, в которое свободно могли пройти оба ее прижатых друг к другу кулачка. На вершине кольца виднелось что-то, поначалу принятое принцессой за цветок, изготовленный из того же металла, что и скипетр, но когда она тщательно изучила его, то обнаружила, что лепестки этой странной конструкции представляют собой три миниатюрных крыла, вплавленных в единое основание.

Вот он, Трехкрылый Диск.

Предназначенный ей судьбою талисман. Наконец-то!..

Тогда ты узнаешь, что исход решающего сражения за Рувенду и твоё собственное будущее в руках...

Эти слова Великой Волшебницы эхом отозвались под сводами пещеры. Харамис замерла, потом иступленно воскликнула:

— Кто здесь?

Следом пришло ясное понимание, что это пророчество Белой Дамы прозвучало в ней самой, что она здесь одна. Просто в ее сознании уже укоренилось несколькими минутами ранее открывшееся знание. Как будто к ней вновь вернулось ощущение всемогущества, посетившее ее в момент освобождения чудесного скипетра ото льда. И амулет, и волшебный талисман — оба внезапно полыхнули светом. Харамис выронила их и машинально прикрыла ладонью глаза, однако даже сквозь сжатые пальцы проникало ослепительное сияние. Скоро оно ослабло, и принцесса чуть-чуть разжала пальцы. В глазах расплывались радужные круги, потом слепота отступила. Харамис склонилась, решила взглянуть, что же случилось с амулетом и Трехкрылым Диском. Почему все происходит без ее участия? Откуда этот ослепительный свет? Зачем эта таинственность?

К ее огромному облегчению, ни янтарная капелька, ни скипетр не вмерзли в лед — лежали целы-невредимы,

только теперь Черный Триллиум намертво вплавился в основание, точнее, в гнездо, украшенное тремя крылами.

Вот он, источник великой силы. Великой магии...

Да — это было чудо!

«Но как же пользоваться подобной мощью? Это ведь непросто — владеть ею. — Харамис внимательно рассматривала кольцо с успокоившимся на его окрыленной части Триллиумом. — Белая Дама утверждала, что мои сестры должны отыскать собственные, предназначенные только для них волшебные предметы. Если наши путешествия закончатся удачно и все талисманы сольются воедино, тогда и придет решение, как управлять космической мощью, оказавшейся в наших руках. Но ведь это не ответ. Как мне теперь поступать? Возвратиться к Великой Волшебнице и ждать?»

Внутреннюю часть большого кольца, увенчанного Черным Триллиумом с тремя крылами, неожиданно затянуло тонкой дымчатой завесой. Харамис сама не знала, как в ее сознании родился приказ:

— Покажи мне сестер.

И тут же увидела Кадию.

Ее сестра стояла в центре огромной толпы одлингов — это были уйзгу. Она явно выделялась среди них ростом. В руке у нее блистало лезвие меча, на ручке которого были видны три овальных темных нароста.

— Выходит, — прошептала Харамис, — ты победила, удача улыбнулась тебе. А как же маленькая Анигель? Где ты, робкое создание?

Тут же появилось изображение Анигели. Вьющиеся спутанные золотые волосы. Щеки ввалились, лицо бледное, но взгляд! Взгляд ее сапфировых глаз поразил старшую сестру. Он был дик, вызывающ, с какой-то отважной безуминкой. Сестра настороженно поглядывала по сторонам — было ясно, что Анигель готова к любому падению и вряд ли теперь дешево отдаст свою жизнь. Она была одета в охотничий костюм и твердо стояла на ногах в утлой лодчонке, которая с невероятной скоростью летела вперед по широкой реке. Нос ее вздымал волны, взлетающие выше бортов, за кормой пенился белый след.

— Невозможно! — выдохнула Харамис.

Изображение несколько раз мигнуло и погасло.

Принцесса не могла оторвать взгляд от пустоты, возникшей в окружности волшебного кольца. Неужели то, что она видела, правда? Талисманом так легко управлять?

Следом в туманной завесе появилось еще одно изображение: Великая Волшебница, лежащая на постели. Вид у нее был куда более дряхлый, чем в тот день, когда Харамис встретила ее. Глаза закрыты, кожа отливает восковой желтизной... Она была совсем как мертвая, хотя Харамис показалось, что сюда доносится ее голос.

Вы, все трое, должны выполнить предназначенное вам. Долг прежде всего, вы должны трудиться, не покладая рук, до того дня, пока лаборнокцы не будут изгнаны из Рувенды и не восстановится равновесие мироздания. Запомни, любая ошибка или неудача будут полным и окончательным крахом справедливости. Если кто-то из вас погибнет, поражение тоже станет неминуемым.

— Но в этом нет никакого смысла, — прошептала Харамис. — Долг освобождения родины — это только мой долг, ведь я — королева Рувенды. К тому же предание утверждает, что женщина — а не женщины! — из королевского дома Рувенды погубит короля Волтрика... Какая-то одна!

Умирающая Бина открыла глаза:

Но, помнится, я также сказала, что не Волтрик главный враг...

Изображение Великой Волшебницы неожиданно погасло.

Радужные отблески затрепетали на стене пещеры, покрытой черным льдом. Сполохи расширились, закружились спиралью, и неожиданно в толще льда проступило красивое мужское лицо, обрамленное длинными прямыми седыми волосами. Возраст мужчины определить было невозможно: лицо моложавое, глаза бездонные... Одет он был в свободные одеяния черного цвета с серебристым орнаментом. Он сидел за столом, на котором стоял странный предмет, рядом лежала огромная раскрытая книга, возле нее — тетрадь с наполовину исписанной страницей.

В одной руке у него было перо, в другой — надкусанный плод ладу. Все было так по-домашнему, что сначала Харамис не поверила своим глазам — дьявол в домашней обстановке... Увидев замешательство девушки, мужчина улыбнулся.

— Принцесса Харамис, — сказал он. Голос был слышен так ясно, будто он стоял рядом. — Добро пожаловать в нашу компанию.

— В какую компанию? — неожиданно для самой себя спросила Харамис и, рассердившись, поджала губы. — Лаборнонских убийц? Мне ваша компания никак не подходит, Орогастус.

Маг засмеялся и положил на стол перо и плод ладу.

— Вы на редкость целеустремленная и храбрая девушка, принцесса. Вынужден согласиться, что король Волтрик и генерал Хэмил со своими подручными вряд ли могут вызвать добрые чувства, но у меня не было выбора.

— Не было выбора?!

Орогастус пожал плечами:

— Та компания, в которую я приглашаю вас, — нечто совершенно иное. Что-то вроде семьи. Я зову вас вступить в негласно существующее общество, члены которого владеют приемами магии. Должен признать, что наши ряды за последнее время сильно уменьшились. Остались только вы, я и Бина. Вы называете ее еще Великая Волшебница. Боюсь, что вскоре мы вообще останемся вдвоем.

— Вы рассчитываете убить Белую Даму? Она, по вашему мнению, слишком слаба, чтобы защитить себя?

— Дорогое дитя, конечно, нет! Я вовсе не кровожадный убийца. Бине угрожают старость и смерть. — Лицо колдуна было печально и задумчиво. — Всех нас когда-то ждет подобная участь. Около тридцати лет назад в этом мире существовали только два полноправных мага: мой наставник Бонданус и Бина. Бонданус завещал мне свою силу; Бина, вопреки логике, разделила то, чем она владела, между вами тремя.

— Это для того, чтобы спасти Рувенду! — воскликнула Харамис.

— Рувенда... — Маг опять пожал плечами и грустно усмехнулся. — Ваш талисман способен совершить куда больше, чем просто спасти Рувенду. В последнее время Бина совсем утратила широту зрения. Она даже не догадывается, какая мощь заключена в Триедином Скипетре Власти. Но перед вами, Харамис, долгие века, у вас хватит времени, чтобы все узнать и научиться пользоваться этим средоточием мощи.

— Века? — Харамис даже моргнула. Она сразу и осознать не смогла, о чем говорит Орогастус.

С помощью магии продлить свою жизнь? Жить так долго?

— Века! — твердо повторил Орогастус. — Конечно, всегда есть опасность несчастного случая. Или если неправильно обращаться вот с этим, — он указал на талисман, который Харамис держала в руке.

«Идиотка! — неожиданно выругала себя принцесса. — Тебе бы следовало находиться там. Очевидно, он много знает, а Великая Волшебница, по-видимому, совсем не в форме и вряд ли способна всерьез заняться нашим обучением. У меня нет ни времени, ни права на ошибку. Если я хочу спасти своих сестер и королевство, мне необходимо рискнуть».

— Я рад, что вы отыскиали Трехкрылый Диск, — улыбнулся Орогастус. — У меня есть книги, в которых написано, как с ним обращаться. Мне бы хотелось, чтобы и вы с ними познакомились.

— У вас на самом деле есть такие книги? — спросила Харамис. («Я бы хотела очутиться в его библиотеке и взглянуть в них», — подумала она.) — И что же там говорится об этом волшебном талисмане?

— Вполне достаточно, — ответил маг. — Если я расскажу вам хотя бы шестую часть того, что там написано, вы превратитесь в сосульку. — Он указал на окружающие ее камни и лед. — Вы так поглощены нашей захватывающей беседой, что забыли о времени.

Харамис быстро оглянулась. Действительно, вокруг жуткий холод; солнце клонилось к закату — его лучи ко-со били в стену пещеры. Принцесса вновь взглянула на

черную наледь. Одежда на Орогастусе засияла нестерпимым светом. Он обратился к ней.

— Если хотите, можете навестить мой дом,— он поманил ее.— Я готов научить вас пользоваться талисманом. Здесь не так уж плохо. Гора Бром расположена вдалеке от торгового пути, у меня редко бывают гости.

— Вам вовсе не нужна моя компания,— сказала Харамис, глядя ему прямо в глаза.— Вы желаете завладеть моим талисманом.

К ее удивлению, Орогастус засмеялся:

— Я совсем забыл, что вы новичок в нашем деле. Никто, кроме вас, не может владеть талисманом и силой, заключенной в нем. Он предназначен для вас — для любого другого, кто попытается взять его в руки, он несет смертельную угрозу. Но вы не знаете, как им пользоваться. Разве что смотреть в него...— Он опять рассмеялся.— Самый примитивный оддлинг может то же самое, глядя в лужу. Харамис... вы не понимаете, только я способен обучить вас. У меня огромная библиотека и хранилище всяких чудесных предметов, оставшихся от Исчезнувших. Они их бросили в неисчислимом количестве. Я был бы очень рад разделить с вами свои знания. Вы же были такой способной ученицей, разве учеба не приносила вам удовольствия? Вспомните ощущения, которые вы испытывали, когда завесы падали и вы постигали смысл изучаемого явления!

— Да,— Харамис невольно кивнула в знак согласия.— Я понимаю, что вы имеете в виду.

— Тогда приходите на гору Бром,— сказал Орогастус.— С помощью этого талисмана вы можете приказать ламмергейеру нести вас, куда захотите. Вы как раз поспеете к ужину...

Лицо Орогастуса посерьезнело. Он торжественно заявил:

— Клянусь небесной силой, в которую мы верим, что я не попытаюсь силой захватить талисман и не причиню вам никакого вреда. Пусть от меня отвернутся боги, если я нарушу эту клятву,— произнося эти слова, он положил руку на сердце.

— Так тому и быть, — произвольно прошептала Харамис.

Это было обычное завершение любой клятвы. Образ в глубине черного льда погас.

«Итак, что теперь делать? — спросила себя Харамис. — Отправляться на гору Бром, лететь к Великой Волшебнице, остаться здесь и превратиться в ледышку? Или все-таки рискнуть?..»

Реальными были только две возможности: либо дальше на запад, либо ближе к востоку, в Нот. Но ведь Великая Волшебница не настаивала на ее скорейшем возвращении; когда отыщешь заветный талисман, вернешься ко мне, сказала она. Это совсем не значит, что нужно спешить. Разве плохо, если Харамис овладеет навыками обращения с волшебным предметом? Белая Дама вообще иногда выражается очень туманно, точнее — заумно.

«Если я загляну в логово врага, — подумала Харамис, — это даст нам огромные преимущества в борьбе. Если, к тому же, я овладею секретами Трехкрылого Диска, это значительно увеличит нашу мощь... Конечно, Орогастус — весьма опасный тип... Правда, он дал клятву. К тому же его дом рядом, а там ждут теплый кров и вкусная еда... Белая Дама говорила, что нам необходимо изучить его слабости. Как бы то ни было, это тоже часть пути, которую я должна пройти. И совсем неплохо заняться этим вопросом во вполне приемлемых условиях».

Неожиданно со стороны входа послышались испуганный клекот и телепатические призывы ламмергейера:

Харамис, надо бежать! Опасность! Страшная опасность!

Басовитое гудение возникло в самой толще камня. Принцесса испытала нестерпимый зуд, охвативший все тело. Она сунула скипетр за корсаж платья и бросилась к выходу. Было видно, как дрожат сосульки, потом они вместе с кусками черного льда стали падать со свода. Скальная игла вдруг качнулась, стены избороздили мелкие трещины. Качка продолжалась, Харамис почувствовала себя словно на палубе корабля — пол буквально уходил из-под ног. Неожиданно из обнажившейся ото льда стены выва-

лился огромный кусок самородного золота. Харамис уже сломя голову бросилась к выходу.

Возле самой ступени кружил орел. Заметив девушку, он подлетел ближе, мягко схватил ее огромными когтями. Харамис, держась за перья, быстро вскарабкалась на спину птицы и устроилась в ложбинке возле шеи. Уже оттуда она глянула вниз — блистающая в лучах закатного солнца ослепительно белая скалистая игла в нескольких местах изломилась и, рассыпаясь в прах, рухнула на ледник.

Глава 29

Ночь Кадия провела на верхней площадке лестницы — пристроилась между колоннами. Волшебный сад щедро поделился с нею плодами, однако сейчас, после пробуждения, что-то подсказывало ей, что здесь не стоит задерживаться. Женщина, охранявшая этот чудесный уголок, больше не появлялась. В общем-то, Кадия и не ждала ее. Другие заботы теперь волновали принцессу — волшебный меч, священный амулет: оказывается, она всю ночь сжимала его в руках. Дрема, сморившая ее на теплых каменных плитах, обернулась каким-то полусном — она то просыпалась, то вновь погружалась в зыбкие скользкие сновидения, пока, наконец, в мозг ее, словно острие, не вонзился один вопрос — что делать?

Можно не сомневаться, решила Кадия, что захватчики сумели пробиться в глубь Тернистого Ада. Боже, там, в лесу, у самой дороги, остался Джеган! Что, если он попадет в руки какой-нибудь лаборнокского поискового отряда? Неужели и он будет молить небо, чтобы нашелся человек, который прикончит его и облегчит муки?

Куда идти? Возвращаться прежним путем и встретиться лицом к лицу с врагами, организовавшими на нее облаву? Это неслыханная глупость! Хорошо — глупость, но куда все-таки идти? Теперь у нее нет волшебной тростинки. Сколько можно отсиживаться в этом чудесном саду, выход из которого ей никто не покажет? Никто теперь не

возьмет ее за ручку и не поведет в дальние края. В Нот, что ли?

Кадия поднялась, повернулась направо, внимательно оглядела спускающуюся к бассейну лестницу, сам бассейн, глухую стену, ограждавшую его. Стена была высокая — как ее одолеешь? А что в левой стороне? Кадия посмотрела в том направлении и с удивлением обнаружила, что колоннада уходит куда-то вдаль.

Она развязала вещевой мешок. С чем ей придется отправляться в дорогу? Кое-какие вещи она разложила для просушки еще с вечера — так, они вполне подсохли. Потом Кадия спустилась в сад, накопала съедобных корешков, набрала плодов, наполнила в бассейне холодной водой фляжку.

Вроде бы все...

После этого она уложила мешок, закинула его за спину, а меч за отсутствием ножен положила на плечо. В последний раз взглянула на прекрасный сад — такой желанный, располагающий к отдыху, неге, если, конечно, не вспоминать о женщине, которая охраняет его. Если этот сад — творение Исчезнувших, то поистине руки у них были золотые, а головы светлые.

Что ж, налево так налево. Да еще с добычей — волшебным мечом, хотя, каким бы чудесным он ни оказался, вряд ли с ним можно выстоять против целой армии! Значит, и ей пора набирать войско. Так тому и быть!

Колоннада уходила куда-то вниз, за бассейн. Справа тянулась глухая стена. Когда ряд колонн кончился, Кадия неожиданно вступила в мертвый город. Брошенные, но хорошо сохранившиеся дома тонули в буйно разросшейся зелени, улицы были увиты лианами. Вот что странно — при таком обилии растений нигде не только не видно было упавших стволов или пожухлых стеблей, но и не чувствовалось запаха тления и гнили. Дома построены не из камня, как она сначала решила, — между листьями и ветвями проглядывал серебристого цвета материал, из которого была сооружена чаша, где они с Джеганом решили переночевать. Здания были многоэтажные, красивые, дверные и оконные проемы украшены резными барель-

ефами. В конце улицы, по которой она шла, показались крепостные ворота, и Кадия ускорила шаг. Надо было спешить — к сожалению, у нее не было времени на осмотр этого удивительного города.

Ворота высотой с трехэтажный дом оказались чуть приоткрыты. Кадия решила воспользоваться этой возможностью и побыстрее выскользнуть из заколдованного места. Но стоило ей миновать крепостную стену, как она едва не утонула в обширном, смрадном болоте.

Мир, что открылся перед нею, ничем не походил на город за спиной. Впереди лежал все тот же страшный, пропитанный ядовитыми испарениями Тернистый Ад. Кадия призналась себе, что чем-то этот гиблый уголок ей ближе, чем непривычный, безлюдный, таинственный город. Роднее, что ли... Об Исчезнувших здесь напоминали только сохранившиеся участки ровной дороги, которая вела от ворот куда-то в глубь джунглей. Время, не способное совладать с чудесным городом, отыгрывалось на этом полотне, неодолимо пожираемом болотами.

К счастью, до полной победы ему еще далеко — по дороге вполне удобно шагать. Пусть даже с обеих сторон на лианах часто попадаются снафы — кое-где ядовитые шары нависают прямо над дорогой, — пройти здесь все-таки можно.

Кадия задержалась на несколько минут — вырезала палку, чтобы проверять землю перед собой. Ну, теперь вроде бы все! Она обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на таинственный город...

Принцесса долго стояла вполоборота, даже глаза потеряла — уже не спит ли она?.. У нее за спиной, куда ни глянь, лежали руины. Ничего похожего на крепостную стену, дома, башню с воротами. Зелень — да! Только она и царствовала в этом скопище мертвого, разбитого на куски камня.

Мираж? Иллюзия?!

Кадия сразу задалась вопросом — что же именно считать иллюзией: тот сад, где был взращен волшебный меч, или эти неожиданно возникшие развалины? Неужели все, что случилось с того момента, как ей пришлось спасать-

ся бегством,— обман? Или, наоборот, обман, хитрая маскировка — вот эти обломки? Способ спасения от посягательств чужаков? Почувствовав на плече тяжесть сотворенного в волшебном городе меча, Кадия решила, что правильно второе предположение. Она поднесла к глазам рукоятку, на которой в трех овальных бутонах хранились чудесные очи.

Глянув на солнце, которое здесь, на болотах, постоянно висело в какой-то тусклой, словно прожаренной, дымке, Кадия решила, что время близится к полудню. Вокруг: в бочагах, в зарослях ежевики, среди которых то тут то там торчали кривые стволы чахлах деревьев, — что-то пофыркивало, потрескивало, пошумливало...

Делать было нечего — надо шагать. Кадия вздохнула и, пробуя палкой грунт, двинулась вперед. В тот же момент до нее долетел короткий посвист. Сердце, показалось, вот-вот выпрыгнет из груди — ошибиться было невозможно. Сколько раз во время долгих переходов Джеган подобным сигналом предупреждал о необходимости немедленно спрятаться. Она тут же перескочила через широкую грязевую лужу и схоронилась под высоким деревом, чьи широкие свесившиеся листья были усеяны острыми иглами, сразу начавшими покусывать ее через одежду. Отсюда, приложив к глазам ладонь козырьком, Кадия принялась осматривать близлежащие заросли. Повернувшись к дорожке, она увидела нечто, возвышающееся и покачивающееся над кустами, и сначала приняла это за змею. Потом, приглядевшись, обнаружила, что это кончик духовой трубки. Она постояла, не шевелясь, хотя оружие было направлено явно не в ее сторону.

Где-то невдалеке три раза ясно чирикнула птичка. Джеган — это точно он!

Тут же на короткое мгновение в кустах мелькнуло лицо охотника. Огромный синяк почти закрывал его левый глаз. Потом конец духовой трубки качнулся два раза — вперед и назад, вперед и назад. Еще один условный сигнал, который она выучила давным-давно. Вот уж не думала, что когда-нибудь эти знания ей понадобятся. От них теперь зависела ее жизнь.

Конечно, в маскировке она куда менее искусна, чем Джеган, однако его уроки не прошли даром. Кадия осторожно, извиваясь всем телом, стараясь не задевать ветки, проползла в глубь зарослей, потом, наметив путь, не отрываясь от земли, двинулась в ту сторону, где прятался охотник.

Так она добралась до полянки с толстым упавшим деревом. Корневища его, вздыбившие землю, давали возможность, не обнаруживая себя, подняться и оглядеть окрестности. Спустя несколько мгновений в яму, где пряталась Кадия, спрыгнул охотник. Дышал он тяжело — и сразу присел. Его одежду — что-то вроде накидки — составляли мясистые широкие листья, которые он прошил, а кое-где скрепил тонкими стéбельками и тростинками.

На приветствия времени он не тратил — сразу приступил к делу.

— Они здесь, скритеки и солдаты.

Кадия припомнила неясные фигуры, которые видела в тумане, не доходя до города.

— Они проложили себе дорогу с помощью пожара. А теперь пьют кровь, — сказал он.

Лицо Джегана по-прежнему напоминало маску. Он не смотрел на воспитанницу, казалось, взгляд его был обращен внутрь себя.

— Скоро Праздник Трех Лун. Тьма сгущается!

Кадия на мгновение замерла — после бегства из Цитадели она совсем перестала следить за временем. Жила от привала до привала, от ночевки до ночевки... Все в бегах, в пути — то отыскивая Ту, что владеет Нотом, то в путешествии за священным талисманом. Действительно, Праздник Трех Лун совсем близко.

В этот день все население Цитадели с утра молилось, к вечеру барды начинали исполнять старинные песни, а с наступлением темноты большой плот с жертвоприношениями и зажженными свечами пускали вниз по Мутару. Тот же обычай существовал и у одлингов, поэтому в праздничную ночь по реке вереницами плыли плоты из самых дальних деревень, до которых люди никогда и не

добирались. Так жители Рувенды откупались от темных сил...

— Кровь? — опомнившись, спросила Кадия у Джегана. — При чем здесь кровь?

Охотник равнодушно протер духовую трубку:

— Те, кто охотился за нами, напали на деревни уйзгу. Сожгли все дотла. Кого захватили в плен, пустили на съедение скритекам.

— Сколько их? — спросила Кадия.

— Много... Не сосчитать...

— Они ищут меня, я уверена.

— Думаю, да. Захватить тебя — их главная цель. Но они хотят показать свою силу. — Он помолчал, потом кивнул в сторону развалин. — Ты там побывала?

Кадия вытащила меч из-за спины и показала Джегану.

Принцесса знала охотника с раннего детства, он нянчился с ней, совсем маленькой, но такого выражения она никогда у него не видела. Он уже совсем было хотел взять оружие, уже и руки к лезвию протянул, но тут же отдернул их. На его лице неожиданно отразились ужас, восхищение и изумление. Непонятно, что именно так подействовало на него, — ведь глаза талисмана были закрыты, лезвие тускло поблескивало в скудном сумеречном свете.

Кадия поднесла меч ближе к охотнику. Тот рухнул на колени.

— У нашего народа, — торжественно сказала Кадия, — есть обычай. Сломанный меч есть мольба о милосердии и пощаде. — Она тряхнула головой. — Им никогда не будет пощады! — Она немного поколебалась, потом коснулась мечом плащия лба охотника и произнесла: — Главный распорядитель охоты при дворе его величества короля Крейна, главный егерь и смотритель за лесными угодьями. Тот, кто по долгу службы нарушил священный обет... Тот, кто не имеет имени... Тот, кто заживо похоронен... Кому недоступны земля и вода... Я, законная дочь короля Крейна и королевы Каланты, принцесса королевского дома Рувенды, и волшебный меч в моей руке — мы прощаем тебя, снимаем заклятье и нарекаем прежним именем.

Джеган растянулся на земле, прижав ладони к осыпавшимся из-под вырванных корней комкам почвы. Он лежал ниц, бормотал что-то непонятное, всхлипывал, постанывал. Кадия немного испугалась — как бы с ним чего-нибудь не случилось.

— Все поклоняются тебе, непобедимая, несущая надежду, хранительница и опора, наследница Исчезнувших, — неожиданно громко, словно забыв об опасности, провозгласил охотник.

Совсем смущенная Кадия, закусив губу, по-прежнему держала в руках тускло поблескивающий меч. В этот момент ей больше всего хотелось, чтобы все вокруг оказалось сном. Пусть все вернется назад — меч превратится в корешок, а они будут плыть на лодке...

— Джеган, поднимись. Ты убиваешь меня своими словами. Что ты имеешь в виду?

Она опустила ее возле него на колени. Охотник поднял голову, взглянул ей прямо в глаза:

— Дама Священных Очей, знающая все, что следует знать. Никто не может противиться твоей воле...

— О чем ты говоришь, Джеган? Я даже не знаю, как этим пользоваться!

Никогда Кадия не чувствовала себя такой потерянной. Даже гнев, который часто охватывал ее и давал силы, теперь словно испарился.

— Не беспокойся, это тоже придет... — тихо ответил Джеган.

— Что придет?

— Великое знание, хранимое Той, что владеет Нотом. Тебя осенит, ты только не суетись, не хлопочи попусту. — Неожиданно его золотистые глаза округлились, он не на шутку перепугался. — Прошу прощения, Дама Священных Очей. Сам не знаю, как это у меня вырвалось. Кого взялся учить! — Он схватился за голову.

Кадия решительно сказала:

— Учи! Я, Дама Священных Очей, хвалю тебя за прежние преподанные мне уроки и требую их продолжения! Джеган, милый, я бы не хотела с этим шутить, я чувствую, как это все серьезно, как что-то переворачивается

во мне, но ты учи меня, как прежде. Это всем надо: Той, что владеет Нотом, Владыкам воздуха... Всем! Теперь,— голос ее посуровел, налился неведомой запредельной силой, так что Джеган невольно поднялся и замер,— скажи, где пленные уйгу?

— Возле реки. Я слышал, как они мысленно молили о спасении, но здесь такая глушь — никакая подмога вовремя не доберется. Скритеки...— Губы Джегана сжались, рот на мгновение стал очень похож на человеческий, если бы не внезапно обнажившиеся клыки, выпирающие из нижней челюсти.— Скритекам сейчас не до них. Они насытились кровью... И мясом!..

Кадия от отвращения невольно глотнула. Она указала пальцем в сторону дороги:

— Веди!

Охотник, словно в старые добрые времена, глянул в сторону развалин, почесал коготком висок:

— Вести-то можно, только как бы к ним в лапы не угодить. Острый Глаз, они знают, что ты добралась до разрушенного города. Они считают, что ты еще там. Они с минуты на минуту могут нагрянуть сюда с облавой, перекрыть все подходы. И обязательно пригонят скритеков.

— Мы можем помочь пленникам?

Джеган задумчиво посмотрел на рукоять, где в бутонах спали три волшебных ока.

— Острый Глаз, я должен был бы сказать, что это невозможно. Но вот о чем я подумал... Тебе открылся Запретный путь. У тебя есть то, что является частью Триединого Скипетра Власти. Так что мы все можем увидеть своими глазами.

Они отошли в сторону от дороги, проложенной Исчезнувшими, и извилистым путем двинулись через нехоженные места, через болота. Шли до самого вечера. Девушка решила, что скоро придется устраивать привал,— безумием было бродить в темноте по этим топям, и вдруг резкий мускусный запах ударил ей в нос. Это зловоние ни с чем нельзя было спутать — так пахли скритеки. Прежде чем пуститься в путь, Джеган сам натерся и Кадии приказал натереться соком каких-то листьев, напроць отбившим за-

пах. Теперь оба пахли чем-то кислым, так что выдать себя принцесса могла только кашлем.

Охотник, идущий впереди, вскинул руку и тут же упал на землю. Кадия последовала его примеру. Так они лежали достаточно долго, потом Джеган пополз вперед, принцесса за ним. Они добрались до поваленного дерева, осторожно выглянули.

Впереди, на открытом месте, было нечто, напоминающее лагерь, в котором толпилась горстка людей в заржавленных доспехах. Чуть ближе, правее того места, где прятались охотник и Кадия, виднелось что-то вроде загона. Копья были часто воткнуты в землю и оплетены лианами, а внутри находились маленькие, похожие на людей существа.

— Уйзгу! — выдохнул Джеган.

Мужчин среди пленных не было. Только женщины — махонькие, две с младенцами на руках. Все скопище пленных человеческих существ излучало такой силы горе и страх, что эта мысленная волна буквально смяла Кадия. Она машинально взяла меч за рукоять. Дети плакали, завывали, одна из женщин зажимала ребенку рот рукой.

Четыре скритека стояли в углу загона. Один в такт завываниям покачивал уродливой клыкастой головой, потом неожиданно ударил тыльным концом копья женщину, зажимавшую ребенку рот.

Кадия переложила меч в левую руку — здесь надо действовать кинжалом. Она научилась метать их прошлым летом у какого-то бродячего жонглера. В ближайшего скритека она попадет наверняка. Если бы их было только четверо. С четырьмя они с Джеганом справились бы. Но как быть с солдатами, которые сидели у костра? Кто-то подходил, кто-то уходил, так что сосчитать их было невозможно.

Девушка глотнула раз, другой, потом осторожно коснулась пальцем Джегана и указала на лагерь. Тот кивнул и раскрыл левую ладонь. Там лежал комок какого-то вязкого, похожего на смолу зеленоватого вещества. На нем отпечатались следы пальцев охотника.

Аворик! Странный гриб, растущий на болотах. Его трудно найти, но более верного друга для тех, кто подвергся нападению в этих гиблых местах, не придумаешь. Неизвестно только, как подействует это средство на лаборнокцев.

Кадия наблюдала за людьми, расположившимися вокруг чадающего костра. Недаром оддлинги называли ее Острый Глаз — ведь она на недоступном для маленького народца расстоянии могла различить любую деталь. Теперь она сосредоточила внимание на высоких кустах, растущих на территории лагеря. Нет, она не ошиблась — в их чаще блеснуло что-то алое. Появилось, блеснуло и снова исчезло...

— Ойжи! Вон там, справа, — она отважилась поднять руку и указать на кусты.

Такое соседство может оказаться очень выгодным, вероятно, даже более эффективным, чем умелые лучники. Лаборнокцы — глупцы, если устроили стоянку в подобном месте.

Вдруг из кустов появились два солдата. Они тащили к костру кого-то третьего. Все лаборнокцы и скритеки повернулись в их сторону.

— Схватили уйзгу, — определил Джеган.

Это был удобный момент для подготовки нападения. Кадия отщипнула от липкой, размятой охотником зеленоватой массы крохотный кусочек. Привстав на одно колено, она швырнула шарик как раз между лагерем и загоном. Джеган не успел остановить ее. Он было дернул рукой, но Кадия уже приняла командование на себя и шепнула:

— Займись ойжи.

Тот медленно вскинул духовую трубку. Стрелы не было видно — только легкий свист...

Брошенный ею кусочек не долетел до того места, на какое она рассчитывала, но все-таки лег на землю достаточно удачно. Теперь можно было начинать! Кадия вскочила на ноги — меч в одной руке, кинжал в другой... Ближайший к ней скритек повернулся и мгновенно метнул копье в ее сторону. Девушка почувствовала плечом ше-

роховатое неровное древко — копьё скользнуло по ней и отскочило в сторону. В ту же секунду Кадия метнула в топителя кинжал, который, сделав в воздухе два оборота, вонзился в пасть нелепо подогнувшего ноги, схватившегося за лезвие скритека.

Враг попытался вытащить кинжал, но Кадия уже была возле него, поднятый меч сверкнул в лучах заходящего солнца — впечатление было такое, словно принцесса давала клятву.

Это был ее первый бой, однако Джеган невольно отметил, как некая — то ли от природы, то ли полученная от волшебного меча — сила придавала всем ее движениям ловкость и разумную простоту, свойственные только опытным воинам. Зазубренной противоположной стороной лезвия она притянула к себе скритека за шею — тот еще успел вырвать и отбросить кинжал, а в следующее мгновение голова бандита уже упала на траву. Его страшные челюсти в последнем порыве вцепились в землю.

Кадия схватила кинжал, бросилась вперед и, пригнувшись, приготовилась встретить набегавшего на нее следующего врага. Тот уже изготовился метнуть копьё, но тут же рухнул, как подкошенный, — короткий, пушенный Джеганом дротик угодил ему в глаз. Кадия взмахнула мечом, и голова еще одного топителя покатилась по земле. Девушка бросилась к загону, одним махом рассекла связывавшие колья стебли лиан — впечатление было такое, будто они исчезли сами по себе.

— Бегите! — закричала она женщинам.

Большинство из них уже были на ногах.

Между тем зеленый туман, рождаемый авориком, который упал между пленными и солдатами, густел на глазах. Попасть в него значило погибнуть. Еще более густое облако начало подниматься из зарослей кустарника.

— Берегитесь! — Кадия указала в ту сторону мечом. — Туда!..

Женщины, выбравшись из загона, помчались на восток — Кадия бежала последней, готовая в любой момент отразить нападение скритеков или солдат. Правда, ни тем ни другим теперь было не до беглецов — из-за за-

весы зеленоватого тумана донесли нестройные восклицания, даже послышалась команда, но минутой позже все возгласы слились в единый рев. Солдаты вопили так, что их, наверное, было слышно по всему Тернистому Аду. У Кадии неожиданно разболелось плечо, которого коснулось древко пушенного скритеком копья, и несколько женщин-уйзгу тут же приотстали, подхватили ее, потащили к спасительным зарослям.

Пробежав полосу кустарника и чахлого леса, беглецы выскочили к широкой и открытой воде — излучине реки. К берегу был привязан плот, каким обычно пользуются торговцы во время путешествий по болотам. Его охраняли четверо солдат — все они были озадачены воплями, доносящимися со стороны лагеря. Так они и замерли — в испачканной лаборнокской форме, вполоборота к лесу, на лицах — страх и растерянность. Рядом с ними, по колено в воде, опустив лапы, стоял скритек — в его челюстях билась рыба.

— Джеган! — закричала Кадия.

Сейчас особенногодились бы его дротики. С пятью врагами ей одной не справиться.

Опять мгновенный взмах руки поверх голов внезапно остановившихся женщин. Но на этот раз кинжал угодил в доспехи и с лязгом отскочил в сторону, не причинив вреда. Солдаты были хорошо обучены, и трое тут же окружили Кадия. Потом она услышала душераздирающие крики и подумала, что скритек тоже бросился в атаку. На беззащитных женщин...

Что-то опалило жаром грудь. Как раз в том месте, где висел амулет. Значит, он и теперь там, вечно будет пребывать с ней? Потом прижгло руку, сжимавшую меч, да так сильно, что принцесса невольно перехватила рукоятку. Подняла оружие. Все три глаза открылись, их взгляд сосредоточился на ближайшем к Кадии солдате.

Тот неожиданно завопил так, что принцесса даже вздрогнула. Он выронил меч, судорожно прикрыл руками глаза. Кадия в первую минуту не поняла, что случилось, однако машинально повернула тыльную часть рукояти к очередному нападающему. Тот тоже вскрикнул и споткнулся, как

и его товарищ. Потом вскинул оружие и поразил ослепшего соседа. Кадия повернулась к следующему, но тот, видя, что случилось, сразу пригнулся и бросился вперед, однако, сделав шаг, завертелся на месте, захрипел. У него на шее, извиваясь, висела болотная гадюка.

Кадия обежала его, на ходу смекнув, что это, должно быть, работа кого-то из уйзгу. Два других солдата между тем продолжали сражаться между собой. Они словно сошли с ума — бились яростно, беспощадно...

Кадия вбежала на плот, где уже собрались пленницы. Скрытека видно не было, только три женщины недвижимо лежали на бревнах. Две другие возвращались с берега, волоча за собой мечи и кинжалы погибших лаборнокцев.

Как только Кадия оказалась на плоту, ее оттащили на противоположную, дальнюю от берега, сторону, заставили присесть. Кадия мягко, но отчаянно сопротивлялась — там Джеган! Как же без него! Она глянула туда, откуда они прибежали. Над лесом вставало густое зеленоватое облако, двигавшееся по направлению к берегу. Издали по-прежнему доносились отчаянные крики.

— Джеган! Джеган! — повысила голос Кадия.

Ей, наконец, удалось отбиться от женщин-уйзгу и добраться до трапа. Здесь пленницы буквально облепили ее, повисли на плечах, руках... Но как же без охотника! А на берег уже нельзя — первые клочья зеленоватой завесы сползали к реке. Вот они добрались до раненых, истекающих кровью лаборнокцев, и те завывали так жутко, что на плоту на мгновение наступила тишина.

Маленькая женщина-уйзгу успела перерезать канат, удерживающий плот...

Как же без Джегана?

Травянистого цвета облако уже достигло воды — никому не удастся преодолеть его. Плот течением оттянуло от берега, женщины схватились за весла. Одна надежда, что уж кто-кто, а Джеган-то хорошо знает, что такое аворик и чем он грозит человеку, смешавшись с ойжи. Уж он-то не промахнется, и его дротик угодит в самый тон-

кий стебелек этого растения. А если облачко аворика поползет на ойжи... Лучше не думать, что сейчас творится в лагере. Кроме того, Джеган вполне может обежать ядовитый туман, спуститься ниже по течению и там встретить плот.

— Великая, присутствующая здесь, — маленькая уйзгу подергала принцессу за рукав. — Кого ты высматриваешь на берегу?

Вопрос, обращенный к ней, Кадия поняла с трудом. Уйзгу выражалась на обычном, общем для всего Полуострова, используемом торговцами наречии, однако слова выговаривала так, что сразу понять их было нелегко.

Кадия указала на берег:

— Там охотник, Джеган. Мы были вместе до...

В тумане что-то задвигалось, померцало алым светом. Какое-то непонятное светоносное ожерелье.

Женщин на плоту охватила паника. Все в один голос закричали:

— Ойжи! Ойжи! Скорее, скорее!

Они оттащили Кадия на середину плота. Всем было известно, что ойжи, проснувшись и насытившись духом аворика, будет еще долго уничтожать все живое. Уйзгу на плоту забегали, как безумные, — правда, в этой суматохе и сутолоке явно чувствовался определенный порядок. Даром, что ли, уйзгу почти всю жизнь проводили на воде?.. Они тут же расхватили шесты, кое-кто принялся отталкиваться ими, и плот, набирая скорость, начал отплывать от берега на стремнину.

Кадия, скрестив ноги, опустилась прямо на доски, меч положила на колени. Погладила рукоять, неожиданно на ощупь почувствовала — что-то не так. Ближайший бутон стал необычно маленьким, словно съежился. Она удивленно оглядела Трехвекий Горящий Глаз. И в самом деле, все три овальных бутона плотно закрылись, а на середине между ними вдруг появилось миниатюрное отверстие, словно священный талисман, отдав все силы, теперь с трудом впитывал жизненные соки. Ему тоже нужен отдых, решила Кадия.

Она огляделась. Женщины-уйзгу были безоружны, не считая тех, кто держал в руках кинжалы, взятые у погибших лаборнокцев. Удержать мечи сил у них не хватало. Некоторые ловко и сноровисто работали шестами — было видно, что на реке они чувствовали себя, как дома. В углу стояла молодая женщина с копьем, принадлежавшим скритеку. Женщины были почти раздеты, и Кадия воочию убедилась, что их тела покрывает короткий курчавый редкий мех. Три женских тела, лежащие на палубе, накрыли циновками — очевидно, это были жертвы скритека. Четыре других были перевязаны жгутами из травы с подложенными под них листьями, из-под которых капала кровь.

— Госпожа?

Кадия повернула голову. Одна из уйзгу присела на корточки возле нее.

— Я — Нессак из Дезариса, Первая в Доме, Глашатай Закона. Эти женщины, — она обвела рукой присутствующих, — тоже из Дезариса. Рука Тьмы настигла нас, когда мы плыли по реке... — Уйзгу сделала паузу и посмотрела на оставленный только что берег, над которым еще вздымалось поредевшее зеленоватое облачко. — Наши мужчины наблюдали за скритеками. — Она рассказывала сухо, без всякого выражения. — Мы тоже были посланы в дозор. Эти чужаки вынюхивали тайну нашей земли — тайну, которая, госпожа, нам неизвестна. И никогда не была известна. Еще наши предки дали клятву Исчезнувшим, что мы никогда не пересечем Запретный путь и не вступим в границы заповедной обители. Но когда мы стали уверять, что не знаем, куда ведет Запретный путь, Тот, кто властвует над чужаками, приказал, чтобы нас схватили и чтобы мы поклонились этому грязному отродью, которое явилось на нашу землю вместе со скритеками. Он требовал, чтобы мы приветствовали восход Тьмы, поглощающей Свет.

Она вопросительно глянула на девушку, и та сказала:

— Я — дочь короля Крейна, которого уже нет. Меня зовут Кадия. Слуги Зла захватили нашу землю. Мой отец

погиб в страшных муках, как и те, кто остался верен ему. Моя мать тоже была убита.

Она порывисто вздохнула, глянула на Трехвекий Горящий Глаз. Бутоны по-прежнему лежали съежившись. Что значит этот меч — пусть даже волшебный! — по сравнению с Цитаделью, ставшей оплотом завоевателей. Как и кто сможет одолеть эту твердыню? Как ей добраться до Волтрика?

— Пророчество гласит, — продолжала Кадия, потирая ладонью рукоять, — что возмездие тому, кто повелевает захватчиками, придет от руки женщины или женщин королевского дома Рувенды. Я и мои сестры должны, в конце концов, объединить усилия, и тогда наша мощь неизбежно усилится.

В первый раз за эти дни Кадия вспомнила о Харамис и Анигели. Где они? В какой дали? Или их уже нет на свете? Неужели теперь ей одной предстоит заплатить своей смертью за освобождение родины?

— Анигель... Харамис... — она вслух произнесла их имена, словно вызывая.

Под ее ладонью, оглаживающей Трехвекий Горящий Глаз, что-то зашевелилось. Она отдернула руку — два ока были открыты. Но что это? Оба глаза оказались затянуты мутной пеленой, которая мгновенно растворилась, и в первой глазнице появилась Харамис, в руке она держала полностью раскрывшийся цветок Священного Триллиума. В другой была видна Анигель, тоже с черным цветком. Сомнений не оставалось — они обе живы. Значит, они ждут не дождутся, когда сестра присоединится к ним и наступит час расплаты. Очи закрылись, и Кадия долго безмолвно смотрела на черные, спрятавшие чудо, бутоны.

— Ты из Тех, кто ушел? — спросила уйзгу, кивнув на рукоять меча.

Кадия решительно покачала головой:

— Нет, я не имею никакого отношения к Исчезнувшим. Хотя вот это, — она кивнула на меч, — действительно пришло из той далекой эпохи. Этим оружием я обязана поразить короля Волтрика и мага Орогастуса, и мне кажется, я недолго буду одна.

— Госпожа, — мягко сказала Нессак, — ты не одна. Те, кто пленил нас, нарушили закон и должны породниться со смертью. Ты побывала в Запретном городе. Наблюдавшие за тобой поддержат тебя. Так же как и все уйзгу, хотя нам запрещено воевать. Но Тьма наступает, и никто не должен оставаться в стороне. Как только мы достигнем Дезариса, сразу кинем клич.

Кадия улыбнулась. То, о чем она мечтала, чем делилась с Джеганом, чему, как она полагала, никогда не бывать, становилось реальностью. Если все оддинги поднимутся, если все разом возьмут в руки оружие, то захватчикам несдобровать. Это будет великая война! Не спешить, проявить благоразумие — можно с успехом избежать облавы, организованной генералом Хэмилом, но начинать кампанию в одиночку она не в состоянии. Где они, силы Света? Их еще готовить и готовить. С одним мечом не выступишь против колдовства. Кадия сцепила руки. Время! Она нуждается во времени и знаниях. В союзниках... Хотя за союзниками, по-видимому, дело не станет.

Глава 30

Три дня с небольшим риморики тянули вниз по течению Великого Мутара лодку с принцессой Анигелью. В конце сухого сезона, когда уровень воды упал до самой нижней отметки, главное русло петляло так, что, случалось, принцесса совсем теряла направление и, вопреки очевидному ходу солнца на ясном прокаленном небосводе, начинала верить, что юг и север поменялись местами. Единственным спасением являлось прекрасное знание римориками здешних вод — ни разу они не ошиблись, не свернули в боковую, пусть даже более широкую, протоку. Животные упрямо толкали легкое суденышко вниз по течению.

Анигели оставалось только наблюдать за берегами, и буйство растительности, причуды тропического леса были не менее ошеломляющи, чем извивы реки. Нередко у

нее начинала кружиться голова от обилия древесных пород, экзотических цветов, чье утомительное благоухание иной раз выводило из себя; от ошарашивающего кипения жизни в этом, на первый взгляд, райском благодатном краю.

Поражало разнообразие деревьев. Здесь попадались настоящие исполины, вздымавшие свои кроны под самые облака, изредка наплывавшие на джунгли. Встречались и невероятные, будто искусственно созданные экземпляры, чьи стволы и ветви напоминали последовательно наанизанные друг на друга кольца, извивавшиеся так, словно они бросали вызов земному тяготению. Росли на берегах и потешные приземистые коротышки, толстые, напоминавшие тыквы, над которыми совсем неуместной казалась плотная листва, чуть сдвинутая набекрень. Если добавить, что листочки этих уродцев постоянно сотрясались и вздрагивали, то, кроме улыбки, подобные создания ничего вызвать не могли. Эти деревья образовывали обширные роши, очень похожие на гигантские огороды, где росли громадные овощи, и Анигель невольно представляла, что рано или поздно сюда явится хозяин и повыдергивает их за трясущуюся ботву.

Взгляд отдыхал разве что на вкраплениях красного, всеми любимого дерева гонда. Из него выходил лучший строевой лес и поделочный материал. Высоченные, прямые, как свечки, стволы, редкая листва, понизу — сухие, покрытые мхами и лишайниками, пропитанные рассеянным солнечным светом поляны. Лучшего места для грибов и ягод не найти.

Местами к самой воде подступали черноствольные, утрюмые, как бы притаившиеся деревья, которые совсем некстати были покрыты огромными, дурно пахнущими ярко-алыми и изжелта-оранжевыми цветами. Издали они казались отблесками пламени, и, когда вдоль берега выстраивался целый ряд этих, словно замерших в засаде, убийц, создавалось впечатление, что джунгли объаты адским неукротимым огнем. Попадались и жалкие, почти лишенные листвы экземпляры, воздевавшие голые ветки

к небу. Удивительным в них было то, что почти по всей длине зеленоватых, покрытых морщинистой корой стволов густо чернели узкие, словно прорезанные ножом дупла, очень часто заселенные колониями ночных птичек-певунов.

Все это буйство, обилие запахов приедалось быстро — Анигель в такие минуты не знала, куда деть глаза, и молила Владык воздуха поскорее отвернуть лодку от слишком изобильных берегов.

И еще одна мысль время от времени не давала ей покоя. Если сейчас уровень воды в Мутаре самый низкий, что же творится здесь в конце сезона дождей? Трудно было вообразить, как широко разливалась река, до краев напивавшись влагой, принесенной тучами из-за дальних морей. Долгое, бурливое наводнение? Все сметающий на своем пути поток? По-видимому, так, решила Анигель, потому что, куда бы она ни бросила взгляд, везде — даже на умопомрачительной высоте — встречались отметины, оставленные вздувшейся водой. Чем ниже по течению спускалась лодка, тем все чаще по берегам попадались груды вырванных с корнями гигантских деревьев. Что там груды — горы! Все это гниющее, обсохшее на солнце добро было густо увито хищными лианами, разбросавшими по покрытым плесенью стволам отвратительно яркие соцветия.

Когда же главное русло отворачивало от берегов и терялось в речном разливе, на мелководье можно было увидеть мириады самых разнообразных птиц. Что начиналось в среде пернатых обитателей джунглей, когда по местам их кормежки риморики протаскивали лодку! Возмущению птиц не было предела! Здесь же, в глубокой воде, часто попадались гибкие прожорливые квадрупеды со щелястыми ртами, напоминавшие перлигов. Риморики дружески приветствовали их. Бессчетным было и количество мелких грызунов с желтоватыми, в полоску, шубками — один такой зверек разбудил Анигель после прыжка через водопад. Они оказались отличными пловцами.

Чем дальше к югу спускалась Анигель, тем больше поражало ее полное безлюдье этих мест. Даже примет чело-

веческого жилья нигде не было! Наконец, она решила расспросить римориков. Они объяснили, что уже который год все вайвило живут в одном большом селении. Так они спасаются от своих врагов, уже несколько тысячелетий не дающих им покоя. Речь идет о родственниках им глисмаках, проживающих еще ниже по реке, а также в недоступных чащах Тассалейского леса.

Давным-давно, сказали риморики, вайвило не имели постоянных жилищ и семьями кочевали по реке. В ту пору им легко удавалось избегать нежелательных встреч со своими неуклюжими дикими родственниками. Они никогда дважды не ночевали в одном и том же месте. После того как вайвило начали наниматься в работники к людям, занялись лесозаготовками и сплавом, они многому научились. Но и многое потеряли. Теперь кочевка стала небезопасной, и им пришлось сгрудиться в одном месте, чтобы сохранить жизнь. Богатство их росло с каждым годом — к сожалению, в той же мере увеличивалась и зависть глисмаков к своим более удачливым сородичам. Вайвило теперь никогда не вернуться к прежнему образу жизни. Подобная перемена была бы для них хуже смерти. Почему так получается, риморики до сих пор не могут взять в толк...

— А мне ясно, — ответила Анигель. — С людьми происходило нечто подобное. Всегда, в каждом поколении, находились люди, у которых зуд такой появлялся — сделать лучше, чем было. Как-нибудь иначе... Больше узнать, дальше и выше прыгнуть, поменьше ходить, придумать приспособление, чтобы сноровистей работать... Таких людей было очень мало — остальные довольствовались опытом предков. А эти постоянно что-то выдумывали, изобретали... Откуда такие непоседы берутся — по-моему, неразрешимая загадка. Проходит время, остальные привыкают к их находкам, и вскоре становится ясно, что кто больше знает, у кого в руках более совершенное оружие, тот и сильнее. Попробуй отними у них придуманное, изобретенное — ничего не получится. И хотя подобных чудачков не любят, им всегда достается самый тяжелый удел, они погибают первыми, но одержимость их сохраняется,

словно искры под пеплом, и когда приходит новое покое-
ление, в нем опять находятся люди, которые желают за-
глянуть чуточку дальше, узнать чуточку больше. Одним
словом, жить чуточку лучше.

Люди и маленькие народцы похожи друг на друга.

— Думаю, да. Но точно я не знаю. Аборигены, кото-
рых вы называете маленькими народцами, говорят, что
нам, людям, дано по нашему уму, поэтому все в мире при-
надлежит нам. Но мы, люди, так не считаем.

Риморики засмеялись:

Считаете, считаете...

— Я не ученая, хотя у меня были хорошие учителя.
Вот моя сестра Харамис... она очень умная... уверяла ме-
ня, что разум сам по себе — это не главное. И так полага-
ют не только рувендиане, но и другие человеческие на-
роды.

*Люди появились в этом мире задолго до того, как были
созданы маленькие народцы, такие как горный народ или
лесные племена. Только топители пришли сюда раньше вас.*

Анигель недоверчиво хмыкнула:

— Откуда вам знать? Вы же только животные.

Риморики в ответ снова засмеялись и больше не ста-
ли обсуждать эту тему. Спустя несколько минут Анигель
вскочила на ноги — вдали показались хижины селения
вайвило.

Люди леса, очевидно, поджидали ее.

Флотилия более чем из тридцати больших лодок — уз-
ких, стремительных — понеслась ей навстречу. В каждой
размещалось более двух десятков гребцов. На носу — ру-
левой, который властными жестами руководил движени-
ями команды.

— Думаю, нам лучше остановиться, — испугавшись,
приказала риморикам Анигель. — Их здесь столько, что,
клянусь Цветком, нам уже не уйти. Может... — робко на-
чала она. — Может, вы высунетесь из воды и решите, что
нам теперь предпринять?

Ответом ей послужили два мощных всплеска, и тут же
две большие усатые морды показались на поверхности.

Ослабились — то есть показали клыки, еще раз плеснули водой.

В этот момент принцессе открылось все поселение вайвило. Дома на высоких сваях были широко разбросаны по акватории, которая в этом месте была необычайно широка. Как позже узнала принцесса, жилища были построены на чуть выступающем из воды острове, окруженном вручную прорытыми глубокими каналами. Береговая линия была почти полностью покрыта пристанями и выступающими причалами, а также верфями, где виднелись остовы будущих больших каноэ. Вообще, чего здесь было вдосталь, так это всевозможных плавучих средств — от миниатюрных яликов до высоко вскинувших носовые бруссы, крутобоких боевых судов и широких объемистых плоскодонок. (Риморики еще раньше объяснили принцессе, что материал, которым обшивают корпуса, изготавливают из кожи гигантских, живущих в Мутаре рыб.) Дома, установленные на платформах, представляли собой искусно сработанные срубы с головами хохлатых птиц на гребнях крыш, полотенцами под стрехами, резными наличниками и ставнями. На каждом доме обязательно был балкончик, стены выкрашены в разные, но не очень яркие глубокие тона. Когда Анигель приблизилась к селению, она заметила, что на каждой платформе толпится народ.

Южная окраина недавно горела — это было видно с первого взгляда. Черные остовы домов и бревенчатых настилов были тоже густо усыпаны людьми. Работу они бросили, однако уже издали в глаза бросались штабеля ошкуренных и неошкуренных бревен. По-видимому, вайвило занимались восстановлением домов. Удивительно, но в селении не было ни одного дерева — только заросли кустарника, огороды, небольшие поля...

Когда ближайшая лодка вайвило подплыла к суденышку на расстояние около десяти элсов, она внезапно, словно упершись носом в стену, остановилась. Другие каноэ тормозили так же, выстраиваясь полукругом возле медленно влекомой течением лодочки принцессы. Все одлинги застыли по стойке смирно. Видом своим они за-

метно отличались от тех туземцев, с которыми Анигели приходилось общаться раньше. Ростом они были куда выше ниссомов и тем более уйзгу — таких здоровяков язык не поворачивался назвать народцем. Черепа вытянуты — ни одного круглого, как у тех племен, что обитали к северу от водопада. Носы маленькие, с вывернутыми ноздрями, что придавало им сходство с пяточками. Вот глаза не отличаются от глаз других оддлингов — те же золотистые бельма, только зрачки черные, овальные и расположены не вдоль, а поперек глазниц. Совсем как у скритеков. Рты украшены жуткими по величине зубами. Кожа частично покрыта мехом, частично — какими-то странными, с ноготь, наростами, напоминавшими чешую. Однако наиболее ошеломляющими были их наряды. Сказать, что они состояли из одних набедренных повязок, значит ничего не сказать. Во-первых, что это были за повязки! Самых разнообразных расцветок, форм... Одни имели узел слева, другие справа, третьи впереди, с широким концом, свешивающимся между ног. Во-вторых, Анигель еще не встречала народа, более склонного украшать себя всем, что попадалось под руку. А попадались им в основном золото, платина и драгоценные камни. Бесконечное разнообразие ожерелий, браслетов — наручных, ножных, на икрах, предплечьях; всевозможные корсажи, усыпанные искрящимися самоцветами; повязки на лбах, камни, сверкающие в курчавых черных волосах... Зрелище было необыкновенное, запоминающееся надолго, полное мелких деталей, сразу бросающихся в глаза. На одной из лодок рослый мускулистый туземец напялил на себя кирасу с вычеканенным гербом, принадлежавшую рувендийскому рыцарю. На другой — столь же могучий вайвило стоял в женской, украшенной перьями шляпке. Стоял с открытым ртом, ощерив в немом изумлении острые крючковатые клыки. Еще один гребец небрежно кутался в бахромчатую шаль, в каких обычно придворные красавицы являются на бал.

Глядя на подобное великолепие, Анигель в свою очередь расчесала волосы, вытащила из рюкзака Имму ста-

ренькую накидку и постаралась с ее помощью хоть как-то прикрыть прорехи на платье.

Так она стояла, с трудом сохраняя равновесие, — риморики резвились по обе стороны от лодки. Когда же флотилия вайвило окончательно замерла, она подняла руки вверх, ладонями вперед и, поприветствовав туземцев, раздвинула на груди накидку и обнажила священный амулет.

Гулкий удивленный ропот пробежал по рядам вайвило, кое-кто даже вскрикнул. В нее начали тыкать пальцами, указывать крючковатыми когтями, а те, кто оказался на корме, лезли друг на друга, чтобы только не пропустить подобное чудо. Над рекой понеслись ахи, восклицания, обращения к небу, приглушенный гортанный говорок...

— Я пришла как друг, — громко объявила Анигель. — Я ишу священный талисман, называемый Трехглавым Чудовищем.

Наступила гробовая тишина, слышно стало, как плещутся речные струи, но минуту спустя и они будто притихли. Теперь уже туземцы все как один пооткрывали рты, а тот, что красовался в женской шляпке, вообще стоял с отвисшей челюстью.

Анигель ждала долго, но никто не отважился подать голос. Каноэ уже начало растаскивать течением... Принцесса, едва заметно пожав плечами, решила наконец спросить:

— Есть среди вас кто-нибудь, кто понимает меня?

Один из наиболее разукрашенных, в возрасте, рулевых, неожиданно сомкнув пасть, резко взмахнул рукой. Тотчас его гребцы, тоже пооткрывавшие рты, бросились по местам и в два гребка подогнали боевое каноэ поближе к принцессе.

— Здесь есть такие, — ответил он на общем для всего Полуострова наречии, которым пользовались торговцы. — Вот я, присутствующий здесь...

Вайвило заметно картавил, говорил басом. Его густые каштановые брови угрожающе сошлись к переносице. На нем был кованный из золота, с выдавленным орнамен-

том и украшенный россыпью огромных кабошенов воротник, наполовину прикрывающий плечи. На голове — широкополая парчовая рувендийская шляпа замечательной работы с брошью, украшенной бриллиантом, и длинным алым плюмажем; набедренная повязка тоже была из парчи.

После небольшой паузы он сказал:

— Здесь присутствую я, Састу-Ча, Глашатай Закона. Кто ты? Зачем ищешь земли и воды у вайвило?

— Я — принцесса Анигель из королевского дома Рувенды. Ты должен знать, что наша земля захвачена людьми из Лаборнока. Они пришли с севера. — Потом она подняла амулет и продолжила: — Защитница нашей земли, Белая Дама, послала меня на поиски волшебного талисмана. С его помощью я должна освободить свой народ, изгнать захватчиков. Слышали вы что-нибудь о Трехглавом Чудовище?

Глашатай поколебался.

— Мы слышали о нем. Но это не талисман. Это.... Оно спрятано ниже, по реке... До него примерно полдня пути. Потом еще немного по реке Ковуко... Это в краю глисмаков.

Анигель от страха часто задышала. Вождь улыбнулся.

— Можете вы дать мне проводника, который помог бы добраться туда?

— Нет.

Анигель показала ему амулет:

— Я требую, чтобы вы исполнили Закон. Во имя Цветка...

Толпа вайвило глухо зароптала.

В отчаянии принцесса вытащила из подвешенного к поясу кожаного мешка листок Священного Триллиума и предъявила его. Все разом вскрикнули, на дальних лодках кто-то свалился в воду. На лицах ясно обозначился испуг.

— Но мне надо туда попасть! Помогите мне! — умоляюще сказала Анигель.

— Там обитает смерть. Если ты доберешься до Ковуко, то погибнешь, — ответил Састу-Ча. — Деревья там так

же прожорливы и ненасытны, как глисмаки. Никто из наших людей не отважится ступить на эту землю. К тому же место это запретное — так указали Владыки воздуха. Даже если бы мы и решились нарушить запрет, мы все равно ничем не можем помочь тебе. Четыре солнца назад глисмаки атаковали Лет и сожгли много домов. Как только закончится сухой сезон, они опять явятся. Знают, что к тому времени с нами расплатятся торговцы лесом. Мы ждем их нападения, поэтому каждый воин должен быть в строю. Даже Священный Цветок не может освободить нас от исполнения долга — оборонять родные жилища.

У Анигели отчаянно задрожали губы, она взглянула в чистое небо, потом порывисто вздохнула:

— Хорошо. Тогда я и мои друзья риморики сами отправимся в путь. Надеюсь, вы расскажете мне во всех подробностях, как достичь заколдованного места, чтобы нам не пришлось плутать в джунглях.

— Охотно. Мы также снабдим тебя едой, дадим одежду. Если пожелаешь...

— За это большое спасибо. Я благодарю вас. И вот еще что... Люди, которые следуют за нами, — наши враги. Я буду признательна, если вы не откроете им цель и место моих поисков.

— Мы будем хранить молчание, — пообещал Састу-Ча. — Теперь я, присутствующий здесь, прошу тебя последовать за мной, принцесса Анигель из королевского дома Рувенды. Отдохни до вечера, потом можно отправляться в путь. Если тебе повезет и ты отыщешь то, что тебе завешано... Если ты обретишь неслыханную мощь, вспомни не только о своем разрушенном доме, но и обо всех нас.

Глава 31

Уйзгу не нуждались в Голосах, подобных тем, что были в услужении у Орогастуса, чтобы видеть все, что творится на болотах. Их повышенная чувствительность позволяла им телепатически обозревать окрестности — от

этого взгляда ничто не могло укрыться. По крайней мере, так считала Кадия. Они плыли по протокам до самых сумерек, и команды толкающих плот много раз сменялись.

Неожиданно плот замер, женщины уйзгу тревожно вполголоса залопотали. Нессак приблизилась к принцессе и сообщила на общепонятном наречии:

— Госпожа, впереди много врагов. Как раз в той стороне их лагерь. Нужно поискать обходной путь, или мы опять попадем к ним в лапы.

Эти оддлинги, по-видимому, хорошо знают местные болота, решила Кадия. Хотя что ей еще оставалось, как не довериться уйзгу? Эх, если бы Джеган был рядом!

Джеган...

Воспоминание о нем саднило, как заноза. Несмотря на все ее мольбы и обращения к Владыкам воздуха, он так и не нашелся — не вынырнул где-нибудь поблизости, не подал условный сигнал из самого неприметного места, не окликнул так, что, кроме нее, никто бы и не услышал. Даже уйзгу, с их телепатической прозорливостью, не могли отыскать его, хотя Кадия и просила их об этом. Что оставалось делать? Только надеяться, что смерть обошла его стороной.

— Мы можем как-нибудь миновать их лагерь? — спросила принцесса.

Между тем опять начал сгущаться туман, пополз по реке, протокам, заполнил прогалы между зарослями кустарника на берегу. Места здесь были глухие, зловещие...

Нессак отрицательно покачала головой, на лице ее застыло отчаяние.

— Госпожа, слуги Тьмы привели с собой множество скритеков. С такой силой никакое ойжи не справится. Единственное, что нам остается, — она пошевелила пальчиками, — это дожидаться темноты, хорошенько спрятаться и попытаться проскочить опасное место. Плохо то, что здешние места являются охотничьими угодьями луру.

Кадия вздрогнула.

Луру? Этого только не хватало!

С раннего детства она слышала рассказы об этих жутких созданиях. Няни пугали ими маленьких детей, особенно если требовалось загнать их в дом вечерней порой. Слово «луру» действовало безотказно. С тех пор как эти твари улетели в далекие края, Джеган не вспоминал о них. На прошлогодней ярмарке в Тревисте Кадия видела прямоугольные пачки хорошо выдубленных кожаных крыльев луру — вернее, их перепонок. Один вид этого в общем-то привычного товара, связанного со зловещими ночными убийцами, возбудил у принцессы жгучее любопытство. Но это было в ту пору, когда на свете не было человека беззаботнее Кадии. Теперь же это слово произвело на нее устрашающее воздействие — она невольно подняла голову и принялась изо всех сил вглядываться в мрачнейшее на глазах небо. Существа эти являли собой самые большие экземпляры кровососов. Случалось, они выпивали из своих жертв всю кровь. Если добавить к этому когтистые лапы и хищный клюв, то становилось ясно, что они представляют смертельную опасность для всего живого.

— Госпожа! — тихо позвала одна из молоденьких женщин-уйзгу. — Сюда, сюда! — она указала на переднюю часть плота.

Река тут петляла так, что Кадии иной раз приходило на ум, не проплывали ли они уже здесь. В том месте, откуда они отправились в путь, русло было полноводное, вода более-менее чистая, теперь же река начала делиться на рукава и протоки. Подозвавшая Кадия женщина указала ей на мелькнувший вдалеке огонек. В преддверии утрюмой ночи, в густых, затягиваемых туманом поздних сумерках, этот проблеск казался слабым, беззащитным. Приглядевшись, Кадия решила, что на левом берегу то ли разведен костер, то ли горит фонарь.

Спустя несколько секунд последние сомнения оказались развеяны — с той стороны долетели звуки боевых труб, призывающие строиться, потом мужские крики и переливчатые звуки волынки.

Женщины, отчаянно, торопливо работая шестью, погнали плот к противоположному берегу, стараясь как

можно теснее прижаться к разросшимся вдоль воды кустам. На защиту больших деревьев рассчитывать было нечего — Кадия так и не могла понять: выбрались они из Тернистого Ада или нет? С одной стороны, в чахлах рощах по берегам уже не было ядовитых желтоватых шаров, с другой — местная растительность явно жила под гнетом. Может, болотистые почвы не давали деревьям встать во весь рост?

Ее размышления прервала Нессак, тронувшая Кадия за рукав:

— Их что там, атаковали? Что-то я, госпожа, ничего не пойму... Может, это луру?

— Если они так глупы, чтобы приманивать луру светом, то это их дело, — ответила Кадия. — Но куда же смотрят скритеки?

Нессак коротко, тихонько хохотнула:

— Госпожа, эти люди, пришедшие издалека, не обращают никакого внимания на лопотание топителей. Они вообще слишком бесшабашны — им бы следовало прислушиваться к советам тех, кто издавна проживает на болотах. Вот что непонятно — почему скритеки терпят их? Конечно, они одной породы, жестокие, безжалостные, но ведь скритеки готовы за них в огонь и в воду.

Кадия не стала рассказывать уйзгу о странном человеке в плаще с капюшоном, который, наигрывая на какой-то свистулке, вертит топителями, как ему заблагорассудится. Вместо этого она сказала:

— Если действительно на них напали луру, то, может...

Нессак поняла ее с полуслова:

— Это наше единственное спасение. Надо хотя бы попытаться...

Наконец, они достигли правого берега. Кадия и еще несколько женщин принялись резать встающий из воды тростник. Они передавали стебли другим беглянкам, которые увязывали их в пучки и укладывали так, чтобы у часовых противника создалось впечатление, будто по реке медленно плывет один из многочисленных травянистых островов. Единственная трудность состояла в том,

что плот был слишком велик. Таких островов здесь не встречалось, они были куда меньше.

Что делать? Только тщательная маскировка могла спасти их. Когда работа была закончена, две женщины шестами оттолкнулись от берега и пустили плот самотеком. Все попрятались. Течение в этом месте было таким ленивым, что Кадия с трудом сдерживала нетерпение. Этот неспешный ход всю душу выматывал. Огонь на противоположном берегу разгорался все ярче. Уйзгу пластом лежали на плоту, сверху был навален тростник, однако каждый проделал хотя бы маленькую щель, чтобы следить за противоположным берегом.

Было очевидно, что захватчики хорошо усвоили уроки, которые преподавал им Тернистый Ад. По всему лагерю стояли солдаты, размахивая факелами. Их охраняли воины с копьями или мечами. Кое-где виднелись тушки сбитых вампиров. Какой-то скритек ухитрился попасть дротиком в голову луру. Животное свалилось, и солдат с широкой повязкой на ноге, пробив мечом крыло, пришил тварь к земле.

Даже в темноте было заметно, что эти несколько дней, проведенных в запретном краю, сбили спесь с лаборнокцев. Куда только девалось их напыщенное, гордое самодовольство... Помятые доспехи проржавели. Многие, если не половина отряда, с повязками. Очевидно, их крепко донимали насекомые — лица красные и распухшие. На берегу, раскинув ноги, лежали четыре тела. Суматоха, напряженное ожидание атаки ночных кровососов занимали лаборнокцев куда больше, чем та боевая задача, которую поставил им король Волтрик. Чувствовалось, что личному составу сейчас не до поисков этой чертовой принцессы, не до карательной экспедиции в селения уйзгу. Вдруг послышался резкий вскрик — тут же замельтешили факелы, задвигались солдаты. Потом раздался радостный возглас — видно, еще одну тварь пришили к земле.

Кадия, воспользовавшись замешательством в лагере, осторожно подтянула к себе шест, пригибаясь, переместилась с ним к дальнему краю и, упершись концом в ил,

чуть подтолкнула плот. Уж слишком медленно он полз. Кое-кто из женщин уйзгу последовал ее примеру. Плот, качнувшись, двинулся быстрее.

В лагере между тем все немного успокоились — по-видимому, луру решили, что игра не стоит свеч, и всей стайей отлетели в сторону. В ночной мгле, перебиваемой мерцанием факелов, захлопали перепончатые крылья, тенями промелькнули крючковатые клювы, упитанные тушки, когти, свисающие с концов крыльев. Неожиданно одна из тварей нырнула вниз,хватила факел из рук солдата, с победным визгом взмыла вверх, спикировав, уронила его на человека и тотчас вцепилась когтистыми крыльями ему в челюсть. Солдат издал жуткий вопль, смешанный со скрежетом когтей по металлическому шлему и пронзительным визгом вампира, и рухнул на землю, подминая под себя тварь. Оба тела ярко запылали.

В лагере поднялся такой шум, что Кадия решила — лучший момент трудно придумать. Никто из лаборнокцев не обращал никакого внимания на реку — взгляды всех были обращены к темному небу. Между тем света было вполне достаточно, чтобы отчетливо видеть плот, замаскированный связками камыша. Женщины принялись энергичнее работать шестами. Плот неожиданно вздрогнул и, ускоряя ход, поплыл к противоположному берегу. Кадия попыталась шестом затормозить движение, в сердцах помянув причуды течения. К ее удивлению, связки тростника, лежащие вдоль борта, зашевелились, начали приподниматься. Одна из женщин уйзгу не выдержала, и закричала, заметив шарящую по бревнам чешуйчатую руку. Принцесса резко, концом шеста, ткнула в эту страшную когтистую лапу. Не тут-то было — лапища изогнулась, перехватила палку и вырвала шест из рук Кадии.

Шест, качнувшись, исчез в черной воде.

Теперь плот стремительно поплыл к берегу, на котором был разбит лагерь лаборнокцев. Принцесса никак не могла понять, в чем дело.

— Топители! — вскрикнула Нессак. — Там, в воде... Они и ташат нас!

Как бороться с существами, которые находятся под водой? Сколько они могут пробыть в глубине без воздуха? Кадия лихорадочно припомнила все, что слышала о скрипках. Долго, ох, долго! А если перегнуться через борт и попытаться достать их на дне? Но кто же отважится на подобный поступок? Глупо, безнадежно! Только сунься в воду — эта пакость мгновенно утянет за собой... Они же как рыбы, только гораздо хуже! Хуже самых отвратительных рожденных природой ужасов... Хуже ойжи, ларвае, хуже ядовитых желтоватых шаров... Хуже луру! Ну, надо же! Так глупо попасться! Нет, прав был Джеган: с таким самомнением, безрассудным упрямством здесь делать нечего. Зря она доверилась уйзгу. Женщины были перепуганы до смерти, поддались чувствам — домой побыстрее захотелось, думали на авось проскочить, плот замаскировали... От кого? От этих глупых лаборнокцев? Они-то не глупые — это ты глупа до предела... Неужели трудно было догадаться, что вокруг лагеря выставлены посты, и в том числе на реке? На атаку луру понадеялась... Теперь-то ясно, что случилось! Как только стая луру напала на лагерь лаборнокцев, хитрые болотные дьяволы полезли в воду — там они могли спокойно переждать нападение. Пусть люди сражаются! Они-то и услышали звуки, когда беглецы решили ускорить движение плота...

Между тем лагерь успокаивался. По-видимому, потеряв двух сородичей луру наконец убрались восвояси. Если приглядеться, то на большой высоте еще можно было различить мелькающие на крыльях когти, разинутые пасти, но никто из вампиров уже не отваживался ринуться вниз, в атаку.

Кадия сжала кулаки, принялась колотить себя по коленям. Женщины уйзгу сразу, в один голос, завывли. В свете факелов показалась фигура в каком-то балахоне — даже в золотисто-оранжевых отблесках костров, разожженных по всему периметру лагеря, было заметно, что его плащ отликает кровавым цветом. Должно быть, это и есть Красный Голос, который так долго за ней охотится. Пока он шел к берегу, к нему присоединилась группа офицеров — а ведь он ни слова не сказал, даже рукой не

махнул. Что делать? Прыгать в воду, чтобы быть схваченной грязными скритеками? Вступить в сражение? Полная дурость. Эх, Джеганчик, Джеганчик, глупая попалась тебе ученица, несмышленная! Только мечом способна размахивать. Стоило ли вот так, сломя голову, бросаться на этот плот? Что теперь вспоминать... Горько и обидно...

Один из офицеров в плаще с белым подбоем, шагавший рядом с Голосом, выкрикнул команду, и все в лагере пришло в движение. Суета продолжалась несколько секунд и мгновенно стихла — построенные в два ряда вдоль берега солдаты выставили копья, обнажили мечи. Отряд стрелков взял наизготовку луки. Еще одна короткая команда — и стрелы легли на тетиву...

Офицер в плаще с белым подбоем что-то приказал Голосу. Тот тут же на наречии торговцев громко выкрикнул:

— На берег, болотные твари! Или тем, кто в воде, будет позволено поступить с вами, как им заблагорассудится, — он ткнул пальцем в поднимавшихся на поверхность скритеков.

Связки тростника зашевелились, женщины уйзгу начали выползать из своих укрытий. Кадия, наоборот, поглубже зарылась в стебли. Одной рукой она крепко схватилась за амулет, другой придерживала меч. Может, пронесет, стучало у нее в голове, может, не найдут...

Скритики хватили женщин и, словно колоды, швыряли на берег. Красный Голос все еще неотрывно пялился на плот. На уйзгу он не обращал ни малейшего внимания. Взгляд его был прикован к тому месту, где пряталась принцесса.

Священный амулет был холоден и мертв, как уже не раз случалось, когда черная сила Орогастуса касалась ее. Так же безжизненны были и бутоны, в которых прятались чудесные глаза.

Голос что-то сказал офицеру, тот повернулся и о чем-то распорядился. Одна из женщин уйзгу, выброшенная с плота, попала ему под ноги. Он наклонился и схватил ребенка, которого несчастная мать прятала на груди. Потом швырнул ребенка скритеку, а женщину ударил сапо-

гом в грудь. Топитель на лету поймал брошенную ему награду, ослабился и вонзил в нее свои длинные изогнутые клыки.

Кадия не выдержала и, сжимая меч в руке, выскочила из укрытия.

— Взять ее!

Успевший взобраться на плот скритек схватил принцессу, с силой, хрустом завернул руки за спину. Кадия вскрикнула, выронила меч. Другой скритек наклонился, попытался поднять оружие и тотчас страшно вскрикнул, а из набалдашника потянулась струйка дыма.

Красный Голос, который, словно на поводке, водил скритеков, мелкими шажками, вприпрыжку поспешил на плот. Секундой позже, неуклюже переваливаясь на ходу, за ним засеменил офицер. Они топтали связки камыша, причём последний еще успевал расшвыривать их ногами, натужно сопя и хрипло, вполголоса рутаясь. Слуга Орогастуса, как обычно, был в маске. Его-то Кадия никогда прежде не встречала — это точно, а вот офицера ей уже доводилось видеть. Уж не сам ли генерал Хэмил спешил к ней навстречу? В голову ударила бессильная ярость — вот он, талисман, и нет возможности поднять оружие и сразить этого изверга.

Генерал выглядел не лучше, чем его люди. Он основательно зарос — борода уже ложилась на грудь, — и все равно было отчетливо видно, что лицо сплошь покрыто следами укусов. Видно, зуд не давал лаборнокцу покоя, и он, не в силах совладать с собой, расчесал до язв маленькие ранки. Левое веко распухло так, что глаз вряд ли видел, но зато в другом сверкала прежняя тупая жестокость. Он улыбался, нет, он хохотал!

— Ну, Голос, это просто замечательно! — заорал он. — Ты только погляди, кто это! Принцесса Кадия собственной персоной! Теперь ты ответишь за все свои чертовы колдовские штучки, которые ты тут выделывала. Ну и ночка нам выдалась! Удачненькая! — он с размаху ударил спутника по плечу.

Тот отлетел в сторону и едва не свалился с плота.

Генерал Хэмил схватил Кадью за щеки, сжал пальцы так, что губы у принцессы сложились в бантик. Поднял ее голову.

— Ну что, крыса болотная? — отдельно, с нескрываемой радостью спросил он. — Это тебе не конфетки, не дворцовые трали-вали. Недолго ты побегала по этой грязи! Твоим сестричкам тоже скоро каюк!

Потом он наотмашь ударил ее — у принцессы хлынули слезы.

Генерал презрительно фыркнул.

— Поплачь, поплачь, девка. Милосердия не жди! — Он повернулся к Голосу и добавил: — Значит, вот эти шлюхи из Рувенды должны были нас уничтожить? — Его тяжелая рука легла на плечо принцессы, и он повернул ее лицом к ученику Орогастуса. — Вот в этой пакости твой хозяин видел угрозу? В каком дурном сне ему привиделось, что подобная мразь на что-то способна?

Голос даже не посмотрел на Кадью, упавшую к его ногам. Он торопливо обошел плот. Хэмил удивленно следил за ним взглядом.

— Ты что, боишься, Голос? — окликнул его генерал. — Или что-то новенькое дошло до тебя от хозяина?

Генерал спросил на понятном наречии, однако Голос ответил по-лаборноски, и Кадия разобрала только два слова: «Талисман... Опасность...»

— Что? — прорычал Хэмил. — Ну-ка, покажи...

Он расшвырял кучи тростника — блеснуло лезвие меча, лежавшего на плоту. Набалдашник по-прежнему казался помертвелым, высохшим от бессилия, но лезвие буквально пылало ярко-зеленым пламенем. Изумрудные сполохи пробегали по волшебной стали.

Голос выпростал из-под плаща руку — ледяной голубизны шар вспыхнул у него на ладони. В глубине его плавали созвездия мелких светящихся пятнышек — чем-то они напоминали снежные хлопья, находящиеся в непрестанном движении. Красный Голос сжал шар в руках. При этом ученик чародея что-то невнятно бормотал, потом принялся членораздельно выговаривать непонятные слова, делая между каждым долгие неприятные паузы.

Хлопья, что кружили в таинственном шаре, враз оледенели, замерли. Кадия была видна лишь часть происходящего, но то, что она увидела, заставило ее застыть от изумления. В шаре открылась полость, объем ее расширился на глазах, уводил куда-то в центр, в недра волшебного предмета, где из ничего возник образ другого человека — неточное подобие Красного Голоса. В руках он держал такой же шар...

Ученик чародея замолчал. Потом неожиданно, словно подкошенный, рухнул на колени и, действуя скорее как автомат, а не как человек, поднес шар к мечу так, чтобы тот неизвестный, который ожил в прозрачной голубизне, мог видеть оружие, добытое в невидимом городе.

Все вокруг затаили дыхание; присмирела и ночь — сомкнула вокруг лагеря тьму, утихомирила плеск реки. Тусклые звезды, выпавшие на небосводе, застыли, не смея далее мерцать. В наступившем могильном безмолвии ясно и сильно прозвучал голос:

— Хэмил!

Кадия никогда прежде не слышала его. Она не могла утверждать, что он донесся из голубого шара, — он раздался сразу, вдруг и отовсюду, будто из-под полога ночи, где жил и бодрствовал другой — запретный, колдовской мир.

— Ты все исполнил точно. Удача оказалась на твоей стороне. Теперь следует удвоить осторожность. То, что лежит на плоту, незримыми узами связано с твоей пленницей. Никто — и ты в том числе... Никто... Ты меня слышишь?

Пораженный генерал невольно глотнул и кивнул.

— Никто, незнакомый с сакральными знаниями, не должен его касаться. Только она. Поверь мне на слово, я не имею сейчас возможности подробнее касаться этого вопроса. Ты должен доставить это ко мне. Ее тоже! Пусть она возьмет это, но прими все меры предосторожности, чтобы она не смогла этим воспользоваться...

Шар внезапно затуманился, свечение начало быстро угасать, и не прошло нескольких секунд, как он померк.

Хэмил сплюнул — смачно, шумно. Слюна упала возле трехвекого набалдашника. Этот плевок словно разбудил всех. Солдаты на берегу задвигались, офицеры стали перешептываться — тот, что командовал лучниками, медленно опустил руку, и воины стали убирать стрелы в колчаны. Зазвенела река, замигали звезды, и, словно вздох, из джунглей прилетел ветерок, пошевелил листву, поиграл пламенем костров и факелов.

Генерал вновь почувствовал себя генералом. Он прочистил горло и прежним грубым трубным голосом сказал:

— Значит, эта штука связана с ней незримыми узами. Ну, Голосок, — он переступил с ноги на ногу и, поскользнувшись, едва не свалил своего соседа, — как ты справишься с этой проблемой? Эта кочерыжка принадлежит твоему хозяину, но касаться ее нельзя. Касаться ее может только эта болотная крыса. Но и ей касаться нельзя, ибо она может такого натворить...

Красный Голос невозмутимо убрал шар куда-то внутрь одежды — предмет канул там, словно его не существовало вовсе. Покопавшись в плаще, он вытащил моток веревки — странное, надо сказать, изделие. Она несколько не походила на обычную в тех краях, сплетенную из травы бечевку. Скорее, напоминала шкуру, содранную с тонкой, но очень длинной змеи. На конце ее была сделана петля — именно ее держал между пальцев колдун. С осторожностью рыболова он накинуд петлю на рукоять волшебного меча и начал потихоньку затягивать ее. Убедившись, что узел прочен, колдун несколько раз подергал за веревку — меч окончательно освободился от тростника. Хэмил, с раздражением смотревший на эти глупейшие, по его мнению, манипуляции, наконец, не выдержал, шагнул вперед, наклонился. Ученик мага тусклым, но отчетливо звучащим голосом предостерег его:

— Господин генерал, это будет крайне неуместно. Стоит только коснуться меча, и на вас свалятся неисчислимые беды.

Генерал засопел — невразумительная речь обескуражила его. Попытался бы Голос прямо запретить ему взять

меч — плевал он на всякие запреты! Однако глубокомысленные витиеватые фразы всегда производили на генерала странное, завораживающее впечатление. Все-таки он не простой рубака, а командующий и должен кое-что смыслить в высших политических материях. Тем более в уместности или неуместности того или иного поступка. Чтобы скрыть смущение, он хрипло фыркнул:

— Эка невидаль! Зеленый меч! Да вокруг подобных невероятных штук хоть пруд пруди! Что ты собираешься с ним делать? Тащить подобным образом? Не глупо ли?

— Вы же слышали приказ хозяина. Это очень важный магический предмет, обладающий огромной разрушительной силой, и он желает им обладать. А поскольку эти два объекта, — Голос кивком указал на меч и на девушку, — взаимосвязаны, она тоже должна быть доставлена к нему.

— Она умеет с ним обращаться? Не пори чепухи!

Однако он уже внимательнее посмотрел на принцессу. Почесал подбородок.

С тем же хищным любопытством глядел на Кадью и Красный Голос. Сквозь прорези девушке были отчетливо видны его маленькие глазки.

— Господин генерал, — наконец сказал Голос. — Нам неизвестно, умеет она с ним обращаться или нет. По слухам, здесь поблизости, в Тернистом Аду, спрятаны неисчислимы таинственные сокровища, оставленные Исчезнувшими. Этот предмет — из их числа. Опять же по непроверенным сведениям, этот предмет обладает огромной силой, в сотни раз превышающей все известные на сегодняшний день источники разрушения.

Генерал поиграл бровями, наморщил лоб:

— Если эта штука так опасна, почему же эта крыса болотная не попыталась использовать ее против нас? Всякий, кто обладает подобной мощью, не стал бы разыгрывать спектакль с пленением, криками и воплями. Он бы тотчас применил оружие.

Голос пожал плечами, потом подергал за веревку — меч, лежавший на связке тростника, покачался, словно доска на качелях. Вверх-вниз, вверх-вниз...

В то же мгновение Кадия глухо вскрикнула. Прежде чем потерять сознание и память, она успела заметить, что колдун как бы протянул к ней невидимую руку. Вот так запросто — вытащил из складок плаща и ткнул в лицо указательным пальцем. Словно приложил ко лбу кусочек льда, обжег кожу... Боль проникла внутрь головы, начала растекаться по ней... Мозг будто погружался в дикий, цепенящий холод. Потом и тело начало замерзать — Кадия попыталась сопротивляться, начала крутить головой, шевелить плечами, однако тяжкие леденящие путы сковали ее...

Голос удовлетворенно кивнул:

— Вот так-то лучше. Теперь она, господин генерал, не представляет опасности. К сожалению, это ненадолго. Надо бы так же скрутить ее волю, но я не могу пробить ее ментальную защиту. Ничего, этот удар тоже вполне эффективен. За ней необходимо следить постоянно, и при первых же признаках ослабления тисков пусть сообщают мне немедленно. В любое время суток... Мы не можем допустить, чтобы она имела возможность действовать свободно.

— Не можем допустить? Чего? — Генерал посмотрел на Кадия и расхохотался. — Ну, это мы устроим, это нам раз плюнуть!

Он отдал короткое распоряжение, и два солдата вбежали на плот, схватили принцессу и вынесли ее на берег. Руки ей связали за спиной — она не могла ими даже шевельнуть. Потом ту же веревку обмотали вокруг тела. Голос поднял меч за рукоять и воткнул между витками, чтобы принцесса была не в состоянии коснуться набалдашника. Лезвие в нескольких местах поранило девушке кожу. В конце концов, Голос накинуд ей петлю на шею и потащил за собой.

Подобным же образом были связаны все женщины-уйзгу, после чего их тоже убрали с плота. Толпу погнали к двум постепенно вырисовывающимся в свете факелов и костров огромным деревьям. К стволу одного из них прикрутили конец веревки, которой были обмотаны жен-

шины-уйзгу, к другому привязали Кадю. Рядом с туземками собрались скритеки — о чем-то переговаривались между собой, лязгали челюстями, пускали слюни.

Хэмил... Мысли у Кадии в голове ворочались медленно, неохотно. В воображении возникла странная картина — огромный сугроб, тянущий ее на веревке Голос. Он уже взобрался на вершину и, невзирая на сопротивление, втаскивал ее в глухую, абсолютно черную дыру.

Хэмил... Опять на ум пришел огромный мужик в изукрашенных доспехах, с опухшим, в багровых кровоподтеках, лицом. Жестокое безотказное орудие в руках Волтрика. Не человек... Он буквально источал зло, звериную ненависть и жажду причинять страдания другим... Тьма, в которую он был погружен, казалась страшнее, чем тот непроницаемый мрак, куда уводил ее Голос.

На краю сознания мелькнула мысль, раздражающая, полнящаяся гневом — той святой яростью, которая помогла бы ей освободиться от ледяных оков. Однако всплеск оказался недолгим. Промороженное насквозь сознание лишь слабо откликнулось на зов мести. Теперь Кадю ничто не могло согреть — меч, она сама чувствовала, тоже обессилел. Тогда, выходит, надо сдаваться? Последнее слово эхом, призывно откликнулось в гулкой, замирающей, промороженной пустоте. Потом вернулось ленивым, равнодушным укором. Не надо сдаваться... Нехорошо... Кадия вынуждена была согласиться с собой. В тот момент в ней — в душе, в сознании? — тенями бродили обрывки мыслей, какие-то бессвязные слова, всплески чувств. Опять же эхом отозвалось решение, рожденное бодрствующей частичкой разума. Возникшая внутри пустота — твое «я». Его надо наполнить, оживить, заставить двигаться... Но как это сделать, когда последние звуки пропали в опорожненном внутреннем пространстве? Она больше не слышала кланья зубов скритеков, не видела их горящих голодных глаз.

В чувство ее привело зловоние, ударившее в нос. Кто-то дышал ей в лицо перегаром. Заметив, что она открыла глаза, неизвестный грубо зажал ей рот ладонью, чьи-то пальцы безжалостно вцепились в волосы.

— Ну-ка, расскажи, — в нос вместе с шепотом опять шибануло запахом бренди, — что ты там видела на болотах? Какие такие сокровища скрыты в развалинах? Где прячется эта старая карга, которая занимается колдовством? Орогастус, значит, решил все прибрать к рукам. Уж я-то знаю, что говорю. Я много знаю... Пусть Волтрик пошире разевает пасть — такой кусок ему не проглотить, да и деньки его уже сочтены. Как и его поганого щенка. Он исчезнет бесследно в этих грязных болотах. Хочешь легкую смерть, королевская дочь? Цена известна — ты должна выложить все, что знаешь, о всяких колдовских трюках. Ты должна мне все открыть. Мне, единственному!

Хэмил! Теперь мысли быстрее забегали в голове девушки — начали связываться, сплетаться, обрастать иными мыслями, рождать понятия... С трудом она поняла — кто-то затеял свою собственную игру. Хэмил?

Грязную ладонь убрали с губ, однако волосы по-прежнему держали цепко.

Зловонное дыхание все еще касалось ее щеки. Странно, но сам враг пробуждал ее замороженное сознание. Выходит, при внешней строгой управляемости, при железной дисциплине в войсках каждый тянет в свою сторону? Цели у них различны. Как бы проникнуть в суть разногласий? Нет, с такой головой не очень-то сообразишь, что можно предпринять. И как ответить на вопрос?

— Хочешь попасть в лапы скритеков, грязная тварь? — вновь долетел до нее шепот. — Ну, что ж — утром мы устроим хорошенькое представление. Сможешь вволю полюбоваться...

Хватка ослабла, неизвестный отпустил ее волосы и удалился незамеченным. Только хруст сухих веток и шлепание огромных сапог донеслись до Кадии. Она осталась одна, но ненадолго, однако этого промежутка ей хватило, чтобы более-менее прийти в себя и сообразить — ей выгодно как можно дольше прикидываться оглушенной, замороженной.

Теперь к ней скользнуло что-то дьявольское, напоминавшее клочковатое туманное крошево, которое ей встречалось на Запретном пути. Кто-то вновь коснулся ледя-

ным пальцем ее лба — к удивлению Кадии, это действие не произвело того эффекта, который случился в первый раз. Что-то темное, рожденное Тьмой, склонилось над ней, опять крепко вцепилось в волосы. «Наголо, что ли, остричься,— обозлилась девушка.— Что они все хватают!»

Этот яростный мысленный вскрик окончательно разбудил ее, снова промелькнуло решение ничем не выдавать своего состояния.

Черный человек долго устраивался возле нее, лежащей на спине, расправлял свои свободно висящие одежды. Заговаривал он тоже свистящим шепотом и вроде бы сам с собой, словно ему и дела нет до пленницы.

— Итак, Хэмил навестил тебя, принцесса. Он искренне считает, что способен тягаться с хозяином. Глупые людишки! Им даже в голову не приходит, что их песенка спета. С того момента, как пала Цитадель, они больше не нужны великому мастеру. Ни Хэмил, ни Волтрик, ни его сын... Теперь куда важнее то, что привязано к твоей спине, принцесса. Если вы сумеете договориться, если ты признаешь его правоту, великий мастер позволит тебе исполнить твое заветное желание. Ты сможешь пустить кровь из этого борова Волтрика, а может, и из Хэмила в придачу.

Рука человека лежала у нее на плече, совсем близко от набалдашника.

— Послушай, я хочу играть с тобой честно,— он коснулся ее лба чем-то очень холодным и вновь заморозил мысли.— Еще до утра, когда Хэмил собирается дать представление, мы можем быть далеко отсюда. Я могу освободить тебя...

— Чтобы я тебе поверила на слово? — с трудом ворочая языком, ответила Кадия.— Я не так глупа, верный слуга грязного колдуна.

— Ты находишь его грязным? Вернее, бесчестным? Ты ошибаешься, принцесса. Познакомившись с ним, ты найдешь, что он хороший друг, умный собеседник и просто приятный человек. Твоя сестра, например, успела оценить его и с удовольствием изучает под его руководством такие области магии, о которых твоя Великая Волшебни-

ца и слыхом не слыхивала. У нее обнаружился вкус и большой талант в этом непростом деле. Принцесса Харамис теперь воспринимает мир глазами своего наставника. Ты можешь присоединиться к ней. Волтрик, Хэмил — мой хозяин не осудит тебя, если ты испытываешь на них действие своего меча. Они уже начали уставать... Ты можешь, если пожелаешь, стать королевой. Правительницей обеих земель — Лаборнока и Рувенды.

— Ты можешь освободить меня? — спросила Кадия.

Она не доверяла Голосу. Ладно, насчет лаборнокских союзников Орогастуса — это, может быть, правда. По крайней мере, это понятно. Вполне вероятно, что для него это прекрасная возможность ее руками избавиться от ставших ненужными друзей.

— Не только освободить, но и позаботиться о твоей безопасности. Да, это я могу. Мой хозяин позволил мне.

— А что же потребуется от меня?

— Смири гордыню, принцесса. В твоих руках находится великая сила, ты вполне можешь научить другого управлять ею. Хотя ты по-прежнему будешь считаться ее хозяином...

«Что с ними? — вполне трезво рассудила принцесса. — Что они во мне разглядели, если сочли возможным использовать в своих целях?»

Гнев вновь родился в ней, очистил сознание. Ну, как теперь быть? Как защитить себя, если она даже предположить не может, какая именно сила заключена в этом мече? Что уж тут говорить об овладении его мощью!

— Я не буду вести никакие переговоры, пока связана, — заявила Кадия.

В ответ послышалось хихиканье.

— Принцесса, ты можешь направлять меч, даже будучи связанной. Назови мне заветное слово или заклинание, которое ты тайшь, и я тут же освобожу тебя.

В это трудно было поверить. Да и мысли с трудом ворочались в голове. Куда исчезла былая живость и сообразительность?! Неожиданно в мозгу опять возникла картина — тот самый момент, когда она с жадным любопытством наблюдала, как зеленеющий стебель Священ-

ного Триллиума на глазах превратился в поблескивающее лезвие. Да-да, именно этот момент! Сознание цепко схватилось за родившийся образ, и тут же она воочию увидела, как лезвие вновь превращается в стебелек. Ага, где-то здесь скрывается разгадка.

— Вытащи меч,— слова сами по себе сорвались у нее с языка.

Кадия даже не испугалась — зеленоватая, волнующая, магическая взвесь окружила ее, она как бы слилась с ней, ушла в иное пространство, в другой мир.

— А потом воткни острием в землю.

Кадия услышала, как учащенно задыхал помощник мага. Почему он доверился ей в ту минуту, принцесса не могла понять, но размышлять над разгадкой у нее не было времени. Она почувствовала, как лезвие скользнуло между екрученных рук — опять несколько порезов. Между прочим, боль окончательно привела ее в чувство, вернула ясность сознания.

— Прежде покажи лезвие,— добавила она мрачно, чуть хрипловатым голосом.

Колдун тотчас выполнил ее приказание. С мечом творилось что-то странное, а едкая, чуть кисловатая на вкус муть убаюкала ее, принесла успокоение — мол, так надо. Доверься, говори...

Лезвие потускнело, покрылось угольной чернотой.

— Теперь — в землю! — замогильным голосом сказала она.

Колдун встал и, явно волнуясь, с помощью шнура, дрожащими руками вогнал меч в землю. Лезвие вошло легко, застыло ровно.

Затем оно уподобилось травянистому побегу. Кадия, поддавшись неведомой силе, продолжала вещать:

— Оживи, стань как прежде, страж нашего дома!

Словно во исполнение ее приказа, стебель позеленел, набалдашник обернулся набухшими бутонами.

Они раскрылись. В каждом светился глаз. Они ожили. Они смотрели на Голоса, который стоял, опустив плечи, не в силах стронуться с места, словно преступник, ожидавший вынесения приговора. Теперь его мозг заледенел.

Он еще пытался сопротивляться, руки шарили по плащу, ногти царапали ткань... Он еще оказался способен вытащить чудесный шар — в нем засуетились, задвигались все те же светящиеся хлопья. В центре начала формироваться фигура, и в этот момент белый луч ударил в шар из верхнего — человеческого — глаза. Следом зеленый луч испустило око одлинга, а третий глаз послал золотистый пучок.

Шар в руках колдуна разлетелся вдребезги. Полыхнуло пламя, охватившее его с головы до ног, и Красный Голос пронзительно, тонко вскрикнул. Огонь угас так же быстро, как и зажегся. Пепел и угольная крошка упали на землю, отвратительный запах коснулся Кадии.

В том месте, где только что вырос волшебный цветок, теперь опять торчал меч, безжизненный, темный.

Глава 32

Никогда на долю принца Антара не выпадало таких горестных дней, как в ту пору, когда он спускался вниз по Великому Мутару. Безжалостное солнце пекло так, что и принц, и его товарищи чувствовали себя поджариваемыми на празднике тогарами. С собой они взяли семь больших плоскодонок (к сожалению, лодки вайвило оказались слишком хрупки и сложны в управлении, чтобы использовать их в путешествии), загружены они были по самые борта. Все-таки в отряде оказалось сорок три человека, да еще необходимые припасы.

По своей неопытности лаборнокцы почти всегда выбирали места для привалов на более высоких берегах, где и солнце палило нещадней, и грязи было столько, что все вымазывались в ней с ног до головы. Кроме того, подобное скопление людей приманивало тучи кровососов и орды маленьких желтоватых, в полоску, зверьков, которые погрызли все мешки. Они и солдат кусали. Два человека, отведав ядовитых плодов, мучились кровавыми поносами. Рыцари в полной мере, как и рядовые солдаты, несли тяготы похода — лодки не могли вместить просторные

палатки и удобные кровати. Так и спали прямо на земле, на подстилках из травы или веток, укрывались плащами, ели из общего котла.

И когда в конце концов оборванные, измотанные до предела люди добрались до Лета, поселения вайвило, чьи хижины показались им прекраснее самых роскошных дворцов Дероргуилы, — туземцы отказались принять их. Они даже на остров ступить им запретили.

Флотилию лаборнокцев вайвило встретили на стремнине — перегородили своими боевыми каноэ реку. К просьбе принца предоставить ночлег и отдых они отнеслись совершенно равнодушно. Глашатай объявил, что у них нет времени принимать гостей. Он пояснил, что в любой момент ожидается нападение глисмаков, деревня, мол, на осадном положении, так что пусть люди плывут своей дорогой. Ни проводниками, ни съестными припасами они их обеспечить не могут.

Сэр Ринутар принялся было поносить туземцев, а заодно и чертова Глашатая какого-то нелепого, дикого Закона бранными словами. Он угрожал, что туземцы на своей шкуре испытают несокрушимую мощь великого Орогастуса, что лаборнокцы немедленно посредством Синего Голоса свяжутся с государственным министром и тот обрушит на жилища вайвило кару небесную, если они не выполнят требования его светлости принца Ангара.

Друг Ринутара лорд Карон, желая произвести на дикарей должное впечатление, вскочил на ноги в своей лодке, выхватил меч и вызвал Глашатая Састу-Ча на поединок. В ответ на это вайвило, не имевшие, на первый взгляд, никакого оружия, внезапно выдвинули маленькие катапульты и начали бомбардировать лодки лаборнокцев хорошо обточенными кусками кремния.

Принца и большинство рыцарей спасли доспехи (кроме разве что невезучего лорда Ринутара, поплатившегося глазом), но двадцать один человек из солдат, которые на этот раз исполняли обязанности гребцов и потому разоблачились до пояса, получили серьезные повреждения и ушибы.

Лорд Карон во время обстрела, размахивая мечом, потерял равновесие, а поскольку дорожен был сверх всякой меры, то опрокинул лодку и рухнул в желтоватую воду. Только и запомнился товарищам его нечленораздельный вскрик, потом тяжелые доспехи уволокли его на дно, и больше рыцаря никто не видел. Как и его товарища лорда Бидрика, находившегося в той же лодке. Синий Голос, который тоже плыл вместе с ними, выбрался на поверхность, закричал, засучил руками и ногами и быстро-быстро, по-собачьи поплыл к суденышку принца, куда его одной рукой втащил сэр Ованон. Три солдата-гребца, взывая о помощи, поплыли по течению. С трудом их удалось выловить, но лодка и все находившееся в ней имущество было потеряно безвозвратно.

Вайвило, кончив обстрел, флегматично наблюдали за этим происшествием.

— Уходите! — махнул рукой Глашатай Састу-Ча. — Мы не причиним вам вреда, если оставите эти места.

Принц Антар шепотом сказал дрожащему Синему Голосу:

— Ну, теперь твой черед. Сотвори что-нибудь удивительное. Пусть туземцы поразевают рты. Внуши им, по крайней мере, страх перед нами.

— Никак не могу, ваша светлость, — развел руками колдун. — Все инструменты и приспособления утонули. Канули вместе с лордами Кароном и Бидриком. Кое-что осталось в Тассе, но как туда теперь доберешься!

— Отлично, — скривился принц и тотчас громко отдал приказание гребцам. — Все на весла. Продолжать движение.

Так постыдно разведывательный отряд оставил боевую позицию и поплыл вниз по реке. До самых сумерек гребцы яростно работали веслами, пока Антар не решил, что они, должно быть, оторвались от вайвило и теперь можно устроить привал. Кстати, и удобная бухточка подвернулась — лодки одна за другой начали сворачивать туда. Место действительно оказалось удачным: песчаный пляж, берег сух, дров вдоволь. Скоро там засветились костры...

Принц Антар устроил смотр личному составу. Семь солдат, наиболее пострадавших во время стычки с вайвилло, были отобраны в отдельную группу.

— Завтра,— сказал принц,— вы и еще двое легкораненых на одной из лодок отправитесь в обратный путь, в Тасс. Передадите мастеру Эдзару, чтобы они дожидались нашего возвращения и под страхом смерти не смели никуда отлучаться, даже если мы не вернемся до начала сезона дождей.

По правде говоря, солдаты и рыцари, участвовавшие в походе, начали потихоньку высказывать недовольство, однако принц не обращал на эти перешептывания никакого внимания. Он призвал ученика чародея и приказал:

— Вызови своего черного хозяина, пусть он отыщет, где скрывается принцесса Анигель. Нам надо знать, куда завтра держать путь. Передай также государственному министру, чтобы он сообщил отцу, что я до конца исполню свой долг.

Он не стал выслушивать ответ Синего Голоса — повернулся и направился вдоль залитого лунным светом берега. Люди в лагере занялись хозяйственными делами, а Синий Голос удалился в ближайший лесок, где росли плакучие деревья, встал там на колени и впал в транс.

— Всемогущий мастер, ты меня слышишь?

— Я, Орогастус, слушаю тебя, Синий Голос.

— Увы, мой повелитель, наша экспедиция потерпела крупную неудачу. Вайвилло не допустили нас в свое селение Лет. Одлинги обстреляли нас из катапульта — это был настоящий каменный ливень. Лодка, в которой я плыл, утонула... Со всеми инструментами... Утонули лорды Карон и Бидрик — слишком тяжелы у них оказались доспехи. Ранены семь человек, они завтра будут отправлены в Тасс. Повезут их двое других, легкораненых... Сэру Ринутару выбили глаз во время обстрела...

Орогастус надолго задумался.

— Принц и другие семнадцать рыцарей здоровы? — наконец спросил он.

— Так точно, великий мастер. И двенадцать солдат. Хотя многие ходят с синяками и начинают роптать.

— Я определил, где находится принцесса. Ищите ее в устье маленькой речушки. Она собирается подниматься вверх. Завтра, утром... Когда речка обмелеет окончательно, пойдет пешком. От вашего лагеря до устья пять часов пути, если все — и рыцари, и солдаты — будут грести без передыха. Скажи принцу, что отряд должен выступить еще затемно и развить максимальную скорость. Добравшись до нее, держите ее в поле зрения, но не пытайтесь схватить, пока она не добудет талисман, который спрятан где-то поблизости.

— Я передам ваш приказ принцу.

— Обрадуй его — скажи, что его венценосный родитель почти полностью выздоровел. Далее: генерал Хэмил захватил принцессу Кадью, а также талисман, называемый Трехвеким Горящим Глазом.

— Мастер... — Голос заколебался. — Сегодня вечером, как только мы высадимся, я почувствовал сильный мысленный удар. Это касается моего Красного брата... Такое впечатление, что с ним что-то случилось...

— Крепись, Синий Голос. Твой брат погиб на посту.

— О горе, горе!..

— Силы Тьмы впитали его жизненную энергию и воздали ему честь. Теперь вы, два оставшихся Голоса, разделите невероятную награду, которая выпадет на вашу долю, когда мои планы осуществляются... Но вернемся к самому важному. Как насчет принца Антара? Когда ты наконец разделаешься с ним?

— Я жду подходящего момента, всемогущий мастер. Уверен, что доблестный рыцарь Ринутар — человек, который пришелся вам по сердцу, — прекрасно справится с порученным заданием, и мы успешно доставим этот загадочный талисман. Надеюсь, как только дело будет сделано, вы примете его в число своих помощников.

Ментальный голос Орогастуса вновь приобрел жесткий, стальной тембр. С некоторой угрозой он произнес:

— Это очень важно, мой Голос, чтобы талисман принцессы Анигели был доставлен в целости и сохранности. Его ни в коем случае нельзя потерять.

— Господин, я понимаю...

— Талисман Калии у нас, но обращение с ним небезопасно. Что касается принцессы Харамис, она уже в моих руках, и, думаю, этой же ночью все будет кончено. Но два талисмана мало что стоят сами по себе. Третий мне должен принести ты.

— Клянусь жизнью! — взвыл Голос. — Я положу его к вашим ногам. Если все пойдет, как задумано, принц Антар уже не встретит рассвета.

— Надеюсь. Прощай, Синий Голос.

Ученик чародея вернулся в лагерь кружным путем, обошел всю занятую территорию. Постоял возле походной кухни, где один из поваров готовил сухой паек для личного состава: овощи, кусок вяленого мяса. Другой пытался испечь в переносной печи свежий хлеб. Булки подгорали на глазах, от сушеного мяса тоже исходил не очень-то приятный аромат.

Заметив принца, Голос смело подошел к нему и развязно окликнул:

— Эй, ваша светлость! Эта грязная шлюха примерно в восьми часах пути от нашего лагеря. Она уже возле конечного пункта своего путешествия и, может, завтра или в крайнем случае послезавтра найдет свой талисман...

Антар удивленно оглядел слугу колдуна. Его болтовня была не менее странной, чем наглая фамильярность. Таким принц Антар его никогда не видел — всегда вел себя тихо, как мышь, копошился сам по себе, постоянно был один, строил козни (не без того!), но на слова был очень скуп, а сегодня вдруг разговорился. Долго восхвалял небеса и Зото за то, что они вернули здоровье и жизнь ценному родителю Антара. Бахвалился своим гнусным хозяином, который уже успел заполучить два других талисмана, — более того, принцесса Харамис сама явилась на гору Бром. О смерти Красного Голоса даже не заикнулся. Принц, сначала внимательно слушавший, потом принялся рассматривать берег и, в конце концов, совсем оставил его и направился к людям, чтобы разделить с ними скудный ужин.

Этой ночью страшная гроза обрушилась на Тассалейский лес — первая предвестница сезона дождей, до кото-

рого осталось шесть дней. Пограничной датой считался Праздник Трех Лун. Первые раскаты бухнувшего невдалеке грома подняли всех на ноги. За те несколько дней, что лаборнокам пришлось провести на реке, они в какой-то мере освоили азы искусства выживания в этих местах. Первым делом солдаты бросились спасать лодки — вытащили их на берег, перевернули и укрыли под ними все свои припасы, да и сами залезли под днища. Казалось, все обойдется — не тут-то было! Через несколько минут замечательный песчаный пляж, приманивший их на ночь, начал покрываться водой. Великий Мутар взбухал на глазах, течение становилось все стремительнее. Рутаясь и проклиная все на свете, лаборнокцы принялись перетаскивать лодки повыше, к покрытой растительностью террасе, а затем спасать припасы, связывать лодки. И так всю ночь... Молнии время от времени били в черную вскипающую воду, заставляя людей падать во взбаламученную грязь. К утру отряд был словно после тяжелого боя — грязные, промокшие до нитки, измученные люди скопились на берегу. Страх и отчаяние поселились в каждом сердце.

Принц Антар чувствовал себя не лучше, к тому же он наглотался этой отвратительной воды. Однако мысли его в то хмурое утро были совсем о другом. С болью в душе он размышлял, как пережила эту страшную ночь принцесса Анигель.

Друг! Друг, поднимайся. Уже светает. Ты просила нас разбудить тебя затемно. Просыпайся!

Устроившаяся на ночь в огромном древесном дупле Анигель, услышав голоса римориков, сладко потянулась, зевнула. Ночь она провела в тепле, на мягкой древесной трухе, которую обильно наточили жучки-короеды. Их потрескивания и шорохи и сейчас были отчетливо слышны — они трудились изо всех сил, чтобы этот лесной гигант побыстрее рухнул на землю, обратился в гнилушку и насытил собой почву. Так повелось испокон веков, так будет продолжаться вечно, в этом и заключена та хитрая правда, которую люди называют жизнью. Ах, если бы эти

жуки работали поаккуратнее, а то всю — и, главное, волосы! — трухой засыпали. Правда, это неудобство было мизерной данью за теплый и удобный ночлег. За время путешествия принцесса научилась смирять гордыню и отыскивать каплю радости даже в ночевке, устроенной в дупле.

Ночью поблизости что-то гулко бухало, шумело. Сейчас вокруг приятно пахло влагой. На этой мысли она опять смежила веки, начала посапывать... Риморикам снова пришлось будить ее. Делать нечего, пора отправляться в дорогу. Анигель еще раз сладко потянулась. Ага, вот опять кольнуло... Дело в том, что, уже устроившись в дупле и почти заснув, она была разбужена сокрушительным ударом грома — со страху принцесса вцепилась в амулет и едва не вскрикнула. Он был обжигающе горяч. Более того, священный цветок, запечатанный внутри янтарной капельки, почти распустился. Она еще тогда подумала — значит, цель близка? И сейчас, лихорадочно выхватив амулет, она с трепетным ожиданием глянула на Триллиум. Так и есть — Трехглавое Чудовище где-то рядом.

Тогда в путь!

Она быстро расчесала волосы, отряхнула платье, достала бутылочку с митоном и кожаный мешочек, в котором хранила лист Священного Цветка, указывающий ей путь. Лист почти совсем высох и уже начал сворачиваться трубочкой, только у самого черенка был еще свеж, зелен и сочен. Золотистый след маршрута, по которому она двигалась от Нота, уменьшился до коротенького штришка, изогнутого к черенку.

Мы поймали рыбу, друг. Можешь отведать ее. Спустишь и посмотри.

Собрав вещи, Анигель выбралась из дупла, спустилась на землю. Обе головы торчали рядом с лодкой — нос ее лежал на берегу. Крупная рыба вингу валялась на траве, у подножия дерева. Было еще сумрачно, крупные хлопья тумана висели между деревьями, пологом покрывали тихо струящиеся воды. Птицы помалкивали, и в полной тишине нежный слабый звук долетел до принцессы в сво-

ей первозданности ясно и отчетливо. Небо светлело на глазах, и не успела Анигель набрать первую горстку ягод, как большая белая птица первой подала голос. Бухта, в которой принцесса провела ночь, теперь заметно расширилась, поток раздался, покрыл берег. Это была большая удача — значит, сегодня она сможет подняться по течению много дальше. Вчера еще им попадались участки, где риморики буквально ползли по илистому дну.

— Спасибо, друзья, — набрав ягод, Анигель спустилась к воде, — сегодня у меня что-то нет аппетита. Мне хватит пирога с мясом, которым угостили меня вайвило, да вот этих ягод. Вряд ли удастся в такую сырость развести огонь. К тому же надо поскорее отправляться в дорогу.

Это верно, откликнулся один из римориков.

Другой сообщил:

Нам известно, что твои враги на большой скорости плывут по воде, которая стремится к морю. Наши сородичи поведали нам, что их злобе нет предела. Во время ночной грозы все они промокли до нитки и теперь еще более жаждут схватить тебя.

— Странно, — сказала Анигель, — я совсем не испытываю страха и ненависти, когда вспоминаю о лаборнокцах. Точнее, они пугают меня куда меньше, чем это нелепое Трехглавое Чудовище! Я даже не знаю, что это такое и как к нему подступиться. Я очень устала, плохо себя чувствую, мной владеет единственное желание — побыстрее бы закончилось это путешествие. Когда талисман будет у меня в руках... может, тогда придет черед опасаться лаборнокцев.

Риморики принялись мордами подталкивать лодку и, как только принцесса устроилась на скамье, развернули ее носом против течения и погнали вдоль берега.

Речка, которую вайвило называли Ковуко, петляла среди низин. Солнце уже встало, одолело верхушки деревьев, и где-то через час листва, густые заросли ягодников, редкие открытые мшистые поляны начали густо парить. Зной становился все более удушающим, и Анигель постепенно сбросила с себя почти всю одежду. Хорошо, что

от Имму ей досталась белая широкополая шляпа. Мысли текли медленно и были очень странными. Почему, например, лесной народ обустроивал свои жилища с не меньшей роскошью, чем люди? Собственно, почти все в них — мебель, утварь, даже одежда — было куплено у ремесленников, тогда как ниссоны, наоборот, в быту признавали только предметы собственного изготовления. Столовые приборы из серебра, которыми пользовались вайвило, могли украсить любой знатный рувендийский или лаборнокский дом. Прибавьте сюда искусно сделанные лампы, управляемые маслом, золотые подсвечники, обитую кожей мебель, проволочные коробочки для обжаривания зерен, вилки для тостов, картины и гобелены, детские игрушки, резные фигурки животных, ковры, арфы, мандолины и волынки, занавески, настольные игры, особенно доски для игры в кник-кнак, которую изобрели умельцы из Дайлекса, — чего ни коснись, все купленное, привозное. Састу-Ча, например, особенно гордился медной сидячей ванной, которой пользовались только он и его жена. Видно было, что желание Анигели искупаться в ней доставило им огромное удовольствие — как же, особа царской крови соизволила освятить овальный медный сосуд своим присутствием. Одежда, которую она надевала после купания, принадлежала взрослым уже детям Састу-Ча. Те же буквально лопались от гордости, когда Анигель вышла к старейшинам в их нарядах. Причем никакого высокомерия они при этом не выказывали — вообще вайвило оказались очень деликатным, чистоплотным, чутким народом. Анигель просто влюбилась в них и готова была простить эту маленькую слабость — желание во всем подражать людям. Тем более что жизнь на Великом Мутаре ничуть не походила на райскую. Это были суровые трудовые будни, выдержать напряжение которых могли только сильные, храбрые люди. Лесосплав — не детские игрушки, а все мужчины вайвило занимались именно этим промыслом. К тому же над поселением постоянно и неотвратимо висела угроза нападения глисмаков. Возможно, из этой вражды и родилась страсть во

всем подражать людям, чтобы не походить на своих жестоких родственников. Силой от них отбиться было нельзя — глисмаки значительно превосходили вайвило числом. Значит, следовало действовать с помощью разума. С одной стороны, препятствовать тому, чтобы роды глисмаков объединились; с другой — постоянно совершенствовать военное искусство и вооружение. Но и здесь у лесного народа возникали серьезные проблемы. Как с печалью признался Састу-Ча, люди наложили запрет на продажу им оружия, хотя вайвило было чем расплатиться.

— И рувендиане, и лаборнокны наотрез отказывают нам в этом, — пожаловался Глашатай. — Понятно, они ведут собственную политику...

Он не стал объяснять, в чем суть этой политики, но принцесса Анигель по кратком размышлении сама сделала правильные выводы.

Если вайвило получают современные мечи, стальные наконечники для копий и арбалеты, они раз и навсегда решат проблему глисмаков. Загонят их в такие чащи, откуда те нос побоятся высунуть. Тогда вайвило расширят сферу влияния вдоль по Великому Мутару до самого Вара и начнут напрямую торговать с агентами короля Фьоделона. Эта торговля будет намного более выгодной и легкой, чем с рувендианами и лаборнокцами. Тогда северные королевства практически останутся без строевого леса.

Анигель прикинула — стоит ли открывать карты перед Састу-Чом и объяснять ему, что экономические интересы есть экономические интересы. Потом решила, что в ее положении глупо темнить, и сообщила Састу-Чу все, о чем только что подумала. Тот был явно удивлен, но, догадавшись, что разговор пошел серьезный, государственный, вопросительно глянул на принцессу, ожидая продолжения. Пришлось Анигели изложить свою точку зрения.

— Мне кажется несправедливым отрицать право вашего народа на самооборону. В то же время моя страна лежит к северу от Мутарского порога и во многом зависит от поставок строевого леса из Тассалейских чаш. В подобных случаях обычно ищут взаимоприемлемое реше-

ние. На мой взгляд, по данному вопросу найти его нетрудно.

— Тогда вам, рувендианам, надо поскорее сделать это.

— К сожалению, — вздохнула Анигель, — наша семья больше не правит в тех местах. Вы знаете, что лаборнокцы сокрушили нас.

Састу-Ча задумчиво поиграл бровями:

— Сегодня они вас, завтра вы их... Вот, например, тот талисман, который ты ищешь. Может, он принесет вам спасение?

— Не вам, а нам, — поправила Анигель.

Састу-Ча покивал, но не произнес ни звука.

— Да, что бы это могло значить — Трехглавое Чудовище? — выдержав паузу, спросила принцесса. — Вы действительно уверены, что я смогу приручить этого монстра и воспользоваться его силой для борьбы с врагами?

— Нет, — ответил Глашатай. — Если речь идет о том Трехглавом Чудовище, которое нам известно, то, как только тебе удастся отыскать его, все только и начнется.

Он замолчал, всем своим видом показывая, что не намерен распространяться на эту тему. Уже перед самым отправлением из Лета — принцесса собралась в дорогу с первыми лучами солнца, и провожал ее только Глашатай Закона, — Састу-Ча сказал:

— Скоро Праздник Трех Лун. Если ты ночью посмотришь в ясное небо, то увидишь, что они все сближаются и сближаются. Но раз в тысячелетие все три светила сливаются воедино, и тогда на небе вспыхивает Небесное Око. Если в этом году случится нечто подобное, значит, надо ждать чего-то невероятного. И это, может быть, связано с тобой, о Лепесток Животворящего Триллиума!

Лодка, где находилась Анигель, по-прежнему двигалась вверх по Ковуко, и чем дальше, тем суше и светлее становился лес. То там, то здесь еще виднелись медно-золотистые стволы гигантских корабельных гонд, однако мшистые, сочно-зеленые низины, где выступала вода, сменились на обширные лужки и поляны с высокой —

по пояс, а то и в человеческий рост, травой. Краснолесье поредело, стали попадаться суходолы, и река все чаще прижималась то к одному, то к другому берегу.

На глазах обсыхал подлесок, да и деревья пошли одно чуднее другого. Некоторые, пузатые у корней, прямо из земли выбрасывали широкие мясистые ланцетовидные листья. Кое-где мелькала ярко-пурпурная, вперемежку с зеленым, листва; в другом месте тот же изумрудный цвет был щедро смешан с золотом.

Наконец, на речном повороте одно из пузатых созданий явило себя во всей красе. Листья, выраставшие из корней, были темно-зеленые, раскидистые, ствол покрыт угловатыми чешуйками остриями вверх. На высоте примерно в пять элсов ствол ветвился, и каждый из побегов был густо усыпан мелкими пурпурно-зелеными листочками. Так вот откуда эти яркие пятна в лесу, решила принцесса, но еще более ее поразили запах, в который она погрузилась, проплывая мимо мыска, и, конечно, яркие цветы. Оставалось только разинуть рот и смотреть на это диковинное растение, которое одновременно и цвело, и давало плоды, чьи гроздья висели на тех же цветущих ветвях. Вершина дерева была украшена метелкой листьев, напоминавших те, что росли у подножия. Более экзотического экземпляра Анигель в жизни не видела. Издали дерево напоминало гигантский кубок, из которого струями выливалось доброе шипучее вино.

Принцесса не удержалась и попросила римориков притормозить, надеясь полакомиться аппетитными на вид фруктами.

Нет, друг, это будет твоя последняя еда.

— О, плоды ядовиты?

Нет, они очень вкусны. Дерево как раз и использует их, чтобы заманивать живые существа в ловушку.

Анигель бросило в дрожь — разве можно быть такой забывчивой. Ведь еще Састу-Ча предупреждал ее: «Помни, деревья там так же прожорливы и ненасытны, как глисмаки».

— Они... Они могут съесть меня?

Они могут съесть кого угодно. Стоит только приблизиться к стволу, и эти листья у основания так спеленают свою жертву, что уже не вырваться.

Река заметно сузилась, и на берегах, а то и в русле, стали попадаться огромные валуны. Местами поток бил прямо в выходы скальных пород. Справа и слева вздымались пологие, поросшие лесом холмы. Наконец риморики втолкнули лодку в некое подобие каньона. Тут только принцесса обратила внимание, что вокруг не слышно птичьего пения и за весь день ей на глаза не попалось ни одного животного. Вокруг стояла гулкая тишина, которую не нарушало даже монотонное журчание воды.

Очень странно...

В полдень риморики добрались до первого порога — осторожно провели лодку между двух скал и еще около часа толкали суденышко вверх по текущему в узких берегах ручью. Здесь уже было мелко, и бедные животные, случалось, ползли на брюхе по галечному дну. Наконец, они оба, словно по команде, высунули из воды усаые морды и в один голос заявили:

Все, дальше для нас пути нет.

— Я вижу. Река совсем обмелела, и течение очень быстрое.

Анигель медленно облачилась в охотничий костюм вайвило. Лесные жители позаботились, чтобы гостя была снабжена в дорогу всем необходимым. Надела голубенькие сапожки, того же цвета кожаную тунику до колен, подпоясалась широким разукрашенным ремнем, на который подвесила тыквенную бутылочку и кожаный мешок. Одежда, впрочем, была ей маловата — из-под рукавов и ниже подола туники выступали кружева нижнего белья. Никакой охотник, конечно, не позволил бы себе такой вычурности, но Анигель это совсем не волновало — когда идешь, не зная куда, ищешь то, не знаю что, не очень-то будешь задумываться о приличиях. Главное, чтобы было удобно и надежно защищало тело. Готовясь к пешему переходу, она решила оставить в лодке шляпу Имму.

Наконец принцесса завязала горловину дорожного мешка, проверила, на месте ли маленький кинжал, и обратилась к риморикам:

— Дорогие друзья, что вы собираетесь делать? Куда ляжет ваш путь? Ваш дом так далеко отсюда, что я просто в толк не возьму, как вы доберетесь туда. Я постоянно буду вас вспоминать. А не могли бы вы навсегда остаться в этом лесу?

Здесь нет ни одного нашего сородича. Только очень дальние. Мы будем ждать тебя здесь, у лодки, пока ты не отыщешь талисман. Разве что спустимся чуть ниже... А потом вместе вернемся на родину.

Слезы благодарности хлынули из глаз Анигели. Она встала на колени и с удовольствием чмокнула их в усытые мокрые морды. Потом они разделили митон...

Уже отойдя на несколько десятков шагов, она услышала их эхом отозвавшийся в скалистом каньоне рев. Она обернулась и помахала им рукой. Прощагав еще немного, принцесса наткнулась на тропинку, ведущую вверх, к истоку реки. Она вздохнула — значит, так тому и быть!

Глава 33

Такой головной боли Харамис никогда не испытывала. Ломило не только в висках и в затылке, но, казалось, в самом центре головы находился раскаленный факел. Наконец, она не выдержала, села в постели и обеими руками сжала череп. Что толку проклинать себя, требовать кары. С дураками не беседуют, над ними смеются. Сколько Харамис ни пыталась вспомнить, что случилось с ней прошлой ночью, ничего не получалось.

«Это его работа! — подумала она. — Это он, словно камнем, придавил мою волю! Он обманул и заманил в ловушку! Я попалась, как муха в лигнитову паутину. Даже Кадия вряд ли когда-нибудь была так безрассудна, а Анигель так глупа... Боже, до чего раскалывается голова!»

С трудом она оглядела свою темницу. Дальняя стена каморки была задрапирована несколькими гобеленами,

между которыми уныло светились два узких длинных оконца. Тусклый дневной свет едва сочился в комнату. На улице падал снег — густые слипшиеся хлопья медленно опускались за стеклом, до которого нельзя было добраться. Перед рамами была вделана металлическая решетка. Две другие стены были обшиты панелями красного дерева; на них, в высоко укрепленных подсвечниках, горели длинные восковые свечи; чуть ниже висела картина, изображавшая необычный и незнакомый пейзаж. В маленьком камине, полость которого была выложена цветной плиткой, горел огонь. Однако тепло в помещении создавала маленькая жаровня, стоявшая у кровати. Харамис посмотрела на дверь. Створки сколочены из толстых, хорошо подогнанных досок из гонды с вырезанными на них звездами, вверху и внизу — наличники из толстых полос железа, петли и массивный замок.

Она закрыта? Это место ее заключения?

Кровать мягкая, удобная, под пологом, приятные на ощупь простыни, парчовые портьеры...

Харамис вспомнила, как Орогастус привел ее сюда, когда она чуть не упала в обморок. Сначала они долго сидели у камина в большой гостиной, беседовали, потягивали теплое пахучее бренди. Потом — да-да! — ей стало плохо, и маг привел ее сюда; когда уходил, почему-то рассмеялся у порога, замок за ним шелкнул — она осталась одна и горько, бурно разрыдалась. Она села на край кровати, почувствовала головокружение, с трудом сняла верхнюю одежду и тотчас провалилась в черноту...

Неужели он подмешал ей яд? Он пытался отравить ее, чтобы овладеть талисманом?

Она подняла руку — пальцы дрожали, — пощупала. Нет, талисман на груди, подвешен на золотой цепочке. Вот он, Волшебный Скипетр. Трехкрылый Диск...

Благодарю вас, Владыки воздуха!

В дверь постучали.

— Уходите! — слабо вскрикнула она. — Будьте милосердны, я хочу покончить счеты с жизнью. Можете вы, наконец, оставить меня в покое?

— Харамис, пока вы живы, — мягко попросил Орогастус, — откройте, пожалуйста, дверь.

— Вы же сами закрыли меня, негодяй!

— Взгляните на стол, который стоит у камина.

С трудом, обхватив голову руками, чтобы она не разлетелась на куски, принцесса подняла глаза, взглянула на стол. Мельком увидела валявшийся на коврик перед кроватью меховой воротник, на скамье — брошенное впопыхах платье: складки черного вельвета странно посверкивали в свете пламени. Харамис так и не поняла, что за предмет лежит на столе, — принялась машинально одеваться и только потом подошла поближе к камину, чтобы разглядеть, на что же указывал Орогастус.

Изящный, с резными гнутыми ножками столик был придвинут к стене, рядом — обитое бордовой кожей кресло. На столе — сплетенная из серебряной проволоки корзинка со свежими булочками, золотая подставка, где красовались хрустальные вазочки с разного сорта вареньями. Аромат стоял необыкновенный. Тут же, на аккуратной сложенной салфетке, — большой бронзовый ключ.

— Впустите меня, пожалуйста, — попросил волшебник. — До меня только сейчас дошло, что вы очень страдаете; клянусь, я не имею к этому никакого отношения.

Он лжет? Почему? Она должна быть крайне осторожна. С другой стороны, что бы он теперь ни вытворял с ней, хуже, чем сейчас, не будет. Она нащупала ключ, направилась к двери, мало что различая перед собой, и после нескольких безуспешных попыток попасть в скважину наконец сумела вставить ключ. Повернула два раза.

Орогастус потянул ручку на себя, створка открылась, но войти он не мог — Харамис стояла в проеме. Волшебник сегодня вырядился во все белое. «К чему бы это?» — мелькнуло у принцессы в голове, и она покачнулась. Орогастус успел подхватить ее, помог добраться до кресла. Харамис буквально рухнула в мягкую кожаную полость.

— Вы и сами без особых хлопот могли бы открыть дверь, — с усилием выговорила она. — И не отпирайтесь! Для этого вам даже не надо использовать молнию, с помощью которой вы взяли Цитадель. Вы или кто-нибудь

из ваших демонов уже успел проникнуть в комнату — разжег огонь в камине, накрыл стол.

Орогастус, ни слова не говоря, снял с огня чайник и налил в чашку горячую пахучую жидкость. Это был чай-дарси — аромат сразу распространился по всей комнате.

— Здесь, в башне, у меня нет ни слуг, ни подручных демонов, хотя, конечно — не смею отрицать, — это я развел огонь, приготовил угощение. Так сказать, магия на бытовом уровне — очень удобная, должен заметить, штука. Полагаю, что и с замком я бы справился, но это вряд ли способствовало бы нашей дружбе. Неужели вы считаете меня таким пошлым типом, который будет испытывать злорадство при виде страданий юной, красивой девушки? Может, вы считаете, что у меня есть рога и хвост и мое самое большое развлечение — это засадить кого-нибудь в подвал замка Бром и радостно потирать руки? Кстати, если желаете, я могу показать вам эти подвалы — там намного интереснее, чем здесь. Теперь выпейте, пожалуйста, чаю и немного закусите — вот это мое требование вы должны исполнить неукоснительно. Уверен, вам сразу станет легче. Потом, если почувствуете себя лучше, мы можем вернуться в библиотеку в главной башне и продолжить нашу захватывающую беседу.

Харамис строго взглянула на него:

— А если я откажусь принять ваше гостеприимство?

Он опустил голову — лицо его попало в густую тень.

— Ваш ламмергейер отдыхает на верхушке этой башни. Если вы так настаиваете, можете выйти в коридор, добраться до балкона. Там, правда, много снега и все обледенело, но улететь можно... если, конечно, вам именно этого хочется.

Он решительно встал и вышел из комнаты. Мягко притворил за собой дверь.

Харамис поднялась, подошла к ближайшему окну. Сквозь снегопад смутно виднелись окрестности — силуэты гор, склон, на котором черной щелястой пастью выделялась расселина, отделявшая замок Бром от окружающего мира. Как же *он* добирается до своего логова? Вон там по склону вьется дорога, упирается в провал, а даль-

ше? По воздуху летать он не может, это точно. Вот еще загадка — о чем они говорили прошлой ночью?

События минувших дней всплывали в памяти с трудом, взброд, постепенно обретая некую — истинную, навеянную? — последовательность. Как прошлым вечером она прилетела в замок, Харамис помнила отчетливо — Орогастус темным силуэтом выделялся в освещенном ровным сильным светом проеме крепостных ворот. Был он в черном плаще, капюшон откинут, лицо приветливое, словно он наконец дождался приезда желанного гостя. Поразили Харамис его волосы — изжелта-белые, как облака летним ранним утром. Вообще он ничем не напоминал злого колдуна — скорее, гостеприимный лорд, от всей души радующийся встрече. Ага, глаза у него искрились — это она хорошо запомнила; когда она оказалась поближе, ей удалось разглядеть, что они вполне человеческие, даже цвет приятный — глубокой чистой воды. Уже в замке она внимательнее изучила его наряд. Скинув плащ, Орогастус остался в свободно ниспадающей подпоясанной тунике. На шее — платиновая цепь с крупными фигурными звеньями, узкие брюки, мягкие домашние туфли. Вся одежда, кроме плаща, — белая. Без единого пятнышка.

Да, на цепи висел медальон... на нем какой-то знак. Сейчас, сейчас... Да — многолучевая звезда.

Но все это было потом, когда ламмергейер перелетел на среднюю башню (кстати, по первоначальному впечатлению, башня в замке была одна-единственная, высоченная, со шпилем, а те две, что почти прилепились к ней, не были видны), а сначала Харамис поразила расщелина, обрывававшаяся вниз лиги на полторы. Как же ее преодолеть?

Вопросы, вопросы! В этом таинственном месте скрывалась масса вопросов.

Вчера Орогастус вел себя, как радушный хозяин, — был вежлив, весел, шутлив. Или играл эту роль? Он провел ее по замку — показал солярий, музыкальную комнату (чем немало удивил ее), богатую библиотеку и даже свой кабинет. Потом они устроились в гостиной, стол был сер-

виrowан на двоих. Орогастус мысленно развел огонь в камине, зажег свечи, стоявшие на столе. За окнами бушевала снежная буря, а здесь было тихо, тепло...

Орогастус приготовил к встрече простенький ужин — похвастался, что все сделал сам. После ужина они устроились на ковре у камина, Орогастус угостил Харамис сладким ароматным бренди.

— Что же я рассказала ему? — испугалась она, но, как ни пыталась, ничего не могла вспомнить.

Она вернулась к столу, съела булочку, попила чаю.

Тут только она заметила, что в комнате есть еще одна дверь, узкая, неприметная. Принцесса заглянула в соседнее помещение. Там была устроена ванная, тесная, но очень разумно спроектированная. Освещалась она странным светильником в виде раковины, излучавшим ровный мягкий свет. Он вспыхнул сразу, как только она вошла в комнату. Две стены и пол были выложены светло-зеленой плиткой, теплой на ощупь. По-видимому, замок Бром обогревался так же, как дома виспи. На третьей стене выделялось высокое, в золотой раме, зеркало, к нему был приделан туалетный столик, где лежали золотые гребешки и щетки, разноцветное душистое мыло, несколько пудрениц, стояли хрустальные сосуды с косметикой и бутылочки с ароматной водой. Горячая и холодная вода лилась в выложенную зеленоватым камнем ванну — настолько широкую, что в ней можно было плавать. Вода лилась сама по себе и отключилась сразу, как только ванна наполнилась. Туалет был устроен очень необычно — в маленькой нише стоял ватерклозет. Харамис слышала о подобном приспособлении, но никогда его не видела.

Принцесса с нескрываемым удовольствием скользнула в теплую воду, но, даже купаясь, не расставалась с талисманом.

Приняв ванну и позавтракав, она заплела косу, потом долго изучала себя в зеркале. Делать было нечего — нарядившись, она отправилась в гостиную. Орогастуса там не оказалось — он устроился в библиотеке, где внимательно изучал огромную книгу, делая при этом какие-то

записи на светящейся дощечке странным, невиданным пером. Когда она вошла, он отметил страницу кожаной закладкой и закрыл книгу, затем коснулся пальцем дощечки — та сразу потускнела, и все записанное исчезло.

— Я не хотела вас отвлекать, — смутилась Харамис. — Если желаете, можете продолжать занятия, а я с вашего разрешения посмотрела бы какие-нибудь книги. В вашей библиотеке есть раритеты, которых я до сих пор не встречала.

— Ваша склонность к наукам, принцесса, известна всему Полуострову. Именно по этой причине мой венценосный сеньор решил просить вашей руки.

Харамис не выдержала и рассмеялась.

— Эта причина — единственная? — Она наклонилась и заглянула в удивительную дощечку. — Что это? Я видела, как вы там что-то записывали, а теперь поверхность совершенно чистая.

Маг пожал плечами:

— Это изобретение Исчезнувших, оно подчиняется особым заклинаниям.

— Очень странно, — сказала Харамис. — Чувствуется, что магия здесь ни при чем. Просто это какое-то устройство.

Орогастус подозрительно глянул на нее, и девушка тут же сменила тему:

— Вы обещали показать мне много необычных вещей.

— Хорошо.

Харамис как бы невзначай взяла дощечку.

— Интересно, какое же заклинание требуется, чтобы оживить ее?

— В другой раз объясню, — ответил Орогастус.

Он попытался вернуть вещицу, однако Харамис крепко ухватилась за нее, потащила к себе — маг, не ожидая сопротивления, уступил, и тускло светящееся устройство неожиданно коснулось талисмана у принцессы на груди. Волшебный скипетр родил искру, она ударила в дощечку, и дощечка сразу погасла.

Харамис, перепугавшись, тут же вернула ее магу.

«О нет,— тревожно подумала она,— я не хотела, но он же не поверит. Ни за что не поверит!..»

Орогастус с большим трудом сдерживался, но, по-видимому, очень дорогой для него предмет не оживал.

— Все погибло,— сквозь зубы процедил он, нажал пальцем в нескольких местах. Напрасно... Маг с укором взглянул на принцессу.

Харамис невольно шагнула назад и машинально спрятала скипетр в складках платья.

— Что погибло? — спросила она, потом вдруг выпрямилась и беззаботным, но достаточно решительным голосом сама себе ответила: — Невелика потеря. Вот моих родителей, погибших по вашей воле, уже не вернешь.

Орогастус как-то сник, промолчал, отвел глаза.

Харамис опасливо, пару раз бросив на него косые взгляды, стараясь обойти подальше, приблизилась к окну. Метель бушевала по-прежнему. Дикая пляска снежинок пробудила в девушке горькие воспоминания. В завывании ветра ей слышались отзвуки зовущих к решительному штурму боевых рогов и фанфар, заглушаемые грозным ревом многотысячной толпы солдат, бросившихся в проломы в стенах Цитадели. Взгляд ее на мгновение выхватил одну из бешено несущихся снежинок, но тут же потерял ее в сонме подруг — осталось только ощущение растерянности перед неисчислимостью их рядов, безликостью частиц, покрывавших горы белоснежным ковром. Так же и лаборноуксы — навалились скопом, разметали прежнюю жизнь, а тот ветер, что принес их на земли Рувенды, был рожден здесь, в этом на удивление уютном логове. От того, что тут есть ванна и мягкая постель, оно не перестает быть логовом. Слезы хлынули у принцессы из глаз.

— Харамис...

Она резко оборвала колдуна:

— Какая же я идиотка! Вы заманили меня сюда с помощью своего черного искусства, воспользовались моей молодостью и неопытностью. Вы сумели подавить мои страхи, заставили забыть, кто я, где мои корни. И кто же я теперь?

Орогастус подошел к ней, положил руку на плечо, повернул к себе. Заговорил печально, почти неслышно, глядя прямо в глаза — в зрачках его Харамис, уже сдаваясь, заметила слабые проблески. Его глаза словно заискрились, словно метелица заглянула туда и завертелась, закружилась...

— Харамис, я бы очень хотел, чтобы вы вспомнили, как я поцеловал вашу руку. Я влюбился в вас сразу, с первого взгляда, еще в ту мирную пору, когда этот грязный Волтрик показал мне ваш портрет. Можете ли вы представить мои изумление и радость, когда я узнал, что вы именно тот человек, с которым я должен поделиться знаниями. Помните, я говорил вам, что мы, маги, не выбираем своих преемников — за нас это делают судьба и боги, но тот выбор, который выпал на мою долю, озарил мне жизнь. Это случается так редко...

— Вы являетесь врагом Великой Волшебницы, защитницы нашего дома. Сколько лет она оберегала нашу землю от врагов! Попробуйте опровергнуть этот очевидный факт! Вы посягнули на великое равновесие, удерживающее мир от гибели, дерзко качнули чаши вселенских весов. Вы исполняете волю Сил Тьмы. Вы преданы им душой и телом. Вам нужна не я, а мой талисман. Так же, впрочем, вы собираетесь ограбить и моих сестер...

Он поцеловал ее.

Попав в его объятия, Харамис несколько мгновений не могла шевельнуться. Его губы были мягки и теплы, и сладкая волна побежала по телу. Закружилась голова — уголок книги, лежавшей на столе, вдруг начал двоиться и поплыл.

Поплыло все — единственное, за что можно было ухватиться, был он. Харамис вцепилась в него, обняла обеими руками. Талисман на ее груди вдруг запылал жгучим огнем, и принцесса почувствовала, как ее члены начали наполняться животворящей энергией, почувствовала прилив сил. Затем этот жгучий огонь проник в ее кровь — она ощутила себя готовым вспыхнуть факелом.

Голос колдуна раздался прямо в ее сознании.

Мы с тобой властелины, Харамис! Мы рождены, чтобы указывать звездам, как им вершить свой ход. Те, кто уверяет тебя, что я — слуга Зла, что само Зло воплотилось во мне, — лгут. Совсем нет. Просто я дерзаю идти до конца в поисках знаний и правды — только они способны наделить человека силой и радостью. Это и твой путь. Только слушай меня. Если желаешь, я могу объяснить, почему погибли твои бедные родители, почему я понудил Волтрика на завоевание Рувенды, почему его воины охотятся на тебя и твоих сестер. Позволь, я объясню тебе, что на самом деле представляет из себя Троединый Скипетр Власти! Только тогда ты сможешь верно рассудить, принять ту или иную точку зрения. Твой разум родствен моему. Да, я призвал тебя — и сотня лиг мне не помеха. Но ты явилась по своей воле! Ты отдавала себе отчет в том, что делаешь. Ты знаешь, что я люблю тебя. Теперь и ты наберись смелости и раздели со мной любовь. Сейчас, Харамис. Сейчас же!

Харамис вздрогнула, подняла голову и мягко высвободилась из его объятий. Тело ее волновалось и пылало, душа была в смятении.

— Что вы сделали со мной?

— Харамис, ты тоже любишь меня. Твое тело желает меня, пусть даже сердце противится...

— Нет! Нет! — И в то же мгновение она вновь прижалась к нему. — Мне холодно. Я так замерзла... — простонала она.

За окнами взвыла вьюга, рой снежинок ударил в стекло. Оно задрожало. Еще один бросок. Боже, они рвутся в комнату, чтобы овладеть мной, осыпать белизной,дохнуть стужей, которая погасит разгоревшийся внутри огонь. В окне мелькнул образ умирающей Белой Дамы, она увидела свое отражение в черном льде.

Увидела его.

— Давайте пройдем в ваш кабинет, — едва слышно сказала она. — Там намного теплее. Там мы и поговорим.

Этой ночью, оставшись одна в своей спальне, она, засыпая, вспомнила родителей и неожиданно отчаянно вскрикнула.

Анигель неторопливо, не сворачивая и не останавливаясь, поднималась вверх по тропке к истоку реки Ковуко. В узкой расщелине звенел небольшой ручеек, вокруг лежали холмы. Склоны их становились все круче. Взобравшись на один из холмов, Анигель, переведя дух, осмотрела широкое плоскогорье. Вид этот был непривычен для человека, родившегося и выросшего в пропитанной болотными испарениями низине, однако больше всего Анигель в этом нехоженном месте удивляла растительность, как бы созданная небом не на пользу, а во вред людям. Ожидания необычного теснились в груди, сердечко билось часто, взволнованно. А тут еще прошлой ночью опять приснился пугающий сон — тот, прежний, когда она пыталась догнать маму, королеву Каланту, и это никак не удавалось, а когда удалось, что-то разбудило ее. Спросонья она долго вертела головой, вслушивалась в звон речных струй — дрема не возвращалась. Пели птички... Там, внизу, еще пели птички, а здесь царил пустота: ни пичужки, ни землеройки какой-нибудь. В чистых холодных ручьях даже рыбы не было. Если прибавить, что тропинка, по которой шла Анигель, очень напоминала привидевшуюся во сне, можно сообразить, почему юная принцесса была готова ко всему. Поэтому, вероятно, и шла с необыкновенной для себя решительностью, сердечко наполнилось мужеством. Здесь, в реальной жизни — даже при условии, что это именно та тропка, — мамы не было. Мама лежала в могиле. Боже, только несколько дней миновало, а кажется — вечность! Корона теперь у Харамис — она является наследницей. Если, конечно, еще жива...

Радовало, что — хвала Владыкам воздуха! — в здешних местах пузатые, похожие на кубки, деревья попадались довольно редко. Правда, появились другие незнакомые породы. На всякий случай принцесса обходила их стороной.

Эти деревья, на первый взгляд, казались вполне безобидными — высокие, стройные, в шапке маслянисто по-

блескивающих листьев. Стволы от подножия до вершины испещрены овальными дуплами примерно в элс высотой. Этакое вертикально расположенные рты... Их края усыпаны острыми, длинными, словно полированными шипами, напоминающими клыки... Эти древесные пасти постоянно то открывались, то закрывались — впечатление было такое, будто дерево дышит. Нудная гнусавая мелодия звучала вокруг — плотоядные омерзительные создания подавали голос. Они показались Анигели куда страшнее тех пузанов, что росли на равнине. Зевающие рты словно подманивали добычу — особенно энергично они двигались, когда девушка проходила поблизости. Деревья ощущали ее присутствие, звали ее...

— Владыки воздуха, что за ужасы здесь творятся! — не выдержав, воскликнула Анигель.

Да, в этих краях нельзя выпускать амулет из рук, и она вцепилась в него так, что пальцы сводило. И все шла, шла, озираясь по сторонам, обходя эти чудища.

Страх охватил ее внезапно — она даже не сразу догадалась, в чем дело. На несколько мгновений зажмурилась, потрясла головой, а когда открыла глаза и огляделась, едва заметная тропинка, протоптанная непонятно кем, исчезла.

Анигель вернулась назад, сунулась влево, вправо — напрасно! Под ногами — вьюны с листьями странной формы, кустики осоки, камни... Когда же она ухитрилась потерять единственную ниточку? Что теперь делать? Прожорливые деревья вокруг нее загундосили веселей, протяжней, их дурацкие рты начали торопливо открываться и закрываться. Как же, полезет она к вам! Не дождетесь! Принцесса на мгновение ожесточилась — надо же, какие нахалы! Обрадовались, заелозили!

Ладно, как же быть? Девушка хотела сесть на землю, но, подозрительно осмотрев камни под ногами, не рискнула опуститься.

— Белая Дама! — во весь голос воскликнула она. — Помоги!

Амулет внутри ее кулачка резко потеплел. Она выпустила его, и янтарная капелька, покачиваясь на золотой

цепочке, неожиданно ярко засветилась. Куда сильнее, чем дневной свет. Жуткие древесные создания одновременно как бы вздохнули, зажужжали, потом протяжный стон вырвался из их отверстых ртов.

Лист. Брось его...

Вот тут Анигель безвольно села на землю, вжав голову в плечи, осторожно посмотрела по сторонам.

— Что? — дрожащим голосом спросила она. — Что вы сказали?

Опять тот же стон.

Листок Черного Триллиума... Освободи его... Брось на землю...

— Белая Дама, это вы? — едва владея губами, вымолвила Анигель, а сама тем временем, суетливо дергая за завязки, открыла кожаный мешок.

Облака над головой скрыли солнце. Лес и холмы поблекли. В речной долине стало сумрачно. Принцесса почувствовала, что резко похолодало, озноб пробрал ее до костей.

Но лист...

Он высох окончательно, побурел, только самый кончик черешка все еще оставался золотым — вернее, искрящимся, жарко пылающим даже при свете сумеречного дня.

Принцесса вытянулась, встала на цыпочки и подбросила его вверх и вперед. Ветра не было, однако листок воспарил, потом скользнул к ручью. Не сводя с него замороженных глаз, Анигель последовала за ним. Листок полетел быстрее, принцесса тоже прибавила шаг, потом перешла на бег. Выше, выше! По склону холма — он становился все круче и круче... Анигель боялась потерять из виду золотую искорку и мчалась за ней, не разбирая дороги.

Вот и ручеек иссяк — она добралась до истока. Вокруг лежали огромные мшистые валуны. Очень высоко, на умопомрачительной высоте бил ключ. Анигель запрокинула голову, приложила к глазам руку. Вода, обрушиваясь на землю, разбивалась в тончайшую серебристую

пыль, которая орошала стоявшее рядом с водопадом исполинское дерево. Такого гиганта девушка в жизни не встречала. Все другие старые деревья казались по сравнению с ним карликами. Как трава... Наверное, и тридцать человек не смогли бы обхватить его ствол. Видом своим оно было подобно тем хищным деревьям, что встречали принцессу у края плоскогорья, однако у этого лесного чуда было только одно отверстие на стволе, расположенное меж двух неохватных корней, выпирающих из земли. Для такого исполина оно было совсем невелико.

Анигель застыла перед ним, не в силах не то что с места сойти — пальчиком пошевелить. Наконец, посмотрев вверх, она увидела, что кроной своей дерево почти касается уступа, с которого падала вода. И вместо одной кроны у него их было три.

Анигель все-таки заставила себя сойти с места и приблизиться к дуплу, чьи створки, усыпанные зеленоватыми шипами, начали лихорадочно закрываться и открываться. Все быстрее и быстрее... Вокруг слышалось низкое тревожное гудение. Вот что странно — внутри захлопывающегося и распахивающегося рта что-то светилось. Золотистое сияние было сходно по тону с пылающим во всю мощь амулетом.

Трехглавое Чудовище держало в лапах ее талисман. Оно часто дышало, вид у него был перепуганный.

— Ты боишься меня? — удивившись, спросила Анигель. — Ты меня боишься?!

Что с ней творилось в ту минуту, она так никогда и не смогла понять. Страх исчез, она знала, что делать. Возле ямы, куда падала вода, кучей были навалены сухие ветви, небольшие стволы — по-видимому, остатки погибших деревьев. Она выбрала подходящую корягу и смело направилась к дуплу.

Сияние между тем разливалось все шире и шире. С той же яростью полыхал ее амулет — он уже сам тянул за собой, висел в воздухе, подрагивал. Анигель с корягой наперевес остановилась у отверстия, пригляделась, попыталась уловить, как часто происходит смыкание. Наконец, улучив момент, сунула корягу между створок.

Дерево заревело.

Анигель догадалась, что это был вопль напуганного до смерти существа, не способного иначе противостоять ее решительным действиям. Принцесса спокойно постучала по бревну, установила его покрепче. Дерево прилагало огромные усилия, чтобы сломать неожиданную помеху. Коряга затрещала, по ней побежали мелкие трещины, наконец, она хрустнула, переломилась, но было поздно. За те несколько мгновений, что пасть оставалась распахнутой, принцесса успела, поднырнув под корягу, скользнуть внутрь и схватить излучающий свет предмет.

Створки сомкнулись и замерли. Дерево примолкло. Наступила тишина, в которой только воды и звенели, падая с большой высоты.

В руках у Анигели оказалась корона — точнее, С-образная диадема, изготовленная из блестящего серебристого металла. Три овальных выступа побольше и шесть поменьше были симметрично расположены на наружной поверхности. Пространство между ними руки неизвестного мастера искусно украсили орнаментом из переплетенных лоз, цветов, раковин. На двух выступах были ясно видны сделанные в гротесковой манере изображения чьих-то лиц. Третий был свободен — она знала, как теперь поступить.

Спустившись к ручью, Анигель устроилась на камне, растянула цепочку и сняла янтарный медальон. Амулет сам по себе распался на две половинки — волшебный цветок обнажился, она поднесла его к короне, и Черный Триллиум намертво прирос к изначально предназначенному для него гнезду. Две янтарные крышечки на глазах потемнели и растаяли.

Анигель внимательно осмотрела корону, потом торжественно надела ее на голову. Взглянула на свое отражение в воде, чуть поправила убор и вернулась к дереву.

Створки дупла были по-прежнему крепко стиснуты. Вокруг стояла тишина.

— Теперь талисман мой, — громко объявила принцесса. — Ты надежно хранило его, но пробил час, и пришла

та, кому он принадлежит по праву. Не бойся меня. Я ухожу. Оставайся с миром.

Она отвернулась, чтобы скрыть слезы.

Все, случившееся за эти две недели, отходило в прошлое. Она исполнила свой долг — талисман теперь у нее в руках. Первый шаг в грядущее сделан — только был ли это самый важный шаг? Будущее по-прежнему покрыто мраком неизвестности. Что ей сейчас предпринять? Возвращаться к Великой Волшебнице Бине, ждать сестер? Как у них обстоят дела? Где Харамис, где Кадия?

В то же мгновение свет померк в ее глазах — исчезло все: священное дерево, водопад, ложбина... Что-то вспыхнуло во тьме, осветилось болото, вокруг него — огромные папоротниковые деревья. Кадия!

Ее сестра была распростерта на земле, лицо грязное, заплаканное, глаза мечут искры... Вокруг нее толпились вооруженные люди, лаборнокские рыцари. Амулета на ней не было, однако к груди она прижимала какой-то странный предмет, напоминавший чуть изогнутый, с зазубринами на внутренней стороне меч. От рукояти исходил густой янтарный свет. Позади нее стояло высокое существо с горящими оранжевыми глазами и окровавленными клыками. В руках оно держало обезглавленное тело какого-то оддлинга...

Анигель не успела вскрикнуть, как видение исчезло.

Теперь ее взору явилась высокая башня, следом всплыло изображение небольшой уютной комнаты, на окнах тяжелые бархатные шторы, на полу толстый ковер, письменный стол, заваленный старинными книгами. Представительный мужчина с седыми волосами до плеч, в свободной черной одежде, отделанной серебряным шитьем, сидел у камина. Рядом — красивая темноволосая молодая женщина.

Мужчина поцеловал ладонь ее правой руки. В другой она держала скипетр из серебристого металла, на вершине которого было расположено кольцо, три небольших крылышка украшали жезл. Это была Харамис.

Нem! Нem!!!

Анигель сорвала корону и швырнула ее на моховую подстилку.

Талисман лжет! Храбрая Кадия попала в руки лаборнокцев? Мерзкий скритек занес над ней когтистые лапы? Мудрая Харамис милуется с этим грязным колдуном Орогастусом? Быть этого не может!

Но что же получается? Если две женщины из королевского дома оказались не у дел, то на кого же выпадет вся тяжесть борьбы по сокрушению Лаборнока и освобождению Рувенды? На нее, что ли? Это смешно! Это шутка? Жестокая, глупая шутка...

Анигель, как подкошенная, свалилась на землю и зарыдала, почувствовав, что сердечко ее, такое маленькое, еще детское, разрывается на части. Прямо перед глазами лежала волшебная корона — Черный Триллиум безмятежно посверкивал в свете сумеречного дня. Так, значит, вот ты какой, мой талисман? Значит, вот что ты мне уготовил? Значит, ради этого было перенесено столько страданий, была потеряна Имму? Ради того, чтобы выслушивать всю эту ложь? Она даже представить себе ничего подобного не могла...

Анигель закрыла глаза, провалилась в дрему и там, в мире сновидений, вновь встретилась с мамой. Королева Каланта на этот раз не убегала от дочери — она обняла ее, погладила по голове. Шепнула: «У каждой из твоих сестер своя дорога. И ты, Ани, вступи на свою — так будь готова пройти ее до конца».

Скоро девушка успокоилась, открыла глаза. Полежала, посмотрела на затянутое облаками небо. Голова чуть кружилась, и Анигель не заметила, как вновь погрузилась в сон — долгий, глубокий. Никакие видения не донимали ее.

Проснулась она под вечер. Чей-то вскрик разбудил или ей показалось? Может, это подало голос дерево? В любом случае ей заметно полегчало. Принцесса ополоснула в ручье лицо, помыла руки, немного перекусила. Затем подняла со мха корону и долгое время изучала ее. Лица на овальных выступах, казалось, одобрительно улы-

бались и подмигивали ей. Она тоже подмигнула им, подумала:

«Это добрый знак. Теперь я знаю, по крайней мере, что могу заглянуть, куда захочу. Но были ли эти картины порождением воспаленного воображения, или волшебный талисман показывал правду, сказать трудно. Значит, надо найти ответ и на этот вопрос».

Она вновь надела корону и отправилась в обратный путь.

— Ваша светлость, дальше хода нет! — крикнул с переднего суденышка сержант, который с помощью шеста гнал лодку вперед.

Известие было неприятное. Перегруженные посудины собрались в укрытой скалами бухточке в среднем течении Ковуко.

Антар, рыцари и Синий Голос собрались на совещание, в то время как изнуренные солдаты умывались, кое-кто тупо жевал сухой паек, другие, выбравшись на берег, растянулись в тенечке под чудным, похожим на кубок, деревом. Листья у этого страшилища росли прямо из земли. С веток свешивались аппетитные зрелые плоды, однако лаборнокцы хорошо усвоили главную заповедь джунглей — не тащи в рот, что попало. Если тот или иной плод тебе не знаком, не спеши проверять его качества на своем желудке.

— Итак, придется идти пешком, — сказал Антар. — Поскольку зной становится невыносимым, разрешаю скинуть все доспехи, за исключением шлемов и кирас...

— Ваша светлость, — с противоположного берега подал голос сержант. — Кажется, я нашел следы нашей беглянки.

Рыцари перебрались туда и, раздвинув широкие мясистые папоротниковые листья, обнаружили маленькую лодочку, несомненно изготовленную вайвило. На дне лежал сложенный плащ, обычный для ниссомов.

— Такие накидки я видел в Треviste, — сказал сержант. — Вот, глядите, узор на капюшоне — точь-в-точь

как в тех местах. Такой же мне предлагали купить на ярмарке в Лузагире. Это точно принадлежит принцессе.

Синий Голос пробился сквозь толпу и потребовал:

— Дайте мне. Я сейчас проверю.

Он взял плащ в правую руку, вскинул голову, закатил глаза:

— О, Силы Тьмы, молю вас о помощи! Откройте мне, кому принадлежит эта одежда?

Он понюхал плащ, потом измененным, словно не ему принадлежащим голосом объявил:

— Это плащ Имму, слуги королевского дома Рувенды. Его также носила Анигель, принцесса Рувенды!

— Слава Зото! — воскликнул лорд Ринутар. — Наконец-то мы знаем, что эта сучка здесь проходила, а то я уже начинал думать, что мы гоняемся за привидением.

Синий Голос открыл глаза, аккуратно сложил плащ и положил на прежнее место:

— Принцесса касалась его не более двух часов назад. Значит, мы почти догнали ее. Поэтому нам нужно, не теряя времени, двигаться дальше.

— Так тому и быть! — заключил принц, — Сержант, собирайте людей. Вы тоже, благородные лорды, подтянитесь, приготовьтесь к пешему переходу.

Леденящий душу крик раздался с того берега. Проклиная все на свете, рыцари бросились назад. Антар первым перебрался через реку. Навстречу ему мчался солдат, который вопил что было мочи. Сержант, бросившись ему в ноги, свалил солдата на землю, но перепуганный до смерти человек, не переставая, выкрикивал бессвязные проклятия. Когда его привели в чувство, он ткнул дрожащей рукой в пузатое дерево и объявил:

— Оно съело старого Гоми! — Глаза у него были выпучены, нижняя губа тряслась от страха. — Полакомились им, как клюквенным вареньем.

Все заговорили одновременно, сержант подозвал двух солдат и спросил принца:

— Позвольте, ваша светлость, провести расследование?

Он вернулся через несколько минут и дрожащим голосом доложил:

— Все дело в этом странном дереве, принц... видите, у которого листья растут прямо из корней. Солдат Гомладик прилег возле него, и, согласно показаниям свидетеля, четыре толстых побега, напоминающие гигантских червей, выползли из свисающей кроны, спеленали задремавшего Гомладика и утащили наверх.

Принц и рыцари замерли в оцепенении, потом осторожно двинулись за сержантом к куче росших поодаль странных толстопузых деревьев, раскрашенных, словно детские игрушки. Одно из них, охраняемое двумя солдатами, было непохоже на другие — его крона сжалась в огромный зеленый шар. В щели потоками струилась кровь, бежала по стволу, кусочки человеческой плоти валялись сверху прямо в листья, росшие из корней.

Люди замерли и так и стояли, пока с берега не донесся сигнал тревоги и не послышался крик.

— К оружию! К оружию! Туземцы рядом!

Все тут же забыли о несчастном Гомладике. Антар с рыцарями бросились к берегу, собирая отряд. Солдаты вытащили лодки из воды и устроили из них что-то вроде баррикады. Рыцари торопливо надевали доспехи, обнажали мечи, солдаты, в свою очередь, застегивали кирасы и заряжали арбалеты. Мешки с припасами, одежда и другие причиндалы были разбросаны по берегу, кое-что даже плыло по воде.

Потом наступила полная тишина.

Принц Антар подозвал к себе помощника мага:

— Синий Голос, ты можешь разглядеть врага?

— Минутку... минутку... — Голос лег на днище лодки между сэром Ринутаром и каким-то солдатом и впал в транс. Он словно ушел в другой мир, глазницы его опустились, заполнились чернотой. — Я их вижу, принц. Они там, за рекой, прячутся среди деревьев-убийц. Их двадцать... сорок... Силы Тьмы!.. Их столько, что я не могу сосчитать. Вайвило среди них нет. Эти аборигены еще более здоровые и страшные на вид. Да это же каннибалы-глисмаки!

— Ясно,— ответил Антар, потом обратился к воинам: — Будьте мужественны. Перед нами дикари. Несмотря на их раскрашенные рыла, они боятся нас как огня. Победа в наших руках.

— Посмотрите, ваша светлость,— сказал лорд Ованон.— Вот они.

Шесть человекоподобных существ, хоронясь, пробирались сквозь папоротниковый подлесок, густо разросшийся на противоположном берегу. Расстояние до них не превышало десяти элсов. Они еще менее походили на людей, чем вайвило, и были еще выше. В руках держали копья с кремневыми наконечниками. Одежды, кроме набедренных, украшенных самоцветами повязок, на них не было. К повязкам были подвешены палицы и каменные топоры. У редких туземцев были еще наплечники или нагрудники. Лица их напоминали рыла, из каждой пасти торчало по два ужасающих клыка. Глубоко посаженные глаза горели кровавым огнем, верхние части морд были прикрыты подобиями кожаных забрал. Шлемы тоже были кожаные с завесами, спадающими на плечи и часть спины. Создавалось впечатление, что эти кожаные складки являются естественными наростами на их телах. Трехпалые руки и ноги были снабжены длинными острыми когтями. Живот и конечности покрывал толстый рыжеватый мех. По правде говоря, глисмаки представляли собой не очень грациозные создания...

Один из шестерки аборигенов выступил вперед и, размахивая копьем, обратился к пришельцам со страстной, явно угрожающей речью. Этот дикарь был одет наиболее пышно — его предплечья, икры и бедра перехватывали золотые, усыпанные драгоценными камнями браслеты, грудь прикрывал короткий, также блестящий на солнце панцирь. На животе — защитные доспехи в виде тарелки, вырезанной из сыромятной кожи и тоже усыпанной камнями.

Говорил он долго, иногда обращаясь к своим собратьям — те в ответ начинали жутко завывать. Когда речь закончилась, туземец метнул копье через водный поток, оно угодило точно в тот челнок, за которым прятался принц

Антар, и глубоко вонзилось в борт. Остальные туземцы запрыгали, начали потрясать оружием.

— Арбалетчики, приготовиться, — скомандовал Антар. — Огонь!

Натянутые тетивы глухо щелкнули, ливень коротких оперенных болтов поразил аборигенов. Пятеро из них с ужасными воплями попадали на землю, а шестой еще раз взмахнул копьем и издал что-то подобное рыку дикого зверя. Ответили ему сотни глоток. Глисмаки выскочили из папоротниковых зарослей и бросились в воду. Арбалетчики успели сделать еще один залп, и, когда самострелы оказались разряженными, дикие вопли раздались за спинами осажденных. Огромная толпа навалилась на лаборнокцев с тыла. В несколько мгновений оборона была смята, и бой разгорелся в самом лагере. Это была безнадёжная, яростная схватка. Солдаты побросали арбалеты и, обнажив короткие мечи и кинжалы, схватились с врагом врукопашную. Отчаяние придавало им силы. Рыцари рубили дикарей двуручными мечами — стальные лезвия пластали их тела, и все равно огромный численный перевес скоро сказался.

Сержант, поразивший двух глисмаков, не заметил подкравшегося сзади третьего. Тот, уловив момент, прыгнул на спину лаборнокцу и вонзил в его шею ужасные клыки. Несколько солдат, которые не успели надеть шлемы, были поражены булавами в первые же мгновения. На них сразу набросились людоеды, срывая мясо с костей, отрывая руки, ноги. В центре непрекращающейся битвы сразу начался кровавый пир. Звучные радостные вопли глисмаков смешивались с криками умирающих солдат.

Наконец, принц Антар и рыцари потеряли последние силы. Они уже были готовы принять мученическую смерть — кто взывал к Зото, кто поминал родителей, однако их, обезоруженных, глисмаки не тронули. С них даже не пытались сорвать доспехи. С помощью сыromятных ремней им связали руки и ноги, потащили по пропитанной кровью земле и кучей свалили на берегу.

Скоро вокруг них выстроилось несколько хороводов ликующих, потрясающих копьями дикарей. Несчастные

люди, кое-как пристроившись на земле, обратились к Богу с последними словами. Всякая надежда оставила их. Тут еще и глисмаки затихли — они молча скакали вокруг пленных с оскаленными, источающими вожделение лицами. Другая партия аборигенов собирала на берегу древесину — в ход пошли и лодки пришельцев. Через несколько минут топливо для костра было готово.

Праздник свершался по древнему ритуалу — с плясками, жертвоприношениями, праздничным угощением.

— Боже, будь милостив,— простонал принц Антар, которого водрузили на самую вершину горы, сложенной из тел пленных.— И прокляни этого мага Орогастуса, пославшего нас на верную смерть в эти страшные дебри.

Внезапно глисмаки притихли, перестали прыгать, сбились в кучу. Те, кто еще продолжал обглаживать человеческие кости, застыли с открытыми пастьями. Так они и стояли, оцепенев, тупо уставившись куда-то вверх по течению. Антар невольно задвигался, попытался сесть, мучая свое истерзанное тело. С большим трудом он, наконец, смог увидеть то, что так поразило людоедов.

Это была женщина.

Она стояла на краю невысокого обрыва, с которого к реке сбегала узкая тропа. Несколько вооруженных дикарей, окруживших ее, пялили на нее глаза. Одета она была в охотничий костюм из бледно-голубой кожи, за плечами — вещевой мешок, в левой руке — широкополая, сплетенная из травы шляпа, в какой обычно разгуливают ниссомы, в правой — посох. Волосы ее — золотистые, густые и прекрасные — волнами падали на узенькие плечи. На голове светилась странной формы корона из серебристого металла, с тремя зубцами. В центре сиял Черный Триллиум. Лицо ее было искажено ужасом и яростью, по щекам текли слезы.

Принц Антар почувствовал, как гулко забилося сердце. Он узнал эту девушку — совсем недавно ее головка покоилась у него на плече, он смотрел в это лицо и запомнил его черты на всю жизнь. Как случилось, что его любимая сама явилась на этот ужасный пир, где могла

стать пищей для этих варваров? Что за жестокая шутка судьбы! Или это опять черное колдовство, коварный замысел? Их поджарят и съедят, а ею закусят?

Однако, к его удивлению, столбняк, охвативший глосмаков, не проходил. Анигель спустилась по тропинке, направилась к груде пленных — дикари безмолвно освобождали ей дорогу, правда, кое-кто издавал глухое ворчание, начинал перешептываться. Принцесса не отводила глаз от разбросанных человеческих останков, клочков одежды, доспехов и оружия. Посмотрела она и на связанных рыцарей, которые тоже молча, в изумлении, взирали на это чудо.

— Что вы делаете? — неожиданно громко выкрикнула Анигель, обращаясь к глосмакам.

Слезы еще текли по лицу, но голос прозвучал твердо.

Глосмаки в ответ угрожающе зарычали, послышалось недовольное шипение. Один из них наконец приблизился к принцессе. Он был выше остальных. Точно, это тот самый дикарь, решил Антар, который обратился к ним с речью. Теперь в руках он держал золотой щит и кремневый нож. Шкуру его украшали зеленые, алые и желтые полосы.

По-видимому, это был вождь. Он бестрепетно указал на корону на голове принцессы — его рука и когти были в крови — и что-то вызывающее выкрикнул на своем языке.

— Я имею право носить ее! — с непоколебимым мужеством ответила Анигель. Она вытерла слезы полями шляпы, потом, решив, что этого мало, провела по щекам тыльной стороной ладони. — Я еще раз говорю вам, что вы совершаете страшную ошибку. Эти люди — мои враги, не ваши. Они не принесут вам вреда. Неужели вы посмеете убить их и тем более съесть?! Разве вы звери? Нет, вы не звери! Вы люди и обязаны служить Триединому и Владыкам воздуха. То, что вы творите сейчас, радует только Силы Тьмы.

В ответ вождь издал какие-то булькающие звуки, которые при желании можно было принять за язвительный

смех. Потом он поднял руки, разинул пасть, обнажив ужасные клыки, и двинулся в сторону беззащитной девушки.

Анигель указала на него посохом и спокойно сказала:
— Владыки воздуха, защитите меня.

Из низких сгустившихся туч ударила ослепительная молния, следом громыкнуло так, что у пленных рыцарей заложило уши. Когда же они пришли в себя, то увидели, что принцесса стоит с расширившимися от изумления глазами, а на том месте, где стоял вождь, лежит обугленное тело, смрадно и отвратительно дымящееся.

Туземцы все до единого попадали на землю, прикрыли головы руками.

— Уходите! — крикнула Анигель тонким пронзительным голосом. — Уходите и никогда не возвращайтесь!

Кое-кто из дикарей поднял голову, глянул на принцессу — на их лицах было написано сомнение. Они колебались, однако стоило Анигели оторвать от земли конец своего посоха, как среди дикарей поднялась страшная паника. Они вскакивали, натыкались друг на друга, падали, вскакивали снова и бежали, бежали... Бежали так, что на берегу поднялся легкий ветерок. Уже на некотором расстоянии от лагеря дикари завывали так отчаянно, с такой ужасающей тоской, что, казалось, то были не людские голоса, а плач природы. Правда, кое-кто из глисмаков попытался организовать оборону или, по крайней мере, сохранить достоинство — пятась и выставив перед собой копья, они перебрались на другой берег речушки. Там один из них попытался пригрозить копьем. Анигель опять подняла посох — дикари сразу рухнули на колени и в таком положении отползли в заросли папоротников. Потом оттуда донесся треск ломаемых веток, топот убегающих босых ног.

Когда все стихло, принц Антар отважился подать голос:

— Принцесса Анигель, мы-то еще живы. Может, освободите нас?

Анигель наконец очнулась, сглотнула и бросилась к пленным. На ходу достав свой маленький кинжал, она

начала развязывать ремни. Рыцари, почувствовав свободу, помогая друг другу, шатаясь, направились к воде. Кто пил, кто обмывал истерзанное тело. Некоторые сразу начали перевязывать раненых, кое-кто принялся искать доспехи и натягивать их на себя. Чувство дисциплины, всегдашней готовности к бою было воспитано в них с детства.

«Не то что рувендиане,— с горечью отметила про себя Анигель.— Наши пока раскачаются, пока все ремешки затянут, усы припудрят, битва закончится. А у этих раз-два — и готово. Теперь за меня, дуру, примутся. Вот уже и этот Антар идет сюда...»

Сердце у нее затрепетало, но теперь она нашла в себе силы скрыть страх. Даже слезинки не уронила.

Между тем принц Антар подошел к ней и опустился на одно колено. Снял шлем с развевающимся, чудом сохранившимся плюмажем и промолвил:

— Принцесса, у меня нет меча, чтобы вручить его вам. Я, принц Антар из королевского дома Лаборнока, вручаю вам свой тело и душу. Я больше не враг вам. Я ваш пленник. Те же, кто послал меня с приказом разыскать вас и предать смерти, являются слугами дьявола. Если вы решите поразить меня ударом молнии, как вы только что наказали этого негодяя,— я без малейшего упрека приму эту кару. Я ее заслужил. От моей руки погибли защищавшие вас рыцари, но это был честный бой. Если вы изволите простить меня, я клянусь служить вам честно, как ваш раб, до последнего вздоха.

— И я клянусь! — заявил лорд Ованон. Он вышел вперед и тоже преклонил колено.

— И я даю клятву! — Лорд Пенапат последовал его примеру. Он был ранен опаснее других, и его поддерживали два рыцаря, которые, также встав на одно колено, произнесли слова клятвы.

Из всех рыцарей только сэр Ринутар и два его подручных — Онбогар и Турат — не сказали ни слова и хмуро смотрели на происходившую церемонию. Тут из-под наваленных лодок выбрался не кто иной, как Синий Голос, и с чарующей любезной улыбкой направился к принцессе.

— Великая и всемогущая госпожа, — сладким голосом, почти выпевая слова, начал он, не забывая при этом низко кланяться. — Я служу другому всемогущему мастеру, который навечно связал меня страшной клятвой верности. Тем не менее я даю обет служить вам и следовать за вами, куда прикажете. Если вы позволите мне это, все мои слабые силы будут в вашем распоряжении.

Во время столь долгой речи Синий Голос то и дело поглядывал на лорда Ринутара. На мгновение их взгляды встретились.

— Уверен, — продолжил колдун, — что и эти три рыцаря, которые колеблются, будучи связанными клятвой верности Лаборноку, тоже присоединятся ко мне. Мы все, в конце концов, люди, заброшенные в чужую необычную страну, и должны держаться друг друга, чтобы защититься от врагов.

— Я и мои люди даем слово соблюдать перемирие, — заявил сэр Ринутар.

Анигель долго, внимательно изучала лицо Синего Голоса, потом так же неспешно посмотрела на Ринутара и его спутников. Наконец она сказала:

— Хорошо. Встаньте, принц, и вы, провозгласившие меня своей госпожой. Через несколько часов станет совсем темно. Теперь нам не нужно опасаться глисмаков, но мы не можем устроиться на ночлег в этом ужасном месте. Я посоветуюсь с принцем, и мы примем решение. Вам же надлежит собрать оружие и сохранившиеся припасы, но главное — лодки! Они должны быть как можно скорее приготовлены, а если надо — починены. И вот еще что — необходимо по вашему воинскому обычаю предать огню останки солдат. Тем более что и костер готов...

Одобрительным шепотом откликнулись на ее слова лаборнокцы. Анигель пригласила принца Антара последовать за ней. Они зашагали по тропке вниз по течению, и, когда лагерь скрылся из виду, Анигель завела принца за огромный валун и сказала:

— Этот высокий, в синем... Он сказал неправду.

— Знаю, — кивнул принц. — Этот тип как раз и является Голосом ужасного колдуна Орогастуса. С него нель-

зя спускать глаз, если мы желаем остаться в живых... Вы же собираетесь вернуться в Рувенду, не так ли... госпожа?

— В свое время,— ответила она.— Но прежде я должна выполнить одно очень важное дело. Я точно знаю, что орда глисмаков со дня на день обрушится на вайвило. Их цель — разорить Лет, спалить его дотла. Они как раз и направлялись туда — вы просто попались у них на пути. Нам следует как можно скорее достичь Лета и предупредить вайвило. Мы должны сделать все, что в наших силах. Если Лет будет разгромлен, на лесозаготовках придется ставить крест. Тогда и Рувенде, и Лаборноку худо придется.

— Так в чем же дело! — воскликнул Антар.— Мои рыцари прикроют вас, а вы пустите в ход свою молнию. Глисмаки побегут так, что не догонишь.

Анигель с выражением ужаса отпрянула от него:

— Ни в коем случае!

— Но тогда как мы сможем помочь вайвило, госпожа? У нас всего шестнадцать бойцов — ну, двадцать, если считать этих двуличных и лакея колдуна. Думаю, в этом деле мы можем на них рассчитывать. Но у нас много раненых, а глисмаков — не сосчитать. Вы полагаете, мы сможем сдержать толпу этих негодяев без помощи вашего магического оружия?

— Я не знала, что талисман способен убивать,— прошептала она. В ее глазах блеснули слезы.— Я не знала...

Антар протянул руку, взял ее дрожащие холодные пальчики, поднес к губам. Анигель смутилась — то ли своих слез, то ли этого откровенного признания. Некоторое время они стояли молча, потом принц сказал:

— Не беспокойтесь. В любом случае дорога у нас длинная, время есть — вот вы и успеете испытать свой талисман. Может, он способен как-то иначе защитить нас и Лет.

Анигель вздохнула, взгляд ее посуровел. Она твердо заключила:

— Итак, ночь отдыхаем, утром затемно отправляемся в путь. Что бы там ни было, мы должны добраться до Лета раньше глисмаков.

— Плыть ночью? — принц смешался. — Госпожа, у нас нет такого опыта. А Великий Мутар — не место для экскурсий. Что, если на нас опять обрушится буря?

Анигель улыбнулась:

— У нас будут прекрасные проводники. С ними хоть куда!

Она спустилась к воде и, все еще улыбаясь, мысленно позвала:

Друзья!

Глава 35

Хэмил подошел к Кадии, два солдата с факелами сопровождали его. Опять грубо схватил за волосы — так, что принцесса головой шевельнуть не могла, — затем силой принудил встать на колени. Он расхохотался, и до Кадии донеслись смешки солдат, явившихся вместе с генералом.

— Теперь, когда ты стоишь на коленях, самое время выяснить, что ты замыслила, грязная тварь? Какую игру ведешь?

Он поднял ей голову, потом перевел взгляд на воткнутый в землю меч и на обутлившийся предмет, лежащий возле него. Чем-то он напоминал тело человека, чьи руки в страстном порыве были вытянуты в направлении меча, обладать которым мечтал погибший.

Хэмил долго молчал, даже волосы отпустил, потом опять расхохотался, теперь, правда, куда более нарочито, с явной натугой. Солдаты вообще погрузнели, а те лаборнонцы, которые собрались вокруг, отводили взгляды от кучки углей.

— Я-то никакую игру не веду, — вымолвила Кадия. — Это вы все время что-то замышляете, интригуете... Как, например, вот этот, который все добивался правды, а когда она открылась ему, очень удивился. Были и другие...

Она не договорила, потому что генерал вновь схватил ее за волосы, тряхнул и заорал:

— Что здесь случилось, мерзавка? Отвечай, — он чуть разжал руку.

Кадия прилежно доложила:

— Он попытался взять меч, тому это не понравилось, и он погубил его...

— Что ты несешь? Что «это», кому «тому»? Кто погубил и кого?

— Ну, я же говорю — мечу не понравилось, что его хотят взять чужие руки. Я предупреждала, а он...

Тут она замолчала, удивленная, по-видимому, тем, что Хэмил вообще отпустил ее волосы. Теперь генерал задумчиво теревил нижнюю губу. Хэмил был достаточно хитер и сообразителен, чтобы разыгрывать из себя грубого солдафона. На самом деле он был достаточно умный, изворотливый человек.

Неожиданно кружок собравшихся лаборнокцев наступил, освобождая дорогу офицеру — огромного роста мужчине. Его рваный плащ был точной копией — вплоть до орнамента над нижней кромкой — плаща Хэмила. Был он без шлема, лоб обвязан грязным бинтом, на щеках и подбородке щетина.

— Что теперь, Хэмил? — резко, как товарищ по оружию, спросил он военачальника.

Тот не успел ответить, как из толпы раздался истеричный, визгливый голос:

— Привязать эту суку к мечу и обоих в болото!

Собравшиеся вокруг лаборноксы одобрительно загудели. Тут последовал новый совет — напустить на нее болотных тварей, пусть полакомятся!

Это предложение вызвало еще большую радость. Офицер сердито зыркнул на солдат, и толпа сразу отступила в темноту, лица расплылись, так что невозможно было различить, кто подал голос. Со смертью внушающего страх колдуна все почувствовали себя свободнее, с души спало оцепенение, которое испытывает каждый человек, зная, что за ним постоянно наблюдает чуждая, без промедления карающая сила.

Хэмил, в свою очередь, тоже оглядел собравшихся. Наступила зловещая тишина. Солдатам был слишком хорошо известен нрав генерала — ему лучше не попадаться под горячую руку.

— Спрашиваешь, что теперь, Осоркон? Что ж, могу ответить — приказ мы выполнили. Мы всегда выполняем приказы. Мы отыскили эту... — он опять схватил принцессу за волосы. — Итак, мы нашли ее, даже с довеском, — генерал указал на меч. — Считаю, что король Волтрик должен достойно наградить тех, кто, не щадя жизни, добыл ему одну из этих ведьм. Я имею в виду не просто жратву и питье, а нечто более существенное, более значительное, чем пара дней отдыха...

— Наградить? — переспросил Осоркон. — Один из нас, кто знал очень много об этих местах, уже получил достойное вознаграждение. Что толку твердить о дарах и наградах, пока мы не выбрались из этого ада?

— Точно, — кивнул Хэмил и облизнул мясистые оттопыренные губы. — Я думаю, — он за волосы поднял Кадю с колен, — скоро ты станешь более сговорчивой. Мы прекрасно умеем обходиться с любым, даже очень храбрым и стойким человеком. Такие тоже, в конце концов, начинают лизать нам сапоги и почитают за счастье исполнить нашу волю, пусть это и грозит им смертью. А уж с такой гордычкой мы живо управимся, быстро рога обломаем. Ты нам все поведаешь — и как выйти отсюда, и что за колдовская сила повелевает этим мечом.

Он шелкнул пальцами — толпа раздалась, и вперед вышел длиннорукий сутулый скритек. Это был здоровенный детина зверского вида с длинными кривыми руками. Когти и клыки, выпирающие из нижней челюсти, могли кому угодно внушить ужас.

— Пелан! — гаркнул генерал.

Толпа опять раздалась, и в круг вытолкнули отличавшегося необыкновенной худобой человека. Кадия, которой приходилось встречать лощмана в лучшую пору его жизни, когда он сытно ел, сладко пил, пользовался уважением и при дворе, и в круту друзей, сначала не узнала его.

К генералу приблизился окончательно сломленный, потерявший всякое уважение к себе человек. Лицо его со впалыми щеками, с потухшим взглядом вполне могло принадлежать старухе-смерти. Хотя ему никто не призывал, он сразу встал на колени.

Хэмил не обратил на него никакого внимания, подошел к мечу, опасливо оглядел его. Потом одобрительно хмыкнул, словно его ожидания оправдались.

— Это еще тут, — сказал он, обращаясь к Пелану, и указал на конец шнура, сплетенного из змеиных шкур. Несмотря на все превращения, случившиеся с мечом, веревка по-прежнему была привязана к рукояти.

— Скажи этой болотной крысе, — он кивнул в сторону скритека, — чтобы он взял меч и засунул ей за спину. Чтобы ни до рукояти, ни до лезвия не дотрагивался. Только с помощью этого шнура...

Лощман с усилием глотнул, потом прочистил горло и вдруг заговорил глухим, утробным голосом, подобно чревовешателю. Что он сказал, никто не понял, однако скритек встрепенулся, поднял голову, посмотрел на него, на меч, на Хэмилу. Огромная квадратная челюсть пришла в движение — топитель издал скрежещущее ворчание. Это и был их язык.

Пелан, выслушав ответ, побелел. Кадия заметила, как у него затряслись руки — лощман сцепил их перед собой.

— Ну? — угрожающе спросил Хэмил.

— Ваше превосходительство, он заявил, что не может коснуться меча. Он сказал, что это принадлежит Исчезнувшим и на него наложено заклятие. Он боится навлечь на себя гнев неведомой силы.

— Ладно! — буркнул Хэмил и добавил пару ругательств.

Он сам взялся за конец шнура, выдернул меч из земли. Затем покрутил им в воздухе, словно демонстрируя собравшимся свое пренебрежение ко всяким заклятиям.

— Ишь ты, Исчезнувшие! — сказал он. — Слышали мы о проделках этих негодяев. Понатворили дел, нечего сказать. Смотрите все! Никто из лаборнокцев не боится этих бабьих сказок.

Осоркон кашлянул.

— А что с этим? — он указал на обуглившиеся останки Голоса. — Похоже, некоторые сказки обросли плотью. И, прямо скажем, весьма впечатляющей.

Хэмил глазом не моргнул, но Кадия готова была поклясться, что генерал в тот момент едва сумел скрыть злобу, родившуюся в душе, — не дай Бог, этот Осоркон накажет беду. Солдаты радостными криками приветствовали своего храброго генерала, и, надо отдать ему должное, Хэмил сумел вселить в сердца подчиненных некоторую уверенность.

— Этот, — Хэмил кивнул в сторону кучки угля, — относился к числу тех, кто добровольно играл с подобными штучками. Может, те, что хранятся у его хозяина, и не представляют опасности. Эти же — совсем другое дело. Человек, хватающийся за чужое оружие безо всякой надобности, поистине безрассуден. Думаю, этот Голос был слишком высокого мнения о своем искусстве, что, ребята, всегда чревато неожиданностями.

Генерал зашел с мечом за спину Кадии. Его тяжелая рука легла ей на плечо, и девушка чуть не рухнула на землю, но все-таки собрала все силы и устояла. Меч пополз по спине и опять чуть порезал кожу. Наконец, лезвие замерло...

Хэмил уже успел отойти в сторону. Он склонился к одному из солдат и, указывая на скритека, который не выполнил его приказ, сказал:

— Мы больше не нуждаемся в его услугах.

Скритек, очевидно, о чем-то догадался. Он зарычал и, сторбившись, принял боевую стойку. Как в его руке оказался боевой топор с двойным лезвием, Кадия не смогла уловить. Он потряс им, потом взревел, и тотчас со стороны реки ему ответили его соотечественники. Солдат, которому Хэмил приказал прикончить бывшего союзника, выхватил меч и выскочил вперед.

Оказалось, что лаборнокцы и скритеки не в первый раз сходились врукопашную.

Топитель с такой силой метнул во врага боевой топор, что в воздухе послышалось легкое жужжание, а поблескивающие в свете чадающих факелов лезвия слились в один

сверкающий круг. Солдат оказался готов к подобному приему и ловко, нырком, ушел от брошенного топора, успев при этом перебросить меч в другую руку и отпрыгнуть в сторону так, что скритек оказался в пределах его досягаемости. Кадия не успела ничего разглядеть — движения лаборнокца были точны и неуловимы. Он сделал выпад, и топитель, задрав голову, завопил так, что ушам стало больно; затем его левая нижняя конечность отделилась от тела, из раны хлынула кровь. Скритек начал отчаянно размахивать лапами с ужасающих размеров когтями. Как солдат подвернулся под удар, принцесса не заметила, но только скритек намертво вцепился ему в плечо, защищенное кольчугой. Солдату не нужно было звать на помощь — стоило скритеку навалиться на него и сбить с ног, как два его товарища тут же бросились на выручку; правда, вскоре в схватку вмешались прибежавшие с берега остальные топители.

Бой разгорался вокруг останков Красного Голоса. Один из лаборнокцев успел сунуть факел прямо в открытую пасть скритека, когда тот изготовился вонзить клыки в шею генерала Хэмила. Все завертелось перед глазами Кадии, все смешалось... Лязг стали, вопли, визги, тупые удары и посвист рассекаемого лезвиями воздуха — схватка была яростной и быстротечной. Скритеки, не выдержав напора, отступили и скрылись в ночной тьме, оставив на земле трех или четырех мертвых соплеменников и еще двух раненых, которых тут же добили солдаты. Лаборнокцы тоже понесли потери — четверо солдат были исполосованы когтями и клыками. Надежды на их спасение не было.

С началом боя Осоркон торопливо подхватил Кадия и вместе с двумя другими воинами потащил ее к полуобвалившемуся шатру Хэмила. Кто-то, по-видимому, обрубил один из тросов, поддерживавших его. Осоркон так и стоял в стороне, не испытывая никакого желания присоединиться к сражавшимся.

Когда все было кончено и Хэмил подошел к шатру, Осоркон, как заметила Кадия, долгим, презрительным и хмурым взглядом окинул своего командира, однако ни сло-

ва не вымолвил, пока тот не вытер меч об охапку листьев и не приблизился к месту, где стояла Кадия. Отсюда она отчетливо слышала весь разговор. Мелькнула мысль — а не нарочно ли Осоркон выбрал такой момент?

— Теперь союзники крепко задумаются, стоит ли иметь с нами дело, — сухо начал он. — У нас осталась только эта двуличная крыса, — он кивнул в сторону Пелана, который присел на корточки в тени шатра, где, как ему казалось, его никто не тронет. — До тех мест, где он может служить проводником, нам добираться дня три-четыре. Сюда нас привели эти твари, теперь что делать? Это же не наша родина, где можно идти в любую сторону. Здесь стоит только сбиться с тропы — и все. Какую! — Потом он указал на загон, в котором по указанию генерала томились связанные по рукам и ногам женщины-уйзгу. — А что творится у нас в тылу? Мы уже два дня не имеем никаких сведений о нашей разведке. Они словно в воду канули. А что, если мы растревожили весь этот змеиный клубок? Каким образом мы выберемся отсюда и доставим королю эту девку с ее талисманом, если против нас поднимутся все окрестные племена?

Хэмил подошел поближе, потом с размаху ударил Кадию в голову — с такой силой, что девушка на мгновение потеряла дар речи.

— Вот эта шлюха покажет нам верный путь!

— А какое до нее дело оддлингам? Насколько я помню, все туземцы в этом деле соблюдали строгий нейтралитет. Они беспокоятся только о своих женщинах, а сколько их осталось, мы не знаем. Ладно бы схватили их и держали как заложниц, так нет — сколько поубивали просто так, ради потехи, сколько погубили скритеки. А что, если их кровь ляжет на нас неподъемным грузом? Если за каждым кустом будет ждать засада?

— Эти грязные недоноски оддлинги — что они могут нам противопоставить? Мы их уже хорошенько прижали в Треviste и свернем башку любому, кто встанет у нас на пути. Они не умеют и не желают сражаться. Скажи ты, червь! — Он ткнул носком сапога стоявшего на коленях

Пелана.— Ты же сам рассказывал нам, что эти болотные крысы ничего не смыслят в военном деле!

Пелан поднял голову, защищаясь согнутой в локте рукой в ожидании нового удара.

— Так было прежде, господин генерал. Вообще-то со скритеками им приходилось воевать — правда, только когда топители нападали на них.

— Ну и?..— спросил Хэмил.

— Они и скритеков разделявали в пух и прах. Те вообще несколько лет боялись показываться им на глаза. Но между собой они не ссорились, никогда не нападали на наши караваны и торговцев, кто, по договору, вступал в болота. У них был договор с Крейном — так повелось издавна. Но верно также и то, что они никогда не участвовали в битвах между людьми. Я слышал, они когда-то дали клятву — кому, не знаю — и до сих пор ни разу ее не нарушили.

Хэмил засопел. Потом еще раз замахнулся, намереваясь ударить Кадию. На этот раз девушке удалось увернуться, однако она едва не потеряла равновесие.

— Как я уже сказал, эта девка выведет нас отсюда, болотные крысы будут помогать ей или никогда больше не увидят этот меч. Пока у нас есть она и ее дурацкий талисман и эти мартышки, — генерал указал на пленных женщин, — туземцы не посмеют встать у нас на пути. К тому же, — он помолчал и глянул на противоположный берег, — не забывай, что мы не одни. Орогастус достаточно могуч и искусен, чтобы каким-то образом оказать нам поддержку. Мы нуждаемся всего в нескольких днях. — Он расстегнул металлические застёжки, скрепляющие кольчугу на груди, сунул за пазуху руку и вытащил что-то, напоминающее тусклый, с сероватым отливом диск.

Осоркон задышал часто, взволнованно. Хэмил оскалится:

— Помнишь эту штуку, не так ли? Мы ее дважды использовали против скритеков, когда эти дряни посмели взбунтоваться. Тогда Голос был еще жив... — Хэмил задумался. — Вот так, — наконец сказал он, — никогда не зна-

ешь, что ждет впереди. Вчера еще строил из себя всезнайку, а сегодня отправился кормить болотных червей.

Генерал снял цепочку, на которой был подвешен диск, и подбросил его в воздух. Станный предмет, к удивлению Кадии, не упал на землю — наоборот, легко вспарил в черную тьму, чуть-чуть раздвинутую неровным светом факелов. Там и повис... Слабые отблески света мелькали на его металлической поверхности.

Генерал щелкнул пальцами, и магический диск тотчас спланировал вниз, но не лег в подставленную ладонь Хэмила, а замер в нескольких дюймах у него над головой.

— Должно быть, проголодался, — сказал генерал. — Помнишь, как колдун не хотел расставаться с этой штукой. Возможно, если ее оросить кровью, она обретет еще большую силу...

С этими словами он взял предмет и подошел к Кадии. Опять грубо схватил ее за волосы — так, что она шевельнуться не могла, — потом острым краем диска разрезал ей щеку. Отвратительный запах ударил Кадии в нос — она задержала дыхание, тут же щеку опалил сильный жар. Ожог был так силен, что она едва не закричала от боли.

Хэмил двинулся к одному из солдат, стоявших у него за спиной, что-то сказал ему, и тот набросил на шею принцессе аркан, затянул петлю. Генерал тем временем опять подбросил диск в воздух. На этот раз диск взлетел невысоко и завис над Кадией. Могучая чужая воля сломила ее сопротивление, подчинила себе, и принцесса, вопреки своему желанию, в мгновение ока вообразила весь тот маршрут, который привел ее в лагерь лаборнокцев, и зашагала к реке. Хэмил перехватил у солдата веревку и придержал ее — Кадия едва не свалилась на землю.

— Ну вот, — сказал генерал, — у нас и проводник объявился. Сворачивай лагерь! — громовым голосом приказал он.

Еще несколько часов назад Кадия не могла отделаться от мысли, что стоит ей сделать один шаг, и она без сил рухнет на землю, а теперь неумоимо шла и шла через ночь. Сама себе поражалась — усталости как не бывало,

уже небо на востоке посерело, а она все так же скоро вела отряд лаборнокцев по джунглям.

Солдаты быстро собрали палатки, упаковали мешки и на двух плотах переправились через реку. Генерал Хэмил не выпускал веревку из рук — так и вел принцессу на коротком поводке. Пусть даже ее воля оказалась подчиненной амулету Орогастуса, но кто знает... Когда девушка спотыкалась, он за волосы поднимал ее, сам перетаскивал через заболоченные места. Время от времени солдаты требовали сделать привал. Выставив охрану, лаборнокцы валились на землю — сам же Хэмил выслушивал донесения разведывательных дозоров, следующих впереди и по флангам главной колонны. Таким образом, Кадия первой узнала, что у отряда появились сопровождающие. Интересно, кто же прячется в зарослях?

Неужели оддлинги, наконец, поднялись на борьбу? Неужели решили все-таки отомстить за смерть своих женщин? Ох, не стоит особенно надеяться на подобный исход...

Она с трудом подняла голову, посмотрела на изнемогающего от усталости грязного солдата, который докладывал командующему:

— Генерал, клянусь щитом Барнера, я только что видел самого Гэма. Этакая оскаленная пасть показалась из-за сухого дерева. Нет, это не скритек — я уверен...

Генерал недоверчиво хмыкнул, однако солдат упрямо повторил:

— Уверен, и все тут! И не эти болотные поганцы, чьих баб мы тащим от самого лагеря. Я же говорю — это был сам Гэм, недоросток этакий. Я бросился к тому месту — пусто, только на болоте круги, и вот еще что там валялось.

Он подал генералу длинный дротик. У Кадии перехватило дыхание, и, пока генерал рассматривал оружие, принцесса сумела разглядеть на древке два круглых пятна. Это же охотничий знак Джегана!

— Гэм! — Хэмил недоверчиво поджал губы, потом почесал длинным грязным пальцем бороду. — Я видел, как он одним ударом разделался с двумя пиратами Вестлин-

гера. М-да, этот может дорого продать свою жизнь. Они все, как черти, злющие... А может, это был скритек?

— Только не он. Уже на этих тварей я досыта насмотрелся!

— Значит, не скритек...— Осоркон взял у генерала дротик.— Да, не похоже,— осмотрев оружие, заявил он.— Здесь тонкая работа, топители на такую не способны. А что по этому поводу думает наша уважаемая принцесса? — Он кивнул в сторону Кадии.— Нет ли у нее какого-нибудь дружка, который только и ждет момента, чтобы вступить в дело?

Она совершенно искренне ответила:

— Я никогда прежде не видела подобных дровиков.

Осоркон едва успел удержать руку Хэмила, который собирался вlepить принцессе оплеуху.

— Не спеши. Мы можем использовать ее как приманку или как щит, если туземцы попытаются пустить в ход оружие. Не трать на нее время. Нам во что бы то ни стало и как можно скорее надо добраться до твердой земли. На этих проклятых болотах у нас нет никаких шансов.

Где-то впереди раздался леденящий душу визгливый крик. Хэмил выхватил меч, солдаты сразу построились в оборонительное каре.

— Уйзгу! — завопил разведчик.— Они бегут сюда, слышен их топот!

— Продолжать движение! — заорал Хэмил.— Вперед! Там твердая земля, уж там мы им покажем.

Через несколько мгновений в джунглях раздалось многоголосное боевое улюлюканье уйзгу. В ушах у Кадии что-то зажужжало, и она едва не потеряла сознание. Ее связанные руки совсем потеряли чувствительность, теперь, даже если бы меч оказался у нее, она не смогла бы им воспользоваться. Однако где-то в самом дальнем уголке души, под страхом, болью, бессилием, вдруг затеплилась искорка ярости. Только не сдаваться, не опускать голову, продолжать сражаться. Именно так, а не иначе!..

Колонна лаборнокцев вновь пришла в движение. По приказу Хэмила с обоих флангов ее прикрывали сильные разведывательные группы. Скоро она вышла на откры-

тое сухое место, лишь кое-где были разбросаны кустарниковые заросли. Оглядывая их, Кадия встретила взглядом с Джеганом.

Они попали на обширную поляну, с густой сетью толстых лиан, усыпанных полураскрывшимися цветками, возле которых тучами вились насекомые. Раздавленные ногами растения издавали резкий запах гнили. Впереди, посреди разбегающихся в разные стороны лесополос, возвышалось нечто, напоминающее стену.

Уже издали было видно, что это не каменный уступ. Кадия сразу определила — препятствие сложено из того же материала, что и гигантская чаша, в которой они с Джеганом когда-то расположились на ночлег. Посреди барьера были пробиты ворота, по обе стороны от них возвышались изваяния, в точности напоминающие те, что были установлены на лестнице, ведущей в таинственный сад. В руках они сжимали обнаженные мечи.

Эти мечи... Кадия даже неверчиво поморгала. Быть того не может! Они были точной копией меча, что висел у нее за спиной. Стражи держали их так, что скрещенные лезвия перекрыли свободный проем.

Лаборнокцы остановились, Хэмил долго разглядывал неожиданное препятствие, потом отдал приказ:

— Лос, ступай и пощекочи этих истуканов, — он кивнул в сторону статуй. — Фатер и Ним, приготовьте арбалеты. Это местечко, я полагаю, сулит нам богатую добычу. Королевский маг предупреждал, что здесь можно найти много любопытного. То-то будет знатно, если мы вернемся не только с этой сучкой, но и еще что-нибудь прихватим... Если нам повезет, то в глазах короля мы будем достойны двойной награды.

Эти самоуверенные слова приободрили примолкших было лаборнокцев. Людям просто не хотелось верить собственным глазам, и они искали любую зацепку, любое объяснение, которые могли бы развеять страх и отчаяние. Ясно было, что штурмом эту стену не взять. А что, если эти фигуры — не более чем камень?

Один из воинов осторожно вышел вперед и, взяв наизготовку клинок, приблизился к истуканам и потыкал

одного острием. Металл зазвенел о металл, и в то же мгновение неведомая сила вырвала у него меч — солдат страшно вскрикнул, схватился за руку, в которой находилось оружие, и упал на колени.

— Арбалеты, огонь! — рявкнул Хэмил.

Раздался посвист несущих смерть болтов. Они исчезли за распахнутыми створками, в клубящемся мареве, скользнули в пустоту...

Никакого ответа...

Хэмил подождал немного и распорядился:

— Бьюнит! Вор!

Два солдата покорно вышли из строя, двинулись вперед. Глядя на них, Кадия решила, что эти воины — одни из лучших. Шли они не спеша, оружие готово к бою — оба высокие, широкоплечие... Вошли в ворота, скрылись в мути.

Неожиданно по непроницаемой завесе побежали разноцветные пятна. Кадия изо всех сил пыталась разглядеть, что же там происходит. Цветные пятна так же неожиданно прекратили свой бег, исчезли, их место заняла ярко-зеленая полоса, которая начала расплываться, затем обретать форму. На фоне мути возникли три овала, облачная завеса резко потемнела.

Батюшки, да ведь это Черный Триллиум!

Принцесса искоса глянула по сторонам, однако никто из лаборнокцев не мог взять в толк, что означают эти три овала. Кадия настолько увлеклась, что прослушала разговор Осоркона с Хэмилом — успела только последнее слово схватить:

— ..ловушка.

Хэмил долго изучал таинственные ворота, за которыми исчезли его люди. Оттуда не долетало ни звука.

— Мы можем и по-другому поступить,— наконец откликнулся он.

И принцесса сразу догадалась, что он имел в виду. С нею творилось нечто странное — внутри родилось удивительное чувство, позволяющее приподнять завесу тайны. В воздухе рядом закружились какие-то бесплотные

тени. Амулет на груди потеплел, но самым удивительным было то, что лезвие меча, засунутого за спину, тоже начало нагреваться — более того, ощутив его жар, принцесса почувствовала, как в ее тело вливаются силы и всесокрушающая энергия.

Тем временем черный цветок, обозначившийся на клубящемся серовато-жемчужном экране, вновь изменил форму. Изображение расширилось, расплылось, обернулось тремя бутонами. Они медленно раскрылись — три волшебных ока предстали перед изумленными лаборноками.

И опять никто из врагов не заметил странных метаморфоз, происходивших у них на глазах. По крайней мере никто, даже Хэмил, не выразил удивления, никто не вскрикнул, не указал на ворота рукой. Может ли такое быть? Неужели Кадии открылась способность различать то, чего не видят другие? Но как не заметить такую смену изображений?

Это был не праздный вопрос. От него, смекнула принцесса, зависит ее жизнь. Если они слепы, а она видит суть, то это во многом меняет ситуацию. Непонятно, откуда возникла мысль о возможности трех уровней зрения. Казалось, ватные волны тупой боли, усталости начинают рассеиваться. Жар, исходящий от священного талисмана, все увеличивался, но энергии от него больше не прибывало.

Кто-то сзади резко толкнул ее в спину. Она еще успела обернуться и заметить, что Хэмил отдал конец веревки солдату, и тот пинками погнал ее вперед. Наконец, чьи-то сильные руки схватили ее за предплечья и впихнули в оглушающую непроглядную тьму.

Кадия упала лицом вниз, не в состоянии не только встать, но даже шевельнуться. Ни единого лучика, ни капли дневного света не проникало сюда — в пространство, которое располагалось за воротами и охранялось изваяниями синдон.

Принцесса открыла рот — ей не хватало воздуха, однако через несколько минут, надыхавшись прохладным свежим ветерком, обдувавшим лицо, она ощутила, что чувст-

во унижительной беспомощности, испытанное ею среди толпы этих грязных, заросших оборванцев, которых только в насмешку можно было назвать армией, внезапно рассеялось. У нее стало легко и спокойно на душе. Словно связанные затекшие руки, петля на шее были не более чем досадными помехами, пустяками, на которые не стоило обращать внимания. Она ловко перекатилась на спину, попыталась встать. С первого раза не получилось — мешал меч. В конце концов, изогнувшись всем телом, она сумела подняться на ноги. Тьма вокруг стояла крошечная — ни единого проблеска, искорки. И тишина такая же — гулкая, непроницаемая... Однако страха ни перед тьмой, ни перед безмолвием не было. Он улетучился сам по себе — девушка стала сильным свободным человеком.

Она сделала несколько шагов вперед, непроизвольно отвела назад плечи — постаралась одной лопаткой достать другую. В тот же миг меч выскользнул из-под ремней и упал возле ее ног. Она даже вздрогнула от неожиданности, сначала не поверив самой себе, — руки ее оказались свободными. Разрезанные ремни съехали на колени. Капля освободилась от них, торопливо скинула петлю с шеи. На всякий случай пощупала, что творится под ногами. Пальцы ощутили ровную твердую поверхность — какие-то песчинки, мелкие камешки, по-видимому, занесенные из внешнего мира. Но чем дальше во тьму, тем поверхность становилась более скользкой, и неожиданно она против воли поехала вперед, едва успев выставить затекшую руку.

Наконец она заметила проблеск света — прямо возле себя. Это светился амулет. Она достала его из-под одежды, и янтарная капелька тускло загорелась во мраке. Лучи его едва рассеивали тьму, но и этого света хватило, чтобы внимательно смотреть под ноги и шагать более уверенно. Усталости как не бывало, тело наполнилось энергичной легкостью, ноги ступали словно сами собой. Скоро она услышала звонкое журчание струящейся воды и тотчас повернула в ту сторону. Принцесса сильно настрадалась от жажды.

Руки постепенно оживали. Кадия осторожно подвигала сначала одной, потом, перехватив меч, другой, кровь быстрее побежала по жилам, девушка почувствовала неприятное пощипывание в оживающих пальцах, а в следующий момент — сильный удар по ребрам. В тусклом свете волшебного амулета принцесса разглядела носок сапога. От удивления она зажмурилась, потом открыла глаза — темнота вокруг нее сменилась серой покачивающейся мутью.

— Ну и упрямая эта сучка, генерал.

Три неясные фигуры обступили ее. Руки вновь оказались связанными. Она лежала в пыли, меч совсем рядом, но добраться до рукояти было невозможно.

— Как вы думаете, сколько король заплатит за ее голову?

Вопрос этот задал арбалетчик, стоявший справа от нее, — один из тех, кому Хэмил приказал стрелять в туманную завесу ворот.

— Это спасло бы нас от многих бед, — заключил он.

— Возможно, ты и прав, парень. Но эта шлюха может еще пригодиться. К тому же я не думаю, что Орогастуса устроит ее голова, а уж с кем-кем, но с ним я ссориться не хочу.

— Она знает, как выбраться отсюда?

— Может, знает, а может, и нет. В любом случае мы сможем использовать ее, чтобы проверять особо опасные места. Ну и принцесса — ха-ха! Она сейчас больше похожа на проститутку, что ошивались возле нашего барака в Койве, или того хуже. Смотрите-ка, зашевелилась.

Кадия поставили на ноги — она кое-как пришла в себя. Неожиданно обнаружила, что сжимает в кулаке рукоять меча. Тупо удивилась, почему ей позволили взяться за оружие, потом так же смутно родилось объяснение: они не то что отобрать — прикоснуться к нему боятся.

Гладкая стена тускло светилась. Ей только что померещился звон струящейся воды. Почему так медленно ворочаются мысли? Впечатление такое, будто голова представляет собой опорожненный сосуд, и все приказы, разговоры долетают словно из иного мира.

Вот и фонтан — значит, звуки падающей воды ей не приснились. На другой стороне фонтана — лестница, ведущая куда-то вверх, во тьму. Куда она ведет? На ступенях отпечатались следы, от них исходит красноватое сияние. Или это ей тоже чудится?

Хэмил без колебаний показал на лестницу:

— Вперед!

Он поставил сапог точно на отпечаток, но, прежде чем ступил на следующее светящееся пятно, вокруг что-то неуловимо изменилось. Генерал чуть повернул голову и приказал:

— Ее — вперед! Да гоните вы эту дрянь!

Воины тут же тычками погнали принцессу вперед, вверх по лестнице. Следом из какого-то небытия, мертвящего мрака надвинулось мордастое, с кровоподтеками, заросшее бородой лицо Хэмила. Он коротко спросил:

— Что там? Ловушка? — Перехватив веревку у арбалетчиков, он принялся толкать Кадия, понуждая ее переставлять ноги со ступеньки на ступеньку.

Она достигла клубящейся тьмы, нависающей над лестницей, сунула туда голову.

Святой Триллиум! Кадия вскрикнула. В глаза ей ударил сноп света, но ни капельки не ослепил. Тотчас лезвие меча, за рукоять которого она держалась и который по-прежнему торчал за спиной, накалилось так, что принцесса почувствовала боль от ожога. Но она не могла ни отодвинуть, ни переместить клинок. Тут же она услышала изумленный всхлип Хэмила.

Кадия уже наполовину погрузилась в нависающий над лестницей мрак. В этот момент кроваво светящиеся следы, указывающие ей путь, исчезли. Перед глазами на шестой, скрытой тьмой и невидимой лаборночками ступени возник серебряный круг с Черным Триллиумом в центре. Она наступила на него и почувствовала себя свободной. Теперь каждый ее шаг оставлял отпечаток волшебного цветка. Тьма рассеялась, и генерал, заметив, что кровавые следы исчезли и на смену им пришли изображения священного растения, вновь вскрикнул от изумления. С каждым шагом вверх у Кадии прибавлялось сил. В сердце раз-

горалась ярость, теперь она почувствовала уверенность — стоит ей повернуться, и она сможет поразить этих трех негодяев. Прежде всего Хэмила.

Ни в коем случае!

Наученная горьким опытом, принцесса с легкостью обуздала себя. Она уже наделала столько ошибок, столько раз безрассудно бросалась на врага! Теперь любой промах мог стоить жизни. Эти трое далеко не простачки — каждый из них мастерски обращается с оружием. Особенно Хэмил... Ей уже доводилось видеть, как он владеет мечом. Скритеков он рубил, как капусту! Два других держали в руках заряженные арбалеты — им хватит времени, чтобы всадить в нее каленый болт. К тому же они глаз с нее не спускают и, наверное, предполагают, что она способна выкинуть какой-нибудь фортель. Меч, конечно, волшебный!.. Могучее оружие — вон как распалился! — но нельзя терять голову. Следует покорно сносить тычки и ждать удобной минуты. Во внезапности — ее спасение.

Наконец они поднялись наверх и попали в длинный, с высоким потолком зал. По трем его стенам бегали красные огоньки. Никакого фонтана здесь не было — посередине был установлен объемистый, похоже, сделанный из металла постамент, светившийся разноцветными гирляндами. Из него, словно из удобренной земли,росло высокое растение, стебель которого заканчивался гигантской черной почкой. Или бутоном...

Хэмил шагнул вперед, чтобы поближе разглядеть удивительное растение. Правую руку он держал на рукоятке меча. Он и здесь не изменил себе — по-прежнему вел себя нагло, дерзко, а ведь оказался в самом сердце враждебного ему мира. Одним словом, вояка до мозга костей... Тут ему не на что было рассчитывать, грубая сила в этом странном городе — не помощница, однако вся его поза, удары сапогом по постаменту показывали, что ему даже в голову не приходит, будто на свете есть силы, перед которыми он и его жестокие подчиненные — букашки. Дай такому волю — и он затопчет все живое на земле. Эта мысль окончательно вывела Кадия из оцепенения. Теперь она полностью готова к бою. Неужели Хэмил, по-

добно Красному Голосу, верил в собственную неуязвимость, в неодолимую мощь тех штучек Орогастуса, которые якобы нельзя было победить?

Генерал, не говоря ни слова, глянул через плечо. Оба арбалетчика тотчас подошли и встали рядом с Кадией.

— Я слышал,— в голосе Хэмила слышались какие-то новые, доверительные нотки,— что сила требует крови. Она ею питается. Это место, безусловно, является обителью силы. Отрубите ей руку, сжимающую рукоять,— пусть ее кровь окропит это место.

Солдаты взяли Кадью за плечи и толкнули к Хэмилу.

— Я,— голос генерала окреп,— человек, требующий крови. Я привык платить кровью за то, что мне нравится и что я хочу взять.

Острием меча Хэмил указал на удивительное растение. Оно на глазах вздрогнуло, и бутон тут же раскрылся. Яркий сноп света поглотил цветок. Или это не цветок, а что-то похожее на изваяние синдоны? Разобрать было трудно.

Да сейчас и не до этого. Кадия заметила, что оба ее стража расслабились, и, рванувшись вперед, мгновенно освободилась от них. Спряталась за постаментом... Лезвие волшебного меча стало ярко-зеленым.

Изменился и тон алеющих на стенах огоньков, сплетающихся в диковинные световые сети. Столб огня вырвался из бутона — и лица арбалетчиков странно побагровели, черты их исказились, и, вместо того чтобы броситься на Кадью, они попятились, принялись загораживать глаза руками. Что же они там увидели?.. Однако вверх Кадия посмотреть не решилась — нельзя ни на мгновение оставлять врагов без наблюдения.

Лицо Хэмила тоже потемнело. От гнева? Точно! Он вдруг взревел, что-то выкрикнул на лаборнокском наречии, однако даже шага вперед не сделал. Кадия уже было приготовилась отразить нападение, но генерал и с места не стронулся. Более того, сопровождавшие его воины в диком страхе бросились наутек.

Это было поразительное зрелище! С солдатами творилось что-то странное — чем дальше они убегали, тем ярче становилось свечение вокруг их тел. То же произошло

и с генералом, но, не в пример своим подчиненным, он, сделав ложный выпад, попытался нанести Кадии решающий удар. Девушка между тем буквально полнилась силой, которую неумоимо вливал в нее волшебный меч. Она легко отбила выпад врага, но в следующее мгновение и на нее, и на генерала Хэмила навалилась странная грузная тяжесть, спеленала конечности, затуманила голову. Теперь, чтобы поднять меч, требовались неимоверные усилия, но особенно худо пришлось генералу. Мужчина он был массивный, большого роста. Кадии с огромным трудом удалось сделать выпад — острие меча коснулось горла лаборнокца.

Хэмил издал истошный вопль, откинул голову, затем, к совершенному изумлению Кадии, резво развернулся и рысью бросился вон из зала. Гулкие его шаги, дребезжащие доспехов и какие-то жалкие всхлипы раздались на лестнице, потом топот переместился куда-то вдаль.

Принцесса опустила меч — она двинуться не могла. Неожиданно сверху упала капля крови, брызги коснулись руки, сжимающей оружие. Кадия подняла голову.

Бутоны наверху стали открытыми глазами...

Багряная дымка, висевшая в зале, растаяла. Обозначился выход из этого таинственного, вытянутого в длину помещения. Что-то непонятное творилось и с мечом — он словно заплесал в руке, и Кадия, повинувшись внушенному чем-то или кем-то порыву, подняла его рукоятью вверх.

Все три бутона на набалдашнике раскрылись, все три ока смотрели вверх, под сводчатый потолок, где горели их три более крупных собрата. Тонкие лучики связали глаза попарно — сияние было ослепляюще, золотисто, словно в комнате внезапно распахнули окно и в лицо Кадии ударил сноп солнечного света.

Свечение быстро угасло. Теперь три вознесенных ввысь ока внимательно смотрели на нее — ласково, дружески. Она тоже заглянула в их глубину. В следующее мгновение столб огня над чудесным цветком окончательно исчез.

Приказ был ясен — он шел из сердца болотистой, несчастной, полной страхов и тайн земли. Рувенда выстояла этот приказ, дала силы, напутствие. Теперь вперед!

И Кадия бросилась к лестнице. Сбегая вниз, она еще успела разглядеть, что свет в зале окончательно погас, серая вековая дымка снова висела там. Уже на последней ступеньке принцесса услышала дикие крики, отчаянную ругань, лязг железа, топот сотен ног. Она, не раздумывая, нырнула в беспросветную мглу и выскочила из нее под скрещенными мечами, которыми безжизненные синдоны защищали вход в таинственный город.

У самых ворот, под высокой стеной, разгоралась битва. Колонна лаборнокцев была атакована с трех сторон. Из зарослей кустарника, с опушек в чужаков летели дротики, поражавшие солдат в незащищенные места. Тут же с обеих сторон выскочили уйзгу и, потешно подпрыгивая, пританцовывая на ходу, бросились врукопашную. Среди лаборнокцев Кадия успела разглядеть и отряд скритеков, визжащих так, что уши закладывало. Хэмил — плащ на нем был изодран в клочья — сражался с на удивление рослым уйзгу, пытавшимся достать врага копьем. Генерал ловким ударом выбил оружие из рук оддлинга и уже занес было меч, чтобы сразить противника, но тут же лицом к лицу сошелся с Кадией, которая мгновенно приняла боевую стойку.

Потом Кадия не раз говорила — даже клялась, — что тот бой ей никогда не забыть. На что могла рассчитывать плохо обученная девчонка в стычке с опытным, хорошо вооруженным бойцом? Хэмил был одним из лучших фехтовальщиков в армии лаборнокцев, уступая в мастерстве разве только принцу Антару. Однако вселившийся в нее дух борьбы, боевое вдохновение, решительность и ловкость на какое-то время уравнивали шансы. Ей даже удалось развернуть генерала спиной к уйзгу, который попытался поразить врага копьем. Однако Хэмил выказал невероятную прыть — успел отразить нападение оддлинга, при этом, поймав на ложном движении, едва уловимым взмахом срезал тому голову и сразу повернулся к Кадии. Ему хватило двух выпадов, чтобы заставить принцессу отступить. Он,

по-видимому, успел все рассчитать и погнал ее именно туда, куда ему требовалось. Принцесса не заметила препятствия и споткнулась о мертвое тело. При падении она едва не выронила меч, однако успела схватить его за лезвие и, когда Хэмил занес руку для последнего удара, выставила вперед рукоять и закричала:

— Ты сам хотел этого! Гляди, человек, питающийся кровью!

Очи на набалдашнике открылись — Хэмила качнуло, он выронил меч. Глаза на рукояти полыхнули огнем, из них вырвалось адское пламя. Колени у генерала подогнулись — он застонал, а потом вскрикнул так, что принцессу бросило в дрожь.

С Хэмилом случилось то же, что с Голосом. Кадия, как замороженная, смотрела на кучку пылающих углей, сохранивших форму человеческого тела. Реальность вернулась к ней несколько мгновений спустя — победными возгласами уйзгу, паническими криками лаборнокцев, визгом топителей. Враги не выдержали напора оддлингов и бросились к реке, к оставленному утром лагерю.

Один из скритеков наскочил на Кадью — в тот же миг из набалдашника ударил луч света, и нападавший зашатался. Он разделил участь генерала.

— Госпожа Меча...

Кадия обернулась на зов — к ней подполз раненый ниссом.

— Джеган! — вырвалось у нее.

И тут же кто-то мысленно окликнул принцессу:

Доченька!

Голос явился из невероятной дали, он был полон боли и раскаяния. Как только раненый застонал, голос деликатно умолк.

Кадия подняла голову, огляделась по сторонам. На туманной завесе, прикрывавшей вход в таинственный город, серебрился Триллиум. Над головами синдон развевались световые вымпелы. Или ей это только мерещится?

Кадия неожиданно для самой себя зарыдала. Возможно, когда-нибудь, через много лет, явятся другие, кто спа-

сет народы Рувенды, — так уже случилось однажды на Гиблых Топях, много-много лет назад. Она о них ничего не знает. Она и своего будущего не знает — верит только, что родина будет свободна. Раньше или позже, ее ли усилиями или стараниями ее потомков. Это неважно... Главное сейчас — сделать все, что она может. Даже больше...

«Я должна довести дело до конца», — подумала она.

И тихий, явившийся издалека голос ответил:

Так тому и быть.

«Но для этого мне самой надо измениться».

Ты изменишься.

«Я многое должна изучить, многим овладеть».

Помех не будет.

«Что нас ждет впереди?»

Ответа не последовало. И так, ей позволили заглянуть в нечто, не доступное обыкновенному человеку, что лежит за пределами человеческого понимания. Ей показали краешек запредельного мира — возможно, указали путь туда... Харамис жаждала этого. Пытались найти силу, с помощью которой можно пробить туда брешь, и Хэмил, и Волтрик, и Орогастус. Но все они искали то, чего не существовало или, возможно, что не дается в грязные руки. Тьма уже осквернила ту силу, которая движет миром.

Слезы потекли по ободранному, в кровоподтеках, лицу Кадии. По-прежнему сжимая в руке талисман, она с укором подумала о том, что ее безрассудству и наивности нет предела — кто же распахнет ей дверь в будущее, кроме нее самой? Но для этого надо прожить жизнь. А минуты вдохновенного прозрения или случайного провидчества даром не даются. Вот, например, генерал Хэмил, жаждавший крови, — поле жертвоприношений лежало перед ней. Оно было обильно полито кровью.

«Никому не дано, — усмехнулась она, — безнаказанно проникнуть в грядущее. Никому!»

Ее удел — исполнение долга. Вот ее будущее!

Наконец она обратила внимание, что звуки битвы стихли, странная тишина спустилась на землю. Взор прояснился. Неподалеку, выстроившись по родам и племенам,

стояли одлинги — ниссомы и уйзгу. Впереди всех — Джеган с рукой на перевязи. Заметив, что принцесса Кадия из королевского рода Рувенды смотрит на них, они издали приветственный клич и начали потрясать оружием. Это был победный салют. Перед девушкой плотными рядами стояли воины, сумевшие переступить через заветы предков, впервые за тысячи лет решительно встав на Тропу войны.

«Отныне у них у всех — одна цель, один вождь, — подумала Кадия, — потому что моя воля, мой призыв к сопротивлению сплотили их».

Кровь быстрее побежала по жилам. Теперь она не одна, теперь ей не надо прятаться в болотах, теперь у нее есть армия — отряд, стоявший перед ней, составлял лишь малую толику тех несметных дружин, которые собирались по всей Рувенде.

— Время пришло, — сказала она. — Выбор сделан!

Принцесса вымолвила эти слова негромко, но ее услышали в самых дальних рядах. Кадия вскинула меч и отсалютовала своему войску — всем, кто оставил родные хижины и на лодках, плотах, пешком, в одиночку и группами отправился в путь. Всем, кто перед дорогой проверил оружие, подточил острия дротиков, смазал свежим ядом стрелы для духовых трубок, уложил в вещмешок припасы, поцеловал родных и зашагал, заработал веслом, запел боевую песню. Кадия едва разбирала ее смысл, но в ней говорилось о том, что разлука будет недолгой, враг будет повержен, в замки Рувенды вернутся мир и спокойствие. Она не подпевала своим воинам, выстроенным на поле первой победы, — она высоко держала меч, и его ярко-зеленый клинок поблескивал в лучах полуденного солнца.

Глава 36

После того как принц Антар был представлен риморикам и ознакомился с их возможностями, он решил, что наибольшей скорости передвижения можно добиться, если использовать две плоскодонки, на которых лаборнок-

цы добрались до Ковуко, и лодчонку вайвило, принадлежавшую Анигель. Запасов следовало взять самую малость. Никто в лагере не лег спать, пока из рваных кожаных плащей не была изготовлена новая сбруя для водяных животных — впрочем, когда сборы и приготовления закончились, на сон еще оставалось часов пять.

Пока риморики точно знали направление движения, вожжи были не нужны. Они по очереди толкали суденышки по достаточно узкой речушке, однако, когда флотилия через три часа достигла Великого Мутара, Анигель надела сбрую. Теперь риморики тянули караван, где первой располагалась лодка принцессы, а за ней тянулись две плоскодонки. Рыцари, стараясь помочь зверям, гребли изо всех сил. В передней лодке находились поочередно управлявшие римориками принц Антар и Анигель, а также тяжелораненый лорд Пенапат и Синий Голос, который выказал полное неумение грести, — возможно, намеренно. Ни Антар, ни Анигель не спорили: им важно было держать прислужника колдуна под постоянным присмотром. Вообще, чем больше общались между собой особы королевской крови, тем свободнее чувствовали себя друг с другом. Один понимал другую без слов, хотя и поговорить им было о чем. Синий Голос вел себя тихо, не отходил от страдающего Пенапата, которого уложили на корме. Лицо того представляло сплошную кровавую маску...

Риморики так усердно ташили караван, что к вечеру добрались до излучины главного рукава, за которым должен был открыться Лет. Между тем над джунглями опять засобиралась гроза. Солнце, уже клонившееся к верхушкам деревьев, быстро затянуло словно намалеванной чернилами, набухшей влагой тучей. Приближающаяся гроза еще больше прибавила гребцам резвости.

Однако опередить глисмаков им не удалось.

— Владыки воздуха, что же это! — воскликнула Анигель, когда над лесом в той стороне, где находился Лет, показался густой столб дыма. — Не может такого быть!

Принц Антар натянул поводья, но лодки по инерции еще двигались вперед.

— Голос! — неожиданно громко, так, что даже лорд Пенапат вздрогнул, заорал принц.— Ну-ка взгляни, что там творится?

Анигель тронула его за руку и прошептала:

— Не зови его. Я сама попытаюсь.

Синий Голос удивленно уставился на принцессу, которая закрыла глаза и в тот же момент стала, как каменная. Лицо ее — красивое, спокойное — совершенно не изменилось, глазницы не потемнели, как это случилось с учеником Орогастуса, когда он впадал в транс.

Прошло несколько минут. Наконец Анигель открыла глаза:

— Глисмаки атакуют селение со стороны берега. Бой начался около часа назад. Не могу сказать, та ли это орда, что напала на вас, или другая. По численности это войско-раз в три превышает то, что встретилось нам на Ковуко... Многие дома уже пылают... Я видела Глашатая Састу-Ча и попыталась связаться с ним.— Она сделала паузу, потом добавила: — Попытаюсь еще раз.— И снова закрыла глаза.

Принц и Синий Голос замерли в ожидании. Сэр Пенапат вдруг сказал:

— Если нам предстоит вступить в бой, вы можете рассчитывать на меня. Я сделаю все, что смогу. Даже с одним глазом, с недееспособными рукой и ногой я устрою хорошую взбучку этим негодям. Надо же, они осмелились покуситься на самое дорогое, что у меня есть,— на мое тело.

Принц невольно улыбнулся:

— Я верю, Пени. За это ты будешь мстить, не щадя живота своего.— Антар печально улыбнулся.— Только боюсь, наш героизм некому будет оценить. Сколько нас? Горсточка. Если эти мерзавцы уже успели захватить Лет, то что толку от наших мечей!

Принцесса Анигель открыла глаза:

— Састу-Ча благодарит за предложение оказать помощь, однако теперь мы вряд ли чем сможем помочь. Началась рукопашная, сожжено около трети домов. Он подумывает о сдаче — так уже не раз бывало. Когда глисмаки

одерживали верх, они брали огромный выкуп и на несколько недель оставляли вайвило в покое.

— Но, принцесса,— запротестовал Синий Голос,— в ваших руках огромная сила, вы можете спасти их. Если только вы решитесь, все будет кончено в несколько минут...

— Заткнись, ты, мошенник без роду, без племени,— оборвал его принц.— Как ты можешь в таком тоне обращаться к нашей госпоже!

— Не надо, принц,— остановила его Анигель.— Это уж слишком.— Затем она прикусила нижнюю губу и изучающе посмотрела на колдуна.

Тот даже присел.

— А что? — наконец сказала принцесса.— Он прав. Я обязана помочь несчастным вайвило. По крайней мере, они не пытались меня съесть. И чем обернется для королевства разорение Лета? Не знаю, хватит ли у меня смелости вызвать с помощью талисмана эти чудовищные силы... Если только мне удастся почувствовать те же ненависть и отвращение, что и тогда, при виде содеянного этими дикими людьми... В ту минуту меня переполняло желание наказать — нет, уничтожить этого вождя. Я была так неосторожна.

— Ну так и повторите это,— продолжал настаивать Синий Голос.— Вы же мечтаете спасти ваших друзей. Не думаю, что при таких условиях глисмаки удовлетворятся выкупом.

— Я... Я не смею. Они же люди.— В глазах принцессы заблестели слезы.

— Какие это люди,— колдун рассмеялся и пожал плечами.— Так... отребье. Оддлинги!

— Они точно такие же мыслящие существа,— закричала принцесса,— просто они не знают, что есть добро, а что зло! Глисмаки — это несчастные дети. Их надо не только наказать, но и научить, объяснить, что хорошо, что плохо. А как можно научить мертвых?

— Пока вы философствуете и проливаете слезы, ваши друзья гибнут.

— Я не в состоянии помочь им!

— Нет, вы можете!

Она набрала воздуха и изо всех сил воскликнула:

— Нет, не могу! Я не знаю, как это делается! Перестаньте мучить меня — у меня сердце разрывается на части. Я просто трясусь от собственного бессилия, от неведения...

Последний слог Анигель словно проглотила. Она ужаснулась — ей не простят подобного богохульства. Боги помогли ей добраться до цели — принцесса была достаточно умна, чтобы понимать: без покровительства высших сил ей бы вряд ли удалось совершить подобный путь. А теперь она сомневается в их благорасположенности к ней, хотя не раз имела случай убедиться в этом. Но разве останавливать наглых захватчиков, покушающихся на чужие жизни и добро, — это зло? Ее слезливая нерешительность хуже богохульства!

Антар в изумлении следил, как изменилось выражение лица любимой женщины — как сжались губы, посушел взгляд, и, полагая, что это реакция на лицемерные упреки Голоса, не выдержал и шагнул к нему, намереваясь пришибить, как муху. Силы у него хватило бы... Но в этот самый момент лицо принцессы просветлело, она повернулась к Антару, тронула его за локоть:

— Принц, если я вступлю в бой, вы пойдете со мной?

— С вами?! Разумеется! Милая Анигель, я составлю вам компанию, даже если вы соберетесь проведать предков в аду. Вам не стоит даже спрашивать об этом.

Анигель кивнула и дрожащим голосом, повернувшись к носу лодки, сказала, обращаясь к воде:

— Друзья, остановитесь.

Караван замедлил ход, лодки подплыли поближе друг к другу. Ветер помогал им, а заодно подгонял иссиня-черную тучу, которая уже несколько раз разразилась ударами молний и громовыми раскатами. Теперь до рыцарей отчетливо доносились звуки битвы. Бой шел в полулиге, за излучиной, где с минуты на минуту должна была начаться чудовищная гроза. К небу тянулись частые дымные столбы — зрелище было печальное. Внизу огонь, пожирающий постройки, сверху — молнии...

— Лорд Ованон! — Анигель обратилась к маршалу принца Антара. — Обрежьте ремни, соединяющие ваши лодки с моей.

На лице рыцаря выразилось откровенное недоумение, тогда принцесса сама быстро перерезала кожаный жгут, после чего отдала еще одно распоряжение:

— Лорд Ованон, у меня нет времени. Перенесите в свою лодку сэра Пенапата, возьмите также помощника мага и гребите за нами. Командование поручаю вам. Мы с принцем Антаром поспешим на помощь вайвило.

Теперь все задвигались быстрее, и, пока она прилаживала упряжь, люди в точности исполнили ее приказания.

Когда все было готово, две усатые морды высунулись из воды и сказали:

Раздели с нами митон, друг.

Анигель сняла с пояса бутылочку, сделала большой глоток, потом смочила пальцы и дала облизать их риморикам. Принц в изумлении смотрел на этот ритуал.

Лорда Пенапата со всеми предосторожностями перетаскивали в плоскодонку, однако Синий Голос по-прежнему оставался в лодке вайвило — сидел, намертво вцепившись в борта.

— Я хочу быть с вами, принцесса, — тоненьким жалобным голосом сказал он. — Я могу быть полезен.

Принц Антар шагнул было к нему, намереваясь вышвырнуть из лодки.

— Ты слышал, что тебе сказали? — угрожающе произнес он.

Но было поздно — принцесса уже потянула вожжи, и риморики сразу прибавили ход. Уже издали Анигель крикнула Ованону:

— Лорд, вам следует грести к противоположному берегу. Ни в коем случае нельзя оставаться на реке, когда разразится буря. Если мы до завтра не вернемся, позаботьтесь о себе сами. Прощайте!

Лодка стрелой полетела вперед — оставшиеся рыцари молча смотрели, как ее изогнутый нос срезал начинавшие подниматься волны.

От сильного рывка Антар свалился на дно суденышка. Несколько минут, ошеломленный, он сидел, схватившись за борта. Сердце холодело от ужаса — лодку швыряло, как детский мячик. Если они перевернутся, ему, облаченному в броню, уже не выплыть. Он невольно вспомнил лордов Карона и Бидрика. Жуткая, нелепая смерть! Но время шло, а лодка по-прежнему прыгала с волны на волну, стригла барашки, побежавшие по вздыбившейся реке. Несмотря на то что она неслась с невообразимой, по мнению Антара, скоростью, принцесса Анигель сноровисто управляла животными — правила так, чтобы нос лодки постоянно был перпендикулярен набегавшим волнам.

Принц перевел дух, огляделся...

Синий Голос все так же горбится на корме. Съежился, даже капюшон накинул, словно желает показать, что это и не он, а так, кладь, мешок какой-то. Пусть пока хоронится. Выбросить его за борт — раз плюнуть... Ругнувшись, Антар поерзал на банке, устроился поудобнее, попытался телом уравновесить лодку. Потом долгим, полным ожидания взглядом окинул принцессу Анигель.

Как внезапно, за день, перевернулась его жизнь — и все из-за этой удивительной женщины, которой он подчинился с радостью и навсегда. Впрочем, как и остальные рыцари... Теперь, когда первый порыв угас, пришло время поразмыслить. Нет, Антар не раскаивался в своем поступке — собственно, у него не было выбора. Душа его тянулась к ней, справедливость, к которой его приучали с детства, тоже была на ее стороне. И чувство его не уменьшилось, наоборот, он был теперь не просто влюблен в принцессу — она вызывала восхищение и, прямо скажем, некоторый страх. В те первые минуты, когда он нес ее на руках по подземельям Цитадели, она тронула его сердце беззащитностью, слезами и, конечно, красотой. С того дня немного воды утекло, но какая разительная перемена произошла с предметом его желания! Уже вторая встреча, прыжок через водопад повергли его в смущение, а чудесное спасение и гибель людоеда совсем выбили из колен. Кто теперь стоял перед ним? Кто бесстрашно натягивал вожжи? Кому безропотно и охотно

подчинялись эти удивительные создания? Разве такое до-
ступно смертной женщине? Значит, Анигель — не кто
иная, как богиня, а богинь полагается обожать, им нуж-
но служить, жертвовать ради них жизнью. И все? Но
ему — Антар не мог обманывать себя — этого мало. С дру-
гой стороны, ее доверие к нему, непрекращающаяся борь-
ба с собой, происходившая у него на глазах, слезы, нако-
нец, подтверждали, что принцесса — все та же девушка,
которая бессознательно прильнула к его плечу в подзе-
мельях Цитадели. Она — человек, и в этом смысле иде-
альна. Она — из плоти! И может подарить ему то же, что
и он ей, — верность, любовь, страсть.

От этих мыслей закружилась голова — Антар на мгно-
вение даже прикрыл глаза, чтобы не видеть Анигель. Но
и за сомкнутыми веками возник ее образ: высокая, строй-
ная, с развевающимися на ветру волосами, в какой-то
рваной хламиде, она напоминала легендарную королеву-
мстительницу. Ее красота томила и пугала, но это была
человеческая красота, родная и достижимая. Пусть даже
для обладания ею придется совершить кучу подвигов.
К тому же теперь она обрела дар ясновидения. Всякие со-
мнения в ее магической силе исчезли после того, как она
сообщила о своем мысленном разговоре с Састу-Ча.
Принц поверил ей сразу, в долю секунды.

Радовало еще одно — она не испытывала к нему не-
нависти, не то что эта злючка Кадия. К удивлению Ан-
тара, между ним и Анигелю сразу установились, как он
сам их назвал, ровные отношения. Слово это было очень
емкое, в нем ощущалась бездонная глубина... Принц в
приливе чувств даже головой повертел.

Слова, слова, слова... В чем их ценность, значение?
В невесомости? Сказал — и забыл. Брякнул — и оскор-
бил... Какая-то неуловимая, романтическая материя... То
ли дело подвиги!

Подвиги... Силенок-то хватит, только просто так их не
совершишь. Это не слово, подвиги — предмет земной, ма-
териальный... Тут следует семь раз отмерить, один раз ру-
бануть.

Лодка накренилась влево, и принц глянул на открывшуюся перед ним картину. Селение вайвило пылало с трех сторон, отблески пламени малиновыми зарницами отражались в нависших тучах. Дымные столбы изгибались под дуновениями шквалистого ветра... Еще минут десять хода...

Да, принцесса здорово изменилась — а он?.. Случившееся с Анигелью заняло три недели, а его жизнь опрокинулась за какие-то сутки. Даже суток еще не прошло! Итак, он восстал против отца, порвал с лаборнокцами, дал обет верности любимой женщине, которая поставила себе целью совершить подвиг — освободить свою родину. Недурная головоломка для законного наследника королевского дома Лаборнока. Хотя почему наследника? Как ни привлекательны корона и королевские регалии, Антару хватало ума сообразить, что взваливать эту ношу на плечи в такое время — сущее наказание. Что-то сдвинулось в природе с начала похода против Рувенды. Внутреннее чувство подсказывало — это только цветочки. Ягодки — впереди, и в пору всеобщего разрушения и гибели брать на себя ответственность за судьбу своей родины по меньшей мере глупо. Одно дело — перст судьбы, указывающий на него, другое — самому рваться к короне, тем более что у него перед глазами — пагубный пример отца. Только ступи на эту дорожку, и не заметишь, как очутишься в лапах Орогастуса. Или кого-нибудь вроде него. Так-то оно так, только он был уверен, что Анигель не собирается отказываться от своих наследственных прав. Здесь вырисовывался глубочайший замысел. Высшая политическая игра, которую, должно быть, ведет эта таинственная Великая Волшебница. Состоит она, по его разумению, в объединении Полуострова под единой династией, в которой сольются королевские семьи лаборнокцев, рувендиан, варониан...

Куда тебя занесло, в какие сферы! Лучше вспомни об Орогастусе, собравшемся покорить мир. Что может воспрепятствовать ему? Найденный Анигелью талисман? Но Орогастус тоже способен вызвать удар молнии. Кроме того, Синий Голос уверяет, что маг уже почти овладел та-

лисманом, принадлежащим старшей сестре, которая находится у него в гостях. И третий магический предмет скоро окажется у него.

Анигель собирается вернуть Цитадель. Он уверен, все усилия будут тщетны. Там стоят десять тысяч лаборнокских солдат, да и отдельный корпус под командованием Хэмила, отправленный на поиски принцессы Кадии, тоже скоро возвратится в крепость. У Анигели нет никаких шансов, даже в случае использования талисмана. Что еще она может противопоставить армии лаборнокцев и силе Тьмы, которой владеет Орогастус?

Король Волтрик выздоровел, а это значит, что его воля сломит сопротивление принцесс. Они погибнут. И измена сына не поможет им — так, небольшая помеха! От этого выиграет только ненавистный колдун. Он, безусловно, лелеет подобные планы. Что стоит ему погубить отца — и корона Лаборнока сама упадет ему в руки. Возможно, так и было задумано. Тогда становятся ясными намеки Орогастуса о борьбе за мировое господство. Объединенными усилиями он захватит весь Полуостров. Будут ли они с Анигелью в безопасности? Может, им вдвоём в сопровождении верных друзей удалиться в дальние края?..

Шорох за спиной отвлек его. Принц чуть повернул голову, скосил глаза. Синий Голос медленно переползал поближе к нему.

— Что тебе? — угрожающе спросил принц.

Налетевший шквал заглушил его слова.

— Небольшой разговор, ваше высочество... Я только что телепатически связался со всемогущим магом, он просил передать вам послание величайшей важности.

— Я не нуждаюсь в указаниях твоего паршивого заклинателя. Опять затеяли какую-нибудь подлость. А ну-ка, вернись на место. Кому сказано!

Однако Синий Голос, не обращая внимания на окрик принца, упорно лез вперед. Его худое изможденное лицо перекосила нечеловеческая улыбка — он как-то странно скалил зубы, а в глазах горела такая ненависть, что Антар встревожился. Не успел он повернуться и выхватить

меч, как Голос бросился на него — разжался, подобно пружине или хищнику, хватающему жертву.

В руке у него блеснуло длинное тонкое лезвие кинжала, он мгновенно всунул его в щель между панцирем и воротником, прикрывавшим шею Антара. Кольчуга на груди в этом месте была расстегнута. Холодная сталь коснулась горла, принц машинально откинул голову, и лезвие, чуть порезав кожу, звякнуло, ударившись о металл. В этот момент принц сумел перехватить руку противника и вытащить кинжал. Они начали бороться не на жизнь, а на смерть.

Почувствовав, что лодка заплесала под ногами, Анигель тут же натянула вожжи и остановила римориков. Замерев от ужаса, она наблюдала за схваткой, которая, того и гляди, перевернет лодку. Принцесса ухватила за борта и пыталась удержаться на ногах. Не дай Бог, принц свалится в воду — тогда ему не спастись. И молнией здесь не воспользуешься — в этом случае они все окажутся в бушующей воде. Принцесса принялась страстно звать к Белой Даме, но чем та могла помочь?!

Синий Голос оказался невероятно сильным противником — по-видимому, во время мысленного сеанса Орогастус с помощью Сил Тьмы укрепил его дух и тело. Принцу никак не удавалось скинуть его со своей груди — более того, тот ухитрился развернуться и прижать коленом лежавшего на спине, одетого в броню человека. Теперь он пытался ударить кинжалом в лицо Антара, не защищенное забралом. Принц обеими руками сжимал его запястья, но даже ему, обладавшему огромной физической силой, было трудно противостоять натиску обезумевшего, впавшего в транс маньяка.

Анигель не выдержала, сняла с головы корону и отчаянно закричала:

— Нет! Не убивай его! Я отдам тебе талисман.

Синий Голос поднял голову — в подступивших сумерках особенно отвратительно белел его начисто выбритый подбородок. Глаза были безумны. Та же ужасающая ухмылка расщепила его рот от уха до уха. Не лицо, а маска. Жут-

кий, поддавшийся чужой воле убийца... Он глянул на принцессу и глухо, сквозь зубы, процедил:

— Возложи корону на мою голову.

— Ни в коем случае! — слабея, не в силах противостоять надвигающемуся на его правый глаз стальному острию, закричал Антар. — Тогда он убьет нас обоих.

Однако Анигель, не раздумывая, с короной в руке поспешила вперед. Лодка начала раскачиваться с такой силой, что едва не черпала бортами воду. Закапал дождь и тотчас хлынул так, что волны стихли.

По обе стороны от лодки вынырнули две усатые морды. Пасти с ужасными зубами были широко раскрыты — в них могла поместиться голова взрослого человека. Длинные языки с шипением разворачивались и сворачивались кольцами. У Анигели мелькнула мысль — как же она без опаски позволяла им слизывать с пальцев митон? Эти красные, похожие на адских змей, извивающиеся жгуты не спеша вползли в лодку, обвились вокруг лодыжек колдуна.

От сильного рывка Анигель опрокинулась на спину — корона все еще была у нее в руке. Воспользовавшись моментом, Антар сумел сесть — теперь он, как клещами, сжимал запястья колдуна. Тот дико заверещал и, не в силах оказать сопротивление, начал двигаться к короне. Зацепиться ему было не за что и нечем. От невероятного напряжения риморики наполовину высунулись из воды.

Неожиданно Синий Голос заорал во всю силу легких — теперь он был растянут на дне лодки и уже не мог ничем помочь себе. Принц развернулся и одним толчком — в этот момент и риморики дернули за ноги — сбросил колдуна в черную воду. Риморики тут же нырнули вслед за ним.

На удивление, дождь стих.

Спустя несколько минут две усатые морды показались на поверхности рядом с тем местом, где оказалась принцесса Анигель. У одного из пасти торчал клоч материи:

Хватай вожжи. Буря уже совсем близко. Она нас сразу потопит, если мы не успеем добраться до берега.

— Ты ранен? — обратилась принцесса к Антару. — Я так перепугалась, когда увидела кровь на панцире.

— Так, царапина... Ты опять спасла мне жизнь, я просто...

— Вперед, к Лету! — воскликнула Анигель.

Она уже твердо стояла на ногах, разобрала вожжи и лихо присвистнула. Лодка мгновенно вырвалась из полосы закипавшей воды и помчалась по направлению к пожарищу.

Глава 37

Синий Голос погиб у него на глазах — Орогастус даже застонал от боли, словно это на его теле сомкнулись челюсти чудовишных водных животных. Он вышел из транса, отер пот со лба и молча сел в мягкое кожаное кресло. Погрузившись в молчание, не в силах отогнать терзающие душу видения, он вновь пережил нелепый трагический случай, произошедший с его помощником.

«Это моя вина, — с горечью признался он самому себе. — Надо было заранее предупредить их действовать осторожно, обдуманно. Наверняка! Теперь два талисмана из трех уплыли из моих рук».

Это был серьезный промах. Хотя ничего еще не потеряно. Если его расчеты верны, у него в запасе три дня и четыре ночи, оставшиеся до Праздника Трех Лун. До момента их слияния он должен принять все меры, чтобы спасти свой план.

Синий Голос успел связаться с ним телепатическим образом, он успел влить в него могучие силы и — потопил! Не учел присутствия этих зверей. Хуже того — вся эта сцена до глубины души потрясла его, выбила из колеи. Ладно, для начала подсчитаем убытки... Теперь, когда он потерял своего человека, принцесса Анигель окончательно исчезла из его поля зрения. Его ясновидящий взор уже не сможет пробить защиту, создаваемую ее талисманом.

Как же он так решился? Ведь Синий Голос хотел отложить нападение до той поры, пока они не выберутся

на сухое место, это было разумно. А он, как мальчишка, не выдержал, нагнал бурю — решил, что этот самый выгодный момент, рядом нет ни друзей, ни вайвило. Надо было послушать слугу, но уж больно благоприятно все складывалось в эти минуты. На что он рассчитывал? В самом лучшем случае, если бы лодка перевернулась, они утонули бы оба — и принц Антар, и Синий Голос. Риморики бы, безусловно, спасли принцессу и талисман...

Итог неутешителен! Как ни странно, но чем дальше, тем яснее Орогастус понимал, что не может существовать рядом с этим мальчишкой. Даже с принцессами он бы нашел общий язык, они — чужие, а этот! Ну, как бревно посреди дороги! Связал по рукам и ногам... Всем планам помеха. И на тебе — еще ухитрился спеться с этой дрянью Анигелью! Хороша парочка!

В гневе Орогастус поднялся с кресла, подошел к окну, чертыхнулся, глядя на три восходившие луны, которые в установившейся после бури тишине заливали окрестности Брома нежнейшим жемчужно-серебристым светом.

Слишком красиво, черт побери! Будь они прокляты, эти лупоглазые ночные свидетели!

Единственное приятное событие сегодня — беседа с принцессой Харамис. Теперь она отдыхает. Складывается впечатление, что она — хотя и не сказала по этому поводу ни слова — приняла его версию насчет лаборнокского вторжения. Ему, по-видимому, удалось свалить всю ответственность на короля Волтрика и генерала Хэмила. Ему, мол, пришлось согласиться против своей воли... Собственно, его позиция неуязвима. К счастью, Харамис даже не догадывается, что произошло в Тернистом Аду, и знать не знает об исходе противостояния Кадии и генерала Хэмила. А ведь она может с легкостью заглянуть в свой магический талисман. Значит, не хочет? Это очень многообещающе!

Возможно, потому, что — хотела она того или нет — принцесса Харамис влюбилась в него.

Куда труднее давался Орогастусу анализ собственных ощущений — это был важный этап в процессе подготов-

ки сакральных свершений. Следовало очиститься от всякой неясности, любого темного пятнышка, стать прозрачным, как стекло. Как увеличительная линза, вбирающая в себя энергию и концентрирующая ее на выбранном объекте. Конечно, он не любил и никогда не полюбит ее — об этом смешно говорить! Он надежно защищен столетиями тренировок духа — и все равно где-то в глубине души, под сгустком демонических, неутоленных стремлений к силе, к власти, которые давали ему надежду, вели по жизни, билась нелепая ожившая жилочка, пульсирующая не в такт со всем могучим, крайне сложным инструментом, каковой представляли собой его дух и тело. Это было неожиданно, неприятно, больно, наконец! Ее надо успокоить, усмирить... Он же не лгал ни себе, ни Харамис, когда объяснял, что с охотой и навсегда принял обет безбрачия.

Чувственная любовь запретна для тех, кто посвятил себя искусству магии. Для этого существуют важные причины. Физическая любовь как таковая — это непредсказуемый и неуправляемый комплекс желаний, мыслей, фантазий. Да, она в какой-то мере является источником огромной энергии, но от подобного источника нужно бежать без оглядки. Куда и на кого плеснет эта энергия, даже предположить невозможно. Одним словом, как утверждал кодекс волшебника и чародея, страсть отвлекает от великой цели, искажает объективный мир, подавляет волю и требует слишком много сил, которые следует использовать целенаправленно и разумно.

Все это было ясно Орогастусу как день, он не беспокоился за свой разум. Но вот брэнное, латаное-перелатаное тело, которое он знал до последней клеточки, перестроенное и совершенное!

Нет, требовалось срочно устранить эту помеху...

Легко сказать — устранить! Но как это сделать, если он нуждается в Харамис? И не ради одного лишь талисмана, который подвластен только ей и никому другому. Она — и недели не прошло — стала достойным его партнером, какого он искал столько лет. За короткий проме-

жуют времени Харамис на голову превзошла этих лизоблюдов-Голосов. Как все несуразно сплелось, вздохнул маг, как не вовремя!

Вот почему он должен до конца использовать ее в этой игре — можно поделиться с ней кое-какими знаниями, даже попользоваться ею, если уж так повернутся события... Но только ради дела. Ради великой цели!

Завтра он ослепит ее чудесами, которые способны творить магические предметы Исчезнувших, затем попытается вызвать сочувствие к себе рассказами о своей трудной жизни — капля сострадания никогда не помешает. Если же она не растает от избытка чувствительных подробностей, если ему не удастся сломить ее — а это вполне возможно, она молода и весьма сильна в психологическом отношении, — тогда придется заманить ее в ловушку. Спеленать так, чтобы она не могла пальчиком пошевелить. И в решающий момент...

Орогастус расслабился, довольная усмешка появилась у него на лице. Он подмигнул трем набравшим силу лунам, ярко сияющим над серебристыми вершинами Охоганских гор. Видимость в эту ночь была удивительная, на много лиг вперед.

«Не все еще потеряно, и силы еще есть», — мелькнула в голове ритмическая строчка.

Это хорошая примета — когда он начинал складывать в уме стишки, значит, дело шло на лад. Орогастус потер руки, вернулся в кресло и вызвал на сеанс телепатической связи последнего оставшегося в живых помощника, лечившего короля и изучавшего труды в королевской библиотеке.

— Зеленый Голос?

— Я слушаю, хозяин.

— Ну, что там с собранием книг?

— Я нашел множество свидетельств, представляющих несомненный интерес. В древнейших верованиях первопроходцев-людей, давным-давно заселивших Гиблые Топи, есть удивительное объяснение исторического процесса. Они считали, что живут в Век Триллиума. Он за-

вершился грандиозной битвой, и началась новая эпоха, в которую, чем ближе к современности, тем чаще случались всякие бедствия, катастрофы. Переломной точкой ее развития — а возможно, и конечной — станет Праздник Трех Лун, но только тот, когда все три луны сольются воедино, явятся как единое око... Любой может догадаться, что речь идет о каком-то невероятном астрономическом событии... Не знаю только, возможно ли оно на самом деле?

— Без сомнения. Такие случаи зафиксированы. Это очень интересное свидетельство, оно подтверждает мою собственную теорию. Продолжай.

— В книге, где описываются обряды, легенды и мифология уйзгу, есть очень интересный гимн. Я позволю себе процитировать его.

Первый дар, второй и третий;
Все — в одном!
Первый — удивительный Венец горемыки короля,
Раздвигающий пределы наших мыслей,
Свет дающий...
Дар второй — Меч священный
С Тринедиными Очами,
Справедливости защитник, милосердия оплот.
Третий талисман волшебный —
Этот Скипетр окрыленный,
Он скрепляет все дары.
Третий дар, второй и первый —
Каждый в трех!
Явись, явись, к нам, Триллиум,
Явись к нам, Всемогуший!

Вероятно, уйзгу поют эту священную песню на ежегодном Празднике Трех Лун, даже не понимая ее изначального смысла.

— Я догадываюсь, в чем здесь суть, — ответил Орогастус. — Хвалю, полученные тобой материалы подкрепляют мою теорию. Что еще?

— Хозяин, вот последняя находка — упоминание о зловещем предзнаменовании.

— Рассказывай...

— Это касается так называемого Скипетра Власти, который, как известно, является комбинацией трех талисманов. В одном из полуразвалившихся ящиков мы нашли свиток. Развернуть его поначалу не удавалось, но потом случайно подул ветерок, манускрипт упал на пол и раскрылся. Я сразу понял, что он составлен в Тузамене и на языке вашей родины.

— Очень странно. Едва ли он составлен кем-то из живущих на Полуострове, откуда я родом... Ну, ладно, продолжай.

— Большая часть свитка расшифровке не поддается, но то, что касается Скипетра Власти, удалось прочитать. Сообщаю дословно: «Великой силы Скипетр, который был разъединен и спрятан Теми, Кто Исчез, возродится, и мощь его потрясет основы мироздания. Старое обновится, и большая звезда сорвется с небосвода и рухнет на землю...»

— Понятно.— Орогастус некоторое время молчал, потом заметил: — На небе миллионы звезд, Голос.

— Да, хозяин.

— Как король Волтрик повел себя, когда узнал об измене сына?

— Он впал в неописуемую ярость. Но, несмотря на ваши намерения, он не желает немедленно отречься от него. В этом деле он проявляет странную нерешительность, заявляя, что Антар очень популярен в армии, где его уважают за добрый и справедливый характер, за силу и храбрость. Кроме того, принц имеет многочисленную и очень влиятельную родню со стороны матери. Поэтому, прежде чем объявлять его государственным преступником, нужно крепко подумать. С такими объяснениями можно было бы согласиться, если бы не одна фраза, которую он бросил в сердцах: «Не знаю, не знаю, как бы я повел себя, если бы эта особа спасла меня от людоедов...» Правда, больше ничего подобного он не говорил. Замысел его состоит в следующем — отложить лишение Антара титула наследного принца и объявление его вне закона до возвращения из похода корпуса под командованием генера-

ла Хэмила, что значительно увеличит число его сторонников в армии.

— Наш король поступает мудро, — сказал Орогастус, а про себя подумал: «Куда, кстати, умнее, чем я. Почему никто не предостерег меня, не надоумил? Силы Тьмы, я же отдал вам душу — почему вы допустили, чтобы я так жестоко просчитался!»

Мысли эти не были доступны Зеленому Голосу, а боги Тьмы хранили молчание.

Делать нечего, и первый министр, вздохнув, сообщил помощнику:

— Боюсь, тебе придется передать его величеству не очень-то приятные известия. Хэмил погиб. Корпус понес серьезные потери, однако сохранил боеспособность. Командование принял на себя лорд Осоркон. Если Волтрик потребуёт подробностей, ответь, что ситуация пока неясна. Скажи только, что, к сожалению, принцессе Кадии удалось вырваться из плена вместе со своим талисманом. Так же, как и принцессе Анигели.

— Хозяин...

— Оба твоих товарища, Красный и Синий Голоса, погибли.

— Могу ли я спросить, как это случилось? Ведь меня неминуемо затерзают подобными вопросами.

— Можешь объяснить королю, что и генерал Хэмил, и Красный Голос сами виноваты. Работали грубо, неумело. Попытались принудить принцессу Кадия вручить им талисман, что, надо заметить, было им строго-настрого запрещено. Этот магический предмет накрепко связан с принцессой и всякому чужому человеку, пытающемуся овладеть им, несет смерть. Что и случилось с Хэмилом и Голосом. Скажи королю, что принцесса сбежала, но скрывается в глубине болот и долго еще не посмеет высунуть оттуда нос, поэтому Лаборноку пока ничто не угрожает.

— А что мне сказать его величеству насчет гибели Синего Голоса?

— Ничего. По моим сведениям, Синий Голос попытался избавиться от принца Антара, когда они остались в

лодке вдвоем. Голос проиграл поединок и был выброшен за борт. Он утонул в реке.

— Какое несчастье! Синий Голос был самым храбрым из нас. Красный — самым проникательным...

— Да, Зеленый Голос, но самым умным являешься ты. На тебе лежит наибольшая ответственность. Задача трудна — нужно удержать Волтрика, чтобы он не наделал глупостей. Тебе придется присматривать за ним, пока я не прибуду в Цитадель. Лорду Осоркону на возвращение понадобится не менее трех дней, поскольку реки вздулись из-за бурь и дождей, прошедших в горах, и скорость их течения увеличилась. Так и передай королю.

— Приближающиеся муссоны уже и в окрестности нагнали дожди, хозяин. Совсем скоро в этом утопающем в грязи королевстве нельзя будет передвигаться ни по воде, ни по суше. Вследствие оторванности от столицы в отдаленных районах страны наметилась некоторая активность среди рувендийского населения. Чтобы собрать все силы в кулак, король решил на зимний сезон оставить армию в Цитадели. По всей стране будут разбросаны небольшие гарнизоны, которые никаких активных действий вести не будут. Король и его штаб уже работают над этими планами.

— Разумно, — согласился Орогастус. — Вот еще что... Не забывай напоминать королю, что дело о низложении его сына не терпит отлагательств. Как только верные ему офицеры вернутся в крепость, заставь его совершить обряд отлучения принца от королевского дома. Я не желаю постоянно ждать, не случится ли с королем какой-нибудь пакости. Что тогда прикажешь делать с Антаром?

— Я понимаю, хозяин. Я буду ежедневно бить в одну точку. Но в преддверии Праздника Трех Лун король стал совершенно невыносим и чудовишно подозрителен. Кто-то из рувендийских слуг, мне думается, просветил его величество насчет ужасного пророчества, связанного с этим событием. Он свихнулся на желании немедленно возвратиться в Лаборнок.

— Этого нельзя допустить ни в коем случае!!! Он должен охранять торговый путь во время сезона дождей.

— Хозяин, я ему то же самое говорю. Но его никак не переубедишь. Он считает Цитадель проклятым местом — мол, здесь веками совершались магические обряды, и вся эта ужасная чертовщина обрушится ему на голову.

— Чепуха! Разубеди его в этом! Устрой какое-нибудь представление... Он ни на мгновение не должен усомниться в могуществе Сил Тьмы, которые принесли ему победу. Они владеют миром, перед ними никто не в состоянии устоять! Я еще перед Праздником Трех Лун постараюсь прибыть в Цитадель.

— Но как? Ведь этот переезд займет не менее восьми дней, даже во время сухого сезона.

— Никто не может и не должен знать, как я устрою это! Скажи только, чтобы меня ждали накануне Праздника. Передай Волтрику, что я непременно буду. И что все будет хорошо.

— Я передам ему ваши слова, озарю его светом надежды. Он с раскрытым сердцем встретит вас и вновь покорно исполнит любое ваше пожелание.

— Прекрасно. Прощай, мой Голос.

— Прощайте, хозяин.

Когда связь была окончена, чародей на несколько минут приложил пальцы к вискам. Потом он встал, на лицо его легла тень беспощадной жестокости.

— Все должно быть хорошо! Для начала мне необходимо выяснить, где скрывается принцесса Кадия, а потом уже займемся Харамис.

На следующий вечер, после ужина с Орогастусом, Харамис вернулась в свою комнату и обнаружила поджидавший ее подарок — большой плоский пакет, завернутый в черную материю и перевязанный серебряным шнуром. Сверху лежала записка.

«Дражайшая моя!

Завтра я собираюсь познакомить Вас с наиболее драгоценными и удивительными предметами моей коллекции. Прежде всего это чудесное зеркало из черного льда — незаменимое средство для обнаружения любых объектов, распо-

ложенных в самых отдаленных точках нашего мира. Я покажу Вам то, чего не видел никто из людей. Чтобы не оскорбить Силы Тьмы, которые заставляют зеркало действовать, я прошу Вас надеть наряд, который находится внутри этого пакета. Я изготовил это платье специально для Вас. Не хочу скрывать, как я надеюсь, что Вы составите мне компанию в бурном море познания магической действительности. Мне радостно, что именно я буду тем человеком, который положит к Вашим ногам разгадки великих тайн и, что особенно важно для меня, свое сердце. Мне кажется, дражайшая принцесса, Вам следует остаться в моем замке до завтра. Прошу простить излишнюю бойкость этого письма, его откровенную прямолинейность, что вполне извинительно для человека, так долго пребывавшего в одиночестве, который и не чаял встретить Вас. Человека, который никогда не испытывал любви...

Навсегда Ваш, с уважением

Орогастус».

Харамис встревожил слишком откровенный тон письма. Была в этих строчках какая-то загадка, нелепость...

«Неужели он всерьез верит, что я влюбилась в него? — спрашивала себя принцесса. — Что я готова поднести ему на золотом блюде с голубенькой каемочкой свое сердце? Он что, спятил?! Разве я похожа на крестьянскую дурочку, готовую стать рабыней первого же мужчины, который коснулся ее? Или он думает, что сразил меня наповал хитрыми устройствами своей коллекции?»

Харамис устроилась в кресле перед камином, где сразу, как только она вошла в комнату, разгорелся огонь. Письмо было зажато в откинутой руке. Перед глазами принцессы прошел ряд хитроумных магических предметов, представленных Орогастусом.

«Конечно, это удивительные машинки, — думала она. — Кто знает, на что они способны? М-да, они совсем не похожи на те игрушки, которые я хранила у себя в Цитадели. Но поразительнее всего — его взгляд! Его цепкие завораживающие глаза, похожие на два заряженных арбалета,

когда он смотрел на эти адские штучки. Зловещий взгляд... С другой стороны, он совсем не похож на отъявленного негодяя, каким я считала его вначале. Орогастус, безусловно, натура сложная, скорее несчастная. Безрадостное детство, бесконечные хлопоты о хлебе насущном... Конечно, его поддержку королю Волтрику простить нельзя. Возможно, правда, он не мог перечить обезумевшему королю, иначе его тут же вышвырнули бы из Лаборнока. Что поделаешь, если судьбой ему предначертано покинуть родину и уехать в далекий край — в эти дикие горы, куда призвала его тайна Пещеры Черного Льда. Трудно противиться зову пророчества, открывшегося человеку и обязывающего его явиться сюда и овладеть секретами всех этих чертовых машин».

Дрова весело трещали в камине, и от него шло приятное тепло.

«Будь я в положении Орогастуса,— спросила себя Харамис,— смогла бы я отказаться? Смогла бы все взвесить, проявить проницательность? Хватило бы у меня решимости отвергнуть предложение стать придворным магом у злодея-правителя, если бы это шло вразрез с линией судьбы?»

Принцесса протянула руку и взяла со стола пакет. Развернула, принялась изучать облачение, уложенное в него. Без этих атрибутов, как уверял Орогастус, Силы Тьмы не допустят ее в Пещеру Черного Льда. Одежды выглядели настолько красиво, что Харамис не могла справиться с искушением примерить их тотчас. Как же этот набор будет сидеть на ней?

В пакете лежала нижняя рубашка, сшитая из какой-то холстины, и пара туфель. Потом роскошное платье из отливающей серебром материи со вставками ярко-черного, поблескивающего шелка — на ощупь просто ледяное. Кроме этого, плащ цвета безоблачного ночного неба, украшенный орнаментом, вышитым серебряной нитью. На спине густо рассыпаны звезды. Еще в плоском на первый взгляд пакете умещался необычной формы шлем. Принцесса долго колебалась, прежде чем надеть его. В качестве забрала к нему была прикреплена жемчужного цвета полу-

маска, оставлявшая открытой нижнюю часть лица. По абрису головы, от одного плеча до другого, шли остроконечные стержни разной длины, напоминавшие лучи. Все сооружение походило на своеобразную корону, обнимавшую голову. Волосы шлем не закрывал, и они свободно струились по спине. К платью были приложены длинные перчатки.

Полностью облачившись в сей ритуальный наряд, Харамис сразу почувствовала нестерпимое желание скинуть его, разорвать на клочки и бежать отсюда... Как, почему — она не могла понять, но этот зуд не оставлял ее — скорее к двери, потом на башню и звать, звать птицу, чтобы она поскорее унесла прочь. К тому же, обратила внимание Харамис, ее талисман, висевший на груди, совсем зазеленел под этой одеждой, а янтарная капелька окончательно утасла.

«Что ты делаешь? — спросила она себя. — Неужели не соображаешь, что это необычный наряд? Те устройства, которые он мне показывал, не имеют никакого отношения к магии — я в этом уверена, но вот эти тряпки? А что, если Силы Тьмы, о которых он столько раз упоминал, действительно существуют? Он, очевидно, поклоняется им, и в ответ они наградили его чем-то таким, что позволяет ему превзойти возможности обычного человека. Но чем можно соблазнить такую незаурядную личность, как Орогастус? Ответ напрашивается сам собой — ему обещали власть над миром. Другого объяснения просто быть не может!.. Подожди, не спеши, взвесь все основательно, дело дошло до той черты, когда нельзя допустить ошибку. Это ощущение твердое? Да. Значит, оно верно. Теперь по поводу Орогастуса... Объясняет ли найденная тобой причина его поступки?.. По-видимому, да! Я сама вряд ли смогла бы устоять перед таким соблазном. Именно эта до сих пор не высказанная цель в какой-то мере одухотворяет его, делает таким притягательным. К сожалению, женское сердце тает перед всем необычным, исполненным тайны. Безусловно, он наделен огромной силой, но в чем ее источник, какого она рода? Светлого, темного? Что я могу взять от нее, чем воспользоваться?»

Ее охватил беспричинный животный страх, на лбу выступили бисеринки пота. Машинально она схватилась за Трехкрылый Диск, сосредоточила взор в центре волшебного кольца, страстно зашептала:

— Белая Дама! Белая Дама! Ответь. Откликнись...

Несколько мгновений в центре кольца по-прежнему виднелись сумрачный угол комнаты, тусклый рисунок на ковре, стена, нижняя бахрома шторы, потом Харамис решила — а что, если снять перчатки? К ее удивлению, волшебный жезл сразу ожил, затеплился, запульсировал впаennyй в янтарь черный цветок. Не прошло и нескольких секунд, как мрачный интерьер комнаты подернулся сероватой дымкой. Все гуще, гуще... Следом в окружности ясно проступило утомленное лицо Великой Волшебницы Бины — голова ее покоилась на подушке. Было видно, что Белая Дама чувствует себя очень плохо. Глаза ее были открыты, слезы копились в уголках возле переносицы и медленно скатывались по щекам. Увидев Харамис в одеянии служительницы Сил Тьмы, она заплакала еще сильнее.

— Так быстро? — Ее голос прозвучал не громче шелеста цветов в вазе, когда их головок касается легкий ветерок. — Он так легко одолел тебя? Нет... Я несправедлива к тебе, моя девочка. Я чувствую, что ты еще не выбрала свой путь.

— Конечно! Я в растерянности!

Изображение Белой Дамы заколебалось, однако потом все восстановилось. Харамис невольно отметила, что Великая Волшебница обошлась без упреков, без язвительных замечаний. Она беседовала, как любящая мать, выговаривающая дочери за нелепую промашку. В ее голосе слышались любовь и забота.

— Я пришла сюда, потому что он пригласил меня, — принялась оправдываться Харамис. Потом, рассердившись, что и в самом деле ведет себя как напроказившая девчонка, с холодной решимостью заявила: — Я хотела узнать всю правду об Орогастусе — кто он? Я должна была своими глазами взглянуть на него — понять, на что он способен, насколько увяз в паутине Зла...

— И что же?

— С головой! Хотя все оказалось не так просто. Он — не мошенник, не патологический маньяк, в его рассказах присутствует реальная жизнь, только своеобразно преломленная. Он уверяет, что его ведет предначертание, пришедшее свыше.

— Да, подобного рода сведения действительно могут оказаться полезными, — мягко согласилась Великая Волшебница, — но разве это мудро — так долго оставаться под его крышей?

— Я не испытываю здесь ощущения опасности, — беспечно ответила Харамис. — Мой ламмергейер свободен, он находится поблизости и может унести меня в любой момент. Орогастус не посягает на мой талисман. Он очень любезно обращается со мной...

— Слишком любезно.

Девушка покраснела, жемчужная полумаска прикрыла ее смущение.

— Да, — кивнула она и тихо согласилась: — Слишком.

— Я давно почувствовала, Харамис, что тебя заманили в ловушку. Он ловко воздействовал на твое пылкое воображение — этакий непризнанный, страдающий гений, вынужденный служить Тьме, в то время как его душа рвется к Свету. Ты решила, что, попав в его логово, познакомившись с его коллекцией, ты откроешь секрет? Отыщешь тайну его жизни и смерти?

— Да, — вновь кивнула Харамис. — Именно поэтому я согласилась посетить Бром. Я пришла сюда за знанием. И в этом смысле я многое получила. Надеюсь добиться большего, особенно насчет того, что касается Рувенды... Мне еще многое надо узнать. Все будет хорошо — я верю в это.

— Да, все будет хорошо... Но очень скоро ты должна навестить меня и услышать мою точку зрения. Она во многом расходится с точкой зрения Орогастуса. Я больше склоняюсь к мнению обычных граждан, утверждающих, что никакими романтическими одеждами не скрывать злодеяния. Конечно, ты должна составить собственное

мнение, но вот один вопрос. Не утверждал ли Орогастус, что король Волтрик заставил его принять участие во вторжении?

— Да, он заявил, что в этом деле он являлся лицом зависимым.

— И ты поверила? Никто не сомневается в том, что поход начался по его инициативе. Но не в этом сейчас дело... В тебе... Между дорогой, которую я распахнула перед тобой, и путем, на который зовет Орогастус, большая разница. Конечно, чтобы сделать правильный выбор, ты должна познакомиться с обоими вариантами.

— Я скоро буду у вас, — торопливо заверила принцесса.

— Смотри, не опоздай...

Лицо Бины угасло, вновь серая пелена затянула поверхность кольца, потом и она растаяла.

Харамис отпустила талисман, и он, раскачиваясь, повис на золотой цепочке. Потом она встала и направилась в ванную комнату, где долго разглядывала незнакомку, одетую в странный, пугающий наряд. Черный и серебристый. Глаз не видно...

Она вернулась в спальню и начала снимать подаренные одежды, но про себя окончательно решила, что завтра, несмотря ни на что, снова наденет их и отправится с Орогастусом в Пещеру Черного Льда.

Глава 38

Глашатай Састу-Ча, несколько смущенный явившимися извне в его сознание словами, с которыми к нему обратилась принцесса, во главе группы старейшин Лета сам встретил Анигель и Антара.

Всего в какой-то сотне элсов отсюда разворачивалось сражение, и вайвило сразу повели гостей в убежище. Не успели они добраться до ближайшей, сложенной из толстых бревен постройки, как с неба обрушился сильнейший ливень.

— По крайней мере, пожары потушит, — заметил Састу-Ча. — Но глисмаков гроза не отпугнет. Мы уже при-

няли послов, направленных к нам с предложением выкупа. Мы готовы заплатить. Так что, принцесса Анигель, вы опоздали.

Принцесса ничего не ответила, бессильно опустила на увязанный тюк с товарами — помещение, куда их привели, служило складом. Анигель по-прежнему была в широкополой шляпе Имму и в свободном кожаном плаще, который она накинула после того, как сошла на берег. С той поры решительность и уверенность оставили ее, и она повсюду следовала за Антаром.

Принц сам представился старейшинам:

— Вы должны помнить меня. Я — Антар, принц Лаборнока. Несколько дней назад я проплывал мимо вашего селения. Теперь я в услужении у этой госпожи, которая дважды спасла мне жизнь. Кроме меня, обет верности ей принесли и мои оставшиеся в живых люди. Все мы, невзирая на опасности, спешили вам на помощь. Прежде чем вы сдадитесь на милость победителя, я хотел бы объяснить вам, о какого рода помощи идет речь.

— Говори, — кивнул Састу-Ча. Голос его звучал совсем по-человечески, сильно и ясно. — Только заранее хочу сообщить, что на этот раз глismaкам удалось объединить большинство своих племен, и теперь их численность достигает нескольких тысяч бойцов. Примерно треть наших воинов захвачены в плен, некоторые уже, по-видимому, съедены. У нас больше нет сил сражаться.

— Это и не потребуется, — ответил принц. Он взял Анигель за руку и мягко поднял. Затем развязал у нее на груди завязки плаща, снял шляпу.

Вайвило ошеломленно уставились на корону, один из старейшин разрыдался.

— Боги! Да это же Трехглавое Чудовище! — всхлипывая, вымолвил он. — Хвала Триллиуму, она смогла добыть его. Как же дерево отдало этот дар?

— Этот талисман, — объявил принц, — сразил могущественного вождя глismaков, внушил ужас его воинам. Молния ударила с небес и поразила злодея.

Састу-Ча обратился к Анигели:

— Так и было?

— Да,— ответила она.

В ее глазах зажегся огонь, девушка почувствовала прилив сил. Черный цветок на короне засветился...

— Ты сможешь поразить этих зверей? Обрати их в голловешки! — попросил самый старый, только что рыдавший вайвило.

— Проведите меня к месту схватки,— решительно сказала Анигель,— и вы сами увидите, на что способно Трехглавое Чудовище.

Все вместе они проследовали к дальней причальной стенке, за которой начинался узкий глубокий канал, отделявший селение от берега. Здесь, на небольшом водном пространстве, сосредоточилась флотилия каноэ глисмаков, ожидавших сигнала для продолжения штурма. К тому моменту, как Анигель вышла на набережную, сюда уже были снесены мешки со съестными припасами, ящики с товарами. Здесь же расхаживал вождь глисмаков Хак-Са-Ому с помощниками и проверял грузы.

Около сотни глисмаков собрались на волнорезе, прикрывавшем причалы. Это были тяжеловооруженные воины, с их клыков капала кровь. Некоторые из дикарей, пригнувшись, бродили между домами, выискивая неосвежеванные трупы, другие сидели в каноэ. Большая часть орды скопилась за каналом в прибрежных зарослях. Они еще не вступали в дело и, смешав ряды, ожидали окончания переговоров и дележа добычи.

Глашатай Састу-Ча обратился к вождю глисмаков на местном наречии. Они начали отчаянно спорить — Анигель, не дожидаясь конца спора, вышла вперед. Она вновь была в шляпе и сняла ее только тогда, когда вплотную подошла к глисмаку. Янтарный медальон на короне засветился ярко, наплывами, словно в эту дождливую ночь на реке зажгли еще один бакен. Все люодеды, собравшиеся на моле, тихо, испуганно завывли...

— Замолчите! — крикнула Анигель, и все покорно стихли.

Затем она обратилась к нападавшим на общем языке, и принц Антар готов был поклясться, что дикари прекрасно понимали ее. Она сказала:

— Вы знаете, кто я. Ваши собратья, должно быть, поведали вам, что случилось на реке Ковуко. Талисман, предназначенный мне судьбою, у меня в руках. Теперь все вы, жители Тассалейских чаш, знаете, что я являюсь одним из лепестков Всемогущего Триллиума, дарующего жизнь. Но тем, кто замыслил недоброе, трудно рассчитывать на пощаду. Я пришла сюда, чтобы установить мир в лесу. Я не спрашиваю вашего согласия, я утверждаю — так будет!

Последние ее слова потонули в оглушающем реве, воплях, завываниях, свисте и даже шипении, которыми наградила ее армия глисмаков. На берегу вообще творилось что-то несусветное. Анигель невозмутимо выждала, подняла руку — низкие облака озарились вспышкой молнии, затем громовой раскат прокатился над рекой и прибрежными зарослями.

Теперь наступила полная тишина — гулкая, напряженная, даже дождь прекратился.

— Я не виню вас, глисмаки. Вы слепы... Ваши родственники вайвило богаты. Вы грабите и убиваете их, потому что так повелось издревле. Не нами, как говорится, придумано, не нам и отменять. Вы до сих пор едите человеческое мясо — опять же это перешло к вам от предков. Но так больше не будет! Это говорю вам я, принцесса Анигель из королевского дома Рувенды, один из лепестков священного Триллиума, ваша урожденная владычица и хранительница. Пришли новые времена — я устанавливаю новый закон. Заветы предков умерли раз и навсегда!

Слушая принцессу, принц почувствовал, как по телу у него пробежали мурашки. На его глазах нежная, красивая девушка превращалась в существо божественного происхождения. То не был обман зрения — Антар готов был поклясться в этом. Анигель с каждым мгновением становилась все выше и выше. Изношенное рваное тряпье, в котором она путешествовала, чудесным образом растая-

ло — теперь она была облачена в платье из алых, багрово-зеленых, голубых и белых молний. Корона на голове ослепительно пылала. Голова же возвышалась над коньком крыши самой высокой постройки в Лете. Голос звучал подобно перекаत्याющемуся грому. Антар едва удержался, чтобы не опуститься на колени, — только присутствие дикарей удержало его.

— С этой минуты я объявляю мир между вайвило и глисмаками. Мир между вашими племенами и людьми. Вы будете учиться. Ваши дети будут учиться. Профессия воина больше не будет для них единственно возможной — их ждет поприще мирного и созидательного труда. Убийство теперь будет считаться самым тяжким грехом, я буду строго наказывать за него. И никогда больше вы не отведаете чужой плоти!

Крики, робко прокатившиеся по рядам людоедов, тут же сошли на нет. Те, кто сидел в лодках, сразу повалились на дно, прикрывая головы руками. И по волнорезу словно коса прошла — все глисмаки пали ниц. Удивительно! Антар, затаив дыхание, следил, как на противоположном берегу, будто под напором незримого ветра, валились на землю дикари. Только Хак-Са-Ому застыл, как столб. Челюсть его с длинными клыками отвисла, глаза выкатились из орбит.

— Товары, собранные на причале, останутся здесь, — объявила Анигель. — Все воины-глисмаки на этот раз разойдутся по домам с пустыми руками и весь сезон дождей будут обдумывать мои слова. Если какое-либо племя нарушит закон, его ждет неминуемая кара.

Три громовых раската сотрясли облачное, затихшее ночное небо. Антар поразился, что вспышек молний не последовало — это было удивительно и убеждало лучше всяких слов. Между тем принцесса продолжала:

— Нарушившие закон глисмаки будут лишены тех милостей, которыми я осыплю тех, кто будет точно его соблюдать.

У сияющей великанши вдруг появились три головы. Каждая была увенчана короной в форме Триллиума.

— Мы спрашиваем тебя, Хак-Са-Ому, вождь народа глисмаков, несчастный, присутствующий здесь, ты все слышал?

Вождь в ответ прошептал что-то неразборчивое — точнее, захныкал и заскулил, как малый ребенок. Потом покорно закивал — тело его сотрясала крупная дрожь. Особенно сильно подрагивали когти на ногах — Антар не мог оторвать взгляда от этих приплясывающих конечностей.

— Уведешь ли ты своих людей добровольно?

Ответ был по-прежнему невнятен, но, без сомнения, утвердителен.

— Будешь ли ты сохранять перемирие, пока я вновь не приду к вам?

Теперь уже вождь закивал более определенно.

— Клянись!

Хак-Са-Ому рухнул на колени, коснулся головой дощатого настила.

— Уходите!

Могучий разряд прорезал небеса, и почти сразу над головами грохнуло так, что и все вайвило, как один, повалились на колени. Но и на этот раз Антар устоял — более того, он выхватил меч и отсалютовал грозной богине, чей образ внезапно растворился в воцарившемся мраке, и рядом вновь стояла хрупкая, часто и тяжело дышащая Анигель.

Хак-Са-Ому что-то скороговоркой приказал, и одно из самых больших каноэ скользнуло к причалу. Глисмаки попрыгали туда, и тотчас вся флотилия по команде, отданной с флагманской лодки, развернулась и скрылась в ночи. Те же, кто был на молу, попрыгали в воду, в мгновение ока преодолели канал, выскочили на другой берег и вместе со всей армией бросились в джунгли. Треск в той стороне раздавался такой, словно там бушевала буря.

Между тем на причале по-прежнему стояла тишина. Оцепенение, в которое впали старейшины вайвило, не проходило. Анигель — все та же девушка с мокрыми волосами, в рваной одежде — ободряюще улыбнулась им. Наконец Састу-Ча очнулся, нерешительно шагнул вперед и поклонился:

— Всемогущая госпожа! Ты исполнила данное тобой слово — спасла нас! Пощади меня, неверующего, присутствующего здесь!

— Боже, ты сделала это! — воскликнул Антар. — И без единой жертвы!

— Я не так глупа, чтобы поверить, будто они с первого раза усвоят урок, — приблизившись к принцу, сказала Анигель. — Глимаки подобны детям. С ними бесполезно спорить, тем более потакать им, потому что эти детишки не прочь отведать человеческого мяса. К несчастью, единственное, что можно сделать в подобных обстоятельствах, — это хорошенько припугнуть их. Позже их можно будет в чем-то убедить, чему-то обучить, наконец.

— Так и есть, — кивнул Састу-Ча. — Это знает каждый родитель.

— Кровь проливать нельзя, — почти шепотом, чтобы ее могли слышать только Глашатай и Антар, сказала принцесса. — Теперь мне многое стало понятно. Громы и молнии — это пустяки. Детские игрушки! Талисман обладает куда более могучей силой. С его помощью можно вкладывать мысли прямо в девственное сознание этих людей — сила внушения чудесной короны неизмерима. Конечно, подобное знание надо постоянно — ежедневно, ежечасно — подтверждать практикой, конкретными делами. Хочу признаться: кроме приказа оставить Лет в покое, я внушила им, что теперь они находятся под моим покровительством, что я люблю их и позабочусь о них.

Глашатай порывисто вздохнул:

— Народ вайвило тоже мечтает о такой покровительнице и защитнице... — Он неожиданно встал на колени, следом за ним опустились старейшины. — Прими нас под руку свою, всепобеждающая принцесса. Каждый из вайвило готов поклониться тебе.

Старики за его спиной одобрительно зашумели.

— Как человек перед человеком, — продолжал Глашатай, — мы все твои должники, а как верные ученики, мы с благодарностью примем твои священные, божественные наставления. Да будет так во веки веков!

Старейшины и все остальные вайвило — воины, женщины, дети — громовыми криками подтвердили клятву верности и почитания, которую от имени лесного народа дал Састу-Ча.

Анигель на мгновение закрыла глаза.

Дождь пошел вновь — не тот ливень, что хлестал здесь час назад, а добрый ласковый дождик. На небе появились редкие прогалы, сквозь них виднелся чуть посеребренный Тремя Лунами мерцающий мрак. В одном из таких оконцев вспыхнули звезды. Свет их был уютен, ровен. Все вокруг приходило в несказанно сладостное равновесие, наполнялось добром — дождь тепел, река покорна, тишина спокойна, люди обрели веру и радостны. Боги спустились к ним, и они беседовали о привычном: о том, как жить дальше, как пробить дорогу к морю и мирно вести плоты в Вар, как снабжать строевой древесиной Рувенду и Лаборнок. Поспорили немного о цене на красное дерево с наследным принцем, кое-кто — и с божественной принцессой, поддерживавшей его. Никто не расходился...

Наконец Анигель задумалась, долго молчала. Молчали и вайвило, и принц.

— Друзья,— вымолвила принцесса.— Глиσμαки, ваши вечные противники,— взрослые дети. К сожалению, впереди у меня встреча с матерыми врагами, владеющими не только искусством ведения войны, но и колдовской силой. Их не запугать блеском молний и раскатами грома, не пронять милосердием и любовью. Белая Дама послала меня добыть священный талисман, который мы все почитаем. Давным-давно, в наш с сестрами день рождения, стало известно, что мы являемся Тремя Лепестками Животворящего Триллиума. Было также предсказано, что нас ждет трудная судьба, однако все окончится благополучно. До сегодняшней ночи у меня не было уверенности, что последняя часть пророчества осуществится. Но теперь мое сердце непоколебимо, оно твердо знает — так и будет.

Она взяла Антара за бронированную перчатку, потянула. Тот покорно шагнул вперед.

— Перед вами — следующий полноправный король Лаборнока. Он — человек хороший... В рувендийской Цитадели засел его отец Волтрик. Он — плохой человек... Злой, обезумевший от ненависти. Утром я отправлюсь в дорогу и скоро появлюсь под стенами древней крепости. Я сброшу Волтрика с престола, который тот занимает не по праву. Састу-Ча, если ты и твои люди действительно верны мне, вы должны сопровождать и охранять меня в походе.

— Великая принцесса, у нас достаточно воинов, и все они пойдут туда, куда ты прикажешь. Наш военачальник Лумому-Ко легко ранен, но сможет отправиться с ними. Если ты еще что-то потребуешь, мы все исполним.

Анигель объявила:

— Командующим назначаю принца Антара. Как и в любой армии, его слово решающее. Он имеет право казнить и миловать. Благодарю тебя, Састу-Ча, и твоих людей... От всего сердца благодарю. Не буду скрывать — наши враги очень сильны...

— Но у нас есть талисман, которым ты себя увенчала,— сказал Састу-Ча.

Принцесса сняла корону, спрятала маленький венец у себя на груди.

— Остаток ночи я должна отдохнуть... Сил больше не осталось,— призналась она.

— Прошу тебя и принца быть моими гостями,— сразу предложил Глашатай.

Старейшины заулыбались, принялись кланяться, как и все остальные вайвило. Толпа расступилась, и под приветственные возгласы Анигель и Антар направились к дому вождя. Они шли по улице, по обеим сторонам которой еще дымились сгоревшие дома. Небо совсем очистилось от туч, свет Трех Лун серебрил великую реку.

Анигель поместили в комнате, которую занимал старший сын Састу-Ча — тот, что поделился с принцессой своей одеждой, когда она в поисках талисмана покидала Лет. Уже раздевшись и устроившись в постели, принцесса не могла отделаться от ощущения, что кто-то наблю-

дает за ней. Поднявшись, она выглянула в окно, осмотрела ванную, не поленилась встать на колени и проверить под кроватью — никого! Тут она обратила внимание на тусклый свет, пробивавшийся из-под одежды. Она неохотно достала корону. Черный цветок в среднем выступе полыхал золотистым огнем.

— Ну, что тебе надо? — взмолилась Анигель. — Опять какие-нибудь ужасы покажешь? Неужели нельзя отложить до завтра?

Надень!

— Да что же это такое, черт побери!

Надень!

И следом — мелодичная трель колокольчика.

Анигель опустилась на край роскошной рувендийской кровати, робко протянула руку и надела корону. И воскликнула:

— Кади!!!

Сестра, при мысли о которой сердце Анигели сжималось от отчаяния — она уже не верила, что Кадия жива, — теперь была видна ясно. Настроение у средней сестры было доброе, глаза сияли, на грязном исхудавшем лице светилась улыбка. Кадия сидела у походного костра — вокруг теснилось множество вооруженных уйзгу. На коленях у нее лежал какой-то посверкивающий в отблесках огня вытянутый предмет, напоминающий чуть изогнутый меч с рукоятью, на конце которой виднелись три сросшихся бутона. В центре между ними светился янтарь со священным цветком.

— Наконец-то! Слава Триединому, ты откликнулась, — с некоторым раздражением воскликнула Кадия. — Ты была настолько увлечена собой, что не обращала внимания на мои вызовы. Никогда бы не подумала, что ты способна так выражаться.

— Кали, Кали! Ты жива, ты в безопасности! — Анигель смеялась и плакала одновременно.

Сестра взмахнула мечом:

— Это только благодаря моему талисману — Трехвекому Горящему Глазу.

— Я же видела тебя — мое Трехглавое Чудовище показало мне такую страшную картину... Ты в плену у генерала Хэмила. Там еще был огромный скритек с бедным уйзгу в лапах. Он его пожирал...

Лицо Кадии осталось спокойным.

— Они схватили меня вскоре после того, как я отыскала талисман. Я тогда понятия не имела, на что способен этот предмет. — Она показала сестре оружие. — Красный Голос проклятого Орогастуса дал мне первый урок. — Лицо Кадии даже не дрогнуло. — Он попытался взять меч силой и был жестоко наказан за это. После того случая охотников побаловаться с мечом не нашлось. Кроме генерала Хэмила... Эта тупоголовая скотина надеялась, что сможет заставить меня уступить ему талисман. С этой целью он и отдал скритеку женщину уйзгу, чтобы его просьба звучала более убедительно.

— О, Кади, это ужасно!

Средняя сестра нахмурилась:

— В той войне, которую мы ведем, нет места милосердию. Неужели ты еще не поняла этого? Сердцем не осознала? Теперь все решает сила. — Кадия погладила лезвие. — Но это тяжелая ноша, и обращаться с ней следует очень осторожно. Это не игрушки, Анигель. Когда в руках сосредоточена такая мощь, нельзя терять голову. Даже ярость и гнев могут сослужить добрую службу, только нельзя бездумно давать им волю — вот к чему я пришла после всех испытаний.

— Должно быть, твой талисман, — прошептала Анигель, — изменил тебя. Мой тоже излечил меня от бесконечного хныканья...

— Этот меч, — Кадия как будто не обратила внимания на слова сестры, — дал мне силу, которой еще следует научиться пользоваться. Кстати, лучшего защитника справедливости и не сыскать. Генерал Хэмил и те из скритиков, что стояли поблизости, в полной мере оценили это. От них остались одни головешки...

— Мне... Мне тоже пришлось воспользоваться талисманом. Я тоже погубила живое существо, — запинаясь, призналась Анигель. — Правда, только раз, и это вышло

случайно. Просто я была настолько разгневана, что не сдержалась. Не знаю, сумею ли я еще раз повторить этот опыт. Очень не хотелось бы...

— А мне хотелось и хочется! — спокойно ответила Кадия. — Если будет необходимо, я не стану колебаться! Значит, так тому и быть! Послушай, что я тебе скажу — остатки корпуса лаборнокцев под командованием Осоркона стараются пробиться к Цитадели. Между тем моя армия пополняется каждый день. Поднялись все — и уйзгу, и ниссоны. Командование армией доверено мне. Возможно, все дело в талисмани, но это не так важно. Я с ними заключила устное соглашение...

— Они помогут нам восстановить королевство?

— Да, они дали клятву. Представляешь, уйзгу, которые казались такими хрупкими, робкими... помнишь, мы встречали их на ярмарке в Треviste?.. На самом деле они — brave ребята. Выносливые, сильные... Главное, не дураки. На болотах нет воинов лучше них. А то, что мелковаты, — это ничего. Попробуй попади в них стрелой или обнаружь в засаде. Конечно, в строю, против закованных в броню лаборнокцев, им, по-видимому, не устоять, но для этого нам нужно собрать всех оставшихся рувендиан. Дело в том — так мне доносят разведчики, — что лорды из дальних краев не пострадали и сохранили свои дружины. Да, вот еще что... Эти уйзгу ухитрились приручить каких-то водяных животных и носятся по воде с умопомрачительной скоростью...

— Знаю, — улыбнулась Анигель. — Я побраталась с римориками — мы испили из одной чаши, и они потащили мою лодку.

Теперь Кадия рассмеялась:

— Я уже видела. Завтра — так я полагаю — ты отправишься со своим отрядом в поход на Цитадель. К тому же, как мне удалось разглядеть, в твоём страстном сердечке появился свой генерал?

Анигель вспыхнула и возразила:

— Вовсе нет! Никто в моём сердце не появился. Ты не можешь отрицать, что он благородный и преданный человек, к тому же он дал мне обет верности...

Сестра промолчала. Анигель подумала немного и завела разговор о том, что все эти дни сильно тревожило ее.

— Кадия, знаешь, твое пленение потрясло и огорчило меня. Теперь, когда ты свободна, у меня камень с души свалился. Но в тот день, когда я увидела тебя, я с помощью своего талисмана разглядела и Харамис в компании Орогастуса, и, как мне показалось, она полностью поддавалась его чарам.

Кадия сразу посерьезнела.

— Если бы дело было только в чарах! — сказала она. — Ани... я тоже несколько раз наблюдала за ней, и, боюсь, случилось самое худшее. Она влюбилась в него. Или соблазнилась тем могуществом, которое он предложил ей разделить с ним.

— Этого не может быть, Кади!

— Может, может, — кивнула средняя сестра. — Я связалась с помощью своего талисмана с Белой Дамой сразу после освобождения из лаборнокского плена. Той же ночью. Великая Волшебница при смерти и очень хотела бы повидаться с Харамис, но та определенно не желает расставаться с колдуном. Я попыталась связаться с ней, но она мне не ответила. Ты тоже можешь сделать попытку, но не удивляйся, если она откажется разговаривать с тобой. Люди, которые так безумно влюбляются, уже ничего не видят и не слышат вокруг себя.

— Это ужасно! Бедная Белая Дама... Бедная Харамис... Если все так, как ты говоришь, ее талисман может оказаться под контролем Орогастуса. Что тогда делать?

— Ничего. Чем мы можем помочь? Великая Волшебница выполнила задачу, которую поставила перед собой. Она отправила нас на поиски талисманов — мы их нашли. Теперь мы — я, ты, Харамис — вольные птицы и сами должны сделать свой выбор.

Голос у Анители задрожал, она с трудом выговорила:

— Тебе... тебе известно, что все три талисмана должны слиться воедино — только тогда могучие силы, заключенные в них, проявятся в полную силу? Их вполне можно использовать как во благо, так и во зло.

— Да, знаю. Мне рассказала об этом одна из Исчезнувших.

— Ты встречалась с кем-то из Исчезнувших? Но каким образом, Кадия?!

— Это долгая история, а время не ждет. Теперь тебе надо отдохнуть, моя младшая храбрая сестричка. Впрочем, мне тоже... Вскоре мы встретимся у Цитадели.

Изображение Кадии исчезло, и Анигель попыталась связаться с Харамис. Когда вызов дошел, она увидела, что ее старшая сестра безмятежно спит в уютной комнатке. Как и предупреждала Кадия, зов сестры не доходил до нее — разум принцессы был затуманен чарами Орогастуса. Его Харамис и видела во сне.

Анигель сняла корону — изображение сразу исчезло.

— Я теперь и заснуть не смогу, — вздохнула девушка.

Тут ей пришла мысль обратиться за помощью к своему талисману — она коснулась рукой венца, попросила наградить ее глубоким спокойным сном. В следующую минуту Анигель сладко зевнула и, едва успев положить голову на подушку, смежила глаза и тихо, ровно задышала.

Ранним утром флотилия вайвило во главе с Анигелью и Антаром отправилась на поиски рыцарей из отряда принца, прятавшихся на противоположном берегу реки. Затем боевые каноэ, выстроившись походным порядком, двинулись вверх по Великому Мутару, к порогу. Разведка, отправленная вперед, сообщила, что оставленная в Тассе часть отряда, нарушив приказ, снялась и покинула лагерь. Это известие удивило Антара.

Третья, самая ужасная гроза, разразившаяся у порога, ненадолго задержала войско вайвило, дала время детально обдумать план дальнейших действий. Принцесса использовала свой талисман, чтобы внимательно осмотреть окрестности Тасса, склады, лесовозную дорогу, проложенную по берегу озера. Местность, прилегающая к Вуму, казалось, полностью обезлюдела — город был совершенно пуст, лишь кое-где в джунглях тянулись дымки. Лаборнокны, все до единого — как гарнизон, так и отряд Антара, — бежали в Цитадель в страхе перед приближаю-

щимся сезоном дождей. Никто не охранял сплавные сооружения, штабеля бревен — вокруг царило такое запустение, что тоска брала.

На совещании принц Антар первым взял слово:

— Предлагаю с помощью слипа втянуть наверх каноз вайвило. Правда, надо посмотреть, хватит ли у нас канатов... Переправившись через порог, нам следует переждать бурю и затем на веслах добираться до устья Нижнего Мутара...

— Позволю себе прервать вас, принц, — подал голос военачальник вайвило Лумому-Ко. — Существует и другой вариант, более быстрый. Можно не ждать окончания бури. — И он поделился с Антаром своими соображениями.

Принц был достаточно крепкий, мужественный, много повидавший человек, но и он смутился, услышав предложение вайвило.

— Разве это возможно? — после некоторого замешательства спросил он.

Принцесса Анигель встревоженно глянула на предводителя вайвило.

— Даже кое-кому из людей удавалось путешествовать подобным образом, — мягко ответил Лумому-Ко на ее немой вопрос. — Конечно, риск существует... Но если нам повезет, мы через несколько часов окажемся у стен Цитадели.

— Да будет так! — поставил точку принц Антар.

Между тем разразился страшный ливень. Однако вайвило не обращали никакого внимания на хлещущие сверху струи. Речному народу было, по-видимому, все равно — идет ли дождь, светит ли солнце.

Принцесса подошла к толпе рыцарей и объяснила поставленную задачу.

— Друзья, вам придется снять доспехи, некоторое время броня вам не понадобится. Мы выступаем немедленно, сразу по завершении сборов. Мы должны подобрать как можно ближе к Цитадели и спрятаться в болотах. Там мы подождем, пока не придут дружины лордов с окраин королевства и те рувендиане, которые остались верными священному Триллиуму. Моя сестра Кадия спе-

шит с армией уйзгу и ниссомов с другой стороны. Если Бог соизволит, нам удастся разбить врага еще до наступления Праздника Трех Лун. Хочу сразу внести ясность, потому что это волнует не только вас, но и меня, и моих сестер. Прежде всего сообщаю — корпус Хэмила разбит наголову, сам генерал сражен моей сестрой Кадией. Жалкие остатки под командованием лорда Осоркона пытаются прорваться к Цитадели. По всей видимости — я уже говорила с сестрой об этом, — их пропустят, поскольку вид этих одичавших, деморализованных людей сильнее любого другого средства подействует на гарнизон крепости. Им будет о чем рассказать своим товарищам. Теперь заявляю официально, как одна из прямых наследниц трона Рувенды: мы, дочери короля Крейна, не посягаем ни на пядь земли Лаборнока. Мы желаем, чтобы между нашими странами установились добрые отношения. Этот вопрос является краеугольным камнем нашей внешней политики. Прошу учесть, что все мы одной крови, одной расы. Все мы люди, и нам не к лицу убивать друг друга по прихоти некоего колдуна или по приказу обезумевшего от мании величия короля. Да, преступники, издевавшиеся над пленными и мирным населением, должны быть наказаны, но в какой форме это можно сделать — сейчас говорить рано. Хочу еще раз подчеркнуть, что, приняв присягу на верность, я ни в коем случае не настаиваю на измене Лаборноку. Меня страшит мысль, что жестокость и несправедливость с одной стороны могут обернуться жестокостью и несправедливостью с другой. Теперь — по поводу лорда Ринутара и его друзей, давших слово сохранять нейтралитет. Ни в коем случае не принуждаю их сделать решительный выбор. Подобное положение меня вполне устраивает, однако хочу заметить, что время сейчас военное и любое нарушение этого обязательства или попытка снестись с врагом будут караться смертью. Жду вашего ответа, лорды, — справедливо ли это?

Ринутар и два его товарища хмуро поглядели друг на друга, на Анигель, на принца Антара, о чем-то пошептались между собой, потом Ринутар вышел вперед и заявил:

— Мы принимаем это условие, оно справедливо, и даже готовы оказывать посильную помощь вам, принцесса Анигель.

К вечеру того же дня к острову, где располагался полуразрушенный Лет, вынесло грубо увязанный тростниковый плот, на котором лежало исхудавшее, умирающее от голода существо. Бесформенная куча травы ткнулась в кромку берега, существо попыталось подать знак, но силы оставили его, и оно потеряло сознание. Если бы детишки вайвило не вытащили плот на песок, его подхватило бы течением и понесло вниз по Мутару. Старшие вайвило сразу узнали в неизвестной представительницу ниссомов. Следовательно, она приходилась им дальней родственницей, и это соображение решило ее судьбу — вайвило, оказали ей помощь. То-то удивились они, когда женщина, едва придя в себя, сразу поинтересовалась принцессой Анигелью.

— Великая госпожа, — ответили вайвило, — сейчас ведет войско к Цитадели. На голове у нее чудесный талисман, и все наши войны отправились с ней. Они часто связываются с нами по мысленной связи и рассказали, что на крыльях бури преодолели водопад и теперь, сколотив большие плоты, под парусами движутся к устью Нижнего Мутара... Но зачем тебе, едва не расставшейся с жизнью, все эти подробности?

— Как это зачем? — заворчала женщина. — Да ей без меня не обойтись!

Неизвестная женщина, несмотря на слабость, проявила такую энергию и настойчивость, что вайвило уступили и дали ей каноэ и даже трех юношей вайвило в качестве гребцов. Уже к вечеру того же дня Имму отправилась в путь.

Глава 39

Харамис и Орогастус вместе отправились в Пешеру Черного Льда. Принцессу больше всего интересовало, действительно ли чудесное зеркало исполнено магиче-

ской силы или, как и все показанные ей машины и механизмы, является обычным устройством, сконструированным древними умельцами.

Резная, покрытая наростами инея дверь в пещеру запахла только после того, как Орогастус произнес таинственное заклинание. При этом он невольно обратил внимание, с каким напряжением следила за ним Харамис. Ее синие глаза возбужденно посверкивали, губы чуть подрагивали — она вся была в ожидании разгадки тайны.

«Хороша! Она просто изумительно хороша», — с горечью подумал маг.

Черный наряд служительницы Тьмы был Харамис очень к лицу. Да и он тоже, должно быть, неплохо выглядел в черном, украшенном серебряным шитьем облачении. Маг не мог справиться с нахлынувшим желанием — он повернул принцессу к себе и крепко поцеловал в губы.

Они оторвались друг от друга против воли. Орогастус, взглянув девушке в глаза, тихо сказал:

— Надеюсь, Силы Тьмы не разгневаются. Ты так прелестна, таинственна, так близка... Харамис, молю, останься со мной! — Его руки лежали у нее на плечах. — Я знаю, ты разговаривала с Белой Дамой. Ей не удастся разлучить нас. Все та же полуправда, а то и откровенная ложь исходит из ее уст — неужели ты сама не замечаешь этого?!

— Если бы не она, мне бы никогда не появиться на свет, — напомнила Харамис. — Я должна выслушать ее предсмертные слова. Она подарила мне священный амулет, послала на поиск талисмана. В чем здесь полуправда, а тем более ложь? В том, что она направляла и защищала меня? В том, что указала дорогу через непроходимые горы? Я не могу и не хочу быть неблагодарной, и, если меня просят прийти, я должна это сделать. А тебе, если ты говоришь правду, бояться нечего.

— Она спрятала от тебя корону Рувенды.

— Нет, она бережет ее для меня. В любом случае, с короной или без нее, я являюсь королевой Рувенды. Независимо от того, чьи солдаты размещаются в Цитадели. — Она вызывающе глянула на мага.

— Чего мы медлим? — воскликнул Орогастус. — Ледяное зеркало ждет нас.

Он воззвал к силам Тьмы — торжественно просил богов, в существовании которых Харамис очень сомневалась, проявить милость к ним обоим. Принцесса не верила своим ушам — неужели он способен так заблуждаться? Нет, здесь что-то не так — следует еще раз испытать его искренность. Чем дальше, тем больше Харамис убеждалась, что силы, которые подвластны Орогастусу, не имеют ничего общего ни с одной разновидностью магии. Но в любом случае — веруя в них или цинично отрицая их существование — он владел огромной мощью. Это было самое главное. Если тайна его могущества — в овладении секретами Исчезнувших, то можно ли воздействовать на Орогастуса магическими приемами? И как? Если же его сила действительно связана с божествами Зла, то можно ли разорвать нить, соединяющую их? Если он не более чем умелец, владеющий устройствами древних, то нет ничего проще, чем испортить их. Как, например, она поступила с таинственной светящейся дощечкой...

Игра эта очень рискованна, подумала Харамис, стоит ей только попытаться разбить ледяное зеркало, и он, без сомнения, убьет ее на месте. Это, конечно, не выход. Ее талисман и она сама еще очень нужны — ведь пророчество гласит, что, только слившись воедино, талисманы смогут одержать победу.

Принцессе не надо было притворяться, что она трясется от страха, когда маг ввел ее в комнату, где хранилось Зеркало Черного Льда. Сердце у нее дрогнуло, когда чародей обратился к таинственному Бахкапу с просьбой о милости. Орогастус предложил принцессе с помощью зеркала отыскать ее сестер — она сразу согласилась. Ее мучили утрызения совести, что она до сих пор даже не попыталась связаться с ними. А ведь у нее был талисман.

«Непростительная беспечность, — выругала она себя. — Это надо было сделать сразу...»

Теперь, храня молчание, она наблюдала, как Орогастус сделал запрос по поводу двух объектов и зеркало при-

няло его. У Харамис не оставалось сомнений, что Зеркало Черного Льда, безусловно, принадлежало к классу каких-то древних машин, причем работающих на пределе. Один голос — надтреснутый, косноязычный — чего стоил! Ледяная гладь ответила на просьбу нечетким изображением карты. Правда, картинка, изображавшая Кадью, была ярка и разноцветна. Так же отчетливо была показана и Анигель. Обе сестры путешествовали по воде. Сверкали молнии, гремел гром, шел сильный дождь. Ни одна из них не произнесла ни слова, хотя древнее устройство передавало и звуки.

Кадия вела за собой бессчетную рать уйзгу. Она плыла в изготовленной из связок тростника лодке. На карте было ясно видно, что флотилия приближается к Треви-сте. Могучая река, разлившаяся за время первых набежавших бурь, выглядела очень грозно, огромные стволы вывернутых с корнями деревьев неслись по ней. Однако ни торчащие сучья и ветви, ни пронзительный ветер, ни ливень не могли остановить Кадью и ее боевых друзей. Некоторые уйзгу носили золотистые, похожие на рыбы чешуи кольчуги — такая же была и на Кадии. Оружие у них было примитивное, однако число их привело Орогастуса в смущение, не говоря уже о волшебном мече, который Кадия сжимала в руке.

Лицо Анигели было менее сурово. Зеркало показало связанный из толстых бревен плот. На нем была установлена мачта с небрежно обрубленными сучками, на мачте — широкий квадратный парус. Плот стремительно летел по разбушевавшимся волнам к устью Нижнего Мутара. На бревнах была устроена небольшая каморка — скорее, большой ящик, — в котором сестра пряталась от дождя. Ее талисман представлял собой корону — она держала ее в руке.

По периметру плота на корявых стойках были натянуты толстые лианы, изображавшие поручни. Подобные же жгуты тянулись от мачты к стойкам — за них держались многочисленные пассажиры. Некоторые из них, лежавшие ничком и перепачканные до предела, явно были лю-

ди, другие же — подавляющее большинство — оддлинги, но какие-то непривычные, очень рослые. Настоящие великаны... Эти не скрывали радости и, случилось, вопили от восторга, когда плот подскакивал на высокой волне. Скачка по озеру наполняла их безумной радостью.

Харамис помалкивала, пока зеркало окончательно не погасло. Она постаралась ничем не выдать своего изумления, хотя в голове у нее бушевала буря вопросов. Следя по карте за маршрутами обеих сестер, любой догадался бы, что они направляются к Цитадели. Более того, было совершенно ясно, что обе нашли свои талисманы и научились ими пользоваться. Интересно, это Белая Дама надоумила их направиться к столице или они действуют по собственному почину? Неужели они решили штурмовать крепость или, того хуже, выйти на битву с тяжело-вооруженной пехотой и конницей короля Волтрика? Уж не талисманы ли лишили их разума? Они считают, что таким путем добьются успеха?

— Твои сестры,— тихо шепнул Орогастус, когда изображение совсем погасло и на стене вновь обнажился морозный узор,— решили использовать свои талисманы, чтобы крушить все подряд. Разумно ли это?

Он что, подслушал ее мысли?

Не в силах вымолвить ни слова, Харамис тупо глядела на колдуна. Тот молча взял ее под руку, вывел из комнаты, и они зашагали к выходу из пещеры:

— Кадия и Анигель глубоко заблуждаются, если считают, что смогут освободить Рувенду, используя свои талисманы в качестве сверхоружия. Им не помогут ни толпы оддлингов, ни принц Антар, который порвал с отцом и дал клятву верности принцессе Анигели. Она спасла ему жизнь в Тассалейском лесу, и он безнадежно влюбился в нее. Хотя, может, и не так уж безнадежно... Твои сестры не имеют ни единого шанса против армии Волтрика. Они еще не до конца освоили свои талисманы — схватили то, что лежит на поверхности, и решили, что дело сделано. Им еще неизвестно, что по-настоящему могут и чего не могут эти магические предметы. Ну, право,

как дети! Думают, стоит им направить талисманы на стены крепости, и они тут же рухнут, а враги встанут на колени. Этого никогда не будет. Волтрик находится под моей непробиваемой магической защитой, ею руководит Зеленый Голос.

— О, глупые ослицы! — не выдержала Харамис. — Не могу поверить, что Великая Волшебница приказала им штурмовать Цитадель. Это их собственное решение, совершенно непродуманное, поспешное. Узнаю Кадью, но Анигель?! Робкая тихоня и плакса! Она что, с ума сошла?

— Им повезло с талисманами, и головы у них закружились. Они даже не догадываются, что по отдельности эти предметы использовать бессмысленно. В результате долгих изысканий я установил, что они представляют собой всего лишь части удивительного творения Исчезнувших, так называемого Скипетра Власти, с помощью которого можно установить равновесие в мире. Это твой долг, Харамис, когда наступит срок, соединить все три части Скипетра. Слить Три в Одним... Исполнив это, ты сможешь править миром, сделать его процветающим.

— Я? Править миром? — Принцесса засмеялась, но тут же оборвала себя.

Эта мысль была чудовишна, нелепа, неожиданна, может, потому и обладала неким неодолимым магнетизмом. Чем дальше, тем больше принцесса убеждалась, что ей необходимо посоветоваться с Великой Волшебницей. Неужели Белая Дама заранее предполагала, что события могут развиваться и в таком направлении? Да-да, она говорила что-то подобное... Каждую из сестер ждет своя судьба, и главная опасность заключена не в Волтрике, а в открытом стремлении Сил Тьмы нарушить равновесие во Вселенной. Правда, пока все магические ухищрения Орогастуса — это судорожные попытки кукловода не выпустить из рук нити, приводящие остальных участников драмы в действие. С этой целью в ход пускается все, что есть в наличии. Даже попытка обольщения.

«Нет, чем раньше я увижусь с Великой Волшебницей, тем лучше», — решила Харамис.

Теперь, когда Орогастус вел ее под руку по тесному ходу, выточенному в камне водой, принцесса время от времени искоса поглядывала на него. Глаз его, прикрытых такой же, как у нее, полумаской, не было видно — только губы, узкие, плотно сжатые. Он молчал. Видно, обдумывает, как настроить ее на более доброжелательный лад. Это пустяки... Боже, как кружится голова... Самое важное — немедленно отправиться к Белой Даме и узнать все, что касается Скипетра Власти. Но как же сестры? Если Волтрику еще не сообщили о приближении двух ратей, то с минуты на минуту чародей известит его. Тогда он вынужден будет выслатить свои силы для защиты обоих направлений. Несомненно, Зеленый Голос будет контролировать эту операцию...

— Орогастус, — обратилась она к магу, — сможешь ли ты удержать Волтрика от посылки войск против моих сестер? Позволь мне связаться с ними и убедить отвести свои силы от Цитадели.

— Если они не высунут нос из болот, то им ничего не угрожает. Солдаты Лаборнока хороши в битвах, где их тяжелое вооружение обычно решает исход дела; в болотах они теряются. Кроме того, через несколько дней зарядят такие дожди, что по Рувенде нельзя будет ни пройти, ни проехать... Ты считаешь, твои сестры тебя послушают?

— Так всегда было. Но теперь, когда у них в руках талисманы... — Харамис примолкла, погружившись в тревожное раздумье.

— Я могу приказать Зеленому Голосу пока не использовать против твоих сестер мою чудесную молнию или какое-либо иное магическое оружие. С королем сложнее — я не могу запретить ему применить силу против Анигели и Кадии и их союзников — одлингов. На этот счет ты не должна обольщаться. Тут и талисманы не помогут... Если бы я был в Цитадели, наверное, мне бы удалось убедить его. Отсюда же, из Брома, поддерживая связь через посредство моего Голоса, это невозможно.

Они миновали дверь, ведущую в подземный ход, и вошли в главную башню. Здесь уже было значительно теп-

лее. В маленькой прихожей Харамис остановилась, позволила Орогастусу взять себя за руки.

— У нас еще есть время, — сказала принцесса и многозначительно посмотрела на его пальцы. — У меня и у моих сестер... Я не знаю, как ты собираешься поступить. Я даже *знать* этого не хочу! Я сама на распутье и не желаю принимать решение, пока не поговорю с Великой Волшебницей. Послушай, если я немедленно отправлюсь в Нот, сможешь ли ты встретить меня в Цитадели? Я прилечу с ответом. Прошу, жди меня и попытайся отговорить Волтрика от решительных действий. Я смогу убедить их повернуть назад. Уверена, что смогу! Но прежде мне необходимо повидаться с Биной...

— Позволь мне сопровождать тебя. У меня есть план...

— Нет!

Харамис решительно дернула полумаску. Лицо ее было бледно. Принцесса дрожала, но голову держала высоко и не склонила ее, не обмякла, когда маг вновь обнял ее и поцеловал в лоб.

— Моя дражайшая! Любимая... Ты вольна поступать так, как тебе угодно. Но в твоем замысле есть одно серьезное упущение. Как же я смогу попасть в Цитадель раньше, чем ты? В отличие от тебя, я не могу распоряжаться ламмергейерами.

— Я попрошу Хилуро, чтобы он связался с кем-либо из своих сородичей, и тот доставит тебя в Цитадель.

Его руки сомкнулись вокруг нее.

— Ты действительно пойдешь на это? Ты до такой степени доверяешь мне?

Она подняла голову, ее глаза были полны слез.

— Орогастус, ты совсем не тот, каким кажешься и за кого выдаешь себя. Ты слишком долго держал на замке свое сердце — считал, что именно в нем главная помеха твоему совершенствованию. Ты решил, что даже ключик от него выбросил и теперь его не найти... Ты слишком долго оборонялся и, казалось, вообще забыл, что у тебя есть сердце. А теперь оно проснулось, и ты в растерянности... Тебе, как и мне, тоже придется сделать выбор.

Он молча кивнул, наклонил голову, отпустил принцессу. Руки его безвольно повисли вдоль тела. Взгляда Харамис он избегал сознательно.

— Птица вскоре прилетит за тобой. Мы встретимся в Цитадели накануне Праздника Трех Лун.

Харамис повернулась и не спеша начала подниматься по винтовой каменной лестнице. Орогастус долго смотрел ей вслед — она ни разу не обернулась. Тогда он обреченно отвел глаза, заметил на полу брошенную ею полумаску. Пустые глазницы бессмысленно таращились на него.

Глава 40

Сумасшедшие гонки, устроенные вайвило на сколоченных из бревен плотках по разбушевавшемуся озеру Вум, закончились только к вечеру, когда флотилия с гиканьсм и восторженными криками начала втягиваться в протоки между островками в дельте Нижнего Мутара. В ответ с многочисленных лодок грянул приветственный гимн ниссомов, собравшихся в устье для торжественной встречи принцессы Анигели. Каждый новый плот наталкивался на дикий оглушающий свист и гортанные выкрики. Радости хватило на всех — и на воинов вайвило, и на рыцарей, давших обет верности принцессе.

Между тем буря не прекращалась, и, хотя порывы ветра в этих местах в какой-то мере усемирлись джунглями, дождь лил, как из ведра. Без задержки проводники-ниссомы тайным рукавом провели прибывшее войско к неизвестной людям гряде холмов, которая была расположена в нескольких лигах от поместья погибшего лорда Манопаро на реке Скрокар. В настоящее время замок был захвачен отрядом лаборнокцев, а домочадцы, слуги и вассалы Манопаро укрылись в служебных постройках на окраинах владений.

Хозяйка поместья, госпожа Эллинис, прослышав от местных ниссомов о приближении принцессы Анигели, с наступлением ночи скрытыми тропами отправилась на-

встречу приближающемуся войску. Увидев принцессу, она не выдержала и разрыдалась.

Горе запечатлелось на лице седой мужественной женщины — при обороне Цитадели, кроме мужа, она потеряла двух сыновей. Анигель хорошо помнила эту величественную даму, всегда ступавшую с высоко поднятой головой, — она и теперь не утратила прежней царственной походки. Но вот глаза! Они выдавали страдание несчастной матери. Анигель и Эллинис уединились в шалаше, быстро сооруженном вайвило для своей предводительницы. Здесь принцесса изложила план штурма и захвата Цитадели объединенными силами вайвило и уйзгу, которые должны подойти к крепости. Их вела ее сестра Кадия.

— Меня восхищает ваша отвага, — сказала Эллинис. — Радует, что вы не опустили рук, что дух ваш не сломлен. Скорее всего, вы правы и в том, что Волтрик еще не успел основательно закрепиться на наших землях. Армия его разделена, они даже не представляют себе, что такое Рувенда в сезон дождей. Но, с другой стороны, вы — две молоденькие девушки! — решили потягаться с вымуштрованным, хорошо организованным войском. У вас нет никакого опыта ведения боевых действий. Даже если все лорды и свободные крестьяне-рувендиане сплотятся вокруг вас, ваша армия в основном будет состоять из оддиингов. Дорогая принцесса Анигель! У меня нет более страстной мечты, чем освобождение родины. Я живу этой надеждой, однако закрыть глаза на некоторый... э-э... авантюризм вашего плана никак не могу. Простите, но я не вижу, как вы сможете одолеть хорошо обученных, храбрых — да-да, храбрых — лаборнокцев, тем более что на их стороне перевес в силах.

Анигель некоторое время молчала, сидела задумавшись, потом осторожно коснулась венца на голове, где в середине ярко светился покрытый темным янтарем священный цветок. Наконец она сказала:

— Не знаю почему, но уверенность в том, что победа будет на нашей стороне, не покидает меня. Это как наитие... Перст судьбы! Возможно, это талисман укрепляет

мой дух... Не знаю... Я полностью разделяю сомнения, которые вы высказали. Ни я, ни моя сестра не закрываем глаза на те трудности, что стоят на нашем пути, — в этом вы можете быть спокойны. И все равно у меня такое чувство, будто я не принадлежу себе — меня ведет какая-то высшая сила. Я пришла сюда, на Скрокар, привела войско вайвило не собственной волей, а понуждением неба. Не знаю, но во мне не угасает убеждение, что именно так я должна была поступить, что все решится в Праздник Трех Лун, что в этот день мы должны вступить в бой с лаборнокцами и победа будет на нашей стороне. Кадия испытывает те же чувства...

Эллинис зябко повела плечами и плотнее укуталась в подбитый мехом плащ. Анигель поднялась, сняла с жаровни котелок с кипящей водой и спокойно, с некоторым даже изяществом заварила чай-дарси. Эллинис широко раскрытыми глазами наблюдала за нею. Это было удивительное зрелище — оно более, чем слова, убедило госпожу Манопаро в том, что нынешняя Анигель не имеет ничего общего с той глупышкой, которая чуть что начинала лить слезы. Та была плакса — эта же напоминала истинную деву-воительницу из древних преданий, существо неземной породы. Ее провидению следовало доверять, ее убежденности нельзя было не поддаться.

Эллинис поежилась, взяла чашку с дарси:

— Когда местные ниссомы донесли мне, что вы с войском вайвило направляетесь в устье Мутара, я, признаюсь, не поверила. Конечно, одлинги могут связываться между собой на далеком расстоянии... Теперь, думаю, новость о вашем появлении на Скрокаре разнеслась по всем Гиблым Топям...

— Конечно, — кивнула Анигель. — Мои союзники вайвило тоже принимали их сообщения. Удивительно, вайвило только теперь встретились со своими родственниками — ниссомами и уйзгу. Поход лаборнокцев принес горе не только рувендианам, но и аборигенам. Даже вайвило, на время оставив свои прежние обычаи, выступили в поход. Даже мирные ниссомы поднялись все как один.

Между тем дождь прекратился. Ветерок еще посвистывал в верхушках деревьев, но все звуки заглушал стук топоров. Неутомимые вайвило сколачивали из жердей решетки, строили шалаши — одним словом, обустроивали лагерь, который должен был принять еще очень много добровольцев, стекающих сюда с западной оконечности Рувенды. Как и все оддлинги, они прекрасно видели в темноте — для них не было разницы между ночью и днем.

Госпожа Эллинис удивленно разглядывала высокого, крепко сложенного вайвило, который орудовал топором неподалеку от укрытия, где сидели благородные дамы.

— Никогда не видывала таких... Народцем их не назовешь — вон какие гиганты. И наружность такая, что жуть берет... Конечно, до скритеков им далеко, они, по-видимому, более цивилизованны, чем даже ниссомы. Тем не менее, надеюсь, вы не ошибаетесь, доверяя им?

Принцесса улыбнулась:

— Да, лица у них — только детей пугать, но, в сущности, это благородные и разумные люди. Они так же верят в несокрушимую силу Черного Триллиума, как и их сублильные родственники. А телепатические способности у них даже более развиты. С их помощью мне удалось послать призыв всем группам не сложивших оружие рувендиан, и теперь они стекаются сюда.

— Мои люди и три оставшихся в живых сына будут счастливы вступить в вашу армию, госпожа, — сказала Эллинис. — Я уже приказала собрать спрятанное нами продовольствие. Смущает только, что запасов маловато. Здесь уже, как вы сказали, около пяти сотен оддлингов, а прибавит раз в пять больше. Боюсь, более трех дней нам такое количество не прокормить...

— Больше и не потребуется. Если мы не добьемся победы к Празднику Трех Лун, нам придется отступить, — сказала Анигель. — Но *этого* не случится. Я уверена!

Она очень похудела, отметила про себя Эллинис. Носик заострился, щеки ввалились. Глаза горят... Еще этот странный наряд, по-видимому подаренный вайвило. Они тоже расхаживают в голубоватых кожаных охотничьих

куртках и таких же штанах. Но конечно, поразительней всего изменилось лицо. Раньше это была просто красивая девушка, а теперь она как бы посуровела. Вот-вот, именно посуровела! Всего пять недель назад Эллинис видела ее на придворном балу — принцесса без конца заливалась смехом. Казалось, ни одна серьезная мысль не способна задержаться в ее хорошенькой головке.

Теперь же перед Эллинис стояла молодая женщина — Боже Триединый, неужели у нее что-то было с принцем Антаром?! Непохоже... До любви ли ей? Иная страсть горит в ее глазах, другая мысль не дает покоя. Как она разливала чай! Сколько достоинства, какое спокойствие и благородство! Что говорить, порода всегда сказывается... Тем более, когда девушка приготовилась к героическим свершениям... Сердце у нее словно отвердело, душе открылись неведомые, неземные горизонты. Такая Анигель способна одержать победу. Да еще в паре со своей сестричкой... Ну, Кадия всегда была бой-девица, но эта...

И все-таки...

— Принц Антар... — Пожилая женщина понизила голос до шепота. — Как только вы нас познакомили, я сразу догадалась, что этот молодой человек влюблен в вас. Поверьте, принцесса, мои годы дают на это право, я обязана предупредить вас... Не слишком ли вы ему доверяете?

Анигель вновь села на место, взяла свою чашку. Лицо ее оставалось невозмутимым.

— Он дал мне обет верности, как, впрочем, и большинство его людей. Кроме трех рыцарей — они обязались соблюдать нейтралитет. За ними надежно присматривают.

— Но они же лаборноклы. Принцесса, они же — враги!

— Дорогая Эллинис, я уже не та простушка, какой была месяц назад. Я согласна с вами, что принц Антар еще должен на деле доказать свою верность. Вы говорите, он влюблен в меня, и это, по-видимому, тоже правда. Но, поверьте, я не испытываю к нему ничего, кроме уважения, и даже при этом ни на секунду не ослабляю бдительности. Во мне не осталось ничего личного, понимаете?!

Сейчас у меня для этого просто нет времени. Я исхожу только из одного: полезно ли то или иное действие, чувство, слово или нет.

— Мудро и точно, — согласилась Эллинис. — Ваши объяснения меня успокаивают.

— Дорогая Эллинис, вы также должны понять, что нынче я не могу обойтись без Антара. Что я смыслю в искусстве вооруженной борьбы? Кто, кроме него, может возглавить армию? Конечно, я не могу знать, что таится в его душе — там, на самом доньшке, — но я совершенно уверена, что он — хороший человек. Благородный... А это немало. Принц Антар порвал со своим отцом — во всеулышание осудил те жестокости, которые Волтрик сотворил на нашей земле. Принц утверждает, что многие в лаборнокской армии рассуждают так же, как он. Никто из них не ожидал, что дело зайдет так далеко, а впереди сезон дождей. Антар заверил меня, что на войну они пошли, дабы добиться нового, справедливого, с их точки зрения, торгового договора. Создать наконец унию между Лаборноком и Рувендой с помощью женитьбы Волтрика и Харамис, но оказалось, что у короля... нет, у мага Орогастуса... другие планы... Я бы не хотела сейчас вдаваться в детали, но план этот, по нашему общему мнению, — сущее безумие. Исполнение его грозит гибелью не только Рувенде и Лаборноку, но и всему Полуострову...

— О Триединый! — выдохнула Эллинис. — Дай Бог, чтобы вы оказались правы.

Они еще долго говорили, пока госпожа Манопаро не начала собираться. Пора было подумать о провианте. Блился рассвет. На прощание Эллинис расцеловалась с принцессой, потом, к нескрываемому удивлению Анигели, отступила назад и сделала глубокий поклон. Так же поступили ее слуги и сопровождавшие владелицу поместья ниссомы. Когда они удалились, Анигель тихо сказала подошедшему Антару:

— Никогда ранее она не оказывала мне таких почестей. Она меня вообще не замечала. Знаешь, какая она была горячка!

— Значит, у нее хватило ума понять, что к чему, — улыбнулся принц. — Но я пришел по другому поводу. Хочу доложить, что обустройство лагеря почти закончено, даже учитывая увеличение численности личного состава. Но тут есть одна тонкость. — Лицо его заметно опечалилось. — Мы посоветовались с Лумому-Ко, предводителем вайвило, и, к сожалению, пришли к единому мнению — ниссомы как воины никуда не годятся. У них много энтузиазма, однако силенок маловато. С таким ростом, с духовыми трубками в прямом столкновении делать нечего. Изрубят, как капусту... Их можно использовать только для разведки и как вспомогательные силы.

— Вам решать, принц, — ответила Анигель. — Как насчет людей, которые могут сражаться в строю?

— Если нам повезет, сможем выставить семь или восемь сотен. В основном это рыцари, бежавшие в болота, когда Цитадель пала. С ними несколько уцелевших лордов. Сюда же прибывают люди с юга, которым еще не доводилось встречаться с нами в открытом бою — то есть, я хотел сказать, с вашими врагами. Это значит, что боевого опыта у них нет.

— Что поделаешь! Сейчас главная загвоздка с отрядами из графства Гойк и из дальних областей Дайлекса. Только бы граф успел вовремя... — Анигель вздохнула.

Антар растерянно взглянул на нее. Анигель никогда не упоминала при нем о подобном графстве, и смутная, обидная мысль поразила его — принцесса ему не доверяет? Он медленно опустил на колени:

— Госпожа, если потребуется, я ни словом не обмолвлюсь своим людям об этом графстве. Однако я считал, что предприятие, подобное нашему, не может строиться на недоверии... В этом деле недопустимы ни кривотолки, ни искажения, ни недоговоренность. В противном случае лучше посадить нас под арест. Тогда вы, по крайней мере, не будете тревожиться о сохранении тайны.

— Принц, во-первых, встаньте. Во-вторых, я вам доверяю. Доверяю — полностью и навечно — вашим людям, кроме лорда Ринутара и его подручных. Я чувствую, что

они готовы изменить. Да, они дали слово соблюдать перемирие, но считаю, что большой ошибкой с моей стороны было привезти их сюда, в этот укрытый от чужих глаз лагерь. Нам бы следовало оставить их в Тассе, как советовал Лумому-Ко.

— Они бы неминуемо погибли в брошенном городе... Вы же сами сказали, что не желаете их смерти.

— Да, не желаю. Но также не хочу, чтобы они выдали нас Волтрику...

Принц, по-прежнему стоя на коленях, взял Анигель за руку — она была холодна, как лед.

— Успокойтесь, принцесса. За ними надежно присматривают. Стоит им только на минуту отлучиться из своего шалаша, и они будут тут же убиты. Никто им не поможет...

— Надеюсь, вы правы. Я чувствую себя, как туго натянутая тетива, — мне не дают покоя три следующих дня. Граф Гойк, о котором я по забывчивости не упоминала при вас, владеет землями далеко от столицы, к северо-востоку, у самого подножия Охоганских гор. Ни он, ни граф Прок, ни другие лорды в той стороне не подверглись нападению.

— А, теперь понятно. Этими областями мы должны были заняться сразу после зимних дождей, как и южными окраинами, вплоть до самого Вара.

— Ну, до Вара вам в любом случае было бы не добратся... Но это второй вопрос... Когда вайвило согласилось помочь мне, я попросила их с помощью ясновидения связаться с землями, которые не подверглись разгрому. Посредством ниссомов мне удалось наладить тесную связь с воинами, спасшимися из Цитадели, а также с некоторыми влиятельными господами, в чьих поместьях встали на постой гарнизоны лаборнокшев. Такими, как леди Элтинис... Кроме того, ниссомы передали мое сообщение в три округа на юге Рувенды, которые тоже уцелели. Ну, об этом вы уже знаете. Так вот, что касается вайвило — они связались с горным народом виспи, и те передали, что северо-восточные графства тоже пока свободны.

— Понятно,— кивнул принц.— И эти виспи передали ваш приказ выступать.

— Верно. Только дело в том, что мой двоюродный дедушка Палундо такой упрямец, каких свет не видывал. Он не верил, что туземцы на самом деле связаны со мной. Не верил, что Кадия и я готовимся к атаке на Цитадель. Короче говоря, мне пришлось самой связаться с виспи и сообщить им нечто такое, о чем могли знать только члены королевской семьи. Лишь тогда дедушка Палундо убедился, что я — это я... Когда мы добрались до Тасса, двести его хорошо вооруженных рыцарей и солдат уже выступили в поход. Путь им предстоит дальний. Однако от дождей реки вздулись, и вчера они успешно миновали замок Бонор, который лежит в шестидесяти лигах к западу от нашего лагеря. Если все пойдет хорошо, то они должны успеть.

Глаза у Антара засияли.

— Не могу выразить вам, госпожа, как приятно это слышать. Теперь наше положение не кажется мне настолько безнадежным. Числом тяжеловооруженных воинов мы еще уступаем, но это уже не так страшно.— Он схватил ее руку и поцеловал.

Анигель невольно отдернула руку, потом, заметив смущение принца, улыбнулась.

— Мое прикосновение так раздражает вас? — спросил Антар.

— Не в этом дело. Я просто удивилась... Стоит ли сейчас давать волю чувствам, принц? Посмотрите, сколько вокруг забот.

Сердце Антара сжалось от жалости и любви: откуда в этой хрупкой молоденькой женщине столько силы и отваги? И мудрой рассудительности... Она казалась ему совершенной, доброй. Богиней! Но можно ли любить богиню? Можно ли обожать неземное существо? Можно, нельзя — сердцу не прикажешь... Принц Антар невольно отвернулся, чтобы Анигель не заметила выступившие у него на глазах слезы.

— Да, госпожа! — наконец глухо отозвался он.— Я понимаю: ноша, легшая на ваши плечи, невыносимо тяже-

ла. Действительно, время ли сейчас предаваться чувствам...

— Я справлюсь! — резко ответила Анигель. — И с ношей, и с чувствами...

Он заглянул ей в глаза:

— Я вас обидел? Расстроил? Наговорил лишнего? Прошу простить...

На мгновение их взгляды встретились.

— Ничего, принц.

Она опустила голову и вновь погрузилась в раздумья — тягостные, удручающие. Глаза ее потухли, принцесса замерла, словно чей-то неслышимый голос позвал ее. Принц решил было окликнуть ее, вернуть к жизни, но в этот момент принцесса отвернулась и тупо уставилась в стену шалаша. Взгляд ее сосредоточился на тоненькой зеленой веточке с одним-единственным листком, трепыхавшимся на едва заметном во мраке черенке. Это было так необычно! Антар еще нашел в себе силы подать голос:

— Желаю спокойной ночи...

В следующее мгновение принцесса коснулась пальцем короны на голове — и лист отчаянно, беззвучно задрожал.

Антар на цыпочках отошел от шалаша...

— Что заявила Харамис?

— Ани, она приказала мне отступить. Приказала! Словно я маленький несмышлениш. Словно я конюх или служанка...

— Она указала причину?

— Харамис боится, что наши планы известны Волтрику и он уже принял меры. Послал войска, чтобы окончательно разгромить нас. Это просто смешно! Ниссоны тут же сообщают мне, если какой-нибудь отряд лаборнокцев выступит из Цитадели. Одлинги сразу поднимут тревогу, и мы легко избежим стычки, если она будет иметь нежелательные для нас последствия. В крайнем случае, мы сможем отступить в такую глухомань, где эти жители равнины никогда нас не отыщут. Но уж никак не по рас-

поряжению Харамис, которой следовало бы быть с нами, а не с этим проклятым Орогастусом. Я так и сказала ей. Но она раскипятилась и начала уверять меня — при этом клялась и амулетом, и своим талисманом, — что мы губим себя, что мы поддались чувствам и потеряли разум, что мы можем разрушить какой-то великий замысел. Когда я спросила ее, чей это замысел — ее или Орогастуса, — она повела себя с такой надменностью...

— Может, Кади, она действует под влиянием чар Орогастуса?

— Ничего не могу сказать... Она связывалась с тобой?

— Нет. Но это, может, потому, что эти два дня я была так занята, столько всего пришлось сделать. У меня свободной минутки не оставалось.

— Если она будет пытаться связаться с тобой — не отвечай!

— Кади!

— Я знаю, что говорю. Во всяком случае, ни слова о наших планах. Наконец-то она добралась до Великой Волшебницы, чтобы выслушать ее версию будущего и разобраться, как же быть с нашими талисманами. Возможно, Белой Даме удастся вправить мозги нашей влюбившейся до одури сестре. Но я не очень-то в это верю. Итак, больше не связывайся с ней. Она не должна знать о наших планах, пока мы все трое не встретимся.

— Хорошо. Я думаю, это разумно...

— Харамис также сообщила мне, что завтра проклятый колдун прибудет в Цитадель.

— Как? Ведь он же был в своей башне, в горах!

— Она послала к нему одного из ламмергейеров. Когда я начала протестовать — в самом деле, складывается впечатление, будто она окончательно из ума выжила! — она знаешь что заявила? Что действует исключительно в наших интересах!

— Значит, маг сможет использовать свои заклинания. И молнию тоже! А Волтрик напустит на нас свою армию. Кади, что делать?

— Прежде всего не терять головы. Мне показалось, что наша сестра все меньше и меньше верит в его колдовскую

силу. По ее мнению, вся его власть основана на умелом использовании таинственных машин, доставшихся ему от Исчезнувших. Удары молнии, пышущее пламя, град стальных пуль, которые разрушили крепости в горах, громовые раскаты, которые довели до бешенства фрониалов и те начали сбрасывать наших рыцарей, — это что-то вроде трюков и не имеет никакого отношения к истинной магии. Если сестра говорит правду...

— Кади, у меня голова идет кругом. Во всем *этом* должна присутствовать магия. Как же тогда наши амулеты — ведь я на самом деле становилась невидимой! Ведь я на самом деле поразила молнией вождя глисмаков! Как же наши талисманы? Кем тогда считать Великую Волшебницу Бину? Магия пронизывает весь мир!

— Все это не имеет никакого значения. Самое главное: помнить, что никто — даже наша сестра! — не должен остановить нас. Не придавай особого значения ее сумасбродным увещеваниям. Я по-прежнему опережаю Осоркона с его людьми, со мной три тысячи уйзгу. Я все время думаю над планом овладения Цитаделью. Мы в любом случае должны избежать решительного сражения. На открытом пространстве кавалерия Волтрика просто раздавит нас.

— И что ты надумала?

— Ага, чтобы ты все разболтала этому влюбленному по уши Антару! Ни за что! Ты все узнаешь, когда наши армии встретятся накануне Праздника Трех Лун.

— Ты несправедлива ко мне и принцу Антару...

— Надеюсь, что так... Буду рада ошибиться! Тем не менее соблюдай предельную осторожность. Мы встретимся там, где я укажу. Когда это случится, мы устроим веселый праздник, к которому, надеюсь, присоединятся — конечно, против воли — и Волтрик, и Орогастус...

Глава 41

Харамис вскрикнула во сне, попыталась вскочить, схватилась впопыхах за что-то мягкое, пушистое. Потом очнулась — Хилуро не спеша, широкими кругами спу-

скался к речной излуине, где в лучах заходящего солнца виднелись развалины Нота.

День быстро клонился к вечеру, багровое солнце на глазах погружалось в сплошные темно-жемчужные облака. Принцесса, не моргая, ошарашенно глядела на светило — в памяти еще звучали услышанные во сне слова этой скандалистки Кадии. В голосе сестры слышалось раздражение — ей было ненавистно даже упоминание об Орогастусе. Маленькая безрассудная Кадия!.. Не было с ней сладу и не будет. Кто может остановить эту впавшую в ярость, сгорающую от желания отомстить фурию! Вне сомнения, она не раздумывая бросится в бой и будет сражена молниевым разрядом Орогастуса. Страшный конец ждет ее — полыхнет багровым пламенем горизонт и испепелит эту размахивающую мечом воительницу.

Принцесса почувствовала, как напряглось ее тело, в ямке на широкой спине птицы было тесно — стоит только потерять бдительность, и полетишь вниз. Прямо туда, к невысокой каменной башне, в которой живет Великая Волшебница.

Странная картина открылась глазам Харамис. Всего несколько дней назад, когда она впервые прилетела в Нот, все вокруг цвело и благоухало. Изумрудные лужки пестрели цветами. Теперь же внизу расстилалась пустыня! Луговины побурели, облетели листья с деревьев и кустов, обнажились мрачные камни. Ров с водой почти совсем обмелел, частые лужи на дне его были покрыты гниющими, дурно пахнущими кучами травы.

— Что же здесь случилось? — воскликнула Харамис.

Хилуро резко дернул головой — принцесса решила, что он желает что-то сказать, но царственная птица промолчала.

«Неужели солдаты Волтрика сумели забраться в такую даль, — подумала девушка. — Да нет, если бы враги захватили Нот, здесь бы все пылало, они бы начали ковырять развалины... Что за тихая погибель опустилась на эти древние камни? Какая сила высушила землю, сразила буйную растительность? Откуда эта неизбывная печаль, покой смерти?»

Ей вспомнились садовники, которые ухаживали за цветами и деревьями в Цитадели. Боже, неужели Великая Волшебница Бина скончалась, не дождавшись ее, и здешние слуги не могут выбрать свободное время, чтобы привести все в порядок?

Но даже если и так, почему нигде не видно ни единого человека?

Птица приземлилась у подъемного моста, Харамис спустилась с ее спины — ее томили грустные мысли. Что она найдет внутри? Холодное тело умершей Бины?

«Еще прошлой ночью ей вполне хватало сил разговаривать со мной на таком большом расстоянии», — эта мысль мелькнула и утасла. Дурные предчувствия одолели Харамис.

Она едва не пустилась бежать — хорошо, что хватило сообразительности взять себя в руки. Зачем же в омут головой? Неизвестность не любит спешки — в нее надо погружаться с большой осторожностью. Принцесса прошла ворота — мост за спиной так и остался неподвижным. Мох, живописно покрывавший плиты дорожки, теперь зачах и громко хрустел под ногами. Она миновала пересохший фонтан — местами на его кирпичном ограждении начинала осыпаться штукатурка. Сад представлял собой скопище помертвевших деревьев, округлых холмиков с пучками бурой травы — все, что осталось от пышных клумб. Но более всего Харамис поразили обнажившиеся корни деревьев и многолетних цветов. Такое впечатление, что жестокий ветер выдул из-под них почву. Вокруг стояла мертвая тишина. Дверь черного резного дерева была подозрительно приоткрыта.

В комнате стояла удушающая жара. Какой-то ниссом — она никогда прежде не видела его — подбрасывал в камин брикеты торфа. Он покосился на вошедшую девушку, прикрыл глаза рукой — удивленное солнце тоже попыталось заглянуть в натопленную комнату. Харамис чуть сдвинулась в сторону — кирпично-желтый отсвет лег на лицо слуги. Тот, не убирая руки, приставленной козырьком к глазам, выпрямился.

— Госпожа Харамис, добро пожаловать в Нот. Меня предупреждали, что вы придёте вовремя.

Ниссом кивнул в сторону широкой кровати.

«Странная фраза,— решила про себя принцесса.— Бессмысленная... Кто его предупредил? И что значит — вовремя?»

— Здравствуйте,— наконец отозвалась Харамис.— Должно быть, вы и есть Даматоль?

Кажется, во время их последней встречи Великая Волшебница упоминала такое имя. Этого было вполне достаточно, чтобы девушка на всю жизнь запомнила его. Память на лица, имена, характеры воспитывалась у них с детства, считалось, что королевским дочерям это необходимо. Ее родители постоянно обращали на это внимание.

— Да, госпожа,— низкорослый слуга поклонился.— Для меня великая честь служить госпоже Бине. И вам тоже. Она сейчас спит, но скоро должна проснуться. Не хотите ли чаю?

— Да, с удовольствием. Спасибо, Даматоль.

Оддлинг поспешно вышел из комнаты, и Харамис, прихватив по пути табуретку, направилась к кровати, где спала Великая Волшебница. Устроившись в изголовье, она принялась изучать лицо спящей женщины.

Похоже, Бина как никогда была близка к смерти. Выглядела она куда хуже, чем в прошлую ночь. Щеки ввалились, дыхание тяжкое, с легкой хрипотцой... Как только Даматоль с подносом вошел в комнату, волшебница проснулась.

— Харамис,— тихим голосом сказала она,— ты пришла.

— Конечно! Как я могла не явиться сюда? Вы же позвали. Кроме того, у меня накопилось столько вопросов... Что нам делать с талисманами? К сожалению, сама по себе находка Трехкрылого Диска мало что дает. Я не знаю, как им пользоваться. В библиотеке Орогастуса есть кое-какие сведения по этому вопросу. У него хранится книга, в которой указано, что все три талисмана должны быть каким-то образом соединены. Тогда получится что-то вроде Скипетра...

— Не совсем так, — перебила ее Белая Дама. — Ты еще не готова к этому... Тебе не удастся справиться с мощью, которая внезапно проснется. Владение Скипетром требует куда больше мудрости, чем у тебя. Много, много больше...

— Где же я наберусь разума? — спросила Харамис. Она не могла сдерживать нетерпения. — В злешних болотах?ковыряясь в грязи, в то время как армия Волтрика топчет мою родину? Или, — Харамис саркастически усмехнулась, — вы предлагаете мне занять мудрости у моих свихнувшихся сестер, которые используют свои талисманы с единственной целью — чтобы убивать!

Волшебница горестно вздохнула:

— Они пока не владеют своими магическими предметами. Даже не понимают, что это такое...

Она взглянула на принцессу. Ее голос ослаб, снизился до шепота, потом волшебница совсем замолчала. Тишина длилась долго, наконец Белая Дама спросила с неприязнью:

— Зачем ты так долго оставалась у Орогастуса?

Харамис нахмурилась, закусила нижнюю губу — ей хотелось найти такой ответ, чтобы объяснить все сразу, раз и навсегда.

— Я пыталась понять его, узнать, чем он дышит, — вы же сами настаивали, что мне следует найти его слабые места. — Девушка помолчала, потом продолжила: — Мне непонятно — неужели он на самом деле считает, что всякие хитроумные штучки, доставшиеся ему от Исчезнувших, имеют магическую природу? По крайней мере, он так утверждает... Он ужасно расстроился, когда я сломала один из таких предметов. Он заявил, что этот предмет «умер». Но разве машина способна «жить»?

— Нет, — внятно ответила Белая Дама. — А как ты сама считаешь? Машины способны «жить» или «умирать»?

— Конечно, нет, — ответила Харамис. — Я не могу точно сформулировать, но меня не оставляет чувство, что в них нет ни капли магии. Однако суть не в этом... Волшебство ли, скопище ли механизмов, но власть над ними при-

дает Орогастусу необыкновенную силу, и, к сожалению, свою мощь он использует для зла. А раз подобная сила существует, я хочу понять, как она действует.

— Итак, ты посетила Орогастуса, чтобы выяснить, как она действует. Разумно ли ты поступила?

— В каком смысле разумно? — Харамис горько усмехнулась. — Вы отдыхаете в постели в то время, как в моем доме поселились захватчики, а мои родители погибли мучительной смертью. Сотни виспи были погублены только потому, что вы слишком поздно предупредили их и они не успели собраться с силами. Это вы называете мудростью? Ледяное безразличие? Если так, то кому нужна такая мудрость?

— Я понимаю, что ты сейчас испытываешь. Я чувствую твою боль, — мягко сказала Бина. — Но тебе следует научиться заглядывать поглубже, вникать в суть вещей.

— То же самое, — возразила принцесса, — говорил мне Орогастус. Как будто не имеет значения, что моих родителей больше нет. Слово их гибель — это пустяк с точки зрения равновесия мира...

Харамис с удивлением обнаружила, что почти кричит. Она даже с табуретки вскочила, замахала кулачками.

«Теперь вы находитесь при смерти, — с открытой враждебностью подумала она, — а я остаюсь одна с разгромленным, захваченным врагами королевством, с моими обезумевшими сестрами, лицом к лицу с королем Волтриком, пытающимся погубить нас, в безверии и отчаянии, без всякой надежды на чью-либо помощь. Вы уйдете и унесете с собой тайны. Разве это разумно? Даже с точки зрения мирового порядка...»

— Долгое время я являлась хранительницей Рувенды, — тихо и ясно сказала Бина. — Куда дальше, чем доступно твоему разумению. Я полюбила эту землю, населяющие ее народы. Я баюкала и заботливо взращивала их, никогда не пыталась силой навязать свою точку зрения. Убеждать — убеждала, запреты накладывала, но все ради их же пользы. Это была достойная работа, великая по замыслу, тонкая по исполнению — она доставила мне

много радости. Но теперь мой срок подходит к концу, а твой, — она открыла глаза, взглянула на Харамис, — только начинается!.. Ты сказала, что Орогастус пригласил тебя. Скажи, Харамис, ты догадываешься, почему это приглашение было послано тебе, а не твоим сестрам?

Принцесса вздрогнула, потупила глаза. Ее внезапно пробрал озноб.

— Я не... знаю. У меня даже мысли не было спросить об этом...

— А теперь тебе ясен ответ?

Девушка нахмурилась, попыталась припомнить точно — слово в слово, — как именно Орогастус пригласил ее, как звучало его предложение. Что вообще он говорил, когда она находилась у него в гостях, особенно те фразы, которые тогда показались ей странными, вызвали недоумение.

— Я думаю, — не спеша начала она, — Орогастус страшно одинок. Он сказал, что наслышан о моем увлечении науками и искусствами, предложил поделиться своими знаниями... Да-да, он заявил, что охотно поделится со мной всем, чем владеет... Кажется, он все время искал кого-то еще, кто был бы похож на него, был бы способен к магии и смог усвоить оккультные знания. Кто, в конце концов, смог бы просто понять его.

— Он тебе понравился? — тихо спросила Великая Волшебница.

— В каком-то смысле, да, — призналась Харамис. — Я не испытываю желания губить кого-либо с помощью разряда молнии или захватывать чью-то землю, тем более убивать людей... Но мне понятно его стремление обогатить свой разум, попытаться разобраться в устройстве мира.

— Чтобы потом по собственному разумению перестроить его?

— Да, — кивнула Харамис, — точно!

— Значит, ты уже представляешь, как тебе следует воспользоваться искусством магии и наукой, изучающей все тайное?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, в твоей голове, очевидно, уже сложился план переустройства мира, тебе оказались подвластны силы, способные исполнить твой замысел... Значит, можно приступать к работе. Наверное, первым делом тебе придется заняться разрушением и покорением тех, кто не склонен подчиняться твоей воле?

— Конечно, нет! — возмущенно воскликнула Харамис. — Это ужасно. Люди — свободные существа, они вправе по собственному разумению сделать выбор. Их нельзя использовать как марионеток даже тем, кто образованнее, умнее их. Почему вы решили, что я обязательно должна именно таким образом распорядиться накопленными знаниями? Разве нельзя просто наслаждаться плодами своих трудов, радоваться той степени совершенства, которой удастся достичь? Почему обязательно все это надо где-то применить?

— Потому что ты навсегда останешься такой, какая есть. В конце концов, это скажется. Я знаю об этом, Орогастус знает, любой другой, кто хотя бы мало-мальски разбирается в магии, догадается об этом. — Голос волшебницы набрал силу. — Харамис, ты способна понимать тайную, скрытую от непосвященных речь. Ты умеешь постигать смысл сказанного — это редкое искусство, мало кто из людей понимает всю важность постижения слов. Ведь в них все дело: назвать вещь — значит в каком-то смысле вдохнуть в нее жизнь. Превратить ее в реальность... Ты умеешь слушать, вслушиваться, запоминать, а это — редкий дар. Без таких способностей нельзя ничего понять в магии, потому что подавляющее большинство ее тайн оформлены словами и надо уметь докапываться до их сути. Кадия обладает великой решимостью — она вся огонь; Анигель — страстным и любящим сердцем, однако эти свойства, имеющие огромное значение для их собственных судеб, недостаточны для овладения магией. Твоя страсть — знания, Харамис; именно это, вкупе с принадлежностью к королевскому дому Рувенды, делает тебя способной овладеть самыми сложными, самыми замысловатыми сторонами оккультных наук. Если ты попытаешься изменить своему призванию, тебя легко смогут использо-

вать в корыстных целях люди, подобные Орогастусу. И твоих сестер тоже, если им не хватит ума оставаться самими собой.

— Вот почему меня не покидало ощущение, что вы и Орогастус отводите мне в своих играх роль пешки. Так или нет? — требовательно спросила Харамис.

Глаза Белой Дамы вспыхнули.

— Харамис, ты чувствовала себя пешкой, потому что являлась ею. Вот теперь ты подошла к порогу, перешагнув через который уже не сможешь вернуться назад. Наступает решающий момент...

— Что же мне еще выбирать? Я — королева! Разве в этом есть какие-то сомнения?

— Нет, — тихо, почти шепотом, ответила Великая Волшебница. — Выбор не сделан, пока ты сама не приняла решение. Для существования Рувенды необходимо восстановить равновесие. Исполнить это можно лишь в том случае, если ты и твои сестры не только установите гармонию между своими душами и миром, но и разделите свои обязанности. Королевская корона — не твой удел.

— Что это значит? — воскликнула Харамис. Ее охватил ужас. — Мы должны подарить королевство Волтрику?! Я погибну? Или что-то случилось с короной? Я же оставила ее вам на хранение... Как я ошиблась!

— Сядь! — неожиданно громко сказала Белая Дама. — Что ты скачешь! Разве в этом дело? Корона здесь и надежно спрятана. — Она чуть приподнялась на локтях и позвала: — Даматоль.

Харамис не думала, что оддлинг услышит этот зов — так тихо шепнула старуха. Однако тот немедленно поспешил к постели госпожи.

— Время пришло, — по-прежнему еле слышно проговорила Великая Волшебница.

Даматоль степенно кивнул, направился к массивному, угловатому, красного дерева шкафу у дальней стены, вытащил сверток белой материи и с поклоном поднес его Белой Даме. Та села, приняла сверток и протянула его Харамис, но тут же выронила — материя, разворачиваясь,

начала сползать с пододеяльника. Девушка бросилась вперед, нечаянно развернула сверток...

У нее в руках был белоснежный плащ Великой Волшебницы Бины. Принцесса удивленно глянула на старуху.

— Надень его, Харамис,— шепотом приказала Белая Дама.— Теперь он твой.

Принцесса оторопела:

— Вы имеете в виду, что теперь я — Великая Волшебница? Нет, не хочу! Не испытываю никакого желания! Вполне достаточно быть королевой — в конце концов, меня готовили к этой роли. Но быть новой Великой Волшебницей? Меня даже не спрашивали об этом.

— Это — твое призвание,— прошептала Бина,— твой выбор. Я благословляю тебя, дарю свою любовь. Ты — храбрая девочка... Решительная, умная... Справишься... Помни, что грань между углубленным самопознанием и сверхзнанием условна, легко преодолима. Храни себя и поступай мудро...

Волшебница замолчала, ее дыхание стало прерывистым.

Принцесса со страхом глядела на нее.

«Этого быть не может,— подумала она.— Сказки, детские выдумки... Я сплю... Спокойствие — я лежу в своей кровати, в комнатке, в замке Бром. Мне снится кошмарный сон. Я прочитала слишком много книг по магии... Я...»

Даматоль подошел и тронул ее за плечо:

— Белая Дама!..

Она в изумлении повернулась к нему:

— Что, Даматоль?

— Госпожа, какие будут распоряжения?

«Что? — не поверила она.— Распоряжения? Чепуха какая-то! Неужели он всерьез верит, что я — Великая Волшебница? Зачем, ну зачем я вылезла из постели сегодня утром? Зачем я вообще восемнадцать лет засыпала, просыпалась? Чтобы со мной сыграли такую шутку? Но ведь надо что-то сказать оддлингу. Он ждет. Ведь это его работа...»

К несчастью, ничего толкового в голову не приходило.

— Позвольте, я принесу воды — вы умоетесь, а потом позавтракаете, — предложил он. — Вы, наверное, голодны.

Голодна? Да, она не отказалась бы съесть что-нибудь вкусненькое, но уместно ли это? Как-то все не вяжется... Бред, безусловно, бред.

Она пустыми глазами глядела на Даматоля, потом выражение их изменилось, словно до нее только теперь дошел смысл сказанного.

— Спасибо, Даматоль, это было бы замечательно.

Оддлинг приготовил простую еду, потом проводил ее в маленькую уютную комнату, где стояла узкая кровать. Она прилегла и сразу заснула. Проснулась в полдень... Возле кровати был сервирован столик — тоже все просто, вкусно, обильно. Харамис ела с аппетитом, с удовольствием жевала каждый кусочек. Потом пошла разыскивать Даматоля.

Он находился в комнате Бины. Кровать ее, к удивлению Харамис, оказалась пуста.

— Ты уже похоронил ее? — спросила она слугу. — Я бы могла помочь.

— Нечего было хоронить, — ответил оддлинг. — Вы разве не помните? Нет? Мне показалось, вы обратили внимание. Плоть, в которой заключался дух Бины, превратилась в пыль. Это случилось сразу, как только вы...

Харамис внимательнее взгляделась в ложе Великой Волшебницы. Легкий желтоватый налет на подушке действительно сохранял форму человеческой головы.

— Где корона Рувенды? — спросила принцесса.

Даматоль опять направился к шкафу, вытащил оттуда узел и передал его Харамис. Она развернула материю — слава Богу, корона цела и невредима.

— Я приготовил специальный баул для нее, — сказал Даматоль и поспешил из комнаты.

Харамис прикинула, что бы еще сделать, но так ничего и не придумала. В это время вернулся Даматоль — в руках он держал небольшой продолговатый кожаный сундучок с выпуклой крышкой. Очевидно, он заранее подготовился к ее отъезду. Вызвал ламмергейера... Тут до нее дошло, что ему тоже придется покинуть дом.

— Даматоль, а тебе есть куда пойти?

Он кивнул:

— За мной придет родственник. Это уже обговорено. Осталось только исполнить одно, последнее дело.

Он подобрал плащ Великой Волшебницы, сложил его и сунул в баул, где лежала королевская корона.

— Зачем мне это? — спросила Харамис, когда они вышли на улицу. К сожалению, она уже знала ответ на этот вопрос.

— Потому что отныне он принадлежит вам, Белая Дама. А теперь прощайте...

Поднявшийся ветер закрыл ей волосами лицо. Она подняла голову — в небе собирались облака. Завтра канун Праздника Трех Лун.

Хилуро вынырнул из-за туч и камнем упал вниз. Над самой верхушкой крепостной башни он расправил крылья и спланировал прямо к подъемному мосту.

Куда мы летим, Белая Дама?

— Не называй меня так, — тихо попросила Харамис. — Пока не называй... — уже совсем шепотом добавила она.

Принцесса влезла по крылу на спину гигантской птицы, пристроила кожаный сундучок, и Хилуро взмыл к облакам.

Глава 42

Король Волтрик и Зеленый Голос стояли у парапета на верхней площадке главной наблюдательной башни. Густые облака висели так низко, что почти скрывали флагшток с развевающимся на нем знаменем Лаборнока. Казалось, рукой можно достать до стремительно несущейся над головами туманной завесы. Внизу, во внешнем дворе, и в узких городских переулках стояла гулкая, вязкая тишина.

Странное для полудня, для поры самой напряженной работы безмолвие! Только откуда-то справа доносились басовитые удары — кто-то размеренно колотил молотом по наковальне. Это постоянство, четкая последовательность ударов выводили из себя — никакой кузнец не мо-

жет с такими интервалами стучать по заготовке. Словно кто-то нарочно созывал духов Тьмы потешиться, разгуляться в канун Праздника Трех Лун.

— Значит, завтра наступает этот мерзкий праздник? — спросил король и машинально передернул плечами. Его знобило, он поплотнее укутался в плащ. — Это в его честь побитые рувендиане увивают от работы? Добрая половина населения и дворцовой прислуги заявили, что страдают от лихорадки и не могут встать с постели. Те же, кто вышел, бездельничают. Или на них на всех действительно напала слабость? Никто ничего не может поднять...

— Что-то витает в воздухе, — признался Голос. — Такое... — Он повертел пальцами. — Определенно, не пройдет и нескольких часов, как вновь разразится жуткая гроза.

— Я не о том, — фыркнул король. — Дураку ясно, что готовится какая-то гнусность. Мне казалось, ты в курсе, что за каша здесь заваривается, а ты мне все про бури рассказываешь.

Зеленый Голос пониже надвинул капюшон и, поклонившись, сказал:

— Ваше величество, скоро сюда должен прибыть всемогущий маг. Он обрисует вам ситуацию и ответит на все ваши вопросы. Мне самому мало что известно, но уверяю вас — ничего серьезного не случилось.

Король сухо рассмеялся — вернее, выдал из себя надтреснутый смешок, резко повернулся и прошелся вдоль парапета. Постоял около флагштока, пристально вглядываясь в зелень джунглей, что лежали к северу от Цитадели. Несмотря на пасмурную погоду, луга, перелески и — далее — густая поросль леса сегодня были по-особенному нарядны, отливали приятным глазу густо-изумрудным блеском. И запах — сладковатый, болотный — был заметно крепче, чем обычно.

С природой, как и с людьми, творилось что-то непонятное. Откуда эта обильно косящая людей лихорадка? Почему так грозно несутся тучи? Почему так неестественно ярко пейзажи за рекой? Кто, наконец, с выматы-

вающим душу упрямством колотит и колотит по железу? Что за адский кузнец испытывает их терпение?

— Значит, говоришь, ничего серьезного не происходит? — задумчиво спросил он. — Говоришь, скоро будет буря? Тогда почему, черт тебя побери, маг приказал отозвать практически все гарнизоны, почему вся армия должна оставить страну, сосредоточиться в Цитадели, более того, готовиться к решающей битве?

— Простые меры предосторожности...

— Лжешь! Вы оба лжете! Вы уже успели вступить в сговор, предатели! — Король схватил помощника колдуна за плечо и принялся трясти его так, что у того зубы застучали. — Они явились по мою душу, эти три колдуньи-принцессы! Что, подлец, разве не так? Я давным-давно мог уехать в Дероргуилу и отсиживаться там в безопасности, но вы оба уверили меня, что все идет как надо. Что нет никакого повода для тревоги! Нет никакого повода, слизняк? Где эти девки, где их талисманы? Я вывел вас на чистую воду — они, как и говорилось в предсказании, явились сюда, чтобы погубить меня.

— Нет, великий король!

— Я попал в ловушку! — заорал Волтрик. — И по чьей же милости? Не по вашей ли? О, всемогущий Зото, будь добр ко мне. Воины возненавидели меня, когда узнали, что им придется отсиживаться в этой чертовой дыре весь сезон дождей. Рыцари сходят с ума от безделья, дни и ночи пьют, не дают прохода женщинам. Никто не желает служить мне, только трусы, илиоты и хитроумные ловкачи, которые ждут не дождутся, когда эти ведьмы разделяются со мной. Они вмиг подхватят свалившуюся корону.

Зеленый Голос рухнул на колени и, воздев руки к мрачному, скрытому облаками небу, отчаянно закричал:

— Вовсе нет, ваше величество. вовсе нет! Сейчас сюда прибудет всемогущий маг. Он все объяснит.

— Если прибудет! — продолжал греметь Волтрик.

Он выхватил короткий меч и с силой прижал его плашмя к носу своего собеседника. Лицо того исказилось от боли.

— Но если он не появится, тогда ты, ублюдок, простишься со своей головой. Я же завтра утром постараюсь выбраться из этой выгребной ямы. Лучше рискнуть и встретить опасность в поле, чем сидеть и дожидаться, пока меня, как глупого панчака, поведут на бойню.

Король с силой ударил ногой слугу, и тот растянулся на каменных плитах.

В этот миг с небес донесся крик, напоминающий звук исполинской боевой трубы.

Волтрик отшатнулся, прикрыл лицо руками, потом, по-видимому справившись с испугом, обернулся на торжествующий призыв. Звук повторился, и из лохматых си-
зых туч вывалилась гигантская птица, спланировала точно на площадку башни. Когти ее, вцепившиеся в парапет, казалось, способны в мгновение ока разметать древнюю каменную кладку. Из-за головы удивительной птицы выглянул Орогастус и учтиво поклонился королю.

— Приветствую вас, мой господин, — негромко окликнул он остолбеневшего Волтрика. — Как и было обещано, я уже здесь и готов сразиться с вашими врагами.

— Клянусь зубами Зото! — встряхнул головой пораженный король. — Это же одно из тех чудовищ, что служат этой старой карге Бине. Вы сумели приручить его?

Орогастус соскользнул со спины ламмергейера, поблагодарил его — тот в ответ скосил оранжевые, с черными зрчками, глаза-блюдца в его сторону, затем взмахнул крыльями и исчез в облаках.

— Великая Волшебница, ваше величество, — с нескрываемым удовлетворением сообщил придворный маг, — мертва. И ее преемницей стала небезызвестная вам принцесса Харамис. Та самая, что однажды позволила себе отказать от предложенной вами руки. Но теперь, пусть даже она сама не осознает этого, рувендийская горячка полностью находится под моим влиянием.

— Клянусь десятью кругами ада! — только и смог вымолвить обескураженный Волтрик. Он вложил меч в ножны, вздохнул с облегчением. — А как насчет двух других?

Орогастус прошелся вдоль парапета, присел на каменный выступ на северной оконечности площадки, нахло-

нил голову, так что капюшон плаща полностью закрывал лицо. Связавшись телепатическим способом со своим слугой, он отдал ему необходимые распоряжения. Тот тотчас вскочил на ноги и мелкими шажками засеменил к открытому люку.

Когда король и маг остались одни, Орогастус откинул капюшон и широко улыбнулся Волтрику, подошел к нему, протянул руку — точь-в-точь как восемнадцать лет назад, когда они впервые встретились за тридевять земель отсюда и Волтрик сразу и навсегда поддался воле и обаянию этого удивительного человека.

— Ее сестры уже здесь, — бодро сообщил маг. — Кадия ведет сюда неорганизованную орду болотных народцев. Они вооружены духовыми трубками и копьями с кремневыми наконечниками. Войско Анигели — тоже сброд: несколько еотен лесных людей, страшных видом, но таких же диких, ниссоны — их немного меньше, отряды партизан-рувендиан и... ваш сын, этот предатель, с остатками своего отряда.

— Однако у принцесс есть... эти самые... талисманы!

Орогастус кивнул:

— Но они не умеют ими пользоваться. Эти дамы по наивности уверили себя, что стоит приказать магическим предметам — и они тут же сокрушат нас. Клянусь бессмертием своей души, подобным образом они мало чего добьются. Их отряды слабо вооружены, а сами принцессы — глупые девчонки. Дух у них, конечно, боевой, но без мозгов, без серьезной подготовки все это — пшик.

Они присели на выступ парапета. Волтрик, нахмурившись, принялся жевать длинный ус, потом обвел рукой окружавшие крепость болота.

— Мы здесь, как в ловушке. Нам никогда не выйти из Цитадели. Ни в сухой период, ни в сезон дождей. Как отыскать противника в этих болотах? Тут даже ужасные скритеки не помогут...

— Не совсем так, — ответил Орогастус. — Я уже объяснил вам ситуацию. Эти девицы сами явились сюда, под стены крепости, собрав свои силы в единый кулак. Разве это нам не на руку? Мы превосходим их числом, уме-

нием, вооружением: прибавьте сюда мои молниевые машины. Эту возможность ни в коем случае нельзя упустить. Наша главная задача — любым способом втянуть их в решительное сражение — шагжок за шагком, так, чтобы они сами не заметили, как все их силы окажутся вовлечены в битву. Поймите, ваше величество, у них ведь нет времени. В их распоряжении сутки. Потом — все! Зарядят дожди. Им придется распустить армию — кормить-то ее нечем, а у нас полные закрома, крыша над головой, нам не надо кувыряться в этой вонючей жиже. Когда же наступит очередной сухой сезон, инициатива полностью перейдет к нам. У них кончится запал, и собрать новое войско будет очень трудно. Только нельзя допускать ошибок, которые совершил генерал Хэмил. У него был приказ найти Кадью, а он для начала разгромил селения ниссомов в Треviste, пожег деревни уйзгу. Зачем? Откуда такая неразумная прыть?

— Да, в этих вопросах он проявил самостоятельность, — согласился Волтрик. — Ему было указано на необходимость продемонстрировать флаг, и все... — Тут король вскочил, оперся локтем о зубец парапета. — Значит, ты постарайся уничтожить их с помощью молниевых разрядов? Что ж, это звучит обнадеживающе.

— Я положу головы Кадии и Анигели к вашим ногам. Харамис же, ставшая моей помощницей, будет преданно служить вам и душой, и телом.

Волтрик нервно хихикнул:

— Что-то мне не очень верится... Хотя, если ты очаруешь ее... Тогда все возможно. Я всегда предпочитал таких стройненьких, долговязых. Да и детей мне не хватает... Особенно сыновей...

— Государь, *быть* битве! — сухо напомнил Орогастус. — В эти два дня, а точнее — в Праздник Трех Лун.

Глаза короля загорелись — он уже испытывал душевный подъем.

— Отлично! Именно этого нам и не хватало, чтобы кровь начала быстрее струиться по жилам! К черту сомнения! Месяц я провел здесь; половину срока готовился к

смерти, а вторую — впитывал смрад этих дьявольских болот. У тебя уже готов план?

— В общих чертах. — Орогастус тоже поднялся. — Время пришло. Я нисколько не сомневаюсь в том, что мы одержим победу. Я полон сил, моя мечта — придать вашему венцу блеск мировой славы — близка к осуществлению. Как я понял, полки, расположенные в Цитадели, приведены в состояние боевой готовности. Скоро сюда прибудет лорд Осоркон с пятью сотнями тяжеловооруженных бойцов... Ваше величество, не изматывайте себя размышлениями об этих принцессах, тем более об их талисманах... Все ваши страхи выеденного яйца не стоят!

Королевский маг вытащил из складок плаща кожаную сумку, достал из нее деревянную шкатулку с вырезанными на гранях черепами и другими символами смерти. Откинул крышку. Внутри, в гнезде из черного вельвета, лежал зеленоватый, тускло светящийся шар размером с небольшой плод дерева ладу.

— Этот предмет является куда более страшным оружием, чем все мои прежние штуки, вместе взятые. Это вторая часть наследства, оставленного мне моим учителем, мастером Бонданусом.

— Это тот, кто подарил тебе Золотые пилюли?

— Да. То был дар жизни, а это — дар смерти. Дьявольской, невообразимой! Не завидую тем, кому придется познакомиться с этим шаром. Его можно использовать только в крайнем случае, так как он поражает всех — и друзей, и врагов. Уничтожает все живое в радиусе сотни элсов. Если потребуется... Если не останется никакого иного способа разделаться с принцессами, тогда я сам займусь этим.

Зеленый шар словно приворожил взгляд Волтрика. Король побледнел, испарина выступила на лбу.

— Как же эта штука называется? — с трудом шевеля губами, выговорил он. — Как работает?

— Она называется Убийственный Пар. Она пришла из тех древних времен, когда Исчезнувших еще на свете не было. Предки моего учителя использовали это оружие против них. Тогда, ваше величество, на этих просторах раз-

разилась грандиозная битва. Победителю в награду должен был достаться весь мир. Сфера сделана из стекла. Стоит разбить ее, и содержимое тут же начнет испаряться. Всякого, кто хоть раз вдохнет ядовитый газ, сразу настигает смерть. Я готов пойти на все ради победы — ради нее мы не будем щадить ни своих, ни чужих. Вам, ваше величество, беспокоиться не о чем — вы останетесь на верхних этажах башни. Убийственный Пар действует только на высоте в рост человека.— Орогастус закрыл шкатулку, уложил в сумку и спрятал ее в складках плаща.— Впрочем, думаю, это средство не понадобится. Я продемонстрировал вам Убийственный Пар, дабы убедить, что у принцесс нет шансов. Они неминуемо проиграют. Наша мощь несокрушима.

Маг глянул на короля и приковал к себе его взор — в глазах Орогастуса блеснули искорки, и Волтрик замер. Кровь отхлынула у него от лица, он не мог пошевелиться, заговорить, отвести взгляд...

— Верьте мне, государь,— мягко сказал Орогастус, с едва заметной лукавой усмешкой глядя на короля.

— Да,— дрожащим голосом ответил тот.— Верю...

Перед самым выступлением из лагеря на Скрокаре к месту расположения основных сил Кадии, которое находилось в пятнадцати лигах к северу от Цитадели в непроходимых болотах, Анигель решила обратиться к талисману с просьбой надежно укрыть ее дружины от глаз соглядатаев Орогастуса. Обратилась без особой веры в успех, трепеща душой,— и чудо свершилось! В тот же час на среднее течение обоих Мутаров напал такой густой туман, что люди были вынуждены брести в нем с вытянутыми руками. Их вели одлинги, которым эта клубящаяся завеса была нипочем.

После некоторого колебания Анигель все-таки пришла к выводу, что столь неожиданная удача является следствием ее ворожбы, и дала команду к выступлению. Войско вайвило и рувендиан было погружено в лодки и благополучно добралось до замка Манопаро, где Скрокар вливался в Мутар. Затем некоторое время они спускались вниз

по Мутару, а в окрестностях Цитадели проводники направили флотилию в один из боковых рукавов, который тайной протокой был связан с совершенно недоступной для людей областью, где стояла армия Кадии. Они прибыли туда в полночь.

Это место представляло собой достаточно сухую возвышенность — вернее, несколько обширных холмов, островками выступавших из растекшейся по округе грязи. Только на одном из них, самом большом, было выставлено несколько фонарей со светляками. Один из вождей уйзгу с нарисованными вокруг глаз большими красными крутами встретил лодку, где находились принцесса Анигель и лаборнокские рыцари, и сообщил, что проводит их к шатру принцессы Кадии.

Вождь с фонарем в руке двинулся вперед, следом за ним Анигель, принц Антар и остальные лаборнокцы. Они нашли Кадия под широким кожаным навесом в окружении военачальников уйзгу. Все сгрудились вокруг грубо сколоченного стола, на котором была разложена карта Цитадели.

Здесь в военном совете участвовали и женщины, причем чувствовали себя очень уверенно, не испытывая никакого стеснения перед мужчинами. Правда, юбки у них были чуть покороче и более богато расшиты. Из-под них выглядывали сделанные из травы длинные штаны, сверху все — и мужчины, и женщины — носили странные золотистого цвета туники, напоминающие рыбью чешую, — вероятно, своеобразные кольчуги, решил принц Антар.

Вожди были в шлемах, некоторые из шлемов — найденные, по-видимому, в развалинах древних городов — были изготовлены из металла. Кадия тоже была в шлеме — отличить ее можно было сразу. Она на полторы головы возвышалась над подчиненными.

«Настоящий генерал», — подумал принц.

Увидев сестру, Анигель бурно разрыдалась и, не стесняясь слез, бросилась к ней, однако Кадия уклонилась от объятий. Она в упор глядела на принца Антара, который вместе со своими рыцарями задержался у входа. Принц

поочередно смотрел то на одну сестру, то на другую, потом нахмурился.

— Что с тобой? — удивленно воскликнула Анигель. — Наконец мы вместе! Мы живы!

— Да, мне удалось остаться в живых, — холодно ответила Кадия. — Но кого ты привела с собой, сестра? Что у тебя с ним общего? Нет тому веры, кто пролил кровь родственников. Ты слишком быстро забыла, кто принес страдания на нашу землю.

Анигель горестно вскрикнула — Кадия уязвила ее в самое сердце. Однако уже в следующее мгновение она выпрямилась, чуть отступила, гордо вскинула голову. Слезы у нее тут же высохли. Кадия не смогла скрыть удивления, но еще более поразили ее слова сестры — веские, невозмутимые...

— Кто дал тебе право осуждать людей, сопровождающих меня? Чем ты гордишься, чем похваляешься? Ненавистью? Ты что, уже победила наших заклятых врагов — Волтрика и Орогастуса? Кто дал тебе право указывать? Своей гневливостью ты Антара не напутаешь. Этот человек и его рыцари повидали не меньше твоего. Я знаю — знаю! — им можно доверять. Я клянусь жизнью... И талисманом, который Владыки воздуха дозволили мне отыскать.

Она сняла с головы венец из серебристого металла. Триллиум, впаянный в центр, начал полыхать. Свет часто пульсировал, изменялся от золотистого до малинового и вишневого.

Принц Антар шагнул вперед.

— Ваше высочество, — он глядел прямо в глаза Кадии. — Скажите, чем мы можем доказать свою преданность?

Кадия долго молча разглядывала принца, потом перевела взгляд на корону, которую принцесса Анигель держала на ладони. Затем не спеша, без слов вытащила из ножен свой меч. Трехвекий Горящий Глаз... Перевернула оружие, взяла его рукоятью вверх так, чтобы все три ока смотрели на Анигель и Антара.

Глаза открылись. Испуганный шепоток пробежал по толпе уйзгу и лаборнокцев.

— Сестра,— глухо сказала Кадия,— отвернись. Позволь нашим талисманам прийти к согласию.

Анигель с невозмутимым видом исполнила просьбу.

— О, Владыки воздуха, верные слуги Господа всемогущего,— тем же чуть сипловатым голосом воззвала Кадия.— Откройте нам, кто из этих рыцарей честен и благороден, кто заслуживает уважения, а от кого ждать беды. И поступите с ними так, как они собирались поступить с нами.

В очах Священного Меча запылало пламя — с вершины набалдашника ударили два слепящих ярко-голубых луча. Принц Антар и пятнадцать его рыцарей вздрогнули. Следом на землю с каким-то странным, горловым всхлипом рухнули два человека. Загрохотали доспехи, потом наступило молчание.

Через несколько мгновений лорд Ованон набрался мужества и наклонился над ними, потом встал и объявил:

— Онбогар и Турат... Они обрели смерть...

Анигель вскрикнула. Принц Антар обернулся к своим товарищам и удивленно спросил:

— А где же Ринутар?

Все переглянулись — оказалось, с тех пор, как они высадились на берег, его никто не видел. Антар собрался было отдать приказ о немедленном розыске, но принцесса Анигель сказала:

— Я сама найду его.

Она надела корону на голову и сразу стала выше ростом. Девушка величаво повернулась — взгляд ее, неземной, проникающий сквозь любую преграду, был направлен в сторону Цитадели.

— Он на реке,— вибрирующим голосом провозгласила она.— В украденной лодке...

— Немедленно в погоню! — воскликнул лорд Пенат.— Он же поднимет тревогу в крепости!

— В этом нет необходимости.— раздался из темноты незнакомый голос.

Рыцари-лаборнокцы расступились, и к свету вышла принцесса Харамис. На плечах у нее был накинута белый плащ, в левой руке она держала корону королевства Рувенды.

— Харамис! — в один голос воскликнули ее сестры.

— Кадия! Анигель! — Принцесса не выдержала и мелкими шажками подбежала к ним, обняла. — Да, это я. Я! Пусть этот Ринутар бежит, все равно король Волтрик и Орогастус уже знают, где мы. Им известно также, что вы собираетесь пойти на штурм до наступления праздника.

Тут заговорили все разом — и вожди уйзгу, и лаборнокцы, и Кадия с Анигелю, даже маленький Джеган издал удивленный возглас.

Харамис высоко подняла свой талисман. Янтарное сердечко, укрепленное на вершине широкого кольца, затрепетало золотым светом. В ответ ему так же ярко запылали Триптиумы двух других талисманов. Харамис почувствовала, как все три волшебных предмета заговорили между собой — их безмолвная переключка была если и не доступна пониманию, то, во всяком случае, прекрасно видна.

— Сестры! — Харамис положила корону на стол и вскинула обе руки. — Мне хорошо известно, как много воинов собралось в этом лагере. — Она старалась говорить твердо, веско, ни в коем случае нельзя было раньше времени обнаруживать свои сомнения. — Я обежала взором дальние окрестности и обнаружила много лодок с воинами-уйзгу, спешащими сюда. Более того, сообщая вам, что большая флотилия рыцарей-рувендиан с севера уже совсем близко. Но если вы бездумно бросите эти силы на Цитадель, то погубите не только наше дело, но и множество верных нам и справедливых существ. Всех их в этом случае ждет неминуемая смерть.

— Это кто же тебе сказал? — вспыхнула Кадия. — Уж не твой ли дражайший колдун?

Харамис бросило в краску. Едва ли она заслужила подобный упрек. Однако Кадию тоже можно понять, у нее есть основания так думать. Так что смирись!..

— Каково бы ни было твое отношение к тому, что случилось между мной и Орогастусом, в конце концов, это не я привела врагов на наш военный совет. — Она в упор глянула на Анигель, которая стояла теперь рядом с принцем Антаром.

Анигель тоже покраснела, но не ответила.

— Что касается ужасной судьбы наших друзей, — продолжила Харамис, — это и меня касается. И вас! Я не слепая! Кто наши союзники? Ниссомы, уйзгу — это всего лишь легковооруженная пехота. Граф Палундо может не поспеть вовремя, но даже если он и поспеет, его людям придется вступить в бой с корпусом лорда Осоркона, с пятью сотнями бойцов, плывущих по реке. Армия Волтрика, собранная в Цитадели, поднята по тревоге. Они готовы выдержать любой штурм. Главные ворота Цитадели уже починены...

— Возможно, — усмехнулась Кадия, — у нас найдется средство, чтобы открыть их. И чтобы защититься от твоего колдовства тоже.

— Это будет стоить вам слишком много жизней, — продолжала настаивать Харамис. — Наверное, вы еще не знаете, но больше мы не можем рассчитывать на поддержку Великой Волшебницы.

— Почему? — воскликнула Кадия. — Она всегда помогала нам. Неужели ты хочешь сказать, что в будущем сражении она примет сторону Орогастуса?

— Нет. Я только хочу сказать, что Великая Волшебница умерла.

Анигель, услышав эту весть, вскрикнула, а Кадия требовательно спросила:

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю, потому что присутствовала при ее последних минутах. — Голос Харамис по-прежнему звучал сурово, твердо. — Еще раз предупреждаю: Орогастус поджидает вас. Все ужасные машины Исчезнувших, попавшие к нему в руки, приведены в готовность. Он вызвал скриптеков, обитающих в Зеленой Топи. Топители уже спешат к крепости, они устроят засады и будут пожирать всяко-

го, кто попадет к ним в лапы. Неужели вы считаете, что способны лицом к лицу одолеть Орогастуса?

Наступила тишина, томительная, бесконечная. Первой не выдержала Харамис:

— Вы погибнете! Образумьтесь, прошу вас! Если мы укроемся в болотах, они не посмеют сунуться туда во время дождливого сезона...

— Нет! — Кадия с размаху ударила кулаком по столу. — Орогастус околдовал тебя. Неужели ты всерьез считаешь занять место Великой Волшебницы? Даже плащ ее надела...

— Ты думаешь, я сплю и вижу, как бы поскорее стать Великой Волшебницей? — с горечью спросила Харамис.

— Конечно, — ответила Кадия. — Ты всегда жаждала власти. Ты даже представить себе не можешь, что кто-то — тем более я и Ани — способен придумать нечто более хитроумное, чем ты.

Подобная несправедливость буквально оглушила Харамис. Ее словно ударили. Кадия, казалось, закусилась удила, лишь Анигель почувствовала, что происходит со старшей сестрой.

— Мне кажется, Кади, ты и на этот раз перегнула палку. Прежде всего тебе следует успокоиться. — Она в упор посмотрела на среднюю сестру. Та нахмурилась, потом отвернулась, и Анигель спокойно продолжала: — О чем, собственно, вы спорите? О том, кто привел сюда предателей — кстати, достойно наказанных, — или об отношениях с Орогастусом? Охота вам тратить драгоценное время на ссоры? Кади, еще раз предупреждаю — успокойся! У тебя есть возражения против плана Харамис? — И, заметив удивление на лице средней сестры, закончила: — Нет? Ты даже не соизволила ознакомиться с ним. Давай-ка послушаем, что она надумала.

Но Кадия не так-то легко было привести в чувство. Ярость уже затуманила ей очи. А тут еще эта корона, которая одиноко лежала на столе. Обратив на нее внимание, Кадия совсем вышла из себя:

— Как насчет трона, Харамис? Вы решили с Орогастусом захватить корону не только Рувенды, но и Лабор-

нока? Вы и Волтрика уже успели склонить на свою сторону?

— О чем ты говоришь, Кадия! — в отчаянии воскликнула Харамис. — Ты просто не понимаешь...

Тут неожиданно в разговор вступил заметно постаревший Джеган:

— Давайте не будем ссориться. Доверимся талисманам. Пусть они подскажут, где правда, а где ложь, как это случилось с принцем Антаром и его людьми.

Харамис гордо вскинула голову:

— Как пожелаете. Но предупреждаю вас, сестры, если ваши магические предметы подобны моему Трехкрылому Диску, будьте очень осторожны, когда начнете испытание. Я не сомневаюсь, что мой талисман, как и ваши, способен убивать.

— Так тому и быть! — поставила точку Кадия.

Анигель с невыразимой болью переводила взгляд с одной сестры на другую.

— Дорогая Харамис! — воскликнула она. — Как бы мы ни доверяли тебе, но твое пребывание у Орогастуса... Мы не должны забывать об этом. — В глазах у девушки стояли слезы, но говорила она тихо, спокойно, с непоколебимой верой, и эта твердость духа заставила всех примолкнуть. Анигель закончила уже в абсолютной тишине — даже журчащая поодаль река замерла, ветерок присмирел. — У нас нет иного пути, кроме как подвергнуть испытанию чистоту твоих помыслов.

В этот момент со стороны лагеря долетели ликующие крики, громкие возгласы. По-видимому, сюда добрался еще один отряд добровольцев. Казалось, этот шум, ожившая ночь, особенно ясная в те минуты — туман уже рассеялся, и звезды, проснувшись, помаргивали в вышине, — должны были примирить сестер, смягчить их сердца.

Но нет — напряжение, царившее в главной ставке, перешло всем, стоявшим рядом. Никто слова не произнес, но словно по команде лаборнокты и уйзгу покинули это место и скрылись во тьме, за линией часовых, охранявших подступы к штабу. Возле стола, кроме сестер, остались только принц Антар, которого бестрепетно удерж-

жала Анигель, и Джеган, который нарисовал на земле перед каждой из сестер знак Черного Триллиума.

Харамис, глядя на Анигель, усмехнулась:

— Пусть будет по-вашему, хотя я не настаиваю, чтобы тебя тоже подвергли испытанию за связь с принцем Антаром.

Анигель покраснела, но голос ее остался так же спокоен, как и прежде.

— Это недостойные слова, Харамис. Более того, они неуместны, и я рада, что их слышат только свои и они не выйдут за пределы этого шатра.

Харамис прикусила нижнюю губу, потом повернулась, взяла со стола корону и подошла к Джегану. Тот встал на колени и, склонив голову, принял символ государственной власти. Затем охотник поднялся и отошел к одной из стоек. Там и застыл.

Анигель и Кадия встали рядом с поднятыми талисманами в руках. На этот раз молитву начала младшая сестра.

— Могучие Владыки воздуха, проявите милосердие к нам, Трем Лепесткам Священного Цветка. Явите, что ожидает нас на пути, с какой стороны ждать опасность, что может помешать нам восстановить великое равновесие во Вселенной.

Три талисмана засияли разом — малиновым ослепляющим светом. Принцессы замерли и теперь напоминали изваяния — глаза широко открыты, словно этот огонь вовсе не тревожил их, губы чуть раздвинуты...

Затем корона, жезл и меч сменили тон пульсирующего сияния — освободившись из рук своих хранительниц, они взлетели в воздух, застыли точно между ними и вдруг слились! Конец жезла врос в расположенный на набалдашнике меча Черный Триллиум, где между тремя пылающими очами образовалось трепещущее отверстие; при этом волшебный жезл пронзил и как бы насадил на себя корону, на которой вдруг ожили изображения трех ужасающих лиц. Рога диадемы плотно обхватили кольцо с трепещущими на вершине тремя крыльями. Затем таинственный голос произнес:

— Перед вами Скипетр Власти, который способен не только поддерживать равновесие мира, но и уничтожить его. Станьте мудрыми и осторожными, проникнитесь благородной справедливостью, прежде чем прикажете ему действовать. И помните, что те, кто изготовил этот Скипетр, сами страшились коснуться его...

Кроваво-красный теперь свет угас. У каждой принцессы в руках очутился ее собственный магический предмет.

Долгое тягостное молчание длилось несколько минут, пока принц Антар не отважился нарушить его.

— Так что, талисманы вам что-нибудь ответили? — спросил он.

Харамис недоверчиво взглянула на него, но голос подала Анигель:

— Разве ты не видел? Разве не слышал?

— Ничегошеньки. Вы обратились к Владыкам воздуха, и все...

Сестры переглянулись, потом молча обнялись — все трое.

— Итак, я, кажется, оправдана, — шепнула Харамис. — Или нет?

— Конечно, — так же тихо, но решительно ответила Кадия. — Тем не менее мы атакуем Цитадель.

— Вы обе так решили? — нахмурившись, спросила Харамис.

— Да, — ответила Анигель. — Если ты не желаешь к нам присоединиться, тогда, по крайней мере, не вреди, тем более не вздумай помогать врагам.

— Ни в коем случае, — ответила Харамис. — И все-таки мне придется оставить вас. Мне следует быть возле крепости, и там... Я не знаю, что там произойдет, но у меня нет сомнений — я должна быть в Цитадели.

Джеган вышел из угла с короной в руках:

— Если желаете, принцесса Харамис, я доставлю вас туда в своей лодке.

— Благодарю. Но прежде чем уйти, позвольте сообщить вам нечто очень важное — я поняла это, когда гостила у Орогастуса. Подавляющее большинство его «магических» трюков — не более чем умелое использование

хитроумных машин, доставшихся ему от Исчезнувших. Ваши талисманы в силах справиться с этими устройствами. Я испортила одну из таких штучек, коснувшись ее своим жезлом. То же самое сможете проделать и вы. — Она крепко обняла сестер. — Кадия, Анигель, будьте осторожны! Молите Владык воздуха защитить вас.

Она взяла у Джегана корону и тут же удалилась с охотником. У стола остались Кадия, Анигель и Антар. В вышине, почти над самой головой, раскатисто гроыхнуло, окрестности на мгновение осветились, и сильный дробный дождь застучал по кожаному навесу.

Кадия, закусив губу и нахмурившись, долго, изучающе смотрела на принца, потом спросила:

— Вы действительно ничего не видели и не слышали? Ни света, ни слияния трех талисманов, ни странного голоса?

— Поверьте, принцесса, ничего. Вы просто стояли, потом, когда я спросил, мне ответила моя госпожа...

— Это зрелище было предназначено только для нас, Кади,— заметила Анигель. — И особенно, думается мне, для белой Харамис.

— Почему бедной? — усмехнулась Кадия. — Все то время, что мы будем рисковать жизнями, она с короной на голове и в плаще Великой Волшебницы простоит в сторонке.

— Да, но только в том случае, если мы сможем победить без помощи Скипетра Власти. Если же нет...

Кадия пожала плечами, потом взяла свой меч и, поиграв бровями, сказала:

— Хм-м... До этого, надеюсь, не дойдет.

Затем она решительным тоном попросила принца Антара собрать своих рыцарей и вождей всех отрядов. Пора было приступить к обсуждению плана.

Глава 43

Эту ночь Харамис провела в сухом безопасном месте. Устроилась она между вздыбивших землю корней старой гонды, что росла в небольшой рощице возле самой крес-

пости. Джеган высадил ее неподалеку отсюда, и, чтобы обезопасить от расставленных часовых-лаборнокцев, охранявших пристань, и дозоров, волшебный талисман по ее просьбе прикрыл ее густым туманом, а когда разразилась гроза, то и невидимым зонтиком. Местечко здесь, между древесными корнями, было уютное, известное с детства — в этой рощице сестры частенько играли, устраивали «секреты», тайники — вот один из них и пригодился. Принцесса прекрасно выпалась, встала посвежевшей, бодрой, умылась в ближайшем ключе.

К утру дождь перестал, однако схоронивший ее туман по-прежнему был густ и непроницаем для солнечных лучей. Он как бы образовал каморку вокруг принцессы, куда приглушенно долетали птичье пение, стрекот кузнечиков. Сверху, с кроны дерева, звучно падали капли. Одна из увесистых капель попала на шею, холодная влага потекла по спине — Харамис передернула плечами, засмеялась. Сквозь туманную завесу проник солнечный лучик, ударил в темно-янтарную кору гонды, все вокруг осветилось, ожило...

Рощица располагалась по соседству с пристанью, и от реки к крепости вела мошечная камнем дорога, которая упиралась прямо в главные ворота Цитадели, защищаемые двумя подремонтрованными башнями. Посты охранения были сняты — это Харамис, ясновидящим взором обведя окрестности, определила сразу. Несомненно, в плане ее сестер это направление штурма крепости должно оказаться одним из главных. В любом случае — будет ли данный удар служить отвлекающим маневром или здесь действительно сосредоточатся главные силы атакующих, в этом месте прольется много крови.

Устроившись в ямке между корнями, обильно поросшей сухим мхом, Харамис погрузилась в медитацию. Пусто было в оккультном мире, пусты были ее мысли — вот мелькнуло беспокойство и тут же обернулось страхом за сестер... Откуда-то из глубин души потянуло горечью и болью о погибших родителях, пожалела она и о Белой Даме, затем струйкой влилась досада на Кадью, которая так

неуклюже посмела упрекнуть, что старшая сестра пытается узурпировать место Бины... Как будто Харамис только и мечтает об этом! Но кто, кроме нее, достоин носить эту мантию? Неужели Кадия всерьез решила, что сама способна занять место Великой Волшебницы?

Где теперь бродит ее душа, невесомая, бестелесная? Самое время научить и приструнить своих воспитанниц...

И словно по заказу, мысленному взору принцессы явилась сама Белая Дама. На плечах у нее был наброшен точно такой же, как у Харамис, белоснежный плащ, разве что сиял и переливался он так, что принцесса мысленно прикрыла глаза рукой. На голове у Бины был капюшон, скрывавший ее лицо. Руки же, которые видение приподняло, чтобы откинуть завесу, были молоды; на коже — ни единой морщинки или родинки. Неожиданно Харамис почувствовала болезненный укол сомнения — кто же явился к ней? Уж не демон ли?

Наконец, капюшон сброшен, открылось лицо. Да, это Бина! Но как чудесно изменился ее образ — лицо волшебницы излучало свет и выглядело куда моложе, чем в те последние минуты, что запомнились принцессе. Теперь она будет вечно пребывать в таком состоянии, мелькнула мысль, и тут же в сознании родилось утверждение — да, теперь, освободившись от брэнного тела, она навсегда останется зрелой и мудрой. Счет лет для нее прекратился, она рассталась со временем, которое так долго воплощалась в себе.

Харамис склонила голову:

Госпожа?..

Светоносная рука коснулась ее головы, божественное тепло разлилось по волосам, и музыкальный голос зазвучал в душе Харамис:

О чем твоя печаль, моя девочка?

Харамис вздохнула:

О моих сестрах. Они решили, что я влюбилась в Орогастуса, околдована им. А Кадия даже посмела обвинить меня в попытке присвоить ваш плащ.

Не капризничай, ты же знаешь, что это неправда. Придет время, и они все поймут.

Кадия заявила, что я до неприличия жажду власти... Она подумала так потому, что ты надела мой плащ. Это было утверждение, а не вопрос.

Бина продолжала:

Я подарила его тебе, Харамис, но я не заставляла тебя носить его. Это тяжелая ноша, не поспешила ли ты взвалить ее на свои плечи? Даже тем, кто любит тебя, будет трудно свыкнуться с подобной мыслью. Эта работа никогда не будет понята окружающими — им просто не дано. Не поймут они, и почему именно ты. Тебе предстоит трудиться в одиночестве и ждать похвал только от себя самой. Работа хороша, когда она хорошо сделана. Так будет всегда: тебе каждый день придется жить в ожидании, что явится кто-то и попросит взять на себя бремя его забот. Кто-то ведь должен заботиться о Рувенде, хранить ее, лелеять — история этой земли далеко не окончена, и тебе предстоит долго ждать, когда пробьет час и кто-то другой, более молодой и сильный, придет и примет у тебя эту ношу. Поверь мне, в этих трудах много радости. Как приятно воплощать идеал в жизнь, хранить красоту, наполняющую мир, помогать ей осуществиться в каждой песчинке, каждом птенчике, каждом ребенке, следить за соблюдением смены времен года и правильным чередованием веков. Дух захватывает, когда ты, наконец, можешь различить голос родной земли, идущий из ее недр...

Голос угас, видение, казалось, погрузилось в размышления, и Харамис, вздохнув, ощутила, как новый свет озарил крепость, реку, заречные луга, джунгли... Туман ей был не помеха. Она раньше даже не представляла — поверить не могла! — что былинка у нее под ногами или вот этот зеленовато-сизый отросток мха обладает не то что душой или мыслью, но чувством принадлежности к земле, воде, свету, осознанной жаждой жить, творить — пусть даже себе подобных. Кто мог запретить этому тонкому стебельку или крючковой, нежной на ощупь мшинке впитывать сияние солнца, слушать размеренный гулкий рокот, истекавший из самых недр земли и воды? Звук пульсировал, сплетался в мелодию, где своим особым го-

лосом пели джунгли, озеро Вум, реки, Охоганские горы — и небо. Ясное, высокое небо Рувенды...

Харамис стало хорошо. Удары сердца вплелись в песню природы. Она не могла наслушаться, насытиться этой музыкой, в которой басовитым раскатом бухало время. Принцесса совсем забыла о Бине. Разбудил ее, вернул к действительности внезапно появившийся округлый металлический поднос. Невидимые руки опустили его ей на колени... Тут только Харамис обратила внимание, что видение исчезло. Растворилось в воздухе? Однако действие продолжалось...

На подносе лежали четыре сердца и стоял кувшин с соленой — морской?.. — водой.

Голос распорядился:

Омой их.

Ничто не смутило принцессу — в этом невидимом, горнем мире владычествовали свои законы. Она взяла одно из сердец — оно удобно легло на руку, забилося мягко. Ладонь обдало теплом. Харамис полила сердце водой, другой рукой обтерла живую плоть и протянула вверх. Невидимые руки приняли ее дар. То же самое она проделала со вторым и третьим сердцем, которые казались точной копией первого. Когда же она взяла четвертое, то сразу почувствовала неуловимую разницу. Сознанием ли, кожей — неясно... Ага, вот в чем дело — что-то кольнуло ее в ладонь. Харамис осторожно перевернула сердце. К ее изумлению, она обнаружила, что это вовсе не живая плоть, а что-то подобное механизму, ожившая модель человеческого органа. Она тоже попыталась омыть его, однако невидимая рука придержала кувшин.

Голос печально произнес:

Нет, это сердце не отмоешь. Он отказался от звания человека.

Невидимая рука взяла с ее ладони механическое сердце. Харамис широко распахнула глаза:

Я не понимаю.

В конце концов, ты должна была узнать правду.

Несколько минут Харамис сидела в полной растерянности, потом как-то разом вышла из транса и погрузилась в глубокий сон.

Пробудилась принцесса в сумерках. С помощью Трехкрылого Диска она понаблюдала за приготовлениями, которые проводились в Цитадели. Солдаты взбегали на стены, занимали боевые позиции — готовились к штурму. Рыцари то и дело являлись с докладом к королю, расположившемуся со штабом во внутреннем дворе Цитадели. Получив очередное распоряжение, они тут же бегом возвращались к своим отрядам. Там же Харамис различила Орогастуса и вертящегося возле него Зеленого Голоса, которые с помощью специально отобранных команд готовили к бою смертоносные орудия, доставшиеся колдуну от Исчезнувших: два аппарата, рождающих молнии; хитроумную машину, издававшую скрипучие, невыносимые для незащищенных ушей звуки; два механизма, способные окатить наступающих градом пуль; еще одно устройство, стреляющее отравленными стрелами. Самым последним солдаты выкатили орудие, сгустками изрыгающее огонь.

Харамис тщательно, мысленным взором, изучала устройство машин и пришла к выводу, что эти предметы, сеющие смерть, больше пригодны для наступления, чем для обороны. Польза от них, установленных за боевыми порядками войск, весьма сомнительна. Тем более внутри крепости... В этом случае каждый залп будет поражать защитников не меньше, чем атакующих.

Предмостные укрепления и куртины между бастionaми, снаружи ограждавшие крепость, взять довольно легко. Стены низкие, щелястые — в них были проделаны проходы для стрельбы из орудий колдуна. Множество амбразур для арбалетчиков... Но главное — Харамис сразу догадалась — заключалось в том, что защитникам наступавшие порядки практически не были видны, в то время как оддлинги прекрасно ориентировались в темноте, да и сами укрепления проецировались на более светлое, чем

земля, ночное небо. Если принять во внимание, что Анигель и Кадия имеют возможность посредством своих талисманов поставить защитный экран, который станет непробиваемой преградой для ясновидящего ока Орогастуса, то можно сделать вывод — особых хлопот с предмостными укреплениями у сестер не будет. Как раз во время ночного штурма большое значение могут иметь духовые трубки, которыми в совершенстве владеют ниссо-мы и уйзгу.

Хорошо, но что же дальше? Теперь главные крепостные ворота... Уже успели починить... Да, створки настолько массивны, что никакой таран их не возьмет. Тогда, может, талисманы сестер? Но тот же внутренний тихий голос подсказал принцессе, что эти надежды бесплодны. Талисманам тоже не совладать с металлическими воротами.

«Я должна оказать им посильную помощь, — сказала себе Харамис, — но есть ли смысл вмешиваться? Послушают ли они меня, или каждый мой совет послужит лишь поводом для очередной перебранки? Сейчас не время для ссор, тем более что все, открывшееся мне с помощью Трехкрылого Диска, доступно и им. Можно не сомневаться, что расположение воинских частей, орудий Орогастуса, резервов, штаба Волтрика они изучили не хуже меня. Как штурмовать главные ворота, я и сама не знаю. И вообще, вопрос не в этом — каждый должен пройти свой путь до конца. Они выбрали свою дорогу, я — свою...»

Она погрузилась в нахлынувшую умиротворяющую волну, испытала необыкновенные спокойствие и уверенность. Душа ее внезапно распахнулась на все четыре стороны света — она как бы слилась с миром и в то же время не потерялась в нем. Ей уже однажды довелось испытать подобное состояние — в тот момент, когда она впервые взяла в руки свой волшебный талисман. В пещере, выбитой в кварцевой скале, которая, лишившись хранимого им сокровища, обессиленно рухнула. Тогда Харамис почувствовала себя срединной точкой мироздания, его сердцем — к нему отовсюду тянулись бесчисленные нити, посредством которых мысленным усилием приводилась в движение наша Вселенная... Сомнений не бы-

ло, именно эта точка — место приложения ее сил, ее среды обитания...

«С судьбой не поспоришь,— подумала принцесса.— Но неужели цена за обретение мудрости и знания — жизнь моих сестер?»

Ответа не было. Бина молчала...

Харамис вернулась в окружавшую ее реальность, вздохнула, попросила волшебный жезл показать сестер. С этого момента она внимательно наблюдала за приготовлениями войска рувендиан и оддлингов.

Главные силы их армии, разбитые на отряды, возглавлявшиеся опытными рувендианами и лаборнокскими рыцарями, заняли позиции на противоположной стороне реки, как раз напротив пристани. Харамис оказалась на линии движения готовившихся к высадке полков, целью которых было, по-видимому, овладение главными крепостными воротами. Удивительно, что люди и оддлинги были так хорошо замаскированы, что даже ее талисман с трудом прорывался сквозь выставленную ментальную защиту.

Что-то долго они готовятся, решила Харамис. Возможно, ждут сигнала... Но кто его должен подать? Она принялась осматривать окрестности — землю и воду — и тут же едва не вскрикнула от удивления. Несколько сотен уйзгу и вайвило, ведомые Кадией, Анигелью и Антаром, уже успели незамеченными переправиться через Мутар и втянуться в широкий туннель, который уводил под самую крепость, к древней водосборной цистерне. Здесь ментальная защита была настолько крепка, что Харамис различала только смутные тени.

— Клянусь Цветком! — воскликнула она. — Если Кадии и Анигели удастся открыть главные ворота изнутри, то у них появятся отличные шансы.

Позже, когда пришло время восхода Трех Лун — свет их никак не мог одолеть туманную завесу, которой отгородилась принцесса, — Харамис раскрыла оставленную Джеганом сумку и достала ритуальную пищу. Отведать ее значило начать праздник. Совершив обряд и отпраздновав великий день, она снова обратилась к своему талис-

ману и попросила показать, где находится корпус лорда Осоркона, который до сих пор не успел добраться до Цитадели. На затуманившемся экране появилось четкое изображение освещенной тройным лунным светом реки и внушительной — не менее сотни больших судов — флотилии. Каждый корабль был забит тяжеловооруженными воинами. Гребцы не жалели сил, и очень скоро корпус должен был появиться под стенами Цитадели. Что случится, когда воспрянувшие духом, выжившие в Тернистом Аду лаборнокуцы ударят в тыл войску, штурмующему главные ворота?

Как только изображение угасло, Харамис вытерла невольно набежавшие слезы. Что тут поделаешь? У сестер своя судьба, у нее — своя. Ей нельзя отвлекаться, у нее столько дел. Еще надо успеть подготовиться.

Она собралась с духом и с помощью талисмана вызвала Орогастуса. Когда его лицо возникло в центре Трехкрылого Диска, Харамис сказала:

— Я сделала выбор.

Лицо колдуна оставалось бесстрастным. Он спросил мысленно:

— Не окажешь ли ты честь встретиться со мной лицом к лицу? Тогда и расскажешь о своем решении. Как видишь, я не могу сам явиться к тебе. Птица, доставившая меня сюда, сразу улетела.

— Хорошо, — согласилась Харамис, — я приду к главной наблюдательной башне.

— Что, если я встречу тебя примерно через час, в полночь? — спросил Орогастус. — Как ты сама понимаешь, никто из наших людей не в состоянии причинить тебе вред — тебя защищает талисман.

— Знаю, — просто ответила Харамис. — Я приду.

— До свидания! — Его красивое лицо озарилось мягкой улыбкой. — Все будет хорошо, любимая.

Изображение мага погасло.

Харамис принялась собирать вещи, укладывать их в мешок, оставленный Джеганом, и в этот момент янтарное сердечко на талисмане засветилось тусклым золотистым светом. Туман, скрывавший ее, оторвался от земли

и, рдеая на глазах, поплыл вверх, в сторону севера. Следом игольчатые ветви гонд шевельнул холодный восток, нагнав на принцессу дрожь. Тут же задудло так, что затрепетала не только листва, но и сами деревья — их согнуло до земли, ветер взметнул пыль и облаком погнал ее к Цитадели. Потом все стихло... Харамис, едва успевшая схватить свой плащ, перевела дух. В прибрежных тростниках что-то затрещало, потом взволновались кусты — какое-то существо осторожно пробиралось во мрак. Харамис вздрогнула, замерла и уже совсем было решилась вызвать ламмергейера, как неожиданно в груди наваленных у корней гонды камней блеснули два золотистых глаза. Кто-то в упор смотрел на нее — не мигая, не двигаясь...

— Принцесса...— донесся приглушенный шепот.

— Клянусь Цветком... Имму! — Харамис уронила мешок, в котором были спрятаны ее вещи, а также корона и белый плащ Великой Волшебницы, бросилась вперед и заключила в объятия старую няньку.— Имму, что ты здесь делаешь?

Женщина нахмурилась, показала маленькие клыки.

— Долго рассказывать. Мозги у меня истрепались, пока я искала принцессу Анигель. Руки, ноги усохли... А сегодня около полудня даже мой ясновидящий взгляд отказал мне. Вот и мечусь туда-сюда, туда-сюда!

Харамис кивнула:

— Ты не потеряла способности к ясновидению. Просто сестры поставили защитный экран, чтобы скрыться от врагов,— получилось, что и от друзей тоже.

— Я уже давно прячусь в окрестностях Цитадели и тебя тоже давным-давно заметила. Видела, как ты устроилась под гондой, укутала себя туманом, только глазам не верила — думала, мне это все мерещится... Тебе известно, где моя принцесса? Она так нуждается во мне!

— Конечно, я знаю, где она. Только сомневаюсь, что сейчас ты можешь ей чем-нибудь помочь. Анигель и Кадия в этот момент ведут свой отряд по водосборному туннелю, они хотят проникнуть в самое сердце Цитадели. С минуты на минуту начнется штурм...

— Владыки воздуха! — выдохнула Имму, потом всхлипнула и тут же горячо воскликнула: — В таком случае, она нуждается во мне больше, чем когда бы то ни было! Скажи, где бы я могла ее сыскать?

Харамис поколебалась, потом, решив, что каждый выбирает свой путь и ей все равно не удастся остановить старую няньку, спросила:

— У тебя есть лодка?

— Да, небольшой ялик на веслах.

Харамис быстро завязала горловину мешка:

— Я сама покажу тебе путь.

Они быстро, хоронясь за кустами, спустились к воде, погрузились в спрятанную в тростниках лодчонку. Имму села на весла и, следуя указаниям Харамис, неотрывно смотревшей на свой талисман, погнала ялик вверх по Мутару. Спустя полчаса они добрались до тихой, забитой плавающей травой мелкой заводи. Ограничивал ее высокий обрыв холма, на котором примерно в полулиге высилась крепость.

Лодка едва продвигалась по поросшей травой жиже.

— Здесь? — недоверчиво спросила Имму. — Не может этого быть! Они не могли здесь высадиться. Отсюда до Цитадели не менее лиги. Как они смогли эту грязь одолеть, как на откос взобрались? Вверх по совершенно открытому месту? И нигде никаких следов... Нет, принцесса, здесь что-то не так...

— Имму, я же говорю тебе, они пошли подземным туннелем, по которому вода поступает в специальную цистерну. Ее еще Исчезнувшие построили, и поэтому о ней никто не знает. Мои сестры уверены, что в их силах поставить надежный экран против ясновидящего взгляда Орогастуса, пока они не доберутся до подвалов главной наблюдательной башни. Вас же вел этой дорогой Джеган, разве ты не помнишь?

— Не помнишь... Как я могу забыть этих мерзких лаборнокцев, схвативших нас у колодца? От колодца и я могла бы провести их отряд... Ну ладно, доберутся они до подвалов, а дальше?

— Попытаются открыть главные ворота и те, что ведут к продовольственным складам.

Имму в сердцах топнула ножкой:

— Эх, на пивоварне им без меня не обойтись! Там есть несколько выходов, мы бы свалились лаборночкам, как снег на голову. Ну ладно, а как же они собираются подняться по стволу колодца?

— Выстрелят вверх из арбалета железной кошкой, привяжут к ней трос, по этому тросу взберется какой-нибудь ловкач уйзгу и, укрепив там концы, сбросит в колодец веревочные лестницы...

— Помоги им Тriendиный! Принцесса, ты считаешь этот план разумным? Неужели колодец, о котором прознали лаборночки, не охраняется?

— Не уверена... Но что я могу поделывать? Я всеми силами пыталась остановить сестер, но они уже потеряли голову. Я без конца молю Владык воздуха, чтобы они вступили в бой на их стороне.

— Вот и хорошо...— скороговоркой забормотала нянька.— Вот ты и молись, а мне поспешать надо.

Она ловко перелезла через борт и, погрузившись по колени в болотную жижу, побрела к берегу. Уже через несколько секунд густая мгла поглотила ее.

Харамис еще долго смотрела в ту сторону, слышала чавкающие глухие шлепки, но неожиданно все стихло, едва слышно закапало, зашуршало, и принцесса догадалась, что Имму нашла вход. Тут она крепко задумалась. Если Имму с такой легкостью в полной темноте обнаружила подземный туннель, то и патрули лаборноцкев, шныряющие по берегу, вполне могут наткнуться на этот мрачный обширный каменный зев. Следы там, конечно, остались, они сразу поднимут тревогу... Ей-то патрули не страшны — она сразу прикрыла лодку завесой невидимости. А что, если обрушить берег и похоронить вход в туннель?

Сказано — сделано. Она подняла талисман. Три сложенных крыла с вершины кольца переместились в центр окружности, расправились, увеличились в размерах (вот почему, смекнула Харамис, этот волшебный предмет по-

лучил название Трехкрылый Диск); Триллиум, заключенный в янтарь, густо запульсировал кирпичным цветом.

— Пусть земля обратится в жижу и затопит вход в туннель. Пусть будет скрыт он от вражеских глаз.

Несколько мгновений вокруг стояла вязкая тишина. Потом где-то в толще земли родилось гулкое громыханис. Обрыв неожиданно закрыла плотная туманная завеса, и берег, мягко чмокнув, сполз в реку. Гигантский след оползня отчетливо белел во мраке свежей глиной.

Мановением мысли Харамис направила ялик на стремнину, куда уже наползали неровные перья тумана. Тут же с берега, где располагалась крепость, донесся топот фрониалов — по-видимому, верховой патруль лаборнокцев решил проверить, что случилось на берегу. Зазвучала труба, в ответ ей кто-то подал сигнал из крепости. И все стихло...

Харамис села — прежний мягкий, чуть воркующий голосок раздался в ее сознании:

Теперь в тебе поселилась сила. Обходишь с ней осторожно.

Добравшись до середины реки, она бросила весла, некоторое время сидела неподвижно, ясновидящим взором оглядывала все вокруг. На земле и воде было тихо. Беззаботно плескалась рыба, в джунглях устраивалось на ночевку зверье, позванивали струи, стихал ветерок, густел туман, светились звезды, в крепости часто горели факелы — их отсвет зыбко ложился на древние стены. На противоположном берегу Мутара отряды ниссомов и вайвило начали переправу.

Харамис вздохнула — час пробил!

Она снова взялась за весла и погнала лодку к берегу, где располагалась крепость. Здесь она высалилась, взобралась на яр, нашла место повыше и мысленно позвала:

Хилуро!

Гигантская птица долго не появлялась, но принцесса спокойно поджидала ее. Потом устроилась на скальном выступе и взглянула на родимое гнездо — Цитадель, которую начало затягивать туманом. Главная наблюдательная башня была освещена снизу доверху, даже на смот-

ровой площадке полыхали факелы, в свете которых боязливо трепетал флаг Лаборнока — алый, с тремя скрещенными золотыми мечами. Время от времени полотнище вспархивало, разворачивалось вширь, словно возвешая — вот где я! Попробуйте доберитесь... У кого хватит смелости?

Харамис судорожно стиснула талисман.

— Помоги моим сестрам! — взмолилась она. — Даруй им победу!

Харамис.

В вышине над самой головой слышался клекот, и знакомый голос мысленно позвал еще раз:

Харамис. Я видел нечто ужасное.

Гигантская птица, подняв вокруг себя ветер, мягко приземлилась, торопливо, переваливаясь на ходу, заспешила к госпоже, склонила бородатую голову. Принцесса бросилась к ней:

— Что случилось?

Полезай ко мне на спину, и я покажу тебе.

Харамис так и поступила. Ламмергейсер исполинским черным облаком взмыл в сумрачно, подсвеченное кострами и звездами небо и полетел вниз по течению Мутара, за скалистый утес, на котором возвышалась крепость, — туда, где могучая река граничила с подступающими Зелеными Топями. Это было самое пустынное место в окрестностях Цитадели, никто не отваживался селиться по соседству с болотами — обителью скритеков.

Птица взмыла под самые звезды, рваное, с широкими прорехами полотно тумана осталось далеко внизу. Три Луны, встающие на юго-востоке, прикрывала легкая радужная дымка. Однако их света было вполне достаточно, чтобы разглядеть в Зеленых Топях, на всех протоках и каналах мириады теней, которые сливались в единую грозную массу, неумолимо надвигающуюся на скалистый остров, где высилась Цитадель.

— Что это? — встревоженно спросила Харамис. — Не мог Осоркон так быстро добраться до крепости.

Хилуро ответил:

Это скритеки, созданные колдуном.

— О, Троединый Боже! Ну, конечно!

Хилуро снизился до самой земли, куда туман еще не успел добраться, и принцесса с испугом отпрянула, когда топители, уже выбравшиеся на сушу, заметив огромную птицу, принялись выть и шипеть.

Я не могу позволить этим созданиям погубить друзей моих сестер. Что же делать?

Тот же воркующий голосок внутри нее укоризненно проворчал:

Ты же госпожа всего Народа.

И что это значит?

Молчание.

Харамис стиснула зубы, выпрямилась и приказала:

Хилуро, приземлись перед их авангардным отрядом.

Тот беспрекословно выполнил распоряжение — сделал круг и приземлился на мшистую скалу, возвышавшуюся на несколько элсов над окружающей местностью. Марширующие скритеки невольно остановились, и вся толпа замерла в полусотне элсов от скалы. Фланги орды начали загибаться справа и слева, охватывая то место, где стояла Харамис, а за ее спиной, сложив крылья, сидела исполинская птица.

Принцесса, не торопясь, развязала мешок, достала плащ Великой Волшебницы, надела его, спокойно оправила подол. Потом подняла талисман.

Тут же стихли завывания, шипенье, топот тысяч ног. Наступила полная тишина.

Кто предводитель?

Никто из десяти вождей не рискнул шагнуть вперед. Из их отверстых пастей текла слюна, трехпалые конечности сами по себе сжимались и разжимались, причем когти на ногах скребли землю, и только это пугающее душущее шуршанье было слышно в толпе диких детей болот.

Вы знаете, кто я?

Он сказал, тебя нет в живых... Мы узнали об этом...

Я всегда жива, пока живы моя земля и вода. Весь Народ — мои дети. Все повинуются мне. Только вы оказались строптивцами. Вы склонились перед колдуном и пришли убивать, хотя я запретила вам братья за оружие.

Нам не было знамений! Ты забыла о нас! Ты лишилась силы! Он уверял, что, когда он позовет нас, ты не сможешь помешать нам отправиться в поход.

Теперь я скажу. Вы меня слышите?

Мы слышим, Белая Дама!

Тут в массе скритеков даже шуршание стихло. Наступила секундная томительная тишина, и следом шум опускавшихся на колени тысяч тел пронесся по окрестностям.

И вновь томительная пауза...

Харамис, собрав все силы, сурово обратилась к чудовищам:

Прежде вам было разрешено помочь людям, захватившим нашу землю и воду. Но теперь на это моего согласия нет. Вы слышите?

Мы слышим, госпожа.

Это был тихий, рокочущий мысленный рев, вырвавшийся из тысяч разъяренных, страдающих сознаний. Злоба и гнев, вера и покорность сплелись в нем...

Я не оставляю вас своими заботами. Я, ваша хранительница и наставница, повелеваю служить земле и воде, на которой вы выросли, где обрели дом и разум. Я, присутствующая здесь, приказываю...

Мы готовы, Белая Дама.

Она отдала распоряжение, подробно все разъяснила, особенно настойчиво требовала *вязать, брать в плен*, но ни в коем случае *не пожирать*... Это уточнение вызвало взрыв негодования в толпе тварей, потом вздохи сожаления сменились согласием, даже некоторым облегчением, и они хором дали слово выполнить все, как того требовала госпожа.

Последним движением, уже взобравшись на птицу, Великая Волшебница Харамис благословила поднявшееся на ноги войско, и Хилуро тут же взмыл в небо.

Глава 44

Королю Волтрику не надо было растолковывать, какая опасность исходила от подземного хода, соединявшего подвалы главной наблюдательной башни с рекой Му-

таром. Сразу после захвата крепости он отдал распоряжение военным инженерам обследовать туннель и заделать его. Приказал — и более чем на две недели свалился в горячке. Лаборнокские инженеры осмотрели водосборное сооружение и пришли к единому выводу, что просто так заделать туннель нельзя — сложным образом этот водоток был связан со всей системой водоснабжения крепости. Об этом и известили начинавшего выздоравливать Волтрика. Он согласился с доводами специалистов и, посоветовавшись, принял половинчатое решение — туннель пока не заделывать, но по всем проходам, в темнице и возле самого колодца выставить охрану, а где можно — забрать проходы металлическими решетками на замках. Посты были расставлены таким образом, чтобы в случае появления рувендиан часовые могли голосом известить соседей о появлении чужаков. С решетками, однако, произошла загвоздка. Сначала решили выковать их все и потом разом установить в подвалах крепости, но тут верхушку лаборнокской армии снова стало лихорадить. На короля свалилось столько забот, что решетки выковали, а установить не успели.

Сушим наказанием оказался пост возле устья колодца. Положенное время там никто не мог выдержать. Ставили и по двое, и по трое — все напрасно. Очень уж страшное было место. Глухое подземелье, мрачное, вонючее, воды по щиколотку, под ногами постоянно шныряет какая-то мерзость, вокруг почти невидимые при свете факелов летающие твари — того и гляди в человека вцепятся. Покою от них не было — без конца орут и еще что-то гнусаво выпевают. Просто жуть берет! Люди, которых снимали с поста, выглядели совершенноными безумцами...

Так тянулись дни — никто не пытался проникнуть в крепость через ствол колодца. И кому в голову придет, кто сможет одолеть более двадцати элсов гладкой, осклизлой стены и влезть в помещение, где за каждой насквозь проржавевшей насосной машиной прячется если не привидение, то уж злыдень какой-нибудь... Точно так рассуждали солдаты, потом и разводящие на посты сержанты согласились с рядовыми, и по молчаливому согласию

лаборноки сдвоили нижний пост и перевели его в заброшенную темницу. Таким образом, караул теперь стал охранять не колодец, а лестницу, ведущую из нижнего машинного зала. Прошло несколько дней, и во дворе темницы появился сколоченный из досок стол. Солдаты огнем факелов разогнали ползучих гадов, сожгли остатки скелетов и теперь проводили время за игрой в карты, попивая отличное, тайно доставляемое пиво.

Судьба в ночь штурма явно благоволила к Кадии и Анигели. Как раз в тот момент, когда ловкач уйзгу с первого выстрела ухитрился зацепиться крючками копки за край колодца, некий солдат по имени Кругдал попытался смошенничать, но был тут же уличен своими товарищами. За столом поднялся такой гвалт, что никто не услышал звяканья металла о камень. К тому времени, когда лаборноки успокоились, около четырех десятков уйзгу уже были в машинном зале. В том числе и их командир — принц Антар.

Принц взобрался наверх одним из первых с привязанным к поясу мешком, где в дополнение к полной броневой выкладке лежали шлем с широким плюмажем и плащ с гербом королевского дома Лаборнока. В помещении, где были установлены насосы, он быстро переоделся, помогавшие ему уйзгу почистили голубоватые, с искусной резьбой доспехи, потом рыцарь поднялся по металлической лестнице в древнюю тюрьму и с бранью набросился на собравшихся за столом часовых. Принялся выговаривать им за пренебрежение своими обязанностями... Ошеломленные солдаты вытянулись по стойке смирно, так и не сумев сообразить, как же принц мог так незаметно подобраться к ним, — о его измене они ничего не слышали. Когда же юркие уйзгу и гиганты вайвило ворвались во двор тюрьмы, солдаты совсем потеряли дар речи. Без всякого сопротивления они дали себя обзоружить и связать, после чего их затолкали в одну из отремонтированных камер. Там и заперли...

Здесь же за столом обе принцессы, Антар и вожди уйзгу и вайвило устроили короткий военный совет.

Дело в том, что подъем по узким лестницам к подвалам главной башни должен был занять немало времени, и за этот срок все могло случиться. Нельзя было ни в коем случае позволить защитникам крепости поднять тревогу. Допрошенный пленный сержант подтвердил, что караул меняется каждый час, — вот он, тот отрезок, который выделила им судьба.

Кадия так и объявила собравшимся у стола предводителям:

— За час... вернее, за пятьдесят минут мы должны снять все посты, соблюдая при этом меры предосторожности. Один вскрик, и все пропало.

Вождь уйзгу по имени Преб сказал:

— Я возьму двух своих людей. Мы поднимемся тихо, как туман. Часовых уложим из духовых трубок.

— Но если вас увидит хотя бы один караульный? — заметил явно озадаченный принц Антар. — И упавший часовой загремит доспехами... Принцессы в состоянии укрыть нас от проникающего взгляда колдуна, но обычный смертный вполне может различить вас в этих коридорах.

В разговор вступила Анигель:

— Я возьму дротики и по очереди буду снимать часовых. Мой талисман сможет сделать меня невидимой. Я уже испытала это состояние, когда сбежала от вас, принц, и от генерала Хэмила. А уж с часовыми я сумею разделаться так, что они и не пикнут.

Антар резко возразил и потребовал, чтобы совет запретил ей — слишком велик риск. Вожди поддержали его. Однако Анигель продолжала настаивать, утверждала, что только ей по силам выполнить эту невероятную задачу. Выбора нет, уверяла она... В это время слово взяла Кадия, с головы до ног одетая в поблескивающую, изготовленную из какой-то странной чешуи кольчугу — даже грязь, через которую они пробирались ко входу в туннель, не оставила на ней следов. Она только вымолвила: «Тихо!» — и все примолкли.

Кадия приблизилась к сестре, взяла за руки, заглянула в глаза. Анигель спокойно выдержала ее взгляд.

— Ступай, Ани,— сказала Кадия.— Никто лучше тебя не справится с этой задачей. У тебя хватит мужества и находчивости. Главное — находчивости. Сегодня фортуна за нас, сестра, и пусть никакая беда не коснется тебя.

Преб снял с плеча колчан с дротиками, передал его Ангигели, помог закрепить за спиной.

— Вам стоит только ткнуть часового дротиком, подержать его в ране какое-то мгновение, и человек умрет. Только смотрите, не уколитесь сами.

— Ясно,— кивнула Ангигель. Ее лицо было спокойно, взгляд ясен.

— Как только ты освободишь путь,— сказала Кадия,— дай мне знать, послав мысленный сигнал. Мы очень осторожно последуем за тобой. Будем двигаться без шума — я прослежу.

— Принцесса! — не выдержал Антар.— Я умоляю вас...

— Нет, принц,— ответила Ангигель.

Она подошла к нему и сквозь открытое забрало шлема поцеловала в губы. Принц оцепенел, его сердце готово было разорваться от нахлынувшей радости и нежности.

Ангигель быстро начала подниматься по лестнице, а расплывшихся в улыбках одлингов призвала к порядку Кадия, которая хмуро взидала на сцену расставания. После ее окрика все вновь посерьезнели и начали обсуждать план движения вверх по лестницам.

Как только Ангигель оторвалась от губ принца и сделала несколько шагов по ступенькам, она замерла и обратилась с мольбой к Владыкам воздуха. Она просила их о помощи, потом отхлебнула немного митона из тыквенной бутылочки и, вздохнув, начала решительно взбираться по лестнице.

Идти было легко — она словно не чувствовала усталости и через сотню ступенек приблизилась к первому часовому. В руках он держал арбалет, возле ног стоял зажатый фонарь. Это был высокий, ладно скроенный молодой парень, по-видимому крестьянин. Как и все ла-

борнокские солдаты, он был одет в крупноячеистую кольчугу и округлый, похожий на горшок, шлем. Вооружен коротким мечом, булавой, на боку — колчан с болтами для арбалета. В ожидании смены он что-то тихо насвистывал и держал сам с собой пари, который из двух лигнитов быстрее доползет до потолка.

Анигель остановилась в нескольких шагах от него — парень, ничего не подозревая, продолжал следить глазами за паучьим отродьем, ползущим по стене. Принцесса вытащила дротик и замерла. Рука ее дрогнула... Куда бы его ткнуть? Да в любое место — острое везде способно проникнуть сквозь ячейки кольчуги, правда, под броней на нем налета кожаная рубаха, а шею прикрывает воротник с нашитыми на нем металлическими пластинами...

Она на мгновение представила себе, как этот молодой здоровый солдат с простоватым и добрым лицом сначала широко раскроет глаза, потом схватится за горло и сползет на пол. Как будет биться в конвульсиях... Потом замрет, ляжет поперек коридора. И несчастная мать где-то в деревне, в Лаборноке, будет до смерти ждать его, может, он у нее один, будет плакать по ночам, молиться, чтобы Боги послали ей весточку, жив ли ее сыночек или стигнул в этой чертовой Рувенде...

«Я не могу его убить», — призналась себе принцесса.

«Это же твой смертельный враг, — шепнуло ей чувство мести за растерзанных родителей. — Он бы подверг тебя насилию и зарубил, не моргнув глазом. Стоит ему только увидеть тебя, и твоя песенка спета. Что ты медлишь? Хорошо, пусть он добрый и симпатичный парнишка, но он, не раздумывая, выполнит любой самый зверский приказ. Разве оружие Зла не является Злом? К тому же любовью, решивший надеть воинские латы, должен быть готов к смерти».

Анигель почувствовала, как ее сердечко сжалось от страха, и тут ей пришло в голову, что она тоже выбрала судьбу воина — ее-то никто не неволил! И что с того момента, как она взяла в руки оружие, у нее нет выбора. Никто не может освободить ее от необходимости убивать

вооруженных людей, никто не может защитить ее, кроме нее самой. В этом истина — она проста и незамысловата. Действовать надо хладнокровно, не торопясь, — осилит ли она?

Она набрала воздух в легкие и легонько ткнула дротиком в руку лаборнокца чуть ниже локтя. Тут же вытащив его, она выронила оружие и отпрянула. Солдат издал какое-то удивленное бормотание, глаза у него вдруг широко открылись, колени подогнулись. Арбалет выпал из рук и с перестуком покатился по ступенькам вниз. Упав на пол, загремел шлем.

Но воин еще дышал. Анигель, тут же бросившаяся к лаборнокцу и полхватившая шлем, сразу отметила это обстоятельство. Потом телепатически связалась с Кадией. Дальше вверх она бросилась бегом. Принцесса почувствовала необыкновенный прилив сил. Смелости было хоть отбавляй — она даже застыдилась подобного ухарства. На мгновение остановилась, перевела дух, взяла себя в руки. И тут душа ее наполнилась яростью. Пришел миг возмездия. Робость и колебания исчезли, и она решила, что это — добрый знак. Значит, и талисман одобряет ее поступок. Забылись труднейший переход по залитому грязью туннелю, изматывающее карабканье вверх по веревочной лестнице. Почему она должна прятаться в Цитадели, в своем собственном доме? Потому что ее жилище приглянулось соседу и он, значит, имеет право грабить, убивать, насиловать, а она должна прятаться среди родных стен?

Дудки! Не на ту напали!

Одного за другим она сняла восемнадцать часовых. Вот, наконец, и дверь в пивоварню. Некоторое время она вслушивалась через закрытую створку — совсем забыла, что может воспользоваться ясновидящим взглядом. В пивоварне стояла полная тишина, тогда принцесса тихонечко потянула за ручку...

И лицом к лицу столкнулась с Зеленым Голосом.

Естественно, он не видел ее, однако заметил, как чуть приоткрылась дверь и снизу густо пахнуло зловонным ды-

ханием болот. Решив, что створку тронул сквозняк, он красочно выругался, затем, хихикнув, сказал себе:

— Поднимайтесь, поднимайтесь, болотное отродье! Поспешите, негодяи, сейчас вы кое с чем познакомитесь. На своей шкуре! — Он рассмеялся погромче. — Конечно, мы не можем различить вас в телепатическом тумане — вы его столько напустили, что не продохнуть, — но *слышать-то* мы вас можем. Даже очень хорошо можем слышать... Хвала всемогущему магу. Сейчас вы узнаете, что такое хороший прием, сейчас вас знатно угостят.

Капюшон Зеленого Голоса был откинут, на ушах помешались какие-то чашечки, соединенные металлической дужкой, огибающей лысоватое темя.

Однако не эти непонятные черные кружки в первую очередь привлекли внимание Анигели. Ее взгляд остановился на странной машине, которую два лаборноцких солдата подтащили к самой двери, ведущей в подземелье. Она представляла собой объемистый сероватый ящик с округлыми углами. Какие-то странные рисунки были выгравированы на верхней и задней плоскостях, из передней же торчал тонкий и длинный стеклянный цилиндр с надетыми на него металлическими кольцами и прикрепленными к их внешним поверхностям стержнями. На самом кончике стеклянного дула был припаян заостренный конец из золота. Толстый защитный экран из какого-то черного, дурно пахнувшего материала отделял этот ящик от его собрата много больших размеров. Второй сундук был на колесах и стоял элсах в шести или семи позади первого.

— Осторожнее, идиот! — выругался Зеленый Голос, когда один из солдат, споткнувшись, чуть не выронил сероватый ящик. — Их, сотворителей молнии, всего два осталось, остальные в нерабочем состоянии. Если ты повредишь его, всемогущий маг с тебя живьем кожу сдерет и поджарит на растительном масле.

Анигель чуть не вскрикнула — едва успела прикрыть рот ладошкой. Значит, разряды молнии производятся этой машиной? И они хотят приспособить ее против поднимающихся снизу воинов, против Кадии?

Против Антара?

Поблизившись на цыпочках, Анигель быстро уколола обоих солдат отравленными дротиками. Зеленый Голос обернулся на шум падающих тел, глаза у него вылезли из орбит. Он вскрикнул и, подхватив полы плаща, вприпрыжку помчался к большому сундуку. Человек, знакомый с приемами магии, должен был почувствовать, что в помещении находится кто-то невидимый. От ужаса он завопил, и Анигель, бросившаяся вслед за ним, метнула в него дротик. Зеленый Голос еще успел повернуть какие-то ручки на задней стенке сундука. Принцесса выхватила еще один дротик и с размаху ударила его в шею.

Голос на мгновение оцепенел, потом его скрутило, и он, словно мешок, рухнул на верхнюю грань своего адского устройства. Странные чашечки упали с его головы, с затылка свесилась длинная прядь седых волос и пару раз качнулась. Анигель медленно отошла от него, ее била мелкая дрожь. Она смотреть не могла на дротик, насквозь пробивший шею. Принцесса судорожно обтерла о свой костюм ладони, хотя ни капли густой темной крови, хлынувшей из раны, не попало на них. В ее сознании вдруг прозвучали слова, сказанные давным-давно — когда же это было? Точно, четыре недели назад, в другую эпоху. Произнесла их Имму в тот момент, когда они застыли у стены потайного хода и через скрытый глазок смотрели на бойню, учиненную лаборноками в тронном зале.

«...На земле есть люди, для которых власть превышает всего. И жестокость является самым убедительным доказательством их силы. У них нет совести, они не ведают, что такое жалость, и считают, что им все дозволено. Они становятся ненасытно жестоки, потому что злоба и ненависть — это скудная пища для души. Добрым людям следует научиться осторожности в общении с подобными молодчиками, которые не в состоянии понять, что такое любовь. Они считают ее проявлением слабости. Особенно трудно придется тебе, принцесса, ведь до сего дня тебе не приходилось сталкиваться с такими негодяями. Тебе следует вести себя с ними твердо, неуступчиво...»

— Вот я и научилась, — прошептала Анигель. — Не так ли, прихвостень Орогастуса?

Она стояла над трупом Голоса, пока Кадия и другие воины не появились в пивоварне. Кадия дернула сестру за рукав, и та, придя в себя, попросила вождя вайвило Лумому-Ко разбить машину, изрыгающую молнии, на куски. Тому хватило для этого нескольких ударов огромного боевого топора, после чего весь отряд стремительно ворвался на нижний этаж главной наблюдательной башни, и закипела битва...

В прежние времена профессия гребца на торговых судах считалась почетной и весьма высоко оплачивалась. Особенно богатое вознаграждение гребцы получали за скорость передвижения кораблей как вниз, так и вверх по течению. Свободные рувендиане считали за честь занять место на гребной банке, они не упускали случая похвалиться своей силой и умением. С началом вторжения большинство гребцов скрылись в болотах, и лаборнокцы, столкнувшись с нехваткой опытных членов команд для военных транспортов, срочно обратили в рабство тех, кто остался, нахватали по селениям молодых мужчин и таким образом заполнили весельные скамьи. Все гребцы теперь были закованы в кандалы, их скудно и отвратительно кормили и подвергали наказанию плетьюми за каждое, пусть даже незначительное, выражение протеста. Но при всей жестокости наказаний и генерал Хэмил, и лорд Осоркон вскоре убедились, что команды свободных людей гребли куда лучше, чем люди, лишенные всяких прав. Последняя экспедиция в Тернистый Ад подтвердила это различие.

Вот и теперь, когда лорд Осоркон изо всех сил старался как можно быстрее вернуться в Цитадель (из бесед с Красным Голосом он усвоил, что самые важные события должны произойти в канун Праздника Трех Лун), суда, на которые были погружены остатки корпуса генерала Хэмила, двигались едва ли быстрее течения. Огромное число гребцов погибло от ударов плетьюми с того дня, как, отступив от стен таинственного города, лаборнокцам уда-

лось прорваться к кораблям своей флотилии, а оставшиеся были настолько измотаны, что не было смысла пугать их угрозой наказания. Корабли со скоростью ковыляющего старика спускались вниз по Мутару.

Осоркон не выдержал и, вызвав к себе Пелана, приказал придумать какое-либо средство, чтобы ускорить ход. Тот долго кланялся, потом позволил себе ответить:

— Генерал, гребцы устали до такой степени, что я просто не знаю, как можно их заставить быстрее работать веслами. Есть только одна мера — усадить на банки солдат.

— Черт бы побрал твою душу, Пелан. Мы потеряем еще больше времени, если сделаем сейчас остановку и начнем расковырять гребцов и заменять их моими людьми. И что толку от солдат, которые никогда не держали в руках весла? Что они понимают в этом деле? Пока добьешься от них слаженности, пока они разберутся, что к чему... — Осоркон в сердцах махнул рукой.

— Больше я ничего не могу предложить. — Лощман даже не осмеливался смотреть на лорда.

Осоркон сжал челюсти, однако сумел сдержаться. Он был куда более спокойный человек, чем Хэмил, и понимал, что Пелан прав. Лорд посмотрел на небо, где в легкой радужной дымке ярко сияли три сблизившиеся луны. Скоро полночь, праздник должен начаться с первыми лучами солнца. Кто знает, что успеет за это время чертова ведьма-принцесса Кадия — и окружающая ее толпа дикарей?

Повернувшись спиной к склонившемуся в поклоне Пелану, Осоркон шагнул к борту и, сложив руки за спиной, остановился возле поручня. Одет он был тепло, тем не менее время от времени его пробирала дрожь. Что за дрянные места, где даже в самые теплые ночи тебя бьет озноб! Куда ни бросишь взгляд, везде все та же грязь! Как туземцы называют эти топи? Земля и вода? Слишком ласково, черт побери! Нет, сказать проще — преисподняя. Во имя Зото, истинная преисподняя!

— Ну-ка, Пелан, подойди сюда, — сказал лорд и, когда лощман приблизился, спросил: — Что это за красноватый отблеск на горизонте? Это, случаем, не Цитадель?

— Да, генерал. В той стороне сначала пойдут королевские верфи, потом пристани, возле которых расположен рынок... До них лиги полторы. Но вы приказали производить высадку на причалах возле самой крепости, а это еще полторы лиги.

— Да-да, знаю. Когда мы должны прибыть на место?

— Примерно через час, господин.

Пелан приставил к правому глазу бронзовую увеличительную трубу и принялся обозревать реку впереди.

— Странно,— удивленно заметил он,— вода словно кипит. Было бы другое время года, я бы сказал, что начался нерест мулингалов, а сейчас не знаю, что и подумать...

Осоркон тут же встревожился.

— Вражеский флот?

— Нет, ничего такого. Света вполне достаточно, лодки я бы сразу разглядел, а вот причину этого бурления понять не мо...— Пелан не договорил и в следующее мгновение что было сил, невзирая на присутствие командующего, рявкнул: — Клянусь Цветком! Да это же... Полный назад!!!

Вода взметнулась, и рев многих тысяч глоток разорвал ночную тишину. Осоркон отшатнулся от борта, над которым внезапно всплыла чудовищных размеров, внушающая смертельный ужас морда. В разинутой пасти торчали устрашающие клыки.

— Скритеки! — завопил Пелан.

Это было последнее слово, которое лощман произнес в своей жизни. Невероятно большой топитель, перебравшийся через ограждение борта, схватил его когтистыми трехпалыми лапами и одним движением гигантских челюстей откусил голову.

Осоркон был потрясен. Он еще не совсем разобрался в происходящем и, хотя выхватил меч, все еще не решался ударить переваривающего добычу скритека. Между тем чудовища атаковали разом все корабли флотилии, их рев смешался с воплями перепуганных людей.

— Стойте! — во все легкие закричал Осоркон.— Назад, вы, безмозглые грызуны. Мы же лаборнокцы! Ваши союзники! Ваши друзья!

Скритек, откусивший голову Пелану, казалось, на мгновение смутился и, словно что-то вспомнив, поднял лапу. В его глазах отразилась мучительная борьба с самим собой, потом он что-то воскликнул по-своему — вернее, издал какие-то булькающие, идущие из самого нутра звуки. Визбравшиеся на судно топители встретили его речь разочарованным шипом и завыванием. Вождь скритеков отбросил в сторону окровавленное тело Пелана, схватил Осоркона и швырнул его за борт.

Лорд быстро всплыл на поверхность — закашлялся, начал отплевываться, потом с трудом, перебирая руками и ногами, дотянулся до опущенного в воду весла. Схватился за него и, трепеща всем телом, наблюдал, как скритеки бросали в воду всех попадавшихся под руку лаборнокцев, но не трогали гребцов-рувендиан. Несколько людоедов попытались было покуситься на схваченных солдат, но остальные топители поднимали такой шум, что те, зарывав, тоже кинули свои жертвы за борт.

Когда все пять сотен лаборнокцев оказались в воде, самый здоровенный скритек, первым забравшийся на флагманский корабль, ловко влез на мачту, сорвал государственный флаг Лаборнока и сбросил полотнище на палубу, где его сородичи тут же в клочья разорвали стяг. При этом топители радостно завывали и били себя в грудь трехпалыми лапами. Затем по команде дикари попрыгали в воду и дружно поплыли в сторону Зеленых Топей.

Когда они удалились, лорд Осоркон громко крикнул:

— Лаборнокцы! Есть ли среди вас живые?

Несколько слабых голосов ответили ему.

— Кто может, взбирайтесь на корабли! — вновь закричал Осоркон, однако рувендиане, услышав этот призыв, быстро сообразили, что к чему, и дружно налегли на весла, оставив барахтающихся в мутной воде солдат в безвыходном положении.

Рутаясь и проклиная все на свете, Осоркон добрался до борта и, уловив момент, схватился за поручень, после чего с трудом перевалился на палубу. Таким же образом спаслись еще около дюжины солдат. Первым делом они,

ругаясь и нахлестывая бичами гребцов, привели команду к покорности, после чего начали перекликаться с другими судами.

Картина складывалась отчаянная — из ста двадцати кораблей, на которых были собраны все гарнизоны по Мутару — самым большим из них являлся отряд, оставленный в Треviste, — осталось всего четыре. Остальные растворились в ночи.

Осоркон приказал немедленно причаливать к берегу, где в районе рынка все спасшиеся воины сошли на берег. Здесь их встретили перепутанные мирные жители и небольшой отряд, охранявший верфи.

Лорд Осоркон не стал выслушивать никаких объяснений и сразу, только ступив на сушу, заорал:

— Фрониалов! Немедленно фрониалов, чтобы мы могли отправиться в Цитадель! Иначе я порешу вас всех на месте!

Солдаты бросились седлать животных. Когда все было готово, Осоркон с места взял в галоп и во главе отряда помчался по прибрежной дороге к крепости. Из пятисот тяжелооруженных воинов в строю осталось семьдесят два человека.

Глава 45

...Ночь! Прозрачная, подсвеченная серебристым блеском Трех Лун рувендийская ночь.

...Звезды! Крупные, вечно юные звезды, каждая из которых могла найти свое отражение в реках, озерах, болотах Гиблых Топей.

...Туман! Верный спутник рувендийской ночи. Густой, настоящий на запахах болотной воды и ароматах разнообразных цветов, пропитанный благовониями смерти и дыханием жизни.

...Эта земля предпочитала шорох тростника скрипу телесного обода; плеск стекающей с весла воды — шелканью кнутов, погоняющих фрониалов; шелест дождя — завываниям буйного морского ветра. Здесь любили вязкую

плотную тишину, перемежаемую чавканьем и бульканьем поднимающихся со дна пузырей болотного газа, и за несчастье почитали смену ветра, когда до рувендийской низины долетало дыхание насквозь прокаленных восточных пустынь.

Эта земля обожала влагу, а вода не могла обойтись без суши. Обеим стихиям было просторно в прильнувшем к подножию Охоганских гор краю. Здесь сошлись они — твердь и хлябь, породили жизнь, наделили ее разумом, и теперь беспокойные создания, не зная устали, копошились на материнской груди, расчертили ее нитями дорог, связали сетью водных маршрутов. Кое-где обитатели низины карябали плутами ее редкие изобильные холмы — взращивали хлеб, закладывали сады, но в большинстве своем дети Рувенды жили тем, что собирали, удили, ловили силками и сетями. Тому, кто мог расслышать плеск речных волн, накатывающих на песчаные плесы, легко было ужиться с Рувендой. Тому, кто способен узреть неспешный ход больших рыб в темной глубине, возле илистого дна, эта страна пришлась бы по душе. Самым страшным грехом в болотном краю считалось безумное желание взять в руки оружие. Здесь каждый знал, где обитают боги, и при желании, получив согласие небес, мог отправиться в путешествие и, отыскав Всемогущего, пасть перед ним на колени, обратиться с просьбой. Здесь боги сами приходили к смертным. Здесь каждый выступающий из воды клочок суши хранил свою тайну — стоило покопаться в развалинах погибших городов, и любой мечтатель, торговец или воин мог стать ее обладателем. Загадкам древних народов так легко было ужиться с туманами, зыбкой тишиной, с частым речитативом дождя во время зимнего сезона...

Здесь вперемежку расселились оддлинги и люди. На поражающее при первой встрече звероподобие аборигенов скоро перестали обращать внимание. Оддлинги считали себя детьми земли и воды, люди приняли на себя обет хранителей. В Рувенде почитались верность слову, справедливость, храбрость и честь. В этом краю покло-

нялись странному цветку о трех лепестках — черных, как смоль, могучих, как жизнь.

Людам и одллингам было за что идти в бой — прежде всего за землю и воду. Их первый удар был страшен. В полном молчании отряды уйзгу и ниссомов, высланные вперед, просочились сквозь прорехи во внешних оборонительных сооружениях. Неодолимый натиск рыцарей и свободных рувендиан, также без воплей и криков бросившихся в атаку, смял первую линию лаборнокцев, засевших в предмостных укреплениях...

Хилуро кружил над Цитаделью и, только дождаввшись приказа госпожи, мягко спланировал к главной башне, где вцепился когтями в парапет. Так и завис, пока принцесса не спустилась на каменные плиты наблюдательной площадки, не обернулась, не обняла склоненную к ней бородастую голову с гигантским изогнутым клювом. Харамис запустила руки под перья, пощекотала кожу исполинской птице, прижалась к шее.

— Не знаю, доведется ли нам встретиться снова. Я благословляю тебя, Хилуро, и молю небеса о том, чтобы тебе были ниспосланы счастье и покой. Ты — верный и надежный друг. Я так к тебе привязалась...

Птица изобразила нечто похожее на кивок — клюв ее едва не ударил по плитам на полу.

Я всегда готов служить тебе, Белая Дама.

Потом он расправил крылья, слегка оттолкнувшись, спланировал вниз и только на некотором удалении от башни ударил ими. Одного взмаха ему было достаточно, чтобы набрать высоту. Густую облачность уже растянуло шквалистыми порывами ветра — теперь обнажилась серебристая дымка, сквозь которую, не моргая, смотрели на землю звезды, а свет Трех Лун серебрил стены крепости. Это ясное призрачное сияние смешивалось с буйством огня, пламенем костров. Снизу отчетливо доносились вопли обороняющихся, потом неожиданно у главных ворот полыхнуло голубоватым огнем, на мгновение шум битвы затих, после чего возродился с прежней силой.

Харамис видела все, но бестрепетно наблюдать за сражением не было сил. Вера и страх боролись в ней — и вот этого смятения чувств, гнева и ярости следовало избежать во что бы то ни стало.

«Триединый Боже,— взмолилась она,— успокой душу, избавь от беспочвенных надежд и тревоги, от ненависти и слезливого милосердия. дай ясность, укрепи дух... Помоги мне!».

Она приблизилась к откинутому люку, ведущему внутрь башни.

«Смотри-ка,— удивилась она,— крышку тоже успели починить».

Помнится, в тот день, когда они с Узуном сходили здесь с ума от отчаяния, лаборнокцы в щепки изрубили прежнюю дощатую крышку.

Харамис спустилась по приставной лестнице. Картины прошлого еще мерещились ей, но она усилием воли отогнала их и тихо, величаво начала спускаться по каменным, спиралью огибавшим внутренний ствол башни ступеням. Первый пост, повстречавшийся ей, был выставлен возле королевской сокровищницы. Солдаты не обратили никакого внимания на принцессу, хотя она прошла в элсе от них. Усиленный наряд контролировал коридор, который соединял все башни замка. Принцесса незамеченной миновала пятерых лаборнокских рыцарей, собравшихся у окна и что-то жадно высматривавших вниз.

«Надо же,— поразились Харамис,— в родном доме брожу, словно привидение. Неужели Орогастус приказал не обращать на меня внимания, или мой талисман действительно сделал меня невидимой? Неужели я так и буду зрителем этой грандиозной драмы? Неужели моя участь — вечно оставаться не у дел, как некогда Белая Дама? В этом и заключается мудрость, недостаток которой так заботил ее? Тогда как быть с той частью предсказания, согласно которой каждой из нас, Лепестков Триллиума, отведена своя роль? В чем же мое предназначение?»

Вопросы, вопросы... Они могут окончательно свести с ума.

«Сохраняй спокойствие и ясность духа,— сказала она себе.— Твой час придет...»

Шаг за шагом, в раздумьях и наблюдениях она добралась до зала, расположенного на солнечной стороне. По-видимому, эта комната была заранее приготовлена для встречи с нею — в камине потрескивали поленья, на стенах в бронзовых канделябрах горели свечи, у распахнутых окон, ведущих на балкон, стоял небольшой столик с изогнутыми ножками — на нем теплился, отсвечивая густо-рубиновым содержимым, графин с вином, радужно искрились хрустальные бокалы.

В зале, с детства родном для нее, многое изменилось, разве что плафоны на высоких сводчатых потолках остались прежними — видно, наглые захватчики еще не успели добраться до них. Прежде этот зал, как и балкон, смотрящий на юг, был искусно оформлен в золотистых тонах — теперь же вместо густо-желтых портьер висели вишневые. Даже обивку мебели лаборнотцы поменяли: все кресла, диваны, банкетки были перетянуты кроваво-красным бархатом, и некогда навевавшее легкие праздничные мысли помещение превратилось в подобие берлоги. Если добавить сюда сполохи костров, дрожащими отблесками ложившиеся на стены, впечатление создавалось совсем жуткое.

Харамис вышла на балкон, взглянула вниз, и сердце у нее замерло. На внешнем дворе крепости перед парадным крыльцом, ведущим во внутренние покои королевского замка и дальше в главную наблюдательную башню, были выстроены каре. Тысячи тяжеловооруженных воинов стояли свободными рядами, разбитые по полкам и корпусам. Вдоль шеренг прохаживались рыцари — проверяли вооружение, останавливались у разложенных на брусчатой мостовой кострах. Напротив главных ворот была выстроена баррикада с проходом в центре, где установили одно из страшных орудий Орогастуса. Возле него копошились люди в черных одеяниях. По-видимому, слуги колдуна. На четырех массивных платформах по флангам — еще четыре машины с обслуживающим персоналом. Все в полной боевой готовности. Вдоль баррикады

и на стенах были выстроены арбалетчики попеременно с батареями катапульт, тоже снаряженные и ждущие команды. На башнях, между которыми крепились центральные ворота, виднелись огромные кучи булыжников — одно движение рычага, и вся эта каменная масса рухнет вниз. Странно, что преграда ляжет внутри крепости, а не снаружи...

— Бесполезно, — прошептала она. — Все бесполезно...

Принцесса моментально уловила суть плана лаборнокцев, и сделанное открытие не вызвало в ней ничего, кроме отчаяния.

Все у врагов продумано до мелочей, и эта обстоятельность, спокойная уверенность, что с подобным сбродом они всегда сумеют разделаться, беспокоила больше всего. План был прост и гениален, он предусматривал все возможные повороты сражения. Не смогут штурмующие одолеть главные ворота — хорошо, смогут — еще лучше. Ворвавшись на внутренний двор, они неминуемо попадут в подготовленную ловушку. Как только площадь перед баррикадой окажется заполненной атакующими, груды камней и бревна перекроют выход, и следом в действие вступят машины Орогастуса, батареи катапульт и лучники. Если Кадия и Анигель все же прорвутся через выставленные в подземельях караулы, их небольшой отряд лоб в лоб столкнется с многотысячным войском лаборнокцев, которым стоит только отдать приказ, и задние ряды, повернувшись, окружат сестер.

Дело выглядело совершенно безнадежным... Ясность духа и спокойствие, пыталась образумить себя Харамис. Арифметическое решение возможно только на бумаге, в жизни и алгебра не поможет — напрягись, вслушайся... Как легко дышит земля, как весело плещутся воды — это к добру. Рувенда празднует победу?

Легкий шум за спиной отвлек ее. Принцесса повернулась и увидела входящего в зал Орогастуса.

Он был в своем обычном черном с серебряным орнаментом одеянии, в украшенном звездами шлеме, но маска была совсем не похожа на ту, которую он предпочитал носить в Броне. Теперь она закрывала все лицо. Даже

глазницы были забраны темными стеклами. Вид его был страшен, и Харамис невольно приоткрыла рот.

Они долго стояли друг против друга, изучали, пытались проникнуть в мысли соседа. Неожиданно откуда-то из глубины башни долетел странный drobный звук.

Орогастус снял шлем, положил на скамью, стоявшую у камина, потом освободился от серебряных краг — бросил их рядом со шлемом. Скоро туда же легла и маска.

— Вы сделали выбор, — растягивая слова, сказал он. — Он вряд ли обрадует меня.

— Да, — кивнула Харамис.

— Я сам давным-давно выбрал свою дорогу. Мне не дано повернуть назад.

— Я знаю. Знаю все...

Из складок широкого платья королевский маг извлек резную деревянную шкатулку, откинул крышку — на черной вельветовой подстилке лежал небольшой стеклянный шар. Цвет его был едко-травянистый... Харамис удивленно взглянула на колдуна. В этот момент из подвалов башни еще более отчетливо донесся лязг металла и отчаянные крики. Внизу шел бой. Кто-то прорывался наверх из подземелий. Неужели Кадия и Анигель? Но почему так рано началась схватка? Их обнаружили и сейчас там, внизу, добивают остатки их отряда?

— Эта штука, — сказал Орогастус, кивая на зеленую сферу, — называется Убийственный Пар. Если я сброшу ее на площадь перед замком, все, кто находится во внешнем и внутреннем дворах крепости, погибнут. Умрут в страшных мучениях, не успев даже вскрикнуть. Вызови Кадия и Анигель и прикажи им сдаться — только так они смогут спасти свою жизнь. Еще одно условие — они должны передать тебе свои талисманы. *Нам!*

Он приблизился, обнял ее и поцеловал с такой силой, что принцесса не смогла воспротивиться. Потом королевский маг не спеша надел краги, маску и, наконец, шлем. Не говоря больше ни слова, он вышел из зала.

— Нет! — вслух сказала Харамис.

Времени на переживания, раздумья больше не было. Она решительно сняла Трехкрылый Диск и приказала по-

казать Кадю и Анигель. На этот раз внутренность большого кольца не затянула жемчужная завеса — казалось, его объем, странно блеснув, неимоверно расширился и поглотил ее. Харамис даже не успела удивиться, как очутилась высоко под сводчатым потолком королевской кухни, расположенной на первом этаже главной башни. Под ногами у нее кипел яростный бой — толпа здоровенных и страшных видом вайвило под предводительством принца Антара добивала последних лаборнокшев. Харамис невольно отметила низкий боевой дух вражеских солдат и рыцарей — может, им было непонятно, почему принц их страны ведет против соотечественников банду диких, сокрушающих всех и вся топорами на длинных черенках зверей. Может, слава первого фехтовальщика Лаборнока действовала на них — и правда, то, как орудовал мечом принц, поразило Харамис. Еще тогда, в тайном убежище, он несколькими ударами сразил одного из лучших среди рувендиан, лорда Манопаро, а здесь каждый его выпад оказывался смертельным. Вайвило никого не щадили, а мелкие юркие уйзгу так ловко обращались с духовыми трубками, что не прошло и нескольких минут, как защитники крепости были выметены не только из разгромленной королевской кухни, но и из пекарни, и из посудомоечной. Жалкие остатки защитников подземелий сумели вырваться во внутренний двор крепости, где тяжелооруженная пехота уже успела образовать двойную линию против прорывавшихся снизу одлингов.

Громкий гортанный боевой клич раздался в крепости, солдаты и рыцари ударили в щиты рукоятками обнаженных мечей.

Но где же сестры? Где Кадия, Анигель?

Среднюю сестру она нашла быстро, в толпе уйзгу. На ней была такая же золотистая чешуйчатая кольчуга, как и на ее низкорослых бойцах. Кадия возвышалась над лесным народцем, держа свой меч рукоятку вверх. Труднее оказалось отыскать Анигель. Вот она, за спиной принца Антара, прикрывает его сзади... Все в том же истершемся голубоватом кожаном костюме вайвило... Как теперь она не похожа на прежнюю глупышку и плаксу... Стои-

ло чужаку подобраться к принцу Антару с тыла, как храбрая сестра бросалась на него и поражала каким-то непонятным коротким копьем. Странно, лаборнокцы вроде вовсе не замечают ее выпадов.

«Так она же невидима! — догадалась Харамис. — Вот в чем дело. Вот почему она способна безнаказанно атаковать врагов. Боже, и Кадии следует прикрыться, пусть воспользуется своим талисманом! Этак они действительно смогут победить!»

Однако стоило оддлингам высыпать на двор крепости, как перевес в силах сразу оказался у другой стороны. Харамис прикинула — соотношение было один к пятнадцати. Прибавьте к этому слуг Орогастуса, которые торопливо, вопя во весь голос, начали разворачивать свои машины так, чтобы держать под обстрелом пространство перед входом на кухню, — и картина получалась совсем безрадостная.

Харамис отдала приказание талисману и в мгновение ока очутилась на балконе, примыкающем к залу, где она только что встречалась с Орогастусом. Отсюда открывался вид на все происходящее внизу. Она принялась немедленно вызывать сестер по телепатической связи.

Кадия! Орудия, изрыгающие молнии, установлены возле баррикады, которую лаборнокцы возвели напротив главных ворот. Разрушь их! Не теряй ни секунды. Или, что еще лучше, воспользуйся талисманом и ударь по запасу камней, с помощью которых враги попытаются перекрыть проход через главные ворота.

Кадия не ответила, но в следующее мгновение Харамис различила, как высокая тонкая фигурка, растолкав толпу уйзгу, бросилась в сторону баррикады. Змеей скользила она между рядов орудий и волящих лаборнокцев...

Ангель! Возле главного входа в башню... Видишь? Четыре высокие деревянные платформы...

Однако прежде чем ей удалось закончить фразу, слуги колдуна пустили в ход свои ужасные машины. Два орудия зашипели, и огромные золотисто-белые капли пламени ударили в ряды строившихся уйзгу и вайвило.

Одлинги завопили так, что даже лаборнокцы отшатнулись. Частицы огня прочно приклеивались к коже и прожигали насквозь. Две другие машины, рывкнув, извергли невообразимое количество раскаленных, оставляющих красные искры игл. Эти пули пробивали доспехи и поражали насмерть.

Вижу, Харамис! Я им сейчас покажу!

Харамис нервно сжала губы:

Ангель! Будь осторожна! Будь осторожна, умоляю тебя, несмотря на то, что ты невидима...

В этот момент последовал удар такой силы, что Харамис отбросило в сторону. Исполинский, сметающий все на своем пути молниевый разряд попал в главные ворота. Древняя башня заходила ходуном. Ошеломленная, полуслепшая Харамис с трудом поднялась на ноги. Внутренний и внешний дворы были затянуты клубами дыма, и, чтобы получше разглядеть, что случилось, принцесса дрожащей рукой придвинула к глазам волшебный талисман. Поверхность кольца затянулась легкой дымкой, и появившаяся картина заставила принцессу вскрикнуть — одна из башен, охранявших главные ворота, была сметена полностью, по каменной кладке другой бежали многочисленные трещины — змеились, расходились, сплетались, и вот вторая башня неожиданно поехала вбок, на глазах превращаясь в груды обломков. Люди с той и с другой стороны стены застыли в немом изумлении. Откуда-то из рядов лаборнокцев донесся вопль ужаса. Казалось, вся крепость на глазах превращается в пыль. Харамис невольно повернулась в ту сторону и увидела, как офицер пинками приводил в чувство запаниковавшего солдата.

Ворота сметены, сейчас начнется решающий штурм, но где же Кадия?

«Боже, будь к ней милостив!» — страстно взмолилась Харамис.

Она поводила талисманом из одного угла в другой, взгляд ее задержался на баррикаде — на том месте, где была установлена молниевая машина. Теперь там густо чадил искореженный грудой металла. По-видимому, жар

был так силен, что тела членов обслуживающей команды обратились в уголь. Выгорело все, что могло гореть.

Кадия, Кадия, где же ты?!

Неподалеку блеснула какая-то золотистая искорка. Вот она! Харамис лихорадочно приблизила картинку к неподвижно распростертому телу. Увеличила изображение — сестра не подавала признаков жизни. В правой руке она сжимала волшебный меч — бутоны на рукояти почернели, янтарное сердечко с Черным Триллиумом погасло.

Кадия, Кадия, тебе следовало всего-навсего разрушить молниевую машину. Что же ты наделала! Я никак не думала, что и ты пострадаешь. Надо немедленно предупредить Ангиль...

Отлично!

В сознание Харамис врезался чей-то чужой, неласковый, но довольный голос. Чьи мысли она была способна уловить? Только его... Где же он сам? Харамис обернулась, глянула в зал, на мгновение поразились царящему там разгрому: хрустальные бокалы и графин с вином, свалившиеся на пол, разбились вдребезги; огромная лужа пахучей темной жидкости скапливалась под столом; дрожащими язычками чадили свечи в канделябрах; огонь в камине вот-вот погаснет. Дверь закрыта...

Она вложила в этот удар всю силу, теперь ее талисман не опаснее обычного меча...

Харамис подбежала к краю балкона.

Голос шел снизу, с каменного козырька над порталом, ведущим в королевский замок. Орогастус стоял, опершись о перила, смотрел вниз, на потрясенное войско. Одет он был в тот же черный с серебристым шитьем наряд. По-прежнему на его шлеме то вспыхивали, то гасли звезды; отблески многочисленных пожаров, которые возникли после громового разряда, ложились на округлую металлическую поверхность.

Итак, оборона рухнула. Сейчас эти недоноски пойдут в решительную атаку. Что же, придется устроить им хорошую кровавую баню!

Он поднял руку, и голос его, усиленный магией, полетел над крепостью. Все повернулись к нему.

— Выправить ряды! Воины Лаборнока, выправить ряды!

Из-за спины мага вышел Волтрик. На нем была крепкая золотистая броня, вся покрытая гравировкой, на голове — чудовищной величины шлем, изображавший отверстую пасть дикого зверя с огромными клыками. В правой руке он держал длинный двуручный меч острием вверх. При виде короля внизу раздались громкие приветственные восклицания, воины выправили ряды, а те, кто уже вступил в сражение с уйзгу и вайвило, еще яростнее бросились на врага.

В этот момент голос принца Антара перекрыл шум разгоравшейся битвы:

— Воины Лаборнока! Опомнитесь! Не слушайте этого демона. Кто командует вами? Черный колдун, человек без рода, без племени! Я, принц Антар, объявляю вам, что мой отец, король Волтрик, не принадлежит самому себе. Маг подчинил его волю и вертит им, как марионеткой!

Злобные и одобрительные возгласы были ему ответом.

— Замолчи, предатель! — во всю мощь воскликнул Орогастус.

Однако смятение и шум внизу уже нельзя было сдерживать. Кое-кто в полках начал открыто выкрикивать:

— Он прав! Принц прав! Взгляните на короля — он слова не может вымолвить. Он заколдован.

С другой стороны слышались вопросы:

— Почему сам король не ведет нас в бой?

Кто-то еще добавил:

— Почему ты молчишь, Волтрик? Выйди вперед, скажи слово.

Крики и восклицания начали сливаться в единый неодобрительный угрожающий гул. Тогда Орогастус шагнул к самому парапету и поднял руки. Глаза его засветились подобно звездам.

Наступила тишина.

Король Волтрик ясно понимал, что ему надо что-то сказать воинам. Но что он мог им сказать? К чему призывать? Куда вести? Удар, нанесенный Кадией, от которо-

го на его глазах рухнула одна башня и съехала набок другая, а на том месте, где только что стояли неприступные на первый взгляд ворота, ничего не осталось, — потряс его до глубины души. Он никогда не видел ничего подобного и содрогнулся только от одной мысли — что, если эта безумная принцесса следующим ударом сокрушит замок, прицелится и поразит его? Только его... Чего после таких разрушений стоили слова Орогастуса? Может, он действительно подчинил волю короля, внушил ему кружащие голову мечты о покорении Полуострова, а потом и всего мира. Зачем это? Уж кому-кому, а Волтрику было хорошо известно, что не хитроумные машинки Орогастуса, а его армия — хорошо обученная, сплоченная — сокрушила Рувенду, захватила Цитадель. И что осталось от победного воинства? Добрая половина погибла в болотах, другую одним ударом может уничтожить обезумевшая Кадия. Что же они в состоянии сотворить, объединившись? С чем он останется? Зачем тогда он будет нужен Орогастусу? Чтобы завешать ему корону? Это открытие окончательно сломило Волтрика.

Между тем шум и крики внизу не утихали.

Кто он такой, Орогастус? Чего стоила вся его похвальба, если главная цель кампании — захват этих трех мерзавок — не была выполнена? Но и порвать с ним вот так сразу нельзя. Он уничтожит Волтрика сразу, одним взглядом.

Король вышел вперед. Откашлялся.

— Солдаты Лаборнока, — хриплым голосом выкрикнул он, — вперед на врага! Вперед, говорю я вам... Это не я, а мой сын-изменник заколдован, и я... Уничтожьте перебежчика.

Эта речь произвела на войско самое тягостное впечатление. В карканье дряхлеющего ворона было больше страсти, больше убедительности, чем в ней. Некоторые солдаты позволили себе даже повертеть пальцами у виска, и никто из рыцарей их не одернул, не наказал. После этой речи стихла битва и у входа в поварскую, откуда принц Антар вновь подал голос:

— Ко мне, сыны Лаборнока! Спасем родину от злого колдуна. Я приказываю — ко мне! Становитесь в наши ряды!

К удивлению Орогастуса, изрядное число лаборнокских воинов — даже целые подразделения — перешли на сторону принца и начали выстраиваться у стены, сбрасывая алые накидки, надетые поверх доспехов. Это уже было слишком!

В начавшейся неразберихе, когда ряды лаборнокцев смешали точно очерченный диспозицией боевой порядков, никто не заметил — даже разгневанный Орогастус, — что команды, приставленные к боевым орудиям на деревянных помостах, куда-то исчезли. Только сверху было видно, что одетый во все черное персонал недвижимо лежал возле своих машин. Кто где стоял, там и лег... Принцесса Харамис с открытым ртом наблюдала, как младшая сестра, поразив последнего лаборнокца, ловко взобралась на платформу и начала одну за другой сбрасывать оттуда машины. Упираясь руками, подкатит аппарат к самому краю, промолвит что-то, подтолкнет напоследок — и орудие с грохотом валится с пятиэтажной высоты на каменные плиты.

Когда Орогастус осознал случившееся, он закричал так, что внизу замерло все войско, даже вайвило и уйзгу. Тут же он громовым голосом отдал распоряжение охране взобраться на вторую платформу и защитить установленные там орудия. Пусть даже ценой жизни! Солдаты, только теперь обратившие внимание, что все подручные Орогастуса застыли в нелепых позах и не подают никаких признаков жизни, решили, что здесь, несомненно, сработала какая-то черная магия, а бороться мечом и копьем с колдовскими штучками глупо — тем более что в этот момент еще одна машина грохнулась со второй платформы — и лучше повременить с выполнением приказа. Они изобразили горячую активность, заорали, начали грозить мечами, однако никто не тронулся с места.

Харамис подумала, что их тоже можно понять — столько всего случилось на их глазах за какие-то полчаса. Тут

даже у самого крепкого человека голова пойдет кругом. Ночь, штурм, враг в сердце крепости — и выходит, не враг вовсе, а принц Антар, вроде бы взявший на себя командование. И это в присутствии короля, который вдруг опустил меч — устал держать, что ли? — и примолк, словно воды в рот набрал. А тут еще этот проклятый колдун раскомандовался. Орогастуса в армии ненавидели все поголовно, кроме нескольких прихвостней. Все знали, что именно этот злыдень загнал их в рувендийские болота, бросил на съедение страшным чудовищам, погубил половину войска. Какой дурак решится ради него рисковать жизнью? Они давали присягу королю, королевскому дому Лаборнока, а не какому-то чужаку. Король между тем по-прежнему стоит и хлопает глазами. Сейчас эти из-за реки пойдут на штурм... Нет, смекалистыми оказались те, кто встал на сторону принца Антара. Его-то все знают... Но и мы тоже не дураки...

Уже до четверти гарнизона перешли к Антару. Харамис даже в ладоши хлопнула, восхищенно глянула на младшую сестру и воскликнула:

Хорошо сработано! Теперь надо помочь Кадии.

Анигель ликовала:

Разве это не великолепно! Как она ударом молнии разнесла на кусочки главные ворота! Мой талисман показал мне основные силы нашей армии — они уже перегруппировались. Сейчас последует сигнал к общему штурму. Лорд Ованон уже поднял меч.

Анигель, Анигель! Наша сестра погибает. Спешу к ней; я тоже мчусь туда.

Харамис бросилась в зал, отыскала брошенную сумку с плащом Великой Волшебницы и государственной короной Рувенды и выскочила в коридор. Длинными переходами она побежала к выходу из башни, наталкиваясь на остолбеневших лаборнокше. Те удивленно тарашили глаза в пустоту, кое-кто пытался отмахнуться мечом, но принцесса Харамис была уже далеко. Никогда в жизни она не бегала с такой скоростью.

— В той стороне, государь. Не желаете взглянуть на нее?

Орогастус указал в направлении полуразрушенной баррикады, где в мерцающей, мертвенно-бледной мгле выделялось золотистым пятнышком неподвижное девичье тело. Король Волтрик приложил ко лбу руку козырьком, напрягся — даже шею вытянул.

— Ага, вижу. На ней какая-то золотая кольчуга, не так ли?

— Точно! Свалилась без чувств после того, как разнесла ко всем чертям молниевую машину и главные ворота в придачу. Глупая девчонка, она вложила в этот удар всю мощь своего талисмана, обесточила его и сама свалилась без сознания. Теперь она не сможет прикрыться невидимостью. Теперь она вообще ничего не сможет! Ваше величество, нельзя упускать этот момент, сейчас ее можно взять голыми руками. Нужно поспешить туда и разделаться с ней, пока она не пришла в себя. Иначе ее спасут эти, из болотного отродья. Ну же, ваше величество! Смелее...

— Это вы кому? Мне?! — Король явно колебался. — Вы предлагаете мне спуститься вниз?

— Неужели вы боитесь потерявшей сознание девки? — Голос Орогастуса помятchel, в нем послышались укоряющие, льстивые нотки. Маг даже руками развел — мол, как же так, ваше величество, такой храбрец — и робеете. Потом государственный министр доверительно продолжил: — Взгляните, государь, возле нее пусто, там только наши солдаты... Черт, тоже стоят, озираются. Куда подевалась ваша хваленая лаборнокская храбрость? — неожиданно заорал он на всю площадь.

Действительно, в этот момент во внутреннем дворе творилось что-то непонятное — точнее, ничего не творилось. Даже уйзгу и вайвило стояли, переминаясь с ноги на ногу. Лаборнокские солдаты и рыцари — перешедшие на сторону принца и оставшиеся верными королю — вяло переругивались между собой. По всему было видно, что еще немного, и, если король не предпримет решительных действий, колеблющаяся масса солдат, в конце концов, сложит оружие перед принцем. Для них из всех

возможных исходов этот был наиболее безопасным и предпочтительным. Конечно, его тут же следовало провозгласить королем и низложить Волтрика. Тогда и луру будут сыты, и панчаки целы. Офицеры, собравшись кучками, уже открыто обсуждали этот вариант.

За внешним облегчением, каким-то безумным лихорадочным спокойствием угадывалось величайшее напряжение. Ситуация обострилась до предела — Орогастус сразу понял это.

Струна натянулась...

Маг решительно надвинулся на короля, задышал прямо ему в лицо:

— Государь, такой момент! Его нельзя упускать... Смелее! Ваш самый главный враг лишился способности защищаться... Женщина, которая, согласно пророчеству, должна лишить вас жизни,— вот она, ее можно добить одним ударом меча. Это она погубила генерала Хэмила — вспомните, какой был красавец! — по ее милости половина армии погибла в Тернистом Аду, она затеяла этот штурм. Мы потратили столько сил, разыскивая ее, и теперь, когда вот она, вы колеблетесь. Ну же, ваше величество. Вспомните о своей короне, она уплывает к Антару. Еще немного, и будет поздно. Эта тварь очнется... Ваше величество...

При упоминании о короне Волтрик отчаянно засопел, потом рассудительно сказал:

— Это верно. А что, если колдунья специально затаилась, лежит и ждет, когда я подойду поближе...

Орогастус сцепил челюсти. Ну, чем еще привести в чувство этого слизняка?

— Вперед, мой король. Время не терпит. Вы ее поразите, и армия сразу поймет, кто здесь властелин. Мы зажем принца с предателями и болотными крысами. Следует немедленно восстановить линию обороны, хотя бы по развалинам. У нас же численное превосходство. Мы же изрубим всю эту рувендийскую сволочь, как поганых панчаков.

— Ты уверен, что эта мерзавка не причинит мне вреда? — внезапно заорал Волтрик, потом неожиданно спо-

койно заявил: — Хорошо, я отрежу ей голову, а ты во все-
услышание объявишь об этом армии.

Орогастус закивал и бросился к парасету:

— Воины Лаборнока! Его величество король Волтрик соизволил сам встать во главе нашего доблестного воин-
ства. Под его личным руководством вы непременно до-
бьетесь победы. Все на баррикады. Наступает решающая
минута!

— Это хорошо,— одобрил король.— И насчет лично-
го руководства, и насчет победы. Это приемлемо...

Орогастус, не обращая на него внимания, продолжал
вещать:

— Вперед, сыны Лаборнока! Наступает решающий мо-
мент...

— Это тоже годится,— согласился Волтрик и, нежи-
данно оттолкнув Орогастуса, крикнул:

— А эти предатели внизу скоро умоются кровавыми
слезами. Мы вновь загоним их в подвал. Итак,— уже ти-
ше, деловитей добавил он,— вперед, к победе.

С этими словами он с лязгом надвинул забрало.

— Идите! — облегченно выдохнул Орогастус.— Впе-
ред!

Монарх вошел внутрь башни и, величаво ступая, гро-
мыхая латами, начал спускаться по лестнице. Орогастус
окинул удалявшегося господина долгим внимательным
взглядом. Поведение Волтрика потрясло его, заставило за-
думаться... Он что, совсем выжил из ума? Всего месяц на-
зад это был храбрый, решительный человек, способный
принять самое трудное решение,— теперь даже Орогасту-
су стало ясно, что с таким вождем много не навоюешь.
Все шло как-то не так, наперекосяк, всмятку. Он посто-
янно ощущал нехватку времени. Ну, что он мог поделять
с Волтриком, пока жив Антар? И эти чертовы принцес-
сы... Почему он сразу не придал этому вопросу решающе-
го значения? Теперь машины разбиты, армия разделилась,
враг насеждает... Однако они рано сбрасывают его со сче-
тов. У него еще найдется веский довод.

Он нашупал в складках одежды деревянную шкатул-
ку. Вот он, его выигранный билет.

— *Силы Тьмы! К вам обращаюсь я с мольбой. Сотни лет неустанных трудов, ночных бдений, кровавых испытаний — и ради чего? Ради того, чтобы в последнюю минуту все потерять? Отказаться от грандиозных планов? Зачем тогда я губил тело и душу? Силы Тьмы, к вам обращаюсь я с молитвой, от вас одних жду поддержки.*

Способен ли Волтрик поразить Кадью? Или ее талисман лишь затаился и поджидает очередную жертву, как это случилось с Красным Голосом, генералом Хэмилом? В любом случае подобный шанс упустить нельзя. Если Волтрик добьет эту девку — что ж, хвала вам, Силы Тьмы. Если нет, тогда всем вам, дрянные людишки, предстоит отведать этого ядовитого пара. Пойло что надо! Оно и Исчезнувших душило, как мух...

Орогастус стоял на нависающем над входом в главную башню козырьке. Взгляд его обратился вдаль, к лагерю готовых к выступлению врагов. Там царил бурное ликование — к пристани причалили суда, с которых на берег быстрым порядком выгружались рыцари графа Палундо. Они строились тут же, у берега, и через минуту-другую двинутся на Цитадель. Итак, сил у атакующих прибыло — значит, штурм неминуем.

Потом маг попытался с помощью ясновидящего взгляда отыскать двух других принцесс — пошарил по всем темным уголкам... Никого не нашел, кроме старухи-одлинга, пробиравшейся сквозь толпу ругающихся солдат. Она вроде ищет кого-то?

Глава 46

Имму легко избегала мест, где протекали мелкие стычки, — солдаты сражались без особой охоты. Налетавший дым душил ее — женщина не переставая кашляла, переступала через мертвые тела лаборнокцев, сородичей-уйзгу и верзил одлингов из племени вайвило. Битва между тем вновь начала разгораться, перепалка в конце концов пропитала сердца бойцов яростью и гневом. Бой закипел с новой силой.

Старая нянька брела, не замечая ничего вокруг — ни потоков крови, ни отрубленных голов и конечностей, — не слышала лязга железа, рутани, предсмертных криков и стонов.

— Анигель! — время от времени выкрикивала она. — Принцесса, где ты?

С этим вопросом она обращалась к раненым вайвило и уйзгу, но никто не мог подсказать несчастной женщине, где искать ее воспитанницу. Только Кадия и принц Антар знали, что принцесса сражается невидимой.

Имму видела, как король Волтрик сошел по ступеням и уже во дворе собрал вокруг себя многочисленный отряд рыцарей. Все они, едва не раздавив старуху, двинулись к баррикаде.

Между тем бой во дворе опять затих. Вайвило, уйзгу и примкнувшие к ним лаборнокцы, стиснутые в углу, возле входа в королевскую поварню, так и не смогли полностью развернуться в боевой порядок. Даже полноценного каре в такой тесноте нельзя было выстроить. К тому же без поддержки основных сил, готовых с минуты на минуту перейти к решительному штурму, начинать атаку было по меньшей мере глупо. К сожалению, принц не знал, что большинство полков армии Лаборнока по приказу Орогастуса было развернуто фронтом к баррикаде и разрушенным главным воротам, откуда теперь исходила основная опасность. Оставшаяся линия прикрытия тоже не очень-то стремилась в бой с чудовищными оддлингами, которые, как оказалось, ловко пластали топорами всякого, кто пытался приблизиться к ним, а тем более со своими братьями-лаборнокцами. У большинства солдат головы до сих пор шли кругом — где враг, кто он, кого разить беспощадно и что это за чудеса такие, при виде которых дрогнул сам Орогастус, а его величество король Волтрик, как безумный, выстроив многочисленный отряд личной стражи, кричал:

— Вперед! Разделаемся с ведьмой! За мной, ребята! Я сам поражу ее в сердце, а вам покажу ее ужасную голову.

Солдаты и даже рыцари, услышав этот призыв, переглядывались между собой. Король точно спятил... Эта мысль постепенно укреплялась, становилась понятным объяснением происходящей сумятицы.

Король торжественно нес свой огромный меч — по бокам шли лорд Осоркон, сумевший за несколько минут до начала переправы добраться до Цитадели, и лорд Ринутар, счастливо избежавший встречи с часовыми уйзгу и доложивший Волтрику о расположении войск врага. Чуть сзади, охраняя короля, шли два других рыцаря — Лотарон и Цимбалик. За ними тянулся отряд личной охраны Волтрика.

Все рыцари во главе с монархом, не обращая внимания на передислокацию подразделений, грубо расталкивали ряды солдат. Забрала их шлемов были подняты, иначе в дыму и чаду полыхающих костров ничего нельзя было разобрать. Наконец они добрались до временного заграждения и начали карабкаться на баррикаду в том месте, где по-прежнему бездыханно лежала Кадия.

Имму тоже заметила ее — золотистая кольчуга сверкала, отблески многочисленных пожаров мимолетными тенями ложились на удивительную броню. С необыкновенным проворством — откуда только прыть взялась! — старуха вскарабкалась на самый верх и, не прячась, прямо по помосту, приспособленному для перемещения страшных орудий Орогастуса, бросилась к принцессе.

Но что это? Голова Кадии странным образом отделилась от помоста, чьи-то невидимые руки начали перебирать ее опаленные волосы — словно ветром их трепало. Следом голос ниоткуда торопливо запричитал:

— Кади, Кади! Пожалуйста, очнись. Ну, Кади!

Нянька невольно, во всю мочь, крикнула:

— Анигель, дитя мое! Ты здесь?

В колеблющемся свете костров и пожаров внезапно возникла фигура золотоволосой девушки, стоявшей на коленях возле распростертого на дощатом помосте тела сестры. На голове Анигели ярко пылал Триллиум, вделанный в странную корону.

— Имму, Имму! Быстрее! Иди сюда! — Анигель отчаянно замахала рукой. — Она еще дышит. Боюсь, раны серьезные...

Тут же рядом кто-то удивленно рывкнул басом:

— Обе здесь! Великий Зото, хвала тебе, хвала! Очень удачно. Смотрите, господа, как мы одним махом обеих...

Король Волтрик ударом ноги отбросил в сторону Имму, схватил принцессу Анигель за волосы, оттащил от сестры и приставил к горлу меч. Корона свалилась с головы и упала на обуглившиеся доски. Серебристый металл звякнул... Впаянный в центр амулет помигал и утас...

Цимбалик и Лотарон тем временем подхватили Кадю. Удивительный меч выпал из ее ослабевших пальцев, и Черный Триллиум на рукояти тоже потемнел. В этот момент Кадия неожиданно открыла глаза и взглянула на сестру.

— Воины Лаборнока! — с необыкновенным энтузиазмом воскликнул Волтрик. — Держись! Две ведьмы, посмевшие посягнуть на величие и честь нашего королевства, теперь в моих руках.

Солдаты внизу завопили от восторга, а с козырька над входом в главную башню донесся ясно слышимый, могучий голос Орогастуса:

— Да здравствует король! Да здравствует непобедимый монарх! Покажите войску их головы! Пусть все видят, что ждет тех, кто посмел встать на пути Лаборнока!

— Головы? — удивился король. — Чьи головы он имеет в виду? — обратился он к стоящим рядом подданным.

Те недоуменно переглянулись — с королем явно творилось что-то непонятное.

— Ну, этих... — проямлил Ринутар, — этих ведьм...

— Ах, ведьм? — многозначительно кивнул король. — Действительно, верное решение. Ну-ка, Ринутар, Осоркон, за дело.

Рыцари, не ожидавшие такого поворота событий, замаялись. Каждый из них был свидетелем непознаваемой силы, которой владели эти две девицы, и подступить к ним с мечами... Ни Ринутар, ни Осоркон не испытывали желания испробовать на себе их способности...

Между тем Имму на карачках, шныряя между ног рыцарей, подобралась к короне Анигели, ловко цапнула ее и, сноровисто заработав когтистыми ручками и ножками, добралась до своей воспитанницы, протянула ей талисман. Два рыцаря из охраны схватили старуху и только было собрались швырнуть ее с помоста на каменные плиты, устилавшие двор, как принцесса, несмотря на то, что лезвие меча Волтрика по-прежнему было приставлено к горлу, крикнула:

— Оставьте ее или вы лишитесь жизни!

Янтарная капелька в центре венца ярко блеснула, и рыцари замерли, как истуканы.

— Ага! — неожиданно взревел Волтрик. — Еще один талисман! И этот меч здесь! Взять его!

— Подождите! — бросился вперед лорд Осоркон.

Кому-кому, а ему была хорошо известна его смертоносная сила.

Однако лорд Ринутар, словно потеряв голову, стремительно бросился вперед. Принцесса Кадия, к тому моменту более-менее пришедшая в себя и начинавшая осознавать, что с ней творится, мгновением раньше протянула руку и коснулась пальцами окончания рукояти. Этого хватило, чтобы Трехвекий Горящий Глаз ожил. Очи открылись, и тонкий слепящий луч ударил Ринутару в лицо.

Густое пульсирующее свечение охватило его с ног до головы. Все вокруг с трепетом наблюдали, как не успевший слова вымолвить рыцарь на их глазах превратился в головешку. Крик ужаса издали король, сопровождавшие его воины, бойцы внизу. Пылающая головня, загремяв доспехами, рухнула на помост, прокатилась несколько элсов и, рассыпая искры, рухнула на каменные плиты. И здесь еще бойкие язычки пламени прорывались сквозь ячейки кольчуги, шели в доспехах...

Наступила тишина. Все оцепенело взирали на несчастного Ринутара, потом в мгновение ока на помосте и рядом с временным укреплением началась паника — только король Волтрик, туго соображавший в тот вечер, выпучив глаза и разинув рот, все еще не убирал меч от

горла принцессы Анигели. Холодный пот катился по его щекам, он уже ничего не понимал в происходящем. Слишком много навалилось на него в ту ночь — он давно уже привык полагаться на Орогастуса, и теперь, когда на его глазах рухнули башни главных ворот, когда добрая треть армии переметнулась к тому, кто, по его мнению, спит и видит, как бы отобрать у него корону, когда колдовская сила так легко расправилась с лордом Ринутаром, он растерялся. Сердце гулко бухало в груди.

Что делать? Какой приказ отдать?

Принцесса Анигель повернула к нему лицо:

— Оставь нас. Ты разбит. Уноси ноги, пока мы способны на милосердие.

Волтрик истерично захохотал. Руки у него дрогнули.

— Ну уж нет, ведьма! Сначала умрешь ты, потом твоя сестра...

В этот момент лицо лорда Осоркона перекосила гримаса страха, и он завопил так, что все воины Лаборнока обратились в его сторону.

— Король! Ваше величество! Этот меч... Он *движется!*

Волтрик от изумления открыл рот, потом на него напала частая необоримая икота, и при каждом сотрясении его упитанного тела лезвие меча все сильнее ранило кожу принцессы Анигели.

Между тем Трехвекий Горящий Глаз медленно освободился от пальцев принцессы Кадии и всплыл над помостом на высоту в элс с небольшим. Анигель невозмутимо наблюдала за происходящим — она тоже раскрыла пальцы, и Трехглавое Чудовище, словно зачарованное, торжественно сблизилось с собратом и заключило основание рукояти в свои незавершенные объятия.

— *He-e-em!!!*

Громовой вскрик отчаяния потряс стены древней крепости. Орогастус подался вперед, судорожно вцепился в край парапета. Лицо его подергивалось. Он открыл рот — и вновь отчаянный вопль обрушился на стоявших внизу воинов. Кое-кто из мелкорослых уйзгу попадал на каменный пол.

— НЕТ!!!

Но было поздно.

Принцесса Харамис вышла из невидимости, не спеша приблизилась к сестрам. На голове у нее поблескивала государственная корона Рувенды, на плечах посверкивал белоснежный плащ Великой Волшебницы. Принцесса выпустила Трехкрылый Диск, и он соединился с остальными частями Скипетра Власти. Три крыла волшебного Диска вновь переместились внутрь и расширились в плоскости кольца. В центре ярко полыхал Черный Триллиум.

Орогастус выхватил из складок одежды деревянную шкатулку, нетерпеливо раскрыл ее, сжал в руке зеленоватый шар. Поднял его и со всей силы швырнул вниз.

Харамис с помоста указала Скипетру Власти на летящий предмет — зеленоватый шар внезапно вспыхнул и растворился в облачке белого дыма.

Потом принцесса повернулась к двум рыцарям, схватившим Кадию, которая уже полностью пришла в себя и несколько раз пыталась вырваться. Глаза ее горели огнем.

— Отпустите ее, — тихо сказала старшая сестра и повела рукой в сторону Кадии.

— Идиоты, исполняйте! — воскликнул Осоркон.

— Нет! — неожиданно, словно очнувшись, заорал Волтрик. — Я запрещаю!

Рыцари колебались, переводили взгляд с принцессы Харамис на короля, потом, словно испрашивая совета, на лорда Осоркона. Принцесса больше не медлила ни секунды — тут же ткнула пальцем сначала в Лотарона, потом в Цимбалика.

На этот раз внутренние полости каждого шлема на мгновение озарились бело-голубым светом — словно загорелась подсветка и тут же погасла. Стоявшие рядом рыцари из охраны короля исторгли душераздирающий вопль — в глубине шлемов ничего не было. Полная пустота... Более того, и доспехи словно оказались надетыми на воздух. Они с лязгом и грохотом рухнули на помост.

Волтрик закашлялся, выпустил Анигель.

— Пошади! — плаксивым голосом воскликнул он. — Госпожа, будьте милосердны!

Харамис указала на него Скипетру:

— Воздай ему по делам его. По его милосердию и пощада. Пусть да свершится пророчество!

Глаза у короля стали словно стеклянные, взгляд остановился. Неожиданно он трясущимися руками принялся отстегивать ремешки, с помощью которых шлем прикреплялся к кольчуге. Избавившись от шлема, он опустил голову — бритый затылок, толстая жирная шея предстали перед замороженной этим зрелищем Харамис, застывшей Анигелю, оцепеневшей, прикусившей нижнюю губу Кадией. Собственный меч Волтрика воспарил над помостом, сделал плавный кульбит и, оказавшись направленным острием вниз, с размаху, почти до середины вонзился в подставленную шею короля.

Волтрик покачнулся и с перекошенным лицом упал на бок, прямо на грязные обуглившиеся доски. Он несколько раз дернулся, захрипел и затих. Ни капли крови не вылилось из раны. Глаза его, пустые и бессмысленные, уставились в небо, где сквозь дым виднелись сблизившиеся Три Луны.

Харамис не смогла сдержать озноб, у нее застучали зубы. Она поняла, что все это действо — бой у порога королевской кухни, разрушение главных ворот, поход короля Волтрика за головой Кадии, захват Анигели, гибель рыцарей и смерть короля, ее собственное путешествие от балкона до верхней площадки наспех сооруженной стены — заняло не более четверти часа. Что-то творилось со временем, оно как бы замедлило ход. Но могло и убиться по ее, Великой Волшебницы Харамис, повелению. Время теперь ластилось к ней; нить, связующая прошлое с будущим, стала подобна поводку, намотанному на руку Белой Дамы, потянув за который она могла восстановить равновесие в мире.

Харамис покачнулась, натянула нить времени и вернулась в реальность.

Между тем шепот, точнее, ропот изумления утасал в древней крепости. Лорд Осоркон швырнул меч к ногам

принцессы Харамис, встал на колени и вытянул склоненную голову. Лаборнокцы, окончательно смешавшие ряды, начали бросать оружие. Те же, кто перешел на сторону принца Антара, как снопы, повалились на колени, следом за ними опустились на плиты и вайвило, и маленькие уйзгу.

Не хватало еще торжественный гимн затянуть, рассердилась Харамис, однако уйзгу и вайвило ждали команд своих святых покровительниц — Кадии и Адигели.

Холодный ужас объял принцессу Харамис — она повернулась лицом к главной наблюдательной башне, где на выступающем из стены козырьке оцепенело следил за происходящим Орогастус. Неожиданно, словно осознав случившееся, он скинул маску, налетевший ветер растрепал его длинные, аккуратно подстриженные седые волосы. Удивительно, поразила Харамис, ведь это она, собственными руками, подстригла его — тогда ее поразили молодость и здоровая молочная свежесть его кожи.

— Нет! — возопил Орогастус, но спустя мгновение сумел взять себя в руки.

Он выдержал взгляд Харамис, не отвел глаза в сторону. Так они и застыли, а вокруг, во дворе крепости, стоял невообразимый шум. Сохранившие верность королю — какому? — лаборнокцы после вскрика мага тоже попадали на колени. Страшно было в том напряжении, которое возникло между Харамис и Орогастусом, оставаться на ногах, с высоко поднятой головой.

Нить времени натянулась до предела...

Налетевший шквалистый ветер раздул пожары. Небо совсем очистилось от туч, и теперь ничто не мешало Трем Лунам вершить свой путь по небесной стране к перекрестку, где им была уготована долгожданная встреча. Сколько тысячелетий они ждали ее! Вот она, точка слияния — как раз посередине между зенитом и направлением на север. Туда и стремились Три Луны — неодолимо, торжественно. Туда же обратили свои взоры все полки, все лаборнокцы, рувендиане, одлинги... Туда же смотрели три сестры и застывший у паралета маг.

Минута, отмеренная Харамис, кончилась, и она указала Скипетру на колдуна.

— Рассуди нас,— обратилась она к священному, три в одном, талисману.— Вот мы стоим. Три Лепестка Священного Триллиума и он, попытавшийся сдвинуть ось мироздания. Реши — исполнили ли мы то, что было предначертано нам? Верно ли мы поступали? Греховны ли наши помыслы? Так ли мы действовали, чтобы восстановить равновесие во вселенной? Рассуди нас и его!

Орогастус, вцепившийся в каменный парапет, неожиданно подался вперед; его глаза и зубы, обнажившиеся в широкой бессмысленной ухмылке безумца, засияли, как звезды. Люди внизу завопили от ужаса.

Принц Антар, сумевший, наконец, добраться до баррикалы, в два прыжка взобрался на помост и, взяв принцессу Анигель за руку, загородил ее собой.

Маленькая Имму стояла рядом с Кадией, поддерживала ее за талию.

— Харамис! — громко подал голос Орогастус. Голос его был сух, безжизнен и отливало сталью, как и рев его разрушенных, несущих смерть орудий.— Я способен поразить тебя! У меня хватит сил, чтобы вызвать Силы Тьмы и с их помощью сдвинуть земную ось!

Это было поразительно — Харамис даже закрыла глаза. Так бесстрастно могли вешать только искусственное сердце, созданный по особому проекту рукотворный мозг. Но сейчас нельзя отпускать время.

Наоборот, нужно взнудать его! Скипетр молчит. Он отказывается восстановить баланс? Может, ему силенок не хватает? И в то же мгновение ей привиделась схема — простая конфигурация, способная перевернуть мир и сломать Орогастуса.

— Кадия, Анигель,— решительно потребовала она.— Помогайте! Встаньте рядом со Скипетром и возьмитесь каждая за свой талисман. Сконцентрируйте внимание...

Сестры, не говоря ни слова, приблизились и поступили так, как она повелела.

В следующее мгновение Скипетр словно ожил — все его части запылали радостным светло-малиновым ог-

нем. Свечение тянулось конусом, который сужался в сторону Орогастуса и, коснувшись его и объяв светом, замер. Так они и стояли — сестры на одном конце, маг — на другом. Свечение усиливалось, набирало яркость — человеческий глаз уже не мог выдержать его. Люди внизу закрыли лица руками, принц Антар, вскрикнув, опустился забрало. Удивительно, но Харамис еще успела отметить эту деталь и поразиться, что ни ей, ни сестрам, ни Орогастусу это подобие солнца вреда не приносит. Вот и со Скипетром начали твориться чудеса. Время остановилось. Скипетр растекся по всей длине между помостом на баррикаде и козырьком, потерял материальные очертания, обратился в некое изначально существующее в мире излучение. Более того, и они вчетвером влились в него и стали чем-то подобным сгусткам первозданной, ужасной и животворящей материи.

Это потрясало — Харамис все видела, все чувствовала и при этом оставалась сгустком света. В подвижном времени она разом проживала тысячу и одну жизнь.

Потом накатило раскаяние — Харамис заметила, что подобные чувства испытывали и ее сестры. Потрясающий душу стыд и желание искупить вину за боль, сознательно или по небрежности причиненную людям. Прежде всего Харамис хотелось повиниться перед Кадией и Анигелью за то, что частенько посматривала на них сверху вниз и в гордыне полагала, будто имеет право вмешиваться в их жизнь. Особенно жгуче укор донимал ее теперь, когда она воочию увидела, на что способны ее сестры. Вздорность и своеволие Кадии, плаксивость и глуповатая наивность Анигели слетели с них, как шелуха. Пришел день, и в них проснулись истинное величие, божественная храбрость и достойная небожителей рассудительность.

Сестры покаянно переглянулись — каждая из них словно испросила прощения и тут же безмолвно получила его. Теперь, омывшись исповедью, они могли смело идти дальше, в иную жизнь, которая непременно будет. Не может не быть! Харамис легонько тронула поводья, и время неспешно набрало ход. Это будет жизнь, где души шелдры, помыслы светлы, желания понятны. Так будет, и они со-

ляются — им дано слиться, вот как сейчас, в единую и неделимую целостность. Потом к ним начнут присоединяться другие люди — один за одним, по цепочке, взявшись за руки. Каждому будет чем поделиться, и с ним охотно поделится: сильный — силой, слабый — слабостью. Только злобе, ненависти, гордыне там не найдется места, потому что злоба — это нехватка доброты, ненависть — недостаток проникательного сострадания, а гордыня — личина неблагодарности, самого жуткого и греховного из пороков...

Так хорошо будет, что дух захватывало. Каждый отдаст по способностям, и воздается ему по заслугам. Тогда и возродится Рувенда, и все они станут жителями страны, где поклоняются земле и воде.

А что еще достойно поклонения? Боже Триединый — *уж не это ли состояние и называла Бина равновесием в мире?*

Орогастусу были доступны мысли и чувства трех сестер, но он мечтал совсем о другом. Та близость и слабое волнение в крови, которое он испытывал, когда сжимал принцессу Харамис в объятиях, совсем растаяли. Или заледенели... И тогда его коснулось одиночество — страшное, бесконечное. Ни он никому не нужен в этом мире, ни ему никто не нужен. Какое ему дело до огромной грязной лужи, которую обозначили на карте дурашким словом — Рувенда? Собственно, ни одна земля — тем более вода — не манила его воспоминаниями. Не было в мире народа, к которому он мог бы причислить себя, и — не смотря на некоторые несвоевременные фантазии — он и к Харамис несколько не привязался.

Да и зачем? Какой в этом смысл? Он давным-давно замкнулся в самом себе, и ему этого хватало. Только пошлым, нищим разумом и духом людям необходимо сбиться в стадо. В нем они чувствуют себя уверенней. Эта истина была верна тысячи лет назад, когда он еще только вступал на свою дорогу, верной она оказалась и теперь. Стоило ему чуть-чуть раскрыться перед Харамис, и он столкнулся с величайшей угрозой своему физическому

существованию. Чем могла помочь ему глупышка Анигель, распространяющая прощение и милость даже в его сторону? В чем ему каяться? Разве что допустил много ошибок и теперь нужно выкручиваться и изобретать нечто, дабы спастись от этого охватившего его сияния.

На лице мага отразились отчаяние и полная беспомощность. Казалось, вечность минула, пока он смог сдвинуться с места. Что случилось со временем? *Оно тянулось!* Эта медлительность причиняла страшные страдания. Преодолевая боль, он встал на край каменного ограждения. Искусственное сердце едва не разорвалось от натуги. Он сделал шаг навстречу свету...

Харамис услышала глухой удар — тело Орогастуса с раскинутыми, необыкновенно удлинившимися руками лежало на каменных плитах. Глаза его безжизненно следили, как в ночном небе сияли Три Луны, коснувшиеся друг друга боками.

Невероятная слабость охватила Харамис — ноги не держали ее. Только усилием воли ей удалось устоять — силы таяли с каждым мгновением. То ли время, набравшее ход, отбирало последние капли, то ли она до предела устала. Между тем и Кадия повело в сторону, и, если бы не Имму, она свалилась бы с помоста. И Скипетр Власти тоже начал гаснуть — свечение сжалось до размеров шара диаметром в несколько элсов, цвет его начал меняться в сторону более густых, насыщенных тонов. Крепкий малиновый настой перешел в тускло-бордовый, обернулся едва заметным лиловым — и талисман совсем потух.

Тут только Харамис обратила внимание, что, в отличие от них, Анигель держалась спокойно, уверенно — никакого упадка сил. И принца Антара возле нее не было.

Где же он?

Кровавая реальность явилась к ней в виде обуглившейся доски под ногами. Потом Харамис перевела взгляд в сторону входа в главную наблюдательную башню. Принц, склонившись, стоял возле тела Орогастуса, долго всматривался в его глаза, затем скинул с плеч походный плащ и накрыл им труп королевского мага.

— Воины Лаборнока, — выпрямившись, воскликнул он. — Уберите оружие. Колдун мертв, война окончена. — И, подождав немного, отдал команду: — Построиться!

Этот приказ наконец привел людей в чувство. Теперь хотя бы понятно стало, что делать...

В тот год, впервые за много лет, Праздник Трех Лун начался на три дня позже. Время это было потрачено на то, чтобы оказать помощь раненым, с воинскими почестями похоронить погибших.

К вечеру третьего дня, следовавшего за битвой, когда слившиеся в единый диск луны взошли на небосводе и глянули на кое-где покрытые туманами Гиблые Топи, все народы — оддлинги, рувендиане и лаборнокшы — явились на скалистый холм и собрались во внутреннем дворе древней крепости.

Первым парадным маршем, ведомый принцессой Кадией, прошел народец уйзгу. Маленькие мохнатые существа несли тройные факелы и распевали торжественный гимн, пришедший к ним от предков. Следом нестройными рядами двинулись ниссомы — во главе их шествовали Имму и Джеган.

Лумому-Ко вел воинов вайвило — теперь в этих улыбающихся, экзотично разодетых гигантах-туземцах трудно было признать суровых, неустрашимых бойцов. Их толпа представляла собой необыкновенное, надолго запоминающееся зрелище. Сам сияющий, белозубый, обнаживший мощные нижние клыки Лумому-Ко шествовал в кирасе. В толпе мелькали женские шляпки, бахромчатые шали, меховые накидки. Все вайвило были в изобилии украшены золотом и самоцветами... За ними пришла очередь лаборнокцев, марширующих без оружия, но в доспехах. Вел их новый король Антар. В руках воины держали букетики цветов. Замыкали праздничное шествие свободные рувендиане во главе с графом Палундо. В их рядах шли все рыцари и свободные землепашцы, ремесленники и бывшие слуги королевского двора, которых удалось собрать умеющим связываться на далеком расстоянии ниссомам. Три дня они выходили из болот, и теперь сердца

у принцесс радовались — вторжение, организованное Орогастусом и Волтриком, принесло куда меньше потерь, чем можно было ожидать.

Их приветствовала старшая дочь погибшего короля Крейна, принцесса Харамис. Она была в государственной короне, на плечах — белоснежный плащ, знак отличия Великой Волшебницы. В руке она держала Скипетр Власти. Когда праздничное шествие было закончено, вперед вышел Антар и, преклонив перед ней колено, предложил принять капитуляцию армии лаборнокцев.

Харамис ответила:

— Встаньте, король. Я благодарна вам за это предложение, но, к сожалению, не могу его принять.

Она сняла с головы государственную корону и, отодвинув вниз Скипетр — тот спокойно повис в воздухе, — высоко подняла ее.

— Я, — торжественно сказала она, — присутствующая здесь законная наследница трона Рувенды, отрекаюсь от великой чести владеть этой короной и призываю свою среднюю сестру принцессу Кадия принять ее и исполнить долг, который выпал ей по праву рождения. Мне же назначен иной удел. На меня возложены обязанности хранить и беречь Рувенду. С сего дня по велению небес я — Великая Волшебница.

Кадия, стоявшая во главе огромной толпы одлингов — эмблема в форме Триллиума поблескивала у нее на груди, медного отлива волосы свободно падали на плечи, — откликнулась со своего места. Голос ее, низкий для женщины, но сильный и звонкий, отчетливо прозвучал в наступившей тишине:

— Я, присутствующая здесь, ныне законная наследница трона Рувенды, торжественно заявляю, что отрекаюсь от короны в пользу моей младшей сестры Анигели, которая по праву заслужила ее своей храбростью и самоотверженностью в деле освобождения родины. Меня ждет иная судьба — не мне править людьми. Мой удел быть другом и предводителем болотного народа, призвавшего меня служить ему. Принцесса Анигель, прими корону из рук нашей старшей сестры.

Анигель на мгновение прикрыла глаза — и тотчас ее посетило прежнее, пугающее душу, томительное видение. Сколько раз во сне ей пришлось преследовать мать, королеву Каланту, неспешно, но неумолимо удалявшуюся от нее по дорожке, проложенной в высохшем погибшем лесу. На этот раз ей удалось догнать мать — никакие мрачные предчувствия больше не беспокоили девушку. За один миг королева Каланта успела умыться, причесать, одеть, как подобает, свою младшую дочь и шепнуть ей напутствие.

Свершилось то, что было предназначено. К чему лукавить! Анигель была спокойна и уверена в себе — как ни прикидывай, среди своих сестер она лучше всего справится с этой ролью. Харамис слишком рассудочна, Кадия — гневлива... Да, это ее долг — тот, о котором не так давно говорила Великая Волшебница Бина. Она открыла глаза и приблизилась к Харамис. Опустилась на одно колено, но голову не склонила — держала ее высоко. Когда старшая сестра возложила украшенную рубинами и изумрудами корону — в центре сиял крупный овал из медового янтаря, в котором светился Черный Триллиум, — на голову Анигели, та встала, повернулась к притихшей многочисленной толпе и осенила ее священным знаменем — выписала в воздухе трехлучевую звезду.

Антар, стоявший рядом, обратился к ней:

— Великая королева, соблаговолите принять нашу капитуляцию.

— А заодно мою, — ответила Анигель, — так как я не в силах устоять перед вашим благородным сердцем. Поскольку теперь я являюсь законной королевой Рувенды и считаю, что мне не к лицу править без супруга и короля, я предлагаю вам, монарх равнинного Лаборнока, объединить наши королевства на основе брачного союза, — она взяла его за руку и подняла ее высоко-высоко. — Жители Рувенды! — воскликнула она. — Я, присутствующая здесь хранительница трона, во славу земли и воды, дарю вам нового короля — человека испытанного, разумного и благородного.

Тогда и Антар объявил на всю площадь:

— Жители Лаборнока, я, присутствующий здесь полноправный монарх и хранитель государственной короны, во славу нашей земли, дарю вам вашу королеву — женщину добрую, решительную и милосердную.

После мгновенной тишины площадь взорвалась криками ликования и бурной радости. Все одлинги разом подхватили торжественный гимн, маршалы праздника между тем распахнули ворота во внешнюю часть крепости, где были расставлены столы с обильным угощением и богатой выпивкой.

Три сестры сошлись вместе и крепко обнялись. Затем Харамис взяла Скипетр Власти и разделила его на три части. Помертвелый, с покрывшимся чернотой лезвием, меч — веки на его рукояти закрылись наглухо — она вручила Кадии. Та сразу засунула его в ножны, подвешенные на поясе. Серебряный венец, на лицевой стороне которого по-прежнему кривлялись три таинственные рожи, точно поместился внутри государственной короны Рувенды, теперь лежавшей на золотистых волосах Анигели. Волшебный жезл со сложенными крыльями — янтарная капелька тускло светилась в их центре — Харамис подвесила на золотую цепочку.

— Мы были едины, — сказала старшая сестра, — нынче мы вновь растроились. Благодарение Богу, что в мире восстановился баланс, и Скипетр Власти вряд ли теперь когда-нибудь понадобится.

— Клянусь Цветком! — тихо буркнула Кадия. — Мне бы твою уверенность. Только Триединый знает, как мы все нуждаемся в мире и покое. Стоит лишь подумать, сколько нам еще предстоит узнать, — дух захватывает. Ани еще надо научиться управлять государством. Тебе — овладеть магией. У меня накопилось множество вопросов, которые я обязана задать таинственному существу, обитающему в безподном городе. Кроме того, только вдумайтесь — сколько проблем во взаимоотношениях между людьми и одлингами. Подозреваю, нам долго придется искать удовлетворительные ответы.

Анигель так же тихо обратилась к Харамис:

— Когда ты собираешься вызвать ламмергейера? Сразу после праздника? Ты отправишься в Нот и будешь жить там, как прежняя Белая Дама?

Харамис отвела взгляд в сторону — глянула в сторону входа в главную наблюдательную башню. Взор ее затуманился.

— Нет. То место умерло с уходом Бины — там все зачало. У меня есть другое прибежище — высоко в горах, на неприступной скале.

Антар приблизился к сестрам и, улыбнувшись, сообщил, что его только что посетила высокая делегация поданных во главе с лордами Палундо, Ованоном и Пенапато и от имени присутствующих здесь жителей Лаборнока и Рувенды просила их величества открыть праздник первым танцем.

— Да! — засмеялась Кадия. — Нелегкая участь быть королями. Не так ли, королева Анигель? Ну, ступай, ступай, а мы тут с Великой Волшебницей побеспокоимся, чтобы всем хватило еды и питья. Когда же ваши величества собьют каблуки и протрут дырки в подошвах, можете присоединиться к нам.

Взявшись за руки, Анигель и Антар поспешили в круг. Грянула музыка...

На третий день, уже в сумерках, покрывших обширный лут на скалистом холме в окрестностях Цитадели, Узун услышал танцевальную мелодию и ускорил шаг. Слух не обманывал его — оркестр волынок и арф играл в крепости! Захваченной врагом...

Не может быть!

И мелодия очень знакомая. Да это же ритуальный танец, посвященный слиянию Трех Лун! Но ведь праздник должен был начаться три дня назад. В то время он с несколькими друзьями чинил лодку, на которой они спешили к месту сбора, назначенному для ниссомов. Чертова мысленная глухота! И товарищи его тоже были тути на ясновидение. Телепатические сигналы едва доходили до них. Что-то удалось разобрать про великую битву, говорят, одержана решающая победа; его дражайшая прин-

цесса Харамис стугбила наконец этого проклятого Орогастуса. Все, он *все* пропустил!

Если бы он был способен воспринимать мысленную речь!

В конце концов, он решил оставить товарищей и отправиться в путь пешком. До крепости оставалось рукой подать. Точно, вот теперь с той стороны ясно долетели звуки торжественного гимна, восхваляющего Три в Одним. А теперь вновь разухабистая заводная мелодия, под которую любой пустится в пляс. Нет, надо поспешить!

Между тем что-то неуловимо изменилось в окружающей местности. Лунный свет, ярко освещающий землю и воду, вдруг начал дробиться, приобретать радужный блеск.

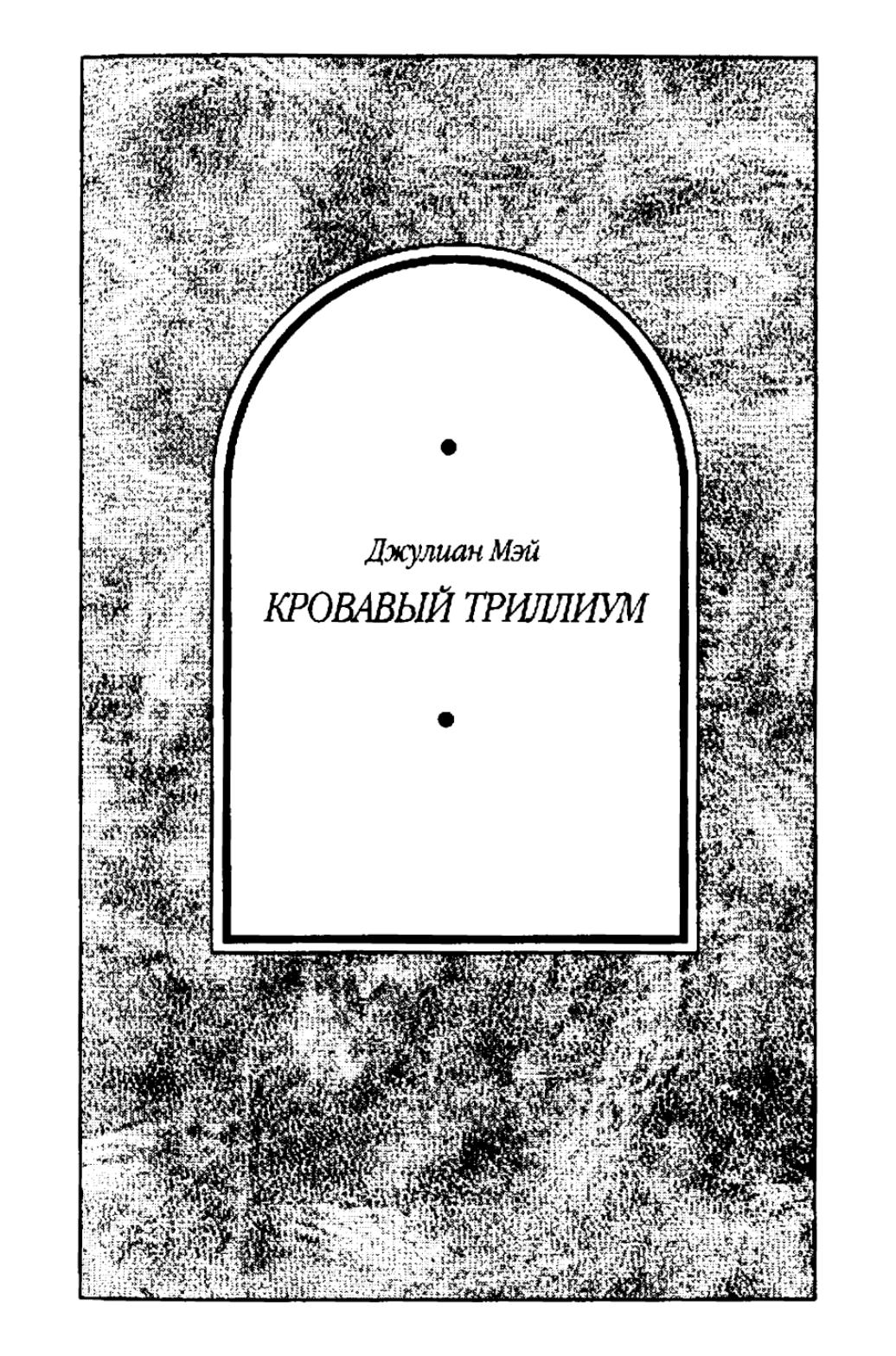
Узун остановился, огляделся. Земля после первых дождей еще не просохла, и травы на лугу дружно пошли в рост. Что в этом удивительного, спросил себя старый музыкант. Он присел, глянул на пробивающийся из земли росток. Рядом еще один, подальше — еще... Какие-то странные растения. Что-то они ему напоминали... Как же, он видел этот цветок в Ноте. Точно!

Узун выпрямился, вдохнул полной грудью. По всему лугу часто распускались цветы о трех черных лепестках. Их было множество, можно набрать букет. Они росли повсюду.

Беззаботно рассмеявшись, он набрал полную охапку священных цветов — ему будет чем порадовать людей, собравшихся на праздник. Он несет им добрую весть...

Прощай, Рувенда, край земли и воды!

Прощай, наша песня!

Джулиан Мэй
КРОВАВЫЙ ТРИЛЛИУМ

Глава 1

На земле, освещаемой Тремя Лунами, в этот год надолго затянулся период зимних дождей. Весна запаздывала. Нескончаемые муссоны, гулявшие над равнинами Полуострова, нанесли высокие снежные сугробы вокруг башни Великой Волшебницы, стоящей на южном склоне горы Бром. А в ту ночь, когда объявился маленький беглец Шики, шел дождь со снегом.

Вынесший его из свирепого шторма измученный ламмергейер так устал, что не смог даже послать мысленную весть о своем появлении в уединенный дом Великой Волшебницы, так что этот неожиданный визит сначала вызвал испуг. Едва дотянув до скользкой крыши башни, гигантская птица упала замертво, и сперва слуги Белой Дамы не заметили ноши, которую она с таким мужеством донесла до юга. Крылья, хвост и голова черно-белого ламмергейера были покрыты коркой льда. Кожаный плащ Шики, перенесшего жуткое путешествие, был тверд, как броня, и накрепко примерз к трупу птицы. У беглеца не хватило сил подняться на ноги, и он бы так и погиб, если бы люди, ухаживающие за ламмергейерами Великой Волшебницы, не поспешили ему на помощь. Они сразу поняли, что он прилетел из горной страны, что он одной с ними крови, но какой-то очень уж малорослый: очевидно, принадлежал к неизвестному им роду.

— Меня зовут Шики. Я привез новости для Белой Дамы.— Слова давались беглецу с трудом.— В северной стра-

не Тузамен случилось несчастье. Я... я должен рассказать ей...

Так и не договорив, он лишился чувств, и ему привиделись умершие жена и дети, почудилось, что они пытаются освободить его из объятий кошмарного сна, зовут к себе, в золотое царство тепла и покоя, туда, где под безоблачным небом цветут черные Триллиумы.

Как же его влекло к любимой семье! Как хотелось распрощаться наконец со страданиями и болью, с бременем долга, тяготевшим над ним всю жизнь! Но он еще не передал тревожную весть и начал умолять дорогих его сердцу призраков немного повременить, подождать, пока он не исполнит свою последнюю миссию — предупредит Великую Волшебницу о грозящей опасности. Не успел Шишки заговорить, как все три видения, улыбаясь и кивая головами, растаяли в сияющем мареве.

Очнувшись, он понял, что будет жить...

Он пришел в себя в полумраке уютной комнаты, на широкой постели, покрытой меховым одеялом. Обмороженные руки были туго перебинтованы. Возле постели стояла странная небольшая лампа, похожая на кристалл, которая излучала яркий желтый свет. В окно стучал ледяной дождь, но в комнате было очень тепло, хотя нигде не видно ни очага, ни жаровни с углями. В воздухе витал легкий аромат духов. Он с трудом сел и увидел в изножье постели на столике вытянувшиеся в ряд золоченые горшки, в которых цвели волшебные черные Триллиумы — точь-в-точь такие, какие привиделись ему во сне.

За ними в полумраке стояла высокая женщина. Ее длинное белое одеяние с капюшоном отливало голубизной, напоминая сверкание льдинок с великих ледников, покрывающих далекие отсюда горы. Лицо женщины было скрыто, и поначалу Шишки затаил дыхание от страха — от этой таинственной фигуры повеяло колдовской силой, подавлявшей его, и он задрожал, как испуганный ребенок. В прошлом ему один раз пришлось встретиться с человеком, которого окружала подобная аура, — тогда он чуть не умер.

Женщина откинула капюшон и подошла к нему поближе. Ласково дотронулась до него, и он опять опустил-ся на подушки.

— Не бойся,— произнесла она.

Пугающая аура растаяла. Это была всего лишь красивая молодая черноволосая женщина. Явно не из его народа. Глаза с глубокими золотыми зрачками отливали опаловой голубизной, а нежные губы печально улыбались.

Его страх сменился диким беспокойством. Может быть, вур привез его не туда, куда следует? Ведь легендарная Великая Волшебница, которая со времен Исчезнувших охраняет и защищает его народ Гор, должна быть древней старухой. А этой женщине на вид не больше тридцати...

— Не волнуйся,— сказала она.— Одна Великая Волшебница сменяет другую — так повелось с самого начала. Верь мне, я и есть Великая Волшебница Харамис, Белая Дама нашего времени. Правда, пока я новичок — всего лишь двенадцать лет исполняю свои обязанности. Скажи, кто ты, зачем искал меня,— и я постараюсь помочь тебе.

— О, госпожа,— прошептал Шики. Слова падали медленно, как последние капли из выжатой губки.— Я попросил своего верного вура доставить меня сюда, к тебе, потому что я ищу справедливости, хочу, чтобы было исправлено то зло, которое причинили мне, моему семейству и жителям моего селения. Но во время перелета, будучи близок к смерти, я понял, что не только мы нуждаемся в твоей помощи. Опасность угрожает всему миру.

Она долго смотрела на него. Он поразился, увидев, что глаза ее наполнились слезами, так и не пролившимися на бледные щеки.

— Значит, это правда,— прошептала она.— Во всем мире стало тревожно, повсюду распространяются слухи о возрождении Зла. Даже между моими любимыми сестрами возникли разногласия. Я пыталась объяснить это земными причинами, поскольку мне не хотелось верить, что мировому порядку опять угрожает опасность.

— Но это именно так! — приподнявшись, вскричал Шики.— Поверьте мне, госпожа! Вы должны мне поверить! Жена не хотела слушать меня и погибла, а с нею и мои дети, и многие односельчане. Тот злой человек, что спустился с Вечного Ледника, уже заколдовал весь Тузамен. Но скоро... скоро...

Сильный приступ кашля помешал ему говорить, и он как безумный забился в судорогах.

Волшебница подняла руку:

— Магира!

Дверь открылась. Появилась еще одна женщина. Нелышными шагами она подошла к постели и внимательно посмотрела на беглеца огромными зелеными глазами. Ее волосы напоминали паутину, а уши украшали сверкающие красные рубины. В отличие от строгого белого платья Великой Волшебницы, легкое свободное одеяние вновь пришедшей было темно-малинового цвета с золотым воротничком и такими же манжетами, усыпанными разноцветными драгоценными камнями. Выглядело оно роскошно. В руках женщина держала хрустальную чашу с темной дымящейся жидкостью и по приказу Великой Волшебницы протянула ее беглецу.

Его кашель утих, и он успокоился.

— Сейчас вам станет лучше, — сказала Магира. — Наберитесь мужества. Белая Дама никогда не отворачивается от тех, кто приходит к ней за помощью.

Мягкой тканью Магира промокнула покрытый испариной лоб гостя, и он с облегчением отметил, что на руке у нее три пальца — совсем как у него. Хотя внешне эта женщина очень напоминала человека, хотя черты ее лица были более правильными, чем его собственные, и в речи слышался странный акцент, ему приятно было сознавать, что она принадлежит к его народу. Что ни говори, а надвигающаяся угроза исходила именно от людей.

Лечебный напиток оказался горьким на вкус, зато утолил жажду и наполнил беглеца силами. Белая Дама присела на один край постели, Магира устроилась на другом. Через несколько минут он окончательно пришел в себя и смог поведать им свою историю.

— Меня зовут Шики,— сказал он,— а мой народ называет себя дороками. Мы живем в самом отдаленном районе Тузамена — там, где языки Вечного Ледника, берущие начало из студеного центра мира, смыкаются с морем. Это суровая страна овеваемых ветрами бесплодных земель и голых скал. Селения моего народа, маленькие и бедные, ютятся на дне глубоких каньонов между высокими утесами. Гейзеры немного нагревают воздух и землю, так что кое-какие деревья и овощи все-таки могут произрастать. Наши жилища-пещеры просты, но удобны. Очень редко к нам заезжают люди с побережья и с Огненных островов, мы поддерживаем связь и с некоторыми племенами народа Гор. По всему миру в горах живут наши родственники, и, подобно им, мы выращиваем способных на дальние полеты вуров и путешествуем вместе с этими замечательными птицами. Теперь я понимаю, что госпожа Магира и те ваши слуги, которые перенесли меня сюда, тоже принадлежат к какой-то обособленной ветви моего народа, удостоенной чести служить вам, Белая Дама. Я понимаю также, почему мой бедный погибший друг, вур Нанунцио, так настаивал на том, чтобы я поделился с вами печальными новостями... Простите, что отвлекся, мне не следовало отступать от своей истории...

Шики зарабатывал на жизнь охотой на черных федоков и золотых воррамов, которые водятся только в высокогорье, а кроме того, время от времени сопровождал людей, ищущих драгоценные металлы, в далекие горы, туда, где горячие вулканы немного смягчают леденящий душу холод.

Два года назад в сухую осеннюю погоду в селение Шики пришли трое людей. Это не были ученые или торговцы: они представились студентами с юга, из Рэктама. Они сказали, что посланы королевой-регентшей Ганондри на поиски редкой травы, которая может вылечить их юного короля Ледавардиса от медленно убивающего его ревматизма. Эта трава растет только в Кимилоне, далеком краю Огня и Льда, на маленьком островке жизни, среди ледников и скал.

Глава селения, где жил Шики, старая Зози Твистбэк, сказала незнакомцам, что Кимилон находится в девятистах лигах к западу, что его окружают покрытые вечными льдами горные вершины. Эта земля практически недосыгаема, добраться до нее могут только чудесные птицы, которых соплеменники Шики называют вурами, а люди — ламмергейерами. Но даже вурам такое путешествие вряд ли под силу — в тех краях свирепствуют бури, спускающиеся с Вечного Ледника. Ни дорожки, ни другие обитатели гор никогда не осмеливались летать в Кимилон на вурах. Почти двести лет никто не бывал там.

Трое незнакомцев посулили огромное вознаграждение тому, кто проводит их до Кимилона, но добровольцев не нашлось. Не только потому, что путешествие казалось страшно опасным, но и потому, что сама эта троица внушала опасения. От них пахло черной магией, и соплеменники Шики не очень-то им верили. Один был одет во все черное, другой — в фиолетовое, третий — в ярко-желтое.

Потом они потребовали, чтобы им продали вуrow, — они собрались отправиться в Кимилон без проводника.

Зози Твистбэк не дала выхода своему гневу и терпеливо объяснила, что чудесные птицы — существа свободные, что они не являются чьей-то собственностью, что летают с их помощью как друзья. Она осторожно намекнула чужестранцам, что тем, кто не выказывает дружелюбия, вуры могут надолго запомниться своими когтями и острыми клювами. Тогда троица возобновила уговоры насчет проводника, но, поскольку их по-прежнему никто не хотел слушать, они вроде бы отказались от своих намерений и покинули селение.

Но не тут-то было. Всем дорожкам было известно, что Шики — самый лучший проводник. Это стало известно и чужестранцам. И вот однажды, вернувшись после осмотра капканов, Шики увидел, что его жилище опустело. Жена и обе маленькие дочери исчезли, и никто не знал, что с ними случилось. Той ночью Шики чуть не сошел с ума от горя. Он накачался ягодной настойкой почти до бес-

чувствия, и вдруг в дверь к нему постучался один из пришедшей троицы. Сказал, что у него есть важное сообщение.

Оказалось, что мерзавцы похитили семью Шики, чтобы заставить его стать их проводником. Они предупредили, что, если Шики скажет хоть слово односельчанам, его жена и дети будут убиты. Если же он доставит незваных гостей в Кимилон и потом вернется с ними, живыми и невредимыми, обратно, его любимая семья будет возвращена в целости и сохранности, а сам он получит в награду мешочек с платиной, стоимость которой равняется его десятилетнему заработку.

— Но если мы не отыщем лечебную траву,— сказал Шики,— риск окажется неоправданным.

В ответ чужестранцы весело расхохотались.

— Никакой травы не существует,— заявил одетый в фиолетовое.— Нас ждет кое-что другое, и дело не терпит отлагательства. Так что собирай-ка команду из самых могучих и выносливых ламмергейеров: четырех для нас и еще десяток — чтобы перевезти кое-какой груз. Мы должны отправиться до рассвета.

Шики оставалось только подчиниться.

Ужасный полет к Вечному Леднику занял семь дней. Только один раз путешественники сделали короткую передышку, опустившись на лед; даже выносливые вурры выдохлись от бурь, терзавших их каждую ночь. Когда наконец достигли края Огня и Льда, вулканы бушевали вовсю: с гор текла раскаленная лава, в багровом небе курился черный дым. Одним словом, местность очень напоминала десятикратно увеличенный ад. Пепел выбеливал землю и покрывал скудную растительность подобием ядовитого снега.

И в этом аду они нашли одинокого мужчину.

Оказалось, тот сам построил себе жилье из обломков застывшей лавы. Возведенный возле огромной скалы дом размером с два сенных амбара был не только добротен, но и красив. Пищей мужчине служили прячущиеся в расщелинах личинки, корешки и ягоды с нескольких кустарников, росших на скудной почве, а также черви и ракушки, которые водились в горячих вулканических ручьях.

Все здесь было отравлено вечно падающим пеплом, так что, когда путешественники впервые увидели мужчину, тот был похож на обтянутый кожей скелет.

Он был высок — в два раза выше Шики. Его густые светлые волосы и борода отросли почти до колен. У него было изможденное морщинистое лицо, в глубоко посаженных бледно-голубых глазах с искорками темного золота светилось безумие. На ногах он носил самодельные сандалии, защищавшие от острых камней, а тело прикрывала грубая, сплетенная из растений залатанная роба, которой вполне хватало, чтобы не замерзнуть: в этой части Кимилона извержения вулканов смягчали стужу, веющую с окружающих плато ледников.

Шики тут же догадался, что истинной целью экспедиции было спасение этого человека, которого звали Портоланусом. Вне всяких сомнений, он был могущественным колдуном. От всей его фигуры веяло той же колдовской силой, что и от Белой Дамы, но в его чарах не чувствовалось доброжелательности. Наоборот, казалось, он с трудом сдерживает ярость, словно все его существо переполняют бушующие страсти. Шики даже почудилось, что он может взорваться с той же разрушительной силой, с какой вырывается из жерла вулкана раскаленная докрасна магма, — если, конечно, даст волю своим чувствам.

Когда экспедиция нашла Портолануса, тот с трудом говорил на человеческом языке. Шики так и не узнал, долго ли он жил отшельником в этом уединенном месте. Шики до сих пор непонятно, каким образом Портоланусу удалось вызвать трех своих спасителей, которые обращались к нему с почтением, граничащим со страхом. Они привезли для него роскошные белоснежные одежды, и после того, как он насытился, помылся, постриг волосы и сбрил бороду, в нем уже нельзя было узнать того беднягу в лохмотьях, который издал торжествующий звериный рык при виде вуров, приземлявшихся возле его жилища.

Кроме съестных припасов и крошечных палаток, в которых путешественники ночевали на льду, приспешники Портолануса еще дома заставили Шики приторочить к

спинам десятка птиц веревки и мешки. Скоро Шики стало ясно, для чего они предназначались. Пока вуры отдыхали, он оставался на улице с одним из мужчин, а двое других вместе с Портоланусом заперлись в каменном доме. Наконец они вышли наружу со множеством туго набитых мешков и погрузили их на птиц. Потом той же опасной дорогой экспедиция отправилась обратно в Тузамен.

Однако летели они не в селение Шики.

Они оказались на морском побережье, около Белой реки, в убогом поселении людей — Мерике, которое считается столицей Тузамена. Там чужестранцы освободились от своей таинственной поклажи, разместив ее в выходящем окнами на море ветхом Замке Тьмы. Там же они рассчитались с Шики, вручив небольшой кошелек с монетами из платины, которых было в десять раз меньше обещанного. Как сказал Портоланус, остальное будет доплачено, когда «его дела поправятся». «Ничего себе», — подумал Шики, но благоразумно придержал язык. Лакеи Портолануса объяснили, где находится тоннель из вулканической лавы, в котором они спрятали семью Шики. Они заверили, что тот найдет свою родню в целости и сохранности.

Вместе с вурами Шики вернулся в горы и освободил жену и детей. Те были голодные, замерзшие, грязные, но им действительно не причинили никакого зла. Белая Дама может себе представить, как счастливы они были, вновь соединившись. Жена очень обрадовалась при виде кошелечка с платиной и сразу же стала строить планы, как лучше потратить деньги. Шики велел ей и детям держать язык за зубами, так как, когда имеешь дело с людьми, особенно с теми, кто знается с черной магией, предосторожность не помешает.

После этого семья около двух лет жила спокойно.

Новости из мира людей медленно доходят до отдаленных горных равнин Дорока. Там долго не знали о том, что Портоланус объявил себя внучатым племянником могущественного волшебника Бондануса, правившего Ту-

заменом сорок лет назад, легко сверг Тринуса, нынешнего немошного правителя, и взял всю власть в свои руки. Говорили, что он и его сторонники прибегли к волшебному оружию, против которого обычное оказалось бессильно; говорили также, что сами они неуязвимы и могут завладеть душами своих врагов, превращая их в беспомощных марионеток...

Шики не встречался с Портоланусом вплоть до наступления зимних дождей. Двадцать дней назад глубокой ночью тот свалился как снег на голову, с шумом ворвавшись в пещеру Шики. Маленькие дочки проснулись и заплакали, да и Шики с женой перепугались до смерти. На этот раз колдун замаскировался, спрятав свою таинственную ауру, так что поначалу Шики узнал его только по глазам. Под его покрытым дорожной пылью плащом скрывалось роскошное королевское облачение. Он располнел, а его голос из хриплого превратился в звонкий и благозвучный.

Колдун заявил:

— Нам нужно опять лететь в Кимилон, приятель. Так что позови трех вуров: двух — для нас и одного — для поклажи.

Шики переполняли негодование и страх, потому что, в отличие от колдуна, проводник знал, что в прошлый раз экспедиция чудом спаслась от гибели, когда летела через ледник. А ведь тогда стояло сухое время года. Совершать подобное путешествие сейчас, когда вовсю бушуют снежные ураганы, было безумием. Шики так и сказал колдуну.

— Не имеет значения, — ответил тот. — У меня хватит сил справиться с бурей. Ты нисколько не пострадаешь, и, кроме того, я оставляю вознаграждение твоей жене, так что мысль об этом будет согревать тебя в пути.

Колдун вытащил вышитый кожаный кошелек, открыл его и высыпал на обеденный стол пригоршню драгоценных камней: засверкали и заискрились рубины, изумруды и редкие желтые алмазы, веселя сердца.

Но Шики все же отказывался. Жена была беременна, одна из дочек болела, а глава семьи, несмотря на уверенность колдуна, все-таки боялся, что не вернется живым.

К сожалению, жена начала пререкаться с мужем, говоря, как много хороших вещей они смогут купить, если продадут драгоценности. Шики пришел в ярость от ее глупости и жадности, и супруги стали кричать друг на друга, а дети тут же захныкали, и все это продолжалось до тех пор, пока Портоланус не рывкнул:

— Довольно!

Внезапно вокруг него возникла та самая пугающая колдовская аура. Он стал выше ростом и принял грозный вид. Супруги отпрянули от него, а он вытащил из чехла, прикрепленного к поясу, темный металлический жезл. Шики не успел понять, что происходит, как колдун дотронулся этой штукой до головы жены, и та упала на пол. Шики закричал, а мерзавец проделал то же самое с бедными дочерьми и направил жезл в сторону отца.

— Дьявол! — закричал Шики. — Ты погубил их!

— Они не умерли, а просто лишились сознания, — пояснил колдун. — Но они не придут в себя до тех пор, пока я снова не коснусь их своей волшебной палочкой. А я этого не сделаю, прежде чем мы не слетаем в Кимилон.

— Этого не будет никогда, — ответил Шики и, собравшись с силами, мысленно позвал своих соплеменников.

В ту ненавистную ночь они сбежались к нему на помощь с мечами и ручными катапультами на изготовку и сгрудились галдящей толпой под скалой, укрывающей вход в пещеру Шики.

Портоланус рассмеялся. Рывком распахнув дверь, он швырнул наружу какой-то небольшой предмет. Последовала яркая вспышка, и громкие голоса умолкли. Колдун вышел на улицу. Друзья Шики, ослепленные и беспомощные, лежали на земле во тьме, пронизанной холодным дождем. Портоланус обходил их одного за другим, касаясь каждого своим волшебным жезлом. Скоро все они замерли в неподвижности.

В проемах пещер стали появляться причитающие, льющие слезы родственники друзей Шики. Высокий колдун повернулся к нему, и на Шики словно ледяным ветром повеяло. Глаза колдуна горели, подобно алмазам в черной обсидиановой оправе.

Когда он заговорил, его голос был очень спокоен:

— Они все умрут — или будут жить. Это зависит от тебя.

— Ты уже убил их всех! — закричал Шики, не владея собой. — Я позову вуров, и они разорвут тебя на куски!

Тогда колдун дотронулся жезлом до самого Шики.

Тот почувствовал себя свечой, которую гасят: его поглотила пустота. Через мгновение пришел в себя — такой вялый, словно только что появился на свет. Он лежал в грязи, и дождь хлестал его по лицу. Волшебная палочка находилась в дюйме от носа Шики, а Портоланус смотрел на него сверху вниз.

— Тупица! — сказал колдун. — Неужели ты до сих пор не понял, что у тебя нет выбора? С помощью магии я лишил тебя сознания, а потом вновь воскресил к жизни. Жезл точно так же оживит и твою семью, и друзей — но только в том случае, если ты послужишь мне!

— В бурю вуры не могут летать на большие расстояния, — пробормотал Шики. — В это время года они не покидают гнезд.

— Я умею успокаивать бури, — ответил Портоланус. — Зови птиц, и в путь!

Шики, потеряв и мужество и надежду, согласился. Женщины и взрослые дети перетаскивали бесчувственные тела односельчан в пещеры, а Портоланус рассказал, как надо ухаживать за этими полутрусами и за семьей Шики, пока улетающие не вернутся.

Когда наконец поднялись в воздух, вуры выстроились в одну линию. Они летели близко друг от друга, а Портоланус восседал на той птице, что была в центре. Каким-то чудесным образом он ослабил страшные порывы ветра, и путешественники летели, словно в тихую погоду. Когда птицы устали, как и в прошлый раз, приземлились на ледниковой шапке и укрылись в палатке, а вуры сгруппировались вокруг. Пока отдыхали, чары колдуна оберегали спящих от ветра и снега, а потом путешественники снова поднялись в воздух. Этот перелет занял всего шесть дней, несмотря на бушующие ураганы. Когда прибыли в

Кимилон, Шики был бодр и свеж, и настроение его улучшилось.

Колдун вынес из своего каменного дома только одну вещь: темный сундук длиной с Шики, шириной и высотой в три ладони. Он был сделан из какого-то прочного материала, напоминающего черное стекло, а на крышке его сияла серебряная звезда со множеством сверкающих лучей. Портоланус страшно развеселился, даже его опасная аура куда-то исчезла. Он открыл сундук и показал, что внутри пусто.

— Простенькая вещица, не так ли? — сказал он. — Но она поможет мне завоевать мир, как и вот эта вещица, спасшая мне жизнь! — Он вынул из роскошной куртки блестящий черный медальон в форме точно такой же звезды. — В южных краях живут могущественные волшебники, которые пожертвуют бессмертием души, чтобы завладеть этими двумя предметами. Короли и королевы с радостью обменивают на них свои короны. Но эти вещи принадлежат мне, и я воспользуюсь ими.

Портоланус расхохотался словно безумный, его аура окутала Шики, как пронизывающий душу туман с Вечного Ледника, и проводник испугался, что умрет на месте от отчаяния и отвращения к себе. Но тут он услышал мысленный голос вура Нанунцио: тот умолял Шики не терять мужества. И Шики вспомнил о своей семье и друзьях.

— Нам нужно лететь, — сказал Нанунцио, — широким фронтом наступает ужасный ураган, он бросит вызов злому колдуну. Необходимо покинуть Кимилон до того, как разразится буря.

Запинаясь, Шики передал слова вура Портоланусу. Тот замысловато выругался и стал быстро увязывать свой драгоценный сундук. Он водрузил его на спину той птицы, на которой летел сам, хотя у путешественников был еще один вур, специально для поклажи. Потом они отправились в путь. Как раз в это время над вулканами начали образовываться снежные облака.

Возвращение было столь жутким, что Шики не хочется вспоминать о нем. Колдун был в состоянии усмирить

порывы ветра, так что путешественники не погибли, перелетая через ледниковые шапки, но он ничего не мог поделаться с чудовищным холодом. На пятый день буря наконец прекратилась. В эту ночь они расположились лагерем на льду под ярко сияющими Тремя Лунами, и Портоланус заснул как убитый, устав от борьбы с ураганом.

Шики осмелился мысленно связаться с родной деревней и спросил о своей семье и о тех, кто был заколдован заклинанием. Старая Зози Твистбэк сообщила ему ужасные новости. Те, кто на первый взгляд казался уснувшими, на второй день явно испустили дух. Признаки смерти были очевидны. Поэтому опечаленный народ возложил их тела на огромный погребальный костер.

Не владея собой, Шики громко застонал. Колдун пробудился. Шики назвал его лжецом и грязным убийцей и выхватил охотничий нож, успокоившись только тогда, когда колдун пригрозил ему волшебным жезлом.

— На людей это действует именно так, как я говорил, — заявил Портоланус. — Да ты и сам очнулся сразу же, ты был без сознания всего минуту. Должно быть, сказанная какой-то побочный эффект. Вы устроены немного иначе, чем люди. Возможно, вы более уязвимы для моей волшебной палочки.

— Возможно! Что значат для тебя все эти убийства? Только повод для разглагольствований?

— Я не хотел убивать твоих соплеменников, — сказал колдун. — Я не бесчувственное чудовище. — Он помолчал, раздумывая, а Шики продолжал в бессильном гневе бранить его. Потом колдун снова заговорил: — Попробую облегчить твои страдания: дам тебе щедрую награду и возьму к себе на службу. Теперь я властелин Тузамена, а скоро стану владыкой мира. Думаю, мне пригодится опытный человек, который будет присматривать за ламмергейерами.

Шики уже готов был в негодовании отказаться, но осмотрительно промолчал. Ничто не сможет воскресить ни жену, ни детей, ни друзей. Так или иначе, но способ отомстить черному злодею найдется, а если сейчас отказаться служить колдуну, тот убьет Шики взмахом руки. Путешественники находились на расстоянии одного дня

полета от края Вечного Ледника, а от деревни Шики их отделял всего час пути.

— Я подумаю над твоим предложением,— проворчал Шики, отворачиваясь.

Потом притворно захрапел, и скоро колдун снова провалился в сон. Но Шики не спал и думал, что же делать дальше. Когда его ослепляли гнев и отчаяние, он бы с удовольствием прикончил мерзавца. Но хладнокровно сделать это Шики не мог. Оставались еще вуры... Но и им Шики не мог приказать напасть на Портолануса. Если совершится убийство, Шики ничем не будет отличаться от колдуна.

Он вылез из палатки, подошел к другу Нанунцио и заговорил с ним, спрашивая совета.

Тот сказал:

— Давным-давно, когда народ Гор попадал в трудное положение, он посылал гонца к Великой Волшебнице, к Белой Даме, которая охраняла и защищала весь Народ.

Шики вспомнил, что когда-то в раннем детстве слышал легенды о ней, но ему всегда казалось, что Белая Дамма живет очень далеко, на самом краю мира, и ничего не сможет сделать для бедных дорожников из Тузамена.

— Мы, вуры, знаем, где она живет,— сказал Нанунцио,— это и в самом деле далеко. Если у меня хватит сил, я отвезу тебя туда, и она восстановит справедливость.

Шики поговорил с двумя другими птицами, попросил их доставить колдуна в то место, где кончается Вечный Ледник, но не дальше, а потом возвращаться в селение. Оставшийся в живых народ может разделить поровну оставленные Портоланусом драгоценные камни и все имущество Шики. Шики высказал вурам и свои пожелания на будущее: они должны навсегда покинуть селение, чтобы никогда больше несчастный проводник, вроде Шики, не смог принести беду своему народу, если Портоланусу вздумается вернуться и заставлять кого-то служить ему. А зачем ему нужен народ, если не будет вуров.

Потом Шики с Нанунцио улетели.

И вот Шики здесь, у Белой Дамы, со своей грустной историей...

Харамис и Магира покинули маленькую спальню и спустились по винтовой лестнице в библиотеку Великой Волшебницы.

— Я уверена, что это не он! — воскликнула Магира. — Он умер! Он превращен в ничто Скипетром Власти!

Лицо Великой Волшебницы затуманилось — у нее не было такой уверенности.

— Ну что ж, посмотрим. Сейчас главное то, что мы узнали: хозяином Тузамена стал колдун, который вполне способен посеять в мире беспорядки... И второе: место, где он находился в заточении, называется Кимилоном. Мне уже встречалось когда-то это название, но не помню, в связи с чем.

Библиотека представляла собой огромный, высотой в три этажа зал, заставленный стеллажами. Она была перестроена по проекту Харамис из прежней, старинной. Именно здесь Белая Дама обычно работала, изучая волшебные книги, историю и сотни наук, что, по ее мнению, должно было помочь ей справиться с делом, которому она себя посвятила. Напротив входа располагался уютный камин, где горел настоящий огонь: глядя на языки пламени, Харамис чувствовала особое вдохновение. Камин был только в библиотеке — все остальные помещения башни отапливались с помощью химических веществ. Пара лесенок, стоящих у стен, позволяли добраться до любой полки. Дневной свет проникал в библиотеку сквозь узкие, змеевидной формы окна, а когда становилось темно, возле окон зажигались волшебные светильники, заливавшие все помещение мягким желтым светом. На широком письменном столе возле камина стоял причудливый старинный канделябр, тоже волшебный: дотронувшись до невидимой точки на его основании, можно было регулировать яркость света.

Остановившись в центре библиотеки, Харамис закрыла глаза и положила руку на свой талисман из белого металла — тоненький жезл, свисающий с цепочки на шее. На конце талисмана был маленький диск, увенчанный

тремя лепестками-крыльпшками. Потом она взмахнула ресницами и поспешно направилась к одной из стремянок, чтобы достать с полки нужную книгу.

— Здесь! Вот она! Одна из тех книг, которые я нашла в развалинах Нота, где так долго жила Великая Волшебница Бина.

Харамис вернулась к письменному столу, положила пыльный фолиант и прикоснулась к нему тремя лепестками. Книга раскрылась, высветились нужные слова. Харамис прочитала вслух:

— «Считать непреложным законом, действующим среди народов Гор, Топей, Лесов и Моря, что любая вещь Исчезнувших, найденная в руинах, должна быть показана старшему в этой местности, затем изучена досконально с целью выяснения, может ли она причинить вред или нет, легко ли поддается контролю или в ней заключена могучая колдовская сила. Любому народу запрещается пользоваться такими вещами или торговать ими. Они должны быть сосредоточены в безопасном месте. Раз в году их нужно передавать Великой Волшебнице, которая может хранить их в Недосягаемом Кимилоне или в другом, таком же уединенном месте, выбранном по ее усмотрению...»

— Сейчас мы храним эти опасные вещицы здесь, на горе Бром,— сказала Магира,— в Пещере Черного Льда.

Харамис кивнула:

— А я-то считала, что Кимилон находится в башне, которая принадлежала старой Великой Волшебнице и исчезла после ее смерти. Значит, наш приятель Шики прав: тот затерянный во льдах Кимилон и есть хранилище Великой Волшебницы Бины... а может быть, другой Великой Волшебницы, жившей до нее.

Харамис, нахмурившись, смотрела в открытую книгу, легонько касаясь ее талисманом. Она совсем забыла о канделябре, и с него упала капля застывшего воска в виде цветка с тремя маленькими лепестками. Книга засветилась изнутри, но магический жезл не сработал и не оказал дальнейшей помощи.

— Если мужчина, найденный там, — тот, о ком мы думаем, значит, в Недосягаемый Кимилон он был отправлен Скипетром Власти. Отправлен после того, как мы трое просили его разрешить наши споры и судить этого мужчину.

— Но почему? — вскричала Магира. — Почему Скипетр сделал это вместо того, чтобы уничтожить его? Разве тот суд не был актом восстановления миропорядка?

Харамис неотрывно смотрела на мерцающий восковой цветок. Потом заговорила как бы сама с собой:

— В его распоряжении было много лет для изучения этих волшебных древних вещей. А потом вышло так, что он смог воспользоваться полученными знаниями и спастись. Он завладел Тузаменом с помощью чудесных машин Исчезнувших.

Теперь лицо Магиры выражало неподдельный испуг.

— Но почему Скипетр позволил свершиться такому злу?

Харамис покачала головой:

— Не знаю. Если он в самом деле жив, значит, призван сыграть какую-то роль в восстановлении великого равновесия мира. Нам казалось, что оно уже достигнуто, но последние события показывают, что мы ошиблись.

— А по-моему, именно он — причина всех недавних беспокойств, — настаивала Магира. — Именно его слуги, черные маги, могли подстрекать людей к изменению существующих границ, сеять волнения среди народа Лесов, даже внести раздор между королевой Анигелью и Дамой Священных Очей...

Харамис устало махнула рукой:

— Милая моя Магира, пожалуйста, оставь меня в покое. Я должна подумать, помолиться и решить, что делать дальше. Позаботься о нашем госте. Когда он окрепнет, мы поговорим с ним еще раз. А теперь иди.

Магира подчинилась.

Оставшись в одиночестве, Харамис невидящим взглядом уставилась в окошко библиотеки, по которому струились ручейки дождя. Она вспоминала не только то зло, с которым ей пришлось столкнуться двенадцать лет на-

зад, но и черты знакомого лица, которые она так старалась выбросить из памяти и снов. Ей удалось забыть его, поскольку она не сомневалась, что он умер; она забыла и тревогу, посеянную им в ее душе, и странное чувство, ошибочно принимаемое ею за любовь...

Нет.

Не надо обманывать себя. Ведь ей хотелось верить тем байкам, которые он рассказывал, — будто он никогда не подбивал лаборнокского короля Волтрика вторгнуться в Рувенду, будто не имел никакого отношения к убийству ее родителей — законных короля и королевы Рувенды, будто не собирался покушаться на ее жизнь и жизнь ее сестер. Она верила ему, потому что любила. А когда ложь стала очевидной, когда она раскрыла его план завоевания мира, когда он попросил ее разделить с ним эту преступную власть, она испугалась и стала презирать его. Она отвергла и его чудовищный план, и его самого.

Но она никогда не ненавидела его.

Она не могла его возненавидеть, потому что в глубине души продолжала любить.

А теперь, когда он оказался жив, ее охватил самый настоящий ужас — не только из-за того, что он способен свергнуть в хаос весь мир, но и из-за того, что он может посеять смятение в ее душе...

— Орогастус, — прошептала она, чувствуя, как сердце переворачивается в груди лишь оттого, что губы осмелились произнести его имя. — Молю Бога, чтобы ты был мертв. И не просто мертв, а заключен в самый глубокий из десяти адов!

И, продолжая проклинять его, она залилась слезами, вспоминая, как проклинала его раньше, как умоляла небеса прервать его жизнь.

Прошло немало времени, прежде чем ей удалось взять себя в руки. Она села напротив огня и опять сосредоточила внимание на талисмানে, взявшись за жезл таким образом, чтобы можно было смотреть в диск, как в серебряное зеркальце.

— Покажи мне, кто или что представляет наибольшую опасность для миропорядка, — твердо приказала она.

Диск стал наполняться дрожащим туманом. Сначала цвета были расплывчатыми, похожими на перламутр морских раковин, потом стали ярче: в центре диска образовалось розовое пятнышко, превратившееся затем в красное, малиновое и, наконец, ярко-бордовое. Потом этот яркий огонек разделился на три части, и картина прояснилась. Она отчетливо увидела цветок с тремя лепестками — Кровавый Триллиум; подобные цветы никогда не росли на земле, освещаемой Тремя Лунами. Образ высвечивался всего одно мгновение, после чего диск померк.

Харамис похолодела.

— Мы трое? — прошептала она. — Мы более опасны, чем он? Как понимать то, что ты показал мне?

Серебряный диск отражал отблески огня, пылающего в камине, а капелька воска в форме Черного Триллиума опять слабо замерцала. Талисман ответил:

Вопрос неуместен.

— Нет, нет! — воскликнула Харамис. — Ты не обманешь меня, как обманывал уже много раз в прошлом! Я приказываю тебе сказать, от кого исходит угроза миру — от нас или от Орогастуса?

Вопрос неуместен.

— Черт тебя побери! Говори же!

Вопрос неуместен.

В оконные рамы застучал град, снаружи бушевала буря, а в камине с оглушительным треском лопнуло горящее полено: во все стороны с шипением посыпались искры. Трехкрылый Диск не выказывал признаков жизни; казалось, он издевается над ней, напоминая, что она слишком мало знает о принципе его действия, несмотря на упорное обучение.

Харамис почувствовала, как задрожали руки: то ли от гнева, то ли от страха. Постаравшись унять дрожь, она снова обратилась к талисману:

— Покажи мне хотя бы, жив Орогастус или нет.

Серебряный диск опять подернулся перламутровым туманом, поплыли, сменяя друг друга, неясные разноцветные разводы, пытаясь сложиться в картинку. Но че-

ловеческое лицо так и не сформировалось. А еще через минуту Тридистник померк.

Ну вот!.. Этого и следовало ожидать. Если он жив, то конечно же своими чарами защитил себя от чужих глаз. Правда, есть еще один способ увидеть его... но сначала — последний вопрос талисману:

— Скажи, что за предмет взял из Кимилона Портоланус во время второго путешествия с дороком Шики?

На этот раз картинка получилась отчетливая: возникло изображение сундука, соответствующего описанию Шики. Сундук был открыт, на дне виднелись сделанные из металла ячейки, а в одном из углов — квадратное углубление, в котором было сложено несколько драгоценных камней. Харамис с удивлением разглядывала сундук. Вдруг талисман подал голос:

Сундук этот разрывает узы и создает новые.

— Разрывает узы? Какие узы?

Такие, какие связывают меня с тобой.

— О, Триединый Бог! Неужели ты хочешь сказать, что он может отнять три талисмана Скипетра Власти у меня и моих сестер и передать всю власть Портоланусу?

Да. Для этого надо всего лишь поместить талисманы в сундук и по очереди коснуться пальцем этих драгоценных камней.

Охваченная страхом, с невыразимой тяжестью на сердце Харамис отправилась к себе в комнату за мехами и теплой одеждой — она должна была подготовиться к посещению Пещеры Черного Льда. Перед тем как навеститься туда, Орогастус всегда надевал особые одежды и для нее приготовил такие же, считая ритуал переодевания обязательным, чтобы задобрить своих мрачных богов. А ведь это было совсем не нужно. Он так и не понял, откуда черпается могущество, ошибочно принимая древние науки за колдовство, верил только в магию. Пренебрегал уроками своего гениального учителя Бондануса.

— Клянусь Цветком, я так счастлива, что он ничему у него не научился, — сказала себе самой Харамис. — Если бы он овладел истинной магией, он бы нас одолел.

Закутавшись в теплые одежды, она спустилась на нижний этаж башни, к длинному тоннелю, который вел в глубокое подземелье у подножия горы Бром. Прорубленный в скалистой породе ход освещался теми же волшебными светильниками, что и большинство помещений самой башни: они давали свет, но не грели. Укутавшись в меха поплотнее, Харамис поспешно пошла по тоннелю. Из рта вырывались облачка пара. Долгие годы она не приходила сюда, чтобы не нарушать своего покоя. И вовсе не потому, что здесь царила атмосфера черной магии, а из-за того, что тоннель будил воспоминания *о нем*.

Харамис открыла массивную, покрытую инеем дверь в конце тоннеля и вошла в огромную пещеру с гранитными стенами, толщу которых прорезали отложения кварца. Пол был выложен прозрачными плитами, такими же черными и прочными, как лед, проникший сквозь трещины в стенах и потолке пещеры. По всему периметру помещения располагались ниши, заполненные причудливыми до нелепости штуковинами. Двери из черного обсидиана вели в другие комнаты, заваленные такими же странными предметами. Орогастус рассказывал ей, что в пещере хранятся чудодейственные приспособления, спасающие его от Сил Тьмы. Но Харамис подозревала, что все эти вещи были машинами Исчезнувших: кое-какие он нашел здесь, другие выменял у Народа. Он построил здесь свою башню для того, чтобы волшебные предметы всегда были под рукой и чтобы охранять Пещеру Черного Льда. Когда он умер, Харамис поселилась в башне сама, но никогда не пользовалась содержимым хранилища, хотя и пополняла его запасы загадочными предметами, найденными народом Топей в развалинах.

Немалую часть таинственных механизмов, спрятанных в Пещере Черного Льда, составляло оружие.

Харамис отворила одну из обсидиановых дверей и вошла в небольшую комнату, стена которой была покрыта толстым слоем инея. Посередине комнаты стояло подобие зеркала серого цвета — древняя машина, обладавшая способностью показывать местонахождение любого существа, живущего в этом мире. Машина почти не работала.

В последний раз, когда Харамис пыталась с ее помощью определить, где находится Тио-Ко-Фра, колдунья из Гли-смака, машина слабо замигала, а потом, пробормотав что-то о страшной усталости, отключилась. Однако после того она долгие годы наслаждалась отдыхом и покоем, и сейчас у Харамис теплилась надежда, что машина набралась сил. Но надо очень точно задать вопрос, потому что первый вопрос может оказаться и последним.

Харамис встала лицом к зеркалу, глубоко вздохнула и произнесла громким голосом:

— Отвечай на мой вопрос!

В зеркале отражалась только ее собственная фигура, поэтому она повторила свои слова более энергично.

И машина проснулась. Отражение Харамис затуманилось, и она слышала слабый шепот:

— Отвечаю. Пожалуйста, спрашивай.

Белая Дама постаралась говорить тем же неестественно высоким тоном, что и раньше, используя короткие фразы: именно такой речи учил ее Орогастус, когда раскрывал самые сокровенные секреты, стремясь завоевать ее любовь.

— Покажи мне одного человека. Покажи на карте, где он находится.

Медленно — очень медленно — зеркало засветилось. И прошелестело:

— Вопрос понят. Назови имя.

Харамис представила его облик, удивившись, как быстро он воскрес в ее воображении — одухотворенное прекрасное лицо, обрамленное длинными серебристыми волосами.

Но сейчас она не осмеливалась назвать его настоящее имя. Кем бы ни оказался этот возникший ниоткуда колдун, ей необходимо установить его личность и узнать, кто же ее злейший враг.

— Портоланус из Тузамена, — сказала она.

— Начинаю поиск, — ответило зеркало таким слабым голосом, будто умирало.

Его поверхность превратилась в калейдоскоп тусклых разноцветных разводов — почти такой же, который де-

монстрировал недавно ее талисман. Свистящим шепотом машина понесла какую-то тарабаршину, которую невозможно было понять. Харамис чуть не закричала от гнева, но все-таки сдержалась: она знала, что любое слово будет воспринято древней машиной как команда и вызовет нежелательный эффект. Кроме того, она может просто-напросто отключиться.

Скачущая мешанина разноцветных полос и пятен успокоилась, появилось смутное, едва различимое изображение карты моря неподалеку от островов Энджи. Где-то на материке мигал крошечный яркий огонек. Харамис почувствовала головокружение. Сердце забилося в груди, как пойманная птица, рвущаяся из клетки на волю.

Сначала машина покажет местонахождение человека. Потом она изобразит лицо.

Карта исчезла. Стал формироваться новый образ, еще более расплывчатый. Лицо явно принадлежало мужчине, но его черты были так размыты и бесформенны, что оно могло быть лицом любого. Харамис охватило страшное разочарование, а потом она стала проклинать себя за глупость.

Картинка растаяла. Зеркало произнесло еще несколько неразборчивых звуков, и свет внутри него померк. С ужасающей ясностью Харамис поняла, что машина больше никогда не заработает. Она выбежала из комнаты и захлопнула дверь, дрожа от противного холода и душевного напряжения, которое ей так и не удалось победить.

Портоланус в море, это несомненно. Он вместе с людьми из Тузамена плывет туда, где скоро будут и обе ее сестры. В его власти находится один из народов. У него есть доступ к сокровищам Исчезнувших, которые, возможно, представляют большую опасность для мира, чем те, что спрятаны в этой пещере. А кроме того, у него — тот сундук со звездой, который может передать ему волшебную силу всех трех талисманов, если злодею удастся отнять их у хозяек. Возможно, Портоланус — всего лишь начинающий волшебник, который каким-то образом узнал, где находятся тайники Великой Волшебницы. Если это так,

он Харамис не страшен и она спокойно справится с ним. Но если колдун — Орогастус, ее задача существенно усложняется, и не только из-за того, что оказываются затронутыми ее чувства.

Она напомнила себе, что он очутился в Недосягаемом Кимилоне по воле самого Скипетра Власти. Значит, для этого была какая-то веская причина. Вполне возможно, что, проведя в одинокой ссылке во льдах целых двенадцать лет, Орогастус все-таки овладел тайнами истинной магии.

А ей это еще предстоит сделать.

Глава 3

На организацию встречи Кадии с вождем альянсов ушло много месяцев. Хорошо, что она посоветовалась с Учительницей в Краю Знаний, прежде чем выработать стратегию, которой собиралась следовать. Народ Моря непохож на жителей Рувенды, привыкших подчиняться законам Белой Дамы и признающих в Кадии повелительницу. В Альянсе, расположенной у Южного моря, Великая Волшебница была полузабыта, а Дама Священных Очей и вовсе незнакома — с какой стати они будут доверять ей?

Сейчас Кадия восседала в громадной хижине на Консульском острове напротив собравшегося на совет народа Моря, радуясь легкому ветерку, проникавшему сквозь сплетенные из травы стены жилища. Ее талисман, называемый Трехвеки́м Горящим Глазом, увитый в знак миролюбивых намерений цветами и виноградной лозой, лежал на циновке перед ней рядом с украшенным растениями мечом великого вождя Альянсы.

За спиной Кадии сидели ниссом Джеган и шестнадцать воинов вайвило — ее бессменная стража. Они заседали в хижине почти три часа без передышки. Но пока Хор-Шисса и тридцать его вождей выказывали желание продолжать беседу, в интересах Кадии было отнестись к ним со всем вниманием. Она уже много раз подробно объясняла свои предложения. Дама Священных Очей, Ве-

ликая Защитница народа Полуострова в его взаимоотношениях с человечеством, она явилась сюда, чтобы помочь Алиансе в разрешении ее длительного конфликта с королевством Зинора.

Она пришла, чтобы помирить их.

В мертвой тишине народ Моря выслушал ее. Потом Хор-Шисса жестами повелел своим малым вождям изложить все обиды, нанесенные им людьми Зиноры, и, один за другим, они рассказали о совершенных против народа преступлениях торговцев из этого королевства. Кадью поразило, насколько их рассказы противоречат истории велеречивого зинорского короля Вондримеля, который относился к ее желанию вмешаться крайне легкомысленно. Ей стало ясно, что конфликт гораздо серьезнее, чем она предполагала.

Сейчас гневную речь произносила женщина-вождь с одного из мелких островов. Она дала волю своей ярости: ее огромные желтые глаза с вертикальными зрачками бесшумно вращались на коротких, выдающихся из черепа отростках, клыки были оскалены. Она приехала из бедного края, о чем свидетельствовали одежда и украшения: сплетенная из травы набедренная повязка и две нити необработанного жемчуга. Бугры на спине и верхние конечности не были покрыты краской, а с пояса свисал в качестве оружия грубый каменный топорик, украшенный морскими ракушками.

— Ты говоришь, что мы должны помириться с людьми Зиноры! — Взмахом перепончатой руки женщина-вождь обвела группу сидящих на корточках местных вождей. — Мы, гордые алиансы, которые жили свободными на этих островах с тех времен, когда Большая Земля еще была скована льдами? Почему мы должны слушать тебя? Зинорианцы приезжают на наши острова и, торгуя, вечно обманывают. А когда мы отказываемся продавать жемчуг и благовонное масло, они воруют! Они жгут наши деревни! Они даже убивают нас! Они убили моего сына! Ты слышала, Дама Священных Очей, что говорили другие вожди о том зле, которое нам причинили? Мы не хотим больше иметь дела с зинорианцами! Мы не нуждаемся в

торговле с ними! Мы будем торговать с народами Оками-са и Имлита, что живут за Мелким морем. Передай люттому королю Зиноры, что нам наплевать на него! Мы знаем, что он осмеливается заявлять, будто эти острова являются частью его владений, но он всего лишь враль и дурак. Виндлорские острова принадлежат народу Моря, который живет на них, а не хвастливому человеку, живущему в красивом дворце на Большой Земле!

Собравшиеся альянсы одобрительно загудели.

— Если торговцы опять появятся, — продолжала женщина-вождь, — я расскажу тебе, что мы с ними сделаем! Наши воины в каноэ спрячутся среди рифов, и, когда корабли приплывут, чтобы ограбить нас, мы пробьем их днища и потопим без предупреждения. А когда море выбросит на берег трупы зинорианцев, мы сдерем с них кожу для своих барабанов. На вершинах морских скал мы сложим пирамиды из их черепов, и гриссы будут вить в них гнезда! Мясом зинорианцев будут питаться рыбы, а их разрушенные корабли станут добычей морского чудовища Хельдо!

Она скрестила чешуйчатые руки и села на место, а другие вожди, соглашаясь с ней, издали громкий вопль.

Наконец поднялся сам великий вождь Хор-Шисса. Он был на голову выше рослого человека, хотя и не такой высокий, как вайвило. Его приплюснутое, бугристое, раскрашенное золотой краской лицо со сверкающими клыками было великолепно. От одного взгляда на его физиономию остановилось бы сердце самого жестокого рэктамского пирата. На нем была юбочка из отличного голубого шелка, сотканного в Варе, а стальной панцирь с унизанной драгоценными камнями перевязью мог быть выкован только королевским кузнецом Зиноры. Он был молчалив и суров и предпочитал, чтобы о нанесенных народу Моря оскорблениях высказывались подчиненные ему вожди. Теперь, когда они кончили говорить, он обратился к Кадии басовитым лающим голосом:

— Лелемар из Ворина выразила наши общие чувства, Лама Священных Очей. Мы выслушали тебя, а ты выслушала нас. Ты сказала, что являешься защитницей наро-

да, что ты — один из Лепестков Животворящего Триллиума, кровная сестра Белой Дамы. Ты показала нам свой волшебный талисман, называемый Трехвеким Горящим Глазом. Мы знаем, что некоторые народы, живущие на материке, — ниссоны, уйзгу, вайвило и глismaки — называют тебя повелительницей и следуют твоим советам. Ты просишь нас поступать, как они. Но ты в то же время кровная сестра и королевы Анители из Рувенды, которая вместе со своим царственным супругом, королем Антаром, жестоко расправляется с народами, отказывающимися подчиняться ей. А кроме того, ты человек...

Вожди народа Моря закивали, забормотали, заворчали, Хор-Шисса продолжил свою речь:

— Ты настаиваешь, чтобы мы помирились с Зинорой. Ты говоришь, что нас гораздо меньше, чем людей в этой стране, что мы не так искусны в ведении войны, что наши женщины и дети будут страдать, если мы станем воевать с зинорианцами, что для нас лучшим выходом является компромисс... Но разве глismaки, некогда гордые существа, не отказались от своего пути, подчинившись воле трех сестер? И разве потом они не страдали, насильно согнанные на дорожные работы в болота Рувенды, вместо того чтобы привольно жить в Тассалейском лесу? И разве к ним не относятся как к низшей расе? И к ним, и к ниссонам, и к уйзгу, и к вайвило? Разве они не исполняют все прихоти людей, живущих среди них?

И снова собравшиеся вожди закивали и закричали, выражая ярость и негодование.

Хор-Шисса утихомирил собрание.

— Говорю тебе, Дама Священных Очей, альянсы не помирятся с Зинорой, и мы никогда не подчинимся воле человеческого существа! Мы свободны и останемся свободными!

Эти слова были встречены бурей восторга. Наконец Кадия встала, и все успокоилось. Уже смеркалось, и в хижине стало темно. Свет распространялся только от мерцающего янтарного цветка, вправленного в ручку ее талисмана, и от огромных блестящих глаз аборигенов —

глаз враждебно настроенного народа Моря и преданных ей вайвило.

— Сначала мне хотелось бы разуверить вас насчет глисмаков, — сказала Кадия. — Если вам покажется недостаточно моих слов, вы можете поговорить с Лумому-Ко, вождем вайвило, который оказал мне честь, сопровождая в этой поездке. В прошлом глисмаки жили грабежом, нападая на вайвило, своих соседей. Когда они отказались от несправедливой жизни, им пришлось искать другие средства существования. Некоторые глисмаки стали лесниками, как вайвило, другие согласились строить Королевскую Гать в болотах Рувенды — великую дорогу, которую финансирует моя сестра, королева Анигель. Плата, предложенная ею, была более чем справедлива. Тысячи глисмаков во время сухого сезона отправились на север на дорожные работы. Но в этом году некоторые из них стали угрюмы и недоброжелательны. Они потребовали вдвое увеличить оплату. У них были и другие требования, которые люди никак не могли исполнить. Они взбунтовались и стали убивать людей, а люди убивали их. Потом глисмаки возвратились в лес. И теперь самые чванливые и жадные мешают тем, кто хочет работать, вернуться на строительство дороги. Это печальная история, но я пытаюсь найти выход. Я стараюсь также покончить с несправедливостью и неравенством, которые все еще существуют между населяющими Полуостров народами и человечеством. Я бы с удовольствием прекратила ваши распри с Зинорой. Мой талисман, Трехвекий Горящий Глаз, часть великого Скипетра Власти, является гарантией того, что справедливость будет восстановлена.

Вождь неодобрительно заворчал. Его собратья зафыркали и загудели. Кадия, казалось, не заметила этого. Она сидела, спокойная и горделивая, в окружении маленькой группы народа с материка, не сводя глаз со своего талисмана. Он казался всего лишь мечом темного цвета с тупыми концами, как и сама Кадия казалась обыкновенной женщиной — невысокой, хрупкой, с ярко-рыжими волосами, одетой в расшитую золотом тунику, украшенную трилистниками с изображенными в центре глазами.

Алиансы слышали сказки о том, что рукоятка ее талисмана увенчана такими же волшебными глазами, которые могут невидимым огнем убивать врагов Дамы. Та же участь уготована всякому, кто дотронется до талисмана без ее разрешения.

Поэтому вождь утихомирил народ, ведущий себя непочтительно, и благоразумно воздержался от выражения презрения к этой худосочной колдунье из мира людей. Надо же, она хочет стать защитницей алиансов! Кто просил ее вмешиваться в их дела? Несомненно, это козни короля Зиноры, человека, ее приятеля! Она не была другом народа Моря. Она никогда не снисходила до визита в их края, пока молодой король Вондримель не посягнул на Виндлорские острова. Кадия обещала помочь алиансам, и великий вождь согласился на эту встречу — но теперь стало ясно, что, говоря о помощи, она имела в виду капитуляцию.

На самом деле эта Дама Священных Очей — всего лишь опасная помеха. Но обращаться с ней надо осторожно, иначе она применит силу. Если бы не волшебный талисман, она была бы безвредной... А сам по себе талисман...

Сейчас великий вождь должен ответить ей, и, чтобы быть достойным гордых алиансов, он должен сказать правду.

— Дама Священных Очей, — с суровой учтивостью в голосе заговорил Хор-Шисса, — мы благодарны тебе за заботу о народе Моря. Если ты искренне хочешь помочь, передай королю Вондримелю, чтобы он перестал досаждать нам. Скажи ему, что мы возражаем против его посягательств на Виндлорские острова, что, пока в небесах светят Три Луны, мы не будем торговать с ним. Предупреди, что моряков из Зиноры ждет смерть, если они осмелятся приблизиться к рифам, отмелям и косякам рыб, обитающим в наших краях. Скажи ему все это и постарайся внушить, что мы не шутим. Если у тебя получится, тогда ты и будешь настоящим другом алиансов. Мне больше нечего добавить. — Он поднял свой меч, освободил его от цветочных гирлянд и, не тая угрозы, резко вложил в ножны. — На улице мои люди готовят для те-

бя и твоей свиты прощальный пир. Когда взойдет Третья Луна, приходи на трапезу. Мы почтительно просим тебя до восхода солнца покинуть острова и поспешить в Зинору.

Только стиснутые кулаки выдавали чувства Кадии. Она взяла талисман и жестом приказала своей свите подниматься. Они поклонились собранию народа Моря и покинули хижину.

Когда они дошли до морского берега и удалились настолько, что народ Моря не мог их услышать,— Кадия сказала:

— Друзья, я провалила миссию. Я говорила недостаточно убедительно. Возможно, я только ухудшила дело. Хор-Шисса был предельно откровенен, он отверг меня и мои предложения.

— Попросят нас уехать до восхода солнца...— Лумому-Ко покачал головой, вспоминая недвусмысленный приказ великого вождя.— Для вайвило это смертельное оскорбление, как, мне кажется, и для народа Моря, наших братьев.

Кадия вздохнула — она была в отчаянии.

— Не надо так расстраиваться, Пророчица,— сказал маленький старый ниссом Джеган. Он был другом детства Кадии и ее ближайшим советником.— Народ Моря и Зинора враждуют очень давно. Ты не должна винить себя за то, что не удалось разрешить их конфликт с первой попытки.

— Если бы я могла принести им весть об уступке короля Зиноры! — горько сказала Кадия.— Но Вондримель упрям, словно мул, он думает только о том, как бы произвести впечатление храбреца на других правителей, которые приедут на его коронацию.

— Ты очень старалась уговорить его,— настаивал Джеган.— Придет время, и король, может быть, прислушается к тебе, если альянсы будут непреклонны в своем нежелании возобновить торговлю. Он молод и должен быть восприимчив к мудрым советам. Напитки и драгоценные кораллы Виндлорских островов недешево стоят в Зино-

ре, а жемчуг является важной статьей в торговле зинорианцев с другими странами.

Охранники Кадии, воины вайвило, отправились немного отдохнуть перед пиршеством, а она, маленький Джеган и Лумому-Ко сели рядышком на песке и стали смотреть на море. Прилив заканчивался, и вода, окружающая остров, была похожа на зеркало из темного металла, в котором отражались только что появившиеся на небе половинки лун. Тут и там на горизонте под сияющими звездами поднимались из моря другие крошечные островки, виднелись черные силуэты рифов и скалистых арок. В миле от берега, среди рифов, стоял на якоре ярко освещенный вавонианский корабль, который доставил сюда посольство Кадии. Экипаж состоял из людей, и ему запрещено было высаживаться на берег.

— Мы вернемся в Зинору и исполним пожелание Хор-Шиссы? — спросил Лумому-Ко.

Внешне он очень походил на алиансов, был так же высок и крепок, и лицо его меньше напоминало человеческое, чем лица обитателей болот и гор. Его роскошные одежды были сшиты по последней моде рувендийской знати — вайвило отличались не только честностью и храбростью, но и тщеславием.

— Я не вижу от нашего возвращения в Зинору никакой пользы, старина, — сказала Кадия. — Когда мы доберемся до Талоазина, коронационные торжества будут в самом разгаре, а мне вовсе не хочется демонстрировать свое поражение перед королевскими фамилиями. Нет, лучше я пошлю Вондримелю письмо. А поговорить с ним с глазу на глаз я могу и попозже — когда моя неудача не нанесет урона престижу Анигели.

— Но почему ты говоришь о каком-то уроне, Пророчица? — Джеган казался удивленным. — Ведь между обидками алиансов и отдаленной Рувендой нет ни малейшей связи.

Кадия невесело рассмеялась. Она постукивала по трем черным векам рукоятки талисмана, и Трилистник отвечал ей слабым мерцанием. Потом свет стал пульсирующим.

— Этот юный зинорианский король — человек с большими амбициями. Он получит огромное удовольствие, насмехаясь надо мной в присутствии других правителей, и не упустит возможности напомнить, что мне не удалось усмирить народ, конфликтующий с Рувендой. Он будет вещать о своих грандиозных планах покорения алиансов, прозрачно намекая, что королева Анигель и король Антар не проявляют надлежащей твердости в отношениях со своими подданными. Король Вондримель вступит в сговор с властолюбивой королевой-регентшей из Рэктама и сделает так, что моя сестра и ее супруг будут выглядеть неумелыми правителями, а я — бессильной.

Вождь вайвило сказал:

— И все-таки не могу понять, какой от этого вред твоей сестре.

— Королева Ганондри из Рэктама хотела бы расширить свое королевство за счет Лабровенды, — объяснила Кадия. — Если кое-какие влиятельные люди из Лаборнока увидят слабость Анигели и Антара, она сможет лишить этих монархов трона. Ведь союз между Рувендой и Лаборноком очень хрупок, он держится на одном только благоговении людей перед Тремя Лепестками Животворящего Триллиума. Два Лепестка окажутся бессильными, третья сестра живет далеко в горах и поглощена изучением оккультных наук. Нас перестанут бояться, и союз королевств распадется.

— А разве королева Анигель и ты сама не можете привести непокорных в чувство с помощью ваших волшебных талисманов? — спросил вождь вайвило.

— Нет, — ответила Кадия. — Я не в состоянии даже примирить короля Вондримеля с алиансами. Талисман не всесилен.

Огромные глаза Лумому-Ко округлились.

— О, людская политика! Кто ее поймет? Никакого дела — одни слова, одна видимость. На поверхности — поступки, которые кажутся ясными и недвусмысленными, а истинные мотивы глубоко упрятаны. Люди никогда не бывают довольны жизнью, они всегда обманывают друг друга и стремятся захватить побольше власти... Почему

люди не могут действовать открыто, без лицемерия, как честный народ?

— Тот же самый вопрос я часто задавала самой себе! — вздохнула Кадия. — Но как ответить на него, не знаю. — Она встала и стряхнула с платья песок. — Друзья, а сейчас оставьте меня одну. Когда взойдет последняя из Трех Лун, мы вместе пойдем на трапезу. — Она повернула к ним ту сторону своего меча, на которой пульсировал янтарный Трилистник. — Видите, талисман подает сигналы: одна из моих сестер хочет поговорить со мной через тысячи лиг.

Джеган и Лумому-Ко собрались уходить, но вождь вайвило сказал:

— Мы будем поблизости, мы не спустим с тебя глаз. Мне очень не понравилось настроение альянсов во время совета.

— Они не осмелятся напасть на меня! — Кадия взялась за рукоятку талисмана и гневно выпрямилась.

Лумому-Ко опустил голову:

— Конечно нет. Прости меня, Дама Священных Очей.

Они с Джеганом пошли вдоль берега. Высокий вождь вайвило замедлил шаг, принаравливаясь к маленькому охотнику. В пятидесяти элсах от Кадии, возле высокой скалы, они остановились и повернулись к ней лицом.

— Смешно, — пробормотала она, потом подняла вверх Трехвекий Горящий Глаз и тихо спросила: — Кто вызывает?

Одно из черных век на рукоятке мигнуло и распахнулось, открывая карий глаз — такого же цвета, как глаза Кадии. И тут же в ее воображении возникло лицо Харамис.

— Ради Цветка, сколько можно ждть, Кадия? Почему ты сразу не отвечаешь? Я испугалась, что с тобою случилось несчастье на этих ужасных Виндлорских островах!

— Со мной-то все в порядке, а вот моя миссия завершилась полным провалом. — И Кадия кратко поведала о том, что произошло на совете. — Я не вернусь в Зинору. Мое присутствие только осложнит и без того тяжелое положение Ани и Антара. Сомневаюсь, что даже я смогу

быть с ними миролюбива. Мы зашли в тупик в делах с народами Топей и Лесов, меня бесит, что король и королева не могут справиться с взбунтовавшимися глисмаками. Ведь они знают, что глисмаки недостаточно цивилизованны. Если бы руководители дорожных работ вели себя более тактично, не было бы такой вспышки недовольства.

Харамис отмахнулась:

— Об этих вещах мы поговорим в другое время. У меня есть более важные новости. Но сначала скажи мне, сестра, только хорошенько подумай, прежде чем ответить: не получала ли ты в последнее время через талисман или каким-либо иным путем вестей о попытках нарушить равновесие мира?

— Определенно нет, — сухо ответила Кадия. — Подобные вопросы я оставляю тебе, Великая Волшебница. До этой минуты меня заботили смуты среди альянсов и глисмаков, и у меня не оставалось времени ни на что другое. Мне нанесли поражение, и теперь я возвращаюсь в Вар через Гиблые Топи вдоль великой реки Мутар и, проезжая земли глисмаков, попытаюсь утихомирить их. Потом я опять поеду в Край Знаний посоветоваться с Учительницей.

— Да. Конечно, ты должна поступить именно так. Но я неспроста спрашивала о мировом равновесии, Кадия... Я получила известия, которые заставляют меня заподозрить, что Орогастус все еще жив.

— Что? Это невозможно! Ведь двенадцать лет назад, когда мы одержали победу над Королем Волтриком, Скипетр Власти развеял его в прах!

— Мы верили в это. Но недавно с риском для жизни ко мне из далекого Тузамена приехал маленький человечек по имени Шики и рассказал странную историю. Его принудили силой отвезти на ламмергейерах группу людей в одно место, расположенное почти в центре Вечно-го Ледника. Там они нашли волшебника, который долгие годы жил отшельником. Этот волшебник называет себя Портоланусом, именно он захватил трон в Тузамене.

— Так вот он кто! — презрительно рассмеялась Кадия. — Я слышала об этом Портоланусе из Тузамена. Он жаткий выскочка, имеющий смутные представления о магии. Триединый Бог знает, что для захвата власти в таком гадюшнике, как Тузамен, не требуется особого искусства. Твой талисман подтвердил, что господин волшебник и есть тот самый Орогастус?

— Нет, — призналась Харамис. — Он не только не сказал мне, жив Орогастус или мертв, но даже не показал изображения этого самого Портолануса. Раньше талисман никогда не вел себя так отвратительно. Но даже если Портоланус и Орогастус — не одно и то же лицо, этот человек все равно представляет угрозу для нас и нашего народа.

В душе Кадии возникло чувство, которого она давно не испытывала: словно увидела чудовишного скритека, медленно поднимающегося из болотной трясины. Этим чувством был страх. Но, еще не поняв до конца своих ощущений, она постаралась избавиться от них.

— Если Орогастус жив, мы опять займемся им, как занимались и раньше, — заявила она. — Мы соединим наши талисманы в Скипетр Власти и предадим его забвению, которого он заслуживает.

— Хотелось бы, чтобы все было так просто, как ты говоришь. — Глаза Харамис были печальны. Потом она улыбнулась Кадии. — Во всяком случае, этому Портоланусу придется вступить с нами в открытую борьбу. В конце концов, мы предупреждены. Будь осторожна, сестра, а если получишь хоть какой-то намек на нарушение миропорядка, немедленно поставь меня в известность.

— Хорошо, — пообещала Кадия, и образ Харамис исчез.

Далеко за полночь Кадия, Джеган, Лумому-Ко и пятнадцать воинов вайвило вернулись на берег и погрузились в две небольшие лодки, которые должны были доставить их на корабль. На море был полный штиль, в черном небе сияли звезды и три половинки лун. Посланники плотно поели и выпили много изысканного, но очень хмель-

ного напитка кишати. Казалось, они должны были развеселиться, но пиршество лишь усугубило их печальное настроение. Вайвило хотели скорее вернуться в Тассалейский лес, а Кадия с Джеганом затосковали по прекрасному поместью Дамы Священных Очей, которое ниссомы построили специально для своей правительницы, ее советников и слуг у истоков реки Голобар в Зеленых Топях Рувенды.

Измученная Кадия управляла одной лодкой, Джеган — другой. Лумому-Ко вместе с воинами налегал на весла. Он затянул грустную заунывную песню. Их низкие гортанные голоса и усталость помешали Кадии услышать едва различимые характерные звуки, и она ничего не замечала, пока быстро наполняющая лодку теплая вода не дошла ей до щиколоток. Тогда она закричала. Одновременно раздался крик с лодки Джегана:

— Пророчица, мы тонем! На помощь!

— Мы тоже тонем! — воскликнула она. — Живее! Плывите к рифу!

До корабля оставалось больше половины лиги. В этом месте из морских глубин повсюду поднимались острые скалы. Вайвило завывали, как демоны, и заработали веслами так, что вода забурлила. Кадия услышала, как Джеган закричал с облегчением:

— Мы уже на рифе!

Вскоре нос ее лодки тоже уткнулся во что-то, она сильно накренилась. Вайвило побросали весла и спрыгнули за борт.

— Со мной все в порядке! — крикнула Кадия. — Спасайтесь!

Лодка исчезла в черной воде, а она вдруг почувствовала, как что-то тянет ее за ноги вниз, вслед за лодкой. Упорно стараясь освободиться, она и не думала кричать, а потом было уже поздно. Вместо крика она судорожно вздохнула и задержала дыхание. Прежде чем погрузиться в воду, она увидела, как Лумому-Ко и один из его воинов спрыгнули со скалы и поплыли в ее сторону.

Она камнем пошла ко дну, влекомая металлическим панцирем и талисманом. Казалось, некая невидимая сила соединила ее с тонущей лодкой. Она судорожно дер-

гала ногами, пытаясь высвободиться из таинственных силков. Ее щиколотки были сжаты чем-то крепким и острым. Что это? Но разве она могла сосредоточиться и подумать как следует? В воде было множество светящихся точек и полос — мерцающих медуз и водорослей. Зрелище, конечно, восхитительное... но она тонула.

Грудь горела, будто там стоял котел с расплавленным металлом, из легких начал вырываться воздух, уши наполнились свистящими ноющими звуками. Она больше не могла сдерживать дыхание. Светлые пузырьки побежали из ноздрей и рта вверх сквозь толщу сумрачных морских вод. Поблескивал в поясных ножнах талисман — не золотом, нет, он светился удивительно интенсивным зеленым цветом, и это напоминало ей о том, как она шла за маленькой тростинкой Триллиума в Тернистом Аду много лет назад.

Бороться! Бороться изо всех сил! Освободиться от таинственных пут... Наконец ей это удалось, и она начала потихоньку всплывать. Но потом одна нога опять попала в ловушку, и Кадия опустилась еще глубже, осознав — увы! — слишком поздно, что кто-то крепко сжал ее щиколотку. Острые когти впились в тело, разрывая ремешки сандалий, могучие мускулы невидимого врага так напряглись, что сделали невозможной любую попытку освободиться.

Гнев захлестнул Кадия. Алиансы! Лумому-Ко был прав — они на самом деле решили напасть на нее! Казалось, рассудок покинул Кадия, но тем не менее она продолжала бороться, напрягая все мышцы ослабшего тела. Теперь жжение в груди стало невыносимым...

А потом боль внезапно отпустила. Гнев растаял. Она прекратила сражаться, ее наполнил покой, и она продолжала опускаться все глубже и глубже в чаше мерцающих водорослей. Ее глаза были широко открыты, но мир становился темнее и темнее.

Последним усилием воли она заставила себя потянуться к Трехвекому Горящему Глазу. Если бы она могла воспользоваться им... если бы только могла понять, как это сделать...

Вот он у нее в руке.

Когти, мертвой хваткой сжимавшие щиколотку, внезапно отпустили ее. Она была свободна и тут же начала всплывать, окруженная тьмой.

Теперь она может расслабиться.

Ее пальцы разжались, и талисман выпал. Она видела, как зеленое сияние становилось все меньше и меньше и наконец пропало.

После этого она уже ничего не помнила...

Кадия открыла глаза. Голова болела так, словно была зажата тисками, перед глазами расплывалось огромное разноцветное пятно. В горле першило, и чувствовался привкус желчи. Ей казалось, что у нее нет ни рук, ни ног. Прошло какое-то время, и она ощутила свой затылок, потом осмелилась пошевелить конечностями. Она страшно замерзла, хотя была одета в теплый шерстяной халат. Мало-помалу зрение прояснилось, и Кадия поняла, что лежит на кушетке в своей каюте на борту варонианского корабля. Дверь беззвучно открывалась и закрывалась в такт волнам. По шуршанию воды за обшивкой корабля и по скрипу мачт она догадалась, что корабль мчит на всех парусах.

Сделав несколько слабых попыток крикнуть, она дозвалась до Джегана. Ее старый друг с грохотом скатился по ступенькам и ввалился в каюту, растянув губы в широкой улыбке, обнажившей острые передние зубы. Следом за ним вошли Лумому-Ко и капитан варонианского корабля — человек по имени Киви Омин. Они окружили Кадия, подкладывая подушки под спину, чтобы она могла сесть. Для поддержания сил Джеган заставил ее глотнуть крепкого бренди.

— Что произошло? — спросила наконец она.

— Это были альянсы, — грустно ответил Лумому-Ко. — Они прекрасные опытные пловцы, даже более умелые, чем мы. Настоящие морские дьяволы!.. Коловоротами они продырявили наши лодки, а потом потащили тебя на дно. Я увидел, что ты тонешь, и поплыл к тебе с молодым Лам-

Са: мы сразу поняли, что произошло. Когда ты взмахнула талисманом, алианс, который схватил тебя, уплыл, и мы с Лам-Са вытащили тебя на поверхность, а потом на риф. Казалось, что с тобой и так все в порядке, но Джеган неустанно работал, делая искусственное дыхание.

— Спасибо, — сказала она, обернувшись к своему другу-ниссому и благодарно улыбаясь.

— Владыки воздуха вдохнули душу в твое тело, — сказал Лумому-Ко. — Люди с корабля слышали наши крики и спасли нас.

Вперед выдвинулся Киви Омин. Седовласый житель Вара с лицом книжного червя, он тем не менее славился как лучший шкипер всех южных широт. Кадии пришлось заплатить почти тысячу платиновых крон, чтобы он согласился отвезти ее к Виндлорским островам: никто другой не осмеливался совершить это путешествие.

— Я приказал сняться с якоря и уходить из этого гиблого места на всей скорости, какую можно выжать из такого судна, — сказал он. — Морские одлинги уже разводили на берегу костры и воинственно били в свои священные барабаны. Если бы мы замешкались, их большие каноэ легко бы догнали нас еще до того, как мы миновали бы безветренные участки моря среди рифов и вышли в открытое море.

— Сколько времени я проспала? — слабым голосом спросила Кадия.

— Двенадцать часов, — отозвался Джеган.

— Ветер слабый, но дует куда надо, и мы уже удалились от этих проклятых мелей, — добавил капитан. — Мы доплывем до талоазинской гавани в Зиноре меньше чем за семь дней.

— Нет, нет, мы должны вернуться назад! — Голос Кадии прервался, она застонала и прикрыла рукой глаза.

Голова разрывалась от боли. Почему надо вернуться? Она знала, что для этого есть причина. Очень серьезная...

— Скверная новость, Пророчица. — Джеган подошел ближе к кушетке, на руке у него свисал пояс с ножнами. — Твой талисман... — начал он, но тут же замолчал.

Ясность мысли наконец вернулась к Кадии. Она поняла, что ножны пусты, и вспомнила все.

— Мы не можем вернуться к островам, — говорил Киви Омин. — Я не собираюсь рисковать своим судном, сражаясь с дикарями. Я капитан торгового, а не боевого корабля. Я согласился доставить вас на один из Виндлорских островов, а потом отвезти обратно. И только. Если вы по какой-то причине не хотите плыть в Талоазин, мы можем зайти в Курээ или другой зинорский порт пополнить запасы провианта и воды и двинуться дальше на восток. Но о возвращении не может быть и речи.

Кадия заставила себя сесть прямо. Ее глаза расширились, лицо исказилось от гнева, и она заговорила низким хриплым голосом:

— Мы должны вернуться. Я потеряла Трехвекий Горящий Глаз! Вы понимаете, что это значит?

Капитан отшатнулся от нее, как от безумной:

— Нет, не понимаю, госпожа. Ваши друзья сказали, что это большая беда, но случилась она по вашей вине, а не по моей, и расхлебывать эту историю вы должны сами. Я не буду рисковать кораблем и командой ради безнадёжной попытки отыскать волшебный меч. Пока вы лежали без чувств, вайвило быстренько сплавали к тому месту, где были потоплены ваши лодки. Они выяснили, что талисман угодил в очень глубокую трещину между рифами. Даже алиансы не умеют нырять так глубоко. Талисман утерян навсегда.

— Нет, — прошептала Кадия, страдальчески опуская веки. — О нет!..

На лбу у нее выступила испарина, долгое время Кадия хранила молчание. Джеган встал возле нее на колени и взял ее безжизненную руку в свои.

Капитан обменялся взглядами с Лумому-Ко, потом резко повернулся и вышел из каюты.

Когда Дама Священных Очей снова открыла глаза, выражение лица у нее было решительное. Она сказала:

— Друзья мои. Киви прав. Я не имею права требовать от него помощи. Если он не хочет возвращаться, придет-

ся найти другого капитана, который согласится на это. К счастью, у меня еще много денег. Пусть Киви Омин посадит меня в Курээ. Вы, конечно же, можете плыть дальше в Вар, а потом по реке Мутар в Рувенду...

— Нет,— спокойно возразил огромный вождь вайвило.

Стоящие торчком уши Джегана задрожали от негодования, огромные золотистые глаза расширились.

— Пророчица, неужели ты думаешь, мы оставим тебя?

Она взглянула сначала на одного, потом на другого:

— Без талисмана я уже не Дама Священных Очей, я недостойна называться Великой Защитницей или Пророчицей. Я никто. Просто Кадия.

Она спустила ноги с кушетки и коснулась ими пола. Ее лодыжки были покрыты синяками и царапинами от когтей.

— Шансы отыскать талисман ничтожны, зато велика вероятность того, что альянсы постараются довести до конца свое черное дело, которое не удалось с первой попытки.

— Тем не менее,— сказал Лумому-Ко,— мои братья вайвило и я сам — мы остаемся с тобой.

Глаза Кадии заблестели от слез. Она встала и покачнулась: высокий абориген и его маленький товарищ взяли ее под руки и подвели к маленькому столику около иллюминатора. Она села на скамью.

— Благодарю вас, дорогие друзья. Со временем моя сестра Харамис обнаружит, что произошло, хотя теперь у меня нет возможности связаться с ней. Она наверняка найдет способ помочь нам. А пока давайте займемся капитаном Киви Омином и его командой. Я начну снимать копии с карт капитана, хотя еще и не совсем оправились.— Она взглянула на вождя вайвило.— Лумому, ты и твои воины должны расспросить моряков о Виндлорских островах: о съедобных растениях, о том, что ядовито или опасно для жизни, об их населении. Тем морякам, которые вам помогут, мы заплатим.

— А я, Пророчица? — спросил Джеган.

Она криво усмехнулась:

— Узнай как можно больше об искусстве мореплавания, старина, и я займусь тем же. Боюсь, единственное, что нам остается, — это самостоятельно плыть к Виндлорским островам.

Глава 4

Королевская галера обогнула мыс и направилась к Жемчужной гавани. Тут же трое ребятишек оказались на мачтах и начали карабкаться по вантам, оплетая их руками и ногами, как лианы оплетают деревья, а Имму из племени ниссомов, нянька знатных отпрысков, смотрела на них снизу, с палубы, и тщетно пыталась криками заставить спуститься.

— Еще корабли! В гавани полным-полно больших кораблей! — Одиннадцатилетний наследный принц Никалон с маленькой подзорной трубой в руке взобрался на самую высокую мачту. — Два из Имлита, один из Саборнии, на трех — знамена Галанара и... посмотрите! Четыре из Рэктама! Видите вон ту огромную черную трирему? Она вся раззолочена, на ней больше сотни флагов! Должно быть, это корабль самой злой королевы Ганондри!

— Теперь моя очередь смотреть! — ныл принц Толивар. — Ники любовался все утро! Я хочу посмотреть на злую королеву! — Толивару было восемь лет, но выглядел он младше из-за своей хрупкости. Когда Никалон отказался дать ему подзорную трубу, он стал плакать. — Джен, Джен, скажи ему!

— Немедленно спускайтесь! — звала их Имму. — Вы что, не знаете, что мама запретила вам безобразничать?

Но дети не обращали на няньку внимания. Сколько королева Анигель ни пыталась обуздать их, они все равно своевольничали и даже наказания воспринимали жизнерадостно.

Принцесса Джениль, десятилетняя, развитая не по годам девочка, сказала:

— Не плачь, Толо, сейчас я разберусь с этим жадиной Ники.

Она подобралась поближе к старшему брату, начала раскачивать канаты, и скоро оба повисли на высоте десяти элсов над палубой, так что бедная Имму заорала от ужаса. Но для проворной принцессы отобрать подозрную трубу у беззащитного перед ней Никалона было привычным делом. Она вернулась к Толивару, и они стали по очереди смотреть в трубу. А принц Никалон, беспечно хохоча, полез еще выше, к вороньему гнезду.

Эту подозрную трубу подарил им отец, король Антар, как раз перед отплытием из дома. Она не походила на обычные морские бинокли. Эта была уникальная волшебная вещица Исчезнувших, сделанная из черного материала — не металла и не дерева, а из чего-то непонятного. Сбоку располагались три цветные кнопки: стоило нажать на них, и они переносили наблюдаемую сцену ближе, еще ближе и совсем близко. А если надавить на серебряную клавишу, то можно смотреть в трубу и ночью, правда, в темноте изображение получалось размытое, видны были лишь зеленоватые силуэты. Подзорная труба казалась живым существом, а не вещью, так как работала, только если на нее падал солнечный свет. Однажды во время плавания принц Толивар, притворившись, что потерял трубу, спрятал ее на весь день в свой саквояж, в надежде поиграть с ней в одиночестве. Но когда он извлек ее и посмотрел, то увидел одну черноту и с плачем побежал к королю. Отругав его за жадность, отец объяснил, что подзорная труба питается солнечной энергией, как и многие другие чудесные машины Исчезнувших.

Теперь Толо рассматривал огромный корабль рэктамской королевы-регентши Ганондри. В отличие от лабровендского флагмана, имевшего два ряда весел по бортам, на нем было три ряда. Он был вдвое длиннее, с гигантским тараном на носу, который использовался при нападении на другие корабли. Паруса на грот- и фок-мачте украшали эмблемы пиратского государства в виде стилизованных языков пламени. Толо был разочарован: он не увидел и намека на смертоносное морское оружие, которое, как он знал, поливало вражеские суда расплавленной серой и забрасывало раскаленными докрасна камнями.

ми. На полукоте, вокруг золотой спинки трона толпились дамы, одетые в блестящие платья, и рыцари в доспехах.

— Злая королева, должно быть, еще в постели, — сказал сестре Толо. — На корме корабля я вижу ее трон — он пуст. Посмотри, Джен.

Принцесса Джениль взглянула в волшебную трубу:

— Какой красивый корабль! Наверное, ректамцы страшно богаты!

— Они ведь пираты, — сделал вывод Толо. — Пираты всегда богатые. Мне бы хотелось стать пиратом.

— Ты говоришь глупости. Пираты убивают людей и грабят, их все ненавидят. — Девочка направила подзорную трубу на диковинный саборнианский корабль, приплывший с Далекого Запада.

— Хозяин зверей Ралабун говорит, что когда ты вырастешь, то выйдешь замуж за горбатого карлика, внука злой королевы. — Капризный Толо злорадно усмехнулся. — Когда ты станешь пиратской королевой, ты и мне поможешь стать пиратом.

Принцесса Джениль опустила трубу и уставилась на маленького брата:

— Я не собираюсь ни за кого выходить замуж! Но если уж это случится, я никогда не выйду за такого уроды, как Ледавардис. Тетя Кадия говорит, что я могу приехать к ней и жить в ее укомном замке в Зеленых Топях, когда вырасту. Если, конечно, захочу. Я так и сделаю!

— Нет, ничего не выйдет! Принцы и принцессы не могут вести себя, как им хочется, — они не обыкновенные люди. Ники станет королем Лабровенды, ему придется жениться на какой-нибудь принцессе, а тебе — выйти замуж. Только я необычный принц, я смогу стать пиратом, если захочу! Отдавай трубу. Мне хочется посмотреть, правда ли саборнианцы покрыты перьями, как говорит Ралабун.

Разгневанная Джениль отдала ему подзорную трубу и стала спускаться по канату. Мальчишки! Что они знают? Тем не менее когда она благополучно добралась до палубы, то увернулась от объятий ниссомской няньки, отказалась идти с ней в каюту за прохладительными напитка-

ми и вместо этого потащила Имму на корму, за нагроможденные стеной ящики с грузом. Здесь пожилая ниссомка и принцесса оказались наедине, и Джениль спросила:

— Правда, что, когда я вырасту, мне придется выйти замуж за Ледавардиса из Рэктама?

Нянька заливисто расхохоталась:

— Конечно, нет. Кто это наговорил тебе такое, милая?

— Толо,— проворчала Джениль.— А ему сказал Ралабун.

Нечеловеческое лицо Имму исказила гневная гримаса, а торчащие из-под батистового чепца уши затряслись, словно колеблемые ветром листья.

— Ох уж этот Ралабун! Я так стукну его по башке, что глаза выскочат! Этому болтливому дурню следовало бы не сплетничать о королевских делах, а заниматься собственными!

— Значит, это вранье?

Имму ласково обхватила лицо принцессы своими трехпалыми руками. Они были почти одного роста, и нянькины громадные желтые глаза смотрели прямо в светлосиние глаза ее юной воспитанницы.

— Клянусь Владыками воздуха, твои дорогие родители скорее умрут, чем увидят тебя замужем за уродливым царьком Рэктама. Слушок, который тупица Ралабун передал твоему младшему брату, пущен врагами Двух Тронов — лордом Осорконом или кем-то вроде него. Это ложь.

Она поцеловала Джениль, а потом стала убирать в прическу пряди волос, растрепавшихся во время лазания по мачтам. Джен не была такой изумительной красавицей, как ее мать, но у нее было приятное, усыпанное веснушками лицо с широко расставленными смышленными глазами. Ее очень красили необыкновенной густоты золотисто-каштановые волосы — когда их распускали, они спадали до талии.

— А правда, что принцессы не могут сами выбирать себе мужей? — настаивала Джениль.

Имму оживилась:

— Что ж, кто-то может, а кто-то нет. Еще до того, как Два Трона объединились, до того, как стать Белой Дамой,

твоя тетя Харамис была наследной принцессой, и ее руки просил злой король Лаборнока Волтрик. Королева Каланта и король Крейн знали, что в результате такого брака Рувенда попадет в зависимость от Лаборнока, а это вовсе не объединение Двух Тронов. Поэтому брак не состоялся. Принцесса Харамис согласилась выйти замуж за принца из Вара, хотя и не любила его, только потому, что он хотел стать соправителем Рувенды. Так твоя тетя предпочла благополучие своей страны личному счастью. Это был ее долг.

— Но тетя Харамис отказалась от трона!

— Да. И корона перешла к твоей тете Кадии, которая тоже от нее отказалась, а потом — к твоей дорогой матери, которая годилась на роль королевы больше, чем ее старшие сестры. К тому времени свирепый король Волтрик скончался, а королем Лаборнока стал Антар, твой отец. Твои мать и отец полюбили друг друга и поженились и теперь правят двумя королевствами, проводя сухой сезон во дворце Рувенды, а сезон дождей — в дероргуильском дворце Лаборнока.

— А Ники сможет сам выбрать себе принцессу и жениться на ней? И я смогу сама выбрать принца?

Имму была в замешательстве.

— Надеюсь, что да, моя милая. Верю в это всем сердцем. Но будущее известно лишь Триединому Богу да его слугам, Владыкам воздуха, и маленьким девочкам не стоит беспокоиться о подобных вещах. Ты еще очень долго не выйдешь замуж... А теперь давай-ка пойдем в гардеробную! Через несколько часов мы подплываем к талоазинской пристани. Мы достанем для тебя чудесное платье и украсим волосы драгоценной диадемой. Нужно показать избалованным жителям Зиноры, что королевский дом Лабровенды — не чета их маленькому чванливому королевству!

Наследный принц Никалон находился на высокой наблюдательной вышке с молодым матросом Корином, с которым он подружился во время двухнедельного плавания из Дероргуилы. В отличие от остальных членов лаборнок-

ского экипажа, которые кланялись ему, заискивали и в лицо величали благородным господином, а за спиной называли надоедливym бездельником и не пускали в самые интересные отсеки корабля, куда королева Анигель запретила ходить царственным чадам, Корику проявил сочувствие к томящемуся от скуки пареньку и показал ему все — от цепного блока на носу до ахтерштевня. Он терпеливо обучал принца карабкаться по вантам — а Ники обучил этому брата и сестру — и разрешал подолгу сиживать с ним вместе в вороньем гнезде, глядя на скалы, косяки рыб и другие корабли, пока флотилия плыла мимо островов Энджи, вдоль берегов Вара к Зиноре. Корику объяснил принцу, как управляться с канатами и парусами, почему корабль поворачивает на другой галс, даже если ветер дует в том же направлении, почему спускают паруса во время шторма, почему из свободных людей получают лучшие гребцы, чем из рабов, и вообще ответил на миллион самых разных вопросов, отнесясь к ним со всей серьезностью.

Благодарный Ники пообещал Корику, что, когда станет королем, сделает его адмиралом. В ответ на это молодой моряк рассмеялся, сказав, что адмиралы проводят слишком много времени при дворе, просиживая долгие часы на советах и разбирая нудные бумаги. А ему хотелось бы всего лишь стать капитаном собственного корабля.

— И тогда, — сказал он Ники, — я бы первым поплыл к отдаленным мирам, дальше Саборнии — Страны Покрытых Перьями Варваров. Я бы проплыл по всему свету, миновал замерзшие острова страшного моря Авроры, омывающего Вечный Ледник, и доплыл бы до холодных пустынь Тузамена. Потом я бы сплавился к Огненным островам и, ускользнув от рэктамских пиратов, благополучно вернулся домой, в Дероргуилу.

Ники смотрел на него разинув рот.

— Разве до сих пор никто не совершал кругосветного плавания?

— Никто, — гордо ответил Корику. — Все боятся забитого льдами моря Авроры и морских чудовищ. А я не бо-

юсь. — Потом он лукаво взглянул на Ники: — Подобная научная экспедиция стоит больших денег, но король, который финансирует ее, останется в памяти людей навеки. Я бы привез ему редкие растения и животных и другие чудесные вещи, а может быть, мне удалось бы даже открыть еще один разрушенный город Исчезнувших, где было бы гораздо больше удивительных сокровищ, чем в тех, что уже найдены.

— Я дам денег на это плавание! — объявил принц Никалон.

Но моряк только смеялся и говорил, что тот очень долго не будет королем, поскольку Антар еще молод, крепок и здоров, а к тому времени, как он состарится и умрет, Никалон наверняка забудет о своем обещании.

— Я не забуду, — сказал наследный принц.

Сейчас Никалон смотрел на сверкающие воды, отделяющие их от берега, где лежала столица Зиноры, и размышлял о том, как хорошо быть молодым и самостоятельным королем, вроде зинорского Вондримеля — ведь он может снаряжать исследовательские экспедиции и совершать разные великие поступки. Интересно, что будет чувствовать король Зиноры во время коронации, в присутствии других могущественных правителей, будучи на вершине славы? Конечно, восемнадцатилетний Вондримель и так был властелином своего народа: ведь корона перешла к нему по наследству. Целью церемонии было подтверждение его королевского сана в глазах других. Он должен показать, что он настоящий король, а не жалкая марионетка вроде мальчишки Ледавардиса из Рэктама. Тому почти столько же лет, сколько Вондримелю, но он предпочитает, чтобы власть находилась в руках его всемогущей бабки. По мнению отца, Вондримель очень надеется во время коронации заключить выгодные союзы, дабы упрочить свою власть.

Хотя принцу Никалону было всего одиннадцать лет, он уже понимал, как важны выгодные союзы. Союзниками Лабровенды были Вар и один из островов Энджи. Они вели между собой свободную торговлю, вместе давали отпор пиратам, которые нападали на корабли-оди-

ночки, и отказывали в убежище преступникам, пересекающим границы. Король Антар и королева Анигель надеялись заключить подобный союз с зинорским королем Вондримелем. Но этого же желал и Рэктам, заклятый враг Лабровенды. Рэктам уже послал Вондримелю в качестве подарков тысячи платиновых монет и немало шкатулок с драгоценностями.

Ники гадал, сможет ли юный король Зиноры устоять перед лстивыми речами пиратской королевы. Ведь она так богата!

Теперь они проплывали поблизости от флотилии Рэктама. Позолоченное дерево на бортах огромной флагманской триремы ослепительно сияло на солнце, на мачтах воинственно развевались сотни знамен. Три других корабля такого же черного цвета были украшены столь же пышно. Да, Рэктам очень богат! После коронации должен состояться великолепный банкет с обширной увеселительной программой. Ходили слухи, что все это оплачено злой рэктамской королевой.

Ники интересовался у отца и матери, почему другие правители не изгоняют из своего общества пиратов. Но они только вздыхали и говорили, что дела государственные не так просты, как житейские, и что он поймет все лучше, когда подрастет.

Но Ники почему-то сомневался, что сможет когда-нибудь это понять.

В конце концов принцу Толивару надоело смотреть в волшебную подзорную трубу, вися в неудобной позе на канатах, и ему в голову пришла великолепная идея: он спустится вниз и даст матери попользоваться удивительной игрушкой. За завтраком королева Анигель почему-то казалась очень печальной — может быть, это ее немного развеселит. Сжав зубами тонкую трубку, малыш заскользил вниз по канатной паутине, спрыгнул на палубу и вприпрыжку побежал на корму. Обогнув корабельный салон, он чуть не врезался в лорда Пенапата и своего отца, которые удили рыбу. Огромные руки дяди Пени подхвати-

ли его и, несмотря на все усилия вырваться, держали высоко в воздухе, а он извивался, как червяк.

— Вы не видели маму? — спросил маленький принц. — Я подумал, ей захочется посмотреть в подзорную трубу на другие корабли и на Зинору.

— Она в каюте с леди Эллинис, — сказал отец, — работает над деловыми бумагами. Ты можешь дать ей подзорную трубу, но не оставайся там долго и не отвлекай ее своей болтовней.

— Не буду, государь.

Малыш галопом помчался прочь, волосы его развевались от ветра. Добродушный Пенапат покачал огромной головой:

— Какой подвижный ребенок! И он, и его царственный брат, и маленькая принцесса надолго запомнятся команде корабля!

Коротким смешком король выразил свое согласие. Он нацепил свежую наживку и снова закинул удочку. Потом лицо его омрачилось.

— Надеюсь, мы не совершили ошибку, взяв их с собой на коронацию. Я не хотел этого делать, но Анигель настояла, сказав, что они просто обязаны познакомиться с другими королями и научиться общению с чужестранцами... Однако в любом деле, в котором принимает участие Рэктам, всегда есть определенная доля опасности. А в этой коронации они принимают слишком большое участие, мы знаем это.

Пенапат, соглашаясь, кивнул:

— Слава Зото, что у королевы Ганондри есть только болезненный внук и нет внучки, которую она могла бы выдать замуж за Вондримеля: тогда их союз был бы решенным делом!

— Рэктам находится очень далеко от Зиноры, их дела почти не коснутся Двух Тронов, как бы Ганондри ни глумилась над ними. Но я чувствую себя не в своей тарелке из-за того, что мы взяли в это путешествие детей.

Пенапат оперся локтями о поручень борта и посмотрел на рэктамские суда, которые теперь были меньше чем

в двух кабельтовых. На палубе флагмана королевы-регентши Ганондри отчетливо виднелись маленькие фигурки матросов и пассажиров, глазеющих на лабровендскую флотилию.

— Даже королеве Ганондри не хватит бесстыдства напасть на нас в окружении королевских фамилий и знати семи государств, которые станут свидетелями любой ее дикой выходки,— медленно произнес Пенепат.— Даже ей не захочется навлекать на себя недовольство короля Вондримеля, устраивая провокацию во время его коронавания.

— Ты прав, Пени. Нас больше должно беспокоить присутствие на церемонии Хозяина Тузамена.

Неуклюжий камергер издал удивленное восклицание:

— Тузамен? Значит, они все-таки послали депутацию?

Король кивнул:

— Я получил от капитана известие перед завтраком. Быстроходный маленький катер с островов Энджи, обогнавший нас ранним утром, просигналил, что следом, не спеша, плывет одинокая галера из Тузамена. Без сомнения, так называемый Хозяин Тузамена находится на ее борту. На вершине мачты развевается его звездная эмблема. Уверен, что неожиданный гость намеревается почтить своим присутствием коронацию юного короля Вондримеля.

— О камни Зото! Так вот почему королева Анигель выглядела такой подавленной!

— Конечно. Она услышала эту дурную весть сразу после того, как узнала от Великой Волшебницы, что ее сестра Кадия потеряла свой талисман, и оба этих известия наполнили мою любимую жену страхом. Я не могу ее осуждать. Она так перепугалась, что сняла свой талисман с привычного места — с королевской короны — и спрятала в потайной карман в складках одежды. Анигель говорит, пока мы будем в Зиноре, она не расстанется с ним ни днем ни ночью.

— Государь, а насколько вероятно — хотя все наши шпионы утверждают обратное,— что этот Портоланус из

Тузамена — на самом деле колдун Орогастус, воскресший из мертвых?

— Если это так, да спасут боги нас и наши народы. Ты помнишь, что сделал этот отвратительный колдун с моим отцом? Он превратил его из грубого, но честного человека в маньяка, движимого непомерными амбициями! Колдуну удалось выбиться в главные министры государства, но, думаю, на самом деле он хотел стать преемником Волтрика после того, как убьет меня. Даже теперь в бунтах и интригах, распространившихся вдоль северных границ с Рэктамом и подстрекаемых лордом Осорконом и его друзьями, чувствуется вероломство, унаследованное от этого злого волшебника. Если колдун Орогастус и вправду жив, Тузамен больше не может считаться варварской окраиной. Он наверняка использует все свое дьявольское мастерство, чтобы превратить его в могущественное государство.

— ...и королева Ганондри вступит с ним в сговор против нас, — мрачно заключил Пенапат.

— Возможно. — Антар, прищурившись, смотрел на огромную рэктамскую галеру. — Но она вовсе не так глупа, эта королева Ганондри. И она играет по собственным правилам. — Король выпрямился и легонько хлопнул старого друга по плечу. — Не унывай, Пени. В Талоазине нас ждет неделя пиров и балов, высоких жестов и низких интриг. Давай-ка свернем эту бессмысленную рыбалку и пойдем оторвем наших храбрых господ от азартных игр и возлияний. Я хочу убедиться, что их панцири начищены, а мечи наточены.

Королева Анитель ласково поблагодарила младшего сына за принесенную подзорную трубу, поцеловала его и приказала идти с Имму принять ванну и сменить одежду. Когда мальчик покорно пошел выполнять приказание, она вздохнула и отложила в сторону не нужную ей вещь:

— Толо забывает, что, когда мне приходится смотреть вдаль, я обхожусь без бинокля.

Леди Эллинис, министр внутренних дел Двух Тронов, оторвалась от бумаг и заметила:

— Конечно, для этого у вас есть талисман. Он может служить и подозрной трубой.

Это была почтенная здравомыслящая дама, вдова того самого лорда Манопаро, который, храня верность присяге, отдал свою жизнь, защищая мать Анигели. Леди Эллинис и трое умных ее сыновей были самыми преданными приближенными из свиты королевы, так же как лорд Пенатат, советник Лампиар и маршал Ованон — в свите короля Антара.

Королева вынула из складок строгого голубого платья волшебный талисман и надела его на аккуратную причесанную голову. Ее талисман именовался Трехглавым Чудовищем. Вопреки своему зловещему названию, он представлял собой диадему из блестящего серебристого металла с шестью маленькими зубцами и тремя побольше. Диадема была украшена цветами и морскими ракушками. Впереди располагались три нелепые маски: первая изображала ревушего скритека, вторая — умирающего человека с разинутым в агонии ртом, а третья, центральная, — ухмыляющееся злобное существо с чем-то вроде звездных лучей вместо волос. Чуть ниже была вставлена слабо мерцающая капелька янтаря с крошечным бутончиком Черного Триллиума в сердцевине — этот амулет защищал Анигель с самого рождения до того момента, как она обрела свое призвание и нашла талисман.

— Ну что, полюбуемся на королеву пиратов? — предложила Анигель леди Эллинис. — По моей просьбе талисман вызовет ее изображение. Но так как нас будет двое, талисману потребуется максимум сосредоточения, и любоваться мы сможем недолго.

Темные глаза леди-министра засветились от любопытства.

— Мне очень хочется взглянуть на Ганондри, ваше величество. В последний раз я видела ее во плоти за четыре года до вашего рождения, когда ее поздний ребенок, принц Ледамот, сочетался браком с несчастной Машрией с острова Энджи. Тогда Ганондри была гордой красавицей.

вицей, ведущей себя с необыкновенным достоинством. Конечно, сейчас, при ее нынешней репутации, это кажется невероятным.

— Возьмите меня за руку, — скомандовала королева Анигель.

Потом она закрыла глаза и отдала мысленный приказ волшебному талисману.

Они увидели просторную каюту галеры, увешанную дорогими гобеленами, заставленную изящными стульями и комодами, инкрустированными отполированными кораллами и полудрагоценными камнями. Кое-какие ящики были выдвинуты, и роскошные одежды вывалились на покрытый ворсистым ковром пол. За лакированным туалетным столиком, перед большим зеркалом в золоченой раме, сидела королева-регентша: она нетерпеливо хмурилась, примеряя ожерелья, которые ей одно за другим подавала робкая фрейлина. Анигель и Эллинис не слышали, о чем они разговаривали, так как видение каюты существовало только в их воображении.

Несмотря на преклонный возраст, Ганондри все еще была красавицей, хотя ее худое лицо покрывали мелкие морщины и густой слой косметики. Тонкие губы были брызгливо поджаты, а зеленые глаза с длинными ресницами пылали злобой. Волосы, все еще густые, напоминающие по цвету начищенную медь и кое-где обрамленные трагическими белыми прядями, были тщательно уложены в замысловатую прическу, модную среди женщин Рэк-тама. На регентше был туалет из мягкого бархата цвета морской волны, расшитый золотыми нитями и опущенный по подолу редким золотистым мехом воррама.

Перемерив с полдюжины сверкающих украшений и злобно искривив рот, Ганондри наконец остановила свой выбор на тяжелом воротнике из стилизованных листьев гонды, усыпанных сотнями крошечных изумрудов с разбросанными тут и там бриллиантами, имитирующими капельки росы. Потом дрожащая фрейлина предложила ей пару больших висячих серег из этого же гарнитура, но королева отказалась и взяла вместо них маленькие клипсы

из золота, в каждой из которых сияло по крошечному бриллианту.

В этот момент Анигель отпустила руку Эллинис, и видение исчезло.

— Вкус Ганондри остался безупречным,— заметила леди Эллинис,— но мне не хотелось бы безоружной встретиться с ней в одном из темных закоулков талоазинского дворца. Кажется, она готова проглотить свою бедную помощницу, если та предложит ей еще одно неподходящее украшение.

Анигель была печальна.

— И в хорошем настроении, и в плохом, больная или в добром здравии — она все равно остается заклятым врагом нашего народа. Это она посеяла смуту на нашей северной границе. Неужели юный Вондримель будет настолько глуп, что доверится ей?

— Если он это сделает, мадам, он недалеко уйдет от того простофили, который думал, что сможет накопить колбасы над горящим вулканом.

Анигель вздохнула и собрала просмотренные бумаги.

— Пожалуйста, отнесите это лорду Лампиару. Напомните ему, что мы с Антаром еще не подписали поздравительные послания, которые будут преподнесены Вондримелю вместе с нашими дарами. Если каллиграф еще не закончил, пусть поторопится. Как только мы причалим к талоазинской пристани, надо будет сразу же отправить, не дожидаясь нашего выезда.

Эллинис поднялась и собрала свои бумаги, приложив их к королевским. Ей было ясно, что Анигель встревожена и подавлена мыслями о предстоящем визите. Она ласково дотронулась до плеча молодой женщины.

— Может, прислать Шэрис со сладким вином и вафлями, и вы немного подкрепитесь?

— Спасибо, не надо. Мне предстоит еще многое обдумать, а для этого голова должна быть ясной.

Пожилая дама сочувственно улыбнулась:

— Не сердитесь за назойливость, мадам, но я убедительно прошу вас перед высадкой заняться собой. Надо отдохнуть и надеть красивое платье.

— Да, да, — нетерпеливо ответила Анигель. — Я не поставлю свой народ в неловкое положение, появившись в старомодном наряде.

— Вы будете ослепительно красивы и в лохмотьях, — сказала неуступчивая леди Эллинис. — Но наш народ будет разочарован, а враги обрадуются. — Она поклонилась и ушла.

Анигель поднялась наверх, в уединенную часть кормы, и села за маленький столик под плетеным навесом. Отсюда не было видно ни матросов, ни другой публики.

Когда они завернули за мыс, ветер почти утих, и теперь лабровендская галера, как и другие суда, шла на веслах по спокойным водам Жемчужной гавани. Рэктамская трирема в сопровождении трех кораблей уплыла далеко вперед.

— Как там туземцы? — спросила саму себя Анигель.

Опять она закрыла глаза и отдала мысленный приказ талисману. На этот раз поле обзора было значительно шире, стали слышны все естественные звуки — словно Анигель превратилась в морскую птицу, парящую над водой и над одиноким кораблем, окрашенным в белый цвет. Все четыре мачты были оснащены снежно-белыми парусами, а на грот-мачте развевался черный флаг с лучистой серебряной звездой.

— Покажи мне Портолануса! — попросила Анигель.

Обзор сфокусировался на юте корабля, где вокруг рулевого собралась группа офицеров во главе с капитаном. В центре группы находилось расплывчатое пятно с очертаниями мужской фигуры.

— Покажи мне Орогастуса!

Образ корабля растаял — на его месте возник калейдоскоп серых теней. Когда Анигель издала возглас негодования, хаотичные тени стали проясняться и посверкивать, потом последовала вспышка яркого света: он коротко мигнул и погас.

— Покажи мне Кадью!

Появилось изображение другого судна — на этот раз быстроходной торговой галеры с флагами Вара. Судно на большой скорости шло в сторону маленького порта Ку-

рээ, который находился в четырехстах лигах от Талоазина. Кадия ничком лежала на бушприте, голой рукой ухватившись за канат: далеко внизу под ней плескалась морская вода. Она больше напоминала жалкое отверженное существо, чем могущественную Даму Священных Очей. На ней был просоленный кожаный комбинезон, влажные волосы трепал ветер. Глаза ее опухли, по щекам стекали ручейки, в которых повинно было вовсе не море и не его соленые брызги. Сердце Анигели чуть не разорвалось от жалости к несчастной сестре.

Бедная Кади! Самая деятельная, самая бесстрашная из них троих, она никогда не колебалась, не сомневалась в своих возможностях, как Харамис, никогда не занималась кропотливой и скучной рутинной работой, как сама Анигель. Правда, Кадия часто предлагала слишком простые решения самых запутанных проблем, а иногда позволяла эмоциям брать верх над рассудком. Но ни один человек так не любил аборигенов, как она, и никто, кроме нее, не смог бы пожертвовать своей жизнью ради них, если бы это понадобилось.

Теперь она мучительно переживала потерю своего талисмана, была в отчаянии от того, что поставлена перед необходимостью возвращаться к опасным островам с товарищами, которые были отважны, но почти ничего не смыслили ни в мореплавании, ни в том, как выжить в морских широтах. Хотя Кадия знала, что сестрам известно об ужасной потере, у нее не было возможности связаться с ними, и она до сих пор не имела понятия, что план возвращения талисмана владелице уже выработан — это произойдет сразу после коронационных торжеств.

— Будь мужественна, милая Кади, — мы поможем отыскать твой Трехвекий Горящий Глаз!

Неужели жалкая унылая фигурка подняла голову? Вдруг она услышала? Анигель молилась, чтобы это было именно так. Кадия вытерла глаза и приподнялась. Теперь она уже не беспомощно висела на бушприте, а оседлала его. Слезы перестали литься, на лице появилось новое задумчивое выражение.

— Да, да, Кади, помни, что нас трое и что мы заодно!

Потом Анигель дала талисману последнюю команду:

— Покажи мне Харамис!

Сидящая в библиотеке башни Великая Волшебница Харамис оторвала голову от большой карты, посмотрела на младшую сестру и улыбнулась:

— Что приуныла, Ани?

— Мне кажется, я только что помогла Кади справиться со слезами: при виде ее горя я сама чуть не умерла. Надеюсь, ты права. Если мы подвезем мой талисман к тому месту, где утонул ее талисман, по моей команде Трехглавое Чудовище вернет Трехвекий Горящий Глаз владелице.

— Все будет хорошо,— сказала Великая Волшебница.— Ведь наша сестра потеряла его не из-за легкомыслия, а по несчастной случайности. Она ни в чем не виновата, и волшебные узы, связывающие ее с талисманом, остались нетронутыми.

— И все-таки,— отозвалась Анигель,— мне как-то не по себе из-за того, что мы не отправились на его поиски немедленно.

— Мы ведь уже спорили с тобой об этом и приняли решение. Честь Лабровенды требует твоего присутствия на коронации. В глубинах моря талисман Кади находится в полной безопасности. Если кто-то попытается дотронуться до него без ее разрешения, он умрет, а Портоланус с его Звездным Сундуком находится очень далеко. Скорее всего, ему даже неизвестно, что Кади его потеряла.

— Да. Конечно же ты права.

— Даже если Кадии удастся нанять зинорское судно, ей все равно понадобится немало времени, чтобы доплыть до Виндлорских островов. Если же она отправится туда со своими друзьями самостоятельно, им придется плыть, держась невдалеке от берега, соблюдая все меры предосторожности, пока они не доберутся до самого северного из Виндлоров — и только тогда смогут двинуться в сторону Консульского острова. От Курээ до него восемьсот лиг, так что твои быстроходные галеры догонят Кадия даже в том случае, если ты пробудешь на коронации всю неделю.

— Согласна. А с помощью Трехглавого Чудовища легко будет проследить ее путь... Тебе так и не удалось поговорить с Кадией?

— К сожалению, нет,— призналась Харамис.— Я много раз пыталась, но тщетно. Конечно, моя предшественница Бина умела разговаривать с людьми и с народом на расстоянии, но у нее за плечами было много лет практики — не то что у меня. Пока у Кадии нет талисмана, я не могу разговаривать с нею, хотя вижу и слышу ее хорошо.

Анигель некоторое время молчала.

— Когда я сейчас смотрела на нее, я ничем не могла помочь — только разделить душой ее горе. Мне очень хотелось поднять ей настроение, и, кажется, она почувствовала мои мысли.

— Это вполне возможно! Твоя горячая любовь, твое сопереживание могли придать силу мысленной речи! А я так сердилась на Кадии, что это помешало сосредоточению. Иногда я прихожу в отчаяние, что так и не стала настоящей Великой Волшебницей. Я все учусь и учусь, но когда дело доходит до применения магических наук на практике, у меня слишком часто ничего не получается.

— Что за чушь! Ведь бывшая Белая Дама выбрала именно тебя!

— А может, она просто-напросто вынула из корзины с плодами самый последний, да и тот оказался гнилым... Ну ладно, не хочу досаждать тебе своими жалобами и сомнениями. Я буду внимательно наблюдать за всеми участниками предстоящего спектакля и, если почувствую, что готовятся какие-то не предусмотренные сюжетом сцены, немедленно сообщу тебе. А теперь прощаюсь с тобой, сестренка, и молюсь за тебя!

Когда видение Харамис растаяло, надежда и минутное бодрое настроение Анигели испарились. Мрачным взглядом она смотрела с корабельной кормы на три других лабровендских судна, на горизонт и на высокий гористый мыс, который они только что обогнули.

Теперь в Жемчужную гавань входил еще один корабль, ослепительно белый,— он находился всего в пяти лигах от них. Анигель не могла отвести от него глаз и, как за-

гипнотизированная, смотрела до тех пор, пока четверть часа спустя к ней не подошел король Антар. Он успокоил ее поцелуем и увел обедать.

Глава 5

С трудом вынеся проходившую в Материнском замке длительную официальную часть коронаций, маленький принц Толивар пребывал в расстроенных чувствах и в отвратительном настроении. К тому же он узнал, что на принца Никалона на время коронационного бала нацепят миниатюрный меч, и когда Имму хотела переодеть его, он отказался наотрез.

— Ники всегда получает самое лучшее — и все только потому, что он наследный принц! — плакал восьмилетний мальчуган. — Это несправедливо! Если мне нельзя надеть меч, я вообще никуда не пойду!

Потом он убежал, и прислуга была вынуждена носить за ним по всем комнатам лабровендского посольства в Талоазине, а снаружи уже ждала карета, и король с королевой волновались, что могут опоздать. Наконец двое рослых слуг вытащили ребенка из укромного местечка в винном погребе и, крепко схватив его, все еще плачущего, отнесли к Имму, а она надела на него фиолетовый парчовый костюмчик. Король Антар сильно рассердился на взбалмошного младшего сына и объявил, что в наказание Толо будет лишен возможности пользоваться подзорной трубой во время обратного плавания.

— Ты меня ненавидишь! — крикнул отцу разъяренный ребенок. — Ты всегда относился к Никалону лучше, чем ко мне! Я сбегу в Рэкам и стану пиратом! Тогда ты пожалеешь, что не дал поносить меч!

Расстроенные родители усадили Толо и двух других детей в карету и приказали кучеру погонять лошадей. Они оказались последними в веренице королевских экипажей, подъезжавших к новому, специально построенному на берегу реки Зин дворцу для увеселений, где должен был состояться бал. В заполненном гостями огромном бальном зале Анигель и Антар поручили своих детей заботам лор-

да Пенапата и его жены леди Шэрис, а потом поспешили вслед за суетливым зинорским распорядителем отыскивать свое место в поздравительной процессии.

— А почему мы не можем пойти вместе с мамой и папой? — капризно спросил Толо.

— Потому что наша очередь еще не пришла, — вмешался принц Никалон. — И вообще, ты ведешь себя как плебей. Немедленно прекрати капризничать!

— Вы, трое королевских отпрысков, войдете после королей и королев и других важных персон, — добродушно сказала леди Шэрис. — А теперь пойдемте со мной и с дядей Пени. Есть специально отведенное место: оттуда мы будем наблюдать, как новый король Зиноры приветствует своих высоких гостей.

— Звучит не очень-то привлекательно, — пробурчал Толо.

— Никто и не говорит, что это большое удовольствие, — сказала ему принцесса Джениль. — Но это твоя обязанность. Когда церемония закончится, мы сможем поесть, потанцевать и поразвлекаться. Но сначала надо немного потерпеть и вести себя как положено.

Принцесса взяла Толо за одну руку, леди Шэрис — за другую, и они потащили упирающегося мальчика в ту часть зала, которая была отгорожена лентой из голубого сатина. Здесь собралась пышно разодетая толпа королевской родни и экстравагантной знати — и дети, и взрослые. Все они шушукались и обменивались смешками. Толо с горящим от гнева лицом уселся прямо на блестящий мраморный пол в самом центре равнодушной к нему толпы.

— Я так и буду сидеть, — упрямо заявил он, не обращая внимания на мольбы огорченной леди Шэрис.

Лорд Пенапат наклонился к нему и начал бранить, но через мгновение вздрогнул и выпрямился, забыв и о Толо, и о его капризах, — кто-то громко прошипел:

— Колдун! Смотрите — входит Портоланус из Тузамена!

Толо моментально вскочил на ноги:

— Дядя Пени, подними меня! Я хочу посмотреть на колдуна!

— Конечно, малыш.— Пенапат усадил мальчика себе на плечо.— Вот он, как раз входит в дверь. Ну и чертовщина, клянусь Зото! Что у него за вид!

— О-ох! — От изумления глаза Толо широко распахнулись.— А сегодня вечером он будет колдовать?

— Уверена, что будет,— сказала леди Шэрис, невесело усмехнувшись.— О да! Я нисколько в этом не сомневаюсь!

— Наверно, это здорово — быть колдуном! — вздохнул Толо.— Никто не может заставить колдуна делать то, чего он не хочет! Может быть, когда я вырасту, я стану колдуном, а не пиратом!

Лорд Пенапат опустил его на пол и рассмеялся:

— Какое странное заявление!

— Вот увидите,— сказал Толо.

Но потом его захватило всеобщее возбуждение — началась бальная церемония, и он забыл про все, о чем только что говорил.

Портоланус намеренно отказался присутствовать на предварявших коронацию концертах и вечерах и во время самого торжества тоже держался в тени: его окружала такая плотная толпа советников и придворных, что всего несколько человек смогли мельком увидеть его. Только во время роскошного бала, когда правители многих стран шествовали в длинной торжественной процессии, чтобы сказать только что коронованному Вондримелю добрые напутственные слова, широкая публика наконец увидела таинственного Хозяина Тузамена.

Один, без свиты, одетый в немыслимые, фантастические одежды, он замыкал блистательную поздравительную процессию. Казалось, он не слышит шепота и не замечает, что взгляды знати и важных сановников в основном прикованы не к королю Вондримелю, а к нему.

Играл оркестр из сотни музыкантов. Зал был великолепен: стены, обтянутые узорчатой тканью цвета красного вина, золоченые пилястры и огромные зеркала в рам-

ках из полудрагоценных камней кроваво-пурпурного цвета. Все освещалось большими золотыми люстрами с тысячами горящих свечей. Створчатые высокие окна были распахнуты настежь, и зал наполнялся легкими ароматами сада.

Стоял ранний вечер. Во дворец было приглашено множество важных особ. Большинство присутствующих составляли знатные зинорианцы, с ног до головы увешанные жемчугом, который считался гордостью нации. Среди гостей наиболее многочисленной была делегация из Рэк-тама. И мужчины и женщины из страны пиратов были одеты не в традиционные бальные туалеты, а в доспехи и шлемы, усыпанные драгоценными камнями.

Королева Анигель и король Антар заняли свое место в церемониальном шествии одними из последних.

— У этого Портолануса нет никакого сходства с Орогастусом, — вполголоса сказал жене Антар, разглядывая чудаковатую фигуру Хозяина Тузамена. — Колдун, которого я знал двенадцать лет назад, был красив лицом и статен телом. А этот человек сутул и невзрачен, и его мимика производит комичное впечатление. В нем нет никакой власти, от него не исходит никакой угрозы. Он похож не на колдуна, а на шута в этом дурацком колпаке с алмазной звездой на верхушке, в котором он утопает по уши... Смотри, они даже оттопыриваются!

Правитель Тузамена действительно не производил впечатления элегантного мужчины. Его тощая борода и забавные висячие усы ярко-желтого цвета были завиты и обильно намазаны. Наряд его представлял собой безвкусную зеленую робу с оранжевыми полосами — такую просторную, что она больше напоминала палатку, чем платье. Все смеялись над ним, но его это ничуть не беспокоило: он улыбался и, как клоун, заговорщицки подмигивал противоположной стороне зала, приветственно шевеля кривыми пальцами.

— Но ведь не ловкость рук помогла Портоланусу завоевать Тузамен, — с легким раздражением прошептала Анигель. — Не спорю, с такого расстояния он ничуть не похож на Орогастуса, и от него не веет тем опасным колдовским

очарованием, которого Харамис велела мне остерегаться. Но прошло много лет, и на леднике в одиночестве он очень страдал. Его внешность могла сильно измениться. После того как мы поговорим с королем Вондримелем, надо будет подойти к Портоланусу поближе и повнимательнее взглядеться. Отсюда он кажется неуловимым и ускользающим, как фитилек свечи на ветру.

Зазвучали фанфары.

— Дорогой, нам пора, — вздохнула Анигель. — Моя корона ровно сидит? Она такая тяжелая! Просто жду не дождусь, когда можно будет снять ее.

— Ты самая величественная королева в этом зале! — заверил ее Антар.

Он отказался от парадных, богато расцвеченных доспехов и монстроподобного шлема, которые являлись традиционными королевскими регалиями Лаборнока. Его платиновая диадема с алмазами была небольшой и скромной по сравнению с Великой Королевской Коронай Рувенды, искрившейся изумрудами и рубинами и увенчанной сверкающим, как бриллиант, янтарем замысловатой формы. В самом сердце янтара покоился бутон Черного Триллиума — эмблема маленького, окруженного болотами государства, которое одержало казавшуюся невероятной победу над своим более могущественным соседом Лаборноком, в результате чего произошло объединение Двух Тронов. И Анигель и Антар были одеты в сине-голубой гамме: он — в темно-синий, как полночное небо, костюм и усыпанную бриллиантами кольчугу; она — в прозрачно-голубой, похожий на небо сухого сезона, наряд, украшенный традиционным дымчатым кружевом и золотым шитьем на рукавах, подоле и воротнике. На груди Анигели покоилось ожерелье из маленьких капелек янтара в виде Триллиумов с сапфировыми вкраплениями, в точности повторяющими цвет ее глаз.

Торжественная процессия, двигавшаяся с поздравлениями к юному королю Зиноры, строилась в соответствии с правилами строгого этикета: во главе стояли представители самых древних наций, замыкало ряд самое молодое государство — Тузамен. Первыми были удосто-

ены чести выразить свое почтение Вечный принц Уидд и Вечная принцесса Равия из маленького княжества с островов Энджи — такого бедного и малонаселенного, что пираты из Рэктама не снисходили до набегов на него. Тем не менее люди Энджи очень гордились тем, что являлись самой древней нацией из всех народов, населяющих мир. Их моряки слыли самыми опытными, а Вечный принц, несмотря на свои причуды, был общепризнанным посредником и судьей во всех спорах Полуострова.

Анигель улыбнулась, заметив, что добрая старушка Равия одета в то же самое ветхое парчовое платье, которое она надевала восемь лет назад на церемонию по случаю рождения принца Толивара. Пока Уидд давал королю Вондремилю несколько жалких советов, его корона съехала набок и стала видна большая трещина на ее основании.

Потом выступили вперед король Фьомадек и королева Ила из Вара: он — коренастый, с помпезными манерами, она — воплощенное материнство. Оба были увешаны таким количеством драгоценностей, что Анигель удивилась, как оба могут так прямо держаться. Ближайший восточный сосед Зиноры, процветающий Вар, подозрительно относился к заигрываниям юного короля Вондримеля с Рэктамом и Тузаменом. Фьомадек был скован и немногословен, его речь прозвучала натянуто и напыщенно, а когда королева Ила настоятельно посоветовала Вондримелю не медлить с выбором невесты, улыбка исчезла с лица юного короля.

Потом наступила очередь Анигели и Антара. Рувенда была более древней страной, поэтому Анигель поздравила Вондримеля первой, ограничившись пожеланием всех благ. Антар говорил более пространно:

— Мы желаем вам долгого и славного царствования и не хотим ничего, кроме упрочения тех добрых отношений, которые установились между Зинорой и Лабровендой во время правления вашего отца. Два Трона, так же как монархи Энджи и Вара, с удовольствием примут вас в члены Совета Согласия Полуострова, если вы того пожелаете.

Восемнадцатилетний Вондримель был высок. Его водянистые блекло-голубые глаза бежали из стороны в сторону, словно он ждал, что вот-вот подойдет кто-то более значительный. У него была неприятная привычка беспрестанно проводить по тонким губам кончиком языка. Анигель с Антаром невзлюбили его с первого взгляда. Шесть дней назад он приветствовал их очень прохладно и был весьма разочарован преподнесенными ему скромными дарами. На коронационный бал он с ног до головы вырядился в мягкую белую кожу с золотыми вставками, корона тоже была золотой, с бесчисленными жемчугами всех цветов и оттенков. Жемчуга украшали и перевязь, и ножны меча, и скипетр. На свисающей с шеи цепочке красовалась редчайшая розовая жемчужина величиной с яйцо грисса.

— Спасибо за добрые слова.— В тоне Вондримеля звучала нескрываемая ирония.— Хотя мой царственный отец, светлая ему память, отказался вступить с вами в союз по причинам, которые казались ему очень весомыми, я тщательно взвешу ваше предложение и рассмотрю его с тем уважением, с каким отношусь ко всем предложениям других народов доброй воли.

Продолжая улыбаться, Анигель с Антаром поклонились и отошли в сторону, к небольшой нише, где правителям предлагали яства и напитки. Их место занял вождь варваров Деномбо, который именовал себя императором Саборнии; он обратился к юному королю с торжественной речью. Музыка была довольно громкой, так что зрители, находившиеся более чем в трех элсах от короля и его царственных гостей, не могли слышать обмена любезностями.

— Вондримель не очень-то стремится к вступлению в Совет Согласия,— прошептала Анигель мужу.— Боюсь, принц Уидд и король Фьомадек правы, предполагая, что его намерения весьма опасны.

Лицо Антара было мрачнее тучи.

— Если враждебно настроенные аборигены Виндлорских островов станут упорствовать в своем нежелании торговать с Зинорой, будущее этой страны оставляет же-

лать лучшего. Тогда Вар явится для нее и большим соблазном, и утешением.

— Неужели Вондримель настолько глуп, что бросит вызов всему Полуострову и вторгнется в Вар?

— Конечно, только не сам по себе. У него не хватит кораблей, а добраться до Вара по суше невозможно. Но если Рэктам будет с ним заодно...

— Тогда нам, членам Совета Соглашения, придется сражаться на стороне нашего союзника.— Пальцы Анигели вцепились в руку мужа.— Ох, Антар! Мы так долго наслаждались миром... Боюсь, люди Рувенды не очень-то расположены воевать на стороне богатого Вара.

— А если мы пошлем верных рыцарей Лаборнока и воинов на юг, то наши северные границы станут открытой дверью, и защищать нас от вполне вероятного вторжения Рэктама будут только лорд Осоркон и подобные ему личности, в чьей преданности я очень сомневаюсь. Сухопутные силы королевы Ганондри несравнимы с ее морской армадой, но ведь никто не знает, какую армию, какое волшебное вооружение может предоставить в ее распоряжение Хозяин Тузамена.

— Милый, как только вернемся в Дероргуилу, нужно срочно что-то решить с лордом Осорконом и его двусмысленной позицией,— сказала Анигель.— Мы должны отложить традиционный сезонный отъезд в Рувенду, пока не уладим все дела в Лаборноке.

Они дошли до ниши, где их ждал отдых, но вместо того, чтобы отведать изысканных кушаний и напитков, подошли к правителям Энджи и Вара, которые, нисколько не смущаясь, игнорировали продолжающуюся церемонию и перешептывались.

Вульгарный саборнианский император закончил свои поздравления и отошел в сторону. Рыжебородое лицо его излучало самодовольство. Вондримель по-прежнему облизывал губы, как заводная игрушка. Теперь перед ним стояла полная женщина средних лет с доброй улыбкой на устах, и ему, казалось, хотелось спрятаться поглубже в свою роскошную белую кожу. Дело в том, что у королевы Джири из благоденствующего западного королевства

Галанар было шестеро незамужних дочерей вдобавок к тем трем, которых она уже выдала за правителей Имлита и Окамиса.

— Вот и его очередь пришла,— злорадно прошептал Вечный принц Уидд.

Король и королева Вара поддержали его и начали отпускать язвительные замечания, гадая, долго ли Вондримель останется холостяком, сможет ли противостоять матримониальным атакам Джири. Королева Галанара битый час беседовала с юным королем, а когда наконец, запечатлев материнский поцелуй на его щеке, удалилась, он промокнул щеку шелковым платочком и вытер вспотевшие царственные ладони.

Потом к нему приблизились двое строго одетых дуумвиров Имлитской Республики и президент Окамиса — со своими пышными галанарскими женами. Их речи были предельно краткими. За ними шествовали королева-регентша Рэктама и ее внук король Ледавардис; зинорское торжество было его первым выходом в свет, раньше он всегда сказывался «нездоровым».

— Да, милая, он и в самом деле не очень здоровый юноша,— прошептала, обращаясь к Анигели, королева Джири.— Я никак не могла решить, оказывать ли честь Рэктаму предложением о помолвке, ведь они все-таки пираты! А теперь, когда я воочию увидела этого гномоподобного царька, я просто благословляю себя за нерешительность.

Ледавардис выглядел полным ничтожеством, особенно сейчас, стоя по правую руку от своей величественной бабушки, одетой в малиновый, расшитый золотом и усыпанный бриллиантами и рубинами бархат, в короне, гораздо более массивной, чем корона Рувенды. Для своих шестнадцати лет король Рэктама был довольно плотен, но очень низок ростом, к тому же непропорционально широкоплеч и горбат. Его голова с простеньким золотым обручем вместо короны была слишком велика для тощей шеи, а черты лица, исключая маленькие грустные карие глазки, были крупны и безобразны и так грубо вылепле-

ны, что он напоминал какое-то ночное насекомое. Ледавардис с ног до головы был затянут в расшитый золотой нитью черный шелк, который только подчеркивал его уродство. Пока королева Ганондри и Вондримель обменивались любезностями, он не проронил ни слова. Один из молодых королев попытался вывести его из спячки, но тот пробормотал что-то неразборчивое, сделал вялый приветственный жест и удивительно проворно засеменял к нише. Раздосадованная Ганондри была вынуждена прервать свою речь и последовать за ним.

Она вплыла в комнату отдыха с высоко поднятой головой, не обращая внимания на других королевских особ, которые поспешно расступились, давая ей дорогу, направилась прямо к хрустальным чашам с вином и налила полный кубок. Неуклюжий саборнианский император, единственный, кто уже основательно подкрепился, так и застыл с набитым жареной дичью ртом, уставясь на надменное лицо Ганондри. Потом, словно потеряв аппетит, присоединился к тем, кто наблюдал за Хозяином Тузамена.

Время Портолануса настало. Алмазы, венчавшие его высокий шутовской колпак, сверкали в свете свечей, пока он шел с подчеркнутой медлительностью, пританцовывая и прихрамывая, продолжая раздавать направо и налево клоунские салюты и корча гримасы зрителям. Теперь они хихикали в открытую, явно радуясь тому, что скучное первое действие представления окончено и на сцене наконец-то появился гвоздь программы.

Король Вондримель сначала нахмурился, потом поспешно изменил выражение лица, снова и снова облизывая губы, словно боялся, что они могут потрескаться, и начал неуверенно улыбаться, глядя на приближающееся к нему странное существо.

Он даже поднял обе руки в жесте сердечного приветствия — такой чести до этого удостоились только Ганондри с Ледавардисом.

Вдруг Портоланус взметнул вверх правую руку. Как по волшебству, на середине фразы оборвалась музыка. Толпа ахнула и затаила дыхание.

В руке колдуна был зажат золотой жезл с граненым кристаллом на конце, все грани которого излучали свет. Не переставая ухмыляться, колдун сделал выпад в сторону короля: жезл сверкнул, как рапира. Вондримель испуганно отшатнулся.

— А-ха-ха! — закаркал Хозяин Тузамена. — Боишься, да?

Он опять сделал выпад — последовала яркая вспышка, и пол возле ног Вондримеля задымился. Перед удивленным юным монархом выросла груда маленьких платиновых монет, высотой достигающая царственных колен. Одна из монеток, позвякивая, покатила по полу. Наблюдающие эту сцену правители и толпа придворных и знати стали издавать удивленные восклицания.

Вондримель подавился словами негодования, которые он собрался произнести, когда колдун усомнился в его храбрости. Облизывая губы, он начал благодарить Портолануса за огромную кучу денег, но тут же замолчал: странный гость вдруг завертелся волчком. Его тяжелая зелено-оранжевая роба раздулась. Казалось, вертящийся волшебник превратился в шар с разводами. Только конусообразная шляпа с бриллиантовой звездой на конце оставалась неподвижной. Потом этот шар лопнул и превратился в почти плоский кусок материи, над которым все так же неподвижно висел смешной колпак.

Сам Портоланус исчез.

— О зубы Зото! — пробормотал Антар. — Он настоящий карнавальный фокусник!

Внутри полосатой тряпки что-то происходило. Колпак подрагивал. По ткани побежали концентрические волны, потом она стала бешено бугриться, снова надуваясь, как шар, и вознося колпак все выше и выше. Полосатый шар вырос вдвое выше обычного человеческого роста, и толпа закричала: в этом крике слышались и предвкушение дальнейших чудес, и страх. Внутри шара замерцал свет, становясь все ярче, а шутовской колпак провалился внутрь. Над тканью теперь висела одинокая алмазная звезда.

А потом и звезда свалилась вниз, разрывая светящийся шар. Это сопровождалось ослепительной вспышкой и оглушительным взрывом. Люди завопили, а когда снова обрели способность наблюдать, то опять увидели Портолануса, одетого так же, как и раньше: он хлопал себя по коленкам и заразительно хохотал.

Выйдя из оцепенения, король Вондримель начал усмехаться и аплодировать, а знать и придворные поспешили последовать примеру господина.

— Дешевый трюк шарлатана, — сказал Антар своей жене, отвернулся и потянулся к бокалу с вином.

Но колдун закричал:

— Стой!

И направил на него жезл.

Все взгляды в зале проследили за направлением жезла и остановились на короле Антаре.

Наступила напряженная тишина. Антар медленно обернулся и обратил к Портоланусу неподвижное как камень, равнодушное лицо. Одна его рука покоилась на эфесе меча.

— Ты ко мне обращаешься, волшебник?

— Конечно, к тебе, великий король Лабровенды! — Тон у Портолануса был издевательский. — Если ты согласишься приблизиться, Хозяин Тузамена покажет такое чудо, которое произведет впечатление даже на столь неисправимого скептика, как ты.

Анигель ухватила за руку мужа и взволнованно зашептала:

— Нет, любовь моя, не ходи!

Антар рывком освободился от ее руки и быстрым шагом направился к центру бального зала, где посреди груды сверкающих сокровищ стоял с открытым ртом и широко распахнутыми глазами король Вондримель. Внезапно сильный порыв ветра рванул легкие оконные занавеси, послышался отдаленный раскат грома. И тут же ослепительный свет залил сады на реке, раздался более мощный громовой удар, потом еще и еще, так что дворец задрожал и заскрежетал.

Колдун улыбнулся:

— Кроме уже продемонстрированных небольших фокусов, у меня в запасе есть еще одно, более зрелищное доказательство моей силы. Например, вот этот шторм, которому сейчас совсем не время.

Последовала новая серия ослепительных вспышек — и в садах стало светло как днем. Вдоль дорожек покатились голубоватые огненные шары размером с дыню. Еще больше таких шаров заплясало вокруг высоких корабельных мачт, заполнявших гавань. Пораженная толпа не успела опомниться, как один из шаров влетел в зал и, громко шипя, прилип к поднятому вверх жезлу Портолануса.

— Именем Цветка! — ахнула Анигель. — Он повелевает штормом!

Гримасничающее лицо колдуна обратилось к говорящей — на нем лежали зловещие отсветы голубоватого пламени.

— О да! И не только штормом, гордая королева! Я умею награждать своих друзей и наказывать врагов и предателей. Советую вам запомнить это!

Потом он бросил огненный шар в Антара.

С проклятием король выхватил меч и нанес мощный удар по таинственному снаряду. Как только клинок прикоснулся к голубому пламени, и Антар и Портоланус исчезли в клубах дыма.

Вытащив из складок наряда свой талисман и выставив его перед собой, Анигель бросилась вперед и закричала:

— Стой, Портоланус! Приказываю тебе остановиться и вернуть моего супруга!

Дворец еще раз содрогнулся от громового удара, опять сверкнула яркая молния, и еще более сильный порыв ветра загасил свечи и стал срывать со стен гобелены. Анигель еле сдерживала рыдания. Она поняла, что талисман не вернет ни Антара, ни колдуна. В ярости она повернулась к королю Вондримелю. Царственный юноша побледнел от страха, его обступили стража и придворные.

Анигель стояла перед ним, высоко подняв талисман. Янтарное вкрапление в форме Триллиума сияло, как кро-

шечное солнце, так же ярко горел янтарь на ее короне и ожерелье.

— Прикажи Портоланусу вернуть короля Антара! — страшным голосом крикнула она Вондримелю. — Ты, вероломное отродье! Приказываю тебе!

— Я не могу их вернуть! — захныкал юный король. — Не делай мне больно! Я не знал, не имел понятия... они никогда не говорили мне, что...

— Полундра! — взревел император Саборнии. — Бежим к реке! Пиратские корабли Рэктама поднимают паруса! И корабль колдуна тоже! Ставлю тысячу платиновых монет — они похитили короля Антара!

Все бросились к окнам, чтобы посмотреть на реку. В свете непрекращающихся молний показались пять галер, движущихся к срединному течению реки, их паруса надувал штормовой ветер. Четыре корабля были черные, один — белый. За считанные секунды толпа поняла, что гости из Тузамена и Рэктама испарились во время волшебного представления.

— В погоню за ублюдками! — заголосила решительная королева Джери.

Рыцари и аристократы Лабровенды, Вара и Энджи тоже закричали, им вторили разгневанные гости из Имлита и Окамиса. Поднялась страшная суматоха. Император Деномбо и его покрытые перьями саборнианцы вытащили обоюдоострые мечи, с воинственными криками стали выпрыгивать из окон бального зала и помчались прямо по цветочным клумбам к пристани. Другие избрали более традиционные пути. Все бежали к реке, не обращая внимания на свирепый дождь, который начал хлестать с небес и моментально намочил их прекрасные наряды.

Анигель все еще стояла в центре пустующего бального зала. Ее обступили леди Эллинис, Вечная принцесса Равия и Ила, королева Вара, пытаясь утешить несчастную. Король Вондримель с большинством своих соотечественников исчезли. Королевские отпрыски начали хныкать. Взрослые гости и женщины, которые не пошли вслед за воинами, столпились вокруг лабровендской королевы.

Анигель все еще держала над головой талисман.

— Покажи мне моего мужа Антара! — скомандовала она.

Окружавшие ее люди заахали от изумления: талисман, казалось, превратился в светлое зеркало. Потом в этом зеркале появилось туманное изображение мужчины, одетого в темно-синее. Он лежал без чувств на грубой узкой скамье, которая своим внешним видом напоминала корабельную. Его руки и ноги были связаны. Возле него на страже стояли трое дюжих пиратов с обнаженными мечами, но все еще в парадных одеждах.

— Покажи, какой корабль везет Антара! — крикнула Анигель.

Талисман показал огромную трирему королевы-регентши Рэктама.

— Покажи мне Портолануса!

Изображение перенеслось на открытую палубу флагмана королевы Ганондри. На палубе стояла сама королева-регентша в развевающихся на ветру малиновых одеждах, рядом с ней находились несколько офицеров. Поблизости маячило уже знакомое размытое пятно с очертаниями мужской фигуры.

— Покажи, как плывут тузаменский и рэктамские корабли! — приказала Анигель.

Зеркало высветило пять выстроившихся в одну линию кораблей. Большая черная трирема замыкала процессию, в штормовых всполохах были отчетливо видны три ряда дружно работающих весел. Минуту спустя изображение померкло.

— Не печалься, милая, — говорила Анигели старенькая Вечная принцесса Равия, ласково похлопывая ее по плечу. — При таком ветре наши быстроходные катера скоро догонят этих мерзавцев.

— А добрый старый император Деномбо со своими варварами уже преследует их, — добавила королева Ила. — Его корабль почти так же огромен, как пиратский флагман, а для абордажа оснащен даже лучше.

— Во время дождя рэктамцы не смогут воспользоваться катапультами, — сказала леди Эллинис. — Если пове-

зет, мы нагоним негодяев еще до того, как они выйдут в открытое море.

— Нет, — с горечью произнесла Анигель. — Посмотрите сюда, на мой талисман.

Все придвинулись к ней, чтобы заглянуть через плечо и увидеть новое волшебное изображение. Как раз в эту минуту в поле их зрения попал первый из быстроходных энджийских катеров — он на большой скорости приближался к пиратской триreme. Вдруг реку залил ослепительный свет, и зрители увидели, как перед маленьким суденышком поднялась странная, похожая на белую колонну пенящаяся волна высотой в две самые длинные мачты триremы. Крошечный катер, обгоняющий ветер, попытался свернуть. Но страшная колонна неслась прямо на него, врезалась в его носовую часть, и суденышко сгинуло — как будто и не существовало никогда.

Те, кто видел эту ужасную картину, в страхе закричали.

— Что это было? — спросила одна из дочерей королевы Джири. — Морская змея, разбуженная колдовством чародея?

По увядшим щекам Равии струились слезы. Она сказала:

— Нет, это водяной смерч. Такие смерчи образуются над морем, иногда во время летних муссонов они появляются у наших островов, но во время сухого сезона — никогда! Смотрите! Подходит еще один катер! Все наши храбрые моряки погибнут, а за ними и те, кто бросился в погоню! Даже самое прочное судно не устоит перед этим дьявольским смерчем!

На другом конце бального зала, возле двери, которую все еще охраняли зинорские стражи, снова возникла паника. Чей-то голос кричал:

— Мадам! Ох, мадам, какое несчастье!

Мужчина в разорванных лаборнокских одеждах наконец вырвался из цепких рук стражи и подбежал к Анигели.

Она опустила талисман. Изображение внутри него исчезло, янтарный Триллиум перестал мерцать, померкли и драгоценности королевы. Выражение ее лица стало ис-

пуганным, но она продолжала молчать, пока, грохоча каблуками сапог, к ней не подбежал лорд Пенапат с дикими глазами и растрепанной бородой. Лицо у него было такое красное, что казалось, его вот-вот хватит удар.

— О мадам! — Он упал на колени перед королевой. — Как мне рассказать вам? Какой позор! Какое вероломство! Как она могла сделать такое?

— Успокойся, Пени. Мы уже знаем, что король похищен грязным колдуном...

— Но это еще не все! — Огромный мужчина в отчаянии всплеснул руками. — Моя жена! Моя собственная жена Шэрис! Во время торжественной церемонии она дала мне дурацкое поручение, выслав из бального зала с запиской, которая, по ее словам, была очень важна. Я должен был отнести ее маршалу Ованону. Это послание показалось мне полной бессмыслицей, а когда я вернулся назад, люди сказали, что жена ушла, взяв с собой детей. Я ничего не мог понять. О Боже! Я побежал, но было уже поздно.

Сердце Анигели остановилось.

— Мои дети, — сказала она безжизненным голосом. — Мои дети...

— Шэрис похитила их, — произнес рыдающий камергер. — Их троих вместе с моей женой видели на борту пиратской галеры.

— О чем говорилось в этой записке лорду Ованону? — резко спросила леди Эллинис.

— Там было всего два слова, — ответил Пенапат. — «Твой талисман».

Глава 6

На Огненных и Дымных островах извергались морские вулканы. На материке угрожающе закурились огнедышащие горы, вызывая землетрясения в близлежащих землях. В Охаганских горах и на хребтах, опоясывающих край Вечного Ледника, где никогда не было вулканической деятельности, завывали необычные для этого времени года снежные бури. На равнинах и высоких болотистых плато

Руvenды бушевали странные ураганы. Шторм ревел в южных и восточных морях, омывающих Полуостров.

Ужасная непогода, потрясшая мир до самых недр, началась в ночь похищения, и Харамис сразу узнала о ней. Она годами развивала в себе острую интуицию, ту таинственную восприимчивость, которая позволяла Великой Волшебнице моментально чувствовать неладное, особенно если это касалось ее земли и людей. На сей раз интуиция подсказала ей, что кошмарные события, происшедшие на коронации, будут иметь продолжение. Анигель рассказала ей обо всем.

После того как Харамис убедилась, что ничем не сможет в ближайшее время помочь Антару и похищенным детям, она с помощью талисмана исследовала все страны Полуострова и прилегающие к нему земли. Она наблюдала за несвоевременными штормами, землетрясениями и провалами в земной коре, за извергающимися вулканами, за возбужденным поведением диких животных и пришла к выводу, что все эти стихийные бедствия вовсе не являются следствием магической бури, вызванной Портоланусом, дабы без помех покинуть Зинору. Происходило что-то еще более страшное, более пугающее.

Она потребовала у Трехкрылого Диска объяснений происходящему.

Талисман опять показал ей изображение Кровавого Триллиума, а потом заговорил:

— Теперь равновесие мира и в самом деле нарушено, так как воскресший наследник Людей Звезды скоро захватит две части великого Скипетра Власти. Берегись, Великая Волшебница Земли! Ищи совета у тех, кто похож на тебя, и исправь свои недостатки! Действуй, откажись от бесплодной учебы и нелепых исследований. Иначе Люди Звезды одержат победу, и многовековые усилия развеются в прах!

Голос умолк, а оцепеневшая, не верящая своим глазам Харамис все смотрела и смотрела на Кровавый Триллиум, пока наконец видение не померкло. Потом чувство страха сменилось негодованием, она вскочила из-за рабочего стола и начала ходить по библиотеке взад-вперед.

Искать совета, но чьего? Совета ее глупых сестричек?
Исправлять недостатки?

Ее жизнь, отданная учебе и исполнению долга, — бесплодна?

Ее постоянные наблюдения за Лабровендой и окружающими землями — нелепы?

Как посмел талисман обвинять ее во всем этом, как посмел оскорблять? Она так старалась все эти двенадцать лет, пребывая в сане Великой Волшебницы! Рувенда и Лаборнок объединились и жили в мире, люди благоденствовали, а аборигены... ну что ж, большинство из них жили гораздо лучше, чем раньше. Если равновесие мира нарушилось, в этом надо обвинять злого колдуна Портолануса, а вовсе не ее!

Почему талисман указал на недостатки самой Харамис, а не на промахи ее сестер, которые были гораздо серьезнее? Почему вместо этого приказал посоветоваться с ними?

Ну вот, например, Кадия! Всегда лезет во все очертя голову, предлагает какие-то примитивные решения сложных проблем, возникающих в отношениях между людьми и аборигенами! Уверенная в своей правоте, вечно поднимает бурю в стакане воды! По собственной глупости и неосторожности потеряла драгоценный талисман — и теперь Портоланус может захватить его!

А Анигель? Эта милейшая благополучная королева? Эта легкомысленная правительница, которая так осторожничаает, что даже смешно, не обращая при этом внимания на недовольство знати Лаборнока и вопиющие несправедливости в Рувенде, полагая, что все само собой уладится? Ее муж, человек более здравомыслящий, не раз пытался спустить ее с небес на землю, но она снова и снова отвергала его тревогу и беспокойство как необоснованные. А он, безумно любящий ее и не желающий, чтобы между ними возникло хоть малейшее разногласие, позволял убедить себя в ее правоте! Бедный король Антар, преданный слепец!

А эта троица королевских детей, воспитанных в уверенности, что жизнь бывает только мирной и радостной,

избалованных, окруженных лаской и заботой — и оказавшихся совершенно беззащитными в самый опасный момент! И вот король и дети похищены, их держат в заложниках, и они, несомненно, погибнут, если Анигель не обменяет их жизни на свой волшебный талисман.

И она это сделает! Она слаба и сентиментальна...

О Владыки воздуха, ну что за кретинки ее сестры! Ну почему Великая Волшебница Бина была так уверена в том, что они справятся с ролью хранительниц могущественных волшебных орудий? Почему не поручила все три талисмана ее заботам?..

Харамис знала — уж она-то смогла бы сохранить талисманы в неприкосновенности! А имея все три части Скипетра Власти, с легкостью справилась бы с Портоланусом, кем бы он ни был на самом деле. Теперь же, в нынешней дурацкой ситуации, ей остается или сдаться, или сидеть объятая страхом и ждать, пока в башню не заявится сам колдун из Тузамена, вооруженный двумя талисманами.

— Владыки воздуха и Великий Бог защищают меня, — прошептала она, чувствуя предательское жжение в глазах. — Мир и в самом деле рушится — весь мир, а не только этот маленький Полуостров, который я охраняю, а я веду себя, как презренная дура, обвиняя своих сестер и собираюсь сдаваться на милость Портолануса без борьбы!

«Действуй», — вспомнила Харамис голос талисмана. И застыла, готовая разразиться бессильными слезами.

— Действовать? Но как? Лететь на спине ламмергейера на юг и сразиться с колдуном на борту пиратского корабля? Но еще задолго до того, как я доберусь до него, Портоланус завладеет талисманом Кадии с помощью проклятого Звездного Сундука! Почему ты позволил ему захватить эту вещь? Почему позволил ему отыскать Кимилон? Почему оставил Орогастуса в живых?

За зубчатыми стенами башни завывал штормовой ветер — словно хор пел похоронные гимны. Эта унылая музыка внезапно напомнила Харамис о старом друге юности, ниссеме Узуне, любившем играть на арфе и флейте. Он всегда старался развеселить принцессу, когда ей ста-

новилося грустно. Смешной старина Узун, веселый и умный, со своим неизменным бездонным мешком длинных сказок, он преданно шел с ней за талисманом до тех пор, пока мог выдержать этот тернистый путь. пока хрупкое телосложение не заставило его повернуть назад. Добрый Узун покинул мир пять лет назад, и теперь ей некому довериться, никто на свете не любил ее такой, какая она есть, со всеми недостатками. У нее не было ни одного близкого друга. Ее окружали лишь слуги-виспи, которые называли ее Белой Дамой и считали такой же сильной и мудрой, как Бина, поскольку она носила одежды Великой Волшебницы.

Как смешно... Несмотря на упорные труды, она почти ничего не знала о возможностях своего талисмана. Ей казалось, что пройдут бесконечные годы, а она так же медленно будет учиться пользоваться им. Великая Волшебница Бина дожила до глубокой старости и умела прожить даже без помощи талисмана. Но она не оставила своей преемнице никакого учебника магии. Харамис очень старалась, но теперь, когда наступил кризис, она оказалась беспомощной. Амулет, свисающий с ее шеи, казалось, издевался над всеми ее усилиями.

«Ищи совета у тех, кто похож на тебя».

О ком шла речь?

Харамис нахмурилась. Потом почувствовала облегчение. Впервые слова талисмана проникли в ее сознание, впервые она смогла вдуматься в их смысл. Кто похож на нее? Конечно же это не сестры, а... Но это невозможно! Бина бы сказала ей! А что, если Бина не знала?

Харамис отошла от камина, вытерла слезы и снова дрожащими руками подняла вверх талисман.

Она спросила:

— Я единственная Великая Волшебница в этом мире?

— Нет.

Она ахнула:

— Быстро покажи мне другую! Любую!

Диск заволокло жемчужным туманом. Но опять возникли только радужные разводы, которые указывали на

то, что существует защитное колдовское поле. Харамис застонала:

— Ну конечно. Они защищены так же, как и я.— Она снова обратилась к талисману: — Сколько Великих Волшебников существует на свете?

— На Земле, на Море и на Небесах.

Вот оно что! Сама она, несомненно, была Волшебницей на Земле, оставалось еще двое.

— Будет ли кто-нибудь из них разговаривать со мной? Поможет ли?

— Если ты пойдешь к ним.

— Но как мне найти их?

— Есть два пути. Первый — дожидаться их приглашения. Второй можно узнать в Недостигаемом Кимилоне.

Харамис вскрикнула от радости:

— Слава Триединому! Я немедленно отправляюсь туда!

Дверь библиотеки открылась, и, неуверенно ступая, вошла Магира. За ней виднелись еще несколько высоких женщин-виспи.

— Белая Дама! Вы звали нас? Нам показалось, что вы вскрикнули от боли...

Взбужденная Харамис затрясла головой:

— Это всего лишь утолк из камина: он обжег мне руку. Но я рада, что вы здесь. Известите людей, которые ухаживают за ламмергейерами. Завтра на рассвете я лечу в Кимилон. Немедленно пришлите ко мне нашего гостя Шики, я хочу попросить его быть моим проводником. Приготовьте еду, переносные палатки и вообще все, что может понадобиться в путешествии. Не забывайте, нам придется провести около десяти дней на ледяном ветру.

— Госпожа! — вскричала пораженная Магира.— Этот колдовской шторм! Если даже на морском побережье извергаются вулканы, представляете, что происходит в Кимилоне?

— Я смогу побороть любой шторм, вызванный Портоланусом,— заявила Харамис.— Уж этому-то я научилась, проникая в тайны талисмана. Что же касается вулканов и прочих помех, уверяю вас, если они будут представлять для меня угрозу, я с ними справлюсь без

труда. Портоланус угрожает всему миру, и, поскольку я хочу вступить с ним в схватку, эта поездка крайне важна. Идите и делайте, что я сказала.

Она снова села за стол и взялась за талисман. Прежде чем отправиться в путешествие, нужно еще раз посмотреть, что творится на юге, и дать пару советов Анигели. Если королева будет действовать по своему усмотрению, она наделает массу ошибок... Но сначала надо взглянуть на среднюю сестру.

— Покажи мне Кадия, — скомандовала Великая Волшебница.

Она увидела залитую дождем узкую улочку захолустного городка. Дома по архитектуре напоминали зинорские. Это был явно порт: тут и там гнездились таверны с вывесками, в названиях которых преобладали морские мотивы. По булыжной мостовой брели с угрюмыми лицами Кадия, Джеган и их небольшое войско, состоявшее из дюжины высоких, свирепого вида вайвило с перекинутыми через плечо походными узлами. Было очевидно, что пока им не удалось нанять корабль до Виндлорских островов.

Харамис приложила два пальца к янтарному Триллиуму талисмана и закрыла глаза. Теперь увиденная картина стала более отчетливой. Белая Дама даже ощущала хлещущий в Курээ дождь, слышала завывание ветра в трубах таверн, унылое карканье птиц поти, вдыхала запахи моря и вонь грязных улочек.

— Кадия! Кадия! Тебя вызывает Харамис! Ты меня слышишь?

Выражение лица сестры ничуть не изменилось. Она была занята собственными проблемами и не воспринимала мысленный зов Харамис.

Великая Волшебница вздохнула, открыла глаза, и видение исчезло.

Может, стоит попытаться связаться с Кадией, когда та будет спать? Ведь должен же существовать какой-то способ общения на расстоянии, пусть талисман и потерян... Теперь надо снова взглянуть на пиратов и Анигель.

Харамис взяла пергаментный свиток карты зинорского побережья, развернула его и разложила на столе, придавив уголки книгой, канделябром, пустой чашкой из-под чая и черной коробочкой Исчезнувших, которая умела петь странные песни, если нажать на клавишу.

Потом Харамис дала талисману задание:

— Мне нужно увидеть отчетливое изображение корабля королевы Ганондри с такой высоты, чтобы в поле зрения попали береговые очертания и острова. Я хотела бы посмотреть на него с севера на юг.

И она опять закрыла глаза. Видение, заполнившее ее сознание, не было столь ясным и отчетливым, как в ледяном зеркале Орогастуса, теперь уже не работавшем. Она так и не смогла научить талисман указывать точные координаты и названия земель, рек и других географических точек. Но уже давно приспособилась сверять безымянные ландшафты, которые воспроизводил в ее сознании талисман, с хранившимися в библиотеке картами и планами местности и определять местоположение.

Этой ночью она уже второй раз вызывала изображение пиратской триремы. Было темно и штормило, поэтому оно было не таким ярким, как при свете дня, в нем преобладали черные и серые тона. Сейчас рэктамский флагман казался мрачным пятном между двумя островками, но было видно, что он ушел далеко вперед от четырех сопровождавших его кораблей. Слева едва просматривалась темная громада материка. Харамис необходимо было запомнить береговые очертания, потом внимательно изучить карту — лишь тогда она могла зафиксировать местоположение корабля.

— Ага! Поймала!

Судно находилось более чем в ста лигах к юго-западу от Талоазина. Именно этого она и боялась. Корабль плыл не домой, а прямо к Виндлорским островам — с Портоланусом и заложниками на борту. Она отметила на карте координаты пиратского флагмана, потом приказала талисману показать ей другие рэктамские суда, тузаменский корабль, принадлежавший Портоланусу, а также флотилию Анигели, которая следовала за ними. Смертельно

опасные водяные смерчи испугали других преследователей, и они отказались от погони.

Медлительные рэктамские корабли и одинокое судно Тузамена находились в двадцати лигах позади триремы королевы Ганондри, и расстояние между плывущими по бушующему морю кораблями все увеличивалось. Корабль Анигели был в пятнадцати—шестнадцати лигах от пиратской флотилии, его сопровождал эскорт из трех небольших галер.

— Теперь покажи мне короля Антара, — приказала талисману Харамис.

Картина, которую она увидела, ничем не отличалась от той, что она наблюдала тремя часами раньше. Он все еще лежал без сознания на грубой корабельной скамье в загроможденной части трюма, его ноги и руки были связаны, и его все так же стерегли дюжие мерзавцы. Сочувственно покачивая головой, Харамис приказала показать трех ребятишек.

Теперь они находились не в каюте, отведенной для вероломной леди Шэрис, а в тесном темном отсеке, запертом на замок. Из-за шторма корабль ходил ходуном, и картинка скакала вверх-вниз, согласуясь с движениями корабля: иногда слышались глухие удары, а звук трескающегося дерева был постоянным. Над тощими тюфьяками, на которых спали Никалон, Джениль и Толивар, висели влажные огромные цепи. Парадная одежда детей была покрыта грязью и ржавчиной.

— Якорный отсек на носу корабля: вот куда их запихнули. Бедные малыши! Если Ани смотрела на них с помощью талисмана, ее бедное сердце наверняка разрывалось. Но, кажется, им не причинили никакого вреда.

Она вызвала изображение своей сестры. Вид у королевы был плачевный: одетая в кожаный моряцкий плащ, она стояла на палубе, опираясь на поручни, и смотрела на шторм. На голове ее был надет талисман — Трехглавое Чудовище, и Харамис поняла, что прервала наблюдения Анигели: королева явно следила за своей похищенной любимой семьей.

— Хари! Мы далеко от них? — спросила королева. — Я не имею понятия, где находится то место, которое по-казывает мой талисман.

— Ты должна сказать капитану, чтобы он непременно изменил курс, — ответила Великая Волшебница и рассказала о точном местоположении и направлении движения рэктамской флотилии. — Колдун вместе с пиратами мчится вовсе не домой, как мы думали раньше, а прямо к Виндлорским островам. Они охотятся за потерянным талисманом. И если этот дьявольский, вызванный Портоланусом ветер еще продержится, они, видимо, доберутся до Консульского острова дня за три.

— Нам никогда не догнать их! — В глазах Анигели не было и искры надежды.

— Нет, у нас есть еще один шанс. Как только трирема пересечет открытое пространство между материком и островами, она попадет на мелководье. Ведь не зря же Виндлорские острова называют Покинутыми Ветром. Сомневаюсь, что при таком количестве рифов, отмелей, островков и скал колдуну удастся вызвать даже легкий ветерок. Твой же корабль не так массивен, как рэктамский, а твои матросы — люди свободные и целеустремленные. Вы сможете догнать их на веслах.

— А Кади уже наняла парусник в Курээ?

— К сожалению, пока нет. Она все еще и поисках. Я опять попыталась связаться с ней, но безрезультатно. Ани, ты тоже должна попробовать, ты ближе ей по духу, чем я...

— Не говори так! Она любит тебя не меньше, чем меня, и я знаю, что ты ее тоже очень любишь.

Харамис вздохнула:

— Как бы то ни было, попытайся. Если она немедленно выйдет из Курээ на быстроходном паруснике, ей удастся доплыть до места потери талисмана быстрее, чем Портоланусу.

— Но мы ведь планировали достать талисман Кади из морских глубин с помощью моего талисмана. Как же она вернет его без меня?

— Не знаю. Все будет зависеть от того, найдет ли она какой-нибудь способ задержать Портолануса до прибытия твоих кораблей. Попробуй поговорить с Кадии во сне. Может быть, в сонном состоянии она будет более восприимчива. Она обязана опередить колдуна!

— Отлично. Я постараюсь. Но продолжай присматривать за нами, не бросай нас, Хари.

Великая Волшебница заколебалась:

— У меня есть новый план борьбы с Портоланусом, но пока что мне не хотелось бы рассказывать о нем. Не огорчайся, если с этой минуты я не так часто стану связываться с тобой. Однако если тебе очень нужно будет поговорить, тут же вызывай меня.

Лицо Анигели просияло.

— Новый план? О Хари, расскажи мне!

Великая Волшебница покачала головой:

— Он может лопнуть, если Портоланусу удастся завладеть талисманом Кадии. Или твоим. Помнишь, когда Портоланус второй раз летал в Кимилон, он возвратился с каким-то таинственным сундуком. Я спросила у талисмана, что это за сундук, и он рассказал, что эта вещь способна разлучить талисманы с их владелицами. Нужно всего лишь поместить их внутрь сундука и произнести определенные заклинания.

— Ты хочешь сказать, что колдун сможет прикасаться к талисманам без всякой опасности для своей жизни?

— Да, а возможно, и того хуже: как только он расторгнет узы между тобой и талисманом, он установит с ним магическую связь и станет пользоваться им.

— Ради Цветка!..

— Ани, милая, я понимаю, как болит твоя душа за мужа и детей. Но ты не должна выполнять требования Портолануса: он обязательно будет просить выкуп. Он, несомненно, пообещает тебе вернуть Антара и детей в целости и сохранности в обмен на талисман. Но ни в коем случае не верь ему. Освободить пленников — вот наша единственная надежда. Поклянись, что не отдашь талисман колдуну!

— Я... я буду тверда. Лорд Ованон и его храбрые рыцари помогут мне спасти Антара и детей, они что-нибудь придумают. Ох, если бы я могла оказаться поближе к этому ублюдку-колдуну, так близко, чтобы мое Трехглавое Чудовище покарало его! Если бы я понимала, кто он такой, ему никогда бы не удалось захватить мою обожаемую семью!

Харамис сказала много убедительных и ободряющих слов своей сестре, а потом видение растаяло. Поднявшись из-за стола, она подошла к небольшому секретеру, где хранились свернутые в свитки карты, и приказала талисману отыскать ту, на которой был изображен район ледника, к западу от Тузамена. Но такой карты, видимо, не существовало. Харамис сама стала рыться в архиве, нашла карты Тузамена (хотя и не очень детальные) и простенькую карту горного массива, где жил народ, именующий себя дороками. Но ни одна из карт не располагала сведениями о Недосягаемом Кимилоне.

Харамис все же получила представление о нем с помощью своего талисмана: небольшая замкнутая территория, окруженная покрытыми льдом скалами и курящимися вулканами. Но ей так и не удалось выяснить точные координаты Кимилона. Во всей огромной библиотеке не нашлось ни одной книги, содержавшей хотя бы намек на его географическое положение. Теперь ей стало ясно, что Великая Волшебница Бина никогда не использовала Кимилон в качестве хранилища. Возможно, хранилище там и существовало, но до ее служения, и было невообразимо древним. А может быть, эта территория принадлежала одной из двух других Волшебниц — Моря или Небес.

Кто-то тихо поскребся в библиотечную дверь.

— Войдите, — сказала Харамис.

Она спрятала карты и пошла встречать Шики.

За прошедшие семь дней коренастый маленький абориген совершенно поправился. Его огромные глаза отличали золотом, в них уже не было кровавых прожилок, а на лице с почти человеческими чертами и на руках не осталось и следов обморожения. Только стоящие торчком уши по-прежнему были забинтованы, так как кон-

чики их отвалились от холода. Живущие в башне мастеровые-виспи сшили ему новую одежду, и он очень гордился свисающим с шеи мечом с Черным Триллиумом — эмблемой Великой Волшебницы, что означало поступление к ней на службу.

— Магира говорит, вы собираетесь отправиться в Кимилон, Белая Дама.

— Если ты захочешь сопровождать меня, Шики. Ни карты, ни магия не помогли мне определить его точное местоположение. Наверное, и эта территория, и окружающие ее льды защищены каким-то колдовством.

Маленькое существо кивнуло, лицо его опечалилось.

— Я с радостью провожу вас, а если Владыки воздуха потребуют от меня жертвы, то отдам за вас жизнь. Никакая служба не сделает меня таким счастливым, как помощь в борьбе с отвратительным колдуном, который погубил мою семью и друзей. А еще кто-нибудь из народа Гор полетит с нами?

— Нет. Только мы с тобой. И может статься, наше путешествие не закончится в Кимилоне — мы полетим еще дальше. В места, которые не видел никто из Народа и ни один человек. В опасные, страшные места.

Шики протянул свою трехпалую руку и улыбнулся:

— Я готов, Белая Дама. Мы оба сильны, мы отправимся туда, куда нужно, и вернемся невредимыми. Я знаю это.

Харамис сжала руку Шики в своей и улыбнулась ему в ответ:

— Ты ведь знаешь, что именно понадобится нам в пути? Может быть, ты пойдешь к гнезду ламмергейеров и согласишься, все ли готово к отправлению? Мы должны вылететь завтра на рассвете.

— Я иду.

Он весело кивнул и вышел.

«Действуй».

Именно так и сказал талисман. Больше никакой учебы, никаких наблюдений и сомнений. Раньше ей только один раз пришлось предпринимать решительные действия — тогда она шла через непроходимые горы вслед за

летающими семенами Черного Триллиума, которые в конце концов привели ее к талисману. Теперь никакие волшебные семена не помогут, ее единственной опорой стало самое обыкновенное смертное существо — маленький человечек, занесенный в ее башню жестокой судьбой.

Судьба? Ох, Харамис...

— Спокойно,— властно сказала она себе, спрятала талисман под платье и направилась к выходу из библиотеки.

Внезапно мелькнувшая мысль заставила ее остановиться. Как связаться с Кадией? Ну конечно же! Она громко вскрикнула:

— Харамис, ты простофиля!

Потом она снова вытащила талисман, подняла его и стала отдавать приказания.

Глава 7

Прижавшись теснее друг к другу, Кадия, Джеган и пятнадцать великанов из Тассалейского леса остановились около таверны — последней, в которую они еще не заходили. Не переставая грохотал гром, на раскачиваемой ветром бамбуковой вывеске позвякивали колокольчики. Даже неграмотный путник догадался бы, что внутри этого заведения его ожидают еда и выпивка.

Кадия сказала:

— Вдруг в этой крысиной дыре судьба улыбнется нам. Нужно скорее отправляться за талисманом, скорее нанять судно — меня мучает ужасное предчувствие. Джеган, ты, как всегда, прикроешь тылы, не спускай глаз с города. Возможно, слухи о нашем прибытии уже опередили нас. Лумому-Ко, пожалуйста, прикажи своим воинам умерить пыл: если кто-то в таверне начнет дразнить или оскорблять нас, пусть они сдерживают себя или хотя бы не начинают драться, пока я не опрошу всех шкиперов.

Самый высокий вайвило, чье некогда изысканное одеяние превратилось в грязную тряпку из-за свирепствующего в Курээ ураганного ливня, ответил:

— Если зинорские слюнтяи все-таки откажутся сдать корабль в аренду, мы можем вернуться к прежнему плану и плыть самостоятельно.

— Мне страшно не хочется этого, — сказала Кадия. — В такую ужасную погоду без опытных моряков на борту мы вряд ли доберемся до Виндлорских островов живыми.

В разговор вмешался юный вайвило по имени Лам-Са, тот, который помогал Лумому-Ко спасти утопающую Кадия:

— Но ведь моряков можно и уломать!

Когда он проговорил эти слова, его острые клыки устрасюще сверкнули, а друзья-воины зловеще заухмылялись.

— Нет, — осадил их Кадия. — Одно дело — потребовать судно и оставить за него плату, и совсем другое — похитить команду. Скорее я соглашусь потерять свой талисман навеки, чем возвращать его таким способом. Я молила Владык воздуха о помощи. Думаю, нам все-таки удастся найти корабль.

Неожиданно для всех Джеган коротко вскрикнул. Он замер, зрачки его желтых глаз расширились. Он уставился в небеса, не обращая внимания на дождь, хлещущий по его плоскому, широкому лицу.

— Что случилось, старина? — воскликнула Кадия.

Но маленький человечек стоял как вкопанный, не отрывая взгляда от невидимой точки. Наконец спустя несколько минут он медленно пришел в себя, глаза его перестали сверкать, а тело расслабилось. Он посмотрел на Кадия изумленно и прошептал:

— Белая Дама! Она говорила со мной!

— Что? — вскричала пораженная Кадия.

Джеган обхватил голову руками, словно пытался удерживать разбегавшиеся мысли.

— Пророчица, она говорила со мной! Ты знаешь, что мы, народ Топей, умеем общаться без слов с подобными нам, хотя и не так искушены в телепатии, как наши братья уйзгу и виспи. Ты сама много раз разговаривала со мной на расстоянии с помощью талисмана. Но Белую Даму я слышал впервые.

— Что же она сказала? — Кадия распырало любопытство.

— Она... она называла свою священную особу просто-филей. Ей очень надо было поговорить с тобой, но после того, как ты потеряла талисман, она не могла этого сделать. И только сейчас догадалась поговорить со мной, чтобы я передал тебе вестъ от нее. Она забыла, что я рядом с тобой, думала, ты путешествуешь с одними вайвило, которые почти не восприимчивы к мысленной речи на больших расстояниях.

— Ну, ну... и что же это за вестъ?

— Так вот, Пророчица, отвратительный колдун Портоланус на быстроходной галере плывет на юг, чтобы завладеть твоим талисманом.

— О Троединый Бог!

— Белая Дама говорит, что, если мы немедленно отплывем из Курээ, у нас еще есть шанс добраться до талисмана раньше его.

— А она не сказала, как я смогу достать его? — нетерпеливо спросила Кадия.

— Твоя сестра Анигель тоже гонится за колдуном. Если вам обеим удастся встретиться в месте, где был потерянный талисман, Белая Дама полагает, что талисман королевы поможет вернуть твой.

— Джеган, если такое могло бы...

Но в это мгновение дверь находившейся напротив них таверны рывком распахнулась. На улицу вырвался сноп света, до Кадии и ее друзей донеслись звуки визгливой музыки, шум голосов, пьяный смех и крики. Через минуту в дверном проеме показались двое дюжих мужчин в грязных фартуках. Они тащили упирающегося, вопящего человека. На нем был экзотический наряд: черные шелковые панталоны, заправленные в высокие красные сапоги; сшитая из разноцветных кусочков кожи куртка, красивый красный плащ и широкополая шляпа с черными перьями и малиновыми лентами, надвинутая так низко на лоб, что он не мог ничего видеть. Кадия тоже не могла разглядеть его лицо. Он тщетно пытался вырваться из цепких рук своих обидчиков.

— Помогите! — вопил он. — Воры! Свиньи! Грязные мошенники! Отпустите меня! Вы мне кости переломаете!

Двое вышибал перекинули его через порог и захлопнули дверь. Человек пулей вылетел на улицу и приземлился посередине грязной мостовой. Надвинутая на лицо шляпа спасла его рот от скользкой глины. Он лежал и жалобно постанывал, а дождь молотил по его спине и намокшим обвисшим перьям.

Кадия наклонилась над ним, перевернула и размотала ленты шляпы, открывая лицо. Он с облегчением вздохнул, и Кадия обдало перегаром. Его мутные глаза наконец открылись.

— Привет, милашка. Что делает на улице такая симпатюлочка в эту отвратительную ночь?

Но тут в поле его зрения попала группа обступивших его вайвило, и он возобновил свои пьяные причитания:

— Сюда! На помощь! Б-бандиты! Монстры! На м-меня напали морские оддлинги! Помогите!

Кадия хладнокровно заткнула ему рот завязкой плаща. Он дернулся, икнул и умолк.

— Успокойтесь. Мы не собираемся обижать вас. Мы всего лишь путешественники из Рувенды, и это не дикие морские оддлинги, а мои друзья, цивилизованные вайвило. Вам больно?

Человек расслабился. Его глаза с красными прожилками перестали бешено вращаться. Он покачал головой.

Кадия кивнула Лумому-Ко. Вдвоем они поставили человека на ноги, импровизированный кляп выпал изо рта. Он стоял, дрожа, бормоча что-то нечленораздельное, а Джеган выудил его злополучную шляпу из уносившего ее ручейка и нахлобучил ему на голову.

— Я — Кадия, еще меня называют Дамой Священных Очей, а это — вождь народа, обитающего в Тассалейском лесу, его зовут Лумому-Ко, и его воины. Все они мои друзья. Мы собирались зайти в таверну, как вдруг появились вы.

Мужчина горестно хрюкнул и сдвинул шляпу на затылок. Потом вытащил из рукава огромный носовой пла-

ток и начал вытирать лицо. Он был настолько пьян, что они с трудом понимали его речь.

— Когда... грязные подлые мерзавцы... выкинули м-меня! Облапошили м-меня, как младенца... обжулили в кости... вытащили мой кошелек... и эт-та после того, как выманили у м-меня все деньги за товар! О-ох, как мне плохо...

Его начало рвать, и Лумому-Ко вместе с другим воинном поддерживали его за плечи. Завывал ветер, вовсю лил дождь, а колокольчики на вывеске таверны все так же весело позванивали. Когда несчастный немного оправился, Кадия спросила:

— Кто вы такой и как у вас украли кошелек?

— Меня зовут Ли-Вунли... я чесс-ссный моряк из Окамиса.— Он недоверчиво посмотрел на Кадия.— Вы знаете Окамис? Самая в-велик-кая стр-рана в мире! Республика, а не занюханное королевство вр-роде Зи-но-ры! Будь проклят тот день, к-когда я поп-плыл в Зинору! Надо было в-везти товар в Имлит, х-хотя они и не платят так хорошо!

Глаза Кадии просияли.

— Значит, вы моряк?

Ли-Вунли выпрямился и гордым движением запахнул полы плаща.

— Искусный моряк! Я к-капитан отличного торгового судна «Лития». Я назвал его в честь моей дорогой, моей драгоценной жены! — Он икнул и залился пьяными слезами.— Она убьет меня, моя Лития! Она р-разне-сет меня на куски и продаст в рабство в Саборнию!

Кадия обменялась взглядами с Лумому-Ко. Тот кивнул и медленно повернул голову к своим воинственным сородичам, которые уже улыбались, предчувствуя удачу.

— Нашего нового знакомого Ли-Вунли обманули в бесчестной игре в кости,— печально заговорила Кадия.— Обидно, что происходят подобные вещи. К тому же здесь, в ночном Курээ, власти наверняка примут сторону владельца таверны, а не какого-то чужестранца.

— Похоже, так оно и будет.— Голос Лумому-Ко прозвучал словно раскат грома.— Какой позор! Владыки воздуха вызывают о мщении!

Воины поддерживали его гневными криками. Во тьме штормовой ночи их глаза с вертикальными зрачками, свидетельствовавшими, что в крови народа текла кровь скри-теков, загорались подобно золотым углям.

Кадия сжала грязные руки шкипера.

— Капитан Ли-Вунли, — проникновенно сказала она, — мы бы хотели помочь вам. Но и вы должны нам помочь. Мы искали корабль... Нужно проплыть около восьмисот лиг. Трусливые зинорские капитаны боятся пускаться в плавание в такую погоду. Если мы вернем вам документы и деньги, вы сдадите нам ваше судно? Мы заплатим вам тысячу лабровендских платиновых крон!

Окамисец выпучил глаза:

— Тысячу? И вы накажете этих зинорских негодяев и отведете меня на корабль со всеми моими вещами?

— Да, — ответила Кадия.

Ли-Вунли закачался на неверных ногах, а потом рухнул в грязь перед Кадией.

— Леди, если вы сделаете это, я отвезу вас даже к замерзшему морю Авроры, даже к вратам ада, а если пожелаете — то и дальше!

— Отлично. Вы хотите отправиться в таверну вместе с нами? Мы исполним все ваши пожелания!

Ли-Вунли с трудом поднялся на ноги и завязал ленты своей шляпы.

— Ни за что на свете не откажусь от такого удовольствия!

К великому огорчению воинов и радости Джегана, битва не состоялась. Одного вида вайвило с их оскаленными клыками и когтистыми лапами, сжимающими оружие, оказалось достаточно, чтобы бесчестные игроки в кости сбились в жалкую стайку. Перекидывая игральные кости из одной руки в другую, Кадия грустно качала головой и с укоризной смотрела на трех перепутанных зинорских шулеров, сидящих в конце стола. Их застали как раз в тот момент, когда они занимались дележкой выманенных у Ли-Вунли денег.

— Добрые люди,— обратилась она к ним,— по-моему, хотя, возможно, вы этого и не заметили, какой-то негодяй заменил нормальные игральные кости, которые были в этом внушающем доверие заведении, на фальшивые, с магнитом.

— Вполне... вполне может быть, леди,— проямлил жулик, одетый лучше других, тощий человек с тяжелым взглядом.— Могло случиться, что мы этого и не заметили.

Двое других мошенников энергично затрясли головами, на их лицах застыли улыбки — еще в тот момент, когда воины вайвило потянулись к эфесам мечей и наполовину вытащили из-за спин боевые топорики.

Кадия одарила все трио доверчивой улыбкой, а потом швырнула кости в середину груды рассыпанных по столу золотых монет.

— Приятно это слышать. Я уверена, что такие благородные игроки, как вы, никогда бы не воспользовались плачевным состоянием выпившего лишку подданного Окамиса. Понимаете ли, и я, и мои друзья вайвило были бы очень расстроены, если бы капитану Ли-Вунли не удалось отплыть из Курээ сегодня ночью, так как мы зафрахтовали его судно.

— Вот они! Вот его документы! — сказал вожак негодеев, вытаскивая бумаги из привязанного к ремню мешочка и выкладывая их на стол.— Возьмите их, леди, вместе с искренними пожеланиями доброго пути и вам, и вашим друзьям.

— И деньги за товар! — упрямо сказал Ли-Вунли.— Сем-мсот шесс-снац-цать золотых зинорских марок!

Шулер замешкался. Тогда Лумому-Ко ласково положил трехпалую руку на плечо мошенника и легонько сжал его.

— Деньги за товар,— прорычал он.

Славленно охнув, шулер придвинул к шкиперу золотые монеты и сказал:

— Бери и будь проклят!

Ли-Вунли довольно крякнул и стал запихивать золото в кошелек.

Появился крадущийся на цыпочках хозяин таверны, он приблизился к окамисцу и рассыпался в извинениях

за причиненное беспокойство. Он клялся, что сурово накажет служителей, которые вышвырнули посетителя на улицу.

— Мы поверим в ваши благие намерения, — медовым голосом заговорила Кадия, глядя ему прямо в глаза, — если вы распорядитесь подать всем нам хороший ужин. А потом мы вас покинем, не унося с собой ничего, кроме добрых воспоминаний о прекрасном порте Курээ. В других тавернах, которые мы посетили этой ночью, хозяева не были так гостеприимны. Мои друзья очень расстроились, и боюсь, что они, верные своим обычаям, не останутся в долгу у обидчиков.

Вайвило зарычали и заgrimасничали, снова хватаясь за оружие.

— Какой позор! — вскричал хозяин таверны. С его лысого черепа ручьями струился пот. — Курээ славится своим гостеприимством во всех южных морях! Садитесь, пожалуйста, все садитесь, я устрою для вас настоящий пир!

— И с собой тоже заверни, — сказал Лумому-Ко.

— Все, что пожелаете, — отозвался хозяин.

Должно быть, это был их последний приличный ужин перед дальней дорогой.

Пока они ели, Ли-Вунли спал мертвецким сном. Кадия и ее спутники с трудом разбудили его и почти на руках донесли до пристани, где была пришвартована «Лития». Там под непрекращающимся ливнем они нашли неказистое маленькое суденышко с острым килем и кормой и двумя мачтами. Оно было привязано к причалу ветхим канатом, и его борта нещадно бились о доски пристани. Проход к тяжелому висячему трапу преграждали двое угрюмых, вооруженных до зубов мужчин.

— Офицеры морского порта Курээ, — представился один из них Кадии. — Никто не покинет этот корабль и не ступит на его борт, пока не будут оплачены портовые услуги и таможенный сбор.

При свете залепленного грязью фонаря Кадия внимательно изучила счета.

— Кажется, все верно. — Она вытащила из-за ремня шкипера туго набитый кошелек и отсчитала сто пятьдесят три золотых монеты.

Таможенные офицеры отдали честь и удалились. Скоро их скрыла стена дождя. Лумому-Ко перекинул Ли-Вунли через плечо и первым ступил на борт корабля.

«Лития» нуждалась в окраске и была вдвое меньше ватонианского корабля, который возил депутацию к Виндлорским островам. Металлические поручни не надраены, палуба оказалась грубой и неоструганной. Но «Лития» была добротнo построена, мачты новенькие, свернутые паруса, аккуратно подвязанные канатами, тоже казались прочными и сверкали белизной. На корабле не было видно ни души. Посередине располагалась небольшая неосвещенная рубка, а прямо под ней — кубрик, сквозь стеклянную дверь которого просачивался слабый свет.

Кадия открыла дверь кубрика.

— Здесь есть кто-нибудь? — позвала она.

После того как она повторила свой вопрос, на нижней ступеньке трапа появился, потирая глаза, молодой мужчина, одетый в рваные брюки. Больше на нем ничего не было.

— Капитан Ли? Это вы? А мы уже распрощались с вами... ох!

Его глаза расширились от изумления, когда качающийся фонарь отбросил свет на Кадия и возвышавшегося за ее спиной огромного, свирепого вида Лумому-Ко, через плечо которого был перекинут бесчувственный шкипер.

— Бог ты мой! Кто вы такие? Что случилось с капитаном?

— Ваш капитан цел и невредим, дружище, — сказала Кадия. — Мы вытащили его из скверной истории. Я — Кадия, Дама Священных Очей, а это — вождь вайвило Лумому-Ко. Мы зафрахтовали этот корабль, и Ли-Вунли дал согласие отплыть немедленно.

— Нет, нет, — сказал моряк, тряхнув растрепанной головой. На вид ему было лет двадцать пять, у него были

темные вьющиеся волосы и симпатичное лицо.— Мы никуда не сможем плыть без команды, леди. На борту остались только я, Бен да старый Лондон, другие уплыли на том большом торговом варонианском судне, которое было сегодня днем.

Кадия и Лумому-Ко переглянулись. Она сказала:

— Это корабль Киви Омина, который привез нас сюда.

Молодой человек вышел на палубу и предложил Кадии и Лумому-Ко проводить их до капитанской рубки.

— Видите ли, капитан Ли немного скуповат, а из всей команды только мы с Беном и старым Лондоном связаны с ним родственными узами. То варонианское судно оказалось поблизости и переманило десять наших парней. Они были рады уйти, в больших портах можно заработать неплохие деньги. Особенно на востоке. Когда они уходили, капитан был готов выцарапать им глаза. Он говорил, что к завтрашнему дню постарается найти подходящих людей, а сам ушел и пропал.

Лумому-Ко опустил храпящего капитана на его койку. Молодой человек стянул со шкипера грязные сапоги и перепачканную верхнюю одежду, взял тяжелый кошелек, а потом провел Кадия и вайвило вниз. Он достал бутылку илиссо и три стакана и представился. Звали его Ли-Тири. Он приходился племянником капитану и служил в должности первого помощника.

— Скажите, а с какой целью вы наняли «Литию»?

— Для нас очень важно покинуть порт этой ночью,— сказала Кадия.

Она отпила глоток обжигающей жидкости из одного стакана, Ли-Тири пил из второго, третий достался Джегану, а воины вайвило взяли бутылку и отхлебывали из нее по очереди.

— Есть ли возможность нанять матросов?

— Очень небольшая,— признался Ли-Тири.— Вот почему капитан так взбесился. В этой дыре околачиваются только ленивые зинорцы. Никто из них не жаждет плыть в старый добрый Окамис. Сам не знаю почему.

— Пятнадцать моих спутников да и я сама не такие уж новички в морском деле,— сказала Кадия.— Лесные

жители вайвило не раз плавали на гигантских бревенчатых плотах по озеру Вум во время зимней непогоды в Ру-венде. Кроме того, мы кое-чему обучились, когда плыли с юга. О цене фрахта мы уже договорились с Ли-Вунли: мы готовы заплатить дополнительно еще тысячу платиновых крон и оказывать посильную помощь в плавании.

— А куда вы хотите плыть?

— В сторону Виндлоров, к Консульскому острову.

Молодой человек поперхнулся и вскочил на ноги:

— Леди, вы в своем уме? Отправляться в путь в такой ужасный шторм и то уже скверно, но плыть туда!..

— Алиансы не причинят вам вреда,— отозвалась Кадия.— Я только что вернулась с островов после совещания с Хор-Шиссой. Великий вождь отказался от торговли с Зинорой, он сказал, что зинорцы обманывали его. Он объявил, что с этих пор будет торговать только с Имлитом и Окамисом.

Глаза молодого человека просияли.

— Это правда?

— Клянусь священным Черным Триллиумом моего народа,— ответила Кадия.— Ну что ж, теперь вы готовы везти нас?

Ли-Тири глубоко задумался:

— Капитан отключился до завтра. Но рулевым может быть Бен, а Лондон станет вторым помощником. Эти ваши здоровенные ребята выглядят сильными и выносливыми, да и маленький парень может пригодиться. Черт побери, думаю, мы можем рискнуть! — Вдруг он смутился и посмотрел на Кадю.— Правда...

— Что, дружище?

— Только не обижайтесь, леди. Вы умеете готовить?

— Да. И я, и Джеган.

— По моему разумению, это очень важно,— сказал Ли-Тири и усмехнулся.— Важно для моего желудка. Из всех нас только старый Лондон отличает скородку от иллюминатора, но егостряпня и скритека заставит залезть на мачту. Если вы и ваш маленький приятель будете нас кормить, мы все одолеем.

Кадия вздохнула.

Молодой человек допил свое илиссо и поставил стакан на деревянный стол. Только теперь он заметил, что почти не одет, и покраснел.

— Пойду надену что-нибудь и разбужу Бена с Лондоном. Если вы и ваша команда, леди, будете выполнять наши приказы, через час мы отчалим.

Глава 8

Сначала трех королевских детей поместили в просторной каюте рэктамского флагмана, оставив на попечение леди Шэрис. Охраняли их двое тузаменских воинов и Черный Голос колдуна. Как только леди Шэрис призналась, что они являются, как и король Антар, пленниками, а не гостями, наследный принц Никалон и принцесса Джениль потребовали свидания с отцом. Их требование отклонили. Тогда они отказались от еды и занимались преимущественно тем, что делали невыносимой жизнь вероломной Шэрис. Они без устали бранили ее, ни на минуту не оставляя в покое, а судно мчалось на всех парусах к югу.

Наконец, вся в слезах, леди Шэрис отправилась в предоставленную Портоланусу парадную каюту. Она ворвалась без стука и тут же закричала:

— О господин, я должна поговорить с вами. Ох...

Несмотря на глубину отчаяния, Шэрис тут же заметила, что сидящий за рабочим столом мужчина, одетый в наряд колдуна, разительно отличается от того древнего жалкого старика, которого она видела раньше. Это был Портоланус и в то же время не он. Она заморгала полными слез глазами и подумала, не сошла ли она с ума.

Он возился с каким-то странным приспособлением, разобранным на части, которые лежали на столе, — тускло поблескивающие крохотные металлические брусочки. Пальцы колдуна были перепачканы чем-то красным, казалось, он окунал их в кровь.

Шэрис с усилием пробормотала:

— Это... это вы, Хозяин Тузамена?

Он поднял глаза — нечеловеческие, отливающие серебряной голубизной, с очень большими зрачками, в глубине которых сияли золотые точки. От него исходила физически осязаемая угроза, подавляющая и угрызения совести, и отчаяние. Казалось, он смотрит на нее с ледяным презрением. Она понимала, что ей следует удалиться, но набралась смелости и прошептала:

— Хозяин... принц Никалон и принцесса Джениль отказываются от пищи. И... и они постоянно ругают, оскорбляют меня, я больше не в силах находиться рядом с ними.

— Если они не хотят есть,— резко проговорил Портоланус,— пусть немного поголодают. Когда у них заболит животы, они не будут такими упрямыми.

— Нет, господин.— Шэрис дрожала и нервно теребила в руках кружевной носовой платочек. Она чувствовала усталость и опустошение, глаза ее ничего не выражали.— У наследного принца сильная воля, его сестра — не менее решительная особа. Они скорее уморят себя голодом, чем покорятся. Они... они и меня уморят. Они меня без конца осыпают упреками за предательство. За прошедшие два дня я почти не сомкнула глаз. Только я усну, как один из них пинками будит меня. Я страдаю от морской болезни, и, если у меня и дальше не будет отдыха, я умру! Господин, я больше не могу этого выносить!

— Вот дура. Мы просто-напросто выделим тебе на ночь отдельную каюту. Но в дневное время ты будешь присматривать за детьми и удовлетворять их нужды. А теперь убирайся, не мешай мне работать.

— Я не могу находиться с ними! — дико закричала Шэрис.— Они правы, называя меня злой и вероломной! Их упреки разывают мне сердце! О, какой же идиоткой я была, когда твой Черный Голос смутил меня и уговорил помочь похитить их! Никакие блага, которые ты можешь предложить мне и моему брату Осоркону, не смогут с меня позора, не утешат меня!

Портоланус поднялся из-за стола и вытянул в сторону истерзанной женщины кривой, окрашенный в красный цвет палец.

— Вон! — прогремел он. — Или я прикажу пиратам королев-регентши выбить из тебя дурь!

Шэрис со стоном выскочила наружу.

Примерно с час колдун спокойно работал, собирая довольно громоздкое приспособление, с помощью которого хотел вести наблюдения под водой и засечь точное местоположение утонувшего талисмана Кадии. Потом в дверь постучали, и вошел невысокий жилистый помощник колдуна по имени Черный Голос. Лицо его пылало гневом.

— Хозяин, эта жалкая женщина Шэрис выпрыгнула за борт. Вахтенные пытались найти ее, но в такой шторм нечего и думать о спасении. Должно быть, она сразу же пошла ко дну.

Портоланус выругался:

— Тогда посадите с королевскими чадами одну из рэк-тамских женщин.

— Еще одна плохая новость, Хозяин. Пока Шэрис отсутствовала, наследный принц Никалон поджег с помощью масляного светильника подушку, а когда мы со стражей вошли, чтобы узнать, откуда дым, они выскользнули из каюты и скрылись. Правда, их почти сразу поймали, но все-таки, видимо, надо позаботиться о дополнительных мерах предосторожности и получше упрятать их.

— Ну что ж, так и сделаем. — Тон колдуна был злоеющим. Он начал обтирать тряпкой свои алые пальцы. — Поскольку ты, мой главный Голос, не смог справиться с этой маленькой задачей, перед разговором с королевой-регентшей мне придется самому заняться ею.

Как только Портоланус вместе с помощником покинул рабочий кабинет, его внешний облик неузнаваемо изменился. Крепко сбитое тело вполне нормального человека ссутулилось и одряхлело. Он снова казался глубоким старцем. Сильные ловкие пальцы, орудовавшие с аппаратом Исчезнувших, скрючились, ногти согнулись и удлиннились. Глаза заволокло мутной пеленой, выражение лица утратило решимость. На коже появилась щетина, лицо стало рыхлым и вялым, похожим на болотный гриб.

Он медленно потащился по коридору к той каюте, где содержались королевские отпрыски, хватаясь руками за стены, словно ему трудно было устоять на ногах во время качки.

Войдя в каюту, по которой летали обожженные перья и пух, он обнаружил Никалона и Джениль привязанными к стульям. Тузаменские охранники наблюдали за испуганным слугой, приводившим в порядок грязные измятые постели. Маленький принц Толивар не был связан, он сидел на койке и, наблюдая за событиями, ел сладкие ягоды. Когда появился колдун, он позабыл о ягодах и замер с разинутым ртом.

— Что тут за фигли-мигли? — ворчливым голосом спросил Портоланус. — Устраиваем поджоги? Отказываемся кушать? Вы же знаете, этого нельзя делать. Мне бы хотелось вернуть вас королеве-матери здоровыми и счастливыми, когда будет выплачен выкуп.

— Мы требуем свидания со своим отцом, — сказал принц Никалон.

Портоланус поднял руки и закатил глаза:

— Увы, юный господин, это невозможно. Его нет на этом корабле, он находится на судне, которое мчится в Рэктам. Но как только я получу выкуп, он будет благополучно возвращен в свою страну, и его царственные дети тоже.

— Я думаю, — низким голосом заговорил наследный принц, — вы лжете. От предательницы Шэрис мы узнали, что его взяли в плен в то же время, когда она привела нас сюда. Она говорила, что он прикован цепями вместе с галерными рабами и что с ним обходятся не лучше, чем с нами. Если вы согласитесь обходиться с ним как с пленником королевской крови, мы с сестрой прекратим голодовку и дадим вам слово чести, что не повторим попытку побега.

Портоланус замотал головой и стал бормотать, как он счастлив, что благородный принц Толивар не отказывается от пищи. Услышав это, сконфуженный Толо отодвинул от себя недоеденные ягоды.

— Он слишком мал, чтобы понять происходящее, — сказала принцесса Джениль. — Но мы-то прекрасно понимаем, что на самом деле ты хочешь завладеть маминым талисманом и с его помощью творить зло.

Колдун весело расхохотался:

— Сколько ерунды наплела вам леди Шэрис! Выкупом и вправду должен быть талисман, но я вовсе не собираюсь использовать его во зло! Юная леди, он нужен мне, чтобы восстановить утерянное равновесие мира. Ведь твоя мама не знает, как это сделать. Ни она, ни две ее сестры так и не научились пользоваться талисманами! Поэтому наш несчастный мир оказался на краю гибели: люди воюют друг с другом, народы безжалостно угнетаются, а темные колдовские силы пытаются оторвать землю от солнца и сдвинуть Три Луны с их места на небесах!

— А ты можешь закрепить их? — удивленно спросил маленький Толо.

Колдун кивнул и подбоченился:

— Мои познания обширны, и я гораздо могущественнее вашей тети Харамис, Великой Волшебницы. Она и сама ищет пути установления равновесия в мире, но никогда ей не удастся сделать это без чужой помощи, а подобную помощь могу оказать только я.

Наследный принц Никалон был настроен скептически.

— До меня доходили слухи о волнениях. Бунтуют и выражают недовольство только те оддлинги, которых угнетают.

— И равновесие мира было восстановлено, — добавила принцесса Джениль, — когда наша мама и ее сестры победили злого волшебника Орогастуса. Ведь они — Три Лепестка Животворящего Триллиума. Три волшебных талисмана, которыми они владеют, являются гарантией вечного мира.

— Но ваша тетя Кадия потеряла свой талисман! — прошипел Портоланус, вращая налитыми кровью глазами. — Вы знаете об этом?

— Нет, — признался Никалон. В первый раз, казалось, его уверенность поколебалась.

— Значит, из-за этого и разразился ужасный шторм? — неуверенно спросил Толо.

Портоланус пристально посмотрел на малыша:

— Умное дитя! Ох, ну и мозги у тебя! Конечно, этот шторм — симптом нарушенного равновесия мира. Ты понял то, чего никак не желают понять твои старшие брат и сестра!

Толо застенчиво улыбнулся.

Колдун опять помрачнел и сердито взглянул на Ники и Джен:

— Я больше не могу терять время с вами обоими. Если вы не дадите мне честное слово, что прекратите идиотскую голодовку и будете хорошо себя вести, я запрячу вас в темную комнату, где живут корабельные крысы!

Толо пришел в ужас:

— И меня тоже?

Портоланус с печальным видом погладил мальчика по голове:

— Увы! И тебя, милое дитя, — если твои брат и сестра будут упорствовать в своих капризах.

— Но я боюсь корабельных крыс! — захныкал малыш. — Они кусаются! Ники, Джен, скажите, что вы делаете все, чего он хочет.

Несмотря на связывающие его веревки, наследный принц Никалон гордо выпрямился.

— Толо, уймись! Не забывай, что ты принц Лабровенды! — А Портоланусу он сказал: — Если страдает наш царственный отец, мы почтем за честь разделить его участь!

— Я отвечу точно так же. — Лицо принцессы Джениль страшно побледнело, но она крепко сжала губы и вздернула подбородок, в то время как Толо заплакал от страха.

— Отведи их в якорный отсек, — приказал Портоланус Черному Голосу. — Пусть ничего не берут с собой. Давайте им только хлеб и воду, а если не пожелают есть — пусть не едят вовсе: так они скорее опомнятся!

Портоланус шел по коридору, пошатываясь, согнувшись чуть ли не пополам, выписывая восьмерки неверными ногами и размахивая руками, чтобы не потерять

равновесия, так как корабль болтало в бушующем море. Когда он подошел к двери, над которой возвышалась королевская эмблема Рэктама, двое зеленолицых стражников лениво обнажили свои мечи.

— Она не будет разговаривать с тобой, волшебник, — сдавленным голосом проговорил один из них. — Разве ее фрейлина не передавала тебе письмо?

— Бедная, бедная, — заблеял Портоланус. — Но я должен поговорить с королевой-регентшей. Мое дело не терпит отлагательств.

Он был без остроконечного колпака, в фиолетовом плаще с капюшоном, расшитом розовыми полосами с серебрными звездами.

— Придешь, когда погода наладится, — сказал второй стражник. Глаза его глубоко запали, губы были безжизненно-синего цвета. — Королева Ганондри страдает болями в желудке еще больше, чем мы. Сейчас у нее госпожа докторша. Если мы кого-нибудь впустим, потеряем головы.

— Обед мы уже потеряли, — сказал первый рыцарь, кивнув в сторону мусорного бака.

— Бедняжки, бедняжки. Вы страдаете от морской болезни? — Колдун начал рыться в огромном фиолетовом бумажнике, прикрепленном к ремню под его просторным плащом. — У меня есть отличное средство, оно вам поможет, да и королеву Ганондри тоже вылечит...

Первый рыцарь проворчал:

— Мы не нуждаемся в твоих лекарствах, Хозяин Тузамона, а великая королева — и подавно! Убирайся!

Портоланус вытащил из мешочка коротенький жезл из темного металла, украшенный инкрустацией и несколькими драгоценными камнями. Весело подмигивая, он приблизился к пиратам, сжимая в ладонях странную вещицу.

— Никаких лекарств! Видите? Одно прикосновение этой волшебной палочки, один лишь взмах — и все ваши страдания закончатся.

Непреклонные пираты отказались от его услуг и по-прежнему не желали допустить его в покои королевы,

скрестив мечи в дверном проеме. Портоланус вздохнул, хмыкнул и повернулся к ним спиной, желая показать, что смирился с неудачей. Рыцари на мгновение потеряли бдительность, и тут старый мошенник резко развернулся и с необычайным проворством, с ловкостью фехтовальщика, кинулся к стражникам и дотронулся жезлом до щеки сначала одного, потом другого. С глухим стуком мечи упали на покрытую ковром палубу, глаза пиратов закатились. Они медленно скользнули вниз по перегородке по обе стороны двери, их ноги вытянулись, а головы вяло свесились на грудь. Оба потеряли сознание.

Колдун погрозил им кривым пальцем:

— Я же предупреждал, что дело у меня срочное.— Потом он достал из мешочка другую вещицу, напоминавшую золотой ключик без бороздок, и с ее помощью отпер дверь.

Он вошел в роскошно убранную каюту королевы-регентши. Там царил полумрак и не было ни души. Сквозь иллюминаторы виднелись бушующие гигантские волны. С удивительной легкостью Портоланус втащил увешанных оружием бесчувственных стражников внутрь и запер за собой дверь. Из внутренних покоев внезапно показалась высокая, одетая в черное женщина.

— Что это? — воскликнула она.— Что ты здесь делаешь?

— Какой кошмар, какой кошмар! — запричитал колдун,— Ужасное несчастье, леди доктор! Идите взгляните! Я обнаружил этих славных парней спящими на посту и не смог разбудить их!

Он пританцовывал и всплескивал руками, а докторша встала на колени возле ближайшего рыцаря, чтобы осмотреть его. Не успела она приподнять ему веко, как колдун дотронулся до ее непокрытой головы жезлом, и она безвольно опустилась на тела пострадавших раньше пиратов.

— Кориандра! Что там такое? — раздался слабый голос.

Колдун вошел в королевскую спальню и низко поклонился. Королева-регентша вскрикнула:

— Ты?! Что ты сделал с моими слугами?

— Нам нужно поговорить, великая королева. Твои люди мирно спят. Я не причинил им вреда, всего лишь усыпил с помощью своей волшебной палочки. Чтобы привести их в чувство, достаточно еще раз прикоснуться к ним — но только после нашей беседы.

Ганондри лежала на большой овальной постели на кружевных пухлых подушках, укрытая красивым шелковым пледом. Ее медно-рыжие волосы были растрепаны, лицо покрывала мертвенная бледность. Но, несмотря на болезненное состояние, зеленые глаза яростно сверкали. Она потянулась к звонку.

Портоланус отодвинул его волшебным жезлом, показав головой и прищелкнул языком:

— Мы должны поговорить без свидетелей!

— Низкий негодай! — рывкнула пиратская королева. — Как ты посмел силой ворваться в мои покои?

Судно сильно накренилось. Новый приступ морской болезни заставил королеву откинуться на подушки. Она прижала руку ко лбу.

Портоланус спокойно перерезал своим маленьким кинжалом шнурок от звонка. Потом пододвинул к постели стул и откинул капюшон. Его тусклые волосы и борода были всклокочены, черты лица особенно уродливы: нос напоминал шишковатый корень, а губы, вялые и сухие, — приоткрытый ветхий кожаный кошелек.

— Благородная госпожа, нам надо продолжить тот разговор, который был начат два дня назад, когда мы только покинули Талоазин, и, к несчастью, прерван из-за вашего недомогания. Я поразмышлял и пришел к выводу, что осталась определенная недоговоренность. Я настаиваю, чтобы вы разъяснили кое-какие странные заявления, сделанные вами, причем немедленно, прямо сейчас.

Ганондри отвернулась:

— Сейчас я умираю от вызванной тобою бури, волшебник. Останови ее, тогда поговорим.

— Нет. Эта буря поможет нам достичь Виндлорских островов раньше королевы Анигели. Только тогда я смо-

гу получить талисман, потерянный ее сестрой Кадией. Тебе это достаточно хорошо известно, великая королева.

Ганондри застонала:

— Да, известно! Теперь я это знаю, обманщик! Но в нашей сделке и речи об этом не было. Я впервые услышала о проклятом плавании на юг, только когда мы вместе с пленниками оказались на борту. Это меня обескуражило и удивляет до сих пор! Сначала мы договаривались только похитить короля Антара и его детей, чтобы отобрать талисман у королевы Анигели. Мы вступили в союз как равные, хотя твое только что родившееся государство не способно торговать, нуждается в деньгах и не имеет хорошей армии. Великий Рэктам взял тебя под свое крыло, поскольку ты убедил меня, что вдвоем мы завоюем весь мир, если ты получишь в виде выкупа талисман Анигели. Я поверила тебе. Какой же душой я была!

— Ты и сейчас можешь верить мне. Ничего не изменилось.

— Лжец! Мы не договаривались о втором талисмане! Портоланус пожал плечами и широко улыбнулся.

— Когда ты сделал мне предложение в первый раз, — продолжала королева, — я спрашивала мудрецов из Франгина, чего ты добиваешься. Они рассказали, что талисман Анигели — один из трех, а все три, соединяясь, образуют непобедимый Скипетр Власти. Обладая одним лишь талисманом королевы Анигели, ты сделаешь беспомощным ее народ, и тогда Рэктам вместе с Тузаменом смогут завоевать его. Это было приемлемо. Но, захватив два талисмана, ты не остановишься, ты будешь гнаться за третьим, это ясно.

— Но...

— Не отрицай! Ты жаждешь получить могущественный Скипетр Власти! Как только это произойдет, великий Рэктам неминуемо станет жалким вассалом Тузамена, а его королева — твоей рабыней.

Колдун в ужасе всплеснул руками:

— Ты не понимаешь...

Больная женщина приподнялась с подушек — гнев придавал ей силу.

— Молчи, мерзавец! И не надейся поработить меня! Если бы меня не свалила болезнь, я бы и раньше разгадала твои планы! Но теперь я в курсе всего, и Рэктам никогда не попадет под власть твоих колдовских чар!

Портоланус заломил руки:

— Нет, нет! Мы союзники! Я не способен на такое вероломство! Ты неверно судишь обо мне!

— Я раскусила тебя и знаю все твои намерения. — Королева говорила хриплым шепотом. Ее зеленые глаза горели. — Ты и трое твоих отвратительных прихвостней еще живы только благодаря моему мягкосердию. Прошлой ночью моим рыцарям было приказано умертвить вас во сне, но я передумала. Я решила пересмотреть наше изначальное соглашение и помочь тебе завладеть вторым талисманом. — Ей опять стало дурно, она откинулась на подушку, но через минуту заговорила вновь: — И не думай, что тебе удастся убить меня или парализовать своей магией. Перед тем как отплыть на коронацию в Зинору, я продумала и эту возможность. Великий пиратский флот Рэктама подчиняется моим приказам. Если ты причинишь хоть какой-нибудь вред королеве-регентше, мои боевые корабли перекроют все порты Тузамена. Ты никогда не сможешь вернуться в свою страну морем, а если вернешься по суше, моя армада нанесет сокрушительный удар, так что тебе придется похоронить мечты о завоевании мира.

Портоланус склонил голову:

— Королева-регентша — великолепный стратег!

— Можешь смеяться надо мной сколько угодно, — ответила она. — Но запомни, что я сказала. Если я не буду каждое утро подтверждать свою команду плыть на юг, мой адмирал тут же изменит курс и направится в Рэктам, независимо от того, умерла я или лежу без чувств. Ты потеряешь талисман Кадии. Королева Анигель гонится за нами. Она наверняка знает, какую цель ты поставил. И она, несомненно, сможет с помощью своего талисмана помешать тебе завладеть талисманом Кадии.

— Значит, ты совершенно уверена в том, что, если умрешь или лишишься власти, я не смогу заставить коман-

ду подчиняться моим приказам? — изменившимся голосом проговорил Портоланус. — Но мое волшебство любого заставит подчиниться!

Его дряблость и вялость куда-то испарились, а лицо, все еще смешное и уродливое, исказилось до неузнаваемости. Облик его стал настолько ужасен, что королева-регентша чуть не умерла от страха. Тем не менее она заявила решительно:

— Если бы ты не нуждался в великом флоте Рэктама, ты бы никогда не вступал с нами в стовор. Что же касается команды моего флагмана... неужели ты думаешь, что сможешь захватить его? Хочу напомнить, что за нами следуют еще три военных корабля моей державы. Когда мы покидали Талоазин, твой план еще не до конца был ясен мне, но все же я знала достаточно, чтобы не давать тебе воли. Три капитана следующих за нами кораблей никогда не позволят тебе вернуться на тузаменское судно без моего приказа. А если ты все-таки преуспеешь в этом, они без труда догонят твою тихоходную посудину и потопят ее с помощью боевых катапульт.

Колдун хранил молчание.

Глаза Ганондри победно засверкали.

— У тебя есть власть, волшебник, но она не безгранична. Безграничной будет власть того человека, который соединит три талисмана рувендийских сестер в Скипетр... Ты можешь стать владельцем талисмана Кадии. Мои пираты и я — мы поможем тебе добраться до него. Но когда он окажется у тебя в руках, когда твой волшебный сундук свяжет талисман с тобой, мы высадим тебя на один из Виндлорских островов — пусть тебя подберет твое тузаменское судно. А Звездный Сундук останется у меня. Король Антар и его чада тоже останутся на моем попечении, и выкуп у Анигели потребую я. Ее талисман принадлежит мне!

— Ты, кажется, продумала все до мелочей!

Королева, превозмогая боли, издала слабый смешок.

— Я долгие годы жила своим умом, волшебник. А иначе, как ты думаешь, могла бы бедная пожилая вдова стать

правительницей королевства пиратов?... А теперь убирайся. И по дороге приведи в чувство моих слуг.

Блестящие глаза медленно закрылись. Портоланус долго стоял возле ее постели, глядя сверху вниз на больную королеву, одной рукой сжимая жезл, а другой теребя спрятанный в складках одежды старенький медальон в форме звезды. В конце концов, он сокрушенно покачал головой и вышел. Сначала он дотронулся до бесчувственной докторши, потом — до пиратов. Они застонали и стали медленно приходить в себя.

Из любого тупикового положения можно найти выход. Но действовать надо не через королеву Ганондри, а через другого человека, и он спешил с ним увидеться.

Под серым небом, с которого наконец-то перестал литься дождь, Портоланус потащился по качающейся палубе, хватаясь за поручни, чтобы не потерять равновесие и не оказаться смытым за борт. Волны, бьющиеся о корабль, обдавали его фонтанами брызг. Паруса гигантской триремы были надуты, она мчалась вперед подобно какому-то огромному зверю, пожирая милю за милей, словно старалась нагнать несчастную жертву. При таком яростном ветре она не нуждалась в галерных рабах. К тому же большинство из них были выведены из строя морской болезнью, так же как и пассажиры, как Желтый и Фиолетовый Голоса.

Болезнь этих последних была досадной помехой для Портолануса: они накачивали его энергией, и с их помощью он смог бы наблюдать на огромном расстоянии за преследующими его вражескими кораблями. А без них волшебнику оставалось лишь просматривать морские воды, используя маленький аппарат Исчезнувших. Это было замечательное приспособление, оно показывало положение кораблей и береговой линии до самого горизонта, отлично работая и ночью, и при свете дня. Но оно не способно было, подобно Волшебному Глазу, видеть дальше и ниже горизонта.

Не в первый раз уже Портоланус задумался об уменьшении силы вызванного им урагана. У них хватит време-

ни опередить Анигель и первыми войти в зону штиля, чтобы потом совершить последний рывок в погоне за талисманом.

Добравшись до рубки, Портоланус потянул на себя дверь и протиснулся внутрь, проклиная дурную погоду. Адмирал Джерот, стоявший позади рулевого, кинул на колдуна короткий неприязненный взгляд. Но двое других офицеров-пиратов поспешили предложить важному гостю стул возле штурманского столика. Они протянули ему полотенце, чтобы вытереть морскую воду, струившуюся по его лицу и волосам, и сухой теплый плащ. Как ни странно, в рубке присутствовал юный король Ледавардис: он стоял в стороне и смотрел на вымокшего насквозь колдуна с тревогой и восхищением.

— Вам не следовало подвергать себя опасности, выходя на палубу, великий господин! — сказал один из офицеров.

Портоланус, жеманничая, отмахнулся от него:

— Это было совершенно необходимо, так как я принес адмиралу срочное сообщение, полученное из уст самой королевы Ганондри. Прошу оставить нас на время одних. — Он повернул голову и одарил юношу-короля сладкой улыбкой. — Это и вас касается, ваше величество.

— Но только не рулевого! — фыркнул Джерот.

У него были белоснежные волосы и борода, обветренное грубое лицо, коричневое, как старый сапог. Он был высок и костляв, говорили, он страдает какой-то неизлечимой болезнью. Но своими людьми он руководил с железной властью, и даже королева Ганондри разговаривала с ним уважительно.

Когда колдун ответил на возражение адмирала, тон его был мягок, но настойчив.

— Нет, рулевой тоже должен выйти. Ведь вы в состоянии управлять своим собственным кораблем, благородный адмирал.

— Конечно, в состоянии, Хозяин Тузамена, — сказал Джерот сквозь зубы. Он приказал остальным выйти и, встав спиной к колдуну, взялся за штурвал. — А теперь,

что это за байки насчет послания от великой королевы? Она не доверяет подозрительным иностранцам.

Портоланус добродушно рассмеялся:

— И все-таки вас, кажется, интересует, что хочет сказать вам наедине этот подозрительный иностранец.

— Ну что ж, говорите и уходите.

— Не надо быть таким резким, адмирал. Я присматривался к вам. Вы человек сильный и умный, вы разумнее многих пиратов на корабле. Эти качества должны быть вознаграждены, и мне хотелось бы поделиться с вами кое-какими мыслями, а возможно, и обсудить кое-какие дела, одинаково важные и для меня, и для вас.

— Оставьте свои дешевые трюки для лопоухих лабровендцев, со мной вы теряете время.

— Думаю, это не так. Чтобы убедить вас в своих благих намерениях, покажусь вам в своем истинном обличье — я ни перед кем на корабле не показывался в таком виде, исключая своих трех помощников.

Портоланус скинул плащ и просторную мокрую робу и распрямился — в нем не осталось ни следа от дряхлого старца, которого он из себя разыгрывал. Джерот с удивлением посмотрел на изменившегося колдуна и охнул — теперь Портоланус стал гораздо выше ростом, чем он. Одетый в узкие панталоны и простую рубашку, он оказался крепким, как атлет. На выпуклой груди болтался старенький медальон в форме лучистой звезды. Изменилось даже лицо, обрамленное спутанными желтыми волосами и обезображенное уродливыми обвислыми усами. Теперь это было лицо зрелого, но еще молодого мужчины с правильными чертами и твердым решительным выражением.

— Вот это да! — воскликнул Джерот. — Мы и не подозревали, что вы способны на такие проделки!

— Думайте как хотите, адмирал. — Голос Портолануса тоже претерпел изменения, стал звонким и мужественным. — Но можете не сомневаться в силе моей магии, я гораздо более могуществен, чем вы воображаете. Этот страшный ураган был вызван мною, и если я захочу, то могу моментально прекратить его — или усилить настолько, что он потопит ваш корабль.

— И вас самого! — ухмыльнулся Джерот.

— Нет, не умру ни я, ни три моих Голоса, ни королевские дети, которых я держу здесь ради выкупа. Погибнете только вы и ваша команда, а также пассажиры, включая королеву Ганондри и гномоподобного царька — если я пожелаю!

— Вы этого хотите?

Колдун обошел его и встал рядом со штурвалом, чтобы адмирал видел его.

— А это, адмирал, зависит от вас. Неужели вы так преданы королеве-регентше, что готовы отдать за нее жизнь?

Старый пират разразился хохотом:

— Этой отвратительной ведьме? Семь лет она была проклятием для нашего народа, и ни один человек из моей команды не заплачет, если она захлебнется морской водичкой. Здесь ей преданы только рыцари из личной охраны, а в Рэктаме — близкая родня.

Когда он снова взглянул на колдуна, лицо его было мрачно:

— Но если вы осмелитесь хоть пальцем тронуть юного короля Ледо, волшебник, все моряки Северного моря будут гнаться по вашим следам, они отыщут вас на краю света и скормят ваше изуродованное тело морскому чудовищу Хельдо.

Портоланус усмехнулся:

— Ладно, ладно! Значит, этот подросток — ваш любимчик, да? А я все гадал, отчего это мы так редко видим уродливого губошлепа в королевских покоях.

— Болезнь обезобразила его лицо и тело, — спокойно сказал Джерот, — но у него душа настоящего принца. Наступит день, и мир узнает об этом и оценит его... если он выживет — на радость тем, кто любит его.

Портоланус выглядел заинтересованным:

— А что, этого может и не произойти?

— Его царственной бабке шестьдесят два года, и у нее удивительно крепкое здоровье. По меньшей мере еще два года она не собирается никому отдавать бразды правления, а потом ей все же придется это сделать — так велит наш закон. Она сможет править еще двадцать лет только

в том случае, если король будет признан невменяемым или с ним случится какое-то несчастье.

— Вы совершенно правы в своей оценке характера Ганондри, адмирал. Она — умный и смелый противник. Но, к сожалению, она недооценивает меня. Именно поэтому сегодня ночью я и пришел поговорить с вами.

В глазах Джерота сверкнула искра понимания.

— Точно! Королева вас не боится! Она поставила вас на место, волшебник, и сейчас грозитесь каким-то образом расстроить ваши планы.

— Вот именно, — признался Портоланус. — Несмотря на то что я силен в магии, у меня нет большого числа последователей, а у маленького тузаменского народа нет могущественной армии и военного флота, которые могли бы противостоять Рэктаму. Перед тем как плыть в Зинору на коронацию, мы с Ганондри заключили союз, но прошло время, и я понял, что не могу доверять ей. Буду уж до конца откровенным. Я посадил пленников королевской крови не на свой корабль, а на этот, поскольку в последний момент королева убедила меня, что это самое быстроходное судно, что оно прекрасно вооружено и сможет отразить нападение лабровендских преследователей. Это соответствует истине, но я не подозревал, что она будет настолько глупа и попытается изменить условия нашего первоначального соглашения, потребовав от меня дополнительных уступок.

— У нас, пиратов, свое понимание чести, это верно. Но никто из нас, за исключением королевы Ганондри, не играет так близко с огнем! Если она угрожает, почему бы вам просто-напросто не уничтожить ее с помощью вашего колдовства?

— А если я сделаю это, будут ли капитаны других пиратских кораблей, да и вы сами, подчиняться моим приказам?

Джерот загоготал:

— Не сразу, кудесник! Черная магия тоже имеет пределы. Любовь, преданность и даже уважение не бывают принудительными. Конечно, вы можете потопить нас. Ваша жалкая тузаменская посуда не так уж ладно срабо-

тана — она не приспособлена к плаванию в плохую погоду. И вас, и ваших драгоценных пленников вынесет прямо в открытое море, вы окажетесь в шести тысячах лиг от дома. Даже если буря успокоится, вы все равно скоро погибнете. Хотя, может быть, вы знаете, как взлететь в воздух и добраться до берега на крыльях, словно птицы поти?

— Увы, этого я не умею, — печально признался Портоланус. — Если бы умел, никогда бы не очутился на борту вашей неуклюжей шаланды.

Лицо Джерота стало пепельно-серым, вены на шее вздулись. Он изо всех сил старался не потерять управления гигантской триремой. Руки так вцепились в штурвал, что побелели.

— Волшебник, я страшно устал, а эта словесная перепалка еще больше утомила меня. Я не юноша, к тому же не очень здоров, и моя работа заключается не в манипулировании тяжелым штурвалом во время шторма, а в том, чтобы отдавать команды рулевому. Или я немедленно позову его, или мы рискуем сбиться с курса — это вполне вероятно при таком сильном ветре. Вы явились сюда не без причины. Выкладывайте все как есть или уходите отсюда и продолжайте играть в игры с королевой Ганондри.

Колдун начал заворачиваться в свои просторные одежды.

— Отлично. Если королева Ганондри умрет и король Ледавардис будет справедливо править вами, вы и весь пиратский флот признаете его своим господином? Будете подчиняться его приказам?

— С удовольствием, — сказал адмирал Джерот. — Но если вы надеетесь, что сможете подчинить своей воле этого юношу, подумайте еще разок. Он прикидывается тупицей только для того, чтобы не раздражать свою бабушку.

— Я так и думал. Если он умен, тем лучше. Может быть, он избежит роковых ошибок Ганондри.

— Роковых?

— Я собираюсь избавиться от королевы-регентши, как только она станет бесполезной для меня.

— Я могу предупредить ее о вашем злом умысле.

Портоланус засмеялся:

— Можете, но думаю, не будете этого делать. Лучше расскажите обо всем королевскому чаду. Если он, получив рэктамскую корону, станет сотрудничать со мной, то в скором времени завладеет богатством, которого не добудешь за тысячу лет пиратского промысла. У него будет бессчетное количество галерных рабов. А вы, адмирал Джерот, получите все, что пожелаете, в том числе и пост наместника короля в Лабровенде.

— Но когда выкуп будет выплачен...

— Король Антар и его дети никогда не вернутся живыми на родину, независимо от выкупа. А королева Анигель, разлученная с семьей и талисманом, увидит, как мое волшебство и объединенные силы Тузамена и Рэктама завоюют ее земли. О да!.. Ее воля будет сломлена, все это произойдет очень быстро.

Снова одетый в свою свободную робу, Портоланус, казалось, уменьшился в росте, тело его опять согнул возраст. Лицо приняло отталкивающее выражение. Он открыл наружную дверь рубки и дрожащим голосом окликнул офицеров. Рулевой и двое пиратов поспешно вошли внутрь. Короля Ледавардиса среди них не оказалось: он ушел, воспользовавшись второй дверью.

— Когда вы в следующий раз увидите милейшего юношу, передайте ему мои наилучшие пожелания, — сказал адмиралу колдун. — И скажите, что очень скоро я собираюсь побеседовать с ним о будущем.

Он накинул капюшон и вышел. Но на этот раз ни качка, ни ветер несколько не мешали ему; он шел медленно и уверенно, с легкостью сохраняя равновесие, словно судно стояло на якоре в спокойной гавани, а он после обеда вышел на палубу подышать и размяться.

Принц Толивар снизу окликнул их:

— Вы что-нибудь видите?

— Огромные волны и зловещее темное небо с быстро бегущими облаками, — отозвался принц Никалон. — Когда судно опускается, вижу волны, когда поднимается — небо.

— Земли не видно,— сказала принцесса Джениль.— Только океан.

— Забавно,— сказал Толо.— Если бы мы плыли к Полуострову, с этой стороны вы должны были бы увидеть берег. Значит, пираты все-таки везут нас в Рэктам.

Якорный отсек освещался через два иллюминатора, расположенные на высоте восьми элсов над грубыми досками пола их новой тюрьмы. В тесном помещении были только три тощих матраца с пыльными старыми одеялами, прикрытая крышкой бадья для отходов, глиняный кувшин с теплой вонючей водой и корзинка с краяхами черствого хлеба. Ники и Джен решили, что продолжать голодовку не имеет смысла, и уже съели половину хлеба.

Убедившись в том, что их похитители не собираются возвращаться, двое старших детей вскарабкались наверх по огромным звеньям якорной цепи, заполнявшей почти все пространство темницы. Преодолевая звено за звеном, они миновали громоздкую двойную лебедку с железными шестернями, поднимавшую и опускавшую якоря, и добрались до клюзов, сквозь которые цепи тянулись к носу корабля. Они запретили маленькому Толо лезть с ними. Когда нос триремы нырял в бушующие волны, цепи глухо звенели и брызги, проникавшие внутрь, обдавали Ники и Джен. Попад в первый раз под этот душ, они даже не вскрикнули — и воздух и вода были теплыми.

— Эти якоря снаружи так чудовищны, что закрывают весь обзор,— сказал Ники.

— Как ты думаешь, мы сможем вылезти через эти отвёрстия и убежать? — спросила Джен.

— Из-за якорей щели очень узки,— ответил Ники.— Даже если у нас это получится, мы упадем прямо в воду и нас затянет под корабль.

— Спускайтесь,— занял Толо.— Мне кажется, я слышу, как скребутся в углу эти отвратительные крысы.

— Вот трусишка.— В голосе Никалона было больше доброты, чем осуждения.— Они тебя не укусят.

— Но я их ненавижу, они такие страшные и грязные. Спустись, Ники, и прогони их. Пожалуйста!

Наследный принц начал спускаться. Немного поколебавшись, сестра последовала за ним. Цепи были выпачканы липким вонючим речным илом и увиты зинорскими водорослями, что делало их чрезвычайно скользкими.

— Когда корабль наконец причалит к какой-нибудь пристани и опустит якоря, — сказал Ники, — тогда мы и сбежим! Прямо через эти дыры, по цепи и в воду!

— Пираты не такие дураки, — ответила Джениль. — Перед тем как стать на якорь, они выведут нас отсюда.

В полумраке глаза ее казались огромными. Когда корабль нырнул вниз, как камень, а потом подпрыгнул и взлетел в небо, она, не чувствуя страха, крепко вцепилась в огромное железное кольцо. Убедившись, что маленький Толо плохо слышит их, Джениль заговорила опять — на этот раз едва различимым шепотом:

— Ники, как ты думаешь, а не собираются ли они убить нас?

— Если мама заплатит выкуп — не убьют.

— А что будет с отцом?

Ники отвернулся. Его сестра была отважна и великодушна, и он обычно полностью доверял ей, но сейчас считал себя не вправе делиться своими подозрениями о судьбе несчастного короля Антара. Если Антара не будет на троне, Рэктам сможет спокойно нанести удар по состоятельным южным соседям: зачем рыскать по морям в поисках добычи, если можно ограбить богатое государство. Ники часто слышал разговоры отца с матерью о подобной угрозе. Опасность исходила от ненасытной пиратской королевы.

Поэтому, отвечая Джениль, он сказал только одно:

— Пираты явно захотят получить выкуп и за отца. Возможно, за него они запросят целый корабль с платиной вдобавок к маминому талисману, а за нас — несколько тюков золота.

Джен улыбнулась:

— А за Толо, может быть, всего лишь горшок серебра.

Младший принц закричал откуда-то снизу:

— Я опять что-то слышу, но это не крысы! Кто-то идет! Ой, спускайтесь скорее!

Ники и Джен заскользили вниз, в спешке стирая в кровь ладони и разрывая одежду. Только они коснулись ногами последнего звена и прыгнули на матрацы, как тяжелый грохот возвестил о том, что дверь якорного трюма открывается. Наконец она распахнулась: за ней было темное помещение, загроможденное канатами, досками, металлом, старой парусиной и бочками с дегтем. Посреди этого хлама стоял человек, высоко подняв руку с фонарем. В другой руке он держал обнаженный меч. Это не был один из сердитых пиратов, заточивших их в трюм, по виду он, скорее, напоминал матроса.

— Назад,— приказал он принцу Никалону, который было бросился вперед.— Отойди от двери, шенок! — Он посветил фонарем и подозрительно оглядел темницу.— Ну и мерзкая дыра! Совсем не для детей, хотя бы и для лаборнокского отродья!

— Лабровендского отродья,— хладнокровно поправил его Ники.— Кто ты и чего хочешь от нас?

— Я — Боблин, помощник капитана, я привел к вам гостя.— Он отступил назад, все так же высоко держа фонарь, и в колеблющемся свете возникла приземистая фигура одетого в черное человека: тот вошел в помещение якорного трюма.

— Принц-карлик! — вскрикнул Толо.— Он пришел пытать нас!

Джен легонько толкнула брата в бок.

Явно обидевшись, молодой король Ледавардис скосил глаза на Толо, но ничего не сказал, только оглядел всех троих детей по очереди, словно они были для него странными существами, каких он никогда раньше не встречал.

— Ну вот вы и увидели их, ваше величество,— ворчливо сказал помощник капитана.— А теперь пойдемте отсюда, пока кто-нибудь нас не заметил. Если королева-регентша спустится вниз, вы получите от нее нагоняй и ляжете спать без ужина, а меня она разрежет на кусочки и скормит рыбам.

— Вот и хорошо! — завопил Толо.— Надеюсь, она сделает это с вами обоими! — И он высунул длинный язык.

— Замолчи! — приказал Никалон. Потом обратился к Ледавардису: — Мой брат — дурно воспитанный ребенок, примите мои извинения за его поведение. Просто он не привык, чтобы с ним обращались, как с животным из королевского зоопарка. То же могу сказать о себе и моей сестре. Или на кораблях Рэктама подобное обращение с королевскими персонами является привычным делом?

— Нет, — тихим голосом ответил Ледавардис. Он смущенно протянул принцессе Джениль какой-то мешочек. — Боблин сказал, что вам дают только хлеб и воду. Простите!.. Здесь жареная утка и несколько пирожных с орехами — все, что я смог раздобыть.

Джен молча приняла сверток.

Ники произнес:

— Благодарю вас, король.

— Да что там, — отворачиваясь, пробормотал Ледавардис. — А сейчас мне лучше уйти.

— Подождите, — попросил Ники. — Вы не можете рассказать нам о нашем отце, короле Антаре? Он... он жив?

— Да. Я не видел его, но знаю, что они заковали его вместе с галерными рабами.

— Мы слыхали об этом от леди Шэрис.

— Конечно, короля не принуждают грести, — поспешил заверить его Ледавардис. — Весла не нужны во время такого сильного ветра.

— До выплаты выкупа нас отвезут в Рэктам? — спросил Ники.

— Не знаю. Сначала нам нужно доплыть до Виндлорских островов по какому-то таинственному делу колдуна.

— Значит, на юг! — воскликнул Ники.

— Ничего больше не говорите и пойдете отсюда! — опять подал голос помощник капитана из темноты. — Вдруг это дьявольское отродье Черный Голос обнаружит нас здесь и доложит колдуну?

— Молчи, Боблин. Ничего с нами не случится.

Не обращая внимания на приставания офицера, юноша-король стал расспрашивать троих пленников об их жизни в родной Лабровенде. Он хотел узнать, как обращались с ними придворные, разрешалось ли им покидать

дворец и путешествовать по стране, чему и как их учили, были ли у них ровесники-друзья и не случилось ли им заводить детей из обычных семей.

И Никалон и Джениль очень скоро избавились от подозрений и разговаривали с ним вежливо и даже с симпатией, не только отвечая на вопросы, но и задавая их. Зато маленький Толивар так и не смог преодолеть отвращения, которое охватило его при внезапном появлении рэктамского наследника, и не участвовал в разговоре. Он задал всего лишь один вопрос: нравится ли Ледавардису быть королем пиратов.

Казалось, Ледавардис не замечает враждебности ребенка. Он ответил, что был бы очень счастлив, если бы был жив его строгий отец, король Ледамот. Рэктамский монарх превратил пиратский флот в божью кару на всех северных морях. Он не знал жалости к тем, кто представлял для него угрозу. Но он очень любил сына и жестоко расправлялся с теми рэктамскими дворянами, которые осмеливались намекать, будто Ледавардис может оказаться негодным наследником престола.

Король Ледамот безвременно погиб во время кораблекрушения, а королева-мать Ганондри быстро доказала всем, что не потерпит соперников, претендующих на регентство. Несколько влиятельных флотских офицеров, выступивших против нее, умерли внезапно от непонятной болезни, сказал Ледавардис, а другим она заткнула рот, разыграв хитрый политический спектакль и лишив их как власти, так и будущего. Мать юного короля, королева Машрия, превратилась в жалкого инвалида, навеки прикованного к постели.

О том, что его собственная жизнь изменилась к худшему за время семилетнего правления бабушки-регентши, Ледавардис говорил без эмоций, как о привычном факте. И хотя юноша-король даже старался преуменьшить свои несчастья, было очевидно, что он одинок, что рэктамские придворные презирают его. Только когда ему разрешили отправиться в море, он изведal немного счастья благодаря нескольким старым капитанам пиратских кораблей, которым удалось избежать свирепой расправы ко-

ролевы-регентши и которые оставались его верными друзьями. На море его тело калеки окрепло, и он чувствовал себя королем, а не беспомощным мальчишкой.

Когда Ледавардис наконец покинул якорный трюм, Ники и Джен признались друг другу, что напрасно называли его уродом. Но маленький Толо передразнивал странную походку горбуна, корчил гримасы, потешаясь над его уродством, и называл его нытиком и трусом, заявляя, что Ледавардис — не настоящий пират.

Джен открыла мешочек с провизией:

— Кого это волнует? Только его. Как любезно было с его стороны принести нам еду!

— Может быть, она отравлена,— скорчив рожу, сказал Толо.— Я не доверяю этому противному горбатому карлику.

Ники вытащил салфетку с завернутой в нее дичью, развернул и принялся.

— Нет, вид вполне съедобный.— Он расстелил салфетку вместо скатерти на грязном полу и положил на нее еду.— Да, странно, что Ледавардис посетил нас, но еще более странно, что он так разоткровенничался.— Он взглянул на сестру, которая все еще держала в руках пустой мешок.— Что ты об этом думаешь?

— Я... я думаю, что король Ледавардис очень несчастлив, вот и все,— сказала она.

Ники руками разорвал птичье мясо и разделил его поровну. Все трое принялись за еду.

Глава 9

Королева Анигель сидела в каюте наедине со своим горем и дурными предчувствиями. На палубе, под открытым небом, ей было бы легче переносить одиночество; там она чувствовала себя ближе к любимой семье. Но и капитан лабровендского флагмана, и Эллинис, и Ованон, и Лампиар, и Пенат, несмотря на ее мольбы, возражали против того, чтобы она выходила наружу,— громадные волны легко могли смыть ее за борт.

Последние четыре дня она почти ничего не ела, спала вполглаза и допускала к себе только Имму. Все время отнимало у нее наблюдение за похищенными детьми и мужем. Без конца обращаясь за помощью к волшебной диадеме, она проверяла вновь и вновь, не причинено ли им еще какое-нибудь зло. Однажды ей удалось даже подсмотреть за Портоланусом, но самые критические моменты — его встречи с королевой Ганондри и адмиралом Джеротом — выпали из поля ее зрения, так что она понятия не имела о намерении Портолануса убить пленников сразу после получения выкупа.

Анигель была свидетельницей первого визита короля Ледавардиса к детям. Она была удивлена и тронута неожиданной добротой юноши. Она видела, как он пришел опять, в этот раз один, на четвертый день плавания и принес еще еды. Он целый час провел в трюме, расспрашивал Ники и Джениль о том, как их нежданно-негаданно увели с коронационного бала. Спрашивал он и о том, что они думают о Портоланусе. Несмотря на свои шестнадцать лет, Ледавардис не был наивным юношей. Анигель убедилась в этом, когда поняла, что он с подозрением относится к тузаменскому союзнику бабушки и боится будущего.

Ледавардис обмолвился об истории с охранниками королеввы-регентши и с докторшей и рассказал о чудодейственной волшебной палочке колдуна, с помощью которой он сначала лишил их сознания, а потом опять привел в чувство. Слушая этот рассказ, Анигель с трудом сдерживала волнение: теперь ей стало ясно, что та же самая волшебная палочка поработала и над ее мужем Антаром. Значит, он не при смерти. Ведь именно этого она так боялась, когда в течение нескольких дней наблюдала за бесчувственным королем. Он всего лишь заколдован, и волшебник при желании может привести его в чувство.

Казалось, Ледавардису очень хочется запросто поболтать с равными ему по рангу сверстниками. Даже при самом благоприятном стечении обстоятельств жизнь королевского ребенка горька, а у этого юноши с искривленным

позвоночником и обезображенными чертами лица она и вовсе была ужасна.

Анигель очень расстроилась, увидев, что маленький Толо продолжает издеваться над Ледавардисом и называть его принцем-карликом. Но ведь в конце концов ее младший сын — всего лишь неразумное дитя, жалкое и неуверенное в себе. Хотя Толо никогда не страдал от людской неприязни, не был таким отверженным, как рэктамский юноша, Анигель знала, как он завидует своему сильному и красивому старшему брату. Унижая Ледавардиса, Толо забывал о своих собственных недостатках.

Когда малыш вернется ко мне, решила Анигель, я должна приблизить его к себе, сказать, как я люблю его, вселить в него уверенность и добиться его расположения и доверия.

И я заставлю Антара сделать то же самое...

Антар...

Любовь и тревога за судьбу мужа вытеснили из души Анигели мысли о маленьком Толо. Она приказала талисману показать короля и увидела, что он лежит, все еще заколдованный, на грубой скамье в грязном трюме вместе с галерными рабами. Как всегда, она помолилась о его благополучии и счастливом возвращении. Теперь, когда ей было известно, что он не при смерти, ее даже радовало, что сознание его выключено и он не знает об отчаянном положении детей и своем собственном. Антар был гордым и вспыльчивым человеком, и, если бы он был вменяем, он бы обязательно бунтовал, подвергаясь за это жестоким пыткам.

Если бы он боролся или предпринял попытку побега, кто знает, что сделали бы с ним пираты?

А что они сделают, если она откажется отдать талисман?

«Как же мне поступить,— спросила она себя,— если Портоланус притрозит Антару страшными мучениями или смертью?»

Она размышляла над этой ужасной возможностью уже много раз — как человек, у которого болит зуб: он знает, что каждое прикосновение вызывает новую боль, и тем

не менее вновь и вновь трогает больное место. Когда она думала об этой дилемме, у нее невольно начинали литься слезы, хотя положение было безвыходным с самого начала, с того момента, когда она прочитала два слова, обозначающие цену выкупа:

«Твой талисман».

Она обещала Харамис быть твердой, но как могла она сдержать свое слово, понимая, что за сохранный талисман придется заплатить криками пытаемого Антара и его мучительной смертью? Если она отдаст талисман Портоланусу, как королеве ей грош цена, поскольку тогда ее страна будет открыта для вторжения черной магии. Но если у нее отнимут Антара, она не переживет этого, а после ее смерти Лабровенда полетит ко всем чертям.

Она долго всматривалась в черты дорогого лица и давала выход своему горю. Потом изображение Антара затуманилось, несмотря на все попытки сделать его четче, и она услышала нетерпеливый голос Харамис:

— Ани! Слушай меня! Оглянись на свою флотилию и порадуйся!

Анигель схватила кожаный плащ и выбежала на палубу, не заботясь о том, чтобы ответить сестре.

Дождь прекратился, но с севера по-прежнему дул сильный ветер. Громадные волны, догоняющие их, казалось, вот-вот обрушатся и утащат все четыре корабля на морское дно. Но волны почему-то не рушились, и корабли скользили вверх-вниз по их зыбким бокам, как тележки, скатывающиеся с крутых горок. Раньше постоянная качка сбивала королеву с ног. Теперь она почти приспособилась к ней и довольно уверенно подошла к поручням. Встав у борта, Анигель дала талисману команду показать ей открытое море далеко позади лабровендской флотилии.

Их догоняло еще одно судно.

Затаив дыхание, она приказала приблизить изображение. Судно оказалось гораздо меньшего размера, чем ее флагманский корабль, всего четыре паруса раздувалось на двух дерзких мачтах, почти прижатых к корме. Оно мчалось по бушующему морю подобно стреле, пущенной

из лука, и уже почти догнало последний из четырех лабровендских кораблей.

Несколько крошечных, работавших на палубе фигурок были странными на вид, и, взглядевшись, она поняла, что это вайвило. Среди них находилась стройная женщина с развевающимися на ветру золотисто-каштановыми волосами. На ее безрукавке был вышит знак Триллиума.

— Кади! — закричала королева. — Ты пришла? О, слава Владыкам воздуха!

Образ Кадии исчез, и внутренним зрением Анигель увидела лицо другой сестры, Харамис: в меховом капюшоне, на фоне объятого бурей неба.

— Выслушай меня, Ани! Теперь ты должна действовать заодно с Кадией. И ваши корабли, и корабли противника почти достигли широты Консульского острова. Завтра, приблизительно в полдень, пиратская трирема повернет на запад, к тому месту, где был потерян талисман Кадии. Портоланус здорово обогнал вас, и я боюсь, что твой флагман никогда не настигнет его. Ты должна пересечь на маленькое суденышко Кадии. Оно очень подвижно, и скорее именно оно обойдет рэктамские корабли еще до того, как ветер утихнет среди островов.

— Но в штиль, — возразила Анигель, — пиратская трирема сможет развить еще большую скорость на веслах...

— Большинство галерных рабов королевы Ганондри жестоко страдают от морской болезни. Корсары Рэктама привыкли плавать в прибрежных водах, к тому же Полуостров защищает Северное море от свирепых приливов. Подозреваю, что люди королевы никогда не имели дела со штормом, подобным тому, который вызвал Портоланус.

— Наш храбрый капитан Велинкир говорит, что и он никогда не видел ничего подобного. Несмотря на огромные волны, ветер, кажется, дует как раз на высоте, необходимой для быстрого передвижения кораблей, и держится на том уровне мощи, чтобы всюду надувать паруса, но при этом не ломать мачты и не рвать паруса.

— Довольно, — нетерпеливо оборвала ее Харамис. — Самое главное — чтобы гребцы на пиратской триреме не

оправились внезапно от своей болезни. Пока они наберутся сил, ты и Кадия на маленьком суденышке сможете обогнать их. Легкий неустойчивый ветерок у Виндлорских островов даст вам некоторое преимущество — на время.

— Значит, ты все-таки не уверена, что мы с Кадии первыми доберемся до талисмана?

— Нет, — сказала Харамис. — Ты должна не только горячо молить Владык воздуха придать вам скорости, но и упросить свой талисман помочь тебе.

Анигель в отчаянии всплеснула руками:

— Я не умею обращаться с талисманом так, как ты! Я пользуюсь только обзором, а когда даю другие команды, иногда он подчиняется, иногда — нет. Я не Великая Волшебница!

Харамис вздохнула:

— Знаю, что для тебя и Кадии поведение талисманов по-прежнему остается загадочным. Просто мой талисман чуть более общителен. Но сейчас я в пути, и, может быть, мне удастся решить эту проблему...

— Хари, ты должна рассказать мне, куда отправилась. Я наблюдала за тобой и видела, что ты летишь над высокими горами на спине ламмергейера...

— Сестричка, пока я ничем не могу помочь вам. Забудь обо мне. Напряги все свои силы, весь ум и вытащи из моря Трехвекий Горящий Глаз. С каждым часом промедления мир все больше расшатывается. А теперь прощай, пусть Бог и Владыки воздуха защитят тебя от Портолануса.

Лабровендский флагман лег в дрейф, и матросы попытались спустить на воду шлюпку, которая доставила бы Анигель на «Литию». Но море было столь бурным, а ветер столь сильным, что, едва коснувшись воды, шлюпка тут же перевернулась, а вместе с ней оказался в море и смельчак, вызвавший сесть на весла.

— Этот способ безнадежен, мадам, — сказал капитан Велинكير.

Барактавшегося в волнах матроса вытащили. «Лития» находилась в четверти лиги от флагмана, наполовину

скрытая гигантскими водными валами. Анигель рассказала о своем намерении Джегану, а он передал Кадии и капитану Ли-Вунли.

— Значит, нам нужно придумать что-то другое, чтобы перенести меня на судно Кадии,— сказала Анигель.

Она переделалась в непромокаемый матросский костюм и накрепко приколотла талисман к белокурым волосам.

Лаборнокский капитан покачал головой:

— Мадам, ничего не могу предложить вам.

— Тогда попросим Джегана посоветоваться со шкипером «Литии»,— упрямо заявила Анигель. Она закрыла глаза, обратившись к талисману, а когда через несколько минут снова открыла их, решение было найдено.— Капитан из Окамиса предлагает использовать спасательную люльку — или что-то вроде этого.

Окружающие ее моряки заговорили все разом — это предложение вызвало у них ужас. Сам Велинкир чертыхнулся и тут же стал неуклюже извиняться:

— Мадам, я слышал об этом приспособлении, но предлагать вам воспользоваться им — чистое безумие.

— Опишите его.

— Нам нужно будет опять плыть вперед с почти спущенными парусами. Окамисское судно должно очень аккуратно уравновесить свои штормовые паруса, чтобы его скорость точно совпадала с нашей, кораблям придется идти как можно ближе друг к другу. Потом мы должны, выстрелив из катапульты, перебросить на их корабль лить, который потянет за собой прочный трос и такелажное устройство. Оба корабля окажутся соединенными между собой подобием подвесного моста. Вам придется обвязаться чем-то вроде спасательного пояса с кольцом, которое будет прикреплено к тросу. Люди на «Литии» будут тянуть за канат и переташат вас через бездну.

Во время объяснения капитана лицо Анигели стало белым, но она заставила себя улыбнуться.

— Я сделаю это.

— Нет, моя королева, ни в коем случае! — воскликнул Велинкир.— Если корабли внезапно разойдутся или

один уплывет вперед из-за сильного порыва ветра, канаты оборвутся, и вы упадете в море. А если корабли неожиданно сблизятся, вы опять же упадете в море из-за того, что канаты провиснут, и вы будете раздавлены корпусами кораблей.

— Я должна сделать это, — просто сказала королева. — Это единственная возможность спасти короля и детей. Подготовьте все, капитан, а я свяжусь с Джеганом, чтобы на «Литии» тоже все было готово.

Плотник с флагмана тут же начал мастерить спасательную люльку — дубовый кружок не больше элса в диаметре с двумя отверстиями, сквозь которые были продернуты жгуты из прочной грубой холстины. Жгуты привязывались к тросу. Почти целый час корабли занимали нужную позицию. К этому времени стемнело. Велинкир сам встал к штурвалу, чтобы курс корабля был неизменным. «Лития» оказалась не столь послушной, она находилась на расстоянии около двадцати элсов, и ее бросало вверх-вниз, так что максимально выровнять скорости так и не удалось.

Теперь между помощниками капитанов двух кораблей велась бесконечная переключка, их голоса заглушал завывающий ветер. Кадия с Джеганом и высоким вайвило подошли к борту. Они с Анигелью крикнули друг другу несколько подбадривающих слов. Для более пространныго разговора с помощью талисмана не было времени.

Вместе с Имму, Эллинис и Ованом Анигель наблюдала за тем, как перебросили первый линь. Потом было приведено в порядок остальное снаряжение. Первый помощник с флагмана заверил Анигель, что небольшие изменения в расстоянии между двумя кораблями могут регулироваться с помощью специального устройства. Конечно, возможны неожиданные толчки, способные напугать ее. Трое сильных матросов подошли к Анигели и преклонили колени, прося благословения. Потом они встали к лебедке, с помощью которой собирались натягивать или ослаблять трос при резких движениях и толчках.

На «Литии», чья палуба располагалась на десять элсов ниже палубы флагмана, трос прикрепили к основной мач-

те. Блок с такелажем располагались чуть ниже; сам Лумому-Ко вызвался тянуть Анигель настолько плавно, насколько будет возможно. Канаты трещали, люди, стоящие у лебедки, проверяли натяжение троса. Наконец первый помощник капитана решил, что подвесная дорога готова. Анигель поцеловала Имму, Эллинис и Ованона. Потом она ступила на дубовый круг, обвязала пояс вокруг талии, ее подняли в воздух и перенесли через поручни борта.

Флагман нырнул вниз, а «Лития» поднялась. На какой-то момент люлька, подвешенная к тросу, оказалась на одном уровне с огромной серой волной. Анигель оказывала вода, она болталась в воздухе, как марионетка. Потом флагман подпрыгнул, а «Лития» опустилась вниз. Трос над головой Анигели звякнул и напрягся, затем чуть-чуть провис. Анигель внезапно остановилась, покачиваясь, а потом опять стала медленно передвигаться. Теперь суда шли, словно по волшебству, на одной скорости и в одном и том же направлении, несмотря на бушующие волны, как пара странных, неравных, но опытных танцоров.

Люлька двигалась очень быстро, Анигель уже преодолела больше половины расстояния между кораблями. Она даже ухитрилась махнуть рукой столпившимся у борта «Литии» людям. Между корпусами кораблей на мгновение образовалась водяная яма — они были в самой нижней точке падения. Анигель легко скользила вниз по туго натянутому тросу, ее тащили не только мускулистые руки Лумому-Ко, но и сила гравитации. Потом корабли стали одновременно взбираться на гребень новой гигантской волны.

И вдруг ветер затих. Анигель показалось, что «Лития» несется прямо на нее. Трос, к которому крепилась люлька, провис, и, вместо того чтобы скользить по нему, Анигель стала медленно падать вниз, в воду. Она услышала, как на «Литии» закричали, и с ее собственного флагмана донесся вопль женщины-аборигенки. Два корабля сближались. Еще минута — и она коснется воды.

— Талисман, спаси меня! — закричала она.

Ветер завыл, выравнивая суда. С легким звоном трос снова напрягся. Лумому-Ко разжал руки и опрокинулся на палубу. Анигель как стрела понеслась к маленькому суденышку. Она понимала, что в следующее мгновение разобьется о палубу...

И вдруг она зависла в воздухе.

Ветра не было.

Не было ни бушующего моря, ни болтающегося корабля. И «Лития», и морские волны стали неподвижны, словно превратились в камень.

Анигель, казалось, спокойно висела в воздухе, над ее головой по-прежнему были канаты, но они застыли, как замороженные. Она не смела дышать. Сама жизнь замерла.

А потом было разрешено двигаться — но только ей одной в целом мире. Она добралась до «Литии», перемахнула через борт и мягко приземлилась, все еще держась за жгуты спасательной люльки. Вокруг нее толпились ошеломленные вайвило. Джеган напоминал маленькую статую с широко раскрытыми желтыми глазами и разинутым от изумления ртом, а Кадия...

Чудо кончилось так же внезапно, как и началось. Анигель тяжело рухнула на колени, споткнувшись о люльку и запутавшись в веревках. Кадия и другие вопили от радости, и с флагмана доносились еле слышные крики восторга.

Когда Анигель освободили от пут, она упала в объятия сестры, плача от переполнявшего ее чувства облегчения.

— Это мой талисман! Он спас меня! Кадия... Кадия...

— Да, — согласилась Кадия. — Несомненно, это он. Ты начала падать в воду, а в следующую секунду уже была здесь.

За спинами двух женщин первый помощник капитана отдал команде приказ немедленно отвязать канаты, прикреплявшие «Литию» к флагману. Корабли сразу же начали удаляться друг от друга. «Лития» плыла под двумя парусами. Установили третий, ветер надул его, и маленькое суденышко понеслось вперед быстрее лабровенд-

ской галеры. А когда подняли и четвертый парус, оно полетело как птица.

— Пошли вниз,— сказала Кадия, взяв сестру за руку, как ребенка.

Теперь королеву трясло от холода, ее непромокаемый костюм был облит водой, кровь отлила от лица и рук. Но она все еще улыбалась и попыталась прощально махнуть рукой оставшимся на палубе флагмана людям.

— Талисман,— снова сказала она.— Талисман спас меня!

Кадия открыла дверь в кубрик.

— Будем надеяться,— сказала она тихим голосом,— что он спасет и меня.

Глава 10

Первым препятствием на пути к Кимилону были Охоганские горы. Оседлав огромных черно-белых ламмергейеров, Великая Волшебница и дорок Шики летели на запад. Еще две птицы несли их вещи. Великой Волшебнице удалось усмирить бушевавшую вокруг них бурю успешнее, чем Портоланусу, и Шики был поражен тем, как ему уютно и тепло, как легко и плавно летят ламмергейеры — внутри невидимого глазу воздушного пузыря затишья, которым кудесница окружила их с помощью своего всесильного талисмана.

Сначала Шики так робел перед Великой Волшебницей, что боялся вымолвить слово. Во время взлета он хранил благоговейное молчание, чтобы не мешать ее сосредоточению, а когда они приземлились для первой ночевки, вел себя очень скромно и старался быть незаметным. Из волшебной котомки Харамис достала горячую пищу для них обоих, а позже, когда гигантские птицы сгрудились вокруг двух крошечных палаток, талисман продолжал защищать их от стихии.

В середине ночи Шики проснулся, ему слышались странные звуки — словно причитал расстроенный чем-то человек. Когда он подал голос, слабые звуки прекратились, и он решил, что ему просто показалось,— теперь

раздавались только завывания ветра. Утром он уже не помнил об этом и все последующие ночи крепко спал.

К тому времени, когда они миновали Латошские горы в Рэктаме и достигли границы Вечного Ледника, искусственная буря, вызванная Портоланусом, наконец закончилась, и небо расчистилось. Оставались только небольшие тучки, которые тянулись бесконечной вереницей над снежными равнинами, скапливаясь возле одиноких горных вершин, вырастающих из молчаливого пространства огромного ледяного материка.

Великая Волшебница так искусно правила своим ламмергейером, что Шики, летевший на птице, заменившей его старого друга, не мог удержаться от похвалы. Она не обиделась на его фамильярность, а, наоборот, выразила желание поболтать. Она сказала, что и раньше ей часто приходилось летать на ламмергейерах, когда она покидала башню, чтобы навестить сестер или встретиться с кем-то из людей или Народа, нуждавшимся в ее помощи. Она рассказала также, что ее научили управлять птицами давным-давно, еще до того, как она стала Великой Волшебницей. Ее наставницей была женщина-виспи по имени Магира, которая теперь служит домоправительницей в башне.

Эти откровения были еще одним сюрпризом для Шики, уверенного в том, что Белая Дама — богиня, знающая все на свете безо всякого обучения. Его признание развеселило Харамис, и она поведала ему кое-что о своей жизни. Она всего двенадцать лет была Великой Волшебницей и только-только начала понимать, как правильно выполнять свою работу. Шики робко спросил, что за работу она выполняет. Она ответила без утайки, что разрешает споры, помогает найти пропавших без вести, дает советы главам стран, оказавшимся в затруднительном положении, предупреждает о стихийных бедствиях. Все, что она делает, делается в интересах людей, которые просят ее о помощи и доверяют ей.

Шики удивился, услышав, что не в ее силах решить все проблемы. Еще больше поразило его открытие, сделанное раньше: она пила и ела, как обыкновенные лю-

ди, ее тело нуждалось в отдыхе, она иногда даже спала. Но самым странным показалось ему то, что она сама толком не знает, какую вещь собирается найти в Недосягаемом Кимилоне. Что-то очень важное — и только. Она боялась лететь туда и была рада его присутствию.

Маленький дорок понял, что его прежние представления о Белой Даме ошибочны. Конечно, она могла творить чудеса, но вовсе не была карающей богиней или бесплотным духом из легенд: она страдала, испытывала страх, мучилась дурными предчувствиями, как все смертные. Великая Волшебница оказалась существом из плоти и крови, очень похожим на него самого. Она была не уверена в себе и нуждалась в заботе и дружбе. Поэтому Шики становился все смелее и смелее, стал разговаривать с ней по-человечески и даже несколько раз пошутил. Она подробно расспрашивала его о жизни в горах Тузамена, и он рассказывал, как они с женой мастерили большие плоты из феролов — деревьев, растущих в долине гейзеров, как сплавлялись на них по реке в поисках питательных клубней и фруктов, из которых делали потом веселящий напиток. Зимой он ставил капканы на воррамов и других пушных зверьков, а жена пряла шерсть и вязала из нее красивые шарфы и шали. Связанные ею вещи и добытые им меха они продавали людям, живущим в низинах. Шики поведал о том, что его народ с незапамятных времен подружился с гигантскими птицами — вурами, или ламмергейерами, что дорожки разговаривали с ними без слов и путешествовали на их спинах, если надо было навестить знакомых в других селениях.

— А теперь, — с горечью добавил он, — как я уже рассказывал вам, мы больше не сможем дружить с вурами из-за злого колдуна. — Он ждал, что Великая Волшебница будет разуверять его, пообещает помочь, уничтожив Портолануса.

Но она промолчала, только дотронулась пальцем до своего талисмана и стала пристально смотреть вдаль, на пустынный ледник, над которым пролетали птицы. Лицо ее, и так невеселое, стало еще печальнее.

Той ночью Шики опять услышал странные слабые звуки, напоминавшие плач. Но не могла же она плакать!

Через семь дней после вылета из башни Великой Волшебницы путешественники увидели впереди что-то, напоминающее темный холм округлой формы; он появился на горизонте среди бесконечного льда и снега неожиданно для них. По мере приближения холм стал похож на скопление грозowych туч, местами серых, а местами черных, как тушь, — тучи дышали и клубились, но казались гораздо более плотными, чем дождевые облака. Иногда яркие алые вспышки озаряли их изнутри.

— Это и есть Кимилон, — сказал Шики, — то самое место, которое дорожки называют краем Огня и Льда. Обычно из огромного облака, окружавшего плато, струится легкий дымок и сыплется негустой пепел, но сейчас, боюсь, слишком много вулканов извергается. Надо помолиться о том, Белая Дама, чтобы раскаленная лава не залила внутреннюю территорию. Именно там находится то странное строение, которое мы ищем и в котором жил колдун Портоланус. Может ли ваш талисман показать, свободен ли доступ к этой земле?

Харамис вытащила из-под одежды жезл и приказала показать панораму Недосягаемого Кимилона. Когда она раньше с помощью талисмана пыталась посмотреть на свою башню, все детали внутреннего помещения были скрыты плотными облаками. И во время полета она не могла увидеть проплывавшие под ними места крупным планом. Так и теперь — изображение, возникшее в Трехкрылом Диске, было очень расплывчато. Невооруженным глазом сквозь завесу туч она видела почти такую же картину.

— Боюсь, нам придется подождать, пока мы сами не окажемся там — тогда и увидим, в каком состоянии находится это древнее хранилище, — сказала Харамис. — Кимилон пропитан могущественной магией. Мне странно, что ваш народ знает о его существовании.

Маленький человечек пожал плечами:

— В самых старых наших легендах говорилось о Кимилоне как о крае Огня и Льда, священном для Исчез-

нувших. Время от времени кое-кто из смельчаков-дороков испытывал непреодолимое желание наведаться туда на спине вура, но все они отлично знали, что там нельзя ни до чего дотрагиваться, иначе не вернешься домой. Нескольких героев так больше никто и не видел, говорили, что их околдовало запретное чудо Кимилона и они остались здесь навеки, превратившись в ледяные статуи. Так старые сказки бередили воспоминания дороков, не позволяя забыть путь к Кимилону.

— Интересно,— предположила Харамис,— может быть, ваш народ когда-то служил давно забытой Великой Волшебнице и по ее повелению перевез в Кимилон опасные магические инструменты? Ведь вы тесно связаны с виспи, народом Охоганских гор, а они с незапамятных времен служили моей предшественнице, Великой Волшебнице Бйне.

— Белая Дама, мне ничего не известно о подобных вещах. Мы, дороки, всегда думали, что Великая Волшебница живет очень далеко от наших краев и ей нет до нас дела. Мой старый обожаемый друг Нанунцио напомнил мне, что вы являетесь нашей защитницей и опорой, и заставил меня прилететь к вам.

Харамис ощутила странный звон в ушах. Ламмергейеры! Она никогда не пыталась посоветоваться с ними...

Хилуро!

Слушаю, Белая Дама, и отвечаю.

Поговори со мной так, чтобы ни Шики, ни другие птицы нас не слышали.

Хорошо.

Хилуро, знаешь ли ты каких-нибудь ныне живущих Великих Волшебниц, кроме меня?

Да. Существует Великая Волшебница Моря, которая живет в морской крепости, а в небе живет Великий Волшебник Небес. Эти двое и вы сами — единственные, кто остался из Коллегии Великих Волшебников, учрежденной Исчезнувшими для противостояния злым Людям Звезды. Я ничего не могу сообщить вам об этих двух Великих Волшебниках, кроме их титулов и мест обитания. Я знаю, что они

будут жить и действовать до тех пор, пока Звезда угрожает равновесию мира.

Спасибо, Хилуро.

Во всяком случае, он рассказал ей значительно больше, чем талисман. Харамис задумалась. Они подлетали к Кимилону. Когда заходящее солнце окружило Вечный Ледник розоватым ореолом, отбрасывая живописные отблески на серые облака, они наконец прибыли.

Недосягаемый Кимилон представлял собой небольшое плато диаметром около трех лиг, окруженное дюжиной высоких вулканических сопок. Над пятью, расположенными вплотную друг к другу, поднимался густой черный дымок, изредка они выплевывали в небеса раскаленную докрасна жидкую лаву. По склонам текли узкие ручейки расплавленной скальной породы. Еще два кратера слегка курились, но их легкие белые дымки сразу исчезали в темных клубах дыма соседних вулканов. Остальные дремали. Действующие вулканы имели зловещий вид, их извержение сопровождалось постоянным грохотом. Шики удивился, увидев, что рука Великой Волшебницы, обхватившая талисман, дрожит.

— Ветер сдувает и дым и пепел с Кимилонского плато,— сказала Харамис.— Это хорошо.

Четыре ламмергейера перелетели через отвесную пропасть на восточную часть плато, где вулканы спали, укрытые величественными ледяными одеждами, присыпанными золой и пеплом. Поверхность плато составляла застывшая лава, местами твердая, с мелкими дырочками, наподобие шлака, местами — более мягкая, по виду похожая на свернутые в кольца огромные канаты, груды каменных подушек и одеял, уложенных вплотную к черным скалам. Центр плато занимало внушительных размеров озеро, в котором отражалось мрачное небо. Оно образовалось из талой воды, стекавшей с ледяных шапок дремлющих вулканов. У западного берега, где земля трещала и дымилась, из воды с шипением поднимались фонтанчики, тут и там появлялись пузыри горячего воздуха, так что озеро напоминало кипящий котел, в котором варят-

ся, смешиваясь, краски. Восточный берег казался твердым, хотя его устилал толстый слой белого пепла. На скалах росли лишайник, несколько скрюченных кустов и еще какие-то растения с сухой и обесцвеченной ядовитым дыханием вулканов листвой.

Четыре ламмергейера покружили над озером, а потом плавно опустились на землю около здания, стоявшего у подножья. В воздухе остро пахло серой, неприятно, но терпимо; было тепло и влажно. Ни на минуту не прекращался дождь из пепла. Он падал на землю и тут же поднимался и кружил, подхваченный легким ветерком. Когда Великая Волшебница и ее спутник встали на ноги, под подошвами ботинок зашуршали обломки пемзы. Почва слегка сотрясалась. Низкий, почти музыкальный рев действующих вулканов сменялся шипением водяных фонтанчиков и звуками падающей воды.

— Мы не можем долго оставаться здесь, Шики,— решила Харамис.— Я постараюсь поторопиться со своим обследованием.

— Вы... вы хотите, чтобы я составил вам компанию? — спросил он.— Если в этих местах водятся демоны, как рассказывают наши легенды, я с радостью буду охранять вас.

Он вытащил из чехла длинный кинжал и ухватился за него обеими руками. Лезвие кроваво блеснуло в свете извергающихся вулканов.

Харамис взглянула на него сверху вниз. Она была растрогана. Шики почти не знал ее, к тому же был сильно напуган, но тем не менее она не сомневалась, что он предложил свою поддержку, не просто исполняя долг, а из дружеских побуждений.

Харамис положила руку ему на плечо:

— Милый Шики, у тебя доброе сердце, ты уже догадался — я опасаюсь того, что могу найти здесь. Но ты должен знать: я не боюсь ни чудовищ, ни демонов, ни иной внешней опасности, которая может угрожать моей жизни. В конце концов, это здание было построено Великой Волшебницей, такой же, как я сама. И я имею право вой-

ти и обследовать его. Я ишу неведомое, но обязательно узнаю его, когда увижу. Это неведомое не страшит меня, потому что связано с моими сердцем и душой. Никто не может помочь мне, кроме меня самой. И все-таки я буду счастлива, если ты пойдешь со мной, будешь сопровождать меня, пока сможешь. Но, милый друг, оружие надо спрятать.

Шики убрал кинжал в ножны.

— У нас, дороков, есть пословица: «Когда сражаешься не в одиночку, а с верным другом, любое чудовище кажется крошечным».

Харамис только улыбнулась в ответ, и они пошли к таинственному зданию.

Оно целиком было построено из черной застывшей лавы и потому напоминало стоявшую рядом скалу. Наклонная двускатная крыша защищала и от снега, и от пепла. Размерами здание не превышало небольшой амбар. Только на фасаде, с одной стороны от узкой двери, располагались окна, состоявшие из мелких, оправленных в железо стекол и почти на элс углубленные в стену. Дверь была металлическая, без ручки, без замка; от одного прикосновения она не открывалась.

Харамис взялась за талисман, свисающий на цепочке с шеи, легонько коснулась им двери и сказала:

— Талисман, защити нас от зла и помоги войти в это помещение.

Дверь немедленно распахнулась. Внутри было темно. Харамис вошла и приказала включить свет. Тут же загорелись настенные светильники, сделанные из того же кристаллического материала и питающиеся той же энергией, что и все лампы в ее башне. Шики на цыпочках следовал за ней. Именно в этой комнате, по всей видимости, и жил ссыльный Портоланус. На полу все еще валялись пара изношенных сандалий и грубая, плетенная из растений роба, в углу висели накидка и широкополая островерхая шапка из того же материала. По контрасту с этими неуклюжими одеждами обстановка в комнате была удивительно красива и изысканна. Стол, два стула, кровать, несколько столов и комодов из неизвестного,

матово поблескивающего материала были выполнены в стиле, которого Харамис никогда раньше не видела: без единого сочленения, они были словно выплавлены или выросли сами собой, без вмешательства мастера. На кровати лежали подушки, напоминающие мыльные пузыри, и одеяла из прочного, легкого и тонкого материала, удивительно приятного на ощупь. И подушки и одеяла прикреплялись к кровати таким образом, что их нельзя было заменить. Около кровати стоял оригинальный узкий шкафчик, сделанный из чего-то похожего на полированную кость, по прочности не уступающую металлу: его слегка покатая верхняя крышка представляла собой большой квадрат серого цвета, на котором располагались маленькие разноцветные квадратики с глубокой резьбой. В другом конце комнаты, возле стола и стульев, находился странный, примерно в половину человеческого роста кубической формы предмет, вся поверхность которого была расписана причудливыми прямоугольниками различных размеров. На передней стенке куба в рамку были вставлены десять маленьких — меньше платиновой кроны — кружочков, тоже украшенных таинственными резными символами.

— Уверен, что эти чудесные вещи были сделаны Исчезнувшими! — прошептал Шики.

— Ты, несомненно, прав. Теперь нам нужно узнать, как работают эти волшебные приспособления.

Она дотронулась талисманом до странного шкафчика около кровати и одновременно задала мысленный вопрос, как она делала это, знакомясь с устройством и действием машин в пещере Черного Льда. Талисман заговорил:

Это библиотека. Искать нужную справку следует таким образом...

— Достаточно,— сказала Харамис. Потом она прикоснулась к кубическому предмету возле стола.

Это кухонный автомат. Он содержит целый ряд емкостей и приспособлений, готовит пищу, разогревает и охлаждает ее, сохраняет продукты в благоприятных условиях. Открывает отделение с кухонной посудой...

— Довольно,— приказала Харамис.

Она дотронулась до предмета, напоминавшего большой ящик. Его крышка тут же подскочила, открывая взору причудливый узор из блестящих многоугольников и кружков.

Это музыкальная шкатулка. Она воспроизводит звуки любого музыкального инструмента или целого оркестра, с ее помощью можно сочинять музыку...

— Хватит,— прервала Харамис.

Она направилась к внутренней двери и легко отворила ее. Когда она вошла в огромное помещение, занимавшее почти все пространство здания, тут же зажегся свет. До самого потолка рядами тянулись открытые стеллажи, между которыми оставались узкие проходы. Стеллажи были заполнены механизмами странной формы и множеством ящичков и самых разных предметов. Все предметы и сами полки покрывал слой пыли в полпальца толщиной: чистые пустые места свидетельствовали об изъятии некоторых вещей.

Харамис и Шики начали обходить стеллажи, разглядывая механизмы и дивясь на них. Время от времени Великая Волшебница прикасалась к тому или иному предмету своим талисманом и узнавала самые невероятные вещи. Здесь было все, что только можно придумать: всевозможные инструменты, страшное оружие, неведомые научные приборы, станки, приспособленные для работы с такими материалами, которых не было под рукой, и поэтому бесполезные для колдуна, обучающие машины, строительные и даже медицинские аппараты.

— Поразительно! — воскликнул Шики. — Наверное, Портоланус страшно сожалел о том, что не смог все это взять с собой!

— Думаю, нам следует возблагодарить Владык воздуха за то, что он не смог этого сделать,— мрачно заметила Харамис. — Только небесам известно, как сюда перенесли самые громоздкие машины тогда, в давние времена.

Когда она дошла до стены здания, прилегающей к скале, она снова обратилась к своему талисману:

— Это и в самом деле тайное хранилище какой-то Великой Волшебницы?

Да.

— Кто построил его?

Великий Волшебник Дрианро построил его после того, как прежнее хранилище Великих Волшебников Земли было погребено под вулканической лавой и стало недосыгаемым.

— Скажи мне, когда жил Дрианро и почему Великая Волшебница Бина не пользовалась этим складом?

Дрианро родился две тысячи триста шесть лет назад. Он умер внезапно, не успев сообщить своей преемнице, Великой Волшебнице Бине, местонахождение склада древних машин в Недосыгаемом Кимилоне.

Харамис затаила дыхание. Талисман, прочитав, по обыкновению, ее невысказанный вопрос, уже отвечал на него:

Великая Волшебница Бина прожила тысячу четыреста восемьдесят шесть лет. Тысячу четыреста шестьдесят четыре года она исполняла свой священный долг.

— О, Цветок! Неужели и я обречена на такую долгую жизнь?

Вопрос неуместен.

Губы Харамис сжались. Как часто талисман отделился от нее этой фразой, когда не мог ответить! Но она тут же забыла о своем гневе. Вновь охваченная восхищением при виде такого множества таинственных механизмов и приспособлений, она задала талисману следующий вопрос:

— Все эти вещи... спрятанные здесь... их что, считали потенциально опасными?

Некоторые из них Великий Волшебник Дрианро считал несвоевременными для примитивной культуры, остальные казались ему опасными.

— Здесь только машины или есть и предметы магии? Достижения древней науки могут кому-то показаться и чудесами магии.

— Но это на самом деле настоящая магия? — настаивала Харамис.

Вопрос неуместен.

— О Боже! — вскричала она. — Когда же ты наконец прекратишь издеваться надо мной? Стоит мне попытаться добраться до самой сути, как ты... И это длится с самого начала моей деятельности как Великой Волшебницы!

Вопросы...

— Достаточно, — раздраженно прервала Харамис талисман, разжала руку, и теперь волшебный жезл снова неподвижно висел на шейной цепочке.

Шики слушал весь ее диалог с талисманом с широко разинутым ртом и сверкающими от удивления глазами.

— Не возмущайся, друг мой, — кисло заметила она. — Магия может быть не только всесильной, но и отталкивающей, и пугающей, и расстраивающей — особенно для тех, кто вынужден постигать ее тайны без учителя. Я пришла сюда в надежде восполнить этот недостаток.

Шики смущенно улыбнулся:

— Вы надеялись найти здесь волшебную книгу или машину, которая будет вас обучать?

— Нет. Я ищу нечто более важное. До сих пор я так и не поняла, что это такое, поэтому придется дать соответствующую команду.

Она снова подняла талисман и заговорила громким голосом:

— Есть ли в этой комнате такое устройство, которое помогло бы мне связаться с другими живущими в мире Великими Волшебниками? Покажи мне его!

Они слышали слабый звук.

Этот звук напоминал позвякивание стекла — высокий, чистый, звонкий. словно кто-то щелкнул ногтем по стакану. Харамис стала вертеть головой, оглядывая стеллажи с загадочными предметами. Откуда шел этот звук? Как только она попыталась обнаружить его источник, он начал медленно затихать.

Шики сорвал с головы кожаную шапочку, его уши приподнялись, обмороженные кончики напряглись, чтобы усилить слух.

— Там! — закричал он, бросившись куда-то.

Великая Волшебница бежала за ним по пятам.

Они приблизились к противоположной от входа стене, которая, видимо, была частью скалы. Наконец Шики наступил на плиту пола, внешне ничем не отличавшуюся от других, указал пальцем вниз и сказал:

— Вот здесь!

Харамис коснулась талисманом пыльной каменной плиты. Опять что-то зазвенело, плита превратилась в дым, а потом и вовсе исчезла, образовав отверстие диаметром в элс. Внутри была непроглядная темень, оттуда вырывался затхлый воздух. В хранилище поднялась пыль, и Шики с Харамис начали чихать.

Она приказала зажечь свет в тоннеле, но ничего не произошло. Внутри по-прежнему было черным-черно, теперь и ветер не вырывался из отверстия, только в ушах продолжало слабо звенеть.

Харамис обратилась к талисману:

— Что значит это отверстие? Куда ведет тоннель?

Он ведет туда, откуда тебя вызывают.

— Мне надо войти в него?

Да. Великая Волшебница Земли вызывается Великой Волшебницей Моря на обучение, которое продлится тридцать дней и тридцать ночей.

Харамис глубоко вздохнула. Ее лицо просияло.

— Я так ждала этого! Именно это я и искала! Слава Триединому Богу!

Она не мешкая шагнула к разверзшемуся отверстию, но вдруг стоявший за ее спиной Шики робко пропищал:

— А как же я? Я должен буду ждать вашего возвращения здесь, Белая Дама?

Харамис устыдилась своего легкомыслия и строго заговорила с талисманом:

— Я не могу оставить своего верного слугу Шики одного в этом ужасном Кимилоне на целых тридцать дней! Надо позаботиться и о верных ламмергейерах!

Дорок Шики допускается во все места, где понадобится его присутствие. Он войдет в тоннель раньше Великой Волшебницы Земли. Четыре птицы, которые привезли вас сюда, уже летят к дому.

— Ох! — завопил Шики. — Мы оказались отрезанными от мира — как и злой колдун!

— Тихо, — оборвала Харамис. — Мы не имеем с ним ничего общего. Талисман, куда ты посылаешь Шики?

Туда, куда он должен пойти.

— Ох, от тебя можно спятить! — воскликнула Харамис. Успокоившись, она сказала Шики: — Постарайся не бояться. Я уверена, талисман не желает зла ни тебе, ни мне. Я... я могу только догадываться, что ты попадешь куда-то, где для тебя найдется полезное занятие на то время, пока я буду поглощена учебой. Ты отправишься один. Наверное, нам на самом деле нужно разлучиться. Готов ли ты без страха войти в тоннель и сделать все, что потребует от тебя талисман?

Маленький человечек опустил голову:

— Это ваш талисман, а я ваш слуга, Белая Дама.

Он поцеловал ей руку, потом надвинул на торчащие уши кожаную шапочку и отважно шагнул в черную дыру.

Громко звякнул колокольчик, и дорок Шики исчез. Харамис окликнула его, но не услышала даже эха своего голоса — один затихающий, удаляющийся звон.

Теперь настала моя очередь, сказала она себе. Ужасная мысль пронзила ее: «Может быть, Портолануса тоже вызывали? Может быть, его вызывали даже дважды?»

Какой смысл таится в этом странном путешествии? Неужели могущественный Скипетр Власти, состоящий из трех талисманов, нуждается в чем-то, находящемся так далеко, что ей и не снилось? Ей страшно захотелось посоветоваться с сестрами, рассказать им об этой новой загадке, попросить поделиться с ней силой и решимостью перед тем, как окунуться в неведомое! С храброй Кадией! С любящей, преданной Анигелью!

Но почему она, Харамис, самая нерешительная, должна быть главной?..

Но нет, она не будет обременять их своими проблемами. Она сможет и сама подавить эту проклятую дрожь и последует примеру старины Шики...

Харамис обеими руками ухватила за талисман и шагнула в отверстие тоннеля. Ее тут же окутала удушливая

тьма, и она повисла в пустоте. Она не испытывала боли, но ей показалось, что мозг разорвался от оглушительного звона.

И тут же она поняла, что ноги коснулись чего-то твердого. Шуршащая галька. Вокруг по-прежнему было темно, но она знала, что это всего лишь тьма ночи, а не волшебное отсутствие света. Когда глаза привыкли к темноте, она увидела даже звезды, едва различимые в небе, которое начинало приобретать странный темно-красный цвет. Еще слышался шум, словно на берег накатывают и снова отступают легкие волны. Ее лица коснулся слабый ветерок, несущий прохладу.

Морское побережье...

Вдалеке в воде плавали какие-то громадины — светящиеся видения кораблей. Но человек не мог построить такие огромные корабли. Они были как острова, как небольшие горы, и каждая громадина излучала голубоватое или зеленоватое сияние. Крохотные волны увенчивала такая же светящаяся пена.

Теперь красно-черное небо начало меняться. На далеком горизонте выросло перламутровое пятно, потом появились другие перламутровые столбы света — всего пять: они покачивались как призрачные растопыренные пальцы, затем столбы расширились, стали ярко-розовыми, белыми, зелеными и превратились в разноцветную завесу. Небо отражалось в гигантских айсбергах и освещало странный ландшафт за спиной Харамис — пустынные голые холмы, на которых местами белел снег.

Поднимался ветер.

— Где я? — прошептала Харамис.

На побережье моря Авроры.

Вот чем объясняется фантастический цвет неба! Это северное сияние, редкое явление природы, о котором она читала, но никогда не видела своими глазами: оно бывало только на крайнем севере. Постоянно меняющиеся краски были так ослепительно прекрасны, что она забыла, зачем прибыла сюда...

Ты не должна забываться, Харамис. Тебе нужно многому научиться!

Она чуть не закричала. Мысленная речь не принадлежала ее талисману.

— Это вы, Великая Волшебница Моря? — позвала она. — Где вы?

Иди по светящейся дорожке.

Теперь сияние распространилось по всему морю, а рядом с тем местом, где стояла Харамис, вода, казалось, отвердела, превратившись в подобие чистой сверкающей льдины, усыпанной миллионами крошечных алмазов. Пока Белая Дама смотрела на нее, ледяная дорожка удлинялась, протягивалась от самого берега до высочайшего из сверкающих айсбергов.

«Выдержит ли она мой вес?» — спросила себя Харамис.

Прохладный ветерок заставил ее задрожать. Она протянула ногу. Лед слегка закрипел, но не треснул. На другом конце узкой светящейся дорожки колыхалась черная морская рябь, но сама она была прочна, как железо.

Завернувшись в плащ Великих Волшебников, Харамис пошла к морю.

Глава 11

— Госпожа, если карта, с которой вы сверяетесь, верна, — сказал Кадии капитан Ли-Вунли, — то мы находимся приблизительно в паре лиг от того места, где утонул ваш талисман.

Когда хозяин судна позвал Кадью и Анигель, они уже сами спешили на палубу «Литии». Судно медленно плыло к югу вдоль изрезанного берега Консульского острова, оставаясь на приличном расстоянии от него.

Последние три дня «Лития» курсировала между Виндлорскими островами, и на дозоре стоял человек, который должен был известить команду о появлении рэктамских пиратов или враждебных местных жителей.

Они заплыли уже далеко, но не заметили ни единого корабля. Иногда виднелись дымки над поселениями алиансов да небольшие группки аборигенов, удивших рыбу на отмелях. От талисмана Анигели было мало пользы: сре-

ди скопления островков пиратская трирема не просматривалась. Правда, королева довольно отчетливо могла разглядеть это огромное судно, но определить его точное местоположение на карте было невозможно. Маленькие острова так походили один на другой, да и карта не отличалась точностью. Так что для них оставалось загадкой, опередили их пираты или остались позади.

Талисман дал понять, что за продвижением «Литии» из тайных укрытий следят немало алиансов. Так как народ Моря обладал способностью связываться со многими островами с помощью телепатии, все алиансы, несомненно, знали, где находится пиратский корабль. Но когда с ними заговорили вайвило, алиансы отказались отвечать, а когда королева попыталась подслушать разговоры с помощью талисмана, то с огорчением узнала, что между собой они говорят на особом непонятном наречии, а не на том общепринятом торговом диалекте, основанном на человеческом языке, который они использовали во время злополучного совещания с Кадией.

Лишенные сведений о местонахождении своих врагов, обе сестры могли только тормозить капитана Ли-Вунли, уговаривая его развить наибольшую скорость при еле заметном ветерке, и молиться о том, чтобы добраться до места потери раньше Портолануса.

— Благодаря вам мы так быстро доплыли до Консульского острова, капитан, — ласково сказала ему Анитель. — Удивительно, как вам удавалось плыть ночью в этом лабиринте из скал и рифов, которые окружают нас.

Взглянув через плечо на вайвило, приводившего в порядок парус, Ли-Вунли прошептал:

— Этим мы обязаны жителям Леса, королева. Эти парни с огромными глазами обладают каким-то особым чутьем, помогающим им распознать препятствия под водой. Ночь для них ничем не отличается от дня, а плавание по мелководью — от путешествия по их родным речкам.

— Залив, на берегу которого стоит поселок великого вождя Хор-Шиссы, находится, кажется, как раз за этим мысом, — сказала Кадия, склонившись над измятой кар-

той. — Я не могу понять, почему нет ни одной лодки аборигенов, почему никто не препятствует нам. Когда мы были здесь в последний раз, нас встретило множество каное с двадцатью воинами в каждом. Они провожали нас до места стоянки. Это произошло, когда мы находились гораздо дальше от поселка вождя, чем сейчас.

— Может быть, у морских оддлингов есть веские причины, чтобы не покидать берег, — заметил Ли-Вунли. Его обычно жизнерадостное лицо под широкополой шляпой с перьями сейчас было невесело. — Великая королева, взгляните-ка еще разок за этот мыс с помощью вашего волшебного обруча.

— Хорошо.

Анигель закрыла глаза и дотронулась до венчавшей ее голову сверкающей диадемы.

— Ой, там пиратская трирема с опущенными парусами! Я вижу, что она уже бросила якоря!

— Гром и молния! — воскликнул Ли-Вунли. — Свистать всех наверх! Рулевой! Готовься к остановке!

Выкрикивая команды, он убежал, судно стало замедлять ход и наконец остановилось.

— Живо! — сказала сестре Кадия. — Рассмотрни пиратский корабль повнимательнее. Спускают ли они шлюпки с баграми? Делают что-нибудь похожее на попытку вытащить мой талисман?

Анигель некоторое время молчала, глаза ее оставались закрытыми.

— Нет, не вижу ничего подобного. Матросы тянут канаты и закрепляют спущенные паруса, ректамский адмирал разговаривает с одним из офицеров... Говорит, что они только что прибыли к Консульскому острову. Они не могли плыть ночью, опасаясь наткнуться на рифы. Кажется, у Портолануса есть волшебный прибор, позволяющий измерять глубину воды, но он не очень точно работает. Поэтому каждую ночь трирема вставала на якорь. Ради Цветка! В скором времени на палубе покажется сам Портоланус со своими подручными!

— Покажи и мне! — скомандовала Кадия.

Анигель приказала талисману поделиться обзором: вся сцена затуманилась и стала беззвучной. Несмотря на это, Кадия отчетливо разглядела три фигуры, появившиеся в дверях кубрика, — мужчину среднего роста в свободной рубашке фиолетового цвета, вялую личность в похожем одеянии желтого цвета и третьего, очень низкорослого, одетого в черное. Следом за ними появилось уже знакомое расплывчатое пятно, которое указывало на присутствие Портолануса. Последней была королева-регентша в своем шелковом наряде цвета морской волны. За несколько дней безветренной погоды она окончательно оправилась от недомогания. Ее сопровождал бледный и угрюмый король-карлик.

Трое помощников колдуна встали в ряд у резного бортика королевской палубы. Казалось, их взгляды направлены прямо на королеву Анигель и Кадия. Туманный призрак колдуна замер за их спинами — и вдруг стал видимым. На нем были белоснежные одежды, головной убор отсутствовал, легкий ветерок теребил соломенные волосы и бороду. Сестры охнули — он явно знал, что они ведут наблюдение, так как приветственно махнул рукой. Королева Ганондри и ее внук отошли подальше от этого волшебного квартета, но не спускали с него глаз.

Клоунская ухмылка исчезла с лица Портолануса. Он распрямился, став высоким и широкоплечим, лицо утратило комическое выражение. Он отдал короткий приказ, и трое его подручных встали на колени. Властным движением колдун сорвал с них капюшоны, обнажая бритые головы, и придвинул черепа один к другому, как торговец фруктами собирает в одну кучу спелые дыни. Потом он растопырил костлявые руки, положив пальцы на все три головы, и закрыл глаза.

— О Боже, — прошептала Кадия. — Фавориты! Ты видишь, сестра?

Ошеломленная Анигель только кивнула в ответ. Глазницы трех коленопреклоненных мужчин превратились в пустые темные дыры, они замерли, как статуи. Стоящий за ними Портоланус медленно открыл глаза и опустил ру-

ки. Под его густыми желтоватыми бровями мерцали ослепительным светом крошечные белые звезды.

— Ну вот мы и встретились, королева Анигель, леди Кадия! — сказал он.

Сестры услышали его слова так отчетливо, будто он стоял рядом.

— Он видит нас! — сказала Анигель.

— Конечно, — улыбнувшись, ответил Портоланус. — С помощью трех своих могущественных Голосов я могу видеть все и вся в самых отдаленных уголках мира, могу даже разговаривать на расстоянии... Какое чудесное утро, не так ли? Признаться, я предпочитаю тихую погоду, как и мои слуги, и для меня было огромным облегчением покончить с волшебной бурей. Разрешите выразить вам и вашему капитану восхищение по поводу той колоссальной скорости, которую смогло развить ваше маленькое суденышко. Рабы на нашей галере трудились не покладая рук с рассвета до заката, чтобы опередить вас, но мы ненамного вас обогнали.

— Но ты мог заставить поработать ураганный ветер, — возразила Кадия.

— Увы! — Портоланус пожал плечами. — Я не всемогущ и не могу управлять этим легким ветерком, который всегда дует в районе Виндлорских островов. И тем не менее мы выиграли целый день. Я должен предупредить — ни в коем случае не пытайтесь приблизиться к нам. Не пытайтесь войти в эту гавань или подойти к тому месту, где затонул талисман. Если вы это сделаете, последствия будут самыми печальными.

Портоланус шелкнул пальцами, и из кубрика показались двое вооруженных пиратов, несущих безжизненное тело. За ними шел третий разбойник с обнаженным мечом.

— Антар! — закричала Анигель.

Колдун с глазами-звездами расхохотался:

— Жалкое подобие короля, не так ли? Он очень ленив, продрых все время, пока мы плыли из Талоазина. Теперь ему пора просыпаться. Вы можете поговорить с ним.

Он дотронулся до короля Лабровенды маленькой пальочкой. Тот тут же очнулся, напрягся в руках похитителей и поднял голову. Когда он понял, что находится в плену, он начал вырываться и осыпать Портолануса проклятиями.

Колдун с издевкой затряс головой:

— Ай, ай, ай! Высокий гость отвечает бранными словами на наше гостеприимство. Его следует научить хорошим манерам.

Он направил тощий палец в лицо Антару, с кончика пальца брызнуло оранжевое пламя. Портоланус добродушно сказал что-то стражу с мечом. И Анигель, и ее муж закричали одновременно, когда пират схватил Антара за волосы, запрокинул ему голову — и пламя коснулось светлой бородки. Раздался треск, за клубился дымок, и Анигель в ужасе залилась слезами. Но, когда Портоланус отнял палец, оказалось, что огонь спалил волосы, не тронув кожи.

— Грязный ублюдок! — закричала Кадия, обняв плачущую сестру.

Портоланус небрежно махнул рукой:

— Может быть, и так — я не знаю ни отца, ни матери, а на этом рэктамском корабле, несмотря на его роскошное убранство, нет ванной комнаты. Но советую вам попридержать язык, Дама Священных Очей, иначе вашему царственному зятю будет больно.

— Не мучай его! — взмолилась Анигель.

Две звезды под бровями колдуна зловеще сверкнули, а его голос громом отозвался в ушах:

— Я его освобожу, как и трех твоих детей, если ты передашь мне Трехглавое Чудовище!

— Ты грязный лжец! Я... я не верю, что ты освободишь их! Ты хочешь убить нас всех!

Портоланус вздохнул:

— Глупая женщина. Кто сказал тебе это? Твоя сестра Харамис? Она упряма, но в магии полный дилетант, и ей никогда не удастся разгадать мои тайны. Она понятия не имеет о моих планах. Заплати выкуп! Зачем тебе твоя ди-

адема, с ее помощью ты всего лишь шпионишь за людьми. Для тебя она только символ... Бог знает чего.

— Не слушай его, любимая! — закричал король Антар.— Прикажи своему талисману уничтожить его!

К его горлу приставили меч, чтобы заставить замолчать, но колдун властным жестом остановил пирата, и тот неохотно опустил оружие.

— Только подумай, королева Анигель, — проникновенно заговорил Портоланус.— Какую пользу принесло тебе Трехглавое Чудовище за эти двенадцать лет? Да, с его помощью ты можешь разговаривать с сестрами на расстоянии. Но я дам тебе три маленьких аппарата Исчезнувших, которые будут служить в тех же целях!

Горячо откликнулась Кадия:

— А что ты дашь мне, фокусник, взамен моего Трехвекового Горящего Глаза? А Великая Волшебница Харамис тоже отдаст тебе свой талисман в обмен на какую-нибудь дешевку?

Добродушное выражение лица Портолануса сменилось злобной маской, и он прорычал:

— Я обращаюсь к королеве, леди, а не к вам! Анигель, если ты не заплатишь выкупа, и твой муж, и твои дети умрут. Но ты можешь спасти их: положи свою диадему в маленькую шляпку и пусти ее на волю волн. Одновременно я посажу Антара и детей в другую лодку. В такую спокойную погоду для него не составит труда на веслах обогнуть этот мыс часа за два. Я же с помощью колдовства подтяну к себе шляпку с талисманом. И тогда, если вы немедля поплывете на «Литии» домой, я не буду преследовать вас и не причиню вам зла, клянусь Силами Тьмы.

Анигель колебалась. Блестящими от слез глазами она смотрела на Антара, который качал головой, требуя, чтобы она ответила отказом. У короля и в самом деле был жалкий вид: глаза глубоко запали, лицо страшно исхудало — ведь он семь дней ничего не ел. Талисман казался Анигели незначительной платой за его благополучное возвращение и за спасение детей. И все-таки король велел ей не сдаваться... настаивал, чтобы она использовала талисман как орудие убийства. Но она никогда не давала

волшебному талисману подобных приказов, и даже сейчас, когда на карту была поставлена жизнь мужа, она колебалась.

Казалось, Кадия понимает, какая борьба происходит в душе сестры.

— Делай то, что считаешь нужным,— сказала она, вкладывая в свои слова тайный смысл.

Анигель закрыла глаза:

Талисман! Во имя Владык воздуха приказываю тебе нанести смертельный удар по злему человеку, который похитил моего мужа и детей! Приказываю! Приказываю!

Королева снова открыла глаза и увидела ту же картину: Портоланус был цел и невредим. Ничего не случилось.

Кадия сжала зубы, подавляя готовый вырваться гневный крик, и в душе осыпала проклятиями и Анигель, и ее талисман за позорное поражение.

Стараясь скрыть горе и разочарование, Анигель едва слышно сказала Портоланусу:

— Я не могу отдать тебе свой талисман.

Колдун не выглядел сильно разочарованным:

— Неверное решение, моя королева. Со временем твоё настроение изменится. Но сейчас, чтобы продемонстрировать свои благие намерения, я прикажу не обижать ни короля, ни детей, если вы с Кадией будете сохранять дистанцию. Вы поклянетесь мне на Черном Триллиуме, что не станете делать попытки приблизиться?

— Не давай клятвы! — крикнул король Антар, снова начиная вырываться.

Но дюжие пираты держали его крепко.

— Да! — немедленно закричала Анигель. — Я клянусь!

Кадия отвечала менее охотно.

— Да,— наконец пробормотала она.— Мы клянемся Цветком, что ни она, ни я не тронемся с места. Но если ты все-таки будешь мучить короля Антара, мы нарушим клятву. Мы не спустим с него глаз.

— Пожалуйста, как хотите.— Колдун рассмеялся, затем сказал пиратам: — Закуйте его опять с галерными ра-

бами и дайте немного их пойма. Но осторожно, после длительной голодовки его желудок может не выдержать.

Когда Антара увели вниз, Портоланус широко зевнул и почесался. Анигель и Кадия увидели, что глаза его приняли обычный человеческий вид. В то же мгновение трое его помощников застонали и забились в конвульсиях. Их лица исказились, глазные яблоки закатились, и они повалились на палубу.

Портоланус обернулся, сделал низкий поклон королеве Ганондри и королю Ледавардису и покинул королевскую палубу. Королева что-то отрывисто сказала внуку, внимательно выслушавшему весь разговор колдуна с невидимыми сестрами. Потом оба они тоже ушли, а наверх поднялись матросы и унесли бесчувственных помощников Портолануса.

Анигель закончила наблюдения.

— Что же нам теперь делать? — спросила она. Вытерла залитое слезами лицо и устроилась на бочонке с водой. Она все еще дрожала.

Кадия несколько минут молча стояла у поручня, глядя в побережье большого острова. На берегу рос густой лес, из ослепительно белого песка тут и там поднимались красновато-черные скалы. У берега море было бледно-зеленым; когда волны докатывались до прибрежных скал, образовывалась кремовая пена. Эта сторона далеко выступающего мыса казалась необитаемой.

— Первоначальный план Харамис заключался в том, чтобы вызвать тебя с твоим талисманом и с его помощью достать со дна моря мой, — обернувшись к сестре, сказала наконец Кадия. — Попробуй сделать это хотя бы на расстоянии!

— А я даже не подумала об этом, надо же! — ответила Анигель. — Конечно, я попытаюсь.

Когда она обеими руками взялась за диадему и надела на янтарное вкрапление в форме Черного Триллиума, лицо ее скорее выражало неуверенность, нежели надежду.

— Талисман, — прошептала она, — приказываю тебе доставить сюда утерянный Трехвекий Горящий Глаз.

Сердце ее отстучало с полдюжины ударов, и только тогда талисман заговорил:

Я не могу сделать этого, пока ты не поднесешь меня точно к тому месту, где лежит Глаз.

— Ох! — воскликнула Анигель. — Ты слышала, Кади?

— Да.

Лицо Дамы Священных Очей приняло решительное, упрямое выражение.

— Ты могла бы сделать это, превратившись в невидимку и пробравшись тайком на пиратский корабль. Не остается ничего другого, как нарушить клятву...

— Даже не думай об этом! — оборвала ее Анигель. Одетая в грубый матросский костюм, с заплаканным лицом, она все-таки оставалась королевой. — Я не нарушу клятвы и тебе не позволю!

— Не будь душой, Ани! — Карие глаза Кадии воинственно засверкали. — Если мы не добудем талисман прежде, чем Портоланус наложит на него лапу, у нас не будет никаких шансов спасти Антара и детей. Неужели ты думаешь, что, завладев моим талисманом, он отпустит их на свободу?

— Я не...

— Или ты все-таки собираешься в конце концов расстаться со своим талисманом, заплатив выкуп?

— Конечно, нет! Но я попробую найти честный способ спасти их.

— Честь! Ты тупа, как новорожденный телок! Как можешь ты рассуждать о чести, когда жизнь твоего мужа и детей висит на волоске? А мой талисман?

Анигель вскочила с бочонка:

— Твой талисман! Вот что тебя на самом деле беспокоит, не так ли? Без него ты лишена власти! Народ Топей и другие аборигены не будут смотреть тебе в рот, слушаться тебя и называть своей Великой Защитницей, так ведь, Дама Священных Очей? Ну хорошо, вот что я скажу. Ты больше не сможешь сеять недовольство среди них...

— Никакого недовольства не будет, если правители-люди вроде тебя самой не станут закрывать глаза на не-

справедливости по отношению к Народу! Ни ты, ни Антар никогда не обращали внимания на мои постоянные просьбы дать им все гражданские права!

— На то были веские причины! — гневно ответила королева. — Наша экономика разрушится, если разрешить оддлингам торговать с другими народами, минуя нас. Ты прекрасно знаешь это и все равно настаиваешь на своем, вдохновляя вайвило и глисмаков на восстания, советуя уйзгу и ниссомам придерживать товары, чтобы поднять на них цены!

— А почему бы вам не увеличить цены? Они трудятся не покладая рук, почти ничего не получая взамен. Вы называете их оддлингами! А я говорю, что они личности, и ничем не хуже, чем люди! У вас нет права эксплуатировать их!

— А кто сказал, что их эксплуатируют? — спросила королева. — Кто посеял в их бесхитростных сердцах недовольство? Ты! Так называемая защитница! О, как я не хотела верить Эллинис и Ованону, когда они говорили, что в глубине души ты страшно жалеешь о своем отказе от короны, что ты завидуешь моей власти и поднимаешь волнения среди аборигенов для самоутверждения! Они все-таки были правы!

— Какие чудовищные домыслы! — воскликнула Кадия. — Именно ты стала самоуверенной и бесчувственной, забыв о том, что Народ помог нам одолеть короля Волтрика и Орогастуса! Вы думаете только о благополучии людского племени и просто-напросто используете бедных нелюдей, которые все еще ищут вашего покровительства и справедливости! Ты стала похожа на своего лаборнокского супруга, воспитанного в представлениях о том, что Народ — это всего лишь животные! Он отравил твое сознание...

— Как ты смеешь говорить так о моем дорогом Антаре! Бессердечная, что ты знаешь о настоящей любви? У тебя не было ничего, кроме тупого обожания бесноватой толпы дикарей! Они как дети, и у тебя у самой ум дитяти! Ты не умеешь владеть собой, готова вспыхнуть из-за любого пустяка, не думая о том, какие будут последст-

вия! Из-за своего ограниченного умишка ты всегда видишь один-единственный выход для решения всех проблем! Что ты смыслишь в вопросах управления, разве ты можешь защитить Народ?

— Я знаю, что справедливо, а что нет,— сказала Кадия. Ее тихий голос стал вдруг спокойным и угрожающим.— Я понимаю разницу между настоящей клятвой и той, что произнесена под давлением обстоятельств. Ты можешь делать что хочешь, сестра, даже лишить меня помощи своей диадемы. Но если ты попытаешься остановить меня в поисках талисмана, если ты встанешь на моем пути, пусть Владыки воздуха сжальются над тобой — но не я!

Она пошла прочь, призывая Джегана и Лумому-Ко, и не обернулась, когда Анигель стала звать ее, извиняться за свои тневные речи и просить вернуться назад.

У Анигели не было сил даже плакать. Она ушла на корму «Литии» и устроилась там среди связок канатов. Остаток дня она провела, наблюдая с помощью талисмана за королем Антаром и детьми. Пыталась проследить и за колдуном, хотя его фигура по-прежнему виделась как расплывчатое пятно. Безо всякого интереса, уныло смотрела Анигель на Портолануса и трех его помощников, расположившихся в своей каюте: они распевали песни и разыгрывали странные сценки, смысл которых был ей непонятен. Они, по всей видимости, и не собирались отправляться за талисманом Кадии.

Как и сама Кадия. После беседы со своими друзьями-аборигенами, до подслушивания которой Анигель не снизошла, Дама Священных Очей спустилась к себе в каюту и весь день проспала.

К вечеру Анигели наскучило наблюдать за пиратской триремой, на борту которой ровным счетом ничего не происходило, ее разморило на солнце, а от легкой качки потянуло в сон. Она выбралась из своего укромного местечка. Джеган принес ей прохладительный напиток, она попила и задремала. Проснулась она глубокой ночью, когда было уже поздно помешать свершившемуся несчастью.

— На палубе происходит что-то странное,— крикнул принц Никалон сестре и брату.

Стояла ночь, в якорном трюме было темно, только сквозь круглые отверстия проникал слабый лунный свет. Ники наполовину высунулся наружу.

— Я слышу пение,— сказал он.— Только не могу понять, на каком языке поют.

— Должно быть, это колдун,— сказал принц Толивар с явным восхищением.— Он насылает проклятия на тех, кто нас разыскивает. Вот бы посмотреть, как он мечет громы и молнии или вызывает чудовищ!

— Не болтай ерунды! — сказала принцесса Джениль, а потом обратилась к Ники: — А на берегу ты что-нибудь видишь?

— Только несколько мигающих огоньков от костра за деревьями, на воде нет никаких лодок. Светят две из Трех Лун, и, если мы попытаемся сбежать сейчас, нас будет отлично видно!

— Но если мы будем медлить, корабль может уплыть! — сказала Джен.— Надо уходить, пока это возможно.

— Верно,— согласился Ники.— Сейчас трирема встала на якорь гораздо ближе к берегу, чем раньше. Нам придется проплыть всего около половины лиги.

— А это далеко? — с любопытством спросил Толо.

— Тысячу элсов,— ответила ему Джен.— Но тебе не стоит бояться, лягушонок. Мы с Ники сможем тащить тебя, когда ты устанешь.

— Я не хочу никуда идти,— захныкал Толо.— Я ненавижу плавать. Вода всегда заливается в нос.

— А как тебе понравится, если пираты привяжут тебя к мачте и будут использовать в качестве мишени для метания ножей? — безжалостно спросил Ники.

Толо разразился слезами, и Джен поспешила утешить его, укоризненно глядя на старшего брата.

— Посмотри, что ты наделал! Ладно, малыш, Ники просто дразнится! Никто не собирается тебя мучить!

— Я ненавижу это место,— всхлипывал Толо.— Почему никто не придет и не спасет нас?

— Я уверена, что мама старается...— начала Джен, но в этот момент за дверью послышался шум, и она прошипела Никалону: — Быстро слезай! Сюда кто-то идет!

Наследный принц едва успел соскользнуть вниз, упав спиной на груды огромных цепей, как дверь приоткрылась. Появился Боблин со светильником, стоящий за ним принц-карлик держал в руке второй фонарь.

Ледавардис вышел вперед и ступил в темный якорный отсек. Он нес туго набитый мешок.

— Закрой дверь и подожди снаружи, Боблин! Я хочу поговорить с этими несчастными детьми с глаза на глаз.

— Подумайте хорошенько, ваше величество! Плохо уже то, что вы воспользовались моим добрым нравом и уговорили спуститься вниз...

— Молчи! Неужели ты в самом деле думаешь, что эти младенцы способны обидеть меня? Подожди снаружи, я сказал!

Боблин, ворча, удалился. Когда дверь за ним закрылась, Ледавардис повесил фонарь на гвоздь, а потом вытряхнул содержимое объемистого мешка на грубый пол к их ногам. Здесь были спасательный круг из дуба, нож в чехле, маленький топорик, плоский матерчатый пакет, непромокаемая сумка, заполненная наполовину чем-то твердым, тыквенная фляга с водой и маленький глиняный горшок, замотанный тряпками.

— Ради Цветка! — удивленно воскликнул Никалон. — Что все это значит?

— Этой ночью вы должны попытаться бежать,— безо всякого вступления сказал Ледавардис. — Волшебник целый день провел, работая над какими-то чудовищными заклинаниями, с помощью которых он надеется достать из морских глубин магический меч. Все на корабле будут наблюдать, как он и его лизоблюды провозят последние заклинания. Это произойдет приблизительно через полчаса, когда взойдет Третья Луна. В это время вы и должны бежать. Как только меч будет поднят, мы тут же отплывем в Рэктам.

— Я не хочу никуда бежать! — опять заныл Толо. — Я почти не умею плавать.

— Спасательный круг поможет тебе, — сказал король Ледавардис. — Если понадобится, вы все трое сможете держаться за него и, болтая под водой ногами, бесшумно доплывете до берега. В этом водонепроницаемом пакете лежит кое-какая снедь, вы можете положить туда и одежду, так что на земле вам будет во что переодеться. В холстинной сумке — удочка, крючки и все необходимое для разведения костра. С этими вещами, ножом и топориком вы сможете добывать себе пищу и защищаться до тех пор, пока ваши люди не спасут вас.

— Мама наверняка быстро найдет нас с помощью своего талисмана, — уверенно заявила Джен.

— А спасти нашего отца нет никакой возможности? — спросил Ники.

— Это безнадежно, — ответил Ледавардис. — Он прикован к скамье на галере, окружен рабами и надсмотрщиками. Вы сами должны спастись. Я подслушал, как моя бабушка спорила с Портоланусом. Она каким-то образом заставила его согласиться с тем, что если удастся достать из воды утонувший талисман, то второй, полученный в качестве выкупа за вас и короля Антара, станет ее собственностью.

— Мама никогда не отдаст свой талисман! — решительно сказал Ники. — И она, и ее верные рыцари, несомненно, находятся где-то рядом и скоро появятся, чтобы освободить нас.

— Все может быть, — ответил король. — Я знаю только одно: Ганондри полна решимости отнять талисман у вашей матери. Портоланус безуспешно пытался уговорить королеву Анигель, он даже осмелился пытаться вашего отца...

— Ох! — в ужасе вскрикнула Джениль.

Ледавардис продолжал:

— Но моя бабушка сделана из другого теста. Она постарается захватить второй талисман... пытая тебя, Николон, и тебя, Джениль, на глазах у ваших родителей.

— Но не меня? — спросил Толивар с надеждой.

— Толо! — негодуя, прикрикнула на него сестра. — Как тебе не стыдно!

— Довольно, Джен, — сказал наследный принц. — Сейчас не время для детских капризов. — Потом он обратился к Ледавардису: — Если нам удастся побег, мы — ваши должники навеки, король. Скажите, почему вы нам помогаете?

— Сам не знаю, — смутившись, признался Ледавардис. — Просто чувствую, что должен помочь. Боюсь, ваш отец обречен, и я ничего не смогу сделать. Но вам я могу помочь. — Он снял с гвоздя фонарь. — Теперь мне нужно уходить, пока меня не хватились. Я должен присутствовать на представлении колдуна. Когда на небе появится Третья Луна, бегите. В этом маленьком пузырьке — вакса для сапог, вы сможете намазать ею открытые части тела, чтобы белая кожа не выдавала вас, когда будете плыть. А теперь прощайте.

Ледавардис выскользнул за дверь, тихонько прикрыл ее, и спустя мгновение дети услышали звук задвигаемого засова. Ники упал на колени и стал изучать содержимое водонепроницаемого пакета.

— Здесь пироги, орехи и колбаса. Если мы сможем наловить рыбы и собрать фруктов, этого вполне хватит. Одежду и обувь мы тоже сложим в этот пакет. Он удержится на воде, мы будем тянуть его за собой на веревке. А теперь надо спешить: мы должны быть готовы, когда придет время.

Толо прижался к деревянной обшивке корпуса:

— Я не пойду!

— Пойдешь! — жестко сказал Никалон. — Я не только твой брат, но еще и наследный принц, и я тебе приказываю!

— Плевать мне на тебя и на твои приказы, Ники! В воде водится всякая дрянь. Опасные твари! Ралабун говорит...

Ники с Джен застонали в унисон.

— Ралабун! — проворчал Ники. — Он начинен старыми сказками и предрассудками оддлингов!

— Ралабун говорит, что здесь водятся огромные рыбыны в три человеческих роста, — упорствовал маленький мальчик. — Их пасть похожа на дверь с тремя рядами зубов, острых, как ножи мясника. И еще здесь много гигантских медуз, которые могут обжечь до смерти. И морское чудовище Хельдо тоже живет здесь, на юге, у него глаза размером с обеденные тарелки, а лапы — как прочные тросы с когтями, они обвиваются вокруг тебя и душат до тех пор, пока из ушей и рта не хлынет кровь...

— Нет, нет, — заговорила Джениль, подходя к Толо и беря его за руку. — Здесь не водятся никакие твари! Оставаться на этом корабле с пиратской королевой и злым колдуном гораздо опаснее.

— Принц-карлик сказал, что королева Ганондри собирается пытать только тебя и Ники, — возразил Толо, — а не меня.

Он что-то прикидывал в уме.

— Так говорят только испорченные люди, — уговаривала его Джениль. — Хватит спорить, снимай ботинки.

— Нет, я не поплыву! Морские чудовища слопают меня!

— Будь проклят этот Ралабун, — пробормотал Ники. Он открыл пузырек с черной ваксой и начал размазывать ее по лицу. — Посмотри, Толо! Разве я не страшен? Разве ты не хочешь тоже намазаться? Мы будем выглядеть так отвратительно, что все морские твари, увидев нас, бросятся врассыпную!

— Нет! — крикнул малыш. — Нет, нет, нет!

Джен тряхнула головой и прислушалась:

— Тихо! Вам не кажется, что пение на палубе становится громче?

— Да, — согласился Никалон. Он поймал ее взгляд. — Давай, Джен. Готовься сама, если этот упрямый мальчишка хочет продолжать валять дурака, мы просто бросим его здесь.

— Ну и отлично, — притворно согласившись, сказала она.

Двое старших детей сняли обувь и запихнули ее в пакет. Джен через ноги стащила юбку, потом они намаза-

ли ваксой лица, руки и голые ступни. Ники подхватил пакет и спасательный круг, полез по якорной цепи наверх и закрепил вещи на лебедке. А Джен опять попыталась уговорить Толо. Но он отпрянул от нее и спрятался за грудой цепей в углу.

— Третья Луна уже поднимается! — тихо позвал их Ники. — Торопитесь!

— Я не могу поймать его! — Джен была в отчаянии.

— Я не пойду с вами! — крикнул Толо. — Уходите без меня!

— Сейчас я спущусь, и мы заставим его, — решил Никалон.

— Если ты это сделаешь, — предупредил Толо, — я буду драться, и кусаться, и орать, пока вы будете тащить меня, и пираты поймают вас и побьют!

— Сумасшедший чертенок! — Теперь Ники испугался, хотя очень старался не показывать страха. Упрямство младшего брата вывело его из себя. — Ну что ж, если мы бросим тебя тут, это пойдет тебе на пользу!

— Да! Оставьте меня в покое! Пираты не станут мучить меня! Так сказал принц-карлик. Вы оба бегите. Не волнуйтесь обо мне. Я только второй принц. Вы сами говорили, что большого выкупа за меня не потребуют.

— Мы не можем оставить его, — простонала Джениль.

Ответ Ники звучал печально:

— И кажется, не можем взять с собой. Значит, нам всем нужно оставаться здесь и пожертвовать ради него своей жизнью? Ледавардис сказал, что королева-регентша по какой-то непонятной причине пощадит его. Вот что я хочу сказать тебе, Джен: я много думал и понял, что никто из нас не покинет этот корабль живым, независимо от того, отдаст мама талисман или нет. Если и папа, и оба наследника трона Рувенды и Лаборнока погибнут, это будет на руку пиратам Рэктама.

— Значит, ты... ты думаешь, что бежать отсюда — наш долг? — Теперь принцесса дрожала, белки расширившихся глаз на темном лице казались двумя крошечными белыми ободками.

— Да, — сказал Ники.

— Я тоже так думаю! — пропищал Толо. — Идите, да-
вайте же!

Джен протянула руки к маленькому брату:

— Поцелуй меня на прощание, малыш.

— Нет, — сказал он, — я знаю, ты меня сцапаешь!

Глаза Джен наполнились слезами.

— Тогда прощай, — сказала она и начала карабкаться
по цепи.

Толо наблюдал за ними, пока оба не исчезли в двух от-
верстиях. После этого он сам залез наверх и высунул го-
лову наружу. Третья Луна поднималась над горизонтом, с
верхней палубы доносился шум — громкое пение, потре-
скивание горящего костра и звук какого-то скрежещуше-
го механизма типа лебедки. Мальчик посмотрел вниз, ту-
да, где правая якорная цепь входила в воду, и увидел две
небольшие фигурки, спустившиеся до последних звеньев.
Наконец они достигли воды. Три Луны отражались в ла-
сковых волнах, и головы Ники и Джен почти не были вид-
ны. Они медленно поплыли в сторону берега, и вскоре он
потерял их из виду.

— Хорошо, — сказал самому себе принц Толивар. Он
был вполне доволен. — Побег удался! Я знаю, что они ду-
мают обо мне — я всего лишь дитя, дурачок, от меня нет
никакой пользы. Но придет время, и я покажу им!

Он осторожно спустился по цепи вниз. Оказавшись на
полу, он сложил все три тюфяка в один толстый матрац —
получилась довольно удобная постель. Джен оставила ему
немного еды, он лег, пожевал колбасы и послушал тихое
пение.

— Я думал, что буду пиратом, — сказал себе малень-
кий мальчик. — Теперь все изменилось. Пираты богаты и
могущественны, но они все время должны проводить на
море. Когда штормит, они мучаются от тошноты, им при-
ходится нападать на разные корабли и сражаться. Лучше
я стану кем-нибудь другим, получше, чем пираты. — Он
улыбнулся в темноте. — Когда придут стражники, я велю
им передать колдуну весточку. Уверен, что Портоланусу
захочется взять в ученики настоящего принца!

Вцепившись в спасательный круг, Ники и Джен без конца молотили ногами, но, казалось, берег совсем не приближается, хотя оставшаяся позади трирема сильно уменьшилась в размерах.

Через какое-то время они почувствовали усталость и теперь не двигались, а только крепко держались за спасательный круг и слушали разносившееся над водой ритуальное пение. Монотонные завывания не прекращались ни на минуту. Отсюда нельзя было увидеть, что происходит на пиратском корабле, — только иногда в небо взвивались красные и белые снопы пламени и дугами падали в воду.

— Ты уже отдохнула? — спросил сестру Ники.

— Да, — сказала она. — Поплыли.

Они опять начали работать ногами, ни на минуту не забывая о том, что вода не должна плескаться. Шло время, в мышцах ног началось жжение, пальцы, вцепившиеся в спасательный круг, онемели. Но они продолжали плыть, хотя и медленнее. Толчок... толчок.. толчок... Теперь они слышали свое тяжелое дыхание и стук натруженных сердец.

Они так устали, что даже не удосужились посмотреть, туда ли плывут. Они прижались щеками к грубой холстине, покрывающей круг, и работали ногами, хотя каждое движение давалось с большим трудом. Вдруг Джен разжала пальцы, ушла под воду, в нос ей попала вода, и она забилась, забарахталась, хватая ртом воздух и осыпая брата фонтаном брызг. Когда ей наконец удалось прийти в себя, Ники успокоил ее, сказал, что они отплыли от пиратской триремы очень далеко и никто наверняка не слышал всплеска воды. Но она уже плакала от усталости.

— Больше не могу плыть. Я не выдержу, Ники. Плы-ви дальше без меня.

Он осторожно высунулся из воды, одной рукой крепче ухватился за круг, а другой ударил ее по лицу.

— Дурак! — взвизгнула Джен.

— Толкайся ногами! — закричал он. — Толкайся, Джен! Держись крепче за круг! Если не будешь, я опять тебя стукну!

Продолжая рыдать, она подчинилась.

Внезапно вода заволновалась, пошла небольшая рябь. Они стали нырять вверх-вниз, а потом вдруг высоко взлетели на огромной волне. Джен опять завизжала, но Ники крикнул:

— Держись за круг! Крепче держись!

Волна неслась к берегу, а они находились на самом ее гребне. Спереди доносился равномерный рев, вокруг них шипела и пенилась вода: волна набирала скорость и высоту. Джен почувствовала, что пальцы соскальзывают с круга. Она попыталась крикнуть, но ее смыло сильной струей. Рот заполнился соленой водой, она перевернулась вниз головой и оказалась в гулкой темноте. Но ухитрилась все же задержать дыхание и, хотя минуту назад ей казалось, что силы покинули ее, отчаянно замолотила руками и ногами.

Наверх! На поверхность! Она прижала руки к бокам и изо всех сил оттолкнулась. Замелькали пузырьки воздуха. Голова вынырнула на поверхность. Вокруг нее была сплошная пена. Слышались ритмичные удары о берег...

Ее ноги коснулись дна.

Но тут ее настигла еще одна огромная волна, сбила с ног и потащила вперед. Песок стал царапать колени. Она высунула голову и вдохнула, а потом поползла. Море было очень теплое. Теперь, на песчаной отмели, на девочку набегали маленькие волны, подталкивая ее к берегу. Наконец она добралась до пляжа и растянулась на песке.

Прошло довольно много времени, пока она вспомнила о Ники. Чувство вины придало ей сил. Стукнув ее, он спас ей жизнь. Она струсила, чуть было не сдалась, а он заставил ее бороться и выжить. Все еще омываемая волнами, Джен села на корточки и осмотрела берег — сначала справа, потом слева. Свет от Трех Лун был обманчив, и сначала она приняла за тело брата скопление водорослей, вынесенных прибоем. Кроме того, повсюду темнели скалы. Наконец она различила едва заметное белое пятно спасательного круга, лежащего в дюжине элсов от нее, и поползла к нему. Рядом лежал Ники. Он дышал, но когда она потрясла его за плечо, не открыл глаза. К спасательному кругу все еще был привязан непромокаемый па-

кет. Джен вскрыла его и вынула сухую одежду. Потом она легла к брату вплотную, накрыла и его, и себя сухим теплым плащом и провалилась в сон.

Разбудила ее внезапная боль.

— Не смей бить мою сестру!

Это был голос Ники. Джен застонала, а потом громко вскрикнула — еще один удар обрушился на ее ребра. Яростно вопил Ники, слышался хриплый смех. Она вяло открыла глаза, но тут же снова смежила ресницы и заорала от страха.

Ночной кошмар! Наверное, ей это снится... но последовал третий болезненный удар, и она поняла, что кошмар происходит наяву.

Фонарь высвечивал трех высоких существ с блестящими желтыми глазами и уродливыми мордами, тусклые клыки обнажены в усмешке. Аборигены... Внешне они чем-то напоминали диких глismaков, но вид имели более отталкивающий и зловещий. На двоих были узкие набедренные повязки, расшитые жемчугом, и множество веревочек с ракушками. Они держали толстые деревянные палки, каждая — с тремя зубами какого-то зверя на конце. У одного был фонарь. Третий, самый высокий и одетый с большой роскошью, был вооружен прекрасно отлитым мечом, какими обычно пользуются люди, с его шеи свисала огромная жемчужина. Скрестив руки, он смотрел сверху вниз на распростертых на песке детей.

Воин, который разбудил Джен ударом своей перепончатой когтистой ноги, указал на нее и Ники и что-то удовлетворенно залопотал на местном диалекте. Потом он махнул рукой в направлении рэктамской триремы, стоящей на якоре: она была празднично освещена, с ее палубы по-прежнему взмывали сверкающие снопы пламени.

Внушительного вида абориген взглянул на трирему и пролаял какой-то вопрос.

— Я вас не понимаю, — сказал успокоившийся Ники. — Вы говорите на человеческом языке?

— Да, — проскрипело существо. — Я — великий Хор-Шисса, вождь алиансов. Кто вы и что делаете здесь? Людям запрещается появляться на этих островах. И все-та-

ки два ваших корабля осмелились подойти к Консульскому острову, а другие медленно движутся к нашей святой земле. Вы с этого корабля?

— Да. — Ники стряхнул с лица песок. Он старался говорить так, как подобает человеку его ранга. — Я наследный принц Лабровенды Никалон, а это моя сестра, принцесса Джениль. Враги захватили нас в плен, но мы сбежали.

— Кому принадлежит этот большой корабль? — спросил Хор-Шисса.

— Рэктамским пиратам. Он оснащен оружием, и на его борту находится могущественный волшебник.

Вождь властным тоном заговорил со своими воинами, потом снова обернулся к Ники.

— А второй корабль, поменьше, тот, что встал на якорь за мысом? Кому он принадлежит?

В ушах Джен зазвенело. Кому на самом-то деле? Может, это и есть долгожданные спасители? Может быть, это их мать?

— Я ничего не знаю об этом корабле, — сказал Ники. — Возможно, на нем приплыли наши люди, чтобы спасти нас. Если это лабровендский корабль и вы отвезете нас туда, то получите богатое вознаграждение.

Великий вождь разразился громким смехом, сказал что-то своим землякам, и те тоже загоготали. Потом Хор-Шисса опустил чудовищную лапу с тремя когтями, схватил принца за мокрые волосы и больно потянул. Дети увидели, как при свете Трех Лун блеснули острые зубы морского одлинга.

— Отвезти вас туда? Наивный молокосос! Еще до рассвета мои воины потопят оба корабля, и люди станут изысканным обедом для рыб. Так поступают альянсы с наглыми захватчиками! А с вами мы тоже что-нибудь придумаем.

— Что? — спросил Ники, все еще стараясь сохранить достоинство.

— У нас есть древний обычай, — сказал Хор-Шисса. — Тот, кто осмеливается ступить без разрешения на святое острова, должен стать барабаном.

— Ба... рабаном? — удивилась Джен.

Хор-Шисса выпустил Ники, и тот чуть было не упал на Джениль. Потом вождь отдал приказ, и двое воинов принялись связывать принца и принцессу грубыми веревками.

— Что это значит — стать барабаном? — закричал Ники. — Что вы собираетесь сделать с нами?

— Избавить вас от кожи, — сказал вождь алиансов. — Из вас получатся довольно маленькие барабаны, но звучать они будут, наверное, забавно.

Глава 13

Королева Анигель проснулась поздним вечером с ужасной головной болью. Светили Три Луны, на «Литии» было спокойно. Она спустилась вниз чего-нибудь поесть. В крошечном салоне Кадии не оказалось, и она не отозвалась, когда Анигель стала звать ее.

Анигель почувствовала, как легкий холодок пробежал по телу. Она поднялась вверх и позвала Джегана. Самые худшие опасения подтвердились: маленький ниссом неохотно признался, что час назад Кадия покинула корабль в сопровождении Лумому-Ко и еще двух вайвило — Мок-Ла и Хури-Камо.

Анигель бросилась к борту и неистово закричала, обращаясь к талисману:

— Покажи мне Кадью!

В ее воображении возникла картина спокойного моря, поверхность которого освещалась сиянием Трех Лун. По воде плыл один из спасательных плотов с «Литии» — небольшая, в два квадратных элса бамбуковая платформа, прикрытая сверху влажными морскими водорослями, так что на первый взгляд казалось, будто по морю движется плавающая зеленая масса. Сначала Анигель не увидела возле плота ни единого живого существа. Потом в гуще зелени сверкнули огромные желтые глаза, и она поняла, что вайвило держатся за плот кончиками пальцев. Хотя ветра не было, плот двигался довольно быстро. Ноги у вайвило были перепончатыми, и они, несомненно, усиленно работали этими своеобразными ластами.

Кадии не было видно, но она явно находилась среди них.

— На что же она надеется? — гневно воскликнула Анигель.

— Великая королева, Пророчица собирается потопить пиратский корабль, — сказал Джеган. — Она хочет высадить Портолануса на вражеский берег и, пользуясь передышкой, достать свой талисман.

Голос ниссома помешал Анигели, и видение исчезло.

— О, Владыки воздуха! Неужели Кади не понимает, что Портоланус наверняка окружил себя защитным полем, что у него волшебные приборы, которые быстро обнаружат и ее и вайвило и немедленно уничтожат?

— Госпожа Пророчица собирается добраться до рэктамского корабля, спрятавшись за этим замаскированным плотом, а потом плыть под водой. Я умолял ее не делать этого, но она была непреклонна.

— Если бы я проснулась вовремя!

Джеган опустил голову:

— Великая королева, стыдно признаться, но во фруктовом напитке, который я принес вам днем, было несколько капель экстракта таило, способного усыпить человека на короткое время. Моя госпожа приказала сделать это, и, зная, что напиток безвреден, я подчинился.

— Возможно, своим поступком ты приблизил смерть Кадии, — сурово сказала королева.

— Да, — произнес маленький человечек дрожащим голосом. — Но она велела мне так поступить, если я люблю ее, она сказала, что это единственный шанс вернуть ее талисман, а без него она может умереть...

— Дура! — воскликнула Анигель. — Если она потопит пиратский корабль, что будет с Антаром и детьми, спрятанными в трюме? В суматохе о них могут забыть!

В огромных глазах Джегана светилось отчаяние.

— Боюсь, госпожа Пророчица не подумала...

— Да, — отрезала королева. — Она не подумала. Ее заботит только талисман. — Анигель подумала минуту. — Джеган, поговори со спутниками моей сестры, с вайвило, пусть они напомним Кадии об опасности, которая

угрожает моей семье. Скажи ей, что, если она не откажется от своего дикого плана, я буду вынуждена предупредить Портолануса о ее приближении.

— О, великая королева, вы не сделаете этого!

— Не знаю, сделаю или нет! Будем надеяться, одной угрозы хватит, чтобы привести эту идиотку Кадию в чувство! Пока ты будешь говорить с ними, я посмотрю, что происходит на рэктамской триреме.

Анигель приказала талисману показать якорный трюм, куда были заключены ее дети, но он удостоил ее весьма мутным изображением. Она увидела, как маленький Толо карабкается по якорной цепи и выглядывает из круглого отверстия. На полу лежала куча какого-то хлама, напоминающего спальное место, и Анигель подумала, что Ники и Джен, должно быть, спят. Потом она вызвала изображение Антара и обнаружила мужа в заполненном людьми нижнем трюме, освещенном тусклым светом свечи. Антар дружелюбно беседовал с галерными рабами, обсуждая вероятность своего присоединения к ним во время обратного плавания в Рэктам. Одна из лодыжек короля была в кандалах. Королевские одеяния исчезли, теперь он выглядел так же, как остальные моряки, только тело было почише и без следов кнута.

Успокоенная тем, что ее семья находится в относительной безопасности, Анигель приказала талисману показать ей Портолануса.

Он находился на верхней — королевской — палубе триремы. Анигель видела его отчетливо. Может быть, колдуна не заботило, что она наблюдает за ним, а может быть, заклинания, которые он выпевал, лишали его той энергии, которая требовалась для создания защитного поля. Глаза Портолануса опять превратились в звезды. Он пел на странном языке, и глаза-звезды нестерпимо ярко сияли. Три его помощника пребывали в трансе: они замерли в коленопреклоненной позе, похожие на кукол размером с человека, одетых в желтое, фиолетовое и черное. Возле ног колдуна на подушке покоился Звездный Сундук.

Двое перепутанных до смерти матросов стояли возле маленького ворота, прикрепленного к борту нарядной, пестро украшенной королевской палубы. Длинная стрела ворота свешивалась с кормы, а с нее свисала веревка с крюком на конце. На крюке в двух элсах от поверхности моря покачивался весьма прозаический предмет — широкая совковая лопата. Внизу, на основной палубе, собрались рыцари, корабельная команда, королева-регентша и юный король Ледавардис: они наблюдали за волшебным ритуалом.

Джеган робко коснулся руки Анигели. Она отключилась от своих наблюдений и спросила его:

— Ну что, моя сестра послушалась?

— Великая королева, когда ей напомнили о страшной опасности, угрожающей королю и детям, ее переполнило раскаяние. Она клянется Цветком, что не доставит им неприятностей. Она отказалась от своего плана затопить пиратский корабль.

— Слава Богу! Она уже возвращается, да?

Джеган замешкался, потом покачал головой:

— Она посмотрит, нет ли другого способа отвлечь колдуну от поисков талисмана, не причиняя зла королевской семье. Если она что-нибудь придумает, то будет действовать. Я просил вайвило поднажать на нее, но она не захотела ничего слушать.

Анигель закусила губу. Все складывалось не так уж плохо — если бы не проклятое упрямство Кадии!

Увидев гнев в ее глазах, Джеган съежился, и ей стало жалко его, разрывающегося между преданностью хозяйке и сознанием того, что ее действия могут привести к трагедии. Разве эта преданная душа виновата, что Кадия — такая эгоистичная смутьянка?

— Джеган, а ты не хочешь вместе со мной понаблюдать за пиратским кораблем?

— О да, великая королева!

— Тогда возьми меня за руку, — сказала Анигель, — и мы посмотрим, что там творится.

Стоящая на глубоководье трирема сияла на фоне черного неба, как плавучий замок, украшенный для роскошного бала. Из всех иллюминаторов лился яркий свет, на всех палубах горели бесчисленные светильники, фонари были подвешены даже к верхушкам трех мачт. Чудесно поблескивали цветная эмаль и золотое тиснение на деревянной обшивке корпуса, а на верхней палубе толпились разряженные в пух и прах рэктамцы. Их фигуры были отчетливо видны спрятавшимся за плотом наблюдателям.

— Должно быть, они ослеплены всеми этими огнями,— прошептал Лумому-Ко.— Если мы осторожно приблизимся, они не заметят нас.

Держась руками за плот и высунув из воды головы, тоже увитые морскими водорослями, трое гигантов-вайвило и Кадия задвигали ногами и медленно поплыли дальше. Они подплывали к триреме с носа, в то время как внимание всех на корабле было приковано к корме, где завывания Портолануса достигли наивысшего накала. Он снова и снова выкрикивал одно и то же слово, но голос его был таким хриплым и яростным, что разобрать это слово слушателям не удавалось.

— Дети в носовой части, в якорном трюме,— проговорила Кадия.— Пока все эти зеваки торчат на корме, будет совсем нетрудно залезть по якорной цепи внутрь и освободить их. Спасти короля Антара гораздо сложнее. Если пираты не перевели его в другое помещение, он должен находиться в самом нижнем из трех трюмов с той стороны корабельного корпуса, которая повернута к берегу. Ума не приложу, как до него добраться. Отверстия для весел слишком маленькие, сквозь них не пролезешь.

— В боку судна должны быть большие люки для погрузки и выгрузки товаров,— заметил Лумому-Ко.— Я уверен, что на такое огромное судно грузы не переправляют через борт.

— Но эти люки, скорее всего, закрыты на засовы, к тому же они должны располагаться довольно высоко, с воды до них не добраться,— ответил Мок-Ла.

Он был таким же гигантом и силачом, как сам Лумому-Ко, и лучшим лесорубом и грузчиком среди вайвило.

— Но, может быть, у нас получится забраться в якорный трюм по цепям, а потом взломать замки и пробраться в другие корабельные помещения.

— Ведь не зря мы прихватили с собой боевые топоры, с их помощью мы запросто справимся с этой задачей,— сказал Хури-Камо, третий вайвило, который славился своей изобретательностью и умением обращаться с техникой.

Именно с ним Кадия советовалась, как потопить пиратский корабль, и именно ему пришел в голову новый план, который сейчас нужно было претворить в жизнь.

Мок-Ла сказал:

— Почти вся команда должна быть на палубе и глядеть, как колдун поднимает талисман. Если повезет, мы проберемся в тот отсек, где содержится король, безо всяких помех, обезвредим стражу и освободим его.

— Это может сработать,— сказал Лумому-Ко.— Ну что, попробуем, Дама Священных Очей?

Слова Кадии были еле слышны.

— Я была непростительно эгоистична, забывая о той опасности, которая грозит семье Анигели, когда отправлялась в путь. Только попытавшись спасти Антара и детей, я смогу искупить свою вину. Если с вашей помощью, друзья мои, попытка окажется успешной, с души моей сестры упадет страшный груз, и ее талисман будет спасен. Если мы проиграем... то можем расстаться с жизнью, но положение Анигели хуже не станет.

— Всегда готовы служить вам, госпожа, даже если вы приведете нас в иной мир,— сказал вождь племени вайвило.

Двое других воинов тоже выразили свое согласие.

— Отлично,— сказала Кадия.— Вот что мы сделаем: разделим плот на части. Веревки, которыми крепится бамбук, пригодятся тем, кто будет убегать вместе с королем. Отсюда легко доплыть до берега. Мы заберемся по цепи, Лумому и Хури возьмут с собой веревки и отправятся на поиски Антара. Будем надеяться, что им удастся покинуть корабль, воспользовавшись одним из грузовых люков в корпусе корабля. Тем временем я спущу

маленького Толо по одной якорной цепи, а Мок поможет Джен и Ники спуститься по второй. Мы с детьми стараемся как можно быстрее доплыть до Консульского острова. Если короля не удастся найти, те, кто будет на острове, спрячутся в лесу до наступления дня, а потом отыщут дорогу к тому месту, от которого ближе всего до «Литии». Там мы сможем привлечь внимание Анигели и в любом случае попадем на борт нашего судна, прежде чем пираты с рэктамской триремы схватят нас. Идет?

Вайвило кивнули.

Они стали осторожно подталкивать плот к форштевню гигантского корабля, туда, где его нельзя было увидеть. Затем сняли крепления и из множества мелких веревочек связали одну длинную. После этого они подплыли к якорным цепям и начали проворно карабкаться по огромным звеньям.

С верхней палубы донеслись пронзительные крики. Сначала Кадия и вайвило испугались, что их обнаружили, но потом раздались оглушительные аплодисменты, и они догадались, что панику и смятение вызвали действия Портолануса. Тревога спасателей улеглась, и они продолжали подъем со всей быстротой, на какую только были способны. Еще через несколько мгновений Кадия достигла дыры и лицом к лицу столкнулась с маленьким принцем Толиваром.

— Тетя Кадия! — взвизгнул малыш. Но не радость, а, скорее, ужас был написан на его лице.

— Мы пришли освободить вас, — сказала она. — Спустись побыстрее вниз и жди меня там с Ники и Джен.

— Но я не хочу идти...

— Не смей меня! — прикрикнула Кадия. — Давай-ка живо! У нас нет времени. Мои друзья вайвило должны разыскать короля Антара и спасти его до того, как колдун обнаружит наше присутствие.

С испуганным видом Толо исчез в отверстии. Кадия легко проникла внутрь, за ней по пятам следовал Мок-Ла. Тяжело дыша, он осыпал проклятиями узкую щель, в которую с трудом протиснулось его могучее тело. Лу-

мому-Ко с Хури уже пролезли сквозь второе отверстие и скользили вниз.

— О Святые Луны! — прогремел внизу голос Лумому-Ко. — Других двух детенышей нет и в помине!

Кадия споткнулась о доски и кинулась к Толо, который попытался спрятаться за свернутой в кольцо цепью.

— Где твой брат и сестра? — спросила Кадия.

— Они с-сбежали и поп-плыли к берегу... Я не поплыл... потому что хотел стать учеником колдуна вместо того, чтобы всю жизнь оставаться противным старым вторым принцем...

На какой-то момент Кадия лишилась дара речи. Потом сказала вайвило:

— Отправляйтесь все трое на поиски короля. Я позабочусь об этом маленьком глупом крысеныше. Да помогут вам Владыки воздуха! — Потом она повернулась к Топливару: — Хватит глупостей! Забирайся ко мне на спину, обхвати шею руками. Мы поплывем к берегу!

Плачущий маленький принц заорал:

— Не хочу!

Хури-Камо уже взломал входную дверь широким топориком, который был традиционным оружием вайвило. За дверью не было ни души. Двое других вайвило, сверкая огромными желтыми глазами, вытащили свои топоры из заплечных мешков и выскользнули из трюма в кромешную тьму.

Кадия стянула с шеи моряцкий платок и связала им бьющегося в истерике ребенка.

— Если понадобится, я заткну тебе рот этим платком и привяжу к спине ремнем. Но сначала я нашлапаю тебя по твоей королевской заднице так сильно, что ты целый месяц потом будешь кушать стоя! Ну, ты готов?

— Да, — обреченно сказал Толо, вытирая слезы стиснутыми кулачками. — Но если морские оддлинги схватят нас, ты будешь виновата!

— Кто?

— Морские оддлинги! Я видел на берегу их фонарики.

Когда Кадия отплыла довольно далеко от корабля, ей удалось рассмотреть, каким образом собирался Портоланус вытащить талисман из глубин моря. Она увидела, что вода у борта бешено бурлит, выбрасывая на поверхность огромное количество белой пены. Волшебник перегнулся через борт, размахивал кулаками и неистово орал. Его глаза горели, как белые прожекторы, высвечивая сильно раскачивающуюся на крюке широкую лопату. Люди, ворча и ругаясь, столпились на нижней палубе у самого борта.

Кадия и вцепившийся в ее шею ребенок наблюдали за тем, как гигантская трирема вдруг задрожала и стала подпрыгивать. Портоланус вошел в раж. Он вытащил из-под плаща какой-то небольшой предмет и подбросил его в воздух. Последовал сильный взрыв, сопровождаемый ослепительной вспышкой белого пламени. Море тут же успокоилось, и корабль замер. Испуганные люди на борту тоже замерли в изумлении, стало так тихо, что Кадия наконец-то смогла расслышать, что говорил колдун.

— Хельдо! Черт бы тебя побрал, Хельдо, говорю тебе, выходи! Прекрати эти капризы! Ты связан моим заклинанием, и ты должен повиноваться мне! Я не отпущу тебя, пока ты не выполнишь мой приказ! Хельдо, хозяин Водяного Ада, появись!

В дюжине элсов от кормы темное море вздыбилось. Потом Кадия и Толо увидели, как вода расступилась, и из нее показалась гигантская бесформенная масса, поблескивающая в свете Трех Лун. Она вздымалась все выше и выше, принимая форму продолговатого туловища — гладкого, влажного, с круглой головой. Наконец эта чудовищная башня выросла до середины бизань-мачты и нависла над палубой. На глаз ширина ее равнялась семи элсам. Сначала Кадия подумала, что из-за колдовских манипуляций Портолануса произошло подводное землетрясение и со дна моря поднялась огромная скала. Но потом она увидела в воде чуть ниже поверхности два огненно-красных шара и поняла, что это глаза.

— Это морское чудовище, — с мрачным удовлетворением сказал Толо. — Точно такое, как описывал мне Ра-

лабун. Оно сначала слопает всех на пиратском корабле, а потом подплывет сюда и сожрет нас.

— Замолчи, маленькое ничтожество! — приказала Кадия. — Это чудовище вызвал Портоланус, чтобы достать мой талисман. О, Владыки воздуха, помогите нам!

— Великий Хельдо! — выпевал Портоланус. — Возьми этот инструмент, — он указал на свисающую с крюка лопату, — и приготовься исполнить мое желание!

Существо по имени Хельдо отпрянуло, и из воды вынырнули четыре огромных щупальца — они извивались и потрескивали. На их концах сверкали острые отростки, с которых свисала причудливая бахрома, брызжущая мириадами крошечных капелек. Хельдо издал жуткий громоподобный рык, какого Кадии ни разу не приходилось слышать. Этот ужасный звук, казалось, парализовал ее, она перестала шевелить руками и ногами и опомнилась только тогда, когда Толо закричал, что они тонут.

— Возьми инструмент! — еще раз приказал Портоланус.

Наконец одно из скрюченных извивающихся щупалец с величайшей осторожностьюхватило совковую лопату и сняло ее с крюка. Другое щупальце нависло над Портоланусом, еще одно задело двух матросов, стоящих у ворота: матросы в ужасе поползли к трапу, ведущему на основную палубу. Колдун остался наверху один со своими недвижимыми Голосами.

— Теперь слушай меня, Хельдо! Ты будешь освобожден от заклятия только тогда, когда окажешь мне небольшую услугу! Как раз под этим кораблем на дне лежит волшебная вещица, похожая на темный меч с рукояткой в виде трех глаз. Она излучает зеленоватое сияние. Найди ее и осторожно подними на поверхность тем самым инструментом, который я вручил тебе. Не дотрагивайся до волшебного меча, иначе он убьет тебя! Ты понимаешь?

Хельдо снова заревел.

Портоланус встал на колени и открыл Звездный Сундук.

— Ты достанешь меч и положишь его в этот сундук. После того, как сделаешь это, я освобожу тебя. А теперь отправляйся!

Море страшно плеснуло, чудовище исчезло, а трирема чуть не перевернулась.

Кадия застонала.

— О Боже, не дай этому случиться! Харамис! Анигель! Услышьте меня, помогите! Упросите Триединого вернуть мне мой талисман! Не позволяйте ему очутиться в руках колдуна...

Море снова заволновалось, светящаяся пена брызнула во все стороны, и Хельдо снова всплыл на поверхность, вытянув одно из щупалец высоко в небо. Оно сжимало лопату, на которой перекачивалось что-то похожее на сверкающий длинный изумруд. Щупальце со своей добычей склонилось к кораблю, и Кадия заплакала:

— Нет! Нет! Иди ко мне, талисман! Ты принадлежишь мне!

Звездоглазая фигура колдуна застыла в ожидании. Стало так тихо, словно не было ни крика Кадии, ни разбегающихся от чудовища волн. Зеленоватая сверкающая вещица словно сама выпрыгнула из щупальца и начала медленно падать вниз, кружась и порхая, как птичье перо.

— Иди ко мне, — шептала Кадия.

Слезы струились по ее лицу. Умоляя, она вынула из воды руку и протянула ее к талисману.

На палубе пиратского корабля вспыхнуло золотое пламя. Кадия услышала голос Портолануса, дающего торжественную клятву и произносившего слова благодарности, а потом прозвучала звонкая трель — Трехвекий Горящий Глаз упал в чудесный сундук Исчезнувших. Голос Портолануса изменился — теперь в нем звучали победные нотки.

Но в руке Кадии оказался кусочек блестящего янтаря, а в ее душе зазвучал знакомый голос, доносившийся из давно забытого прошлого:

«Годы бегут и бегут. Время быстротечно. Возвысившиеся низвергаются, возлюбленные теряются, тайное ста-

новится явным. И все же говорю тебе: все будет хорошо... А теперь плыви, Лепесток Животворящего Триллиума, ты должна добраться до берега прежде, чем колдун поймет, что случилось, и обрушит на тебя свою месть. Торопись! Плыви во имя жизни, проси помощи у амулета!»

Ее амулет... она носила его всю жизнь, пока он не оторвался от нее и не полетел прочь, чтобы врасти в талисман. Теперь он возвратился к ней. Но его колдовская сила так ничтожна по сравнению с Трехвеким Горящим Глазом...

«Плыви!»

Приказ, прозвучавший в сознании, заставил ее вспомнить об угрожавшей опасности. Она пришла в себя. Крепко сжимая в руке теплый янтарь, Кадия стремительно поплыла к берегу. Позади нее около триремы из воды поднялся высокий столб. Сначала Кадия решила, что это Хельдо, но потом до нее дошло, что чудовище давно ушло в морские глубины, а этот столб был и тоньше и выше. Его черный силуэт на фоне неба казался титанической покачивающейся змеей. Откуда-то набежали тучи, заволакивая Три Луны, коротко сверкнул ярко-красный луч света, загрохотал гром. Портоланус опять накликал бурю — может быть, для того, чтобы отогнать Хельдо подальше, — и трирему, как игрушку, стало подкидывать на гребнях волн. Толо закричал, но в усиливающемся реве ветра и волн его крик прозвучал не громче комариного писка. Наконец до Кадии дошло, что натворил колдун на этот раз.

Он вызвал еще один водяной смерч, и теперь эта громада двигалась прямо на них.

— Черный Триллиум, спаси меня! — закричала она, закрывая глаза. В одной руке она сжимала амулет, а другой крепко вцепилась в запястье Толо. Тут же и она и ребенок попали в самое сердце смерча, их подбросило вверх по спирали, и они полетели, беспомощные, как листья на ветру, но закруживший их вихрь не был влажным, а окружившая тьма не была тьмою смерти. Они взлетали выше и выше — как вдруг все так же внезапно успокоилось. Толо разжал руки, высвободив ее шею, и упал, слабо постанывая.

Вокруг бушевал потоп, а они сидели на песке в самом его центре.

На Консультском острове.

На них падал дождь, перемешанный с соленой морской водой,— казалось, на небесах открылись все шлюзы. Иногда сверху сыпались несчастные рыбешки, подхваченные водным ураганом. В море нельзя было ничего разглядеть: гигантские волны почти сливались с небом, и на берег обрушивался искусственно созданный прибой. Непрекращающиеся молнии и гром лишили Кадю способности соображать. Правда, у нее хватило ума крепко обнять дрожащего малыша и ждать, когда кончится это грохочущее светопреставление.

Из-за пригибающихся к земле деревьев показалась маленькая коренастая фигурка и направилась к ним. Сначала Кадия подумала, что ее амулет совершил еще одно чудо и к ним на помощь спешит Джеган, но когда абориген приблизился, она увидела, что он принадлежит к неизвестному ей племени. Черты лица незнакомца больше напоминали человеческие, чем ширококостные плоские и круглые лица ниссомов, к тому же существо обладало более крупным и сильным туловищем и было одето в доху жителей севера.

— Скорее со мной! — пытаюсь перекричать бурю, обратился к ней маленький человечек. — Повсюду рыщут враждебные туземцы, если вы будете сидеть на открытом месте, они обязательно схватят вас.

Кадия вскочила на ноги, с трудом преодолевая усталость и все еще туго соображая. Незнакомец обхватил Толо сильными руками, и они бросились в укрытие. Еще мгновение, и они зарылись в груды листвы; тяжело переводя дыхание, они накидали сверху побольше широких листьев какого-то местного кустарника и лишь потом начали разговор.

— Двое человеческих детенышей уже попались в лапы свирепых туземцев, — сказал абориген, когда дыхание его успокоилось. — Я видел их совсем недавно, они лежат на земле связанные, им уготована какая-то жестокая пытка.

ка. Я был один, а туземцев очень много, так что я не знал, как спасти несчастных. Поэтому я и спрятался здесь. Но теперь, когда появились вы, может быть, сообщу мы что-нибудь и придумаем.

— Ники и Джен! — воскликнула Кадия. — В лапах алиансов! Боже всемилостивейший, что же нам делать?.. — Какое-то время она сидела неподвижно, пытаясь собраться с силами. Наконец она сказала: — Друг мой, эти пленники — мои племянник и племянница, из королевской семьи Лабровенды. Благодарю вас за желание помочь им. Но как вы оказались здесь? По вашей одежде можно догадаться, что вы не являетесь уроженцем Виндлорских островов.

Нечеловеческие глаза маленького существа ярко засияли, а амулет Кадии ответно замерцал золотым светом. Принц Толивар хранил молчание, его голова покоилась на плече Кадии, и он слушал взрослых с открытым ртом.

— Значит, это Виндлорские острова? — Человечек покачал головой. — А где они находятся?

— На краю Южного моря, южнее Зиноры.

— Ах!.. Это ни о чем мне не говорит, я ничего не слышал ни об этом море, ни о Зиноре. Меня забросили сюда в мгновение ока по волшебному тоннелю. Станный голос сказал, что я попаду туда, где будут во мне нуждаться, — и я попал сюда!

— Но кто вы, к какому народу принадлежите?

— Меня зовут Шики. Когда-то я был простым горным проводником и охотником из тузаменского племенного дороков, но недавно поступил на службу к Великой Волшебнице Харамис...

— Она моя сестра! Меня зовут Кадия, некоторые называют меня Дамой Священных Очей. Великая Волшебница и в самом деле послала вас туда, где в вашей помощи нуждаются, Шики!

Она взглянула на маленького Толивару, чье хрупкое тельце дрожало от пережитого потрясения и от холода, который принес с собой колдовской шторм. Не говоря ни слова, Шики снял тяжелую меховую доху и закутал в нее мальчика. Дождь лил все так же, но под грудой ли-

стве было сухо.

— Толо, ты останешься здесь и будешь вести себя хорошо, а мы сходим за твоими братом и сестрой! — Голос Кадии был суров. — И больше никаких глупостей, иначе ты погубишь всех нас. Ты понял?

— Да, тетя, — писклявым голоском ответил мальчик.

— Вот и хорошо.

Кадия почувствовала, что силы возвращаются к ней. Нельзя терять ни минуты. Она сорвала гибкую лиану, очистила от листвы, повесила на нее янтарный амулет и обвязала стебель вокруг шеи, потом достала маленький кинжал и заточила его о ножны. Затем повязала развевающиеся волосы платком.

— Ну вот, я готова, — сказала она Шики. — Веди меня туда, где держат детей, и мы постараемся освободить их.

Абориген кивнул, и оба они выскользнули из укрытия в дождь.

Глава 14

Водяные смерчи исчезли, и трирема, несмотря на продолжающийся бушевать шторм, опять плыла спокойно. Волшебные бури Портолануса вызывались легко и быстро, но, чтобы усмирить их, требовалось какое-то время. Ликующий колдун оживил трех своих приспешников и повел их в большую каюту, прихватив с собой Звездный Сундук с запертым в нем Трехвеким Горящим Глазом.

Проговорив нужное заклинание, колдун открыл сундук и позволил изумленным Голосам полюбоваться на великое сокровище, с которого еще стекали капельки соленой воды и свисали зеленые водоросли.

— До него опасно дотрагиваться, Хозяин? — спросил Желтый Голос.

— Пока да. Сначала надо исполнить определенный ритуал с использованием этих разноцветных игрушек на дне сундука. Тогда талисман будет связан со мной невидимыми узами, и я смогу дотрагиваться до него.

Пока он говорил, его пальцы уже плясали над маленькими предметами, напоминающими драгоценные камни. Прозвучало несколько музыкальных трелей, и драгоценности внутри сундука засверкали. Потом блеск померк, и Портоланус взял талисман.

— Ох! — одновременно воскликнули Голоса.

— Теперь Трехвекий Горящий Глаз слился с моими душой и телом! — провозгласил колдун. — Никто не сможет дотронуться до него без моего разрешения, а если кто-то осмелится — сгорит в огне!

— А на какие чудеса способен талисман, Хозяин? — с любопытством спросил Фиолетовый Голос.

— Он будет уничтожать моих врагов, подарит зрение и слух, так что мне не придется больше утруждать ваши многострадальные мозги. Он поделится со мной знаниями и поможет стать властелином мира... когда я пойму все его секреты.

Голоса опять изумленно заохали.

— А вам, трем Голосам, я подарю возможность прикасаться к талисману, не причиняя себе вреда, — продолжал Портоланус. — Это разрешение будет действовать до тех пор, пока я не отменю его — или пока кто-то из вас не предаст меня.

— Мы никогда не сделаем этого! — возразил Черный Голос.

Двое других присоединились к нему.

— Вы, конечно, понимаете, мои Голоса, что не сможете давать талисману самостоятельные команды. Зато я с его помощью смогу делать, что захочу, как сейчас я вижу и слышу на расстоянии с вашей помощью.

Черный Голос наклонился, чтобы получше рассмотреть талисман, и указал на углубление на рукоятке меча в форме трилистника или трех век.

— Хозяин, кажется, на этом месте раньше что-то было. Может быть, драгоценный камень?

Портоланус завизжал как ужаленный:

— Амулет-Триллиум! Он исчез! Теперь понятно, что за золотая искра сорвалась со шупальца Хельдо! Амулет вернулся к своей владелице!

И он осыпал Кадию бранными словами, проклиная вместе с нею и Силы Тьмы. Три помощника сконфуженно отвернулись.

Потом, взяв себя в руки, Портоланус пробормотал:

— Ну что ж, возможно, потеря амулета не лишит талисман чудодейственной силы. А может быть...

Его лицо вдруг изменилось, теперь на нем отразилось страшное беспокойство. Из-под своей просторной робы он вытащил затертую, почерневшую от времени звезду, которая всегда на цепочке свисала с его шеи.

— А может быть... — тихо повторил он и поднес рукоятку меча к медальону.

Все три темных века открылись, будто из любопытства, и показались большие сверкающие глаза. Один был так же огромен и золотисто-оранжев, как глаза Народа, другой, карий, был явно человеческим, а третий поблескивал серебристой голубизной, и вместо зрачка в нем сидела золотая искорка — такими были глаза Портолануса.

Казалось, талисман любит раскачивающуюся тусклой лучистой звездой. Потом полыхнул яркий свет, и в следующее мгновение медальон прилип к углублению между тремя веками рукоятки. Теперь он был таким же сверкающим и великолепным, каким много лет назад вручил его Портоланусу престарелый колдун по имени Бонданус.

— Слава Силам Тьмы! — проревел Портоланус. — Теперь, талисман, ты стал моей собственностью целиком!

Да, я твоя собственность.

Портоланус расхохотался во все горло, схватил талисман за острый конец и начал воинственно размахивать им в воздухе. Теперь он не выглядел старым и немощным — высокий и энергичный, с прекрасным, хотя и утомленным от тяжких забот лицом, с ослепительно белыми волосами и бородой.

Он крикнул:

— Вы слышали? Вы слышали, что сказал талисман?

— Нет, Хозяин, — признались Голоса.

— Он сказал, что принадлежит только мне! Мне!.. Талисман! Покажи мне эту сумасшедшую Кадью!

Талисман послушно наполнил его воображение картиной, изображающей Даму Священных Очей и неизвестного аборигена: они продирались сквозь чашу кустарников, намокших от ливня.

— Ха! Она высадилась на берег и явно ищет встречи с туземцами, чтобы уговорить их напасть на нас... Желтый Голос! Беги к адмиралу Джероту и от моего имени прикажи ему поднять якоря и растолкать гребцов. Нам нужно немедленно отплыть от этого недружелюбного острова. Передай ему, что чуть позже я пришлю записку с указанием курса, которым нужно следовать, чтобы соединиться с другими нашими кораблями.

Когда Желтый Голос ушел, Портоланус приказал талисману:

— А теперь укажи точное местоположение Кадии на острове.

Он увидел Консульский остров с высоты птичьего полета — около центрального поселения алиансов сверкала крошечная белая точка.

— Так я и думал. Теперь покажи, где королева Анигель, а потом и ее саму.

Он опять увидел остров, но светящаяся точка на этот раз располагалась в небольшой гавани с другой стороны мыса, за которым на якоре стояла рэктамская трирема. Потом изображение сменилось: на носу маленького суденышка появилась Анигель, она держала талисман высоко перед собой, а ее глаза, казалось, смотрели прямо в глаза колдуна.

— Да, я знаю, что ты следишь за мной, Портоланус, — сказала она, — хотя ты и окружил себя туманом. Я видела, как ты украл талисман Кадии с помощью морского чудовища и как связал Трехвекий Горящий Глаз с самим собой. Но, несмотря ни на что, ты проиграешь.

— Ха! Посмотрим, как ты будешь храбриться, когда твоего мужа и детей станут пытать у тебя на глазах! Теперь пришла очередь твоего талисмана, гордая королева, так что, если ты немедленно не положишь его в лодку и непустишь по волнам ко мне, я прикажу пиратам приступить к работе!

Анигель загадочно улыбнулась:

— Ну что ж, приступайте!

И образ растаял.

Удивленный ее кажущимся спокойствием, Портоланус попытался снова вызвать изображение, но теперь носовая часть корабля была пуста. Не сомневаясь, что талисман защитил ее от слезки, Портоланус несколько не расстроился. Он тоже окружал себя защитным полем. Ладно, пусть играет в свои странные игры.

— Фиолетовый Голос! Иди к Боблину и прикажи ему привести в салон королевских отпрысков. Посмотрим, что останется от решительности королевы, когда мы начнем отсекай один за другим пальцы ее сына и опустим нежные ножки дочери в жаровню с раскаленными угольями.

Не успел Фиолетовый Голос сделать и нескольких шагов, как в каюту забарабанили. Голос распахнул дверь, и все увидели первого помощника капитана — высокого угрюмого пирата по имени Калардис.

— Ваши пленники сбежали, — мрачно сообщил он. — Пока вы развлекались с морским чудовищем, три вайвило проникли в трюм галерных рабов, освободили короля Антара и вывели его из грузового люка. С ними вместе исчезли около пятидесяти гребцов, и этот проклятый шторм, вызванный вами, скорее всего утопил их всех!

— Дети тоже сбежали? — рявкнул Портоланус. Как только появился первый помощник, он опять принял старческий облик.

— Да, — сказал Калардис. — Мои люди сразу же осмотрели якорный трюм. Дверь его была взломана изнутри, сломаны и двери в коридорах, ведущих в отсеки с рабами. Мерзавцы, очевидно, пролезли сквозь цепные отверстия.

Колдун заговорил низким голосом, в котором звучала тревога:

— У нас хватит оставшихся гребцов, чтобы корабль мог плыть? Мы должны убратсья отсюда, пока на нас не напали враждебные морские оддлинги. Я не думаю, что мой шторм испугает их. К тому же вполне возможно, что

королева Анигель с помощью своего талисмана навлечет на нас и другие неприятности — ведь теперь на триреме нет никого из ее родни.

— По дороге сюда я встретил вашего любимчика, и он передал мне ваше распоряжение. Гребцы остались на двух уровнях весел. Так что мы сможем плыть, хотя и не так быстро, как раньше. Даже при благоприятных обстоятельствах нам не удастся делать резкие развороты на скорости. К тому же ваш шторм лишил нас обзора, да и ночная тьма не помощница. Нам придется ориентироваться только на звуки — чтобы не сесть на мель и не наткнуться на риф.

— Шторм скоро прекратится, а мой талисман поможет нам избежать опасности, — начал было Портоланус, но первый помощник прервал его.

— Сначала вам придется испытать удовольствие от встречи с королевой-регентшей, — усмехнулся Калардис, обнажив редкие испорченные зубы. — А может быть, и неудовольствие. Она ожидает вас в салоне. Даже если бы мне посулили все сокровища Талоазина, я бы не захотел оказаться на вашем месте.

Королева Ганондри в окружении шести вооруженных до зубов рыцарей-пиратов сидела за раззолоченным столом, на котором была расстелена карта островов. Как только Портоланус ступил в салон, двое дюжих пиратов с таким проворством схватили его за руки, что у него не хватило времени выхватить заложенный за ремень талисман.

— Объясни, почему, — заговорила Ганондри сладким голосом, — я не приказала своим людям перерезать тебе глотку, когда ты позволил драгоценным пленникам улизнуть?

Колдун перевел дыхание:

— Талисман! Приказываю тебе уничтожить тех, кто схватил меня!

Два пирата охнули, начали браниться, тут же отпустили Портолануса и схватились за мечи. Королева-регент-

ша с побледневшим лицом наблюдала за ними со своего места.

Ничего не произошло.

В отчаянии колдун взмахнул талисманом и начертил в воздухе дугу.

— Талисман, уничтожь своим убийственным пламенем всех моих врагов в этом салоне!

И опять ничего не произошло.

Ганондри откинулась назад и с облегчением расхохоталась. Все шестеро расвирепевших пиратов кинулись к Портоланусу. Один из них вытащил из пальцев колдуна талисман и дотронулся до его тупого лезвия.

Тут же приоткрылись три века на рукоятке, и ожившие глаза пристально посмотрели на дерзкого пирата. Потом из человеческого глаза метнулся золотой луч, из глаза Народа — зеленый, а из причудливого серебристоголубого — луч ослепительной белизны.

Одетого в доспехи пирата с ног до головы охватило пульсирующее пламя. Скрюченные пальцы выпустили талисман, но волшебное пламя стало еще ярче, обнимая его трехцветным шаром огня. Он не издал ни звука, а стоявшие неподалеку закричали от ужаса и отвращения: лицо под поднятым забралом почернело, из всех дырочек кольчуги повалил плотный дым. Раздался отвратительный треск, пламя гудело. Горящий рыцарь повалился на ковер. Двое пиратов потянули за него и накрыли погибающего товарища, но никто не осмеливался прикоснуться к нему. Портоланус, прижавшись к стене, взирал на эту картину с не меньшим ужасом и отвращением, чем все остальные.

Внезапно звуки под ковром прекратились. Дым и копоть исчезли, воздух в салоне опять стал чистым и свежим. Портоланус расправил плечи, торжествующе усмехнулся и сделал шаг вперед, чтобы приподнять ковер.

Кожаные ремешки, скреплявшие кольчугу, сгорели, повсюду валялись разрозненные металлические пластинки. От тела пирата не осталось даже костей. В центре груды обгорелого металла лежал талисман, совершенно невредимый, теперь он опять казался не чем иным, как благород-

ным мечом, сделанным из темной стали, скорее декоративным, нежели боевым, поскольку лезвие не было заточено.

Портоланус поднял его и заткнул за ремень, потом опустил ковер. Он обратился к рыцарям:

— Оставьте нас, уходите все до единого!

— Нет! — закричала Ганондри. — Будь осторожен, волшебник! Ты забыл о моем предупреждении?! Даже если все на этом корабле погибнут, что сможешь ты сделать без могущественного Рэктама? Ты добьешься своей цели только с моей помощью!

Колдун оперся о стол обеими руками. Теперь лицо его было усталым и опустошенным, а голос хриплым:

— Ты права... Сейчас, когда талисман Анигели опять стал недосыгаем, я еще больше, чем прежде, нуждаюсь в твоей помощи. Но пока ты не выгонишь отсюда этих безмозглых кретинов, я не буду с тобой разговаривать. Гони их! — Он пододвинул золоченый стул, уселся на него и криво усмехнулся: — Со мной тебе ничто не угрожает, великая королева. Ты сама видела, что мой талисман пока не всемогущ. Он убивает только того, кто осмеливается коснуться его. Клянусь тебе Силами Тьмы, которым служу, — я не причиню тебе вреда!

Когда королева все-таки приказала своим рыцарям унести почерневшие остатки доспехов и удалиться, ее рука дрожала. Она взяла графин, налила себе большой бокал бренди и едва не расплескала напиток, поднося его ко рту. Выпив залпом, она немного успокоилась, хотя ее глаза все еще сверкали ненавистью и страхом, с которым она с трудом справлялась, несмотря на огромную силу духа.

— То, что происходит, недопустимо, волшебник, — сказала она. — Мы должны снова пересмотреть условия нашего договора. Ты получил свой талисман, но мой оказался недосыгаем.

— В нем нет никакой необходимости! Давай посмотрим, на что еще способен этот волшебный меч. Может, он годится не только для того, чтобы поджаривать мел-

ких жуликов? — Не успела королева возразить, как он взялся за лезвие меча и сказал: — Талисман, покажи нам короля Антара!

Когда изображение сформировалось, Ганондри не смогла сдержать возгласа восхищения. Она увидела темное волнующееся море. Моросил дождик. На волнах, то исчезая, то вновь появляясь, покачивались четыре круглых предмета: три головы со свирепыми мордами окружали одну поменьше, человеческую. Антар и вайвило медленно плыли к освещенной береговой линии острова.

— Вот как,— сказал Портоланус.— Значит, им все-таки удалось, несмотря на ураган и появление Хельдо, сбежать. Ну ничего, догнать нашего высокого гостя будет не трудно! А теперь, талисман, покажи нам принца Никалона, принцессу Джениль и принца Толивара.

Воображаемым оком королева-регентша увидела Ники и Джен распростертыми в грязи посреди селения. Их руки и ноги были привязаны к столбам, казалось, они лежат без сознания. С неба падали редкие капли дождя, из хижин высывались, окликая друг друга, алиансы.

— Так, так! Кажется, двое старших беспризорников удостоились чести быть принятыми туземцами в соответствии с милыми традициями местного гостеприимства. Думаю, об их судьбе нам уже не придется беспокоиться. А где же третий королевский отпрыск?

Изображение послушно переместилось на Толивара. Он целеустремленно продирался сквозь чащу кустарников, что-то бормоча себе под нос. Портоланус и королева смогли расслышать только несколько фраз:

— Тетя Кадия не сможет заставить меня... ну и что, что пираты схватят меня... лучше быть волшебником, чем ничтожным вторым принцем... Я буду скучать только по Ралабуну, а по ним — не буду...

Портоланус убрал изображение и в задумчивости нахмурился. Потом он скомандовал:

— Талисман, покажи мне точно, где сейчас находятся король Антар, трое детей и... Кадия.

В его воображении возникла карта Консульского острова, на ней мигали яркие белые точки. Он сразу же до-

гадался, что они обозначают. Король Антар находился в полулиге от берега, штормовым ветром его отнесло чуть южнее. Маленький Толивар шел по лесу как раз напротив стоянки рэктамской триремы. Двое плененных детей были в центре большого поселения алиансов приблизительно в миле от моря в сторону севера. Кадия была неподалеку, ее местонахождение почти не изменилось.

— Покажи снова принца Толиvara, — приказал Портоланус.

Сквозь открытые двери салона слышались громкие команды и топот бегущих ног. Вся трирема завибрировала — заработали обе лебедки на носу корабля, поднимая огромные якоря.

Королева вскричала:

— Кто приказывал сниматься с якоря? Нужно немедленно выслать на берег вооруженные отряды! Если нам удастся поймать хотя бы одного из беглецов, мы получим преимущество и сможем заставить королеву Анигель расстаться с талисманом!

Она бросилась к выходу и стала кричать, вызывая адмирала Джерота.

Портоланус все еще наблюдал за принцем Толиваром, разговаривая сам с собой:

— Вот дьяволенок! Ничего себе! Экая смелость! Он чем-то похож на меня, разве нет? Мне кажется, я вижу, что его окружает некая аура, я чувствую какой-то магический потенциал! Вот почему у меня не хватило духу даже подумать о применении к нему пыток! Может быть, удастся сделать из него колдуна?.. Интересно, достаточно ли он смышлен, чтобы разбираться в государственных делах? Мог бы он напрямую помочь нам одолеть Два Трона?

Ганондри снова вошла в салон:

— Я приказала оставаться на месте, а пока шесть лодок с вооруженными людьми отправляются за королем Антаром и маленьким принцем. О тех детях, что попали в руки алиансов, забудем. Несомненно, королева Анигель следит за ними, пока ее дорогим чадам угрожают жесто-

кие туземцы, она вряд ли будет обращать на нас внимание. Сейчас мы должны...

— Я не пойду на берег! — заявил колдун.

— Неужели морские одлинги опасны для такого могущественного колдуна? — с сарказмом спросила королева. Потом ее тон стал более суров. — Ты должен привести поисковую группу прямо к королю Антару и к принцу Толивару — с помощью своего талисмана. Время не ждет!

— С этой группой отправится мой Черный Голос — он отыщет короля, а со второй группой за Толиваром пойдут мой Фиолетовый Голос. Я свяжусь с ними и укажу точное местонахождение короля и принца. А мне покидать корабль ни к чему!

— Ты пойдешь, потому что я приказываю это сделать!

— Нет! Никакой необходимости в этом нет!

Минуту Портоланус и королева-регентша в тишине смотрели друг на друга. Потом он мягко проговорил:

— Тебе не удастся заточить меня на острове одлингов, королева. Выкинь эту идею из головы. Мы остаемся союзниками, хорошо это или плохо, и я постараюсь, чтобы хотя бы один из заложников был схвачен — тогда ты сможешь поторговаться с королевой Анигелью по поводу талисмана. Однако я настоятельно советую не производить обмен здесь. Если альянсы замучат ее детей до смерти, Анигель обезумеет, с ней трудно будет договориться. Как только мы поймем Антару или маленького принца, нам следует немедленно поднять паруса.

— А потом? — резко спросила королева.

— Ты доставишь меня и моих людей на тузаменское судно. С помощью моего талисмана я ускорю встречу с тремя остальными кораблями. До них придется плыть не больше нескольких дней. А потом, если ты пожелаешь продолжить наше сотрудничество, мы отправимся домой вместе, одной флотилией. Как и раньше, ты можешь увезти пленников с собой...

— А Звездный Сундук, — твердо сказала Ганондри, — ты сейчас же отдашь мне. Иначе твой союз с могущественным Рэктамом будет расторгнут, и тебе придется распрощаться с мечтой о завоевании Лабровенды!

Портоланус вытащил меч из-за ремня и медленно поднес его тупое темное лезвие к горлу королевы-регентши. Она замерла, напряглась, но не вздрогнула, не закричала, даже когда холодный металл коснулся ее кожи. Если колдун и приказал уничтожить ее, талисман отказался повиноваться.

Рот Ганондри искривился в ледяной усмешке.

— Звездный Сундук,— повторила она.— Немедленно. И покажешь мне, как им пользоваться.

Портоланус отвел талисман, встал из-за стола и отвесил низкий поклон.

— Кажется, мы зашли в тупик, великая королева-регентша. Давай отбросим прочь злые чувства, которые на мгновение разъединили нас. Лучше вспомним о том, что связывало нас с самого начала. Чтобы достичь общей цели, вовсе не обязательно любить друг друга. Ты отлично знаешь, что мои желания простираются гораздо дальше, чем просто завоевание Лабровенды. Независимая земля Двух Тронов будет принадлежать тебе.

— Как и талисман королевы Анигели.— Ухмылка королевы превратилась в злобную гримасу. Она стала постукивать по крышке стола кончиками пальцев, и в свете ламп засверкали кольца.— Сейчас я скажу тебе, волшебник, каковы новые условия договора. Великий Рэтам всегда будет твоим верным союзником, если ты не проявишь вероломства по отношению к нему и к королеве-регентше. Я до самой своей смерти буду владеть талисманом Анигели, а ты научишь меня, как им пользоваться.

Портоланус огорченно всплеснул руками:

— Я пока не знаю даже, как пользоваться собственным!

— Не сомневаюсь, что скоро ты всему научишься!

Колдун вздохнул:

— Ну ладно... Клянусь Силами Тьмы и своим талисманом — и пусть он убьет меня, если я нарушу эту клятву,— что я буду точно следовать тем условиям, которые ты поставила. Я сейчас же пришлю к тебе своего Желтого Голоса со Звездным Сундуком, а потом займусь поисками именитых пленников.

Ганондри высокомерно кивнула. Портоланус вышел из салона, аккуратно закрыв за собой дверь. Когда он ушел, королева-регентша расхохоталась. Радость от одержанной победы так захватила ее, что она не могла остановиться, пока не выпила залпом еще один полный бокал бренди.

Когда явился Желтый Голос со Звездным Сундуком, она грубо вырвала сундук из его рук, а самого пинками вытолкала за дверь. И снова расхохоталась.

Глава 15

Харамис не спеша шла по светящейся дорожке. Она непринужденно шагала по ледяной черной воде моря, словно у нее под ногами была не мерцающая влага, а каменная мостовая. Арктический ветер осыпал ее крошечными солеными льдинками, небо было охвачено пламенем северного сияния, заслонившего звезды и Три Луны и освещавшего гигантские дрейфующие айсберги бледно-голубыми и бледно-розовыми лучами.

Самая большая плавающая ледяная гора, к которой вела дорожка, светилась к тому же и изнутри. Пока Харамис была недалеко от берега, это свечение не бросалось в глаза, но по мере приближения айсберг сиял все ярче, пока наконец не стал похож на колоссальный берилл, переливающийся сотнями оттенков голубизны и зелени, оправленный черным стеклом северного океана. Он светился и под водой — чем глубже, тем слабее, и Харамис поняла, что огромная масса льда, возвышавшаяся над водой, была всего лишь маленькой частью громады, спрятанной в глубинах.

Чтобы дойти до айсберга, ей пришлось преодолеть две лиги. Светящаяся дорожка привела ее к полукруглому входу в грот, дальше шел коридор, в котором вместо пола была вода, но уже не черная, а темно-голубая. Мерцание по-прежнему убегало вперед, создавая под ногами Харамис твердую поверхность. Стены имели блестящую неровную поверхность, были испещрены причудливыми рисунками и изрезаны так, что свет, струившийся изнутри, сверкал и переливался на гранях кристаллов, похо-

жих на бледные изумруды и аквамарины, оттененные сапфировой голубизной.

Не раздумывая, Белая Дама сделала шаг в сторону и коснулась ближайшей стены.

— Ради Цветка! Это вовсе не лед!

Поверхность была влажной, но от стены не веяло холодом, и, уж конечно, она была гораздо теплее моря. Может быть, это стекло? Харамис постучала по стене ногтями. Вещество казалось более упругим, чем стекло, — такого раньше ей ни разу не приходилось видеть. Несомненно, этот волшебный материал был создан Великой Волшебницей Моря. Имитация айсберга.

Потом Харамис увидела, что за прозрачными стенами прямо к ней плывут рыбы и другие морские существа. Стайками, вверх-вниз и в разные стороны, они плавали и сбоку от прозрачного тоннеля, и над ним. Внутри айсберг оказался полым и был густо населен.

Харамис оглядывалась по сторонам, и морские создания тоже смотрели на нее огромными, как бы расширившимися от изумления глазами. В их окраске преобладали серебристые, серо-голубые и белые тона, а некоторые были почти прозрачны, так что виднелись их пульсирующие внутренние органы. Здесь плавали огромные рыбыны с блестящими зеркальными боками и пастью, полной острых зубов, напоминающие жутких хищников болотных рек. Более мелкие рыбешки металась из стороны в сторону так согласно и дружно, что казалось, их объединяет общий примитивный разум. Здесь были лениво плывущие рыбы, похожие на широкие ленты, раскрашенные серебрянкой, рыбы в форме меча и какие-то уродливые экземпляры, от хвоста до головы покрытые бугорками, отростками и шипами наподобие живой бахромы с серебряными кисточками на концах. Здесь были огромные вялые гидры; овальные, лохматые, словно радужные, медузы; их малыши, которые роились вокруг родителей, похожие на маленькие разноцветные бутоны с задорно торчащими нежными лепестками. Существа с извивающимися шупальцами и свирепыми мордами охотились за медлительной мелюзгой, и целые семьи прозрачных моллюсков сла-

женными ритмичными бросками уходили от преследующих их бесформенных серебристых хищников, которые, случалось, хватали зазевавшуюся жертву и тут же пропадали из виду. Тут и там, как крошечные пчелки, висели хрустальные рачки: если приближался серебристый хищник, они ныряли куда-нибудь, а потом опять бесстрашно вылезали наружу, осмеливаясь даже пересекать дорогу прожорливым пучеглазым чудовишам.

Харамис не могла удержаться от восторженного восклицания.

— *Я рада, что тебе понравились мои любимцы.*

Белая Дама удивленно огляделась. Но в тоннеле-аквариуме не было ни единой души.

— Это Великая Волшебница Моря? — прошептала она.

— *Конечно! Иди скорее, дитя мое. Мне не терпится встретиться с тобой. Если захочешь, рассмотрим все достопримечательности моего дома чуть позже. Наш ужин остынет, а я так проголодалась!*

Харамис сдержала улыбку. Видимо, эта Великая Волшебница не придавала большого значения этикету: ее мысленный голос был совершенно лишен торжественности и серьезности. Харамис старалась не гадать, на что похоже существо, с которым ей придется встретиться. Теоретически они были ровней; в реальности — учительницей и ученицей. Она молилась только об одном — чтобы ее коллега Великая Волшебница была прямодушной и откровенной, а не ускользающей и загадочной, как Бина. Харамис нуждалась в помощи, а не в новых загадках. Портоланус, того и гляди, завладеет талисманом Кадии, да и Анигель в конце концов не выдержит и отдаст свою святыню в качестве выкупа. Если Харамис в скором времени не научится мастерски пользоваться талисманом, то Портоланус, вне всякого сомнения, добьется своего и подчинит себе весь мир.

— *Денби думает, что это чересчур поспешный вывод. Но мы ему покажем! Что же касается практических результатов... ну что ж, моя милая, я-то определенно не из тех, кто попадает в волшебные сети обаятельных чародеев. Но вот в тебе я не уверена!*

Харамис гневно вскрикнула, но взяла себя в руки и продолжила путешествие к сердцу искусственного айсберга. Потом, обращаясь к воздуху, заговорила:

— Вы, Морская Дама, видимо, умеете читать мысли. Но я очень сомневаюсь в том, что вы способны проникнуть в мою душу. Я иду к вам за поддержкой, это верно, и если ваша наука требует постоянного унижения моего достоинства — пусть так и будет. Но я надеялась на более теплые и дружеские отношения. Я знаю, что по сравнению с вами молода, но я не ребенок и не дура. Я всегда с ответственностью относилась к своим обязанностям Великой Волшебницы, насколько это было возможно, не позволяя никому и ничему воздействовать на себя...

— *Ой ли? Позволишь еще, гордячка! Точно так же, как двенадцать лет назад, накануне принятия сана. Тебя не только отвлекли от твоих обязанностей, но и здорово соблазнили злом! Признайся в этом!*

Харамис резко остановилась:

— Я не буду оправдываться. Это правда, когда-то я влюбилась в колдуна Орогастуса и на короткое время была ослеплена его могуществом. Но я отвергла его. Если он еще жив, как я подозреваю, я вновь буду бороться с ним и расстрою его злые планы... Но я отчаянно нуждаюсь в вашей помощи. Вы мне поможете?

— *А зачем же мне было вызывать тебя через виадук? Отправившись в Кимилон, ты доказала свое желание действовать, поэтому я сочла тебя созревшей для особого обращения — и не важно, что думает Денби. Не только равновесие мира, но и само его существование находится под угрозой из-за возрождения гадкой Звезды! В таких отчаянных ситуациях должны приниматься самые решительные меры! Денби считал Бину сумасшедшей из-за того, что она рискнула оставить Триединный Скипетр Власти на воле для противостояния угрозе, но когда она подготовила все к рождению вас троих, он изменил свое мнение и пошел на попятную. Тем не менее он допускал, что рано или поздно Человек Звезды захватит Скипетр Власти, даже в том случае, если вы, Три Лепестка, не наделаете ошибок. Бина проиграла, но ты сможешь покончить с этим злом раз и навсегда*

да, несмотря на твое глупое самокопание. Новая, свежая кровь, молодые мозги справятся с древними проблемами. Понимаешь?

— Нет! Понятия не имею, о чем вы толкуете!

Внезапно Харамис почувствовала ледяную прохладу, хотя внутри искусственного айсберга было тепло. Она плотнее закуталась в меха и резко проговорила:

— Объяснитесь, Великая Волшебница! Скажите мне, какая опасность угрожает миру и какую роль в ее предотвращении суждено сыграть мне и моим сестрам. Предупреждаю вас, что я больше не намерена удовлетворяться мистическими намеками и отговорками.

— *Ха-ха-ха! Какой боевой дух! Мне это нравится! Вперед, Харамис-Не-Терпящая-Глупостей! Мы отлично поладим!*

Светящаяся дорожка закончилась, когда узенький рукав моря влился в крошечный коридор. Харамис стояла на мерцающей площадке, от которой отходило три тоннеля, но только один из них был освещен. Она пошла по нему, и на душе у нее стало легче, потому что теперь за прозрачными стенами вода была светлее и ярче. Морские существа оставили ее в покое, очевидно вдоволь насмотревшись, лишь изредка мелькала случайная рыбешка. Харамис продолжала идти, освещение становилось все более тусклым, словно она удалялась от источника света. Цвет воды постепенно менялся — от ультрамарина и темно-зеленого к фиолетовому.

Потом перед ней возникла дверь из непрозрачного белого материала с круглой серебряной ручкой. Она потянула за ручку, но дверь не открылась. Тогда она прикоснулась к серебряному кругу своим талисманом. Зазвенел колокольчик; такой же звук она слышала в виадуке. Дверь отворилась во тьму.

Харамис решительно шагнула вперед. Дверь захлопнулась за ней, и Великая Волшебница замерла. Только бледно-желтое мерцание янтарного Триллиума на ее талисмане давало понять, что она не ослепла.

Раздался тихий смешок.

— Еще немного, и ты привыкнешь и будешь хорошо видеть. Мои старые глаза стали сдавать, так мне удобнее. Дай мне свою руку...

Харамис робко подняла руку. Она почувствовала, как ее обхватили чьи-то пальцы — влажные, но не противные, и еще дюжину шагов ее вели. В воздухе чувствовался запах соли, по-прежнему тоненьким мелодичным голоском звенел колокольчик, словно призывая кого-то откликнуться из темноты.

— Ну вот мы и пришли. Стул сможешь нащупать? Усаживайся, а я принесу ужин.

Пошарив руками в воздухе, Харамис нашла странной формы широкий стул без спинки и присела. Бока и ножки стула были неравномерно покрыты выпуклостями, сиденье было гладким, теплым и пружинящим: несомненно, внутри находилась жидкость. Сидеть на нем было очень удобно.

Вдруг Харамис обнаружила, что к ней начало возвращаться зрение. Она сидела в большой комнате с мебелью, от которой исходило слабое свечение. И стол, и два стула были склеены из ракушек в виде спиралей с зелеными точечками. На столе стояли тарелки и бокалы — тоже из раковин, но тускло-розового и песочного цвета. Пол был выложен небесно-голубой и алой плиткой. Повсюду в комнате стояли большие горшки из крошечных зеленоватых ракушек, где росли развесистые растения, похожие на гигантские папоротники, из-под листьев которых выглядывали блеклые оранжевые фонарики.

Вдоль одной из стен тянулся длинный шкаф, светившийся призрачным голубым светом. Его дверцы были усеяны тусклыми красными кнопочками. Другая стена представляла собой огромную картину глубоководной жизни — в темной воде или на коралловых наростах, покрытых маленькими белыми звездочками, покоились жуткого вида твари с блестящими глазами и плавниками и со следами схваток на боках.

Одна из нарисованных тварей зашевелилась, и Харамис поняла, что картина живая — это было огромное окно, выходящее на дно ночного океана.

Глаза Белой Дамы все больше привыкали к темноте, и вокруг нее стали вырисовываться слабо светящиеся предметы. В одном углу комнаты стоял рабочий стол с разложенными на нем многочисленными тусклыми металлическими вещами, поблескивающими в отраженном свете поверхности ракушечного стола. В другом углу располагался шар размером с человека. Присмотревшись к нему, Харамис догадалась, что шар был моделью мира — с густо-синими морями и сушей, окрашенной в золотое, зеленоватое и белое.

На полках стояли книги в обычных обложках и кожаных переплетах, на каждой светились какие-то символы. Еще больше книг в беспорядке валялось на полу, а одна стояла раскрытая на попире для чтения рядом с легким стульчиком. Харамис не удивилась, увидев, что буквы в книге тоже светятся. Перед стульчиком находилась уютная подставка для ног, а рядом с ней на полу лежало белесое червеобразное существо со множеством ножек и с двумя злобными красными глазами. Когда оно почувствовало, что Харамис разглядывает его, оно открыло пасть — тоже светящуюся, желтую, с несколькими рядами клыков — и зашипело.

— Ну, ну, Гри-Гри. Будь вежлив с гостьей!

Раздвинулись не замеченные Харамис бледно-фиолетовые занавески. Вошла Великая Волшебница Моря, неся поднос с большим дымящимся котелком и несколькими накрытыми салфетками тарелками.

Она поставила все это на стол и улыбнулась:

— Теперь ты хорошо видишь?

— Да, благодарю вас.

— Меня зовут Ириана. Некоторые называют меня Голубой Дамой. Рада приветствовать тебя в своем доме, Великая Волшебница Земли.

Харамис почувствовала облегчение от того, что Ириана оказалась человеком, а не рыбообразным существом. Она была среднего роста, но очень толстая, с лицом круглым, как дыня, и с отливающей голубизной кожей. Черты лица были необыкновенно красивы, особенно глаза — черные, огромные, опущенные густыми ресницами. Во-

лосы, тоже черные, а может быть, темно-синие, были тщательно завиты, уложены и скреплены гребнями и заколками из ракушек, украшенными большими жемчужинами. На ней было длинное ярко-голубое платье без рукавов, свободными складками спадавшее до самого пола, испещренное крошечными штришками, образующими стилизованные узоры из морской растительности. На обоих плечах тускло поблескивали две жемчужные броши, придерживающие темно-голубой плащ, который, словно шлейф, тянулся за ней.

Ириана протянула Харамис руку, та поднялась, взяла ее ладонь в свои и спокойно поклонилась. Потом с поразительным изяществом пышнотелая Великая Волшебница села на свое место. Она прочитала короткую молитву Триединому и Владыкам воздуха и разложила еду по тарелкам.

— Ешь, дитя мое, ешь. Наверное, ты проголодалась, пока добиралась из Кимилона. Знаешь, ведь прошло уже три часа.

— Я не думала, что шла так долго... Скажите, далеко ли от Кимилона до того места на берегу моря Авроры, куда вывел меня тоннель?

— Около трех тысяч ваших лиг.

— Потрясающе! А я была перенесена за мгновение! Ваша магия очень могущественна, Великая Волшебница!

— Да,— согласилась Ириана.— Но тоннель — это не магия. Ты путешествовала с помощью древней машины, у которой нет ничего общего с магией.

— Машина Исчезнувших?

— Да. Когда-то такие тоннели опоясывали весь мир. В древние времена ими широко пользовались для перевозки людей и грузов в самых разных направлениях, а теперь действуют лишь несколько.

Харамис попробовала поесть. На вид еда была странной, но пахла очень аппетитно. В золотом кувшине было немного жидкости со специфическим сладким ароматом. Харамис налила себе полную чашку, тоже сделанную из ракушек, и, прежде чем заговорить, сделала большой глоток.

— Госпожа Ириана, вам известно, почему я здесь. Мне нужно узнать, как правильно пользоваться талисманом, этим Трехкрылым Диском. И еще мне нужно посоветоваться с вами, как одолеть колдуна Портолануса, который уже украл талисман моей сестры Кадии и угрожает отнять еще один у сестры Анигели. Мне бы хотелось услышать от вас все, что вы знаете об Исчезнувших и их Скипетре Власти, который складывается из наших трех талисманов. Я очень надеюсь, что вы объясните мне, какая разница между подлинной магией и высокоразвитой наукой, приводящей в действие чудесные древние машины, какую роль играют колдовство и наука в конфликте между Портоланусом и Тремя Лепестками Животворящего Триллиума.

Ириана вздохнула и отложила в сторону ложку, потом отпила немного из чашки и сказала:

— На некоторые из твоих вопросов я не могу ответить, Харамис. Другие требуют пространных ответов, поэтому отложим их до поры до времени. Сначала я отвечу на самый легкий... я расскажу тебе историю Исчезнувших.

— Двенадцать тысяч лет назад Мир Трех Лун был родным домом для огромного количества людей. Они прибывали сюда отовсюду, с далеких небес, и с помощью своих безграничных познаний изменяли этот мир, приспособлявая его к себе, делая удобным для жизни.

Со временем начались раздоры, и появилась группа эгоистичных властолюбцев, называвших себя Звездной Гильдией. Они обладали обширными научными познаниями и были искушены в волшебном искусстве, источником которого являлись человеческий разум и сокровенная сущность Вселенной. Люди Звезды и их приспешники развязали опустошительную войну, длившуюся около двух столетий. За это время их оружие и злые чары не только уничтожили почти половину населения, но и изменили климат в мире. Настал ледниковый период.

Как ты знаешь, и сейчас большая часть мира-материка покрыта шапкой Вечного Ледника. Свободны ото льда только территории, расположенные к югу от его края. Но

до ледникового периода лед лежал лишь на вершинах самых высоких гор. На всем мировом континенте климат был мягким. Огромные озера были усеяны живописными островами с возведенными на них изумительными по красоте городами. Когда начались бесконечные снежные бураны, уцелели только те из них, что стояли на берегу моря, или на морском дне, или в самых нижних, тоже населенных, слоях атмосферы.

Когда Звездная Гильдия потеряла поддержку простого народа и даже оптимистично настроенные ее члены поняли, что дело проиграно, борьба стала еще более ожесточенной. Казалось, Люди Звезды скорее разрушат весь мир до основания, чем капитулируют. И тогда Коллегия Великих Волшебников изобрела волшебное устройство, названное Скипетром Власти, способное обратить злую магию Людей Звезды против них самих. Но в применении Скипетра таилась страшная опасность, поэтому в конце концов те, кто придумал его, побоялись использовать это страшное оружие.

Штаб Звездной Гильдии был все-таки уничтожен одним из величайших героев мира, Великим Волшебником Варкуром, а оставшиеся в живых злодеи разбежались. Война закончилась.

Но Мир Трех Лун был почти разрушен. Ни наука, ни совершенное магическое мастерство Великих Волшебников не в состоянии были возродить умеренный климат на некогда прекрасной и счастливой земле. Мировой континент больше не мог быть домом для большого количества людей. Замерзшие моря и охладившиеся воздушные пространства тоже стали непригодны для жизни.

Большинство выживших готовились к переезду в новый дом где-то в далеких небесах. Но тридцать человек с добрым сердцем и благородной душой — все из Коллегии Великих Волшебников, в том числе и Великий Варкур, — решили остаться и сделать все возможное, чтобы восстановить мир, разрушенный человечеством. Их лучшим достижением стало выведение новой расы, более выносливой, чем людская, которая должна была размно-

житься и населить опустошенный Мир Трех Лун через тысячи лет.

Когда человеческий род впервые появился в этом мире, самыми развитыми среди аборигенов были примитивные и не способные к развитию дикие скритеки. Эти теплокровные чешуйчатые чудовища обладали низкоразвитым интеллектом, но умели общаться друг с другом на расстоянии без слов. Они понятия не имели ни о любви, ни о ремеслах, ни об искусстве и вели хищническое существование. У них был дикий способ воспроизведения: они рожали детенышей, и те поедали своих родителей.

Используя и магию, и достижения науки, подвижники из Коллегии Великих Волшебников смешивали кровь этих не подающих надежд существ с человеческой, создав прекрасный умный народ, известный тебе под именем виспи. Одновременно они вывели породы родственных им, способных к телепатии гигантских ламмергейеров, которые должны были помочь виспи выжить. По всему миру были расселены колонии вновь созданного племени, а потом человечество покинуло мировой континент, чтобы навеки стать Исчезнувшими.

В последнюю перед отъездом минуту решили оставить еще несколько тысяч человек — чтобы помогать Великим Волшебникам и испытать на себе, какой будет жизнь среди вечных ледников. От них и пошли те люди, что сейчас живут в Море Трех Лун.

Век шел за веком, свирепые снежные бураны утихли, климат медленно восстанавливался, капля за каплей таяла ледяная шапка, и появлялись участки земли, пригодные для проживания. Послушные ненавязчивой воле Великих Волшебников, виспи размножались — так же, как выжившие скритеки. Время от времени происходили неожиданные, возникали новые племена аборигенов, более или менее напоминающих людей. И люди иногда соединялись с виспи, так что примесь их крови есть в каждом из нас.

Так как люди более плодовиты, чем аборигены, наш род увеличивался с большой скоростью. Через тысячи лет самые плодородные и здоровые земли были полностью

заняты человечеством, а аборигены расселились на скудных территориях — на высокогорьях, в болотах, в лесах и на отдаленных островах.

Члены Коллегии Великих Волшебников покинули тайный Край Знаний, основанный Варкуром, и расселились поодиночке, продолжая опекать и людей и аборигенов. Благодаря нашей древней науке мы можем жить очень долго. Часто умирающий Великий Волшебник все-таки находил себе замену, и тем не менее со временем многие из нас, выполнив свой долг перед живыми существами, медленно угасли.

А сейчас, милая моя, осталось всего трое Великих Волшебников: ты, я и Денби. Твоя работа, работа Великой Волшебницы Земли,— самая важная и напряженная. У меня гораздо меньше забот, а Денби и вовсе нечего делать, так что он стал капризным, необщительным и совершенно поглощен собой. Он не обращает внимания ни на человечество, ни на народ и проводит время, изучая мелкие небесные чудеса,— как будто это кому-то нужно!

Твоя предшественница Бина решила жить на Полуострове, так как там проживает наибольшее количество разумных существ. Другие племена народа, рассеянные по всему мировому континенту, оказались предоставленными самим себе, их не охраняют Великие Волшебники. Я покровительствую только некоторым из них. Большинство моих подопечных живут на многочисленных островах, разбросанных на далеком севере, куда редко попадают люди.

В недалеком прошлом задача Великих Волшебников состояла в том, чтобы защитить аборигенов, которые подвергались опасности уничтожения со стороны враждебных им людей, а также собирать и хранить непригодные творения Исчезнувших, которые до сих пор находят в разрушенных городах. И только в последнее время появилась совершенно новая проблема — равновесию и спокойной жизни Мира Трех Лун опять угрожает опасность.

Я имею в виду появление Людей Звезды.

Коллегия Великих Волшебников не подозревала, что со смертью одних членов злой Гильдии и с побегом дру-

гих сама преступная организация не умерла. Людям Звезды каким-то образом удалось продолжить свое существование, и они из поколения в поколение передавали знания о Силах Тьмы. Их никогда не было много, так как они страшно завистливы и любят таинственность. Они тяготеют к тем местам, где человеческая кровь оказалась сильно разжижена кровью Народа; у них крепкое телосложение, волосы цвета платины и серебристо-голубые глаза той самой преступной группы знати Исчезнувших...

Ах! Я вижу, тебе больно слышать это. Да, дитя мое, отдаленная и суровая земля Тузамена была одним из поселений Людей Звезды, и колдун, которого ты знаешь под именем Орогастуса или Портолануса,— самый первый из их племени, кто попытался возродить былое могущество Гильдии и завоевать мир.

Да... Орогастус жив. Денби, Великий Волшебник Невес, давным-давно предсказал его появление, но сам предпочел ничего не делать, только поведал о грозящих в будущем неприятностях мне и Бине. Вдвоем мы трудились почти девятьсот лет, чтобы смешение крови достигло кульминации в тебе и твоих сестрах, Трех Лепестках Животворящего Триллиума, надеясь, что вы сможете своими решительными действиями обезвредить этого самого опасного из Людей Звезды.

Вам, трем сестрам, при рождении получившим волшебные амулеты, сделанные Биной, было позволено пользоваться талисманами, из которых складывался древний смертоносный Скипетр Власти. И снова переменчивый Денби подсказал, что спасти мир можно будет только с помощью этого волшебного инструмента, хотя пользоваться им крайне опасно. Потом, противореча сам себе, он выступил против того, чтобы вы, девушки, соединяли три талисмана. Он рассудил, что отдать мир во власть порочной Звездной Гильдии все же лучше, чем подвергнуть его опасности полного уничтожения Триединым Скипетром Власти.

Мы с Биной не согласились с ним.

Поэтому вы, юные принцессы, отправились навстречу своей судьбе и благополучно добились цели — полу-

чили волшебные талисманы. В тот великий час испытания Владыки воздуха вели вас по верному пути — и вы правильно пользовались Скипетром Власти.

Они же отнесли Орогастуса туда, где какой-то давно забытый Великий Волшебник хранил некое волшебное приспособление, называемое Путеводной Звездой Гильдии. Звездный медальон, свисающий с шеи Орогастуса, стал его спасением, так как иначе он бы, словно перышко, был унесен во Вселенную, стоило лишь Скипетру обратить его злую колдовскую силу против него самого. Но медальон спас его. Синошур притянул его вместе с медальоном к себе и защитил. Это страшно удивило меня, поскольку я и не подозревала, что у Людей Звезды могут быть какие-либо средства от губительной мощи Скипетра.

Пока Орогастус лежал без сознания, я поспешила в Кимилон, воспользовавшись тоннелем, и забрала с собой Синошур. Я боялась, что существуют еще какие-то способы, которые помогут колдуну сбежать. В настоящую минуту Синошур лежит на углу моего рабочего стола. Я многие годы изучала его и не обнаружила ничего, что свидетельствовало бы о каких-нибудь других функциях.

Орогастус не понимал, как он выжил и почему. Он и сейчас не знает этого. За двенадцать лет отшельничества в Кимилоне он перерыл все хранилище запрещенных знаний в поисках выхода из своего жалкого положения, он жаждал сбежать из ссылки и, покинув край Огня и Льда, вернуться к прерванному делу завоевания мира.

Немало потрудившись, я волшебным способом перекрыла виадук. Но я не смогла помешать Орогастусу изучить принципы действия многих машин и приборов. Так он добрался до механического передатчика речи без слов и вызвал спасателей. Этот прибор рассчитан на одноразовое использование. Но и одного раза оказалось достаточно, чтобы трое его любимцев явились в поселок дороков и заставили человечка по имени Шики помочь Орогастусу сбежать. Колдун взял с собой из Кимилона технику и оружие всевозможных видов — это помогло ему захватить власть в Тузамене. Он продолжал учиться и с помощью но-

вых знаний добыл Звездный Сундук, еще один инструмент Гильдии, о существовании которого не имели понятия ни я, ни Бина. Может быть, Денби и знал о нем, но молчал.

Не знаю, осмелились бы мы, две Великие Волшебницы, вручить вам Скипетр, если бы предполагали, что его части могут быть отняты у Трех Лепестков и магически соединены с Орогастусом. Но что сделано — то сделано.

Колдун уже заполучил одну часть Скипетра. Он пока еще не знает, как пользоваться ею, но научится — и экспериментальным путем, и с помощью ненавязчивых поучений самого талисмана, да и случай поможет, — так же, как научились ты и твои сестры.

Но полное знание о применении Триединого Скипетра и его частей может дать только сам Скипетр. Никто из ныне живущих не представляет, на что он способен. Вам, трём юным принцессам, не было позволено овладеть этим опасным знанием. Денби и я заставили вас разъединить Скипетр сразу после того, как был обезврежен Орогастус, так что опасность, угрожающая миру, свелась до минимума. Тогда вы были слишком наивными, и вас легко могла подчинить чужая воля. Теперь все не так плохо. Плохо или хорошо, но вы трое сами направляете свои судьбы, и судьба мира в ваших руках.

Если Орогастус доберется до всех трех талисманов — или хотя бы до двух из них, — нам с тобой, возможно, не удастся помешать ему овладеть их секретами. Он опытный колдун, у него очень сильная воля, а за плечами — долгие годы магической практики. Даже если все трое Великих Волшебников объединятся, чтобы сокрушить Человека Звезды, вряд ли это будет легко — уж слишком он жаждет добиться цели. Боюсь, у Денби не хватит смелости противостоять ему. В конце концов для Великого Волшебника Небес дела земные не так важны, его мало беспокоит, что равновесие мира может быть нарушено и что люди и Народ попадут в зависимость от злой воли Звезды. Условия его жизни от этого мало изменятся...

Но давай не будем раздумывать над столь печальными материями. Наконец-то ты здесь, и, хотя я не могу по-

советовать, как обращаться с Триединым Скипетром, я помогу тебе в совершенстве овладеть твоим собственным талисманом. В конце концов, твой талисман — ключевой. По воле Триединого ты научишься пользоваться им и найдешь способ раз и навсегда победить Орогастуса. Тридцати дней вполне хватит для обучения. Наука будет нелегкой, так как тебе придется не только пополнить запас знаний, но и поработать над самодисциплиной. Но я верю в тебя, Харамис-Которая-Не-Терпит-Ерунды. Ты победишь, несмотря на...

Ну ладно. Позволь угостить тебя особым десертом, приготовленным специально к твоему прибытию, — изысканным кремом из рыбьей икры!

Глава 16

Кадия и Шики спрятались в густом кустарнике около ручья, текущего рядом с поселком алиансов. Штормовое небо начинало проясняться, и лесная мелюзга, оправившись от непогоды, возобновила прерванные на время ночные песни. Было темно. Со скал, напоенные дождем, струились мутные потоки, и Кадия с Шики, стараясь двигаться как можно осторожнее, пересекали их вброд. На поселковой площади, окруженной кольями со светильниками-факелами, около трехсот морских оддлингов исполняли вокруг лежащих в грязи детей ритуальный танец. Они пели гортанными голосами и играли на примитивных музыкальных инструментах.

В этом диком оркестре доминировала барабанная дробь.

Незатейливая музыка, шум ручьев и пение лесных существ заглушали шаги Кадии и Шики. Они вышли из укрытия. Шики был вооружен традиционным оружием дорожков — мощной ручной катапультой и ножом с широким лезвием длиной с хороший меч. Единственным оружием Кадии был маленький поясной кинжал.

— Когда начнется церемония жертвоприношения, я выйду к ним открыто, — сказала она. — Алиансы запомнили меня, они думают, что мой Трехвекий Горящий Глаз

все еще со мной. Я освобожу детей и приведу их сюда, к тебе. Пока мы будем идти, ты должен защищать нас от возможных помех... Если мой обман раскроется, я постараюсь убить как можно больше альянсов, а ты воспользуешься паникой и сам займешься освобождением детей.

— Но ведь тогда вы почти наверняка погибнете! — сказал Шики.

Кадия отмахнулась:

— Если меня убьют, ты должен забрать детей и спрятаться с ними. Моя сестра с помощью магии найдет вас и обязательно придет на помощь... Посмотри! В хижине вождя что-то происходит! Мы больше не можем медлить!

— Госпожа, возьмите хотя бы мой нож! — взмолился Шики, вытаскивая из кожаного чехла свое оружие.

— Нет. Он очень большой — его не спрячешь под одеждой. Я должна прийти к ним безоружной. — Кадия сжала свисающий с шеи амулет — маленькую каплю янтаря с застывшим внутри крошечным бутончиком цветка. Странная улыбка заиграла на ее губах. — Может быть, эта прелестная вещица защитит меня, ведь, кажется, именно она вынесла меня с ребенком на берег.

— А вы не думаете, что амулет сможет обезвредить ваших врагов или даже убить их?

Теперь в лице Шики не было прежней безнадежности. План спасения детей, предложенный Дамой Священных Очей, с самого начала казался ему неудачным и опасным, но он не осмелился поделиться с ней своими сомнениями. Но если ее амулет и в самом деле обладает магической силой...

Кадия со вздохом уронила амулет на грудь.

— Нет, он никого не будет убивать. Даже оказывая мне помощь, он всегда капризничает. Чтобы он подействовал, нужно свято верить в него. По правде говоря, я не знаю, есть ли во мне сейчас такая вера — я должна все делать хладнокровно, как взрослый человек, а не как дитя, впавшее в панику. Давным-давно, когда я была наивным ребенком, янтарный цветок защищал меня от зла. Он уберег меня, когда я прыгнула с высоты, и вывел

из гибельного болота. Сегодня ночью он, по-видимому, перенес меня по воздуху, спасая от водяного смерча. Но я попросила его о помощи, совершенно выйдя из себя, я не в состоянии была скомандовать хладнокровно. А может быть, мне только пригрезилось, что произошло чудо. Нас с Толо вполне могла вынести на берег огромная волна, а никакого волшебства не было и в помине.

— На берегу творился такой кошмар, что я не обратил внимания, как вы оказались там, — признался Шики.

— Когда нас с мальчиком выносило из моря, мне почудился голос женщины, которая давно умерла, — той самой, что подарила мне этот амулет и открыла мое призвание. Но и ее голос мог быть всего лишь игрой воображения.

— Я кое-что понимаю в магии, — медленно произнес Шики. — В самых сложных ситуациях, чтобы победить, нужно обладать очень твердой верой в успех. Разрешите дать вам совет: ваша попытка спасения может удалиться, если вы безоглядно поверите в силу амулета.

— Твой совет хорош, — сказала Кадия, — да вот не знаю, смогу ли я последовать ему. Я привыкла рассчитывать на свои силы и на помощь одной вещи, которую у меня только что украли. Без талисмана я совсем не та женщина, что была раньше.

И она кратко рассказала о том, как потеряла талисман, как Портоланус поднял его из морских глубин, что значила потеря одной из трех частей Скипетра для нее и сестер, а возможно, и для всего мира. Закончила она такими словами:

— Теперь ты понимаешь, Шики, какая малость эта капелька янтаря по сравнению с тем, что я потеряла.

Шики ласково дотронулся до ее плеча трехпалой рукой:

— Этот янтарь наверняка сохранил волшебную силу талисмана. Разве он не прилетел к своей хозяйке, когда злой волшебник завладел талисманом?

— Это верно... С самого рождения, когда Великая Волшебница Бина подарила его мне, мы с ним не разлуча-

лись. Когда Трехвеккий Горящий Глаз стал моей собственностью, янтарный амулет слился с ним без моего участия. А когда я потеряла талисман, мне показалось, что моя душа рассталась с телом!

— И все-таки именно янтарь, а не талисман был вашим амулетом с самого рождения! Не думаете ли вы, госпожа, что величайшей вашей потерей был амулет, а не талисман?

Кадия молча посмотрела на него.

Шики ободряюще улыбнулся:

— И теперь он снова у вас. Нет никаких оснований не верить в него. И в себя.

— Если бы все было так, как ты говоришь...

Мозг Кадии напряженно заработал — она снова обратила взгляд на пританцовывающих в свете факелов алиансов. Их пляска становилась более страстной, а барабанная дробь так участилась, что превратилась в непрерывный гром, перекрывающий и звуки, и завывания других инструментов.

— Госпожа Кадия, конечно, это хорошо — сомневаться во всем и не верить, что кто-то другой знает абсолютную истину. Но этот путь приводит к высокомерию и гордыне. Нельзя поддаваться сомнениям и тем самым оправдывать дурные поступки или бездействие. Это своего рода грех. Вы понимаете? Каждому человеку от рождения дается определенный талант, и он просто обязан как можно лучше распорядиться им. Вы были рождены, чтобы править. Если у вас отняли роль правительницы — отнеситесь к этому спокойно. А если вас избрали, чтобы служить проводником магии, примите и это, но без гордыни, без ослепления властью. Госпожа, вам нужно знать пределы своих возможностей, но ведь можно пробовать их расширить — в том случае, если вам предстоит совершить благородное дело. Конечно, вы можете потерпеть поражение. Но оно не будет позорным — это будет перст судьбы.

Барабанная дробь резко оборвалась.

Кадия обняла Шику и поцеловала его в лоб.

— Благодарю Бога за то, что он послал мне тебя. — Она глубоко вздохнула. — Однажды моей сестре Анигели удалось с помощью янтарного амулета стать невидимой для своих врагов. В другой раз она сумела обезвредить вражеских часовых, незаметно подкравшись к ним. Я никогда не пробовала применить такую тактику, поскольку предпочитала действовать в открытую, прямо, без хитростей. Но теперь я послушаюсь твоего совета и испытаю себя. Если я и в самом деле могу быть простым орудием магии, я попрошу Владык воздуха использовать меня для исполнения их воли. Мои сомнения и нетерпение не так важны. Единственное, что имеет значение, — это спасение бедных маленьких Никалона и Джениль. Шики, ты готов?

— Да, — ответил он.

— Забудем о первом моем плане. — Ее глаза заблестели в свете факелов. — Будь начеку и уводи детей, когда наступит подходящий момент.

И она исчезла.

Теперь около пятидесяти вооруженных алиансов сгруппировались вокруг связанных детей. Остальные отступили назад, к воткнутым в землю факелам. С того момента, как Кадия и Шики впервые увидели их, Никалон и Джениль лежали неподвижно, будто без сознания. Теперь, когда дикая музыка смолкла, они, казалось, пришли в чувство.

Наследный принц повернул голову к сестре и что-то сказал. Она слабо улыбнулась. Потом оба ребенка опять замерли, уставившись глазами в звездное небо. Они были едва одеты: Джениль — в перепачканной рубашке, Никки — в одном нижнем белье.

На пороге самой большой хижины показался вождь алиансов Хор-Шисса, за ним по пятам шла старуха с огромным свертком в руках. Не похожее на человеческое, тело великого вождя было облачено в золотистую, украшенную жемчугом набедренную повязку и в жилет с высоким золотым воротником, на котором тоже поблескивали розовые жемчужины и драгоценные кораллы. Мощные конечности вождя были увешаны жемчужными бусами. На бугристой спине, груди, плечах и бедрах красовались ри-

сунки, выполненные золотой и алой краской. Пронзительные желтые глаза были обведены малиновыми кругами, по лбу низко проходила повязка, расшитая драгоценными камнями, посреди которой выдавался огромный жемчужный рог, оправленный в золото.

Хор-Шисса пропел вопросительную фразу на языке алиансов. Толпа воинов и морских оддлингов воодушевленно запела в ответ. Потом опять начали бить барабаны — медленно и волнующе: огромные издавали низкие грохочущие звуки, барабаны средних размеров выбивали хриплую и зловещую ритмичную дробь, а самые маленькие гудели, как насекомые.

Хор-Шисса прошествовал на середину открытого пространства. Он наклонился над принцессой Джениль и одним взмахом могучей руки сорвал с нее грязную рубашонку. Девочка не смогла сдержать вопль ужаса, но потом снова замолчала. Молчал и принц Никалон, продолжая неотрывно смотреть в небеса полными слез глазами.

Барабанная дробь стала набирать еще большую скорость и громкость, а Хор-Шисса повернулся к своей помощнице, которая остановилась в нескольких шагах позади него. Она была одета почти так же роскошно, как и великий вождь. Старуха встала перед ним на колени и развязала принесенный сверток.

В нем находилось множество ножей.

Взирающая на них чернь издала вопль одобрения.

Хор-Шисса жестом велел замолчать. Потом, под непрекращающийся грохот барабанной дроби, он стал рассматривать аккуратные ряды сверкающих лезвий, которые были уложены в строгом порядке по величине. Наконец он выбрал очень маленький скальпель с жемчужной рукояткой. На его остром лезвии заиграл свет факелов. Двигаясь в ритме барабанной музыки, Хор-Шисса начал водить над телом маленькой принцессы скальпелем, имитируя те движения, которыми он собирался снимать с нее кожу. Каждый жест этого страшного ритуала сопровождался возбужденными воплями морских оддлингов.

Потом барабаны умолкли.

Хор-Шисса взял нежную руку Джениль и наклонился над ней с занесенным для удара скальпелем.

Шики поднял свою рогатку и приготовился выстрелить одним из свинцовых шариков, которые служили до рокам снарядами. К несчастью, находившаяся далеко от него голова вождя алиансов с его рогатой повязкой была неважной мишенью.

Но постойте-ка...

Длинная шея Хор-Шиссы резко выгнулась, голова откинулась назад, морда ощерилась, между оскаленных клыков показался черный язык, и вождь удивленно завыл. Его страшный ножик сам собой вылетел из сжимающей его руки и, сверкнув в свете факелов, описал в воздухе причудливую дугу, становясь похожим на крошечный язычок пламени. Потом скальпель замер в воздухе и повис перед Хор-Шиссой, повернувшись к нему острым лезвием. Хор-Шисса в ярости дергал за жемчужный рог, пытаясь сорвать с головы повязку. Изумленным зрителям казалось, что ритуальная повязка зажила своей собственной жизнью — она оттягивала голову вождя все дальше и дальше к спине, пока наконец не обнажилось покрытое шерстью незащищенное горло.

Огненный маленький скальпель метнулся, как метеор, и полоснул по горлу вождя.

Тонкая бордовая линия перерезала глотку Хор-Шиссы. Она быстро расширилась и потемнела, раздался отчаянный булькающий вскрик, перешедший в хриплый стон. Вождь пошатнулся. Кровь горячим потоком хлынула на тело Джениль, прикрывая ее наготу. Принцесса закрыла глаза, но не проронила ни звука.

Хор-Шисса рухнул в центр расползающейся красной лужи. На земле вокруг связанных детей появились кровавые отпечатки ступней. В это время Шики выскользнул из укрытия, уверенный, что никто из перепуганных, дико орущих морских оддлингов не смотрит в сторону деревьев.

Толпа оставалась недвижимой, когда летающий ножик с жемчужной рукояткой стал перерезать веревки, стягивающие маленькую принцессу. Расторопнее и сообрази-

тельнее остальных оказалась старуха со свертком ножей. Она достала страшное оружие, похожее на разделочный нож мясника, и кинулась на принца Никалона.

Шики прицелился из своей огромной рогатки, избрав в качестве мишени большой желтый глаз ведьмы. Свинцовый шарик угодил точно в цель, и старуха упала за-мертво.

Потом кровавые отпечатки ступней отбежали от освобожденных детей, миновали кольцо воинов, все еще пребывающих в шоковом состоянии, и подбежали к краю толпы, стоящей у воткнутых в землю факелов. Два высоких кола выскочили из глины, полетели, крутясь в воздухе, в сторону воинов и начали отгонять их. Альянсы продолжали вопить. Те, кто не успел отбежать и кого коснулся факельный огонь, загорелись. Несколько воинов беспомощно размахивали мечами и копьями, пытаясь поразить невидимого демона. Но они только попадали друг в друга. Наконец два прыгающих факела рухнули на группу беззащитных альянсов. Демон стал вытаскивать все новые и новые факелы и метать их в толпу дикарей. Стоя на краю поляны, Шики один за другим посылал во врага свинцовые шары с такой нечеловеческой силой, что трескали кости.

Большинство невооруженных альянсов и многие воины кинулись врассыпную, устремляясь во тьму между хижинами в сторону леса. Те, кто остался и пытался сражаться, или пали от руки Шики, или были настигнуты летающими факелами и загорелись. Вопя от боли и бес-сильной ярости, они помчались прочь, словно безумные, и растворились в дрожащем воздухе. Никто не заметил, как из леса выскочила маленькая фигурка, подхватила принца и принцессу и скрылась с ними в чаще.

Наконец невидимый демон вырвал все колья с факелами и разбросал их по поселку — повсюду стало распространяться пламя. Потом огонь почему-то потух. Стало темно. Свет падал только из распахнутых настежь покинутых хижин и от плывущих высоко в небесах слабо мерцающих Трех Лун. Стоны израненного народа Моря нарушали слаженный веселый хор ночных насекомых.

Когда стало ясно, что невидимый демон ушел, забрав с собой юных пленников, выжившие воины-алиансы начали сползаться к хижине совета и оплакивать своего вождя Хор-Шиссу, проклиная его убийц. Те, кто сохранил способность соображать, послали мысленную весть, предупреждая других алиансов, живущих на Консульском острове и близлежащих островках, о присутствии ненавидимых чужестранцев и демона-невидимки. Они немного успокоились, когда узнали, что их собратья-воины, объединившиеся на море и на суше в большие отряды, приняли решение немедленно нанести удар по принадлежащим захватчикам кораблям.

Когда испуганные жители возвратились из леса в поселок, они обнаружили еще одно страшное преступление, явившееся для них таким неслыханным святотатством, что потерпевший поражение народ Моря нашел в себе силы снова взяться за оружие. Все воины, не утратившие способности передвигаться, устремились к берегу моря, забыв о пережитом ужасе. Они бежали и кричали, что ни одному врагу не удастся уйти живым с Виндлорских островов.

Все священные ритуальные барабаны, гордость народа алиансов, оказались вспороты невидимым демоном. Они замолчали навеки.

Глава 17

Как только королева Анигель закончила краткую беседу с колдуном Портоланусом, она, ниссом Джеган и тринадцать воинов-вайвило сели в две лодки и поплыли к берегу. Беда, которая случилась с Ники и Джен, требовала немедленных действий. Анигель была убеждена, что Кадии для спасения детей будет нужна помощь. Когда шторм кончился, вооруженная поисковая партия королевы высадилась на берегу маленькой бухточки неподалеку от Консульского залива и поспешно двинулась по тропе в сторону селения Хор-Шиссы.

— До него всего две лиги, — сказал Джеган. — Возьмите меня за руку, великая королева, я поведу вас, а вы смо-

жете с помощью талисмана наблюдать за захваченными в плен малышами.

Анигель пошла вперед, поглощенная видением ужасной ритуальной пляски дикарей. Тревога ее росла.

— Они зажгли факелы и опять начали танцевать!.. Мы вряд ли успеем вовремя добраться до них!.. Хотя бы моей сестре удалось сделать что-нибудь!

Когда Хор-Шисса занес нож над принцессой Джениль, а Кадия стала невидимкой и убила вождя, королева вдруг резко остановилась. Глаза ее смотрели в пустоту, она не могла издать ни звука.

Вайвило сгрудились вокруг неподвижной королевы, Джеган тоже встал рядом с нею. До этого момента Анигель кратко комментировала происходящие в селении события, и теперь ее спутников охватил ужас. Никто из них не осмеливался заговорить, они боялись, что маленькая Джениль уже убита — или еще более страшная участь постигла ее. Продолжая держаться за ледяную руку Анигели, Джеган с низко опущенной головой упал на колени. По обычаю лесного народа, вайвило поднял руки к Трем Лунам и стал читать про себя молитвы.

Наконец Анигель вздрогнула и глубоко вздохнула.

— Друзья,— прошептала она,— Кадия спасла моих детей.

Джеган и вайвило издали радостный вопль. Анигель попросила их встать потеснее, чтобы они смогли вместе с ней понаблюдать за событиями с помощью магии. Они увидели мертвого Хор-Шиссу и разбегающихся в панике альянсов, за которыми носился, размахивая факелами, невидимый демон. Они были свидетелями того, как неизвестный маленький человечек из Народа подхватил перепачканных в грязи детей и скрылся с ними в тени.

— Слава Владыкам воздуха и моей госпоже Пророчице! — воскликнул Джеган. — Но что это за незнакомец помогает ей?

— Кадия называла его Шики,— ответила Анигель. — У нас нет времени заниматься наблюдениями. Мы должны поспешить и встретить Кадью до того, как альянсы придут в себя.

Они помчались по темному лесу. Со всех сторон раздавались гуканье, уханье и пересвист, то и дело рядом трещали сучья, но вайвило, которые прекрасно видели и ночью, определили, что в этой части острова можно встретить только зверей. Местных жителей не было видно. Потом Анигель опять воспользовалась талисманом и обнаружила, что Кадия, Шики и дети идут по параллельной тропе. Вайвило выташили топоры и стали прорубаться сквозь лес напрямик. Джеган пронзительно крикнул, уверенный, что хозяйка узнает его по этому звуку. И действительно, когда спасители наконец достигли нужной тропы, их уже ждали.

Плача от радости, королева прижала к себе Никалона и Джениль. Дети были спокойны, казалось, они не помнили того, что с ними произошло. На Джениль была надетая просторная блуза Шики, а на наследном принце Никалоне — его шерстяное нижнее белье. Сам маленький абориген оставался в одних тяжелых кожаных штанах и ботинках. Вытерев заплаканные глаза, Анигель обняла и поцеловала сестру, а потом воскликнула:

— Да благословит Триединый тебя и твоего храброго друга Шики за спасение моих малышей! Но нам нельзя медлить. По Консульскому заливу плывут Антар с Лумому-Ко и двумя вайвило, а где-то рядом среди деревьев прячется Толо. Нам нужно забрать их с собой. Кто-то должен отвести Ники и Джен к «Литии», остальные пойдут дальше к заливу.

— Пусть на корабль детей отведут Джеган, Шики и двое вайвило, — сказала Кадия. — Я помогу вам освободить Антара и Толо. — Она подняла свой янтарный бутон, висящий на лозе, и улыбнулась. — Хотя мой талисман потерян и захвачен колдуном, в амулете таится огромная волшебная сила: ее хватило на то, чтобы справиться с этими жуткими альянсами. Сестра, вдвоем мы будем достойными противницами Портолануса!

— Может, и так, — ответила Анигель тихим голосом, в котором слышались печаль и сомнение.

Она ласково поговорила с Ники и Джен, поцеловала их на прощание, и в следующую минуту дети уже направ-

лялись к «Литии» в сопровождении небольшого эскорта. Потом королева дотронулась до своей диадемы и приказала ей показать Консульский залив.

Увидев его, она снова встревожилась и взволнованно воскликнула:

— Колдун посылает лодки за Антаром и Толо!

Кадия крикнула вайвило:

— Быстрее, друзья мои, ведите нас к заливу как можно быстрее!

Они бросились бежать по темному лесу, и топот их ног заглушался страшными воплями, доносившимися из селения Хор-Шиссы.

— Вот они! — воскликнул Черный Голос.

Он стоял на носу передней лодки, еще четыре лодки плыли следом. Его глаза испускали два белых луча, а говорил он голосом Портолануса, который с помощью талисмана установил местонахождение беглецов и направил за ними погоню. Пираты гребли что было сил, и им удалось обнаружить короля Антара и вайвило, когда те находились в пятидесяти элсах от берега.

Внезапно четыре головы, медленно двигавшиеся по спокойным водам залива, исчезли.

— Они ныряют, господин! — предупредил один из рэктамцев.

— Король слишком ослаблен, он не в силах долго продержаться под водой... Живее, вы и вы! — Голос указал на две лодки. — Как можно быстрее плывите к берегу, отрежьте им выход на сушу, чтобы они не сбежали от нас. А вы готовьте короткие веревки с кошками и не спускайте глаз с воды!

Пираты, остававшиеся в трех лодках, вытащили тонкие канаты, на концах которых были прикреплены остро заточенные крючья — по три на каждом. Несколько минут слышался только плеск весел — две лодки, как было приказано, понеслись к берегу. На море был мертвый штиль, в воде отражались Три Луны. На четверть мили севернее шестая лодка, ведомая Фиолетовым Голосом,

причалила к берегу, ее пассажиры готовились к поискам принца Толивара.

Вдруг послышались всплеск и тяжелое дыхание.

— Король! Вон там!

Два луча Черного Голоса высветили мокрые густые волосы Антара и лицо, наполовину ушедшее под воду. Он был в шести элсах от лодки. Один из пиратов в лодке Черного Голоса раскрутил веревку и метнул гарпун. Король закричал, когда крючья пронесли мимо его головы и вонзились в обнаженное плечо. Еще три крюка попали в тело и вошли глубоко в плоть. Судорожно дергаясь, Антар окончательно запутался в веревках. Скоро он прекратил борьбу: голова ушла под воду, туловище вяло плыло, влекомое сильной рукой. Черный Голос приказал немедленно втащить его в лодку, иначе он мог погибнуть.

Но как только Антара втащили на борт, лодка с Черным Голосом начала бешено раскачиваться. Пираты разразились проклятиями, один прокричал:

— Под водой одлинги! Они нас утопят!

Вождь вайвило Лумому-Ко схватился за борт. Желтые глаза его сверкали, пасть была оскалена. Он по очереди вонзил в двух пиратов свои острые клыки и опрокинул их в воду. Вайвило Хури-Камо и Мок-Ла продолжали раскачивать лодку, хотя пираты лупили их веслами.

— Эй вы, кретины! — заорал Черный Голос. — Возьмите свои мечи!

Он склонился над бесчувственным королем, телом заставляя его от тех, кто пытался его спасти.

И снова Лумому-Ко вынырнул с чудовишным всплеском и утащил под черную воду двух очередных пиратов. Мок-Ла схватил еще одного. Четвертый потерял равновесие и свалился в воду, размахивая бесполезным мечом. В лодке остались только Антар, Черный Голос и два рэктамца.

Но тут к ним приблизились две сопровождающие лодки, а также те, что поплыли к берегу, но повернули назад, когда началась свалка. Сидящие в них рэктамцы стали с угрюмой решимостью тыкать в воду копьями и длинными клинками, пытаясь достать вайвило. Лезвие

отсекло когтистую лапу Хури-Камо, он завопил и стал тонуть. Лумому-Ко и Мок-Ла сделали несколько судорожных попыток отбиться, но и они скоро ушли под воду. Из лодки Голоса пропали шесть человек, а двое других стонали от ран, в суматохе нанесенных друг другу.

Единственный целый и невредимый пират перекинул веревку на соседнюю шлюпку и зацепился крюком, а потом уселся на скамью.

— Тащите нас к триreme! — гаркнул Черный Голос. — Пошевеливайся!

Пират мрачно заметил:

— Вы что, господин, думаете, что пузырьчатые дьяволы утонули?

Любимец колдуна молча вертел головой в разные стороны, освещая черные воды белыми лучами.

— В любом случае их здесь нет. Гребите быстрее! — крикнул он пиратам в других лодках. — Я должен как можно скорее доставить короля на флагман, чтобы позаботиться о его ранах. Если он умрет, я не дам за вашу жизнь и ломаного гроша!

Пираты тихо переговаривались друг с другом, налегая на весла. Потом один из них взволнованно сказал:

— Господин, Йокилю кажется, что на море за мысом видны огни!

— У Йокиля острое зрение, — ровным голосом ответил слуга колдуна. — Это альянсы, морские оддлинги с ближайших островов. Они собираются напасть на нас. Через полчаса они будут здесь. А теперь заткнитесь, черт побери, и гребите!

Произнося это, Портоланус отключился от своего помощника. Его глаза стали тусклыми. Колдун переключил внимание на Фиолетового Голоса, занимающегося поисками принца Толивара.

— Мой талисман показывает, что ребенок прячется вон за теми деревьями, — сказал Фиолетовый Голос восьмерым пиратам, бредущим за ним по песку. — Разойдитесь и прислушивайтесь к каждому шороху.

Рэктамы изумленно вскрикнули, когда из-под капюшона Фиолетового Голоса засверкали две яркие звезды, освещая пространство между деревьями. Он начал говорить с неповторимыми интонациями самого колдуна:

— У вас нет причин для волнения, люди. Я, Портоланус, действую через Фиолетового Голоса. Когда войдете в лес, держите сети наготове. Ни в коем случае нельзя причинить вред маленькому принцу...

Не успел Фиолетовый Голос договорить, как легкий теплый ветерок донес слабые звуки песни, и на берегу чуть южнее появилось огромное количество желтых огоньков. Из всех селений острова стекались к берегу моря дикие альянсы.

— Морские оддлинги! — закричал один из пиратов, указывая на них рукой. — Идут прямо на нас!

— Посмотрите туда! — Другой пират указал на море. — Там этих уродливых ублюдков еще больше! Господин Фиолетовый, нам нужно возвращаться на корабль! Нет времени охотиться за королевским отпрыском! Адмирал Джерот не станет дожидаться, пока эти мерзавцы потопят корабль ко всем чертям, он уйдет!

Остальные рэктамы одобрительно заворчали.

— У нас хватит времени найти ребенка, — настаивал Фиолетовый Голос с интонациями Портолануса — Я собираюсь вызвать еще одну бурю, которая разобьет их легкие каноэ в щепки!

— Плевать на каноэ! — проревел смутьян. — Видите, сколько этих подонков на берегу! Они в полулиге от нас! Я сматываюсь отсюда!

Другие пираты заорали, соглашаясь с ним, и не успел Фиолетовый Голос опомниться, как все восемь разбойников развернулись и помчались к лодкам.

Волшебный помощник колдуна кинулся за ними, тщетно уговаривая их воротиться.

Внезапно из кустов донесся отчаянный крик. Рэктамы продолжали бежать, но Фиолетовый Голос остановился и бросился назад. Его яркие лучистые глаза высветили маленькую фигурку, которая выбралась из густой расти-

тельности и теперь бежала к нему по залитому лунным светом песку, жалобно хныча.

— Они идут из поселка! Я их слышу! Не давайте морским одлингам похитить меня! Возьмите меня с собой!

— Клянусь костями Бондануса — это маленький принц! — воскликнул Фиолетовый Голос. — Беги сюда скорее, малыш!

— Стой, Толо! — прозвучал далекий голос. — Не ходи!

Принц замедлил бег и оглянулся через плечо на темный лес.

— Давай быстрее, а то мы уплывем! — предупредил Голос.

Толивар помчался во весь дух и угодил прямо в раскинутые руки помощника колдуна. Он вцепился в шею мужчины, и тот побежал к ожидавшим их лодкам.

— Держись крепче, малыш!

— Ты говоришь голосом волшебника, — сказал Толо.

— Я и есть волшебник, — выдохнул Голос. — В данный момент.

Ребенок чуть не задушил его. Они вспрыгнули на нос лодки, и та медленно отчалила.

— Ты хочешь сказать, что ты спрятался в теле этого человека? — Принц был восхищен.

— В его словах... но сейчас я должен покинуть его, меня ждут другие важные дела.

— А вы поймали моего отца-короля? — спросил Толо.

— Да. И теперь ни ему, ни тебе не удастся сбежать, пока не будет выплачен выкуп. Но ты не бойся, Толо. Мне кажется, мы с тобой станем добрыми друзьями.

— Волшебник!.. А если я не хочу домой, мне все равно придется вернуться? — тихо спросил принц.

Но звездные глаза Голоса уже начали затуманиваться, и когда их свет окончательно померк, помощник колдуна устало вздохнул.

— Сидите здесь на носу, принц, и не суйтесь под весла гребцов. — Теперь тембр его голоса был совершенно иным.

— Вы уже больше не волшебник, да?

— Помолчите,— хладнокровно сказал Фиолетовый Голос.— Вы встретитесь с Хозяином довольно скоро.

Пираты гребли с такой быстротой, что их сердца чуть не выпрыгивали из груди. Казалось, лодки летят над гладкой водой. Туземцы уже достигли берега, и море было усеяно освещенными факелами каноэ, а за ближайшим мысом лодок было так много, что не сосчитать. Перекрывающая монотонные песни туземцев, с берега доносился человеческий голос:

— Толо! Толо!

Принц Толивар встал в лодке и повернул голову туда, откуда его звали. Фиолетовый Голос ухватился за него.

— Похоже на голос моей матери,— спокойно сказал мальчик.— Посмотри, должно быть, это она выходит из леса. Она может увидеть меня с помощью волшебного талисмана.

— Толо! — опять раздался отчаянный крик.

Мальчик махнул рукой, потом сказал Фиолетовому Голосу:

— Она слышит меня... До свидания, мама!

После этого он снова уселся и стал смотреть, как на пиратской триreme поднимают паруса. Набежавшие штормовые тучи заслонили собой Три Луны.

— Толо! Мой бедный сынок, что ты наделал?.. О Боже, нет! Теперь Портоланус схватил их обоих! Талисман, приказываю тебе вернуть мне мужа и сына! Уничтожь подлых захватчиков! Убей их, говорю тебе! Выполняй, талисман! Сделай это.

Талисман ничем не ответил на душераздирающие крики и стоны Анигели. Она пришла в исступление и, если бы Кадия не удержала ее, побежала бы в отчаянном порыве до самого края воды. Сестры со своими спутниками-вайвило вернулись к опушке леса и оттуда смотрели, как лодки мчатся к пиратской триreme — остановить их они не могли. Поднимался ветер, кружа огромные сухие листья, а толпа альянсов с факелами была уже так близка, что можно было различить отдельные фигуры дика-

рей, потрясающих оружием. Оставаясь на месте, женщины и вайвило рисковали попасться им на глаза.

Кадия пыталась утешить расстроенную сестру.

— Ани, это не поможет. Успокойся. Возьми себя в руки. Подумай, какую разумную команду ты можешь дать талисману.

Обезумевшая от горя королева забилась в объятиях Кадии.

— Разумную команду? — взвизгнула она. — Не будь идиоткой! Как я могу спокойно размышлять, когда мои дорогие муж и сын опять оказались в лапах этих бандитов? Ведь он замучает их до смерти! И этот никчемный талисман ничем не сможет мне помочь! Ничем...

Кадия дала ей пощечину.

Рот Анигели открылся — она задохнулась от унижения и боли. Но вдруг выражение отчаяния исчезло с ее лица, казалось, она что-то придумала.

— Какая же я дура! Спасибо за науку, Кадия! Ты здорово мне помогла! Конечно, талисман может их спасти!

Королева подняла лицо к небу и крикнула:

— Портоланус! Ты слышишь меня?

— Я слышу тебя, королева Анигель!

— Талисман твой! — Она сорвала с головы Трехглавое Чудовище и подняла его высоко кверху. — Отдай мне Антара и Толо, и я сделаю все, что ты скажешь!

— Ани, нет! — закричала Кадия и снова обхватила ее руками.

Но красные заплаканные глаза Анигели сияли решимостью.

— Берегись, сестра! Помни, если ты прикоснешься к моему талисману без разрешения, то умрешь так же, как умер несчастный рэктамес! Ты слушаешь меня, Портоланус? Я отдам тебе талисман сейчас же!

— Увы, королева! Я не могу принять твой выкуп.

Анигель задрожала:

— Ты... ты не хочешь брать его?

— Нет.

— Но почему?

В отчетливой речи колдуна слышались ироничные ноты:

— Теперь не время. Это правда. Если тебе дорога твоя жизнь и жизнь твоих друзей, поспеши на свой корабль, иначе альянсам достанется отличный свежий материал для ритуальных барабанов. Их полно на берегу, и от деревни идет толпа.

— Мы можем произвести обмен на море, — умоляла Анигель. — В любом месте, в любое время. Портоланус, отдай мне мужа и сына!

— Нет. На время король Антар и принц Толивар должны остаться у меня, а потом мы возобновим переговоры об их освобождении. Я отвезу их в столицу Рэктама Франгин. Не волнуйся за них. Если ты воздержишься от решительных действий, мы будем обращаться с ними хорошо.

— Нет, нет! Возьми талисман сейчас! Прошу тебя!

— Придет время, и мы поговорим о выкупе. А пока я больше не желаю разговаривать с тобой. Прощай, королева!

Измученная Анигель спросила сестру:

— Ты слышала?

— Да. — Голос у Кадии был ледяной. — Я слышала, как ты пыталась заключить преступную сделку! Ани, ты безнадежно слаба и глупа! Слава Богу, колдун не принял твое предложение! Если бы у него оказалось два талисмана, кто знает, какое зло причинил бы он миру?

— Дама Священных Очей, мы должны уходить отсюда, — настойчиво проговорил один из вайвило. — Пошли! Больше нет времени. Воины-альянсы могли добраться до «Литии», опередив нас, может, они уже уничтожили ее!

Кадия повернулась к сестре спиной.

— Ты прав, Вуммика. Пошли.

И она вместе с вайвило побежала к лесу.

Поколебавшись минуту, Анигель последовала за ними. Все чувства ее были мертвы, в руке болталась холодная и забытая диадема.

Гораздо позже она обнаружила, что цветок внутри янтара, вкрапленного в диадему, из черного превратился в кроваво-красный.

Работа была невероятно тяжелой. И чем больше Харамис узнавала, тем лучше понимала, какой неумелой Великой Волшебницей была она раньше. Теперь ей казалось, что она вообще не научится пользоваться своим талисманом как следует.

Она узнала, что отдавать команды нужно, пребывая в бесстрастном состоянии духа, но одно дело — знать это и совсем другое — применять на практике. Умственные упражнения, которым обучила ее Ириана, были направлены на стабилизацию и упорядочение мыслительных процессов. Они были скучны и утомительны, даже хуже — казались лишёнными смысла. Харамис не могла понять, почему нужно проводить бесконечные часы, занимаясь умственной гимнастикой, вместо того чтобы научиться практической магии, работая непосредственно с талисманом. Сначала ее раздражали уверения Голубой Дамы, будто школа умственного сосредоточения должна предшествовать занятиям магией, потом она привыкла к нудным упражнениям и перестала нервничать, и вот наконец у нее появился лучик надежды — кажется, она чему-то научилась.

После пятнадцати дней напряженной работы она овладела начальными навыками высокого волшебства. Как начинающий флейтист, она выучилась читать ноты и по отдельности чисто выводить их, но еще не могла сыграть пьесу целиком, то есть знала теоретически, какие умственные упражнения вызывают магические действия, но не испытала свои силы на практике и не была уверена, что ее техника приведет к желаемому результату. Ириана пока строго-настрого запретила ей пользоваться приемами высшей магии, предупредив, что она рискует здоровьем и даже жизнью, если ошибется хоть раз.

Иногда Харамис казалось, что она никогда не научится управлять полетом мысли, никогда не достигнет духовной гармонии и совершенства, на которых так настаивала Ириана. Ее попыткам глубокого сосредоточения всегда мешали или внешние волнения, или внезапные

бунты сознания, или уныние души. Голубая Дама запретила ей пользоваться обзором и наблюдать за своими родственницами, так что целых пятнадцать дней Харамис ничего не знала о сестрах и страшно волновалась. Но самой сильной помехой в процессе обучения были невольные воспоминания об Орогастусе. Теперь, когда ей стало точно известно, что он жив, в памяти непроизвольно всплывали черты его лица и голос, он постоянно снился ей в те редкие часы отдыха, предоставленные Ирианой.

Однажды, совсем растерявшись и отчаявшись, Харамис спросила Великую Волшебницу Моря, не является ли колдун виновником ее страданий и неудач. Голубая Дама холодно заявила, что ничей разум без разрешения не может проникнуть в ее святилище. Это утверждение повергло Харамис в еще большую депрессию. Если в ее неудачах нельзя обвинить Орогастуса, значит, во всем виновата она сама.

Каждое утро, просыпаясь, Харамис целый час занималась медитацией. Сначала она работала, ведомая безжалостным сознанием Ирианы. Потом все больше и больше времени стала проводить в одиночестве в комнате медитаций — помещении с черными стенами и полом, — неподвижно уставившись на мерцающий янтарь, вставленный в Трехкрылый Диск, и ее рассудок отчаянно боролся со всеми помехами, грозящими нарушить сосредоточение: она должна была стать одним целым со своим талисманом.

«Я должна овладеть им, — снова и снова повторяла она. — Только один из Лепестков Животворящего Триллиума сможет стать врачом мира и восстановить всеобщее равновесие. Я умею колдовать, я начинаю. Каждая импульсивная и решительная, она действует. Анигель чувствительна, тактична, способна к жертвенной любви, она завершает спасительную миссию...»

Анигель как-то вспомнила старинную песенку народа уйзгу с Золотых Топей, в которой давным-давно были обозначены роли талисманов и их владельцы:

Раз, два, три —

Это все одно, смотри:

Раз — Корона Обездоленных,
Мудрости бесценный дар.
Где она — там нет озлобленных,
Нет беды, и ссор, и свар.
Два — Трехвекий Меч, что значит:
Правда, честь и славы луч.
Три — Крылатый Жезл, иначе
Это к единенью ключ.
Раз, два, три — в Одном взлелеяны.
В диких Трех — одна лишь жизнь.
Триллиум, явись скорее нам,
Всемогуший, появись!

«Я снова смогу все привести в порядок, — сказала себе Харамис, — если только научусь правильно пользоваться талисманом, ключом ко всем остальным. Владыки воздуха, помогите мне, помогите мне!»

— Они помогут, — прозвучал голос Ирианы. — Никогда не теряй веры, и они помогут тебе!

В темноте комнаты возникло голубое сияние, и в воздухе материализовалась плотная фигура Великой Волшебницы Моря. Та улыбалась. В одной руке у нее была накрытая салфеткой корзинка, сплетенная из морских водорослей, а в другой — существо по кличке Гри-Гри.

— Пришло время немного отдохнуть, дитя мое. Ты долго жила в моем мире, и поток свежего воздуха взболтнет тебя и придаст сил. Следуй за моим маленьким питомцем, и он выведет тебя на поверхность. Там ты посидишь на солнце, отдохнешь и надышишься вволю. В этой корзинке — еда и питье. Можешь воспользоваться талисманом, посмотреть на сестер и зятя и сказать им, что думаешь. Пользуясь примитивной магией, ты никому не причинишь вреда. Если нужно, можешь даже понаблюдать за ним. Я знаю, ты подавлена, но у меня есть ощущение, что ты уже подошла совсем близко к волшебной двери духа, которая никак не желала открываться перед тобой. Теперь мы сможем войти туда вдвоем, ты и я. И мы победим.

Харамис с трудом поднялась с колен — именно в колени преклоненной позе она должна была заниматься ме-

дитацией — и молча взяла корзину. Червеобразная многоножка Гри-Гри, которая, если бы не короткошерстная белая шкура и не красные глаза, была бы очень похожа на воррама, зашипела, спрыгнула на пол и поползла вперед, оглядываясь, чтобы удостовериться, идет ли Харамис следом.

Они вышли из жилища Голубой Дамы в прозрачное помещение искусственного айсберга, и опять морские твари и причудливые рыбешки приплыли поглазеть на них сквозь неровные стеклянные стены. Коридор с пологими ступеньками поднимался все выше и выше, и наконец свет стал более ярким. Харамис поняла, что айсберг, этот волшебный аквариум, освещается настоящим солнцем. Настроение ее улучшилось. Она почти бежала за Гри-Гри, которой солнечный свет, казалось, тоже придал сил. И вот они вышли на открытый воздух. Животное радостно заурчало и встало на задние лапки, закрыв от удовольствия глаза и подставив солнечным лучам голое брюшко.

— Бедная Гри-Гри! Ты тоже скучаешь по солнышку!

Харамис показалось, что зверек жалобно вздохнул. Она наблюдала, как его шкура начала постепенно темнеть, шерсть стала ярко-зеленой, а двенадцать ножек из белых превратились в черные. Когда многоножка открыла глаза, они оказались не красными, как раньше, а темно-голубыми, совсем как у воррамов, что живут в Гнилых Топях.

— Значит, жизнь внутри этого волшебного айсберга и для тебя не совсем естественна, — пробормотала Харамис и погладила животное по спине. — Интересно, почему твоя хозяйка не пожалеет тебя и не выпустит на волю?

Зверек повернулся к ней и с негодованием зашипел. Он уклонился от ее ласк и, злобно проурчав что-то, забавно заковылял в сторону, выбирая место для солнечных ванн подальше от нее.

— Прости меня, Гри-Гри. Мне бы следовало знать, что твоя любовь к Великой Волшебнице гораздо сильнее голоса природы.

Зверек не обратил на нее внимания, но больше не шипел.

С вершины плавающей ледяной горы открывался чудесный вид. Чистейшей голубизны море было испещрено плавающими льдинами и огромными айсбергами — словно кто-то невидимый выложил на воде огромное мозаичное панно. Далекая линия горизонта, изрезанная белоснежными вершинами, смыкалась с безоблачным небом. В нескольких лигах лежал песочного цвета материк — с полукруглыми гладкими камнями, без единого дерева. Он обрывался в море отвесными живописными скалами, ровная поверхность которых обнажала разноцветные пласты горной породы — розовые, оранжевые и даже винно-фиолетовые. Такими же яркими красками искрились на солнце и торчащие из воды неподалеку от материка рифы. Может быть, мировой покой и нарушен, но это никак не отразилось на великолепии спокойных северных вод.

Харамис присела на сухую неровную поверхность айсберга. Она открыла корзинку и растрогалась: Великая Волшебница наполнила ее едой, привычной для Харамис с детства, проведенного в Рувенде. А ведь она уже пятнадцать дней из вежливости мужественно питалась только морскими деликатесами. Улыбаясь, Харамис достала из корзинки фрукт ладу и вонзила зубы в его ароматную мякоть.

«О чем я думаю?»

Сконфузившись, она перестала есть, отпила немного морса и положила руку на свисающий с шеи талисман.

— Анигель! Сестричка, ответь мне!

Появилось видение — и Харамис удивленно вскрикнула. Это не было изображение в серебристом диске, это не был обзор, который лишь позволял ей видеть ту или иную большую картинку, — нет, теперь она как бы сама стояла позади Анигели на корме лабровендского флагмана под балдахином. Корабль неся на всех парусах на восток. Харамис вдыхала соленый воздух, чувствовала дуновение ветерка и дощатую палубу под ногами. За столом, на котором были разложены карты и документы, вместе с королевой сидели леди Эллинис, лорд Пенат, Ова-

нон и Лампиар. А рядом, на ковре, играли в шахматы принц Никалон и Джениль.

— Хари! — крикнула побледневшая Анигель, вскакивая на ноги. — Ты здесь?

Остальные тоже страшно удивились, и Харамис поспешила успокоить их, объяснив, что это не она, а ее призрак.

— Я и сама не думала, что получится такое, — сказала она, смущенно усмехнувшись. — Кажется, уроки, которые я беру у Великой Волшебницы Моря, неожиданно для меня самой пошли на пользу!

Все еще взволнованные, королева и ее придворные пригласили Харамис присесть. Принцесса Джениль подобралась поближе и попробовала прикоснуться к ее наряду, но тут же закричала: рука наткнулась на пустоту.

— Тетя Хари, тебя на самом деле здесь нет! — сказала девочка. — Мы что, видим твой призрак?

— Нечто вроде этого, милая, — ответила Харамис. — Простите меня. Мне очень жаль, что я всего лишь призрак. И все-таки, Ани, позволь мне поцеловать и обнять тебя и детей. Хотя вы ничего не почувствуете, я могу прикоснуться к вам! О мои дорогие, как я рада, что вы спасены! И как я рада, что татисман, называемый Трехглавым Чудовищем, спокойно лежит на столе, полуприкрытый королевскими бумагами.

— Еще не все спасены, — глядя в сторону, сказала королева.

Когда Харамис обнимала ее, она заметила, что губы сестры крепко сжаты. Королева глубоко вздохнула и обратилась к придворным:

— Мне нужно поговорить с сестрой наедине. Не могли бы вы покинуть нас вместе с детьми и вернуться, когда я вас позову?

Все четверо встали, поклонились и ушли, уводя с собой принца и принцессу.

Когда сестры остались одни, Анигель снова села за стол напротив призрака Харамис. Лицо ее выражало укоризну.

— Я много раз пыталась связаться с тобой и поговорить о тех ужасных событиях, которые приключились с нами, но, Хари, ты ни разу не ответила мне, хотя я так нуждалась в твоём совете и утешении!

— У меня не было возможности помочь тебе. Я все объясню. Но сначала расскажи, что случилось после того, как Орогастус завладел талисманом Кадии.

— Орогастус! — Глаза Анигели расширились. — Значит, все-таки это он прячется под личиной фигляра Портолануса?

— Да. Но почему, я не знаю. Двенадцать лет назад он не был убит Скипетром Власти, а перенесен в далекое уединенное место посреди Вечного Ледника. Ему удалось бежать, и он сделался Хозяином Тузамена. У меня стало легче на душе, когда я увидела, что ты не отдала ему талисман в качестве выкупа...

— Я бы отдала. Я предложила ему талисман, но он отказался его взять! Антар и Толо все еще находятся в плену на большом флагмане рэктамской королевы-регентши. Сейчас они, должно быть, приближаются к столице Рэктама Франгину. Ветер, вызванный колдуном, помогает ему.

— Он не принял талисман в качестве выкупа? Но почему?

— Не знаю. — Голос королевы был печален, она отвела глаза от сестры. — Он сказал, что время терпит и он свяжется со мной попозже. Когда он это сделает, я отдам ему талисман, что бы вы с Кадии ни говорили, пытаюсь помешать мне.

Великая Волшебница подавила крик протеста, готовый сорваться с ее губ. Если Антар и мальчик все еще являются пленниками, никакие уговоры не образумят Анигель, пока она не поймет самую суть сложившегося положения.

— Расскажи мне подробно, — попросила Харамис, — обо всем, что произошло.

И Анигель рассказала, как Кадия спасла наследного принца и Джениль, как вновь был схвачен Антар и как маленький Толо добровольно отправился к пиратам вме-

сте с помощником колдуна. Королева, Кадия и их друзья благополучно добрались до «Литии», прежде чем каноз со взбесившимися алиансами догнали их. Они спаслись только благодаря страшному шторму, который, несомненно, был вызван Портоланусом, чтобы пиратский флагман смог отплыть от Консульского острова. Во время неудачной попытки спасти короля Антара был убит Хури-Каммо, но вождю вайвило Лумому-Ко и его товарищу Мок-Ла удалось доплыть до «Литии», хотя они были изранены.

— Когда кончился шторм, мы встретились с нашей флотилией, — продолжала Анигель. — Доблестному капитану окамисского суденышка была вручена солидная награда, и он отправился восвояси. А потом четыре лавровендских корабля пустились в погоню за пятью пиратскими галерами. Нам удалось догнать тузаменскую галеру Портолануса, которая не так быстроходна. Мы вызвали ее на бой и потопили со всеми находившимися на борту людьми. Но, к сожалению, сам колдун остался на рэктамском флагмане, так что он жив и здоров. Он даже не попытался помочь своим несчастным соотечественникам. По мере продвижения к северу расстояние между рэктамскими кораблями и нашими увеличивалось. Они пополнили запасы продовольствия в Зиноре и отплыли за два дня до нашего прибытия туда. Я просила короля Вондри-меля послать за ними в погоню быстроходные катера, но он отказался, очень оригинально извинившись за свой отказ: сказал, будто весь его флот плывет с особой миссией в Галанар, где он собирается просить руки одной из дочерей королевы Джери. Но когда спустя шесть дней мы приплыли в Мутавари, то узнали — и это больше похоже на правду, — что весь зинорский флот находится на военных учениях, ведя подготовку к вторжению в Вар. В столице Вара царил страшная суматоха, бедный король Фюмадек и королева Ила были удручены зловещими слухами о союзе Зиноры с рэктамскими пиратами. Конечно же, ты знаешь, что Совет Согласия Полуострова требует от нас выступить на стороне Вара. Кадия, Джеган и вайвило отправились на север по великой реке Мутар, чтобы

поднять по тревоге войска Рувенды. Если им повезет, наши рыцари и военный люд вовремя соберутся в Мутавари и дадут отпор захватчикам. Но маршал Ованон и другие военачальники опасаются, что, если мы пошлем силы Рувенды на юг, Лаборнок останется незащищенным, и на него могут напасть с севера. Вполне вероятно, что военная угроза Вару — это маневр, скрывающий реальные намерения королевы Ганондри и Портолануса — напасть на нас. У страны Рэкам такой огромный флот, что она преспокойно может послать небольшую флотилию для вторжения в Вар и одновременно совершить нападение на Триолу, Лакану или другой наш северный порт и даже на саму Дероргуилу. Подобный план может оказаться удачным, особенно если лорд Осоркон предаст нас, а это не кажется невероятным после того, как его сестра участвовала в похищении детей. Если Лаборнок падет, та же участь ожидает и Рувенду. Без Антара союз Двух Тронов неминуемо рухнет. Я не могу положиться на верных монархам рыцарей Лаборнока, если им будут противостоять объединенные силы: партия лорда Осоркона, Рэкам и Тузамен... Вот тебе еще одна причина, по которой я собираюсь расстаться со своим талисманом: я не только верну Антара и Толо, но и смогу защитить наши народы.

Пока Харамис слушала сестру, мрачные предчувствия все больше овладевали ею. Когда Анигель замолчала, она спросила:

— А что намеревается делать Кадия? Возглавить войска Рувенды, которые отправятся защищать Вар?

— Нет. Мы... мы с ней страшно поссорились из-за выкупа. Я думала, она убьет меня — в такую ярость она пришла из-за того, что я решила отдать диадему колдуну. Она сказала, что соберет войска и пошлет их на юг. А потом она хочет отправиться в Край Знаний и попросить Учительницу, чтобы та подсказала ей, как помешать мне обменять талисман на Антара. Но у нее ничего не получится, пока я жива.

В выразительных глазах королевы сверкнули слезы, но подбородок был по-прежнему упрямо вздернут. Харамис понимала, что сейчас не время спорить с сестрой. Вме-

сто этого она осторожно поведала Анигели о путешествии в Кимилон и о странном доме Великой Волшебницы Моря. Она сказала, что очень обрадовалась, узнав, как Шики помог Кадии спасти Ники и Джен, и посоветовала Анигели взять верного дорока на службу, пока тот не сможет вернуться к Харамис.

— Скоро,— закончила Харамис,— мое обучение, благодаря Триединому и Владыкам воздуха, подойдет к концу. Если бы ты смогла удержать при себе талисман до тех пор, пока я не постигну все тайны своего...

Анигель медленно подняла Трехглавое Чудовище над столом и, держа его в вытянутой руке между собой и призраком сестры, каменным голосом проговорила:

— Я отдам эту диадему колдуну по первому требованию, если поверю, что он вернет Антара и Толо целыми и невредимыми. Триединый Бог — свидетель!..

Харамис застыла, глядя на диадему. Маленький бутон цветка, вкрапленный в янтарь, изменил цвет — из черного стал кроваво-красным. Она молча указала на него Анигели.

— Да,— невозмутимо произнесла королева.— Бутон Кадии тоже покраснел. Цветки изменились во время нашей бурной ссоры. Но это не имеет значения. Ничто не имеет значения до тех пор, пока не будет спасен мой любимый муж и пока его страна не обретет своего короля.

— Кадия! Это я, Харамис!

— О великий Боже! — закричала Дама Священных Очей.

Ей показалось, что сестра стоит на беспокойных водах реки Мутар, прямо перед носом огромного каное, на котором она плыла. Две лодки поднимались вверх по течению, и на их пассажиров падала стена дождя, несмотря на то что в разгаре был сухой сезон.

Пораженные вайвило почти перестали грести, и лодки завертелись в бурлящем потоке.

— Хари, ты научилась ходить по воде? — воскликнула Кадия.

— Нет, просто научилась более профессионально пользоваться своим талисманом,— ответила Великая Волшебница.— То, что ты видишь, только призрак. Ты, наверное, заметила, что я могу теперь разговаривать с тобой на расстоянии, несмотря на отсутствие твоего талисмана. Я могу так же связаться с любым существом на расстоянии многих миль.

— Отлично,— ядовито сказала Кадия.— Тогда поговори с Ани, этой безмозглой королевой, и убеди ее не отдавать колдуну талисман!

— Я пыталась и еще раз попробую. Но сейчас меня больше волнует ваша ссора. Я вижу, Ани не солгала, сказав, что Триллиум в твоём амулете стал кроваво-красным. Но скажи, ведь она ошиблась, поверив, будто ты могла убить ее, чтобы помешать отдать талисман в качестве выкупа?

Речь Кадии была грозной, как небо над Тассалейским лесом.

— Мы с тобой знаем, что значит позволить Портоланусу завладеть обоими талисманами.— Кадия сделала выразительный жест, относящийся к урагану, не характерному для этого времени года.— В том, что в мире неспокойно, виноват именно он! Ты знаешь, что в северном Тассалее произошли землетрясения? Люди Лумому сообщили ему эту новость! А народ Джегана говорит, что все эти волнения разбудили отвратительных скритеков, и теперь они безумствуют по всем Гиблым Топям, разрушая плоды моих миролюбивых трудов. А на севере, среди уйзгу, разразилась страшная эпидемия. По всей земле множатся несчастья — и все по вине Портолануса! Если Анигель отдаст ему в качестве выкупа талисман, будет еще хуже. Только странный каприз колдуна помешал ей совершить эту глупость! Она похожа на овцу, которая сама бежит в пасть льва! Ани ставит свою любовь к мужу и свой долг перед Двумя Тронами выше благополучия мира! Ее безрассудство преступно...

— Еще более преступна твоя угроза в отношении ее... Кадия, подумай! Разве кроваво-красный цвет бутона не останавливает тебя? Нас должно быть Трое, мы должны

трудиться сообща, любя друг друга. Нас объединяет не Скипетр Власти, а священный Цветок!

На миг сомнение смягчило гнев Кадии, черты ее лица разгладились.

— Так говорил и дорок Шики, которого ты послала мне на помощь, когда я спасала Ники и Джен... И тем не менее, если Портоланус завладеет двумя талисманами, он на этом не остановится, а погонится за третьим. Даже имея два из них, он легко подчинит себе Полуостров, а может быть, и сам материк.

— Возможно.— Харамис не сводила глаз с сестры.— Но я тружусь над тем, как помешать ему, а мой талисман является ключом к двум другим. Я узнала об этом и еще о многих важных вещах от доброй учительницы, которая преподает мне искусство магии.

Харамис коротко рассказала о том, что она не единственная Великая Волшебница в мире, и о том, как она занимается с Ирианой, Голубой Дамой.

— Великая Волшебница Моря живет так далеко от нас, что наши дела ее мало касаются, но тем не менее она собирается вмешаться. В нашей борьбе с Орогастусом она будет мужественной союзницей.

— Орогастус?!

Харамис медленно кивнула:

— Он называет себя Портоланусом. Скипетр все-таки не убил его. Он — один из Людей Звезды, преемник некогда влиятельной организации, которая вела войну с Исчезнувшими в очень давние времена.

— И еще он мужчина, которого ты до сих пор любишь,— звонким от гнева голосом заявила Кадия.— Защищите нас, Владыки воздуха! Теперь мне кажется, что даже Учительница из Края Знаний не сможет спасти мир!

Харамис протянула призрачную руку:

— Не все зависит от тебя, сестра. Конечно, ты можешь потолковать с Учительницей. Но не спеши осуждать меня и Анигель. Я уверена, что Учительница посоветует тебе быть более отзывчивой.

— Я не хочу становиться свидетельницей того, как мой любимый Народ попадет в рабство к злому колдуну! —

бушевала Кадия. — Ни ради Анигели с Антаром, ни ради тебя! Найди способ, как раз и навсегда разделаться с Орогастусом! Придумай что-нибудь до того, как Анигель заплатит выкуп! А потом говори со мной о любви и отзывчивости!

Харамис опустила голову:

— Я постараюсь. А когда мое обучение закончится, я снова побеседую с тобой. Прощай!

Когда упрямое лицо Кадии растаяло, Харамис почувствовала страстное желание схватить ее и утянуть в болото. Но самое ужасное заключалось в том, что в яростных словах Кадии была жестокая правда: надо во что бы то ни стало помешать Анигели передать талисман колдуну.

Анигель отказывается прислушаться к голосу разума, но, может быть, существует какой-то другой способ уговорить ее? Может, королева послушается мужа?..

— Талисман, мне нужно тайно поговорить с королем Антаром, оставаясь невидимой.

Представшая ее взору картина оказалась ужасна: король был заключен в клетку на колесах, которую тащили по мостовой лошади. Вокруг гоготала толпа оборванцев, четверо рэктамских пиратов с обнаженными мечами сдерживали самых рьяных, не давая им приблизиться к пленному монарху.

Было ясно, что пиратская флотилия уже прибыла во Франгин, столицу Рэктама, и пышная процессия двигалась от пристани к дворцу. Процессию сопровождала веселящаяся чернь. В авангарде шествовали вооруженные воины. Еще больше рыцарей окружало королеву Ганондри, которая в роскошном ярко-зеленом с золотом костюме ехала верхом на резвом скакуне в позолоченной упряжи и в шелковой попоне, расшитой изумрудами.

За ней на прекрасном вороном коне скакал юный король Ледавардис. В седле его уродство было не столь явным, он выглядел старше своих лет, а блестящие парадные доспехи и шлем с открытым забралом придавали ему некую загадочность. Лицо его было абсолютно неподвижно и бесстрастно. Он ни разу не повернул головы, чтобы посмотреть на тех, кто приветствовал его, но было оче-

видно, что симпатии толпы целиком на стороне юного не-
коронованного монарха. Только несколько человек про-
кричали славу королеве-регентше. На ее лице застыла гор-
дая улыбка; казалось, настроение людей ее не заботит.

За королевской парой следовали адмирал Джерот и ка-
питаны трех других галер. Далее ехала клетка с королем
Антаром, а за ней — пышная компания нарядных при-
дворных и знати. В самом конце процессии, под охраной
вооруженных пеших пиратов, двигалась покосившаяся от-
крытая повозка с Портоланусом, известным всем Хозяи-
ном Тузамена. Он будто бы не замечал фыркающую, по-
тешающуюся над ним толпу. Он махал рукой, подмигивал,
хихикал и забавлял зевак, создавая из ничего букеты цве-
тов и конфет и швыряя их смазливой девушкам и глаза-
ющим на процессию детям. За повозкой на жалких кля-
чах следовали три Голоса колдуна. Рядом с Портоланусом
на мягком сиденье развалился одетый в парадный костюм-
чик принц Толивар. Он блаженно улыбался.

Харамис тихо заговорила:

— Антар, ты меня слышишь? Это я, Харамис.

Король приподнял голову, губы его удивленно приот-
крылись. Он снова был облачен в те нарядные одежды, в
которых его пленили, но сидел на грубой соломе.

— Не произноси ничего вслух, дорогой зять, отвечай
мне мысленно. За последние недели я стала более могу-
щественной, а потому слышу тебя и вижу очень хорошо.
Во-первых, как твое здоровье?

— Я вполне здоров, но на сердце мрак и печаль. Когда
мерзавцы вторично поймали меня, я был сильно изранен
крючьями, но Портоланус смазал раны каким-то снадобь-
ем, и они полностью затянулись, даже шрамов не осталось.
На обратном пути меня не только не заперли с рабами, но,
наоборот, всячески обхаживали: прилично кормили, пре-
доставили удобную постель, правда, в охраняемой страж-
никами каюте... А Толо, как видишь, не только здоров, но
и вполне счастлив, подружившись с проклятым колдуном!
Я не мог даже вообразить, что вытворит этот маленький
глупый щенок! Может, он стал жертвой какого-то злого
проклятия...

— Я уверена, что его не сглазили, не терзай себя. Ты не знаешь, что собираются сделать с вами королева-регента и Портоланус?

— Нет. Пока меня будут держать в здешнем дворце... Харамис, между Ганондри и Портоланусом происходит что-то странное. Возможно, у этой парочки мерзавцев появились разногласия! Королева-регента время от времени приходила ко мне, когда я поправлялся от ран, и очень интересовалась, как мое здоровье, не испытываю ли я каких-либо неудобств. Она явно хотела удостовериться, что снадобье, которым пользовал меня волшебник, на самом деле целебное и не может мне повредить. Она была необыкновенно любезна, меня страшно поразила перемена в ее поведении. Я заявил ей, что вряд ли моя царственная супруга пожелает заплатить выкуп, если меня будут пытать и мучить, но и ласками ее не проймешь. На это Ганондри только рассмеялась. А потом я подслушал, как она предупредила стражников, чтобы те стояли поближе ко мне, если Портоланусу вздумается войти в мою каюту. Она сказала, что, если колдун причинит мне какой-нибудь вред, они умрут мучительной смертью.

— Как странно! Антар, а известно ли тебе, что Анигель предложила свой талисман колдуну в обмен на твое освобождение? Но Портоланус отказался взять его...

— Ради Цветка! Нет, мне это неизвестно... Харамис, ты должна запретить Ани расставаться с диадемой! Заставь ее задуматься о тех несчастьях, которые могут свалиться на все народы мира! Скажи, что я запрещаю ей делать это! Я скорее умру, чем приму такую жертву!

— Я скажу ей. Но и ты должен сказать то же самое.

— Каким образом? Ни она, ни я не обладаем способностью вести телепатические беседы!

— Сочини мысленное послание и передай его мне, будто я и есть Анигель. Я pošлю твои слова и твой образ в ее сновидения, она каждую ночь будет видеть тебя и слышать твой голос.

— Великий Боже! Ты и это умеешь делать?

— Я училась высшей магии у другой Великой Волшебницы. Я узнала, что не одинока в своем служении. Кро-

ме меня существуют еще двое Великих Волшебников, которые служат защитой и проводниками мира, используя всевозможные волшебные средства. Великая Волшебница, обучающая меня правильно обращаться с талисманом, зовется Ирианой, она живет на далеком севере, в море Авроры. Через две недели, если я успешно завершу образование, я попытаюсь спасти тебя и маленького Толо. Кроме того, я надеюсь каким-то образом расстроить планы колдуна и королевы Ганондри.

— Да поможет тебе Бог! Я слышал на корабле, что Рэктам с Тузаменом намереваются напасть на Два Трона, используя, возможно, предателя лорда Осоркона и его банду наемников.

— Анигель тоже так думает. Я сделаю все, чтобы защитить ваш народ — как только научусь пользоваться талисманом.

— А как же Портоланус и украденный им Трехвекий Горящий Глаз? Он не станет непобедимым противником, с которым бессмысленно сражаться?

— Не знаю. Надеюсь только, что пока он и сам не знает, как пользоваться талисманом, и что мне удастся отнять его. Молись за меня! А теперь, Антар, передай мне послание для Анигели. Настаивай на том, чтобы она была тверда, чтобы отказалась отдать талисман в качестве выкупа, поскольку, если колдун захватит и второй тоже, весь мир может пасть его жертвой!

Когда Харамис запечатлела в сердце послание короля и образ Антара растаял, она обнаружила себя сидящей на вершине искусственного айсберга. Сначала она ввела летучий сон в сознание Анигели, потом глубоко вздохнула и выпустила из рук талисман. Он снова повис на цепочке. С какой уверенностью рассказывала она всем о своих успехах! А если это пустяковая самонадеянность?

Забыв о ее недавней бестактности, к ней, урча, приблизился Гри-Гри. Лизнув вялую руку Харамис, он начал рыться в корзинке с провизией.

— Ох, бедняжка. Мне бы твои заботы. — Она вытащила кусочек жареной дичи и протянула животному. — Ну

как я могла поделиться с Ани, Кадией и Антаром своими сомнениями? А ведь я и в самом деле не очень уверена, что даже после уроков Ирианы буду мастерски владеть талисманом. Да, я научилась разговаривать на расстоянии, но ведь это одна из самых скромных его возможностей! Смогу ли я победить Орогастуса и пиратов Рэктама с помощью волшебства? А что, если одна составная часть Скипетра не справится с другими?... Тогда нам придется столкнуться с Орогастусом лицом к лицу невооруженными, как мы уже встречались и раньше, — просто мужчина и женщина, смертельные враги, любящие друг друга. Единственным оружием будет тогда сила духа... Ох, Гри-Гри. Смогу ли я причинить ему зло, даже если это спасет мир?

Зверек жадно поедал мясо, не обращая на нее внимания.

Харамис подняла свой талисман:

— Я знаю, мне не следует смотреть на него — это может лишить меня решимости бороться. И все-таки так хочется взглянуть на него еще разок. Теперь он не скроется от меня! Не будет никакого размытого пятна, я увижу его настоящее лицо! Его лицо...

Талисман нагревался в ее руке, ожидая приказа. Посреди трех серебряных лепестков-крылышек мерцала капля медового янтаря с крошечным черным бутончиком цветка.

Пока Харамис смотрела на него, он постепенно становился малиновым.

— О Боже, — прошептала она, закрывая глаза, чтобы не видеть этого. — И такую цену я должна заплатить? Неужели один взгляд на него омрачит мою душу? Наверняка нет! А может, это Ириана опять проверяет мою решимость? Сначала позволит посмотреть на него, а потом скажет, что меня легко ввести в искушение?... Отлично! Поскольку это всего лишь каприз, я не буду смотреть на него, не стану давать пищу любви, пусть поголодает! Талисман, ты доволен? Верни мне Черный Триллиум! А ты, цветок, дай мне сил, чтобы я могла исполнить свой долг, чтобы думала о том, как творить добро, и не поддавалась эгоистичным желаниям!

Она снова открыла глаза.

Цветок стал черным.

Харамис встала, собрала объедки, оставленные Гри-Гри, и аккуратно увязала их в салфетку.

— Пошли, малыш. Ты неплохо поел, а я съем ладу на обратном пути. Я слишком много времени потратила на отдых.

И она пошла вслед за зверьком обратно, в глубь искусственного айсберга. Далеко над землей начали скапливаться тучи, подул прохладный ветерок.

Глава 19

Принцу Толивару разрешалось каждый день навещать короля-отца в его вполне сносной темнице на средних этажах Западной башни франгинского дворца. Колдун всегда давал ему для Антара еду, а иногда какую-нибудь увлекательную книгу, которая помогала бы королю коротать часы заключения.

Сегодня маленький принц нес аппетитные печеные фрукты и приключенческую книгу о пиратах. Когда Толо появился в комнатке охраны, утрюмый тюремщик Эдрик зазвенел связкой ключей.

— Как чувствует себя мой отец-король? — вежливо поинтересовался мальчик.

Они с Эдриком пошли по освещенному факелами коридору к той камере, где содержался Антар. По обеим сторонам тянулись запертые железные двери, за ними томились в заключении те враги королевы-регентши, которых она не осмеливалась предать смерти.

— С каждым днем король выглядит все более веселым и радостным, маленький господин. — Эдрик открыл дверь в темницу короля. — По моим наблюдениям, большинство пленников ведут себя наоборот... Входите. Через полчаса я приду и выпущу вас.

Толо поблагодарил тюремщика и вошел внутрь. Дверь с лязгом захлопнулась за ним, потом послышался скрежет ключа в замке. Антар писал письмо. Он поднял глаза и улыбнулся младшему сыну. На нем была простая одежда. С тех пор как Толо встречался с ним в послед-

ний раз, ему постригли волосы и бороду. Выглядел он хорошо. Сквозь узкую зарешеченную бойницу в стене мальчик видел падающий на улице снег, но в самой темнице было тепло и уютно.

Когда принц поздоровался и положил на стол подарки, Антар прижал его к груди и расцеловал.

— Ну... ты все еще упорно трудишься, постигая премудрости учителя-колдуна?

Мальчик отпрянул:

— Мне не хотелось бы, чтобы ты смеялся надо мной, папа. Господин Портоланус никогда этого не делает. Он говорит, что у меня от рождения есть какая-то аура, что я настоящий чадо... чудотворец!

— Извини.— Антар заморгал голубыми глазами.— Но я очень надеюсь, что ты не будешь увлекаться этими фокусами и забавами и вернешься домой.

Лицо мальчика вытянулось.

— Домой? Значит, мама все-таки отдает талисман как выкуп? Но колдун сказал, что она отказалась! Я думал, ты еще долго будешь сидеть взаперти. Портоланус послал людей в Тузамен за своими волшебными машинами, скоро они будут здесь. Если нас сейчас выкупят, я их не увижу.

Веселое настроение короля внезапно исчезло — он был явно раздражен. Он схватил Толо за плечи:

— Сын мой, ты понимаешь, что говоришь? Нет, конечно, не понимаешь. Я знаю, ты увлекся этим колдуном. Но, может быть, ты думаешь, он добрый волшебник? Это не так. Он злой человек, он собирается уничтожить Два Трона.

Толо отвернулся и скорчил кислую мину:

— Так говорит королева пиратов. Но это неправда. Она, а не Портоланус, хочет захватить нашу страну.

— Ты повторяешь его слова,— более мягко заговорил Антар.— Но Портоланус солгал тебе, Толо. Если ему удастся завладеть маминым талисманом, он завоюет весь мир. Он и его союзники из Рэктама вторгнутся в Лаборнок и Рувенду, будут убивать людей и грабить наши богатства. А со временем та же участь постигнет и остальные миролюбивые народы.

— Но ему не нужен мамин талисман! — закричал ребенок. — У него есть талисман тети Кадии, и он говорит, что его хватает. Она не знала, как пользоваться им, чтобы совершать подвиги. Но Портоланус раскрывает его секреты! Он сам мне сказал! Он собирается с помощью талисмана превратить свою маленькую бедную страну в великую державу. Талисман заставит солнце сиять над Тузаменом, превратит скудную почву в плодородную, домашний скот будет жиреть и размножаться, а с гор посыплются драгоценные камни, золото и платина!

— О Боже! Это он тебе наговорил?

Но принц уже вошел в раж.

— Портоланусу не нужно завоевывать другие страны! Талисман даст ему все, что он пожелает! Вот почему он сказал маме, что не хочет брать ее талисман. Да, он похитил нас всех, чтобы завладеть им. Но когда он получил талисман тети Кадии, мамин стал ему не нужен.

— Он лжет, Толо. Я знаю, он отказался от маминого предложения, не захотел забирать талисман там, возле Виндлорских островов. Почему он так сделал, для меня загадка. Но подумай хорошенько, малыш! Если Портоланусу уже не нужен мамин талисман, зачем он держит нас в плену?

— Это вина королевы пиратов, — прошептал Толо. — Портоланус обещал мне, что поможет тебе сбежать.

— Лжет, лжет... — Антар покачал головой. — Ты еще так мал. И все-таки ты должен понимать, что взрослые сильно отличаются от детей, они не всегда говорят то, что думают. Портоланусу не нужны богатства, мой сын, ему нужна власть. Он жаждет повелевать королями, королевами и целыми народами, а вовсе не жить мирной жизнью в замке Тенеброза, играя с тобой в волшебные игры и осыпая свой народ золотом и бриллиантами.

— Он говорит, что когда-нибудь я стану Хозяином Тузамена!

— Что?

— Он говорит, что сделает меня своим наследником, — заявил мальчик. — Он оказал мне великую честь. Я боль-

ше не буду никчемным вторым принцем. Я научусь колдовать как он, а когда он состарится и не сможет ничего делать, я буду править его страной! У него нет своих детей. Он говорит, что настоящие великие волшебники не могут иметь детей. Они должны брать на воспитание наследников... И он хочет усыновить меня!

— Ты собираешься отказаться от собственной семьи ради этого отвратительного фигляра? — закричал король, вцепившись в руки мальчика.

Но Толо, как испуганный зверек, выскользнул и кинулся к двери.

— Ты не понимаешь, что делаешь! — воскликнул Антар.— Ты всего лишь дитя! Неразумное дитя!

Дверь темницы открылась.

— Принцу пора уходить, — сказал Эдрик. Его обычно добродушное лицо было утрюмо.

— Я хочу уйти! — взвизгнул Толо, выскакивая в коридор. По его щекам потекли слезы.— Папа, я больше не хочу видеть тебя!

— Вернись, сын мой! Я не должен был говорить с тобой так резко! — Король бросился к двери.

Однако Эдрик преградил ему путь, и через минуту замок был заперт.

— Толо! — Голос Антара заглушали железная дверь и каменные стены.— Толо, не уходи!

Мальчик вытер лицо рукавом и пошел за тюремщиком по коридору в комнату охраны. Там его ждали два пирата со свирепыми лицами, одетые в костюмы личных охранников королевы-регентши.

— Вот он, — вздохнув, сказал Эдрик.— Мы с Зиллаком подслушали его разговор с отцом — подозрения великой королевы подтвердились.

Сильные руки схватили Толивара.

— Ты пойдешь с нами, — прорычал один из охранников.— И поторапливайся, ее величество не любит ждать. Толо завопил, но пират только расхохотался.

Из-за закрытых дверей личной гостиной Ганондри раздавались громкие голоса. Снаружи со скрешенными ме-

чами стояли двое рыцарей. Они не позволили стражам Толо стучать в дверь.

— Но королева-регентша приказала немедленно доставить к ней этого щенка! — запротестовал один из пиратов. — У него есть чрезвычайно важные новости!

— Она разговаривает с нашим господином, королем Ледавардисом, — грубо ответил один из рыцарей. И на нем, и на его товарище были перевязи с кокардами короля. — Так что придется подождать.

Две пары вассалов пожирали друг друга глазами, а крики в гостиной не затихали. Страх Толо сменился изумлением. Нет сомнения, что королева-регентша и ее внук, принц-карлик, страшно ссорятся! К сожалению, слов нельзя было разобрать.

Через несколько минут дверь рывком распахнулась и вышел Ледавардис с белым от ярости лицом.

— Нет, ты не посмеешь поворачиваться ко мне спиной! — кричала ему вслед Ганондри. — Вернись, высокомерный нахал!

Не обращая внимания на ее крики, горбатый коротышка кивнул своим телохранителям и, сопровождаемый ими, заковылял прочь по длинному коридору.

Теперь Ганондри подошла к дверям. Ее лицо искажилось от бешенства, медно-рыжие волосы растрепались. Она была в фиолетовом платье и легкой пелерине с оборками из золотистого кружева. При виде Толо и его стражей она вспомнила о королевском достоинстве и, с трудом взяв себя в руки, жестом приказала пиратам ввести мальчика в покои. На столе валялась опрокинутая чернильница: чернила залили разложенные документы и капали на дорогой ковер, по которому были разбросаны клочки разорванного документа.

Не обращая внимания на беспорядок, королева-регентша подошла к сервировочному столику и налила себе полный хрустальный бокал бренди. Выпив, она повернулась и уставилась сверкающими зелеными глазами на принца Толивара.

— Это правда, — спросила она тихим хриплым голосом, — что твоя мать, королева Анигель, предложила свой

талисман Портоланусу еще тогда, когда мы были на Виндлорских островах?

— Да,— промямлил мальчик, глядя на свои ботинки.— Думаю, правда.

— Отвечай!

— Мой отец так говорит. А он никогда не лжет.

— А Портоланус говорил тебе, что не захотел взять талисман Анигели? Это верно?

— Он... нет. Он никогда не говорил этого.

Регентша внезапно кинулась вперед, схватила его за ухо и так сильно сжала, что он вскрикнул.

— Говори правду!

Принц заплакал:

— Это правда! Ой, больно!

— Портоланус говорил, что ему не нужен талисман твоей матери? Отвечай, маленький ничтожный слизняк! Или я велю своим людям отрезать тебе нос и бросить в самую глубокую темницу!

Дрожа и плача, Толо повалился на пол:

— Не надо бить меня! Да! Он говорил это! Говорил!

Ганондри оставила его в покое и посмотрела на него с отвращением:

— Так-то лучше... Ну и дрянь же ты! Ты не способен быть преданным ни своему отцу, ни пригравшему тебя мерзкому колдуну! Фу! Ты мне отвратителен! Даже мой никуда не годный внук сделан более добротнее!

— Не бей меня! — хныкал принц, закрыв голову руками.— Не обижай!

Двое слуг подняли его с пола.

— Заберите отсюда этого маленького поганца,— сказала Ганондри.— Заприте его в комнате и хорошенько стерегите.

Пираты поклонились и вытащили Толивара из гостиной. Он снова зарыдал.

Когда они удалились, Ганондри сказала самой себе:

— Все гораздо хуже, чем я предполагала, но положение все-таки можно исправить, только нельзя допустить, чтобы Портоланус опять внезапно воспользовался этим проклятым Горящим Глазом.

Она потянула за шнурок звонка и приказала своей фрейлине вызвать капитана дворцовой охраны и двадцать солдат. Потом она направилась в сторону апартаментов, которые были отведены Портоланусу.

— Великая королева, какая неожиданная честь! — Нервно потирая скрюченные руки, злополучный колдун поднялся из-за заваленного книгами стола, чтобы приветствовать высокую гостью и небольшую армию, сопровождавшую ее.

С тревожными лицами на эту сцену из внутренней комнаты смотрели Черный, Желтый и Фиолетовый Голоса.

— Взять этих прихвостней! — приказала Ганондри.

Капитан махнул рукой, и шестеро солдат в доспехах схватили помощников колдуна, а сам Портоланус, издав негодующий вопль, кинулся к большому резному шкафу из полированного дерева.

— Задержите его! — крикнула королева-регентша. — Задержите его! Он побежал за талисманом!

Капитан и четверо солдат с мечами бросились за Портоланусом и вцепились в его нелепое одеяние. Тот взвыл, выскользнул из одежды и, оставшись в одних брюках, болтающихся на тощем теле, снова метнулся к шкафу. Но один из солдат мощным пинком отшвырнул шкаф в сторону, и колдун не смог дотянуться до него.

— Отлично сработано! — воскликнула Ганондри, раздвинув губы в улыбке.

Трое стражников схватили запыхавшегося старика. Он вдруг обмяк и, тяжело переводя дыхание, проговорил:

— Великая королева, это какое-то прискорбное недо-разумение! Я был бы счастлив...

— Молчи, колдун!

Регентша села на мягкую кушетку, а Портолануса поставили перед ней.

— Для начала побеседуем о Ледавардисе. Ты уверял меня, что своими заклинаниями сделаешь послушным моего неуправляемого внука. Тем не менее, когда сегодня вечером я дала ему на подпись кое-какие важные до-

кументы, он не только отказался подписать их, но швырнул их мне в лицо и объявил, что мое правление скоро придет к концу.

— Не могу этого понять! — заныл колдун. — С тех пор как мы вернулись во Франгин, мои Голоса каждый день вливали в юного короля нужную дозу лекарства. Сейчас он должен быть кроток, как новорожденный ягненок!

Ганондри презрительно фыркнула. Потом задумалась, выражение ее лица стало зловещим.

— Неумеха!.. Или, несмотря на мое предупреждение, ты все же решил нарушить наш договор? Может, ты думаешь, что теперь, когда мы находимся на твердой земле, ты в состоянии что-нибудь предпринять против меня? Неужели ты настолько глуп, что рассчитываешь использовать моего слабоумного внука в качестве орудия против меня?

— Нет! Ты ошибаешься, великая королева!

— Может быть, я ошибаюсь, когда говорю, что Анигель предлагала тебе талисман еще на Виндлорских островах, а ты отказался от него?

— Нет, я и не отрицаю этого. Я просто боялся, что, если Анигель вручит талисман тебе, ты придешь в такое волнение, так обрадуешься, что тут же освободишь короля Антара. А это явилось бы непоправимым ударом для нашего плана завоевания Лабровенды. Король Антар должен оставаться нашим пленником, если ты хочешь, чтобы наш план удался. Ведь только он в состоянии сплотить разрозненные силы лаборнокской знати! Его народ никогда не будет воевать под знаменами Двух Тронов, если во главе не встанет сам Антар! Пока Антар остается пленником, лорд Осоркон, наш человек, сможет контролировать ситуацию в Лаборноке. А за капитуляцией Лаборнока последует падение Рувенды, это ясно как день — ты ведь знаешь, что военные силы Рувенды отозваны к югу, на защиту Вара.

— Красиво говоришь, — с издевкой произнесла Ганондри. — Именно по этой причине ты отказался взять у Анигели мой талисман?

Последние два слова она прошипела, не в силах сдерживать ярость.

— Какая польза тебе от этой вещицы? Ты что, колдунья? Требовать талисман — пустая затея!

— Это не тебе решать, а мне! — отрезала регентша. — Как ты посмел скрыть все это от меня? Боялся, что мы сравняемся в искусстве магии?

— Чепуха! Ты говоришь смешные вещи.

— Как ты смеешь? — взвизгнула Ганондри — Ты... ты...

Выйдя из себя, королева вскочила с кушетки. Вытащив из прикрепленных к поясу ножен маленький, украшенный драгоценными камнями кинжал, она бросилась на Портолануса.

Колдун произнес:

— Ну ладно, хватит ломать комедию.

Не веря своим глазам, королева-регентша замерла в нескольких шагах от колдуна: он принимал свой истинный облик. Его почти обнаженное тело вытянулось и окрепло, борода и волосы побелели, серебристо-голубые глаза засияли. В высоко поднятой правой руке был зажат Трехвекий Горящий Глаз.

Ганондри застыла в том же положении — вес тела перенесен на одну ногу, кинжал занесен для удара. Люди из дворцовой стражи тоже окаменели, лишенные возможности шевелиться, только глаза их бешено вращались.

Помощники колдуна высвободились из неподвижных рук солдат и поспешили принести своему хозяину ослепительно белые одежды. Черный Голос открыл шкаф, осторожно вынул оттуда серебристый кожаный пояс с ножнами, недавно изготовленными специально для Трехвекого Горящего Глаза, и обвязал его вокруг тонкой талии колдуна. Желтый и Фиолетовый Голоса проворно обезоружили стражников и вынули из руки королевы Ганондри маленький смертоносный кинжал.

Потом они отошли назад. Портоланус взмахнул талисманом, выводя королеву из внезапного оцепенения. Ее рука безвольно повисла.

— Конечно, ты была права, — вкрадчивым голосом сказал он. — Я бы никогда не позволил королеве Аниге-

ли отдать талисман тебе! Пока мы находились на борту корабля, твои меры предосторожности связывали мне руки! Но теперь маскарад окончен... Ледо! Заходи!

Из внутренних покоев вышел юный король Ледавардис, он приблизился к бабке и равнодушно оглядел ее. Обеими руками он осторожно держал какой-то небольшой предмет.

— Ты много умничала, королева-регентша, — продолжал колдун, — и думала, что сможешь хитростью заманить меня в ловушку, из которой я не выберусь, не лишившись такого могущественного союзника, как Рэктам. Ты рассудила, что являешься неуязвимой для меня из-за того, что правишь Рэктамом. Ты думала, любой выпад против тебя, особенно сделанный подозрительным чужестранцем, будет расценен твоим народом как угроза самому Рэктаму. А я, и ты правильно это заметила, нуждаюсь в добрых отношениях с Рэктамом. Но, госпожа, зачем мне твое хорошее отношение, если ко мне замечательно отнесется... он! — Портоланус указал на Ледавардиса. — А у него есть веские причины ненавидеть тебя!

Зеленые глаза королевы метнулись от безжалостного лица внука к улыбающейся физиономии колдуна и снова остановились на Ледавардисе.

— Ты не посмеешь убить меня!

Портоланус кивнул:

— Это верно. Я не посмею ни сослать тебя, ни запереть в темнице. К счастью, обычаи вашего пиратского государства подсказали мне, как решить проблему. У них, — колдун указал на все еще парализованных стражников, — сохраняется ясность сознания. Я приглашаю их посмотреть на то, что сейчас произойдет, и хорошенько все запомнить.

Колдун кивнул юному королю, и тот подошел к бабке и показал ей маленькую золотую коробочку. С величайшей осторожностью он отодвинул плотно закрытую крышку. В коробочке оказалась красивая золотая сеть с крупными ячейками. Ганондри заглянула внутрь и тоненько взвизгнула от ужаса. Ее лицо стало пепельно-серым. Отвернувшись от нее, король Ледавардис показал

содержимое коробочки застывшим, как изваяния, стражникам.

Со дна коробочки поднималось что-то маленькое, темное, покрытое слизью. Потом из ячейки золотой сетки молниеносно выскочил наружу крохотный отросток наподобие щупальца с двумя иголочками-шипами на конце. С этого раздвоенного жала свисали, поблескивая как алмазы, две прозрачные капельки яда.

— Твои слуги знают, что это такое, — сказал юный горбатый монарх. — В древние времена, когда кто-то из корсаров обвинялся в предательстве своих товарищей, ему предлагали выбор: он мог признать свою вину и покончить самоубийством или испытать судьбу, отдавшись на суд Жалящего Убийцы. Иногда Жалящий Убийца признавал преступника невиновным.

— Нет! — прошептала Ганондри. — Ты... ты не можешь сделать это со своей плотью и кровью.

— Королева-регентша, — сказал юноша, — я обвиняю тебя в том, что ты лишила меня принадлежащего мне по праву трона. Я обвиняю тебя в том, что ты провозгласила меня слабоумным и взяла власть в свои руки. Я обвиняю тебя в том, что ты заключила в тюрьму, пытала и убила почти триста человек, оставшихся преданными мне... А теперь тебя будут судить.

Он схватил королеву за правое запястье и перевернул коробочку, прижав золотую сетку к тыльной стороне ее руки.

— Пусть Жалящий Убийца рассудит, виновна ты или нет, согласно древней традиции Рэктама. Я считаю до трех. Раз...

Стало очень тихо.

— Два...

Зрачки глаз Ганондри так расширились, что глаза из изумрудно-зеленых превратились в черные. Она не пыталась сопротивляться.

— Три.

Ганондри издала жуткий вопль — так ревет зверь, которого сжигают живьем. Когда Ледавардис отнял коробочку, все увидели, что на коже появились две крошеч-

ные ранки. Кожа вокруг них тут же стала фиолетовой, потом почернела. Яд потек к пальцам, и выше по руке. Ганондри упала на пол и начала биться в судорогах. Вокруг нее волнами легли шелковое платье и пелерина. Глаза ее медленно закатились, морщинистые веки дрогнули и опустились. Неповрежденная рука стала такого же черного цвета, что и ужаленная, ужасная чернота залила шею и лицо. Но к этому времени королева-регентша Ганондри уже не дышала.

Сдавленные восклицания вырвались у нескольких солдат дворцовой стражи. Король Ледавардис крепко запер крышку золотой коробочки и положил ее в поясной мешочек. Потом кивнул Портоланусу.

— Граждане Рэктама, — запел колдун, — я освобождаю вас от пут, которые сделали ваши тела неподвижными.

Капитан и двадцать его солдат застонали, стали топтаться на месте и растирать занемевшие конечности.

— Помните то, что вы видели! — сказал Ледавардис. — А теперь, капитан, унесите тело и прикажите фрейлинам бывшей королевы подготовить его к погребению. Похороны будут очень скромными, еще более скромной будет коронация.

— Да, великий король!

И капитан ушел вместе со стражниками.

— Ты изменил свою уродливую внешность на более приятную, Портоланус. Смее ли я надеяться, что ты таким же образом изменишь мое жалкое тело?

— Это мой настоящий облик, — сказал колдун. — Препятствие было нужно для того, чтобы мои враги меня недооценивали. Мне очень жаль, но я вынужден признаться, что не настолько силен в магии, чтобы изменить вашу внешность, великий король. Но вы крепки и сильны, и, если пожелаете, я могу создать для вас иллюзию красавца мужчины.

Ледавардис, отказываясь, махнул рукой:

— Нет. Я не буду носить маску. Пусть люди примут меня таким, какой я есть.

— Вы утвердите первоначальный договор, подписанный Тузаменом и Рэктамом? — мягко спросил колдун. —

Ганондри пыталась навязать новые условия, изменить саму суть договора, на который я так надеялся. Теперь я предлагаю его вам: вы будете править всеми народами Полуострова и Южного моря, но дела, связанные с магией, предоставите мне.

— В том числе и талисман Анигели?

— Да. А со временем и талисман Великой Волшебницы Харамис. В свою очередь, я клянусь всеми Силами Тьмы, которым служу, что никогда не причиню вам вреда с помощью магии, наоборот, буду помогать вам добиваться цели, исполнять все ваши желания, которые покажутся мне законными.

— Но превосходство будет на вашей стороне,— тихо проговорил юноша-король.

— Да. Но об этом знают только три моих Голоса и я сам. Это небольшая цена. Я не буду заниматься такими вещами, как королевское правление и торговля, не буду ни во что вмешиваться, пока над землей сияют Три Луны. Я буду советником и покровителем, а не тираном.

Ледавардис кивнул:

— Хорошо. Я принимаю ваше предложение.

Колдун достал Трехвекий Горящий Глаз и протянул его королю:

— Давайте скрепим наш договор этим талисманом... Вы можете дотронуться до него, чтобы подтвердить данное вами слово.

Ледавардис недоверчиво нахмурился, но тем не менее протянул руку и на секунду прикоснулся к холодным темным векам талисмана.

— Ну вот! Я сделал это.— Он с облегчением улыбнулся.— Подозреваю, что, если я нарушу клятву, талисман убьет меня.

Красавец колдун рассмеялся:

— Скажем иначе: в Жаляшем Убийце не будет нужды! А теперь давайте займемся более приятными вещами. Как вы думаете, где могла прятать Ганондри корону бывшего короля — вашего отца? Вы ведь наденете ее во время первой официальной встречи с дружественной вам правящей королевой?

— Кто эта королева? — спросил Ледавардис.

— Анигель из Лабровенды, — ответил колдун. — С помощью волшебного ветра мы пригоним ее медлительную флотилию к Франгину за три дня. Вы можете снизойти до встречи с ней и передать ей мужа в обмен на талисман... И тогда нам ничто не помешает отнять у них их страну.

Глава 20

Первым с трапа лабровендского флагмана спустился дорок Шики, он нес алое знамя Двух Тронов. За ним шла королева Анигель, облаченная в тот же наряд, что был на ней во время коронационных торжеств в Зиноре. На ее золотых волосах покоилась восхитительная корона Рувенды. Следом за королевой шествовали маршал Ованон и камергер Пенат в сопровождении телохранителей в тяжелых доспехах и с мечами. Далее, одетые в черное, шли советник Лампиар и леди Эллинис. Позади тянулась длинная процессия придворных и знати, которые вместе с королевой совершали злополучное путешествие на зинорскую коронацию. Все они были в черных плащах и шляпах с траурными перьями.

День выдался на редкость угрюмый, по небу плыли свинцовые тучи, ледяной ветер обрушивал на мол тяжелые серые волны и взвихривал снежную пыль. Времена года окончательно перепутались, но жителей Франгина, казалось, это ничуть не заботило. Они забили набережную и все аллеи, ведущие к пристани, и молча главели на мрачную процессию.

Недалеко от причала на небольшом возвышении под навесом гостей ожидали король Ледавардис и его придворные. Анигель отказалась посетить франгинский дворец. Пусть то, чему суждено свершиться, произойдет под открытым небом. Ледавардис сидел на троне в окружении рыцарей-пиратов, вооруженных мечами, со свирепыми ухмыляющимися лицами. Чуть поодаль стояли воины-телохранители с копьями и алебардами, готовые, если понадобится, вступить в схватку. Ледавардис был

одет по-зимнему, на голове его сияла тяжелая, усыпанная бриллиантами корона. Скипетр был украшен так называемым Сердцем Зото — алмазом величиной с кулак взрослого человека, который пятьсот лет назад был украден из королевского дома Лаборнока.

По правую руку от монарха находился Хозяин Тузаме-на, одетый в белоснежные одежды, отороченные мехом; капюшон был опущен так низко на глаза, что почти закрывал лицо. Слева от короля стоял адмирал Джерот — в костюме, на котором сверкали знаки отличия премьер-министра. Вся площадь была заполнена неряшливыми рэктамцами. Ветер развеивал сотни роскошных знамен. Пока лавровендцы спускались по трапу и шли по грязной булыжной мостовой к возвышению, никто не проронил ни звука.

Когда Шики со знаменем встал в стороне, а королева Анигель приблизилась к трону, затрубили трубы. Ледавардис поднялся, важно кивнул, и Анигель ответно склонила голову в приветствии.

— Я приехала выкупить мужа и сына,— сказала она безо всякого вступления.

— Твой талисман! — скомандовал из-под капюшона колдун.

Она не снизошла до взгляда в его сторону, продолжая смотреть на бледного Ледавардиса, по лицу которого, несмотря на ледяной ветер, стекал пот.

— Выкуп будет вручен вам, царственный собрат, когда те, кого я люблю, будут стоять рядом со мной.

— Конечно.

Король сделал величественный жест, и толпа вооруженных людей справа от помоста расступилась. Анигель не смогла сдержать жалобного восклицания, когда ее глазам предстала богато украшенная золоченая клетка. Капитан дворцовой стражи отодвинул засов и почтительно поклонился, когда из клетки в сопровождении маленького Толивара вышел король Антар. На обоих были превосходные костюмы и плащи из чудесного золотистого меха воррамов. Поверх перчаток поблескивали наручники, соединенные цепями из платины.

Лицо Антара было мрачно. Толо поскуливал. Капитан дворцовой стражи подвел отца с сыном к трону и вручил королю платиновый ключик.

Тот протянул ключик Анигели:

— Мадам, вы можете освободить пленников.

— Талисман! — рявкнул колдун.

Ледавардис, казалось, не слышал его. Анигель не двигалась, пристально всматриваясь в лицо мужа, так что юный король сам снял наручники сначала с Антара, потом с его сына.

— Идите. Вы свободны.

Король Лабровенды взял обнаженную безжизненную руку жены, запечатлел на ней нежный поцелуй, а потом встал рядом со своим старым другом маршалом Ованом.

Анигель сняла с запястья небольшую позолоченную сумочку и открыла ее. Она достала тонкую серебряную диадему, называемую Трехглавым Чудовищем, и дрожащей рукой протянула ее Ледавардису. Не успел Ледавардис дотронуться до нее, как колдун сделал три больших шага вперед:

— Ледо! Берегись! Она может приказать убить тебя!

Анигель устало покачала головой:

— Талисман не причинит ему никакого вреда.

Из-за трона выскочил Черный Голос со Звездным Сундуком. Ухмыляясь, он поставил сундук к ногам Анигели и открыл его. Колдун сказал:

— Мадам, положите сюда талисман.

Анигель встала на колени на утоптаный снег и опустила талисман. Последовала ослепительная вспышка света: юный король вскрикнул и отшатнулся, воины завопили и побросали оружие, толпа рэктамских зевак с проклятиями и криками ужаса бросилась врассыпную. Анигель отошла назад с равнодушным видом:

— Не бойтесь!

Волшебник бросился к сундуку и сделал несколько движений пальцами. Через минуту он поднялся на ноги, откинул капюшон, прикрепил волшебную диадему на голову и вытащил из-за ремня Трехвекий Горящий Глаз. Теперь

у него не было бороды, ветер развеивал его длинные белые волосы. Лицо его хранило следы тяжелой внутренней работы, но было прекрасно. Коронованный талисманом Анигели, держа в руке талисман Кадии, он казался окутанным ореолом могущества и силы. И в этот момент королева наконец-то узнала в нем старого врага, который чуть не погубил ее и сестер в ранней юности.

— Орогастус! — вскрикнула она. — Значит, это все-таки ты! О, самый отпетый негодяй! Да покарают тебя Владыки воздуха за то, что ты украл два талисмана!

Колдун с издевкой улыбнулся пораженной королеве. На диадеме в том месте, где раньше мерцал янтарный Триллиум, теперь сверкала серебристая звезда со множеством лучей.

— Украл? Нет, вы несправедливы ко мне, мадам. Первый талисман принадлежит мне по праву — я нашел его и спас, а другой вы добровольно передали мне в качестве выкупа — в соответствии с законами великого Рэктама! К тому же у вас есть утешение. Разожмите ладонь! К вам вернулись не только муж и сын!

Анигель молча взглянула на мерцающий на ладони амулет. В сердце янтарной капли светился крошечный алый бутон.

— Передайте своей сестре Харамис, что пришла очередь ее талисмана, — улыбаясь, проговорил Орогастус. — А теперь и вам, и вашей свите не мешало бы поспешить в Дероргуилу. Эта метель скоро сменится отличным северным ветром, который домчит вас до дома... Пошли, Толо.

Он повернулся. Грустное лицо маленького принца при этих словах просияло.

— Неужели, Хозяин? Вы разрешаете мне остаться с вами?

— Если хочешь, — сказал колдун, оглядываясь.

— Хочу!

— Толо, нет! — воскликнула королева

— Не хочешь ли ты понести мой Звездный Сундук? — спросил мальчика Орогастус, не обращая внимания на помрачневшее лицо Черного Голоса.

— О да!

Маленький принц выхватил сундук из рук разгневанного помощника колдуна и поднял его, как трофей, на глазах у изумленной публики.

— Толо! — Теперь Анигель плакала не таясь. — Я не разрешаю тебе идти с этим ужасным человеком! Как ты можешь даже думать об этом? Иди ко мне, мой бедный малыш!

Принц Толивар, стоя рядом с высоким колдуном, молча смотрел на нее сквозь мутную пелену падающего снега.

— Ребенок может делать то, что хочет, — заявил король Ледавардис. — Он имеет право на выбор.

— Антар! — беспомощно крикнула Анигель. — Скажи своему сыну!

— Я говорил.

На лице короля Лабровенды не было и тени надежды. Его жена поняла наконец ужасную правду и начала терять сознание. Король взял ее под руку, маршал Ованон подхватил с другой стороны.

— Пойдем, милая. Мы бессильны.

Пока они шли обратно к кораблю, королева Анигель не проронила ни слова. Слезы струились по ее лицу. За ней, королем и маршалом тянулась невеселая свита.

Через полчаса они были уже далеко от берега. Вольнонаемные гребцы Лабровенды налегли на весла, и корабли вышли в открытое море, пустившись в плавание к дому.

Глава 21

Прозрачные лучи, напоминавшие северное сияние, заполняли воображение Харамис. Ей казалось, что день за днем она не переставая вызывала в своем воображении эти лучистые призраки, пытаясь создать из них конкретные вещи, как подсказывала Великая Волшебница Моря. Харамис приказывала появиться крошечному кристаллическому дворцу — и он появлялся и на ее глазах становился фактом материального мира. Затем она уничтожала его и приказывала светлым лучам обрести форму оседланно-

го коня — и перед ней из пустоты вырисовывался прозрачный призрак животного, отливающего всеми цветами радуги. Постепенно его наполняла живая теплая плоть, он смотрел на нее с комичным изумлением и позвякивал удилами, пока она опять не превращала его в пустоту, из которой он выткался. Харамис создавала предмет за предметом, местность за местностью и наконец достигла такого уровня мастерства, что Трехкрылый Диск стал переносить ее в любую точку материка в мгновение ока. Но Ириана разрешала своей ученице путешествовать только в глухие, необитаемые уголки мира, ничем не обнаруживая себя. Уроки, выполняемые Харамис, были сложными, и нельзя было допустить, чтобы волшебство разрушилось при виде знакомых мест или людей.

В самом начале этой части тренировок Харамис создавала кристаллические предметы и пейзажи столь неумело, что они так и не превращались в явления реального мира. Но вскоре под руководством Ирианы она научилась управлять волшебной созидающей силой, и, если бы не собственная неуверенность, ее вполне можно было считать истинной хозяйкой талисмана.

— Ты еще далека от подлинного мастерства, — звучал безжалостный голос Ирианы. — Но ты уже не тот невежественный новичок, каким была, когда впервые появилась в моем айсберге! Будь осторожна, не задирай нос, зря не рискуй, и ты с честью выйдешь из любого испытания!

— Надеюсь, — стараясь казаться смиренной, отвечала Харамис.

Восхитительная палитра светящихся красок стала бледнеть. Харамис оказалась в крошечной тьме, а потом обнаружила, что находится в комнате медитаций в обычной коленопреклоненной позе. Коленки ее побаливали. Великая Волшебница Моря поднялась со стула, потянулась и зевнула:

— Ох, как я устала, дитя мое, как проголодалась. Давай пойдем поужинаем. Сегодня у нас будет тушеная рыба, только что доставленная с Зеленых Топей твоей ро-

дины, и блинчики с ягодами, вкус которых ты хорошо знаешь. Ужин будет превосходный.

Харамис с трудом поднялась на ноги и завернулась в белое одеяние Великой Волшебницы:

— Боюсь, что не смогу плотно поесть. Я слишком устала. Могу думать только о сне! Если бы вы не были такой строгой наставницей и позволяли подольше понежиться в постели...

— Сегодня ты можешь спать сколько хочешь. Твое обучение закончено.

Харамис недоверчиво охнула:

— Но я еще не до конца овладела высшей магией!

Ириана махнула рукой и повела свою ученицу в один из прозрачных тоннелей-коридоров.

— Ты прожила у меня уже тридцать дней. Больше я не могу тебя ничему научить. И с талисманом, и без него ты стала более искусной волшебницей, чем я, остальному научишься со временем.

— Разве так бывает?

— Верь мне. — На круглом добродушном лице Ирианы с прозрачной голубоватой кожей блеснула загадочная улыбка.

Женщины спустились по мерцающему коридору и вошли в уютный полумрак комнаты с живой картиной морской жизни.

— Со времен Исчезнувших, — продолжала Ириана, — никто, кроме тебя, не владел частью Скипетра Власти и не знал так много о его использовании. Исчезнувшие боялись талисмана, но тебе нечего бояться. Правда, теперь на тебе лежит огромная ответственность — ты обладаешь достаточной волшебной силой, чтобы восстановить равновесие мира и помешать употребить две другие части Скипетра во зло.

Харамис старалась справиться с охватившим ее волнением. Пока Ириана ходила за едой, которая готовилась каким-то таинственным способом, она села за обеденный столик. Но когда Великая Волшебница Моря вернулась с полными тарелками, Харамис почти не притронулась к ужину.

— Дело не только в том, что я устала, — призналась она в ответ на замечание Ирианы. — Меня мучают дурные предчувствия... Вы позволите мне поговорить с сестрами?

— Теперь тебе не надо спрашивать у меня разрешения, Великая Волшебница Земли. — Ириана говорила торжественным голосом. — Но я отвечу на тот вопрос, который терзает твое сердце. Да, талисман, называемый Трехглавым Чудовищем, отдан в качестве выкупа за короля Антара. Теперь он стал собственностью колдуна Орогастуса.

— О Боже, как я боялась этого! Почему вы не сказали мне раньше? Я могла бы остановить ее!

Ириана невозмутимо жевала блинчик с ягодами:

— Ты бы ее не остановила. А прерывать тебя в кульминационный момент обучения было бы непростительной ошибкой — стоило нарушить твое сосредоточение, и все бы пошло прахом. Ведь ты только-только становилась настоящей волшебницей!

Харамис, не в силах сдержать беспокойство, вскочила на ноги:

— Но если у Орогастуса два талисмана, а у меня только один, разве он не будет обладать преимуществом передо мной?

— Только в том случае, если научится пользоваться ими так же мастерски, как ты научилась пользоваться своим. А кроме того, твой Трехкрылый Диск в Скипетре самый главный, я уже говорила об этом.

— Обе мои сестры могли бы с помощью своих талисманов убивать, но, мне кажется, убийство пирата было непреднамеренным, случайным, оно являлось выражением человеческой воли. Наверное, Орогастус тоже может убить кого-нибудь случайно. Но способен ли он намеренно уничтожить меня?

Ириана покачала головой:

— Ему не хватит познаний в магии, чтобы умертвить тебя с помощью даже двух талисманов.

— А... а у меня хватит могущества убить его?

— Ни один Великий Волшебник не может предать смерти живое существо преднамеренно. Я не знаю, удаст-

ся ли тебе уничтожить его косвенным путем. Такой информации в моих книгах не содержится. Исчезнувшие относились к подобным вещам очень осторожно. Денби говорит, что и он ничего об этом не знает, но, вполне возможно, он лукавит. Узнать что-то ты можешь только в одном месте — в Краю Знаний, где у Исчезнувших был самый знаменитый Университет. Люди Звезды пытались разрушить его своим ужасным оружием незадолго до того, как великому Варкуру удалось прогнать их. Те здания, что находились на поверхности земли, были уничтожены, но сохранился подземный лабиринт, который и сейчас охраняется существами, называемыми синдонами.

— Мне известно о них и о Крае Знаний. Кадия получила свой талисман именно там, и когда я последний раз разговаривала с ней, она как раз направлялась туда. Там есть синдона, которую называют Учительницей...

Ириана кивнула:

— Сходи к ней. Может быть, она расскажет тебе что-нибудь о Скипетре. Именно синдонам двенадцать тысяч лет назад было поручено разъединить его и хранить все три части. Так как они лишены плоти и крови, никто не опасался, что они попытаются завладеть талисманами или употреблять свои знания о них во зло.

Харамис задрожала и плотнее закуталась в белый плащ:

— Ириана, а как вы отнесетесь к тому, что я отправлюсь в Край Знаний немедленно?

Великая Волшебница Моря вытерла губы салфеткой из голубого шелка и поднялась.

— Конечно, отправляйся, дитя мое. Но ты должна взять кое-что с собой.— Она подошла к рабочему столу, стоящему в углу комнаты.— Помнишь, я рассказывала, как Орогастусу удалось избежать смерти и попасть в Недосягаемый Кимилон?

— С помощью какого-то приспособления под названием Синошур.

— Правильно! Вот оно.

Великая Волшебница покопалась в грудe странных предметов на столе и достала шестиугольник шириной в

пол-эlsa, сделанный из темного металла. В середине его светилась маленькая звездочка со множеством лучей.

— Я похитила его из Кимилона, пока Орогастус был без сознания. Он даже не подозревает о его существовании. Я хранила Синошур здесь, чтобы никто не мог использовать его в бесчестных целях.

Харамис недоуменно смотрела на нее.

— Вы хотите сказать, чтобы Орогастус с его помощью сбежал из Недосягаемого Кимилона?

— Нет... нет... ладно, не обращай внимания! — Ириана почему-то разволновалась. — Напоминаю, как он действует: если кому-то из Людей Звезды угрожает опасность того, что Скипетр Власти обратит злые чары против них самих — а именно таким путем Скипетр Власти убивает, — Синошур вынесет намеченную жертву из волшебного пламени и спасет ей жизнь.

Волшебница Моря вручила тонкую шестиугольную пластинку Харамис.

— Но что мне делать с ним? — спросила заинтригованная Харамис.

— Для начала спрячь от Орогастуса, — сказала Ириана. — Если он когда-нибудь доберется до Синошура и узнает принцип его действия, то станет неуязвимым! Возможно, Учительница знает какое-нибудь безопасное место для хранения шестиугольника. В любом случае, теперь ты отвечаешь за Синошур и должна позаботиться о нем.

— А не лучше ли просто-напросто уничтожить его?

— Попробуй, — посоветовала Голубая Дама. — Я пыталась, но у меня ничего не вышло! Может быть, тебе, с твоим волшебным талисманом, повезет больше!

Харамис дала команду, чтобы Синошур растворился в воздухе. Он остался невредим. Тогда она представила, как Синошур превращается в подобие кристалла и рассыпается в светящуюся пыль. Но шестиугольник завис в голубоватом полумраке и не подумал распадаться. Харамис попыталась уничтожить его и так и этак, но волшебная вещица не подчинялась. В ее центре по-прежнему сияла крошечная звездочка.

— Ты видишь? — Ириана пожала плечами. — Эта звездная эмблема оказывает мощное сопротивление. Тебе придется поломать голову, как обезвредить его.

Харамис со вздохом взяла шестиугольник в руки:

— Может быть, Учительница из Края Знаний даст хороший совет... А теперь мне нужно идти.

Две женщины: одна — высокая, черноволосая, одетая в белое; другая — маленькая, круглая, в небесно-лазурном наряде, — молча смотрели друг на друга. Потом Ириана притянула Харамис к себе и поцеловала в лоб.

— Не забывай меня, милая Харамис, Великая Волшебница Земли. Я всегда буду твоей подругой и единомышленницей. Если зайдешь в тупик, позови меня, и я, чем могу, помогу.

— Спасибо за то, что вы уже сделали для меня. — Харамис обняла Голубую Даму. — Надеюсь, наша следующая встреча произойдет в лучшие времена.

Зажав в левой руке Синошур, она вышла. Правой рукой она держала талисман.

Ириана вздохнула и покачала головой. Потом позвала Гри-Гри, вернулась к столу и разделила с ним остававшиеся на тарелке блинчики.

Во время путешествия в пространстве Харамис постоянно слышала слабое позвякивание колокольчиков. Полет длился одно мгновение. Перед ее взором возникла картина, напоминающая скопление сверкающих алмазов; потом картина стала реальностью. Харамис очутилась в огромном ярко освещенном зале. Ее поразила царившая там тишина. Обернувшись, она увидела глубокий водоем, окруженный невысокой мраморной стеной. Пол был выложен металлическими голубыми плитками. Напротив бассейна находилась широкая мраморная лестница, ведущая вверх, к источнику света. По обе стороны каждой ступени стояли подобия статуй.

Синдоны...

Харамис подошла к ближайшей паре. Статуи оказались на целую голову выше нее, но во всем остальном были копиями мужчины и женщины, изготовленными неведомым

мастером. На их телах отсутствовали волосы, мышцы, родинки и поры. Они были совершенно гладкими, как отполированная слоновая кость. Темные глаза синдон напоминали камни в оправе, а внутри зрачков таилась золотая искорка — такие глаза, по-видимому, были у Исчезнувших. Во всяком случае, так решила Харамис. Их бледные бесстрастные лица затеняли величавые шлемы в виде корон с поднятым забралом. Кроме шлемов на них было еще по три ремня — два пересекали грудь, один — талию. На ремнях и шлемах красовались вставки с маленькими сверкающими чешуйками зеленого и голубого цвета самых разнообразных оттенков. С концов ремней свисала золотая бахрама.

Харамис дотронулась до одной из статуй талисманом, и губы синдоны тут же раздвинулись — она заговорила голосом, который скорее напоминал звучание нежного музыкального инструмента, чем человеческую речь.

— Добро пожаловать в Край Знаний, Великая Волшебница. Что угодно?

— Мне нужно поговорить с Учительницей, — ответила Харамис.

Синдона кивнула и, подняв руку, указала на ведущую вверх лестницу. Несмотря на этот жест, тело ее оставалось неподвижным, как камень, и Харамис еще раз восхитилась гениальностью ее творца.

— Учительница ожидает вас в саду наверху, Великая Волшебница, пожалуйста, пройдите туда.

— Спасибо, — сказала Харамис и стала медленно подниматься по высоким ступеням, внимательно оглядывая стоящие по обе стороны статуи.

Все они чем-то отличались друг от друга. Это были не машины и не существа из плоти и крови, а нечто совсем иное.

— Зачем вас сделали? — спросила она.

— Для служения, — ответили мелодичные голоса, прозвучавшие как хорошо сложенный хор. — Мы Стражники, Вестники и Хранители. Некоторые из нас могут учить, некоторые — утешать, а некоторые — лишать жизни, исполняя смертный приговор.

— Вы убиваете?

— Есть стражники, которые обладают этой способностью.

— Великий Боже! — пробормотала Харамис и убыстрила шаги.

Яркими мотыльками закружились в ее мозгу новые мысли. Не могут ли эти странные синдоны стать ее союзниками в борьбе со злым Орогастусом?

— Мы были созданы для борьбы со Звездой. — Казалось, синдона прочитала ее мысли. — В далекие времена многие из нас погибли, приняв на себя первый удар. Те синдоны, которые остались в живых, охраняют и защищают Край Знаний.

Харамис остановилась как вкопанная, новая идея озарила ее.

— А вы последуете за мной, если я прикажу еще раз защитить мир от новой угрозы со стороны Людей Звезды?

— Нам отдает приказы только вся Коллегия Великих Волшебников, — вздохнули неподвижные Стражники.

Идея умерла так же неожиданно, как и родилась, а вместе с ней исчезла и затеплившаяся надежда на победу. Вся Коллегия? Но ведь Великие Волшебники давно умерли! Ну что ж, это была всего лишь идея...

Наконец Харамис вышла на открытое пространство. Здесь было очень светло. Белые тропинки петляли между живописными цветущими клумбами, великолепными кустарниками, аккуратно подстриженными деревьями. Среди зеленых лужаек с пушистой травой были разбросаны небольшие пруды, сверкающие как драгоценные камни, из них били фонтаны и текли тоненькие ручейки, через которые были перекинuty изящные мостики из белого мрамора. Повсюду стояли скамейки — тоже из белого камня. Тут и там виднелись украшенные цветами волшебные гроты, садовые беседки и арки, увитые виноградными лозами. Одна из тропинок показалась Харамис особенно привлекательной, и она пошла по ней к чудесной беседке, легкую крышу которой поддерживали витые колонны. Вокруг росли кусты, усыпанные фиолетовыми, белыми и

ярко-розовыми цветами, наполнявшими воздух восхитительным ароматом.

Но здесь не было ни насекомых, ищущих нектар, ни птичек, поющих между ветвями, ни маленьких зверьков, снующих в траве в поисках аппетитных фруктов. Царящую тишину нарушали лишь журчание ручейков и фонтанов и шелест листьев, колеблемых ветерком. Харамис взглянула вверх, на небо, и не увидела ни одного облачка. Солнца тоже не было. Вдруг она вспомнила, что говорила Ириана: Край Знаний находится под землей.

— Неужели это реальность? — спросила она саму себя.

Она встала на колени, чтобы рассмотреть цветочную клумбу. Все цветы были удивительно красивы, но она не узнала ни одного. Силуэты деревьев тоже казались совершенно незнакомыми, даже трава была необычной на вид — пушистая и ровная, как ковер. Все известные Харамис травы стригли, и концы стебельков должны были быть острыми, а эта трава была гладкой и округлой.

— Приветствую тебя, Дочь Триединого.

Харамис оглянулась на звук голоса, который интонациями напоминал человеческий, и обнаружила, что к ней из садового домика идет какая-то женщина.

Женщина?.. Нет, не совсем. Да, у нее было женское телосложение, и одета она была в легкий, летящий наряд. Но ее лицо и обнаженные руки неестественно белого цвета, а на голову низко надвинут золотой шлем, имитирующий короткую прическу из завитых волос. Это была синдона — такая же, как и благородные Стражники.

— Я — Учительница, — сказала синдона. Черты ее лица оставались неподвижны, и тем не менее она явно улыбнулась. — Чем могу служить, Великая Волшебница Харамис? Если хочешь, пройдем в эту беседку, сядем в тенистой прохладе, и ты сможешь расспросить меня обо всем, о чем пожелаешь.

Харамис пошла за ней по тропинке. Внутри небольшой уютной беседки оказались мраморный столик и два легких кресла с мягкими сиденьями. На столике были приготовлены хрустальный графин с каким-то розовым напитком и простая глиняная чаша с шариками льда.

Учительница жестом пригласила гостью садиться, положила в стакан лед, наполнила до краев душистым напитком и протянула Харамис.

— Может быть, этот способ приготовления фруктового сока покажется тебе странным, но нашим прежним правителям, Исчезнувшим, очень нравился такой сок.

— Благодарю вас, Учительница.

Харамис сделала глоток. Лед дотронулся до губ, ощущение было непривычным, но тем не менее напиток, прохладный и ароматный, освежил ее. В голову пришла невольная мысль: когда она вернется домой, завершив свою миссию, надо будет поискать среди машин Исчезнувших в Пещере Черного Льда холодильную установку, которая делает лед.

Вспомнив о том, что сюда ее привела серьезная опасность, угрожающая спокойствию мира, Харамис взглянула в бесстрастное лицо Учительницы и начала задавать вопросы:

— Правда, что вас и ваших сородичей создали Исчезнувшие и что на самом деле вы неживые?

— Нас сделали члены древней Коллегии Великих Волшебников. Наша жизнь сильно отличается от жизни одушевленных существ, таких как люди или Народ. Мы не рождаем себе подобных, а когда умираем, наши души сливаются с теми синдонами, что еще живы. Я — живущая ныне Учительница, но внутри меня существуют двести предыдущих Учителей. Когда я умру, я перейду в Стражника, или Вестника, или Утешителя и буду разделять его обязанности. Так будет продолжаться до тех пор, пока жива хотя бы одна синдона. Когда умрет последняя, нашему существованию придет конец. Точно так же превращается в пепел последний уголек некогда огромного костра.

— А сколько... сколько Стражников осталось? — спросила Харамис.

— Триста двадцать один. Кроме того, семнадцать Слуг, двенадцать Носильщиков, пять Вестников и два Утешителя. Но Утешители связаны с Великим Волшебником

Небес, и им запрещено общаться с Великими Волшебниками Земли и Моря без его разрешения.

— Великий Волшебник Небес! — воскликнула, заинтересовавшись, Харамис. — Что вы можете рассказать о нем? Моя подруга Великая Волшебница Моря называет его Денби и говорит, что он очень замкнут, его мало интересуют земные проблемы. Но мне кажется, что, если он настоящий Великий Волшебник, он просто обязан направлять человечество и давать ему советы. Если я разыщу его, он окажет мне помощь?

— Не знаю. Я не могу ничего рассказать тебе о нем без его ведома... Он не одобряет этого. В настоящее время он не расположен вмешиваться в земные и морские дела. Во всяком случае, он так говорит.

Харамис пристально посмотрела на Учительницу:

— Вы только что спрашивали его об этом?

— Да.

Харамис беззвучно охнула. Еще одна надежда растаяла! Значит, нет никого, кто бы вместе с ней дал бой Орогастусу?

— Есть, есть, — неожиданно ответила Учительница. — Люди и Народ, синдоны и Великие Волшебницы, растения и животные, воздух и вода, скалы и небесные светила — все откликнется на твой зов о помощи, если он будет верно сформулирован и прозвучит своевременно.

— А вы можете научить меня, как позвать их на помощь?

— Очень жаль, но этому ты должна научиться сама. Твой талисман должен просветить тебя.

— Понятно. — Харамис почти не дышала от отчаяния, но тем не менее не отступалась и продолжала задавать вопросы: — Скажите мне, пожалуйста, есть ли у Орогастуса преимущество передо мной? Ведь он обладает двумя талисманами, составляющими Скипетр Власти, а у меня — только один.

— У Орогастуса нет никакого преимущества, если не считать его природный талант.

Все начиналось сызнова. Харамис воскликнула:

— Вы хотите сказать, он умнее меня?

— Не то чтобы умнее. Конечно, он мудр и опытен, он может думать хладнокровно и более логично, так как целиком посвятил себя служению Силам Тьмы. Но у тебя, о Великая Волшебница Земли, возможности гораздо более широкие, так как ты — дочь Триединого!

— Мои сестры... Их цветки стали кроваво-красными...

— Когда бутоны в их амулетах опять станут черными, они снова обретут способность совершать великие благородные поступки. И тогда они присоединятся к тебе, и вы снова будете дочерьми Триединого — Лепестками Животворящего Триллиума. Пока этого не произойдет, они низведены до уровня непосвященных.

Харамис кивнула:

— Значит, мы с Орогастусом равны в волшебном могуществе?

— Это не совсем так. Мир будет лихорадить по-прежнему, пока две части Триединого Скипетра служат Звезде, а одна — Цветку, пока незаконно захваченные Орогастусом талисманы не будут изъяты у него и пока Три Лепестка Животворящего Триллиума не обратят Силы Тьмы против него самого.

— Но как же это сделать?

— Я ничего не могу посоветовать тебе. Многое зависит от простых случайностей. Подозреваю, однако, что исполнить это можно с помощью не высшей магии, а обычных человеческих поступков.

— Значит, вы не можете помочь мне одолеть Орогастуса? — взмолилась Харамис. — Разве нельзя каким-то образом отвратить его от Сил Тьмы?

— Любовь допустима, — загадочно проговорила Учительница. — Недопустимо увлечение. Что же касается его, ничего не могу сказать. Он — Человек Звезды, его предшественники были непоколебимы в служении злой смерти. Сердце Орогастуса — для меня загадка.

— И для меня, — пробормотала Харамис. — Как и мое собственное. Да поможет мне Бог! — Тут она резко остановилась, задушив опасный порыв жалости к себе, который мог отвлечь ее от цели. Она опять стала спокойной и вернулась к теме разговора. — Учительница, когда я уй-

ду отсюда, моя сестра Анигель обязательно попросит у меня помощи, попросит защитить ее страну от отвратительных захватчиков. Мне уже известно, что в скором времени из Рэктама для боевых действий будет отправлен огромный флот. Орогастус и король Ледавардис планируют напасть на северную столицу Лабровенды. Я предупредила Анигель об этой опасности, и она умоляла силой магии защитить ее. Что лучше — немедленно отправиться к ней на помощь или целиком посвятить себя Орогастусу и талисманам?

— Твоя первая неотложная забота, — сказала женщина-синдона, — не Анигель, а Кадия, которая приходила сюда несколько дней назад посоветоваться, как помешать королеве отдать талисман. Когда я сказала Кадии, что расставание с талисманом и возвращение Антара — дело, решенное судьбой, она пришла в страшную ярость. Я посоветовала ей помириться с Анигелью и во всем помогать тебе. Но Кадия не послушалась моего совета. Теперь она направляется к селению аборигенов в верховьях реки Мутар. Когда она явится туда, она попытается собрать стойких маленьких уйзгу из Тернистого Ада и с Зеленых Топей. Еще она хочет заставить их вызвать ниссомов, вайвило и глисмаков, даже надеется, что к ней присоединятся отвратительные скритеки. Когда соберется огромное количество Народа, Кадия надеется захватить всю Рувенду и сделать ее страной аборигенов.

— Значит, она собирается воевать с людьми, живущими там? — Харамис пришла в ужас. — О нет! Не сейчас! Ведь Двум Тронам придется, с одной стороны, помогать Вару, а с другой — защищать себя от Рэктама и Тузамена...

— Кадия рассчитывает, что именно эта неустойчивая ситуация обеспечит ей легкую победу!

— Вот горячая голова! Мне кажется, ей следует прояснить мозги! А потом попытаться помочь Анигели и Антару... А потом уже заняться Орогастусом...

— Великая Волшебница, ты все еще не понимаешь! Ты не сможешь ничего сделать с Орогастусом без Кадии и Анигели, в этой схватке они должны быть всей душой вместе с тобой!

— Именем Цветка, мне следовало бы знать это! — Харамис стиснула кулаки и опустила голову.

Капюшон сполз вниз и скрыл выражение мучительной боли, появившееся у нее на лице.

Их должно быть Трое. Они всегда должны быть заодно. Ни талисман, ни обретенное ею могущество Великой Волшебницы не победят Звезду — победит только Черный Триллиум.

Она овладела своими чувствами и снова встретилась с нечеловеческим терпеливым взглядом Учительницы.

— Благодарю вас. Теперь я знаю, что делать. Я немедленно отправляюсь к Кадии.

Она встала с кресла. От ее резкого движения из одежды выпал Синошур и, звеня, покатился по мраморному полу беседки. Харамис совершенно забыла о нем. Подняв его, она сказала:

— Вы, конечно, знаете, что это такое. Скажите, как мне уничтожить эту вещь?

— Ты не сумеешь сделать этого. И синдоны не смогут. Это может сделать или Совет Звезды, или вся Коллегия Великих Волшебников.

Опять поражение! Харамис сжала губы:

— Тогда скажите, как лучше спрятать его, чтобы Орогастус не смог им воспользоваться.

Впервые Учительница замешкалась перед тем, как ответить.

— Если ты опустишь его на морское дно, или заброшишь в действующий вулкан, или положишь в глубокую ледниковую расселину, тот, кто связан с Синошуром волшебными нитями, умрет, вместо того чтобы спастись.

Харамис почувствовала, что горло ее сжалось.

— Я надеялась, что вы знаете, в какое место положить Синошур, чтобы колдун был перенесен туда живым. Может быть, именно здесь, где по-прежнему сильна магия, Стражники смогут охранять это и не позволят ему сбежать.

И опять Учительница заколебалась. Потом сказала:

— Есть одно подходящее место. Следуй за мной.

Она быстро пошла по одной из тропинок. Сжимая в руке шестиугольник, Харамис почти бежала за ней. Они

приблизились к деревьям с бледно-зелеными листьями, их ветви образовывали навес. Под ним находился небольшой каменный холм, заросший тенелюбивыми экзотическими растениями с цветами причудливой формы и так интенсивно окрашенными, что их ярко-зеленый цвет казался зловещим.

За холмом в земле была нора, окруженная большими белыми валунами.

Учительница указала на нее:

— Это Каменный Мешок. Отверстие ведет в глубокую шахту с отвесными, гладкими, как стекло, стенами. Темница построена с помощью самой могущественной магии Края Знаний. Во время войны между Людьюми Звезды и нашими исчезнувшими правителями часть пленников была заключена Коллегией Великих Волшебников в пещеру, находящуюся на дне этого колодца. Там они ожидали суда, который или выносил им смертный приговор, исполненный Стражниками, или присуждал к тюремному заключению в другом месте.

— Это как раз то, что нужно! — выдохнула Харамис. — Там можно будет содержать Орогастуса?

— Если лишить его двух талисманов, то можно. Конечно, он будет жить там под охраной нашей стражи.

— Я осмотрю это место, — сказала Харамис, — и если оно покажется мне подходящим, оставлю Синошур там.

Учительница кивнула:

— У тебя еще есть ко мне вопросы, Великая Волшебница?

Харамис жалобно улыbnулась:

— Только один. Я уже отчаялась получить на него ответ: что вселяет силы в Черный Триллиум и Триединый Скипетр — какая-то древняя наука или подлинная магия?

— Магия.

— Ах! А что такое магия?

— То, что придает реальной жизни красоту и дарит истину, то, что объединяет материю и дух.

— Я... я подумаю об этом, — сказала Харамис.

Она положила руку на грудь, так что пальцы ее коснулись жезла Трехкрылого Диска, висящего на цепочке.

Между серебряными лепестками ярко светилась черная лилия.

— Больше у меня нет к вам вопросов, во всяком случае сейчас. Спасибо за помощь, Учительница.

Женщина-синдона чинно поклонилась и, не сказав больше ни слова, повернулась и пошла по тропинке к деревьям.

Харамис обратилась к талисману:

— Перенеси меня на дно Каменного Мешка.

Зазвенел колокольчик. На мгновение перед глазами Харамис появилось уже знакомое кристаллическое видение, потом оно обрело реальные черты. Она стояла в большой пещере, довольно теплой и уютной. С каменного потолка свисали сталактиты, похожие на прозрачные сосульки и колонны, в центре была черная пустота, и где-то вдали, очень высоко, слабо мерцала светлая звездочка. Харамис тут же догадалась, что это и есть колодец, ведущий к поверхности, а слабо мерцающая звездочка — не что иное, как вход в Каменный Мешок.

Пещера освещалась темно-красным светом, источники которого располагались в укромных уголках. Харамис подошла к одной из светящихся щелей и заглянула внутрь. Она увидела еще один колодец, меньше и глубже, по дну его текла река раскаленной магмы. Харамис быстро обошла пещеру, обнаружив множество маленьких водоемов с теплой водой и причудливые сооружения из камня. Повсюду сохранились следы пребывания людей: покрытые черной сажей каменные ограждения, внутри которых явно жгли костры, чтобы приготовить пищу, разбитые глиняные кувшины и тарелки, масляные лампы, ветхие соломенные тюфяки и даже сгнившая книжка, которая рассыпалась в пыль, когда Харамис дотронулась до нее.

На одной из стен, более гладкой, чем остальные, каким-то острым предметом была нацарапана лучистая звезда.

Других следов заключенных, которые содержались здесь двенадцать тысяч лет назад, не осталось. Неужели кто-то из них закончил здесь свои дни? Харамис воспользовалась волшебным обзором и осмотрела все закоулки

пещеры. Само помещение было огромным, со множеством ниш и альковов — очевидно, у каждого пленника был свой собственный угол. Но ни костей, ни могильных надписей Харамис не обнаружила. Она поймала себя на том, что стала непроизвольно молиться за тех, кто жил и мучался в этой ужасной темнице — пусть даже они и заслужили столь страшную участь. И хотя ей было очень жаль тех давних страдальцев, их судьба напомнила ей о собственных бедах. Она была так одинока! Харамис стояла в мрачной темнице и молилась.

— О Боже, дай мне мудрости и сил победить Орогастуса! Я чуть не поддаюсь его чарам раньше, укрепи меня в решимости бороться с ним сейчас! Все еще люблю его, но я должна найти возможность разрушить его злые козни. Помоги мне!

Однако молитва оказалась бесполезной — она не принесла утешения. В глубине души Харамис сознавала, что помешать колдуну можно только двумя способами — или убить его, или навеки изгнать из мира. Она понимала также, что, будучи Великой Волшебницей, убить его она не сможет. Значит, придется упрятать его в это кошмарное узилище, по сравнению с которым Недосягаемый Кимилон был раем...

И тут в памяти возникли две картины из далекой юности: мать, королева Каланта, пронзенная мечом, ее кровь льется к ногам колдуна; и отец, король Крейн, расчлененный в собственном тронном зале по приказу того же злодея.

«Смогу ли я заточить Орогастуса здесь?»

— Да! — вслух сказала она и, нагнувшись, положила Синошур на пол пещеры.

Потом она стиснула талисман и приказала перенести себя к Кадии.

Глава 22

Волшебная игра в солдатиков была в самом разгаре. Армия принца Толивара в последней битве понесла серьезные потери, но он решительно и безжалостно бросил

ее в решающий прорыв. Защищавшие сокровище батальоны синих солдатиков задержались, побежали на тоненьких ножках, вытягивая вперед пик. Толо выстроил свои красные войска в форме клина и направил их в обход. Этот отчаянный маневр может спасти положение.

— Вперед, ребята! — подбадривал солдатиков принц, ударяя кулачком по коврику.

Он лег на живот, чтобы глаза были вровень с игрушечными бойцами.

Два войска сблизились. Началась рукопашная. В тех местах, где схватывалась пара противников, вспыхивали крошечные сигнальные огоньки. Одетые в красное воины падали под ударами пик синих. Когда их волшебные «жизни» прерывались, крошечные ножки подгибались, лица таяли, а круглые тельца катились в разные стороны, как бусинки. Синие солдатики тоже погибали, но перевес был явно на их стороне.

— Не останавливаться! — подбадривал Толо своих разгромленных воинов. — Не отступать! Или вы сейчас же захватите сокровище, или оно навсегда потеряно!

Доблестные остатки его армии сделали последнюю попытку.

Расстроенные ряды красного клина перегруппировались, хотя они были в кольце синих врагов. Клин двинулся вперед, теряя бойцов, его края совершенно лишились солдат, и к сокровищу тянулась тонкая струйка красного цвета. С трудом клин приблизился к цитадели, расположенной между тремя ножками стула возле очага: там в полумраке поблескивало сокровище. В живых осталось около двадцати красных. По команде Толо атакующие все быстрее и быстрее тыкали пиками. Голубые падают! Освободилось крошечное пространство!

— Ну! — закричал Толо.

Его жалкое войско кинулось вперед на подгибающихся ножках. Они нанесли врагу удар, в ярости уничтожая тех, кто осмеливался сопротивляться. В тылу бедные красные гибли один за другим, но первый ряд продолжал упорно наступать. Теперь от двадцати бойцов оставалось

пятеро самых стойких. До сокровища нужно было пройти путь длиной в две ладони.

— Вы уже почти у цели! — кричал Толо. — Вперед, вперед!

Еще двое красных упали. Оставшаяся в живых троица бешено орудовала пиками, и Толо любовался смертельными вспышками. Потом... О нет! Упал один красный, за ним второй. Последний герой сделал бросок... и его пика коснулась сокровища!

И тут же заплясал сумасшедший вихрь огоньков — сиие умирали и беспомощно скатывались с ковра. Воин-победитель моментально засветился, как раскаленный уголек — он устроился около сокровища, похожего на крупное золотое яйцо. Золотая скорлупа почти мгновенно поджарилась, с громким хрустом раскололась, и из нее выпал кусок ароматного мяса. Крошечное личико последнего оставшегося в живых красного солдатики улыбнулось командиру. Потом он тоже умер.

— Мы победили! — завопил Толо, подползая к аппетитному сокровищу. — Наконец-то мы выиграли! — Он положил в рот кусок горячего мяса и стал с наслаждением жевать. — Ну и что ты теперь скажешь, Желтый? Ведь ты говорил, что я никогда не доберусь до него!

Желтый Голос не отвечал. Он зашивал тяжелый белый сапог Орогастуса. В его обязанности входило также присматривать за принцем. Хозяин строго-настрого запретил оставлять ребенка одного. Кто знает, что взбредет в голову этим диким рэктамцам — они опять могут утащить мальчика и с его помощью разыграть какой-нибудь новый фарс. Трем Голосам было приказано также позаботиться о собственной безопасности: нигде не появляться без оружия и проверять, не отравлена ли пища, — до тех пор, пока они живут во франгинском дворце. Всегда нужно остерегаться вероломства. Ни они, ни сам Хозяин не будут в безопасности, пока не подойдут войска из Тузамена с волшебным оружием и не начнется война с Лабровендой.

Юный король Ледавардис оказался не таким стоворчивым, как думал Хозяин. Он уже не был тем молчали-

вым простофилей, что пикнуть не смел без своей бабки. Теперь он внушал все большее беспокойство, говорил, что будет сам контролировать пиратское войско и не отдаст его в грядущей войне под начало тузаменского генерала Зокумонуса, на чем настаивал Хозяин. Необходимо было выработать особую тактику, чтобы поставить Ледавардиса на место.

С какой радостью бы он разворошил весь этот гнилой муравейник с помощью...

— Отличная была игра, правда, Желтый? — не унимался принц Толивар.

— Если бы это была настоящая война, а не бой между глупыми игрушечными солдатыками, — мрачно сказал Голос, — ты бы потерпел страшное поражение! Ведь в живых у тебя остался всего один боец!

Принц собрал в коробку всех волшебных красных и голубых солдатиков и бросил в огонь яичную скорлупу.

— Ой ли? Что ты понимаешь? Хозяин сделал эту игру специально для меня! Задача принца — выигрывать сражение, а не... — Толо внезапно замолчал, глядя на приземистого бритоголового помощника колдуна в мятой шафрановой одежде.

— Если можно назвать выигрышем это жалкое представление, — проворчал Голос, втыкая огромную иглу с прочной нитью в подошву сапога.

Толо смотрел на него с хитрой улыбкой:

— Ты ревнуешь. Вот почему и ты и другие всегда потешаетесь надо мной.

— Не будь дурачком. — Желтый Голос сжал губы и со вздохом осмотрел свое рукоделие.

— Это ты дурачок! Вы все трое завидуете мне! Вам невыносима сама мысль о том, что Хозяин сделает своим наследником меня, а не одного из вас. — Мальчик вскочил на ноги, отряхнул коленки и разгладил руками костюмчик. — Сейчас же отведи меня к Портоланусу!

— Он занят. Он в библиотеке. Ему совсем ни к чему, чтобы рядом с ним хныкал капризный мальчишка.

Толо твердым голосом повторил:

— Отведи меня.

Устало вздохнув, Желтый Голос отложил в сторону работу, взял маленького принца за руку и вывел из просторной комнаты, в которой они оба жили. Библиотека находилась в другом конце громадного франгинского дворца, и помощник колдуна с мальчиком долго шли по длинным коридорам, сменявшим друг друга, и пересекали огромные гулкие залы. Повсюду они сталкивались со свирепыми пиратами и их грубыми женщинами, одетыми в крикливые пышные придворные наряды, — одни просто прохаживались, другие сплетничали, третьи, волнуясь, ждали аудиенции у важных лиц. Очень немногие были заняты настоящим делом. Проворные лакеи вытирали пыль с золоченой мебели и массивных рам великолепных картин, чистили роскошные ковры, вывезенные с островов Энджи, разжигали огонь в каминах и, так как приближался вечер, подливали масла в настенные светильники. Работали они бестолково, носясь по коридорам взад-вперед. Суровые стражники не спускали глаз с посетителей дворца, а когда мимо проходили Желтый Голос с мальчиком, крепче сжимали в огромных ручищах свои алебарды.

Наконец Толо с Голосом миновали просторное нежилое помещение — зал, заставленный варонианскими скульптурами и увешанный расшитыми жемчугом зинорскими коврами, — и вошли в простенькую комнатку с каменными стенами и двумя высокими дверями, обитыми железом. У дверей стоял вооруженный рэктамец. Рядом с ним на низенькой скамеечке, согнувшись пополам, сидел Черный Голос. Он читал какую-то потрепанную книжку.

Увидев визитеров, Черный приветственно вскинул бровь. Желтый Голос объявил:

— Принц Толивар желает поговорить с Хозяином.

— Скоро сюда придет лорд Осоркон, — ответил Черный, — так что мальчику следует поторопиться.

Толо посмотрел ему прямо в глаза.

— Я не отниму у него много времени. — Он повернулся к Желтому Голосу. — Ты можешь подождать меня здесь.

Желтый, сделав насмешливый поклон, потянул на себя дверь, и мальчик проскользнул внутрь.

В библиотеке было гулко, холодно, скучно. Покрытые паутиной старые лестницы вели к трем галереям, опоясывающим помещение. На верхних полках книги были поставлены очень плотно, на стеллажах посреди библиотеки — более свободно. По всему периметру комнаты стояли прочные столы и скамейки, на которых, за исключением одного, лежала многолетняя пыль. На единственном чистом столе горела мощная волшебная лампа колдуна, так как светильники, расположенные на мрачном высоком потолке, были весьма тусклы и в библиотеке было темно. Правда, сквозь узкие высокие окна сочились слабые лучи заходящего солнца, но этого было явно недостаточно, чтобы читать.

Орогастус нес к полкам три толстенных тома в одинаковых кожаных переплетах. Когда Толо вошел, он улыбнулся и поставил книги на место.

— Привет, малыш! Ты пришел помочь мне перерыть эту крысиную нору и найти здесь крупницы золота — что-нибудь из области магии? Тут такой беспорядок и запустение — пираты мало интересуются науками. Хотя, вполне возможно, они украли что-то ценное и не потрудились вернуть хорошие книги владельцам, поэтому порыться в этом хламе я считаю своим долгом. Пока я нашел только семь томиков, которые стоит вернуть в замок Тенеброза, но ни один из них не представляет особой ценности. Хочешь посмотреть, как я веду поиск? Я использую Трехвекий Горящий Глаз как лозоискатель. Ты знаешь, что такое лозоискатель?

— Это такой волшебный прут, с помощью которого ищут воду и редкие минералы, — вежливо ответил Толо.

— Точно.

Когда-то белая одежда колдуна почернела от пыли, на платиновых волосах висела паутина. Он пригласил мальчика к следующему стеллажу, потом вытащил из ножен талисман и указал им на ряды ветхих книг:

— Я велел Горящему Глазу выбирать из книг только те, где есть сведения о магии... вот так!

Он провел темным тупым мечом вдоль книжной полки. И тут же засветились ярким зеленым светом две кни-

ги — одна маленькая, в развалившемся от времени красном кожаном переплете, другая — огромная, с крепкими латунными застёжками.

— Ну? Видел? — Колдун спрятал талисман и взял в руки огромный том. — Я понесу этот, а ты возьми красную книжечку. Посмотрим, что присоветуют нам Силы Тьмы.

Мальчик гордо понес красный томик за Орогастусом. Колдун вытер обе книги грязной тряпкой, потом опять взялся за талисман. Он открыл большую книгу, приложил лезвие меча к странице и закрыл глаза.

— О талисман, Расскажи-ка мне вкратце содержание этой книги.

Толо не смог сдержать удивленного возгласа, когда услышал странный голос:

— Здесь содержатся песнопения и заклинания саборнианской ведьмы Аха Тулумы, взятой в плен на корабле этой страны восемьдесят лет назад. Книга написана на саборнианском языке. В основном содержит всякие мелочи из практики шаманов. Самые важные заклинания помогут одолеть засилье блох в одеждах из перьев, снимут чесоточный зуд под мышками, принесут удачу в охоте на птицу, накажут неверных любовников и лишат их возможности причинить вред бывшим партнерам.

Орогастус фыркнул и захлопнул пыльный переплет:

— Никуда не годится... если, конечно, ты не собираешься открыть торговую лавку в Стране Покрытых Перьями Варваров! Давай посмотрим твою книжку, Толо. Несмотря на ее невзрачный вид, может быть, нас ожидает сюрприз... Знаешь поговорку: «Не все то золото, что блестит?»

— Да, Хозяин.

Орогастус открыл попорченную обложку и посмотрел на полустертые позолоченные буквы.

— Язык, на котором говорит большинство человечества, но орфография старая. Значит, это на самом деле очень древняя книга... Хм... История войны. Интересно какой?

Он осторожно положил талисман на титульный лист и так же, как в прошлый раз, спросил о содержании книги.

— Здесь рассказывается история великой волшебной битвы Исчезнувших с Людьми Звезды, написанная через девятьсот лет после нее одним из потомков зачинателей конфликта, который пережил ледниковый период и обитал на Дымных островах...

— Довольно! — вскричал колдун. Его серебристо-голубые глаза расширились от волнения. Он схватил маленькую книжечку и стал с величайшей осторожностью перелистывать хрупкие страницы. — Да! О да! Редчайшая из редких, эта книга написана на территории самого Рэк-тама еще в те времена, когда страна не встала на путь пиратского разбоя. Это настоящее сокровище, Толо. Я прочитаю ее с огромным вниманием!

Маленький принц, который уже долгое время отчаянно боролся со скукой, оживленно воскликнул:

— А я тоже выиграл сегодня сокровище, Хозяин! В той военной игре, которую вы сделали для меня! Это была блестящая победа!

Орогастус рассеянно рассмеялся, изучая бледную страничку с оглавлением:

— Раньше, когда мои волшебные возможности были ограничены, я не мог создать такую игру. Но два талисмана научили меня делать подобные вещи в два счета! Конечно, это всего лишь детская игрушка.

— Желтый Голос высмеял мою победу, — печально сказал Толо. — Хозяин, он и другие Голоса ревнуют меня. Когда вас нет, они разговаривают со мной грубо, как с низшим существом, вместо того чтобы обращаться со мной как с принцем. Они очень переживают из-за того, что вы сделали меня своим наследником. Я уверен, они думали, будто кто-то из них станет следующим Хозяином Тузамена.

Орогастус разразился смехом и закрыл «Историю войны».

— Ах, вот как? Они сделали тебе что-нибудь плохое? Кроме того, что отказываются пресмыкаться перед тобой, несмотря на присутствие в тебе королевской крови?

Толо отвел глаза, теперь он был уже не рад, что разоткровенничался.

— Нет, но...

— А как ты обращаешься с моими помощниками? — Колдун стал серьезным. — Ты любезен с ними, как и подобает настоящему принцу в обращении с подчиненными, или же капризничаешь и задираешь нос? Ты понимаешь, что три Голоса — самые преданные мои друзья? Они спасли меня из заточения на Вечном Леднике, сразу откликнувшись на мой мысленный зов о помощи, они искренне ко мне привязаны и до сей минуты беззаветно мне служили. Большинство своих успехов я обязан именно им.

Принц взглянул на колдуна невинными голубыми глазами:

— Но ведь теперь-то у вас есть талисманы, и вам уже не так нужна их помощь. Я слышал, они говорили об этом между собой, не зная, что я подслушиваю.

Орогастус на мгновение нахмурился, но потом его лицо прояснилось, и он снова рассмеялся.

— Ты не понимаешь взрослых людей. Если хочешь сделать мне приятное, обращайся с Голосами как с любимыми старшими братьями. Будь вежлив и добр с ними, води себя скромно. И ты сразу увидишь, как изменятся их манеры.

— Как скажете, Хозяин, — вздохнул Толо. — И все-таки мне кажется...

— Делай, что я говорю! — В голосе колдуна не осталось и следа добродушия. — А теперь уходи. Попроси у Желтого Голоса карту Западного мира и хорошенько изучи ее — это займет у тебя весь вечер. Особенно внимательно отнесись к Рэктаму и соседним с ним берегам Лаборнока. Придумай, как бы ты подошел к ним, если бы командовал пиратской армадой. А завтра я позову тебя, и мы поиграем в эту игру вместе.

Принц просиял:

— Вторжение! Вот забавно!

Орогастус махнул рукой, выпроваживая его. Мальчик поклонился и послушно пошел к выходу. Дверь перед ним открылась сама собой — для этого Орогастусу не потребовались большие колдовские усилия. Когда мальчик ушел, колдун опять сел за стол и глубоко задумался.

Он и сам не знал, почему разрешил маленькому принцу остаться. В этом решении не было никакой логики. Связываться с ребенком означало подвергать себя определенной опасности. Но на корабле Толивар показался ему таким хрупким, таким неприкаянным, таким непохожим на крепких и уверенных в себе старших брата и сестру. К тому же мальчика вроде не очень волновала разлука с царственными родителями. Орогастус явно представлялся ему неким героем, и от самого ребенка исходило колдовское обаяние. Словом, маленькому принцу удалось задеть чувствительные струны в душе опытного и осторожного человека, привыкшего не доверять никому. Со времени первой встречи с Харамис тот ни разу не чувствовал себя таким растроганным, и поступок его был явно опрометчив.

В одиноком маленьком принце Орогастус узнал другого давным-давно позабытого несчастного мальчугана — голого найденыша, которого взял на воспитание старый Бонданус, самый могущественный колдун в мире, Звездный Хозяин замка Тенеброза из приморского города Мерики. Жалкий подкидыш, завернутый в грязные тряпки, нашел приют у пьяной шлюхи и тем не менее вырос выносливым мальчиком, который зарабатывал себе на жизнь уборкой и мытьем посуды. Он недоедал, с ним всегда жестоко обращались до того незабываемого дня, когда его ум и еще не сформировавшаяся, но уже мощная физическая аура привлекли внимание Звездного Хозяина Тузамена.

Когда мальчик по имени Орогастус стал учеником колдуна, ему тоже было восемь лет от роду.

Бонданус был строгим, но справедливым учителем. Он никогда не выказывал ни любви, ни привязанности к ребенку, и все-таки было ясно, что он собирается открыть Орогастусу все свои магические секреты и впоследствии сделать его правителем маленького северного народа. Орогастус превратился и в ученика, и в личного слугу престарелого волшебника. Он работал и учился с наивным воодушевлением, не замечая, что Хозяин все больше и больше замыкается в себе и удаляется от государственных дел, не обращая внимания на то, что закон слабеет,

а власть постепенно переходит в руки хищных, жестоких воинов-землевладельцев, которые превратили Тузамен в страну мелких княжеств, постоянно враждовавших друг с другом.

Тузаменское крестьянство влачило жалкое существование, купцы перебирались в процветающие страны, а Хозяин проводил последние годы жизни в медитациях, постигая древнюю философию Звезды: он был ее единственным последователем. На смертном одре Бонданус завещал своему ученику замок Тенеброза, к тому времени почти развалившийся, несколько древних волшебных аппаратов, которым сам он не придавал большого значения, и самую ценную вещь, какой владел, — платиновый медальон в форме лучистой звезды. Эта эмблема была дарована Орогастусу во время чудовищной церемонии посвящения, сделавшей юношу полноправным членом древней Звездной Гильдии.

К тому времени Орогастусу исполнилось двадцать восемь лет. После обряда посвящения его волосы совершенно побелели.

Скоро Орогастус обнаружил, что злокозненные князья Тузамена не признают в нем своего монарха. Умерший Бонданус слишком долго игнорировал их. Орогастус попытался объединить государство с помощью магии — особенно он надеялся на вызванный им шторм, поскольку в подобных колдовских трюках был мастером. Но упрямые бароны забаррикадировались в своих замках, когда он призвал их на службу, а простой народ был так подавлен нищетой и тяжелой работой и к тому же столь безнадежно глуп, что его поддержка не представляла для честолюбивого колдуна никакой ценности.

Три года он занимался изучением антикварных приборов, которые Бонданус считал пустяковыми. Орогастус пришел к противоположному мнению и понял, что его преданность Звездной магии — сложной, запутанной, неустойчивой и зачастую капризной — поколебалась. Служение Силам Тьмы показалось ему делом более практическим, и он стал поклоняться Айзи Лайн, Интернулу Батари и Бахкапу — божествам, с чьей помощью можно

было пользоваться чудесными машинами Исчезнувших. Любой человек, научившийся делать это, мог творить сиюминутные чудеса, зачастую более полезные, чем тайны Звездной магии.

В самых ценных аппаратах содержалась информация, благодаря которой Орогастус обнаружил еще одно хранилище Исчезнувших, находившееся в разрушенном городе у истока Белой реки, в восточной части земли дороков. Там он нашел волшебное оружие и множество приспособлений, которые могли озадачить и привести в восторг простодушных людей. Он перенес свою добычу в замок Тенеброза и снова попытался сделаться настоящим Хозяином Тузамена. Вполне возможно, что на этот раз удача сопутствовала бы ему, если бы к нему не явился с визитом наследный принц Лаборнока Волтрик — и жизнь Орогастуса резко изменилась.

У Волтрика была такая же неутомонная натура, как у самого Орогастуса. Жизнь его тоже складывалась не лучшим образом: его дряхлый дядя никак не хотел умирать и освобождать трон. Наследный принц предложил Орогастусу перенести все внимание с нищего Тузамена на богатый Полуостров, лежащий к югу. Вдвоем они бы смогли завоевать целую империю!

А кроме того, ученые Лаборнока знали, где находятся другие разрушенные города Исчезнувших, в которых колдун мог отыскать сколько угодно чудесных машин.

Так Орогастус покинул землю, где он родился. Через семнадцать лет, будучи главным министром коронованного монарха Волтрика, он участвовал в завоевании Рувенды, но все его славные замыслы пошли прахом из-за вмешательства трех юных принцесс Рувенды. Защищенные Черным Триллиумом, гораздо более древним, чем Звезда, девушки отправились на поиски призвания и нашли таинственные талисманы. Три талисмана, соединенные в смертоносный Скипетр Власти, обратили колдовство Орогастуса против него самого. Но каким-то непостижимым образом, вместо того чтобы погибнуть от Скипетра, он был перенесен в место ссылки — в край Огня и Льда.

— Но как? — бормотал он, перелистывая ветхие странички маленькой красной книжицы. — Как это было сделано? Принцессы хотели уничтожить меня. Я знаю, что именно таким было их намерение! И все-таки я не умер...

Он машинально дотронулся до серебряной диадемы, надвинутой на лоб, — до талисмана, украшенного тремя гротескными масками и известного под названием Трехглавого Чудовища.

— Какое неизвестное божество сжалилось надо мной и упрятало меня так, что я смог вернуться в мир и обрести ту власть, в которой мне так долго было отказано?.. Хозяин Тузамена... Я все-таки стал им, и народ — бедные варвары, над которыми лишь потешались, — превратился в преуспевающий и уважаемый всеми. Еще немного, и я добьюсь своей заветной цели и завоюю мир. У меня есть два волшебных талисмана, и придет день, когда я получу третий, а они обещают безграничное владычество! Но как мне разгадать тайну своего спасения и ссылки в Недосягаемый Кимилон?

Посмотри в книгу.

Орогастус вздрогнул и приложил руку к Трехвекому Горящему Глазу. Но ведь говорил не этот талисман! Голос, прозвучавший в его сознании, был ему незнаком. Несомненно, он исходил от диадемы королевы Анигели.

Дрожащими пальцами он стал переворачивать рассыпающиеся пергаментные страницы, пока не наткнулся на одну со светящимися зелеными буквами. Они ярко сияли даже при мощном свете лампы.

— Синошур?

Он непроизвольно произнес это странное слово, а потом углубился в чтение. Когда наконец он понял, в чем дело, глаза его закрылись, а рука потянулась к диадеме.

— Талисман! Покажи мне замечательный Синошур, который спас мне жизнь и перенес в Кимилон!

В его воображении колдуна возникло видение черного шестиугольника.

Великий Синошур был создан Людьюми Звезды для противодействия Скипетру Власти двенадцать тысячелетий назад.

Орогастус возбужденно закричал:

— Вспоминаю! Теперь вспомнил! Мне показалось, что, когда Скипетр Власти опалил меня, мир взорвался, и я подумал, что умер. Но перед тем как потерять сознание, я видел эту вещицу! Она спасла мне жизнь, так ведь? Но когда я очнулся, ее уже не было! Где она спрятана?.. Если Великая Волшебница Харамис противопоставит мне могущество своего талисмана, этот Синошур опять перенесет меня в край Огня и Льда?

Нет. Великий Синошур похищен из Кимилона Великой Волшебницей Ирианой, которая отдала его Великой Волшебнице Харамис, а та по совету синдоны Учительницы поместила его в Каменный Мешок.

Орогастус удивился. Что такое? Какая-то другая Великая Волшебница? И эта синдона... Все справочники, к которым он обращался, указывали на то, что удивительные живые статуи Исчезнувших были уничтожены во время войны Наступающих Льдов.

Читай, — вздохнул внутренний голос.

Орогастус опустил глаза к мерцающим страницам маленькой красной книжечки и прочитал обо всем — о выживших членах Коллегии Великих Волшебников, о подземном Крае Знаний с охраняющими его синдонами, расположенном в отдаленном Ламарилу, на самом севере Тернистого Ада Рувенды... и даже о Каменном Мешке.

Когда он прочитал об этом кошмарном месте, где были заключены древние Люди Звезды, его воодушевление испарилось. Мороз пробежал по коже. И Харамис положила Синошур именно туда!

— Могу я достать его? — спросил он у талисмана. — Вытащить его из Каменного Мешка и перепрятать в безопасном месте?

Без приглашения в Край Знаний допускаются только Великие Волшебники. Он настолько защищен старинной магией, что с ней не справятся даже два талисмана.

Орогастус послал пару проклятий в адрес бесполезных Сил Тьмы.

— А Синошур можно как-нибудь испортить?

Уничтожить его могут только объединенные силы Коллегии Великих Волшебников. И Совет Звезды, который создал его, тоже способен сделать это. Но Совет больше не существует. Ты — единственный Человек Звезды, и, пока ты одинок, ты не обладаешь такой властью.

— А... если я привлеку в Звездную Гильдию еще кого-нибудь, сколько человек потребуется, чтобы уничтожить Синошур?

По меньшей мере трое.

— Трое...— Орогастус вздохнул. Подобно зверю, которому удалось уйти от погони, он расслабился и с облегчением вытер холодный пот, струившийся со лба, грязным рукавом своей робы.— Трое...— тихо повторил он.

Красная книжечка перестала неестественно светиться. Он долго невидящим взглядом смотрел на нее. В его мозгу проносились хаотичные обрывки воспоминаний. Даже сейчас Орогастус не мог без содрогания думать о кошмарном обряде посвящения. Но тем не менее все необходимые для церемонии вещи и старинные книги сохранились. Когда Орогастус вместе с королем Волтриком покидал замок Тенеброза, он не удосужился захватить их с собой. Двадцать семь лет пролежали они в тайнике Замка, а когда Орогастус вернулся из Кимилона, то обнаружил, что и они целы и невредимы.

Он может создавать новых Людей Звезды! Он может посвятить Голоса! Придется тщательно подготовиться, так как церемония настолько ужасна, что любая ошибка способна привести неофита в состояние безумия или напугать до смерти. Но Голоса сильны и умны, они гораздо крепче, чем первое трио его помощников, которые погибли от руки принцесс. Сколько времени потребуется для подготовки Голосов? Десять дней? Два?.. Но сначала он обязан позаботиться об этой проклятой войне! У него совсем нет времени на поездку в замок Тенеброза...

До него дошло, что кто-то стучится в дверь библиотеки, проявляя все большую настойчивость. Всемогущий Бахкап! Ведь он совсем позабыл о назначенной встрече с перебежчиком из Лаборнока, с лордом Осорконом!

Орогастус махнул рукой, и дверь распахнулась. Вошел мужчина в военных черных доспехах и в тяжелой кожаной накидке. Его шлем с поднятым забралом украшало изображение свирепого луру с широко распростертыми крыльями; та же эмблема, вышитая золотыми и алыми нитями, красовалась на его черном шелковом камзоле. В руке он сжимал меч почти в полный человеческий рост.

— Неужели в моем присутствии вы не чувствуете себя в безопасности, лорд Осоркон? — улыбаясь, заметил колдун. — Конечно, мы не виделись больше двенадцати лет, да и тогда не были близкими друзьями. Но времена меняются. Сейчас мы оба нуждаемся друг в друге. — Он закрыл маленькую красную книжечку и жестом пригласил лаборнокца садиться.

Осоркон с шипящим свистом рассек воздух мечом, опуская его, стащил с головы шлем и поставил его на стол.

— Я не доверяю этим пиратам, волшебник! По дороге от пристани к дворцу каждый шаг моей свиты сопровождался улюлюканьем и злобными криками толпы оборванцев, они смеялись над нами и забрасывали нас снежками! Но хуже другое — ни один из пиратов-рыцарей, охранявших нас, даже не подумал образумить их! Разве мы явились сюда не по вашему срочному вызову? И тем не менее, когда мы попали в это воровское логово, нас приняли без намека на любезность и заставили ждать в холодной прихожей! Нам даже не предложили освежиться и сменить одежду!

Орогастус сочувственно покачал головой и указал в угол:

— Видите ту маленькую дверь между двумя колоннами?

— Не стоит! Этот спесивый ублюдок адмирал Джерот в конце концов снизошел до того, чтобы принять нашу делегацию! Сейчас мои товарищи Соратик, Витар, Помизель и Нункалейн совещаются с Джеротом и его адмиралами, обсуждая все детали совместного штурма с суши и с моря. А я, как вы и просили, прошел сразу сюда.

Колдун шелкнул пальцами, и на столе появились два бокала с дымящимся илиссо, буханка горячего хлеба, блю-

до с поджаренными колбасами, сосуд с маринованными овощами и ароматный ореховый пудинг, одобренный аппетитным кремом из сыра.

— Позвольте мне принести извинения за невежливость, проявленную рэктамцами, — сказал Орогастус. — В области дипломатии пираты — безнадежные профаны. Само понятие союзничества чуждо их культуре.

— Вы хотите сказать, что они всего лишь шайка грязных негодяев.

Осоркон расстегнул застёжки на металлических рукавицах, с лязгом уронил их на каменный пол и размял руки, синие от холода. Глоток горячего илиссо согрел его, потом он приступил к трапезе.

— Я не понимаю, зачем нам понадобилось привлекать Рэктам к исполнению нашего плана. Мои три тысячи человек, наша армия плюс несколько поджогов — вроде тех, которые вы организовали во время нападения на Рувенду, — и мы запросто вышибем из Дероргуилы верных сторонников Двух Тронов. Нет нужды привлекать этих безмозглых пиратов.

Орогастус взял маринованный огурец и стал с хрустом пережевывать его крепкими белыми зубами. Он вовсе не собирался рассказывать, что его так называемая «армия» исчисляется полутора тысячами человек, которыми командуют военачальники, чей боевой опыт включает лишь нападения на одиноких путников, пьяные потасовки во время картежной игры да набег на мирные деревни соседей.

— Нам необходим пиратский флот для перевозки моих людей и волшебного оружия, — глядя на гостя честными глазами, объяснил колдун. — Рэктамские боевые корабли не допустят, чтобы по морю в Дероргуилу поступило подкрепление. Рэктамские катапульты нейтрализуют укрепленные форты у входа во вражескую гавань, а восемь тысяч воинов-пиратов ускорят капитуляцию Двух Тронов. Очень важно захватить Дероргуилу в кратчайшие сроки. Если война затянется, возрастет вероятность того, что Великая Волшебница Харамис найдет способ помочь своей сестре.

Глаза Осоркона сузились.

— Вы хотите сказать, что Великая Волшебница сможет одолеть волшебную силу ваших двух талисманов?

— Нет, сейчас я гораздо могущественнее ее, — спокойно проговорил колдун. — Но она может помешать нашим планам каким-нибудь неожиданным поступком, например похищением королевской семьи. Мы должны нанести сокрушительный удар еще до того, как Антар и Анигель осознают, что обречены на поражение, разгромить их силы, пока у них есть надежда на успех, пока Великая Волшебница Харамис не убедила свою сестру бежать.

— Это имеет смысл, — важно признал Осоркон.

— Основные силы Рувенды сражаются в Варе. Два Трона остаются с четырьмя тысячами верных бойцов... и с вашей трехтысячной армией. Этого достаточно, чтобы они верили в возможность победы над нами.

Осоркон разразился грубым смехом.

— Пока они не поймут, что мои люди сражаются против них! — Внезапно он помрачнел и пробормотал: — Но когда война в Варе закончится, похоже, нам придется снова отвоевывать Рувенду.

Орогастус улыбнулся из-за своего бокала.

— Когда верные Рувенде войска вернутся, они столкнутся с новой проблемой в Гиблых Топях. Решительной Даме Священных Очей взбрело в голову поднять рувендийских оддлингов на восстание. Всех без исключения! Их цель — изгнание людей из страны и установление власти оддлингов.

Старый вояка присвистнул:

— Вот это да! Ведь это вы заварили кашу, не так ли? Мне кажется, вы собираетесь стравить оддлингов и рувендийских патриотов, чтобы они сожрали друг друга.

— Люди проиграют довольно быстро, если погода останется такой же не по сезону скверной. В Гиблых Топях в период дождей преимущество будет на стороне аборигенов.

Осоркон подмигнул колдуну:

— Догадываюсь, что именно вы являетесь причиной всех этих бурь, землетрясений и тому подобной дряни, правда?

Орогастус скромно поклонился и подлил Осоркону горячего напитка.

— Все это — часть моего великого плана.

— Но как нам удастся овладеть Рувендой после того, как оддлинги победят? — спросил Осоркон. — Ведь нам по-прежнему нужны ее природные богатства, особенно корабельный лес и минералы.

— Все очень просто. Нам понадобится всего лишь убить вдохновительницу оддлингов — Даму Священных Очей. Без нее силы аборигенов рассеются.

— Ха! Верно! Вы все продумали, волшебник! — Осоркон долго хранил молчание, поедая колбасы. — Знаете, ваше предложение о сотрудничестве было очень кстати. Среди правителей западных провинций Лаборнока давно зреет недовольство. Мы устали от вялой политики монархов Двух Тронов. Кризис был неизбежен. Все мои старые товарищи признали, что наш план похищения короля Антара и королевских детей во время коронации в Зиноре был блестящей идеей.

— Я очень сожалею, что ваша сестра погибла.

Осоркон пожал плечами:

— Она была ко всему готова. Этот громила Пенапат все равно замучил бы ее до смерти, а развестись с ним она боялась, поскольку тогда могла впасть в немилость у короля и королевы. Когда я стану королем Лабровенды, я первым делом отрежу жирную башку своему милейшему шурина.

Колдун рассмеялся:

— Если все пойдет по плану, такая возможность представится вам уже через семь дней. Завтра во Франгин прибывают тузаменские корабли с моей армией и волшебным оружием. Мы скоординируем наши действия, а потом отправимся на юг на быстроходных, хорошо вооруженных пиратских кораблях. Мой волшебный ветер ускорит плавание. Мы тайно высадим вас и четырех ваших друзей неподалеку от лаканского порта, а потом затаимся, пока я не напущу на Лаборнок густой туман. Вы с армией атакуете Дероргуилу с суши, а мы одновременно ударим с моря...

— И раздавим Антара, как червяка!

Колдун поднял свой бокал, словно салютуя.

— Я предвижу быструю решительную победу!

— Должно быть, это здорово — уметь читать будущее,— злобно заметил Осоркон.— Жаль, что Анигель так быстро сдалась и заплатила выкуп. Без короля Антара было бы легче справиться с патриотическими войсками. А с Антаром во главе, несмотря на свою малочисленность, они будут драться как львы.

— Я пытался оттянуть его освобождение, но у меня возникли серьезные осложнения. Я страшно поссорился с королевой-регентшей, а после ее кончины принц-карлик неожиданно заупрямился. Ледо — мой добрый друг, но он еще очень юн, и я не смог его отговорить от немедленного принятия выкупа, когда Анигель предложила его во второй раз. Однако то, что у меня теперь, кроме талисмана Кадии, есть и ее талисман, дает еще одно очко в нашу пользу. Магия поможет нам в борьбе с защитниками Антара не меньше, чем войска. Если нам повезет, война закончится в тот же день, что и начнется.

Лорд Осоркон задумчиво слизывал сладкий сыр с орехового пудинга.

— Королева Ганондри... это была сущая дьяволица! Как хорошо, что нам не придется иметь с ней дело. Когда мы приплыли, на берегу только и говорили о ее встрече с Жалящим Убийцей. Надеюсь, Ледавардис будет более сговорчивым?

— Я смогу поладить с Ледо,— заверил Орогастус.

— Я тоже так думаю.— Лорд из Лаборнока теперь облизывал сладкие пальцы.— Будет неприятно, если его пираты выйдут из-под контроля и начнут грабить портовые города, где живут поддерживающие меня люди. Пусть рэктамцы захватят Дероргуилу и сразу возвращаются домой. Продолжать дело будут мои воины. Запомните, волшебник, мы не договаривались превращать мое будущее королевство в разграбленную выжженную пустыню!

— Подобное никогда не случится,— заверил колдун.— Клянусь Силами Тьмы и Священной Звездой, которая питает энергией мои талисманы!

Орогастус поднялся, взмахнул рукой. Еда и напитки исчезли. Замешкавшись на мгновение, он тем же взмахом руки очистил от грязи свои белые одежды, а затем положил в карман красную книжечку.

— Здесь моя работа закончена. Магия подсказывает мне, что премьер-министр Джерот, его адмиралы и ваши мужественные друзья затеяли гнусную перебранку из-за права владения дероргуильским дворцом. Возьмите свое оружие, и давайте-ка пойдем туда и прекратим этот сырбор. А потом начнем нормальный военный совет.

Глава 23

Харамис нашла свою сестру Кадия в лодке, плывущей по бурлящим водам реки Мутар. С Кадией были верные Джеган и Лумому-Ко. Во второй лодке сидели воины-вайвило. Когда Великая Волшебница встала между Дамой Священных Очей и Джеганом и подняла над ними невидимый волшебный зонтик, чтобы укрыть от проливного дождя, Кадия посмотрела на нее с немым изумлением.

— Мне известно, что ты собираешься сделать, — сказала Харамис, — и я пришла, чтобы отговорить тебя от этой безумной затеи.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Учительница из Края Знаний рассказала мне о твоих планах. Это бред сумасшедшего — не посоветовавшись ни с кем, выбивать почву из-под ног Анигели. Ты должна отказаться от своих намерений.

— Мои планы — вовсе не бред! — воскликнула Кадия. — Что знаешь ты о взаимоотношениях между человечеством и Народом? Ты с головой ушла в изучение магии, в то время как на бедный Полуостров обрушивается несчастье за несчастьем! Ты ничего не предприняла, чтобы спасти мой талисман от Орогастуса! Ты ничего не сделала, чтобы помешать этой идиотке Анигели заплатить выкуп! А теперь ты осмеливаешься вмешиваться в мои дела!

— Я пришла, потому что люблю тебя и волнуюсь...

— Убирайся! Что бы ты ни говорила, я сделаю то, что должна! Ты можешь остановить меня, только убив!

Маленький Джеган, не посвященный в планы Кадии, закричал ей:

— Пророчица, не говорите так с Белой Дамой!

Она сверкнула на него глазами, как хищник, у которого попробовали отнять добычу:

— Замолчи! Это касается только меня и моей сестры!

— Неправда, — сказала Великая Волшебница. Лицо ее было печально. — Это касается народа Джегана, и Лумому-Ко, и вообще всех народов мира. Я их защитница и...

— Они выбрали своим вождем меня, а не тебя! — торжествующе крикнула Кадия. — И ты не имеешь права влиять на их поведение, они свободны, они не твои рабы! Оставь нас в покое!

— Позволь мне только объяснить...

— Великая Волшебница, уходи! — сказала Кадия тихим угрожающим голосом. — Или ты хочешь силой заставить выслушивать твои речи?

Харамис опустила голову:

— Ну ладно. Вижу, сейчас с тобой разговаривать бесполезно. Но я вернусь, так и знай.

Она исчезла, и дождь стал еще яростнее молотить по двум лодкам.

— Пророчица, что ты наделала? — простонал Джеган. — Тебе следовало выслушать Белую Даму!

— Правильно, — сказал Лумому, и вайвило огорченно загудели, выражая свое с ним согласие.

— Я знаю, что она хотела сказать, — возразила Кадия. — Но от ее слов ничего не изменилось бы, поэтому не было никакого смысла выслушивать ее.

— Но ведь она Белая Дама... — не сдавался Джеган.

— А я Дама Священных Очей! — Кадия схватила амулет.

Внутри янтаря мерцал кроваво-красный Триллиум.

— Пока вы со мной заодно и не разбежались каждый своей дорогой, не надо спорить! Лучше сильнее работайте веслами, чтобы мы приплыли к месту до наступления ночи.

Наконец-то настал этот час.

Великая Волшебница была совсем одна в своем кабинете в башне на горе Бром, которая когда-то была его домом, а теперь стала ее убежищем. Снаружи бушевала страшная снежная буря, но она не обращала на нее внимания. Она села на свой любимый стул возле камина, где они когда-то сидели вдвоем, где впервые увидели друг друга, и подняла талисман, глядя на гладкий зеркальный диск. Капелька янтаря в центре талисмана между тремя лепестками-крыльями поблескивала золотом, а крошечный бутон внутри был черным-черным.

«Вот теперь,— подумала она,— мне на самом деле необходимо взглянуть на него и послушать, что он говорит. Я должна узнать его планы, должна вывести, что он замышляет против Анигели, против королевства Двух Тронов и против всего мира. Талисман, ты позволишь мне посмотреть на него так, чтобы моя душа не пропала? Я все еще люблю его. Я ничего не могу с собой поделать. Я знаю, что даже смотреть на него опасно, но, если я не посмотрю, я не смогу выполнять свой долг. А я хочу исполнить его».

Она сказала:

— Покажи мне Орогастуса.

И она увидела его. Тот беспечно шел по шаткой палубе рэктамского боевого корабля, который несся на всех парусах по бурному морю. Его белые волосы развевались на ветру, белые одежды прилипали к высокому мускулистому телу. Лицо его изменилось не сильно, может, немного ожесточилось и погрубело с тех пор, как она видела его в последний раз. Тонкие, красиво очерченные губы, высокие скулы, под белоснежными бровями — бледно-голубые глаза, прозрачные как лед. Он был чисто выбрит, и лицо дышало такой энергией, словно он черпал ее из бушующего ветра. С ним не было ни одного из захваченных талисманов.

Задержавшись у входа в кубрик триремы, он ухватился за поручень и посмотрел поверх высоких волн. Он улыбался...

Харамис затаила дыхание. Не Черный Триллиум и не Трехкрылый Диск, а какое-то странное чутье подсказало ей, о чем он думает — не о завоевании мира и не о победе Звездной Гильдии, не о Силах Тьмы и даже не о Скипетре Власти, который он так жаждал заполнить.

Он думает о ней...

Сердце перевернулось у нее в груди, и она почувствовала, что вот-вот разрывается. А потом окликнет его через тысячи лет, назовет по имени и будет ждать ответа, отправится к нему, дотронется, коснется...

Ей показалось, что черный цветок внутри Трехкрылого Диска затрепетал, забился в такт ее сердцу. Он по-прежнему был темно-фиолетовым, как ночь, но еще мгновение — и цвет его изменится...

— Нет! Нет! Нет! — вскрикнула она и выпустила талисман.

Он повис на платиновой цепочке, и видение в Диске исчезло.

Харамис долго сидела, молясь про себя. Потом, приняв какое-то решение, перевела дыхание и снова сказала:

— Покажи мне Орогастуса.

Теперь тот находился в просторной каюте. Его одежда была совершенно сухой, волосы аккуратно расчесаны. Он увлеченно беседовал с тремя помощниками. На маленьком, одетом в черное человечке была диадема, известная под названием Трехглавого Чудовища. В руке одетого в желтое был темный, с тупым лезвием меч, который назывался Трехвеким Горящим Глазом.

— ...должны не спускать глаз с короля и королевы ни днем ни ночью, — говорил колдун, — А ты, мой Желтый Голос, должен наблюдать за действиями Дамы Священных Очей. Что касается тебя, мой Фиолетовый Голос...

Харамис устроилась поудобнее и приготовилась слушать. Она была совершенно спокойна.

Для обнаружения своего плана превращения Руwendy в землю аборигенов Кадия выбрала поселение уйзгу Дезарис, расположенное в глухих местах Тернистого Ада. Глашатаем Закона здесь все еще была Нессак, старая по-

друга Кадии, которой Дама Священных Очей когда-то спасла жизнь — еще в те времена, когда Лаборнок едва не разгромил Рувенду. Именно из Дезариса двенадцать лет назад прозвучал боевой клич, объединивший всех уйзгу и ниссомов вокруг Кадии для последней великой битвы с королем Волтриком, закончившейся освобождением Рувенды.

Пока они плыли из Края Знаний вниз по реке, Кадия большую часть времени была молчалива и задумчива. Она ничего не рассказала Джегану и остальным о своем разговоре с Учительницей, не поделилась с ними ужасной новостью о талисмане Анигели. Поэтому для Нессак и жителей Дезариса новый решительный план Кадии оказался ошеломляющим известием.

Кадия с обычной непреклонностью и горячностью поведала о своих намерениях, напомнила обо всех несправедливостях, которые претерпевал Народ, и особо подчеркнула то обстоятельство, что победа обещает быть легкой, если к борьбе присоединятся скритеки.

Она призывала напасть только на армию людей. Мирные жители не должны пострадать. Войска Лабровенды, возвратившись из Вара, должны быть остановлены в Тас-салеysком лесу и отброшены назад. В самой Рувенде необходимо будет окружить Цитадель и другие крупные населенные пункты и захватить их. Отрезанные от внешнего мира, лишённые продовольствия, деморализованные искусственным дождем, попавшие в западню люди будут вынуждены сдаться без кровопролития. Когда все они будут изгнаны из Рувенды, Королевская Гать, ведущая из Цитадели в Лаборнок, будет разрушена, а Гиблые Топи станут местом обитания Народа, и Народ сам изберет правителей из своих рядов.

Она, Дама Священных Очей, обязуется заключить договор, подтверждающий права Народа на самоуправление. А в будущем, если аборигены пожелают, она по-прежнему будет защищать их интересы во всех делах с человечеством.

В заключение Кадия рассказала уйзгу о забавном предложении, которое сделал ей колдун Орогастус. Он клял-

ся и божился, что, как только люди будут изгнаны из Гиблых Топей, эта земля навсегда станет собственностью Народа.

Кадия рассчитывала, что ее план будет встречен аборигенами с энтузиазмом, но этого не случилось. Напротив, ее выслушали с каменными лицами, а некоторые и вовсе испугались. Их страшно поразило то, что Дама Священных Очей призывает к оружию, так как со времени восшествия на престол Антара и Анигели в Гиблых Топях повсюду царил мир. За последние двенадцать лет всеобщее спокойствие нарушали только дикие глисмаки из Тассалейского леса да жаждающие крови скритеки, с чьей агрессивностью не могли справиться ни Великая Волшебница, ни Кадия. А теперь Дама Священных Очей сама призывает поднять оружие против человечества!

Нессак из Дезариса выслушала долгую взволнованную речь Кадии с невозмутимым видом. Когда Кадия закончила, Глашатай выразила согласие передать телепатическим путем ее предложение всем уйзгу. А так как ее народ был более силен в телепатической речи, она сказала, что старейшины рода свяжутся с вождями ниссомов и вайвило и узнают об их решении. Она также обещала вступить в контакт с глисмаками. Но, несмотря на все уговоры Кадии, она отказалась передать военный призыв скритекам. Если Дама Священных Очей желает привлечь на свою сторону этих диких упырей, пусть сама чуть позже поговорит с ними.

Все разошлись, и Кадия должна была в одиночестве ждать ответа вождей в ветхой неприветливой хижине, где состоялось совещание.

Она ждала пять дней.

Не прекращался проливной дождь, а хижина туземцев — неудобное жилище для человека. Мутар вышел из берегов, во всем селении не осталось ни одного сухого клочка земли. Тростниковые или сплетенные из травы хижины на сваях стали островками посреди коричневого озера болотной жижи. Возле каждого жилища качалась на воде легкая лодочка, чтобы можно было подвозить еду, а две большие лодки, на которых приплыли Кадия и вай-

вило, были привязаны к столбам хижины Нессак. Только около хижины, где ждала Кадия, не было лодки.

Время от времени ей привозили еду, но перевозчик не сообщал никаких новостей, и она не знала, к какому решению пришел Народ. Наконец наступила пятая ночь, и вместе с темнотой на селение опустился густой туман. Как и в прошлые ночи, Кадия время от времени подходила к открытой двери посмотреть, не плывет ли к ней кто-нибудь с вестями. Но она видела только слабые мигающие огоньки в ближайших хижинах и слышала шорох дождя, жужжание насекомых и крики ночных птиц.

— Они просто обязаны согласиться начать войну за свое освобождение,— говорила самой себе Кадия.— Обязаны!

Она закрыла глаза и начала молчаливую отчаянную молитву... Заканчивая ее, она обнаружила, что непроизвольно схватилась за ножны в поисках талисмана, который некогда покоился в них.

Но талисмана не было, и в ножнах лежал обычный меч.

— Они должны сражаться на моей стороне,— простонала она,— или все потеряно!

— Это не так,— проговорил тихий голос.

Кадия открыла глаза и гневно вскрикнула — перед ней в воздухе возникла Харамис.

— Опять ты! — воскликнула Кадия.

Сестра печально взирала на нее; несмотря на проливной дождь, белое одеяние Великой Волшебницы было совершенно сухим.

— Я не позволю тебе вмешиваться! Ты не имеешь права лишать мой народ свободы выбора!

— Я здесь не для того, чтобы вмешиваться, и я вовсе не собираюсь разговаривать с твоим народом. Я хочу переговорить с тобой. Можно войти?

Кадия бросила на сестру враждебный взгляд и ничего не ответила. Великая Волшебница вошла в хижину и приблизилась к небольшому глиняному подносу, в котором на песке горел костер. Воздух был влажен, и дым поднимался к потолку очень медленно; часть его просачивалась

наружу сквозь щели в ветхой травяной крыше и плетеных стенах, а часть заполнила тесное помещение, выкуривая кровососущих насекомых, которых в Тернистом Аду водилось великое множество. Кожа не зудела, зато дым ел глаза.

Близилась ночь, становилось прохладно, но Кадии было жарко в ее церемониальных доспехах из маленьких золотых пластинок, напоминавших рыбу чешую. С цепочки свисал амулет, золотисто-каштановые волосы были уложены в гладкую прическу. Она молча села на один из низких стульчиков возле костра. Когда Харамис спокойно присела рядом, Кадия с деланной деловитостью занялась извлечением из корзины сухих папоротниковых стволов. Она ломала их, бросала в огонь и беспрестанно дула в костер, чтобы разогнать едкий дым.

Харамис выжидала.

Некоторое время Кадия упрямо молчала, потом наконец спросила:

— Тебя опять послала Учительница? Или на этот раз Анигель?

— Учительница только рассказала мне, что ты намерена предпринять. С Ани я о твоём кошмарном плане не говорила, просто предупредила ее о том, что пираты с Орогастусом плывут к Дероргуиле.

— Я знаю. Это должно было произойти. Мне очень жаль Ани и Антара, но Народ и я будем делать то, что нам следует делать. У Орогастуса теперь два талисмана, судьба человечества решена — оно неизбежно попадет во власть колдуна, независимо от того, какие усилия ты приложишь, чтобы помешать ему. Но Народ его не интересуется. Если мы будем мирно жить в Гиблых Топях, Орогастус нас не тронет.

— Откуда ты знаешь? — подозрительно спросила Харамис.

— Орогастус связался со мной и сообщил об этом сам.

— И ты ему поверила? Ты что, совсем не в своем уме?

Мрачная улыбка тронула губы Кадии — она продолжала разжигать огонь. Языки пламени окрасили ее лицо в красный цвет, на груди алела лилия.

— Наш старый противник так же красив и любезен! Теперь он тоже может связываться на расстоянии с любимым существом — ведь у него есть талисманы! Я нисколько не сомневаюсь, что вы уже имели с ним теплую беседу и обсудили, как в будущем поделите власть над миром!

— Нет, я вообще не разговаривала с ним, — твердо заявила Харамис. — И не буду, пока не подготовлюсь к разговору, которого он заслуживает. Я приказала талисману защитить меня от его наблюдений и подслушиваний.

— Ты все еще любишь его. Откажись от своей любви, если можешь!

— Этого я не в силах сделать. Но я не позволю своим чувствам влиять на поступки.

— Я поверю тебе, только если ты будешь искать справедливости для Народа с таким же рвением, как и для людей!

— В мои обязанности входит охранять и направлять все живые существа на земле, будь то скритеки, люди или Народ. Поэтому я пришла предупредить тебя — не совершай этой ужасной ошибки...

Кадия упрямо вздернула подбородок:

— Это меня, а не тебя Народ считает своей защитницей! Пока ты сидела взаперти в своей башне, я двенадцать лет жила вместе с ним и работала, добиваясь справедливости. Ты говоришь, что любишь аборигенов, но чем доказала это?

Харамис оставалась невозмутимой.

— Народ был создан Коллегией Великих Волшебников. Давным-давно существовали и Дама Священных Очей, и Великая Волшебница Земли, которые должны были наблюдать за проживающими здесь аборигенами. К сожалению, ты права, до сих пор я уделяла им меньше внимания, чем должно. — Харамис дотронулась до Трехкрылого Диска, и янтарь внезапно вспыхнул золотым сиянием. — Но теперь все будет по-другому.

— Значит, ты хочешь занять мое место, так? — воскликнула Кадия.

— Нет, только уговорить тебя.

— Тогда делай свое дьявольское дело! — Кадия вскочила на ноги. — Покажи, как ты уничтожишь меня, если я не слушаюсь!

Харамис только жалостливо покачала головой.

— Я уверена, что родственные чувства не помешали бы тебе исполнить свой долг! — По лицу Кадии блуждала насмешливая улыбка. — Что же заставляет тебя действовать с такой мягкостью?.. Скажи мне, всемогущая Великая Волшебница, на этот раз ты здесь сама или я опять вижу только твой призрак?

— Я сама здесь. С помощью талисмана я могу теперь путешествовать повсюду, где захочу, и тебя могу захватить с собой....

В руке Кадии внезапно оказался меч.

— Только дотронься до меня, Хари! Если ты попытаешься силой увести меня отсюда, клянусь Владыками воздуха, я убью тебя!

— Кади, Кади... — Харамис продолжала сидеть со сложенными на коленях руками. Она низко опустила голову, чтобы сестра не заметила горьких слез, заблестевших в ее глазах. — Как бы ты ни дразнила меня, я никогда не причиню тебе вреда. О, сестричка! Ну почему ты такая непонятливая? Нас трое, и мы заодно! Разрушить планы колдуна и победить его можно только в том случае, если мы будем бороться сообща. Мы — Три Лепестка Животворящего Триллиума! Учительница пыталась втолковать тебе именно это! Я только что виделась с ней, и она дала мне ценный совет, который ведет к разрешению всех наших проблем... Убери свое оружие и послушай.

— Оставь меня! Только если ты уйдешь, я поверю, что ты не хочешь разлучить меня с Народом! Я не позволю тебе оказывать на него давление!

— Кади, слишком поздно. — Великая Волшебница подняла голову и указала на открытую дверь. — Взгляни!

Кадия высунула голову из дверного проема, не обращая внимания на крупные капли дождя. Сквозь густой туман были видны расплывчатые островки света: к селению приближались четыре каноэ с факельщиками.

— Они на подходе. — Кадия бросила на сидевшую в глубине хижины сестру взгляд, полный горечи. — Ты останешься и будешь отговаривать их? А если они откажутся подчиниться, поразишь их своей волшебной палочкой?

— Я не собираюсь делать ничего подобного, но, будь уверена, я все услышу и увижу.

С этими словами Великая Волшебница исчезла. Все еще дрожа от ярости, Дама Священных Очей спрятала меч и спустилась по шаткой лесенке на плавучую площадку. Она поймала брошенные ей канаты и подтянула лодки. Глашатай Закона Нессак со своими старейшинами занимала первые три каноэ, в последнем приплыли Джеган, Лумому и несколько старых вайвило.

Кадия подождала, пока все они поднимутся по лесенке, а потом последовала за ними в гостевую хижину.

Среди уйзгу не было ни одного, кто был бы выше восьмилетнего ребенка. Внешним обликом они напоминали Джегана, но только еще ниже и тшедушнее. Их уши были чуть шире, чем у ниссомов, золотистые глаза с нарисованными вокруг разноцветными кругами — чуть больше, а зубы — чуть острее. Шерсть, покрывающая их лица и тела, лоснилась от жира, ладони были липкими от защитной слизи. На всех уйзгу были простые набедренные повязки из травы, Глашатай же была одета более богато: короткая голубая юбочка, маленький золотой ошейник, украшенный драгоценными камнями, два тонких золотых браслета; глаза обведены тремя белыми каемками.

Нессак подняла обе лапы с когтями, приветствуя Кадия, и заговорила на диалекте уйзгу:

— Дама Священных Очей, я долгие часы провела в беседах с друзьями, живущими в Гиблых Топях. Хонебб разговаривал с провидицей Фролоту из ниссомов, Крамасак поговорила с Шасту-Ша из вайвило, а Гурраб связался с глисмаками. Всем этим народам мы передали ваши слова. Теперь послушаем, что они ответили... Гурраб!

Маленький важный уйзгу подошел к Кадии и поздоровался с ней:

— Мне было трудно уловить смысл всей той болтовни, которую обрушили на меня обитатели леса. Но, ка-

жется, Дама Священных Очей, они с удовольствием присоединятся к вам и будут воевать с людьми.

Глаза Кадии просияли, она распрямылась.

— Благодарю тебя, Гурраб.

— Крамассак! — окликнула Глашатай.

Женщина-уйзгу говорила более вразумительно:

— Престарелая Шасту-Ша, которая во время отсутствия Лумому-Ко возглавляет свой народ, заявляет, что вайвило последуют за Дамой Священных Очей на битву... в том случае, если какой-нибудь народ их расы, кроме глисмаков, тоже будет воевать.

Кадия взглянула на Лумому-Ко и его воинов, улыбаясь. Но вождь вайвило не ответил улыбкой, он бесстрастно смотрел на пылающий костер.

— Хонебб, твоя очередь, — сказала Нессак. — Что говорят ниссомы?

— Провидица Фролоту, — заявил мужчина-уйзгу, — посоветовавшись со своим племенем, доводит до вашего сведения, что народ ниссомов будет и дальше придерживаться мирных отношений с людьми.

Лицо Кадии окаменело. Она повернулась к Нессак.

— А что скажут уйзгу? Что скажет народ, который первым поддержал меня в войне с захватчиками из Лаборнока? Ведь это вы назвали меня Дамой Священных Очей, несущей свет надежды?

— Должна быть откровенной с тобой. — Нессак говорила добродушно, но твердо. — Мы знаем, что глисмаки поссорились с людьми и что время от времени люди несправедливо обращались кое с кем из ниссомов. Нам известно, что вайвило предпочли бы продавать драгоценную лесную продукцию людям из южного Вара, которые обещают более высокие цены, а не Двум Тронам, как вынуждены делать сейчас. Но все это можно исправить мирным путем, поэтому мы не хотим войны. У уйзгу нет никаких претензий к людям. Наши жилища расположены в самой отдаленной части Гиблых Топей, и единственные наши враги — это отвратительные скритеки, но даже эти чудовища редко беспокоят нас в последнее время.

Остальные уйзгу закивали головами и одобрительно заворчали.

— Но ведь придут злые люди! — крикнула Кадия. — Два Трона неминуемо падут перед армиями Рэктама и Тузамена. В Лаборноке будет новый король — тот самый Осоркон, который некогда жег ваши деревни и убивал ваших детей. Он превратит в рабов всех, кто живет в Рувенде, — если вы не последуете за мной, не сразитесь с людьми и не превратите эту землю в страну Народа. Колдун Орогастус торжественно поклялся, что оставит нас в покое...

— Мы не верим Орогастусу, — мягко сказала Нессак. — Мы и тебе не верим, когда ты говоришь, что единственный выход для нас — в войне.

— Ничего лучше придумать нельзя! — отчаянно воскликнула Кадия. — Я никогда не обманывала вас! Я посвятила вам всю свою жизнь! Я люблю вас...

Нессак подошла поближе и взглянула на нее с сожалением:

— Я не думаю, что ты намеренно говоришь нам неправду. И мы всегда будем любить тебя. Но мы больше не можем допустить, чтобы ты руководила нами. Пусть цветок сделает тебя мудрее. — Она указала на амулет Кадии. — Я говорю не об этом кровавом цветке, а о другом, о том, что был у тебя раньше!

Она развернулась и, сопровождаемая остальными уйзгу, вышла в бурную ночь.

Кадия безумными глазами оглядела тех, кто остался.

— А ты, Лумому-Ко?

Высокий вождь вайвило приблизился к ней и преклонил чешуйчатое колено.

— Госпожа! Три Луны трижды худели и толстели — и все это время мы доверчиво следовали за тобой. Но теперь мы просим освободить нас от службы. Другие народы приняли решение, и мы подчиняемся ему.

— Я... я... — Слова застревали в горле Кадии. Но она не станет плакать, не потеряет контроль над собой. — Идите, — наконец удалось ей проговорить.

Лумому-Ко поднялся, поклонился и увел своих воинов.

Все еще не веря в то, что произошло, Кадия смотрела им вслед. Потом покачала головой, опустилась на один из плетеных стульчиков и снова стала подбрасывать папоротник в огонь.

— А ты, Джеган? — спросила она тусклым голосом. — Ты тоже покинешь меня?

Маленький старый охотник-ниссом вышел из тени, где он стоял, наблюдая за происходящей сценой, и вскарабкался на стульчик, стоящий рядом с нею. Он открыл свой поясной мешочек и стал копаться в нем. Кадия ждала, что он ответит.

— Из еды не осталось ничего, кроме сухих корешков, — пожаловался он. — Ну и денек! — Он отрезал ножом несколько кусочков и протянул их Кадии.

Она взяла и машинально стала жевать.

— Когда я была маленькой девочкой и ты впервые взял меня на болото, ты научил меня есть такие вещи. Помнишь, как часто мы сидели на сухом пайке, когда сражались с солдатами Волтрика?

Джеган кивнул:

— Мы долгие годы были друзьями, Пророчица. Как я могу покинуть тебя?

Он улыбнулся и протянул ей еще кусочек корешка.

Кадия взяла и отвернулась — теперь она не смогла сдержать слез.

— Спасибо тебе, Джеган.

Некоторое время они молча ели. Джеган поделился с ней водой из фляжки.

Наконец она проговорила:

— Харамис считает, что я не права. Неужели это так? Скажи мне правду, старина!

Джеган подумал немного, а потом ответил:

— Да. Ты не права. Эта война, придуманная тобой, — плохая идея. Если ты заглянешь в глубины своей души, ты увидишь, что тобою руководили черные мотивы. Но ты не хотела признаться в этом даже себе самой.

— О чем ты говоришь? Что же это за мотивы, скажи без обиняков!

— Не могу, Пророчица. Ты согласишься мне только тогда, когда сама все поймешь, но я думаю, что всему виной потеря талисмана.

Она кивнула, соглашаясь.

— Да. Без него я уже не была вождем.

— Чепуха! — резко ответил ниссом.

Кадия изумленно заморгала. Он никогда не осмеливался говорить с ней столь неуважительно.

— Но ведь ты сам сказал, что всему виной — потеря талисмана!

— Ты не так поняла. В твоём талисмане была заключена великая сила — волшебная сила! Но она не была частью тебя! В талисмане не были заключены ни твоя собственная сила, ни твоя жизнь, ни то, что наполняет жизнь смыслом. Дорок Шики пытался объяснить тебе это, я говорю то же самое.

— Вы оба ошибаетесь!

Он покачал головой, отрезая еще кусочек корня и отправляя его в рот. Прошло несколько минут, прежде чем он снова заговорил:

— Немногим из нас Триединый дарит такую вещь, как власть. Сама по себе власть ни хороша, ни дурна, но она может действовать и во зло, и во благо: все зависит от того, как ею распорядиться. Кто-то может отказаться от нее из добрых побуждений и при этом остаться самим собой. Потеря власти огорчительна, а порой и невыносима, но это не позор.

— То, что Анигель отдала свой талисман колдуну, было непростительной трусостью с ее стороны!

— Нет, — сказал старый охотник. — Она сделала это ради любви, а более благородного мотива не существует. Самоотверженность королевы не опозорила и не унизила ее.

— Зато я и опозорена и унижена! И доказательство тому — отказ Народа от моего лидерства! — Она подняла злополучный амулет. — Вот оно, доказательство!

— Нет, это не так. Я думаю, ты ничего не потеряла, просто отчаянно боролась с чем-то, что омрачало твою душу. Талисман не был частью твоей души, пока ты сама этого не захотела.

— Не понимаю, что ты хочешь сказать. Мне ясно только одно — я лишилась дела своей жизни, теперь я — жалкое, никчемное существо. Мне кажется, сердце мое разорвется от боли. Что делать, Джеган? Я не знаю, что теперь будет со мной...

— Королева Анигель очень нуждается в твоей помощи, — сказал старый охотник. — Ей угрожает восстание внутри страны и вторжение захватчиков извне, и ее собственный Триллиум тоже стал кровавым, потому что ее любовь к тебе превратилась в ненависть. Ты сможешь позабыть о вашей ссоре и постоять за сестру?

— Но разве Ани примет от меня помощь после того, как я наговорила ей столько ужасных вещей? Сомневаюсь... Но ты прав, Джеган. Я судила сестру слишком строго — может быть, потому, что я ничего не знаю о любви мужчины и женщины. Она искренне верила в то, что, купив Антара и успокоив свою смятенную душу, принесет пользу своей стране в тяжкую минуту испытания. Она просто не понимала, что три талисмана гораздо важнее для безопасности всего мира, чем ее собственная семья и даже ее страна. Это решение было глупо и сентиментально, но я напрасно обрушила на нее свою ярость.

Джеган кивнул:

— А война, в которую ты хотела ввязать Народ? Разве ты не понимаешь, насколько неверна твоя идея?

Кадия посмотрела на него и после длительной паузы заговорила неуверенным и в то же время полным негодования голосом:

— Неужели... неужели я хотела этой войны только для того, чтобы вернуть утраченную власть? Ох, Джеган! Неужели я могла быть такой эгоистичной?

— Ты можешь обвинять себя в этом, только если действовала сознательно.

— Нет! — В ее крике слышалось отчаяние. — Клянусь сердцем, у меня не было такой цели... — Она отвела взгляд, на лице ее отразился ужас. — Но ведь мы не всегда осознаем, что таится в глубинах души. И возможно, — о Боже! — возможно, меня захлестнули эмоции. Ты знаешь, какой нетерпеливой я всегда была! Достаточно было ис-

кры, и я вспыхивала подобно сухой былинке! Владыки воздуха, сжальтесь надо мной! Я вижу теперь... но что же мне делать?

Джеган сказал:

— Ты можешь все исправить, если забудешь об оскорбленной гордости и будешь любить. Любить Народ, от-
вернувшийся от тебя! Любить своих сестер!

— Но ведь я люблю Народ всеми силами души! Ты знаешь это.— Кадия была вне себя от горя.— И конечно, я очень хочу отправиться сейчас же к Анигели и помочь ей чем могу, вернуть ее любовь. Но я не смогу добраться до нее. Чтобы попасть в Дероргуилу, в такую ужасную погоду потребуется не меньше двадцати дней.

— Нет, это не так,— сказала внезапно появившаяся из ниоткуда Великая Волшебница.

— Хари! Ты говорила, что будешь все слушать...— Кадия разрывалась между старой обидой и новыми чувствами раскаяния.— Тогда ты все знаешь. Скажи: я правильно оценила саму себя?

— Ты сама можешь ответить на этот вопрос, сестричка.

Кадия сжала рукой амулет:

— Я была не права по отношению к Анигели, к Народу. И к тебе — тоже. Я очень сожалею об этом, и, если Триединый позволит, я бы хотела искупить свою вину перед вами.

Когда она разжала руку, вид у нее был успокоившийся.

— Пророчица! — вскрикнул Джеган.— Посмотри!

Кадия опустила глаза и потеряла дар речи. Внутри поблескивающего золотом амулета крошечный цветок с тремя лепестками был черен как ночь.

Харамис приподняла полы плаща и, подозревая Кадью и Джегана, накрыла их.

— Теперь Два Лепестка Животворящего Триллиума соединились,— сказала Великая Волшебница.— Пришло время найти третий.

Она приказала талисману перенести их в Дероргуилу, и окружающий мир стал прозрачным, как хрусталь.

С пепельно-серым лицом Черный Голос вышел из транса. Как только Великая Волшебница во второй раз появилась в Дезарисе, он потерял Кадью из виду, но уже многое увидел и услышал.

Он осторожно снял Трехглавое Чудовище с головы, спрятал диадему во внутренний карман и покинул каюту. Нужно немедленно сообщить Хозяину о том, что его надежды на вовлечение Дамы Священных Очей и оддлингов в войну с Рувендой рухнули.

Орогастус находился в огромном салоне рэктамского флагамена. Он играл с маленьким принцем Толиваром в новую игру под названием «Вторжение». Они сидели за большим столом, подвешенным к потолку в центре салона, чтобы поверхность стола не накренилась, когда корабль бросало из стороны в сторону, вверх-вниз из-за ужасного штормового ветра, который мчал пиратскую галеру к югу. Какой бы пируэт ни выделял корабль, Орогастус с Толо парили в воздухе, оставаясь все время на уровне стола. Как только Черный Голос появился в дверях, принес с собой порыв свежего ветра, колдун прочитал его мысли и удержал от рассказа о плохих новостях при мальчике.

— Я знаю, что произошло, — сказал Орогастус, принимая у старшего из Голосов талисман. — Это поражение, но вовсе не роковое. Ничего не сообщай нашим благородным союзникам. Иди освободи Желтый Голос от наблюдений за портом и возьми у него Трехвекий Горящий Глаз. Веди наблюдения сам. Особое внимание обрати на новых лиц, появившихся на сцене, — если ты их увидишь. Смотри, чтобы никто не отобрал у тебя талисман. Пусть Желтый Голос присоединится к Фиолетовому, который обучает наших людей работе с волшебными машинами.

— Слушаюсь, Хозяин.

Тщедушный Черный Голос поклонился и вышел.

Орогастус положил талисман на стол рядом с картой, и принц Толивар с нескрываемым любопытством посмотрел на серебряную диадему.

— Моя мама никогда не разрешала никому прикасаться к этой вещи, когда она принадлежала ей. Она предупреждала нас, что талисман связан только с нею и если кто-то дотронется до него, то тут же погибнет.

— Я разрешил своим Голосам пользоваться талисманом, чтобы наблюдать за всем, что происходит в мире, и все слушать. У меня мало времени, и вовсе не хочется тратить его на подглядывание и подслушивание.

Мальчик протянул к талисману дрожащую ручонку:

— А мне вы когда-нибудь дадите такое разрешение, Хозяин? Это будет великая честь для меня!

— Может, когда-нибудь дам.— Орогастус отодвинул талисманы от ребенка.— Но не сейчас. Не вздумай даже пальцем прикоснуться к талисманам, малыш. Они очень могущественны и опасны. Твоя мать, королева, и не представляла, как они опасны! Даже не до конца осознанное владельцем желание может привести к ужасным последствиям! Если дать неверную команду, талисман может обратит свою магию против загадавшего желание человека!

— Значит, нельзя просто приказать сделать что-то волшебное?

— Нет. Приказ нужно отдавать очень четко, любое отклонение от установленной формы может повлечь за собой беду. Я позволил Голосам пользоваться талисманом только для наблюдений, а это самая примитивная функция. Голоса прекрасно знают, что моему приказу нельзя не подчиниться.

— Но они не всегда в точности следуют вашим приказам,— сказал мальчик как бы вскользь.— Черный Голос, например, читал ту маленькую красную книжечку, которую вы запретили открывать.

Орогастус нахмурился:

— Правда?

— Он берет ее, когда вы спите. Я не раз видел, как он делал это уже на корабле. Он относит ее в каюту, где он живет с Фиолетовым Голосом. Может, они читают ее вместе.

— Они зря это делают,— неожиданно весело проговорил Орогастус.— Возможно, мне следует заколдовать эту

книжечку, чтобы она скрыла свои секреты. Я говорил тебе, что это особая книга.

Лицо принца просияло, изображая преданность.

— Я бы никогда не стал читать ее без вашего разрешения, Хозяин.

— Хорошо.— Колдун указал на разложенную перед ними карту.— Давай закончим игру. Скоро мне придется заняться другими делами.

Принц Толивар приблизился к столу на своем невидимом стульчике, высыпал пригоршню костей и прочитал сложившуюся из них надпись. Потом передвинул помеченный красным флажок, обозначавший его боевой корабль, на одну позицию ближе к Лакане — большому портовому городу Лаборнока, который находился ближе других к Дероргуиле.

— Я знаю, о чем ты думаешь,— с улыбкой сказал Орогастус.— Ты хочешь заняться Лаканой, чтобы из этого порта не пошло подкрепление в столицу.

— Да. В Лакане есть быстроходные суда. Если там узнают, что Дероргуилу осаждают мои боевые корабли, они пошлют подмогу.

Орогастус медленно кивнул:

— Вижу. Это хороший тактический ход, но никудышная стратегия. Ты знаешь разницу между этими двумя понятиями?

— Нет, Хозяин.

— Тактика — это маневры, которые ты предпринимаешь, чтобы выиграть сражение. Она преследует краткосрочные цели. Стратегия же предусматривает достижение дальних планов...

— Вы хотите сказать, победу в войне?

— Точно! А сейчас я должен предостеречь тебя: твои переменчивые союзники из Лабровенды не являются искренними друзьями. Если пираты атакуют Лакану, некоторые, а может быть даже все, опять перейдут на другую сторону, потому что у многих в Лакане живут семьи.

— Но ведь это не наверняка! — Глаза Толо упрямо вспыхнули.

Орогастус перемешал кости и бросил их на стол:

— Давай посмотрим. Я тоже контролирую мятежников, как и ты... ага! Смотри!

Все повстанческие войска Толо повернули от Дероргуилы на защиту Лаканы. Еще пять ходов, и Толо обнаружил, что ректамцы потерпели поражение. Защищаемая Орогастусом столица была спасена.

— Ничего, в следующий раз, когда настанет моя очередь защищать Дероргуилу, выиграю я! — заявил Толо. — Это мой дом в конце концов. То есть Дероргуила была моим домом, пока я не переехал в Тузамен.

Орогастус рассмеялся:

— И когда ты будешь защищать свой дом, ты пострадаешь. Ну ладно... Исход войны не всегда можно предсказать. Иногда все решают мужество и боевой дух войска. Даже малочисленная и плохо вооруженная армия может одержать победу, если ее воины обладают сердца-ми более храбрыми, чем сердца противника.

Толо испытующе взглянул на колдуна:

— А если больше всего на свете хочешь победить, как этого добиться?

— На твой вопрос не так-то легко ответить, малыш. Я не генерал. Но, по моему мнению, самым ценным оружием в войне является неожиданность. Если мне нужно во что бы то ни стало выиграть войну, я должен сделать то, чего никто не ожидает.

— Вы хотите сказать, обмануть? — смущенно спросил Толо.

— Вот именно. В настоящей войне нет таких жестких правил, как в игре. А иногда вообще нет никаких правил. — Орогастус собрал кости, голубые и красные фишки и кинул их в резную шкатулку.

Карта, служившая игровым полем, осталась на столе.

— А теперь ты должен оставить меня. Иди пока в кормовой отсек, почитай одну из книг, которые я дал тебе. Мне нужно заняться серьезными делами. Наше плавание почти закончилось, и скоро ты станешь свидетелем той самой неожиданности, о которой я говорил.

— О, пожалуйста, скажите, куда мы направляемся? — взмолился принц. — Никто, кроме штурмана, не знает, где мы находимся, а он ни за что не скажет. Мы едем в тузаменский замок Тенеброза? Это было бы прекрасно! Мне так хочется взглянуть на чудеса! Или мы опять плывем к Виндлорским островам, чтобы наказать злых туземцев и забрать у них сокровища?

— Терпение! Скоро ты все узнаешь. А теперь мы должны расстаться.

Мальчик спрыгнул на покрытый ковром пол и послушно направился к выходу из каюты, на время плавания превращенной в библиотеку и рабочий кабинет колдуна.

Щелчком пальцев Орогастус запер дверь и некоторое время сидел, погрузившись в мысли. Потом надел на голову Трехглавое Чудовище.

— Покажи мне Великую Волшебницу Харамис, — прошептал он.

В его сознании вспыхнул яркий свет, замелькали беспорядочные радуги, и окружавшие его предметы салона растаяли. Как всегда, он сосредоточил свою мысленную энергию, повелевая Великой Волшебнице явиться ему и наконец оказаться с ним с глазу на глаз. Но когда талисман заговорил, колдун услышал все ту же пугающую формулировку:

Великая Волшебница Харамис не позволит тебе наблюдать за ней и не станет разговаривать с тобой.

— Тогда ты заставь ее поговорить со мной! — потребовал колдун. — Скажи ей, что пришло время предотвратить страшное кровопролитие, которое начнется послезавтра в Дероргуиле. Она сможет остановить его, если выслушает то, что я скажу ей...

Она знает, что ты скажешь ей, и заранее отказывается от любого сговора с тобой.

— Черт бы побрал эту женщину!.. Она не умеет читать мои мысли! У меня есть новое предложение! Талисман, заставь ее хотя бы выслушать меня! И если она захочет отказаться от моего предложения, пусть сделает это сама!

Великая Волшебница не позволит тебе наблюдать за ней, не станет разговаривать с тобой и не встретится с тобой лицом к лицу, пока сама этого не пожелает.

Орогастус застонал и выругался, срывая талисман с головы. Цветная радуга исчезла, и он опять увидел позолоченные и разрисованные панели салона рэктамского флагамана. Он вздохнул.

Портрет королевы-регентши, который висел на почетном месте в самой большой каюте корабля, был заменен простеньким морским пейзажем. Король Ледавардис не хотел, чтобы в общественных местах висели изображения его малопривлекательного лица. Вспомнив о том, что юный король отказался доверить командование пиратами тузаменскому военачальнику Зокумонусу, Орогастус нахмурился. Король решил сам командовать восемью своими армиями.

Во время нападения на Дероргуилу надо будет не спускать глаз с Ледавардиса — и не только для того, чтобы не допустить слабости или вероломства. Если он погибнет или получит тяжелое ранение, рэктамцы могут выйти из-под контроля. Между дикими пиратами и надменными перебежчиками может вспыхнуть конфликт. Орогастус знал, что еще не обладает достаточной властью над своими талисманами. Он мог использовать их для защиты армии и наблюдения за передвижениями противника, но их наступательный потенциал по-прежнему был для него загадкой. С помощью Трехглавого Чудовища и Трехвекого Горящего Глаза войну не выиграть.

И тем не менее колдун не сомневался в благополучном исходе. Защитников было очень мало, и он располагал волшебным оружием Исчезнувших, в то время как у Двух Тронов была одна лишь Харамис.

Черт бы ее побрал! Почему он раз и навсегда не выбросит ее из головы? В его великих мыслях нет места для нее. И сам он в ней не нуждается!

— Если она откажется присоединиться ко мне, пусть тогда погибает вместе со всеми! — заговорил он вслух.

На несколько мгновений он задумался. Потом попросил диадему показать ему расположение рувендийских

войск, которые отправились на помощь Вару, чтобы дать отпор зинорцам и их союзникам-пиратам. Этот конфликт был уже ликвидирован, и победоносные воины Рувенды возвращались домой.

На карте, лежащей перед ним, вспыхнули светящиеся точки, обозначающие границы между Рувендой и Варом вдоль реки Мутар и Тассалейского леса.

«Неплохо,— подумал колдун.— Вряд ли они успеют вовремя подойти к Дероргуиле».

Потом он посмотрел на лорда Осоркона и его мятежников. Они спрятались в лесах в шестнадцати лигах от столицы Лаборнока. Пока их присутствие удалось сохранить в тайне, убив бедных угольщиков, живших в этих краях, да нескольких случайных путников, которые, на свою беду, путешествовали по лесу, но долго скрывать продвижение этой небольшой армии не удастся. Если Харамис еще не обнаружила ее, это всего лишь вопрос времени, да и король Антар скоро заинтересуется, почему среди отрядов вооруженных людей, прибывающих в Дероргуилу для обороны, нет лорда Осоркона и его рыцарей.

Ну да ладно. В основном события развиваются так, как и было задумано. Рэктамцы должны быть готовы к нападению с тыла: могут подойти из Лаканы преданные Двум Тронам суда. Но с этим легко будет справиться: Орогастус засмеялся. Выход невольно подсказал невинный принц Толивар! Из мальчика удалось вытянуть немало сведений об укреплениях вокруг дворца. Харамис, несомненно, попытается защитить свою сестру с помощью волшебства, но в конце концов и королева Анигель, и наследный принц Никалон, и принцесса Джениль будут захвачены в плен, как и Кадия, если она встанет на сторону сестры.

Когда все они будут казнены, Антар погибнет в сражении, а клятвопреступник Осоркон получит по заслугам (ведь никто не собирается оставлять в живых перебежчиков), маленький принц Толивар останется единственным наследником лабровендской короны. И Лабровенда превратится в послушного вассала Рэктама... пока Орогастусу не надоест улаживать короля-карлика.

Все должно быть просто чудесно. И выглядеть вполне законно, так, чтобы комар носа не подточил.

Орогастус удовлетворенно кивнул своим мыслям. Никогда еще завоевание мира не казалось ему настолько беспронгрышным делом. В Рэктаме и Зиноре правят мальчишки, скоро то же самое будет и в Лабровенде. На островах Энджи — дряхлые монархи, на троне Вара пожилая чета. Республиками Имлит и Окамис управляют безмозглые купчики, Галанаром — престарелая матрона, у которой только несколько глупых наследниц-дочерей. Чтобы покорить Саборнию с ее длинноносыми варварами, потребуются некоторые усилия, но со временем она тоже падет — и весь мир будет у его ног.

К тому времени он овладеет магией в совершенстве! Даже если третий талисман не попадет к нему в руки сразу, он подождет. И наконец, через двенадцать тысячелетий ожидания, миром будет править Звездная Гильдия.

Звезда...

Новые члены Гильдии будут безраздельно преданы своему Хозяину.

Орогастус опять нахмурился: он вспомнил слова Толо о том, будто бы Черный Голос пытался читать красную книжечку. Хотя колдун не очень-то доверял маленькому принцу, даже намек на подобное непослушание со стороны главного из его помощников беспокоил колдуна. Черный, несмотря на свое хрупкое телосложение, был самым способным из Голосов, он больше других годился для вступления в Звездную Гильдию. Но всей ли душой предан он Хозяину? И сохранят ли верность Желтый и Фиолетовый Голоса?

Поколебавшись, Орогастус принял твердое решение.

Больше нельзя откладывать то, что задумано. Пока не началась военная сумятица, нужно раз и навсегда определить, является ли преданность Голосов истинной, или недовольство и зависть отравили их послушание.

Он надел на голову диадему и вызвал своих помощников.

Все трое быстрыми шагами вошли в салон. Ветер стих, и огромный корабль плыл спокойно. Черный Голос, ко-

торый с помощью Трехвекого Горящего Глаза следил за Ледавардисом и Дероргуилой, рассказал Хозяину, что уйзгу страшно удивились таинственному исчезновению Кадии и Джегана.

— Некоторые из них очень напуганы, они считают, что это вы, Хозяин, похитили их, — сказал Черный. — Но ведь это невозможно. Остается думать, что Великая Волшебница каким-то образом забрала их оттуда.

Орогастус поднялся из-за стола и принялся расхаживать взад-вперед, размышляя над подобной возможностью. Неужели Харамис научилась проделывать такие немислимые трюки? Последние двенадцать лет он ничего не слышал о ней. Но если она умеет волшебным способом переносить людей, почему же она не спасла короля Антара и его детей? Почему не перенесла солдат Рувенды в Дероргуилу? Орогастус знал, что задавать подобные вопросы талисманам бессмысленно. Они хранили упорное молчание во всех вопросах, касающихся Харамис и ее поступков.

Черный Голос продолжал докладывать:

— Я не обнаружил следов пребывания Кадии в Дероргуиле. Правда, если сама Великая Волшебница взяла ее под свою защиту, она, как и Белая Дама, стала невидимой для обзора. Хозяин, эта история беспокоит меня. Если Великая Волшебница способна переносить людей, она сможет во время атаки вывести из опасного места королеву и двух старших детей. Тогда ваш план разрушится, и маленький принц Толивар не сможет стать наследником Двух Тронов — ведь королевская семья не погибнет!

— Думаю, это не так, — немного поразмыслив, ответил колдун. — Даже если Анигели удастся избежать смерти, она не сможет помешать нашей победе. Она не воительница, не то что ее сестра Кадия. Мы всегда можем пустить слухок, что и она, и ее дети погибли, и Лабровенда капитулирует еще до того, как Анигель опровергнет это и соберет новую армию.

— Вы, несомненно, правы, Хозяин, — сказал Фиолетовый Голос. — Даже Великая Волшебница не справится с тринадцатью тысячами мужчин.

— Если бы она могла это сделать, — с улыбкой сказал колдун, — она бы давно это сделала. Через час наш флот подплывет к берегам Лаборнока. Люди лорда Осоркона уже готовы нанести удар. Нам нужно только высадить на берег тузаменских воинов, чтобы они смогли воспользоваться волшебным оружием Исчезнувших. Мы будем придерживаться первоначального плана и атакуем Дероргуилу послезавтра... Именно поэтому я и призвал вас, дорогие Голоса.

Он протянул руку за Трехвеким Горящим Глазом, и Черный Голос с почтительным поклоном отдал ему талисман. Три помощника встали в ряд, ожидая продолжения. Орогастус взялся за тупое лезвие декоративного меча, так что рукоятка с тремя веками оказалась сверху. На голове колдуна покоилось Трехглавое Чудовище.

— Голоса мои, в последнее время я узнал странные вещи: будто кто-то из вас стал завидовать принцу Толивару, кто-то испугался, что я не буду нуждаться в вас теперь, когда в моем распоряжении оказались два могущественных талисмана, кто-то нарушил мой запрет, касающийся маленькой красной книжечки под названием «История войны»... Но было кое-что и похуже: два раза я искал Звездный Сундук и не мог найти его, не прибегнув к помощи талисманов, а потом обнаруживал в самом неподходящем месте, где его держали явно для того, чтобы проникнуть в его секреты.

Голоса зашумели, стали все отрицать и уверять Хозяина в безграничной преданности.

Орогастус жестом заставил их замолчать:

— Нет нужды в долгих речах. С помощью этого талисмана, — он поднял вверх тупой меч, — я спокойно установлю истину.

Три помощника в ужасе усталились на трехвековую рукоятку меча. Со лбов и бритых макушек Фиолетового и Желтого Голосов потекли струйки пота. Черный Голос в своей траурной одежде стал похож на труп.

— Ну что ж, грехи бывают разные, некоторые из них можно простить, — продолжал Орогастус. — Невинное лю-

бопытство, обидчивость и раздражительность, беззлобное ворчание, которые не разъедают душу до сердцевины, — не такие уж тяжкие преступления. Но существуют и другие — они убивают душу, их смывают только кровью. Может быть, такие грехи простят небеса, но не я! Это черная зависть, которая может причинить вред тому, кому завидуют, это измена своему Хозяину, жажда власти. — Орогастус протянул талисман Фиолетовому Голосу. — Положи руку на рукоятку и поклянись, что в твоей душе не нашлось места тем смертным грехам, которые я только что перечислил.

Глаза Голоса от страха наполнились слезами, губы затряслись. Он дрожащей рукой коснулся трех век.

— Я... я клянусь, — прошептал он.

Три века открылись, и три глаза кинули взгляд на Фиолетового Голоса.

Потом они закрылись. Казалось, человечек вот-вот лопнет, как воздушный шарик.

— Они не убили меня! — дико закричал он и разразился рыданиями.

Орогастус сочувственно произнес:

— Возьми себя в руки, мой Фиолетовый Голос! Ты прошел испытание. Наступит день, и ты станешь полноправным членом могущественной Звездной Гильдии.

Фиолетовый Голос вздрогнул, и рыдания тут же смолкли.

— Теперь ты, мой Желтый Голос, — сказал Орогастус.

Приземистый человечек в шафрановых одеждах был смелее и решительнее своего брата. Когда он дотронулся до трех век, рука его не дрогнула. Глаза Народа, человечества и Исчезнувших широко распахнулись, внимательно оглядели его и закрылись. Желтый Голос тяжело вздохнул.

— И ты оправдал мои надежды, — сказал Орогастус. — А теперь последнее испытание.

Он протянул талисман Черному Голосу. Какое-то мгновение главный помощник колебался, пристально глядя в

глаза Орогастусу. Его бледное лицо выражало легкое раскаяние, наконец он заговорил равнодушным голосом:

— Мы посвятили свои жизни — свои единственные жизни — вам, Хозяин. Мы служили вам самозабвенно. А теперь, когда пришло время выбирать себе наследника, вы не избрали ни одного из нас. Вы все завещали этому испорченному ребенку, а... не нам, которые так любили вас.

Он положил руку на трехвековую рукоятку, нисколько не волнуясь. Когда три глаза открылись, они засияли нестерпимым светом. Три бело-голубых луча вырвались из них и поразили Черного Голоса в лоб. Он беззвучно упал на покрытый ковром пол. Его черная одежда осталась невреждена, а сам он превратился в горстку пепла.

Орогастус отвернулся, чтобы двое других помощников не видели его лица.

— Выбросите все в море. Потом ты, Желтый Голос, вернешься сюда за Трехвеким Горящим Глазом. Продолжай осторожно наблюдать за Дероргуилой, а Фиолетовый закончит подготовку солдат.

— Слушаемся, Хозяин.

Окаменевшие от ужаса помощники наклонились и стали собирать то, что осталось от их собрата.

В это же время дрожащий принц Толивар отскочил от замкового отверстия двери, ведущей в салон, и забился в самый темный угол каюты, засунув большой палец в рот, чтобы не заорать. Он был испуган до потери сознания. А сам он разве не мечтает завладеть могущественным талисманом? Разве он не виновен в еще более страшном грехе? Ох, и зачем только он поддался искушению?

Если Хозяину вздумается испытать его, он наверняка будет сожжен так же безжалостно, как и Черный Голос.

К тому же игра во вторжение, в которую они так весело играли с Орогастусом, была вовсе не игрой! Колдун плывет в Дероргуилу, и его пираты на самом деле хотят захватить город! И собираются убить и маму, и Ники, и Джен... а его использовать вместо игрушки, как когда-то использовала карлика королева-регентша.

— Я был глупым младенцем, — сказал себе Толо, — папа был прав.

Он начал всхлипывать, но какое-то шестое чувство подсказало ему: если он выдаст себя и колдун поймет, что Толо был свидетелем происходившего в соседней каюте, принц погибнет такой же лютой смертью, как Черный Голос.

Тогда принц Толивар вскарабкался на столик, открыл иллюминатор и жадно втянул в себя прохладный туман. Успокоившись, он уселся с одной из книг, которые дал ему колдун, и сделал вид, что читает, беззвучно шевеля губами.

Через час Орогастус отпер дверь и сказал, что пора ужинать.

— Ну что, чему ты научился за это время?

Толо заблеял, как ягненок:

— Я не так много узнал, Хозяин, мог бы узнать больше. Извините меня, но большую часть времени я проспал. Очень трудно читать такие длинные слова, и я устал после игры.

— Ничего страшного, — добродушно сказал колдун. — У тебя еще будет много времени для чтения.

Он взял маленького мальчика за руку, и они вместе пошли в королевскую столовую, где их ожидали король Ледавардис, генерал Зокумонус и рыцари Рэктама и Тузамена.

Глава 25

— Ну вот, теперь ты чувствуешь?

Голос королевы Анигели странно дрожал, а рука невольно потянулась к подолу платья, где в складках шерстяной материи был спрятан амулет. Она стояла с королем Антаром у окна приемного зала на верхнем этаже дероргуильского дворца. Они только что отужинали и смотрели вниз. Придворная жизнь уже затихала, как вдруг опять поднялась суматоха. На этот раз подземный толчок был настолько силен, что посуда на столе задребезжала, а свисающие с потолка позолоченные люстры начали раскачиваться.

Король взял холодную руку жены. Несмотря на то что в камине полыхал огонь, в комнате было прохладно.

— Да, я чувствую. Должно быть, это небольшое землетрясение. Но тебе не о чем волноваться, милая. Когда я был ребенком, время от времени здесь случалось такое, но никто от этого не пострадал.

— Это совсем другое, — настаивала королева. Ее сапфировые глаза затуманились от страха. — Я нутром ощущаю, что нам грозит страшная катастрофа. И дело не только в Орогастусе и его отвратительном пиратском флоте! Все гораздо более опасно! Землетрясения напоминают о том, что спокойствие мира нарушено, а я несу за него ответственность!..

— Тихо, любовь моя. Неудивительно, что ты так взволнована, когда над нами нависла угроза атаки рэктамцев.

Антар приложил палец к ее бескровным губам и нежно обнял. Его лицо осунулось, темные круги под глазами свидетельствовали о постоянном недосыпании. Последние шесть дней оба трудились не покладая рук — с той самой минуты, как Великая Волшебница рассказала им об агрессивных планах Орогастуса. Тем не менее королева постоянно пребывала в истеричном состоянии, и Антар волновался о ее здоровье не меньше, чем об обороне столицы.

— Почти десять тысяч пиратов! — прошептала Анигель, крепче прижимаясь к мужу. — Может быть, сейчас под прикрытием шторма они уже приближаются к городу!

— Но сегодня утром Харамис еще раз заверила меня, что они нанесут удар не раньше чем послезавтра. Кроме того, она обещала нам помочь справиться с волшебной силой Орогастуса и сделать так, что на каждого воина придется по одному пирату.

— Харамис обещает помощь, но не объясняет, в чем будет заключаться эта помощь! Почему она так скрытничает, почему ничего не говорит о природе своего нового могущества? Когда я умоляла ее уничтожить пиратский флот с помощью талисмана, она заявила, что не может сделать этого! Я сказала ей, что только четыре тысячи

опытных воинов откликнулись на наш призыв вооружаться, а она говорит, что не в состоянии перебросить сюда рувендийскую армию с помощью волшебства...

— Если лорд Осоркон и его люди остались верны нам, на что я очень надеюсь, у нас хватит сил изгнать врага, несмотря на его численное превосходство. Дероргуила хорошо укреплена. За последние сто лет рэктамы пять раз безуспешно осаждали ее. Даже если падет наша крепость на мысу, пушки на укрепленных высотах у входа в гавань, несомненно, отразят любые попытки пиратов высадиться на берег. А что касается помощи, которую обещает нам Харамис, мы во всем должны положиться на ее добрую волю. Она сказала, что придет к нам, когда сможет. А до тех пор я могу только сделать все необходимые приготовления и молить Триединого о защите и Владык воздуха о покровительстве.— Антар взял в свои руки лицо Анигели.— И ты должна делать то же самое, милая. Тоже молись — о том, чтобы меня не оставили силы и мужество.

— Прости,— прошептала Анигель, прижимаясь к мужу.— Какая я дура, своими истериками я только усложняю твое положение.

Он поцеловал ее:

— Я люблю тебя. Помни об этом.

Все еще шел сильный дождь, и то и дело об оконное стекло ударялись градины. Град в сухой сезон на далеком юге, в Дероргуиле! Король подавил дрожь. В конце концов, опасения Анигели, ее дурные предчувствия не так уж беспочвенны...

Солнце только начало садиться, но в городе было темно, как ночью, из-за опустившегося на него ледяного тумана. Уже горели уличные фонари и костры около караульных башен дворца, и от них завеса, окутывающая город, становилась еще плотнее. Дероргуила, самый большой и богатый город Полуострова, готовилась к отражению удара рэктамцев.

Внутренние помещения за крепостными стенами дворца были заполнены вновь прибывшими солдатами, рыцарями, восседающими на боевых конях, и полками охраны. Снаружи по королевской дороге подтягивались запозда-

лые повозки с провиантом и боеприпасами для катапульта. Офицеры размахивали факелами, служившими своеобразными маяками в потоке телег и пешеходов. Большинство мирных жителей, которым было приказано покинуть город, уже выехали. Слуги закрывали ставни на окнах нижних этажей тех домов около дворца, где еще остались охваченные паникой хозяева.

Вдоль набережной горели огни, и небо над морем было окрашено в пурпурный цвет. Большие корабли лабровендского флота уже покинули порт, чтобы вступить в схватку с пиратами в открытом море, и теперь маленькие суденышки, связанные в единую цепь, выстроились у входа в гавань. К ним подвозили людей, снаряжение и боеприпасы. Они тоже готовились к битве.

Снова завыл ветер, и в оконное стекло ударил град — словно кто-то метнул пригоршню камешков.

— Кошмарная погода! — Анигель плотнее закуталась в наброшенную на плечи шаль. — Наши солдаты не готовы к бою в такой холод, а если осада затянется, уехавшие жители за городом будут страшно мерзнуть.

— Если Осоркон и его рыцари верны нам, можно надеяться на скорую победу. Они могут привести больше трех тысяч бойцов, и тогда в обороне мы будем сильны. Эта дрянная погода гораздо больше вредит не нам, а нашему противнику.

— Но придет ли Осоркон? — Подозрения мучили королеву. — Я знаю, он уверял тебя в своей преданности и в том, что нисколько не замешан в действиях своей сестры Шэрис. Но он и его сторонники всегда были против участия представителей Рувенды в правительстве Двух Тронов.

— Осоркон придет, — настаивал Король. — Всего два часа назад прибыл гонец из Критами и сообщил, что его войска на подходе. Если эти бури не превратили горные тропы в непроходимые, скоро они выйдут на прямую дорогу к городу.

— Если бы у меня был талисман! — вздохнула Анигель. — С его помощью я могла бы проследить за Осорконом и узнать, не сговорился ли он с нашими врагами,

в чем так уверены Ованон и Лампиар... Талисман мог бы также подтвердить или опровергнуть страшный слух, который передал леди Эллинис один из ее возничих.

— Что за слух?

Анигель замешкалась, а когда ответила, ее голос дрожал от страха:

— Говорят, что оддлинги спускаются с горных плато на далеком западе, поскольку из жилищ их гонит ужасный холод. Они говорили крестьянам, что Вечный Ледник снова наступает, льды опять приходят в движение и скоро заполнят весь мир, если не будет восстановлено равновесие...

— Чепуха! — фыркнул король. — Эти ураганы — наверняка дело рук колдуна. Он использует погоду как оружие. Даже в старые времена он всегда хвастался своим умением управлять бурями. Но он не посмеет и дальше продолжать это, иначе его собственным людям будет грозить опасность... Великий Зото!

Массивные каменные стены дворца вновь зашатались. На этот раз сотрясение было таким яростным, что из камина взметнулось облако сажки, чуть не загасив огонь. Два оконных стекла дали трещины, а доспехи короля, лежавшие в готовности на походном мешке, с лязгом упали на каменный пол. Анигель уткнулась головой в грудь мужа, но не закричала, хотя стены здания продолжали содрогаться.

Потом все утихло.

— Все кончено, — сказал Антар. — Нужно пойти посмотреть, все ли...

Кто-то начал стучать в дверь.

— Войдите! — крикнул король.

В дверном проеме показался лорд Пенепат. Его круглое добродушное лицо было бледно. За ним виднелись три фигуры в накидках и капюшонах.

— Ваше... ваше величество, эти важные дамы и их спутник только что прибыли и просят аудиенции.

Женщина в белой накидке оттолкнула камергера и вошла в зал.

— Мы не ожидали, что нас встретят землетрясением.

— Хари! — радостно вскрикнула Анигель, узнав старшую сестру, и кинулась к ней. — Слава Богу! Ты здесь сама, а не твой призрак, не просто видение! Как замечательно! — Они обнялись. — Ты прилетела сюда на спине ламмергейера?

— Нет. Теперь мой талисман переносит меня туда, куда мне захочется, — вместе с теми, кого я касаюсь.

Из коридора в комнату вошли Кадия и Джеган, и Анигель уставилась на них в изумлении.

— Ты можешь перенести их с помощью магии, но не в состоянии перебросить сюда подкрепление из Рувенды?

— У меня нет времени, чтобы перебросить сюда достаточное количество людей, — сказала Великая Волшебница. — К тому же солдаты Рувенды измотаны, многие остались в Варе залечивать раны. Будет лучше, если я воспользуюсь своей волшебной энергией в других целях.

— Скажи — как? О Боже, помоги нам! Опять начинается!

Дворец снова задрожал от подземных толчков.

Харамис подняла талисман и прошептала несколько слов, которых никто не расслышал, потом громко сказала:

— Я укрепила землю под Дероргуилой. Сильного землетрясения здесь не будет.

— Нужно передать нашим людям, чтобы они не волновались, — решил король. — Пенапат, сейчас же иди и сообщи всем, что сюда прибыла Великая Волшебница, и она защитит...

— Нет! — воскликнула Харамис. — Никто, кроме тех, кто находится здесь, не должен знать о моем присутствии. И вы все будьте осторожны, не выдавайте меня. Орогастус постоянно следит за вами с помощью своих талисманов. Моя помощь будет более ценной, если колдун не будет знать, где я нахожусь и что собираюсь предпринять.

— Но люди в страхе ожидают новых подземных толчков, — сказал король. — Мы не можем как-нибудь успокоить их?

Харамис задумалась, потом ее лицо просияло.

— Лорд Пенапат, идите к советнику Лампиару, пусть он объявит, будто ученые выяснили, что землетрясения

прекратились и больше бояться нечего. Но запомните! Ничего не говорите о том, что я здесь, не говорите, что здесь Кадия и Джеган!

Камергер поклонился и вышел, закрыв за собой дверь.

Теперь к королеве направилась Кадия, она вытянула руки вперед и робко улыбнулась.

Лицо Анигели тут же посуровело. Она холодно кивнула Даме Священных Очей, отвернулась и заговорила с Великой Волшебницей:

— Расскажи, что тебе известно об Орогастусе и пиратах. Они все еще планируют напасть на нас послезавтра?

— Рэкта́мский флот будет около города через три часа,— сказала Харамис.— Корабли встанут на якорь возле мыса Дера-Страйт, туман укроет их. Они готовы нанести удар и ждут только команды колдуна. Однако атаковать они все-таки собираются послезавтра, мне случайно удалось подслушать. Это связано с тем, что пираты до сих пор обучаются обращению с волшебным оружием, привезенным Орогастусом из Тузамена.

— А как там лорд Осоркон и его товарищи? — поинтересовался король.— Они на самом деле движутся к Дерроргуиле, чтобы помочь ее защитникам, или все-таки замышляют измену?

— Я могу понаблюдать за этими людьми ради тебя,— нахмурившись, сказала Великая Волшебница,— но я не умею читать в людских сердцах. Пока я смотрю на них, они могут изменить свои намерения. Подожди немного, я погляжу, где они находятся...

Антар и Анигель приготовились к ожиданию. Они были встревожены. Харамис взяла талисман, лицо у нее стало отсутствующим. Она застыла надолго, и Кадия воспользовалась паузой, чтобы снова обратиться к Анигели:

— Я понимаю, почему ты так холодно встретила меня, Ани. Я обращалась с тобой недопустимо резко. Я не имела права осуждать тебя за то, что ты отдала свой талисман как выкуп за мужа и детей. Принимать решение было твоим правом. Я... я очень сожалею о том, что так злобно вела себя, и прошу у тебя прощения.

— Я тебя прощаю,— холодно сказала Анигель, но не сделала ни одного движения навстречу сестре.

— Я была бы счастлива оказать тебе посильную помощь в защите страны,— прибавила Кадия.

— Один лишний боец,— ответила королева,— вряд ли что-то изменит, у Рэктама и Орогастуса — огромное численное превосходство. Но если мой муж примет тебя в ряды своих воинов, я не буду возражать.

Она снова отвернулась и стала поднимать с пола упавшие доспехи мужа. Маленький Джеган, стараясь быть незамеченным, подошел к камину, подмел пепел и выпавшие угли и стал подбрасывать дрова в затухающий огонь.

— Жаль, что мои извинения не уменьшили пропасть, разделившую нас с тобой,— тихо и печально проговорила Кадия. — Если тебя раздражает мое присутствие, я могу попросить Хари перенести меня в другое место. Но клянусь, я отдам жизнь, защищая тебя и твоих детей.

— Благодарю, это не требуется. Ты давным-давно связала свою судьбу не с человечеством, а с аборигенами, так что для тебя лучше было бы присоединиться к ним... Если слухи верны, скоро Народу очень нужна будет твоя помощь и поддержка.

— Что ты хочешь сказать? — воскликнула Кадия.

Анигель выпрямилась, в руке она держала стальную рукавицу Антара. Из глаз у нее текли слезы.

— Мы обречены — вот что я хочу сказать! И человечество, и аборигены! Я говорю не только о пиратах и падении Двух Тронов, а о конце света! Это и моя вина, и твоя — мы не должны были допустить, чтобы наши талисманы оказались в руках этого дьявола Орогастуса!

— Она сошла с ума? — спросила Кадия Антара. — То, что она болтает, не может быть правдой! — Она подняла свой янтарный амулет. — Ани, моя милая сестренка, посмотри! Мой цветок опять стал черным как ночь! Я уверена, что это добрый знак, удача будет на нашей стороне, мы вовсе не обречены!

Слезы все так же струились по щекам королевы. Она положила на диван стальную рукавицу и вытащила из

складок одежды свой амулет. Внутри сверкал кроваво-красный бутон.

— Может быть, я была не права, когда говорила об оддлингах, может быть, погибнуть суждено только людям, когда Вечный Ледник покроет нашу бедную землю! — Анигель указала рукой на окно. — Неужели ты не слышишь диких завываний ветра, не видишь этого ледяного дождя? Такая погода — не редкость в высокогорье или в глухих северных районах Тузамена, но у берегов Лаборнока, у теплого моря это невиданно! Из-за наших проклятых талисманов мир перевернулся вверх тормашками! Ни ты, ни я никогда не знали, как управляться с ними, и я уверена, что Орогастус тоже не умеет ими пользоваться! Один Бог ведает, что замышляет этот отвратительный колдун, что еще он напустит на нас. Землетрясение и эта ужасная погода — всего лишь предвестники страшного катаклизма, который надвигается на мир! Пусть Харамис, если сможет, попробует предотвратить его!

Антар и Кадия посмотрели на Великую Волшебницу, но она все еще пребывала в трансе.

— Что это за слухи о Вечном Леднике? — спросила Кадия Антара.

— Говорят, будто оддлинги спускаются с гор, спасаясь от наступающих льдов. Может быть, это всего лишь слухи. — Он махнул рукой. — Никто не знает точно, так ли это. Лампиар, самый известный наш ученый, утверждает, что здесь с доисторических времен не было такой кошмарной погоды. За последние шесть ночей треть лаборнокского урожая зерновых погибла. Часть померзла, часть сгнила от дождей, а то, что осталось, скорее всего, тоже никуда не годится. Какая разница, что явилось причиной этого несчастья — колдовство или капризы природы? Пусть мы отразим нападение пиратов — все равно наша страна превратится в пустыню.

— Я обнаружила лорда Осоркона, — внезапно заговорила Великая Волшебница.

Антар и Кадия посмотрели на нее с ожившей надеждой; даже королева обратила к сестре печальное лицо.

— Он и его армия, состоящая приблизительно из трех тысяч человек, расположились лагерем в роще Атакум в шестнадцати лигах к юго-западу от города.

— Замечательно! — воскликнул король. — Значит, завтра они наверняка будут здесь!

— Боюсь, что не будут, — сказала Великая Волшебница. — Они стоят в этой роще уже минимум два дня, и не похоже, что собираются отправляться в путь. Я быстро осмотрела лагерь, поэтому не могу сказать ничего определенного, кроме того... что армия Осоркона выступит только тогда, когда пираты высадятся в Дероргуиле и война будет в самом разгаре. Тогда Осоркон и войдет в город.

— О, зубы Зото! — простонал король. — Значит, он все-таки предал нас! Он предал не только Два Трона, но, по-видимому, и своих союзников-пиратов! Несомненно, он будет выжидать, пока рэктамцы и защитники города перебьют друг друга, а потом попытается сам захватить его.

— Вероломное отродье! — вскричала Кадия.

Король Антар повернулся к Великой Волшебнице:

— Белая Дама, кажется, теперь нам остается надеяться только на тебя и на твою магию. Со своими четырьмя тысячами воинов нам не справиться с врагами, атакующими и с моря, и с суши.

— Я всего лишь женщина, и у меня почти нет опыта в высокой магии, — сказала Харамис. — Конечно, я сделаю все, чтобы помочь вам, но Орогастус вполне способен бороться со мной, он тоже обладает волшебной силой. К тому же я не могу сознательно и преднамеренно навлекать смерть даже на захватчиков. Это будет противоречить принципам Великих Волшебников. Я должна быть защитницей всех живых существ в этом мире, независимо от того, к какой расе или к какому народу они принадлежат.

— Ты... ты не будешь использовать магию, чтобы уничтожить гнусных агрессоров? — закричала Анигель с возмущением.

— Нет, — ответила Великая Волшебница. — Даже ради спасения Двух Тронов.

Спокойно заговорила Кадия:

— Но, Хари, если Ани права и опасности подвергается весь мир? Чтобы спасти мир, разве ты не убьешь Орогастуса?

Харамис опустила глаза:

— Это спорный вопрос. Если я не смогу победить его магию, я погибну. Если смогу, зачем убивать его? Есть место, куда его можно заточить навеки.

— Если он до этого не разрушит весь мир! — крикнула Анигель. — Если он первый не убьет тебя!

Харамис сказала:

— Орогастус понятия не имеет, какая опасность заключена в Скипетре Власти, да и я до конца не знаю этого. Мне придется посоветоваться с моей подругой, Великой Волшебницей Моря, чтобы узнать, как восстановить равновесие мира.

— Тебе нужно спешить, — закричала Анигель, — не то пираты сожгут Дероргуилу дотла, а Орогастус обрушит на наши головы Три Луны!

— Ани, как ты можешь так говорить? — сказала потрясенная взрывом отчаяния сестры Кадия.

— Тихо, тихо! — прикрикнул на жену рассерженный король. — Твои сестры пришли сюда, чтобы помочь нам. Может, тебе следует все-таки поблагодарить их, а не осыпать незаслуженными упреками?

Анигель посмотрела безумными глазами сначала на Харамис, потом на Кадю и разразилась громкими рыданиями.

И опять Харамис приняла сестру в свои объятия. Она гладила ее и шептала слова утешения, как бывало давным-давно, когда они трое были юными принцессами, из которых Харамис была старшей, а Анигель — самой младшей, робкой и застенчивой. Кадия пододвинула стул, Анигель села и стала потихоньку приходить в себя.

— Я веду себя как идиотка, — шептала королева. — Как малое дитя, а не как правительница Двух Тронов. С тех пор как мой амулет стал алым, я не нахожу покоя, по ночам меня мучают кошмары, я испытываю постоянный

гнетущий страх. Мужество покинуло меня, будущее представляется мрачным и тоскливым.

— Если ты сможешь вернуть цветку его первоначальный цвет,— сказала Кадия,— в душе твоей опять воцарится покой.

— Я в этом не сомневаюсь.— В голосе Анигели опять звучала уверенность.— Твой черный цветок вернулся к тебе. Может, ты расскажешь, как тебе удалось добиться этого?

— Я знаю только одно: я отказалась от презрения и ненависти к тебе, признала, что Народ был прав, когда не откликнулся на мой призыв к войне. Только тогда Кровавый Триллиум изменил свой цвет.

— Я уже сказала, что приняла твои извинения,— заявила королева.— Но, как ты видишь, на моем амулете это не отразилось.

— Да, видела,— ответила Кадия,— и у меня чуть сердце не остановилось. Но в чем тут дело, только ты можешь понять, сестренка.— Дама Священных Очей отвела взгляд от Анигели и обратилась к королю: — Ну что, мне уйти, зять, или я смогу быть полезной тебе?

Антар не мог оторвать глаз от лица своей измученной жены. Наконец он отвлекся, задумался, и в глазах его блеснула новая мысль.

— Послушайте, какая идея пришла мне в голову. Может быть, нам удастся обезвредить вероломного Осоркона. Мой план рискован, опасен, возможно, нереален. Вы трое подскажите, имеет ли он смысл.

Харамис и Кадия мрачно кивнули. Королева, казалось, приросла к стулу, погруженная в грустные раздумья.

— Я не уверен, что провинциальные рыцари, последовавшие за Осорконом, безраздельно преданы ему,— сказал король.— Если бы я смог этой ночью попасть с небольшой группой вооруженных людей в рошу Атакум, вызвать Осоркона на поединок и убить его, я уверен, что его соратники снова сплотились бы под знаменами Двух Тронов, а я даровал бы им прощение. С их помощью мы в конце концов сумеем изгнать с нашей земли наглых захватчиков, а может быть, даже изменим судьбу мира.

— Нет! — крикнула Анигель. — Осоркон — негодай без чести, без совести! Ты даже не успеешь бросить ему вызов, как он предательски убьет тебя!

Антар повернул голову к Великой Волшебнице:

— Этого не случится, если Белая Дама с помощью своей магии облегчит мое проникновение в лагерь предателей и Осоркон не сразу меня обнаружит. Если она сделает меня и моих людей невидимыми, мой план сработает. Осоркон не сможет отказаться от поединка, не уронив своего достоинства перед лицом всей армии.

— Чудесная идея, Антар! — сказала Кадия. — Давай я пойду с тобой!

Харамис кивнула:

— Твоя идея кажется осуществимой. Я смогу держать войско Осоркона под присмотром, советовать тебе, куда идти, и сообщать о его намерениях, когда ты приблизишься к лагерю. Я смогу также защитить тебя от наблюдений Орогастуса, поскольку если он увидит тебя, то, несомненно, предупредит Осоркона.

— Он сделает еще кое-что! — крикнула Анигель. — Он тут же начнет вторжение! А ты, мой муж, будешь далеко от Дероргуилы! Наши войска уже однажды остались без своего короля. Что я скажу им на этот раз? Что ты отправился за подкреплением?

Кадия возразила:

— Но ведь здесь останется Хари, она поможет защитить город...

— Нет, — грустно сказала Великая Волшебница. — Чтобы быть уверенной в безопасности Антара, я вынуждена буду сопровождать его. Защитить его от наблюдений колдуна я смогу, только если буду рядом с ним, а со мной будет Трехкрылый Диск.

Король проворчал:

— Придется отказаться от этой идеи! Думаю, маршал Ованон смог бы возглавить войско в мое отсутствие, но я не могу оставить Анигель и детей одних, когда им угрожает колдун.

Королева вскочила со стула, ее глаза горели, к бледному лицу прилила кровь.

— Я придумала! Ники, Джен и я — мы все отправимся с тобой!

— О Боже, только не это! — вскричал король. — Я не могу рисковать вашими жизнями!

— Наша жизнь и сейчас под угрозой, — возразила королева. — Если войска не прибавится, у нас нет надежды удержать Дероргуилу. Не надо терять времени, сокрушаясь о нашей судьбе, любимый! До роши от города всего лишь два часа езды! Нужно выехать немедленно и добраться до лагеря Осоркона, прежде чем его люди устроятся на ночлег. Они должны увидеть, как ты бросишь вызов предателю и победишь его. Или мы будем ждать, пока Орогастус и перебежчики обрушатся на нас и возьмут нас в клещи? А когда против нас будут действовать и колдовство и войска — меня и детей неминуемо захватят в плен.

— Пусть твоя сестра перенесет тебя в безопасное место, пока я буду драться с Осорконом! — воскликнул Антар.

— Я покину этот город, — заявила Анигель, — только вместе с тобой. Мы оба — монархи. Недаром нашу страну называют страной Двух Тронов.

— Она права, — твердо сказала Кадия. — Ты не можешь относиться к Анигели как к обычной жене, и наследный принц Никалон и принцесса Джениль — не обычные дети.

— Да, — сказал Антар, — я понимаю. Но если Осоркон победит меня на поединке...

— Он не победит! — Анигель кинулась к мужу и обвила руками его шею.

Великая Волшебница сказала:

— Я должна сопровождать тебя и твоих рыцарей. Это бесспорно. Если Анигель, дети и, конечно, Кадия поедут с нами, я смогу защитить вас всех. Более того, Орогастус ни за что не поймет, где мы находимся, пока Осоркон не умрет, а его армия не двинется к городу. Но не строите иллюзий: как только Орогастус догадается, что происходит, он немедленно нанесет удар.

— А потом? — спросил король.

Светло-голубые глаза Великой Волшебницы Земли стали прозрачными и холодными, как Вечный Ледник. Она плотнее завернулась в блестящее белое одеяние, и все присутствующие отшатнулись от нее: на какое-то мгновение нестерпимый свет брызнул от ее фигуры. А потом она снова стала привычной Харамис, но заговорила она жестко, хотя и с улыбкой:

— Я встречаюсь с Орогастусом, как положено. Но я не умею творить два чуда одновременно; к тому же в военных делах я не специалист. Нам всем придется несладко — и я не исключение. Если меня случайно поразит пушенная из лука стрела или ударит вражеский меч, я буду ранена и не смогу держать магию под контролем. Я могу и погибнуть.

— А твой талисман...— начала было Кадия.

— Никто из вас не сможет дотронуться до него, пока магические узы связывают его со мной,— сказала Великая Волшебница.— Он попадет к Орогастусу, и в его Звездном Сундуке соберется вся коллекция.

Побледневший король объявил:

— Я не понимал, что предлагал вам. Мы должны забыть о моем плане. Помоги нам спасти Дероргуилу, если можешь, Великая Волшебница, но только не подвергай опасности саму себя.

— Я уже решила, что делать,— сказала Харамис.

— Тогда давайте собираться,— резко проговорила королева Анигель.— Через час мы будем готовы. Антар, тебе нужен рыцарский эскорт. Мы возьмем с собой и до рока Шики, он в отличие от нас знает, как вести себя в холодную погоду.

— Джеган тоже нам пригодится,— сказала Кадия.— Я помогу тебе собрать детей, Ани.

Королева напряглась, лицо ее приняло надменное выражение.

— В этом нет необходимости.

Антар обратился к жене:

— Как бы счастлив я был, если бы вы с Кадией окончательно помирились, прежде чем отправляться в это путешествие, которое решит нашу судьбу.

Но королева ответила:

— Я сказала, что простила ее! Чего еще вы ждете от меня?

— Ани! — В голосе Великой Волшебницы зазвучали властные ноты. — Позволь мне взглянуть на твой янтарный Триллиум!

Анигель поджала губы и достала из-под одежды свисавший на цепочке амулет.

— Смотри! Ты довольна?

В руке королевы сверкал кроваво-красный цветок. Все молча смотрели на него. Анигель снова спрятала амулет:

— Я разыщу Шики и соберу детей. Антар, ты должен взять с собой Хари, Кадю и Джегана, чтобы Орогастус и его помощники не смогли подслушать твой разговор с рыцарями и ничего не узнали о наших приготовлениях. Через полчаса я к вам присоединюсь.

Она бросилась из комнаты. От ее слабости и истеричного состояния не осталось и следа.

— Может, тебе все-таки следует отослать меня отсюда, — сказала Кадия. — Ани явно отвергает меня.

Харамис подошла к окну и выглянула на улицу. Там было темно.

— Нет. В эту опасную минуту мы должны быть вместе. Я уверена в этом, как ни в чем другом.

— Белая Дама! — Король был в замешательстве. — Моя жена опасается, что надвигается мировая катастрофа. Эти опасения не беспочвенны?

— Эта угроза реальна, — призналась Великая Волшебница.

— Я так и думал. — Король расправил плечи. — Ну ладно. Я сосредоточу все усилия на спасении своей маленькой страны. Спасение мира — твоя забота. Дамы, Джеган, пойдемте в тронный зал.

Все четверо вышли в коридор. За стенами дероргуильского дворца еще сильнее задул ледяной ветер, разрывая туман. А град постепенно превратился в пушистые хлопья снега.

Они выехали из королевских дворцовых ворот и двинулись по булыжным мостовым, которые покрывал снег толщиной в три пальца. В эту зимнюю стужу декоративные кустарники и ухоженные деревья являли собой жалкую картину — ветви, усыпанные цветами и зеленой листвой, прогнулись под тяжестью снежных шапок. Все защитники города уже заняли свои посты на укреплениях, на улицах не было ни одной повозки. Дероргуила казалась вымершей. В заколоченных окнах не горели огни, и только редкие дымки из печных труб свидетельствовали о том, что кое-какие упрямые домовладельцы не желали покинуть насиженные места.

Они скакали по двое в ряд на высоких, мощных конях со стегаными попонами. Первыми ехали Великая Волшебница и Антар. Он держал поводья ее коня, чтобы ничто не мешало волшебной работе. За ними следовали трое рослых сыновей леди Эллинис — Марин, Блордо и Кулбранис — и Кадия, затем — королева Анигель и скакавшие на одной лошади Никалон и Джениль, по уши закутанные в меха. Замыкали кавалькаду дорок Шики и ниссом Джеган. Их лошади были нагружены провиантом.

За ними ехали шесть вооруженных рыцарей, которых возглавляли два аристократа, в чьей преданности никто не сомневался: Голтрейн из графства Прок и лорд Баланикар из Рокмилуны, любимый кузен короля Антара.

Все были облачены в теплые одежды; Кадия, короля и одиннадцать вооруженных мужчин защищали шлемы, кольчуги и нарукавники из металлических пластинок. Они везли с собой длинные мечи и пики. Аборигены были вооружены луками и ножами. Даже детям вручили небольшие кинжалы, чтобы они могли защищаться.

Кавалькада мчалась по пустынным улицам города. На снегу не оставалось следов от лошадиных копыт, а когда они проезжали мимо уличных фонарей, их фигуры не отбрасывали тени. Для Великой Волшебницы не составило труда окружить всадников волшебной защитной ау-

рой: как всегда, пространство вокруг Харамис в пределах десяти элсов становилось невидимым для обзора колдуна. В самом начале путешествия она заверила Антара и Анигель, что, находясь в пути, сможет следить и за Осорконом, и за Орогастусом, не нарушая колдовского покрова. Она обещала также, что время от времени, отвлекаясь от наблюдений, будет предпринимать кое-какие действия, которые окажут им помощь.

К сожалению при таких обстоятельствах она была не способна защитить их от холода и метели. Талисман согревал саму Харамис, остальные же жестоко страдали от стужи, но никто не жаловался.

Они подъехали к южным воротам города. На караульных вышках было полным-полно народа. Вдоль массивной стены полыхали костры, языки пламени почти стелились по земле из-за сильного ветра. В башне охраны горел огонь.

— Я проеду вперед и прикажу отпереть ворота, — предложил Антар.

Харамис покачала головой:

— Орогастусу это может показаться подозрительным. Если он или его Голоса увидят, что ворота открываются и закрываются, а никто через них не проходит, колдун догадается, что здесь замешана магия. Нет, я сделаю иначе.

Стражники занимались своими делами. Всадники останавлились. Харамис одна подъехала к воротам и дотронулась до засова своим талисманом. Моментально и деревянные створки, и железный засов стали прозрачными, как стекло. Антар и его спутники не смогли сдержать возгласов изумления, когда увидели за проемом уходящую вдаль черную дорогу.

— Едем, — скомандовала Харамис и первой проехала сквозь невидимые ворота — так нож входит в воду.

Все последовали за ней. Когда они оказались за городскими стенами, ворота опять обрели прежнюю твердость.

— Белая Дама, мы знали, что вы — могущественная волшебница, — воскликнул пораженный граф Голтрейн, — но о таких чудесах я никогда не слышал!

— Я тоже,— спокойно ответила Харамис.— Я сама не знала, получится у меня или нет, пока не попробовала. Меня посвятили в тайны высокой магии совсем недавно, и мне кажется, нас ждет еще немало сюрпризов.— Потом прибавила: — Надо лишь молиться о том, чтобы эти сюрпризы оказались желанными.

Они двинулись в путь.

Теперь их окружала непроглядная ночная тьма. Слабый свет, исходивший от серого неба, нисколько не помогал всадникам. Дорок Шики предусмотрительно прихватил с собой длинные веревки. И теперь они пригодились: лошадей связали попарно, чтобы никто не сбился с пути. Сначала лошади шли рысью, потом их бег замедлился, так как снег становился все глубже и глубже. Стало ясно, что поездка отнимет больше времени, чем они думали.

Нигде не было видно ни одной живой души. Казалось, все деревни, расположенные неподалеку от города, вымерли. Проехав около трех лиг, кавалькада свернула налево — на дорогу, проходившую среди полей, по которым там и тут были разбросаны небольшие фермы, едва различимые среди падающего снега, хотя домики находились от всадников на расстоянии брошенного камня.

Великая Волшебница уверенно прокладывала путь. Даже в те минуты, когда она была погружена в транс, ее конь, не обращая внимания на бушующую метель, скакал в нужном направлении. Из его ноздрей вырывались белые облачка пара, он без конца встряхивал головой, избавляясь от залепившего глаза снега.

Спустя час принцесса Джениль задремала и начала вываливаться из седла, сидящий перед ней принц Никалон тоже клевал носом. К счастью, Шики заметил, что происходит, пришпорил коня и ухитрился поймать принцессу, прежде чем она коснулась замерзшей земли. После этого случая королева Анигель привязала обоих детей к седлу.

Когда они снова тронулись в путь, Антар сказал Харамис:

— С каждой минутой буря крепчает. Как же мы с Осорконом сразимся в такой снегопад? Мы вряд ли сможем разглядеть друг друга!

— Лагерь Осоркона расположен в лесу, среди высоких деревьев,— ответила Харамис,— так что на этот счет не беспокойся.

— Ладно, это не самое главное,— согласился король.— Гораздо больше меня беспокоит другое. Давай-ка поговорим, пока Анигель нас не слышит. Дело в том, что состояние моего здоровья оставляет желать лучшего. Волшебный сон, в который меня погрузил Орогастус, и длительное тюремное заключение были неважной подготовкой к поединку. Даже если бы я был в своей обычной форме, и то одолеть Осоркона было бы не так-то легко. Правда, он на двадцать лет старше меня, но очень силен и вынослив и находится в добром здравии. Он — опытный боец и отлично управляется со своим могучим мечом.

— Я могла бы помочь...— начала Харамис.

— Нет! Именно об этом я и хотел предупредить тебя. Моя жена, конечно, станет просить тебя о помощи, но, если мы хотим вернуть симпатии сторонников Осоркона, бой должен быть честным. Пожалуйста, никакой магии! Никто не должен знать о твоём присутствии! Я должен победить Осоркона своими силами... или смириться с поражением.

— И принять смерть? — спросила Харамис едва слышным из-за завываний метели голосом.

— Если я буду погибать, ты должна сосредоточить все силы на спасении Анигели и остальных, но ни в коем случае не пытайся оказывать помощь мне! Уверен, ты понимаешь, о чем я говорю.

— Да,— вздохнула Харамис.— Я сделаю, как ты сказал.

Долгое время они ехали молча. Дорога полого поднималась вверх. Перед ними остались лишь две заледеневшие колеи, присыпанные пушистым снегом. Не было ни ферм, ни мостиков через речушки, скованные льдом. Изредка по сторонам сужавшейся тропы попадались маленькие погнувшиеся деревца и кустики, утопающие в сугробах. Наконец путешественники въехали в рощу Атакум. Деревья здесь стояли так плотно, что ветер почти не чувствовался.

Харамис объявила привал. Они добрались до маленькой покосившейся хижины, которая когда-то служила жилищем угольщикам, убитым солдатами Осоркона. Всалники спешили, привязали лошадей к молоденьким деревцам, росшим неподалеку, а потом укрылись в своем новом убежище. Там было очень тесно. Янтарный цветок в талисмане Великой Волшебницы сиял, как золотой светильник. Джеган и Шики распаковали свертки с полузамерзшей едой и напитками. Когда Великая Волшебница прикоснулась к провизии талисманом, от снега пошел пар, и путешественники с удовольствием подкрепились. Замерзшие люди согревались от прикосновения руки Харамис. Джеган развел огонь в небольшой печурке, и скоро воздух немного прогрелся.

— Мы уже совсем рядом с лагерем, — сказала Харамис. — Я наблюдала за армией и лордом Осорконом. Они ни о чем не подозревают. Значит, нам удалось остаться незамеченными.

— А колдун? — спросила Анигель. Она устроилась возле огня, прижав к себе детей.

— Желтый Голос с помощью Трехвекого Горящего Глаза наблюдает за Дероргуилой. На самом колдуне надета волшебная диадема, вечером он связывался с Осорконом и приказал ему ждать сигнала к нападению на город. Теперь Орогастус занят тем, что пытается перебросить из тузаменского замка на корабль какие-то предметы. Пока ему это не удалось. Он так поглощен своим делом, что вряд ли будет прерываться, чтобы взглянуть на лагерь.

— Значит, нам надо идти? — упрямо спросил король.

— Да, — сказала Великая Волшебница. — Лошадей мы оставим здесь и дальше по лесу пойдем пешком. До лагеря Осоркона отсюда не больше трети лиги. Возьмите с собой только мечи. Я покажу дорогу.

Рыцари одобрительно загудели. Мужчины передавали друг другу кувшин с дымящимся вином, запивали им хлеб и мясо. Наследный принц прожевал булочку и спросил звонким голосом:

— А мы с сестрой, папа? Мы пойдем с тобой?

— Нет,— поспешила ответить Великая Волшебница.— Вы со своей матерью-королевой останетесь здесь. Вас будут охранять граф Голтрейн, сыновья леди Эллинис и Шики с Джеганом.

— Нет! — отчаянно вскрикнула Анигель.— Антар, позволь мне пойти с тобой!

Король протиснулся сквозь толпу вооруженных, закутанных в меха воинов и взял ее за руки:

— Ты должна остаться, любовь моя. Твое присутствие только помешает мне. Я знаю, тебе будет нелегко, но так лучше. Здесь вы будете в безопасности. А если случится самое худшее, Великая Волшебница перенесет тебя и всех остальных в тихое место.

— Мое место рядом с тобой! Мы ведь договорились!

— А вдруг Антар получит роковую рану, — безжалостно сказала Кадия, — если ты ненароком отвлечешь его внимание от противника?

— О, будь ты проклята, Кадия! — простионала Анигель.— Я никогда...

— Конечно, ты не сделаешь этого специально, — прервал ее король.— Но этот поединок будет самым трудным в моей жизни. Дорогая, я умоляю тебя остаться. Тогда я буду биться с легким сердцем.

Анигель взглянула на него просветлевшим взором. Ее лицо обрамлял золотистый мех воррама, на котором еще поблескивали крошечные сосульки.

— Антар... любимый мой! Опять я эгоистическими капризами мешаю тебе исполнить свой долг. Прости меня. Конечно, я остаюсь.— Их губы встретились, потом она выскользнула из его объятий и сказала Ники и Джен: — Поцелуйте отца на прощание, мои маленькие.

Печальные дети подошли к королю, и он наклонился, чтобы обнять их.

— Мы будем молиться за тебя, — сказала Анигель.— Помни, что я люблю тебя всем сердцем.

Король не сказал больше ни слова. Он надел шлем и проверил, легко ли выходит из ножен меч. Рыцари, которые должны были сопровождать его, сделали то же самое, а потом один за другим стали подходить к короле-

ве. Они преклоняли колено, и Анигель благословляла их. Великая Волшебница вывела их наружу.

Кадия была последней.

— Сестра,— робко обратилась она к Анигели,— может, мне остаться с тобой?

Но та покачала головой и отвернулась, погружаясь в молчаливое отчаяние. Она даже не благословила Кадия.

— Тогда я встану ближе всех к королю во время поединка,— сказала Кадия.— Или я первой поздравлю его со славной победой, или первой отомщу за него. Прощай!

— Кадия...— Анигель медленно подняла голову.

Однако Дама Священных Очей уже вышла.

В нечеловечески огромных глазах Шики застыло страдание. Он горестно воскликнул:

— О, великая королева! Неужели вы не можете простить свою сестру?

— Я простила ее,— упрямо ответила Анигель, глядя на языки пламени.

Но кроваво-красный цветок, висящий на золотой цепочке, свидетельствовал о том, что она лжет.

— Чего он добивается с такой настойчивостью? — обратилась Харамис к своему талисману.

Она и раньше пыталась понять, на что направлены магические старания колдуна, но теперь, когда в сопровождении короля и рыцарей она пробиралась по густому заснеженному лесу, этот вопрос приобрел особую важность.

Трехкрылый Диск ответил:

Орогастус пытается заполучить атрибуты, необходимые для обряда посвящения в Звездную Гильдию.

— О Боже! Кого он собирается посвящать — своих помощников?

Да.

— Но зачем?

Его побуждения скрыты от меня за Печатью Звезды.

Харамис раздраженно хмыкнула. Она вела мужчин и Кадия по укутанному снегом лесу напрямик к лагерю врага и думала. И ответ неожиданно нашелся. Конечно! Синошур! Что говорила синдона Учительница?.. Только Совет Звезды или вся Коллегия Великих Волшебников

могут уничтожить черный шестиугольник, который был орудием вечной высылки Орогастуса!

Заранее зная ответ, она вновь обратилась к талисману:

— Сколько человек должно быть в Совете Звезды, чтобы он обрел власть?

Не меньше трех.

Ну вот, все и объяснилось.

Остановившись, Харамис взяла в руки талисман, чтобы снова взглянуть на корабль и Орогастуса, и дала отрывистую команду.

На этот раз на колдуне не было привычных белых одежд. Он был облачен в тот самый костюм, который носил много лет назад, когда служил Силам Тьмы: в длинный балахон из серебристой ткани с продольными вставками из блестящей черной кожи и в черную с серебром накидку с причудливой бахромой и вышитой на спине огромной лучистой звездой. Руки колдуна обтягивали перчатки из серебристой кожи. Лицо почти полностью скрывала серебряная маска, оставлявшая открытой только нижнюю часть. Маска возвышалась над головой, заканчиваясь высокими остроконечными звездными лучами. Нестерпимым блеском сверкало надетое поверх маски Трехглавое Чудовище. Глаза колдуна походили на две ослепительно белые точки.

У его ног на коленях стояли Фиолетовый и Желтый Голоса. Капюшоны были скинуты с их бритых черепов, а глазницы напоминали глубокие, темные норы. Одна рука Орогастуса повисла над неподвижными слугами, другая высоко поднимала тупой меч, называемый Трехвеким Горящим Глазом.

— Приказываю вам, талисманы! — завывал колдун. — Повелеваю именем Звезды! Перенесите сюда запечатанный Звездный Сундук, что покоится в тайнике замка Тенеброза в Тузамене! Перенесите его по воздуху с помощью быстрых волшебных ветров! Исполняйте!

— Нет, — проговорила Харамис. — Приказываю тебе, мой Трехкрылый Диск, удержи эту вещь!

Но в воздухе перед глазами Орогастуса уже начал вырисовываться старинный сундук, обитый почерневшим

от времени серебром. На его крышке была видна темная потрескавшаяся Звезда.

Харамис сосредоточила все свое внимание на нем и увидела, как он постепенно превращается в подобие кристалла. Тогда страшным усилием воли она отослала его обратно.

И он исчез.

Два Голоса внезапно забились в конвульсиях и без чувств повалились к ногам колдуна. Он замер, огорченно глядя на них, а потом яростно зарычал:

— Харамис! Это сделала ты!

— Да,— отозвалась она.

Орогастус медленно опустил Трехвекий Горящий Глаз, проглотив готовые вырваться бранные слова. Отчаянным усилием воли он взял себя в руки.

— Харамис, покажись,— взмолился он надтреснутым голосом.— Где ты? Почему не отвечаешь на мой зов? Поговори со мной! Приди ко мне! Мы еще можем помешать уничтожению страны твоей сестры, можем предотвратить тысячи смертей! О, моя дорогая возлюбленная, только послушай, что я скажу тебе! Позволь мне увидеть твое милое лицо! Ты должна выслушать меня!

Пораженная в самое сердце, Харамис заколебалась. Потом, болезненно вскрикнув, отключила обзор и поняла, что стоит, вся дрожа, среди хлопьев падающего снега, вцепившись голыми руками в волшебный жезл. Лицо ее исказилось от ужаса. Кадия, Антар и рыцари с удивлением смотрели на нее. Они понимали — случилось что-то страшное, но что именно, оставалось для них тайной.

— Я чуть не бросилась к нему без оглядки,— прошептала Харамис.

— Сестра, что произошло? — спросила встревоженная Кадия.— Что-то неладное в лагере лорда Осоркона?

Великая Волшебница хотела сказать правду, но передумала:

— Нет, ничего. Нам не о чем тревожиться. Следуйте за мной.

Они продолжали путь.

Снегопад понемногу стихал. Впереди между деревьями замелькали огоньки костров. Потом они увидели первого дозорного, который ходил кругами по лесу. Путники прошли в шести элсах от него, и он их не заметил. Потом встретили еще нескольких часовых, которые оставались так же безмятежны, как и первый.

Наконец они вошли в лагерь и двинулись между рядов небольших палаток. Множество молодых рышарей и вооруженных солдат прохаживались взад-вперед по тропинкам и грелись у костров, но никто не обратил внимания на Великую Волшебницу и ее спутников. Незамеченные, они подошли к роскошному шатру, перед которым была большая утоптанная площадка. У входа в шатер горел огромный костер, и в снег были воткнуты пики с флажками лорда Осоркона и четырех провинциальных князей, которые вступили с ним в сговор.

Король Антар дошел до середины открытого пространства и остановился. Он откинул на спину капюшон, так что стал виден королевский шлем Лаборнока. Его забрало было похоже на открытые челюсти свирепого скритека. Шлем угрожающе поблескивал в свете пламени. По обе стороны от Антара встали Кадия и Баланикар, за ними выстроились в ряд шесть преданных короне лавровендских рышарей. Харамис заговорила с королем:

— Теперь все в твоих руках, мой дорогой зять. Я останусь невидимой, Осоркон не узнает о моем присутствии, но я буду бдительна, и, если кто-то третий попытается вмешаться в честный поединок, я приму меры.

— Спасибо,— прошептал Антар.— Когда Осоркон и его соратники узнают о моем появлении?

— Как только ты позовешь их.

Антар скинул плащ, передал его Кадии и обнажил меч. Другие последовали его примеру.

— Лорд Осоркон! — крикнул Антар.— Выходи и дай ответ своему королю!

Тут все люди, населяющие лагерь, увидели пришельцев. Они стали сбегаться к большому шатру, выхватывая оружие, но, подбежав, поняли, что таинственная невидимая преграда не дает им сделать ни шага на утрамбован-

ную площадку. Охваченные тревогой, они собрались в огромную толпу и стали ждать, что будет дальше.

— Осоркон, выходи! — повторил король. — Я заявляю, что ты — предатель и гнусный клятвопреступник! Ты вошел в подлый сговор с пиратским государством Рэкам и со злобным Хозяином Тузамена, которые уже готовы к нападению на Дероргуилу! Вероломный мерзавец! Предатель родины! Выходи на суд, встречай кару, которую ты заслуживаешь!

Довольно долго было тихо. Теперь с неба падали редкие хлопья снега, ветер прекратился. Стоя рядом с королем, Кадия слышала, как стучит ее сердце. Ей вдруг стало жарко в меховой накидке, и по шее, укрытой свисающей с золотого шлема кольчугой из металлических пластинок, потекли струйки пота. Она осмелилась посмотреть вниз и увидела у себя на груди капельку янтаря с Черным Триллиумом внутри.

— О, Цветок Триединого — взмолилась она. — Дай ему сил! Подари ему победу! Спаси мужа моей любимой сестры!

Полы шатра распахнулись, и показался Осоркон. Он успел надеть только верхние части доспехов. Одной рукой он прижимал к груди крылатый шлем, другая стискивала обнаженный гигантский двуручный меч. При виде его у Кадии перехватило дыхание. Она забыла, какой он великан. Голова его была почти лысой, бороду серебрила седина. Он посмотрел на короля мрачным взглядом, сделал несколько шагов и остановился в четырех элсах от своего бывшего повелителя. За ним вышли четверо его товарищей: Соратик, Витар, Понизель и Нанкалейн, — за которыми высыпала целая толпа рыцарей-оруженосцев. Видимо, до этой минуты они занимались подготовкой к битве.

— Ну! — взревел Осоркон. — Ты назвал меня предателем, да?

— Да, и это истинная правда! — ответил Антар. — Вместе со своей сестрой Шэрис ты участвовал в похищении моих детей, из-за тебя я попал в плен! А теперь ты ведешь этих невинных людей, — король обвел рукой окру-

жавшую их молчаливую толпу, — дорогой лжи и предательства, мешая им достойно исполнять долг. Если они отрекутся от тебя и присягнут на верность Двум Тронам, я дарую им прощение. Но ты, Осоркон, должен умереть, даже если падешь на колени и отречешься от того, что натворил. Ты не избежнешь справедливой кары!

— Этого не будет!

Антар поднял меч:

— Тогда я вызываю тебя на поединок, мы будем драться один на один на глазах свидетелей. Я смогу защитить честь Двух Тронов!

Рассмеявшись резким лающим смехом, Осоркон надел шлем и с лязгом опустил забрало. Кадия и рыцари отступили назад, оставив короля в одиночестве ждать исполнения предшествующих любому поединку церемоний.

Но Осоркон вовсе не собирался следовать правилам рыцарской чести. С проворством, которое поразило зрителей, старый лорд бросился вперед, поднял над головой гигантский меч и со свистом опустил его. Такой удар мог бы рассечь короля надвое — от короны до шпор на сапогах, но монарх успел отклониться в сторону, и меч вонзился в промороженную землю.

Антар развернулся, взмахнул своим мечом и обрушил мощный удар на голову Осоркона. Тот пошатнулся и отпрянул. Массивный стальной шлем спас его, через мгновение он пришел в себя и снова ринулся в бой. Мужчины делали выпад за выпадом; соприкасаясь, их мечи высекали искры. Наседая, Осоркон вынудил короля занять оборонительную позицию. Отбиваясь от ударов, следовавших один за другим, король отступил почти к самому краю невидимой черты, за которой стояли зрители. Окруженная рыцарями, Кадия беспомощно наблюдала за схваткой, оставаясь в центре круга.

«О Боже, не позволяй ему сдаваться!» — беззвучно молилась она. Королевская мантия соскользнула на землю, правой рукой Кадия машинально схватилась за меч, левой изо всех сил сжала янтарный цветок.

Нога Антара ступила на камень, вмерзший в глину. Король потерял равновесие, но не выпустил меч и, па-

дая, нанес удар. Он пришелся по тому месту, где возле шей скреплялись звенья стальной кольчуги. Лезвие вонзилось глубоко под правую ключицу Осоркона. Тот дико закричал, хотел поднять меч и нанести ответный удар, но вместо этого покачнулся и упал на левый бок. Огромным усилием воли он приподнялся и откатился подальше от короля в снег.

Антар вскочил на ноги. Из раны Осоркона струилась кровь, и король сделал благородный жест: он помедлил, давая возможность поверженному противнику осмыслить происшедшее и признать себя побежденным. Но великан, лежавший на земле, схватил тяжелый меч здоровой левой рукой и попытался полоснуть им по ногам короля, чуть не задев их. Толпа возмущенно загудела, слышались крики: «Позор!»

Осоркон не обращал на них внимания. Он заставил себя встать и, заняв выжидательную позицию, затем нанес страшный удар. Королю удалось отразить его, и оба воина опять сошлись в яростной схватке. На этот раз преимущество было на стороне Антара, и его противнику пришлось отступить.

Казалось, теперь люди Осоркона разделились: кто-то по-прежнему поддерживал своего вождя, а кто-то начал симпатизировать королю. Когда меч Антара срезал верхушку шлема Осоркона, из толпы слышались одновременно и возгласы досады, и грубый издевательский смех. Остатки крыльев сломанного нашьемного герба мешали лорду смотреть, и он отскочил в сторону, чтобы сорвать с головы шлем и отбросить его в снег. Антар тут же обнажил и свою голову, и четверо рыцарей — сторонников Осоркона — выразили одобрение этому поступку.

Обмениваясь короткими резкими выпадами, напоминающими увлеченную работу кузнеца у наковальни, противники сражались теперь недалеко от огромного костра. Осоркон сделал ложный выпад и поранил незащищенное бедро короля — предатель не придерживался правил поединка. Несмотря на ранение, Антар не сбился с ритма и продолжал орудовать мечом с прежней энергией. Лицо старого лорда исказила страдальческая гримаса гнева и

боли. Он слабел из-за потери крови, струящейся из раны в ключице. Когда два врага на мгновение разъединились, он в бешенстве выкатил глаза, отвел назад руку, а потом выбросил ее вперед, нацелившись в горло короля. Антар увернулся и стал взмахами меча гнать Осоркона к костру. Изменник зашатался. Одной ногой он наступил на горячие угли, вскрикнул, сделал попытку отсечь Антару голову — и промахнулся.

Меч короля метнулся как молния. Он резанул им справа налево, и голова Осоркона слетела с плеч.

— Антар! — торжествующе закричала Кадия. — Антар! Антар!

Брызнул темный фонтан крови, обезглавленное тело лорда рухнуло в пламя. Наблюдавшая за поединком армия издала стон. Баланикар и его товарищи выкрикивали имя короля, славя его. Потом один за другим к ним присоединились потрясенные перебежчики. Скоро все орали, надсаживая глотки и повторяя два слога имени короля с такой мощью, что зазвенел сам воздух.

Антар стоял, опустив меч на замерзшую грязь, покрытую бурой кровью. Потом повернулся спиной к костру, пожиравшему труп поверженного врага, и медленно пошел туда, где стояли четверо оцепеневших сторонников лорда. Король вложил меч в ножны и поднял правую руку.

Окружавшая его армия застыла в молчании.

Антар посмотрел на четверку. Лицо его было сурово, но на нем не было и тени злорадства.

— Соратик, Витар, Помизель, Нункалейн... Я обещаю вам помилование, если с этой минуты вы будете верно служить мне и отправитесь на защиту Дероргуилы и Двух Тронов.

Все четверо упали на колени. Соратик, самый старший, произнес:

— Великий король, клянусь служить вам верой и правдой до самой смерти!

— И я, — хором сказали трое других.

И снова громом торжественных криков встретила эти слова толпа рыцарей и вооруженных солдат.

Кадия поймала себя на том, что улыбается. Она крепче стиснула амулет и зашептала:

— Хари! Передай Анигели хорошую весть!

— Я уже сделала это. Они идут сюда.

Тогда Кадия ринулась вперед, чтобы выразить восхищение победителю-королю, а за ней — все рыцари. Антар отдал приказ сниматься со стоянки и двигаться к Дерроргуиле. Прощенные им предатели-князя выкликали своих офицеров и передавали им приказ выступать.

Позади шатра Осоркона, спрятавшись за деревьями, стояла Великая Волшебница. Ее миссия здесь подошла к концу, и она сообщила Анигели, что на время ей нужно отправиться в другое место. Взяв талисман, она уже знала, что ей предстоит увидеть: армаду, состоявшую из шестидесяти рэктамских военных кораблей, ведомую четырнадцатью огромными триремами, которая огибала мыс Дера-Страйт и плыла к дерроргуильской гавани. Они, несомненно, вышли из-под прикрытия тумана в тот момент, когда Антар начал биться с Осорконом.

— Покажи мне Орогастуса,— приказала она.

На этот раз тот ждал ее. Она охнула, когда поняла, что он видит ее так же хорошо, как и она его.

— Мои талисманы почему-то неохотно обучают меня,— улыбаясь, сказал он.— Но я очень способный ученик! Теперь ты никогда не сможешь наблюдать за мной без моего ведома, дорогая Харамис. Надеюсь, очень скоро мне удастся нейтрализовать твою защитную ауру, и тогда ты не спрячешься от меня ни на минуту. С каким удовольствием я буду тогда общаться с тобой, без утайки смотреть на твое милое лицо.

— Ты начал наступательную операцию,— резко произнесла она.

— Я немедленно остановлю наступление, если ты придешь ко мне поговорить. Я знаю, что в твоих силах преодолеть любое расстояние; ты можешь путешествовать с помощью магии повсюду.

— Когда я приду,— медленно проговорила она,— я приду, чтобы сразиться с тобой в последний раз, и наш

поединок будет таким же смертельным, как поединок короля Антара с предателем Осорконом.

— А вместо мечей мы будем использовать талисманы? — Колдун засмеялся и сокрушенно покачал головой. — Ох, Харамис! Ну почему ты так переживаешь из-за конфликтов этих жалких людишек? Мы с тобой не такие, как они! Нам суждено жить тысячи лет, мы увидим, как расцветают одно за другим разные королевства, как они на короткий момент достигают величия, а потом уступают место другим. Ты понимаешь, что это означает? Ты имеешь представление о жизни Великих Волшебников? А ведь тебе предстоит прожить такую жизнь. Ты будешь отчаянно одинока, несмотря на свою почти безграничную власть. Но тебе повезло, ты можешь избежать одиночества, если поделишь со мной тяготы правления миром Трех Лун. Приди ко мне, любимая! Я расскажу тебе о забавных вещах, которым научили меня два талисмана, о таких чудесах, которые и не снились твоим привязанным к земле сестрам! И мы сможем...

— Нет! — оборвала его она. В памяти вновь ожили болезненные воспоминания о том, как однажды ее чуть было не загнипнотизировали его речи. — Ты ничуть не изменился, Орогастус, ты все так же ловко и складно врешь. Но не думай, что тебе удастся соблазнить меня. Я отражу твоё нападение на Дероргуилу, и тогда посмотрим, чья магия окажется сильнее.

Она выпустила из рук талисман и, дрожа, прислонилась к тонкому стволу молодого деревца гонды. Палатки в лагере уже сняли, и по лесу разносились команды офицеров, перекрывающие шум собиравшейся в поход армии.

Когда Харамис оправилась от волнения, она взглянула на ветви деревца, поникшие и поломанные тяжелым снегом. Твердые от мороза листья, всего семь дней назад сочные и зеленые, теперь были покрыты тоненькой оболочкой льда и нежно позвякивали на ветерке.

Неужели Орогастус не понимает, что происходит?

Неужели он еще не заметил, что мир перевернулся и катится навстречу катастрофе?

«Нет,— сказала себе она.— Он не знает этого. Похоже, он считает землетрясения и извержения вулканов вполне естественными, а снежные бури и ураганы — результатом своего колдовства. Повелитель Штормов! Так он называл себя двенадцать лет назад, и сейчас ничего не изменилось».

Конечно же ветер, подгоняющий на море корабли, водяные смерчи и слабые ураганы были вызваны его преступным колдовством. Но не в его силах наслать на Лабборнок этот гибельный мороз, и не мог он привести в движение льды.

— Талисман,— прошептала она,— я смогу остановить Вечный Ледник?

Казалось, ответа придется ждать целую вечность. Опять поднялся сильный ветер, веточки молодых деревьев пришли в движение, так как ветер сорвал с них тяжелые шапки снега и стал сбрасывать его кружащимися белыми облаками на мерзлую землю. Несмотря на волшебное тепло, согревающее Харамис, она не переставала дрожать.

Неужели талисман никогда не снизойдет до ответа? Или он и сам не знает, можно ли остановить наступление Вечных Льдов?

Трое смогут остановить его... если будут действовать своевременно. Но время уже на исходе.

Глава 27

Принцу Толивару снилось, что он опять дома, в Дероргуиле. Король и королева взяли его с собой на прогулку в королевский зоопарк на реке Гуил, на этот раз одного, без Ники и Джен, которые обычно все портили. Был великолепный день сухого сезона. По голубому небу бежали маленькие белые облачка. Все внимание отца и матери было отдано Толо.

Они очень весело проводили время. Вместо того чтобы ругать его за беготню и шум и внушать, что поведение принца должно быть примером для других, родители были добры и внимательны к нему. Они смеялись,

когда он бросал огромным косматым раффинам сладкие пирожные, заставляя их попрошайничать. Они благо-склонно улыбались, когда Толо дразнил хорики, а зверь-ки завывали и скалили длинные желтые зубы. Он развлекался, пугая грациозных шангаров, и те очень забавно вертелись вокруг своей оси, пытаясь вырваться из клетки.

Потом Толо решил, что интереснее всего было бы разбудить и растормошить злобных луру, привезенных из топких болот Рувенды. Говорили, они пьют человеческую кровь. (В зоопарке им вместо этого давали суп из лягушек.) Он схватил длинную палку, побежал к их огромной клетке и стал молотить палкой по железным прутьям.

Грохот получился отменный! В клетке содержали около двадцати уродливых луру, самый большой из них с распростертыми крыльями был шириной в два элса! Из-за неожиданного шума, произведенного Толо, сонные твари попадали со своих насестов, суетливо захлопали крыльями и заскрежетали зубами. Потом разъяренные чудовища облепили переднюю стену клетки и со свирепыми взвизгиваниями начали просовывать сквозь прутья когтистые лапы, пытаясь схватить мальчика. Смеясь, он отскочил назад и наклонился за камнем.

И вдруг клетка сломалась.

Сначала вырвался на волю один зверь, затем другой, скоро вся стая покинула клетку, их глаза горели красным огнем, а страшные зубастые пасти раскрылись в предвкушении добычи. Толо залез под невысокий куст и заткнул руками уши, чтобы не слышать ужасных свистящих криков. Он надеялся, что они не найдут его.

Луру не обратили на него никакого внимания. Вся стая набросилась на беззащитных короля и королеву, накрывая их перепончатыми крыльями с острыми шипами и вонючими волосатыми телами. Небо тут же почернело. Засверкали молнии, от оглушительных громовых раскатов затряслась земля. Толо услышал вопли — кто же это кричал? — и внезапно куст, под которым он прятался, исчез, словно его вырвали с корнем. Принц затаился, ожидая, что вот-вот луру начнут сдирать у него мясо с костей. Но этого не случилось, и он осмелился открыть глаза.

Над ним склонилась его тетя — Великая Волшебница. Она была чуть ли не в десять элсов высотой — выше самых высоких деревьев! Ее лицо освещалось зарницами и пылало ужасным гневом.

— Твои бедные родители погибли из-за тебя! Теперь ты ответишь за свое злодейство!

— Нет! — захныкал Толо. — Я не хотел!

— Злодей! — прогремела Великая Волшебница. — Мерзавец!

Она протянула к нему громадную руку.

— Я не хотел этого! — Толо вскочил на ноги и кинулся прочь, спасая свою жизнь.

— Стоп! — Ее голос звучал, как барабанная дробь. — Стоп!

Он на бегу оглянулся через плечо. Она догоняла его, и каждый ее шаг заставлял землю дрожать. Вот она подняла свой волшебный талисман и посмотрела на него сквозь серебристый диск. Он увидел один огромный магический Глаз, который становился все больше и больше, пока не заполнил собой весь мир. Мальчик почувствовал, что вот-вот окунется в него и умрет.

— Стоп! Стоп!

— Нет! Я не хотел! Не-е-ет...

Он с криком проснулся.

Луру не было. Не было и мамы с папой, разорванных на части. Не было разгневанной великанши — Великой Волшебницы. Он находился в своей маленькой каюте на флагмане рэктамского короля Ледавардиса. Это был всего лишь сон.

И все-таки слышались оглушительные раскаты грома и леденящие кровь вопли летающих хищников. Он слышал даже треск палки о железные прутья клетки...

— Стоп! Стоп!

...и чудовишно усиленный голос Великой Волшебницы.

Маленький принц соскочил с постели, подбежал к иллюминатору, открыл его и, встав на стульчик, выглянул наружу.

Туман рассеялся. Все еще стояла ночь. В небе полыхали ослепительные разноцветные огни, отражавшиеся в черном море, битком набитом кораблями. Пиратские галеры стреляли из волшебного оружия Орогастуса, выпускаемая на волю белые, зеленые, алые и золотистые шары, которые взрывались, ударяясь в борта кораблей, защищавших город. Паруса этих кораблей были украшены Черным Триллиумом или Тремя Золотыми Мечами Лабровенды. Они отстреливались, яростно бомбардируя пиратов снарядами, выпущенными из катапульт. Пролетая по воздуху, снаряды образовывали светящиеся дуги.

Корабли-противники осыпали друг друга дождем железных стрел. Стрелы вырывались из луков с противным свистом, в полете издавали скрежещущие звуки, которые Толо принял за крики луру. Мальчик с открытым ртом наблюдал за сражением. Град стрел осыпал корпус пиратского флагмана — этот звук напоминал перестук палки по железным прутьям клетки.

— Стоп! Прекратите сражение! Берегитесь, моряки Рэк-тама! Разворачивайтесь, или вас ждет ужасная судьба!

Над водой раздавался громоподобный голос Великой Волшебницы... Ей отвечал другой сверхъестественный голос. Это был голос Хозяина!

— Неужели ты не устала от этих бесполезных хлопот, Великая Волшебница? Да, вижу, ты очень устала. Ты зря растрачиваешь свои волшебные силы, иссушая душу. Теперь ты хочешь одурачить нас глупыми словами, пытаешься запугать наших храбрых воинов? Нас не проведешь!

Принц Толивар подумал, что все еще спит, — такой фантастической была эта картина. Ни один снаряд не падал в пиратские суда. Колдовство останавливало огненную смерть в ста элсах от цели, снаряды ударялись о невидимую стену и, не причинив никому вреда, падали в море. Но стрелы и камни, вылетающие из катапульт кораблей-защитников, били по рэктамскому флагману и другим пиратским судам. Очевидно, магия, защищавшая от пламени, была бессильна против железа и камня. Или Хозяин в настоящий момент сосредоточил внимание на самой грозной опасности.

Оружие Исчезнувших, брошенное против лабровендских кораблей, было более эффективно. Толо видел, как с пиратского судна взлетел шар зеленого огня и метнулся к намеченной жертве, и лишь в последнюю минуту пламенная смерть была отклонена от курса волей Великой Волшебницы. Но спустя несколько мгновений на этот же корабль с другой стороны налетело облако ярких белых вспышек, похожих на стаю паривших бок о бок гриссов. Искры осыпали корпус корабля, попали на паруса, повсюду загорелись маленькие костры, и скоро корабль, как и многие другие суда защитников, был охвачен языками пламени.

Толо понял, что тетя Харамис пытается защитить лабровендские суденышки, но ее попытки не всегда приводят к успеху.

Дероргуильских кораблей было очень мало, к тому же они управлялись только парусами. Ветер был легкий и переменчивый (может быть, Великая Волшебница и Орогастус сражались и за ветер?), лабровендские корабли уступали в маневренности веселым галерам пиратов. Рэктамцы таранили корабли защитников один за другим. Те тонули, а иные, подбитые волшебным оружием, исчезали в языках пламени. Некоторым судам удалось избежать плачевной участи благодаря вмешательству Великой Волшебницы, но силы ее заклинаний явно не хватало для спасения всего флота.

Среди грохота бесконечных взрывов раздавались раскаты громоподобного хохота Орогастуса. Через иллюминатор в каюту просачивался ледяной воздух, и Толо тщетно старался унять дрожь. Но он ни разу не подумал о том, чтобы забраться обратно в постель или хотя бы на минуту оставить свой наблюдательный пост — чтобы, например, сбегать за одеялом и завернуться в него.

Маленькому принцу казалось, что морское сражение длится вечность. Небо на востоке уже начало светлеть. А потом, несомненно повинувшись волшебной воле Орогастуса, пираты внезапно изменили тактику. Галеры перестали преследовать измотанных противников. Бешено работали весла. Чуткое ухо Толо уловило участвовавший

ритм барабана, задававшего темп гребцам на пиратском флагмане. Понукаемые надсмотрщиками, галерные рабы выбивались из сил, налегая на весла. Семьдесят четыре корабля великой армады пиратов покидали поле битвы и на огромной скорости направлялись к побережью, ко входу в дероргуильскую гавань.

Плывущие впереди гигантские триремы своими мощными таранами разорвали слабую цепь небольших суденышек, которые блокировали гавань. Волшебное оружие быстро расправилось с артиллерией, бившей с пристани. Не было никаких признаков магического вмешательства тети Харамис. С развевающимися знаменами армада захватчиков приближалась к столице Лабровенды, и ни один корабль не смог остановить эту страшную силу.

Начало вставать солнце. На фоне фиолетово-красного зарева восхода высился силуэт укрепленного дворца с бастием Зото в самом центре. Набережные, ведущие ко дворцу улицы и городские здания были укутаны снегом, окрашенным в розовый цвет лучами восходящего солнца. Ветра не было. От нескольких портовых строений поднимались вверх тоненькие струйки дыма. Холодный воздух, встретившись с теплыми морскими испарениями, превращался в черный туман, плотно стоявший над водой. Казалось, рэктамский флот окружил себя черным облаком, которое быстро надвигалось на город. Когда триремы приблизились на расстояние выстрела из катапульты, прозвучали залпы, и к пристани полетели желтые, голубые и алые огненные шары Исчезнувших. Бомбардировка была сокрушительна.

Но теперь ни один смертоносный метеор не попадал в цель. Наблюдавший за сражением принц Толивар вскрикнул от удивления, когда увидел, как туман сгущается и превращается в подобие гигантской руки. Эта рука слабо поблескивала, в ней отражались яркие светящиеся снаряды Исчезнувших, и она отбрасывала в сторону огненные шары усталым жестом, словно отгоняла назойливых насекомых. Вылетела новая стая огненных шаров, и опять вытянулась слепленная из тумана рука и подбросила их высоко в воздух: они помигали и потухли.

Теперь туман, окружавший рэктамские корабли, стал таять. В любой момент из него опять могла сформироваться призрачная рука. Прогремел голос Великой Волшебницы:

— Убирайтесь, рэктамцы! Уходите из гавани, пока не поздно!

Орогастус не замедлил ответить:

— Что за глупый спектакль, Великая Волшебница? Неужели нас могут устроить эти детские игрушки? Мы знаем, что это всего лишь иллюзия! Все наши снаряды достигли земли и произвели массу разрушений! Твоя гигантская рука — жалкий призрак! Ты вообще не можешь причинить нам вреда!

И он расхохотался.

Теперь в голосе Великой Волшебницы слышалось отчаяние:

— Если ты не повернешь назад, колдун, то тебе и твоим сторонникам грозит страшная беда!

— Неужели? — иронично спросил Орогастус. — Скажи мне, Великая Волшебница, почему ты не повернула снаряды в нашу сторону? Почему не сожгла наши корабли астральным огнем и не подняла рифы, чтобы пробить их днища? Почему не послала на нас гибельную гигантскую волну? Я знаю почему! Потому, что ты не можешь намеренно предать смерти или ранить живое существо! Я прочитал об этом в маленькой красной книжице — об этом и о множестве других секретов!

И снова над водой прокатился его смех.

Потом он сказал более суровым голосом:

— Мы больше не станем терять времени, состязаясь с тобой! Наши храбрые солдаты горят желанием высадиться на берег!

Толо затаил дыхание. Ему показалось, что внезапно вся береговая линия, вся длинная городская набережная взорвались, и стена огня поднялась выше высотных зданий.

Орогастус заговорил издевательским тоном:

— Бедная колдунья! Ты думаешь, люди из Тузамена и Рэктама напуганы этим драматическим трюком? Мы не одлинги, мы не бросимся врасылную при виде огня!

Нет! Мы отлично знаем, что твой миленький спектакль не причинит нам вреда. Теперь ты можешь показывать нам и свирепые морды скритеков, и дожди из горячей серы, и воображаемые снежные лавины... Мы все равно пробьемся к дворцу, убивая каждого, кто встанет на нашем пути! Но ты не посмеешь убивать нас! Ты не посмеешь! Признаться!

Ответа не последовало. Пламя исчезло. В этот момент стало окончательно ясно, что Великая Волшебница потерпела поражение.

Теперь рэктамский флагман в сопровождении других трирем спокойно плыл к главному причалу. Толо пытался разглядеть, есть ли на берегу хоть один солдат. Вдруг дверь в его каюту распахнулась.

В дверном проеме стоял дородный Желтый Голос. Его глаза сияли, как звезды, и он заговорил голосом самого Орогастуса:

— Принц Толивар! Ты мне нужен! Надень королевский наряд, который вручит тебе Желтый Голос, а потом приходи ко мне на палубу.

— Д-да, Хозяин...

Едва не потеряв сознание от страха, мальчик спустился со стульчика. В последний раз он видел проявление могущества колдуна давным-давно, на Виндлорских островах (или это было недавно?), когда добровольно принял решение следовать за Черным Голосом, а не бежать к матери. Каким же безмозглым кретином он был тогда! Мама... Папа... Их собираются убить. И на этот раз не во сне.

Волшебный свет в глазах Желтого Голоса потух. Толо не сделал ни одного движения, чтобы снять с себя пижаму, и помощник колдуна пробурчал своим обычным хриловатым голосом:

— Ну что ты стоишь, как жалкая птичка,— собираешься спеть серенаду Трем Лунам? Иди сюда. Мне что, одевать тебя, как малое дитя?

— Нет,— сказал Толо.

Он так и не смог справиться с противной дрожью. Движения были вялыми, как у куклы. Он поднимал одну руку, потом другую, потом ногу, потом вторую ногу, пока по-

мошник колдуна, непрерывно ворча, натягивал на него расшитый золотом костюмчик. Поверх костюма Желтый Голос надел великолепный камзол небесно-голубого цвета, через плечо перекинул усыпанную драгоценными камнями перевязь, с которой свисали роскошно изукрашенные ножны — из них торчала рубиновая рукоятка маленького королевского меча. Когда-то Толо страстно мечтал о нем! Но сейчас, когда мечта его сбылась, он не задумываясь отдал бы три таких меча в обмен на свободу, на то, чтобы очутиться подле своих родителей, брата и сестры.

На шею принца Желтый Голос повесил миниатюрную копию королевской цепи Лаборнока: в каждое звено был вставлен большой бриллиант, а посередине прикреплен оправленный в черное золотой медальон в форме цветка. Наконец Голос открыл небольшую кожаную шкатулку и вынул корону. Она была совсем маленькая, но в точности повторяла настоящую, какую носила королева. Вглядевшись в нее, Толо заметил, что в капельке янтаря, находившейся в центре короны, не было бутона. И драгоценные камни показались ему тусклыми. Наверное, поддельные.

— Надевай же, мальчик! — прикрикнул Голос. — Хозяин ждет нас.

— Но зачем весь этот маскарад? Я же не могу прикидываться королем!

— Придется! — проревел Голос. — Прикинешься как миленький, раз этого хочет Хозяин. Сначала ты станешь королем Лабровенды, а уж потом Хозяином Тузамена.

— Я даже не знаю, как...

Голос грубо оборвал мальчика:

— Или ты сейчас же наденешь корону, или тебе придется испытать на себе гнев Орогастуса, ты, безмозглое ничтожество! Неужели ты настолько глуп, что думаешь, будто на самом деле будешь править страной или хотя бы попробуешь свои силы в качестве монарха? Ты всего лишь часть спектакля, кукла — и ничего больше!

Голос нахлобучил корону на голову мальчика. Она оказалась тяжелой и неудобной. На плечи Толо была накинута отороченная золотой тесьмой мантия из белого ме-

ха. Капюшон прикрыл корону. Наконец принц был готов, и Желтый Голос потащил его из каюты. По трапу они поднимались почти бегом.

Когда мальчик ступил на палубу, слышалась команда спустить якоря. Последовали оглушительный скрежет и два громких всплеска. Моряки карабкались по вантам и орудовали лебедкой, спуская паруса. Весла замерли. Корабль дернулся, резко остановился и застыл в самом центре водного пространства гавани, а другие корабли армады продолжали плыть к пристани. На некоторых были сломаны мачты, в деревянной обшивке кое-где зияли прорехи, были и другие разрушения, но большинство кораблей вышли из битвы абсолютно невредимыми.

Толо и Голос поднялись на верхнюю палубу. Там стояли король Ледавардис, премьер-министр Джерот и тузаменский генерал Зокумонус, облаченные в парадные доспехи и тяжелые меха. Фиолетовый Голос робко выглядывал из-за спины Орогастуса, который был одет в свой жуткий черно-серебряный наряд с серебристой маской. При виде его бедняжка Толо онемел от ужаса.

Колдун вручил Трехглавое Чудовище Желтому Голосу. Другой талисман был приторочен к его поясу.

— Возьми это, мой Голос, и сопровождай короля, министра Джерота и лорда Зокумонуса, пока они будут готовиться к наступлению на суше. Будь начеку, следи за врагом и сообщай нашим друзьям о вражеских намерениях, чтобы войны Тузамена и Рэктама поскорее овладели Дероргуилой. Но помни, ты должен пользоваться талисманом только для наблюдений, иначе его тайное могущество может погубить и тебя, и наших союзников.

— Слушаюсь, Хозяин.

Поклонившись, Голос взял талисман и водрузил его на свой бритый череп.

— И вот еще что,— сказал Орогастус.— Ты знаешь, что не сможешь увидеть Великую Волшебницу, ее скрывает магическая пелена. Но если все-таки она попадет в поле зрения твоих беспощадных глаз, не волнуйся. Помни, она не может причинить тебе вреда, пока на тебе мой талисман, но ни в коем случае не вступай с ней в

борьбу! Прикажи талисману сделать себя невидимым и немедленно свяжись со мной, чтобы сообщить о ее местонахождении.

— Понял,— сказал Голос и повернулся к юному королю: — Я готов, великий король.

Горбун взглянул на Орогастуса:

— Значит, вы не будете участвовать в штурме?

— У меня есть другие дела, Ледо,— добродушно ответил колдун. Из прорезей маски на Ледавардиса смотрели серебряные непрозрачные глаза, казавшиеся фантастическим дополнением костюма.— Я полагаю, теперь тебе придется сражаться с магией. Великая Волшебница страшно устала. Она знает, что магические трюки не остановят тебя, и, скорее всего, отказалась от попыток запугать нас. Она больше не наблюдает за мной, а значит, и я ее не вижу. Похоже, она отправилась посоветоваться с королевой Анигелью, королем Антаром и их утопающей в снегу армией.

— Она еще что-нибудь придумает, какие-нибудь другие способы борьбы,— утрюмо сказал король.— Когда она опять начнет ворожить, лучше бы вы были с нами и отразили ее удар.

— Я исследовал город, на берегу вас ожидает самая обыкновенная битва,— уверял его колдун.— На набережной стоят несколько баллист и самых заурядных катапульт. В портовых зданиях и вдоль дороги, ведущей к дворцу, сидят в засаде защитники города — их около двух тысяч. Ты быстро расправишься с ними. Используй благоприятный момент — и завоюешь и славу, и новые земли. Когда закончится штурм дворца и бастиона Зото, я вернусь к вам.

— А Антар с подкреплением далеко от города? — спросил министр Джерот.

— На расстоянии двенадцати лиг, и они очень медленно продвигаются из-за глубоких сугробов. Вы возьмете дворец и посадите на трон принца Толо задолго до того, как они подойдут к воротам города... если ваши разгильдяи-пираты будут действовать как положено.

— Будут, будут, — заверил король, — если вы займетесь делом и убережете нас от смертоносных сюрпризов Великой Волшебницы.

Орогастус дал волю раздражению:

— Сколько раз можно повторять: она не сможет ни убить, ни ранить вас! Она способна только отражать ваши собственные удары. Если линия огня будет достаточно протяженной, она растеряется и не будет знать, куда бежать! Идите же, мне надо поразмыслить над важными вопросами магии.

И он повернулся спиной к королю.

В этот момент разъяренный король, казалось, был готов бросить в его адрес гневные слова. Но Джерот положил руку ему на плечо, и юный монарх, поворчав немного, умолк. Он закутался в меховой плащ и направился к ожидавшей его быстроходной лодке.

Когда группа знати отошла так далеко, что не могла слышать его слов, Орогастус вздохнул и сказал Фиолетовому Голосу:

— А он строптив, наш горбатый карлик. Жаль, что без него нельзя обойтись...

— Но ведь он не всегда будет нужен вам, Хозяин. Как только Дероргуила падет и пираты ее разграбят...

Орогастус увидел, как округлились глаза маленького принца, и поспешно сказал:

— Ладно, не будем больше говорить о короле Ледавдисе. Сейчас нужно заняться другим королем — ведь он должен как следует сыграть свою роль в предстоящей драме. Наверно, каюта Ледо сейчас не занята. Веди туда Толо, и начнем.

Глава 28

Харамис вышла из транса с пепельно-серым от огорчения лицом.

— Голубая Дама считает, что у нас нет возможности оказать захватчикам активное сопротивление, не нарушая принципов Великих Волшебников. Как и я, она не имеет права причинять вред живым существам, ее кол-

довство может служить только делу милосердия или защищать.

Армия раскаявшихся мятежников застряла среди снежных полей. Солнце уже взошло, но его скрыли серые тучи. Пронизывающий ветер дул с запада, с Вечного Ледника, покрывающего внутренние территории мирового континента. Антар, Анигель, Кадия и их товарищи, как могли, расположились на привал на утоптанной дороге. Из прозрачного воздуха выткалась фигура Великой Волшебницы. Харамис поведала сестрам и королю, какое поражение она потерпела, пытаясь остановить пиратский флот. Она сказала, что страшно утомлена.

Потом ей в голову пришла идея посоветоваться с Великой Волшебницей Моря и попросить ее о помощи. Их совещание длилось почти полчаса и оказалось бесплодным.

Теперь, когда исчезла последняя надежда, Харамис устало присела на покрытый льдом камень и отпила глоток подкрепляющего вина, поднесенного ей дорожником Шики.

— Взгляни еще разок на сражение в столице,— попросил король.— Пираты уже добрались до дворца?

Он и его жена шептались о чем-то с лордом Голтрейном и лордом Баланикаром. Все были ужасно встревожены.

Харамис медленно подняла талисман. Закрыв глаза, она молчала несколько минут, пребывая в трансе, потом заговорила:

— Дворец пока цел. Оружие Исчезнувших, перенесенное на берег, не может пробить прочные крепостные стены.

— Слава Богу! — вскричал лорд Баланикар.

— Я бы тоже восславил Господа,— пробормотал старый лорд Голтрейн,— если бы он избавил нас от этого ужасного мороза! Тучи опять собираются, кажется, снова повалил снег. Если сугробы станут еще выше, ни люди, ни лошади не смогут идти дальше. Все мы погибнем, а ведь в нормальную погоду отсюда до города не больше часа ходьбы!

— А ты, Харамис, ничего не можешь сделать, чтобы расчистить дорогу? — спросила Кадия.

Великая Волшебница покачала головой:

— Я могла бы растопить немного снега, но это вряд ли поможет вам, особенно если снегопад начнется снова. К тому же я так устала...

— Мы все падаем с ног, — сказала Анигель. — Все, кроме детей, которые поспали в седле. — И она посмотрела на Никалона и Джениль, которые бегали под присмотром Джегана, кидаясь друг в друга снежками.

— Враг скоро доставит на берег тяжелую артиллерию, — сказала Харамис. — Мне нужно немного отдохнуть, только тогда я смогу заняться обороной Дероргуилы. Но боюсь, что атакующие начнут обстреливать крепостные стены дворца со всех сторон одновременно. Если они додумаются до этого, я вряд ли смогу что-то сделать, и они наверняка прорвутся. Как бы я хотела подумать на свежую голову, сказать вам что-нибудь утешительное. Но, к сожалению, единственное, что я могу сейчас посоветовать, — это отступить.

— Никогда! — сказал король. Его лицо вспыхнуло. — Я ни за что не сдамся!

Харамис упрямо продолжала:

— До подножия Охоганских гор всего восемьдесят лиг. Там тоже холодно, но не так много снега — ведь горы находятся довольно далеко от моря. Пиратов ждут сокровища Дероргуилы, они вряд ли будут преследовать вас. Вы сможете подождать, пока установится нормальная погода, или даже перейти через Виспирский перевал в Рувенду. Там вы соберете еще одно войско и отобьете город.

Внезапно в разговор вмешалась Кадия. Лицо ее сияло.

— Хари! Мне в голову пришла замечательная идея! Я знаю, что Великая Волшебница Моря не может оказать нам помощь в битве. Но разве вдвоем вы не в состоянии справиться с этим кошмарным снегом? Уверена, это нисколько не нарушит ваш священный долг.

Харамис разговаривала с Антаром еле слышным голосом, низко опустив голову. Услышав слова сестры, она

подняла глаза, восторженно, и лицо ее осветилось надеждой.

— Я не уверена... Ведь изменение климата — это свидетельство нарушения равновесия, погода может и не подчиниться нам. Но мы должны хотя бы попытаться. — Она с трудом встала на ноги, сжала Трехкрылый Диск и позвала: — Ириана! Ты нас слышала? Это возможно?

Те, кто стоял рядом, вскрикнули от изумления. Их ослепила вспышка голубого света, появились мерцающие сапфировые пузырьки, образовавшие бесформенную массу, которая росла, ширилась и, наконец, превратилась в сверкающий столб выше человеческого роста. Внутри этой массы вырисовывался лазоревый силуэт, поблескивающий крошечными звездочками бриллиантов.

Пузырьки взорвались. На снегу стояла невысокая полная женщина, одетая в легкий голубой наряд. Ее темносиние волосы были уложены в странную прическу, которую скрепляли жемчужные гребни. Женщина улыбалась.

— Ну что ж, посмотрим, что можно сделать, — сказала Великая Волшебница Моря. — Возьми меня за руку. О талисмানে забудь. Ты — Великая Волшебница, ты могущественна сама по себе!

— Клянусь Зото! — воскликнул Антар. — Она пришла! Она и в самом деле существует!

Ириана повернулась к королю и добродушно фыркнула:

— Сомнения и неверие никому не помогают, молодой человек. Советую вам от души помолиться, пока мы с вашей свояченицей будем работать! А вы, сестры, — кивнула она Кадии и Анигели, — возьмитесь за свои янтарные амулеты и тоже молитесь, хотя вас нельзя назвать истинными Лепестками Животворящего Триллиума, вы не едины душой. Нас с Харамис ожидает нелегкое дело. Нам нужна ваша помощь!

Смутившийся Антар упал на колени и опустил голову к молитвенно сложенным рукам. Анигель и Кадия последовали его примеру, а за ними все рыцари и аристократы, собравшиеся в кружок. Даже королевские дети, Шики и Джеган приняли молитвенные позы. Слух о том, что

происходит, облетел всю расположившуюся на привал армию, и солдаты опустились на колени в снег и начали молиться, глядя на хмурое небо.

Сияние вокруг двух Великих Волшебниц стало более интенсивным, но поначалу ничего не изменилось. Харамис окутало золотистое облачко, а от Ирианы исходило голубоватое свечение. Там, где их ауры совмещались, появлялся ослепительно зеленый ореол света. Зеленый луч устремился вверх, подобно изумрудному копью, рванувшись к скоплению штормовых туч и молнией пронзил их.

В этот момент, когда удача была уже близка, Харамис почувствовала яростное сопротивление. Злая сила сводила на нет все ее волшебные заклинания. Орогастус! Она не имела возможности посмотреть на него и убедиться в его вмешательстве, но чувствовала, что он изо всех сил старается удержать страшный холод, которому объявили войну две Великие Волшебницы.

Зеленые лучи, прорезавшие небо, побледнели, замигали, и тучи опять стали темными. Голубая Дама, ошеломленная неожиданной контратакой, вздрогнула, готовая покинуть поле боя.

— Нет, Ириана, подожди!

Харамис подавила приступ страшной усталости, собралась с духом и подумала о Трех в Одним. Она схватилась за воображаемый Скипетр и последним усилием воли нанесла злу сокрушительный удар. После этого воображаемый Триединый исчез, но он сделал свое дело. Золотое и голубое свечения вновь соединились, опять возник зеленый луч. Он взмыл в небеса и превратился в огромное облако. Тут же раздался оглушительный перезвон, словно разом ударили в сотни колоколов.

Потом зеленое сияние исчезло.

Ириана и Харамис стояли бок о бок, их магические ауры растаяли, на лицах обеих было написано ожидание. Подул ветерок... но он был теплым, а не обжигающе-холодным, как раньше. Из тысячи глоток вырвались возгласы изумления. Серое небо прорезали обыкновенные солнечные лучи, и над заснеженными полями с погиб-

шим урожаем, где отдыхала измученная армия, прокатились раскаты грома.

Пошел дождь.

Теплый, как кровь, дождь. Такой обильный, словно сами небеса зарыдали. Огромные капли буравили сугробы и разъедали лед. Дождь лил ручьями на запрокинутые обмороженные лица рыцарей и солдат, потрясающих промерзшим оружием. Подобно серебристым летящим пикам, несся к земле ливень и хлестал по смеющимся от радости королю и королеве. Дети взвизгивали и пританцовывали.

Лошади встряхивали головами и ржали от удовольствия. Температура воздуха неожиданно стала повышаться. Из-под снега показалась подмороженная трава, и лошади переступали по ней нетерпеливыми копытами.

— На Дероргуилу, — вскричал король Антар. Он вскочил в седло и взмахнул мечом. — На Дероргуилу!

Его конь встал на дыбы, а потом начал топтаться среди мужчин, которые поднимались с колен и так громко веселились и кричали, что их голоса перекрывали удары грома и шум ливня. Голтрейн, Баланикар и другие рыцари тоже оседлали своих коней и призывали воинов трогаться в путь. Ириана улыбнулась Харамис:

— Ну вот, получилось. Я рада. Но что это было? Кто пытался помешать нам? Неужели твой непослушный возлюбленный?

После отчаянных усилий Харамис едва дышала. Ее одежда промокла до нитки, черные волосы висели сосульками. А Великая Волшебница Моря была, как всегда, элегантна.

— Да, это был Орогастус. К счастью, он и не подозревает о твоём существовании. Если ты попытаешься понаблюдать за ним, помни, он тоже увидит тебя. Он уже научился подглядывать за мной, когда я с помощью обзора слежу за ним.

Голубая Дама нервно засмеялась:

— Ладно! Не буду пока слишком любопытной.

— Благодарю тебя за помощь. Можно, я опять позову тебя, когда понадобится?

— Гм...— Бледно-голубой лоб слегка нахмурился.— Откровенно говоря, это не моя сфера деятельности, я не должна вмешиваться в дела земли. Конечно, дождь мало чем отличается от морской воды, поэтому я и смогла помочь тебе. К тому же волшебство наше не было агрессивным, так что и в будущем можешь рассчитывать на меня, если все будет законно. Ах, если бы нас не сдерживали строгие правила! Временами они так осложняют жизнь!

Она исчезла в небольших клубах голубоватого дыма.

Харамис повернулась к сестрам, которые с помощью Шики и Джегана собирали свои вещи. Кадия спросила:

— Как ты думаешь, теперь у нас есть шанс добраться до дворца?

— Пока его штурмуют только разрозненные группы тузаменских солдат,— ответила Харамис.— Пираты рассеялись по городу в поисках легкой добычи. Да, сейчас дороги расчистятся, тепло какое-то время сохранится, и, я думаю, вы сможете добраться до дома.

— А ты останешься с нами, Хари? — спросила королева, оторвавшись от своего занятия; она увязывала вымокшие плащи детей в сверток.— Ты будешь охранять нас в пути?

Дождь ни на минуту не ослабевал.

Великая Волшебница ответила не сразу, она над чем-то размышляла.

К ним подъехал король.

— Вы все еще не в седле, дамы? Шики! Джеган! Подведите лошадей королеве, и Даме Священных Очей, и детям тоже. Приготовьте коня для Великой Волшебницы!

Аборигены бросились исполнять приказ. Но тут к королю обратилась Харамис:

— Я устала до смерти. По дороге в Дероргуилу вы не столкнетесь с опасностью. Я должна поспать хотя бы несколько часов, и у меня хватит сил перенести себя во дворец. Если вы с Анигелью пожелаете, я могу прихватить вас с собой.

— Я должен вести людей,— ответил Антар.— Но я был бы очень признателен тебе, если бы ты взяла мою жену и детей и перенесла их в безопасное место, в бастион Зо-

то. Анигель передаст маршалу Ованону добрую весть о том, что подкрепление на подходе.

— Антар, я хочу остаться с тобой! — закричала королева.

— Возможно, нам придется с боем прорываться ко дворцу, — сурово возразил король. — У меня нет лишних солдат для твоей охраны. План Великой Волшебницы кажется мне разумным. Я приказываю тебе отправиться с ней.

Анигель неохотно согласилась. Она подозвала принца и принцессу, и Харамис раскинула полы накидки.

Но когда королева и дети прижались к ней, Великая Волшебница сказала:

— Места хватит... Кади! Иди тоже сюда! В этот критический момент нам не следует разлучаться.

Кадия открыла рот, чтобы возразить, но Харамис продолжала:

— Мы не можем просить Великую Волшебницу Моря помочь нам в надвигающейся битве. Мне понадобится ваша помощь. Без нее я не смогу сопротивляться Орогастусу и удержать тепло. До сих пор Лепестки вели безоблачное существование, сейчас мы должны сплотиться, если хотим раз и навсегда покончить с колдуном и его союзниками.

— Клянусь, что буду предана тебе до самой смерти, — твердо сказала Кадия и заняла свое место под накидкой.

Но Анигель казалась расстроенной.

— Великие холода, — бормотала она, глядя на Харамис. — Ведь они не навечно покинули нашу землю. Вероятно стало теплее в одном небольшом районе.

Харамис неохотно кивнула.

— А раз так, — спросила Анигель, — разве мы можем победить?

Король Антар ответил ей:

— Меньше чем через три часа я буду в Дероргуиле — и с этим многочисленным войском наши силы умножатся. Не надо упрямяться, дорогая.

Харамис закрыла глаза. Король не понял вопроса жены, но Великой Волшебнице все было ясно. Она не зна-

ла, как на него ответить, к тому же в данную минуту ее занимало совсем другое. Она срочно нуждалась в отдыхе. С великим трудом она создала в своем воображении кристаллический образ королевских покоев в бастиионе Зото.

— Прощайте! — крикнул король. — Если будет на то воля Триединого, через несколько часов мы встретимся!

Кристаллический образ стал реальностью.

Харамис осмелилась сделать вдох. Перенос прошел успешно. Дети начали весело болтать, Анигель и Кадия разошлись в разные стороны, накидка Харамис упала. В комнате было прохладно и темно, огонь в камине давно потух, а они вымокли до нитки. Харамис гадала, остались ли у нее силы колдовать...

Да. В камине загудело пламя. И ее одежда и костюмы всех остальных стали сухими и теплыми. Анигель, Кадия и дети криками выразили свое восхищение.

— Я позову слуг, — сказала королева Великой Волшебнице. — Они немедленно приготовят для тебя постель.

Но на глаза Харамис уже попала удобная кушетка. Она легла и почти мгновенно провалилась в глубокий сон. Янтарь в ее талисмане был таким тусклым, словно жизнь покинула его.

— Хозяин! Хозяин! Очнитесь! — Фиолетовый Голос взял одну из безжизненных рук в серебристых перчатках и приложил ее к своему лбу. — Хозяин, вернитесь! Очнитесь, любимый господин! Ох... Силы Тьмы, оживите его!

Орогастус уже несколько минут лежал на полу королевского салона. Наконец он застонал и пошевелился.

Фиолетовый Голос суетливыми движениями развязал тесемки и снял с колдуна звездную маску, потом подложил ему под голову подушку.

— Ну что ты сидишь как истукан? — прикрикнул на Толо Голос. — Принеси бренди!

Обучение принца королевским манерам было прервано весьма странным образом, и мальчик стал свидетелем захватывающей волшебной битвы, которая так впечатлила его, что он словно прирос к трону короля Ледавардиса.

Орогастус, очевидно, случайно взглянул на короля Антара. Он явно обнаружил какую-то угрожающую ему магическую активность. Его тут же окутало зеленое свечение, глаза засверкали, как два белых прожектора. Казалось, он сражается с невидимыми демонами, вопя во все горло и колошматя по врагам своим талисманом. А потом он упал как подкошенный. Для Толо явилось новостью, что колдун уязвим. Над этим стоило задуматься. Мальчик неверными шагами двинулся к шкафчику, налил в золотой кубок немного напитка и принес его помощнику колдуна.

— Что случилось? — спросил Толо. — Ему больно?

— Магия, — отрывисто ответил Голос. — Великая Волшебница Харамис приступила к невиданному волшебному деянию — изменению климата. Хозяин случайно увидел, что происходит, и попытался помешать ей. Но... он проиграл. Самым печальным образом.

— Проиграл, — проговорил Орогастус еле слышным голосом.

Его глаза раскрылись. Голос приложил ему к губам кубок с бренди и влил два больших глотка. В словах колдуна звучали и удивление и усталость:

— Не знаю, почему мне вздумалось посмотреть на короля Антара. Я заметил, что погода вроде бы меняется. И тут же догадался, что армию перебежчиков сопровождает Харамис, хотя обнаружить ее присутствие с помощью обзора мне не удалось. Всеми силами я старался сохранить холод, чтобы подкрепление не попало в город. — Его лицо внезапно исказила гримаса боли. — Но не смог. И перед тем как потерять сознание, я увидел... я увидел...

— Что, Хозяин? — Голос ослабил завязки накидки колдуна, устроил его поудобнее и дал глотнуть бренди.

— Я увидел Харамис. И... кто же это был? Конечно, еще две сестры, но мне показалось, что там был кто-то четвертый. — Орогастус затряс головой. — Но кто? — Он нахмурил лоб и раздраженно пробормотал: — Мозги никуда не годятся!

— А вы не можете опять вызвать ураган? — спросил Голос. — Вы повелеваете штормом! Ледяные ветры под-

чиняются вам, принося смерть и разрушения вашим врагам! Уверен, что после небольшого отдыха вы соберетесь с силами...

Орогастус поднял руку:

— Голос мой, я заставил короля Ледавардиса и остальных безмозглых рэктамцев поверить, что обрушившаяся на Лабровенду кошмарная погода — дело моих рук. Но обманывать тебя мне нет смысла. Да, я могу повелевать легкими бурями, метать молнии и создавать попутные ветры для кораблей. Но вызвать природную катастрофу, вроде изменения климата, — не в моих силах. И Великая Волшебница Харамис не способна на такое колдовство. Я и сам не знаю, почему природа начала сходить с ума. Время от времени я задумывался над этим вопросом, но всякий раз отбрасывал его в сторону, потому что в последнее время длительная непогода входила в мои планы. Но нынешнее поражение не дает мне покоя. Я ничего не понимаю! Сегодня мы уже состязались в волшебном мастерстве, и мне показалось, что наши с Харамис силы равны. Потом она страшно устала и покинула поле боя. И тогда мы прорвали блокаду в порту. Она не должна была одержать победу в этом поединке!

— И что же вы думаете об этом, Хозяин?

— Она получила помощь от своих сестер. В этом я убежден. Но цветок королевы Анигели по-прежнему кроваво-красный, так что Животворящий Триллиум еще не обрел настоящего могущества. И все-таки я был побежден.

Орогастус заставил себя сесть. Он взял из рук помощника кубок и одним залпом осушил его, закашлялся и постучал костяшками пальцев по лбу.

— Они наколдовали теплый воздух и дождь. В одном небольшом районе, к югу от Дероргуилы. Теперь армия быстрым маршем двинется к городу, черт бы ее побрал, и попытается соединиться с защищающими дворец войсками. Нам нужно немедленно высадиться на берег и вмешаться. Горбатому карлику и его людям потребуется помощь, чтобы организовать своих распоясавшихся ма-

родеров и заставить их заняться прямыми военными обязанностями. А я должен забрать у Желтого Голоса свой талисман. Чтобы победить Харамис, мне понадобятся оба.

Поднимаясь на ноги, он застонал. Только теперь он обратил внимание на принца Толивара — впервые с тех пор, как его поразил удар.

— Возьми мальчика, Фиолетовый Голос, и на минуту оставь меня одного. Приготовь лодку, которая доставит нас к берегу. Нам понадобится моя тузаменская стража. И не забудь взять Звездный Сундук. Если мне удастся найти Харамис и нанести ей поражение, надо будет немедленно завладеть ее талисманом.

Голос поклонился:

— Слушаюсь, Хозяин.

Толо поспешно пошел за ним.

Орогастус вынул из ножен Трехвекий Горящий Глаз, перевернул его и поднял вверх, держа за тупое лезвие.

— Талисман, отвечай без утайки.

Черное веко раскрылось, и на колдуна уставился серебряный глаз.

Отвечу, если вопрос будет поставлен правильно.

— Кто помогал Великой Волшебнице Харамис вызывать теплый дождь?

Дама Священных Очей, Кадия. И королева Лабровенды Ангиль.

— Вот как? Это я и сам знаю! Но там был кто-то еще! Кто?

Великая Волшебница Моря Ириана.

— Клянусь костями Бондануса! — вскричал колдун. — Еще одна Великая Волшебница? Разве это возможно?

Вопрос неуместен.

Орогастус чертыхнулся:

— Говори правду: сколько Великих Волшебников живут сейчас в мире?

Великая Волшебница Земли, Великая Волшебница Моря и Великий Волшебник Небес.

— Как мне связаться с ними, как поговорить?

В настоящее время ни один из них не желает с тобой разговаривать. Они не позволяют тебе даже посмотреть на

себя. Но в будущем Денби, Великий Волшебник Небес, возможно, и побеседует с тобой. А сейчас ты его не интересуешь.

Орогастус еще раз сдавленно выругался и заговорил с величайшей учтивостью:

— Передай от меня нижайший поклон Денби, загадочному Волшебнику Небес. Я с нетерпением жду его благосклонного внимания.

Исполнено.

Глаз медленно закрылся.

Несколько минут Орогастус усиленно размышлял. Потом он вложил талисман в ножны, поднял накидку и маску. Он был готов отправиться на берег и принять участие в битве.

Глава 29

Когда Орогастус, Фиолетовый Голос, принц Толивар и дюжина рослых вооруженные тузаменских стрелков подплыли на небольшой шлюпке к берегу, сражение в дорргуильском порту уже было окончено.

У причала в три-четыре ряда громоздились опустевшие суда захватчиков, и колдуну с его спутниками пришлось переходить с корабля на корабль, чтобы добраться до берега. Набережная представляла собой жуткое зрелище. Воздух был наполнен вонючим дымом, тающий на глазах снег пропитался сажей и кровью и был усеян мертвыми телами защитников города и пиратов.

Подвезенные к самому краю воды деревянные катапульты сторели, не успев сделать ни единого выстрела; окровавленные останки obsługi лежали среди груд неиспользованных камней и перевернутых горшков со смолой. Портовые постройки — передовая оборонная линия лабровендцев — были охвачены пламенем. Узкие проходы между складами, которые стояли с распахнутыми настежь дверями и выбитыми стеклами, были заполнены трупами. Множество рэктамских матросов стаскивали к причалу награбленное добро и сваливали его в громадные кучи. Повсюду были раскиданы тюки дорогих тка-

ней, вспоротые мешки с мехами, шкатулки с драгоценными безделушками, пустые бутылки из-под бренди, свидетельствовавшие о том, что армия мародеров погуляла вволю, прежде чем двинуться дальше. Повинуясь приказу колдуна, рэктамцы устремились к дероргуильскому дворцу, чтобы присоединиться к осаждавшим его союзникам из Тузамена.

Пока четверо телохранителей искали карету или какую-нибудь другую повозку для своего Хозяина, Орогастус задержался у входа в каменное здание дероргуильского коммерческого банка и погрузился в непродолжительный транс. Впервые после постигшего его поражения колдун нашел в себе силы на расстоянии поговорить с Желтым Голосом.

Когда их молчаливая беседа окончилась, лицо колдуна было мрачно.

— Королева Анигель вместе с Кадией находятся в бастиионе Зото, — сообщил он Фиолетовому Голосу. — Желтый сказал, что королевские дети тоже там, они смогли ускользнуть от его наблюдения. Великая Волшебница с ними, она очень утомлена и сейчас спит. Но, бодрствующая или спящая, Харамис все равно невидима для нас, ее охраняет талисман. Какое-то время она не будет действовать активно, нам нужно воспользоваться благоприятной ситуацией и нанести удар.

— Отличные новости! — сказал Фиолетовый Голос.

— А плохая новость, — отозвался Орогастус, — заключается в том, что король Антар со своим войском быстро наступает с юга. У него около трех тысяч человек. За крепостными стенами дворца засели около двух тысяч защитников — в основном рыцари и отборные солдаты. Если подоспеет Антар со своим подкреплением, нам чертовски долго придется выкуривать их оттуда, и мы понесем тяжелые потери. Тузаменское войско подвергается жестокому обстрелу, с крепостных стен на него обрушивается град стрел. Храбрые воины стойко держатся, но нам следует поспешить им на помощь.

— А разве мы не можем пробить крепостные стены? — спросил Фиолетовый Голос.

Он крепко держал за руку маленького принца Толи-
вара, который слушал разговор с живым интересом. Маль-
чуган даже забыл обо всех своих страхах.

— К сожалению, одной тяжелой артиллерией тут не
обойтись. Проклятая крепостная стена около шестидеся-
ти элсов толщиной! Мне надо побыстрее попасть туда и
попытаться разрушить ее с помощью двух талисманов.
Необходимо взять бастион и предать смерти королеву и
ее детей до прибытия короля Антара.

Прибежал запыхавшийся телохранитель, один из по-
сланных на поиски повозки.

— Хозяин, на извозничьем дворе позади банка полно
карет, но мы не можем найти ни одной лошади.

— Ничего страшного,— сказал Орогастус.— Я больше
не могу ждать.

Он выбрал шесть тузаменских воинов в качестве со-
провождения и приготовился идти ко дворцу пешком —
до него было не больше одной лиги. Было решено, что
Фиолетовый Голос, Толо и остальные телохранители пой-
дут следом, стараясь не отставать.

— Веди нашего юного короля безопасной дорогой и
хорошенько смотри за ним,— предупредил колдун свое-
го помощника.— Но помни, он должен быть доставлен
ко дворцу, как только мы разрушим крепостную стену.
Может быть, нам придется использовать его для оказа-
ния давления на его мать или на Великую Волшебницу.

С этими словами Орогастус удалился — его серебри-
сто-черная накидка блестела от дождя, в руке он сжимал
Трехвекий Горящий Глаз.

Маленький принц забился в руках Фиолетового Голо-
са с неожиданной для того яростью. Он уже не был на-
пуган, слова бывшего кумира привели мальчика в бешен-
ство. Помощник колдуна потрянул мальчика и пригрозил,
что если тот не утихомирится, то придется надрать его
королевские уши. Толо заплакал от бессильного гнева.
В эту минуту вернулись после бесплодных поисков тело-
хранители, и все они помчались по мощенной камнями
улице с такой скоростью, что мальчик стал задыхаться.

— Вы идете слишком быстро! — протестовал Толо. — Мостовые очень скользкие! Я вот-вот потеряю корону!

Выругавшись, Фиолетовый Голос остановился и приказал одному из телохранителей:

— Каитанус, возьми этого противного мальчишку и посади его на плечи. Я несу Звездный Сундук Хозяина.

Большеголовый крепыш с косматой рыжей бородой подхватил Толо и закинул себе на плечи. Стальные пластины доспехов, защищающих спину, и острые края железного шлема впились в нежное тело мальчика, и он вскрикнул от боли:

— Ой! Ой! Я не выдержу! Мне очень больно!

Фиолетовый Голос разразился еще более грубыми ругательствами.

— Спусти его. — Он с отвращением посмотрел на принца. — Видимо, мне самому придется тащить тебя. Возьми Звездный Сундук и будь внимателен: он дороже твоей ничтожной жизни!

И опять Толо взлетел вверх, на этот раз сидеть ему было удобнее. У него в руках оказался блестящий от дождевой влаги сундук со звездной эмблемой на крышке. Мальчик прижал его к груди, и они снова двинулись в путь.

Толо смотрел по сторонам поверх фиолетового капюшона Голоса. Дым и пламя, крики мародеров, стоны раненых и горы трупов казались мальчику нереальными. Этот разрушенный город не был той Дероргуилой, которую он так хорошо знал — это была сцена из кошмарного сна, привидевшегося ему впервые. Только возвышавшаяся впереди на холме громада казалась явью — дворец сохранял свой прежний вид.

Они дошли до тех домов, где все еще продолжалась кровавая битва. Повсюду рыскали толпы рэктамцев в поисках наживы. Толо увидел пиратов, увешанных украденными жемчужными бусами, золотыми цепочками и браслетами с драгоценными камнями. Они бились в рукопашном бою с солдатами и рыцарями Двух Тронов. На стороне пиратов было существенное численное превосходство, и принц с содроганием смотрел, как враги с гиканьем рубят мечами

ми направо и налево. Кровавый дождь смешался со струями теплого утреннего дождика, и капли крови попадали на намокшие костюмы Фиолетового Голоса и мальчика. Фиолетовый Голос быстрыми шагами шел в окружении шести здоровенных телохранителей. Теперь огромные кривые мечи тузаменцев были обнажены, и они не задумываясь поражали ими тех незадачливых рэктамцев, которые имели глупость позариться на одетого в богатый наряд королевского отпрыска.

Когда они приблизились ко дворцу, где сражение было более ожесточенным, бедняжка Толо уже не мог смотреть по сторонам. Он зажмурил глаза и опустил свою коронованную голову на Звездный Сундук. Его душили рыдания. Ему стало все равно, жив он или мертв!

И в этот момент он в самом деле чуть не погиб.

Он почувствовал, что Фиолетовый Голос пошатнулся, и услышал нечленораздельный вопль негодая. Открыв глаза, Толо чуть не задохнулся от ужаса: он увидел, как красивое трехэтажное каменное здание, украшенное лепниной, начало странным образом пританцовывать. В ту же минуту раздался нечеловеческий рев, дикий скрежет и треск, а потом что-то загрохотало — сильнее, чем гром. И этот грохот доносился не с неба, а из-под земли. Карнизы и лепные фасады домов стали падать. Во все стороны полетели кирпичи и обломки черепицы. Забыв и о сражении, и о грабеже, люди в панике заорали, глядя наверх, на каменную лавину рушившихся домов.

— Землетрясение! — закричал Фиолетовый Голос.

Тузаменские воины остановились, завопили и начали бестолково размахивать мечами в облаках пыли и дыма. Звуки падающих камней и звон разбитого стекла утонули в людском крике, грохот достиг невиданной мощи. Издавая хриплые стоны, Фиолетовый Голос стал прыгать как сумасшедший по трескающейся мостовой. Он отпустил ноги Толо и грубо отшвырнул мальчика от себя. Принц визжа полетел по воздуху, крепко вцепившись в Звездный Сундук. Он упал на что-то мягкое, пружинящее, и это смягчило его приземление. Было темно.

Долгое время Толо лежал среди оглушительного шума и суматохи, гадая, жив он или уже умер. Но, по всей видимости, Владыкам воздуха не угодно было доставить его на небеса. Судорожные движения земли прекратились. Дома перестали ломаться. Наконец стало тихо. Тишину нарушали только слабые стоны, кто-то плакал, упало два-три камня, где-то затрещали сломанные доски. И еще принц слышал, как стучат тяжелые капли дождя по короне, которая все еще сдавливала его гудящую от боли голову. Он застрял в кроне огромного пышного куста. Колючки расцарапали ему лицо и руки. Не выпуская Звездного Сундука, он осторожно высвободился из веток и спрыгнул на землю, которая находилась всего в половине элса от его ступней.

Вокруг царила такая разруха, что от ужаса он не мог даже закричать. Большинство зданий лежало в руинах, обрушившиеся стены обнажали внутренние помещения. Мебель поливал ласковый дождик. Некогда росшие в ряд вдоль тротуаров деревья были вырваны с корнем. Мошеная мостовая и тротуары были чудовищно покорежены и засыпаны камнями и щебенкой, а там, где сохранилась ровная поверхность, дорога все равно имела зыбкий, ненадежный вид. В воздухе висела плотная завеса пыли, с которой постепенно расправлялся неумолимый дождь.

Недалеко от спасительного куста громоздилась куча камней от разрушенного здания высотой почти в три элса. С одного ее края из-под огромной гранитной плиты торчала грязная рука в перепачканном фиолетовом рукаве. Рядом лежал придавленный камнями мертвый тузаменский телохранитель: его глаза были широко раскрыты, рот искривлен в немом крике.

Толо выпрямился. Он был весь исцарапан, его королевское одеяние превратилось в жалкие лохмотья. Но кости были целы, и головная боль потихоньку успокаивалась. Он вскарабкался на груды камней и посмотрел в сторону дворца, ожидая, когда окончательно уляжется пыль и обзор прояснится.

Крепость Двух Тронов все еще стояла на месте. Он слышал далекие звуки боевых горнов и крики сражения,

а потом до него донесся характерный визг волшебных снарядов Исчезнувших и свист летящих стрел.

Значит, война продолжалась.

Толо спустился вниз. Он снял изорванную мантию, потом голубой бархатный камзол, корону, королевскую цепь, усыпанную камнями перевязь и ножны. Набрав целые пригоршни глины, он перемазал ею золотой костюмчик, лицо и волосы. Коротким мечом с рубиновой рукояткой отрезал от камзола кусок и завернул в него Звездный Сундук. Всю одежду и королевские знаки отличия он отнес туда, где погибли Фиолетовый Голос и телохранители.

Принц с особой тщательностью разложил одежду таким образом, чтобы перевязь с ножнами лежала на груди камзола, а королевская цепь — на воротнике. Работа была выполнена артистично. Потом он принес обломки кирпича, завалил ими одежду, а сверху положил несколько камней побольше. Из-под бесформенной груды теперь выглядывали кусочки ткани. Создавалось впечатление, что обрушившееся здание похоронило под обломками маленькое тело. Чтобы картина приобрела законченный вид, он бросил корону на ровное место у края каменного кургана.

Хорошенько вывозив в грязи белую меховую мантию, Толо завернулся в нее. И маленький меч, заткнутый за пояс, и Звездный Сундук оказались укрытыми ею. Теперь он мог отправиться домой.

В западной крепостной стене дворца, недалеко от задних ворот, находилась маленькая дверца, которой давно никто не пользовался. Когда-то в древние времена мусорщики выносили через нее нечистоты и сваливали их в выгребные ямы; тогда еще не знали, что отбросы могут служить хорошим удобрением для полей. Теперь этот забытый всеми выход зарос сорняками. О нем знали только те, кто занимался уборкой мусора. Одним из знавших был абориген Ралабун, ухаживавший за животными королевы.

Два года назад Ралабун, преданный друг Толо, открыл ему тайну дверцы. Он сказал, что пользуется ею в ясные ночи, когда Три Луны светят особенно ярко и в нем жи-

васт тоска по родным местам и соплеменникам. В такие ночи он выбирается из дворца, спускается к реке Гуил, плывет на необитаемый островок и там долго-долго молится и поет старинные песни народа Топей, а потом возвращается к людям. Эта дворца, сказал Ралабун своему маленькому другу, — самый главный его секрет.

Старый смотритель за животными никогда не думал, что в один прекрасный день она станет спасением для маленького беглеца... если тот вовремя доберется до нее.

Когда началось землетрясение, Орогастус успел дойти только до широкой площади перед северными воротами дворца.

Площадь заполнили почти шесть тысяч мужчин; они расположились так, чтобы их не доставали стрелы, летящие с укрепленных стен. Тузаменские войска, оснащенные волшебным оружием Исчезнувших, подошли к месту битвы, прячась за крытыми бронированными повозками. В узких проходах между ними стояли орудия, которые падали по крепостным стенам. Стены были опалены огнем и изрешечены снарядами, но еще держались. Некоторые повозки дымились: на них попала жидкая смола, которой поливали врага защитники дворца. Около повозок лежали пронзенные стрелами тела. Еще больше мертвецов валялось возле огромного тарана, брошенного перед главными дворцовыми воротами.

Когда земля стала содрогаться, захватчики взревели жутким многоголосым хором. Кто-то тут же упал, другие в панике бросились врассыпную, кидая оружие и крича, что Великая Волшебница начала атаку. Боевые машины закачались, как шлюпки в штормящем море. Стоящие по периметру площади здания стали рушиться. Сначала Орогастус подумал, что это дело рук Великой Волшебницы. Падая на колени, полуослепнув от внезапно взметнувшихся облаков пыли, которые почти мгновенно превратились в грязный дождь, он мертвой хваткой сжал Трехвекий Горящий Глаз и, стараясь, чтобы голос его звучал спокойно, приказал остановить землетрясение и спасти

жизнь ему и его воинам. Но подземные толчки не прекращались, и он в отчаянии закричал:

— Харамис! Харамис, побойся Бога! Неужели ты хочешь погубить и своих людей?

Спустя мгновение он увидел ее. Она вцепилась в дрожащую кушетку в какой-то из комнат дворца. Великая Волшебница не выглядела испуганной, скорее расстроенной и невыспавшейся.

— Я ничего не делала. Мир теряет равновесие, и от этого его трясет. В этом твоя вина, хотя в твои намерения и не входила эта катастрофа.

— Что ты имеешь в виду? — крикнул он.

Но она не стала разговаривать с ним, ее образ растаял. Спустя несколько мгновений земля успокоилась. Колдун с трудом поднялся на ноги.

Его тузаменские телохранители и окружившие их пираты требовали объяснений. Они так и сыпали проклятиями. Орогастус собирался успокоить их, как вдруг услышал странные звуки.

Это были возгласы радости.

И тузаменцы, и рэктамцы вопили во всю глотку, выражая восторг. Люди указывали в сторону дворца, крича и смеясь. Некоторые еще лежали на развороченной мостовой, другие вскакивали на ноги.

— Стена! Стена! — ревели они. — Слава Орогастусу! Слава могущественному колдуну! Слава!

Удивленный Орогастус повернулся и взглянул туда, куда были обращены взоры толпы.

К западу от главных ворот в стене от верха до низа зияла огромная брешь. Высокая западная башня тоже наполовину разрушилась, а восточную опутала паутина глубоких трещин.

— Слава Орогастусу! Слава! Слава!

Боевые горны короля Ледавардиса протрубили сбор. С гиканьем и ревом пиратская орда ринулась в открывшийся проход.

— Хозяин, это было мастерски сделано! — с благоговением сказал один из тузаменских стражников. — Но в следующий раз предупредите нас заранее.

Колдун только кивнул в ответ. Он вложил талисман в ножны и привел в порядок звездную маску, которая сильно помялась при падении.

— Хозяин, присоединимся к атакующим? — нетерпеливо воскликнул второй стражник.

— Минуточку. Я должен отыскать своих помощников.

Взявшись затянутой в серебристую перчатку рукой за рукоятку талисмана, Орогастус приказал показать ему Желтый Голос. Перед ним тут же возникла фигура Желтого: тот бежал за одетым в доспехи королем Ледавардисом на штурм дворца. На голове его сияло Трехглавое Чудовище.

— Голос, у вас с горбатым карликом все в порядке?

— О да, Хозяин! Если бы вы видели, как он был потрясен вашим божественным ударом. Вы за считанные минуты сделали то, чего за долгие часы не могли сделать волшебные машины Исчезнувших! Это было невероятно! Чудесно...

Орогастус прервал его:

— Довольно! Слушай меня внимательно. Теперь ты должен быть очень осторожен. Войди во дворец вместе с атакующими, но потом найди благовидный предлог и покинь короля. Я хочу, чтобы ты спрятался в безопасном месте, пока я не приду к тебе. Мне понадобится твоя диадема для поединка с Великой Волшебницей. Ты должен беречь талисман пуще глаза. Понятно?

— Да, Хозяин. Я принял к сведению.

— Тогда до свидания, мой Голос, до встречи.

Потом Орогастус приказал талисману показать ему Фиолетовый Голос. Но когда появилось изображение, он замер и издал такое злобное рычание, что тузаменские телохранители выхватили мечи и окружили его, горя желанием узнать, что произошло.

Но он не мог рассказать им, что Фиолетовый Голос покинул этот мир и отправился на покой к Силам Тьмы и что маленький принц Толивар тоже мертв.

— Нельзя терять времени, — сказал Орогастус. — Благодаря моей защите никто из вас не ранен. Мы должны стремиться только вперед! Ничего не бойтесь. Я по-прежнему буду охранять вас.

Стражники сгрудились вокруг него, и они двинулись к бреши в крепостной стене — маленькая дисциплинированная группа среди беснующихся рэктамцев.

Орогастус продолжал разговаривать в привычной наленной и самоуверенной манере, но в глубине души уже чувствовал первые признаки беспокойства. Землетрясение явилось для него полной неожиданностью, он уже знал, что не в состоянии управлять им. Его охрана и большая часть армии захватчиков не пострадали, поскольку находились на открытой площади, а не посреди рушившихся домов. Только самому себе Орогастус мог признаться в том, как изнурила его морская битва и попытка противостоять двум Великим Волшебницам.

У него еще оставались силы, чтобы защитить себя и свою охрану от вражеских снарядов и стрел, но на большее он теперь вряд ли способен. А ведь никто не представляет, что ждет его дальше. Поэтому диалема должна как можно скорее вернуться к нему.

Орогастус уже знал, что она чудесным образом обостряет его мысли и укрепляет дух, в то время как тупой меч увеличивает физическую силу и помогает активно действовать. Он понял, что совершил величайшую ошибку, выпустив из рук волшебную диадему.

«Силы Тьмы,— молился он,— сохраните ее! Помогите мне добраться до нее, пока Харамис не обнаружила, что у меня ее нет!»

Старый-престарый человек покачивал головой, снисходительно улыбаясь. Он с самого начала знал, что ничего не получится. Похоже, ни одна сторона не может одержать победу. А ведь он говорил тем двум об этом еще тогда, когда они поделились с ним своим планом.

Чему быть, того не миновать! Ничего нет проще и мудрее. Какой смысл во всей этой суете, зачем вмешиваться в ход космических событий? Конечно, можно исхитриться и на время задержать неизбежное, но, по большому счету, все равно произойдет то, чему суждено произойти.

Плохо, если все опять пойдет прахом, но со временем мир излечится. Разве такое случается в первый раз?

Он прекрасно знал, чем кончится эта нелепая затея. Как ничтожно! Как банально! Как незначительны по сравнению с вечным проблемы, которые полностью завладели его вниманием!

Как он презирает их всех. Они не видят дальше своего носа. А ведь решение лежит на поверхности. Они делают ошибку за ошибкой.

Просто безумие какое-то. И зачем только он отвлекся от своих размышлений и стал наблюдать за ними? Надо прекратить это глупое занятие.

Глава 30

Харамис отвернулась от треснувшего окна и нетвердой походкой вернулась обратно к кушетке. Потрясение, растерянность, которые овладели ею, когда она была разбужена землетрясением и воплями колдуна, начали проходить, на смену им пришла ужасная реальность: огромная армия галдящих, трубящих в горны захватчиков, теснившаяся за крепостными стенами, ринулась в образовавшуюся брешь подобно тому, как потоки воды прорываются сквозь пробитое днище лодки.

И среди этой орды был Орогастус.

Что ей делать? Что она может сделать?

Прежде всего нужно собраться с мыслями и спокойно все обдумать. Она упала на кушетку и приложила ко лбу талисман. Вот так. Так будет лучше.

Страшное землетрясение, разрушившее большую часть Дероргуилы, почти не затронуло бастиона Зото. Только посуда упала с полок и со стола и разбилась. Сквозь треснувшее окно просачивался дождь, занавески слегка намочили. Опять становилось холодно. Она знала, что это неизбежно.

Сколько времени она проспала? Час? Вряд ли больше. Но она чувствовала себя немного бодрее. Подняв талисман, она заговорила с сестрами:

— Анигель! Кадия! С вами все в порядке?

Появилось изображение. Сестры были в тронном зале бастиона с маршалом Ованоном, лордом Пенапатом, советником Лампиаром и несколькими рыцарями. В воз-

духе стояла пыль. Стулья были перевернуты, повсюду валялись подсвечники, бумаги и всякие мелкие предметы. Кадия помогала пожилому Лампиару вылезти из-под тяжелого стола заседаний, который, видимо, служил им укрытием во время землетрясения. Королева поддерживала Ованона, тот остался невредим, но вид у него был растерянный.

— С нами все в порядке, — сказала Кадия, взглянув на признак Великой Волшебницы, вытканный в воздухе. — Правда, мы перепугались, когда начала падать огромная люстра. К счастью, я догадалась остановить ее с помощью своего Черного Триллиума. Неужели все это натворил ублюдок Орогастус?

— Нет, — сказала Великая Волшебница. — Сейчас он так же растерян, как и я. Землетрясение — еще один симптом нарушенного равновесия мира.

Кадия и Пенапат склонились над Лампиаром, прикладывая ему ко лбу марлю, смоченную в вине. Ованон усадил королеву на стул. Потом он спросил Великую Волшебницу о состоянии дворца после подземных толчков.

— Я осмотрела его довольно бегло, но могу сказать, что ситуация плачевная. Возле главных ворот в стене пробита большая брешь, и толпы врагов заполняют внутренний двор. Западная башня рухнула, восточная дала трещины; несмотря на это, внутри осталось много наших солдат.

— А бастион цел?

— К счастью, да.

Маршал кивнул:

— Отлично. Мне нужно собрать войско, оставшееся снаружи, здесь. Мы постараемся укрепить двери и удержаться хотя бы на западных и южных позициях. Задние ворота крепостной стены должны оставаться открытыми для короля Антара. Мы так надеялись, что он подойдет вовремя.

Харамис быстро взглянула на короля:

— Он будет здесь не раньше, чем через час.

Ованон сказал:

— Пенапат, Лампиар, вам придется создать укрепления внутри самого бастиона. Давайте поспешим!

Рыцари и военачальники спешно покинули тронный зал, оставив Кадью и Анигель наедине с призрачной фигурой Великой Волшебницы.

— Хари, как там мои дети? — спросила королева.

— Сейчас я разыщу их. Подожди. — Через минуту Великая Волшебница сказала: — Джениль в своей комнате с Имму. А Ники... может быть, он хотел посмотреть, не подходит ли Антар, или ему в голову пришла дикая идея поучаствовать в сражении. Я обнаружила его около задних ворот, возле укреплений. Там страшная неразбериха, при землетрясении многое разрушилось. Лицо у Ники поцарапано, одежда разорвана, он в сознании, сидит среди раненых. Мне не видно, насколько он пострадал.

— Иди к нему, Хари! — жалобно крикнула Анигель. — Спаси его!

— Я... я сомневаюсь, что смогу перенести себя туда. Во всяком случае, не сразу. Колдовство требует сосредоточения. Прости меня, Ани, но я так мало спала, а тут это землетрясение. Если я, не окрепнув, начну действовать...

Королева вскочила на ноги:

— Тогда я пойду за Ники сама!

— Отправишься в самое пекло? — в ужасе спросила Кадия.

— Да! — дико крикнула Анигель. — Если Хари отказывается помочь моему сыну, тогда я вытащу его!

Кадия встала со стула, взяла сестру за плечи и встряхнула. Ее присыпанные пылью рыжие волосы взметнулись, глаза загорелись.

— Нет! Ты никуда не пойдешь! Вспомни, кто ты такая! Вспомни, кто такая Великая Волшебница и какому священному делу она служит! Именем Господа заклинаю тебя, сестра, побори страх и малодушие, иначе ты и вовсе лишишься здравого смысла и решительности! Веди себя как подобает королеве!

— Да, я знаю, кто я. — Анигель забилась, как пойманный в силки зверек, и зарыдала. — Я слабая, злая, меня все презирают! Я не достойна своего священного сана! —

Внезапно она перестала вырываться и откинулась назад, сломленная горем. — Ты права, Кадия. Скорее всего, мне не удастся спасти своего бедного сынишку. Он умрет, как и все мы. И не от злой магии Орогастуса, не от мечей его подлых наемников, а из-за наступления Вечного Ледника!

Кадия разжала руки. Она опустилась на колени и ласково обняла сестру:

— Милая моя сестренка! Ты ошибаешься. Я знаю, ты страшно переживаешь из-за начавшегося разрушения мира и во всем винишь себя. Мы все виноваты, так как все вели себя эгоистично, высокомерно и неразумно! Гордыня заставляет тебя обвинять во всех несчастьях одну себя!

— Гордыня? Ты несправедлива ко мне. У меня много грехов, но я никогда не была ни гордой, ни высокомерной.

— Ты всегда была гордячкой, несмотря на кажущуюся мягкость. Именно гордыня сделала тебя эгоисткой, и ты стала слепа, перестала замечать очевидное. Долгие годы ты не хотела признаться себе самой, что в твоём процветающем королевстве что-то может не клеиться. В своём ослеплении ты отказывалась видеть существующие несправедливости. Ты просто желала счастья себе, своему мужу и своим детям и каталась как сыр в масле.

— Разве это большой грех? — вскричала Анигель, вспыхнув от негодования.

— Для человека твоего ранга это становится большим грехом. Твоя безопасность, твое благополучие, счастье твоих близких важны, но это не самая важная вещь на свете. Есть вещи гораздо более ценные и чувства более благородные. Иногда во имя них приходится идти на страшные жертвы, даже на смерть... или, что еще ужаснее, смириться со страданиями, гибелью других людей.

Миловидное лицо королевы стало недоумевающим. Она явно смутилась и, храня молчание, упорно отводила глаза от сестры.

Кадия продолжала все так же настойчиво:

— Я знаю, когда-то в тебе были и благородство и великодушие. Покопайся в душе. Поставь свой монарший

долг выше личных интересов. Перестань плакать, обвинять себя и предаваться отчаянию — ведь оно превратило тебя в тряпку. Твои терзания не просто бесплодны — они отравляют тебя! Люби свою семью, своих друзей, свою страну и весь мир. Но люби не ради собственного благополучия, а из благородных побуждений — с той мудростью, с какой любит нас Триединый. Я знаю, ты способна любить по-настоящему.

— Кади... если бы я могла поверить тебе...

— В глубине души ты сознаешь, что я права, говоря о твоём эгоизме, иначе бы твой цветок не покраснел от стыда.

Королева подняла заплаканное лицо:

— До этой минуты я и в самом деле не понимала, что творится со мной. Ты права — я была горда тем, чего мы с Антаром добились, получив Два Трона. Я гордилась и своими чудесными детьми, и собой. Когда все пошло кривь и вкось, я возненавидела тебя за то, то ты не могла понять моих страданий, моей боли, а Хари — за ее невыпущенные идеалы, более благородные, чем мои, за нежелание сосредоточиться на достижении собственного счастья и благополучия, как сделала я сама. Я верила, что мой супруг и мои дети — самые драгоценные существа в мире: дороже тебя, дороже Хари, дороже моих друзей и моего народа. Когда на них посыпались несчастья, я должна была что-то сделать для их спасения. Это было важнее, чем бороться с наступлением Вечного Ледника.

— Да. — Кадия ласково прикоснулась к руке королевы.

Обе женщины встали.

— Я была не права.

— Да.

— Кадия, я прошаю тебя от всей души.

— Понимаю.

Сестры поцеловались. Потом королева высоко вздернула подбородок:

— Я немедленно отправлюсь к Пенапату и Лампиару, посмотрю, чем я могу помочь нашим доблестным защитникам. Брать в руки меч бессмысленно, но...

Дама Священных Очей улыбнулась:

— Это сделаю я! А ты делай то, что в твоих силах. Пока что пойду и приведу этого негодника Ники.

Откинув с лица непослушные пряди волос, она вытащила свой меч и направилась к выходу из тронного зала.

Королева медленно обошла опустевшую комнату. Как лунатик, машинально собрала рассыпанные на полу бумаги и сложила их на пыльном столе.

— Взгляни на свой амулет, сестра!

Анигель удивленно вскрикнула. Она совсем забыла, что на нее смотрит призрачная Великая Волшебница. Взявшись за золотую цепочку, она достала из потайного места капелюшку янтаря.

Амулет сверкал, как золотой слиток, находящийся внутри Триллиум был черным.

Четыре раза Желтый Голос делал попытку улизнуть от рэктамского короля Ледавардиса, находившегося в авангарде своего войска и выдававшего чудеса отваги. Он оказался великолепным воином и замечательным полководцем. Сражение становилось все более ожесточенным. Вооруженные отряды рэктамцев и тузаменцев проникли сквозь брешь в стене во внутренний двор, захватили разрушенную западную башню и начали теснить защитников, выбивая их из построек для прислуги, прачечной, пекарни и конюшен. Рыцари, идущие впереди монарха, не только укрывали его своими щитами от града стрел, но и перекрыли Желтому Голосу путь к бегству. Так что помощнику колдуна пришлось заняться своим делом: подыскивать позиции для установки оружия Исчезнувших, которое опять пригодилось атакующим, присматривать пути к возможному отступлению, разведывать, в какой точке сопротивление защитников слабее всего, и предупредить пиратов о неожиданных вылазках попавших в западную лабровендцев.

В те минуты, когда его жизни не грозила непосредственная опасность, Желтый Голос связывался с Хозяином. Орогастус окружил себя и шестерых телохранителей невидимым защитным экраном, который отражал удары

обыкновенного оружия. Но это мало помогло ему, так как в его задачу входило пробиться сквозь плотную толпу дерущихся бойцов и догнать далеко ушедшего вперед помощника. К тому времени, как Ледавардис со своими рыцарями ворвались на конюшенный двор, находящийся возле западного входа в бастион, Орогастусу удалось всего на двести элсов отойти от разрушенной стены.

Главный, северный, вход в бастион защищала башня, заполненная меткими стрелками, лучниками и множеством аборигенов-ниссомов, стреляющих из трубочек отравленными иглами. Западный вход был не так хорошо укреплен. Именно королю Ледавардису пришла в голову идея прорваться сквозь него.

У западного входа плотной стеной стояли тридцать или сорок обреченных лабровендских рыцарей. Воины горбатого карлика быстро расправились с ними, но вдруг Желтый Голос заметил, что с тыла наступает еще одна группа защитников — человек пятьдесят. Они двигались с южной стороны. Ее вел роскошно одетый аристократ в зеленом камзоле, который с такой силой вращал мечом, что его лезвие казалось поющим серебряным облаком, несущим смерть всякому, кто попадался на пути. Рыцари и солдаты, следующие за своим эффектным командиром, напали на тех рэктамцев, что подобрались к самым дверям, и закипело кровавое сражение, обратившее захватчиков в бегство.

— Великолепный боец в зеленом — кто он? — спросил король Ледавардис у Желтого Голоса.

— Это Ованон, маршал Двух Тронов и ближайший друг Антара, ваше величество. Он — победитель рыцарских турниров, его имя известно во всем мире.

Король обратился к находившимся неподалеку рыцарям:

— Мы должны немедленно что-то предпринять. Он вдохновляет своих воинов отвагой, и они дерутся как львы! Он рубит головы наших парней, словно косит пшеницу! Эй, вы! Все сюда! Давайте пробьемся к нему!

Размахивая мечом, Ледавардис прорвался сквозь строй телохранителей со щитами и бросился вперед. После ми-

нутного замешательства его рыцари и остальные пираты, вновь обретя бесстрашие, ринулись следом.

Наконец-то Желтому Голосу представилась долгожданная возможность. Он наклонился, подобрал свою длинную желтую робу и трусцой побежал к конюшне. Повсюду кипела рукопашная. Вертлявый помощник колдуна ловко перескакивал через тела поверженных воинов и уворачивался от ударов врагов и союзников. Наконец он добежал до большого каменного строения. Туда сползались раненные рэктамцы в поисках укрытия от града стрел, сыпавшихся с башенных укреплений. В глубине конюшни виднелись лошадиные стойла. Возле них валялось несколько трупов. У одного в горле торчал нож. Виновник этого убийства, тоже мертвый, лежал на своей жертве с воткнутым в спину кинжалом. Странно, это был не человек, а низкорослый оддлинг, одетый в прекрасный наряд из коричневой кожи.

Наконец звуки сражения стали стихать за спиной у Голоса. Он подошел к жилищу грумов. Обнаружил небольшую комнатку без окон, в которой можно было запереться. Скользнул внутрь и осторожно закрыл за собой дверь. Прислонившись к толстым бревнам, стал ждать, когда успокоится дико бьющееся сердце и замедлится дыхание. Тогда он поговорит с Хозяином.

В отличие от бедно обставленных помещений конюшни, это место носило следы некоторой роскоши — стол, несколько стульев, кровать с отличными одеялами и камин, в котором еще горели угли, а с рогатины свисал котелок, наполненный дымящейся похлебкой. На столе стояла чистая деревянная миска, лежала ложка; здесь же были краюха хлеба, кружка с пивом и сухие фрукты.

Удивительное везение!

Его изнурительная работа немного затянулась, и голодный, страдающий от жажды Желтый Голос, удовлетворенно вздохнув, решил подкрепиться. Он как раз наливал в миску аппетитно пахнущую похлебку, когда почувствовал, что в спину ему ткнулось что-то острое.

— Стой смирно! — прошипел кто-то.

Голос замер.

— Поставь все на место!

— Я не делаю ничего плохого,— сказал Голос.

Но лезвие дернулось, надорвав кожу на спине, и с криком боли он поставил миску с похлебкой на камин, а половник опустил в котелок.

— Я всего лишь мирный горожанин, который случайно затесался в эту дерущуюся толпу...

— Молчи — или умрешь! И не двигайся! — Тот, кто шипел, отнял лезвие, и Голос почувствовал, как по спине потекла струйка горячей крови.

— Я буду стоять спокойно. Я и не думаю шевелиться.

Жалобные причитания застряли у Голоса в горле, когда он понял, что с его головы срывают капюшон. Краем глаза он увидел возле уха тонкое лезвие. Холодный металл коснулся бритого черепа в том месте, где к нему прижимался теплый металл диадемы. Он понял, что происходит, и сердце его чуть не остановилось.

— Великий Боже, только не талисман! Хозяин! Помогите мне...

Но серебряная диадема уже упала с его головы, перекувырнулась в воздухе и с музыкальным звоном ударилась об пол. Желтый Голос в отчаянии повернулся и с ревом бросился на противника. Но где же он? В полутемной комнате не было ни души, кроме маленькой темной фигурки, едва достававшей ему до пояса. Еще один оддлинг?

Помощник колдуна бросился на крошечное существо. Оно взвизгнуло, но этот визг утонул в душераздирающем вопле самого Голоса. Он ощутил неожиданный холод под ребром. Неужели холод мог причинить такую боль? Он дернулся, пытаясь избавиться от боли, и стал внезапно слеп ко всему окружающему, он видел перед собой только лицо Хозяина.

Глаза, подобные белым прожекторам, сверкали из прорезей серебристой маски. И тогда глаза самого Голоса вспыхнули белым огнем, и он прекратил попытки вытащить холодную иглуковину из своей груди... из груди Орогастуса.

Маленький убийца вырвался от него. Стараясь побороть страшную боль, колдун прислушался. Он услышал

сдавленное дыхание, которое перешло во всхлипывания. Его противник сидел в углу, он в ловушке! Теперь Орогастусу надо всего лишь повернуть голову и посмотреть, кто же этот таинственный вор-убийца. Чуть-чуть повернуть голову, чтобы белые лучи осветили прячущуюся в углу фигурку. Повернуть, пока сознание не погаснет, пока мозг не заполнится кровью. Повернуть, повернуть...

Ослепительно яркие глаза обнаружили цель и, мигнув, погасли. На короткий момент Желтый Голос увидел забившегося в угол принца Толиvara. Потом помощник колдуна упал замертво. В сердце его торчала рубиновая рукоятка маленького меча.

— Я не хотел этого, — сказал принц Толо, когда прошло какое-то время.

Но Желтый Голос не подавал признаков жизни.

Маленький принц встал на ноги и вытер рукавом из золотой парчи нос и наполненные слезами глаза. Он робко взглянул на тело. В складках грязной желтой материи поблескивал рубин. Толо тяжело вздохнул, наклонился, обеими руками взялся за рукоятку и потянул. Меч вышел из тела с поразительной легкостью. Принц вытер лезвие об одежду мертвеца и неверными шагами направился к противоположной стене комнаты.

Диадема закатилась под кровать.

Толо пошарил, поднял ее мечом и, далеко отставив в сторону руку, понес к столу. Потом пододвинул стул, сел и стал смотреть на нее. В самом центре диадемы была лучистая звезда с тремя гротескными масками, которые, казалось, подмигивали ему в неверном свете камина.

Ему потребовалось немало времени, чтобы набраться смелости. Наконец он пошел туда, где был спрятан Звездный Сундук, вынул его из тряпицы, поднес к столу и открыл темную блестящую крышку. Внутри располагались металлические ячейки, а в углу сверкало несколько драгоценных камней.

В свое время Толо прочитал маленькую красную книжечку. Не Черный Голос, а он брал без разрешения эту святыню и изучал ее.

Снова используя меч, он подшепил Трехглавое Чудовище и опустил его в сундук. Последовала ослепительная вспышка. Толо с воплем отпрянул и чуть не свалился со стула. Потом он заглянул внутрь и увидел, что диадема изменилась. Звезда, которая находилась чуть ниже центральной маски, исчезла. Теперь талисман перестал быть собственностью колдуна.

Толо надавил на голубой драгоценный камень.

Он вспыхнул, и раздался мелодичный, нежный звук.

Потом он нажал на красный, желтый и два зеленых камня. Они тоже запели и замерцали. Оставался только один белый камень. Когда он нажал на него, зазвенело сразу несколько нежных колокольчиков, и все камни померкли.

И тут Толо услышал доносившиеся из-за толстой бревенчатой двери крики и лязг мечей. Раньше он не замечал никакого шума. Должно быть, сражение приблизилось. Ралабун взял с мальчика обещание спрятаться в этой комнате до его прихода, но у Толо появилось ощущение, что его друг-ниссом никогда не придет.

— Если волшебство не сработало, — прошептал он самому себе, — я умру, как только прикоснусь к талисману. Но если пираты доберутся до меня, я все равно умру.

И он, дрожа, сунул руку в сундук.

Глава 31

Толо! О, кости Бондануса! Этот щенок не только живехонек, он еще ухитрился нацепить на себя Трехглавое Чудовище!

Остановившись в самом центре столпотворения, среди кланзания оружия, Орогастус смотрел на Толо. Стоял дьявольский грохот, словно лупили по наковальне адские молоты. Телохранители с яростными криками отражали удары атакующих. Сердце Орогастуса сжалось, когда он потерял принца из виду. Теперь трудно будет уследить за ним. Надев талисман, мальчишка спрячется в укромном местечке на конюшне или еще где-нибудь, и никакое колдовство не поможет отыскать его. Чтобы создать защитное поле, со стороны Толо не требовалось никаких усилий.

Но мальчик вряд ли сможет командовать талисманом. Он перепуган до смерти. Нет, скорее всего, Толо просто прихватит с собой Трехглавое Чудовище и Звездный Сундук и затаится — вот мерзавец! — в какой-нибудь норе до окончания битвы.

Орогастусу пришлось смириться с утратой Трехглавого Чудовища. Оставалось утешаться тем, что у Великой Волшебницы с сестрами его тоже не было. Толо ни за что не отдаст талисман, ведь из-за него он пошел на убийство! Как нелепо погиб бедняга Желтый Голос...

Теперь у колдуна не осталось ни одного помощника, и с их гибелью исчезла надежда на создание Совета Звезды и уничтожение Синошура. Но Орогастус все еще владеет Трехвеким Горящим Глазом, сражение ведется успешно, и Харамис оказалась слабым противником, а ведь на это Орогастус не смел даже рассчитывать...

Если он выиграет войну, у него будет время, чтобы придумать, как перехитрить маленького принца и отобрать у него талисман, чтобы завербовать новых сторонников и посвятить их, чтобы научиться мастерски управлять своим талисманом и даже заполучить талисман Харамис или уничтожить ее...

— Хозяин! — Один из тузаменских воинов показывал в сторону западной стены бастиона. — Послушайте, что кричат пираты! Там что-то происходит!

— Сейчас посмотрю. — Колдун приказал талисману показать весь дворцовый двор с высоты.

Он увидел, что захватчики прорвались сквозь главные ворота и расползлись по внутренним дворам. Пиратов мало занимало массивное здание самого бастиона, они устремились к другим дворцовым постройкам, увлеченные грабежом.

Шум доносился только с западной стороны, где делались серьезные попытки прорваться в крепость. Запасные двери были самыми уязвимыми, и там сконцентрировались основные силы защитников. Их атаковали рэктампы, возглавляемые королем Ледавардисом и группой его головорезов. Они отлично сражались! Король...

— Всемогущий Бахкап! О чем думает Ледо? Это не игрушки! Вызвать маршала Ованона на поединок? Безумный юнец! Он наверняка погибнет, и армия пиратов станет неуправляемой!

— Живее! — крикнул Орогастус своим охранникам — Мне нужно забраться на высокую точку, чтобы я мог колдовать.

— У пекарни каменная крыша с парпетом, — сказал телохранитель, — туда не долетают стрелы врага.

Размахивая мечами, тузаменцы бросились к пекарне, нанося удары даже рэкамцам, которые недостаточно быстро убирались с их пути. Внутреннее помещение было усеяно трупами, стонущими ранеными, перевернутыми стульями и столами. Стены были забрызганы кровью. Здесь схватка уже закончилась. Колдун нашел железную лесенку, ведущую на крышу, и проворно вскарабкался по ней, оставив телохранителей дожидаться внизу. С высоты открывался отличный обзор — отчетливо виден был поединок у западной стены крепости.

Коротышка Ледавардис и высокий маршал Ованон наскакивали друг на друга с невиданной энергией, а рыцари враждующих сторон выстроились в кружок и наблюдали за поединком, криками выражая нетерпение. Несмотря на кажущуюся неуклюжесть, юный монарх был силен и ловок, но колдуну было ясно, что он уступает старику в опыте. Ованон теснил короля, заставляя его отступать к строю рэкамцев. В любой момент Ледо мог быть убит.

Орогастус поднял вверх трехвековую рукоятку талисмана. Он ни разу еще не пробовал сделать то, что замыслил сейчас. Если он неправильно даст команду, то может и сам погибнуть. Но рискнуть было необходимо.

— Трехвекий Горящий Глаз, убей Ованона.

Три века на рукоятке раскрылись. Из трех глаз брызнули три луча — белый, зеленый и золотой. Они ударились о доспехи маршала и расползлись по всему защищенному латами телу. Фигура маршала вспыхнула нестерпимо ярким светом, тело окутал мерцающий дым. Меч выпал из его руки, и Ованон рухнул на колени перед остолебеневшим королем Ледавардисом. Пластины покореженных

доспехов покатались по булыжнику вместе с обгорелыми костями.

— Трехвекий Горящий Глаз, сожги эти двери!

Опять рванулись лучи, на этот раз ослепительно белого цвета, и ударились о тяжелые двери из прочного дерева гонды, скрепленного железом. Металл раскалился, а дерево вспыхнуло яростным пламенем. Мгновение спустя двери превратились в фонтан черной золы. Не веря своим глазам, рэктамские воины разинули рты. Но король Ледавардис решительно крикнул: «Вперед!» Его люди тоже заорали и ринулись в образовавшийся проход.

Ликуя, Орогастус развернулся и направил волшебное оружие на центральный вход с северной части крепости.

— Трехвекий Горящий Глаз, теперь сожги эти двери!

Опять метнулась яркая молния, и широкие парадные двери бастиона Зото сгорели, открыв путь орде захватчиков.

— Харамис! — закричал колдун. — Харамис, сдавайся! Я научился убивать! Я уже убил маршала Ованона и убью каждого, кто окажет сопротивление! Прикажи защитникам бастиона сложить оружие! Прикажи королеве Анигели выходить, и пусть она сдается на милость короля Ледавардиса! Если ты слушаешься меня, я сохраню всем в Дероргуиле жизнь! Если откажешься подчиниться, я убью всех! Харамис, сдавайся!

На самом последнем этаже бастиона за окном что-то зашевелилось. Невооруженным глазом Орогастус различил закутанную в белое фигуру. Она сказала:

— Нет.

Дикая ярость захлестнула его. Черт бы ее побрал! Пусть отправляется в ад! Пусть умрет сейчас же!

Он поднял талисман... Потом обзор высветил ее лицо, и колдун закричал. Он не смог дать команду!

Будь она проклята! Будь проклята! Ведь он не любил ее, не мог ее любить! Он ненавидел ее всей душой, всем сердцем, всеми силами! Почему же тогда он чувствует себя привязанным к ней и не может сопротивляться злему року?

— Я избавлюсь от тебя! — вслух простонал он. Он заставил себя не смотреть на ее лицо и сосредоточил все

внимание на тупоконечном волшебном мече. — Трехвекий Горящий Глаз, я... я приказываю тебе предать Харамис... смерти.

Неправильно! Он сделал все не так, как надо, ему не хватило решимости, он позволил себе поддаться эмоциям. Любовь предала его.

Он почувствовал, что его душу сжигает ненависть к самому себе, подобно тому как сжигал все на своем пути триединый волшебный луч. Наконец ослепительный свет рванулся из трех глаз талисмана, добрался до окна и там рассыпался на мириады сверкающих кольцеобразных искорок — так крошится лед, распадаясь на множество искрящихся алмазов. Обтянутые перчатками руки ощутили непереносимый жар. С жутким криком Орогастус выронил талисман, и Трехвекий Глаз упал на каменную крышу к его ногам. Он лежал темный, слепой и неподвижный. Перчатки из серебристой кожи задымили. Колдун судорожными движениями стянул их с проклятиями и отбросил в сторону.

Фигура за окном была цела и невредима. Ему казалось, что она находится всего в двух элсах от него — высокая, прекрасная, с печальным, но решительным лицом.

Тонкая рука сжимала жезл, который назывался Трехкрылым Диском.

— Я должна идти на помощь своим людям, Человек Звезды. Но потом я вернусь, и мы покончим с этим.

Не желая тратить впустую еще не восстановившуюся волшебную энергию, Харамис не стала заниматься телепортацией и побежала со всех ног по лестнице, ведущей на первый этаж бастиона. Она миновала восемь лестничных пролетов. Теперь бой кипел внутри крепости. К тому времени, как она достигла второго этажа, вестибюль уже был заполнен ворвавшимися через прожженные Орогастусом бреши пиратами. Битва была в разгаре. Каменный пол заливала кровь. В зале была такая толчея и сумятица, что воинам едва удавалось замахиваться мечами.

На втором этаже башни рядом с приемным залом находилась хорошо укрепленная комната, у дверей которой

стояла вооруженная до зубов стража. В этой комнате нашли убежище королева Анигель и принцесса Джениль. В данный момент они были в безопасности. Кадия узнала, что Никалон легко ранен. Сейчас она с наследным принцем бежала к лестнице черного хода.

Харамис прошла на балкон для оркестра, который располагался над центральным входом в крепость, надеясь с помощью волшебства перекрыть обе двери. Но как только она создавала баррикаду, колдун, оставшийся снаружи, сжигал ее. Наконец бесплодные усилия так утомили ее, что она отказалась от этой идеи.

— Я не могу сравняться с ним своей волшебной силой, — сказала она себе. — Несмотря на все тренировки, я не такая могущественная колдунья, как он. Мы не в состоянии убить друг друга с помощью магии, но эту войну он наверняка выиграет. Владыки воздуха! Чем все это кончится?

Стоя в тени карниза, она наблюдала за тем, как малочисленное храброе войско лабровендцев пытается остановить пиратов, рвущихся к лестнице, которая вела к тронному залу и к королеве. Лестница находилась напротив центрального входа. Она была самым замечательным местом во дворце: целиком построенная из белого мрамора, внизу в два раза шире, чем наверху, покрытая алым ковром. Ее украшали позолоченные перила и серебряные светильники на столбах. Во время дворцовых торжеств она освещалась тысячами свечей, по ней поднимались роскошно одетые мужчины и женщины. Теперь она напоминала место, где рубили мясо.

Возглавляемые лордом Пенатом, защитники теснились на парадной лестнице. Плотный ряд рыцарей загораживал ее от одного края до другого. Они дрались и выкрикивали яростные команды. Когда одна группа падала, тут же сверху спускалась другая, не менее отважная, и продолжался смертельный бой — за спасение королевы.

«Бедняги, — думала Харамис. — Они все еще надеются, что я смогу прогнать эту озверевшую толпу, а потом подоспеет король Антар, и битва будет выиграна. Но они

обречены... обречены... О Боже! Если бы я могла спокойно поразмыслить!»

Харамис стала прикидывать, какую помощь она может оказать отважным защитникам на парадной лестнице. Она чувствовала себя в состоянии лишь вышибить меч из рук одного или другого пирата. Но защитить всех она не могла. Один за другим рыцари погибали. Наступающие враги сбрасывали их тела и тела своих бывших товарищей через перила. Горы трупов внизу росли.

Справа от лестницы, укывшись в глубокой нише, стоял король Ледавардис. Он был ранен в правую руку и не мог больше орудовать мечом, а лишь наблюдал за сражением. Окруженный вооруженной стражей, он подбадривал своих воинов мощными возгласами:

— Королева! Королева! Она в тронном зале наверху! Половину сокровищ Дероргуилы тому, кто захватит в плен королеву!

Пираты отвечали ему громогласным ревом, и горы трупов продолжали расти. В огромном зале было около девятисот мужчин, и три четверти их были рэктамцами. По команде Пенапата из приемной вышла новая группа лабровендских рыцарей. Они заняли оборонительную позицию.

Харамис коснулась талисмана. Она увидела, что Кадия с Никалоном благополучно добрались до кладовой позади тронов. Антар со своей армией уже приблизился к задним воротам, но теперь их удерживало огромное войско противника. Королю придется обойти крепостные стены по периметру и проникнуть внутрь сквозь брешу, но и там он неизбежно встретится с правым флангом пиратского войска и вынужден будет вступить в бой. Его план помочь защитникам бастиона не осуществится.

— О Боже, нет никакой надежды! — Харамис чуть не заплакала от отчаяния и горя. — У меня нет сил даже на то, чтобы перенести Анигель, Кадю и детей в безопасное место... Ириана! Может быть, ты в состоянии сделать что-нибудь?

Рядом с ней на балконе беззвучно возникло зыбкое облако голубых пузырьков, из его центра выступила вперед

Великая Волшебница Моря. Ириана посмотрела вниз, на адскую суматоху боя, нахмурилась и покачала головой:

— Их так много, и все они ослеплены льющейся кровью. Мы можем опять попробовать создать фантомы, но я сильно сомневаюсь, что они испугают мерзавцев. Я вижу спасение только в одном — в увеличении числа твоих бойцов.

— Король Антар не может проникнуть внутрь крепости с юга. Пираты блокируют задние ворота. Даже если бы у меня нашлись силы перенести короля и нескольких его рыцарей во дворец, вряд ли от этого была бы польза. Но у меня нет сил даже для этого.

— Ну, я-то вообще не умею проделывать такие трюки, — призналась Ириана. — Я умею переносить только саму себя. — Она сжала голубоватые губы и в задумчивости сощурила глаза. — Хм-м-м... Бойцы... Бойцы... Знаешь, милая моя, ведь мы, Великие Волшебники, не всегда были всемогущими, как боги. В давние времена, когда Звезда впервые стала угрожать миру, для его защиты были созданы синдоны Стражники, исполняющие смертный приговор. Они имели право отнимать жизнь у разумных существ, которые упорствовали во зле.

— Но призвать их на помощь может только вся Коллегия Великих Волшебников, — горестно заметила Харамис. — Так говорила мне синдона Учительница из Края Знаний. Древние Великие Волшебники давным-давно спят вечным сном.

Ириана медленно покачала головой:

— Коллегия все еще существует. Чтобы принимать важные решения, достаточно трех ее членов. Тебя, меня и...

— Денби! — воскликнула Харамис, воспарившая духом при этих словах. Опять мелькнула надежда. — Но захочет ли он? — Не дожидаясь ответа Ирианы, она запрокинула голову и пронзительно крикнула: — Денби! Помогите нам! Позвольте нам вызвать синдон!

Ничего не изменилось, и она снова выкрикнула его имя, уже с отчаянием.

— Денби! Великий Волшебник Небес! Таинственный Повелитель Небесного Свода! Ты притворяешься равно-

душным, но я знаю, что ты наблюдаешь за нами! Ты был замешан в это с самого начала, задолго до того, как родились мои сестры и я! Помоги нам! — Она схватила за холодную голубую руку Ирианы. — Мы, твои коллеги, Великие Волшебницы, умоляем тебя, заклинаем именем Триединого!

Ужасная сцена сражения и сопровождавшие ее звуки исчезли. Харамис увидела Три Луны, три круглых золотых лика на фоне мрачного, усыпанного звездами неба. Они были не такими маленькими, какими казались, когда она видела их плывущими высоко в небесах. Наоборот, их гладкие круглые формы заполнили почти все пространство ее внутреннего зрения.

Один из лунных ликов был очень похож на лицо дряхлого старика. Его выпуклый лоб прорезали морщины, словно он был страшно рассержен.

— Денби! — воскликнула Харамис. — Вспомни о своем святом долге! Помоги нам вызвать синдон!

— Я не отвечаю за то, что творится на земле и на море, — раздраженно проговорила луна.

— Но ведь ты тоже Великий Волшебник! — сказала Харамис. — Ты член Коллегии. Мы с Ирианой требуем, чтобы ты вмешался.

— Ох, ну ладно. Если ты ставишь вопрос ребром, может, я и вправду должен помочь... Но, надеюсь, ты понимаешь, что это не является решением проблемы.

Человек-луна и два неодушевленных шара исчезли.

— Посмотри! — радостно вскрикнула Ириана. — Ой, посмотри!

За спинами падающих один за другим защитников на верхних ступенях лестницы появился строй из пятидесяти бледных статуй, словно выточенных из слоновой кости. Они были намного выше людей, их короноподобные шлемы и скрещенные на груди ремни сияли ослепительным светом. Каждая статуя левой рукой прижимала к туловищу золотой череп. По пятеро в ряд, они стали медленно и величаво спускаться по залитой кровью лестнице. Ошеломленные лабровендцы бросились врассыпную, уступая им путь.

Большинство сражавшихся в зале пиратов увидели спускавшихся по ступеням Стражников, несущих смерть, прекратили драться и замерли, с изумлением глядя на странное шествие. На мгновение в зале воцарилась тишина.

— Воины Рэктама. Воины Тузамена. Именем Коллегии Великих Волшебников приказываем вам бросить оружие!

Слова эти были произнесены мягко, почти шепотом, казалось, они не слетели с неподвижных губ синдон, а рождены самим воздухом.

Какое-то время пираты не могли опомниться от удивления и застыли на месте. Вдруг багроволицый тузаменский военачальник, стоявший у подножия лестницы, взмахнул мечом и заорал хриплым голосом:

— Будь я проклят, если сламся этой жалкой горстке голых кукол!

Синдона из первого ряда взглянула на него сверху вниз, подняла руку и направила на храбреца.

Рыцарь исчез в облачке дыма. На том месте, где он стоял мгновение назад, появился гладкий полированный череп: он покрутился и покатился по окровавленным плитам. Стоявшие неподалеку пираты завопили от ужаса.

Но захватчики все еще не поняли, что происходит. Стражники продолжали спускаться по лестнице, и ослепленные ненавистью противники бросились на них в атаку. Они размахивали цепями с крючьями, боевыми топорами и кривыми мечами. Железо отскакивало от гладкой кости статуй, не причиняя им никакого вреда. Головы в шлемах поворачивались, пальцы указывали на жертву. В толпу атакующих посыпался целый каскад полированных белых шаров — голов погибших.

Какой-то умник крикнул:

— Это всего лишь фокус, ребята! Великая Волшебница состряпала новых призраков! Не обращайтесь на них внимания!

Рев облегчения и ярости пронесся по толпе пиратов, и они с новой силой ринулись вперед. Но через несколько минут синдоны ступили в вестибюль и смешались с

наступавшими разбойниками. Они поворачивались в разные стороны, и их несущие смерть персты указывали то на одного, то на другого. Количество белых шаров-черепов множилось, и пираты ломали и крушили их тяжелыми, подбитыми железом сапогами. До них наконец стало доходить, что вокруг погибают их соратники. Многие рэктамцы прекратили сражаться и стали оглядываться в поисках пути к отступлению.

Синдоны были совершенно неуязвимы для людского оружия. Они выполняли порученную им работу, их загадочные блестящие лица оставались невозмутимыми, губы ласково улыбались.

Самые сообразительные из захватчиков, охваченные ужасом, кинулись к дверному проему. Пытаясь остановить их, рэктамские и тузаменские военачальники кричали на все лады:

— Нет, воины! Эти штуковины — всего лишь призраки! Вперед! Ничего не бойтесь! Вперед, к тронному залу! К королеве!

Стоя в нише, горбатый карлик хотел было присоединить свой голос к этим призывным крикам, как вдруг взгляд его упал на женщину в белом, стоявшую на оркестровом балконе, который возвышался над центральным входом во дворец. Это была Великая Волшебница Харамис, и она смотрела прямо на него. Он услышал ее голос так отчетливо, будто она находилась на расстоянии вытянутой руки.

— Король Ледавардис! Статуи, которые ты видишь, называются Стражниками, исполняющими смертный приговор. Это не призраки. Они существуют на самом деле и предают смерти каждого, кто в глубине души замышляет убийство. В этом зале пятьдесят Стражников. В других помещениях дворца их еще больше, и они так же смертельно опасны. Сдавайся или ты умрешь вместе со своими людьми.

Содрогнувшийся от ужаса юный монарх пробормотал:

— Ты лжешь!

Она направила на него свой талисман:

— Посмотри сам.

Его внутреннему зрению открылась страшная картина: сея панику, по всем покоям дворца стройными шеренгами двигались высокие бледные статуи с золотыми черепами, прижатými к туловищам. Они несли с собой смерть.

— Не впадай в панику, Ледо! Я здесь!

В западных дверях появился Орогастус. Его серебряная звездная маска и серебристо-черные одеяния сверкали, он высоко поднимал Трехвекий Горящий Глаз.

— Уничтожь этих кукол! — дико закричал колдуну король. — Убей их, пока паника не охватила все войско!

Но было уже поздно. Захватчики с воплями выбегали из центральных дверей.

— Демоны! Демоны наступают! Скорей к кораблям!

Их ужас заражал остальных, и скоро вся орда устремилась к выходу из дворца.

Орогастус поднял талисман еще выше и выкрикнул команду. Трехцветная молния ударила в одну из синдон, та с оглушительным треском лопнула, куски ее тяжелого туловища посыпались на бегущих пиратов, как крошечные снаряды, и те заорали еще громче, прибавляя ходу.

— Стойте! — уговаривал их Орогастус, его голос грохотал, подобно грому. — Вернитесь, дурачье! Посмотрите — я их убиваю!

И он уничтожил еще одну живую статую.

Когда умерла первая синдона, все остальные повернулись к колдуну и посмотрели на него бесстрашным взглядом. Теперь все они указывали на него смертоносными пальцами, и Харамис невольно вскрикнула, почувствовав, как сильно забилося ее сердце.

Но гибельный дымок так и не появился. Череп Орогастуса в звездной маске оставался на плечах. Он торжествующе заревел и начал взрывать статуи одну за другой. Звуки взрывов не прекращались ни на минуту, и этот оглушительный шум еще больше деморализовал отступавших пиратов.

Наоборот, рыцари Лабровенды во главе с лордом Пеннапатом кинулись вниз по лестнице прямо к королю Ледавардису и окружившим его тридцати телохранителям.

Очутившись в своей нише, как в своеобразной ловушке, пираты оказали бешеное сопротивление.

Оставшиеся в пустеющем зале синдоны, не обращая внимания на своих погибающих собратьев, двинулись к Орогастусу. Харамис вспомнила, что души погибших синдон переселяются в живущих. Колдун уничтожал одного Стражника за другим, взрывы хлопали не переставая, но они продолжали неумолимо надвигаться на него, вытянув вперед руки с золотыми черепами... Орогастус, убивая их, махал талисманом как заведенный. И все-таки некоторые из них приблизились, а из двух открытых дверей появились другие синдоны и тоже пошли на него.

— Ириана! — крикнула Харамис. — Ты можешь поделиться со мной своей силой?

— Да, немножко могу, — ответила Великая Волшебница Моря, — но ее не хватит для полного восстановления.

— Мне нужно немного — только для того, чтобы один раз перебросить себя.

— Давай попробуем.

Голубая Дама взяла в руки голову Харамис, наклонилась и прикоснулась своим лбом к ее лбу. Перед глазами Харамис зажглось голубоватое пламя. В душу и тело влилась энергия.

— Спасибо! А теперь помолись за меня!

С этими словами Харамис сжала свой талисман и исчезла.

— Бедняжка, — пробормотала Ириана, покачивая жемчужными гребнями. — Что она задумала? — Она взглянула наверх, и глаза у нее стали отсутствующими. — Денби! Ты следишь за нами?

Равнодушный небесный свод ответил молчанием.

— Тем хуже для тебя, — сказала Великая Волшебница Моря.

Она приподняла подол и пошла вдоль перил балкона к западной стороне огромного вестибюля, где Орогастус все еще взрывал синдон одну за другой. Отсюда будет гораздо лучше видна последняя битва.

Кладовая позади тронов была предназначена для хранения величайших сокровищ королей. Кроме того, в этой комнатке монархи могли отдохнуть во время утомительных дворцовых церемоний. Она была практически неприступна, но очень тесна из-за сундуков с драгоценностями. Туда вела всего одна дверь. В ней было так холодно, что никто не смог бы оставаться там долгое время.

Когда двери дворца распахнулись, лорд Пенапат привел сюда Анигель, Джениль и старую Имму. Сама королева никогда не выбрала бы это место в качестве убежища. Анигель понимала, что не может сражаться, но было безумием сидеть здесь взаперти, не зная, что творится снаружи.

Она страшно обрадовалась, когда маленькая дверь открылась и в комнатку вошли Кадия с Никалоном. Имму быстро осмотрела мальчика и объявила, что он жив-здоров — отделался несколькими царапинами. Ему было очень стыдно, что тете Кадии пришлось спасать его.

Кадия красноречиво описала сестре, как ей удалось стать невидимой с помощью амулета и как она незаметно для всех подобрала наследного принца среди развалин служебных построек. Не желая лишать Анигель и других надежды, Кадия умолчала о том, что вся территория за бастионом усеяна сотнями врагов. Но самой Даме Священных Очей было ясно, что королю Антару с его подкреплением ни за что не удастся прорваться ко дворцу через задние ворота с их мощными укреплениями.

И если Харамис не совершит чуда, всем им, прячущимся в кладовой, скоро придется выбирать между капитуляцией и медленной смертью от голода и жажды.

Они уселись и стали ждать. Кадия устроилась возле двери с обнаженным для схватки мечом, а остальные, закутавшись в тяжелые праздничные одежды королей, чтобы немного согреться, сгрудились поплотнее друг к другу.

— Не могу выразить, как я благодарна тебе за то, что ты вернула мне Ники, — сказала Анигель Кадии. — В эти

ужасные минуты единственное утешение — знать, что хотя бы двое детей спасены.

— Этот дурак Толо тоже наверняка в безопасности, — с отвращением проговорила принцесса Джениль.

— Не будем говорить о нем со злобой, — энергично возразила королева, но глаза ее внезапно затуманились при мысли о младшем сыне. — Толо слишком мал, чтобы понять, какой ужасный поступок он совершил. Если он вернется ко мне, я прижму его к сердцу и от всей души прощу. И вы должны сделать то же самое.

— Он даже не будет наказан? — Ники был возмущен.

— Нет, — сказала королева.

Наследный принц что-то забубнил, а принцесса Джениль начала возражать ему, говоря с сочувствием о жалкой судьбе, которая ожидает Толо, оказавшегося в лапах отвратительного колдуна. Дети пререкались до тех пор, пока Имму не приказала им замолчать и подумать о более приятных вещах.

— О каких еще приятных вещах? — спросила маленькая принцесса. — Ничего хорошего уже не будет.

— Конечно, будет! — заворчала Имму. — Глупышка!

— Пираты схватят нас, и мне... все-таки придется выйти замуж за горбатого карлика!

— Нет, милая, не бойся. Пока еще есть надежда. Все не так плохо, как кажется. Ах, когда мы сражались за рувендийскую крепость, все было гораздо хуже! Тогда положение было совсем безнадежным. И все-таки мы победили, и в Рувенде впервые после ледникового периода зацвели Черные Триллиумы.

— Я помню. — Королева Анигель пыталась улыбнуться. Но упоминание о Леднике заставило ее задрожать.

— Да, такой грандиозной битвы Рувенда никогда не видела, — произнесла Кадия. — Другой такой битвы не помнит весь мир. В ней сражались и люди, и народ, и скрипки, и злые колдовские силы, и добрые... даже Три Луны содрогались от этой битвы.

— Но Три Лепестка Животворящего Триллиума принесли победу, — сказала Имму принцу и принцессе. — Ва-

ша мама, тетя Кадия и тетя Харамис выиграли сражение и победили в войне, несмотря на то что положение казалось безвыходным.

— Расскажи нам опять всю историю с самого начала,— попросила Джениль, плотнее закутываясь в королевскую мантию.

Имму так и сделала. Она рассказала о том, как Великая Волшебница Бина, появившаяся именно в то время, когда рождались три принцессы, помогла родам окончиться благополучно, как девушки росли, как отправились на поиски своего призвания и как нашли волшебные талисманы.

Старая Имму уже переходила к рассказу о спасении Рувенды, как вдруг дверь кладовой открылась и вошла Великая Волшебница Харамис.

— Сестры... пойдете со мной.

Кадия вскочила на ноги, ее лицо просияло.

— Хари? Хорошие новости?

— Опусть свой меч, Кадия. Для битвы, которая нам предстоит, тебе понадобится другое оружие.

Великая Волшебница была бледна, как синдона. Ее закутанная в накидку фигура излучала радужное сияние. Воздух вокруг нее подрагивал. Она выглядела непривычно, в ней было что-то пугающее.

Королева Анигель испуганно вскрикнула:

— Значит, мы не выиграли сражение?

— Пиратская армия со всех ног несется к пристани,— сказала Харамис.— Король Антар со своими людьми преследует беглецов. Ледавардис, король Рэктама, пленен и находится под охраной лорда Пенапата и его рыцарей...

Ники и Джен закричали от радости.

— ...но сражение еще не закончилось. Остается Орогастус. Я вызвала синдон, и они атакуют его. Но он успешно справляется с ними, уничтожая одну за другой. Пришло время и нам сразиться с ним. Пойдемте со мной! Амулеты будут вашим единственным оружием.

Кадия отстегнула перевязь с мечом. Королева поспешно скинула с себя тяжелую меховую мантию. Они побе-

жали через пустой тронный зал, миновали приемную и выскочили в холл, из которого вниз вела широкая мраморная лестница.

— О, великий Боже! — вздохнула королева.

Кадия утратила дар речи — такая странная и ужасная картина открылась их взору. Огромное помещение в сто двадцать элсов в длину и почти столько же в ширину было заполнено дымом. Среди старинных знамен, висящих на стенах, тускло горели светильники. Повсюду были нагромождены мертвые тела, а между ними, подобно упавшим с невидимого дерева белым фруктам, перепачканным чем-то красным, валялись сотни человеческих черепов.

В западной части вестибюля, недалеко от парадной лестницы, ежеминутно вспыхивал ослепительный свет и раздавались взрывы. Кадия и Анигель видели стоящие плечом к плечу высокие призрачные фигуры синдон. Их было сто, а может, и меньше. Колдун явно находился среди них, хотя его не было видно.

Харамис подняла талисман, в центре которого мерцал янтарный цветок.

— Встаньте поближе ко мне, — приказала она сестрам. — Возьмите в руки Черные Триллиумы. Забудьте о страхе, о безнадежности, об унынии — обо всем, что когда-то омрачало нашу любовь. Целиком отдайтесь друг другу и мне. Верьте... и делайте то, что я покажу.

Кадия и Анигель встали по обе стороны от Харамис в самом центре лестничного проема. Мрак и дым внезапно растаяли, и огромное помещение стало наполняться слабым светом. Они отчетливо увидели Орогастуса. Он был одет в звездный наряд, а в руке сжимал Трехвекий Горящий Глаз, держась за тупое темное лезвие. Он так крепко стиснул его, что лезвие вонзилось в его плоть, и по рукам струилась кровь. Веки на рукоятке талисмана были приоткрыты, три сверкающих глаза испускали лучи — зеленый, золотой и белый, и каждый пульсирующий пучок света уничтожал одну из синдон, которая с оглушительным треском исчезала в ослепительной вспышке.

Весь пол вокруг колдуна был покрыт обломками статуй. Оставшиеся синдоны стояли, образовав вокруг Оро-

гастуса кольцо в три ряда. Они не двигались и казались беспомощными. Каждая держала в вытянутых вперед руках золотой череп. Колдун бешено крутился во все стороны, взрывая их одну за другой.

Королева и Дама Священных Очей внезапно почувствовали, что плывут, хотя знали наверняка, что продолжают стоять на твердой широкой ступени лестницы. Они нависли над Орогастусом вместе с Харамис и смотрели на него сверху.

Он поднял голову и увидел их. Его полускрытое маской лицо было окаймлено множеством лучей звезды. Губы разомкнулись, и он выкрикнул одно-единственное слово:

— Харамис!

— Я здесь. Мы здесь. Мы должны покончить с этим.

Орогастус направил на них Трехвекий Горящий Глаз, готовый дать команду уничтожить сестер. Но он колебался, вспоминая свою предыдущую попытку, когда талисман не справился с этой задачей и ему пришлось отбросить в сторону волшебное оружие. Если и сейчас он выпустит его из рук, синдоны немедленно набросятся на него и сомнут своими тяжелыми телами.

Хватит ли у него сил убить ее на этот раз? Тогда он не смог как следует сосредоточиться, ему помешала его проклятая любовь к ней. Но теперь кто-то из них обязательно должен умереть...

Неужели умереть суждено ему?

Обжигающий душу ужас захлестнул его. Нет! Она не убьет его! Она сделает хуже: она отправит его пожизненно в Каменный Мешок, к кипящему центру земли. Синношур утянет его туда, как когда-то утянул в Кимилон, и он до последнего вздоха будет обречен на полное одиночество.

— Нет! — крикнул он. — У тебя ничего не получится!

Высоко подняв талисман, он освободил сознание от ненужных мыслей и сформулировал команду.

Великая Волшебница сказала:

— Кадия, Анигель, теперь вы должны слиться со мной, передать мне всю силу своей любви, чтобы мы смогли об-

ратить тот удар, который он обрушит на нас, против него самого.

Им показалось, что рукоятка Трехвекого Горящего Глаза увеличилась до гигантских размеров, скрыв собой Человека Звезды. Три женщины увидели карий человеческий глаз, золотой глаз Народа и серебристо-голубой глаз Исчезнувших. Эти глаза на мгновение остановили на сестрах пронизательный взгляд, потом медленно превратились в золотые луны, затем — в черные шары со светящейся золотой короной и, наконец, расцветая и распускаясь, — в черный как ночь Триллиум. В золотой сердцевине цветка стоял мужчина, вокруг него черными лепестками расположились три женщины.

— Харамис! Ты не сделаешь этого! Ты не погубишь свою любовь!

Мужчина держал темный меч. Из его глаз струился яркий звездный свет. Он произнес отчетливо:

— Уничтожь всех троих. Предай смерти Черный Триллиум.

И волшебные поля столкнулись.

Из сердца цветка, где теперь сияла звезда, вырвался стремительный светоносный вихрь. Прежде чем он закружил их, они увидели, что сам цветок распался на три части: золотую, зеленую и белую. В центре каждой части сияла звезда. Их окружил ревуший ослепительный свет. Казалось, что они летят кувырком, словно сорванные бурей листья, а вокруг них бушевал вихрь трехцветных искр.

Великая Волшебница Моря говорила:

— Любовь не только позволена, она необходима.

Великий Волшебник Небес говорил:

— Но она причинит массу хлопот.

Вдруг над ними появился какой-то предмет. Это был иссиня-черный шестиугольник. Они взмыли вверх и, паря в пространстве, наконец ударились в него, после чего он начал расти и достиг невероятных размеров. Оглушительный рев бури стал непереносим.

Великая Волшебница Земли сказала:

— Не бойся!

— Но я очень боюсь! Так боюсь...

Тишина оглушила Кадью, Анигель и Харамис.

Они вновь оказались плечом к плечу на широкой ступени лестницы.

Харамис стояла между сестрами, низко склонив голову. Руки ее бессильно свисали вдоль тела. Янтарный талисман на груди вздрагивал в унисон с гулко бьющимся сердцем.

Амулеты сестер светились и пульсировали.

Они не погибли.

Кадия глубоко вздохнула. Вместе с Анигелью она спустилась по лестнице, осторожно обходя человеческие останки — трагические следы завершившейся битвы. Они шли к оставшимся в живых синдонам. Их было около двух дюжин. Статуи по-прежнему стояли полукругом, держа золотые черепа в вытянутых вперед руках и мрачно улыбаясь.

Внутри образованного ими круга не было ничего, кроме лежавшего на полу Трехвекого Горящего Глаза.

— Это был мой талисман, — пробормотала Кадия. — Потом он принадлежал ему. Чей он теперь?

Но Стражники не отвечали. На глазах у сестер их тела стали зыбкими, как туман, и наконец бесследно исчезли.

— Думаю, колдун спрятал Звездный Сундук где-то неподалеку, — сказала Анигель. — Если нам удастся найти его, ты опять сможешь пользоваться своим талисманом.

— Я не совсем уверена, что я этого хочу, — проговорила Дама Священных Очей.

Глаза Анигели наполнились влагой — возможно, из-за едкого дыма, который по-прежнему наполнял помещение.

— А я уверена, что не хочу пользоваться своим.

Они оглянулись на Харамис, но ее не было. В огромном зале не было ни единой живой души.

— Давай выйдем на свежий воздух, — взяв сестру за руку, предложила Кадия.

Они вместе прошли через западную дверь во дворцовый двор и обнаружили, что ярко светит солнце и воздух стал очень теплым и душистым. Толпа израненных, окровавленных рыцарей и солдат приветствовала женщин радостными криками. Лорд Пеналат воскликнул:

— Все враги обратились в позорное бегство — кроме одного!

И толпа расступилась, открывая их взорам рэктамского короля Ледавардиса, сидящего на высокой каменной плите.

Он встал, слабо улыбнулся, отвесил низкий поклон и произнес:

— Горбатый карлик приносит глубочайшие извинения королеве Анигели и Даме Священных Очей и сдается на их милость.

— Ты хорошо обращался с моими пленными детьми, — сказала Анигель. — Я отплачу тебе добром. Ты можешь покинуть мою страну.

— И... это все? — изумленно посмотрел на нее Ледавардис.

Королева кивнула, а потом обратилась к Пенапату:

— Возьми своих людей, отведите рэктамского короля на корабль и проследите за его отплытием.

Раздался глухой ропот, но потом воины заулыбались, и группа рыцарей с королем Ледавардисом направилась к северным воротам. Казалось, Анигель не замечает ни лежащих повсюду мертвецов, ни крови, ни развалин дероргуильского дворца. Как во сне, она подняла голову к голубому небу, по которому плыли редкие белые облачка. Это было небо сухого сезона, и с моря веял теплый ветерок. Наконец она заговорила:

— Кадии... мне кажется, равновесие мира восстановлено.

— Может быть, ты и права. Будем молиться, чтобы так и было. Истину знает только Харамис, а пока нужно подождать ее и помолиться.

— Да. Должно быть, она очень устала.

Кадия выпрямилась:

— У нас много работы. Мы должны позаботиться о раненых, раздобыть еды и питья для доблестных победителей. Я пойду на верхние этажи бастиона, соберу придворных дам и кого-нибудь из прислуги. Тогда мы сможем...

Она осеклась. Послышался звук трубы и хор радостных голосов. Громко застучали лошадиные копыта.

— Антар! — вскрикнула королева. — Антар!

Вместе с сестрой они бросились к главным воротам и увидели, как во двор въезжает король Антар, а за ним — его вооруженная свита. За спиной правителя Лабровенды приютилась маленькая фигурка, которую Анигель сначала приняла за Джегана или Шики. Но двое верных аборигенов скакали позади Антара на собственных конях. Они приветственно махали руками.

— Кого он везет? — крикнула Анигель сестре.

Не в силах дышать от волнения, она остановилась как вкопанная. Король заметил ее, пришпорил коня и галопом помчался к ней. Наконец королева разглядела таинственного человечка, сидящего за спиной Антара, и разрыдалась от счастья.

— Мое дитя! О, слава Богу! Толо! О, мои дорогие, вы оба живы!

Улыбающийся король натянул поводья, выбрался из седла и обнял жену.

Кадия стояла, подбоченившись, и строго смотрела на принца Толиvara.

— Ну что ж, наверное, тебе есть что рассказать нам, юное создание?

Когда она снимала Толо с лошади, мальчик пожал плечами:

— Во время землетрясения я сбежал от колдуна. Папа нашел меня. Это было похоже на чудо.

— Наших волшебных сил хватило на то, чтобы выстоять, — сказала сыну королева. — Осмелюсь заметить, что и ты выстоял.

— Да, мама, — ответил принц Толивар.

Она наклонилась и поцеловала его, а потом отец поднял его на руки, и они медленно пошли к бастiónу Зото под яркими лучами солнца.

Харамис поднималась по ступенькам. На всех верхних этажах из кладовок и чуланов выползали те, кто не принимал участия в сражении. Выходя на свет, они шурились, как подземные жители. Великая Волшебница некоторое время пробыла на третьем этаже, сообщая всем, кого встречала, что война закончилась победой. Потом она попросила отвести ее в тихое место, где она могла бы отдохнуть. Пожилая придворная дама отвела ее в свою комнату, говоря, что Великая Волшебница окажет ей честь. Поблагодарив фрейлину, Харамис закрыла дверь и заперла ее на засов.

Комната была небольшой, после землетрясения в ней царил полный беспорядок. Из окна дул легкий теплый ветерок, постель была мягкой и сухой. Харамис знала, что теперь она сможет уснуть.

Она сняла туфли, расстегнула одежду и приготовилась лечь. Вдруг она вздрогнула и выпрямилась: она поняла, что опять не до конца разделалась со своими обязанностями. Она должна убедиться... убедиться, что он находится в заточении.

В последний раз за этот длинный-длинный день она взялась за талисман:

— Покажи мне Каменный Мешок.

Появилось призрачное изображение. Трудно было что-то разглядеть. Постепенно Харамис осознала, что ее внутреннему зрению предстало хаотическое нагромождение огромных каменных глыб. Когда она поняла смысл увиденного, у нее не было сил плакать.

Конечно, в этом виновато землетрясение. Глубокий колодец под землей в Краю Знаний обрушился во время страшных толчков, похоронив находившуюся на дне пещеру и Синошур под обломками скальных пород.

— Где... где Орогастус?

Он ушел дорогой Исчезнувших. В этом мире его больше нет.

Она, не раздумывая, отправила Орогастуса в эту каменную камеру смертников, и теперь он мертв.

Ириана знала об этом? Ах да, ведь она не вмешивается в земные дела! Даже если Голубая Дама и знала о том, что Каменный Мешок уничтожен, она не обязана была сообщать об этом! Колдун погиб, но принципы Великих Волшебников остались незыблемыми.

— Все кончено,— прошептала Харамис,— жаль, что он так испугался в самом конце... Кто мог подумать, что он испугается?

Наконец она закрыла глаза и погрузилась в сон.

Эпилог

Когда Орогастус очнулся, вокруг него было темно, как ночью. Каждый мускул, каждая косточка тела разламывались от боли.

Голова покоилась на мягкой подушке. Удивившись, он ощупал укрывавшие его одеяла. Пальцы прикоснулись к теплому шелку. В полумраке колдун различил какой-то странный предмет продолговатой формы. Но ведь в ужасном Каменном Мешке не может быть окон...

Он приподнялся, соскользнул со своего ложа и обнаружил, что совершенно гол. Только с шеи свисал на цепочке старенький медальон звезды. Продолговатый предмет оказался на самом деле окном, задернутым занавесками. Когда он раздвинул их, у него перехватило дыхание.

Звезды. Он никогда не видел на небе такого количества звезд. Они не подмигивали белыми огоньками, а светили ровно, всеми цветами радуги. Среди самых ярких струились реки слабо мерцающих созвездий. Знал ли он эти созвездия? Да. Но он никогда не видел их торжественного движения.

— Значит, я все-таки умер.

Он в изумлении вернулся назад и опустился на маленький стул. Сияющие звезды озарили комнату серебряным светом. Он увидел разложенную на стуле одежду и облачился в нее не раздумывая.

Ему показалось, что в изножье постели находится небольшая дверь. Он бросился к ней и внезапно споткнулся о какой-то предмет, лежащий на полу.

Черный шестиугольник.

Орогастуса страшно замутило. Он покачнулся и чуть не упал. Одной рукой ухватившись за спинку кровати, другой взявшись за медальон со звездой, он подождал, пока пройдет тошнота и головокружение. Потом опустил-ся на колени и поднял черный предмет. Он был плоский, в половину элса шириной и сделан из черного металла. Великий Синошур.

Сжав его в руке, Орогастус открыл дверь.

За ней находился уютный, заставленный книжными шкафами кабинет. Старый-престарый человек с темным лицом оторвался от чтения и выжидающе приподнял бровь.

— Кто ты? — прошептал Орогастус. — И почему... — Он протянул руку, сжимающую Синошур.

— Эта вещица тебе не понадобится, — сказал старик. — Брось ее в угол. Теперь иди сюда и садись. — Он указал на пыльный сервант. — Если хочешь, выпей чего-нибудь. Не обращай внимания на мои плохие манеры. У меня не-часто бывают гости. Вообще-то ты первый — за очень, очень долгое время. Но мне все-таки пришлось вмешать-ся! — Он хитро усмехнулся. — Очень странно. Да и вооб-ще все это очень странно.

Он вернулся к своей книге, будто в комнате никого, кроме него, не было.

Над сервантом находилось еще одно окно, в которое тоже заглядывали звезды. Но, кроме них, в небе плавало что-то вроде половинки луны, окрашенной в ярко-голу-бое и белое. В немом изумлении, ничего не понимая, Оро-гастус долго смотрел в окно.

— Скоро ты привыкнешь к этому пейзажу, — сказал Денби Варкур. — Этот вид — лучшее, что есть в моем доме.

Содержание

Предисловие	8
<i>Перевод М. Ишкова</i>	
ЧЕРНЫЙ ТРИЛЛИУМ	13
<i>Перевод М. Ишкова</i>	
КРОВАВЫЙ ТРИЛЛИУМ	617
<i>Перевод Е. Чупровой</i>	

Литературно-художественное издание

**Андрэ Нортон
Мэрион Зиммер Брэдли
Джулиан Май**

**ЧЕРНЫЙ ТРИЛЛИУМ
КРОВАВЫЙ ТРИЛЛИУМ**

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Н. Романецкий*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *С. Жуков*
Корректоры *Е. Николаева, Н. Тюрина*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *Стива Юлла*

Оригинал-макет подготовлен издательством «Валери СПб»
191002, Санкт-Петербург, а/я 24. Тел./факс (812) 316-68-24

ООО «Издательство «Эксмо».
107078, Москва, Орликов пер., д. 6.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00*

*Книга — почтой: Книжный клуб «Эксмо»
101000, Москва, а/я 333, E-mail: bookclub@eksmo.ru*

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
Многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Малкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1.
Тел./факс: (095) 932-74-71

*Книжный магазин издательства «Эксмо»
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»)
Тел. 194-97-86.*

*Северо-Западная Компания представляет
весь ассортимент книг издательства «Эксмо».
Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е
Тел. отдела рекламы (812) 265-44-80/81/82/83.*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 03.09.2002.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 55,44.

Тираж 10 000 экз. Заказ 4949.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Андрэ
НОРТОН

A. Norton

Мэрион Зиммер
БРЭДЛИ

M. Bradley

Джулиан
МЭЙ

J. May